А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

II

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

II

С.-Петербург
Контраст
2013

А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — СПб.: Контраст, 2013. Вып. 2. — 880 с.

ISBN 978-5-4380-0032-7

Второй выпуск сборника «А. А. Фет: Материалы и исследования» включает несколько разделов, призванных представить творчество великого русского поэта и мыслителя в неизвестных или малоизвестных аспектах. В первых двух разделах («Статьи» и «Сообщения») представлены исследования по рифме Фета, текстологии и жанровым особенностям творческого наследия поэта, ряд материалов посвящен малоизученным фактам его биографии. Во втором разделе продолжена публикация писем к Фету друга детства и близкого родственника — И. П. Борисова, впервые представлена переписка Фета с поэтом и философом Вл. Соловьевым, с академиком Л. Н. Майковым, публикуются последние письма старшего брата Л. Н. Толстого Николая к Фету и И. П. Борисову, а также письма известного филолога-классика Ю. А. Кулаковского. Немалый интерес представляет переписка Фета с одним из ведущих деятелей крестьянской реформы Н. П. Семеновым, в которой поэт предстает в качестве яркого публициста. Особое внимание уделено описанию сохранившихся архивных материалов (списков неосуществленного Полного собрания стихотворений поэта). Две публикации посвящены отношениям поэта с П. И. Чайковским, в архиве которого обнаружилось двадцать два автографа стихотворений Фета. Вводимый в научный оборот многообразный и значимый материал существенно расширит представление читателей о закономерностях литературно-общественного процесса второй половины XIX столетия. Сборник предназначен для широкого круга читателей и любителей русской истории и литературы.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

ISBN 978-5-4380-0032-7

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый читателям второй выпуск сборника из серии «А. А. Фет: Материалы и исследования» (первый вышел в 2010 году) посвящен, как и предыдущий, мало или совсем неисследованным проблемам творческой биографии А. А. Фета. Как и предшествующий выпуск, он тесно связан с подготовкой очередных томов Собрания сочинений и писем в 20 томах, которое выпускается в настоящее время Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, при участии исследователей из Москвы, Орла, Курска, Великого Новгорода, Саратова и других городов России. Принципиально важным для себя составители и редакторы серийного сборника считают публикацию архивных материалов, которые должны стать доступными не только фетоведам, но и ученым разных специальностей — литературоведам, историкам, краеведам, лингвистам. Наследие Фета очень многообразно по составу. Помимо собственно художественного творчества, поэт оставил яркое публицистическое наследие, множество переводов (в особенности римских авторов), богатые фактическим материалом мемуары. Все это так или иначе запечатлелось в его письмах, необычайно интересных как по форме, так и по содержанию.

Из переписки Фета в настоящем сборнике представлены письма к поэту за 1862–1865 годы И. П. Борисова (публ. И. А. Кузьминой), приятеля детства и верного друга до конца дней (начало публикации в первом выпуске сборника). Безусловный интерес представляют несколько сохранившихся писем к Фету старшего брата Льва Николаевича Толстого Николая (публ. А. Г. Гродецкой), рано умершего, но оставившего заметный след в судьбе многих современников. Печатающиеся в настоящем издании письма к Фету киевского ученого-классика Ю. А. Кулаковского (публ. С. А. Ипатовой) приоткрывают обстоятельства титанического труда Фета по переводу римских поэтов, в котором ему помогал целый ряд специалистов по древнему миру, в том числе и Кулаковский. Большую ценность для истории литературы представляет впервые собранная вместе и прокомментированная Г. В. Петровой переписка Фета с его младшим собратом по перу, поэтом и философом Вл. С. Соловьевым. Наряду с Н. Н. Страховым и Я. П. Полонским Соловьев стал ближайшим помощником Фета в редактировании и подготовке к печати последних поэтических сборников «Вечерние огни», а также соавтором-переводчиком «Энеиды» Вергилия и интересным собеседником по самым разным вопросам. Эпизодическая переписка Фета с редактором «Журнала Министерства народного просвещения» академиком Л. Н. Майковым (публ. А. Г. Гродецкой) помогает восстановить важный эпизод сотрудничества поэта с указанным журналом.

Наконец, ключевое место в понимании общественно-политической позиции Фета, выразившейся в целом ряде его публицистических выступлений, занимает его переписка с видным деятелем Крестьянской реформы 1861 года Н. П. Семеновым (публ. Н. П. Генераловой). Эта публикация приурочена к 190-летию со дня рождения видного государственного и общественного деятеля, брата известного ученого П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Среди представленных в сборнике исследований отметим фундаментальную статью П. А. Ковалева, посвященную рифме Фета, а также статьи И. А. Кузьминой и Е. Н. Ашихминой, которые содержат разыскания по орловскому окружению Фета, зафиксированному на страницах его мемуаров. Многие из орловских знакомых стали адресатами его поэтических посланий. В ходе работы над комментированием книги воспоминаний «Ранние годы моей жизни» немало интересных открытий сделано Е. П. Дерябиной, исследованию фольклорных истоков творчества поэта посвящено сообщение Т. Г. Фирсовой. В связи с подготовкой 5-го тома Собрания сочинений и писем Фета, вобравшего в себя «Вечерние огни» и поздние стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники, свои наблюдения над текстологией Фета представила Н. П. Генералова.

Настоящим подарком для членов редколлегии сборника стало знакомство с сотрудниками Дома-музея П. И. Чайковского в Клину А. Г. Айнбиндер, предложившей статью о мировоззрении великого композитора, и П. Е. Вайдман, поделившейся настоящим научным открытием — сохранившейся в музее тетрадкой стихотворений Фета, подаренной поэтом композитору после их единственной встречи в Воробьевке.

В сборник вошли материалы конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Фета, которая проходила в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 17–18 ноября 2010 года. Наконец, чрезвычайно полезным для всех интересующихся творчеством поэта является обзор, завершающий сборник: исчерпывающее описание сохранившихся списков Полного собрания стихотворений, подготовленного самим Фетом, но осуществленного уже после его смерти (публ. В. А. Лукиной).

Редколлегия благодарит архивохранилища, предоставившие свои материалы для публикации в настоящем сборнике: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин), Музей-усадьбу П. П. Семенова-Тян-Шанского «Рязанка» (Липецкая область) и его заведующего А. А. Богданова, а также Государственный Литературный музей (Москва). Особая благодарность сотрудникам Рукописного отдела, Литературного музея и Библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, неизменно оказывавшим неоценимую помощь в подготовке материалов к печати, а также Отделу книжных фондов Государственного Литературного музея (Москва) и лично его заведующему А. Ю. Бабосову.

СТАТЬИ

П. А. Ковалев

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ФЕТА

Статья первая

РИФМА: ФОНИКА, ГРАММАТИКА, СЕМАНТИКА

Рифма, выступающая в стихе в качестве эвфонического и вместе с тем семантического феномена, играет весьма существенную роль в формировании поэтического дискурса, который определяется современной наукой как «одно из условий формирования смысла поэтического текста и трансляции художественных канонов».[1] С одной стороны, расположение рифменных созвучий в тексте определяет его композиционные особенности, с другой — сугубо позиционные факторы в рифме приобретают статус содержательных, задавая тот или иной архитектонический профиль произведения и выявляя дополнительные смысловые акценты, с третьей стороны — сам факт появления фонетического урегулирования, когда «метаграмматические связи между языковыми единицами становятся регулярными, системными и сущностными»,[2] создает феномен рифменного мышления, область актуализированных форм и значений, очень часто выходящих за пределы собственно языкового сознания и обладающих определенной «формульностью».[3]

---

[1] *Маслова Ж. Н.* Поэтический дискурс // Функциональная лингвистика. Симферополь, 2010. Т. 2. С. 61.

[2] *Токарев Г. Н.* Слово в контексте стихотворной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1983. С. 9.

[3] «Когда все синтаксические связи ориентированы на конец стиха, то особенную важность приобретает последнее слово <…> отбор конечных слов в стихе

Семантические и структурные особенности рифмы во многом обусловлены ее специфическими функциями в поэтическом тексте. Рифменное созвучие маркирует отдельные фрагменты стиха, выделяя их в самостоятельные строки, и в то же время служит важнейшим средством соединения стиховых рядов в строфы. Таким образом, рифма одновременно выполняет и функцию дифференциации, и функцию интеграции. Подобная функциональная амбивалентность связана, видимо, с самой сущностью феномена рифмы, который заключается в том, что компоненты созвучий объединены фонетическим и/или графическим сходством при обязательном семантическом расподоблении. Именно это имел в виду Р. О. Якобсон, когда в своей программной статье «Лингвистика и поэтика» выделял комбинацию и селекцию в качестве смыслообразующих осей языкового знака.[4]

При определенных условиях рифменные механизмы могут становиться своеобразным субститутом синтаксических норм, формируя особенный тип рифменного мышления и порядок следования слов в строке: «Ограничения, которые рифма накладывает на сочетания стихов, в чем-то сродни синтаксическому согласованию, ограничения, которые накладывает альтернанс, — в чем-то сродни управлению. Но строфы, составные части которых связаны между собой синтагматически, находятся с соседними строфами в отношениях парадигматических: это взаимозаменимые варианты одного ритмического инварианта».[5]

Рифменное мышление — это не только отбор определенных звуковых форм, но и «особый лексикон» (Ю. С. Степанов), выстроенный в вертикальной смысловой зависимости: «Семантическое пространство рифмы существует как процесс мотивации в виде обмена смыслами рифмующихся слов. Семантическая нагрузка сближения двух лексических единиц в определенной степени зависит от расположения рифм в строках <…>».[6]

определяется по большей части требованиями рифмы: он в 5 раз строже, чем внутри стиха — наиболее употребительны те созвучия, на которых пересекается больше парадигм словоизменения <…> А каждая из таких частей речи, появляясь в конце строки в соответственном падеже, тянет за собой синтаксические конструкции, распространяющиеся на весь стих» (*Гаспаров М. Л.* Лингвистика стиха // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1994. Т. 53. № 6. С. 30).

[4] *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Р. О. Якобсон. Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М., 1975. С. 204.

[5] *Шапир М. И.* Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М., 2000. Кн. 1. С. 63.

[6] *Монгилева Н. В.* Семантическое пространство поэтического дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. С. 56–57.

При этом совершенно очевидно, что все сказанное выше имеет не только институциональный, но и персональный дискурсивный статус. Рифменная стратегия поэтов столь существенно изменяется от периода к периоду, что позволяет выделять поколенческий дискурс русской поэзии, например, начала, середины и конца XIX века. Изучению этого феномена и посвящены первые статьи данной серии, мыслящиеся автором как начало нового этапа осмысления русской рифмы и как продолжение традиций отечественного фетоведения.

1

Рифменный дискурс А. А. Фета складывается из сложной системы соответствий. Прежде всего, в нем явственно прослеживаются черты пушкинского периода, когда заканчивался процесс становления «точной рифмы в классическом стихе».[7] С другой стороны, в поэтической технике Фета отчетливо проявляется тенденция изменения функциональности рифмы, сокращения арсенала ее форм и упрощения строфической стратификации. Наконец, нельзя не упомянуть и о глобальной перестройке, которой подвергся собственно лексикон русской рифмы, существенно обновившийся вместе с языком в середине XIX столетия.[8]

Эстетика точного созвучия, привитая русской поэзии А. Д. Кантемиром и доведенная А. С. Пушкиным и его соратниками до совершенства,[9] в поздней лирике Фета проявляется даже отчетливее, чем в ранней. По данным М. Л. Гаспарова, количество точных рифм у Фета за двадцатилетие с 1843 по 1863 составляет 88%, а с 1881 по 1891 — 91,5%.[10] При этом отступления от фонетической и графической точности

---

[7] *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. 2-е изд. М., 1982. С. 346.

[8] «…Вновь образованные в 1830–1870 гг. русские слова составляют сами по себе обширное собрание. Их не единицы, а сотни и тысячи» (*Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-х годов XIX века. М.; Л., 1965. С. 23–24).

[9] «Набирает новые силы школа точной рифмовки (наиболее яркий представитель ее — Баратынский), на новой основе “воскресает” принцип рифмовки функционально-значимой, но вместе с тем индивидуальной, поскольку поэты — зрелый Пушкин (ранняя его поэзия — ярчайший образец типологической функционально-значимой рифмовки), Рылеев, Языков, Кюхельбекер и др. — создают хотя и близкие, но различные системы индивидуально-выразительной функционально-значимой рифмовки» (*Западов В. А.* Функции цитат в художественной системе «Горя от ума» // А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л., 1977. С. 70).

[10] См. Таблицу № 2 *Приложения*.

сосредотачиваются в области женской приблизительной рифмы: на ее долю в лирике Фета приходится 8,1% по первому периоду и почти вдвое меньше — 4,6% от числа всех женских созвучий — по второму периоду. Расподобления в области мужских рифм, напротив, немного увеличиваются в количественном отношении от 2% до 3,5%, в основном за счет мужских открытых неточных созвучий с «внутренним» йотом наподобие «любви-твои», воспринимавшихся как «романтическая вольность».[11]

Излюбленный рифменный модуль фетовской лирики — точное неглубокое созвучие, создающее разнообразный семантический профиль за счет отступления от традиции рифмования грамматически однородных форм: доля рифм типа ГГ (глагол+глагол), СС (существительное+существительное (односклоняемые)), ПП (прилагательное+прилагательное), ММ (местоимение+местоимение) у Фета почти такая же, как и у Пушкина, а вот грамматически неоднородных больше — среди мужских 38% (против 29% у Пушкина), среди женских — 71% (против 65% у Пушкина).[12] А это означает, что рифма у Фета развивается вширь, гетероморфно, захватывая все бóльшие пласты русской лексики.[13] «Деграмматизация рифмы, — отмечал Д. Самойлов, — означает изменение ее функции в стихе, увеличение ее ассоциативной силы и, в конечном счете, расширение сферы рифменного мышления, исторически возникшего в русской поэзии».[14] Но процесс этот, понятный для специалистов, не ощущался как однозначный ни современниками, ни даже самим Фетом, на ощупь искавшим формы для воплощения артистической теории, руководствуясь которой поэт «признает себя созданным не для житейского волнения, но для молитв, сладких звуков и вдохновения».[15]

О том, что к эстетике созвучий Афанасий Афанасьевич относился по-особенному, говорят и многочисленные свидетельства современни-

---

[11] Мужские так называемые «влажные» рифмы (М. Ю. Лермонтов) с йотом перед ударным гласным в одном из рифмокомпонентов («люблю-мою», «любви́-мои́» и т. д.) долгое время не ощущались как неточные в связи с неопределенностью статуса «и краткого» (см.: *Грот Я. К.* Русское правописание. 11-е изд. СПб., 1894. С. 5–6).

[12] См. Таблицу № 1 *Приложения*.

[13] По данным М. Л. Гаспарова, в рифме Фета происходит падение концентрации рифменных гнезд (*Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 6).

[14] *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. С. 15.

[15] *Дружинин А. В.* Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // Дружинин А. В. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1865. Т. 7. С. 214.

ков, и его собственное творчество, в котором рифмы именуются «пахучими», «светлыми»,[16] «благовонными»,[17] метафорически описываются как «хлопушка рифм», «горячка рифм», «рифм череда», «игривое созвучие сонета», «рифмы взаимных лобзаний», которые можно «призывать», «в ряд нанизывать» и т. д., и т. п. Не случайно, в одном из ранних стихотворений, включенном в почти лишенный рифменной архитектоники цикл «Вечера и ночи»,[18] Фет дважды упоминает слово «рифма» в разных, но сопредельных значениях:[19]

Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны…
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине;
Много и рифм у меня, много размеров живых…
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою уст, с вольным размером любви.[20]

Перифрастически выделенное из «многих рифм» описание «взаимных лобзаний с нежной цезурою уст, с вольным размером любви» может означать не только любовный извод античной элегии, отмеченный высоким слогом и особым способом «поэтического видения мира»,[21] но

---

[16] См. стихотворение «Мы нравимся уездам и столицам…», в котором благодаря повтору поэтической формулы «Я рифмою, вы светлой красотой…» возможен и такой семантический перенос значений.

[17] См. механизм именования в стихотворении «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури…»:

И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю!

[18] В журнальной публикации (*ОЗ.* 1842. № 5) цикл состоял из десяти нерифмованных стихотворений и одного с неполной рифмовкой («Вдали огонек за рекою…»). По мнению М. Л. Гаспарова, «известное стихотворение Фета <…> кажется нам зарифмованным AbAb XcXc. . . с резким переходом от полной рифмовки к неполной; в действительности же перед нами ровная рифмовка XaXa XbXb. . ., ибо *рекоЮ — удалоЕ* для Фета — никоим образом не рифма» (*Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы. С. 8).

[19] По аналогии с лирикой Пушкина, в которой «слово „рифма“ („рифмы“) <…> выступает в качестве синонима слов „поэзия“ и „стихи“» (*Сидяков Л. С.* Наблюдения над словоупотреблением Пушкина // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 129).

[20] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 85.

[21] *Успенская А. В.* Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб., 2005. С. 149.

и собственно краесогласие[22] совершенно в духе знаменитого пушкинского стихотворения «Рифма», в котором была предпринята парадоксальная попытка «вписать рифму в мифологическую историю античной литературы».[23]

Под влиянием дискуссий начала XIX столетия о происхождении и сущности рифмованного стиха[24] Фет, очевидно, и определил свою особую позицию, которую позже сформулировал в статье 1867 года: «Когда возбужденная, переполненная глубокими впечатлениями душа ищет высказаться, и обычное человеческое слово коснеет, она невольно прибегает к языку богов и поет. В подобном случае не только самый акт пения, но и самый его строй рифм не зависят от произвола художника, а являются в силу необходимости».[25]

Показательно в этом отношении, что в одном из писем к великому князю Константину Константиновичу (К. Р.) Фет признавался: «Я бы лгал, собираясь положительно указывать пути возникновения стихотворений, так как не я их разыскиваю, а они сами попадают под ноги, в виде образа, целого случайного стиха или даже простой рифмы, около которой, как около зародыша, распухает целое стихотворение».[26] Еще точнее это понимание генезиса рифменного мышления выражено поэтом в стихотворении 1875 года «Что ты, голубчик, задумчив сидишь…». Словно бы иллюстрируя мысль о непредсказуемости лирических интенций, он использует довольно своеобразный тип неполной рифмовки в катренах:

«Что ты, голубчик, задумчив сидишь,	а
Слышишь — не слышишь, глядишь — не глядишь?	а
Утро давно, а в глазах у тебя,	x
Я посмотрю, и не день и не ночь».	x

---

[22] «Краесогла́сие — название рифмы в старой русской поэтике 16–18 вв. (до реформы Тредиаковского — Ломоносова)» (*Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 141).

[23] См.: *Хитрова Д.* Стихотворение Пушкина «Рифма, звучная подруга...»: генеалогия и семантика лирического нарратива // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 81.

[24] В этой дискуссии принимали участие практически все известные литераторы и критики: начиная с В. А. Жуковского, А. Х. Востокова и А. С. Пушкина и заканчивая С. П. Шевыревым и В. Г. Белинским.

[25] Ср.: *Фет А. А.* Два письма о значении древних языков в нашем воспитании // *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 282.

[26] *Фет/К. Р.* С. 693; п. от 23 июня 1888 г.

Точно случилось жемчужную нить	b
Подле меня тебе врозь уронить.	b
Чудную песню я слышал во сне,	x (c)
Несколько слов до яву мне прожгло.	x
Эти слова-то ищу я опять	d
Все, как звучали они, подобрать.	d
Верно, ах! верно, сказала б ты мне,	x (c)
В чем этот голос меня укорял.[27]	x[28]

Любопытно объяснение, которым Фет сопроводил этот «эмбрион прекрасного стихотворения» (по выражению Л. Н. Толстого): «…в посланном вам стихотворении сделал, что хотел. / Я хотел набросать эскиз, и потому 2 вторых стиха в куплетах не рифмованы».[29] Лирический герой Фета, максимально приближенный к автору, словно не находит нужных для оформления полноценной рифменной структуры слов: они как бы сами собой возникают и пропадают в его смутном сознании.[30] Отсюда и появление авторифмы,[31] объединяющей распространенным в поэзии Фета типом мужского открытого точного созвучия (сущ. + местоим.) третьи строки 2-й и 3-й строф: «Чудную песню я слышал во сне…» и «Верно, ах! верно, сказала б ты мне…».[32] В самом факте

---

[27] *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступит. ст. Н. Н. Страхова, Б. В. Никольского. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1912. Т. 1. С. 330. Далее сокращенно: *Фет. ПССт1912.*

[28] x — холостая, нерифмованная строка.

[29] *ЛН.* Т. 37–38. С. 215; п. от 8 марта 1875 г.

[30] «Сон для поэта — это особая реальность, место, которое существует независимо от земного пространства, образуя новый мир человеческой жизни <…> Сон представляется временем, где реализуется вся потенциальность духа: всё понимать, всё уметь сказать, всё осуществить, жить одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, встречать усопших, испытывать к ним те же чувства, что и при жизни» (*Сафонова Т. В.* Оппозиция жизнь/смерть в творчестве А. А. Фета: Дисс. … канд. филол. наук. Курск, 2008. С. 133).

[31] «Авторифма — случайная рифма; созвучие слов, непреднамеренно вставленное автором в текст или литературное произведение и не влияющее на его художественную ценность и восприятие. Авторифма присуща как разговорной речи, так и литературной прозе и поэзии. В стихах с привычной конечной рифмой авторифма может быть только в начале или внутри строки» (*Онуфриев В. В.* Словарь разновидностей рифмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rifma.com.ru/SLRZ-01.htm). В. П. Москвин определяет ее как «немотивированную парономазию» (см.: *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации: Терминологический словарь. 2-е изд., существенно перераб. и доп. М., 2006. С. 308).

[32] Значимость совпадения этих позиций в тексте доказывается самим фактом композиционной близости этих строк, образующих на границе неполноценных строф

такого спонтанного рифменного говорения можно видеть потаенные механизмы прозаизации стиха, характерные для середины XIX века и называемые М. Л. Гаспаровым «культом незаметной рифмы».

Следует отметить, что оформление новой эстетики в области эвфонии, когда фонетическое и семантическое напряжение равномерно распространяется на всю строку, а не фокусируется только в рифменной области, является причиной того, что лексический репертуар рифм Фета содержит сравнительно небольшое количество экзотических слов[33] и макаронизмов. Число последних ограничивается французскими и немецкими формами, которые редко согласуются между собой: adore — взор, cache-cache — подашь — наш, Jahn — обуян, Paley — цели, Plessy — беси — подноси, Rivoli — земли, warte — марте, water — mater.[34] Исключение составляет только латинское словосочетание «nec tamen», использованное Фетом в шуточном послании Ф. Е. Коршу:

Тебе доверясь, как отцу,
И смело выйдя на экзамен,
Мы передвинули к концу
Стихи до Quod si от Nec tamen…[35]

Написанное в феврале 1887 года, в период окончания работы по переводу Секста Проперция,[36] стихотворение содержит в себе прямые указания на путаницу в одном из заграничных изданий этого римского элегика и возникшую из-за этого переводческую трансформацию. Факт немаловажный в контексте той щепетильности, с которой поэт относился к точности своих переводов: «…когда Фету предстоял выбор между внешним совершенством русского стиха и его буквальной верностью подлиннику, он ни минуты не колебался в пользу последней.

новое рифменное единство (ввcxddcx) — семантически и синтаксически целостное описание непостижимой ойнирической реальности и недостижимого художественного идеала. Именно потому у читателей и возникало ощущение незаконченности и отсутствия четкой рифменной стратегии. Показательно и то, что модель с неполной рифмовкой aaxx в лирике Фета больше не встречается.

[33] Об этом подробнее см. в статье второй о поэтизмах в лирике Фета.

[34] См.: Словарь рифм А. А. Фета / Сост. и предисл. Д. В. Дмитриева // Литературоведческий журнал. 2012. № 30. С. 220.

[35] *Фет. ПССт1912.* Т. 1. С. 424.

[36] По мнению некоторых современных исследователей, «датировать перевод „Элегий“ Проперция правильнее всего будет периодом 1883–1887 гг.» (см.: *Пяткова Н. С.* А. А. Фет — переводчик Секста Проперция: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Томск, 2010. С. 3).

В связи с этим он старался в переводе удержать каждый стих на соответствующем подлиннику месте, чтобы нумерация стихов оригинала и перевода совпадали».[37]

Появление в рифме иноязычного элемента выполняет не только стилистическую, но и информативную функцию: упоминание 16-й элегии из книги III Проперция отсылает читателя к фетовскому переводу, выполненному элегическим дистихом, в котором, с помощью издания Ф. А. Пэли, упомянутого в поэтическом постскриптуме — Paley, переводческая ошибка исправлена. Особенно это важно в контексте дискуссии о рифмованных переводах Горация, в которой как переводчик Фет признал свое поражение: признать-то признал, но как истинный экспериментатор не смог пройти мимо возможности «проверить» латынь на совместимость с русской рифмой, на что никак не мог решиться его ученый корреспондент профессор Ф. Е. Корш.[38]

В целом на долю макаронических рифм в поэзии Фета приходится меньше 0,09% от числа всех рифмокомпонентов,[39] и используются они в основном в шуточных стихотворениях, как, например, в поэтическом послании И. С. Тургеневу:

Тебя искал мой стих по всем концам земли,
И вот тебя настиг он в Rue de Rivoli.
Не знать, куда писать, меня ужасно бесит:
Затем-то затвердил я номер 210.[40]

---

[37] *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Публичная Библиотека СССР имени В. И. Ленина. М., 1928. Сб. 1. С. 37. В «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского это определяется как принцип эквилинеарности — «соблюдения в переводном стихотворении или поэме порядка строф и количества строк соответственно их порядку и количеству в оригинале» (*Квятковский А. П.* Поэтический словарь. С. 349).

[38] В этом отношении Фет идет по стопам Пушкина, который мог позволить себе рифмовать латынь с русскими словами, да и то делал это нарочито, как в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный…», или с откровенной иронией, как в «Евгении Онегине». По данным «Онегинской энциклопедии»: «…бытовое употребление латыни ограничивалось в пушкинское время несколькими простыми словами» (*Сорочан А. Ю., Строганов М. В.* Латынь // Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 2004. Т. 2. С. 22).

[39] Для сравнения: макаронических рифм у Пушкина почти в три раза больше. См.: *Шапир М. И.* Рифма [Статья для «Онегинской энциклопедии»] // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М., 2009. С. 94.

[40] *Фет. ПССт1912.* Т. 1. С. 418. Стихотворение помещено в рубрику «Стихотворения на случай».

Каламбурная ориентация текста проявляется в обыгрывании конкретного парижского адреса и порядкового номера дома,[41] и особенно — в приеме включения этикетной формы в поэтическое произведение:[42]

…Дело в том,
Чтоб, озабоченный бездельем иль делами,
Ты не забыл писать мне прозой иль стихами:
Ты знаешь, как мне мил и дорог твой привет.
Жена приветствует тебя и твой
А. Фет.[43]

Использованное в качестве подписи личное имя,[44] по законам ономастики включающее имена, отчества и фамилии, Фет выводит в рифму еще в нескольких стихотворениях, которые носят юмористический характер:

Наш шеф — владыка полусвета,	1.13.1
И наша гордость всем ясна.	1.111.0
Блестящей прядью винтишкета	1.13.1
Семья улан закреплена…	1.13.0
И к ней исполнена привета,	1.13.1
Как кубок, искристый до дна,	1.13.0
Везде душа улана Фета	1.111.1
И отставного Шеншина.[45]	3.3.0[46]

Использование обеих фамилий является здесь особой художественной установкой, актуализирущей рифменные цепи стереотипного 4-стопного

---

[41] Это один из первых в русской поэзии случаев использования цифровых символов в рифменном созвучии. В издании 1912 г. на их месте использованы буквенные.

[42] С учетом названия мы имеем практически полный набор элементов почтового отправления: И. С. Тургеневу, Rue de Rivoli 210, А. Фет. Традиция рифмованного письма восходит к позднему Средневековью: «В Германии первая обширная коллекция писем на немецком языке — писем рифмованных — относится к эпохе миннезингеров» (*Брокгауз Ф. А.*, *Ефрон И. А*. Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. 40. С. 922).

[43] *Фет. ПССт1912.* Т. 1. С. 420.

[44] В этом же ряду стоят послания к П. И. Борисову («Милый Петя! Вот и мы!…») и Ф. Е. Коршу («Больному классику чтоб дать ответ российский…»).

[45] *Фет. ПССт1912.* Т. 1. С. 438.

[46] Обозначение междударных интервалов цифровой схемой осуществляется следующим образом: цифра перед первой точкой — анакруза, после последней — клаузула, сами точки — первое и последнее ударения в строке, цифры внутри — количество безударных слогов между ударными, так, ряд — 3.3.0 — обозначает пиррихий на 1-й и 3-й стопе при мужской клаузуле, внутренний ряд — .13. — обозначает, что кроме первого и последнего ударений в строке есть еще один ударный слог между интервалами 1 и 3 и т. д.

ямба с перекрестной рифмовкой AbAbAbAb. Ритм корреспондирующих строк с женскими и мужскими рифмами (принципиально точными и небогатыми) в начале и особенно — в конце восьмистишия намеренно расподобляется, подчеркивая обозначенную рифмой антитезу антиномичной ритмической каденцией: полноударная предпоследняя строка (ЯЯЯЯ) резко контрастирует с последней, осложненной двумя пиррихиями (ПЯПЯ[47]).

Этот же самый прием, только с позиционной перестановкой фамилий, из которых в рифму попадает лишь «Шеншин», использован Фетом в шуточном послании к Ф. Е. Коршу от 11 января 1887 года:

Смущаюсь я не раз один:	*ЯЯЯЯ*
Как мне писать в делах текущих?	*ЯЯЯЯ*
Я между плачущих Шеншин	*ЯЯПЯ*
И Фет я только средь поющих.[48]	*ЯЯЯЯ*

Показательно, что в этом же стихотворении имя английского филолога-классика, упомянутое метонимически («Шлю за обещанным мне Paley»), также выносится в рифменную область, образуя макароническое созвучие: цели — Paley.

Еще насыщеннее антропонимами рифменный строй другого шуточного послания, не включенного в прижизненные издания поэта:

Амур — начальник Гименея,
А Гименей без водки пас,
Вот отчего я не краснея
Решаюсь беспокоить вас.

Податель сей бежит к Гимену,
А вы Амур! уж так и быть,
Велите за простую цену
Покрепче водки отпустить.

Вам труд не будет безвозмездный
О нет! котлеты посочней
У нас тебе Амур уездный
Подаст наш повар Гименей.

И тарантасик ваш походный
Узнав по тысяче примет,
Вот он заступник всенародный,
Воскликнет Афанасий Фет.[49]

---

[47] Я — полноценная стопа ямба, П — стопа с пиррихием.

[48] *Фет. ПССт1912.* Т. 1. С. 423.

[49] Приведенный по оригиналу письма Фета текст стихотворения датируется 1860 г. и цитируется по: *Кузьмина И. А.* П. Н. Цуриков — адресат стихотворного послания А. А. Фета // *РЛ.* 2007. № 4. С. 123.

Вызывающее прямые ассоциации с пушкинской сказкой «Амур и Гименей», откуда взяты не только характеры,[50] но и рифменные стратегии, это стихотворение представляет собой довольно любопытный пример авторского метаописания, включающего упоминание имени и фамилии автора (по аналогии со знаменитым пушкинским восклицанием — «Ай да Пушкин!»), а также обладающего определенным пародийным потенциалом. Возможно, что на такую маркировку коды стихотворения повлияла работа над переводами Гафиза по книге Г.-Д. Даумера, в ходе которой Фет произвольно или непроизвольно воспроизводил прием тахалусса,[51] например, в стихотворениях «Книгу мудрую берешь ты…», «Гафиз убит. А что его убило…» и т. д. Насыщенное переосмысленными в бурлескном стиле мифологическими именами, частью выведенными в рифму,[52] это стихотворение обладает и довольно показательным интертекстуальным индексом. Так, строка «Узнав по тысяче примет…» напрямую восходит к пушкинскому стихотворению «Признание» и образует целый ряд сложных коннотаций:

Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей…[53]

2

Следует отметить, что антропонимы и топонимы в рифменном репертуаре Фета занимают довольно значительное место — 1,14% от числа

---

[50] Это поэтическое письмо было адресовано земскому исправнику Павлу Николаевичу Цурикову, ловеласу и поставщику конфискованной «градусной» (см.: Там же. С. 126).

[51] «Тахаллу́с — в литературах Ближнего и Среднего Востока псевдоним, литературное имя, избранное писателем или данное ему его учителем, покровителем и др. В большинстве случаев тахаллус подчеркивает высокие достоинства писателя, его талант. Таковы тахаллусы Фирдоуси („райский“), Дакики („утонченный“), Саади („счастливый“). Иногда тахаллус является прозвищем поэта: Хафиз („хранитель“, „знающий наизусть Коран“), Хайям („палаточник“) и др. С развитием газели тахаллус становится одним из ее формальных признаков: упоминание тахаллуса в последнем бейте считается обязательным» (Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1972. Т. 7. Стб. 415. Статья Н. Б. Кондыревой).

[52] В рифменной структуре каждого катрена оказываются словоформы «Гименею», «Гимен», «Гименей», а в последнем — по контрасту — Фет.

[53] *Пушкин А. С.* Признание («Я вас люблю, — хоть я бешусь...») // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 28.

всех рифмокомпонентов.[54] Среди них выделяется группа греческих и латинских именований (более половины[55]): теонимы — Авгиас (Авгий), Аврора, Аид, Амальтея (Амалфея), Амур, Аполлон, Аретуза, Ариадна, Афина, Беллерофонт, Бито́н, Геба, Гера, Геркулес, Гименей (Гимен), Зевес, Леда, Мемнон, Меркурий, Одиссей, Оры (Горы), Паллада, Пегас, Прияп (Приап), Рея, Семела, Тантал, Тизифона (Тисифона), Титан, Тразон, Тритон, Ураниды, Феб, Филлида, Филомела, Хирон, Церера, Эндимион, Эрот, Эскулап; имена исторических лиц — Анакреон, Аристипп, Дифил, Назон, Нерон, Помпей, Сабина, Солон, Ювенал (Юний); топонимы — Аппенины, Арго́с,[56] Афины, Геликон, Евфрат, Ипокрена, Колизей, Крит, Митилены, Рим, Эсквилин и др. Большая их часть сосредоточена в шуточных и сатирических произведениях, из которых, несомненно, выделяется послание Ф. Е. Коршу от 29 ноября 1884 года,[57] иллюстрирующее все отмеченные ранее тенденции рифменной стратегии:

Больному классику чтоб дать ответ российский,
Я избираю стих и лист александрийский;
Не думаю, меж тем, об оном я листе,
Чтоб облегчился ты без рези в животе.
Что ж делать! Такова российска Аретуза, *греч.*
Что пить из ней нельзя без содроганья пуза.

---

[54] См. Таблицу № 4 *Приложения*.

[55] Для сравнения: русских рифмокомпонентов (Акулина, Алексей, Алина, Антип и др.) всего 27%, английских, французских, немецких, испанских, итальянских соответственно — 1,7%, 4,0%, 2,8%, 0,6%, 1,7%.

[56] Переакцентуация этого греческого топонима (А́ргос — Ἄργος) в стихотворении «Крез» носит чисто технический характер для образования созвучия со словоформой «вопросе» и придает названию этого древнейшего города Европы немотивированное сюжетом легендарного разговора Креза и Солона опрощение. Отсюда же и переакцентуация греческого имени Би́тон (Βίτων). См.: Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустонского, Ф. Зелинского. СПб., 1883. Вып. 1. С. 298.

[57] Названное «Ф. Е. Коршу в ответ на эпическое послание», это стихотворение посвящено обсуждению проблем с цензурой в период работы Фета над переводом сатир Ювенала. Корреспондент отвечал на него не менее язвительными строчками:

Но в чем же дела суть? Ужели Ювенала
Цензура ярая так сильно окорнала?
О, если бы был жив покойник Ювенал,
То верно бы еще сатиру написал
На эту пошлую и чопорную дуру,
Просвирню старую, Российскую цензуру.

См.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 41.

О, что бы провещал ученейший Хирон,	*греч.*
Когда б на наших муз взглянул хоть мельком он,	
У коих цензоры, благочестивы люди,	
Обгрызли ногти все и вырезали груди,	
Как режут эвнухов, что вывел Ювенал,	*лат.*
Хотя Гелиодор давно их окорнал.	
И так и следует: зачем писать антично?	
У наших цензоров узнал бы, что прилично!	
Ведь не подумают античные глупцы,	
Что могут русские обидеться скопцы.[58]	
Не должно смешивать двух разных направлений,	
Иначе стать в тупик народный может гений;	
И, мню я, самым тем ты простудил свой нос,	
Что, переплывши Тибр, ты вышел на мороз.	
Так вредны крайности, когда сойдутся ссорясь!	
О rus! О глупости! О tempora, o mores!	*макароническая рифма*
Но как бы строгая ни выкликала Русь,	*др.-русск.*
Тибулла покупать я к Кунду поплетусь.	
Знать, старость слабая так распускает слюни:	
Scribendi cacoethes tenet, сказал мой Юний.	*лат.*
Пора и кончить мне. Будь здрав, прими привет.	
Хоть подпишу Шеншин, а все же выйдет —	*тахаллус*
Фет.[59]	*подпись*

Комментаторы этого стихотворения уже отмечали здесь влияние Пушкина, поместившего эпиграф из Горация «О rus!» с шуточным переводом «О Русь!» во второй главе «Евгения Онегина»,[60] но упустили из виду то обстоятельство, что Фет намеренно не выводит этот сам собою напрашивающийся каламбур в рифменную область,[61] а, напротив, усложняет иноязычный план стихотворения, нагнетая греческие и римские имена[62] в текст с отчетливым стилевым диссонансом, усиливая афористический арсенал как за счет принудительно введенного в рифменные отношения знаменитого цицероновского восклицания («О tempora, o mores!»), так и за счет составленного им самим на основе 7-й ювеналовой сатиры выражения «scribendi cacoethes tenet» (букв.:

---

[58] Намек на цензурное сокращение трех строк, посвященных скопцам, из 6-й сатиры Ювенала в переводе Фета. Очевидно, именно эта глупость цензоров и послужила импульсом к написанию стихотворения.

[59] *ПССт1959*. С. 531.

[60] Там же. С. 817.

[61] Для этого есть все основания в следующей строке.

[62] Чего стоит хотя бы использованное дважды в рифме именование римского сатирика — Ювенал, Юний.

к письму пагубная болезнь держит), несколько насильственно ритмизованного под 6-стопный ямб александрийского образца (с цезурой после 3-й стопы и парной рифмовкой строк) и семантически расширенного довольно близкой к оригиналу разговорно-сниженной преамбулой — «Знать, старость слабая так распускает слюни».[63]

Рифменная стратегия этого послания полностью подчинена контрасту высокого и низкого стилей на уровне строк и даже полустиший: российский-александрийский,[64] листе-в животе, Аретуза[65]-пуза, Хирон[66]-он, люди-груди, Ювенал-окорнал и т. д. Не случайно поэтому, что из 7 парных женских рифм одна — приблизительная (morEs-ссорЯсь), одна — йотированная (слюни-ЮниЙ), тогда как все 7 мужских — точные. Последняя строка стихотворения разбита на две неравные части за счет использования приема авторской маркировки текста[67] и этикетной формы адресации.[68]

3

Некоторая часть антологических рифмокомпонентов сосредоточена в ранней романтической поэме Фета «Сабина», относящейся к разряду

---

[63] В оригинале у Ювенала строчки классического гексаметра:

Nam si discedas, laqueo tenet ambitiosi
(Consuetudo mali, tenet insanabile multos)
Scibendi cacother et aegro in corde senescit, —

переведенные Фетом с максимальной точностью и тщательностью:

Ибо при отступлении зло честолюбия петлей
Держит тебя; премногих держит неизлечимый
Недуг писанья и все стареет в болезненном сердце.

См.: *Ювенал Д. Юний*. Сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1885. С. 124.

[64] Александрийским листом называли «листья различных видов кассии, из семейства бобовых, употребляемые как слабительное» (Новый словотолкователь: В 3 т., в одной кн. / Сост.: Карташев и Бельский; Под ред. Лучинского. 8-е изд. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1887–1888. Т. 1. С. 68).

[65] Аретуза — «нифма, которую Диана превратила в источник, чтобы избавить ее от преследований ее любовника» (Там же. С. 143).

[66] Хирон — «в древнегреческой мифологии кентавр, сын Кроноса и океаниды Филиры <…> в отличие от других кентавров, выделялся мудростью и благожелательностью и является воспитателем героев <…>» (Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М., 1992. Т. 2. С. 593).

[67] См. выше — тахаллус.

[68] См. выше — послание И. С. Тургеневу от 20 апреля 1864 г.

так называемой «легкой поэзии».[69] Опубликованная в 1859 году в журнале «Русское слово» и включенная в издание 1863 года К. Т. Солдатенкова, эта поэма не была оценена по достоинству критикой. Тридцать лет спустя один из не слишком благожелательных к Фету критиков писал: «Всем нашим выдающимся поэтам, начиная с Пушкина и Лермонтова, область эпоса была доступна в той же мере, как и область чистого лиризма. Некрасов написал „Кому на Руси жить хорошо“, г. Майков — „Три смерти“ и „Клермонтский собор“, г. Полонский — „Кузнечика-музыканта“. В четырех томах оригинальных стихотворений г. Фета мы можем найти лишь две небольшие поэмы („Сабина“ и „Студент“), отделенные одна от другой промежутком в несколько десятилетий и не выдерживающие сравнения не только с лучшими, но и с менее замечательными лирическими пьесами того же автора».[70]

Современные исследователи отмечают в целом пародийную основу жанра поэмы в творчестве Фета: «…творческая полемика Фета практически охватывает все основные направления развития жанра поэмы в середине XIX века: собственно романтическую поэму с принципиальной идеализацией предмета изображения; историческую поэму, основанную на принципе героизации изображаемого, и социально-исторически ориентированную „повесть в стихах“. Таким образом, высвечивается еще один аспект поэм Фета. Дело в том, что ирония у него связана не только с полемическим характером поэм. Тем более невозможно свести их и к простой „шутке“, которой „требовал“ от Фета Чернышевский. „Шутливость“, действительно, мало „удается“ поэту, но только потому, что далеко „нешуточной“ казалась ему трагедия отчужденности человека от идеала, трагедия, которая мыслилась Фетом не сводимой к нравственно-психологической и социально-исторической проблематике, свойственной поэме, трагедия, полноценное обнаружение которой для Фета

---

[69] «Известное родство можно усмотреть между поэмой об Амуре и Психее (Душеньке) и начавшими появляться тогда поэмами на мифологический сюжет, уводившими читателя в баснословную древность, прославлявшими естественные человеческие чувства, любовь. <…> „Душенька“ стала первым образцом „легкой поэзии“ в большой форме — „легкой поэмы“. В этом заключалось и жанровое своеобразие поэмы Богдановича и ее историко-литературное значение» (*Соколов А. Н.* Из истории «легкой поэзии» (от «Душеньки» к «Катиньке») // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 320–321).

[70] *Арсеньев К. К.* Литературный юбилей (А. А. Фет «Вечерние огни») // *ВЕ*. 1889. № 3. С. 251.

возможно только в лирике. Здесь, на наш взгляд, и лежат истоки „полемичности“ и „пародийности“ поэм Фета».[71]

Комментаторы усматривают в анахронизмах и именных трансформациях Фета определенную традицию,[72] но все же, на наш взгляд, нельзя согласиться с уравниванием рифменного строя четырех поэм, написанных октавами 5-стопного ямба, с «Сабиной», выполненной графически невыделенными четверостишиями 4-стопного ямба: «Избранная <…> автором форма „пушкинской“ октавы с ее изначальным „ироническим“ отношением к предмету изображения как нельзя лучше соответствовала „скрытому“, в чем-то „пародийному“, замыслу Фета. Причем отметим, что ирония, которая придает поэмам Фета полемический характер, пронизывает образный строй всех поэм. Хотя одна из них — „Сабина“ — написана не октавами, думается, нет достаточных оснований отделять ее от прочих. <…> Здесь Фет использует не литературный, а исторический сюжет, но при этом „Сабину“ вряд ли можно отнести к разряду исторических поэм. Для Фета историческая тема никогда не была актуальна настолько, чтобы становиться предметом творческого переживания».[73]

Сравнительный анализ всех пяти поэм позволяет говорить о том, что рифменный строй октав Фета, составленный с нарушением альтернанса,[74] автоматически выдвигает на первый план в «Талисмане» и «Студенте» мужскую рифму за счет строфической формулы aBaBaBcc,[75]

---

[71] См. комментарий Г. В. Петровой в: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 511.

[72] Если замена времени правления Тиберия (14–37 гг. н. э.), к которому относится история, изложенная Иосифом Флавием, временем Нерона (54–68 гг. н. э.) может быть объяснима исключительным вниманием к парадоксальной личности императора-злодея, то изменение имени главной героини Павлина (Паулина) на Сабину, со всеми историческими реалиями, сопутствующими ему (начиная от Поппеи Сабины Старшей, Поппеи (Оллии) Сабины Младшей, второй жены Нерона и поклонницы иудаизма, лично знакомой с иудейским историком, и заканчивая Вибией Сабиной, женой императора Адриана), — это еще и обращение к теме женской стойкости, особенно значимое в контексте манифеста 1856 г. Александра II об амнистии декабристов, напомнившего русскому обществу о трагической судьбе их жен задолго до поэм Н. А. Некрасова.

[73] См.: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 510.

[74] В классической русской октаве правило альтернанса действовало на межстрофическом уровне: «…первая октава начинается мужским, а вторая — женским стихом» (*Шапир М. И.* Октава [Статья для «Онегинской энциклопедии»] // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. С. 89).

[75] Соответственно: 118 мужских рифмокомпонентов против 78 женских в «Талисмане» и 192 мужских против 128 женских в «Студенте», с учетом использования в некоторых случаях строфического альтернанса. См. Таблицу № 3 *Приложения*.

а в «Двух липках» и «Сне» — женскую за счет формулы aBaBaBCC.[76] Выведение из этого списка «Сабины» имеет не только те основания, что при непроизвольной смене системы рифмования в катренах (aBaB и aBBa) все же количество женских и мужских форм здесь оказывается равным, но и то, что 4-стопный ямб, имевший в начале XIX века устойчивый семантический ореол в романтической поэме,[77] имеет, в отличие от 5-стопного ямба, совершенно иную динамику развертывания ритмического и словораздельного рядов, что приводит к специфическому распределению форм многосложности в рифме: ритм словоразделов в 4-стопном ямбе «Сабины» выводит на первый план двуслоговые фонетические комплексы[78] в строчках с мужскими окончаниями (45,9% от числа всех мужских форм и 29,1% от числа всех рифмокомпонентов[79]) и трехслоговые в строчках с женскими окончаниями (48,4% от числа всех женских форм и 41,8% от числа всех рифмокомпонентов). При этом показатель однослоговых рифмокомпонентов в строчках с мужскими окончаниями здесь не очень велик по сравнению с остальными поэмами, зато довольно высок показатель 4–6-слоговых комплексов в строчках с женскими окончаниями. Среди этих форм встречается даже семислоговой рифмокомпонент:[80]

А ныне сам почтить готов
Тебя *коленопреклоненьем*:
Внимать велению богов
Нам подобает со смиреньем.

Зафиксированное в словаре В. И. Даля слово «коленопреклонение» несет на себе отчетливый признак высокой поэтической лексики, свя-

---

[76] Соответственно: 147 мужских рифмокомпонентов против 245 женских в «Двух липках» и 76 мужских против 116 женских в «Сне». См. Таблицу № 3 *Приложения*.

[77] См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. С. 113–114.

[78] Речь идет о фонетических словах, включающих в свой состав проклитики и энклитики.

[79] См. Таблицу № 3 *Приложения* (Средняя длина рифмокомпонента в поэмах Фета).

[80] Справедливости ради отметим появление такого же сверхдлинного рифмокомпонента в поэме «Сон»:

Не много в Дерпте есть таких домов,
Где веет жизнью *средневековою*,
Как наш. И я, признаться, был готов
Своею даже хвастаться судьбою.

занной с христианской традицией: «Коленопреклонение — предписанная церковными канонами поза смирения и самоуничижения; принимается верующими как при личной молитве (дома или в храме), так и во время храмового богослужения в знак полной и безоговорочной покорности Богу».[81]

Усиливая анахронистический эффект смешения египетских, греческих, римских и раннехристианских культовых элементов, что в целом соответствует позднеримской теокразии,[82] автор «Сабины» использует исторический анекдот для создания стихотворной новеллы дидактического образца, но совершенно забывает о моральном выводе. В этом отношении можно говорить о том, что в определенном смысле «Сабина» является конспектом исторической повести, сохраняющей весь антураж русской романтической поэмы: невнимание к деталям и историческим реалиям, непредсказуемость эмоциональных и психологических интенций, довольно произвольное выделение частей и строфических комплексов внутри них (от 8-ми до 52-строчных), использование 4-стопного ямба и четверостиший с разным типом рифмовки и т. д. А. Н. Соколов особо подчеркивал: «Лирическая поэма исторического содержания, строго говоря, не ставит исторической темы. В ней не чувствуется стремления сколько-нибудь широко показать исторические события, раскрыть личность исторического героя. Интерес лирической поэмы сосредоточен на характере и психологии романтического героя, на коллизиях романического сюжета, на переживаемой героем личной драме. Некоторые авторы, отнеся действие к тому или иному историческому моменту, ограничиваются изображением частных лиц и их судьбы, касаясь исторических событий лишь постольку, поскольку они вторгаются в жизнь героя».[83]

Рифма в «Сабине» несет на себе все признаки ультраромантизма: экзотические имена и названия соседствуют здесь с поэтизмами, образуя довольно замысловатые и не всегда понятные образные структуры. Так, например, богини времен года Оры (Горы) называются в поэме

---

[81] Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина и др. М., 1994. С. 233.

[82] Теокразия (смешение богов) — один из важнейших признаков кризиса политеизма в Римской империи (см.: *Буркхард Я.* Век Константина Великого / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2003. С. 120–124).

[83] *Соколов А. Н.* «Полтава» Пушкина и жанр романтической поэмы // Пушкин: Исследования и материалы / Под ред. М. П. Алексеева, Д. Д. Благого, Б. П. Городецкого (отв. ред.), Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха, Ю. Г. Оксмана. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 159.

крылатыми, Гера — недоступной, Феб — золотолуким,[84] луна сияет над «темной грудой Эсквилина»,[85] а жрец-сводник расстилает «полог брачный» перед «Анубисовым ликом» (?). Доминируют в рифменном строе поэмы имена собственные: Сатурнин — 6, Сабина — 4, Нерон — 3, Помпей — 1, Семела — 1 рифмокомпонент. Определенный исторический антураж придают тексту немногочисленные римские топонимы: Эсквилин, рифмующийся с Сатурнином, Рим (3 рифмокомпонента), Апеннины. При этом знаменательным оказывается тот факт, что ни имена египетских богов (Анубис, Исида, Озирис), ни собственно историческое имя главного героя поэмы Деция Мунда в рифме не используются.

Несколько выделяются в рифменном профиле поэмы узаконенные романтической традицией и довольно простые по звучанию полногласные формы с архаической огласовкой (мгновенных-порабощéнных, ночам-высотáм, непосвящéнный-опущéнной, храм-плитáм). Большинство рифм — точные, небогатые, но количество опорных звуков довольно велико: 47 на 100 рифм.[86] Это довольно важный показатель, отражающий динамику изменения рифменного дискурса: от периода к периоду глубина рифменного созвучия в поэмах Фета стремительно падает: так, если в «Талисмане» она составляет 56,7 опорных звуков на 100 рифм, то в «Двух липках» — 37,3, в «Сне» — 34,7, а в «Студенте» всего 33,7.[87] Особенного рассмотрения в этом контексте заслуживает культивируемый в «Сабине» механизм фонической анафоры, усиливающий паронимический эффект сближения рифмокомпонентов: **п**росторный-**п**окорный, **на** Апеннинах-**на** долинах, **с**уровом-**с**ловом, **С**абина-**С**атурнина (2),

---

[84] Устойчивый гомеровский эпитет — сребролукий.

[85] «Эсквили́нский холм (Mons Esquilinus), или Эсквилии — после Палатина древнейший римский поселок, в сторону которого развивался Палатинский Рим (Roma Quadrata). Эсквилии (от ex + colere — загородная часть, пригород) представляли собой плато, оканчивавшееся в западной части двумя языками — Циспием (46 м) и Оппием (49 м), из которых последний примыкал к Велии, отделявшей Палатин от Эсквилина. Оппий, Циспий и древний участок Опия — Фагутал входили в состав доисторического Семихолмия (Septimontium), развившегося из Квадратного Рима <…> Август признал близость эсквилинского кладбища в санитарном отношении неудобной для ближайших населенных частей города; оно было засыпано и застроено, и в главной части освободившегося таким образом пространства были разведены сады Мецената» (*Брокгауз Ф. А.*, *Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. 41. С. 57–58).

[86] Для сравнения: этот показатель в лирике Фета не превышает 17. См. Таблицу № 2 *Приложения*.

[87] См. Таблицу № 2 *Приложения*.

с женою-**с**траною, **в** сад-**в**згляд, **см**ело-**Сем**ела, **у**прямо-**у** храма, **в** очах-**в** лучах, **перед** законом-**пред** Нероном, **в** боях-**во** прах. В последней поэме Фета «Студент» этот прием еще выразительнее (**д**евица-**д**енница, **за**весть-**за** честь, **п**од стать-**п**лясать, **б**ред-**б**ед, **д**уша-**д**ыша, **п**латья-**при**брать я, **к** чаю-**к**раю, **н**емало-**н**аписала, **п**ойду-**п**одожду, **с**ны-**с**пасены, **с** вами-**с**лезами, **н**адо-**н**аграда) и значительно усилен грамматическими формами с паронимическим аферезисом[88] (нежных-**с**нежных, станет-**на**станет, **с**иней-иней). Все это в совокупности с другими механизмами рифменного опрощения, среди которых нельзя не назвать и грамматическое накопление (уходит-подходит, дыханьем-издыханьем, внимать-занимать, назвать-звать, косогор-гор и т. д.), приводит к тому, что рифма в поэмах Фета производит впечатление безыскусности, едва ли не примитивности, что особенно чувствуется в строгой форме октав:

Семь крыш, одна причудливей *другой*,
Вам говорят про барские затеи.
Дом этот прежде флигель был простой:
Понадобились залы, галереи,
И в девичью стал нужен вход *другой*, —
Не обошлось и без оранжереи:
Однако вкус был, на манер столичный,
Во всем фасаде сохранен отличный.[89]
«Две липки»

Тавтологическая рифма, несмотря на то обстоятельство, что повторяющиеся лексические компоненты («одна <крыша> причудливей другой» и «вход другой») относятся к разным частям речи и создают явно каламбурный омонимический подтекст, свидетельствует об особой установке автора на преодоление запрета классицистических поэтик[90] и создание новой эстетики рифмы, отличающейся простотой и естественностью.[91] Очень точно эта стратегия была выражена самим Фетом

[88] «Аферезис — (греч. *apheresis*, отделение) — вид звукового эллипсиса, состоящий в сокращении слова за счет начальных звуков» (*Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. С. 70).

[89] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 384.

[90] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. С. 90.

[91] «Во всех без исключения случаях как в литературном стихе, так и в стихе заговоров, появление тавтологической рифмы не связано с проблематичностью подыскания созвучной слову пары с другим лексическим значением. Словари русского языка, построенные по инверсивному принципу, а также словари рифм (от Рифмального лексикона Ивана Тодорского до „Полного словаря русских рифм“ Н. Абрамова)

в его программной статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859): «…художественность формы — прямое следствие полноты содержания. Самый вылощенный стих, выливающийся под пером стихотворца-непоэта, даже в отношении внешности, не выдерживает и отдаленного сравнения с самым, на первый взгляд, неуклюжим стихом истинного поэта. „Фауст“ написан стихами ломаными, языком нередко изнасилованным, а посмотрите, какой стальной силой отзываются эти дубинные стихи (Knüttelverse). Поэты-художники не выдумывают красоты своих стихов, как истинные красавицы не придумывают чарующей улыбки».[92]

О естественности и правдивости поэтического языка Фет писал и в стихотворении «Как беден наш язык! — Хочу и не могу…», подчеркивая именно звуковую (рифменную?) его ипостась.[93]

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах…[94]

В. П. Боткин, пытаясь защитить друга от нападок критики, писал: «У Фета <…> поэтическое чувство является в такой простой, домашней одежде, что необходим очень внимательный глаз, чтоб заметить его, тем более что сфера мыслей его весьма необширна, созерцание не отличается ни многосторонностию, ни глубокомыслием; ничто из так называемого современного не находит в нем ни малейшего отзыва, на-

---

демонстрируют не только саму возможность, но — что важнее — реальный широкий выбор точных рифмопар как для грамматически однородных, так и для разнородных сочетаний (например: минутку, жить, пришла, мой, дорогая и т. п.). Словари рифм Пушкина, Батюшкова и Баратынского, составленные Т. Шоу, позволяют установить, что у этих поэтов тавтологическая рифма включена лишь в продуктивные категории рифменных гнезд» (*Хворостьянова Е. В.* Рифменная тавтология: стихообразующий и стилевой аспекты // Фольклор и символические практики (электронный сборник статей) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://folk.ru/Research/hvorostyanova_tavtologia.php).

[92] *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева // *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 188.

[93] А. Ранчин видит в этом стихотворении намек на музыкальную «звукоречь», что не противоречит нашему пониманию рифменного дискурса: «Для Фета парадоксальным способом выразить невыразимое является прежде всего либо молчание, непроизнесенная речь или „естественные языки“ любви, цветов, либо именно звук: музыка и музыкальное начало в поэтическом языке. Музыка слова, звук как более точное, чем слово, выражение эмоций, — излюбленный мотив фетовской поэзии <…>» (*Ранчин А. М.* Путеводитель по поэзии А. А. Фета: Учебное пособие. М., 2010. С. 175).

[94] *Фет. ПССт1912.* Т. 1. С. 89.

конец, воззрения его не имеют в основе своей никаких постоянных и определенных мотивов, никакого резкого характера, который, вообще, так облегчает понимание поэта».[95]

В рамках этой знаменательной стратегии изменяется и точность рифменного созвучия в поэмах Фета: если в «Талисмане» мужские неточные составляют 4,2% от всех мужских рифм, а женские приблизительные — 2,8% от всех женских, то в «Сабине» этот показатель составляет уже 6,6% и 8,2%, в «Двух липках» — 0% и 13,8%, в «Сне» — 5,5% и 17,0%, а в «Студенте» — 5,8 и 21,6%.[96] Увеличение доли приблизительных рифм в целом соответствует общему для середины XIX века процессу «экспансии приблизительной рифмы»,[97] который развивает тенденции пушкинского периода: в «Сабине» немногочисленные женские приблизительные рифмы ориентированы на редуцируемые гласные О и А (упрямО-храмА, смелО-СемелА[98]), в «Двух липках» механизм пополнения расширяется за счет созвучий на Е-И (озадачИт-проплачЕт, приумножИт-можЕт), на А-Е (нашА-крашЕ, НаташА-нашЕ) и нередуцируемых чередований О/Ы[99] (беспристрастнЫй-самовластнОй, доходнОй-негоднЫй, прекраснЫй-ужаснОй, страннЫй-желаннОй, судоходнОй-негоднЫй и т. д.), в «Студенте» же оказывается представленным практически весь спектр приблизительных форм — от традиционных с редукцией заударных гласных (адА-надО, немалО-написалА, этИ-светЕ, отыскалИ-балЕ и т. д.) до специфических созвучий на И-Ы (снежнЫх-

[95] *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступит. ст. и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М., 1982. С. 476.

[96] См. Таблицу № 2 *Приложения*.

[97] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. С. 200.

[98] Отдельного рассмотрения заслуживают случаи использования в поэме рифм на О/Ы (преступнЫй-недоступнОй, непосвященнЫй-опущеннОй), феномен, возникший из сосуществования орфографических вариантов: «форма именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода произносилась, а нередко и писалась, с окончанием -ой как в ударной, так и в безударной позиции <…> В XIX же веке сосуществовали написания двух типов: как вариант -ой, отражавший звуковой состав исконно русских форм, так и вариант -ый, церковнославянский по происхождению. В поэтическом языке выбор того или иного окончания нередко определялся требованиями рифмы» (*Серебряная И. Б.* О некоторых орфографических особенностях современных изданий Е. А. Боратынского // Музей Е. А. Боратынского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tatar.museum.ru/Boratynsk/Clubs_2_200_S_4_Tez.htm).

[99] См. предыдущую сноску.

прежнИх, нежнЫх-прежнИх) и даже составных рифм (объятья-платья-прибрать я[100]).

Среди мужских созвучий в поэмах Фета выделяются неточные рифмы с архаическим набором задненебных форм фонетического соответствия: стихи-шаги, своих-миг, бог-порог, бог-тревог («Сабина»); мог-вздох, жених-миг-них («Талисман»); греху-снегу-наверху («Студент»). Их особенность заключается в специфическом несоответствии нормам литературного произношения: «В XVIII веке и первой четверти XIX столетия произношение фрикативного [g] было принято в высоком стиле литературного языка, в торжественной поэтической речи. Те же самые слова произносились в разговорном языке со взрывным [г]. Так, у Г. Р. Державина преобладают рифмы с фрикативным [g], в позиции оглушения — [х]: книг — своих, вокруг — пух, бег — утех, шаг — сердцах, друг — дух и т. п. Пытаясь провести различие между „высоким“ фрикативным [g] и „низким“ взрывным [г], В. К. Тредиаковский придумал для передачи последнего звука особую букву, дав ей выразительное название голь (очевидно, потому, что в этом простонародном слове произносился согласный [г]), а составители „Словаря Академии Российской“ (СПб., 1789–1794. Ч. 1–6) ввели с этой же целью букву ã».[101]

Важной характеристикой рифменного дискурса Фета являются показатели грамматической однородности созвучий: так, глагольные рифмы в «Сабине» составляют 21,7%, а это довольно высокий показатель, свидетельствующий о сознательной установке автора на актуализацию предикативной структуры текста. Для сравнения, в «Талисмане» и «Студенте» глагольных рифм на порядок меньше — 16,8% и 16,4%, в «Сне» практически столько же — 21,6%, а в «Двух липках» ненамного больше — 22,2%.[102]

Как известно, семантическая насыщенность рифм предопределяется их грамматическим составом. В этом отношении очень важно, что в поэзии Фета четко прослеживается тенденция к номинативности: 51,9% от числа всех рифмокомпонентов у него составляют существительные,

---

[100] Основания для зачисления составных рифм в корпус приблизительных (даже при полном графическом совпадении заударных комплексов) связаны с разным уровнем редукции.

[101] *Калугин В. В.* Церковно-книжное произношение в Древней Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscenter.ru/736.html. Ср.: «После Лермонтова, если вы найдете у поэтов XIX в., скажем, рифму *друг — слух*, то это — явная примета диалектного произношения» (*Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение: Курс лекций. Л., 1959. С. 434).

[102] См. Таблицу № 1 *Приложения*. Для сравнения, в рифменном репертуаре М. Ю. Лермонтова глагольная рифма составляет 23,7%, у Н. А. Некрасова — 30%.

в том числе — имена собственные (1,7%),[103] тогда как на долю глагольных форм приходится всего лишь 20,9%.[104] Конечно, это не иллюстрирует «Фета безглагольного», великолепно представленного в статье М. Л. Гаспарова и Н. С. Автономовой, но все же позволяет говорить о доминировании в его поэтическом дискурсе особенной установки на именование художественных объектов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица № 1

Грамматичность рифм (%)

	ГГ	**ПП**	**СС**	**Сс**	**ГС**	**СП**	**Проч.**
А. Женские:							
Пушкин (лирика)	17	22	32	15	3	6	5
Некрасов (лирика)	14	16	34	19	2	7	8
Фет (лирика)	17	21	24	19	3	9	7
«Талисман»	8,3	12,5	51,4	8,3	—	13,9	5,6
«Сон»	24,5	6,4	23,4	10,6	11,7	17,0	6,4
«Две липки»	24,5	15,3	27,0	8,7	3,1	12,8	3,1
«Сабина»	23,0	14,8	32,8	13,1	1,6	14,8	—
«Студент»	16,0	14,3	15,2	14,4	8,8	16,8	14,4

	ГГ	**ПП**	**ММ**	**СС**	**Сс**	**ГС**	**СП**	**СМ**	**Проч.**
Б. Мужские:									
Пушкин (лирика)	16	3	5	11	25	8	5	13	14
Некрасов (лирика)	20	3	3	9	24	13	4	8	16
Фет (лирика)	14	2	2	11	23	12	9	13	14
«Талисман»	23,2	3,2	1,1	17,9	8,4	12,6	8,4	12,6	12,6
«Сон»	17,8	—	2,7	19,2	4,1	9,6	16,4	2,7	23,3
«Две липки»	19,0	1,4	2,0	17,7	7,5	6,1	19,0	10,9	16,3
«Сабина»	19,7	—	3,3	21,3	8,2	8,2	18,0	13,1	8,2
«Студент»	16,8	1,3	2,6	18,7	7,7	11,6	16,1	10,3	14,2

Сравнительные данные по: *Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 3–36.

---

[103] См. Таблицу № 4 *Приложения*.

[104] «…Глаголы образуют чуть более четверти лексического запаса русского языка, 27,4% <…>» (*Эпштейн М.* Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 194. То же: Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977. С. 933, табл. 7).

Таблица № 2

Точность и глубина рифм (в %)

	ЖЙ	ЖП	ЖН	МзН	МоН	Мзо	Оп.з	Число рифм	
Фет (лирика) 1843–1863	1,6	8,1	0,3	0,7	1,2	0,1	17,0	385	291
Фет (лирика) 1881–1891	0,3	4,6	0,1	0,7	2,8	—		725	361
«Талисман»	—	2,8	—	3,2	1,1	—	56,7	72	95
«Сон»	—	17,0	—	2,7	2,7	—	34,7	94	73
«Две липки»	—	13,8	—	—	—	—	37,3	196	147
«Сабина»	—	6,6	—	4,9	1,6	—	47	61	61
«Студент»	—	16,8	0,6	—	5,8	—	33,7	125	155

Сравнительные данные по: *Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы. Приложение. Таблица 4 // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 21–22.

Таблица № 3

Средняя длина рифмокомпонента в поэмах Фета (в %)

	1-сл. слово	2-сл. слово	3-сл. слово	4-сл. слово	5-сл. слово	6-сл. слово	7-сл. слово	Всего рифмо-компонентов
«Талисман»								
Мужские рифмы	25,4	50,8	21,2	2,5	—	—	—	118
Женские рифмы	—	23,6	44,4	29,2	2,8	—	—	72
Всего	15,8	40,5	30,0	12,6	1,1	—	—	190
«Сон»								
Мужские рифмы	21,1	48,7	26,3	3,9	—	—	—	76
Женские рифмы	—	26,7	48,3	19,8	4,3	—	0,9	116
Всего	8,3	35,4	39,6	13,5	2,6	—	0,5	192
«Две липки»								
Мужские рифмы	17,0	51,7	27,2	4,1	0	—	—	147
Женские рифмы	—	23,7	46,1	26,5	3,3	0,4	—	245
Всего	6,4	34,2	39,0	18,1	2,0	0,3	—	392
«Сабина»								
Мужские рифмы	13,9	45,9	35,2	4,9	—	—	—	122
Женские рифмы	—	12,3	48,4	27,9	10,7	—	0,8	122
Всего	7,0	29,1	41,8	16,4	5,3	—	0,4	244
«Студент»								
Мужские рифмы	25,5	52,1	20,3	2,1	—	—	—	192
Женские рифмы	—	34,4	35,2	23,4	6,3	0,8	—	128
Всего	15,3	45,0	26,3	10,6	2,5	0,3	—	320

Таблица №4

Грамматический состав рифмокомпонентов в поэзии Фета

Часть речи	**Кол-во рифмокомпонентов**	**%**
Существительные	6284	50,2%
Имена собственные	218	1,7%
Всего сущ.	6502	51,9
Глаголы	2622	20,9%
Прилагательные	1767	14,1%
Наречия	743	5,9%
Местоимения	831	6,6%
проч.	55	0,4%
Всего	12 520	100%

А. Г. Айнбиндер

«ЧТО НАША ЖИЗНЬ…»: К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

(Толстой—Фет—Шопенгауэр)

Понять мировоззрение художника-творца, каким является П. И. Чайковский, означает приблизиться к осознанию идей и смыслов, которые заключены в его сочинениях.[1] В них, по мнению знаменитого музыковеда Б. В. Асафьева, слышно, когда «судьба настигает», когда «вновь рождается беспокойство, вновь вступают в жизнь прежние призраки, вновь растет тревога», когда композитор прикасается к «сфере неведомого», выходит «за пределы видимого мира» и воображением своим разгадывает «то, что *там*».[2]

---

[1] Мировоззрение Чайковского как целостная система взглядов практически не рассматривалось, хотя этот вопрос затрагивался, начиная с работ Б. В. Асафьева 1920-х гг., который писал: «Его творчество (Чайковского. — *А. А.*) — жизненная данность; сама жизнь во всем ее величии и мелочности раскрывается в созданной им музыке, но конечно в том представлении, какое композитор имел о ней в своих переживаниях и чувствованиях» (*Глебов И.* <*Асафьев Б. В.*> О музыке Чайковского. Избранное / Вступит. ст. Е. М. Орловой. Л., 1972. С. 215). В 1948 г. появилась работа Ю. В. Келдыша «Личность и мировоззрение Чайковского» в сборнике: Russian Symphony: Thoughts about Tchaikovsky / By Dmitri Shostakovich and others. Philosophical Library. New York, 1948. См. также: *Орлова Е. М.* «Иоланта» Чайковского: История создания. Философские и эстетические основы лирики // П. И. Чайковский. Наследие / Ред. З. М. Гусейнова; ред.-сост. Е. В. Титова, В. В. Шахов. СПб., 2000. Вып. 1. С. 5; *Белый П. С.* Философия Чайковского // Фаертаг Ю. Молчание музыки. Путь Петра Белого. М., 2012. С. 353–368.

[2] *Глебов И.* <*Асафьев Б. В.*> О музыке Чайковского. С. 225–227.

Затрагивая вопрос о мировоззрении Чайковского, нельзя не коснуться его религиозных взглядов. Асафьев, к примеру, считал, что для композитора «не было религии воскресения — он знал только смерть, ее боялся, но со страстным любопытством в нее всматривался всю жизнь и при этом сопоставлял любовь и смерть».[3] Представляется, что в действительности все обстояло гораздо многообразнее и сложнее. Для объективного воссоздания картины необходимо в максимальной степени привлечь различные источники. К их числу следует отнести высказывания Чайковского, зафиксированные в письмах и беседах, его записи в дневниках, а также выявление круга чтения и откликов на него, запечатленных в виде маргиналий и других помет в интересующих композитора изданиях. Большую помощь в этом случае оказывает сохранившаяся библиотека Чайковского, книги которой носят следы чтения, в том числе Библия и философские трактаты Л. Н. Толстого и А. Шопенгауэра в переводе А. А. Фета, о чем пойдет речь далее. Не менее важным представляется и наличие в библиотеке Чайковского почти всех изданий поэтических сборников Фета и его переводов.[4]

Важнейший фактор духовной жизни Чайковского — постоянное обращение к Библии, приобретенной им лично.[5] Книга содержит огромное количество (свыше 200) помет и 75 дат, выставленных композитором, которые охватывают 6,5 лет жизни Чайковского с 11 сентября 1885 по 3 февраля 1892 года. Впервые это издание из библиотеки Чайковского стало известно лишь в 1990 году по публикации музыковеда О. И. Захаровой в журнале «Наше наследие».[6] Ею же было дано описание всех вложений, воссоздающих, по мнению автора, «ощущение живого общения». К 1990 году в книге находились две закладки: перо птицы и 13 за-

---

[3] Там же. С. 221.

[4] Каталог и описание личной библиотеки Чайковского см.: *Айнбиндер А. Г.* Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии: Автореф. дисс. … канд. искусствоведения. М., 2010.

[5] Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки (ВМОМК). Ф. 88. № 193. П. 475. Экземпляр Библии издания 1878 г., принадлежавший композитору, был в 1905 г. вывезен М. И. Чайковским на хранение вместе с другими ценностями и архивом в Московскую консерваторию. При возвращении в музей клинского собрания в 1923 г. по неизвестным причинам Библия была оставлена в консерваторском хранении. В конечном итоге книга вошла в состав фонда П. И. Чайковского в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки, где и находится в настоящее время.

[6] *Захарова О. И.* Чайковский читает Библию // Наше наследие. 1990. № 2. С. 22–24.

сушенных цветов.[7] Причем закладки и цветы явно не были «посторонними вложениями». По этому поводу Захарова писала: «Цветы же воспринимаешь здесь как своего рода вещественные доказательства к записи, сделанной композитором 4 августа 1886 года — в период наиболее интенсивного чтения Библии: „…слава Богу я стал снова вполне доступен общению с природой и способностью в каждом листке и цве точке видеть и понимать что-то недосягаемо-прекрасное, покоющее, мирящее, дающее жажду жизни“».[8]

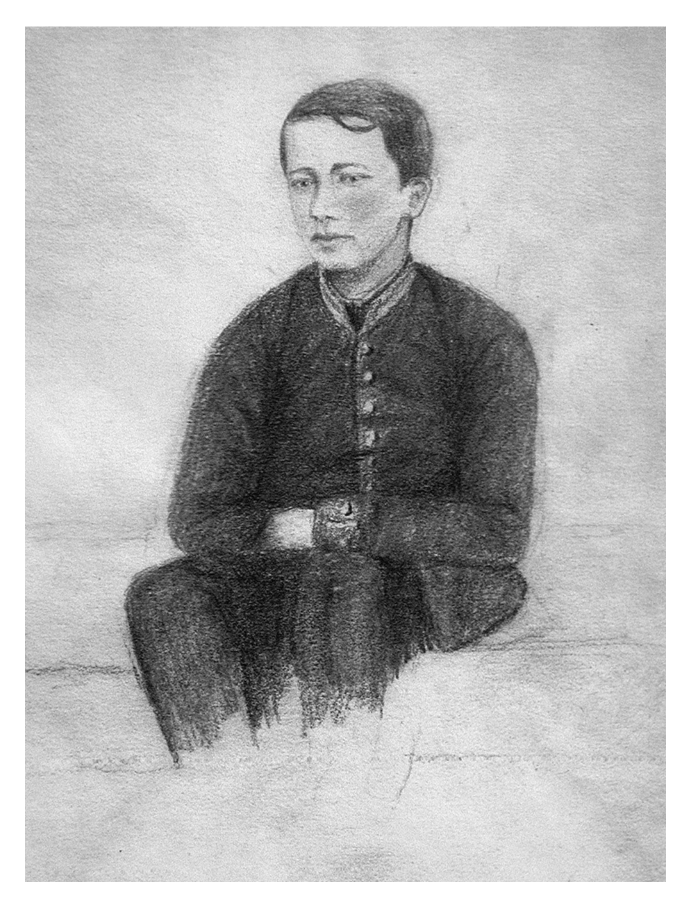
Соотнося даты, выставленные Чайковским при чтении Библии, выяснилось, что читал он ее в 1885–1892 годах не подряд, а параллельно Ветхий и Новый Завет. Предметом его пристального внимания были сопоставления жизни и личности царя Давида и Иисуса Христа. Часто в своих пометах и дневниковых записях композитор сравнивает между собой образ карающего ветхозаветного бога и всепрощающего Христа. В Псалме № 53 (в издании, которым пользовался Чайковский, № 54) композитор делает следующие подчеркивания в §9: «Потому что Он избавил меня от всех бед, и на отмщение врагам моим смотри око мое». Рядом Чайковский пишет: «Почему это считается истиной как Евангелие?». Из чего можно заключить, что фразу «на отмщение врагам моим» (из псалмов Давида) композитор не признает как истину, но таковым почитает само Евангелие, жизнь Иисуса и его учение. В продолжение этой мысли в Евангелии от Матфея композитор в главе 5 выделяет §39: «А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему другую».

22 февраля 1886 года в дневнике (в период между симфонией «Манфред» и Пятой симфонией) Чайковский делает запись о двух составляющих Священного Писания и о своем отношении к ним: «Какая бесконечно глубокая бездна между Старым и Новым Заветом. Читаю псалмы Давида и не понимаю, почему их во-1-х так высоко ставят в художественном отношении и во-2-х каким образом они могут иметь что-нибудь общее с Евангелием. *Давид* вполне *от мира сего*. Весь род человеческий он делит на 2 неравные части: в одной *нечестивцы* (сюда относится громадное большинство), в другой *праведники*, и во главе их он ставит самого себя. На нечестивцев он призывает в каждом псалме божью кару, на праведников мзду; но и кара и мзда земные. Грешники будут истреблены; праведники будут пользоваться всеми благами земной жизни. Как все это не похоже на Христа, который молился за врагов, а ближ-

---

[7] В настоящее время Библия Чайковского хранится без вложений.

[8] *Захарова О. И.* Чайковский читает Библию. С. 22.

П. И. Чайковский — ученик Училища правоведения.
Санкт-Петербург, до 1859 г. Рисунок Н. И. Чайковского. Карандаш.
Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки

ним обещал *не земные блага,* а царство *небесное.* Какая бесконечная поэзия и до слез доводящее чувство любви и жалости к людям в словах: „*Придите ко мне все труждающиеся и обремененные!*“ Все псалмы Давида ничто в сравнении с этими простыми словами».[9]

А через полгода после этой дневниковой записи Чайковский в Евангелии от Матфея подчеркивает § 14 главы 19: «Но Иисус сказал: пустите

[9] *Чайковский П. И.* Дневники. 1873–1891 / Подгот. к печати Ип. И. Чайковским; предисл. С. Чемоданова; примеч. Н. Т. Жегина. М.; Пг., 1923. С. 209. Здесь и далее курсивом выделены авторские подчеркивания.

детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». Рядом он делает примечание: «Это и еще „Придите ко Мне вси труждающиеся“ и т. д. больше всего умиляют меня в Евангелии». В конце главы 19 Чайковский указал место и время чтения этого фрагмента: «С. Майданово. 11 июля 1886 г.».

Заметим, что те же различия между Ветхим и Новым Заветами отмечал и Л. Н. Толстой, прозу и философские трактаты которого Чайковский читал и изучал всю свою сознательную жизнь. Имея лишь однажды, в декабре 1876 года, несколько бесед с писателем, он до конца жизни мысленно полемизировал с ним на волновавшие его важнейшие философско-нравственные и религиозные темы.[10]

В библиотеке Чайковского сохранились не только собрание сочинений Толстого, издания его отдельных произведений, но и труды о нем и его творчестве. В главном тезисе философии Толстого: «Непротивлении злу насилием», который писатель впервые сформулировал в трактате «В чем моя вера?», ощутимо влияние Нового Завета. Именно этот толстовский трактат особенно близко воспринял Чайковский. Его он читал многократно в разных изданиях, начиная с 1885 года. В начале 1889 года, через четыре года после создания Пятой симфонии, за год до появления «Пиковой дамы», он записывает в дневнике: «Начал „*В чем моя Вера*“ Толстого».[11] Там же через пять дней: «Читаю „*В чем моя вера*“ по утрам и изумляюсь мудрости, соединенной с детской наивностью».[12] В библиотеке Чайковского сохранилось издание трактата Толстого на французском языке (1885), привезенное композитором из Парижа с его пометами.[13]

---

[10] Об этом см.: *Вайдман П. Е.* Чайковский и Толстой: еще раз о встрече двух художников // Толстой — это целый мир / Сост. Н. И. Бурнашева, Р. Н. Клейменова. М., 2004. С. 144–167.

[11] *Чайковский П. И.* Дневники. 1873–1891. С. 221.

[12] Там же.

[13] Государственный дом-музей П. И. Чайковского. Д[2]. № 210. Далее *ГДМЧ.* Об этом см.: *Блок М. С.* 1) Неизданные пометы П. И. Чайковского на публицистических произведениях Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник: Литературно-критические статьи и материалы о жизни и творчестве Л. Н. Толстого / Ред. С. Юдкевич. Тула, 1955. С. 214–225; 2) Неизданные пометы П. И. Чайковского на публицистических произведениях Л. Н. Толстого // П. И. Чайковский и русская литература / Сост. Б. Я. Аншаков, П. Е. Вайдман; научн. ред. М. Э. Риттих. Ижевск, 1980. С. 26–39. Следует отметить, что хотя публикация М. С. Блока и сделала доступными некоторые из помет Чайковского, но выбраны и интерпретированы они были достаточно тенденциозно в духе времени, что привело к существенному искажению их подлинного смысла.

Вообще толстовский вопрос «В чем моя вера?» был близок и Чайковскому. 21 сентября 1887 года композитор записал в дневнике, что выработал свой символ веры, но все-таки не применяет его в своей молитвенной практике. Далее он пояснил: «Молюсь все по-старому, как учили молиться. А впрочем, Богу вряд ли нужно знать, как и отчего молятся. Молитва Богу не нужна. Но она *нужна нам*».[14]

Здесь, а также в записи, сделанной днем ранее, 20 сентября 1887 года, Чайковский подробно описывает свое отношение к религии. Он признается в чувствах, которые испытывал еще с детства «насчет Бога Саваофа»: «Я питал (да и теперь чувства мои не изменились) к Нему чувство удивления, но вместе и страха. Он создал небо и землю, Он и меня создал, — и все-таки я хоть и пресмыкаюсь перед ним, — но *любви* нет. *Христос*, напротив, возбуждает именно и исключительно чувство *любви*. Хотя он был *Бог*, но в то же время и человек. Он страдал, как и мы. Мы *жалеем* его, мы любим в нем его идеальные *человеческие* стороны».[15] Чайковский прямо пишет о том, что год назад «еще боялся признаться, что, несмотря на всю горячность чувств, возбуждаемых Христом, я смел сомневаться в его Божественности».[16] И далее: «С тех пор *моя религия* обозначилась бесконечно яснее; я много думал о Боге, о жизни и смерти во все это время, особенно в Ахене роковые вопросы бытия: зачем, как, отчего? нередко занимали и тревожно носились передо мной. *Религию* мою мне бы хотелось когда-нибудь изложить, хотя бы для того, чтобы самому себе раз и навсегда уяснить свои верования и ту границу, где они начинаются за умозрением».[17]

В этих размышлениях Чайковский также близок к идеям толстовской «Исповеди». Так, в марте 1884 года он пишет Н. Ф. фон Мекк: «Читали ли Вы, дорогой друг, „*Исповедь*“ графа Льва Толстого? <…> Она произвела на меня тем более сильное впечатление, что муки сомнения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой и которые он так удивительно хорошо высказал в „*Исповеди*“, и мне известны».[18] «Исповедь» Толстого дала Чайковскому почувствовать, что он не одинок в своих исканиях, и помогла обрести спасительную для него в тот момент мысль, что он нашел свою веру в Бога.

---

[14] *Чайковский П. И.* Дневники. 1873–1891. С. 213. Последние два слова подчеркнуты Чайковским двумя чертами.

[15] Там же. С. 212.

[16] Там же. С. 213.

[17] Там же.

[18] *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1970. Т. 12 / Подгот. Л. В. Музылевой и С. С. Муравич. С. 336. Далее: *ЧПСС*.

Чайковский был далеко не единственным, кто испытал на себе влияние религиозных исканий Толстого. Не менее, а возможно и более него испытал это влияние А. А. Фет, сблизившийся с писателем еще в конце 1850-х годов и внимательно следивший за его творчеством до конца своих дней.[19] Удивительная дружба, связавшая двух великих людей, в конце 1870-х годов, однако, претерпела заметное охлаждение, и причиной его стали именно религиозные идеи Толстого. Фет спорил с Толстым яростно,[20] пытаясь вернуть его к художественному творчеству, а когда писатель отказался продолжать дискуссию, перенес полемику в свою переписку с другом Толстого Н. Н. Страховым.[21] Разумеется, эти споры отразились и в творчестве Фета, в поздней лирике которого особенно заметными стали философские мотивы, во многом навеянные спорами с Толстым, а также переводом главного труда А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1880). В 1879 году Фет написал переложение молитвы «Отче наш» («Чем доле я живу, чем больше пережил…»), которое не было опубликовано при жизни поэта и в котором отразились споры с Толстым.[22]

Общение с Фетом стало важным для формирования мировоззрения Чайковского. Оно имело самые разные формы: чтение, использование поэзии Фета в собственных сочинениях и личная встреча, вероятно единственная.

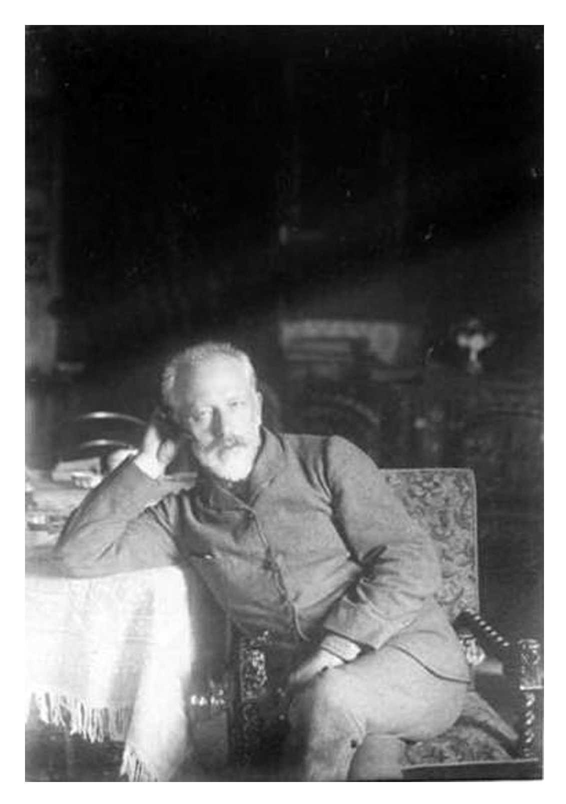
Очевидно, Чайковский был читателем Фета всю свою жизнь, написал на его стихи пять романсов. Самый ранний из них — «Мой гений, мой ангел, мой друг....» на стихотворение Фета «Не здесь ли ты легкою тенью...» из первого цикла «К Офелии». Это одно из самых первых известных на сегодняшний день произведений композитора, написанное им в 17 лет в 1857 году. Спустя 15 лет, в 1872 году, Чайковский, став профессиональным композитором, профессором Московской консерватории, вновь в своем творчестве обращается к поэзии Фета в романсе «Пойми хоть раз» соч. 16 № 3 на стихотворение «Anruf an die Geliebte

[19] См.: *Розанова С. А.* Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // *РЛ.* 1963. № 2. С. 86–197.

[20] Эти споры отразились в опубликованной переписке двух писателей: Л. Н. Толстой и А. А. Фет // *Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 327–485; Т. 2. С. 5–119. См. также: Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. 1859–1881 / Публ. и коммент. Т. Г. Никифоровой // *ЛН.* Т. 103. Кн. 2. С. 20–94.

[21] См.: *Фет/Страхов.* С. 232–547.

[22] См.: *Генералова Н. П.* О датировке стихотворения А. Фета «Чем доле я живу, чем больше пережил…» // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда / Отв. ред. В. П. Старк. СПб., 2003. С. 156–168.

П. И. Чайковский во Фроловском. 1890 г.
Фотография из личного альбома П. И. Чайковского «Фроловское».
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

Бетховена» из цикла «Мелодии». В последующие годы Чайковский пишет романс «Уноси мое сердце» (1873) на стихотворение «Певице» и «Не отходи от меня» соч. 27 № 3 (1875) на еще одно стихотворение из цикла «Мелодии». Все эти романсы сочинены на стихи Фета 1840-х — 1850-х годов, которые композитор, скорее всего, знал с юности. Последний из романсов на текст Фета «Я тебе ничего не скажу…» соч. 60 № 2 был написан в 1886 году через несколько месяцев после первой журнальной публикации этого стихотворения.[23]

[23] Строки из стихотворения Фета «Еще майская ночь» стали эпиграфом к пьесе «Май. Белые ночи» из цикла фортепианных пьес «Времена года» соч. 37 bis. Но эпиграфы, как и названия пьес всего цикла, были выбраны и вписаны в рукопись уже сочиненных произведений издателем Н. М. Бернардом.

Личное знакомство Чайковского и Фета произошло в августе 1891 года, когда Петр Ильич, гостивший по соседству в Уколово у старшего брата Николая, побывал в имении поэта Воробьевке. В ожидании приезда композитора Н. И. Чайковский писал ему 3 августа 1891 года: «Надеюсь, что пробудешь у нас подольше и обессмертишь Уколово своим там пребыванием. Аф. Аф. Шеншин и его жена не дождутся твоего приезда к ним; а пока он страшно каламбурит и ворчит на все от безделья».[24] Встреча Фета и Чайковского состоялась. Фет в письме к великому князю Константину Константиновичу (К. Р.) от 25 августа 1891 года так описал знакомство с композитором: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому родной его брат Петр Ильич. Он понравился мне, как вполне артистическая натура. Я посадил его за обедом рядом с собою и уверен, что у Вашего Высочества сильно звенело в ушах от наших усердных о Вас разговоров. Узнав, что он страстный любитель цветов, Марья Петровна поставила перед ним два букета из отцветающего сада, а я прочел и передал ему стихотворение, которым он остался, кажется, очень доволен».[25] О поездке и встрече с Фетом композитор написал и младшему брату Анатолию: «Весьма доволен своей поездкой. Уколово и жизнь у Коли мне очень понравились. Провел у них четыре дня чрезвычайно приятно. Ездили в *Коренную Пустынь*, а один день провели у Фета. Я его видел в первый раз в жизни и нашел очень интересным. Той *глупости*, которой он знаменит не меньше, чем своими стихами, я не заметил. Сад их привел меня в восторг».[26] В конце октября 1891 года Чайковский в письме к К. Р. сообщил следующее: «Очень приятно было познакомиться с *Фетом*. Афанасий Афанасьевич тронул меня своим дружеским приемом. Судя по воспоминаниям его, печатавшимся в „Русском вестнике“, я думал, что беседа его не особенно интересна. Оказалось, напротив, что это чрезвычайно приятный, полный оригинальности и юмора собеседник. <…> Он прочел мне много новых своих стихотворений, причем, я удивлялся, как еще молода и свежа его муза».[27] На память о свидании Фет преподнес композитору стихотворение «Петру Ильичу Чайковскому», начинающееся словами «Тому не лестны наши оды…». Стихотворение написано рукой Фета на бланке «Моск<овско>-Курской жел<езной> дор<оги> Ст<анция> Коренная пустынь».[28] Под стихотворением дата — 18 августа.

---

[24] *ГДМЧ*. А^{4}. № 5776.

[25] *Фет/К. Р.* С. 910.

[26] *ЧПСС*. Т. 16-а. С. 199–200.

[27] Там же. С. 257–258.

[28] *ГДМЧ*. А^{13}. № 56.

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь.

Петру Ильичу
Чайковскому

Тому не лестны наши оды,
Нашъ стихъ нарядной,
Кому громовыя антиподы
Такой хвалой.

Но потрясенных всѣ струнами
Его движенье,
Восторгъ не может и меж нами
Терпеть границы:
Такъ чтущие подолгу Музы нашей
Хранитъ певца,
И онъ летитъ какъ птица въ чащѣ
И въ насъ сердца.

А. Фетъ

18 Августа.

Автограф стихотворения Фета «Петру Ильичу Чайковскому».
(«Тому не лестны наши оды…»).
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

Петру Ильичу Чайковскому

Тому не лестны наши оды,
Наш стих родной,
Кому гремели антиподы
    Такой хвалой.

Но потрясенный весь струнами
Его цевниц,
Восторг не может и меж нами
    Терпеть границ:

Так пусть надолго Музы наши
Хранят певца,
И он кипит как пена в чаше
    И в нас сердца.

Встреча поэта и композитора, задолго до того знавших и ценивших творчество друг друга, конечно, не была случайной. Не случайно здесь возникло и имя великого князя Константина Константиновича, с которым Чайковский познакомился еще в 1880 году и на стихи которого сочинил несколько романсов. Переписка Чайковского и К. Р. свидетельствует о том, что косвенное знакомство Фета с композитором произошло за несколько лет до личной встречи, в 1888 году, когда Чайковский, обсуждая присланную ему поэму К. Р. «Севастиан-Мученик», в одном из писем поднял вопрос о необходимости разнообразить размеры русского стиха. Прежде чем Фет прямо «вмешался» в разговор Чайковского и К. Р. о русском стихе, оба собеседника обменялись чрезвычайно лестными для поэта мнениями о нем. «В данную минуту, — писал К. Р. Чайковскому 17 августа 1888 года, — ни один поэт не пленяет меня сильнее Фета; я зачитывался им все лето и думаю, что под этим влиянием писал и сам. Вот истинная поэзия, чистая, прекрасная, неуловимая. Ему дано высказать то, чего никто другой никогда не сумел бы не только выразить, но и придумать. Знаете ли вы 3 выпуска его „Вечерних огней“. Это верх совершенства и в наше время никто с ним не сравнится».[29] Чайковский откликнулся 26 августа: «Я не только сочувствую всему, что Вы говорите о Фете, но иду дальше Вас и считаю его поэтом безусловно гениальным, хотя есть в этой гениальности какая-то неполнота, неравновесие, причиняющее то странное явление, что Фет писал иногда совершенно слабые, непостижимо плохие вещи (большая часть их,

[29] П. И. Чайковский и К. Р. / Публ. Л. К. Хитрово // К. Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 50. Далее сокращенно: *Чайковский/К. Р.*

кажется, не вошла в полные собрания) и рядом с ними такие пиэсы, от которых волоса дыбом становятся. Фет есть явление совершенно исключительное; нет никакой возможности сравнивать его с другими первоклассными нашими или иностранными поэтами, искать родства между ним и Пушкиным, или Лермонтовым, или Ал<ексеем> Толстым, или Тютчевым (тоже очень большая поэтическая величина). Скорее можно сказать, что Фет, в лучшие свои минуты, выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в *нашу область*. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена, но никогда Пушкина, Гёте, или Байрона, или Мюссе. Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченным пределами *слова*. Это не просто поэт, а скорее *поэт-музыкант*, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом».[30] Очевидно, что не только музыкальное содержание привлекало Чайковского в поэзии Фета. Ему должны были быть близки и размышления поэта о жизни и смерти, о любви и природе, особенно ярко отразившиеся в последних сборниках Фета «Вечерние огни».

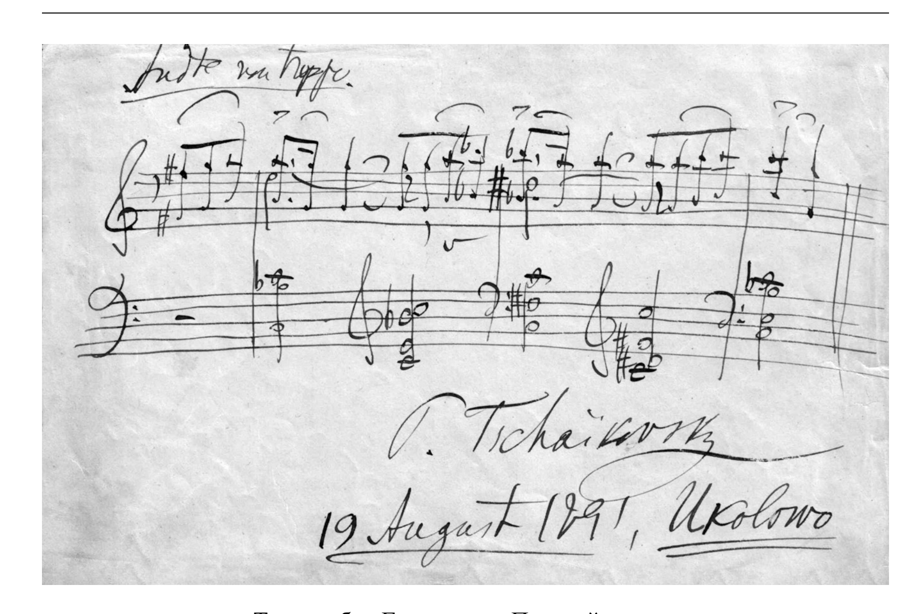
Именно в письме к К. Р. 21 сентября 1888 года композитор сообщал о намерении «когда-нибудь иллюстрировать музыкально» стихотворение «На стоге сена ночью южной...».[31] Этот замысел не осуществился.

Однако остается неизвестным, в какой день произошло личное знакомство Фета и Чайковского. По письмам обоих к разным корреспондентам мы точно знаем год этой встречи: 1891-й. На стихотворении, посвященном Чайковскому и подаренном ему при встрече, стоит дата 18 августа. В архиве дома-музея композитора в Клину сохранился нотный автограф, предположительно на память В. М. Алперсу, музыканту и дальнему родственнику Н. Ф. фон Мекк. На листке бумаги композитором записана тема любви Германа из оперы «Пиковая дама» с надписью: «P. Tschaïkovsky *19 August 1891, Ukolowo*».[32] Скорее всего, в этот

[30] Там же. С. 51–52. Подробнее об этом см.: *Климовицкий А. И.* Филологические размышления П. И. Чайковского // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда. С. 205–241.

[31] *ЧПСС*. Т. 14. С. 540.

[32] *ГДМЧ*. А^{5}. № 37. Этот автограф поступил от дочери Алперса вместе с двумя другими документами, также связанными с Уколово, но относящимися уже к 1893 г.: конверт и автограф стихотворения М. И. Чайковского «Среди России есть укромный уголок…», на котором также указаны дата и место — «12 июля 1893. Уколово» (*ГДМЧ*. Б^{5}. № 10); а также письмо Н. И. Чайковского из С.-Петербурга от 10 сентября 1893 г. с его рисунком дома в Уколово, адресованное предположительно

Тема любви Германа из «Пиковой дамы».
Автограф П. И. Чайковского, подаренный В. М. Алсперсу (?) 19 августа 1891 г.
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

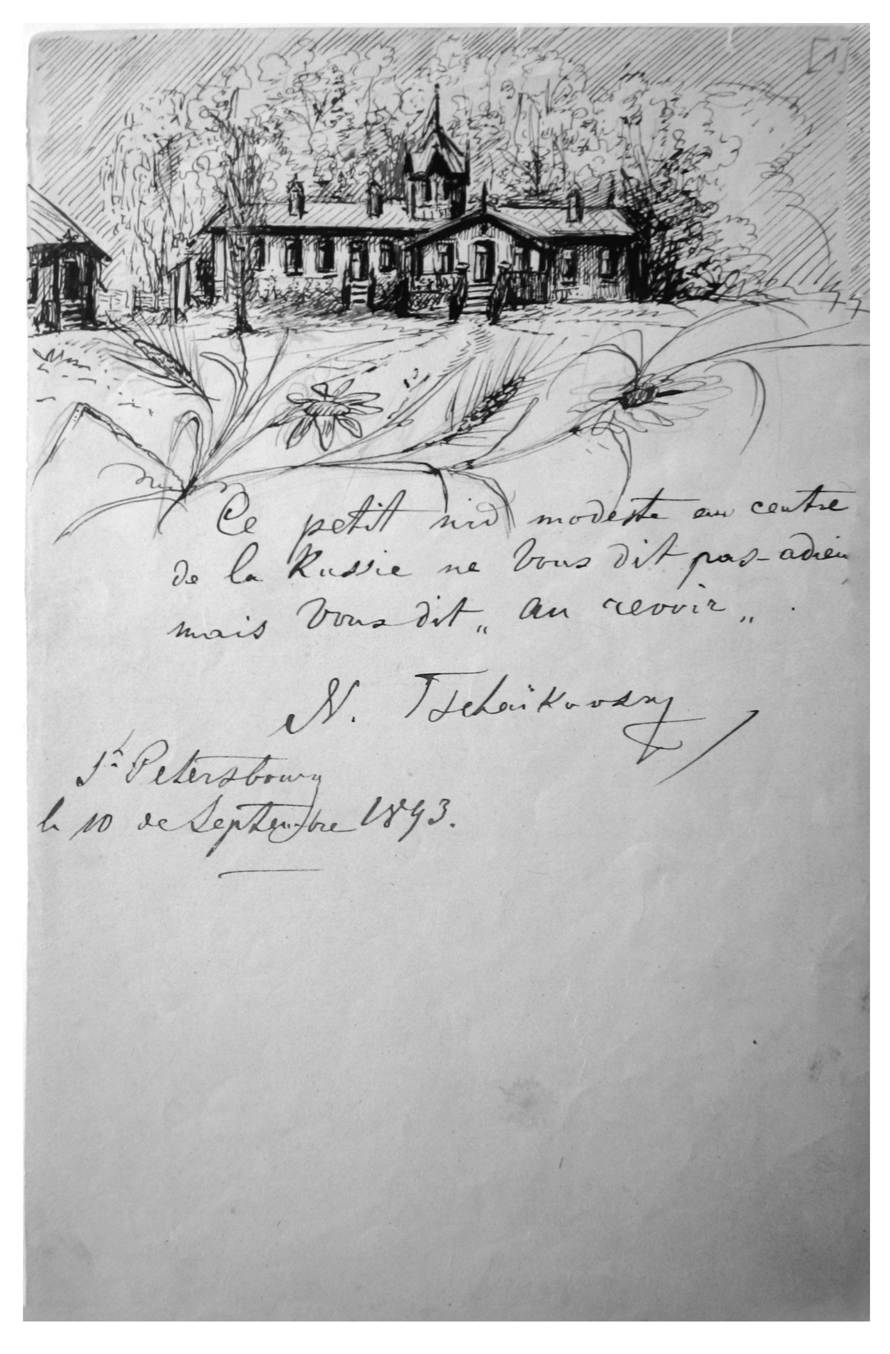
день Чайковский находился еще в Уколово, но более никаких подтверждений этому факту нет. А в приведенном выше письме Фета к К. Р. от 25 августа поэт сообщает, что встреча состоялась тремя днями ранее, что достаточно сомнительно, так как 22 августа Чайковский уже гостил у своей сестры А. И. Давыдовой (урожд. Чайковская) в Киевской губернии в имении Каменка.

В архиве композитора оказалось также стихотворение «Мы встретились вновь после долгой разлуки…», записанное рукой секретаря Фета Е. В. Федоровой на таком же почтовом бланке, что и стихотворение, посвященное Чайковскому;[33] а также тетрадь с переписанными ею двадцатью стихотворениями Фета, созданными в 1891 году: «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза…»), «Еще люблю, еще томлюсь…», «Я не знаю, не скажу я…», «На кресле отвалясь гляжу на потолок…»,

---

Алперсу (*ГДМЧ.* Дм[14]. № 320). Оно написано на французском языке: «Ce petit nid modeste au centre de la Russie ne vous dit pas adieu, mais vous dit „au revoir“. N. Tschaïkovsky. St Petersburg, le 10 septembre 1893» («Это скромное гнездышко в центре России не говорит Вам „прощай“, но говорит Вам „до свидания“. Н. Чайковский. Ст.-Петербург, 10 сентября 1893»).

[33] *ГДМЧ.* А[13]. № 57.

Ce petit nid modeste au centre de la Russie ne vous dit pas adieu mais vous dit „au revoir".

N. Tschaïkovsky

St Petersbourg
le 10 de Septembre 1893.

Письмо Н. И. Чайковского к неустановленному лицу (В. М. Алсперсу?)
от 10 сентября 1893 г. с рисунком дома в Уколово.
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

«Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал…», «Весь вешний день среди стремленья…», «Опавший лист дрожит от нашего движенья…», «Безобидней всех и проще…», «Завтра — я не различаю…», «Не упрекай, что я смущаюсь…», «Только месяц взошел…», «Качаяся, звезды мигали лучами…», «Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной…», «Я слышу и судьбе я покоряюсь грозной…», «Кляните нас! нам дорога свобода…», «Люби меня. Как только твой покорный…», «За горами, песками, морями…», «Я говорю, что я люблю с тобою встречи…», «Фонтан» («Ночь и я, мы оба дышим…») и «Нет мне не верится, чтоб ты была послушна…».[34]

В тетради 12 листов, на последнем листе рукой Н. И. Чайковского сделана запись: «с. Воробьевка. / А. Фет. / 22/$_{VIII}$ 91.». На л. 1, который изначально служил обложкой, рукой Николая Ильича записана басня «Щенок и молоко», в конце указаны место и дата «с. Уколово. / 25/$_{VIII}$ 91.». Подписана басня Н. И. Чайковским и его сыном Георгием (Жоржем).[35] Тетрадь со стихами Фета и басней композитор получил, очевидно, по почте, о чем сообщил в письме к племяннику Жоржу 5 сентября 1891 года: «Дорогой мой Жоржик! Вчера получил я басню, которую ты с папой сочинили. Я прочел ее с величайшим удовольствием. Я нахожу, что у тебя и у твоего папы большой талант к сочинению стихов и басен. Смеялся я ужасно много. Прелесть что за басня!! <…> Я с большим удовольствием вспоминаю три дня, проведенные в Уколове, и уже мечтаю о том, как на будущее лето опять к вам приеду <…>».[36] Несмотря на то что басня написана рукой Н. И. Чайковского, им подписана и из письма композитора к племяннику следует, что ее сочинили Николай Ильич и Жорж, все же остаются сомнения в их авторстве. Архив Н. И. Чайковского практически не сохранился, и других образцов его поэтического творчества на сегодняшний день не обнаружено.[37]

---

[34] *ГДМЧ.* А^{13}. № 22. Автор статьи выражает благодарность доктору филологических наук Н. П. Генераловой за помощь в атрибуции автографа и авторизованных текстов стихотворений А. А. Фета, хранящихся в Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину.

[35] Георгий Николаевич Чайковский (1883–1935?) был внебрачным сыном Т. Л. Давыдовой, старшей дочери сестры композитора А. И. Давыдовой (урожд. Чайковская). Был усыновлен своим двоюродным дедом Н. И. Чайковским.

[36] *ЧПСС*. Т. 17. С. 256.

[37] Известно, что Н. И. Чайковский хорошо рисовал. Несколько его рисунков сохранились. См. ил. на с. 35, 45.

О. С. Чайковская с приемным сыном Георгием (Жоржем).
Санкт-Петербург, 1886 г. Фотостудия «Э. Вестли и К°».
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

22

VIII Щенокъ и молоко (басня

Мигая слабыми глазами,
На солнцепёкъ развалясь,
Щенокъ любимый всеми нами
Мечталъ угрюмо, не рѣзвясь.

#

Мечталъ о молочкѣ съ водицей,
Что мы давали ему въ часъ,
Злобно зря, какъ мы съ возницей
Усѣлись грузно въ тарантасъ.

#

Щенокъ забытъ былъ къ сожалѣнью,
Но онъ не думалъ покоряться
И по сиихъ вдохновенья
Задумалъ въ погребъ онъ пробраться

#

Нашелъ онъ тамъ горшокъ съ сметаной
И мигомъ, погрузясь въ [нос] него,
Лакалъ онъ съ жадностью, съ [illegible]
Незамѣчая никого.

#

Но вдругъ онъ чувствъ своихъ ли-
шился,
На зовъ нашъ, издавая вздохи,
На днѣ горшка онъ очутился,
Тамъ потерявъ запасъ весь блохъ.

#

Четыре мѣсяца со днями,
И отлежавъ весь лѣвый бокъ,
Котомъ щенки и мышь съ годами
Познавъ сей радости урокъ

. . . .

#

Извѣдавъ мало жизни бремя
Младому студенту всегда
Познать обыденное время
И ѣсть умѣренно... тогда.

с. Шепово
25/VIII 91. Николай и
Георгій Сайковскіе

Николай Ильич приглашал брата посетить Уколово летом 1892 года, а также сообщал о желании Фета вновь встретиться с ним: «Страшно хочу повидаться с тобой у нас в Уколово, почему и сообщаю мое временное отсутствие из деревни. Если Модест не раздумал навестить нас здесь, приезжайте пожалуйста вместе. Шеншин и его супруга не перестают справляться о том, где ты находишься, что делаешь, заедешь ли снова и т. д. <…>».[38] Однако, посетить Уколово и возможно Воробьевку композитор смог уже после смерти Фета летом 1893 года.[39]

В составе личной библиотеки Чайковского сохранились переплетенные в конволют три выпуска «Вечерних огней»,[40] а также два экземпляра сборника стихов Фета, изданного в двух частях в 1863 году.[41] В переводах Фета Чайковский читал сочинения Вергилия,[42] Горация,[43] Катулла,[44] Овидия,[45] Тибулла,[46] Ювенала.[47] В нотной части собрания имеется издание «Stabat Mater» Дж. Б. Перголези с русским текстом в переводе Фета.[48] Имеются сведения, что в библиотеке Чайковского было и издание «Фауста» Гёте в переводе Фета, которое было утрачено до 1923 года.

Именно в переводе Фета композитор изучал и труды А. Шопенгауэра: «Мир как воля и представление», а также переплетенные в конволют «О четверном корне закона достаточного основании» и «О воле в природе».[49] Также в библиотеке Чайковского сохранился сборник трудов

---

[38] *ГДМЧ.* А^{4}. № 5778.

[39] В этот раз Чайковский гостил в Уколово с младшим братом Модестом, встречался с вдовой поэта М. П. Шеншиной, о чем вспоминает Николай Ильич в своих письмах к обоим братьям от 28 июля 1893 г. (*ГДМЧ.* А^{4}. № 5780; Б^{10}. № 6670).

[40] *ГДМЧ.* Д^{1}. № 116, 382–384.

[41] Там же. № 381/1-3.

[42] Там же. № 76/1-2.

[43] Там же. № 115.

[44] Там же. № 182.

[45] Там же. № 236.

[46] Там же. № 319.

[47] Там же. № 405.

[48] Там же. Д^{3}. № 210.

[49] *Шопенгауэр А.* 1) Мир как воля и представление. Перевод Фета / Предисловие к переводу Н. Страхова. 2-е изд. М., 1888 (*ГДМЧ.* Д^{1}. № 392). Далее ссылки на это издание сокращенно: *Шопенгауэр*; 2) О четверном корне закона достаточного основания. Философское рассуждение Артура Шопенгауэра. Перевод А. Фета. М., 1886 (*ГДМЧ.* Д^{1}. № 391/1); 3) О воле в природе: Исследование подтверждений со стороны эмпирических наук, полученных философией автора со времени своего появления. Перевод А. Фета. М., 1886 (*ГДМЧ.* Д^{1}. № 391/2).

Шопенгауэра в переводе Ф. В. Черниговца[50] и книга, посвященная 100-летию со дня рождения философа.[51]

Впервые познакомившись с трудами немецкого мыслителя в 1878 году, в 1880-е годы Чайковский приобрел для своей библиотеки несколько изданий сочинений Шопенгауэра. Впервые на этот мощный фактор духовной жизни композитора, имевший свои последствия в творчестве, обратила внимание музыковед Е. М. Орлова. В 1980 году в своей книге[52] она ввела в раздел II «Мировоззрение, мироощущение, эстетика композитора в зеркале его литературного наследия» главу «Политическая жизнь и философские учения в восприятии Чайковского», опираясь на толстовское высказывание, что «писатель, который не имеет ясного, определенного и нового взгляда на мир, и тем более тот, который считает, что этого даже не нужно, не может создать художественного произведения». Несмотря на все идеологические издержки времени, Орлова объективно отмечает огромное влияние философии Шопенгауэра на русское общество, популярность его учений в среде русских литераторов: от А. И. Герцена до Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. А. Фета. Последний к тому же стал и переводчиком трудов немецкого мыслителя на русский язык. Достаточно подробно и обстоятельно Орлова рассматривает высказывания и рассуждения Чайковского о Шопенгауэре, упоминает о его маргиналиях в прочитанных книгах.[53]

Трактат Шопенгауэра «Мир как воля и представление» занимает в жизни композитора особое место, что сказалось и на количестве маргиналий в нем. Преимущественно это многочисленные, порой целыми страницами подчеркивания — свидетельства диалога-согласия с мыслями философа. Так Чайковский на собственном примере и при изучении им судеб исторических личностей, связанных с искусством, понимает свойственную этим людям особую восприимчивость, способность откликаться на то, что обычными людьми может быть и вовсе не замечено. Проблема жизни гения среди «обычных» людей, затронутая Шопенгауэром, судя по пометам, также вызвала большой интерес Чайков-

---

[50] *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. Мысли о физиономике. О женщинах. О страданиях мира. В дополнение к этике. О критике, суждении, одобрении и славе. Об учености и ученых. О самостоятельном мышлении. О кажущемся вмешательстве судьбы в жизнь человека. Пер. Ф. В. Черниговца / Издание второе, дополненное и умноженное. СПб., 1887 (*ГДМЧ.* Д[1]. № 393).

[51] А. Шопенгауэр: Очерки его жизни и учения (По поводу столетней годовщины его рождения). М., 1888 (Труды московского психологического общества. Выпуск I) (*ГДМЧ.* Д[1]. № 412).

[52] *Орлова Е. М.* Петр Ильич Чайковский. М., 1980.

[53] Там же. С. 114–119.

ского и была ему близка. Приведем фрагмент текста Шопенгауэра с воспроизведением подчеркиваний композитора: «*Обыкновенный человек, этот фабричный товар природы*, каких она ежедневно производит тысячами, как уже сказано, *совершенно неспособен, по крайней мере на продолжительное в полном смысле не заинтересованное наблюдение, составляющее собственно созерцательность*: он способен обращать свое внимание на предметы только постольку, поскольку они имеют какое-нибудь, хотя бы и весьма посредственное отношение к его воле. Так как в этом направлении, требующем только познания отношений, абстрактное понятие вещи достаточно и по большей части гораздо пригодней; то обыкновенный человек не останавливается надолго на простом созерцании и потому не долго приковывает свой взор к известному предмету; а поскорей отыскивает ко всему предстоящему понятие, под которое следует его подвести, как ленивец ищет стула, — и затем вещь уже более его не интересует. *Поэтому он так скоро управляется со всем, с произведениями искусства, прекрасными произведениями природы, и с созерцанием жизни всюду и во всех своих сценах исполненной значительности*. Но он не останавливается: он ищет только своего пути в жизни, в крайнем случае всего того, что когда-либо могло бы стать его путем, следовательно топографических заметок в обширнейшем смысле: над наблюдениями самой жизни, как такой, он не теряет времени. *Гениальный напротив того, коего* познавательная сила, своим избытком освобождается на известную часть его времени от служения его воле, *останавливается на наблюдении самой жизни, старается уловить идею каждой вещи, а не отношения последней к другим вещам: по этому поводу он часто упускает из виду рассмотрение собственного жизненного пути и потому идет по нем большею частью довольно неключимо*. Между тем, как *у обыкновенного человека его познавательная способность служит фонарем, освещающим его путь, у гениального она солнце, озаряющее мир*».[54]

Шопенгауэровские идеи, несомненно, оказали влияние на Чайковского-композитора, что явственно ощущается в опере «Пиковая дама» (1890), создание которой последовало вскоре после чтения трудов немецкого философа. Так, вечным вопросом «Что наша жизнь?» начинается ария Германа из VII картины, предшествующая трагической гибели героя. В рукописи либретто оперы[55] М. И. Чайковским был сочинен всего лишь один куплет для знаменитого brindisi:[56]

---

[54] *Шопенгауэр*. С. 225–226.

[55] *ГДМЧ*. А[6]. № 8.

[56] Brindisi — заздравный тост (*итал.*), в итальянской опере застольная песня.

«Что наша жизнь? Игра!
Добро и зло — одни мечты!
Труд, честность — сказки для бабья!
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья?
Сегодня ты, а завтра я!
Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи!
Пусть неудачник плачет,
Кляня свою судьбу!»[57]

Хотя эти строки принадлежат М. И. Чайковскому, можно считать, что данный текст выражает сформулированную идею самого композитора, так как известно, что между братьями существовали предварительные договоренности. Но при сочинении музыки VII картины оперы и самой арии, которая стала у Чайковского как бы констатацией всей жизненной философии главного героя, ему не хватило поэтического текста в присланном либретто. В марте 1890 года он написал брату из Флоренции: «Второй куплет для *Brindisi* необходим; я не телеграфировал, ибо это обстоятельство меня нисколько не задержит. Второй куплет должен быть по ритму совершенно такой же, как первый, и, по-моему, начиная с „*сегодня ты, а завтра я*“, слова должны остаться».[58]

В рукописи текста либретто VII картины «Пиковой дамы» рядом со стихами первого куплета для brindisi Чайковский карандашом записал: «2-ой куплет про женское сердце: пришел, увидел, победил».[59] На полях — набросок музыки и дополнительных стихов для второго куплета. Приведем варианты текста:

«А что любовь? — игра
Краса и младость лишь мечты
Покорность, верность — сущий вздор».[60]

Далее следуют несколько вариантов для четвертого стиха этой строфы: «Пришел, увидел, победил»; «…избранник победил»; «И кто красотку победи[л]т».[61] После него обозначена еще одна попытка сочинить новый вариант куплета, начинающегося вопросом «А что любовь?»:

---

[57] *ГДМЧ.* А⁶. № 8.
[58] *ЧПСС.* Т. 15-б. С. 83. Также об этом: Там же. С. 81.
[59] *ГДМЧ.* А⁶. № 8.
[60] Там же.
[61] Там же.

Работа П. И. Чайковского над текстом арии Германа (brindisi)
«Что наша жизнь?» из VII картины оперы «Пиковая дама»
в рукописи либретто, написанного М. И. Чайковским.
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

Работа П. И. Чайковского над текстом арии Германа (brindisi) «Что наша жизнь?» из VII картины оперы «Пиковая дама» в рукописи либретто, написанного М. И. Чайковским. Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

«А что любовь? — игра
[Краса и младость]
[Богатство, и] чары красоты.
[Ум, гений]
Ум, гений — сказки для бабья
И кто [избранник] счастливец здесь друзья?
Сегод<ня ты…>»[62]

В конечном итоге, в рукописи эскизов оперы[63] в уже сочиненную в куплетной форме арию Германа композитор вписывает следующий текст второго куплета:

«А что любовь? — игра
Богатство, чары красоты,
Ум, гений — сказки для бабья.
А кто ж счастливей здесь, друзья»[64]

Но и эти слова Чайковский перечеркивает и сверху, над нотным текстом выписывает окончательный текст второго куплета:

«Что верно? Смерть одна!
Как берег моря суеты,
Нам всем, прибежище она.
Кто ж ей милей из нас, друзья?
Сегодня ты, а завтра я!
Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи!
Пусть неудачник плачет,
Кляня свою судьбу!»[65]

Таким образом, ключевыми словами в тексте brindisi, сочиненном П. И. Чайковским, оказались столь важные для него понятия: *Жизнь*, *Любовь*, *Смерть*. В результате получились следующие смыслы: *Жизнь-игра, Любовь-игра, а верна и реальна только Смерть*. И в этом просматривается весьма явственное влияние философских воззрений Шопенгауэра. Так, в «Пиковой даме» источником роковой силы, приносящей страдания всем героям, становятся карты. Очень близка к интерпретации Чайковским этого символа мысль Шопенгауэра, которую композитор подчеркнул в тексте книги: «…особенно же высказывается такая

---

[62] *ГДМЧ.* А^{6}. № 8.
[63] Там же. А^{1}. № 30.
[64] Там же.
[65] Там же.

потребность возбуждения воли в изобретении и процветании карточной игры, которая составляет самое истое выражение печальной стороны человечества».[66]

Герман, главный герой оперы Чайковского, по сюжету достигает всех своих целей: получает секрет «легкого» обогащения (тайна трех карт), а также любовь и прощение Лизы. Но приносит ли ему это хоть каплю счастья? Нет, он теряет рассудок и кончает жизнь самоубийством. Получение всего, что, казалось бы, должно наполнить жизнь Германа смыслом и новыми возможностями, оборачивается еще большим несчастьем и в конечном итоге — смертью. В этом также очевидно сходство с мыслями Шопенгауэра, подчеркнутыми композитором в книге философа «Мир как воля и представление»: «Так между хотением и достижением неизбежно протекает каждая человеческая жизнь. Желание по природе своей — страдание: достижение скоро порождает пресыщение: цель была только кажущейся: обладание отнимает прелесть: под новым видом снова появляется желание, потребность; если же нет, то является бессодержательность, пустота, скука, борьба с которой настолько же мучительна, как и с нуждой».[67]

Одним из сложно интерпретируемых ключевых моментов оперы остается ее финал — развязка всей истории: два самоубийства главных героев. Тема смерти как освобождения совершенно явственно отражена в романсах Чайковского на стихи Д. С. Мережковского «Усни» и «Смерть», ор. 57, 1884 года. Так, в романсе «Смерть» есть следующие строки:

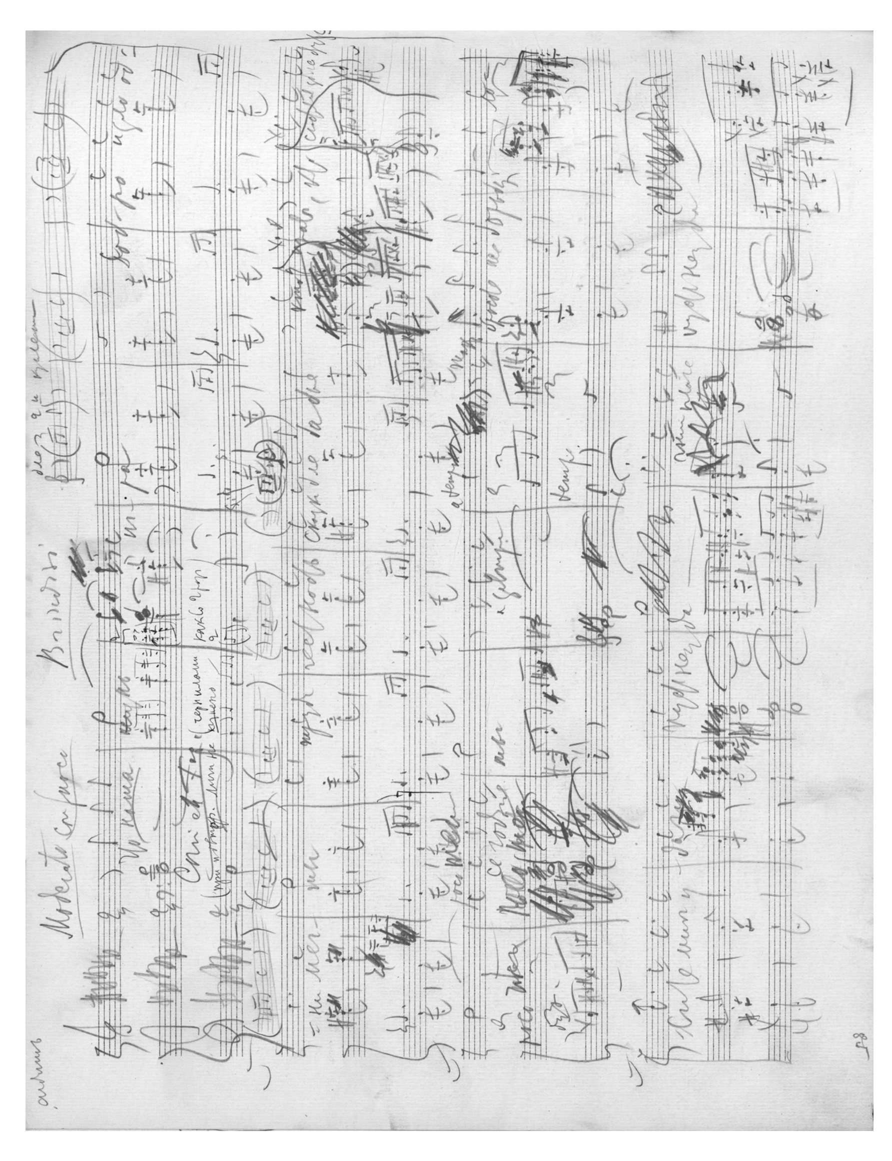
«Это смерть, — но без борьбы мучительной,
Это смерть, пленяя красотой,
Обещает отдых упоительный, —
Лучший дар природы всеблагой».

Заметим, что это фактически первые в отечественной музыке романсы на стихи основателя русского символизма. Причем Чайковский написал их на еще не изданные стихотворения Мережковского, полученные через брата Модеста, близко общавшегося в это время с поэтом.

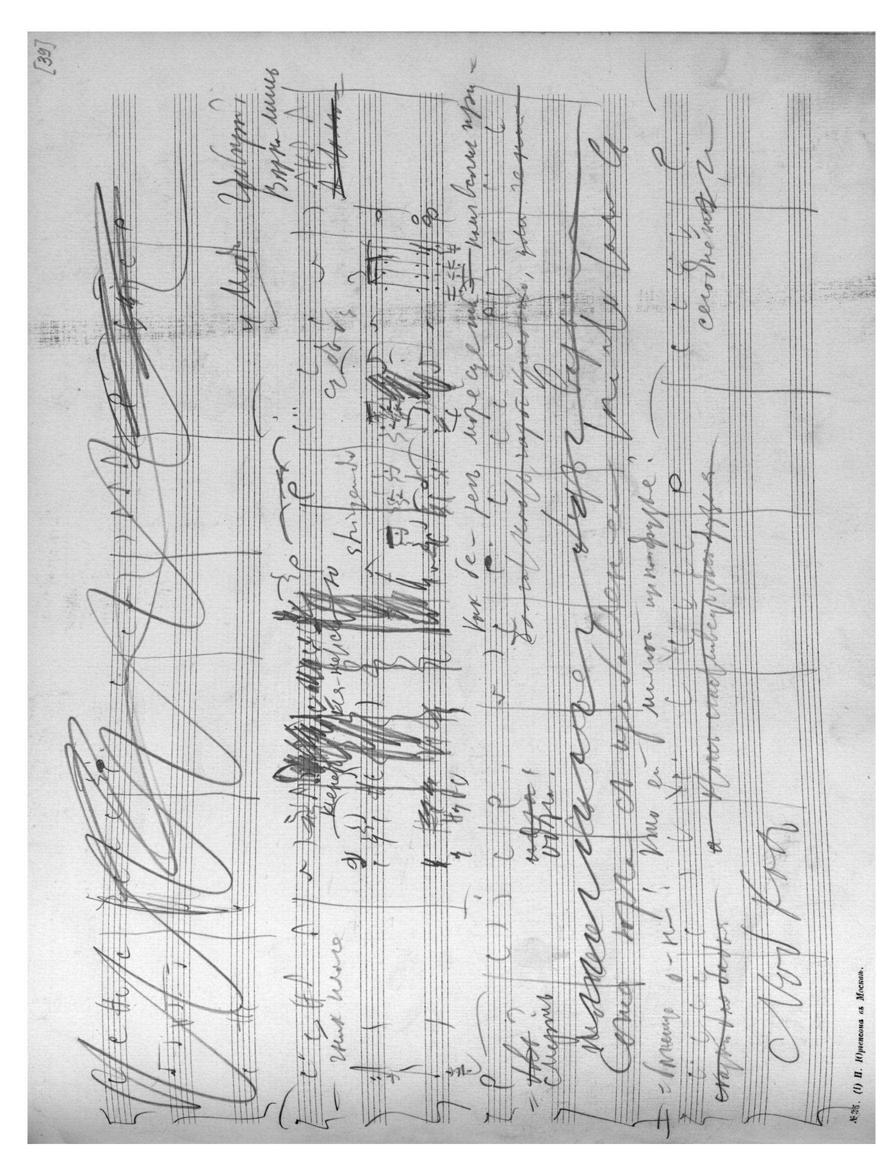
Чайковскому была хорошо известна трактовка Толстым акта добровольного ухода из жизни главной героини романа «Анна Каренина» и, конечно, признания писателя о собственном желании самоубийства в его «Исповеди». Столь любимый Чайковским шекспировский сюжет

---

[66] *Шопенгауэр*. С. 283.
[67] Там же. С. 382.

П. И. Чайковский. Эскиз арии Германа (brindisi) «Что наша жизнь?» из VII картины оперы «Пиковая дама». Карандаш. Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

П. И. Чайковский. Эскиз арии Германа (brindisi) «Что наша жизнь?»
из VII картины оперы «Пиковая дама». Карандаш.
Государственный дом-музей П. И. Чайковского (Клин)

«Ромео и Джульетта» также заканчивался добровольным уходом из жизни юных влюбленных. А сложная позиция Шопенгауэра относительно темы самоубийства заинтересовала Чайковского с самого начала его знакомства в 1878 году с работами немецкого философа.[68] Композитор писал тогда Н. Ф. фон Мекк: «Пока он (Шопенгауэр. — *А. А.*) доказывает, что лучше не *жить*, чем *жить*, все ждешь и спрашиваешь себя: положим, что он прав, — но что ж мне делать? Вот в ответе на этот вопрос он и оказался слаб. В сущности его теория ведет весьма логически к самоубийству. Но, испугавшись такого опасного средства отделаться от тягости жизни и не посмев рекомендовать самоубийство как универсальное средство приложить его философию к практике, он пускается в очень курьезные софизмы, силясь доказать, что самоубийца, лишая себя жизни, не отрицает, а подтверждает любовь к жизни! Это и непоследовательно и неостроумно».[69]

Читая «Мир как воля и представление» как раз перед созданием «Пиковой дамы», Чайковский подчеркивает суждения Шопенгауэра о том, что самоубийство «не приносит спасения», а «Смерть <…> подобна захождению солнца, которое лишь видимо поглощается мраком, но в действительности — само источник всякого света, горит непрерывно, приносит новым мирам новые дни, постоянно в восхождении и постоянно в захождении. Начало и конец касаются лишь индивидуума <…>».[70] Нет сомнения, что целый ряд стихотворений Фета, посвященных смерти, также был близок Чайковскому.

Уже завершив партитуру «Пиковой дамы», во время подготовки первой ее постановки, Чайковский продолжал искать фразу для финального хора молящихся за упокой души самоубийцы Германа. В первоначальных вариантах — за «болезную», «измученную» душу. В конечном варианте — «мятежную» и «измученную». Но при первой постановке оперы на сцене Мариинского театра, в подготовке которой участвовал автор, финальный хор был снят целиком: Герман умирает фактически непрощенным.[71] И хотя это решение автора, принятое, очевидно, совместно с другими участниками постановки (О. О. Палечеком, поста-

---

[68] В феврале 1878 г. Н. Ф. фон Мекк прислала Чайковскому издание работ Шопенгауэра на французском языке (*ЧПСС*. Т. 7. С. 87, 89). Эта книга в личной библиотеке композитора не сохранилась.

[69] *ЧПСС*. Т. 7. С. 122.

[70] *Шопенгауэр*. С. 449.

[71] Об этом см.: *Вайдман П. Е.* Клавир «Пиковой дамы» с мизансценами О. О. Палечека (К истории сценической истории оперы) // Петербургский музыкальный архив. СПб., 2003. Вып. 4 / Отв. ред. Т. З. Сквирская и др. С. 230–242.

новщиком; Э. Ф. Направником, дирижером; Н. Н. Фигнером, исполнителем партии Германа), было вполне осознанным, все-таки Чайковский, проживая и сопереживая все страдания и метания Германа, не мог не сочувствовать своему герою как человеку вне зависимости от собственного отношения к акту самоубийства. И в этом, можно полагать, позиция композитора была подобна суждениям Н. А. Бердяева, который писал: «Мы не должны сурово и беспощадно судить самоубийцу. Да и не нам принадлежит суд. Но нельзя идеализировать самоубийство. Не самоубийцы, а самоубийство должно быть осуждено, как грех, как духовное падение и слабость. Самоубийство есть измена Кресту. В то мгновение, когда человек убивает себя, он забывает о Христе, и если бы он вспомнил, то рука бы его дрогнула и он не нанес бы себе смертельного удара».[72]

Одним из следствий личных духовных поисков Чайковского и его диалогов с текстом Библии, трактатами Толстого, поэзией Фета и сочинениями Шопенгауэра являются его вербальные пометы в музыкальных рукописях 1885–1893 годов, посвященные вопросам Веры, Жизни и Смерти. Все они связаны с предварительным этапом формирования концепций и содержания будущих Пятой и Шестой симфоний. Асафьев считал, что «Симфония — жизнь для Чайковского. Пока в жизни не было трагических коллизий (временное затишье), не было необходимости писать симфоний».[73] Именно *личное* воплотилось в известных записях Чайковского: «Программа I части симф<онии> *Интр<одукция>*. Полнейшее преклонение перед судьбой, или, что то же, перед неисповед<имым> предначертанием Провидения. Allegro I) Ропот, сомнения жалобы и упреки к XXX. II) Не броситься ли в объятия *Веры*??? Чудесная программа, лишь бы выполнить» (осень 1887 года, предварительная программа к Пятой симфонии в записной книжке № 4);[74] «Мотив. Зачем? Зачем: Для чего?»; «Мотив для финала после Зачем? Сначала нет ответа, а потом вдруг торжеств<енно>»; «Дальнейшее суть скиццы к симфон<ии> Жизнь! Первая часть — всё порыв, уверенность, жажда деятельности. Должна быть краткая (финал смерть — результат разрушения) (2 часть любовь; 3 разочарование; 4 кончается замиранием (тоже краткая)» (записи 1891 года, записная книжка № 13);[75] отдельные листы с пометой «В океане».[76]

---

[72] *Бердяев Н.* О самоубийстве (психологический этюд). М., 1992. С. 22.

[73] *Глебов И. <Асафьев Б. В.>* О музыке Чайковского. Избранное. С. 225.

[74] *ГДМЧ.* А[2]. № 4.

[75] Там же. № 13.

[76] Там же. А[1]. № 67.

Чайковский вполне мог сказать о себе словами героя своей симфонии «Манфред», который жил, «томимый, как Фауст, роковыми вопросами бытия»,[77] размышляя о жизни и смерти, о грехе, о прощении и наказании, что воплотилось в его творчестве, таком личностном и автобиографичном. Сам композитор уподоблял музыкальное творчество творчеству лирического поэта и говорил, что сочинение музыки — это «чисто лирический процесс». «Это, — писал Чайковский, — музыкальная исповедь души, на которой многое накипело и которая по существенному свойству своему изливается посредством звуков, подобно тому как лирический поэт высказывается стихами».[78] В этом смысле обращения Чайковского к текстам Библии, идеям Толстого, творчеству Фета и его интерпретации трудов Шопенгауэра являются важнейшими факторами сознательного формирования мировоззрения композитора, которое он выражал в своей музыке.

---

[77] Цит. по: Тематико-библиографический указатель сочинений П. И. Чайковского / Составители: П. Е. Вайдман, Л. З. Корабельникова, В. В. Рубцова. М., 2006. С. 305.

[78] *ЧПСС*. Т. 7. С. 124.

И. А. Кузьмина

ФЕТ И ЕГО СОСЕДИ ОФРОСИМОВЫ

«Н. А. Офросимовой при посылке двух пуговок», «Л. И. Офросимовой», «Л. И. Офросимовой при посылке портрета» и, наконец, «И. Ф. Офросимову. На юбилей конского его завода в селе Березовце» — все эти стихотворения А. А. Фета объединяет общая фамилия адресатов. Адресат последнего стихотворения давно установлен: это Илья Федорович Офросимов (1827–1892), генерал-лейтенант, орловский помещик; в 1888 году его заводу верховых и рысистых лошадей исполнилось 35 лет.[1] О том же, кто такие Н. А. и Л. И. Офросимовы, до сих пор ничего достоверного не сообщалось.[2] Любовь Ильинична Офросимова заслуживает отдельного исследования, а настоящая статья посвящена Н. А. Офросимовой и ее семье.

Обращенное к Н. А. Офросимовой стихотворение датировано 1869 годом. Фет тогда жил в своем имении Степановка, в южной части Мценского уезда Орловской губернии. Среди его близких соседей были Александр Федорович и Варвара Лукинична Офросимовы;[3] история этого семейства рассматривается в содержательной публикации Л. М. Конда-

---

[1] См. некролог И. Ф. Офросимова: Коннозаводство и коневодство. 1892. 29 марта. № 13. С. 257.

[2] Как видно из формулярного списка И. Ф. Офросимова 1883 г., он был холост, детей не имел (*РГВИА*. Ф. 400. Оп. 17. № 6265. Л. 13 об.), поэтому Н. А. и Л. И. Офросимовы не могли быть его женой и дочерью, как это утверждается в некоторых изданиях.

[3] Существовало два варианта написания этой фамилии: Афросимовы и Офросимовы. Со временем утвердился более поздний вариант, которого придерживался Фет: Офросимовы.

ковой «В достойные руки».[4] Варвара Лукинична, известная как автор значительного количества писем к Фету, хранящихся в Государственной российской библиотеке, происходила от своеобразных родителей. Отцом ее был Лука Ильич Жемчужников (1783–1856), отставной гвардии полковник, проживавший в Петербурге. Жемчужников владел несколькими именьями в разных губерниях, однако основным источником его доходов была карточная игра, играл он постоянно и всегда удачно. За карточным столом он неоднократно встречался с Пушкиным, известно, что поэт занял у него, а может быть и проиграл в карты более двенадцати тысяч рублей. Женился Жемчужников на Прасковье Францевне Морелли (1796–1855), от которой до брака прижил четверых детей, всего же имел от нее не менее восьми сыновей и шесть дочерей. Варвара, появившаяся на свет 13 августа 1831 года, была младшей дочерью Жемчужниковых.[5]

Сведения, которыми мы располагаем о ее муже, Александре Федоровиче, почерпнуты главным образом из «Дела о дворянстве рода Офросимовых», в частности из его формуляра, датированного 1852 годом, и указа об отставке.[6] Родился Офросимов 14 марта 1819 года,[7] воспитывался дома, на семнадцатом году жизни поступил в Каргопольский драгунский полк унтер-офицером, год спустя (1836) был произведен в прапорщики. Затем несколько раз менял место службы, пока не перевелся в лейб-гвардии гусарский полк, расквартированный в Петербурге. В гусарах прослужил чуть более 10 лет, в составе Отдельного кавказского корпуса участвовал в боях с горцами, дослужился до ротмистра. Вскоре после рождения первенца Александра, подал в отставку и был уволен от службы с чином полковника 26 января 1853 года.

Его отец, Федор Андреевич Офросимов, в 1815–1817 годы предводитель дворянства Орловской губернии,[8] был крупным помещиком, в Севском и Дмитровском уездах за ним состояло 4500 душ.[9] Проживал

[4] *Кондакова Л. М.* В достойные руки (От книжного автографа к истории дворянского рода Офросимовых) // Шестые Денисьевские чтения. Орел, 2009. С. 94–100; далее ссылки на эту статью: *Кондакова,* с указанием страницы.

[5] Сведения о Л. И. Жемчужникове, включая дату рождения его дочери Варвары, выложены на сайте генеалогических исследований А. Новожилова и Н. Белозеровой: http://novbelgen.net/zh. См. также: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 155.

[6] *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 26. № 4725. Л. 112 а–114, 150–153.

[7] Там же. Л. 101 об.

[8] См. о нем: *Кондакова*. С. 96.

[9] По данным формуляра его сына Александра за 1852 г.: *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 26. № 4725. Л. 114.

в Дмитровском узде, в селе Большое Кричино, пожалованном ему в конце XVIII века Павлом I.[10] Там родились все его дети: две дочери и восемь сыновей, то есть, кроме Александра, еще Борис (1811–1863), Николай (1815–?), Федор (1818 — не позднее 1863), Михаил (1820–1890), Андрей (1821 — не позднее 1865), Иван (1823–1855), а также упомянутый выше в качестве владельца прославленного Фетом конского завода Илья (1827–1892).[11] Со временем Большое Кричино было поделено между Ильей и Александром, последний вдобавок унаследовал в том же Дмитровском уезде села Чувардино и Крупишино. А перед самой отставкой Александр Федорович купил на имя жены несколько близлежащих деревень Мценского уезда, заплатив на них действительному статскому советнику Александру Дмитриевичу Боборыкину сто тысяч рублей серебром. В купчей крепости, совершенной в Орловской палате гражданского суда 5 августа 1852 года, перечислены селения, ставшие собственностью Офросимовых. Это сельцо Семендяево (164 души), сельцо Колошино (55 душ), деревня Шевлякова, Наумова тож (50 душ), деревня Шевлякова, Кисляково тож (124 души) и Александровский выселок (26 душ), «а всего по 9-й ревизии ревизских мужеска пола 409 душ, с принадлежащею к ним землею 2684 десятин 976 саженей».[12]

Поселились Офросимовы в селе Марьине, купленном, по всей видимости, у того же Боборыкина.[13] В мае 1855 года в церкви святого великомученика Дмитрия Солунского села Марьина был крещен второй сын Офросимовых, Николай.[14] Сохранилось также прошение А. Ф. Офросимова на высочайшее имя, датированное 12 июня 1856 года, где прямо указано: «Жительство имею Орловской губернии Мценского уезда в селе Марьине».[15] Через несколько лет (не позднее 1859 г.) Офросимовы

---

[10] Там же. Л. 135.

[11] Десять детей Ф. А. Офросимова с датами их рождения перечислены в справке Орловской духовной консистории от 24 августа 1829 г. (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 26. № 4725. Л. 101–102 об.). Годы смерти сыновей взяты из объявлений разного рода, помещенных в «Орловских губернских ведомостях», а также из следующего издания: Река времен. Кн. 4: Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996.

[12] *Орл. губ. вед*. 1853. 24 января. № 4. С. 42.

[13] Александр Дмитриевич Боборыкин был помещиком с. Марьина по данным 1851 г. Он же в 1838 г. построил в Марьине каменную церковь. См.: *Агошков В. И.* Церкви Мценского уезда в 1851 г. Село Марьино (*ГАОО*. Ф. 453. Оп. 1. Д. 209). Цит. по: http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/proza/352603.html.

[14] *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 26. № 4725. Л. 131–131 об.

[15] Там же. Л. 135.

Вид Орла

приобрели дом в Орле и стали проводить зимы в городе,[16] Марьино же осталось местом летнего пребывания.

О том, как протекала жизнь Офросимовых и людей их круга, дают некоторое представление записки Н. Д. Полонской-Василенко, основанные отчасти на собственных впечатлениях, а больше — на рассказах ее матери, урожденной Мухортовой.

«Орел 1860–1870-х годов был типичным городом средней России. В губернии было много состоятельных старинных помещиков, которые вели большое сельское хозяйство, экспортировали пшеницу, рожь, коноплю; имели заводы рысистых лошадей. Это было время, когда помещики получали „выкупные свидетельства“ за освобожденных крестьян и легкомысленно „закладывали“ поместья в „Дворянском“ или „Золотом“ банках, а деньги, которые получали за „залоги“, тратили не на подъем хозяйства, а на роскошную жизнь.

Жизнь Тулы, Орла, Калуги складывалась по образцам гениально описанного Львом Толстым быта Москвы: балы, банкеты, обеды, вечера — сменялись одни другими. Помещики приезжали „на сезон“ после окончания сельских работ, где-то в октябре, и открывали серию развлечений.

---

[16] В прошении А. Ф. Офросимова на высочайшее имя от 4 января 1860 г. сказано: «Жительство имею в г-де Орле 3-й части в собственном доме» (Там же. Л. 138 об.).

Дворянское собрание в Орле

Город оживлялся. В магазинах было полно ценных товаров; портнихи не успевали шить туалеты. Дворянское собрание, с его великолепной залой с белыми колоннами, с хорами, заполнялось дворянами: они там обедали, завтракали, ужинали, играли в карты. Балы шли за балами. Лучшие артисты, „концертировавшие" в Москве, заезжали в Орел и давали здесь концерты — Натти, Сарасате, Виардо, Венявский и другие.

В Орловском дворянском обществе первые места занимали несколько состоятельных, знатных семей — Страховы, Афросимовы, кн. Вадбольские, Мухортовы. Главы этих семей не имели правительственных должностей; они, в молодости, в основном, служили в армии или в гвардии, а дальше, „по вольности дворянства", выходили в отставку, жили в своих имениях и на зиму переезжали с семьями в Орел. Сыновья служили в полках и приезжали в отпуска. Эти семьи были главным центром дворянства; к ним немедленно приезжали с визитами вновоназначенные высокие чиновники, начиная с губернатора, они делали в соответствующих случаях торжественные обеды, балы — так, как делали в Москве Облонские, Обросимовы. Вполне естественно, что новый житель Орла, корпусный командир Столыпин, приехав в Орел, немедленно нанес визиты всем главным семьям Орла, „его высшему свету"».[17]

[17] *Полонская-Василенко Н. Д.* Воспоминания. Ч. 12; цит. по: http://klub-mastera.narod.ru/index/0-315/. Пабло Мартин Мелитон Сарасате-и-Наваскуэс (1844–1908) —

Прервем цитату, чтобы дать необходимое пояснение. Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899) — а именно его имела в виду мемуаристка — служил в Орле в должности командира 9-го армейского корпуса в 1879–1886 годы. Семья его проживала вместе с ним, в том числе сын Петр и дочь Мария. Будущий реформатор, приехавший в Орел семнадцатилетним юношей, два года обучался в местной гимназии, прежде чем поступил в Петербургский университет. А Мария Столыпина, связав свою судьбу с Владимиром Офросимовым, о котором речь впереди, осталась в Орле и после того, как ее отец получил новое назначение.[18]

«В Орле были резко разграничены части города — дворянская от не дворянской, — продолжает далее Полонская-Василенко. — В дворянской части были — собор, дом губернатора, корпус, Дворянское собрание; были хорошие широкие улицы: Садовая, Дворянская и другие. По другую сторону реки Орлика проживало купечество, мещане. В Орле дворянское общество жило совершенно обособленно от других сословий: ни купечество, ни духовенство, ни даже офицеры пехотного полка с их семьями не относились к нему. Только как редкое исключение было, когда принимали некоторых из пехотных офицеров. Не относились к нему, конечно, и артисты, хотя в Орле была замечательная труппа. <…> В этом узком кружке были своеобразные обычаи, которым все подчинялись. Ни дамы, ни тем более девицы не ходили пешком: это считалось неприлично. Если нужно было сделать визит — запрягали карету или хотя бы коляску (зимой санки) парой лошадей и торжественно проезжали полквартала или квартал, потом лошади ждали час или два у крыльца, пока закончится визит.

Когда я впервые, в 1903 году, попала в Орел и когда мне показали, где и в каких домах, и кто именно жил, то я не могла представить себе, как там люди, на таком пятачке, ездили в каретах. Единственное место, где барышня могла ходить пешком, была Болховская улица; и там, в определенные часы, кажется, между 12-ым и третьим пополудни, гуляли па-

---

испанский скрипач, композитор, один из лучших скрипачей-виртуозов своего времени. Совершал триумфальные гастрольные поездки по многим странам мира; несколько раз выступал и в России (впервые в 1878 г. и последний раз в 1908 г.). Вероятно, имеется в виду Полина Мишель Фердинанд Виардо (1821–1910) — знаменитая французская певица, вокальный педагог и композитор. Выступала в различных театрах Европы и много концертировала, однако в пореформенный период в Россию не приезжала. О ее выступлениях в Орле сведений не сохранилось. Генрик Венявский, в России Генрих Иосифович Венявский (1835–1880) — знаменитый польский скрипач и композитор.

[18] *Кондакова Л.* Орловская судьба Петра Столыпина; цит. по: http://www.gosarchiv-orel.ru/docs/Orlpvskaya%20sudba%20Petra%20Stolypina.pdf.

Болховская улица в Орле

рами дамы „высшего общества“, под руку со знакомыми кавалерами. За ними медленными шагами ехала карета или стояла, ожидая, чтобы их доставить домой, в соседний квартал. Так вся жизнь и проходила, связанная узкими рамками „хорошего тона“: порвать ее не могли жители орловского „Сен-Жермена“».[19]

Как было сказано выше, летний сезон Офросимовы проводили в Марьино. Село это, как и другие имения Варвары Лукиничны: Семендяево, Наумова, Колошино, Шевлякова, лежало при реке Оптухе, в 52 верстах к югу от Мценска,[20] то есть недалеко от Степановки.[21] Однако поз-

[19] *Полонская-Василенко Н. Д.* Воспоминания. Ч. 12; цит. по: http://klub-mastera.narod.ru/index/0-315.

[20] См.: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1871. Т. 29: Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года / Обработано Н. Штиглицем. С. 166. № 3447, 3449–3452; Исторический атлас Орловской губернии: репринтное издание военно-топографической карты 1863 г. СПб., 2012. Л. 67.

[21] Хутор Степановка в «Списках населенных мест» не значится, зато там есть владельческий хутор Кресты, который, по словам самого Фета, находился в версте по прямому направлению от его усадьбы (*Фет А. А.* Из деревни <1863> // *Фет. ССиП*. Т. 4. С. 196). Кресты были расположены в 58 верстах к югу от Мценска (Списки населенных мест Российской империи. С. 165. № 3438).

накомился Фет с соседями из Марьина только в 1868 году, что явствует из письма Марьи Петровны к брату В. П. Боткину. Вот что она писала ему 5 июня: «У нас за это время прибавилось знакомство в 15 верстах, дом Офросимовых. Mme Офросимова очень богатая, ухаживает за Фетом, заботится о его здоровье, то спаржи пришлет, под предлогом, что ему полезно, то варенья, всевозможные любезности».[22] Отметим, что 1868 год — это первый год деятельности Фета в должности мирового судьи, когда соседние помещики стали обращаться к нему в связи с его новыми обязанностями. Возможно, что именно так он познакомился и с Офросимовыми: их имения относились к подчиненному Фету третьему мировому участку.[23] Общительная и словоохотливая,[24] Варвара Лукинична дорожила новым знакомством и всячески старалась упрочить его, а Фет, в свою очередь, был внимателен к соседям. Так, в его письме к жене от 24 января 1869 года читаем: «Был у Офросимовой. <…> Ты обещала дочери ее привезти из Москвы *челночок* для вязанья. Пожалуйста, если сама не можешь, упроси Анну Петровну от меня купить на мой счет челночок. Они так любезны к нам, что, право, совестно оказать невнимание».[25]

22 февраля того же года Фет написал стихотворение, адресованное старшей дочери Офросимовых, Наталье, которой едва исполнилось 16 лет.

Н. А. Офросимовой
при посылке двух пуговок

Вас нет — и плакать я готов,
И ангел мой без вас вздыхает.
Старик-токарь своих трудов
Вам две застежки посылает.

---

[22] *Фет/Боткин*. С. 522.

[23] Сохранилось несколько дел мирового судьи Фета, возбужденных по заявлениям Офросимовых, самое раннее из которых датировано 29 мая 1868 г. В этот день Фет, «выслушав словесную жалобу мценской помещицы Варвары Лукиничны Афросимовой о нанесении ей оскорбления словом экономкою дворовой женщиною Аграфеною Васильевой и признание самой Васильевой», приговорил подвергнуть последнюю штрафу в 1 рубль (*РГБ*. Ф. 315/II. Папка 38. № 29).

[24] Характерны строки из письма С. В. Энгельгардт, посвященные хозяйке Марьина. Вспоминая свое пребывание в Степановке, она писала Фету 4 октября 1869 г.: «Что поделывают ваши соседи? У г-жи Афросимовой не отнялся ли язык? Если нет, любопытно было бы счесть, сколько печатных листов она наговорила с тех пор, как мы виделись» (*ИРЛИ*. № 20298_2. Л. 31 об. См. также: *Письма Энгельгардт*. Ч. 1. С. 133).

[25] *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 26. Л. 33 об.–34.

Когда работал их чудак,
То с вами мысль его дружилась:
О, не кружитесь в жизни так,
Как кость слоновая кружилась![26]

Следует пояснить, что 22 февраля в Степановке обычно собирались гости: в этот день, в день памяти преподобного Афанасия Исповедника, Фет отмечал свои именины. «Чудак», собственноручно выточивший пуговки, — это сам поэт, с детства любивший работать на токарном станке.

К концу 1860-х годов в семье Офросимовых подрастало уже шестеро детей (сын Николай умер не позднее 1866 г.). Перечислим их: Александр (р. 26 января 1852), Наталья (р. 18 февраля 1853), Владимир (р. 27 февраля 1854), Варвара (р. 19 марта 1858), Мария (р. 6 мая 1865),[27] Дмитрий (1866).[28] Последний появился на свет уже после того, как постановлением Орловского дворянского депутатского собрания от 27 сентября 1866 года жена и дети А. Ф. Офросимова были внесены в шестую часть дворянской родословной книги. О том, как сложилась жизнь Натальи, будет сказано особо, а о братьях и сестрах ее известно следующее.

Александр получил воспитание в императорском Александровском лицее, закончил курс в 1872 году и был причислен к Государственной канцелярии. В 1883 году, удостоенный уже звания камер-юнкера, был избран в дмитровские уездные предводители дворянства и прослужил в этой должности девять лет. Затем последовал взлет его карьеры: вице-губернатор (1893–1897) и губернатор (1897–1909) Калужской губернии, камергер (1896) и шталмейстер (1903) высочайшего двора, член Правительствующего Сената (1909–1917).[29] По данным 1915 года, владел имениями при деревне Семендяевой (Сорокино) Мценского уезда, а также при селе Большое Кричино и других селениях Дмитровского уезда.[30]

---

[26] Цит. по: *ПССт1959*. С. 514.

[27] В «Деле о дворянстве…» имеются копии метрических свидетельств о рождении и крещении всех детей Офросимовых, кроме Дмитрия (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 26. № 4725. Л. 110, 132, 133, 154–155 об.).

[28] *Кондакова*. С. 96.

[29] Там же. С. 98. О деятельности А. А. Офросимова в Калуге см.: Калужские губернаторы: библиографические очерки / Сост. Н. И. Андреева и др. Калуга, 2001. С. 155–162.

[30] Эти имения: 748 десятин земли в Мценском уезде и 664 десятин в Дмитровском были заложены в Государственном дворянском земельном банке. (*Орл. губ. вед.*

В. А. Офросимов в мундире кавалергарда.
Фотография. 1875–1876 гг.

Женат был на вдове генерал-майора Лидии Павловне Лосевой, урожденной Павлищевой.[31]

Владимир, выпущенный из Александровского лицея в 1874 году, поступил на военную службу, через восемь лет вышел в запас штабс-ротмистром[32] и поселился в Дмитровском уезде, где с 1883 года служил мировым судьей, а после фактического упразднения мировой юстиции —

1915. 14 октября. № 78. С. 5). Всего же у Офросимова было 811 десятин в Мценском и 681 десятина в Дмитровском уездах (*Орл. губ. вед.* 1915. 22 августа. № 63. С. 2–3).

[31] *Кондакова*. С. 98.

[32] См. подробно о военной службе В. А. Офросимова в следующем издании: Сборник биографий кавалергардов / Под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. 4. С. 306.

земским начальником (1891–1907). Жил в имении при селе Чувардино Дмитровского уезда. Женой его стала Мария Аркадьевна Столыпина (1861 — ок. 1923), сестра будущего председателя правительства. От этого брака родилось двое детей: Михаил (1898–?) и Александр (1900–?).[33] В 1907 году В. А. Офросимов был причислен к Министерству внутренних дел[34] и вскоре стал членом Совета Государственного дворянского земельного банка;[35] несколько лет он провел в Петербурге, а к началу первой мировой войны вернулся в Орловскую губернию.[36] В 1918 году В. А. Офросимов проживал с семьей в Орле, в своем к этому времени уже муниципализированном доме на Садовой улице.[37]

Если жизнь старших сыновей в значительной степени была связана с Дмитровским уездом, то младший, Дмитрий, обосновался во Мценском. Со временем к нему перешло материнское Марьино, где он держал конный завод. В его семье было две дочери, Анна (1895–?) и Наталья (1897–?), обе родились в Марьино. Имя его жены не установлено, но известно, что в 1920 году Дмитрий Александрович был вдовцом и, подобно брату Владимиру, жил в Орле в собственном доме. В 1992 году его младшая дочь Наталья Дмитриевна Офросимова из подмосковного Жуковского обратилась в Орловский архив с просьбой предоставить ей сведения, касающиеся рода ее отца.[38]

Варвара и Мария Офросимовы, получившие домашнее воспитание, остались в Орле и после замужества. Варвара вышла замуж в 1877 году за однофамильца, точнее дальнего родственника, чиновника Орловского окружного суда Дмитрия Николаевича Офросимова. Через десять лет она добилась развода, причем бывшему супругу ее определением С.-Петербургской консистории было запрещено вступать в новый брак. Впоследствии Варвара Александровна вторично вышла замуж за князя Бобринского.[39] Избранником ее сестры Марии стал корнет Казанского 25-го драгунского Его Императорского Высочества эрцгерцога Австрийского Леопольда полка Алексей Рудольфович фон Брауншвейг, ко-

---

[33] Там же.

[34] Выписка из дела о причислении В. А. Офросимова к МВД (*РГИА*). Публикация С. В. Кочевых: http://diderix.petergen.com/lub-ofros.htm.

[35] По данным «Списка гражданским чинам четвертого класса», исправленного по 4 сентября 1907 г. С. 1814.

[36] В «Памятной книге Орловской губернии» на 1914 г. В. А. Офросимов обозначен как директор Отделения тюремного комитета (по избранию), проживающий в с. Чувардине.

[37] *Кондакова*. С. 99.

[38] Там же. С. 98–99.

[39] Там же. С. 98.

торый, возможно, был офицером штаба 9-го армейского корпуса. Венчание произошло в 1884 году в Орле, свидетелями со стороны невесты были ее брат Александр и дядя Илья Федорович Офросимов.[40] Об Алексее Брауншвейге известно не много: в драгунском полку он служил в 1881–1885 годах, затем вышел в запас.[41]

Отношения Фета с Офросимовыми продолжались до конца его жизни, о чем свидетельствуют письма Варвары Лукиничны, последнее из которых написано уже после смерти поэта и адресовано его вдове. Личные встречи после того, как Фет переехал в Курскую губернию, стали нечастыми, но все же были, упоминания о некоторых из них находим в письмах Фета к Д. П. и С. С. Боткиным. Так, 4 декабря 1879 года он писал: «Только вчера проводили мы гостей: mme Офросимову с двумя дочерьми, гувернанткой-француженкой, двумя горничными и слугой. Они уехали в Киев на именины и богомолье».[42] Полгода спустя Фет сам отправился к бывшим соседям. «После 3-летних сборов едем завтра 31 с Марьей Петровной в Мценск<ий> уезд из дома в дом: к Офросимовым, Мацневым, Хрущовым, Тимирязевым и назад. Это в первый раз, что я еду общежития ради, а не по делам» (письмо от 30 мая 1880 г.).[43] Интересно перечисление мценских помещиков, очевидно составлявших дружеский круг общения поэта в его «степановский» период. Из них наиболее известны Хрущовы и Тимирязевы: они упоминаются в мемуарах и статьях Фета, а также являются адресатами нескольких его стихотворений.

Михаил Михайлович (1835–1895) и Елизавета Григорьевна (1845–1904) Хрущовы проживали в селе Долгом и были ближайшими соседями обитателей Степановки; Фет, судя по его письмам, относился к Хрущовым с большой симпатией. Имеющиеся источники рисуют Михаила Михайловича образцовым сельским хозяином. Получив в наследство небольшое имение, он со временем значительно расширил его и вывел в число лучших не только в уезде, но и во всей губернии. Кроме того, Хрущов много сил отдавал общественной деятельности: служил в 1872–1877 годы мировым посредником, затем сменил Фета в должности мирового судьи и закончил свои дни уездным предводителем дворянства.[44]

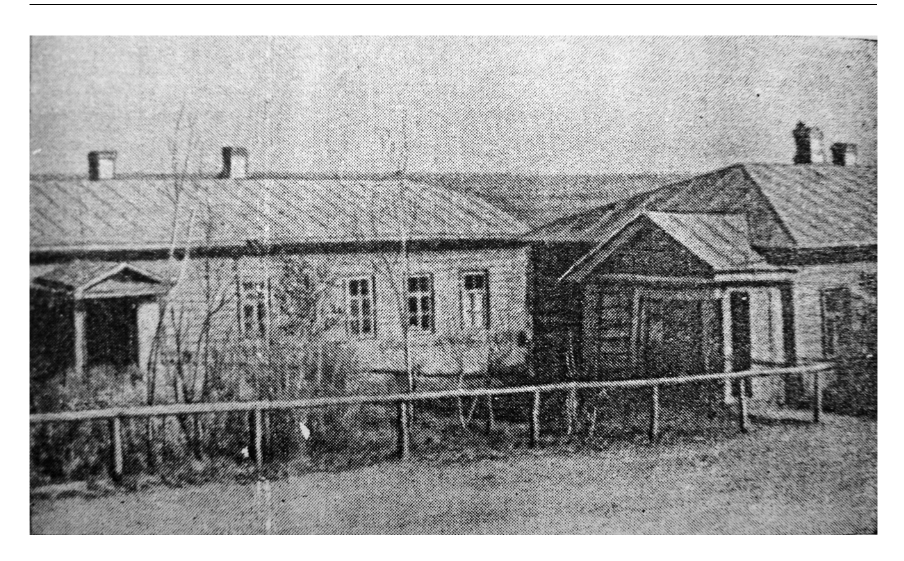
[40] *Кондакова*. С. 97.

[41] История 25-го драгунского Казанского полка. 1701–1901 гг. / Сост. В. Н. Шустов. Киев, 1901. С. 377.

[42] *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 2. Л. 23.

[43] Там же. № 3. Л. 28.

[44] *Фет А. А.* Из деревни <1871>. Глава «Матвей Матвеич» (под именем Матвея Матвеевича Хрящева выведен М. М. Хрущов) // *Фет. ССиП*. Т. 4. С. 372–388; Михаил

Больница в с. Долгом. Фотография. 1960-е гг.

Общим детищем Фета и Хрущова стала земская больница в селе Долгом. В 1872 году Фет передал на устройство этого лечебного заведения капитал, собранный им за несколько лет до этого на благотворительном литературном вечере,[45] а Хрущов, выделив под больницу десятину собственной земли, взял на себя все хлопоты по строительству.[46] По свидетельству Н. М. Чернова, здание больницы, благополучно пережившее революцию и войну, использовалось по первоначальному назначению еще в 60-е годы прошлого века.[47]

Михайлович Хрущов (Некролог) // Орловский вестник. 1895. 29 апреля. № 110. С. 1–2; Выдающийся общественный деятель // Кавказ. 1895. 13 мая. № 124. С. 2 (перепечатано: Орловский вестник. 1895. 24 мая. № 133. С. 2–3).

[45] «Гласный Фет объявил Собранию, что он имеет в виду устроить в Южном участке больницу для излечения преимущественно больных сифилитическою болезнию и желает знать, примет ли Мценское земство в свое распоряжение больницу. Собрание большинством 31 голоса против 1-го определило: принять устраиваемую г. Фетом предпочтительно для сифилитиков больницу и отпускать, когда она будет устроена, содержание помещаемым в ней больным. Причем Собрание выразило г. Фету свою признательность» (Журналы 7-го очередного Мценского уездного земского собрания 1872 года. Заседание 15 сентября 1872 года. С. 12).

[46] *МВ*. Ч. 2. С. 250–251.

[47] *Чернов Н.* Орловские литературные места. Тула, 1970. С. 135. Там же, с ошибочной подписью, что земля под больницу выделена Е. М. Якушкиной, помещена фотография больницы в селе Долгом (на вклейке между с. 144 и 145).

Александр Аркадьевич Тимирязев (1818 — после 1892) и его жена Елизавета Алексеевна, урожденная княжна Вадбольская (1825 — после 1888), были более отдаленными помещиками, их имение Алешня находилось в 35 верстах к северу от Степановки. С Александром Аркадьевичем, уездным предводителем дворянства в 1869–1877 годах,[48] Фет, по его собственным словам, часто имел дело как мировой судья и опекун.[49] Вскоре после избрания Тимирязева предводителем, в 1870 году, Фет, замещая мирового судью соседнего второго участка, в течение нескольких месяцев еженедельно ездил в Алешню, где для него была устроена судебная камера.[50] Видимо, в этот период завязались его особо теплые отношения с Тимирязевыми, которые сохранились до конца жизни поэта. С Александром Аркадьевичем Фет регулярно встречался также в Мценске, во время мировых съездов,[51] а возможно, и у Офросимовых. Надо отметить, что Офросимовы познакомились и сблизились с Тимирязевыми раньше, чем с Фетами: в 1865 году Александр Аркадьевич стал крестным отцом их дочери Марии.

И, наконец, последняя фамилия, Мацневы, довольно распространенная в Орловской губернии. Среди помещиков Мценского уезда было несколько представителей рода Мацневых, но гадать о том, кого именно имел в виду Фет, не приходится: Григорий Александрович (1817–1905) и Любовь Александровна (ум. 1914) Мацневы были его соседями по Сте-

---

[48] Деятельность Тимирязева в должности предводителя снискала столь широкое одобрение, что после его отставки уездное дворянство решило почтить его весьма полезную службу учреждением стипендии его имени (*РГИА*. Ф. 1284. Оп. 91. 1878 А. № 8. Л. 2). Решение это, единогласно принятое на Мценском уездном дворянском собрании 18 декабря 1877 г., после долгих бюрократических проволочек было воплощено в жизнь: 2 апреля 1884 г. Александр III повелел учредить стипендию имени А. А. Тимирязева в интернате Орловского Бахтина кадетского корпуса (Орловский вестник. 1884. 23 мая. № 137. С. 1).

[49] *МВ*. Ч. 2. С. 101.

[50] Там же. С. 160. Мировой судья второго участка Петр Владимирович Рагозин был уволен в отставку, согласно его прошению, указом Правительствующего Сената от 2 июня 1870 г. (*Орл. губ. вед*. 1870. 13 июня. № 24. С. 231). Следующие выборы мировых судей состоялись 22 сентября 1870 г.

[51] В бытность свою мценским предводителем, Тимирязев регулярно устраивал обеды на своей мценской квартире для участников мирового съезда, собиравшихся ежемесячно. См.: *МВ*. Ч. 2. С. 227; *Фет А. А*. Из деревни <1871>. Глава «Вне службы» // *Фет*. *ССиП*. Т. 4. С. 347–353. На квартире у Тимирязева, как и на мировых съездах, Фет мог видеть также А. Ф. Офросимова, М. М. Хрущова и Г. А. Мацнева, все они длительное время были почетными мировыми судьями.

пановке, а главное — родителями Е. Г. Хрущовой.[52] Отставной поручик, помещик Малоархангельского и Мценского уездов, предводитель мценского дворянства в 1877–1881 годах, Г. А. Мацнев владел двумя имениями, расположенными на территории «фетовского» мирового участка: сельцом Хряпино Болото (Павлово) Богородицкой волости и сельцом Александровским Городищенской волости,[53] усадьба его находилась, вероятно, в Александровском.[54] В январе того же 1880 года Фет навестил Мацневых в их доме в Орле.[55]

Хрущовы, Мацневы и Офросимовы вскоре побывали в Воробьевке с ответным визитом. Готовясь к приезду многочисленных гостей, которые должны были собраться в его доме 6 сентября, Фет писал 29 августа 1880 года своему управляющему Александру Ивановичу Иосту: «Люди в кой-то веки делают нам честь: Григ<орий> Алек<сандрович> с женой, судьи, Хрущовы и Вар<вара> Лукинич<на>. — Надо их принять хорошо».[56]

Через несколько лет, обращаясь к Марье Петровне со словами утешения в связи с тяжкими утратами в семье Боткиных, Варвара Лукинична припомнит свои посещения ее курского имения: «Нет дня, чтоб я не переносилась к вам в прекрасную вашу Воробьевку, где вы, такие радушные хозяева, нас 2 раза принимали. <…> Если б я знала, что дорогой Афанасий Афанасьевич будет проезжать Ст<ановой> Колодезь[57] именно и когда, выехала бы взглянуть на него. Если б Вы знали, как вы не достаете в нашем уезде, а особенно для меня. Я вас всей душой

---

[52] Девичью фамилию Е. Г. Хрущовой сообщила Елена Павловна Алиханова, правнучка сына Хрущовых Григория. В «Деле о дворянстве Мацневых» имеются метрические свидетельства о рождении и крещении самого Григория Александровича, а также его детей: Елизаветы (р. 4 марта 1845), Александра (р. 30 июля 1846) и Сергея (р. 22 сентября 1847): *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 25. № 2628. Л. 139, 143, 144, 153–153 об.

[53] См. объявления о выкупных сделках. По Хряпину Болоту: *Орл. губ. вед*. 1880. 22 марта. № 24. С. 150; 1 ноября. № 86. С. 562; По Александровскому: Там же. 21 марта. № 23. С. 136.

[54] В Указе об отставке Г. А. Мацнева 1846 г. записано, что за ним состоит родовых 100 душ крестьян и 600 десятин земли в с. Александровском Мценского уезда (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 25. № 2628. Л. 142). В другом документе, 1847 г., Мацнев обозначен как «сельца Александровки отставной поручик» (Свидетельство о рождении его сына Сергея // Там же. Л. 153).

[55] См. ниже, письмо Фета к жене от 16–17 января 1880 г.

[56] *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 16. Л. 4.

[57] Становой Колодезь — ближайшая к имению Офросимовых станция Московско-Курской железной дороги.

полюбила и сохраняю самое лучшее воспоминание о соседстве с вами».[58]

Трудно сказать, насколько Офросимовы ценили в своем соседе поэта, насколько они вообще интересовались литературой. Письма Варвары Лукиничны, судя по картотеке Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ, имеют бытовой характер, творчество Фета, другие литературные явления в них не затрагиваются. Единственное исключение — цитированное выше письмо к Марье Петровне, где вскользь упоминается рассказ «Вне моды»: «Насилу выбралась из дома навестить дорогих Тимирязевых, и там, понятно, говорили о вас, о рассказе Афанасия Афанасьевича в „Ниве“: так уж мне представилась ваша поездка в Грайворонку».[59] Однако о юбилее литературной деятельности Фета, что отмечался в конце января 1889 года, Офросимовы знали и прислали свои поздравления. «Из забытого уголка шлем привет дорогому соседу в день золотой свадьбы его Музы, при пожелании чтобы вечерние огни его еще не догорали на славу родной Музы. Афросимов, Брауншвейг» — таков текст телеграммы, отправленной из Орла в Москву 28 января.[60] Кроме Офросимовых, из Орловской губернии поздравительные телеграммы прислали также Тимирязевы и племянник Фета Владимир Александрович Шеншин.[61]

А теперь вернемся к старшей дочери Офросимовых, Наталье, которая представляет особый интерес как адресат стихотворения Фета. Как и сестры, она воспитывалась дома, а в первой половине 1870-х годов (не раньше 1872) вышла замуж за Николая Михайловича Полозова, товарища по Лицею ее брата Александра. Фамилия Полозовых до сих пор в связи с биографией Фета не упоминалась, поэтому расскажем немного об этом семействе. Родители Н. М. Полозова, подобно Офросимовым, провели свою молодость в Петербурге. Отец его, Михаил Васильевич Полозов (ок. 1809–1885), в 1829 году, в возрасте двадцати лет, был выпущен из Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров с определением в лейб-гвардии Измайловский полк, где числился до самой отставки в 1846 году.[62] Впрочем, в списках полка большую часть

---

[58] Письмо от 18 июля 1889 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 17. Л. 16–18.

[59] Там же. Л. 16 об.

[60] *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 34. Л. 39. Возможно, подпись в телеграмме исказила ошибка телеграфиста, заменившего «Афросимовы» на «Афросимовъ».

[61] Там же. Л. 33, 40.

[62] Дело о дворянстве рода Полозовых // *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 27. № 4660. Л. 54–55 об.

этого срока он состоял формально, в действительности служил на адъютантских должностях. В 1837–1844 годах был адъютантом генерал-лейтенанта Арбузова, а по назначении последнего к особе цесаревича Александра Николаевича стал адъютантом своего однофамильца Михаила Александровича Офросимова, в будущем — московского военного генерал-губернатора, тогда же — начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии. В 1839 году Полозов женился на Софье Александровне Охотниковой, получив в приданое 360 душ в Калужской губернии;[63] старшие его дети, Василий и Михаил, родились еще в Петербурге в 1842 и 1846 годах. Выйдя в тридцать семь лет в отставку с чином полковника, Полозов увез семью в Орловскую губернию, где у его отца было несколько имений. Третьего и последнего ребенка Полозовых, Николая, родившегося 1 декабря 1849 года, крестили уже в кафедральном соборе города Орла.[64] В 1853 году Полозов унаследовал деревню Пронино Мценского уезда,[65] а в Болховском уезде — еще несколько деревень. Сохранился вводный лист от 2 августа 1853 года на болховские имения, согласно которому к нему перешло сельцо Цветынь с барской усадьбой, а также деревни Нелюбово и Плешково.[66] В Цветыни Полозовы стали жить летом, а на зиму, как многие помещики, переезжали в Орел.

Николай Полозов поступил в Лицей, который давал общее высшее образование, довольно поздно, в шестнадцать лет,[67] и закончил полный курс наук одновременно с Александром Офросимовым, в 1872 году. Первое время после возвращения в родные места он фактически не служил, числясь при Министерстве внутренних дел. В этот период молодой человек женился на Наталье Офросимовой, их старшая дочь, Варвара, родилась, вероятно, в 1874 году.[68] В феврале 1874 года приказом по ведомству Министерства юстиции его перевели кандидатом на судебные должности при Орловском окружном суде, что также не налагало на него каких-либо обязанностей. Затем, после недолгого пребывания в должности помощника секретаря Съезда мировых судей Орлов-

---

[63] Там же. Л. 55 об.

[64] Там же. Л. 70.

[65] Там же. Л. 77.

[66] Там же. Л. 68.

[67] По уставу 1848 г., в Лицей принимали мальчиков в возрасте от 11 до 16 лет. Образование, которое давал Лицей, приравнивалось к университетскому (*Павлова С. В.* Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. СПб., 2002. С. 36, 44).

[68] См. примеч. 73.

ского округа, Полозов был избран почетным мировым судьей,[69] а несколько месяцев спустя, 18 сентября 1876 года, — мировым судьей по второму участку города Орла. Мировым судьей в Орле он прослужил до 6 октября 1885 года, три срока подряд.[70] Кроме того, в 1883–1885 годы он был непременным членом Съезда мировых судей Орловского округа. 22 января 1885 года умер его отец,[71] и Николай Михайлович унаследовал родовое имение Цветынь. Видимо, вследствие этого обстоятельства он решил не баллотироваться в мировые судьи на очередных выборах: управление имением трудно было совместить с постоянным пребыванием в Орле. В последующие годы Полозов участвовал в общественной жизни в качестве почетного мирового судьи (1887–1891), а после преобразований в судебной системе стал земским начальником второго участка Болховского уезда. В этой должности он состоял с 1 июля 1891 года по 1897 год, проживая в Цветыни.[72] В его семье, кроме старшей Варвары, было еще двое детей: сын Александр (р. около 1878) и дочь София (р. около 1881).[73] Скончался Н. М. Полозов 24 февраля 1898 года в Орле.[74]

Пока выявлено только одно упоминание Полозовых в письмах Фета, довольно позднее, относящееся уже к «воробьевскому» периоду его

---

[69] В должности помощника секретаря состоял с 10 декабря 1875 г. по 22 марта 1876 г., когда был уволен по собственной просьбе. Двумя днями ранее, 20 марта, Полозов был избран почетным мировым судьей Орловского округа (Формулярный список о службе Н. М. Полозова, составленный 1 декабря 1891 г. // *РГИА*. Ф. 1349. Оп. 3. № 1757. Л. 28–32).

[70] Там же. По данным «Адрес-календаря Орловской губернии», составленного по сведениям до 1 ноября 1877 г., квартира Н. М. Полозова была на Болховской улице в доме Агошкова, а судебная камера на Новосильской улице, в доме Ноздрина (С. 49).

[71] Орловский вестник. 1885. 24 января. № 24. С. 1.

[72] О назначении Н. М. Полозова земским начальником: *РГИА*. Ф. 1291. Оп. 30. Гр. В II. 1891 г. № 15. Л. 52 об.–53; в «Памятной книжке Орловской губернии» на 1897 г. (С. 200) Полозов числится земским начальником второго участка Болховского уезда с квартирой в с. Цветыни. В том же издании на 1898 г. эта должность обозначена как вакантная (С. 168).

[73] В формулярном списке Н. М. Полозова, датированном 1 декабря 1891 г., указан его возраст: 40 лет и возраст его детей. Варваре, на момент составления формуляра, якобы было 15 с половиной лет, Александру — 11 с половиной лет, Софье — 8 с половиной лет. На самом деле Полозову 1 декабря 1891 г. исполнилось ровно 42 года, что заставляет предположить, что и к возрасту его детей, обозначенному в формуляре, следует прибавить по два года. В таком случае Варвара родилась около 1874 г.

[74] Орловский вестник. 1898. 25 февраля. № 53. С. 1.

Фрагмент карты Орловской губернии 1863 г.,
на котором обозначены Цветынь, Клейменово и Башкатова

биографии. В январе 1880 года поэт прибыл в Орел, чтобы навестить больную сестру Любовь Афанасьевну и неожиданно попал на бал, который его племянница Ольга Шеншина давала местному дворянству. В письме к жене, написанном по возвращении в Воробьевку, Фет упоминает бывшую на бале в черном бархатном платье красавицу Наталью Александровну Полозову, а поскольку Марья Петровна также имела намерение заехать в Орел по пути из Москвы, советует: «Но непременно побывай у стариков Полозовых, которые тебе усердно кланяются и ждут как праздника. Не умею сказать, как были любезны. Не забудь тоже Мацневых, я у них обедал, и она все спрашивала о тебе. Любезно будет, если заедешь к молодым Полозовым».[75]

Судя по приведенной цитате, Михаил Васильевич и Софья Александровна были дружески расположены к Фетам и рады случаю повидаться с ними. Очевидно, они время от времени встречались с Фетом в Орле, куда Афанасий Афанасьевич иногда ездил по делам, а также в Марьино у Офросимовых. Было и еще одно обстоятельство, вероятно способст-

[75] Письмо от 16–17 января 1880 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 27. Л. 14 об.–15.

вовавшее сближению Полозовых и Фета: место их летнего пребывания, Цветынь, лежащее на границе с Мценским уездом, недалеко от железнодорожной станции Отрада, находилось в близком соседстве с Клейменовым, родовым имением Шеншиных.[76]

В селе Клейменове, где при старой Покровской церкви покоились его мать Елизавета Петровна и отчим Афанасий Неофитович, Фет в некоторые периоды своей жизни бывал регулярно. В 1871–1877 годах он управлял Клейменовым на правах опекуна своей племянницы Шеншиной, владелицы имения, и мог познакомиться со старшими Полозовыми еще прежде, чем они породнились с Офросимовыми. После разрыва отношений с Шеншиной посещения Фетом Клейменова прекратились; возобновились они в 1884 году, когда муж Ольги Васильевны, офицер элитного гвардейского полка Николай Павлович Галахов, вышел в отставку[77] и Галаховы переехали из Петербурга в Орловскую губер нию. Начиная с этого времени, Афанасий Афанасьевич завел привычку каждую осень останавливаться на несколько дней у Галаховых в Клейменове по пути из Воробьевки в Москву.[78] Судя по воспоминаниям С. А. Тинькова, сына помещиков соседнего села Башкатова, в эти дни Фет встречался с проживавшими поблизости знакомыми,[79] вполне вероятно, в их числе были и Полозовы. Правда, к осени 1885 года Михаила Васильевича уже не было в живых, но Фет мог застать в Цветыни его вдову,[80] а также «молодых» Полозовых, которые, по крайней мере с тех пор как Николай Михайлович занял должность земского начальника, жили в родовом имении постоянно.

Письменные свидетельства внимания, проявленного к поэту Николаем Михайловичем и Натальей Александровной, относятся к последним годам его жизни. Сохранился отклик Полозовых на юбилей Фета: телеграмма, отправленная ими 28 января 1889 года со станции Отрада: «Сердечно поздравляем с полувековой деятельностью дорогого юбиляра,

---

[76] Исторический атлас Орловской губернии. Л. 48.

[77] Поручик Н. П. Галахов был уволен от службы по домашним обстоятельствам 23 июня 1884 г. (Формулярный список 1915 г.: *РГИА*. Ф. 1284. Оп. 47. 1907 г. № 75. Л. 87 об.–88 а).

[78] О намерении выехать 18 сентября к Галаховым, а от них 1 октября отправиться в Москву Фет писал Д. П. и С. С. Боткиным 17 сентября 1884 г. (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 5. Л. 11). За 1885 г. сведений нет, а все последующие годы, за исключением 1891-го, Фет по дороге в Москву заезжал в Клейменово и проводил там несколько дней (см.: *Фет/Толстая*).

[79] *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 2. № 6. Л. 18 об.–20.

[80] Софья Александровна Полозова умерла 17 сентября 1888 г. (Орловский вестник. 1888. 18 сентября. № 125. С. 1).

желаем, чтобы еще долго русская литература обогащалась его трудами, шлем душевный привет Марье Петровне. Полозовы».[81] А в последнюю свою осень, перед самым отъездом из Воробьевки, Фет получил от Полозовых письмо с почтовым штемпелем «14 сентября 1892 года». В конверте оказалось печатное приглашение на свадьбу: «Николай Михайлович и Наталия Александровна Полозовы покорнейше просят Вас пожаловать на бракосочетание дочери своей Варвары Николаевны с Семеном Ивановичем Гаевским, в имение Цветынь, 16-го сентября сего года в 2 часа дня. Московско-Курская железная дорога, станция Отрада, имение Цветынь».[82]

Семен Иванович Гаевский — еще одно новое имя, «всплывшее» в связи с историей отношений Фета с Офросимовыми и Полозовыми. Едва ли мы ошибемся, предположив, что это тот самый Семен Иванович Гаевский, что с 1877 года служил в лейб-гвардии Семеновском полку и вышел в отставку в марте 1892 года капитаном.[83] Интересно, что Гаевский был однополчанином Н. П. Галахова, служившего в том же полку в 1874–1884 годах. Фет был знаком с женихом Варвары Полозовой, причем познакомился с ним задолго до его сватовства. 29 января 1889 года, в день своего литературного юбилея, он получил телеграмму из Петербурга с подписью «Симеон Гаевский» следующего содержания: «Поздравляю, желаю здоровья, благоденствия и пью за славу вашей Музы».[84] Есть некоторые предположения и о происхождении С. И. Гаевского. В середине 1850-х годов, вращаясь в кругу петербургских литераторов, Фет нередко виделся с историком литературы, критиком, будущим видным деятелем Литературного фонда Виктором Павловичем Гаевским. В 1883–1884 годах между Гаевским и Фетом состоялся обмен письмами в связи с планами по изданию эпистолярного наследия И. С. Тургенева. В письме Фета от 1 ноября 1883 года для нас примечательны следующие строки: «Познакомился я в прошлом году в Питере с милым офицером, Вашим племянником <…>».[85] Принимая во внимание все обстоятельства, трудно удержаться от заключения, что племянником этим был Семен Гаевский.[86]

---

[81] *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 34. Л. 41.

[82] Там же. К. 10. № 39. Л. 1.

[83] История лейб-гвардии Семеновского полка / Сост. П. Дирин: В 2 т. СПб., 1883. Т. 2. С. 61. С. И. Гаевский был уволен от службы высочайшим приказом от 17 марта 1892 г. (Русский инвалид. 1892. 18 марта. № 61. С. 1).

[84] *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 34. Л. 43.

[85] *РНБ*. Ф. 171. № 295. Л. 2.

[86] У В. П. Гаевского был единокровный брат Иван (1843–?), сыном которого мог быть С. И. Гаевский (*РГИА*. Ф. 733. Оп. 2. № 82. Л. 214–232).

На свадьбу к Полозовым Фет не поехал. 14 сентября 1892 года, когда до бракосочетания оставалось два дня, он писал графине С. А. Толстой, что недавно перенес серьезную болезнь.[87] 26 сентября Афанасий Афанасьевич навсегда покинул Воробьевку и отправился по обычному маршруту: сначала к Галаховым в Клейменово, а оттуда — в Москву. У Галаховых он, видимо, в последний раз встретился с Натальей Александровной Полозовой и членами ее семьи.[88]

В последующие годы жизнь Натальи Александровны не была безоблачной. В 45 лет она овдовела, а вскоре пережила и смерть отца: Александр Федорович умер 3 мая 1900 года в Калуге после продолжительной болезни.[89] Со временем материальное положение Полозовых пошатнулось: Цветынь была заложена и в 1915 году едва не продана с аукциона за неуплату процентов.[90] В том же 1915 году умерла младшая дочь Натальи Александровны, княгиня София Николаевна Черкасская. В объявлении о ее кончине, помещенном в «Орловском вестнике», перечислены скорбящие родственники: мать, брат, сестра, двоюродные сестры и племянница.[91] Скажем несколько слов о сыне Полозовых, Александре. В списках орловских помещиков обнаружить его не удалось, однако имение его бабушки Софьи Александровны находилось в Мосальском уезде Калужской губернии. Просмотр памятных книг Калужской губернии выявил следующее: в 1905–1917 годы Александр Николаевич Полозов служил предводителем дворянства Мосальского уезда, и в том же уезде, в Стаицкой волости, у него было имение София с лесопильным заводом.[92]

В конце ноября 1917 года в Орле на восемьдесят седьмом году жизни умерла Варвара Лукинична Офросимова,[93] а вместе ней ушло все, что

---

[87] *Фет/Толстая*. С. 230.

[88] Возможно, Полозовы присутствовали на похоронах Фета, погребенного в Клейменово, в фамильном склепе новой Покровской церкви, 25 ноября 1892 г.

[89] Орловский вестник. 1900. 6 мая. № 119. С. 1. А. Ф. Офросимов умер в доме сына Александра, калужского губернатора, на восемьдесят втором году жизни; был похоронен в семейной усыпальнице с. Большое Кричино Дмитровского уезда.

[90] *Орл. губ. вед*. 1915. 18 марта. № 21. С. 5. Имение Полозовых, назначенное в продажу за неуплату суммы в 600 рублей, составляло 1280 десятин земли при с. Цветынь с деревнями.

[91] Княгиня София Николаевна Черкасская, урожд. Полозова, скончалась 16 ноября «после тяжких страданий» (Орловский вестник. 1915. 17 ноября. № 267. С. 1).

[92] Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. Калуга, 1913. Справочный отдел. С. 41.

[93] *Кондакова*. С. 99. В. Л. Офросимова умерла, видимо, 23 ноября 1917 г., так как на 12 декабря была заказана заупокойная литургия в Георгиевской церкви

составляло благополучие семейства. Часть ее потомков в первые годы после революции эмигрировала, часть — осталась на родине. Покинул Россию ее старший сын Александр Александрович, выехавший вместе с семьей, по некоторым данным, умер он в 1935 году. В эмиграции оказался и Семен Иванович Гаевский, упомянутый в книге С. В. Волкова «Офицеры российской гвардии». Он закончил свой жизненный путь в 1936 году в Бессарабии.[94] Вероятно, Варвара Николаевна Гаевская последовала за мужем; судьба ее матери, Натальи Александровны Полозовой, и брата, Александра Николаевича Полозова, пока остается неизвестной.

по случаю двадцатого дня после ее кончины (Орловский вестник. 1917. 10 декабря. № 275. С. 1). Номера «Орловского вестника» за 24 и 25 ноября в петербургских библиотеках отсутствуют. 26 ноября в том же издании помещено объявление, в котором дочери и сыновья В. Л. Офросимовой выражают благодарность всем, почтившим ее память (№ 264. С. 2).

[94] *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. М., 2002. С. 116.

Е. Н. Ашихмина

МЦЕНСКИЕ РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ ФЕТА НА СТРАНИЦАХ ВОСПОМИНАНИЙ «РАННИЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Афанасий Фет вырос во мценском имении Новоселки, оказавшись в окружении своеобразного социокультурного поля среднерусской губернии, складывавшегося на протяжении столетий. Огромную роль в его формировании сыграло сословие детей боярских городовых, защищавших окраины Русского государства от нашествий крымских татар и одновременно возделывавших землю, ибо она была платой за их ратный труд. Ближайшие соседи Шеншиных — Толстые, Волконские, Горчаковы, Лутовиновы, Афросимовы, Кривцовы, Бунины, Карповы, Протасовы, Трубниковы, Хвостовы, Мансуровы (из донских казачьих атаманов[1]), Борисовы, Зыбины, Тулениновы и другие известные русской культуре фамилии жили здесь веками, отлично знали друг друга, роднились и кумились, помнили свои корни и легенды, окружавшие старые роды. Основательность, отношение к земле как вотчине пращуров, которую не забывали даже при карьерных взлетах, обрекавших их на службу в столицах, были характерными чертами помещиков орлов-

---

[1] Предок Мансуровых — донской атаман Угрим Константинов Мансуров. В XVI в. в Орловском уезде он получил поместье, «что осталось за окладом у Курбата у Сазонова сына Кокурина в починке Кокурине на реке на Оке усть Голшово колодезя с нижнюю сторону под Долгим липнягом» (Писцовые книги Московского государства / Издание императорского Русского географического общества под редакцией действительного члена Н. В. Калачова. СПб., 1887. Ч. I: Писцовые книги XVI в. Отд. II. Т. 10: Писцовая книга Орловского уезда 1594/95 гг. С. 894).

ско-мценско-тульского круга. Сев, ожидание и сбор урожая, сенокос, скотный двор и птичник, ремонт домов и построек, переустройство усадьбы, общественные обязанности, а вместе с тем охота, рыбная ловля, прием гостей и поездки в гости определяли ритм дворянской жизни, ее целесообразность и пристойность.[2] Мировоззрение наследника земель «отчич и дедич», ответственность за хозяйство, за крестьян, в том виде, в каком она понималась поколениями вотчинников, сформировались у Фета довольно рано и, по сути, не менялись никогда. Отнять у него родовую фамилию означало отнять у него целый мир, в котором он родился и вырос, который воспринимался им как правильный, как свой.

Афанасий Неофитович Шеншин, которого Фет считал отцом, был ярким представителем местного родовитого дворянства, членом многочисленного и разветвленного семейства Шеншиных, обитавшего в Орловском крае по меньшей мере с середины XVII века,[3] когда в числе детей боярских они служили на южных рубежах Русского государства, защищая их от крымских татар. Шеншины имели поместья в Болховском, Кромском и особенно во Мценском уезде Орловской губернии, о котором даже сложилась поговорка «У нас что ни аршин, то Шеншин». Среди родственников и однофамильцев, в которых Фет подозревал свою дальнюю родню, имелись личности легендарные, оставившие о себе память у современников и потомков. Одно из семейств мценских Шеншиных было известно, например, своим редким благочестием. Будучи духовными детьми отца Мельхиседека,[4] известнейшего иеромонаха Мценского Петропавловского монастыря, эти Шеншины, по свидетельству современников, «следовали советам его как послушные дети; научаемые нестяжательности <…>, они щедрою рукою благотворили нуждающихся, подавали значительные пожертвования для украшения храмов. <…> Бывать в храме монастырском гг. Шеншины считали необходимою для себя потребностию; несмотря на то, что имение их отстояло от монастыря верстах в шести, они не опускали ни одного дня, мало того, ни одного богослужения, начиная с раннего и до вечернего; ни весенний разлив воды, ни летние дожди и лучи палящего

---

[2] О пристойности, как позднее вспоминал Фет, «отец говаривал, что это небольшой зверок, который, однако, очень больно кусается» (*РГ.* С. 66).

[3] Во Мценской отказной книге середины XVII в. были зафиксированы «мецнянин Данила Гридарев сын Шеншин» (1630); дети боярские Сила и Василий Михайловы дети Шеншины (1636) (см.: Мценская отказная книга. 1630–1691 // Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977. С. 178, 197).

[4] Иеромонах Мельхиседек (в миру Филипп Арнаутов) (1818–1846).

солнца, ни осенняя грязь, ни зимний холод и метели, — ничто не могло задержать их в доме; <…> и часто приходили сюда раньше многих монашествующих; здесь они молились и, слушая беседы Мельхиседека, иногда забывали о пище».[5]

Случались в числе Шеншиных и разбойники. Князь Петр Долгоруков писал о них: «Еще в царствование Екатерины II во многих губерниях потаенными главарями разбойничьих шаек были как раз такие люди (благородного происхождения, даже титулованные и с большими связями. — *Е. А.*). Так, в Чернском уезде было два известных главаря шаек из дворян: Ержинский и Григорий Алексеевич Шеншин, принадлежавший к очень хорошей семье. Шеншин, умерший полвека тому назад, оставил двух внебрачных дочерей, которые в 1859 году, во время моей эмиграции, были еще живы, обе они вышли замуж за мелких соседских помещиков, за г-на Буколова и за г-на Трубникова, весьма приличного человека».[6] В «Книге записи купчих крепостей и завещательных писем на 1801 год», хранящейся в Государственном архиве Орловской области, имя отставного капитана Григория Алексеева сына Шеншина встречается неоднократно. По-видимому, в конце XVIII — начале XIX века он занимал крупные суммы у мценских дворян. В 1801 году, например, его кредитором являлся коллежский асессор Андрей Дмитриевич Протопопов.[7] Деньги, которые Григорий Шеншин не единожды брал в долг (по 1000 рублей единовременно), сложно было вернуть. Немалые долги, должно быть, и толкнули его на неправедный путь.

Документы ГАОО, обнаруженные автором данной статьи, существенно уточняют и расширяют представление литературоведов об окружении Фета. Они касаются раздела имений его предков, продажи и купли земли, наследственных и заемных дел его родственников, однофамильцев и соседей по имению. В числе подобных материалов нужно назвать, например, запись о разделе имений между поручиком Неофитом Петровичем Шеншиным (дедом Фета) и его родным братом, коллежским асессором Василием Петровичем. Раздел происходил 5 февраля 1789 года.

---

[5] О. Мельхиседек, иеромонах Мценского Петропавловского монастыря (Орловской губ.), и юродивый Иван Коробочкин. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портретами). Сентябрь. Козельск; Введенская Оптина пустынь, 1996. С. 154. [Репринтное издание Афонского Русского Пантелеймонова монастыря; типо-литография И. Ефимова, 1909 г.]

[6] Записки князя Петра Долгорукова / Пер. с франц. А. Ю. Серебрянниковой; Вступит. ст., примеч. и указ. С. Н. Искюля. СПб., 2007. С. 331 [впервые: Женева, 1867].

[7] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2889. Л. 38, 92 об.

Земли достались им «после покойных родителей» — «поручика Петра Афанасьевича и Авдотьи Васильевой, и дяди нашего майора Ивана Трофимовича Шеншиных».[8] Родительские имения Шеншиных находились «Орловского наместничества в округе Мценской» в деревнях Пеньковой и Верховья речки Ядринки Долгом колодезе; Ливенской — в деревне с похожим названием — Верховья Долгого колодезя и «в деревне Слободке, что на реке Тиму», а за поручицей Авдотьей Васильевной, помимо этих же деревень, числились еще владения в деревне Проскурниной Дежкинской округи; в деревне Скворчей Озерне (то самое Скворчее, о котором пишет Фет) Тульского наместничества Новосильской округи, а также «Воронежского наместничества Землянской округи деревне Озерне, что на реке Грайворонке», «которое имение дошло ей, матери нашей, по наследству от предков ее и следующее ей наследное после покойного ее мужа, а нашего родителя, означенного поручика Петра Афанасьевича часть».[9] (Вероятно, Авдотья Васильевна скончалась в конце 1788 года, после чего и проходил раздел.)

Дяде братьев — майору Ивану Трофимовичу Шеншину[10] принадлежала земля во мценских селах Афанасьевском и Воскресенском, которые соседствовали с деревней Казюлиной (будущими Новоселками), а также деревни Сурядная, Алешня и отхожая пустошь деревни Тетерья, Медвежья тож. Братья «полюбовно» делили деревни и крестьян, определяя части и сестрам, причем оговаривали, что долю сестер они выделяют по словесному завещанию матери. Сестры — поручицы Пелагея Петровна Кривцова, Анна Петровна Логвинова и капитанша Татьяна Петровна Трубникова, а также племянница «Петровичей» девица Ольга — дочь еще одной, умершей сестры Шеншиных и поручика Василия Матвеева получили незначительные земельные дачи. По большей части к ним отходило движимое имущество в виде крестьян, имена которых перечисляются в документе.

В результате раздела Неофит Петрович как старший стал владельцем большой деревни Пеньковой и «стоящей усть реки Оптухи мельницы».[11] Деревня Пенькова была центром прилежащих к ней незначительных по размерам селений и пустошей, выходивших на берега рек Оптухи и Легощи. По данным Писцовой книги 1594/95 годов, подтверж-

---

[8] Там же. Д. 2823. Л. 3.

[9] Там же.

[10] Майора Ивана Трофимовича Шеншина нет в родословной, составленной Н. М. Черновым (см.: *Чернов Н. М.* Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 102–105).

[11] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 4.

денным сообщением в «Орловских губернских ведомостях» 1852 года, удалось установить, что собственно в Пеньково входили деревни Нижняя и Вышняя Калиновка современного Орловского района.[12] Кроме того, дед Фета на свою часть получил деревню Верховье Долгого Колодезя Ливенской округи, откуда выделил землю сестрам Татьяне и Пелагее, отдав брату и сестрам тамошних крестьян на свод, а также выделил своим младшим родственникам деревню Скворчую Озерну Тульского наместничества Новосильской округи.

Младший брат Неофита Петровича Василий получил по разделу деревню Проскурнину Дежкинской округи,[13] из которой несколько семей крестьян передал брату в Пеньково, деревню Озерну на реке Грайворонке, мельницу и две десятины земли под ней на реке Легоще в деревне Калиновке (одной из частей Пенькова). Из земельной «дачи» Василия также были определены части сестрам, в частности Анне Петровне Логвиновой. Василию досталось на его часть и «Мценской округи деревни Долгого колодезя с людьми и со крестьяны, положенными за покойною матерью нашею Авдотьею Васильевною по 4 ревизии и после оной рожденными мужеска пола и женска пола всех без остатка».[14] Остальные земли делились между братьями пополам.

В материалах дела нет упоминаний о с. Клейменово (Скородное), которое Фет называл «родовым», принадлежавшим прадеду. Скорее всего, братья не делили поместье в селе, поскольку ранее оно уже было выделено родителями на часть старшего сына Неофита. Можно предположить, что при выделении Н. П. Шеншин получил также поместье в д. Борняковой[15] Дежкинского уезда, в д. Казюлькиной (Мартюхинской Удереви тож),[16] в д. Покровской, Петиной[17] и в пустоши Ашихминской[18]

---

[12] *Орл. губ. вед*. 1852. 3 мая.

[13] Дежкинский уезд находился в треугольнике Мценского, Орловского и Болховского уездов.

[14] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 5.

[15] Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Дежкинский уезд. Ч. II // *ЦГАДА*. Ф. 1354. Оп. 314/1. Д. 979. Л. 5.

[16] Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. I // Там же. Оп. 320/1. Д. 992. Л. 21.

[17] «Петиной деревни общего владения поручика Неофита Петрова Шеншина с протчими» (1778) (Там же. Л. 41 об.).

[18] «От Ашихминой пустоши 1-ой части, что в писцовых урочищах владения ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина» (первое межевание — 18 сентября 1778 г., второе — 23 октября 1851 г. (Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. II // *ЦГАДА*. Ф. 1354. Оп. 320/2. Д. 994. Л. 69 об.).

Мценского уезда, которые затем числились владениями его сына А. Н. Шеншина.

Раздел между братьями Шеншиными уточняет и даже меняет сложившиеся представления и о владениях семейства, и о его людях. Н. М. Чернов утверждал, например, что «легендарный прадед» поэта «Петр Афанасьевич Шеншин, владелец Клейменова и строитель тамошнего храма во имя Покрова Божьей матери, умер не в 1709, а в 1760 году».[19] Но нет. Фет хорошо помнил, что в селе Клейменово близ церкви на белом надгробном камне было написано: «Петр Афанасьевич Шеншин, скончался в 1709 году».[20] Действительно, в 1760 скончался прадед поэта Петр Афанасьевич Шеншин, а в 1709 умер тот самый предок, что ездил «на лошадях, кованных серебром». Просто прадед оказался полным тезкой поручика елизаветинских времен.

Храм Покрова, кстати, был известен в селе Скородном еще в XVI веке как стоявший на погосте царя Федора Иоанновича.[21] Шеншины во времена царствования его и Бориса Годунова в Скородном еще не присутствуют. Позднее, получив земли в селе, Шеншины, разумеется, и обновляли и перестраивали храм.

Еще одно утверждение Чернова, о том, что «второбрачную жену, прабабку Фета», звали Любовью, отчего в «дочернем потомстве повторялось это имя»,[22] также приходится признать неосновательным. Прабабку Фета, как следует из материалов раздела, звали Авдотьей Васильевной. Именно это имя должно занять свою строчку в родословной поэта. Авдотья Васильевна была первой и последней женой Петра Афанасьевича Шеншина, поскольку в раздельной записи она неоднократно называется родительницей всех Петровичей, получившей «следующее ей наследное после покойного ее мужа, а нашего родителя, означенного поручика Петра Афанасьевича» имение.[23] Неясно также, чем руководствовался Чернов, называя женой Неофита Петровича дочь Макара Протасова.[24] Фет твердо знал, что его бабку звали Анной Ивановной и что она была урожденной Прянишниковой.[25]

Документы XVIII века называют хозяином мценского Долгого колодезя Василия Петровича Шеншина. Остается предположить, что в даль-

---

[19] *Чернов Н. М.* Провинциальный Тургенев. С. 107.

[20] *РГ.* С. 39.

[21] Писцовые книги Московского государства. С. 895.

[22] *Чернов Н. М.* Провинциальный Тургенев. С. 107.

[23] *ГАОО.* Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 3.

[24] Там же. Фамилий владельческие крестьяне не имели.

[25] *РГ.* С. 39.

нейшем имел место какой-то передел или обмен землями между родственниками, поскольку это имение затем перешло к отцу Фета. Как бы то ни было, именно тогда, когда деревня перешла к Петровичам, кто-то из них — Василий, Неофит или Афанасий Неофитович Шеншины — переименовали Долгий колодец в Добрую Воду. Фет уверенно употребляет именно это название деревни. По крайней мере в 1810 году она уже называлась Доброй Водой. В том году она числилась за отцом Фета А. Н. Шеншиным. Запись в «Метрической книге Успенской (Михаила Архангельской) церкви города Орла» от 9 января 1810 года свидетельствует о рождении и о крещении в тот же день ребенка крестьян «Мценской округи деревни Доброй Воды помещика Афанасия Неофитова сына Шеншина». Сын Петр родился у крепостных Параскевы Степановой и Егора Александрова.[26] Отец ребенка буквально накануне — 5 января 1810 года — был отдан рекруты. Прасковья Степановна оказалась в Орле, провожая мужа в солдаты. Этим же объясняется то, что одним из крестных мальчика стал дьячок той же церкви Сила Алексеевич Тихомиров. Таинство крещения совершил священник Иаков Орлов. Спустя восемь лет именно он окрестит И. С. Тургенева в Борисоглебском соборе Орла. Во времена отрочества Фета Добрая Вода уже была имением Ивана Неофитовича, которого А. Н. Шеншин называл «брат — колпак». Фет вспоминал, как всем семейством ездили в Добрую Воду в гости к дяде. Зимней резиденцией И. Н. Шеншина был дом в Орле. В той же Успенской градской церкви Орла в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века титулярный советник Иван Неофитович Шеншин и его супруга Варвара Ивановна неоднократно становились восприемниками у купели. Например, 3 июля 1837 года В. И. Шеншина стала крестной матерью Валериана Федорова, сына директора Училищ Орловской губернии Павла Кондратьевича Федорова.[27] Имя знаменитого дяди Неофитычей Василия Петровича, проживавшего в Орле, также вписано в метрические записи: его дворовые нередко крестили детей у дворни соседей-помещиков.

Рамки статьи не позволяют перечислить владения всех Шеншиных даже во Мценском уезде. Периодически Шеншины продавали прежние и приобретали новые имения в уезде. Фет называет Фатьяново, имение Борисовых, родовым.[28] Однако и оно в XVIII веке принадлежало Шен-

[26] *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3422. Л. 1 об.

[27] Там же. Д. 3425. Л. 11 об. Во времена директорства П. К. Федорова в орловской гимназии начал учиться Н. С. Лесков (1841).

[28] *РГ*. С. 24.

шиным, которые купили Фатьяново у неких Фениных. Документ свидетельствует: «Помещица поручица Анна Иванова дочь Шеншина в роде своем не последняя продала я мценскому помещику господину Полковнику и Кавалеру Ивану Матвееву сыну Борисову крепостное свое дошедшее мне в прошлом тысяща семьсот 95 году июля в девятый на десять день от поручицы Варвары Алексеевой дочери Фениной по купчей недвижимое имение, состоящее во Мценском уезде в даче сельца Фатьяново в пустоши Волковой пригодной земли усадебной лесу пашенной и сенных покосов тринадцать десятин, а взяла я Анна с него Ивана за недвижимое свое имение денег государственными ассигнациями девяносто рублей».[29] Возможно, что Борисовы уравнивали свои владения, докупая прилегавшие к нему отрезки у соседей.

Вероятно, так же поступали и однофамильцы Афанасия Неофитовича, жившие в Волково. 24 января того же 1789 года бригадир Александр Матвеевич Шеншин купил за 300 рублей[30] у помещицы О. Г. Веревкиной «тридцати четвертей» земли имение, «состоящее Орловского наместничества Мценской округи в Большом Городском стану в деревне, что ныне сельцо Лубенцово».[31] (Это — часть нынешнего с. Волково, так называемое Дальнее Волково, где у мценского предводителя В. А. Шеншина нередко гостил Фет.) Дело в том, что землями в пределах одного населенного пункта владело сразу несколько хозяев. Во второй половине XVIII века в том же сельце Лубенцово (Коншино тож) имелось и поместье майора Авраама Алексеевича Шеншина;[32] его потомок А. М. Шеншин «округлял» свое владение за счет покупки соседней части сельца. Название села Волково, как видим, еще не распространялось на Лубенцово. Оно перешло на него в связи с находившейся в пределах полукилометра Троицкой церковью села Волково (Троицкое тож). Прежнее, старинное село находилось на левом берегу реки Мокрой Мецны между сельцом Лубенцовым и деревней Волково (Спуриково, Цуриково тож)[33] и принадлежало обер-прокурору Н. И. Шеншину и его потомкам. Место преж-

---

[29] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2889. Л. 112 об.

[30] Там же. Л. 3.

[31] Там же. Д. 2772. Л. 1 об.

[32] Межевание владения А. А. Шеншина было произведено 9 июля 1778 г. помощником землемера Волкова: Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. I // *ЦГАДА*. Ф. 1354. Оп. 320/1. Д. 992. Л. 25.

[33] Генеральный геометрический план г. Мценска и его уезда, состоящего в Орловском наместничестве; сочинен в Курской межевой конторе в 1785 г.

Дом Шеншиных в Дальнем Волково. Современная фотография

него села и Троицкой церкви обозначено на Генеральном геометрическом плане г. Мценска и его уезда 1785 года. Впоследствии восточная часть Волково (Волково-Спуриково) условно именовалась Ближним Волково. Казанская же церковь с. Волково была построена в 1818 году[34] в части сельца Лубенцово бригадиром А. М. Шеншиным. Место прежней, Троицкой, церкви ныне никак не обозначено. С обеими частями с. Волкова у Фета было связано немало воспоминаний. Свое место среди них заняла первая встреча с И. С. Тургеневым, состоявшаяся, как установлено Н. П. Генераловой, в Ближнем Волково в мае 1853 года.[35]

В купчей А. М. Шеншина 1789 года мы вновь видим знакомые русской культуре фамилии. Олимпиада Веревкина продала соседу поместье, которое получила в наследство от отца, поручика Григория Андреевича Хитрово. Тому оно досталась по купчей от «родного его дяди», «комиссара Петра Григорьевича Хитрова». Комиссару же продал землю в сельце его брат Фома Григорьевич Хитрово, а тот купил Лубенцово у мценского помещика Александра Лукина. Скорее всего, по болезни Олимпиады купчую оформляла ее мать, Мария Ефимовна Хитрово. В деле имеются

[34] Ведомость о Казанской церкви с. Волково Мценского уезда Орловской губернии за 1896 год // *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2419. Л. 1.

[35] *Генералова Н. П.* О дате знакомства Тургенева и Фета // *Фетовские чтения XVI*. Курск, 2002. С. 105–119.

Волковский пруд (р. Мокрая Мецна). Современная фотография

подписи свидетелей: секунд-майора Ивана Емельяновича Измайлова («свидетелем был, руку приложил»), коллежского секретаря Степана Ильича Матвеева, коллежского секретаря Якова Феоктистовича Чаплина, прапорщика Петра Семеновича Одинцова, коллежского регистратора Ивана Михайловича Швобовского и коллежского регистратора Дмитрия Сергеевича Протопопова.[36] Есть там и личная подпись бригадира А. М. Шеншина.

Многие из свидетелей купчей, как видим, известные мценские дворяне — Матвеевы, Одинцовы, Протопоповы. Кстати, коллежский асессор Андрей Дмитриевич Протопопов, сын вышеупомянутого свидетеля, и Василий Яковлевич Милюков, дослужившийся впоследствии до тайного советника отец известного тургеневедам и лескововедам Мардария Васильевича Милюкова, в начале XIX века наиболее часто являлись кредиторами лиц, желавших взять деньги в долг. Только в одном 1801 году Андрей Протопопов и Василий Милюков несколько раз ссужали различными суммами мценских и тульских помещиков. В их числе были уже упоминавшийся «разбойник» Григорий Алексеевич Шеншин, и Василий Иванович Шеншин, и «артиллерии майорша Марья Степанова дочь Ладыженская»,[37] — член запутавшегося в сложных

[36] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2772. Л. 3.
[37] Там же. Д. 2889. Л. 75 об.

долгах семейства; были среди должников и родственники самого В. Я. Милюкова — брат и сестра Анна Ивановна и Дмитрий Иванович Милюковы, занимавшие понемногу.[38]

В связи долговыми обязательствами, купчими крепостями, продажами и прочими сделками, которые фиксировались в местном гражданском суде, обращает на себя внимание присутствие в Мценске известных всей России лиц, записанных в документах в качестве постоянных жителей уезда. В их числе, например, дед Л. Н. Толстого, бригадир и граф Илья Андреевич Толстой, множество раз бравший взаймы огромные суммы и выступавший свидетелем по делам.[39] Так, Толстой поставил свою подпись свидетеля во время перераздела мценского имения Королевка между родственниками его жены Пелагеи Николаевны, урожденной княжны Горчаковой.[40] Королевку делили тогда генерал-майор князь Василий Николаевич Горчаков и его сестра, «мценская генерал-майорша Наталья Николаева Депрерадовичева» — супруга командира лейб-гвардии Семеновского полка Леонтия Ивановича Депрерадовича.[41] В 1796 году, еще девицей, Наталья Горчакова получила в наследство от отца мценскую Королевку, а в 1799 году продала ее брату. Однако что-то не устроило родственников, и Наталья решила вернуть себе часть земли обратно, выплатив Василию 2000 рублей[42] и дав позднее ему в долг 5000 рублей.[43]

К числу именитых жителей Мценского уезда и давних друзей семьи Афанасия Неофитовича Шеншина безусловно относится семейство Новосильцевых. В период детства и юности Фета Новосильцевы уже были известны как владельцы усадьбы с парковым ансамблем в сельце Воин. Оформлялась усадьба в самом начале XIX века. Однако семейство уже проживало в этих краях не одно столетие. Речь идет, прежде всего, о Е. А. Новосильцевой (1755–1842), урожденной Торсуковой, матери вице-губернатора Москвы П. П. Новосильцева и товарища министра внутренних дел Н. П. Новосильцева. В свое время она вышла замуж за незначительного мценского чиновника П. И. Новосильцева[44]

---

[38] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2889. Л. 109.

[39] См., например: Там же. Л. 43 об., 107 и др.

[40] Там же. Л. 104 об.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] Там же. Л. 107.

[44] Первоначально фамилия писалась как «Новосильцов», в XIX в. Петр Петрович и Николай Петрович по факту согласились с правописанием «Новосильцев», которое употребляли их знакомые, в том числе А. С. Пушкин.

(1745–1805), ставшего в дальнейшем тайным советником, сенатором и генерал-провиантмейстером в период царствования Екатерины II. Родной брат Екатерины Торсуковой Ардалион Торсуков (1754–1810) вошел в фавор при Екатерине II, завоевав сердце Екатерины Васильевны Перекусихиной — племянницы Марьи Саввишны Перекусихиной — камер-юнгферы и доверенного лица императрицы. Торсуковы тогда сразу и надолго вошли в ближний круг. Ардальон Торсуков также пользовался доверием Александра I. Он умер в 1810 году в чине гофмейстера. А. А. Торсукову Новосильцевы были обязаны своим появлением в Петербурге и стремительным карьерным ростом.

Документально известно, что семейство Торсуковых проживало во мценских краях с XVI века. Это подтверждает запись в Писцовой книге Орловского уезда 1594/95 годов Дементия Яковлева и подьячего Леонтия Сафонова. В ней говорится, что в числе служилого сословия детей боярских городовых «в деревне в Псаревской на речке на Большом Воине и на речке на Малом Воине под Мокрым лесом на Рогу»[45] жили тогда в отцовском поместье Гришка и Жданка Чужовы дети Торсуковы и обитавший в той же деревне на земле своего отца Афанасия Торсукова 12-летний Микита. В свое время автором данной статьи было высказано предположение, что сельцо Воин присутствовало в Орловском уезде на окраине древней деревни Псаревской.[46] Данные подтвердились документами, найденными позднее.

Появление А. А. Торсукова в Петербурге традиционно связывают с именем фельдмаршала М. Ф. Каменского, адъютантом которого тот состоял. Однако в документах встречается еще одно имя возможного покровителя Торсуковых: вдова генерал-майора Анна Гавриловна Торсукова. Во второй половине XVIII века ей принадлежало значительное количество деревень в Мценском уезде, в том числе исконное, родовое поместье Торсуковых — деревня Псарев Рог.[47] То, что муж А. Г. Торсуковой был родственником А. А. Торсукова и его сестры Е. А. Новосильцевой, не подлежит сомнению, ибо «главное» поместье Анны Гавриловны — деревня «Псарев Рог 1-й деревни 2-го сельца Большого Воина»[48] (данные 1869 г.) — затем оказалось во владении сына Новосильцевой Петра Петровича. В Орловской губернии дослужиться

[45] Писцовые книги Московского государства. С. 1037.

[46] См. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Усадьба Новосильцевых // Новый Орел. 2010. № 55. С. 4–5.

[47] Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. I // *ЦГАДА*. Ф. 1354. Оп. 320/1. Д. 992. Л. 38.

до звания генерал-майора было практически невозможно; и потому значение А. Г. Торсуковой в судьбе Новосильцевых еще предстоит выяснить.

Из документов, обнаруженных в ГАОО, стало известно, каким образом возникла усадьба Воин — один из значительных дворцово-парковых ансамблей России, прочно связанный с именами Фета, Тургенева и Толстого.

В 1801 году, осуществляя замысел создания крупного поместья на родине, Екатерина Александровна Новосильцева фактически обменялась поместьем со своей соседкой-вдовой Марьей Даниловной Хвостовой. 3 апреля Марья Даниловна за символическую сумму в 50 рублей ассигнациями продала Новосильцевой усадебное место в Тайчуковом стане в пустоши Псарева Рогу, «что ныне сельцо Воин», доставшееся ей от отца, майора Данилы Клементьевича Поречкова — «с вогородом и конопляником, в котором по измерению состоит в усадебном месте девятьсот сорок четвертей, а в коноплянике две тысячи две квадратных сажени, всего одна десятина пятьсот сорок шесть квадратных саже, ней».[49] В тот же день и за ту же сумму Новосильцева передала соседке две десятины земли в смежной деревне Железнице. Сделка совершилась очень быстро, — писарь спешил, о чем говорит его невнятная скоропись. Тот же самый писарь в спокойной обстановке тщательно выводит каждую букву, поштучно отделяя одну от другой. Новосильцевы, по всей видимости, появились во Мценске ненадолго, со сделкой торопились. Свидетелями купли-продажи выступили одни и те же люди: действительный советник и кавалер Василий Иванов сын Протасов, статский советник и кавалер Андрей Андреев сын Беер (в некоторых документах он пишется как Баер; вероятно, изначально фамилия звучала как Бауэр),[50] и др.

Имение быстро расширялось. 22 августа того же 1801 года тайный советник, сенатор Петр Иванович Новосильцев за 1300 рублей купил 47 десятин земли в том же сельце Воин у артиллерии отставного штаб-юнкера Александра Михайловича Борзенкова.[51] Земля в сельце Воин также была унаследована им от отца, капитана Михаила Ивановича Борзенкова. Поместье и дальше оформлялось в земельном отношении и достигло свыше 100 га, обретя основную территорию в 1803–1805 годах.

---

[48] Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. II // Там же. Оп. 320/2. Д. 994. Л. 77.

[49] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2889. Л. 30.

[50] Там же. Л. 30 об.

[51] Там же. Л. 69.

В 1805 году Е. А. Новосильцева стала вдовой. Ее супруг скончался через две недели после смерти сына, 16-летнего прапорщика лейб-гвардии Василия, погибшего от ран, полученных на Аустерлицком поле. Сын и его отец, не перенесший потери, похоронены в Некрополе Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга. На памятнике ясно видно правильное начертание фамилии: «Петръ Ивановичъ Новосильцовъ. Тайный Действительный Совѣтникъ Сенаторъ Святаго Владимира и св. Анны кавалеръ на 62-мъ году от рожденiя скончался въ 1805 декабря 14-го». На урне: «Лейбъ-Гвардiи прапорщикъ Василей Петровичъ Новосильцовъ скончался 25-го ноября 1805-го года на 17-мъ году отъ ранъ на сраженiи полученныхъ». Через несколько лет буква «о» в последнем слоге фамилии была заменена более соответствующей произношению буквой «е».

В 1806 году Е. А. Новосильцева строит (или достраивает) в имении Воин церковь Спаса Нерукотворного образа.[52] (Напомним, что почти одновременно — в 1809 году — иждивением надворного советника Ивана Ивановича Лутовинова устраивается церковь Преображения Господня в селе Спасское-Лутовиново.[53]) Ныне в селе Первый Воин еще можно увидеть дом, построенный во времена «первого» Новосильцева. Дом хранит печать своего времени. Неподалеку от него начинается старинная еловая аллея. По мнению орловского литературоведа Л. А. Балыковой, именно она описана в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Наследники П. И. Новосильцева отстроили в Воине новый дом и довели состояние парка и хозяйство усадьбы до образцового уровня. В 1918 году весь грандиозный комплекс был передан противотуберкулезному санаторию. Лишь несколько лет назад медицинское учреждение покинуло его, и теперь и усадьба, и новосильцевский «палаццо» находятся в стадии запустения и разрушения.

Фет, Тургенев, Толстой были связаны с Новосильцевыми дружескими и соседскими отношениями. Широко известно, например, что П. П. Новосильцев (1797–1879) был посаженым отцом на свадьбе родителей Л. Н. Толстого, знавал и семейство Тургеневых, но особенно был близок к семье Фета и в юности поэта принимал участие в его судьбе. Кроме того, оказалось, что П. П. Новосильцев являлся непосредственным соседом А. Н. Шеншина по усадьбе. Как стало известно из «Ведомости об Успенской церкви села Успенское (Ядрино) Мценского уезда за 1854 год», в селе Успенском у действительного статского советника Петра Петро-

[52] Там же. Ф. 453. Оп. 1. Д. 92. Л. 63.
[53] Там же. Д. 97. Л. 47.

вича Новосильцева имелась земля и 13 дворов крестьян: мужского пола 76 человек и женского пола 74 души.[54] Дома в Ядрино у Новосильцева не было, и поэтому, навещая свои маетности, он пользовался гостеприимством Шеншиных и Зыбиных.

В том 1854 году в Новоселках, Козюлькино тож, в грустном одиночестве жила «помещица девица Надежда Афанасьевна Шеншина». Наденьку обслуживали дворовые — 16 мужчин и 19 женщин. Крестьян у нее имелось 10 дворов. В них проживало 69 мужчин и 53 женщины.[55] Для сравнения: у ее соседки Анны Зыбиной было 19 крестьянских дворов, а в них мужеска пола — 102 человека, женского — 95. Трех женщин дома Зыбиных обслуживало 66 дворовых — 33 женщины, 33 мужчины.[56]

П. П. Новосильцев — одна из значительных фигур своего времени, вице-губернатор Москвы, рязанский и гражданский губернатор, запечатленный в числе лиц, прославившихся военными и государственными заслугами, на картине Г. Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу в Петербурге 6 октября 1831 года по случаю окончания военных действий в Царстве Польском», знакомый А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. М. Карамзина и великих литераторов-«соседей», скончался 27 сентября 1879 года и был похоронен в своей Воинской усадьбе. Данные о захоронении П. П. Новосильцева на Лазаревском кладбище в Москве опровергаются следующим документом, обнаруженным нами в ГАОО: «Орловской губернии Мценского уезда села Воина священноцерковнослужителей 1869 года месяца октября 25 дня Свидетельство. Орловской губернии Мценского уезда села Воина помещик тайный советник Петр Петрович Новосильцев сего 1869 года месяца сентября 27 дня по воле Божией умер и по христианскому обряду нами священноцерковнослужителями похоронен, что, свидетельствуя, утверждаем собственноручным подписом и приложением церковной печати. Орловской губернии Мценского уезда села Воина священник Петр Лебедев. Диакон Илья Покровский. Диачок Иван Бархотов, пономарь Василий Троепольский».[57]

К А. Н. Шеншину с уважением относился и брат П. П. Новосильцева заместитель министра внутренних дел и орловский помещик Н. П. Новосильцев (1789–1856). Он также сыграл важную роль в судьбе Фета и его сестер, оказал содействие помещению их в учебные заведения.

---

[54] *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2692. Л. 2 об.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

Еще одним хорошим знакомым А. Н. Шеншина по имению являлся гвардии полковник барон Николай Петрович фон-дер Остен-Сакен (1805 — не ранее 1858).[58] Ранней весной 1845 года Фет направлялся в полк. «Дорогою в Орле отец повез меня вечером представить зимовавшему там с женою соседу своему по Клейменову, барону Ник. Петр. Сакену, родному племяннику Елизаветградского корпусного командира, барона Дмитрия Ерофеевича Сакена. Я застал миловидную баронессу Сакен по случаю какого-то траура всю в черном. Она, любезно подавая мне руку, просила сесть около себя. В это время барон ушел к себе в кабинет, из которого вынес и передал мне рекомендательное письмо к своему дяде».[59] Дядя Николая Петровича Д. Е. Остен-Сакен (1789–1881), граф с 1855 года, тоже был местным помещиком: ему принадлежали подгородние орловские земли с крестьянами, записанные на супругу: «Анна Ивановна фон-дер Остен-Сакен, Ея Сиятельство, генеральша от кавалерии, генерал-адъютантша, графиня»,[60] числилась владелицей с. Никольского (Лепешкино) и д. Верхняя Лужна (ныне это территория Северного района г. Орла).

Н. П. Остен-Сакен был боевым полковником, заслужившим золотую шпагу с надписью «За храбрость», кавалером орденов Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 ст. с короною, Св. Анны 3 ст., награжденным медалями за турецкую войну 1828 и 1829 годов и за взятие Варшавы. В отставке находился с 1836 года.[61] В конце 1850-х годов барон стал почетным попечителем Орловской губернской гимназии, членом ее педагогического совета, коллежским асессором со старшинством; в свое время он получил знак «XV лет беспорочной службы» и медаль в память войны 1853–1856 годов.

В Мценском районе Н. П. Остен-Сакен владел по наследству 334 душами мужского пола и 2320 десятинами земли. Кроме того, им было куплено 34 души крестьян и 180 десятин земли в Мценском уезде и 297 душ и 1552 десятин земли в Ефремовском уезде Тульской губернии.[62] Женат был на Авдотье Петровне, урожденной Солнцевой,[63] имел дочерей Веру (р. 16 марта 1845 г.) и Екатерину (р. 11 августа 1849 г.) Весной 1845 года, когда его посетили Шеншины, Николай Петрович

---

[58] Согласно формулярному списку, в 1859 г. ему было 54 года.

[59] *РГ*. С. 262.

[60] *ГАОО*. Ф. 760. Оп. 1. Д. 668. Л. 42 об.

[61] Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1266. Л. 1 об.

[62] Там же.

[63] Там же. Л. 2.

ожидал рождения первой дочери (или ей было несколько дней). Вероятно, барон дружелюбно принял соседей и сразу же, без проволочек, написал рекомендательное письмо.

Любопытно, что Николай Петрович, так же, как и его дядя, так же, как и многие в Орловской губернии, оформил покупку недвижимости на имя супруги. 23 июня 1858 года полковница баронесса А. П. Остен-Сакен купила на свое имя дом у полковницы Марии Ивановны Оберг.[64] Этот дом в Орле знают все, потому что это «дом Лизы Калитиной». Менее чем через год — 4 марта 1859 года[65] — дом был продан А. В. Сафонову.

Большое количество знакомых имелось у Фета непосредственно в Орле. В их числе — неоднократно упоминавшийся в воспоминаниях Николай Антонович Ратынский. Его семейство, как оказалось, находилось в дружеских отношениях еще с одной уважаемой Фетом личностью — Е. А. Мовчан, выведенной им в своем повествовании о жизни под фамилией Горчан. 2 декабря 1860 года в Орле у надворного советника Н. А. Ратынского и его супруги Александры Александровны, урожденной Шеншиной, родилась дочь Варвара. 6 декабря ее крестили в кафедральном соборе Павла Исповедника. Восприемниками у купели Варвары стали ее дед — ротмистр Антон Иванович Ратынский[66] и действительная статская советница Елизавета Андреевна Мовчан.[67] Ратынский тоже являлся мценским помещиком: на его супругу было записано Михайловской волости имение Чижи (данные 1886 г.).[68] Личность Ратынского современниками оценивалась неоднозначно. Фет со студенческих времен отзывался о нем с неизменной симпатией, а окружение губернатора В. И. Сафоновича, о котором с теплом отзывался Н. С. Лес-

---

[64] *ГАОО*. Ф. 593. Оп. 1 Д. 618. Л. 31.

[65] Там же.

[66] Ратынский Антон Иванович (1789 — не ранее 1860) — ротмистр, земский исправник Дмитровского уезда, почетный смотритель Дмитровского уездного училища; кавалер ордена св. Анны 4 ст.; награжден серебряной медалью «За взятие Парижа 19 марта 1814 года». Участник войн антифранцузской коалиции (1807–1809); участник основных сражений Отечественной войны 1812 г. «с начала компании». В битве при Бородино получил пулевое ранение в подбородок и «за отличие» был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» (оружие вручено 1 октября 1812 г.) (*ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 630. Л. 86–88).

[67] Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Л. 75 об.

[68] Сборник статистических сведений по Орловской губернии: Мценский уезд. Выпуск первый. М., 1886. С. 400.

ков, напротив, считало его «умнейшим, но коварным человеком».[69] «Он был близок в нашем доме, — писала дочь Сафоновича О. В. Страхова, — жена его, урожденная Шеншина, была в лучших отношениях с богатейшим помещиком Орловской губернии Виктором Владимировичем Апраксиным и его супругою Александрой Михайловной (урожденной Пашковой), любимицею императрицы Марии Александровны, которая проездом через Орел останавливалась в ее доме. Сам Ратынский имел знакомства и вес в Петербурге. Может быть, он там и сказал что-нибудь очень веское про моего отца», что привело к его отставке, считала дочь губернатора.[70] Кстати, сама Ольга Валериановна была супругой двоюродного брата Лескова Митрофана Михайловича Страхова. Ратынский был близок с Н. П. Барышниковым (1830 — не ранее 1898), предводителем дворянства Болховского уезда, известным общественным деятелем Орловской губернии,[71] краеведом и публикатором старинных воспоминаний. В январе 1864 года Ратынский стал крестным отцом дочери Барышникова Марии.[72] Барышников, также женатый на Шеншиной, слыл по обстоятельствам жизни фигурой, сходной с прототипом Лаврецкого в тургеневском «Дворянском гнезде». И хотя роман был написан ранее драмы в семье Барышниковых, молва усиленно сближала Николая Петровича с тургеневским персонажем. Супруга Екатерина Никаноровна, урожденная Шеншина, считалась нигилисткой, и ее отношения с супругом — уважаемым членом Орловского историко-архивного общества, почетным смотрителем Орловского уездного училища и отцом ее детей (Петра, 1859 года рождения,[73] Николая, 1860,[74] Александра, 1861,[75] Марии, 1864), как говорили современники, были драматичными. Как и герой «Дворянского гнезда», Н. П. Барышников не окончил курса Московского университета, но на этом, по крайней мере,

---

[69] Орловский гражданский губернатор В. И. Сафонович / Ред. [А. В. Воробьев]. Орел, 2004. С. 35.

[70] Там же. С. 35–36.

[71] *ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1266. Л. 126 об.–127.

[72] «26 декабря 1863 года родилась, 6 января крещена Мария — дочь титулярного советника Николая Петрова Барышникова и Екатерины Никаноровны, оба православные. Восприемники: коллежский советник Николай Антонов Ратынский и коллежского советника Никанора Никанорова Шеншина жена Александра Васильева Шеншина (*ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Л. 272 об.). Крещение происходило в Петропавловском кафедральном соборе г. Орла.

[73] Там же. Л. 9 об.

[74] Там же. Л. 57.

[75] Там же. Л. 121.

внешнее сходство биографий оканчивается. Барышников до выхода в отставку служил по военному ведомству, был в походах «против мятежных венгров» в Австро-Венгрии,[76] служил в кавалерии, был посылаем в ремонт (1851–1852), получал повышения по службе и в ноябре 1853 года отправился в отставку с награждением чина штабс-капитана,[77] после чего начал службу по гражданскому ведомству. Доподлинно неизвестно, была ли в его жизни романтическая история, или разговор об этом возник лишь в связи со своеобразной личностью Екатерины Шеншиной. Разумеется, речь могла идти лишь о ранних годах брака Барышниковых, ибо роман «Дворянское гнездо» писался в 1856–1858 годах, то есть практически в то время, когда Николай Петрович только-только вышел в отставку и едва женился, но, скорее всего, орловская легенда сложилась как раз потому, что Тургеневу удалось предвосхитить в своем романе ситуации, которые *могли* появляться в жизни его современников, и, как видим, появлялись.

Н. П. Барышников был сыном городничего г. Болхова, героя войны 1812 года, участника Бородинской битвы и взятия Парижа полковника П. П. Барышникова (1796 — не ранее 1861)[78] и Агриппины Алексеевны, урожденной Желябужской. Мать Николая Барышникова доводилась родной сестрой М. А. Апухтиной, сына которой, будущего поэта Алексея Апухтина, она крестила вместе со своим братом А. А. Желябужским в Спасо-Преображенском соборе г. Болхова. Таким образом, Н. П. Барышников был двоюродным братом А. Н. Апухтина. Вот так у нас в истории литературы все переплелось.

Связи и вес в обществе Елизаветы Андреевны Мовчан также были чрезвычайно широки. Е. А. Мовчан являлась супругой губернского почтмейстера Ивана Яковлевича Мовчана (1784–1845). Впервые 40-летний, тогда еще надворный советник, но уже кавалер И. Я. Мовчан был вписан в исповедные ведомости по Борисоглебскому собору Орла в 1817 году.[79] Губернской почтой, однако, он руководил уже в 1812 году.[80] Спустя четверть века, в 1838 году, Мовчан еще продолжал оставаться на своем посту,[81] где в 1841 году достиг чина действительного статского совет-

[76] *ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1266. Л. 126 об.

[77] Там же. Л. 127 об.

[78] Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2307. Л. 122 об.–124.

[79] Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3153. Л. 63 об.

[80] *Саран А. Ю.* Орловская почта и семейство Мовчан // История почты Орловского края. Орел, 2008. Т. 7. С. 328.

[81] *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3425. Л. 45 об.

ника, что позволило впоследствии Фету называть его супругу генеральшею.

Кумом Е. А. Мовчан оказался известный архиепископ Смарагд, бывший владыка Орловский и Севский, запечатленный Н. С. Лесковым в «Мелочах архиерейской жизни». 16 мая 1861 года в соборе Павла Исповедника, впоследствии переименованном в Петропавловский, Елизавета Андреевна и Смарагд крестили мальчика Александра, отцом которого был еще один герой лесковских «Мелочей», коллежский асессор Иван Андреевич Бонч-Бруевич. Архиепископ Смарагд в то время возглавлял Рязанскую кафедру и в Орле оказался по случаю.[82] В ходе своего краткого визита он не отказался принять участие в крестинах сына бывшего сослуживца, если так можно выразиться. Елизавета же Андреевна Мовчан не раз выступала кумой Ивана Андреевича Бонч-Бруевича. В ноябре 1863 года она крестила у него сына Николая.[83]

Могилы И. А. Бонч-Бруевича и его супруги сохранились. Они находятся рядом со Свято-Троицкой церковью на Троицком кладбище Орла, неподалеку от того места, где еще совсем недавно можно было видеть большое захоронение семейства Страховых, близких родственников Лескова — его двоюродного брата Иосафа Михайловича, племянника Василия Иосафовича и других членов семьи. Ныне здесь осталась лишь могила внучатой племянницы писателя Зинаиды Васильевны Страховой (1884–1907).

В своих воспоминаниях Фет пишет о сыновьях Мовчан. Они не слишком радовали материнское сердце. Однако Елизавета Андреевна старалась, чтобы дети ее были обеспечены и устроены. В отличие от Варвары Петровны Тургеневой, Елизавета Андреевна еще в 1845 году выделила своих сыновей. Штаб-ротмистры Андрей, Александр и губернский секретарь Николай Ивановичи, сыновья И. Я. Мовчана, получили 906 душ в с. Введенское (Фатнево тож) Болховского уезда, поместья в с. Шахово, в деревнях Шахово, Легоща и Горки, на хуторе Троицком Кромского уезда и два дома в Орле в 1-й и 2-й частях.[84] Летней резиденцией семьи было с. Никольское Мценского уезда. Как известно, дети Елизаветы Андреевны не сохранили перешедшее к ним достояние. Вспомним, например, каменный с деревянным флигелем дом Елизаветы

---

[82] Там же. Л. 113 об.

[83] Там же. Л. 243 об.

[84] *Орл. губ. вед*. 1845. 20 декабря; *ГАОО*. Ф. 593. Оп. 1. Д. 618 на 545 листах. Орловская городская дума. Список владельцев усадебных мест г. Орла за 1877 год. Л. 51 об.

Андреевны, в котором не раз бывал Фет. Как нам удалось выяснить, дом Мовчан находился в самом центре города — на Болховской улице[85] под № 11. После Елизаветы Андреевны он перешел к ее сыну, а тот в 1869 году продал его — почти сразу после смерти матери — генерал-майору Петру Михайловичу Осипову.[86] (Интересно, что за три дома от Мовчан жил модный портной М. А. Жильберт, описанный Лесковым в «Умершем сословии».)

Важные факты о семействе Е. А. Мовчан (1793–1868) приводит орловский исследователь А. Ю. Саран. Он дает даты жизни ее сыновей — Александра (1812–1882) и Андрея (1815–1869); у Николая сообщает дату рождения — 1818 год. Судя по разделу имений, Николай был жив и в 1845 году. В документах Сретенской (Георгиевской) церкви г. Орла Саран обнаружил, что Е. А. Мовчан преставилась 7 ноября 1868 года в возрасте 76 лет «от недугов старости» и что она была «выпровождена из Орла для предания земле на кладбище села Никольского Орловского уезда».[87] Саран уточняет, что делавший запись ошибся в названии уезда. В книге об истории почты Саран рассматривает биографии потомков Елизаветы Мовчан — ее сына Александра Ивановича, бывшего почтодержателем в Кромском, Болховском и Елецком уездах; ее внука — орловского почтового телеграфиста Анатолия Александровича и правнука Александра Анатольевича, родившегося в 1884 году и окончившего 4 класса Орловской гимназии. Своим имением эти представители семейства Мовчан называли с. Никольское Мценского уезда. Вероятно, бывшие многочисленные владения семьи были уже утрачены.

Саран называет Е. А. Мовчан урожденной Кологривовой. Он считает, что через родную сестру Елизаветы Андреевны Ольгу Масониус дети почтмейстера являлись троюродными братьями Фета.[88] Ольга Андреевна Масониус, супруга полковника Петра Ивановича Масониуса, действительно была близка с родными Фета, но не настолько. Она являлась свекровью дочери Ивана Неофитовича Шеншина. В январе 1852 года «Орловские губернские ведомости» сообщали: «От Орловской палаты Гражданского Суда объявляется, что в оной 22 декабря 1850 года совершена рядная запись от титулярного советника Ивана Неофитова Шен-

[85] Современная улица Ленина.

[86] *ГАОО*. Ф. 593. Оп. 1 Д. 618: Список владельцев усадебных мест г. Орла за 1877 год. Л. 51 об.

[87] *Саран А. Ю.* Жена почтмейстера // История почты Орловского края. Орел, 2008. Т. 7. С. 341.

[88] Там же. С. 330–341.

шина в награждении родную дочь свою штаб-ротмистршу Любовь Иванову Масониус недвижимым имением, состоящим Орловской губернии Мценского уезда в сельце Верховье по 9 ревизии в 152 мужеска пола душах» с землей. Имение оценивалось в 25 000 серебром. Там же 19 января 1852 года была опубликована рядная запись жены подполковника Ольги Андреевны Масониус, которая выделяла своей дочери коллежской секретарше Александре Петровне Русановой недвижимое имущество, состоявшее Орловской губернии Малоархангельского уезда в деревне Александровке.

Обстоятельства, связывающие Фета с его родиной, многозначны и многосторонни. Орловский край создал его как поэта, как тонкого знатока природы и людей. Не последнюю роль в этом играли те, кто окружал его с молодых лет до глубокой старости, и те, кого помнил он с детства — предки, родственники, друзья и знакомые.

С. А. Ипатова

«КАК ПО КРЫЛАМ ЗАШУМЯТ, ТЕНЕТАМИ РОЩУ ОБСТУПЯТ…»: О ФЕТОВСКОМ ПРОЧТЕНИИ ОДНОГО СТИХА «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ (*Aen.* IV, 121)

11 марта 1887 года, уже работая над переводом «Энеиды», Фет по рекомендации графа А. В. Олсуфьева обратился к казанскому филологу-классику Д. И. Нагуевскому с просьбой написать примечания к своему переводу. К этому времени Фет уже перевел половину первой книги, используя тексты и немецкий перевод берлинского комментированного издания Т. Ладевига. Изъявляя согласие на сотрудничество, Нагуевский писал: «Избранный Вами текст Ладевига вполне одобряю; только необходимо, чтобы Вы руководствовались новейшим изданием этого текста, обработанного после смерти Ладевига Шапером (Schaper) в коллекции классиков Вейдмана в Берлине. В некоторых случаях (впрочем, весьма немногих), думаю, придется обратиться к изданиям Вагнера и Риббека».[1] Фет воспользовался советом ученого, о чем позже сообщил в Предисловии к своему переводу: «Подобно текстам других латинских поэтов, „Энеида“ испещрена разночтениями, сличение и критика кото-

---

[1] *Фет/Нагуевский.* С. 384. Имеются в виду издания: Vergil’s Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1886. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper (первое изд.: Vergil’s Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII), а также: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poetae narrationem. Lipsiae, 1859; более поздние издания: Lipsiae, 1870; Lipsiae, 1881 (только латинский текст, без комментариев); *Wagner Ph.* Vergil’s Gedichte. Leipzig, 1830–1841. Bd. 1–5.

рых может быть интересною задачею филологии. Но и в этом случае мы умываем руки, заявляя, что перевод, как в том убедятся знатоки, веден по самому благонадежному тексту Th. Ladewig'a, изданного под редакцией Carl Shaper'a».[2] Здесь же Фет сообщает, что знаком с французским прозаическим переводом Д. Низара, который, «невзирая на видимое (далеко не всегда точное) знакомство с делом, вынужден прибегать к перифразам, в которых подчас трудно узнать самый оригинал».[3] По поводу источников в Предисловии от Нагуевского говорится, что он «для перевода избрал *текст* последнего (9-го) издания *Ладевига* (Берлин, 1881), с немногими отступлениями, заимствованными из 3-го издания *Вагнера* и критического издания *Риббека* (Лейпциг, 1859 г. и сл.)».[4]

Позже в рецензии киевского филолога-классика Ю. А. Кулаковского на фетовский перевод «Энеиды» по поводу примечаний Нагуевского будет отмечено: «…нас удивило несколько то, что сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду же мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. Преобладают в этом переводе примечания немецкого издания *Kappes*'a[5] <…>. Иногда на помощь приходило <…> издание Ладевига».[6]

Оптимальную организацию совместной работы с Нагуевским Фет видел следующим образом: «…я убедительно прошу Вас сначала беспощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, которого она ни сбросить, ни проглотить не в силах. Вспомните, что мои ноги, или, лучше сказать, стопы, немило-

---

[2] *Фет А. А.* Предисловие // Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора императорского Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888. С. IX. Далее — *Энеида,* с указанием части и страницы.

[3] Там же. С. IV.

[4] Там же. С. XI. См. также: С. XXVII–XXVIII, где Нагуевский приводит неполные сведения о дошедших списках текста «Энеиды», об основных комментариях к ней и о некоторых изданиях, включая русские.

[5] Речь идет об издании: Vergil's Aeneide für den Schulgebrauch erklärt von Karl Kappes (последнее: Leipzig: Teubner, 1887), которое в своем предисловии Нагуевский не указывает.

[6] <*Кулаковский Ю. А.*> Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета… Часть первая. I–VI. М., 1888. XXVIII+201 // *РВ.* 1888. Т. 194. № 1. С. 292 (отд.: «Новости литературы»). См. также публикацию: Письма Ю. А. Кулаковского к Фету (1887–1892) в наст. томе. С. 442–443.

сердно сдержаны стопами гекзаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима». И далее, высказывая ряд претензий к переводу Низара, Фет пишет: «Загляните, хоть мельком, в академический перевод Nisard'a: там Вы найдете среди всевозможных отступлений от буквы текста и такие диковинки, как „(в книге II, ст. 99): et quaerere *conscius* arma, т. е. зная за собой вину, — de chercher des armes et *un complice à* sa haine (искать оружие и *соучастника* своей ненависти — *франц.*); и (в книге III, ст. 239): dat signum <specula> Misenus ab alta Aere cavo, т. е. знак Мизен падает с холма высокого полой медью, — Misène, du haut *d'un roc où je l'ai posté*, sonne de la trompette (Мизен, с высоты *скалы*, *куда я его поставил*, трубит в трубу — *франц.*); (кн. III, ст. 309): Labitur, et longo vix tandem tempore fatur, т. е. зашаталась и, лишь промедливши еле, сказала, — enfin, ayant recouvré ses esprits, elle me parla ainsi (наконец, придя в себя, она сказала мне так — *франц.*). (Кн. IV, ст. 104): Liceat Phrigio *servire* marito dotalisque tuae Tyrios *permittere* dextrae, т. е. пускай уж она фригийскому *служит* супругу и тирийцев *отдаст* тебе как приданое в руки, вместо <se> soumette à un époux phrigien, et que les Tyriens soient la dot *qu'il reçoive de vos mains* (подчинится фригийскому супругу, и пусть тирийцы будут приданым, *которое он получит из ваших рук — франц.*)", — и это все в прозе, где ничто не стесняет переводчика, кроме правильного понимания текста!»[7] Таким образом, не все авторитетные издания, которыми пользовался Фет, отвечали высоким требованиям, предъявлявшимся им для создания адекватного русского перевода «Энеиды».

Среди полных русских переводов, выпущенных до Фета, следует назвать перевод В. П. Петрова, выполненный рифмованными стихами (СПб., 1781–1786; александрийским стихом), И. Г. Шершеневича (Варшава, 1868; размером подлинника — гекзаметром) и И. Е. Соснецкого (М., 1872; рифмованным анапестом). О степени использования двух последних Фет пишет в Предисловии к собственному переводу «Энеиды»: «…мы запаслись двумя стихотворными переводами наших предшественников и каждый раз, когда нападали на место, требовавшее особой уловки или приема при передаче на русский язык, справлялись у них, ожидая там найти этот прием готовым. Действительно было бы странно,

[7] *Фет/Нагуевский*. С. 387. См. также: Collection des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de Mr. Nisard, maître de conférences à l'école normale: Lucrèce, Virgile, Valerius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843. P. 247, 267, 268, 279 (прозаический перевод, без комментариев).

томительно отыскивать вещь, давно уже найденную; — но увы! каждый раз мы находили в обоих переводах полное отсутствие интересовавшего нас вопроса».[8] А в письме к Нагуевскому от 11 марта 1887 года сообщал: «…Вы назвали перевод Шершеневича устарелым, но, познакомившись с ним, я нашел в нем простой вольный пересказ содержания „Энеиды“ и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода».[9]

Чтобы понять разницу в переводческих установках Фета и Шершеневича, чей перевод считался одним из лучших,[10] приведем объяснение последнего, данное им в Предисловии: «Перевод мой не есть строго ученый труд <…>. Это не подстрочный перевод каждого стиха отдельно со всевозможным сохранением порядка слов подлинника; это и не буквальный перевод: такие переводы, к счастью, уже утратили свое прежнее значение, по крайней мере для большинства образованных людей, которые теперь весьма основательно требуют от переводчика рассказа живого, изложенного языком простым, доступным пониманию каждого. <…> Придавать слишком много значения отдельным словам, в ущерб целой мысли, жертвовать ясностью и верностью смысла ради педантической точности <…> значит, я полагаю, искажать подлинник <…>. Задача переводчика воспроизвести подлинник, но не иначе как в духе того языка, на который переводит. <…> А для того чтобы не впасть в одну из двух крайностей; то есть, чтобы не лишить рассказа необходимой серьезности или не придать ему слишком тяжелого, ученого тона, я ни разу не пользовался ни французскими, ни немецкими переводами

---

[8] *Энеида.* Ч. 1. С. X.

[9] *Фет/Нагуевский.* С. 382.

[10] «…я должен обратить особенное внимание читателей, — писал И. И. Панаев, — на превосходный, истинно поэтический и необыкновенно верный подлиннику перевод *виргилиевой „Энеиды“*, печатающийся в „Современнике“ (этот перевод принадлежит И. Г. Шершеневичу) <…>» (Заметки Нового Поэта о русской журналистике (Ноябрь 1851) // Современник. 1851. Т. 30. № 12. Отд. V: Смесь. С. 157). «Очень высокую оценку перевода Шершеневича, — пишет современный исследователь, — дал профессор Модестов в „Лекциях по истории римской литературы“. Но нас перевод Шершеневича уже не удовлетворяет <…> мы никак не можем согласиться с тем, что он передает подлинник: Шершеневич, по существу дела, только излагает *содержание* подлинника, отказываясь от точной передачи его даже там, где это вполне возможно и необходимо; он заменяет образы Вергилия своими или же просто ими пренебрегает» (*Петровский Ф. А.* Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. [М., 1966]. С. 294).

„Энеиды“».[11] Другой переводчик «Энеиды», И. Е. Соснецкий, в своем Предисловии, напротив, уверял, что соблюдает «характер подлинника»: «Если я сумел почти в подстрочном переводе сделать книгу свою общедоступною по языку и *простоте* выражения, я почту себя истинно счастливым».[12]

В связи с фетовскими принципами перевода древних, на первый взгляд выпадающими из своего времени, несомненный интерес представляет студенческое сочинение семнадцатилетнего Н. А. Добролюбова, написанное на первом курсе Петербургского педагогического института в 1853/1854 учебном году и опубликованное лишь в советское время; это сличение перевода первой книги «Энеиды», выполненного Шершеневичем, с подлинником. «Странно равнодушие, — пишет начинающий критик, — с которым встречен был у нас перевод <…> может быть, виною этому г. Шершеневич, под рукою которого погибли нежные цветы латинской поэзии, пересаженные на чуждую им почву Севера?». Как отмечает Добролюбов, новый перевод «Энеиды» — произведения с «чуждым для нас миросозерцанием» — нельзя считать «большим приобретением для литературы русской»: к сожалению, он «отступает от подлинника, и несравненно слабее выражает мысли, выраженные Виргилием, — и очень небезукоризнен в литературном отношении».[13] Далее критик, не ограничиваясь констатацией и пересмотром лексических и грамматических промахов Шершеневича, скрупулезно перечисляет допущенные им отступления от буквы подлинника, а также образовавшиеся темные места в передаче оттенков мысли Вергилия. Размышления Добролюбова, высказанные им при анализе перевода Шершеневича, выходят далеко за рамки рецензии и без сомнения имеют общеметодологическое значение: «…для воспроизведения в переводе всех красот высокопоэтического подлинника переводчику нужно соединять чрезвычайно много самых разнообразных условий. Прежде всего он должен быть сам поэт. Он должен иметь это особенное поэтическое чутье», которое поможет «заметить и понять красоты великого

---

[11] *Шершеневич И.* Предисловие // Энеида Виргилия. Варшава, 1868. С. 7–9. Впервые: Современник. 1851–1852. Т. 30–36.

[12] *Соснецкий И.* Предисловие // Энеида Виргилия. Перевод (в стихах) с латинского Ивана Соснецкого, преподавателя 2-й московской гимназии. М., 1872. С. 3.

[13] *Добролюбов Н. А.* О Виргилиевой Энеиде в русском переводе г. Шершеневича; сравнение с подлинником перевода первой книги (1854) / Публ. и предисловие Ю. Г. Оксмана, примеч. А. В. Болдырева // Известия АН СССР. 1936. № 1–2. С. 277, 288.

произведения, воспроизвести в воображении дивные картины, изображаемые поэтом, схватить его тайную, недоговоренную мысль, прочувствовать то, что он чувствовал в своем вдохновении, проникнуться его духом, жить тою жизнью, которая так занимала его и которую так хорошо изобразил он в бессмертных стихах своих...».[14] «Вместе с тем, — продолжает рецензент, — переводчик классического произведения должен быть и ученый. Он близко должен быть знаком с древним бытом, с древними нравами, со всей словесностью древних. Язык, с которого переводит, разумеется, должен быть известен ему в совершенстве, со всеми малейшими оттенками в значении слов, в их размещении, в прибавлении какой-нибудь незначительной частицы и пр. т. п. Мало того — переводчик должен как нельзя лучше владеть тем языком, на который переводит», чтобы «не допустить ни одного неправильного оборота, ни одного нечистого выражения для ближайшей передачи мысли, находящейся в подлиннике... Условия громадные, почти невыполнимые!..».[15] Следует отметить, что перечисленные Добролюбовым качества, необходимые переводчику, предполагают обязательное наличие в нем поэтического чутья: «Только с огромным поэтическим талантом и запасом сведений можно приниматься за такое дело с полною надеждою на успех...».[16]

Через восемьдесят лет В. Я. Брюсов, принимаясь за перевод «Энеиды», сформулирует необходимые переводчику поэмы установки, которые в сущности не расходятся с теми, что были перечислены Добролюбовым. По мнению поэта, переводы Н. Квашнина-Самарина и Фета «передают текст Вергилия стих за стихом; второй из них почти слово за слово, так что местами его перевод превращается в настоящий „подстрочник“». Отдав должное фетовскому переводу как «добросовестной работе», Брюсов пишет: «Вергилий никогда не падает до языка прозаического. Все, о чем он ни говорит, он стремится обратить в образ: зрительный или звуковой», подчеркивая, что поэт «всегда предпочитает не назвать предмет прямо, а намекнуть» на него. Что же, по мнению Брю-

---

[14] Там же. С. 275–276.

[15] Там же. С. 276.

[16] Там же. Говоря о переводе Петрова, Добролюбов отмечал, что в настоящее время он «решительно неудобен для чтения, хотя, если разобрать обстоятельнее, найдешь, что Петров хорошо понимал Виргилия и редко изменял его мысль <…>. Мы сличали с этим переводом несколько мест из перевода г. Шершеневича, где он переводит неверно, и нашли, что у Петрова была мысль правильнее, но выражена так же дурно» (С. 287).

сова, сделали русские переводчики? «Они, так сказать, опростили Вергилия: раскрыли метафоры, которые им показались слишком смелыми, заменили намеки прямыми выражениями, расставили слова в их правильно грамматическом порядке, а на звукопись прямо не обратили внимания. Получился прозаический пересказ содержания поэмы, хотя почему-то изложенный гекзаметрами».[17] До тех пор, писал Брюсов, пока переводчики «Энеиды» «будут переводить только содержание стихов, русской „Энеиды“ существовать не будет. Необходимо передать самую манеру речи Вергилия, его расположение слов, его тропы, его звукопись, его аллитерации».[18]

Нетрудно заметить, что сформулированные Добролюбовым и Брюсовым принципы адекватного перевода удивительным образом перекликаются с многими высказываниями Фета.[19] Главную задачу переводчика Фет видит «в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гоняющемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора».[20] Итак, «буквальность» перевода понимается Фетом как «буквальность» смысла, постигать который способен лишь читатель с чутьем, не ищущий «при-

---

[17] *Вергилий*. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. Ред., вступит. ст. и коммент. Н. Ф. Дератани. М.; Л.: Academia, 1933. С. 40 (сер.: «Памятники мировой литературы»). Вместе с тем Брюсов настаивает на сохранении метрических особенностей поэмы, подчеркивая, что «наиболее прославленные места» «Энеиды» «под пером русских переводчиков обратились в стертые клише. Ставший пословицей знаменитый стих Вергилия — monstrum horrendum, informe ingens, cui lumen ademptum — у Фета звучит почти комически: „Страшное чудо, урод громадный и зренья лишенный“» (С. 40–41; см.: *Энеида*. Ч. 1. С. 93; III, 658).

[18] Там же. С. 44. О переводе «Энеиды» русскими стихами см. также: С. 39–45.

[19] Не расходятся воззрения Фета и с требованиями к переводчику «Энеиды», сформулированными современным исследователем, который также подчеркивает, что, для того чтобы «правильно передать» поэму, «надо первым делом точно передавать ее содержание, стараясь не упустить никаких его существенных оттенков»; содержание «Энеиды» «теснейшим образом связано со словесным ее оформлением, и поэтому переводчик должен тщательнейшим образом следить за всеми оттенками мысли Вергилия и за теми средствами, какими он пользуется для передачи своей мысли»; переводчик обязан «следить за тем, чтобы вводимые образы, фигуры, тропы, эпитеты» полностью «отвечали Вергилиевой поэтике». См.: *Петровский Ф. А.* Русские переводы «Энеиды». С. 298.

[20] *Фет А*. Предисловие // Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. С. 6.

ятной» формы в передаче оригинала. Эти базовые принципы Фет неизменно отстаивает в многочисленных предисловиях и комментариях, в письмах к разным адресатам на протяжении всей жизни. Вместе с тем поэт нигде впрямую не декларирует — и это понятно, — что «читатель с чутьем» лишь тогда воспримет силу оригинала, когда поэтическое чутье, на которое полагается переводчик, будет решающим в воссоздании художественного мира древнего поэта. При этом буквальность грамматическая должна быть принесена в жертву буквальности смысла: «Держась первоначального значения слова, переводить поэта совершенно невозможно. Необходимо отыскать русское слово, которое соответствовало бы не только ясному смыслу данного речения, но и общему строю всей предлежащей главы».[21]

Таким образом, не следует путать проблему буквального (дословного, подстрочного) перевода с проблемой буквальной передачи общего смысла и «строя», заложенного в переводимом произведении. Пытаясь понять механизм этого устойчивого заблуждения, мы столкнулись с прямо противоположным случаем, когда Фет упорно отказывается от грамматически буквального прочтения одного из стихов, предлагаемого авторитетными изданиями, а также предшествующими (и добавим, последующими) переводчиками, отстаивая свое полярно отличающееся прочтение, которое более точно, как нам кажется, передает поэтику, «строй», смысл и дух оригинала.

Речь идет об эпизоде царской охоты Энея и Дидоны в IV-й книге «Энеиды», известном также в литературе под названием «Страсть Дидоны». Это поворотный пункт всей поэмы. Напомним содержание эпизода. Предводителю троянцев благочестивому Энею предначертано богами стать основателем Рима. В своих скитаниях, предшествующих завоеванию Италии, он останавливается у вдовствующей карфагенской царицы Дидоны. Между Энеем и Дидоной возникает взаимное чувство. Юнона, богиня браков, настроенная враждебно к Энею, с тайной радостью наблюдает за влюбленными, рассчитывая, что их страсть поможет задержать ненавистных ей троянцев и предотвратить завоевание Италии и основание Энеем Рима. Богиня берет на себя хлопоты о том, чтобы на охоте страсть Дидоны разыгралась еще больше; для этого она планирует в момент начала охоты устроить грозу с градом, громом и молнией с тем, чтобы Эней и Дидона, прячась от непогоды, оказались в одной пещере и разделили брачное ложе. Однако несмотря на то, что

[21] Ср.: Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV. = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. С. II.

план коварной богини удается, избранник рока благочестивый Эней (а латинское pius имеет значение «исполнение своих обязанностей в отношении богов, родины и родителей»), следуя своему предназначению, попирает великую любовь и покидает Карфаген и Дидону, которая, узнав об этом, лишает себя жизни.[22]

И вот, давая описание охоты, которую предвкушает Юнона (далее следует еще одно описание уже совершающейся охоты, которое, надо сказать, событийно не отличается от первого), Вергилий вкладывает в уста богини следующие слова: «dum trepidant alae saltusque indagine cingunt» (IV, 121), что в фетовском переводе звучит так: «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят». Приведем контекст.

<Юнона:>

На охоту Эней и несчастная тоже Дидона
В рощу идти собрались, как только при первом восходе
Утренний встанет Титан и землю лучами осветит.
Их-то я темным дождем, перемешанным с градом, в то время,
Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят,
С высоты оболью и все небо подвигну громами.
Спутники врозь побегут и покроются сумрачной ночью.
В ту же пещеру придут и Троянский вождь и Дидона.[23]

2 июля 1887 года, в разгар работы над IV-й книгой «Энеиды», Фет пишет Нагуевскому:

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Четвертая книга согласно драгоценным указаниям Вашим в настоящее время исправлена до мельчайших подробностей, оказавшихся описками, отсутствующими в остающемся у меня экземпляре. При этом решаюсь представить Вам следующие две поправки.

Ст<их> 121. Дело военное, а тем более охотничье, в сущности весьма мало подвинулось вперед с древнейших времен. Вашею заметкою (не сохранилась. — *С. И.*) Вы заставили меня с большею ясностью всмотреться в смысл этого стиха. Я перевел первоначально *alae* словом *кричан*, которым на охотничьем языке называется вся шумящая цепь загонщиков, проходящая лесом по направлению к рассыпанным, т. е. повешенным на кустарниках тенетам, к которым по недостаточности их долготы с обоих боков приставляются подобные же сети, именуемые и до сих пор у охотников крыльями, а когда настоящих таких крыльев нет, то вместо их при-

[22] См.: Виргилий в изложении Лукаса Коллинза. Сборник древних классиков для русских читателей. Перевод с английского. Под ред. проф. С.-Петербургского университета И. Помяловского. СПб., 1876. С. 84–98 (Гл. IV: Дидона).

[23] *Энеида*. Ч. 1. С. 103–104, ст. 117–124.

вязываются веревки с подвесками из разноцветных лоскутьев, мочал и перьев, что неоднократно я сам видал на охотах с тенетами и о чем говорится в словаре Люнемана под словом *alae* (крылья; зд.: перьевые лоскутья — *лат.*) — die Federlappen, die bei der Umstellung eines Waldes angebracht werden (перьевые лоскутья, которые вешаются при огораживании леса — *нем.*) <…>. Следовательно, как раз указано наше место, в котором Виргилий очевидно говорит не о погонщиках и тем менее конных, которых в лесу быть не может, а о прямо противоположной линии совершенно готовых к восприятию зверей тенет. Поэтому нельзя согласиться с толкованиями Ladewig'а, превращающего Энея и Дидону с их провожатыми в *alae* (крылья; зд.: фланги войска — *лат.*) — легиона или эскадрона, т. е. в чернорабочий кричан, тогда как на охоте, в их удовольствие происходящей, им следует наслаждаться зрелищем попадающих в тенета зверей, а не загонять зверей, ничего не видя, для кого-то. Итак, если бы я переводил прозой, то перевел бы: *пока дрожат (трепещут) крылья и рощу тенетами окружат*; и согласно этому предлагаю стих по исправлению: «*как по крылам зашумит и тенетами рощу обступят*».[24]

Действительно, *alae* (plur. от *ala*) в латинском языке означает не только крылья, но и фланги, а также конные отряды, а *trepĭdo, -āre* — дрожать, трепетать; суетливо бегать туда-сюда, спешить; бояться. В одном из учебных изданий, составленном по Т. Ладевигу, К. Каппесу и др., в комментариях к стиху 121 IV-й книги говорится: «*dum cingunt* — **в то время, как охотники с двух сторон торопливо окружают лес облавою**. Как прикрытия флангов легиона конницею назывались *alae*, так названы в данном месте конные охотники, находившиеся с обеих сторон Энея и Дидоны».[25] В прозаическом подстрочном переводе А. Соколова: «**пока отряды всадников беспокоятся и опоясывают рощи окружением**, — пролью его сверху и восколеблю громом все небо».[26] В пособии для духовных училищ Е. А. Логвинова: «Я пролью на них сверху черное облако, смешав его с градом, **пока отряды (конницы)**

---

[24] *Фет/Нагуевский*. С. 397–398. В окончательном тексте, в соответствии с грамматической формой 3-го лица plur. от глагола trepĭdo — trepidant, стало «зашумят» вместо безличного «зашумит» — вероятно, точнее выражавшего изначальную фетовскую мысль. Грамматически более правильный окончательный вариант породил невольную двусмысленность: кто зашумит? крылья? охотники, включая Энея и Дидону? Фету важен был временной оттенок: пока крылья трепещут и опоясывают рощу (лощину) тенетами, т. е.: как только начнется охота, Юнона прольет дождь.

[25] P. Vergilii Maronis Aeneidos. L. I–VI. С примечаниями, составленными по Ладевигу, Каппесу, Фрейнду и др. П. Н. СПб., 1878. С. 68 (2-я паг.). Здесь и далее полужирным выделено мною. — *С. И.*

[26] Четвертая, пятая и шестая книги Энеиды Виргилия. В русском переводе с подстрочными примечаниями. Составил А. Соколов. Киев, 1880. С. 10.

спешат и окружают леса кордоном <…>».[27] В комментариях С. И. Гинтовта сообщается: «*alae*, собств. „крылья“, здесь отряды конных охотников, двигавшихся, подобно кавалерии римского легиона, с флангов; свободн. перев.: ***конные охотники с обеих сторон***, *trepidant* (собств. «трепещут») указывает на поспешность действия *cingunt*; перев. как *trepidantes* наречием *поспешно*, опустив союз que, *saltus* — *опушку леса*, *indagine* кордоном, то есть загоняя зверей».[28] В прозаическом подстрочном переводе Ф. З. Пемова: «**И пока отряды (охотников) суетятся и окружают кордоном (облегают) лес**, я пролью на них сверху черный ливень <…>».[29] В учебном издании А. Новикова: «**И вот в то время, когда боковые отряды охотников поторопятся оцепить кордоном лесистую гору**, я пущу на них сверху проливной дождь <…>».[30] В прозаическом подстрочном переводе В. Любимова: «**В то время как охотники с обеих сторон (фланги) поспешно окружают (трепещут и окружают) кордоном (обложением) опушку леса**, я пролью на них сверху черный ливень <…>».[31]

---

[27] Пособие к чтению и изучению П. Виргилия Марона. Слова, комментарии и перевод четвертой книги Энеиды. Составил Е. А. Логвинов, учитель Киево-Софийского духовного училища. Киев, 1884. С. 10.

[28] *Вергилий П. Марон*. Энеида. Песнь IV с введением, примеч и 16 рис. Объяснил С. И. Гинтовт, наставник-руководитель имп. С.-Петерб. историко-филол. ин-та: В 2 ч. Ч. 1: Текст; Ч. 2: Комментарии. СПб., 1893. Ч. 2. С. 24 (Иллюстр. собр. греч. и римск. классиков с объяснительными примеч. под ред. Л. Георгиевского и С. Манштейна).

[29] Энеида. Песнь IV: В 2 ч. Ч. 1: Текст (по изд. Тейбнера); Ч. 2: Слова, синтаксич. разбор с грамматич. примеч. и перевод. Составил Ф. З. Пемов. Киев, 1910. Ч. 2. С. 86.

[30] *Вергилий*. Избранные песни Энеиды (Размеченный текст, подстрочный перевод, литературный перевод, синтаксические обороты, слова, примечания). 4-ый вып. 4-ая песнь. Составил А. Новиков. СПб., 1910. С. 17 [321]. Ср. с его же литературным переводом, где неожиданно возникает фетовский вариант, вероятно заимствованный у поэта: «В то время как крылья трепещут и окружают рощи кольцом <…>» (С. 18 [322]).

[31] *Вергилий П. Марон*. Энеида. Песнь IV-я. Перевод песни сопровождается подробным синтаксическим разбором ее. В конце книги приложен отдельный словарь, составленный в порядке следования неизвестных слов и выражений в латинском тексте. Составил В. Любимов. Одесса, 1914. С. 9. См. также гимназические издания словарей к «Энеиде», в которых к ст. 121 кн. IV-й дается перевод *alae* как «конные охотники с обеих сторон»; trepidāre — «торопливо бегать туда и сюда, спешить» (P. Vergili Maronis Aeneis. Ч. 1. Кн. I–VI. Текст с объяснительным словарем. Изд. для употребления в гимназиях В. Г. Храпко, преподаватель Тифлисской 2-ой мужской гимназии. Тифлис, 1899 (на титуле: 1900). С. 7 (2-я паг.); Полный словарь к четвертой песне «Энеиды» Вергилия. Составил М. М. Гринфельд. Одесса, б. г. С. 14).

Необходимо отметить, что комментированные издания «Энеиды», включая издания последнего времени, так или иначе восходят к комментариям грамматика конца IV — начала V века н. э. Сервия (Maurus Servius Honoratus), которые переиздаются по сей день. Так, в издании IV-й книги «Энеиды», подготовленном А. Писом, в комментариях к стиху 121 говорится: «dum trepidant <…> Serv.: festinant (спешить, торопиться; ускорять. — *С. И.*); alae: Serv.: equites (конница. — *С. И.*). <…> Употребление *ala* в этом значении происходит от общеупотребительного значения, обозначающего подразделение солдат, в особенности кавалерии».[32]

Обратимся к русским переводам. В переводе В. Петрова:

Заутра, лишь заря на небо ускорит,
И солнце круг земной лучами озарит;
Еней с нещастною Дидоной, для забавы,
Изыдет в шуме труб, на лов зверей, в дубравы,
Как станут круг лесов тенета расставлять,
И всадники свой рыск на добычь устремлять;
Вдруг бурю страшную рука моя воздвигнет.[33]

Итак, *alae trepidant* передано Петровым как *всадники устремляют свой рыск*.

В переводе М. Д. Деларю:

Завтра Эней, с злощастной Дидоною вместе, на ловлю
В ближний отправятся лес, лишь только из первых туманов
Снова изыдет Титан и лучами всю землю осыплет.
Тут я черную тучу на них, отягченую градом
(Сетью пока, суетясь, окружают ловцы всю долину),
Сверху пролью и перуном небесную твердь поколеблю.[34]

Здесь латинскому *alae trepidant* соответствует *ловцы, суетясь*. В качестве русского аналога *indāgo, gĭnis* — окружение, облава, засада — Деларю предлагает слово «сетью».

В переводе И. Г. Шершеневича:

---

[32] Publi Vergili Maronis Aeneidos. Liber quartus / Ed. by Arthur Stanley Pease. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1935. P. 175.

[33] Еней. Героическая поема Публия Виргилия Марона. Переведена с латинского г-ном Петровым. [СПб., 1781–1786]. Ч. 1. С. 166, ст. 171–177.

[34] Дидона (Четвертая песнь Энеиды) / С латинского М. Деларю // Современник. 1837. № 4. С. 180.

Наш Эней собирается завтра с несчастной Дидоной
В лес на охоту идти, как только из бездны тумана
Светлый Титан поднимет чело и лучами заблещет.
И когда поезд зашумит и темную рощу
Сетью обдаст, тогда соберу я черные тучи <…>[35]

Здесь *alae trepidant — поезд зашумит.*

В переводе И. Е. Соснецкого:

<Эней и Дидона>
Готовятся вместе заняться охотой
Лесною назавтра, лишь Феб приподнимет
Чело огневое и мир весь осветит.
Пока звероловы начнут расходиться
По лесу и ставить охотничьи сети,
Сберу я на небе огромные тучи <…>[36]

Здесь *alae trepidant — звероловы* (начнут) *расходиться*.

В переводе Н. Д. Квашнина-Самарина (дактилический гекзаметр) 1893 года, т. е. после Фета:

Мыслят заутра Эней и несчастная эта Дидона
В рощи на ловы идти, лишь впервые народам покажет
Лик свой Титан и лучами вселенную снова осветит.
Черную тучу на них и с дождем и с губительным градом,
Пугала ставят пока и дубравы сетями обводят <…>[37]

Здесь, вероятно, самое близкое к Фету толкование: *alae trepidant — пугала ставят*, хотя в Предисловии к своему переводу Квашнин-Самарин пишет: «„Энеиду“ переводили уже не раз, но ни один из этих переводов не занял в литературе того места, которое сразу заняли гомерические эпопеи в переводах Гнедича и Жуковского. При этом мы не говорим о переводе г. Фета, который вышел еще недавно (пять лет назад. — *С. И.*) и с которым в настоящую минуту мы еще не знакомы, ибо боялись каких-нибудь невольных заимствований».[38] Возможно, переводчик понимал, что не Эней и Дидона с их свитой ставят пугала, однако уверенности в этом текст перевода не дает.

---

[35] Энеида Виргилия. Перевод И. Шершеневича. С. 90.

[36] Энеида Виргилия. Перевод (в стихах) с латинского Ивана Соснецкого. С. 129.

[37] Энеида Виргилия. Перевел с подлинника Н. Квашнин-Самарин. СПб., 1893. С. 78.

[38] *Квашнин-Самарин Н.* Предисловие // Там же. С. III.

Удивительно, но, блестяще сформулировав, как надо переводить «Энеиду», В. Я. Брюсов дал вполне традиционный перевод стиха 121, однако — и это важно — развел в разные стороны охотников и кавалькаду с Энеем и Дидоной:

В лес на охоту Эней и Дидона несчастная вместе
Ехать готовятся ныне. Первые только восходы
Завтрашний явит Титан и землю изменит лучами,
Облак чернеющий я, смешав его с градом, над ними
(**В час, как ловцы заспешат и холмы опояшут облавой**)
Ливнем пролью и небо все поколеблю громами <…>[39]

И, наконец, в одном из лучших современных переводов — С. А. Ошерова:

Ехать собрался Эней с Дидоной несчастною вместе
Завтра охотиться в лес, чуть только Титан над землею
Встанет и ночи покров распахнет лучами своими.
Тучу, несущую град, разолью над ними, едва лишь
Конный рассыплется строй, окружая рощу облавой;
Бурю обрушу на них <…>[40]

Здесь *alae trepidant* переведено как *конный рассыплется строй*.

Для полноты картины необходимо, вероятно, привести хотя бы одну из многочисленных пародий на «Энеиду», к примеру, Н. П. Осипова:

<Юнона>:
Взбешу их завтре на охоту,
Вздурю за зайцами гонять;
Потом нашлю дождливы тучи <…>[41]

Фетовское «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят» дает картину трепещущих на ветру крыльев (перьевых лоскутьев) тенет, или сетей, подвешенных на деревьях и кустарниках с концов основных сетей, с тем чтобы, отпугивая колебаниями и шумом от ветра, направлять загоняемых кричанами (загонщиками) зверей. В очерках «Из деревни»

[39] *Вергилий*. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. С. 118. Брюсов перевел первые семь песен, остальные — С. М. Соловьев.

[40] *Вергилий Публий Марон*. Энеида / Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского // Вергилий Публий Марон. Собрание сочинений / Вступит. ст. В. С. Дурова. СПб., 1994. С. 182, ст. 117–122.

[41] *Н. О. <Осипов Н. П.>*. Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку. 2-е изд.: В 4 ч. СПб., 1801. Ч. 2. С. 33 (впервые: СПб., 1791–1796).

Фет, описывая охоту на зайцев в Германии, упоминает о таком «кричане»: «…показалась цепь крестьянских мальчиков (так называемый *кричан*), и по ветру до нас стали долетать их пискливые возгласы. <…> По мере приближения кричана число зайцев и возникающая между ними суетливая беготня все увеличиваются. <…> Кричан дошел до нас, и нам надо было переменить место для повторения операции».[42] Об охоте с кричаном на зайцев вспоминал С. Т. Аксаков: «Наступление зимы <…> опять дало мне возможность предаваться моим охотам. <…> Отец брал меня с собою, и мы, в сопровождении толпы всякого народа, обметывали тенетами лежащего на логове зайца почти со всех сторон; с противоположного края с криком и воплями бросалась вся толпа, испуганный заяц вскакивал и попадал в расставленные тенета. Я тоже бегал, шумел, кричал и горячился <…>».[43] Схожее описание находим у Е. Э. Дриянского: убегающей от охотников лисе «проход в камыши забран предательской стенкой из тенет, а по крылам стоят грозные тенетчики, кто с ружьем, кто с дубинкой…».[44]

Трудно представить себе карфагенскую царицу, величественно восседающую на «звонконогом» коне, облаченную в тяжелый пурпурный плащ (окаймленную Сидонскую хламиду), скрепленный золотой застежкой, в золотой диадеме и с золотым колчаном за спиной, окруженную кавалькадой пунической знати («в злате и в пурпуре ярком»), и при этом вместе с этой знатью *trepidant* — суетливо снующую туда-сюда, окружая рощу облавой. Пышному выезду предшествует ранним утром выезжающий из ворот и сопровождаемый сворой собак отряд отборного юношества, везущий охотничьи приспособления: сети, тенета, охотничьи копья, рогатины (ст. 130–132); им же, вероятно, и предстоит до начала охоты развесить эти тенета и крылья к ним. В сцене царской охоты Дидона, снедаемая внутренним огнем любовной страсти к Энею, подчеркнуто статично выписана Вергилием вплоть до завершающего

---

[42] *Фет. ССиП*. Т. 4. С. 319–321.

[43] *Аксаков С. Т.* Семейная хроника и воспоминания. 7-е изд. СПб., 1891. С. 272–273.

[44] *Дриянский Е. Э.* Записки мелкотравчатого / Предисл. и примеч. В. М. Гуминского. М., 1985. С. 163 (впервые: СПб., 1859); см. также: С. 121, 122. Это же название продолжает оставаться в современном охотничьем языке: «названия участников облавных охот — „кричане“ и „крыловые“. Первые — это загонщики, поднимающие зверя покрикиванием, а вторые — загонщики, стоящие на флангах (на крыльях)» (см.: *Смирнов Н.* Охотничий язык как разновидность народной речи // Охотничьи просторы. М., 1960. Вып. 15. С. 233. См. также: Словарь охотника / Сост. В. Г. Холостов. М., 1972. С. 36).

охоту эпизода в пещере. Она находится под властью воли богов и коварных планов Юноны задержать Энея браком с нею и не допустить предначертанного ему основания Рима. Не ловля зверей занимает мысли Дидоны. Чувство собственного достоинства не дает ей признаться Энею в любви, и накануне охоты она лихорадочно мечется по городу, ищет совета у сестры, приносит жертвы Юноне, богине браков. Ослепленная страстью, подобно доверчивой лани, раненной охотником, она уносит в себе его смертоносную стрелу:

> Бедная пышет огнем Дидона и в городе целом
> Мчится в безумстве она, как лань с попавшей стрелою,
> Что среди Критских лесов неждавшую ранил оружьем,
> Гнавшись за нею, пастух, и, не зная, с летучим железом
> Бросил; она по лесам и долам Диктейским в побеге
> Мчится; в паху у нее засел тростник смертоносный.[45]
>
> IV, 68–73.

В художественной целостности IV-й книги эта сцена, безусловно, «подсказывает» не только эпизод охоты, сообщая ему заданную предопределенность, но и ее концовку — Дидона, обманутая и брошенная уплывающим к своей цели — Лациуму — благочестивым Энеем, поднимается на костер и лишает себя жизни мечом, подаренным им же: «…в ярости страшной / На костер поднялась и меч обнажила Дарданский, / Дар…» (IV, 645–647).[46] Для Вергилия-поэта символические тенета расставлены и готовы принять самих Энея и Дидону, загнанных непогодой в пещеру, где происходит ночь любви, после которой, согласно замыслу Юноны, Эней становится мужем Дидоны, царем Карфагена и уже никогда не станет основателем Рима. В пользу того, что именно таков был замысел Вергилия, косвенно свидетельствует и то обстоятельство, что сюжет IV-й книги «Энеиды» (искушение Энея любовью Дидоны), фабула первой части которой повторяет гомеровскую «Одиссею», перекликается с эпизодом с Калипсо (женщина, задерживающая героя). В сюжетном плане Вергилий так монтирует реальную сцену охоты, что между царским выездом с подробным описанием одежд Энея и Дидоны и их встречей в пещере нет ни единого упоминания о них ни в событийном, ни в эмоциональном плане; оттеняет эту статичность картина стремительной азартной скачки между несущихся с гор оленей и диких коз неожиданно появившегося Аскания, сына Энея:

---

[45] *Энеида*. Ч. 1. С. 102.
[46] Там же. С. 123.

Мальчик Асканий меж тем, горячим конем восхищенный,
Вдоль по долинам то тех обежит, устремляясь, то этих,
И желает с мольбой, чтоб между безвредных животных
С гор или в пене кабан, иль лев желтоватый спустился.[47]
IV, 156–159.

Проницательно почувствовал эту новаторскую для своего времени особенность поэтики Вергилия И. С. Тургенев. В письме к Фету от 13 (25) сентября 1873 года он замечает: «Постройка, характеры и пр. его „Энеиды“ не имеют значения; но в отдельных выраженьях, в эпитетах, в колорите он не только поэт — но смелый новатор и романтик. Напомню Вам „per *amica silentia lunae*“ («при *дружественном безмолвии луны*» — *лат.*) (хоть бы Тютчеву) — или „futura jam pallida morte“ («побледневшая от грядущей смерти» — *лат.*) (о Дидоне, когда она с *яростью* восходит на свой костер, чтобы покончить с собою) и т. п.».[48]

Фет-поэт конгениально Вергилию почувствовал, что Дидона и Эней должны быть статичны в сцене охоты и никак не могут быть ни в составе конных охотников, ни звероловов, ни ловцов, ни ловчих, ни всадников, ни поезда, ни кричана, ни эскадрона, ни легиона, что противоречило бы художественной правде «Энеиды» и замыслу ее создателя. Представляется правомерным связать сцены обеих охот из IV-й книги с эпизодом преследования предводителя латинского племени рутулов Турна раненным стрелою Энеем (Турн — после Дидоны второй антагонист Энея, последнее его препятствие на пути к основанию Рима) из заключительной XII-й книги поэмы, в которой аналогия возникает через схожие охотничьи реалии и термины:

Гонится и по пятам теснит дрожащего пылкий:
Как оленя порой, что внезапно отхвачен рекою,
Или же страхом объят посреди краснеющих перьев,
Гонит охотничий пес и его преследует лаем <…>[49]
XII, 748–751.

Ср. у С. А. Ошерова:

Гонится, гневный, бежит по пятам за трепещущим Турном.
Так за оленем, когда он рекой от леса отрезан,
Или обложен кольцом пугающих перьев пурпурных,
Мчится охотничий пес, настигая с лаем добычу <…>[50]
XII, 748–751.

---

[47] *Энеида*. Ч. 1. С. 104.

[48] *Тургенев*. *Письма*. Т. 12. С. 221.

[49] *Энеида*. Ч. 2. С. 190.

[50] *Вергилий Публий Марон*. Энеида / Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. С. 363–364. См. также коммент.: «*Пугающие перья* — Цепочкой красных перьев оцепляли лес, где травили зверя» (С. 465; коммент. Н. Старостиной).

Не исключено, что примечания к стиху 750 написаны не Нагуевским, а самим Фетом, так же как и примечания к книгам VII–X: «750. *Посреди краснеющих перьев*; чтобы захватить большее пространство перед убегающим зверем, охотники протягивают от обоих крыльев тенёт веревки, на которых развешивают красные и вообще яркие лоскутья, пугающие зверей своими непривычными пятнами. К этой хитрости прибегают охотники по сей день. Легкие, от ветру качающиеся перья, конечно, всего при этом удобнее».[51] Победа в этом поединке с Турном остается за не отклоняющимся от своего предначертания Энеем,[52] благодаря вмешательству Юпитера в козни Юноны. Следует заметить, что в одном из современных комментариев к стиху 121 IV-й книги со ссылкой на четырехтомное издание комментариев к «Энеиде», осуществленное Джеймсом Генри, говорится: «*Alae* были здесь предположительно объяснены как красные перья, которые использовались для запугивания дичи; ср.: Aen. 12, 750–751».[53] Дж. Генри, дав сводку имеющихся разноречивых комментариев к ст. 121, предложил свое прочтение: «Я согласен с Сервием и Ладевигом и не согласен с Гейне, Вагнером и Форбигером, что *alae* — это *equites* (конница — *лат.*), а не *pinnae* (перья — *лат.*) или *Federlappen* (перьевые лоскутья — *нем.*) <…>. Полагаю, что в соответствии с очевидной конструкцией „alae venantum occultant corpora [sua], *i. e.*, equites venatores occultant se“ (перья дичи скрывают тела [их], *т. е.*, конные охотники прячутся — *лат.*)».[54] Не вдаваясь в правомерность такого контаминированного истолкования *alae*, отметим лишь, что оно также, как и у Сервия, предполагает *equites*. Добавим только, что едва ли Вергилий, подробно описывая богатые одежды собравшихся на охоту Дидоны и Энея, преднамеренно не заметил перья, полностью скрывавшие их. Таким образом, перевод Фета *alae* как «крылья» тенет совпал с несколькими из вероятных и малоизвестных вариантов комментария, вызывавшего споры.

Итак, в собственном варианте перевода указанного стиха Фет следует не школьной грамматической буквальности, которая противоречит

---

[51] *Энеида*. Ч. 2. С. 190. См. также: *Фет/Нагуевский*. С. 420.

[52] О предопределении Энея и его миссии см.: *Ошеров С. А.* История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность: К 80-летию Федора Александровича Петровского / Сб. ст. М., 1972. С. 317–329.

[53] *Publi Vergili Maronis* Aeneidos. Liber quartus / Ed. by Arthur Stanley Pease. P. 176.

[54] *Henry J.* Aeneidea, or Critical, Exegetical, and Aesthetical Remarks on the Aeneis…: In 4 vols. Dublin, 1878. Vol. 2. P. 625–626. Речь идет о немецких филологах, издателях Вергилия Христиане Готлибе Гейне (Heyne), Филиппе Вагнере (Wagner) и Альберте Форбигере (Forbiger).

духу и поэтике переводимого произведения, а, благодаря поэтическому чутью, выявляет один из исконных смыслов, заложенных в поэму Вергилием. Ученый-классик О. А. Шебор восторженно писал о переведенной Фетом комедии Плавта «Горшок» (Aulularia): «Филолог, тем более специалист по Плавту, отдавая полную справедливость талантливости перевода г. Фета в общей сложности, заметит в нем, без сомнения, немало недочетов и погрешностей в частностях, но и он, наверно, найдет в нем много такого, что с удовольствием занесет на поля своего экз<емпляра> Авлюлярии».[55]

Подводя итог нашей статье, подчеркнем, что переводы Фета не только не отошли в историю, но и являются полноправными комментариями к древним: современные филологи-классики найдут в них немало поучительного при комментировании «темных» мест, еще не получивших адекватного осмысления.

---

[55] См.: *Шебор О. А.* Тита Макция Плавта «Горшок» (Aulularia), перевод А. Фета. М., 1891. С. 1 (отд. оттиск из: Филологическое обозрение. 1891. Т. 1. С. 1–14). За помощь в переводе латинских цитат приношу благодарность К. А. Богданову.

СООБЩЕНИЯ

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ ТЕКСТОЛОГА
(При подготовке «Вечерних огней»)

Продолжение[*]

VI

«Брошенный» или «брошеный»?
(Образная структура одного поэтического посвящения Фета гр. С. А. Толстой: «Когда стопой слегка усталой…»)

Наличие автографа того или иного стихотворения всегда является бесценным фактом, свидетельствующим прежде всего о том, что стихотворение принадлежит автору, а не приписано ему. Кроме того, автограф содержит множество сведений, необходимых публикатору или исследователю для выявления даты написания стихотворения, ранних редакций или вариантов (если мы имеем дело с черновым автографом), пунктуации, строфики и т. д. Однако не всегда даже наличие автографа дает окончательный ответ на вопросы, возникающие в процессе подготовки произведения к публикации. Нередко решению возникшей проблемы помогает наличие еще одного или нескольких автографов.

Возьмем для примера известное стихотворение Фета, посвященное жене Л. Н. Толстого Софье Андреевне, которую поэт называл «своим идеалом» и которой посвятил немало стихотворений. Вот его текст:

Когда стопой слегка усталой
Зайдете в брошеный цветник,
Где под травою одичалой
Цветок подавленный приник,

---

[*] Начало см.: *ФетСб(1)*. С. 85–102.

Скажите: «давнею порою
Тут жил поклонник красоты;
Он бескорыстною рукою
И для меня сажал цветы».

Стихотворение не было опубликовано при жизни Фета. Впервые его напечатал Б. В. Никольский во втором томе изданного в 1901 году «Полного собрания стихотворений», вышедшего в Петербурге в издательстве А. Ф. Маркса в трех томах. Можно не сомневаться в том, по какому источнику печатал Никольский этот текст. Имея в распоряжении рукописные рабочие тетради Фета, он печатал неизданные стихотворения по содержащимся в них автографам или спискам. Однако, как уже указывалось исследователями, воспроизводя автографы, публикатор зачастую допускал вольности, особенно в синтаксисе, навязывая Фету подчас нелепые и в значительной степени искажающие смысл знаки препинания.[1] Достаточно произвольно поступал он и с заглавиями стихотворений, а иногда прямо «редактировал» тексты.

Печатая текст приведенного стихотворения по автографу, по счастью сохранившемуся в *Т 2* (Л. 71 об.), Никольский, на первый взгляд, не очень изменил текст: во второй строфе он заключил прямую речь в кавычки и в стихе 6 вместо точки с запятой поставил двоеточие. Таким образом, две части высказывания превратились в одно, по существу изменив его смысл. Вместо элегического: «жил», «сажал цветы» получилось «жил, чтобы сажать цветы для своего адресата». Первоначальное заглавие в автографе — «Графине Софье Андреев<не> Толстой» было изменено Никольским. Сократив имя и отчество адресата до инициалов, в скобках он уточнил: «супруге гр. Л. Н. Толстого», поскольку была еще одна графиня Софья Андреевна Толстая, которой Фет тоже посвящал стихи — жена поэта Алексея Константиновича Толстого. Заглавие стихотворения стало выглядеть следующим образом: «Графине С. А. Толстой (супруге гр. Л. Н. Толстого)».

Воспроизводя текст стихотворения в первом научном издании 1937 года, осуществленного в серии «Библиотека поэта», Б. Я. Бухштаб внес поправки, сняв добавленный Никольским в скобках подзаголовок и восстановив точку запятой вместо двоеточия в стихе 6. Правда, в заглавии имя и отчество адресата были оставлены, как у Никольского, в виде инициа-

[1] См. об этом: *Бухштаб. Обзор.* С. 588–591; *Генералова Н. П.* Текстологические проблемы издания стихотворений Фета (Собрание сочинений и писем в 20 томах) // *ФетСб(1).* С. 11–21.

Стихотворение Фета «Графине Софье Андреев<не> Толстой»
(«Когда стопой слегка усталой…»). Автограф (*ИРЛИ*)

лов, но именно так Бухштаб поступал во всех аналогичных случаях. Насколько это правильно, следует говорить особо.

Гораздо интереснее другое. В стихе 2 в издании Никольского читаем: «Зайдете в брошенный цветник,». В том же виде этот стих печатался всеми последующими издателями. В автографе стих 2 вписан карандашом над строкой вместо зачеркнутого варианта, не учтенного ни в одном издании: «В забытый вступите цветник».

В окончательном варианте: «Зайдете в брошенный <цветник>» (слово «цветник» не подвергалось правке) причастие «брошенный» первоначально было написано с двумя «н», но затем тем же карандашом одно «н» было слегка зачеркнуто. Этой правки, по-видимому, первый публикатор стихотворения Никольский не заметил. Между тем есть все основания считать, что легкое зачеркивание в этом автографе было сознательным и существенно повлияло на смысл стиха. Об этом свидетельствует еще один автограф, который, судя по всему, не был известен ни Никольскому, ни Бухштабу, опубликовавшему указанный стих в том же виде, что и первый публикатор. О втором автографе стихотворения следует поговорить особо.

Он сохранился во втором сборнике «Вечерних огней» (М., 1885) в составе конволюта, включающего три первых выпуска неизданных стихотворений Фета. В настоящее время конволют, как и экземпляр четвертого выпуска «Вечерних огней», находится в библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Дарственная надпись на обложке второго выпуска гласит: «Графине Софье Андреевне Толстой старый ее почитатель». Любопытно, что автограф стихотворения[2] вписан на странице 4 после стихотворения «Не смейся, не дивися мне…», открывающего сборник и не имеющего номера (С. 3), перед стихотворением «День проснется — и речи людские…», расположенного на странице 5 и имеющего номер «I». Вписанное стихотворение, по понятным причинам (имя адресата названо в дарственной надписи на обложке сборника), не имеет заглавия. Нет сомнений, что стихотворение было переписано Фетом из рабочей тетради в доработанном виде и, если говорить о редакциях, может считаться выражением последней воли поэта. Разночтения с первым автографом здесь совсем небольшие: после стиха 6 вместо точки с запятой стоит запятая (а не двоеточие, как у Никольского). Прямая речь выделена

---

[2] Факсимиле автографа воспроизведено в издании: Толстой. Тургенев. Фет: Каталог выставки / Составители: В. В. Миляева, И. Э. Честникова, К. В. Мельникова. Тула, 2001. С. 9. Следует отметить, что в прочтении его допущено несколько неточностей, однако ст. 2 воспроизведен в соответствии с оригиналом.

кавычками (правда, лишь в начале фразы). Но вторая строка выглядит именно так, как было исправлено в *Т 2*: «Зайдете в брошеный цветник».

Насколько существенно это разночтение и что оно дает для понимания стихотворения? Думается, многое. Прежде всего наличие второго автографа раскрывает важную деталь в истории создания стихотворения. Но главное, по-видимому, состоит в том, что, будучи прочитанным как посвящение к очередному выпуску «Вечерних огней», стихотворение обретает глубокий символический подтекст, который касается именно образа «брошенного» или «брошеного» цветника. Это, конечно, образ самой поэзии, которую поэт не «бросает», а оставляет навсегда тем, кому она дорога. Поэтому он отказывается от первоначального варианта второго стиха («В забытый вступите цветник»). Этот цветник не забытый и не заброшенный, он оставлен навеки и будет существовать вечно. Поэт представляет себе, как после его смерти одна из читательниц возьмет в руки томик его стихов и перенесется в мир, им созданный. Объяснимым становится и союз «и» в начале заключительного стиха. Поэт «бескорыстною рукою» сажал цветы не только для одной из своих читательниц, пусть одной из самых дорогих, а для всех. «Поклонник красоты» также не поклонник красоты живых цветов в оранжерее или красоты конкретного адресата, это поклонник «красоты» «целого мира», «от велика и до мала» (ср. стихотворение «Целый мир от красоты…»). Таким образом, «брошеный» в данном контексте следует рассматривать не как причастие от глагола совершенного вида, а как прилагательное, образующее с существительным единый нераздельный образ, ключевой для данного текста.

VII

Знал ли Фет, когда был написан роман «Война и мир»?

(О подзаголовке стихотворения «Графу Л. Н. Толстому»)

Стихотворение, известное под заглавием «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа: „Война и мир“)» («Была пора, своей игрою…»), было напечатано впервые во втором выпуске «Вечерних огней» (1885) на странице 18. Автограф его с небольшими разночтениями сохранился в письме к Толстому от 23 апреля 1877 года, но имеет другое заглавие: «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому»

№ 26

23 Апреля
1877 года

II

Дорогому другу
Графу Льву Николаевичу Толстому.

Была пора, своей игрою
Своею ризою стальною
Морской просторъ меня плѣнялъ.
Я дорожилъ и въ тишь и въ бури
То негой тающей лазури,
То пѣной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о море! въ мощи тайной
Не все мнѣ милъ твой блескъ случайной
И въ душу просится мою.
Дивясь красѣ жестоковыйной
Я передъ мощью стихійной
Въ священномъ трепетѣ стою.

А. Фетъ

Стихотворение Фета «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому» («Была пора, своей игрою…»). Авторизованный текст (*ИРЛИ*)

XI.

Графу Льву Николаевичу Толстому.

(При появленіи романа: *Война и Миръ*).

Была пора, своей игрою,
Своею ризою стальною
Морской просторъ меня плѣнялъ,
Я дорожилъ и въ тишь и въ бури
То нѣгой тающей лазури,
То пѣной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о море! властью тайной
Не все мнѣ милъ твой блескъ случайный
И въ душу просится мою;
Дивясь красѣ жестоковыйной,
Я передъ мощію стихійной
Въ священномъ трепетѣ стою.

Стихотворение Фета «Графу Льву Николаевичу Толстому
(При появлении романа: „Война и мир“)»
(«Была пора, своей игрою…»). Первая публикация (*ВО 2*)

и подпись: «А. Фет» (*ГМТ*).[3] Под тем же заглавием существует это стихотворение в виде авторизованного текста, записанного неизвестной рукой в *Т 2* на обороте листа 114, с той же датой: «23 апреля 1877 года» в правом верхнем углу. Подпись та же: «А. Фет». Не совсем обычное местоположение даты написания стихотворения и наличие подписи, обычно отсутствующей в автографах рабочих тетрадей, говорят о том, что оно было скопировано с письма. В письмах Фет обычно подписывал свои стихотворения. По сравнению с печатным текстом в обоих автографах имеются разночтения в пунктуации: в стихе 3, как и в стихе 9, вместо запятых на конце стоят точки, что свидетельствует скорее о более позднем вмешательстве в пунктуацию кого-то из редакторов, чем самого поэта, который, как известно, предпочитал в подобных случаях точку. Стоит отметить, что в обоих автографах в ст. 8 в заключительном слове употреблена ввиду точности рифмы старинная огласовка: «случайной» вместо «случайный» в печатном тексте.

Посылая стихотворение Толстому, Фет писал: «Яснее этого я не сумел высказать впечатление, производимое на меня, не говорю Вашими произведениями, а всем Вашим существом, как скоро я его соприкасаюсь в области серьезной духовной жизни. Все равно, в какой точке».[4]

Далее, выписывая в письме еще одно стихотворение («Еще, еще! Ах, сердце слышит…»), Фет связывал появление обоих стихотворений с полученным от Толстого письмом: «Можете ли Вы, поэт, спрашивать, в какой мере Вы мне дороги? Когда это было, чтобы в тот же день я написал 2 стихотворения, худо ли хорошо — это другой вопрос. И это только вследствие Вашего, как всегда дорогого, письма».[5]

Стихотворение было опубликовано не сразу, а когда оно появилось в печати, в нем обнаружилось нечто принципиально новое — подзаголовок. И подзаголовок, на первый взгляд, совершенно неожиданный: «При появлении романа: „Война и мир“».

Итак, еще раз подчеркнем, что подзаголовка не было ни в одном из известных автографов (точнее автографе в письме к Толстому и авторизованном тексте из *Т 2*). Он был выставлен Фетом при подготовке второго выпуска «Вечерних огней» и, как совершенно справедливо заметил Бухштаб, не был связан с выходом в свет романа «Война и мир». Этот странный факт надо было как-то объяснить, и исследователь пред-

---

[3] Этот автограф с неточностями воспроизведен в книге: *Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 473.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 474.

положил, что подзаголовок появился «по ошибке или с расчетом на такое осмысление».[6] То есть, либо Фет забыл, когда писался роман, либо вписал его название умышленно, пытаясь тем самым сказать другу нечто особенное. Другой вариант объяснения предложила комментатор отдельного издания «Вечерних огней» в «Литературных памятниках» М. А. Соколова, однако этот вариант не выдерживает критики, и вот почему. «Подзаголовок „При появлении романа «Война и мир»“, — отмечает исследовательница, — был вставлен Фетом при подготовке выпуска „Вечерних огней“ и, по-видимому, был связан с выходом 5 издания собр. соч. Толстого, 5–8 томы которого содержали „Войну и мир“ и вышли 24–31 октября 1885 г. (ценз. разр. II вып. „Вечерних огней“ — 25 октября)».[7] Но в том-то и дело, что цензурное разрешение на второй выпуск «Вечерних огней» было дано не 25 октября 1885 года, а годом раньше — 25 октября 1884 года. Удивительно, что версия М. А. Соколовой была принята в переиздании Фета в большой серии «Библиотеки поэта», вышедшем в 1986 году, что следует отнести, судя по всему, на счет М. Д. Эльзона, помогавшего больному уже Б. Я. Бухштабу завершить подготовку тома.[8] Здесь также внесена неточность в датировку стихотворения: «21–23 апреля 1877», очевидно, на основании упоминания Фетом даты написания двух стихотворений в один день, день получения письма от Толстого, однако письмо, помеченное 20–21 числом, вряд ли могло в тот же день попасть в руки адресата.

На самом деле в тот момент, когда было написано стихотворение, Толстой завершал работу над романом «Анна Каренина», о чем и сообщал Фету в упомянутом письме от 20–21 апреля: «Если бы я был свободен от своего романа, которого конец уже набран, и я поправляю корректуры, я бы сейчас по получении вашего письма приехал к вам. Так, я не знаю почему, ваше последнее письмо забрало меня за живое — то есть дружбу к вам. <…> Ужасно хочется вас видеть. А я надеюсь праздновать свое освобождение и конец работы около 28 апреля».[9]

По этому поводу Фет радостно писал 23 апреля 1877 года: «Заранее торжествую по случаю смерти Карениной и Вашего воскресения от обязательного труда. Помню, в ребячестве читал о работе египетской и Пасхе. 28 апреля у Вас будет Пасха».[10] Вообще это письмо Фета, удивительное по своему настроению, как нельзя лучше характеризует сте-

---

[6] *ПССт1937*. С. 730.
[7] *ВО 1979*. С. 703–704.
[8] *СиП 1986*. С. 683.
[9] *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 473.
[10] Там же. С. 474.

пень доверительности и дружеского расположения поэта к Толстому. «Никогда я не чувствовал, — признается Фет, — такого, можно сказать, сибаритского довольства жизнь. Сегодня второй солнечный день и, право, можно слышать, как трава, ликуя, лезет из земли. Пчелы, когда я шел под вербами смотреть жеребят на гумне, так и распевают над головой, и ни одна не тронет. Ей не до того».[11] Как не вспомнить стихотворение «Пчелы», написанное поэтом еще в 1850-е годы:

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле,
Иль совсем потеряюсь в лесу,
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле
Точно уголь в груди я несу.

Нет постой же. С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах опять эти пчелы над нею,
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.[12]

Таким образом, следует признать, что мнение Б. Я. Бухштаба, высказанное им в 1937 году,[13] остается наиболее убедительным, хотя и частично. Вряд ли можно предполагать, что Фет, даже при его нелюбви к датам, ошибся, назвав в подзаголовке роман «Война и мир» вместо романа «Анна Каренина». Дело было, думается, в другом.

Ко времени возникновения вписанного подзаголовка отношения Фета и Толстого уже почти прекратились, хотя поэт по-прежнему интересовался его судьбой, получая сведения о Толстом от его жены С. А. Толстой, Н. Н. Страхова и др. Этот разрыв не был как-то особенно отмечен, внешне их дружба почти не претерпела изменений. Они по-прежнему встречались, но того накала чувств, той предельной откровенности и готовности услышать друг друга уже не было. К этому времени Толстой почти полностью отошел от художественного творчества,

[11] *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 474.

[12] Стихотворение, условно датируемое 1854 г., воспроизводится по автографу в *Т 1*. Л. 4, с восстановлением фетовского синтаксиса, в частности, с заменой в ст. 11 и в ст. 13 восклицательных знаков на запятые.

[13] *ПССт1937*. С. 730.

занимаясь по преимуществу сочинениями религиозного характера (в конце 1884 года, в частности, он редактировал «Исследование догматического богословия», перевод «Краткого изложения Евангелия» и др. свои сочинения). Сняв в заглавии стихотворения слова «дорогому другу» и добавив подзаголовок, Фет, на наш взгляд, открыто выразил свое отношение к последнему этапу деятельности Толстого. Возможно также, что ему стало известно о появлении в печати глав незавершенного романа Толстого «Декабристы» (в сборнике «XXV лет»), отказаться от которого он призывал Толстого в апреле 1879 года.[14] На наш взгляд, изменение заглавия, внесенного в окончательный текст спустя семь лет после его написания, столь существенно и значимо, что позволяет выделить две редакции стихотворения — раннюю, которая воспроизводится в 5-м томе Собрания сочинений и писем Фета по автографу в письме к Толстому (*ГМТ*), и позднюю, напечатанную во втором выпуске «Вечерних огней».

Отношение же Фета к «Войне и миру» было в целом восторженным. Им даже была написана статья о романе Толстого, отвергнутая «Русским вестником» и до нас не дошедшая. Сохранился, правда, ряд возражений относительно эпилога романа (образ Наташи Ростовой и будущая судьба юного Болконского) в письме Фета к Толстому от 1 января 1870 года, где поэт вступает в скрытую полемику с автором романа о таком ключевом для обоих понятии, как «свобода».[15] По-видимому, воспоминание о романе «Война и мир» ассоциировалось у Фета с самым безоблачным периодом в отношениях с Толстым, о котором он и «напомнил», вставив в заглавие «неправильный» подзаголовок и сняв обращение «дорогому другу».

VIII

Кто такая «Курá»?
(Об одном комментаторском курьезе: Стихотворение Фета «Учись у них, у дуба, у березы…»)

Стихотворение Фета «Учись у них, у дуба, у березы...» всем хорошо известно. Однако придется привести его целиком, чтобы читателю было легче ориентироваться (с пунктуацией по *ВО 2*):

---

[14] *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 60–62.

[15] См.: Там же. Т. 1. С. 394–398, а также: *Розанова С. А.* Толстой и Фет (История одной дружбы) // *РЛ*. 1963. № 2. С. 97–98.

Учись у них, у дуба, у березы;
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы
И треснула сжимаяся кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений
Опять теплом и жизнию дыша,
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Напечатанное впервые во втором выпуске «Вечерних огней», стихотворение можно смело считать «программным», столь ясно в нем выражена философская позиция Фета. Но нас в данном случае интересует другое. Сохранилось два автографа стихотворения: беловой (в РГБ) и черновой — в *Т 2*. Не останавливаясь на мелкой правке, позволяющей, однако, выделить черновой автограф в качестве ранней редакции, обратим внимание на правку в стихе 5, где вписан и зачеркнут над строкой один из вариантов: *Все злей кура и с…* Правка была почти полностью учтена и Б. Я. Бухштабом (без комментария, *ПССт1937*), и в отдельном издании «Вечерних огней» 1979 года, где читаем еще один вариант этого стиха:

Все злей Кура и с каждою минутой…[16]

Комментарий здесь также отсутствует, но можно догадаться, что Кура — это река, текущая в Грузии. Между тем на самом деле Фет использовал местное слово, употребляемое в тульской, рязанской и др. губерниях. И означает оно «метель, вьюгу». Любопытно, что современный исследователь недавно поправил М. А. Соколову, готовившую указанное издание, однако по привычке или под обаянием солидного издания написал слово «кура» с заглавной буквы: «В другом автографе (так называемой тетради II) первоначальный вариант этих строк: „Все злей Кура (диалектное тульское, орловское: вьюга, метель. — *А. Р.*) и с каждою минутой <…>“».[17]

[16] *ВО 1979*. С. 468.

[17] *Ранчин А. М.* Путеводитель по поэзии А. А. Фета. Учебное пособие. М., 2010. С. 142 (сер.: «Школа вдумчивого чтения»).

Между тем в автографе *Т 2* стоит не допускающее разночтений: «кура» (Л. 19 об.), хотя при большом желании можно вместо строчной увидеть прописную букву. Таким образом, мы в очередной раз возвращаемся к варианту прочтения, напечатанному в издании «Библиотеки поэта» 1937 года Б. Я. Бухштабом. К сожалению, в последующих изданиях этот (как и многие другие) вариант стиха был опущен, а если бы он был воспроизведен, возможно, исследователь счел бы необходимым пояснить, кто такая *курá*.

IX

Так чей же венок «струею серебряной мчало»?
(Черновой автограф стихотворения «В пене несется поток…»)

Стихотворение, которым мы начинаем эту заметку, кажется, никому еще не известно:

Мчится смущенный поток
Ладью обгоняют буруны
Кормчий глядит на Восток
И будит дрожащие струны

В бурю челнок полетел
Пусть кормчий погибнет в ней шумно
Сердце — могучий он пел,
То сердце, что любит безумно.

Много промчалось веков
Людьми истязавших во власти
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти

Вынырнул снова поток
Струею серебряной мчало
Только левковый венок
Только ея покр<ывало>

Приведенное стихотворение является черновым автографом, сохранившимся в *Т 2* (Л. 60). Этот автограф очень «говорящий» — из тех, что редко сохраняют авторы. Текст записан карандашом, в спешке, некоторые слова не дописаны. У Фета есть лишь несколько подобных автографов, как правило, на отдельных листках и, по всей видимости, избежавших участи быть отправленными в корзину. По счастью, этот автограф

сохранился в рабочей тетради и носит следы большой правки. Прежде всего, правки, внесенной непосредственно после написания первого наброска. Эта правка внесена тем же карандашом, каким записано все стихотворение. Причем меняется многое, начиная с первого стиха. Затем правка проводилась чернилами, похоже, гораздо позднее.

Не исключено, что Фет, просматривая в начале 1880-х годов свои рабочие тетради в поисках неопубликованных стихотворений для задуманного им первого выпуска «Вечерних огней», решил включить это стихотворение в готовящееся издание. Почему оно не было включено в «Вечерние огни» и вообще не было напечатано при жизни поэта, можно только догадываться. И первое, что приходит на ум, это само содержание стихотворения, глубоко интимное, связанное с чувствами, которые даже лирический поэт не всегда решается вынести на всеобщее обозрение. Подобное решение было принято Фетом, на наш взгляд, и в отношении стихотворения «Это утро, радость эта…».[18]

Приведем стихотворение в окончательном варианте, таким, каким мы его знаем по изданиям, подготовленным Б. В. Никольским и Б. Я. Бухштабом, опуская изобретенную первым и принятую вторым графику строф, где четные стихи были напечатаны «втянутыми»:

В пене несется поток,
Ладью обгоняют буруны,
Кормчий глядит на восток
И будит дрожащие струны.

В бурю челнок полетел,
Пусть кормчий погибнет в ней шумно,
Сердце, могучий, он пел —
То сердце, что любит безумно.

Много промчалось веков,
Сменяя знамена и власти,
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти.

Вынырнул снова поток.
Струею серебряной мчало
Только лавровый венок,
Да мчало ее покрывало.

Сразу заметим, что окончательным этот текст можно назвать лишь условно, поскольку при жизни поэта стихотворение не печаталось. Не

[18] См. о нем: *Генералова Н. П.* Заметки текстолога (При подготовке «Вечерних огней»). I–V // *ФетСб(1)*. С. 96–102.

Стихотворение Фета «В пене несется поток…». Черновой автограф (*ИРЛИ*)

собирался Фет включать его в итоговое собрание стихотворений, которое готовил летом 1892 года и от которого остались лишь записанные его секретарем списки заглавий (см. публ. В. А. Лукиной в наст. томе).

Возможно, мы выскажем субъективное впечатление, предположив, что если бы не существовало автографа этого стихотворения, то вряд ли можно было догадаться, что оно принадлежит Фету. На наш взгляд, его смело можно назвать символистским. Символика его открытая, почти нарочитая, совсем не фетовская, которой свойственна другая тональность — потаенно-утонченная, не бросающаяся в глаза, а всплывающая исподволь, из глубины текста. Комментарий, который дал Б. Я. Бухштаб к этому стихотворению, предельно скуп: впервые опубликовано в *ПССт1901*. Т. 1. С. 60. Автограф в *Т 2*. Датируется предположительно 1866 годом. Впрочем, подобная «скупость» очень характерна для исследователя в отношении стихотворений, не включенных в так называемое «основное собрание» (то есть намеченное в 1892 году). В издании «Полного собрания стихотворений» Фета 1959 года добавлено лишь пояснение к предполагаемой датировке: «по местоположению в тетради».[19] В разделе «Другие редакции и варианты» не приводится ни одного варианта.

Между тем это как раз тот редкий случай, когда мы имеем не просто автограф, а черновой автограф стихотворения, содержащий два слоя правки — первоначальную, сделанную во время творческого акта или чуть позже, и позднюю. При таком внимании к стихотворению странно узнать, что Фет не отдал его в печать и даже потом, почти двадцать лет спустя, когда собирал первый выпуск «Вечерних огней», не изменил своего решения. Отсутствие же его в *Списке 1892* свидетельствует о том, что поэт решительно отказался от своего детища.

Самое значительное отличие автографа от известного текста состоит даже не в обильной правке, свидетельствующей о напряженной работе. В предпоследнем стихе в автографе отсутствует эпитет «лавровый», а читается «левковый», то есть венок был сплетен из левкоев, а не из лавра. Возникает вопрос: кому же он принадлежал?

Одним из неблагодарных занятий, которому нередко предаются исследователи, а вслед за ними школьники, это пересказ стихотворения своими словами. В этом есть даже нечто кощунственное. Однако в данном случае нам придется прибегнуть к этому испытанному школьному приему. Поэт символически, даже, прямо скажем, аллегорически изображает ладью жизни, в которой плывут на восток «он и она». Она —

[19] *ПССт1959*. С. 806.

возлюбленная, чувства к которой воспевает кормчий, он же — поэт. Ладья (или челнок) попадает в бурю, очевидно житейскую. И, о чем прямо не сказано, но явственно читается между строк, оба влюбленных погибают в волнах. Оставим без «пересказа» третью, философско-элегическую строфу, свидетельствующую, впрочем, о том, что «кормчий» выжил, поскольку он спустя «много веков» ощущает себя скованным «вседневными мелкими страстями». Остановимся на последней заключительной строфе. Если венок был бы лавровым, то он, без сомнения, должен был принадлежать кормчему, или певцу, который, «могучий», пел «сердце, что любит безумно». Но если венок левковый, то он, без сомнения, должен был принадлежать утонувшей возлюбленной. А тогда стихотворение приобретает совсем иной смысл: его главной героиней становится погибшая возлюбленная, чей венок и покрывало «струею серебряной мчало». В таком случае смысл первого стиха последней строфы таков: жизнь продолжилась, после бури «вынырнул снова поток» (жизни). Детали — венок и покрывало — явно отсылают к образу Офелии, а может быть и циклу, который, как известно, был написан Фетом. А прообразом «героини» стихотворения дотошный исследователь наверняка назовет Марию Лазич, чья смерть оставила незаживающую рану в сердце поэта.

Но сказанное относится к будущим комментаторам и интерпретаторам стихотворения, а нас интересует вопрос: откуда взялся «лавровый» венок? За ответом придется обратиться к изданию Б. В. Никольского, вышедшему в самом начале позапрошлого века в трех томах в Петербурге. Известный своим достаточно вольным обращением с текстами Фета, о чем раньше и убедительнее всех писал Б. Я. Бухштаб, Никольский, очевидно, счел эпитет «левковый» странным и заменил его на «привычный» лавровый, дав таким образом определенную интерпретацию этого сложного стихотворения. Хотя можно предположить, что он не очень внимательно прочитал черновой текст в *Т 2*.

Почему Б. Я. Бухштаб, тоже державший в руках упомянутую рабочую тетрадь, принял интерпретацию Никольского, сказать трудно. Возможно, на него произвела впечатление карикатура на Фета, которую он воспроизвел в своей блестящей публикации «Судьба литературного наследства А. А. Фета», где поэт изображен в римской тоге (намек на переводы из Горация) и с лавровым венком на голове. Больше никто из публикаторов, не заглядывая в автограф, даже не ставил под сомнение прочтение Никольского.

Есть еще одна интерпретация стихотворения «В пене несется поток…», о которой стоит сказать несколько слов. Принадлежит она

А. А. Блоку, одному из самых страстных почитателей гения Фета. Но и Блок, несомненно, не заглядывал в рукопись, а потому цитировал стихотворение «по Никольскому».

«Блоку, — пишет современный исследователь, — <…> было свойственно сближать лирику Фета с религиозной проблематикой. Об этом свидетельствуют и наброски к его статье о русской поэзии, сделанные в 1902 году, где он писал: „А связь четырех указанных выше поэтов (Тютчева, Полонского, Фета и Вл. Соловьева. — *Г. П.*) заключается в том, что свои вдохновения черпали они из того источника Божия, который не открывался другим (ибо иначе не было бы разницы между Шекспиром и Фетом)“».[20] Далее Блок продолжал: «Он (Фет. — *Г. П.*) покинул „родимые пределы“ и „покорный глаголам Уст“ Божиих двинулся „в даль туманно-голубую“ <...>. И шел, „как первый Иудей“, и терял свою цель, и снова находил ее, как он, и молился чужим богам „с беспокойством староверца“»; «Есть стихотворение Фета „Чем тоске я не знаю помочь“. Последние строки этого стихотворения, помимо их вполне элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и ощутимо выдвигают из ужасной пропасти нетленную красоту в окружении веры и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались бы поднять из темного лона иные».[21]

«В том же ключе, — справедливо пишет Петрова, — Блок цитирует Фета и в письме к Андрею Белому от 3 февраля 1903 года, где фрагмент стихотворения Фета „В пене несется поток…“ (1866) звучит в сопряжении со словами из „Откровения“ Иоанна Богослова: „Ангелы — *бесчисленны*, а бесам имя — *легион*. Жена пространства и жена времени — обе расчислились, распластались по истории, по земле. Они — манят. Другая — не манит. «Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Иоанн. Откровение. XXII, 17).

Много промчалось веков,
Сменяя знамена и власти,
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти.
Вынырнул снова поток…
Струею серебряной мчало
Только лавровый венок,
Да мчало *Ее* покрывало.
(Фет)“».

---

[20] *Петрова Г. В.* А. А. Фет в переписке Александра Блока и Андрея Белого // *ФетСб(1)*. С. 68.

[21] Там же. С. 68–69.

Обратим внимание, что в цитируемом Блоком стихотворении Фета центральным образом также оказывается образ сердца, точнее жизни безумного сердца, выраженной в песне поэта-кормчего, попавшего в суровый поток. У Блока же фетовская тема жертвующего и гибнущего в своей безумной любви певца обретает новую перспективу».[22]

Не менее важно, на наш взгляд, и то, что Блок, написавший «Ее» вместо «ее» (у Фета, конечно, «ея») и сблизивший образ возлюбленной с образом своей Прекрасной Дамы, не заметил диссонанса в эпитете «лавровый». Ведь не мог же поэт, из сердца которого вылился глубоко спрятанный и глубоко автобиографический образ певца, борющегося с житейскими бурями, сам увенчать себя лавровым венком.

X

Почему кобенился Назон?
(По поводу одного редакторского вмешательства в текст Фета. Посвящение А. В. Олсуфьеву: «Вот наша книжка в толстом томе…»)

Среди многочисленных стихотворных посвящений Фета разным лицам есть одно, вызвавшее если не бурную дискуссию, то скрытое противостояние двух публикаторов. Речь идет о стихотворном посвящении, известном под заглавием «Графу А. В. Олсуфьеву». Вот его текст:

Вот наша книжка в толстом томе. —
В своем далеком гетском Томи
По-русски стал писать Назон;
Но без твоих трудов — ей-Богу!
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бы явился он.

Бывало чуть он где споткнется
И на авось опять сошлется,
Славянским духом обуян,
Ты, приводя к почетной цели,
Уже гласишь, что так велели
Сам Lörs и Riese или Jahn.

---

[22] Там же. С. 69.

И вот оправленный, умытый,
Поэт наш римский знаменитый
Стоит расчесан, как к венцу.
Чего ж кобениться упрямо?
Пусть отправляется он прямо
С поклоном к крестному отцу.

До последнего времени автограф этого стихотворения не был известен. Казалось бы, в таком случае его следовало печатать по первой публикации, каковой являлась публикация Б. В. Никольского в известном трехтомном «Полном собрании стихотворений А. А. Фета» (СПб., 1901). Однако Б. Я. Бухштаб в издании «Библиотеки поэта» напечатал это стихотворение не по первой публикации, а по списку неизвестной рукой, сохранившемуся в Библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, лаконично пояснив в комментариях, что текст «исправлен по списку», и указав, что в списке значится другое заглавие: «Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу А. В. Олсуфьеву». Сличение публикаций Б. В. Никольского и Б. Я. Бухштаба показало, что главным отличием двух текстов было изменение в стихе 16. В издании Никольского этот стих звучал так:

Чего ж колеблется упрямо?

В издании, подготовленном Бухштабом, стих зазвучал следующим образом:

Чего ж кобениться упрямо?

Какой же вариант следовало выбрать при воспроизведении стихотворения в выходящем ныне собрании сочинений? Вопрос был не ординарным. С одной стороны, Б. В. Никольский мог располагать не известным нам автографом из утраченной рабочей тетради (как, по-видимому, и было на самом деле). С другой — вариант из списка мог быть следствием ошибки переписчика. Почему же тогда Б. Я. Бухштаб выбрал список?

Следует отметить, что в своей публикации Бухштаб не был вполне последователен. Исправив стих 16, он оставил без изменений заглавие стихотворения, хотя в списке оно было другим (даже в комментариях он привел его не совсем точно). Кроме того, он сохранил в основном пунктуацию Никольского, хотя сам неоднократно подвергал его отношение к пунктуации и вообще его эдиционные принципы строгой критике. Обращение к списку обнаружило еще одну любопытную деталь: пунктуация в нем звучала гораздо более «по-фетовски», чем в издании

Никольского. Это не могло удивить, потому что вмешательство в авторскую интерпункцию было задекларировано составителем известного трехтомника с самого начала. Но оставался вопрос: если Б. Я. Бухштаб больше доверился списку, чем Никольскому, то почему он оставил без изменений заглавие и пунктуацию?

Была еще одна небольшая деталь, вызывавшая сомнения в списке Пушкинского Дома. В слове «кобениться» мягкий знак был внесен позднее, хотя и той же рукой. Таким образом, первоначально стих читался следующим образом:

Чего ж кобенится упрямо?

То есть можно было предположить, что переписчик был не очень грамотным человеком или сомневался в прочтении слова в рукописи, с которой копировал текст.

Размышляя над причинами, побудившими Б. Я. Бухштаба выбрать за основу список Пушкинского Дома, мы остановились на следующем. В варианте Никольского настораживал оксюморонный оттенок выражения «колеблется упрямо», поскольку представить себе это состояние было достаточно затруднительно. Кроме того, если попытаться найти действующее лицо, то пришлось бы признать, что «колеблется упрямо» именно Публий Овидий Назон, потому что, отнеся данное выражение к автору-переводчику, следует ожидать глагола в неопределенном времени: «колебаться». Таким образом, по смыслу гораздо больше подходило «кобениться», хотя слово и казалось несколько экзотическим в данном контексте. Неужели Овидий склонен был упрямо «кобениться» и почему? Или же первому публикатору стихотворения Б. В. Никольскому слово «кобениться» показалось слишком «просторечным», и он допустил редакторское вмешательство в текст, заменив его нейтральным и одновременно противоречащим смыслу оксюмороном: «колеблется упрямо»?

Счастливая находка С. А. Ипатовой разрешила сомнения. Обнаруженный ею автограф Фета в книге «Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon. Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1887), сохранившейся в Государственном литературном музее в Москве, подтвердил правоту Б. Я. Бухштаба, а не Б. В. Никольского. В дарственной надписи здесь в стихе 16 ясно и четко написано: «Зачем кобениться упрямо?». На месте заглавия, как и в списке Пушкинского Дома, значится: «Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву». Как и предполагалось, пунктуация в автографе гораздо более соответствует пуш-

кинодомскому списку, чем публикации Никольского. И только стоящая под текстом посвящения дата: 14 января 1887 года — осталась неизменной во всех трех источниках.

Скажем несколько слов об упомянутом списке стихотворения, сохранившемся в Библиотеке Пушкинского Дома. Экземпляр «Превращений» Овидия, в котором находится список, как было указано Б. Я. Бухштабом, принадлежал в свое время поэту А. Н. Апухтину. На обороте титула книги содержится список стихотворения с предшествующей ему дарственной надписью (впервые опубликовано: *ПССт1937*. С. 751, с неточным указанием на то, что список был вклеен в экземпляр книги). На шмуцтитуле книги в верхней части приклеен листок с печатным текстом: «Книга эта принадлежала поэту Алексею Николаевичу АПУХТИНУ, получена мною от его родных после его кончины». Под текстом подпись чернилами, не поддающаяся расшифровке. На титуле вдоль корешка надпись: «Инв. № 3740. Б<иблиотека?> С. Х. М.». Неизвестно, был ли знаком А. В. Олсуфьев (1831–1915) с А. Н. Апухтиным (1840–1893) и каким образом копия дарственной надписи Олсуфьеву оказалась в книге, принадлежавшей поэту. Возможно, она была вписана позднее уже другим ее владельцем. Не исключено также, что она была сделана самим Олсуфьевым по просьбе Апухтина уже после смерти Фета. С Апухтиным Фет был, скорее всего, знаком, и уж совершенно точно был знаком с его родителями.[23] Косвенным подтверждением знакомства двух поэтов может служить хранящееся в Российской государственной библиотеке поздравительное письмо А. Н. Апухтина к литературному юбилею Фета (1889).

Остается сказать несколько слов о герое этого стихотворения — графе А. В. Олсуфьеве, личности по-своему весьма примечательной.

Генерал от кавалерии, участник Венгерской кампании 1849 года и Крымской войны, боевых действий на Кавказе и русско-турецкой войны 1877–1878 годов, граф А. В. Олсуфьев был замечательным знатоком латинского языка и римской литературы. В 1886 году в нескольких номерах «Журнала Министерства народного просвещения» появилась его обширная статья «Ювенал в переводе г. Фета».[24] Эта статья-рецензия, в целом высоко оценившая труд Фета-переводчика, стала, очевидно, поводом для личного знакомства поэта с Олсуфьевым, состоявшегося, как можно предположить, 4 октября 1886 года. Фет преподнес Олсуфьеву «Сатиры» Ювенала с дарственной надписью в стихотворной форме:

---

[23] *МВ*. Ч. 1. С. 256–259.

[24] *ЖМНП*. 1886. № 2. С. 87–112; № 3. С. 113–160; № 5. С. 82–112; № 8. С. 80–96.

Душевноуважаемому и страшному
Сотруднику Графу Алексѣю
Васильевичу Олсуфьеву

Вотъ наша книжка въ толстомъ томѣ,
Въ своемъ далекомъ Фетскомъ домѣ
По-русски сталъ читать Назонъ;
Но безъ твоихъ трудовъ — ей Богу!
Для армяка забывши тогу,
Неряхой бъ явился онъ.

Къ Вамъ, чуть онъ гдѣ споткнется,
И на Васъ опять сошлется,
Славянскимъ духомъ обуянъ,
Ты, приводя къ почетной цѣли,
Уже гласишь, что такъ велѣли
Самъ Lörs и Riese или Jahn.

И вотъ отравленный, ядовитый,
Подъ знамя Римской знаменитый
Стоитъ причесанъ, какъ къ вѣнцу
Чего жъ кобениться упрямо?
Пусть отправляется онъ прямо
Съ поклономъ къ крестному отцу.

А. Фетъ

17 Января
1887 года.

Стихотворное посвящение Фета А. В. Олсуфьеву
(«Вот наша книжка в толстом томе…»). Автограф (*ГЛМ*)

Второй бригады из-за фронта
Перед тобою мой Пегас,
Хоть сбросил он Беллерофонта,
Все ж на смотру, неровен час,

Ты сам заметишь по началу:
Каким он был, ему не быть,
И как служил он Ювеналу,
Улану ныне не служить.

Но в шенкелях его исправно
Перед тобой провесть хочу,
И лишь твое услышу: «славно!» —
Я: «рад стараться!» — прокричу.

Помеченное 4 октября 1886 года, стихотворение вошло в третий выпуск «Вечерних огней» (М., 1888) под заглавием «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву». Здесь же было опубликовано и стихотворение, обращенное к супруге графа — «Графине Александре Андреевне Олсуфьевой при получении от нее гиацинтов» и помеченное 2 января 1887 года:

В смущеньи ум, не свяжешь взглядом,
И нем язык:
Вы с гиацинтами, — и рядом
Больной старик.

Но безразлично, беззаветно
Власть Вам дана:
Где Вы царите так приветно, —
Всегда весна.

Сопоставление дат создания стихотворных посланий к Олсуфьеву и к его жене с датой знакомства Фета с генералом позволяет сделать вывод о том, что сближение поэта с этой семьей произошло быстро. Такое не часто случалось в его общении с новыми знакомцами. Но здесь случай был особый: Олсуфьев вызывал у Фета приязнь не только как прекрасный знаток античности, но и как личность почти исключительная в среде служилого дворянства. «Редкостной птицей в дворянском кругу» назвал Фет графа Олсуфьева в письме к С. А. Толстой от 23 января 1888 года.[25] «…Мы с Вами сходимся не только по отношению к манежу

[25] *Фет/Толстая*. С. 159. Подробнее об отношениях Фета и Олсуфьева см. в публикации Г. Д. Аслановой: *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 220–222. Письма Фета к Олсуфьеву опубликованы Г. Д. Аслановой в трех выпусках «Записок Отдела рукописей» (50–52). К сожалению, ответные письма Олсуфьева приведены в этой публикации лишь частично.

и фронту, равно как и несравненному изяществу древних, — писал Фет самому Олсуфьеву 26 августа 1891 года, — но и в горячем участии ко всем проявлениям народной и государственной жизни».[26]

Характерно, что автограф приведенного выше стихотворения, вошедшего в третий выпуск «Вечерних огней», тоже сохранился в виде дарственной надписи на книге «Д. Юния Ювенала Сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1885). Книга находится в Отделе редкой книги Российской государственной библиотеки.[27] На это стихотворение Олсуфьев откликнулся стихотворным посланием в письме к Фету от 19 октября 1886 года:

Хотя с тобой одной бригады,
Но ты поэт, я — филолог,
А все ж, кажись, мы оба рады,
Что сблизил нас Эллады бог,
Который в сонме Муз прекрасных
Без увлечений быть умел,
В союзе дружном — и согласных
Клио с Каллиопой зрить хотел.
Гусар улану помогает,
Сигнал *вперед* седых бодрит,
И полк второй не унывает,
Трубят *аппель*: на линию летит.[28]

А. В. Олсуфьев помогал Фету при переводе «Превращений» Овидия, за что поэт не забыл поблагодарить его в Предисловии.[29] Помогал он и при подготовке «Элегий» Проперция, вышедших в Москве в 1888 году. Эпиграммы же Марциала друзья готовили уже вместе: помимо про-

---

[26] См.: *Письма к Олсуфьеву (52).* С. 117.

[27] Этот автограф был обнаружен и впервые опубликован (с некоторыми разночтениями в пунктуации): *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 223.

[28] Там же. С. 223. Любопытно, что Фет, благодаря Олсуфьева за «прелестное приветствие в стихах», сделал замечание по поводу неуместного слова «аппель», нарушающего размер стихотворения. Олсуфьев, переплетая подаренную Фетом книгу, поместил перед титульным листом лист с текстом своего стихотворения, отредактированного поэтом (см.: Там же. С. 225. Примеч. 4).

[29] «За спешностью работы граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию. Но такие примечания были и будут предметом споров. Зато все примечания, касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева, и мы, пользуясь чужой ученостью и трудами, не желаем в глазах публики из скромного переводчика превращаться в знатока-классика» (Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon. Libri XV. Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. С. XIX).

смотра переводов, Олсуфьев написал краткий очерк жизни Марциала, который в расширенном виде вышел отдельным изданием.[30]

Остается сказать, что граф А. В. Олсуфьев, кажется, первым в России назвал Фета великим поэтом. В своем подмосковном имении Ершово он установил на стене домовой церкви памятную доску с надписью: «В память великого поэта Афанасия Афанасьевича Фета, удостоившего своею дружбою владельца села Ерошова. Родился 23-го нояб. 1820 года. Скончался 21-го нояб. 1892». Ниже было высечено изречение из книги Иова (33, 3): «Чисто сердце мое во словесех, / Разум же устну моею чистая уразумеет».[31]

Что касается автографа, с которого мы начали наш разговор, то именно он печатается в пятом томе Собрания сочинений Фета в разделе «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники», под своим подлинным заглавием «Душевноуважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву», правда, с одним единственным изменением. Поскольку в конце стиха 15 в автографе отсутствует необходимый знак препинания, мы предлагаем поставить здесь точку, как это сделал в свое время Б. В. Никольский, а вслед за ним Б. Я. Бухштаб, а не точку с запятой, как мы видим в списке Пушкинского Дома. Такую точку можно поставить и в несостоявшемся споре двух исследователей.

XI

В степи стоит хорошая погода!
(О стихотворении «Утро в степи»)

Стихотворение, известное под названием «Утро в степи», могло бы остаться в памяти читателей под другим, совершенно нелепым и не соответствующим содержанию заголовком, данным ему первым публикатором Б. В. Никольским. В издании «Полного собрания стихотворений» Фета, вышедшем в начале прошлого века, оно имело заголовок «Погода». Напомним его текст:

Утро в степи

Заря восточный свой алтарь
Зажгла прозрачными огнями
И песнь дрожит под небесами:
«Явися дня лучистый царь!

---

[30] *Олсуфьев А. В.* Марциал. Биографический очерк. М.; СПб., 1891.
[31] *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 222.

Мы ждем! — Таких немного встреч!
Окаймлена шумящей рожью
Через всю степь тебе к подножью
Ковер молочный стелет гречь.

Смиренно преклоняясь челом,
Горит алмазами пшеница
Как новобрачная царица
Перед державным женихом».

Откуда же произошла эта ошибка в заглавии и как удалось ее избежать? История эта, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Мы не беремся решать, по какой причине Фет не включил это стихотворение в *Список 1892*, составленный им для издания Полного собрания своих стихотворений. Из-за этого стихотворение не вошло в первое посмертное издание 1894 года, подготовленное Н. Н. Страховым и К. Р. и увидевшее свет в Петербурге в двух томах. Честь впервые представить стихотворение публике выпала на долю Б. В. Никольского, редактора и издателя Фета, известного своим достаточно вольным обращением с наследием великого поэта. Не умаляя заслуг Никольского, впервые опубликовавшего много стихотворений, ранее не печатавшихся, отметим, что он готовил их по рукописным рабочим тетрадям Фета, попавшим в его распоряжение. Так было и со стихотворением «Утро в степи».

Черновой автограф стихотворения сохранился в *Т 2*, на листе 47. Он записан карандашом (как правило, чернилами Фет вносил в тетрадь стихотворения, уже прошедшие редакторскую обработку, при этом черновики, несомненно, уничтожались), что свидетельствует о черновом характере записи. В данном случае сохранилась и правка карандашом, и более поздняя, чернилами. Автограф был вписан под стихотворением «Из Саади» («Вселенной целой потеряв владенье…»), записанным в верхней части листа чернилами и тоже содержащим правку.

Над карандашным автографом явственно видно слово «Погод», которое Никольский и прочитал как «Погода», приняв его за заглавие. Возможно, у него и было право на это (положение на листе вполне допускает на этом месте заголовок), если бы не вопиющее несоответствие заголовка содержанию и его абсолютно непоэтический характер.

Приступив к подготовке первого научного издания стихотворений Фета, известный впоследствии текстолог Б. Я. Бухштаб начал с того, что выявил все сохранившиеся и доступные автографы, проделав колоссальную собирательскую и исследовательскую работу. Среди автографов указанного стихотворения оказался один в письме Фета к известному

историку и издателю М. П. Погодину. Это письмо без даты, посланное из Орла, сейчас хранится в Отделе рукописей РГБ в фонде М. П. Погодина: «Душевноуважаемый Михаил Петрович! / Получив вчера в Орле, рикошетом через Покровку, любезное приглашение Ваше участвовать в Сборнике, спешу отвечать на него *фантом* (кажется, таково модное слово?). „Чем богаты, тем и рады“! / Радуюсь за всех добрых людей, что Бог дал Вам снова возможность *хватить зелье* <?>. Если почему-либо стихи мои не понравятся, то лучше не печатайте их».[32] Из письма ясно, что Фет послал Погодину, очевидно в ответ на его просьбу, два стихотворения для готовящегося альманаха «Утро», который вышел в Москве в 1866 году. Однако стихотворения «Утро в степи» в нем не оказалось. По какой-то причине Погодин не взял его в альманах. Второе же стихотворение — «Как мне решить, о друг прелестный…» (перевод из Рюккерта), посланное Погодину, в альманахе было напечатано. У него вообще оказалась более счастливая судьба: позднее Фет включил его в первый выпуск «Вечерних огней».

Но если бы Никольский внимательно пригляделся к автографу второго стихотворения, посланного Погодину, то увидел бы, что над ним в *Т 2*, на листе 50 тоже имеется совершенно идентичный «заголовок»: «Погод», сделанный тем же простым карандашом, в то время как сам перевод из Рюккерта записан чернилами. Из этого следует, что на просьбу Погодина Фет откликнулся немедленно: он нашел среди уже имевшихся в тетради стихотворений то, что ему показалось подходящим, и, судя по всему, написал специально для погодинского альманаха стихотворение «Утро в степи», возможно, с расчетом, что оно будет открывать альманах, имеющий идентичный заголовок. Отсюда и торжественный, программный тон стихотворения.

Остается добавить, что Б. Я. Бухштаб включил стихотворение в издание 1937 года под его настоящим заглавием «Утро в степи», фигурирующим в беловом автографе, который был вписан в письмо к Погодину, однако не полностью учел эту окончательную редакцию. Если Никольский, по обыкновению, произвольно расставил знаки препинания, то Бухштаб воспроизвел их гораздо точнее, но в стихе 8 оставил все же опубликованную Никольским промежуточную редакцию. В автографе *Т 2* первоначально было: «Ковер волнистый стелет гречь», исправленное на: «Ковер душистый стелет гречь», в то время как в беловом автографе Фет нашел более свежий эпитет: «Ковер молочный стелет гречь». По всем правилам текстологии, именно этот окончательный вариант и должен быть представлен в каноническом тексте.

---

[32] *РГБ*. Ф. 231. Р. III (Погодин). К. 11. № 51. Л. 1.

XII

Отчего зевал Тантал?
(Загадочная строка из поэтического послания Фета Тургеневу)

Казалось бы, ничего особенно таинственного в одном из стихотворных посланий к И. С. Тургеневу, о котором пойдет речь, нет. Приведем это послание в том виде, в каком оно сохранилось в рабочей тетради поэта (*Т 2*):

Хотя по-прежнему зеваю
Степной Тантал,
Увы! я больше *не витаю*,
Где я витал.

У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
Царицы фей.

В лугах поэзии зорями
Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растенье
В сухой земле.

О приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.

В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.

Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.

Пришлец с Олимпа, вестью новой
Меня утешь.
Опять покроет лоск багровый
Поэта плешь.

Найду начальный стих пеана
Я в честь твою —
Не хватит сил допить стакана
Хоть разолью.

Достаточно раскрыть любой справочник, и даже тот, кто не очень силен в греческой мифологии, узнает, кто такой был Тантал, а кто Аполлон. На поверку, однако, история этого послания оказалась гораздо сложнее, чем античные параллели, которыми столь часто пользуются поэты хотя бы и в шутливой форме.

История публикации этого стихотворного послания достаточно загадочна. При подготовке его к печати и датировке Б. Я. Бухштаб обнаружил не только адресат стихотворения (им был давний друг и постоянный оппонент Фета И. С. Тургенев), что дало возможность установить довольно точно время написания (первая половина января — первая половина февраля 1869 года),[33] но и выявил одну строфу, опущенную первым публикатором стихотворения Б. В. Никольским.[34] В автографе эта строфа (8-я по счету) недвусмысленно вычеркнута крест-накрест красным карандашом. Нет сомнения, что стихотворение является частью письма Фета к Тургеневу и одновременно частью поэтического диалога двух писателей.[35] На присланное стихотворение Тургенев откликнулся 18 февраля (2 марта) 1869 года:

«В ответ на возглас соловьиный —
(Он устарел, но голосист!)
Шлет щур седой с полей чужбины
Хоть сиплый, но приветный свист.
Эх! плохи стали птицы обе!
И уж не поюнеть им вновь!
Но движется у каждой в зобе
Всё то же сердце, та же кровь…
И знай: едва весна вернется —
И заиграет жизнь в лесах —
Щур отряхнется, встрепенется —
И в гости к соловью — мах-мах!

Вот, верите ли, любезнейший А. А., Ваше премилое стихотворение и меня расшевелило!».[36] В контексте непростого диалога, завершивше-

[33] *ПССт1937*. С. 741.

[34] *ПССт1901*. Т. 2. С. 271–272.

[35] *Генералова Н. П.* Поэтические послания Тургенева и Фета как предмет текстологии // *Тургенев. НИиМ (2)*. С. 224–227.

[36] *Тургенев. Письма.* Т. 9. С. 156.

гося разрывом, 8-я строфа, где Фет признает своего корреспондента «пришлецом с Олимпа», должна была быть особенно дорога Тургеневу. Поэтому важно понять, кому принадлежала инициатива изъятия ее из стихотворения. Решая вопрос, восстанавливать или нет вычеркнутую строфу, Б. Я. Бухштаб не был уверен, сделано это самим Фетом или кем-то другим: «Перед последней строфой зачеркнута красным карандашом (может быть, и не Фетом; впрочем, в тетради есть несомненно фетовские пометки красным карандашом) строфа, помещенная нами в вариантах».[37] Однако если учесть, что в автографе есть еще одна помета тем же красным карандашом: «Печатать» (и сделана она не рукой Фета), следует с большой долей вероятности признать, что изъятие строфы принадлежит первому публикатору стихотворения Б. В. Никольскому. В противном случае оно, пусть и без предпоследней строфы, было бы напечатано в первом посмертном издании. Вряд ли можно допустить, что столь решительное обращение с фетовским текстом могло принадлежать вдове поэта. Остается еще вариант: Страхов или К. Р. сначала предполагали опубликовать стихотворение, а затем отказались от своего намерения, однако наиболее правдоподобным представляется все же предположение, что решение изъять 8-ю строфу принадлежало первому публикатору стихотворения Б. В. Никольскому.

Итак, наиболее корректной с текстологической точки зрения является публикация этого послания к Тургеневу с восстановлением 8-й строфы. Установив несомненного адресата, логично присвоить этому стихотворению условное заглавие: «И. С. Тургеневу», по аналогии с другими поэтическими посланиями Фета, сохранившимися в рабочей тетради и, несомненно, посланными в письмах к Тургеневу («Ты прав: мы старимся. Зима недалека…», «Прошла зима, затихла вьюга…», «Из мачт и паруса — как честно он служил…», «Тебя искал мой стих по всем концам земли…»). Но вернемся к началу стихотворения.

Во втором стихе Фет сравнивает себя с сыном Зевса и титаниды Плуто, героем греческой мифологии Танталом, прославившимся своим богатством. Однако в историю этот герой вошел не благодаря своим достоинствам, а «танталовыми муками», посланными ему отцом за совершенные преступления. Нередко призываемый на Олимп и вкушающий вместе с богами нектар и амброзию, дающими бессмертие, Тантал не только разгласил подслушанные им божественные тайны, но и украл с пиршественного стола яства, чтобы угостить ими своих земных друзей. За это Зевс низверг его в Аид и осудил на вечные муки: привыкший

[37] *ПССт1937*. С. 741.

к роскошным пирам Тантал стоит по горло в воде, томимый вечным голодом и жаждой. Как только он хочет напиться, вода отступает, а ветви, свисающие над его головой и отягощенные плодами, немедленно поднимаются вверх под порывом ветра, стоит ему протянуть к ним руку.

Что же имел в виду Фет, называя себя «степным Танталом»? На этот вопрос дает ответ само послание: несмотря на окружающие красоты, каждодневный труд и хозяйственные хлопоты лишают поэта вдохновения.

В лугах поэзии зорями
Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растенье
В сухой земле.

Обремененный житейскими проблемами, связанными с бурной хозяйственной деятельностью в приобретенной в 1860 году Степановке, Фет чувствовует, что поэтическое вдохновение покидает его. Поэт внутренне стремится свергнуть «земли томящий прах» («Когда вослед весенних бурь…»,1865?), «весь этот тлен бездушный и унылый» («Как нежишь ты, серебряная ночь…», 1865?), «тернистой жизни прозу» («Графине С. А. Толстой» («Когда так нежно расточала…»), 1866), пытается сбросить оковы, которые сковали «вседневные мелкие страсти» («В пене несется поток…», 1866?).

Очевидно, что под шутливой формой стихотворения «Хотя по-прежнему зеваю…», обращенного к Тургеневу, скрывалось глубокое чувство неудовлетворенности, которым Фет мог поделиться только с самыми близкими людьми. Но вот вопрос, который возникает, может быть, не сразу. Почему «степной Тантал», мучающийся от поэтического голода и духовной жажды, от невозможности «витать» на высотах Олимпа, как прежде, почему он «зевает»? Неужели жизнь в Степановке, насыщенная заботами о хлебе насущном, деятельность в должности мирового судьи, в которую Фет вступил в 1867 году и которой предавался с огромной энергией и усердием, организация мероприятий в пользу голодающих и многое другое давали возможность Фету «зевать» от скуки?

Вот что писал, например, Фет В. П. Боткину 29 сентября 1868 года о том, какое впечатление произвела на гостившего у него Д. П. Боткина его жизнь в Степановке: «…Дмитрий Петрович, увидав всю мою жизнь,

выразился: что ему понятно, что после деревенской деятельности праздная жизнь в городе была бы мне в тягость».[38] «Хлопот у меня полон рот, — пишет он в другом письме, — но я на них не сетую, пока не приходится бороться с бессмыслием. Только борьба с бессмыслием выше сил человеческих».[39] Фет не только приобретал практический опыт, он постоянно делился им с читателями в многочисленных статьях и очерках, публиковавшихся в столичной прессе.

Итак, придется признать, что «зевать» в Степановке Фету было совершенно некогда. Так отчего же зевал «степной Тантал» в его послании к Тургеневу? Ответ на этот вопрос оказался весьма прост: слово «зевать» имело несколько значений. Одно из них, именно то, в котором употребил его Фет, совершенно стерлось в памяти носителей русского языка. Современный «Словарь русского языка» дает четыре значения слова: 1) «Непроизвольно глубоко вдыхать воздух широко раскрытым ртом, сразу же затем его выдыхая (при желании спать, при усталости и т. п.)»; 2) «Смотреть на что-то с праздным любопытством; глазеть»; 3) «*Разг.* Быть невнимательным, нерасторопным; упускать благоприятный случай», и, наконец, 4) «*Обл.* Громко кричать, орать». В качестве примера последнего употребления приводится рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Недреманное око» и рассказ Г. И. Успенского «Поездки к переселенцам».[40] Более подробно говорит об этом употреблении словарь В. И. Даля: «*Тмб., влд.* кричать, орать, реветь; драть горло, горланить; // звать, кликать, // *Орл.* прятаться и выказываться по временам. <…> *Солнце зевает, орл.* облачко находит на него <…>». Из перечисленных значений к строке Фета, скорее всего, подходит вариант именно орловской губернии, где и располагалась Степановка: спрятавшийся в степной глуши поэт по временам подавал о себе весть, хотя бы и шутливыми стихами. Степановская каторга, лишившая русскую поэзию многих замечательных стихотворений, кончится лишь в 1877 году, а с переездом Фета в Воробьевку начнется последний период его творчества, ознаменованный новым взлетом его поэтической фантазии, которая снова будет витать на Олимпийских высотах. Впрочем, и в Степановке было написано немало стихотворений, часть их войдет в последние поэтические сборники Фета — «Вечерние огни».

---

[38] *Фет/Боткин*. С. 526.

[39] Там же. С. 527.

[40] Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981. Т. 1. С. 605–606.

XIII

Четыре «посмертные» редакции одного стихотворения Фета
(«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…»)

Может ли быть такое? — спросит удивленный читатель. Кто мог создать четыре редакции стихотворения после смерти их автора? И все же это, как может показаться на первый взгляд, невероятное приключение произошло со стихотворением «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…», напечатанным при жизни Фета дважды: в «Вестнике Европы» и в третьем выпуске «Вечерних огней» под номером «III». Вот его текст (по *ВО 3*):

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, —
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть:
Всю погасшую тайну хотел я прочесть,
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты.

Несмотря на некоторые стилистические шероховатости, о которых скажем дальше, стихотворение представляет собой на редкость четкий, проработанный сюжет, не очень характерный для любовной лирики поэта, чаще исполненной недоговоренностей, иносказаний, намеков и символов. Прав был близкий Фету критик Ю. Н. Говоруха-Отрок, сказавший, что в этом стихотворении дан «целый роман, целая трагедия, совершенно развитая и законченная».[41] Статья Говорухи-Отрока появилась буквально через несколько дней после смерти Фета, скончавшегося,

[41] *Николаев Ю.* <*Говоруха-Отрок Ю. Н.*> Поэзия Фета // *МВед.* 1893. 26 ноября. № 328. С. 3–4.

как известно, 21 ноября 1892 года в своем московском доме на Плющихе. Конечно, она была написана не после смерти поэта, а раньше, и предназначалась, как узнаем из письма Фета к К. Р. от 15 июля 1892 года, в качестве вступительной к «новому изданию стихотворений»,[42] а именно к неосуществленному Полному собранию стихотворений.

Однако статья Говорухи была интересна не только общей оценкой (очень высокой) творчества только что ушедшего поэта. Здесь была напечатана новая, еще никому неизвестная редакция стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…». Вот как автор объяснил ее происхождение: «Нынешний год летом я прожил несколько дней в Воробьевке, имении покойного А. А. Фета. Как-то в разговоре я сказал ему, что это стихотворение <…> мне нравится и как жаль, что оно несколько шероховато по форме. А. А. Фет заметил, что формой он и сам недоволен <…>. Через несколько времени А. А. Фет прочел мне это стихотворение в том виде, как я его привел здесь. Я тогда же в текст, напечатанный в „Вечерних огнях“, внес все эти поправки и изменения, сделанные А. А. Фетом».

Казалось бы, история стихотворения могла на этом и закончиться. Однако случилось иначе. Еще в 1935 году известный в будущем текстолог и главный в советские годы публикатор поэтического наследия Фета Б. Я. Бухштаб обнаружил, что тот же Говоруха-Отрок спустя полгода опубликовал свою статью «Поэзия Фета» вновь, на этот раз в журнале «Русский вестник», правда под другим псевдонимом: «Ю. Елагин».[43] Здесь Говоруха снова вернулся к стихотворению, дав более развернутую его оценку, но одновременно приведя и новую редакцию текста. Как это могло произойти?

Комментируя этот пассаж в статье «Судьба литературного наследства А. А. Фета», Б. Я. Бухштаб писал, что новая редакция стихотворения «столь же отлична от текста первой публикации, как и от прижизненного текста».[44] «Никаких объяснений, — саркастически замечал ученый, — не дано».[45]

Затем Б. Я. Бухштаб обратился к первому посмертному изданию стихотворений Фета («Лирические стихотворения»), появившемуся в 1894 году благодаря усилиям ближайшего литературного советчика и бессменного редактора на протяжении последних двух десятков лет

[42] *Фет/К. Р.* С. 962.

[43] *Бухштаб. Обзор.* С. 580–581.

[44] Там же. С. 581.

[45] Там же.

жизни Фета Н. Н. Страхова и молодого друга и почитателя поэта вел. князя Константина Константиновича, писавшего под псевдонимом «К. Р.». Нельзя забывать, что неоценимую помощь и финансовую поддержку этого издания оказала вдова поэта Мария Петровна, предоставившая издателям все имевшиеся в ее распоряжении материалы: письма, рукописные рабочие тетради, список Полного собрания стихотворений, составленный Фетом за несколько месяцев до кончины, а также сборники стихов с собственноручными пометами поэта, готовившего это итоговое собрание. К сожалению, она не дожила всего несколько месяцев до выхода в свет двухтомника Страхова и К. Р., сохранив в завещании все права на литературное наследие Фета за его племянником В. Н. Семенковичем, оплатившим расходы по изданию.

«Эта-то вторая публикация Говорухи-Отрока (в «Русском вестнике». — *Н. Г.*) и повторена в издании 1894 г., — писал Бухштаб, — но с двумя отступлениями; один стих дан в чтении прижизненного издания, а другой в совершенно новом».[46]

Обращаясь к следующему важному во всех отношениях и наиболее полному собранию стихотворений Фета, а именно к изданию 1901 года в трех томах, подготовленному продолжателем дела Страхова Б. В. Никольским, Бухштаб обнаружил еще одну редакцию стихотворения, не совпадающую ни с прижизненной, ни с редакциями в издании Страхова и К. Р. Во всех трех изданиях Никольского (в 1910 и в 1912 годах три тома Никольского были напечатаны в виде двухтомников и фактически повторяли первое издание) «из четырех разночтений издания 1894 г. с „Вечерними огнями" оставлено два, а в двух других случаях текст совпадает с прижизненным».[47] «Таким образом, — заключает Б. Я. Бухштаб, — мы имеем четыре *посмертные* редакции этого стихотворения. Все они, очевидно, должны быть признаны одинаково мало достоверными».[48]

Вывод жесткий и, как нам представляется, излишне категоричный.

Представим себе ситуацию, что Говоруха-Отрок опубликовал не две статьи с одним названием, а одну, и в ней фигурировала бы только одна новая редакция стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…». Не приходится сомневаться, что ученый отнесся бы к ней гораздо терпимее. А то, что в изданиях 1894 и 1901 годов стихотворение дано в разных редакциях, не должно было удивить исследователя, тща-

---

[46] *Бухштаб. Обзор*. С. 581.

[47] Там же.

[48] Там же.

тельно изучившего эдиционные принципы как Страхова, так и Никольского. Оба редактора получили в статье Бухштаба достаточно критическую, хотя и принципиально верную оценку. По сравнению с Никольским Страхову Б. Я. Бухштаб даже отдавал предпочтение, считая его «редактором несравненно более тщательным, чем Никольский».[49] Это мнение трудно оспорить. Несмотря на все издержки (а Страхов и сам понимал, что первое посмертное издание стихотворений Фета далеко от совершенства), «Лирические стихотворения» в двух томах стали надолго главным источником знаний о Фете, так сказать, представляли его творчество русской читающей публике.

Но вернемся к вопросу, затронутому Бухштабом в связи с публикациями Ю. Н. Говорухи-Отрока, и попробуем объяснить, откуда взялась еще одна редакция упомянутого стихотворения в статьях, написанных после смерти Фета с разницей в полгода.

Начиная разговор о посмертной судьбе стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…», Б. Я. Бухштаб утверждал, что «текст его совершенно идентичен в рукописи, журнале и III выпуске „Вечерних огней“».[50] Между тем это не совсем так. Для начала приведем разночтения первой публикации стихотворения в журнале «Вестник Европы» по сравнению с последней прижизненной публикацией в «Вечерних огнях», включая разночтения пунктуационные, на важность которых справедливо обращал внимание сам Б. Я. Бухштаб.

ВЕ. 1885. № 2. С. 570:

Ст. 1:

Солнца луч промеж лип был и жгуч, и высок,

Ст. 3:

Я мечтам золотым отдавался вполне;

Ст. 6–7:

Что ты счастье свое отдала за меня;
Я рвался, я твердил не о нашей вине;

Ст. 11:

Что в грядущем цветут все права красоты;

---

[49] Там же. С. 587.

[50] Там же. С. 580.

Ст. 13–16:

> С опочившей я глаз был не в силах отвесть,
> Всю погасшую тайну искал я прочесть
> И лица твоего мне простили ль черты?
> Ничего, — ничего не ответила ты!

Даже если предположить, что различия в пунктуации были внесены редакторами журнала «Вестник Европы» или Страховым, передавшим туда стихотворение,[51] то вряд ли это касалось всех указанных разночтений. Во всяком случае, разночтение в стихе 7 должно было бы быть отмечено Б. Я. Бухштабом, как оно было отмечено в издании «Вечерних огней», подготовленном М. А. Соколовой и Д. Д. Благим в серии «Литературные памятники».[52]

Обратимся теперь к автографу, сохранившемуся в *Т 2*.

Это черновой автограф на листе 94, который записан чернилами и содержит правку, сделанную тоже чернилами. Часть ее, очевидно, относится непосредственно ко времени написания стихотворения.

Ст. 3:

> Я [высказывал все золотые мечты —]

Окончательный вариант вписан над строкой.

Ст. 6–7:

> Что ты счастье свое отдала за меня.
> Я рвался, я твердил о не нашей вине

Ст. 10:

> Что минувшие дни мы должны позабыть

Ст. 11–12:

> Что в грядущем цветут все права красот[е]ы, —
> [Ты] Мне и тут ничего не ответила [мне] ты.

Ст. 13–14:

> С опочившей я глаз был не в силах отвесть
> Всю погасшую тайну [хотел] искал я прочесть

Над текстом красным карандашом помета: «NB», рядом простым — «X», «II». Выскажем предположение, что помета, сделанная красным

---

[51] См. об этом: *Фет/Страхов*. С. 384.

[52] *ВО 1979*. С. 472.

Стихотворние Фета «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…».
Автограф (*ИРЛИ*)

карандашом, принадлежит самому Фету, недаром стихотворение помещено в третьем выпуске «Вечерних огней» одним из первых. Помета простым карандашом в виде крестика могла обозначать, что стихотворение переписано, а помета «II» могла была быть сделана Страховым или К. Р. и обозначала номер тома, в который предназначалось стихотворение. Именно во втором томе оно помещено в издании 1894 года.

Из всех обозначенных разночтений только три, и то не полностью, учтены в издании «Вечерних огней» в серии «Литературные памятники». Это разночтения в стихах 3, 12 и 14.[53] В изданиях, подготовленных Б. Я. Бухштабом, не учтено ни одно из приведенных разночтений, которые названы «незначительными». В издании 1937 года в разделе «Другие редакции и варианты» отмечен лишь один вариант, и это вариант стиха 3 из страховского издания 1894 года, признанный в статье Бухштаба «Судьба литературного наследства А. А. Фета» «недостоверным».

Нам кажется, что дело обстояло не так безнадежно, как это представилось Бухштабу. Нет ничего удивительного в том, что Ю. Н. Говорухе-Отроку стихотворение «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…» показалось «несколько шероховато по форме». Даже после нескольких попыток Фета отредактировать стихотворение, оно сохранило некоторые «темные места», которые его издатели (в том числе Страхов и Никольский) пытались «прояснить» посредством изменений в пунктуации. Нет ничего удивительного и в том, что Фет, по словам Говорухи, «заметил, что формой он и сам недоволен». И уж совсем ничего удивительного нет в том, что он попробовал подправить стихотворение по замечаниям своего молодого гостя и почитателя, как он это делал постоянно, в особенности, когда речь шла о людях, эстетическому вкусу которых он доверял.

Поскольку дело происходило в последнее в жизни Фета лето 1892 года, когда поэт готовил свое итоговое Полное собрание стихотворений (которого ему уже не суждено было увидеть), он внес поправки в экземпляр третьего выпуска «Вечерних огней», куда, как и в другие сборники, вносил правку для будущей типографии. Прочитав новый вариант Говорухе-Отроку, он, без сомнения, позволил ему перенести правку в экземпляр, принадлежавший критику. Так родилась, выражаясь словами Б. Я. Бухштаба, первая «посмертная» редакция стихотворения. Под впечатлением известия о скорой кончине поэта Ю. Н. Говоруха-Отрок поспешил откликнуться на эту горестную для него утрату и поделился тем, что у него было — последней редакцией стихотворения.

---

[53] *ВО 1979*. С. 472.

Заметим, что вряд ли его большая по объему статья, занявшая два подвала газеты «Московские ведомости», к моменту смерти поэта была готова. Она готовилась как предисловие к будущему изданию, но еще в августе 1892 года Фет писал о ней Я. П. Полонскому (письмо от 9 августа 1892 г.) в будущем времени: «Говоруха <…> обещал написать статейку о моих стихах, которые я собираюсь напечатать в одной книжке».[54]

Далее дело могло происходить так. Вскоре после смерти Фета между Марией Петровной и великим князем Константином Константиновичем, выразившим вдове поэта глубокое и трогательное сочувствие, возник вопрос о довершении начатого и фактически подготовленного Фетом Полного собрания его стихотворений. Обмен письмами по этому поводу происходил между Марией Петровной и К. Р. уже в январе 1893 года. Тогда-то вдова и сообщила великому князю об имеющихся в ее распоряжении материалах, в том числе печатных сборниках с собственноручными пометами Фета. Все материалы были вскоре отправлены К. Р. и Страхову, которого великий князь привлек к будущему изданию по вполне понятным причинам. Таким образом, в руках у Страхова оказались правленые Фетом уже опубликованные стихотворения, среди которых было и то, о котором идет речь.

Очень возможно, что после отъезда Говорухи-Отрока из Воробьевки, где он гостил в июле 1892 года, Фет снова вернулся к стихотворению «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок…» и еще раз доработал его. Именно этот вариант оказался у Страхова, а через него мог оказаться у тесно с ним общавшегося Говорухи-Отрока. Вот почему, перепечатывая в расширенном и дополненном виде свою статью в «Русском вестнике» полгода спустя, критик воспользовался самой последней версией стихотворения, подтвержденной автографом. Таким образом, вопреки утверждению Бухштаба, что в первом посмертном издании Страхов «повторил» редакцию Говорухи-Отрока из «Русского вестника», дело могло обстоять совершенно наоборот. Правда, ученый отметил, что страховский «повтор» сделан «с двумя отступлениями; один стих дан в чтении прижизненного издания, а другой в совершенно новом».[55] Но, кажется, он ошибся и приписал Страхову то, что хотел сказать о версии Говорухи-Отрока. Действительно, если не принимать во внимание небольшие пунктуационные отличия (например, у Страхова в стихах 3, 7, 11, 15 в конце стоят тире, как в печатном тексте «Вечерних огней», на

[54] *Фет/Полонский*. С. 980.
[55] *Бухштаб. Обзор*. С. 581.

которые Говоруха мог не обратить внимания), то первые одиннадцать стихов в публикациях Страхова и Говорухи совпадают. Стих 12 у Говорухи-Отрока (напомним, речь идет о второй публикации в «Русском вестнике») совпадает с прижизненным изданием, а у Страхова появляется вариант, не встречавшийся ранее: «Ничего мне и тут не ответила ты». Допустить, что Страхов сочинил этот вариант сам, представляется некорректным, остается предположить, что он был вписан в не дошедший до нас экземпляр «Вечерних огней». Правда, не вполне понятно, почему Говоруха-Отрок отказался от этого варианта и вернулся к печатному тексту сборника. Впрочем, выписывая из сборника новую редакцию стихотворения, он мог просто его пропустить.

Но самое загадочное — это вариант стиха 15, которые возник только во второй редакции Говорухи-Отрока в «Русском вестнике» и не был «повторен» в страховском издании 1894 года: «И лица твоего мне открылись черты…». Если разночтения у Страхова и Говорухи-Отрока в стихе 12 не представляются принципиально важными, то разночтения в стихе 15 действительно важны. Оговоримся еще раз, что рассуждения на эту тему могут иметь только гипотетический характер.

В самом деле: откуда взялся вариант стиха 15, напечатанный Говорухой-Отроком в «Русском вестнике»? Либо он был записан, по словам критика, «под диктовку» Фета (тогда почему не появился в первой публикации в «Московских ведомостях»?), либо «списан» с экземпляра сборника, которым располагали Страхов, К. Р. и позднее Никольский (тогда почему они не воспользовались им, берясь воспроизводить стихотворение в последней авторской редакции?). Остается еще одна гипотеза, правда, маловероятная, что этот стих был сочинен самим Говорухой-Отроком, на что как будто намекнул Бухштаб, уничижительно отозвавшись о публикациях одной статьи в двух изданиях. Зададим вопрос следующим образом: берясь за предисловие к Полному собранию стихотворений почитаемого поэта, тщательно воспроизводя в первой публикации редакторскую правку Фета, сделанную едва ли не в его присутствии, мог ли критик, будучи тридцатью годами моложе престарелого поэта, да еще после его кончины, переписать целый стих? Ответ напрашивается явно отрицательный. Остается думать, что Страхов мог не принять предложенного Фетом (под давлением критики Говорухи-Отрока) варианта стиха 15, который оказался в полученном им от Марии Петровны экземпляре сборника «Вечерние огни», или же Говоруха нашел в своих поправках упущенный им при первой публикации вариант.

Вариантов стиха 15, в отличие, например, от стиха 3, на первый взгляд совсем не много. Начиная с автографа в рабочей тетради и с первой публикации в «Вестнике Европы», их, собственно, два. И один встречается только в статье Говорухи-Отрока в «Русском вестнике». Однако от этого «темное место», каким и по сей день представляется стих 15, не становится более «понятным» в контексте всего стихотворения. В самом деле, смысл последней строфы стихотворения таков: лирический герой, накануне объяснившийся с героиней и предложивший ей расстаться, оказывается у ее гроба и хочет «прочесть» на ее лице «всю погасшую тайну». Еще он хочет узнать, «простили ль» ему «черты лица» усопшей. Возникает вопрос: от кого он должен получить прощение — от самой умершей возлюбленной или от кого-то еще. Судя по последнему стиху, повторяющему рефрен предыдущих строф («Ничего, ничего не ответила ты»), герой так и не получает ответа. Но в таком случае крайне странно выглядит и ее «предполагаемый» ответ. Умершая должна простить любимому свои черты. И почему тогда герой не задает свой вопрос мертвой возлюбленной «на ты», как во всем стихотворении, а вводит неопределенное «простили ль», отсылающее к кому-то иному, даже к иным, которые, в свою очередь, вряд ли могли бы ответить на вопрос о «погасшей тайне».

Нет сомнений, что похожие вопросы не могли не возникнуть у Страхова, как и у любого читателя стихотворения, но они до нас не дошли. Не исключено, что Фет просто отказался переделывать этот стих, чтобы сделать его более «понятным». Потому он и был напечатан в «Вестнике Европы» и в отдельном издании «Вечерних огней» в том же виде, что в автографе. Приезд Говорухи-Отрока в Воробьевку и его слова о «шероховатостях», мешающих восприятию целого, снова вызвали у Фета ту же реакцию, которую мы гипотетически воспроизводим в отношении его главного критика этого времени — Н. Н. Страхова. Заметим, что к этой гипотезе подталкивают и сохранившиеся письма Страхова за период с конца сентября по 9 декабря 1884 года, когда ему были присланы несколько стихотворений, на которые он откликался. Два из них — «Солнца луч промеж лип и жгуч и высок…» и «Есть ночи зимней блеск и сила…» были переданы Страховым Стасюлевичу и напечатаны в февральском выпуске «Вестника Европы» за 1885 год. И лишь одно стихотворение, именно то, о котором идет речь в настоящей заметке, не получило никакой оценки и было просто передано редактору журнала.

К сожалению, автограф этого стихотворения, посланный в письме к Страхову, сохранился не полностью, как и все письмо, оказавшееся разорванным. В сохранившихся трех строфах никаких существенных

изменений по сравнению с первопечатным вариантом нет, но нас интересует как раз последняя, отсутствующая в этом автографе строфа.[56]

Можно с уверенностью предположить, что Говоруха-Отрок имел в виду стих 15. Что же дает вариант, напечатанный им в «Русском вестнике», для прояснения смысла этого стиха? Прежде всего, ситуация кардинальным образом меняется: герой хочет прочесть тайну и эта тайна ему открывается: «И лица твоего мне открылись черты…». Мертвая возлюбленная как бы оживает, но снова повторяется то, что было ранее — она отвечает молчанием на его вопрос. Внешняя ясность, однако, вступает в явное противоречие с логикой: герой искал тайну, она ему открылась, но она осталась, поскольку возлюбленная снова молчит. Может быть, эта нелогичность нового варианта и побудила Страхова оставить более раннюю версию.

О том, в какое затруднительное положение были поставлены публикаторы стихотворения, свидетельствуют расставленные ими с целью прояснить стих 15 знаки препинания. Может быть, наиболее характерным и объясняющим смысл высказывания следует считать вариант первой публикации в «Вестнике Европы», где стихи 13–16 выглядят следующим образом:

С опочившей я глаз был не в силах отвесть,
Всю погасшую тайну искал я прочесть
И лица твоего мне простили ль черты?
Ничего, — ничего не ответила ты![57]

Отсутствие запятой в стихе 14 делает вопрос усложненным, но состоящим из двух однородных членов: герой хотел узнать «всю» тайну героини и узнать, простили ли его. Нет запятой и в автографе. О вариантах Страхова и Говорухи-Отрока мы уже говорили.

Еще одну интерпретацию предложил Б. В. Никольский:

С опочившей я глаз был не в силах отвесть, —
Всю погасшую тайну искал я прочесть:
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, — ничего не ответила ты!..[58]

Как видим, Никольский попытался из двух вопросов оставить один. Загадочная фраза «И лица твоего мне простили ль черты?» немного

[56] Этот автограф воспроизведен: *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 385.
[57] *ВЕ*. 1885. № 2. С. 570.
[58] *ПССт1901*. Т. 1. С. 109.

прояснилась, ее можно в таком виде отнести к самой умершей возлюбленной и получить в ответ снова молчание. Правда, несколько «зависает» соединительный союз «и» в начале стиха 15.

Но самый неожиданный, на наш взгляд, и, кажется, совершенно произвольный вариант интерпретации этого «темного места» предложил Б. Я. Бухштаб.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть, —
Всю погасшую тайну искал я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты![59]

Ставя в конце стиха 14 точку, публикатор поставил точку и в страданиях лирического героя, стремившегося «прочесть» погасшую тайну в лице умершей девушки. Вопрос же о том, простил ли ему кто-то мертвые черты лица его возлюбленной, оказался не только без ответа, но и совершенно изолированным от всего стихотворения. Герой смотрит на умершую, пытаясь угадать ее тайну, а потом, будто спохватившись, что забыл задать еще один вопрос, задает и его. Стоит отметить также, что пунктуация заключительного стиха была позаимствована Бухштабом у Страхова. До Страхова в обеих прижизненных публикациях и в автографе у Фета стояла точка. В обеих «редакциях» Говорухи-Отрока поставлены многоточия. Никольский же соединил варианты Страхова и Говорухи, поставив восклицательный знак и многоточие.

Остается сказать, что редакция, представленная Страховым и К. Р. в первом посмертном издании 1894 года, была повторена Никольским (с обычными для него отклонениями в пунктуации), что еще раз подтверждает, что оба издателя ориентировались на один источник, выражающий последнюю волю поэта.

Несомненно одно: Страхов принципиально напечатал стихотворение не по последнему прижизненному изданию («Вечерние огни»), а по другому источнику. Этим источником мог быть либо автограф (что маловероятно), либо правка в тексте личного экземпляра Фета. Вот почему с текстологической точки зрения более корректным представляется публикация не только последней прижизненной редакции стихотворения «Солнца луч промеж лип и жгуч и высок…», но и более поздней, по изданию «Лирических стихотворений».

Что касается так называемых редакций Говорухи-Отрока, столь сурово раскритикованных Б. Я. Бухштабом, то первая из них должна быть

[59] *ПССт1937*. С. 222.

признана промежуточной, а происхождение второй было связано с готовящимся Страховым и К. Р. посмертным изданием, и потому она вряд ли может считаться самостоятельной. В любом случае, ни одна из перечисленных редакций, включая редакцию Никольского, не может называться «посмертной», имея в источнике последний этап работы Фета над этим стихотворением.

И. А. Кузьмина

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, ПОЧЕМУ АФАНАСИЙ ШЕНШИН СТАЛ АФАНАСИЕМ ФЕТОМ

«Мне было уже лет 14, когда около Нового года отец решительно объявил, что повезет меня и Любиньку в Петербург учиться. Приготовлены были две кожаных кибитки <…> и как бы вроде репетиции отец повез нас с сестрою на Добрую Воду, на Оптуху к Семенковичам и, наконец, главным образом, в Орел проститься с дедушкой», — так начинается девятая глава из книги воспоминаний Фета «Ранние годы моей жизни».[1] Для Афанасия сшили новую одежду, дядя Петр Неофитович Шеншин подарил любимому племяннику серебряные часы и триста рублей ассигнациями. Выехали, когда все сборы и приготовления были закончены. Фет подробно описывает неспешное путешествие с первой остановкой во Мценске, в доме Петра Неофитовича. Затем через Калугу поехали в Москву, где провели несколько дней, а оттуда отправились в Петербург. В столице обратились к доброму знакомому и соседу по имению Николаю Петровичу Новосильцову, который был членом советов институтов, считавшихся тогда лучшими в России, — Смольного и Екатерининского. «В непродолжительном времени, — вспоминает Фет, — Любиньку отвезли в Екатерининский институт, а по отношению ко мне Жуковский <…> положительно посоветовал везти меня в Дерпт, куда дал к профессору Моеру рекомендательное письмо».[2] Далее, уже в десятой главе, Фет рассказывает о том, как отец на третьи сутки привез его в Дерпт, где Моер, в свою очередь, посоветовал учеб-

---

1 *РГ.* С. 77.

2 Там же. С. 81.

ное заведение, расположенное в соседнем городке Верро.[3] Вскоре будущий поэт оказался в Верро, в частном пансионе Генриха Крюммера.

Один из первых биографов Фета, Г. П. Блок, в своей до сих пор не потерявшей значения «Летописи…» без особой уверенности (со знаком вопроса) датирует отъезд Афанасия из Новоселок ноябрем — декабрем 1834 года.[4] Логика исследователя понятна. Мальчик был представлен в пансионе Шеншиным и лишь какое-то время спустя, из письма Афанасия Неофитовича, узнал о своем «переименовании» в Фёта.[5] Поэтому предполагалось, что Шеншин сначала отвез пасынка в Верро, а уже по возвращении, 21 января 1835 года, получил в Орле известный документ — свидетельство Орловской духовной консистории № 277.

Попробуем для начала установить дату поступления в институт Любы Шеншиной, покинувшей родные Новоселки вместе с братом Афанасием. Архив С.-Петербургского училища ордена св. Екатерины (таково официальное название Екатерининского института) дошел до наших дней далеко не в полном объеме, и личное дело сестры Фета найти не удалось. Однако некоторые документы все же сохранились. Среди «бумаг разнородного содержания», поступивших в канцелярию Училища, подшито отношение статс-секретаря Вилламова, главноуправляющего IV отделением собственной е. и. в. канцелярии.[6] Вот текст этого документа:

Принесенное Государыне Императрице от отставного ротмистра Афанасия Шеншина всеподданнейшее прошение о принятии дочери его Любови в С.-Петербургское училище ордена св. Екатерины пансионеркою на его, просителя, иждивении,

---

[3] *РГ.* С. 81–82.

[4] *Летопись (1985).* С. 139. В более раннем своем труде Блок, сделав заключение, что Афанасий приехал в Верро в начале 1835 г., отмечает: «…свидетельство о его рождении было выдано А. Н. Шеншину <…> 21 января 1835 г., а это свидетельство потребовалось именно в связи с определением Фета в учебное заведение <…>» (*Блок Г.* Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 94–95).

[5] *РГ.* С. 95.

[6] Вилламов Григорий Иванович (1773–1842) — в 1801–1828 гг. состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне и был ее ближайшим помощником в делах благотворительности. После смерти Марии Федоровны опекаемые ею благотворительные заведения и среди них — институты благородных девиц, перешли в ведение вновь созданного IV отделения собственной е. и. в. канцелярии. Вилламов был назначен статс-секретарем и главноуправляющим IV отделения, в каковой должности пробыл до своей кончины.

Екатерининский институт

честь имею у сего препроводить по принадлежности в учрежденный при оном Училище Совет, для поступления по существующим правилам.

С.-Петербург, февраля 18 дня 1835 года.
Статс-секретарь по делам управления учреждений Императрицы Марии
Григорий Вилламов.[7]

В тот же день, 18 февраля, прошение Шеншина вместе с отношением Вилламова поступило в Совет, который рассмотрел его 26 февраля и, «находя все представленные о сей девице документы достаточными и согласными с установленными правилами Училища, определил: испросить Высочайшее Ее Императорского Величества повеление на принятие в Училище 10-летней девицы Любови Шеншиной на шесть лет пансионеркою на иждивении отца ее, отставного ротмистра, коего подлинное прошение поднести при том на Высочайшее Ее Величества благоусмотрение».[8] Ждать решения императрицы Шеншину пришлось недолго: уже 28 февраля он отвез дочь в институт, заплатив тогда же 900 рублей за ее годовое содержание.[9]

---

[7] Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 3. Оп. 1. № 161. Л. 178. Далее ссылки на это учреждение: *ЦГИА СПб.*

[8] *ЦГИА СПб*. Ф. 3. Оп. 1. № 163. Л. 24.

[9] В «Журнале исходящим бумагам по Канцелярии Совета, учрежденного при Училище ордена святой Екатерины 1835 года» под датой 28 февраля значится «квитанция

Известно, что младших дочерей, Анну и Надежду, Шеншин позднее поместил в Смольный монастырь, который был первым по престижности женским учебно-воспитательным заведением в России. Однако в то время институты набирали воспитанниц раз в три года, а занятия в младшем классе Смольного начались в 1833 году. Вот почему Н. П. Новосильцов посоветовал Шеншину Екатерининский институт, где как раз в 1835 году был прием в класс младшего возраста. Поступив в институт в конце февраля 1835 года, Люба Шеншина была выпущена оттуда в феврале же, шесть лет спустя.[10] 24–26 января 1841 года Афанасий Неофитович приехал за дочерью в Петербург[11] и вместе с ней покинул столицу 9 или 10 марта.[12] Летом того же года студент Фет, прибывший в Новоселки на каникулы, смог заново познакомиться с сестрой, которую видел в последний раз ребенком.

Просмотр «Прибавлений к Санкт-Петербургским ведомостям» за 1835 год позволил установить еще некоторые даты, имеющие прямое отношение к биографии Фета. Среди лиц, прибывших из Москвы в Петербург 15 февраля, значится отставной ротмистр Шеншин.[13] Имена и отчества в объявлениях подобного рода не указывались, но едва ли можно усомниться, что речь идет об Афанасии Неофитовиче, ведь мы уже знаем, что он находился в городе по крайней мере с 18 февраля. О выезде Шеншина в Лифляндию почему-то не пропечатано, зато есть сведения о его возвращении в Петербург из Дерпта, это произошло 17–19 марта.[14] Когда же Фет поступил в пансион Крюммера? Сам поэт утверждает, что отец привел его в школу в воскресенье утром, прямо к концу воскресной службы: «Когда из небольших сеней мы переступили в главную залу, то как раз попали на воскресный молитвенный хор

в получении 900 р. за девицу Шеншину (с 28 февраля)»: *ЦГИА СПб*. Ф. 3. Оп. 1. № 164. Л. 9. Сам документ отсутствует, очевидно, он находился в личном деле Любы Шеншиной.

[10] В то время выпускные экзамены и выпуски воспитанниц Екатерининского института происходили всегда в феврале (см.: С.-Петербургское училище ордена святой Екатерины (Екатерининский институт). 1789–1898 / Сост. Е. Панкратьева. СПб., 1899. С. 57).

[11] Прибавления к С.-Петербургским ведомостям. 1841. 28 января. № 22. С. 216. Отставной ротмистр Шеншин числится среди приехавших в Петербург из Дерпта. Далее ссылки на эту газету: *Прибавления*, с указанием года, номера и страницы.

[12] Сообщается, что Шеншин выехал из Петербурга в Мценск (*Прибавления*. 1841. 12 марта. № 57. С. 634).

[13] Там же. 1835. 23 февраля. № 44. С. 376.

[14] Там же. 24 марта. № 69. С. 634.

всего училища и на последние аккорды органа, после которых слушавшие проповедь расходятся».[15] В тот же день, «ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель», Шеншин пустился в обратный путь, оставив Афанасия в Верро.[16] Поступление в училище, когда мальчик впервые оказался «в среде иноплеменных людей»,[17] в тягостной зависимости от них, — важная веха в жизни Фета, неудивительно, что обстоятельства, сопутствующие этому событию, навсегда врезались в его память. Ближайшее к дате возвращения Шеншина в Петербург воскресенье пришлось на 17 марта. Итак, 17 марта Шеншин определил пасынка в пансион, а 19 уже был в Петербурге. Там он пробыл еще около недели: 25 или 26 марта Афанасий Неофитович, завершив все свои дела, выехал в Москву.[18]

Из вышеизложенного следует, что свидетельство Орловской духовной консистории № 277, равно как и свидетельство Орловского губернского правления № 270, выданные 21 января 1835 года Афанасию Неофитовичу и Елизавете Петровне, были получены до отъезда будущего поэта из Новоселок. Затем Шеншину пришлось задержаться еще на несколько дней, ожидая необходимого для зачисления Любы в институт свидетельства о дворянском ее происхождении. 22 января, определением Орловского депутатского дворянского собрания все дети его были занесены в шестую часть дворянской родословной книги.[19] Копии протокола собрания для сыновей и дворянские свидетельства для дочерей были выданы Шеншину 28 января в Орле.[20] Отъезд из Новоселок, таким образом, мог состояться в самом начале февраля 1835 года.

Афанасий Неофитович привез пасынка в Верро, имея на руках документы, закрепляющие за ним фамилию его кровного отца Фёта, что, однако ж, не помешало ему поместить мальчика в пансион как Шеншина. Ребенку было бы легче свыкнуться и примириться с новой фамилией, если бы он вступил в школьную жизнь Фётом, но взрослые, видимо, хотели избежать тягостного объяснения. Результат известен: Афанасий

---

[15] *РГ*. С. 82.

[16] Там же. С. 83.

[17] Там же.

[18] *Прибавление*. 1835. 30 марта. № 73. С. 680.

[19] Дело о дворянстве рода Шеншиных // *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 496–499 об.

[20] 28 января 1835 г. датирована копия с протокола Орловского дворянского собрания, подтверждающая дворянство Василия Афанасьевича Шеншина (*РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 51). Очевидно, что А. Н. Шеншин в тот же день получил документы, удостоверяющие дворянское происхождение всех его детей.

продолжал представляться Шеншиным как в Верро, так и после, в Москве. Эта, по выражению Фета, «двойственность истины»[21] принесла ему не только в детстве, но и в последующие годы немало страданий. В своих воспоминаниях поэт признается, что рад был по окончании университета поступить в кирасирский Орденский полк, «в новую среду на дальней стороне, где бывший Шеншин уже ни на минуту не сбивал с толку несомненного иностранца Фета».[22]

Хронология событий, предшествующих «переименованию» и отъезду Афанасия, явствует из справки Орловской духовной консистории за № 1932, которую Фет получил весной 1873 года (справкой этой воспользовался Г. П. Блок, составляя свою «Летопись…»).[23] Приводим полный текст названного документа по подлиннику, хранящемуся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.[24]

СПРАВКА

Дана из Орловской духовной консистории гвардии штабс-ротмистру Афанасию Афанасьевичу Фет, по прошению его о том, что:

1. Сын ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина Афанасий записан в метрике по селу Успенскому, что на Ядрине, Мценского уезда за 1820 год под № 22-м так: «У живущей в доме ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина амт-асессорши Елисаветы Петровой Фет родился сын Афанасий тысяча восемьсот двадцатого года декабря <так!> двадцать третьего <так!> и крещен того ж числа»; таковая статья внесена в метрику, по определению Консистории, состоявшемуся 12 января 1835 года.

2. Из переданного архивариусом Консистории дела, начавшегося (12 января 1835 года) 5 октября 1834 года, видно, что а) по требованию Орловского губернского правления от 30 сентября 1834 года за № 13562, — о рождении сына ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина Афанасия, — доставлена тому Правлению следующая справка, оказавшаяся записанною в метрике села Успенского на Ядрине за 1820 год под № 19-м: «Сельца Новоселок у помещика ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина родился сын Афанасий 1820 года ноября 29, а крещен 30 числ». б) Но вследствие нового требования того Губернского правления от 17 ноября 1834 года за № 15859 — о доставлении справки о браке помянутого Афанасия Неофитовича Шеншина с амт-асессоршею Елисаветою Петровою Фет, по которой оказалось, что г. Шеншин повенчан с оною Фет тысяча восемьсот двадцать второго года сентября четвертого дня — Орловское епархиальное начальство на основании своего определения 11/12 января 1835 года, доставляя сказанную справку, уведомило Губернское правление, что как ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина женою

---

[21] *МВ*. Ч. 2. С. 272.

[22] Там же. С. 274.

[23] *Блок Г. П.* Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. С. 94.

[24] *РГБ*. Ф. 315. К. 14. № 22. Л. 13–13 об.

Елисаветою Петровою рожден сын Афанасий 1820 года еще до брака ее с г. Шеншиным, бывшего в 1822 году, то означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно. На основании такого постановления и записана в метрике за 1820 год под № 22 — статья о рождении сказанного Афанасия. в) Потом по прошению сказанного ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина выдано ему из Орловской консистории 21 числа января 1835 года надлежащее свидетельство о рождении Афанасия Фет. А что на 18 строке первой страницы оскоблено 12 января 1835 году, то верно. Апреля 25 дня 1873 года.

Член консистории священник Алексей Крутиков.

Секретарь А. Кедров.

За столоначальника Ив. Овсяников.

В фетоведении прочно утвердилось мнение, что внезапный интерес орловских чиновников к семейным делам Шеншиных стал следствием доноса. Впервые эта версия была высказана в 1974 году Б. Я. Бухштабом: «Незадолго до отправления его (Фета. — *И. К.*) в школу Орловское губернское правление, по чьему-то доносу, запросило Орловскую духовную консисторию о рождении сына ротмистра А. Н. Шеншина Афанасия. Получив в ответ выписку из метрической книги, губернское правление затребовало справку о браке родителей Афанасия. Духовному начальству пришлось произвести следствие, на котором крестивший Фета священник показал, что записал младенца сыном Шеншина „по уважению, оказываемому в оном доме“. После этого епархиальным властям не оставалось ничего другого, как постановить, что „означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно…“ <…> Пришлось кланяться дармштадтским родственникам. Фет в своих мемуарах упоминает о том, „каких усилий стоило отцу моему (т. е. А. Н. Шеншину. — *Б. Б.*), чтобы склонить опекунов сестры Лины к признанию за мною фамилии ее отца...“».[25]

На наш взгляд, версия о доносе, лишившем юного Афанасия дворянского имени и состояния, находится в противоречии с давно установленными фактами.[26] Считаем нелишним рассмотреть эти факты еще раз.

Метрическая запись о рождении Афанасия была обусловлена ситуацией, в которой оказались Шеншин и Шарлотта Фёт по приезде в Новоселки. Мать новорожденного все считали законной женой Шеншина, и естественно, что приглашенный крестить «господского младенца» Яков Васильев записал его сыном Афанасия Неофитовича, который не

---

[25] *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 8.

[26] См. об этом: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ.* 2003. № 1. С. 139–141; далее ссылки на эту публикацию — *Материалы к биографии*, с указанием страницы.

мог сказать священнику правду, не набросив тени на репутацию Шарлотты. Не исключено, впрочем, что тогда, в первые месяцы своей семейной жизни, влюбленный Шеншин и в самом деле собирался в будущем дать Афанасию свою фамилию, воспользовавшись метрической записью. Но вот пять лет спустя из Дармштадта пришла весть о смерти Иоганна Фёта. Выяснилось, что Фёт в своем завещании не упомянул Афанасия, просто умолчал о нем, как будто у него и не было никогда сына.[27] Как же на это реагировали Шеншины? В «Летописи…» Г. П. Блока приводятся красноречивые выдержки из писем Е. П. Шеншиной к брату Эрнсту Беккеру, касающиеся завещания бывшего мужа. 18–22 марта 1826 года она писала: «Чтобы отомстить мне и Шеншину, он забыл собственное свое дитя, лишил его наследства и наложил на него пятно… Попытайся, если это возможно, упросить нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребенку его права и честь; должен же он *получить фамилию* (Курсив наш. — *И. К.*)».[28] 20 октября того же года она вновь просит брата «посодействовать получению ее сыном Афанасием „честной фамилии“. По ее словам, А. Н. Шеншин не устает повторять, что было бы легко „втиснуть“ в удостоверение на право ношения фамилии частицу „фон“ и что, если бы это было подписано „посольством и министром“, будущее счастье ребенка было бы обеспечено».[29]

---

[27] Полный текст завещания асессора городского суда Фёта, составленного в Дармштадте 12 октября 1825 г., опубликован В. А. Шеншиной в ее кн.: А. А. Фет-Шеншин: Поэтическое миросозерцание. М., 2003. С. 212–216; далее ссылка на эту публикацию — *Шеншина*, с указанием страницы. В завещании Фёт объявил своими наследниками дочь Лину и супругу Луизу, урожд. Цан, упомянув также своих родителей, проживавших в Кельне. К своему имуществу он причислил проценты, подлежащие к уплате с капитала в десять тысяч гульденов (см. ниже, примеч. 30), считая, что деньги эти были подарены Лине и он, как отец, вправе ими распоряжаться. Выразив пожелание, чтобы опекунами Лины были назначены его жена Луиза, а также дармштадтские жители Кюхлер и Цан, Фёт обязал их продолжить начатую им тяжбу с военным комиссаром Беккером из-за долгового обязательства Шеншина. При этом Фёт особо подчеркнул, что категорически исключает ее деда с материнской стороны, как и всех представителей семьи Беккер, из числа возможных опекунов Лины. В том же году, 17 июня, Фёт подал на имя великого герцога прошение, где умолял протянуть ему «отеческую руку помощи», подарив 2000 гульденов для оплаты его долгов. Основанием для столь странной, на первый взгляд, просьбы было то обстоятельство, что в 1805–1817 гг. Людвиг I был «содержателем и приемным отцом» Фёта, т. е. содержал его с шестнадцати лет и почти до самой женитьбы (*Шеншина*. С. 218–220).

[28] *Летопись (1985)*. С. 137.

[29] Там же. С. 137. Письмо известно в изложении Г. П. Блока.

В конце концов опекуны Лины, в обмен на выплату Шеншиным значительной суммы (возможно, процентов по заемному письму),[30] согласились признать Афанасия сыном Фёта и выслали надлежащую бумагу; произошло это, всего вероятнее, в 1826–1827 годах, во всяком случае, не позднее 1831 года.[31] Возникает вопрос: зачем было добиваться для мальчика фамилии незнатного и небогатого иностранца Фёта, если в метрических книгах он был записан сыном столбового дворянина Шеншина?

Обратимся к документам, представленным Шеншиным Орловскому дворянскому депутатскому собранию 6 января 1830 года. По случаю наступавших дворянских выборов Афанасий Неофитович просил занести его в дворянскую родословную книгу по чину и дать знать о том уездному предводителю для внесения в «баллотированный список». При этом он особо оговаривал, что впоследствии намерен представить доказательства древнего своего происхождения. К прошению Шеншина прилагался «список по форме», где значилось: «Женат. Детей имеет сыновей Василья 2<-х лет> и дочь Любовь 6-ти лет».[32] Любопытна эта грамматическая несогласованность: «сыновей Василья», как будто некто, знавший семью Шеншина, приготовился вписать в графу о детях обоих его сыновей, Афанасия и Василия, но вдруг получил указание ограничиться только младшим. Посемейный список 1830 года недвусмысленно показывает, что Афанасий Неофитович не предполагал заносить пасынка в дворянскую родословную книгу. Позже, в апреле 1834 года, в связи с иском из Дармштадта, он представил «объяснение», где упоминались *дети* его жены от первого брака, т. е., очевидно, Каролина и Афанасий.[33]

Напрашивается вывод: Шеншин не собирался строить будущее Афанасия на незаконной метрической записи. Вероятно, он опасался, что

---

[30] И. Фёт согласился на развод лишь после того, как 23 августа 1821 г. Шеншин подписал оформленное на имя К. Беккера заемное письмо, т. е. долговое обязательство, на сумму в 20 000 рублей, что составляло 10 000 рейнских гульденов (*Материалы к биографии*. С. 127). 20 октября 1826 г. Е. П. Шеншина писала брату Э. Беккеру о требовании барона Ведекинда заплатить проценты с этого капитала (*Летопись (1985)*. С. 137–138).

[31] В 1832 г. опекуны Каролины Фёт Кихлер и Цан вытребовали через дармштадтский суд хранившееся у Э. Беккера заемное письмо Шеншина с намерением добиться от должника выплаты всей суммы с процентами (см.: *Материалы к биографии*. С. 128). В такой ситуации просить их о чем-либо было бесполезно.

[32] *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 400. Этот факт отмечен Г. П. Блоком (*Летопись (1985)*. С. 138).

[33] *Материалы к биографии*. С. 125.

подлог когда-нибудь раскроется, и, как показали дальнейшие события, был прав в своих опасениях: в 1835 году в Орловское губернское правление, а затем и в Мценский земский суд поступили документы (копии писем Эрнста Беккера к Иоганну Фёту), из которых с несомненностью явствовало, что Афанасий был рожден до брака его матери с Шеншиным.[34] В таком случае вся история с «переименованием» Афанасия предстает в ином свете. Осенью 1834 года Шеншин решил, что старших детей, Афанасия и Любу, пора везти в школы. В какие именно, — он и сам еще не знал и постарался запастись всеми возможными документами. Для определения в казенное учебное заведение требовалось метрическое свидетельство или иная бумага, удостоверяющая происхождение мальчика, вот почему Шеншины начали хлопоты о признании Афанасия законным сыном Фёта. В сентябре Елизавета Петровна предъявила Орловскому губернскому правлению прошение дармштадтских опекунов, при этом она, видимо, пояснила, что в метрических книгах Афанасий ошибочно записан сыном Шеншина. 30 сентября Орловское губернское правление запросило Орловскую духовную консисторию о рождении Афанасия, затем, 17 ноября, последовал другой запрос, о браке А. Н. Шеншина. Между этими датами было открыто «Дело об усыновлении от 4 ноября 1834 года за № 1135».[35] В качестве усыновителя рассматривался, очевидно, покойный Иоганн Фёт. Со своей стороны, Афанасий Неофитович обратился в консисторию с прошением об изменении метрики сына его жены. Сам поэт, рассказывая в своих мемуарах о найденных в семейном архиве документах, приводит важное свидетельство: «Что переименование Шеншина в Фета последовало уже в 1834 г., явно было из приложенной черновой с прошения в Орловскую консисторию о прибавлении к моей метрике пояснения, что записан я Шеншиным по недоразумению священника».[36]

Следует отдать должное отчиму поэта: он, несомненно, был привязан к пасынку, заботился о нем и постарался обеспечить его будущее. Университетское образование и недолгая военная служба должны были принести разночинцу Фету потомственное дворянство, а бездетный Петр Неофитович Шеншин обещал оставить своему любимцу значительный капитал. Жизнь Афанасия Фета сложилась совсем иначе, но отнюдь не по вине Афанасия Неофитовича.

---

[34] *Материалы к биографии*. С. 127–135, 137.

[35] Это дело упоминается Н. Н. Черногубовым в его известной статье «Происхождение А. А. Фета» (Русский архив. 1900. № 8. С. 534).

[36] *МВ*. Ч. 2. С. 276.

Е. П. Дерябина

ФЕТ В ПАНСИОНЕ КРЮММЕРА (Из комментариев к книге воспоминаний «Ранние годы моей жизни»)

Решение Аф. Н. Шеншина отправить четырнадцатилетнего Афанасия учиться в далекий лифляндский городок Верро, как можно предположить, было связано с попыткой оградить мальчика от нежелательных сплетен о его рождении.[1] Скорее всего, Фет отправился в Верро в начале 1835 года, так как свидетельство о его рождении, требовавшееся для поступления в учебное заведение, было выдано А. Н. Шеншину из Орловской духовной консистории 21 января 1835 года. В «Ранних годах моей жизни» отразилось то эмоциональное потрясение, которое испытал мальчик, оставшись один в чуждой ему прибалтийской среде: «…ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отец, заказав почтовых лошадей, дал поцеловать мне свою руку, и я, мечтавший о свободе и самобытности, сразу почувствовал себя среди иноплеменных людей в зависимости, с которой прежняя, домашняя, не могла быть поставлена ни в какое сравнение».[2] Однако по прошествии многих лет, осмысляя нравственное влияние опыта пансионской жизни на становлении своей личности, Фет не скупился на самые похвальные оценки. Так, например, в очерках «Из деревни» Фет оценивал свое пребывание в пансионе следующим образом: «Пишущий эти строки имел счастие воспитываться (увы! не долее трех лет) в немецкой школе. <…> не могу

[1] С 1834 г. полицейским департаментом рассматривался денежный иск опекунов сестры поэта Лины Фет к А. Н. Шеншину. См. об этом: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ.* 2003. № 1. С. 122–142.

[2] *РГ.* С. 83.

без чувства искренней признательности переноситься мысленно в немецкую школу <...> Я чувствую всю меру добра, которого мне желали мои воспитатели, ту любовь к делу и к нам, детям, которая не позволяла им довольствоваться большею или меньшею степенью успехов, более или менее приличным поведением, а заставляла по поводу всякого поступка ученика обращаться к нравственной почве, на которой созревал поступок. Тут все сводилось на нравственную сторону человека».[3]

Лифляндский городок Верро, находящийся в 373 верстах от Петербурга, был основан на землях барона Менгдена по указу Екатерины II в 1784 году. По сравнению с шумным Дерптом, Верро отличался тихой провинциальностью, население в основном составляли прибалтийские немцы. По ревизии 1835 года в Верро проживало 1025 человек.[4] Примерный национальный состав населения — 80% немцев, по 10% эстонцев и русских.[5] Несмотря на провинциальность, в конце 1830-х годов в Верро находилось восемь учебных заведений, среди которых были немецкие и эстонские начальные школы, районная и воскресные школы, несколько частных пансионов.[6] В 1808–1811 годах в Верро учился В. Кюхельбекер (в частном пансионе Бринкмана).

В 1830–1840-е годы частный пансион Крюммера в Верро был одним из самых лучших и известных пансионов Лифляндии.[7] Его основателем и первым директором являлся Генрих Каспар Крюммер (Caspar Heinrich Krümmer; 1796–1873), человек, чьи личные моральные качества восхищали не только Фета, но и других мемуаристов: преподавателя пансиона Генриха Эйзеншмидта, воспитанника барона Н. А. Корфа (барон Корф находился на воспитании в пансионе спустя десятилетие после Фета, в 1844–1845 гг.). В записках «Из пережитого» Корф называет Крюммера «едва ли не лучшим педагогом из всех, с которыми судьба сводила <…> в детстве», свидетельствует о теплом, практически семейном отношении Крюммера к воспитанникам.[8] Подробную харак-

---

[3] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 245.

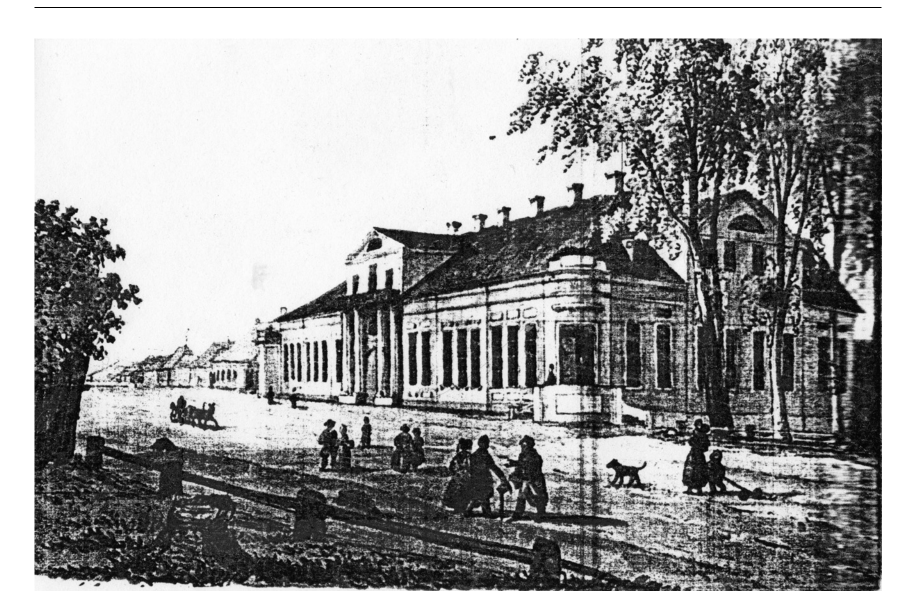
[4] Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. 7. Ч. 2: Лифляндская губерния. С. 313.

[5] Так, согласно исповедальным росписям Верроского Екатерининского православного прихода, в 1835 году у исповеди и Святого Причастия в Святую Великую Четыредесятницу были 134 человека (см.: Исторический архив Эстонии (далее — *EAA*). 1997.1.81).

[6] *Kreutzwald Friedrich Reinhold.* Maailm ja mõnda. Tallinn, 1953. С. 185.

[7] Среди известных воспитанников пансиона, кроме Фета, можно назвать поэта Егора фон Сиверса, общественного деятеля и публициста Н. А. Корфа, скульптора А. Бока, врача П. Майделя.

[8] Из пережитого: Записки Н. А. Корфа // Русская старина. 1884. Т. 41. № 3. С. 563.

Частный пансион Крюммера. Фотография с акварели Ф.-С. Штерна (1836)

теристику личности Крюммера можно найти в воспоминаниях Г. Эйзеншмидта,[9] который описывает его как исключительно талантливого руководителя, называя среди основных его качеств необычайную энергичность, силу характера, самообладание, разносторонний ум (известно, что Крюммер был автором нескольких учебников по арифметике, получивших распространение далеко за пределами Лифляндии). Мемуарист подчеркивает отцовское отношение Крюммера к воспитанникам, особенно к младшим, с которыми тот мог часами шутить (дверь в его комнату всегда была открыта для детей), а также вспоминает о его удивительном такте: Крюммер никогда не позволял себе обсуждать родителей учеников и их домашние дела.[10]

Некоторые подробности биографии Крюммера становятся ясны из его личного дела,[11] в котором хранятся следующие документы: паспорт,

[9] *Eisenschmidt Heinrich.* Erinnerungen aus des Krümmerschen Anstalt und aus des Verfassers eigner Schulzeit. Dorpat, 1860. С. 13–18.

[10] Ibid. Подтверждение подобной деликатности находим в воспоминаниях Фета: поэт указывает на то, что Крюммер, несмотря на смену мальчиком фамилии, всегда называл его Шеншиным, чтобы не производить среди учеников смущения и не возбуждать лишних вопросов (*РГ.* С. 95).

[11] *EAA.* Фонд попечителя Дерптского учебного округа. 384.1.3835.

выданный Крюммеру по указу императора Александра I для свободного проезда внутри государства, и несколько писем, относящихся к 1826 году. Крюммер родился в Вестфалии в 1796 году. Вступив в евангелическое общество Моравских братьев, он получил образование в воспитательном институте общества (1803–1810) в Эберсдорфе. Затем некоторое время проработал в этом учебном заведении педагогом, позже учительствовал в Силезии. С весны 1825 года Крюммер по делам общества Моравских братьев прибыл в Эстляндию, первое время после приезда занимал должность надзирателя в обществе. В 1820 году в Дерпте была учреждена семинария для учителей начальных училищ, которая более 5 лет не открывалась, так как должность смотрителя и главного учителя долгое время оставалась вакантной. Училищная комиссия Дерптского университета ходатайствовала в марте 1826 года перед министром народного просвещения А. С. Шишковым о том, чтобы в эту должность вступил Крюммер (письмо комиссии с ходатайством в Министерство народного просвещения хранится в личном деле Крюммера[12]). Известно, что Крюммер очень долго ожидал решения о назначении его на должность смотрителя семинарии, но в конечном итоге император Николай I отказал ему с формулировкой: «людей, принадлежащих к сектам, не прилично помещать в заведения».[13] Тогда Крюммер открыл частный пансион в Эхмья (1828–1831), а затем в Верро (1832–1849). Умер Крюммер в 1873 году в Верро.

В конце 1830-х годов в пансионе находилось около семидесяти учеников, помимо директора работали шесть учителей в области наук и древних языков, по два учителя русского и французского языков, два учителя музыки и один учитель рисования.[14] Среди педагогов можно назвать Йохана Текстера, Эрнста Генге, Рудольфа Мортимера, Эдуарда Койха, Фердинанда Шеффнера, Юлиуса Руиха, Винсента Перковского, Ивана Митавского.[15]

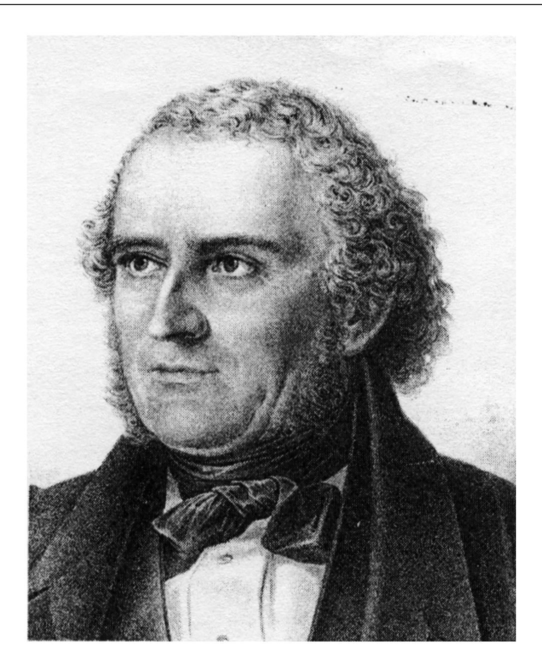
Наиболее полно повседневная жизнь пансиона нашла отражение в воспоминаниях одного из самых ярких его учителей — Генриха Эйзеншмидта (1810–1864). Название книги дословно можно перевести с немецкого как «Воспоминания об учреждении Крюммера из собст-

[12] *EAA*. Фонд попечителя Дерптского учебного округа. 384.1.3835. Л. 9–12.

[13] Там же. Л. 17.

[14] *Kreutzwald Friedrich Reinhold*. Maailm ja mõnda. С. 185–186.

[15] Все педагоги пансиона названы в Деле, содержащем годовые отчеты о состоянии школ Дерптского директората (*EAA*. Tartu Keiserliku Ülikooli koolikomisjon (фонд Императорской школы Тартуского университета). 403.2.90. С. 93).

Г. Крюммер. Литография Ф. Шлатера. Дерпт

венного учебного времени автора».[16] Г. П. Блок в «Рождении поэта» акцентировал внимание будущих биографов на этом источнике, назвав его «в высшей степени содержательным», и сетовал, что он до сих пор не вошел в обиход фетоведения. Известно, что Эйзеншмидт закончил Веймарскую гимназию, затем учился в Йенском университете, из которого выпустился кандидатом богословия. По приглашению Крюммера, в 25-летнем возрасте, то есть в 1835 году, Эйзеншмидт приехал в Лифляндию, начав преподавательскую деятельность в пансионе, где учил истории, латыни и другим дисциплинам вплоть до 1844 года. Фет в «Ранних годах…» называет его одним из ученейших преподавателей заведения.[17] После завершения своей деятельности в пансионе Эйзеншмидт в течение девяти лет руководил Пярнуской женской школой (1844–1853), а затем являлся инспектором Тартуской семинарии, выпускавшей учителей начальных классов.

Книга воспоминаний Эйзеншмидта содержит шестнадцать глав, посвященных разнообразным аспектам жизни пансиона: это главы «Как я

[16] *Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt aus des Verfassers eigner Schulzeit. Dorpat, 1860.

[17] *РГ.* С. 82.

Рудольф Мортимер. Литография

прибыл в Верро», «Крюммер», «Учителя», «Дом и его окрестности», «Внутренняя жизнь учреждения», «Один день дежурства», «Педагогический опыт», «Моя преподавательская деятельность», «День рождения Крюммера», «Игры и развлечения», «Поездка на Мунямяги», «Дух учреждения», «Педагогические предложения» и др. Два эпизода воспоминаний Эйзеншмидта представляют особый интерес для фетоведения. В девятой главе Эйзеншмидт пишет о Фете: «…с удовольствием я вспоминаю также уроки немецкого во втором классе, потому уже, что я, тогда еще не зная об этом, учил в нем двух будущих поэтов: немецкого поэта Егора ф<он> *Сиверса*[18] и русского поэта *Фета,* который носил, однако, другое имя в учреждении».[19] Мемуарист описывает характер Фета, поразивший его: «Все же я не могу упустить возможности <…> рассказать кое-что об этой интересной личности, тем более что его

[18] Сиверс Егор Петрович (1823–1879) — остзейский поэт, правнук адмирала петровских времен Петра Сиверса. Первый сборник его стихотворений вышел в 1846 г. («Balladen und Lieder»), затем появилось еще несколько сборников и критических статей. О Сиверсе см.: Album Dorpati Livonorum. 1841. С. 104–105.

[19] *Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt aus des Verfassers eigner Schulzeit. S. 47–48.

Центральные двери пансиона Крюммера
(Выруский краеведческий музей). Современная фотография

школьные товарищи несомненно вспомнят о нем с удовольствием. Он был единственным русским в классе и представлял свою национальность на фоне немецкого окружения с таким же умом, как и энергией. При этом немалое восхищение вызывали его способности в механике. Я находился с ним в очень доверительных отношениях, и однажды он похвастался мне, что если бы вдруг стал очень беден, то мог бы зарабатывать на хлеб пятью профессиями. И это не было преувеличением, так как он доказал это. Например, он чинил часы, причем не имея в своем распоряжении никаких других инструментов, кроме штопальной иглы и испорченного рейсфедера в качестве щипчиков <…>. Самым удивительным, однако, было совместное дело, которое он открыл вместе с другим учеником, также имевшим большую склонность к механике. За печью третьей комнаты они соорудили токарный станок, который, будучи при этом врезан в стену, нужно было тщательно скрывать от Крюммера. Ремешок от коньков и сломанный перочинный нож играли

при этом главную роль. И тем не менее я видел, как с этого станка выходят вполне приличные шахматы».[20]

Еще один бытовой эпизод воспоминаний Эйзеншмидта хотя и не связан напрямую с Фетом, но проецируется на образный мир одного из стихотворений поэта. Указывая на любимые забавы воспитанников, Эйзеншмидт пишет об охоте на крыс. «Дом кишел крысами; так как корки хлеба и обрезки колбасы лежали во всех углах, дом был настоящим раем для крыс, и имелся угол на лестнице, где в любое время находились крысы. Часто крысы внезапно мешали самому тихому рабочему часу, когда пробирались в комнату. Тогда дверь тщательно закрывалась до окончания урока, после чего с большим ликованием начиналась охота, причем в ней нас обычно поддерживали две маленькие собаки, злейшие враги крыс. <…> В темной каморке рядом с классной комнатой стояло неисправное пианино с несколькими еще звучащими струнами. Оно служило некоторым жителям первой комнаты местом хранения еды и привлекало вследствие этого крыс. Однако едва жадная крыса посещала остатки еды в пианино, как звенела струна, что слишком уж хорошо было слышно при тишине во время рабочих часов. Тогда сразу домашний халат клался перед дверью, чтобы закрыть отход для крысы, и как только наступало время, начиналась парфорсная охота. Что за возня начиналась, когда двадцать молодых людей в комнате небольшого размера устраивали подобную охоту, можно себе хорошо представить. <…> Некоторые получали в поднятой пыли удар от лучшего друга, предназначавшийся крысе! но дикая неразбериха доставляла как раз основное удовольствие».[21]

В связи с этим эпизодом сразу вспоминается образная картина из концовки стихотворения Фета «Непогода — осень — куришь…», кажущаяся фантастической:

Но болезненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно в комнате соседней
Учат азбуке кого-то,
Или, кто их знает? где-то,
В кабинете или в зале,
С писком, визгом пляшут крысы
В худо запертом рояле.[22]

---

[20] *Eisenschmidt H.* Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt… S. 48.
[21] Ibid. S. 53–54.
[22] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 146.

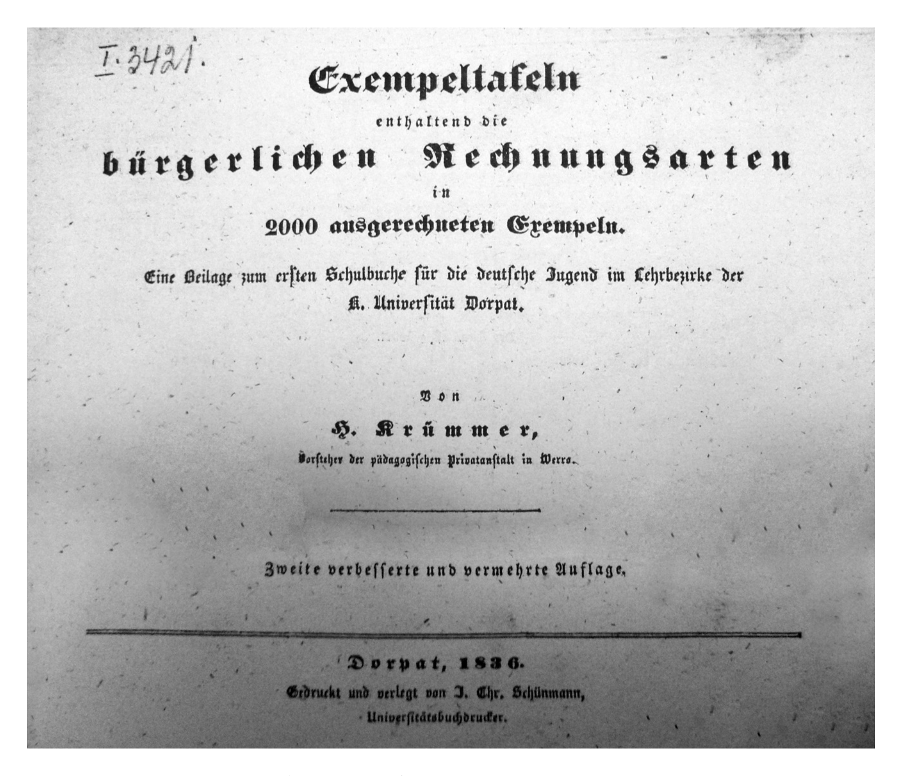
Исповедальные росписи за 1835 г.
Верроский Екатерининский православный приход
(Эстонский исторический архив)

Благодаря эпизоду из воспоминаний Эйзеншмидта становится понятно, что в стихотворении отразились не только литературные реминисценции из Гофмана, прочитанного Фетом в детстве (на что справедливо указывает В. А. Кошелев[23]), но и любимая забава в пансионе.

Одной из насущных проблем русских воспитанников пансиона было неизбежное их «онемечивание» за годы учебы. Так, Н. А. Корф в воспоминаниях указал, что после года пребывания в пансионе родители забрали его из Лифляндии именно по этой причине: «…если бы пребывание мое в Верро продолжилось дольше, то я, по всей вероятности, вполне бы онемечился <…>».[24] Этому способствовали и городская среда,

[23] *Кошелев В. А.* Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 132.

[24] Из пережитого: Записки Н. А. Корфа // Русская старина. 1884. Т. 41. № 3. С. 566.

Exempeltafeln
enthaltend die
bürgerlichen Rechnungsarten
in
2000 ausgerechneten Exempeln.

Eine Beilage zum ersten Schulbuche für die deutsche Jugend im Lehrbezirke der
K. Universität Dorpat.

Von
H. Krümmer,
Vorsteher der pädagogischen Privatanstalt in Werro.

Zweite verbesserte und vermehrte Auflage.

Dorpat, 1836.
Gedruckt und verlegt von J. Chr. Schünmann,
Universitätsbuchdrucker.

Сборник арифметических примеров,
составленный Г. Крюммером для пансиона (Дерпт, 1836).
Обложка (Эстонский литературный музей, Тарту)

и невозможность найти хорошего преподавателя русского языка для пансиона. Фет в «Ранних годах…» вспоминал о том, что преподаватель русского языка Текстер лишь заставлял «из году в год учеников долбить Греча»,[25] и поэтому мальчик предпочитал общаться по-немецки даже тогда, когда говорить по-русски было необходимо. Вследствие этого выпускники пансиона плохо говорили по-русски и часто из-за этого проваливались на экзаменах в Дерптский университет. Как свидетельствует Эйзеншмидт, найти для преподавания в пансионе человека, который владел бы в совершенстве русским языком и имел педагогические навыки, было практически невозможно. Эта проблема была характерна в целом для Лифляндии: о бедственном положении с русским языком в лифляндских школах писал в своих записках и Николай Ива-

[25] *РГ.* С. 103.

нович Пирогов: «…когда я был профессором в Дерпте, ко мне не раз являлись за пособием бедствующие русские учителя, без сапог и без задних ног. Причина этого нерадостного явления была та, что университетское начальство высылало в прибалтийские провинции поскребки. Кто из казеннокоштных плохо учился, кутил или пил горькую, и только из сострадания помилован, кое-как окончив курс, — тот посылался учителем в Эстляндию или Лифляндию; а тут незнакомый ни с языком, ни с обычаями, не принятый нигде в обществе сверстников, подвергаемый насмешкам и злым шуткам от мальчиков-учеников, видавших его не раз пьяным, злосчастный педагог окончательно спивался и бедствовал. Кроме позору русскому имени, русские учители того времени ничего не вносили в край, и русская грамота оставалась в немецких и остезейских школах девственницею».[26]

Возможно, останься Фет в пансионе на более длительное время, его судьба сложилась бы совершенно иначе. Пребывание Фета в пансионе в 1835–1836 годах документально зафиксировано в сохранившихся исповедальных росписях Верроского православного прихода: «отставного уланского полка ротмистра Афанасия Неофитова, сын Афанасий» присутствовал на исповеди и Святом Причастии в Святую Великую Четыредесятницу.[27] К сожалению, росписи за 1837 год не сохранились, но скорее всего Фет находился в Верро вплоть до конца 1837 года, так как в начале февраля 1838 года он уже поступил в пансион Погодина.

---

[26] Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова // Русская старина. 1885. Т. 45. № 2. С. 308.

[27] *EAA*. 1997.1.81.

Т. Г. Фирсова

НАРОДНАЯ ДРАМА «ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН» В ОБРАБОТКЕ ФЕТА

Сохранившийся драматический отрывок Фета на тему народной драмы «Царь Максимилиан» был впервые опубликован спустя 43 года после посмертного издания стихотворений 1894 года в подготовленном Б. Я. Бухштабом в Большой серии «Библиотеки поэта» «Полном собрании стихотворений» Фета,[1] потом исследователь включил данный текст и во второе издание «Библиотеки поэта» (1959). В последующих изданиях этой серии текст не перепечатывался. Рукопись с автографом текста хранится в Российской государственной библиотеке в личном фонде поэта.[2] Произведение не было включено Фетом в готовившееся в 1892 году итоговое собрание стихотворений. Не привлекло оно и последующих публикаторов его наследия. Однако сам факт обращения поэта к области фольклорной драмы и анализ данного произведения позволяют рассматривать творческое наследие Фета в широком контексте народной культуры.[3]

---

[1] *ПССт1937*. С. 452–456.

[2] *РГБ*. Ф. 315. К. 1. № 29. Л. 1–2 об.

[3] Глубина, многообразие и своеобразный характер связей творчества Фета с поэтикой русского фольклора пока малоизученны. См.: *Черемисинова Л. И., Фирсова Т. Г.* Мемуары А. А. Фета: материалы к комментарию. Саратов, 2007; *Куприянова Т. Г.* 1) Основные мотивы «весеннего» цикла стихотворений А. Фета // Изучение литературы в вузе. Саратов, 2002. С. 60–71; 2) Мотив «змеи» в лирике А. А. Фета // *Фетовские чтения (XVII)*. Курск, 2003. С. 76–82; 3) Фольклорные мотивы в цикле стихотворений А. Фета «Баллады» // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Саратов, 2003. С. 115–120; 4) Фольклорные мотивы в цикле стихотворений А. Фета «Гадания» // Филологические этюды. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 49–52;

Время написания драматического отрывка не установлено: в описи фонда Фета он датируется приблизительно 1860-ми — 1870-ми годами. Письмо И. П. Борисова от 29 марта 1869 года позволяет предположить, что конец марта 1869 года можно считать крайней датой написания незавершенной пьесы. Обращаясь к Фету, Борисов называет его царем Максимилианом: «Сию минуту получил твое от 28. И все, что Вы, Царь Максимилиан, повелеваете и какие Указы предписываете, неделя уже как *исполнено* <…>».[4] Возможно, в не дошедшем до нас письме Фета (от 28 марта 1869 г.) говорилось о работе над пьесой.[5]

---

5) Лирика А. Фета и народный календарь // *Фетовские чтения (XVIII)*. Курск, 2004. С. 36–42; *Черемисинова Л. И.* 1) Афанасий Фет и Аполлон Григорьев: диалог в прозе // *Фетовские чтения (XVIII)*. Курск, 2004. С. 122–136; 2) А. А. Фет и русская народная песня (Из комментариев к повести «Дядюшка и двоюродный братец») // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Саратов, 2006. С. 8–16; *Фирсова Т. Г.* 1) Фольклоризм А. А. Фета. Саратов, 2006; 2) Обработка А. Фетом народной драмы о Максимилиане (К проблеме изучения типа фетовского фольклоризма) // Культура. Язык. Словесность. Саратов, 2004. С. 93–100; 3) Либретто А. Фета «Днепровские русалки»: соотношение рационального и эмоционального // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: В 2 ч. Волгоград, 2004. Ч. 1. С. 165–169; 4) Фольклоризм А. Фета: традиционность и индивидуальность // Проблемы интерпретации художественного произведения. Астрахань, 2007. С. 85–91; 5) А. Фет — драматург (Обращение поэта к материалам народной драматургии) // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Саратов, 2006. С. 16–21; 6) Типология фольклоризма в мемуарном наследии А. А. Фета // Четвертые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее»: В 2 ч. Челябинск, 2008. Ч. 1. С. 222–227; 7) Народный календарь в составе воспоминаний Фета // *Фетовские чтения (XXII)*. Курск, 2008. С. 107–120; 8) Запах «гелиотропа» или «неприятной кошки»: к вопросу о проблеме фольклоризма А. А. Фета // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья: В 3 ч. Елабуга, 2008. Ч. 1. С. 299–305; 9) «Днепровские русалки» А. А. Фета: литературные и фольклорные источники (к вопросу о фетовском фольклоризме) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2009. Т. 9. Серия Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 47–55.

[4] *ИРЛИ*. № 20272. Л. 169.

[5] Г. Д. Асланова указывает, что переписка обоих корреспондентов, длившаяся более четверти века (1846–1871), дошла до нас лишь фрагментарно — 56 писем Фета и 128 писем Борисова. Письма Фета за 1860–1868 гг. отсутствуют (*Письма к Борисову.* С. 72). Между тем из писем Борисова этого периода явствует, что их эпистолярное общение не прекращалось. О характере переписки можно судить по высказываниям обоих друзей: «…все, что тебя окружает и живет с тобою, мне необходимо знать как дополнение самого себя <…>», — пишет Борисов (*Письма Борисова.* Ч. 1. С. 128), а Фет в свою очередь констатирует: «Письма к тебе — мои единственные дневники <…>» (*Письма к Борисову.* С. 110). Друзьям было важно

Отметим, что именно этот период, судя по свидетельствам современников, был наиболее интенсивным в народной театральной жизни,[6] а комедия о Максимилиане[7] составляла живой репертуар фольклорного театра и бытовала практически на всей территории России — от столиц до самых отдаленных деревень и поселков. Одно из свидетельств содержится в мемуарах С. А. Толстой: «Приходили с деревни нашей и дворни ряженые, плясали, пели, разыгрывали свои сцены, вроде „Царь Максимилиан и непокорный его сын Адольф“. Были даже ряженые из Ясенков».[8] Очень возможно, что именно в Ясной Поляне, куда Фет нередко наведывался вместе с женой, поэт мог впервые увидеть народную пьесу о царе Максимилиане.

А. М. Ремизов писал: «Откуда пришел Царь Максимилиан, из какого сборника и в какое великое или малое Зерцало вписывала уставная рука московского доброписца, или какие шпильманы — игруны-плясуны и песельники — занесли его на Русь с русалиями, никто ничего не знает. <…> Если Сон Богородицы века носила в ладанке с крестом-тельником или хранила этот оберег божественный у божницы в красном углу вся земля русская, Царя Максимилиана играл весь русский народ. <…> У русского народа есть слова, как огни купальские, и как цветы морозные на холодном стекле в солнечный крещенский мороз; у русского народа есть горчайшие и нежнейшие причитания и темные и вещие, как темь вещая лесов, заклинания; у русского народа есть театр — Царь Максимилиан единственный с рыцарями Кальдерона, с могильщиком Шекспира и хором Фауста».[9] Чрезвычайную популярность драмы отмечал А. Н. Веселовский: «Влияние рано занесенных и грубовато выпол-

---

знать «каждый шаг» (из письма Фета к Борисову) друг друга; их переписка предельно откровенна, исповедальна.

[6] См.: *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л., 1988.

[7] Возникновение и распространение этой драмы может быть отнесено к первой половине XVIII в. Н. Н. Виноградов датирует свой список 1818 г. и считает его самым ранним (*Виноградов Н. Н.* Народная драма «Царь Максемьян и непокорный сын его Одольф» // Известия ОРЯС. 1905. Т. X. Кн. 2. С. 306–333). Сегодня известно 85 текстов и фрагментов, относящихся к различным периодам существования драмы на протяжении XIX–XX вв., и несколько зарисовок в воспоминаниях современников (перечень списков драмы «Царь Максимилиан» см.: *Савушкина Н. И.* Русская народная драма: художественное своеобразие. М., 1988. С. 214–219).

[8] *Толстая С. А.* Моя жизнь: В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 237. Запись относится к концу 1874 г.

[9] *Ремизов А.* Портянка Шекспира // Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова. По своду В. В. Бакрылова. Пб., 1920. С. 111, 118.

ненных переделок европейских отразилось в ряде странных, даже несколько уродливых по форме сцен, усвоенных народным и солдатским репертуаром. Прототипом этих сцен является всем известная пьеса о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе. Происхождение ее трудно объяснить, но еще труднее понять причину поразительного распространения и популярности этой с виду незначительной комедии во всех углах обширной России».[10]

Причины обращения Фета к теме столь популярной народной драмы неизвестны. Неслучайным представляется тот факт, что время написания «Царя Максимилиана» совпадает с работой поэта над циклом «крыловских» рассказов: середина 1860-х — время работы над незавершенными произведениями <«Корнет Ольхов»> и <«Полковник Бергер»>; в феврале 1870 года написан, а осенью этого же года опубликован рассказ «Семейство Гольц»; в 1874 году — рассказ «Не те».[11]

Рассмотрение драматического отрывка Фета в контексте «крыловских» рассказов обосновано. Исторически народная драма «Царь Максимилиан» зародилась и длительный период исполнялась на солдатской сцене. Так, солдатами была занесена драма в г. Ковель Черниговской губернии (вариант Абрамова), в г. Нежин — «николаевским солдатом» (вариант Малинки), в Херсонскую губернию (вариант Ястребова), на север (варианты Ончукова). И. С. Аксаков в 1855 году видел представление «Максимилиана» на солдатской сцене в войсках ополчения.[12] Имеется много свидетельств об исполнении народной драмы на флоте: от матроса сохранился вариант 1818 года (записанный Н. Н. Виноградовым); от матроса, служившего в Кронштадте, сохранилась драма в с. Неноксы (вариант Ончукова).[13] В. Н. Ястребов отмечает, что «Царя Максимилиана» «представляли матросы во время кругосветного путешествия ныне царствующего государя императора».[14]

Введение поэтом в содержание отрывка о царе Максимилиане большого количества деталей военного быта («церемониальный марш»,

---

[10] *Веселовский А.* Старинный театр в Европе. М., 1870. С. 399.

[11] См.: *Черемисинова Л. И.* «Непоэтическая» деятельность А. А. Фета в 60-е годы: «Военные записки» (1864–1865) // Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 111–123.

[12] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. Ч. 1. С. 221–222.

[13] См.: *Берков П. Н.* Одна из старейших записей «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников» // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 336–358.

[14] *Ястребов В. Н.* Святочная народная драма «Трон» (в Херсонской губ.) // Киевская старина. 1895. Т. 48. № 2. С. 55 (отд.: «Документы, известия и заметки»).

«линейные войска», «несметная рать», «трубный звук» и «славы звук», «гвардия»), усиление военного церемониала, а не царского, как в народных текстах, — лишь подтверждают высказанные предположения.

В фетовском тексте ощутима ориентация на херсонский вариант «Царя Максимилиана», который, согласно исследованию В. Н. Ястребова, бытовал в трех списках — два из Александрийского и один из Елисаветградского уездов. Известно, что это именно те места, в которых служили Фет и Борисов.[15] «В наших местах (Имеется в виду Малороссия. — *Ред.*), — пишет Ястребов, — пьеса эта известна под именем „Трон“; разыгрывается она сельскими парубками на святках в панских и крестьянских домах <…>».[16] Здесь же он отмечает: «Проф. киевской духовной академии Н. И. Петров сообщает нам, что „Максимилиана“ на его памяти представляли в начале 50-х годов солдаты в Макарьеве Костромской губ. в казарме, а от солдат переняли ученики тамошнего духовного училища».[17]

Можно предположить, что Фет писал свою пьесу с намерением поставить ее на святки у себя в Степановке, ведь, как отмечают Р. М. Волков, И. Абрамов, Л. О. Уолнер, Н. Н. Виноградов, В. Е. Гусев, В. К. Соколова, «козу водить, звезду носить, „Царя Максимилиана“ представлять»[18] было одним из наиболее любимых святочных развлечений, истоки которых следует искать в системе древних весенних обрядов. Образы шута и Анастасии, в которой отчетливо просматриваются черты фольклорной Царевны-Несмеяны, тесным образом связаны с обрядовой системой фольклора, являются символами культового смеха, который предназначен для создания и воссоздания жизни. В. Я. Пропп указывает на связь образа Несмеяны с земледельческой богиней Деметрой.[19] Такое разнообразное использование народных мотивов показывает, что Фет, создавая свое произведение, погружается в широкий контекст народной культуры.

---

[15] В «Летописи жизни А. А. Фета» (период с 1845 по 1852 г.) есть множество подтверждений тому, что поэт часто бывал в обществе александрийских помещиков, посещал общественные балы в Елисаветградском собрании, принимал участие в царских смотрах и маневрах под Елисаветградом. Привлекает внимание запись за 10–19 сентября 1847 г.: «Большой съезд Александрийских помещиков. Балы. Любительские спектакли» (*Летопись (1985)*. С. 149). Не исключено, что показывать могли и «Царя Максимилиана».

[16] *Ястребов В. Н.* Святочная народная драма «Трон». С. 56.

[17] Там же. С. 55.

[18] *Волков Р. М.* Народная драма «Царь Максимилиан» // Русский филологический вестник. 1912. № 1–2. С. 324.

[19] *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 200.

Как невозможно обнаружить единый источник народной пьесы, так невозможно утверждать, что фетовский отрывок является переработкой какого-то конкретного фольклорного варианта. Творческий процесс эстетического освоения поэтом народной драматургии состоял в использовании известных в фольклоре и шире — культуре того времени — мотивов и ситуаций, которые получили в ней иной смысл, богатый новыми возможностями и ассоциациями.

«Царь Максимилиан» Фета представляет собой незавершенное произведение, которое обрывается в самом начале драматического действа. Выходной монолог героя, составивший большую часть текста, исчерпал все сюжетные линии и стилистические формулы народного произведения, которые претерпели процесс компрессии, максимального сжатия. Порой одно авторское слово раскрывает целое явление народного представления. При сопоставлении с текстом народной драмы можно восстановить картины врачевания Максимилиана, испытаний Адольфа, наступления противника Арапа, описания сражения и победы.

Поэт в своих мемуарах воспоминал, как в мае 1853 года, приехав к Тургеневу в Спасское, прочел ему — за неимением новых стихотворений — свою небольшую комедию. «Когда я кончил, Тургенев дружелюбно посмотрел мне в глаза и сказал: — Не пишите ничего драматического. В вас этой жилки совершенно нет. / Сколько раз после этого приходилось мне вспоминать это верное замечание Тургенева, и ныне, положа руку на сердце, я готов прибавить: ни драматической, ни эпической».[20] В переписке с Тургеневым, относящейся к более позднему времени, есть сведения о работе Фета над еще одной комедией: «Вы пишете комедию? — спрашивал Тургенев в письме от 26 сентября (8 октября) 1871 года. — Дивлюсь — но любопытствую».[21] «Начаток» (слова Фета относительно комедии «Дождался») фетовского Максимилиана отличается преобладанием статических элементов, монологической речи, лирической тональности; психологизмом в изображении героя; усилением внутренней динамики и, как результат, ослаблением внешней (событийной), характерной для фольклорного театра.[22]

Автор создает образ Максимилиана как образ традиционный, всеми узнаваемый. Если в народных вариантах царь называет себя с первых строк (или его представляет гонец), то в фетовском произведении — лишь в сорок второй строке, и не в обращении к публике, а в потоке

---

[20] *МВ*. Ч. 1. С. 7.

[21] *Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 142.

[22] См.: *Фирсова Т. Г.* Фольклоризм А. А. Фета. С. 114–146.

самоанализа, личных суждений. Вместе с тем выходной монолог фетовского Максимилиана строится по законам народного театра и содержит в себе традиционные стилистические формулы, сохранившиеся от XVIII века: герой хвастается своим могуществом, здоровьем, силой, богатством, славою.

Поэт не только контаминирует народные мотивы, но и в соответствии с законами развития народного театра упрощает сюжет, старается приблизить его к реальной жизни: старинный рыцарь Брамбеус превращается в генерала Баркаса, кумирическая богиня, объект любви Максимилиана, — в дочь Анастасию,[23] старик-гробокопатель — в шута, царский тронный церемониал — в военный, скороход — в гонца, Аника — в царское войско. Образ шута вообще не характерен для народного «Царя Максимилиана». «Подобные комические фигуры были известны в театре многих европейских стран с древних времен. Даже в древнегреческом театре мима одной из постоянных комических масок был горбатый клоун „Доссемус"».[24] Очевидно, шут в пьесе Фета напрямую связан с европейской драматической традицией, в том числе с Шекспиром, которого поэт с увлечением переводил в конце 1850-х.

Таким образом, обработка Фетом народной драмы свидетельствует, что художественный метод автора не чужд методу фольклорной драматургии — автор ассимилирует элементы многих художественных систем, объединяя их народной канвой.

---

[23] Образ дочери царя нехарактерен для народных вариантов, однако в одном из них присутствует образ младшего сына от второй жены. Это характерно для варианта «Царя Максимилиана», записанного в Саратовской области. См.: *Акимова Т. М.* Народная драма в новых записях // Ученые записки Саратовского университета. 1948. Т. 20. С. 29–49.

Интересно, что имя Анастасия используется в некоторых песенных отрывках, включенных в состав народного произведения: «Приворачивай, ребята, ко крутому бережку, / Ко крутому бережку, / Ко Настасьину дворочку!» (см.: «Царь Максимилиан» / Зап. в Речицком уезде Минской губернии в 1896 г. *А. Е. Грузинским* // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. 38. № 3. С. 168). Или в сцене, когда Адольф временно соглашается принять веру отца в «кумирские бога», хор поет: «Пора молодцу жениться, / Пора ехать со двора. / Ай, да люли, ай, да люли, / Пора ехать со двора, / Ты, Настасья, ты, Настасья, / Отпирай-ка ворота» (см.: Комедия о Царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе / Свод В. Бакрылова; Предисловие Иванова-Разумника. М., 1921. С. 42).

[24] *Уолнер Л. О.* О фольклорном происхождении некоторых эпизодов русской народной драмы «Царь Максимилиан» // Советская этнография. 1973. № 5. С. 56.

Г. Л. Медынцева

ПИСЬМО А. Я. ПОЛОНСКОГО К ДРУГУ (О ВОРОБЬЕВКЕ)

Публикуемое письмо старшего сына Я. П. Полонского Александра с описанием Воробьевки было передано в дар Литературному музею в 1996 году Натальей Николаевной Фоняковой, которая использовала цитаты из него в своей превосходной, исчерпывающей статье «Фет, его усадьба Воробьевка и семья Полонских».[1] Передала она также автобиографию А. Я. Полонского (1927).

Как сообщает Н. Н. Фонякова в сопроводительной записке, А. Я. Полонский был дружен с ее отцом (в те годы студентом Петербургского университета) Николаем Александровичем Колоколовым (1870–1927), которого приглашал к себе домой на Знаменскую, 26, иногда на знаменитые пятницы Полонского и с которым переписывался до конца жизни Н. А. Колоколова.

Александр Полонский с юных лет интересовался поэзией, сам пробовал себя в стихотворстве и был восторженным почитателем Фета, с которым познакомился в первые месяцы (не позднее 17 марта) 1889 года, когда поэт, в дни своего пребывания в Петербурге, посетил Полонских в их квартире на Знаменской, в частности присутствовал 17 марта на пятнице Полонского.

Лето 1890 года — с 9 июня до середины августа — вся семья Полонских гостила у Фета в Воробьевке, после чего между Фетом и Алек-

---

[1] Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 49–63. Далее — *Фонякова*, с указанием страницы.

сандром Яковлевичем завязалась переписка, продолжавшаяся больше года.[2]

А. Я. Полонский был приятелем Бориса Никольского (его имя и стихи фигурируют в переписке), под редакцией и со статьей которого в 1901 году вышло трехтомное собрание стихотворений Фета, дважды переизданное — в 1910 и в 1912 годах.

Хотя Н. Н. Фонякова использовала отрывки из настоящего письма для описания Воробьевки, его ценность от этого не уменьшилась, ибо для исследовательницы оно играло служебную роль как один из дополнительных источников сведений об имении Фета и являлось «своего рода комментарием к живописным этюдам Полонского-отца, позволяющим представить в ранее неизвестных подробностях „обитель Фета“, образ его жизни и окружающую обстановку».[3]

Напечатанное же целиком, воспринятое как самодостаточный текст, письмо приобретает особый вес и с документальной точки зрения, и в качестве характеристики написавшего его лица.

Оно содержит ценнейшие сведения об усадьбе и имении Фета: описание не только дома, но и одноэтажного флигеля, где поселилась семья Полонских, с «высокими, чистыми, оклеенными заново» комнатами; вида из окон, с одной стороны — «неважного», на хозяйственные постройки (скотный двор и т. п.), с другой — к дому, во двор, «заросший яркой зеленью», где расположены кухня, «огромный» сарай, «очень чисто содержащаяся» конюшня; окрестностей с разбросанными деревнями, «бедными, серыми, какими-то скучными»; характера местности, «высокой, неровной», с обрывами; климата и природы, с темно-зеленой окраской громадных деревьев и «ярко-черной» землей, «безобразно горячим солнцем» и «мрачной в дурную погоду»; окружающих деревень, сельскохозяйственных работ, фруктового сада, парка, «господствующего над окружающей местностью», с прекрасным видом на Коренную пустынь, населяющих его птиц, и в конце — очень коротко — о времяпрепровождении и гостях.

Главная особенность письма и его достоинство — сочетание протокольной точности, почти фотографичности, с сиюминутностью и эмоциональной окрашенностью, оживляющими предельно детализированные описания усадьбы и придающими им увлекательность. Письмо

---

[2] Опубликована Г. Л. Медынцевой и З. В. Гротской: Переписка А. А. Фета с А. Я. Полонским // Новые материалы по истории русской литературы: Сборник научных трудов (Гос. Лит. музей). М., 1994. С. 49–91.

[3] *Фонякова.* С. 55.

А. Я. Полонский.
Фотография. Сер. 1880-х гг. (*ИРЛИ*)

представляет собой своеобразный поток сознания, изливаемый автором на адресата. С поразительной скрупулезностью описывая усадьбу, не упуская ни одной мелочи, А. Полонский перемежает повествование своими впечатлениями и фиксирует все, что попадает в поле его зрения в данный момент. Письмо одновременно фотографично и импрессионистично. Что касается хода изложения, то в нем заключен — сознательно или невольно — некий скрытый замысел. А. Полонский медленно, шаг за шагом, подводит к самому главному — дому, саду и парку, предварительно обрисовав все вокруг. Это готовый сценарий для документального фильма. Несмотря на некоторую стилистическую корявость, автору не откажешь в «прозорливости поэтического взгляда», свойственной его отцу.

О своих родных, самом хозяине и других персонажах он упоминает лишь вскользь, сосредотачивая все внимание на усадьбе, ставя себе за-

дачей максимально полно воссоздать на бумаге обитель великого поэта. Видел или нет в этом А. Полонский свою миссию или просто излагал наблюдения и изливал чувства, пытаясь облечь их в литературную форму, письмо его оказалось бесценным документом для потомков, особенно для будущего восстановления имения Фета.

Человек, оставивший после себя такой документ, вполне заслуживает нашего внимания и интереса к его жизни, не говоря о том, что он сын ближайшего друга Фета.

Не будем слишком строги к стилю: автор письма — 22-летний студент.

Письмо А. Полонского, опубликованная переписка его с Фетом, хранящиеся в фондах ГЛМ письма к отцу, переписка с матерью и автобиография позволяют составить целостное представление о нем и его судьбе.

Замечательный психологический портрет своего сына набросала Жозефина Полонская в письме к нему от 18 января 1901 года: «У тебя в характере много общего с отцом, та же мнительность и та же способность киснуть и хандрить, но его спасал талант, ты же, к сожалению, не признаешь в себе способности, а если они у тебя в чем-нибудь прорываются, то ты их тщательно заглушаешь и не даешь им развиться. Отец не мог жить без общества и без людей, они его наталкивали на разные мысли и давали ему пищу и материал для его таланта. В тебе это желание видеть людей также сильно развито, но ты боишься общества и избегаешь его из-за какого-то ложного самолюбия, считая себя недостаточно умным или талантливым, а поэтому ты подвергаешь себя и свои устремления какой-то преждевременной критике и тут же охлаждаешь себя. Ты, по-моему, слишком строг к себе и к своим способностям, которых у тебя немало, но ты не находишь в себе и в окружающих твоих поддержки. Поэтому ты гибнешь и хандришь, а характера у тебя не хватает, чтобы поставить себе какую-нибудь цель в жизни, для того чтобы добиться ее. Без цели в жизни нет того подъема духа, а без этого подъема жизнь кажется бесцветною и тогда человек впадает под влияние своих телесных недугов, которых он не чувствует, пока он поглощен всецело любимым делом.

Твой отец верил в твои критические способности и мечтал увидеть в тебе достойного критика, но ты, кажется, свои способности применяешь только на себя».[4]

---

[4] *ГЛМ.* Ф. 148. Цит. по нашей публикации: Переписка А. А. Фета с А. Я. Полонским. С. 62–63.

Ж. А. Полонская. Фотография С. Д. Боткина.
Тихий Хутор, 1890 г. (*ИРЛИ*)

В известной степени сын внял увещеваниям матери и проявил в дальнейшем упорство и целеустремленность, хотя и не на литературном поприще.

Дошедшие до нас письма и автобиография рисуют человека очень достойного, честного, самокритичного, наделенного неординарными способностями, литературно образованного, исполнительного, самоотверженно выполнявшего свой служебный и жизненный долг.

Вот коротко основные факты его жизни, подробно и педантично изложенные им в автобиографии, направленной в Хамовническую страховую кассу для назначения пенсии.

Александр Яковлевич Полонский (1868–1934), старший сын поэта Якова Петровича Полонского, в 1893 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. «В детские и студенческие годы соприкасался с литературными корифеями того времени». Некоторое время увлекался медициной и после окончания университета собирался поступить на медицинский факультет (лето 1893 года занимался при амбулатории в селе Вороново Подольского уезда), чему решительно воспротивился отец. В 1894 году слушал в Париже лекции по гуманитарным наукам в Сорбонне и в Collège de France. Однако, как

он объясняет сам, по состоянию здоровья был вынужден отказаться от научной карьеры и несколько лет работал в Министерстве финансов в Петербурге. С 1898 по 1922 служил податным инспектором сначала в г. Короче Курской губернии, потом (с 1903) — в Москве, где прослужил около 18 лет. Интересовался вопросами экономической статистики и печатал в курской прессе статьи экономического характера. После революции занимался также учебно-воспитательной работой в детских колониях и принимал участие в просветительской работе (лекции рабочим и низшим служащим). В 1898 А. Полонский вступил в гражданский брак с крестьянкой Корочанского уезда, на руках которой было трое детей (собственных детей тоже было трое). После окончания Японской войны «участвовал в собраниях и на митингах, подготовивших революцию 1905 года». В 1914–1915 году занимался снабжением одеждой, бельем и обувью раненых, как русских, так немцев и австрийцев. Осенью 1917 года принимал активное участие в организации и проведении Первого Всероссийского съезда податных инспекторов и их помощников.

Помимо того что автобиография А. Я. Полонского содержит важные сведения об авторе публикуемого письма, это интереснейший документ эпохи, отразивший типичную судьбу и поведение русского интеллигента после революции. Например, там есть такое признание: «Приветствуя Февральскую революцию, к Октябрьской я отнесся недоверчиво. Я полагал, что жертвы революционного террора не будут оправданы, что резкости военного коммунизма не вызываются необходимостью и причиняют населению зло, что идея коммунизма, в ее чистом виде, прекрасна лишь в теории и, вводимая принудительно, не уменьшит человеческого горя и страдания. Я не мог уловить и понять, что дерзкая воля отдельных лиц совпадала на этот раз с ходом исторического процесса. Тем не менее, видя, что дело строительства новой России так или иначе подвигается, что во главе его стоят люди искренние и идейно настроенные, я не счел для себя возможным отказываться от участия в этом строительстве». И весьма характерный конец: «Мое положительное отношение к Советской власти в настоящее время вполне определилось. Я знаю, что идет созидательная, на благо народным массам, работа, что надвигается новая эра в жизни человечества, что совершается исторический перелом».

В течение шести с половиной лет А. Полонский «подбирал и систематизировал» литературные материалы, оставшиеся после смерти отца. В 1922 году он подготовил к печати большой сборник стихотворений Я. П. Полонского, «не вошедших в прежние издания», с биобиблиографическим очерком, который так и не был издан.

Дети Я. П. и Ж. А. Полонских.
Слева направо: Александр, Наталья и Борис Полонские.
Фотография А. Ясвоина. Петербург, кон. 1870-х — нач. 1880-х гг. (*ИРЛИ*)

Сборник со статьей был принят Госиздатом, но впоследствии от их напечатания издательство отказалось, сочтя, что издание себя не окупит, и вернуло рукопись. Эту рукопись и другие материалы А. Полонский собирался приобщить к материалам, хранящимся в Пушкинском Доме.

Будучи в пору знакомства с Фетом студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, Александр Полонский оказывал ему услуги в работе над переводами античных авторов, так как римская литература входила в учебную программу и он сам пытался переводить римских классиков. Фет даже выражал надежду в письме к Я. П. Полонскому от 16 ноября 1890 года, что Александр продолжит его «посильный труд классических переводов».[5] В книжных

[5] *Фет/Полонский*. С. 851.

фондах Литературного музея хранится экземпляр перевода Плавта с дарственной надписью Фета: «Любезному и дорогому филологу Александру Яковлевичу Полонскому на память переводчик».

14 июня 90 года.
Воробьевка.

Шпаковский, вчера я получил твое письмо. Очень благодарен. Утро — 9 ч. 25 м. Все небо подернуто серыми облаками, из которых изредка моросит дождик. Ветер — и довольно холодно. Расположение духа неважное: болит горло, комната не убрана, факельщик Борис[1] пролил под боком чернильницу — и я его выругал… Окна заперты, двери раскрыты: одна ведет в кабинет и спальню отца, другая в маленькую переднюю, где спит Эмилия…[2] Еще есть маленькая комната сестры[3] — итого всех комнат 3½, высоких, чистых, оклеенных заново, обставленных прилично мебелью… Мы занимаем целый одноэтажный флигель. Окна выходят в поле… перед глазами торчат некрасивые белые здания, крытые соломой, — скотный двор и тому подобные… Иногда перед окнами гоняют на корде красивых заводских лошадей… Справа виднеется начало парка… В общем из окон вид неважный. Другая сторона флигеля обращена к дому, во двор, заросший яркой зеленью, перед входом во флигель куртина с кустами отцветшего жасмина, тут же деревянный диван, кресла и стол — место уже начавшихся утомительно длинных трехчасовых занятий Бориса, который, между прочим, только оттого тебе не пишет, что боится наделать ошибок, над которыми ты будешь смеяться. Дом, обитель самого Фета, 2-хэтажный, желтый, со стороны двора ничем не примечательный… На дворе расположены: кухня, здание соответствующее по виду и по своему местоположению относительно главного дома нашему флигелю, огромн<ый> сарай и конюшня, очень чисто содержащаяся. Дом как бы соединен с кухней и флигелем (флигель слева от дома, кухня справа) двумя красивыми густыми, живыми — из дикого винограда — изгородями с калитками в сад… Между кухней и еще к<аким>-то зданием простая изгородь отделяет двор от парка, а между сараем и конюшней небольшая каменная стена с своеобразной калиткой, за которой возвышается опушка парка, густо заросшая кустами и крапивой… Конюшня соединена с флигелем стеной, в которой проделаны ворота с фонарями, стоящими на стене, по бокам, но никогда, как мне уже сообщили, вероятно в видах экономии, не зажигаемых… (показались клочки синего неба и выглянуло солнце — предвещает погоду… ветер шумит)… Кажется, я уж слишком подробно останавливаюсь на вещах далеко не интересных, прошу прощенья и обещаюсь впредь быть кратче… До сих пор ты о характере местности не получил ни малейшего понятия. Скажу вкратце, что природа тут серьезная, деревья, в 18-тидесятинном густом парке, громадные, окраска в общем темно-зеленая, дорожки яркочерные (чернозем), ничего нет веселенького, а всё, в особенности в дурную погоду, даже мрачно… Деревни, разбросанные окрест, бедные, серые, какие-то скучные… Избы некоторые заколочены: это хозяева их ушли искать счастья на Амуре, бросили всё, к чему привыкли, что давало верный кусок хлеба, прельщенные какими-то письмами и грамотами, высылаемыми будто бы официальным путем из каких-то контор и правлений <?>. На кухне тут есть мужик, с ним я еще не познакомился, который, говорят, тоже ходил — да с полдороги вернулся… Тут 2 с лишком недели

Воробьевка. Вид на р. Тускарь.
Фотография С. Д. Боткина из альбома «Воробьевка»

стояли дожди, испортившие зерно прекрасно взошедшего хлеба… Речка от дождей помутилась, повсюду еще в низких местах грязь, делающая дороги еще чернее. Когда мы ехали сюда со станции по дальней дороге, ибо кратчайшая, идущая низом, оказалась благодаря дождям, неудобопроезжаемой, то видал я одно поле, красиво блистающее на солнце лужами среди ярко-зеленой невысокой травы… И это поле было усеяно сотнями, если не тысячами белых гусей… Я никогда не видал такой массы этих пернатых, пасущихся вместе. И если хоть сейчас выйти за скотный двор и с возвышенного места оглядеться, непременно увидишь где-нибудь внизу у воды какое-нибудь гусиное стадо, сверкающее своей белизной на солнце… А солнце тут безобразно горячее… Небо в тучах, все серо и сыро… Но проскользнул луч света, пал тебе на голову — и ты уж спешишь укрыться в тень… А все-таки и это солнце не в силах скоро высушить ни тенистых дорожек парка, ни обратившихся местами в болото низменных заливных лугов… Третьего дни начался сенокос. Сегодня он мог бы быть уже кончен, если б не погода. Скошенную траву солнце превращает в сено — в несколько часов. Работает на сенокосе 97 человек… Я отклонился, после описания двора и флигеля следовало бы перейти к описанию собственно дома, сада и парка, что я и сделаю… Дом со стороны сада имеет большой, весь густо обросший виноградом балкон, с полом, крытым железными листами, сильно накаляющимися от солнца, под балконом — грот (с маленькой буквы); от грота круто и далеко вниз к речке спускает сад, красиво засаженный розами, и с замечательными, симметрично растущими великанами-деревьями, величину и красоту которых тебе даже

трудно представить; внизу у речки фонтан, с тонкой невысокой струйкой воды, к шуму которой любит, говорят, прислушиваться Вл. Соловьев, находя в этом особую прелесть… Вековые деревья, столь симметрично растущие, что нельзя сомневаться в том, <что> они были посажены, говорят о далеком историческом прошлом этого имения, которое, кажется, давно уже забылось, но о котором я все-таки постараюсь что-нибудь выведать.[4] Великаны-деревья собой заслоняют прекрасный вид на широко раскинувшиеся нивы, поля и деревни, на речку, вьющуюся серебряной лентой, на самое небо, по временам столь красивое, что и не мечтаешь о возможности передать это на полотно или на бумагу. <Напишем>: это, впрочем, мы видали из окна вагона, — яркий красный закат, над головой темное синее вечернее небо и перед глазами тучи, не закрывающие ни заката и нескоро еще покроющие синее небо, так что и начало, и концы этих туч, разбросанных и на разном расстоянии от нас отстоящих, ясно видны… И вот из этих туч, чуть тронутых солнцем, льется дождь, и полосы этого дождя на ярком фоне заката видны прекрасно. Это туча, она повыше… и у ней дождь видно сильнее; падает косо и, должно быть, над той деревней, которая будто в тумане, тогда как соломенные крыши соседней еще блестят, горят, освещенные красным закатом, но уже мало-помалу тухнут… А там направо туча уже потемнела, полосы дождя еле видны, и скоро часть горизонта охватывается мраком, который все ползет и ползет, пока не скроет всей этой дивной картины с глаз… Проехали немного дальше — и вот уж и над поездом заморосил дождь, окна мокрые, по ним все быстрее и быстрее скользят капли воды… <Станции> мокрые, совсем стемнело, но пассажиры еще спать не ложатся… скоро Тула, надо запастись тульск<ими> пряниками, выпить чаю, а там и спать, завтра в 10 часов будем на месте… Опять отвлекся, прости… Теперь о парке и об его обывателях… Надо тебе напомнить, что тут в Курской губернии водораздел: одни речки впадают в другие — в притоки Днепра… Местность высокая, неровная… обрывы… И вот этих обрывов в парке, который, можно сказать, господствует над окружающей местностью, много, и они придают парку особую прелесть. Дорожка вьется круто над обрывом, внизу мрак, крапива… Кругом могучие дубы, ели, ясени, серебристые тополя, стволы которых еле обхватят 4 человека… и где сквозь эту чащу есть доступ солнечному лучу — а это более всего у дорожек, там на земле вместо крапивы — светло-зеленые листики земляники, клубники, там и цветы, но и тут не всегда благоухания… Птичий гам стоит тут почти во всякое время дня… Галки, вороны, цапли, в особенности последние, своими резкими, противными криками заглушают щебетание пташек и слабые посвистывания соловья, оставшегося на этот год без супруги и тщетно призывающего самочку, то и дело прерывающего свое пенье, прислушиваясь, не отзовется ли она ему, но давно все они уже разобраны и давно у них уж птенцы, и соловьи, более счастливые, бросили давно свое пенье, занятые важным делом кормления своих маленьких птичек… Замечательно красивы цапли, вытянув свои длинные ноги, широкими крыльями плавно рассекают воздух, или когда сидят в своих гнездах, свитых высоко на деревьях и часто вблизи дорожки, на которую, случается, из высоких гнезд льется скверно пахучая, белая жидкость, разбрызгивающаяся и по дорожке, и над сочной, красной, аппетитной земляникой и красивыми, пахучими цветами… По поднебесью парит коршун, вот ниже пролетает ворона — и тоже парит — и молчит, и я схватываю ружье, принимая ее за коршуна, но она криком выдает себя, я отплевываюсь и иду дальше… Антон, сторож фруктового сада,

Полонские в Воробьевке.
Слева направо сидят: М. П. Шеншина, Наталья Полонская, А. А. Шеншин.
Стоят: Борис и Я. П. Полонские, А. И. Иост, Александр и Ж. А. Полонские.
Фотография С. Д. Боткина. 1890 г. (*ИРЛИ*)

разыскал вчера ястребиное гнездо, полное ястребят, и вот сегодня или завтра надо будет подкараулить самого и покончить с ним. Ружье бьет прекрасно… с Петрова дня о коршунах можно будет и позабыть… Местами характер парка изменяется: деревья реже, трава светлее, с опушек его прекрасный вид на Коренную, на монастырь, стоящий по прямому пути на 8–9 верст, на речку, вьющуюся внизу, на поля, нивы и т. д. … В парке находится оранжерея (созревают лимоны), фруктовый, большой сад, в другой части парка, оберегаемый 2-мя мужиками, живущими тут в соломенных шалашах, пчельник из 10 ульев, расплодившихся в 2 года из одного, найденного и посаженного здешним поваром, наконец в нижней части парка есть железистый ключ, сильно бьющий, огороженный и обложенный к чему-то кирпичами… от него вьется ручеек, дно которого местами окрашено оседающим железом в желто-красную краску… Ну, довольно… о прочем в след<ующем> письме. Скажу вкратце: с нами очень любезны и ласковы, кормят вволю, Фет смешит своими рассказами, иногда очень интересными, отец начал рисовать, написал стишину Фету, Фет пишет объясненья к своему переводу Марциала, который действительно требует объяснений, но не тех, которыми он снабжает его, мать думает лепить, сестра по 2–3 часа дует на рояли… Ожидаются гости… ждут Страхова и друг<их>… 2 дня гостил племянник Фета — Боткин[5] — московский студент-юрист с перстнем на мизинце, красивый тонкий нос, прекрасно одет, и в полном цвете сил, характера спокойного. У меня с ним как-то не клеилось. Относительно твоей невыносимо дурацкой критики Толстого — до след<ующего> письма. Волоса растут туго… Поклон от Бориса…

Твой А. Полонский.

[1] *Борис Яковлевич Полонский* (1875–1923) — младший сын Я. П. Полонского. Готовился летом к осенним переэкзаменовкам в гимназии (см. публ. Н. Н. Фоняковой).

[2] *Эмилия Петровна Кеерт* — экономка Полонских; эстонка, жившая в семье с 1888 по 1920 г.

[3] *Наталья Яковлевна Полонская* (в замуж. Елачич; 1870–1929) — дочь Полонского.

[4] Усадьба XVIII в. (в Щигровском уезде Курской губ.), носившая название Ртищевской Воробьевки по имени давнишнего владельца помещика Ртищева. Дом был выстроен во времена Екатерины II. Расположена на реке Тускари в 9 верстах от Коренной пустыни. По описанию Н. Н. Страхова, «деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоком. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большею частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка ясно видны церкви Коренной пустыни. Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — все это отразилось в стихах владельца, писанных в этот последний период его жизни» (см. биографический очерк Н. Н. Страхова в Полном собрании стихотворений А. А. Фета: СПб., 1912. Т. 1. С. 7–8).

Подробное описание Воробьевки см. в публикации Н. Н. Фоняковой. История приобретения Воробьевки и ее обустройства рассказана в мемуарах Фета: *МВ*. Ч. 2. С. 331, 334–338, 340–341.

[5] *Сергей Дмитриевич Боткин* (1869–1945) — сын Дмитрия Петровича Боткина, собирателя картин, одного из владельцев и директоров правления торговой фирмы «П. К. Боткин и сыновья». Сделал несколько снимков Фета в Воробьевке, одного и в группах.

ПУБЛИКАЦИИ

Публицистика Фета

А. А. ФЕТ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ г. БЕЗОБРАЗОВА «Наши охранители и наши прогрессисты»

Публикация Л. И. Черемисиновой

К числу не введенных в научный оборот публицистических творений Фета следует отнести статью, напечатанную в газете «Современная летопись» (воскресные прибавления к «Московским ведомостям»), выпускавшейся М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым, «По поводу статьи г. Безобразова „Наши охранители и наши прогрессисты“».[1] Эта статья не была внесена ни в один библиографический указатель произведений Фета. Фрагмент рукописи хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.[2] Он не датирован, написан рукою неустановленного лица с вставками и исправлениями рукой Фета. На обороте листа содержатся заключения Фета как мирового судьи.

Эта публикация, появившаяся в «Современной летописи» в январе 1870 года, с указанием имени автора: «А. Фет», — была откликом на статью В. П. Безобразова «Наши охранители и наши публицисты»[3] и связана с юридической практикой Фета.

Известно, что в ноябре 1867 года Фет вступил в должность мирового судьи 3-го участка Мценского уезда. Так начался новый этап в его жизни, открывший ему неведомые ранее грани русской действительности, значительно обогативший его жизненный опыт, расширивший знания о народе. Судейская деятель-

---

[1] Современная летопись. 1870. № 2. С. 3–5.

[2] *РГБ*. Ф. 315. Оп. 2. К. 2. № 16.

[3] *РВ*. 1869. № 10.

ность, по собственному признанию поэта, имела для него «воспитательное» значение.[4] Десять с половиной лет судебной практики «спускали» его с «идеальных высот <…> упований до самого низменного и безотрадного уровня действительности».[5]

По роду службы ему приходилось вести подробные записи дел. В НИОР РГБ хранится 57 папок архивных материалов, которые состоят из судебных дел, гражданских и уголовных, разбиравшихся Фетом, а также из дел Мирового Съезда, разбиравшихся по апелляциям обвиняемых, недовольных приговором мирового судьи.[6] Опись дел поражает количеством и разнообразием тематики.

Среди разбиравшихся Фетом дел были: о притеснении подрядчиком, о самовольном добывании камня, о самовольном заборе разного рода продуктов, о нанесении оскорбления, о невыполнении условий относительно поставки конных подвод, об оскорблении священника, о краже лошадей, леса, о срубе яблонь, лип, о разорвании собаками барана и трех свиней, о неотдаче шубы отставному унтер-офицеру, об изнасиловании и снятии платья, о нанесении побоев, о самоубийстве, о взысканиях, о вводе во владение, о потраве гусями, скотом, лошадьми, свиньями и т. д.

Большое количество судебных разбирательств было связано с нарушением договорных отношений между рабочими и нанимателями (рядчиками), в том числе на железной дороге. Ряд из них относится к 1869–1870 годам — времени публикации статей Безобразова и Фета. Например: «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой дороги крестьянина Юхновского уезда, деревни Подборье Ивана Андреева Сучкова на самовольный от него уход 22 человек рабочих» (Папка 25. Дело 27); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой дороги Федора Крылова Таранова о самовольном от него уходе с работ 14 человек Калужской губернии и о невыходе на работу 16 человек вопреки условию. 20 июня — 14 июля 1869 г.» (Папка 25. Дело 28); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой железной дороги крестьянина Болховского уезда сельца Елагина Алексея Петрова Хромякина о неявке к нему на работу по условию 20 человек крестьянин Болховского уезда. 21 июня — 22 июня 1869 г.» (Папка 25. Дело 32); «О нерасчете рядчиком Орловско-Елецкой железной дороги Алексеем Храмекиным на рядового Ивана Зимина. 25 июня 1869 г.» (Папка 25. Дело 34); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой железной дороги крестьянина Юхновского уезда деревни Подборье Ивана Андреевича Сучкова о взыскании с 24 рабочих, не явившихся к нему вопреки условия на работу, взявшие задатки 331 руб. 80 копеек. 23 июня 1869 — 16 января 1870 г.» (Папка 25. Дело 39); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой железной дороги Мишина на самовольный, до окончания срока найма, от него уход 19 человек рабочих Орловской губернии. 18 июля 1869 — 28 января 1870 г.» (Папка 26. Дело 2); «По жалобе рабочих Орловско-Елецкой железной

---

[4] *МВ*. Ч. 2. С. 125.

[5] Там же. С. 124.

[6] См.: *РГБ*. Ф. 315. Оп. 1.

дороги крестьянина Калужской губернии Мещевского уезда села Чемоданова Игната Сидорова, Данилы Кузьмина и Никиты Иванова, дер<евни> Рыжковой Григория Филиппова, мещевского мещанина Михаила Борисова и бессрочно отпускного Власа Тихонова и Константина Петрова на невыдачу рабочих кни жек и Петровского задатку рядчиком Виктором Михайловым. 28 июля — 3 августа 1869 г.» (Папка 26. Дело 11) и т. д.

Огромный опыт ведения дел подобного рода подвигнул Фета откликнуться на статью В. П. Безобразова, со знанием дела выразить и аргументировать свою позицию, показав преимущество «новых порядков», важность соблюдения законности в трудных условиях становления капиталистических отношений.

Статья А. А. Фета воспроизводится по тексту первой публикации: Современная летопись. 1870. № 2. С. 3–5, в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами русского языка.

Нельзя достаточно благодарить г. Безобразова за то, что в означенной статье он прямо указал на один из крупных эпизодов нашего железно дорожного дела, по отношению к рабочим. Для не знакомых с фактом, который приведен г. Безобразовым, перескажем его вкратце. Рядчики, нанявшие крестьян по условиям, заключенным в волостях и обязывающим крестьян явиться на место работы, вопреки этим же условиям не выдавали в течение трех месяцев рабочих книжек и не проставляли цен найма. Рабочие, проработав 3 месяца, явились в числе 150 человек к мировому судье, объявляя, что они продолжать работу не хотят. Судья, определив вернуть рабочих немедленно на работу, решил дело не в их пользу. Для исполнения судебного постановления потребовалась вооруженная сила, в подкрепление полицейскому надзору. По апелляции рабочих мировой съезд передал дело на рассмотрение другого судьи, старавшегося всеми силами уладить дело миром. Но рядчики, подписав мировые сделки, не приводили их в исполнение и тем оттягивали и запутывали дело, кончившееся тем не менее отпуском рабочих по домам. Приводя означенный факт, г. Безобразов указывает на высокий интерес, заключающийся в нем для нашей экономической жизни, так как он в разных формах беспрестанно повторяется.

Не зная мелких подробностей дела, приводимого г. Безобразовым, не беремся судить о нем собственно и коснемся его как явления общего, во-первых, потому что как отдельный случай оно было бы малоинтересно, а во-вторых, потому что нам не известн<о>, каковы в данной местности старые порядки. Что касается до новых, то есть мировых

учреждений, то мы с радостью видим, что они действовали, как и следовало ожидать, вполне законно. К судье приходит толпа заявить о нежелании продолжать работу. Судья объясняет рабочим, что по закону они не должны оставлять работ, а заявлять свои жалобы чрез двух или трех выборных поверенных. Что касается законности волостных или иных условий между рядчиками и рабочими, то разбирательство этого вопроса не может представлять для судьи никаких затруднений. Всякий договор о неустойке настолько же законен, насколько незаконно предоставление какой-либо из сторон права самосуда. Ясно, что и самое взимание неустойки, в случае несогласия сторон, должно быть разрешаемо судом. Если ввиду технических затруднений необходимо удостовериться в способности рабочего для определения ему соответственной платы, то ничто не мешает рядчику выдать рабочим задатки под обязательство явиться к известному времени на работу для испытания и окончательного условия в цене. Но вот рабочий, согласно условию, явился и на хозяйских харчах проработал три дня. Не очевидно ли, что таким действием он вполне удовлетворит волостному условию? Затем он обращается к рядчику с просьбой о выдаче ему нового контракта на все лето, в виде рабочей книжки. Тут могут быть два случая, неблагоприятные для наемщика. Рядчик или вовсе не дает книжки, или не проставляет в ней цены. В том и другом случае рабочие, не соблазняясь никакими пустыми обещаниями, немедленно должны заявить суду об исполнении ими первого условия и несогласии работать без усло вия. Очевидно, что судья прежде всего спросит, на чей счет отнесены путевые издержки? и если в волостном условии ничего об этом не сказано, то, само собою разумеется, эти издержки должны быть отнесены на счет нанимателя, а крестьяне обязаны возвратить причитающуюся с них часть задатков. О принуждении же их к работе не может быть и речи, несмотря ни на какие старые порядки. Если исполнение волостного условия требует в данном случае судебного разбирательства, то никакие порядки не могут обвинить судью в непризнании несуществующих условий. Судья может прямо сказать: если завтра рядчик не примет от вас инструмента и не выдаст вам паспортов, то выдайте его, по указанию моему, полицейскому чиновнику, от которого, по сдаче инструмента, получите краткосрочные виды для прохода в места жительства. Тут и конец всякой беседе. Но дело может усложниться (как это, очевидно, и было в случае, приводимом г. Безобразовым), когда рабочие, независимо от просьбы о прекращении несуществующего договора, просят вознаграждения за работу по неизвестно какой цене. Тут приходится обмерять выработку, проверять табели и самому судье на-

значать приблизительную цену каждому, смотря по тому, в какой руке он работал, полагая первую, например, в 90/100, вторую в 60/100 и третью в 45/100 кубика. Правда, на практике это сопряжено с большими хлопотами и трудом, но другого законного пути нет, и когда судья твердо на него ступит, то неподатливые рядчики большею частию сдадутся. Успех значительно облегчается тем обстоятельством, что по закону даже неокончательные решения по делам расчетов рабочих подлежат предварительному исполнению. Закон не допускает, чтобы рабочий, доживший до срока найма или подлежащий увольнению, по капризу нанимателя оставался в неопределенном положении. На этот случай узаконена пеня и двойная поденная плата в пользу рабочего. Нам не раз приходилось видеть волшебное действие исполнительных листов с при суждением двойной поденной платы. Здесь кстати заметим, что наши *временные правила* о личном найме намечены (как объясняет само заглавие) с той строгою справедливостью и беспристрастием, каким отличается все законоположение 20-го ноября. Если можно желать в них какого-либо изменения, то разве в смысле некоторых дополнений и разъяснений.

Возвращаясь к разряду фактов, указанному г. Безобразовым, не остановимся на оказавшемся в данном случае исходе дела, а доведем его до осени, то есть до окончательных расчетов.

Г-н Безобразов достаточно ясно указывает на борьбу новых порядков со старыми — законности с произволом. Закон ограждает новые суды от вторжения старых порядков, но дело первых так ново, что нельзя слишком сетовать на судью, если ему иногда вспомнится стих:

Будешь судьей — стой за *правду — не трусь,*

хотя при новых порядках гораздо естественнее трусить *за неправду.*

Представим себе судью, не желающего только спихивать с рук затруднительные дела, а проникнутого чувством нравственного долга. Может ли он успокоиться на мысли: решение объявлено, и не моя вина, что, оставаясь мертвою буквой, оно не восстановляет ничьего законного права? Предположим, что в данном случае решение будет таково: обязать рядчика немедля уплатить рабочим по 5 рублей, а рабочих не оставлять работы.

Не должны ли старые порядки, в которых сосредоточивается исполнительная власть, немедля приступить к продаже имущества рядчика, то есть бараков, инструмента, досок и пр., и наблюсти, чтобы рабочие не уходили? В случае, рассказанном г. Безобразовым, мы видим, что администрация немедленно приступила к исполнению судебного реше

ния, не вдаваясь в не предоставленный ей законом суд над судом, стоящим под особым контролем новых порядков. Только при таком строгом соблюдении законных отношений между старыми и новыми порядками возможно поддержать уважение к закону. Но везде ли в подобной мере сохраняются эти отношения? Вот вопрос, а где этого нет, там рядчики будут упорствовать в беззаконном произволе, рабочие беззаконно разбегутся, и обе стороны, подкрепляемые хором общественного мнения, будут бранить новые порядки и судью, который, добросовестно исполнив долг, в сущности увеличил только смуту и окончательно уронил авторитет суда.

Здесь можно вспомнить приводимый г. Безобразовым аргумент незнания рабочими законов, с которым согласиться можно только наполовину. Действительно, не бывавшие на судебном разбирательстве рядчики и рабочие не знали законных формальностей договоров и точных пос ледствий их нарушений, но:

> Ein Mensch in seinem dunklen Drange
> Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.[a]

ни один из них, в этом можно поручиться, не считает хорошим делом обмануть и ограбить того, с кем он заключил добровольное условие.

Приведем следующий случай. Артель в 300 человек, исправно работавшая до хлебной уборки, подстрекаемая несколькими широкими натурами, отказывается продолжать работу на том основании, что зажила задатки. Пока рядчик жаловался, а судья прибыл на место разбирательства, рядчик насчитал, согласно рабочим книжкам, по 2 рубля прогульных на человека. По предложению судьи, рабочие выбирают из своей среды трех уполномоченных поверенных. После долгих разъяснений сторонам законного хода дела, судья слышит указание выборных на штраф в 600 руб. как на последнее препятствие к соглашению. После новых увещаний, рядчик восклицает: «Извините, г. судья: *для вас* я согласен снять законный штраф». — «Извольте, г. судья: *для вас* мы сейчас идем на работу». Следуют кресты перед иконой, рукобития и объятия. «Давайте инструменты! Сейчас идем на работу!». — Позвольте, замечает судья, закончить дело, записать вашу мировую и утвердить ее судебным определением. — «Точно! точно! на все закон!» Мировая, на которую возражений не допускается, подписана сторонами и утверж-

---

[a] Человек в своем стремленьи темном / Найти сумеет настоящий путь (*нем.*; *пер. А. Фета*). Неполная цитата из «Пролога на небе» «Фауста» Гёте. У Гёте: «Ein guter Mensch…» («…добрый человек…»). — *Ред.*

дена, рабочие идут на работу, а судья к тарантасу, думая: «Слава Тебе Господи! Хоть недаром пять часов драл горло». Но на проходе чрез один из кирпичных сараев ему заступают дорогу 15 человек той же артели, объявляя, что хотя поверенные и заключили мировую, но они на работу не пойдут. — Почему? — «Не согласны». Новые продолжительные объяснения незаконности такого действия ни к чему не ведут. «Теперь нас куда угодно, а мы не согласны». Ясно, что пред судьей именно те широкие натуры, которые произвели кутерьму. Отпустить их на родину судья не имеет никакого права. Оставить их без ответа значит показать бессилие закона и в некотором смысле дать повод всем рабочим разбежаться. Судья предлагает им подписать протокол об их сопротивлении судебному решению. Они подписывают. Им объявляют, что такое действие подлежит разбирательству окружного суда, а до завтра, то есть до принятия прокурорским надзором этого дела в свое ведение, они будут арестованы. В тот же вечер одна из трех партий, рассаженных по ближайшим волостям под арест по пяти человек в каждой, заявляет желание идти на работу. Остаются 10 несогласных. В тот же вечер прокурорский надзор объясняет, что предусмотренное законом сопротивление законной власти не относится к настоящему случаю и что мера ареста рациональна, но незаконна, так как рабочие только угрожают уйти, но не ушли. Надо им дать уйти, потом вернуть на работу, и тогда судья вправе арестовать их до трех месяцев. Выпущенные из-под ареста рабочие уходят, увлекая за собой новые толпы. При уходе они пробуют сдавать инструмент артельщикам, — те не принимают. Инструмент бросается зря и, разумеется, часть его пропадает или закладывается дорогой по кабакам. Возникают уголовные иски о растрате вверенного имущества. Явно, что администрация, не удержавшая их на месте, тем более не вернет их с дороги. Рабочие расходятся по чужим губерниям, а рядчики являются со списками бежавших, прося о высылке их. Закон требует высылки рабочих *на место работы* и потом уже судебного раз бирательства. В этом смысле должно быть составлено постановление, на основании которого полиция должна высылать рабочих. Но как узнает судья: высланы они к рядчику или нет? Кто выслан и кто не выслан и когда именно? Рабочие могут вернуться, когда им не приготовлено продовольствия, возникнут споры о времени прибытия, даже могут произойти и более значительные столкновения и беспорядки. Для избежания таких случайностей приходится требовать их не к рядчику, а прямо на суд. Правда, первое удобнее для судьи, но менее удобно для тяжущихся. Но через кого требовать их как гражданских ответчиков? Мировые участки, в которых они проживают, не известны судье. Мировые съезды указывают на законный путь требования чрез местную по-

лицию. Полицейские управления, вопреки выставленной в отношении статье о высылке, отвечают, что в гражданских делах высылки нет и, сверх того, требуют на каждого ответчика отдельной повестки в двух экземплярах. Между тем несколько рядчиков единовременно подают судье списки бежавших, так что последних оказывается до 1000 человек. Спрашивается, может ли судья, даже с двумя помощниками, скоро написать 3000 повесток, принимая в соображение *исходящий* журнал и соответственное число отношений в полицейские управления? — Отвечают: «Что ж делать? форма того требует». Не значат ли здесь слова: *что ж делать*, — *ничего не делать*? Между тем переписка возится взад и вперед по тележной почте, а в результате нуль, если ни во что считать чувство бессильной борьбы со старыми порядками. Вы можете жаловаться; но и тут участие или неучастие к жалобе зависит от старых порядков, тем более что буква закона против вас. Остается последнее средство — обратиться прямо к волостным правлениям. Оказывается, что последний путь самый верный. Почти нет примера, чтобы волость *немедля* не выслала требуемых рабочих. Нельзя не указать при этом на оригинальное явление. Тот же самый крестьянин, который два месяца тому назад, не внемля никаким доводам, бросил инструмент и уходил, является к судье. «Что вам надо?» — «Да вот высланы на суд». «Кто же вас привел?» — «Высланы от волости при этой бумаге». Зачастую таким образом препровождают себя *при бумаге* и уголовные арестанты, умеющие при случае ускользнуть от провожающего их из волости крестьянина.

Но вот кое-как рабочие собраны, последовали мировые сделки между тяжущимися и работы пошли своим чередом. Наступает вторая половина ноября, и новые толпы рабочих являются к судье. «Явите божескую милость, прикажите рядчику нас рассчитать. Пишут — последнюю скотинку продают за повинности, а он все нынче да завтра. Вот третий день харчей нет». — «Где же рядчик?» «Да его уже дня с четыре не видать. Сказывают, уехал в главную контору за деньгами, а кто говорит, совсем ко двору съехал». — «Есть у него какое имущество на чугунке?» «А кто его знает? Чему там быть? Струмент от нас к другому рядчику отобрали. Котлы есть». «А бараки, доски?» «Шалаши целы, а доски он еще давно, как кончили земляную работу, сдал другому, остались кое-какие затрепанные». Оказывается, что рядчик скрылся, имуществ<а> у него ни на месте постройки, ни на месте жительства нет, а контора, подряжавшая его по контракту издельно, не хочет вмешиваться в его расчеты с рабочими. Не забудем, что главная контора всегда обеспечивает исправность второстепенных съемщиков отдельных участков соответственными залогами, а рядчики, нанимающие рабочих, почти

исключительно те же крестьяне, ничем не обеспечивают ни контору, ни рабочих. При таком ходе вещей рядчики, не имеющие собственных денег на задатки, на передвижение и устройство артелей на местах работ, постоянно в переборе у контор. Только что рабочие усердно принялись за дело, контора уже не заинтересована, да и едва ли с точностью может знать употребление выдаваемых ею рядчику денег. Раздал ли он к Петрову или к Успенью деньги сполна по рукам, или отослал большую их часть домой на покупку земли или рекрутской квитанции, или просто прогулял и переплатил в виде штрафов за свои безобразия, этого контора не знает. Разумеется, и самовольный уход рабочих имеет прямым последствием совершенное расстройство расчетов крестьянина-рядчика, который из каких-нибудь задельных 1 р. 10 к. с кубика должен выкроить материал, инструмент, харчи и жалованье, так что остающиеся после катастрофы рабочие, сами того не зная, трудятся уже у банкрота. За все это в осеннюю непогоду расплатится голодный и холодный труженик.

Указав на такой, к сожалению, не редкий исход дела, не станем утомлять читателя соответственными примерами. Можно утешаться мыслию, что такой печальный исход возможен только в железнодорожном деле, так как ничего подобного случиться не может ни в земледельческой, ни в фабричной деятельности, где всегда найдется достаточное количество имущества, обеспечивающего заработки. Ужели нет законных средств обеспечить их в равной мере и в отрасли промышленности, принимающей у нас все более и более значительные размеры?

Что касается до *самосуда* рядчиков, действительно, первое время некоторые из них заявляли к тому поползновение, но подобные затеи, при мировых судах, остаются в области фантазии. Нам приходилось, например, слышать, что рядчик говорил рабочим: «Что мне судья! Я с вами не пойду к судье, а соберу волостных старшин и своим судом так вас отдеру!». Другой, купив настольную книгу Железникова, говорил: «Теперь у меня у самого закон под мышкой, и я сам буду судить вас». Но этим господам было объяснено, что при малейшем переходе от слова к делу, они за самоуправство могут неизбежно попасть под трехмесячный арест. Тем все и кончилось.

Равным образом можно быть уверену, что рабочие и рядчики, разбиравшиеся на суде, на будущее время не решатся на легкомысленное заключение словесных договоров. Нам не раз приходилось слышать: *Что ж делать, батюшко! Уж теперь не будем так-то делать. А уж надо по закону.*

А. ФЕТ.

Переписка Фета

ПИСЬМА И. П. БОРИСОВА и Н. А. БОРИСОВОЙ к А. А. ФЕТУ и М. П. ФЕТ

Часть II*
1862–1865

Публикация И. А. Кузьминой

34

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

16 марта 1862 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

16 марта 62. Новоселки.

Здравствуйте, милые други, скоро ли к нам. Мы вас уже ждем.[1] В Орле[2] я почти ничего не успел поделать, как следует, и кубарем вертелся, вертелся и выкатился-то стремглав. Лед поднимало уже. Канат протянули с берегов, и разбойники из острога готовились ломать. Просителей у губернатора[3] было сонмище — мгновенно передав мои вопли — воскликнул к нему и за Петрушу[4] об мельнице.[5] «Как под мельни-

* Первую часть публикации, в которую вошли письма за 1850–1861 гг., см: *ФетСб(1)*. С. 116–211.

цею…».[6] Все обещал, елико возможно — но сомневаюсь — уж слишком много делов-то навалилось. Об коляске просил Елна, и обещал духом ее заковать. Только едва ли она до просуху доберется в город, вода в Зуше[7] была с берегами, теперь же вряд ли какой мостик цел. На Ядрине[8] уже с неделю нет переправы. Н<иколаю> Н<иколаевичу>[9] я написал и записку оставил на почте.

Теперь можно сказать и об наслаждении, с каким прочел «Отцов и детей»[10] Ивана Сергеевича. Дело сработано богатырскими силами — умно, истинно верно, мастерски сшито — словом, прелесть. Нет, он не выдыхается. Эмансипированные женщины его зажалят, если только остались у них еще зубы, — раздражил же он их. Хотя эти главы мне менее всего понравились. Чем более вспоминаю и думаю, тем лучше и лучше выясняется вся прелесть.[11] — «Современник» увидит, как они уже разошлись. Можно будет и следует *чкнуть* за его здоровье. — Героя и Героини нет, но все лица живые герои нашего времени — даже галки — клюют глаза турихам.[12] — Уверен, что проберет тебя, да хорошенько бы, пока от чуянья весны ты сам в соку и уже начал такими песнями, каких давно не было слышно.[13] Гнездо есть у тебя — стихнут стуки топоров, и брови совиные, поднявшись дугой, хмарно пошевеливаясь, успокаивают<ся>, и слушаешь ты бурю на море вечернем.[14]

Но пора, пора и к нам.

Ваши поручения, милая Марья Петровна, Наденьке передал, и уже все сдано в работу. Торопите Афоню к нам, право, лучше на санях, а то и проезда не будет. У нас был на днях Алексан<др> Сухотин.[15] — Владимир Ал<ександрович>[16] уже неделю возврати<лся>. Новостей особ<ых> нет. Обнимаю и целую.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Тебе без балагурства ступить нельзя, меня это радует, как знак хорошего расположения духа. Говорят, on dit,[a] что ты сотворил двух детенышей-красавцев, слава Богу, слава Вам, видишь, какие в тебе сокровища таятся, а ты уже своей Музе эпитафии писал, а у нее еще ни одной морщины нет, и кровь свежа и здорова по-прежнему. «Отцы и дети» — прелесть. Распутица решительно наступила, нужно ждать к Святой неделе сухой дороги, не отменяй своего обещания приехать с Мари на это время в Новоселки. Поклонись ей и Любиньке,[17] не забудь, пожалуйста, взять

---

[a] говорят (*франц.*).

«Весну» и послание к Тютчеву[18] с собою, я об этом прошу покорнейше и Мари. До свиданья. Будь здоров.

Н. Борисова.

На конверте: Его Высокоблагор<одию>
Афанасию Афанасьевичу Фету.
<В Ст>епановку.

Карандашом: И. Борисов.
Почтовые штемпели: Орел, 18 мар<та> 1862.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 29–30 об.; конверт — л. 31.

[1] Феты, в первой половине февраля вернувшиеся из Москвы, обещали приехать в Новоселки около 1 апреля (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 361).

[2] Борисов ездил в Орел по делам, предварительно побывав в Степановке, о чем писал Тургеневу 14, 15 марта 1862 г.: «Дорогою пробовал считать версты — невозможно, мука была убийственная. Спрашивал себя, что по доброй воле поехал ли бы я снова по этому пути за все деньжищи Фета? — Нет, даже и за весь его капитал не поехал бы. Но зато в Степановке, при виде всей внутренности их домика — хлопочущей Марьи Петровны и самого Громовержца, озабоченного новыми сооружениями, у меня взыграло сердце» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 359–360).

[3] В 1861–1866 гг. орловским губернатором был граф *Владимир Васильевич Левашов* (1834–1898), прежде кутаисский губернатор, а впоследствии (1874–1878) одесский градоначальник.

[4] Речь идет о брате Фета *Петре Афанасьевиче Шеншине* (1834 — после 1879), помещике Воронежской и Орловской губерний.

[5] П. Аф. Шеншин имел тяжбу с купцом А. К. Бондаревым из-за мельницы на реке Тим (см. примеч. 4 к п. 26: наст. публ. Ч. 1. С. 193).

[6] «Как под мельницей…» — народная песня (см.: Великорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским. СПб., 1902. Т. 7. С. 360).

[7] *Зуша* — река, протекавшая через Мценск, по Орловской и Тульской губерниям, правый приток Оки.

[8] *Ядрино* (Успенское) — село в версте от Новоселок, расположенное в устье впадающей в Зушу речки Ядринки (*ОГ.* С. 164. № 3409). Рядом находилась паромная переправа через Зушу.

[9] Имеется в виду Н. Н. Тургенев (1795–1881), дядя писателя, управлявший Спасским в 1853–1867 гг. См. примеч. 7 к п. 15: наст. публ. Ч. 1. С. 161.

[10] Роман Тургенева «Отцы и дети» был опубликован в «Русском вестнике» (1862. № 2).

[11] Сразу по прочтении романа, 15 марта 1862 г., Борисов восторженно отозвался о нем в письме к Тургеневу: «Богатырские силы вырвали из живой жизни страницу, и эта наша жизнь прояснилась. <…> Героев, Героинь нет — но все до единого существа на Ваших страницах Герои нашего времени — и верно переживут многие поколения <…>» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 360–361). Фет, судя по откли-

кам его корреспондентов, воспринял «Отцов и детей» далеко не столь однозначно. Так, С. В. Энгельгардт писала Фету 19 (31) марта 1862 г. в ответ на его несохранившееся письмо: «Вы в восхищении от повести (т. е. от романа «Отцы и дети». — *И. К.*), а бросились на Тургенева за *тенденцию*» **(**Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть I (1858–1873) / Публ. Н. П. Генераловой // *Ежегодник РО ПД (1994)*. СПб., 1998. С. 73**)**. См. также письмо Тургенева к Фету от 6 (18) апреля 1862 г. (*Тургенев*. *Письма*. Т. 5. С. 48).

[12] Борисов имеет в виду «эмансипированных» женщин наподобие персонажа романа «Отцы и дети» Кукшиной. В XXVI главе романа есть следующий текст: «Прощай брат! — сказал он (Базаров. — *И. К.*) Аркадию <…> и, указав на пару галок, <…> прибавил: — Вот тебе! изучай! — Это что значит? — спросил Аркадий. — Как? Разве ты так плох в естественной истории или забыл, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебе пример!..» (*Тургенев. Соч.* Т. 7. С. 170). *Турихи* — от псевдонима «Евгения Тур», под которым печаталась гр. Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (урожд. Сухово-Кобылина; 1815–1892), писательница, хозяйка литературного салона, издатель журнала «Русская речь» (1861–1862).

[13] См. примеч. 18 к наст. письму.

[14] Намек на стихотворение Фета «Буря на море вечернем…».

[15] *Сухотин Александр Михайлович* (1827–1905) — четвертый (младший) сын М. Ф. Сухотина, отставной поручик. Помещик деревни Кочеты Новосильского уезда Тульской губернии, впоследствии — мировой судья и уездный предводитель дворянства.

[16] Шеншин В. А. (1814–1873) — предводитель дворянства Мценского уезда (1850–1868), близкий сосед Борисова (см. примеч. 6 к п. 15: наст. публ. Ч. 1. С. 160–161).

[17] *Любинька* — сестра и ближайшая соседка Фета по Степановке, Любовь Афанасьевна Шеншина (1824–1880). См. о ней примеч. 1 и 5 к п. 1: наст. публ. Ч. 1. С. 123.

[18] Подразумеваются стихотворения «Какая грусть! Конец аллеи…» (в первой редакции) и «Ф. И. Тютчеву» («Мой обожаемый поэт…»). Двумя днями ранее, 14 марта, Борисов, рассказывая Тургеневу о своем недавнем общении с Фетом в Степановке, писал: «Читал он мне два стихотвор<ения> новых — „Ранняя Весна“, посланное Вам, и „К Тютчеву“. Оба мне понравились — напоминают молодого Фета и Весну, просыпающуюся под снегом» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 360).

35

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

26 июля 1862 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

Четверг. 62. Новоселки.

Милейшая, получил с Александром[1] письмо твое[2] и 21 р<убль>. — К Петруше[3] все-таки написал в Ливны,[4] что маленьк<ая>[5] жива и здрава, бегает в подбел<евском> саду[6] у деда, т. е. у черта своего. Надя, слава

А. М. Сухотин

Богу, получше, но все еще боится скушать что-нибудь из слабительных… Она существо нежное, деликатное, сам знаешь. К вам поедет, когда я урвусь на Грайворону.[7] А я урвусь после 12 авг<уста>, а завтра хочу в Спасское, авось еще его застану.[8]

Поцелуй ручки Марье Петровне. Наденьке некогда к вам писать, со слезами читает ядовитую статью в «Р<усском> вестн<ике>» от Каткова Герцену,[9] должно быть, сам Леонтьев[10] наслюнявил перо, которым они ее писали. — Хорошо! Хорошо! Затем и к Ив<ану> Сергеевичу спешу — кротко спросить его, а что, мол, читали.[11]

Пожелав тебе поскорей свозить УСЁ,

твой дружище И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

11 часов вечера — спать хочется, а писать нужно. Маленькая Оля жива и здорова, теперь у деда, куда бы я непременно поехала взглянуть на эту птичку, если б не боялась заразы скарлатинной. Ив<ан> П<етрович> едет к П<етруше> на Гравронку и пробудет в отсутствии около недели — на это время мне бы хотелось к вам, потому что оставаться долго одной, ты, верно, Marie, по опыту знаешь, как неприятно. Если это нашествие с Петрушей[12] вас не стеснит, черкни, Афоня, словечко. Ив<ан>

П<етрович> должен был со всеми подробностями рассказать мне о вашем бале.[13] И теперь я как будто сама 22 танцевала, между прочим, вальс в 2 такта с Карлом Карловичем Ельцом. Забыла по-русски писать. Прощайте, не презирай меня, Афоня, за безграмотность, опять выучу, а то пера в руки не умею взять — не служу в дипломатическом корпусе. Преданная Н. Борисова.

На конверте: Его Высокоблагород<ию>
Афанасию Афанасьевичу Фет.
В Орел.
На ферму Фетовку.

Почтовые штемпели: Мценск, 27 июл<я> 1862; Орел, 1862.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 5–6 об.; конверт — л. I.

Датируется на основании пометы «четверг» и по содержанию (упоминание именин жены Фета).

[1] Александр — зять Фета, муж Л. А. Феншиной, Александр Никитич Шеншин (1819 — ок. 1872). См. примеч. 1 к п. 1: наст. публ. Ч. 1. С. 123.

[2] Это письмо Фета неизвестно.

[3] Петруша — брат Фета П. Аф. Шеншин.

[4] *Ливны* — уездный город Орловской губернии. В Ливенском узде, на реке Тим, находилось небольшое имение П. Аф. Шеншина, главную ценность которого составляла крупчатая мельница.

[5] Подразумевается *Ольга Васильевна Шеншина* (1858–1947), племянница Фета и Борисовой. После смерти родителей девочки (1859), дед ее и опекун Дмитрий Михайлович Мансуров (1799–1867) отдал ее на воспитание в семью своей дочери Клеопатры Дмитриевны Сухотиной, проживавшей в Чернском уезде Тульской губернии. Впоследствии опекуном Ольги был назначен Борисов, а после смерти Борисова — Фет (*МВ*. Ч. 2. С. 76; *Чернов Н. М.* Мансуровы и Галаховы — наследники Спасского-Лутовинова // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 121).

[6] *Подбелевец* — село в 11 верстах от Мценска и в трех от Новоселок, на реке Зуше (*ОГ*. С. 162. № 3371). На окраине села находилась с детства знакомая Фету и Борисову усадьба Мансуровых, к которой примыкал огромный фруктовый сад с липовыми и кленовыми аллеями (*Потанин Л. С.* Фетовские места Мценского района // Отчий дом. Литературно-краеведческий сборник. Мценск, 1995. С. 99).

[7] Имеется в виду *Грайворонка* — имение П. Аф. Шеншина при деревне Васильевке Землянского уезда Воронежской губернии, на реке Граворонке (см.: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1865. Т. 9: Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. / Обработано Н. Штиглицем. С. 80. № 1505).

[8] В 1862 г. Тургенев находился в Спасском с 5 июня по 31 июля (*Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 580).

[9] Имеется в виду статья М. Н. Каткова «Заметка для издателя „Колокола“» (*РВ*. 1862. № 6. С. 834–852), перепечатанная несколькими газетами и получившая широкую известность. Статья эта продолжила полемику с лондонским пропагандистом, начатую в «Современной летописи» (№ 20, 23), где впрочем, имя Герцена не называлось. Фоном для выступлений Каткова послужили майские события, вызвавшие волну пересудов в русском обществе: пожары в Петербурге, которые многие объясняли поджогами, и появление в некоторых городах, включая обе столицы, прокламации «Молодая Россия». Отклику Герцена на этот манифест, призывавший к социальной революции с повсеместным истреблением противников революционной партии, в значительной степени посвящена июньская публикация «Русского вестника». Комментируя статью Герцена «Молодая и старая Россия», Катков пишет: «Он отечески журит *Молодую Россию* только за две ошибки, — во-первых, что она одета не по-русски, а более по-французски; во-вторых, что она появилась некстати, тем более, что вскоре случились пожары. <…> Против оснований их программы он ни слова не говорит, но находит, что революционные учения Запада должны быть переложены на русские нравы, в чем, конечно, он и подсобит им…». Обвиняя Герцена в том, что он «издали поджигает революционные страсти», ничем лично не рискуя, Катков оценивает его деятельность как безответственную и провокационную, особенно вредную в эпоху коренных реформ, когда «могущественное движение в общественном организме не может не сопровождаться брожением умов и расстройством многих интересов» (С. 849).

[10] *Леонтьев Павел Михайлович* (1822–1875) — филолог и журналист, ближайший соратник Каткова по изданию «Московских ведомостей» и «Русского вестника».

[11] Тургенев принял деятельное участие в образовании «Колокола», был тайным сотрудником этого издания. Подробно о его отношениях с Герценом, прекратившихся в 1863 г., см.: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 218–237.

[12] Петруша — П. И. Борисов (1858–1888), сын Борисовых.

[13] Имеется в виду бал по случаю именин М. П. Фет, которые отмечались 22 июля. «22-е прошло благополучно и даже удачно, — писал Фет В. П. Боткину 24 июля. — Мы было опасались за встречу Тургенева (он уехал час тому назад из Степановки) с Александром Никитичем, на которого он было надулся за консерватизм, но дело обошлось отлично. Тургенев был мил и проч.» (*Фет/Боткин*. С. 316).

36

Борисов — Фету

12 сентября 1862 г. Из Новоселок в Орел

12-го сент. Новоселки.

Любезный друг Афоня, до сего дня я все еще надеялся, что могу к вам выехать в Орел, но никаких — завтра опять жду посредников,[1] пойдем с сохой *межу* казенную гнать… и авось проорем[2] в последний

раз — меня замучили до подведения живота. Марья Петровна мне передала твои вести об орловских справках, и, по-моему, ты можешь быть совершенно спокойным насчет твоего капитала. Ради Бога, если Петруша[3] приехал к тебе или приедет, зови его к нам — и дай мне с ним перетолко<вать>. Здоровье Нади, слава Богу, ничего. Она более и более успокаивается, и все беспокойства, что у вас происходили, были болезненные — дома еще продолжа<лись> дня два. От Матвеева[4] нет ответа насчет *вод*, да и воду не высылают, — не знаю уже, и пить ли ей теперь, когда и без воды все зябнет. Если будет у тебя время и рублей 10, купи, пожалуйста, какой-нибудь шерстяной материи на платье какого-либо серо-полосато-клетчатого цвета. Сам ехать не могу и послать некого — лошадей загонял с землемерствами. Три недели нет молотьбы — бо молотилки чинят — тьфу!

Сегодня у нас был проездом Сергей Мих<айлович> Сух<отин>.[5] Вам кланяется. Перед отъездом он виделся с Львом Никол<аевичем>Толст<ым>, который обещал в нашу сторону заглянуть, действительно, у него в Ясн<ой> Поля<не> делали обыски, но без него и ничего не нашли,[6] напугав только Марью Николаевну,[7] которая в то время была в деревне.

Я уговаривал Марью Петровну остаться у нас на 17-е, и не удалось, потому что *как же тебе-то одному пробыть неделю в Степанов<ке>*.[8] Это *тебе* непростительно.

Прощай пока, целую тебя крепко. Твой И. Борисов.

Если письмо это не захватит тебя в Орле, а промчится в Степановку — то поручение о платье похерь.[9]

Поклонись Марье Петровне и Любовь Афанасьевне за нас. Надя тебя целует, и Петька, слава Богу, здрав.

Вчера и сегодня шел снег, и холод дьявольский.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 3–4 об.

[1] Очевидно, имеются в виду посредник полюбовного размежевания земель и мировой посредник. Посредником полюбовного размежевания Мценского и Болховского уездов в 1862 г. был Николай Шепелев, в его обязанность входило содействие юридическому оформлению границ между земельными владеньями. С началом крестьянской реформы появились мировые посредники, которые рассматривали споры между крестьянами и помещиками, составляли и вводили в действие уставные грамоты и руководили органами крестьянского самоуправления. Мировым посредником первого участка, на территории которого находились имения Борисова, с 1861 г. был Николай Никитич Шеншин, помещик Ближнего Волкова (см. о нем примеч. 6 к п. 15: наст. публ. Ч. 1. С. 160–161). Вероятно, посредники понадобились Борисову в связи с необходимостью составления уставной грамоты, т. е. договора с бывшими крепостными о размере их наделов, а также повинностей в пользу помещика за пользование наделами.

[2] От *орать* — в значении «пахать».

[3] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[4] *Матвеев Александр Павлович* (1816–1882) — четвертый сын Павла Васильевича Матвеева, двоюродного брата Аф. Н. Шеншина; муж сестры Фета Каролины Петровны Фёт, от которой имел единственного сына Афанасия (р. 1845). Врач, доктор медицины (1847), ординарный профессор Киевского университета св. Владимира по кафедре акушерства, женских и детских болезней (1848–1882), декан Медицинского факультета (1862–1865), проректор (1865, 1872–1875), ректор (1865–1871, 1875–1878), тайный советник (1877). Автор удачно составленного «Руководства по акушерству» (1856), которое выдержало три издания. Своею успешной практической деятельностью приобрел громкую известность и обширный круг почитателей во всем юго-западном крае.

[5] С. М. Сухотин (1818–1886) — друг Борисова. Постоянно проживал в Москве, где служил в Московской дворцовой конторе. Борисов однажды написал о нем: «…С. М. Сухотин есть Москва, как Шамиль — Кавказ» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 370). В отличие от брата Александра, имевшего либеральные взгляды, был близок к славянофилам. Вел дневник, который был опубликован после его смерти под названием «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина» (Русский архив. 1894. Кн. 1–3). См. о нем также примеч. 6 к п. 12: наст. публ. Ч. 1. С. 154.

[6] Обыск в имении Толстого длился два дня, 6 и 7 июля, жандармы искали тайную типографию, которую писатель якобы завел для печатания своего журнала «Ясная Поляна». Кроме того, многие учителя в созданных Толстым народных школах были на подозрении у полиции в связи с участием в недавних студенческих беспорядках. Ничего подозрительного обнаружено не было. Толстой в то время находился в Башкирии, где лечился кумысом (*Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 265).

[7] *Толстая Мария Николаевна*, графиня (1830–1912) — сестра Л. Н. Толстого.

[8] Феты, очевидно, приезжали в Спасское к 5 сентября, на именины жены Н. Н. Тургенева, Елизаветы Семеновны. Затем хозяйственные заботы заставили их вернуться в Степановку, хотя Борисов предлагал М. П. Фет остаться в Новоселках до именин его жены Надежды Афанасьевны, которые отмечались 17 сентября.

[9] Фет купил ткань на платье (см. п. 37), следовательно, между 12 сентября и 1 октября он побывал в Орле (12 сентября 1862 г. датировано его письмо к М. П. Боткину, написанное еще в Степановке (*ИРЛИ*)).

37

Борисов — Фету

4 октября 1862 г. Из Новоселок в Степановку

4 окт. 62. Новоселки.

Милый друг Афоня, спасибо тебе еще раз за платье, оно в целости получено 1-го окт<ября>, и Наденька вполне твоим выбором довольна и приносит тебе благодарение.

Зима подходит, а у меня еще много не кончено по садовой части и по разным другим — крыша, капуста, и черт знает когда это пойдет дело трезво, а не форто пияно.

Охотился я отвратительно, только простудился: *кашель* и Архип. Когда вас поджидать на перепутье.[1] Верно, как будет время подходить, ты хотя за недельку будешь знать, предуведомь тогда — а то, пожалуй, попадусь в отлучку куда. Само собою разумеется, что хотелось бы жить циклопом — но вот — Волковы,[2] Спасские,[3] Чермошня[4] тоже обитаема, Дьяковы до зимы. Будет время, ты писни. *Здоровье* Нади, слава Богу, лучше, но это все как барометр. Пшеницу не продавал — никто не покупает.

Надя тебя и Марью Петровну целует, а не пишет потому, вероятно, что *ходит* за Петькой. Няня поехала в отпуск в Орел. Марье Петровне целую ручки, а тебя почтительно обнимаю.

Твой дружище И. Борисов.

Недавно посылал в Елец за раб<очими> лошадьми. Купили недорого, но одна дорогой *своя* пала, вот тебе и вольнонаемный ТРУТ.[5] В Фатьянов<ой> с 1-го окт<ября> уже конец барщине. Начнется хозяйство, воспетое тобой в «Р<усском> вестн<ике>». — Что-то как продолжаешь далее,[6] всем очень понравилось. Что же твоя осенняя Муза, спела ли песенку какую?

Барометр лезет в гору, так вот нельзя потравить и зайку.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 32–33.

[1] Речь идет о предстоящем отъезде Фетов в Москву, который состоялся 6 ноября.

[2] *Волковы* — имеются в виду обитатели Ближнего и Дальнего Волкова Шеншины. См. примеч. 6 к п. 15: наст. публ. Ч. 1. С. 160–161.

[3] *Спасские* — имеется в виду Н. Н. Тургенев (см. о нем примеч. 9 к п. 34) и его семья: жена Елизавета Семеновна (урожд. Белокопытова; ок. 1823–1874), свояченица Анна Семеновна Белокопытова, дочери Варвара и Екатерина.

[4] *Чермошня* (Черемошны, Черемошня) — имение Новосильского уезда Тульской губернии, принадлежавшее отставному майору Дмитрию Алексеевичу Дьякову (1823–1891), близкому другу Л. Н. Толстого. Дьяков жил там с женой Дарьей Александровной (урожд. Толубьева; 1830–1867) и единственной дочерью Марией (в замуж. Колокольцева; 1850–1905).

[5] Намек на «Заметки о вольнонаемном труде», опубликованные Фетом в «Русском вестнике» в марте и мае 1862 г.

[6] Продолжением «Заметок о вольнонаемном труде» стала большая статья Фета «Из деревни», напечатанная в январской и мартовской книжках «Русского вестника» за 1863 г.

Письмо И. П. Борисова к Фету от 4 октября 1862 г. Последняя страница (*ИРЛИ*)

38

Борисов — Фету

21 октября 1862 г. Из Новоселок в Степановку

21 окт. 62. Новоселки.

Вчера получил твое писание с дребезгами молотилки,[1] милая злосчастная Фетушка, и сочувствую — все это не такие, однако ж, удивительные события, как в Ясной Поляне.[2] Жаль, что ты в почтовой к<арете> и не можешь удостовериться воочию.[3] Две недели, как я об этом узнал от Дьякова по слуху, а потом и письменное известие.[4] Молодые хотели приехать[а] в Никольское[5] и быть в Чермошне, — но все это только проекты и тормошня. На зиму Л<ев> Н<иколаевич> сбирается в Москву, где ты его и узришь и *красавицу* его жену, дочь *Берса,* комендантского доктора.[6] Не могу никак попасть в Спасское: кучера меняются всякой понедельник, а Александра отощал — очень — то *амур* запустил в него стрелу. Просто беда, и у нас начались колыхания прачек, кучеров, караульщ<иков>, скотников и скотниц. Просто не успеваешь следить за всеми переменами.

Экая досада, что не увидимся до твоего отъезда — поехать не с кем, Шатка водворяю в крестьянство, а тут и дома пропасть делов. Я все мыкался по охотам с Сухотиным[7] и только вчера с ним простился и проводил до Мценска. Ждали мы Александра Никитича, и очень жалею, что он не подъехал из Новоселок, затравили двух лисиц, и зайцы попадались. Надя, узнав только, что вы к нам не заедете, устремилась было к вам, но, слава Богу, успокоилась и не тормошит меня. Здоровье ее теперь ничего — но эти переезды всякий раз беда. Волнуется только, что не едем ни в Москву, ни в Питер (он бы бока повытер), ни <в> Гейдельберг, да и Париж тоже хорошее, говор<ят>, местечко. Вчера у нас Елизаве<та> Дм<итриевна>[8] была с Мар<ией> Ник<олаевной>[9] и об тебе глаголала. — Эх ма! Милая моя, как давно тебя не видел, послушать бы хотя твой плач и хвалу, ну да что ж делать. Жаль, что ты не оценил вполне Ивана Александровича[10] — он может ошибиться, но все-таки честно поправиться. Его молотилки у меня, у Сухотиных работают великолепно — и я уже забыл его порыв изобресть чепуху. — «Серебряный» Толстого[11] оказывается бессребряным, и говорить об этом не стоит. Но вот «Записки *Мертв<ого> дома*»[12] прочти, в них есть на-

---

[а] *Далее зачеркнуто:* в Ясную Пол<яну>

стоящие каторжные места жуткие. Слава Богу, что не привелось этой жизни откушать.

С неделю во Мценске виделся с Никол<аем> Никол<аевичем> Тургенев<ым>. Он хочет у вас колесы подрубить за то, что так уезжаете. Работа Татья<ны> Гер<асимовны?> давно у нас завернута и ждет вашего гонца и, по отзыву Нади, верх совершенства. Деньги я ей уже уплатил, 12 р<ублей>. — С садом у меня *много* поделано и дерев и кустов посадил, и землянику в гусиное яйцо жду весной, и смороди<ну>, и малины, и крыжовники от Вагнера,[13] и бессемянки 76 шт<ук>. Ну что еще, не вспомню. Дорога меня сокрушила. Поручений *авось* не будет. Вина, провизии и т<ому> под<обного> надо прямо от продавцов, а к тебе об этом не будем. Если же будет какая крайность, то *умились*. Поцелуй за меня ручки Марьи Петров<ны>, Надя ее и тебя целует. Крепко тебя обнимаю и пою: Не уезжай, голубчик милый,[14] а приезжай скорей.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 34–35 об.

[1] Это письмо неизвестно. Молотильная машина Христофора Вильсона, выписанная Фетом из Москвы в начале 1861 г., часто ломалась, сломанные детали приходилось возить на орловский литейный завод. Мытарства, связанные с наладкой и починкой машины, описаны в «деревенских» статьях Фета 1862–1863 гг. См. главу XIII «Философия и история одной молотильной машины» «Заметок о вольнонаемном труде», а также главу IX «Еще молотилка. Есть ли какой контроль над бесцеремонностью в отношении к чужой собственности» из цикла «Из деревни»: *Фет. ССиП*. Т. 4. С. 166–169, 221–229. В середине октября 1862 г. Фет два раза ездил в Орел по случаю очередной поломки молотилки (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 355; Письма к С. В. Энгельгардт / Публ. и примеч. Н. Охотина // Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988 / Вступ. статья А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. С. 376–377; далее ссылка на эти письма: *Письма к Энгельгардт*, с указанием страницы).

[2] Борисов имеет в виду приезд в Ясную Поляну Толстого с молодой женой (венчание произошло в Москве 23 сентября 1862 г.).

[3] Осенью 1862 г. Феты отправились в Москву в почтовом дилижансе, что не давало возможности навестить по дороге Толстых и других знакомых.

[4] О женитьбе Толстого Борисов сообщил также Тургеневу в письме от 26 октября 1862 г.: «Охотился я вместе с Сухотиным С. М., мало-помалу все мы однако подавались вперед и забрались к Дьякову в Черемошню. <…> В Черемошне были уже слухи, что Л. Н. Толстой будто женится. Дня через три Дьяков, заехав к нам, объявил, что получил восторженное письмо из Ясной Поляны, и они уже там <…>» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 1. С. 363).

[5] *Никольское-Вяземское* — село Чернского уезда Тульской губернии, в 100 верстах от Ясной Поляны, имение Толстого, перешедшее к нему после смерти брата Николая.

[6] Гр. С. А. Толстая была второй дочерью врача Московской дворцовой конторы *Андрея Евстафьевича Берса* (1808–1868) и Любови Александровны Берс (урожд. Иславина; 1826–1886).

[7] Имеется в виду Сергей Михайлович Сухотин (см. о нем примеч. 5 к п. 36).

[8] *Шеншина Елизавета Дмитриевна* (урожд. Карпова; р. ок. 1821) — жена Н. Н. Шеншина, помещика Ближнего Волкова.

[9] *Шеншина Мария Николаевна* (р. 1845) — дочь Н. Н. Шеншина, впоследствии (1865) вышла замуж за Ивана Матвеевича Лазаревского.

[10] Вероятно, имеется в виду *Иван Александрович Розанов,* о котором Борисов писал Тургеневу 25 декабря 1861 г.: «Нынешним летом познакомился я с одним м<олодым> человеком механиком — устраивал нам молотилку, скромный, тихий, неглупый и малограмотный, но с жаром о всяком столпотворении. В ноябре привозит он тетрадку: *Стихотворения Розанова* — и открывается, что он поэт, — представил его А<фанасию> Афан<асьевичу> — было чтение и строгий разбор, кончившийся хохотом там, где поэт Р<озанов> плачет. Но все-таки Афоня нашел в нем *искру*» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 355). Возможно, это тот самый И. Розанов, что был управляющим воронежским имением Фета в 1880-е гг.

[11] Имеется в виду «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного», публиковавшийся в «Русском вестнике» с августа по октябрь 1862 г. Фет о новом произведении гр. А. К. Толстого высказался в письме к С. В. Энгельгардт от 14 октября 1862 г.: «Читали ли Вы „Князя Серебряного“, с бранью, которую, верно, ни один русский не слыхивал и не признает за свою: „тетка его подкурятина“. Что это за язык-то книжный наших дней, через две строки в тех же устах выдуманно мужицкий, потом лоскутья из летописей — словом, окрошка отвратительная» (*Письма к Энгельгардт.* С. 376).

[12] «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского, впервые опубликованы: Время. 1861. № 4, 9–11; 1862. № 1–3, 5, 12. Тот же совет, опять-таки не называя имени Достоевского, Борисов дал и Тургеневу в письме от 26 октября 1862 г.: «…прочтите занимательнейшие „Записки из Мертвого дома“, рассказ каторги. Такой рассказ, что кажется, сам побывал в этом аду <…>» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 364).

[13] *Вагнер* — владелец питомника садовых растений в Риге, упоминается также в письме к Тургеневу от 26 октября 1862 г. (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 364.

[14] «Не уезжай ты, мой голубчик…» — известный романс, слова и музыка Н. Пашкова.

39

Борисов — Фету

26 октября 1862 г. Из Новоселок в Степановку

26 окт. 62. Новоселки.

Твое писанье, милый друг Афоня, сегодня получил[1] и не успел его дочесть, как начали подваливать — прежде всех Ивашкевич — потом

становой,[2] потом и поп со крестом, праздным пением, и вот, только к 7 час<ам> вечера я, проводив, и пообедав, и уложив Наденьку на диван, ей что-то нездоровится, взял и дочел твое прощанье — теперь уже знаю, что никак не могу попасть к тебе до твоего отъезда. Скоро, скоро, кажется, я из моего спокойного пока состояния буду представлять пучеглазого пуганого теленка. Сегодня с утра и до сей минуты без отдыха дробным дождичком сечет меня разная мелочь-тормошень. Началось с печки в теплице, задымила, задымила так, что глаза ест. Ну, начал около нее прослезяться — Семен-печник. «Ох», да «ах», «Господи ведает, с чего она», — дымила, дымила, ну, слава Богу, пошла — вытащили пук какой-то дряни. Тут прачка провизжала: «Пожалуйте расчесть, никак жить нельзя, уж так ругают, так, что я две недели не знала, как», — и понесло ее за все две недели. — Кучера еще не нашел, Шаток от живота валяется — караульщи<ка> с скотницей — сегодня ввел во владение, а прежнего, из духовного звания, гоню в Спасское, — это все сегодня. На беду у станового завязывается дело с сельским старостой, продолжается *два часа с четвертью* в следующем. Становой говорит: «Подпиши бумагу». Стар<оста> отв<ечает>: «Нет, не подпишу». — «А, так ты не слушаешься». — «Нет, Виктор Алекс<еевич>, слушаюсь». — «Ну так подпиши — баранов соберу 17 — и подписать». — «Не подпишу». — «А, так не слушаешь!». — «Нет, В<иктор> А<лексеевич>, не могу не слушать». И эти взволдырести меня просто замучили. С утра начал было письмо к Тургеневу, так и осталось начатым.[3] Тебе что! — Все твои гори и печали черти накачали. Ты бы мог себе сидеть на любом мягком оттоманском диване — пить сладчайший кофе и курчавой бородой своей расчесыва<ть> мохнатую грудь и ласкать твою возвыш<енную> пузю. Мне тебя нисколечко не жаль, что никак третью молотилку мелешь и всего тебя мякиной вспудривает — поделом, зато ведь ты уже и занимаешься высшими механиками, как на обухе рожь молотить. Одним словом, ты почувствовал призванье, ну и при Сапун-Гору.[4] В тех случаях, где ты неповинен, там готов плакать вместе с тобой, но фермерство твое — нет, друг мой, это чисто твое изобретение — эту лещетку[5] сам на себя нащемил — жалко, да не очень. — С каждым днем убеждаю<сь>, что лет пятьдесят еще надо ждать землевладельцам, чтобы могли запеть веселые песни не с горя.

Сегодня от станового я узнал, что в нашем стану есть такие барыни, что далее их просвещение уже не пойдет. Что Кукшина,[6] что девица Александр<ова>, что коммунизм — все это мелочь. Григорьева Лидия[7] закололась бы, не раздавив косушки, перед нашими передовыми амченскими, иссосут живого. Кути!!

Если будет только малейшая возможн<ость>, то и я проеду к Толстому — сбираемся вместе с Дьяковым по первому пути. Но Бог весть, удастся ли, я его все еще надеюсь узреть в наших краях.

Что вы, место взяли уже или еще возьмете, и какие ты открыл дилижансы? я никогда не слыхивал. — Надолго ли ты едешь — до весны или зимним путем назад. Не видался с тобою, Бог ведает, сколько, а теперь и еще на полгода, а может и более — ну что ж делать.

Поцелуй ручки Марьи Петровной за меня. Надя сама успела ей написать и теперь уже лежит — голова, зубы, озноб, жар — словом, взялись за acon<itum>, bell<adonna>[8] и главное, ignacia.[9] Эта *игнация* лучше всего помогает.

Поклонись Ясной Поляне,[10] Москве, а увидишь — С.-П<етер>бургу. Тебя же обнимаю в обхват и чувствую заочно все удовольст<вие> от мягкой груди — до свидания, добрая моя Фетушка, будь здрава и счастлива, да не забыва<й>

твоего И. Б.

Бегу к Петьке наверх с яблоком, а потом к Наде сидеть, а то просто плачет.

Приписка на левом поле:

Деньги у Генерала[11] я не спрашив<ал>, а Татьяне Гер<асимовне?> отдал 12. Был должен тебе 10 <руб.> 80 <коп.>. Сочтемся после.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 36–37 об.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] *Становой*, становой пристав — полицейская офицерская должность, существовавшая в 1837–1917 гг. Пристав возглавлял следствие, судебно-полицейские, исполнительные и хозяйственно-распорядительные дела в стане. В 1862 г. становым 1-го стана, где находились Новоселки и Фатьяново, был Виктор Алексеевич Бобров; впоследствии, 23 июля 1863 г., он был перемещен во 2-й стан, а его место занял Гавриил Тихонович Бережецкий. В письме к Тургеневу, написанном в тот же день, что и комментируемое письмо, Борисов, полагая, что вследствие ожидавшейся судебной реформы должность станового будет упразднена, писал: «Неужели я сегодня в последний раз видел станового — приезжал получить, т. е. взыскать подати за дворовые души» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 1. С. 364).

[3] Имеется в виду письмо от 26 октября 1862 г. См.: *Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 1. С. 363–365.

[4] *Сапун-Гора* — возвышенность под Севастополем.

[5] *Лещедка* — расколотая на конце палка или дощечка для сжимания, ущемления, использовалась птицеловами.

[6] *Кукшина Авдотья Никитична* — сатирический персонаж романа Тургенева «Отцы и дети», «эмансипированная» дама.

[7] *Григорьева Лидия Федоровна* — жена А. А. Григорьева. См. о ней примеч. 12 к п. 7: наст. публ. Ч. 1. С. 143.

[8] *Аконит, белладонна* — гомеопатические средства.

[9] Правильно — ignatia. «Величайшая особенность его есть польза во всех нравственных потрясениях и расстройствах от внезапности, досады, испуга, радости, горя; вообще — нервы» (Общепринятый гомеопатический домашний лечебник, составленный по новейшим гомеопатическим сочинениям доктором Ф. Молинари. Издал А. Форсрихер. М., 1860. С. 22).

[10] Фет хотел заехать по пути в Ясную Поляну (см. его письмо к Толстому от 19 октября 1862 г.: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 357), однако, узнав, что Толстые тоже собираются в Москву, отказался от своего намерения.

[11] *Генерал* — прозвище С. М. Сухотина (см. о нем примеч. 5 к п. 36).

40

Борисов — Фету

28 октября 1862 г. Из Новоселок в Степановку

28 окт. 62.

Третьего дни писал к тебе,[1] друг мой, и не предчувствовал, что уже и у меня начинается гвалтисимум. Здоровье Нади совсем раскувыркалось. Двое суток зубная боль нестерпимая, и плачет истерически, и голова, и спина, и живот, и все-все.

Как-то будет сегодня. Хотелось ей видеть Любовь Афанасьевну,[2] хотела и сама ехать к ней, но все это в пароксизмах. В чем суть-то, главно<е>, у ней не узнаешь.

От Алекс<андра> Павловича[3] вчера получил и наставление, и рецепты и сегодня посылаю в аптеку. Три дни тому все было хорошо.

Вот уж привалило мне: и люди перебесились — прогоняю одного за другим — 1. Кучер, 2. Караульщ<ик>, 3. Скотницу, 4. Прачку-срачку и, наконец, Бориса[4] — вчера нализался до безобразия. Все между собою переругались, переслюнявились, словом, — поганец, да и только.

Обнимаю тебя крепко.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 38–38 об.

[1] См. п. 39.

[2] Речь идет о Л. Аф. Шеншиной.

[3] Имеется в виду А. П. Матвеев. См. о нем примеч. 4 к п. 36.

[4] *Борис* — лакей Борисовых.

41

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

19–20 ноября 1862 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

19 ноября 62. Новоселки.

Сегодня только, Афоня, заехав на почту, узнал о твоих бедствиях, прочтя твое письмо.[1] Чего-нибудь нехорошего я уже ждал. Сердце вещун у меня на всякую беду, но дома я долгое твое молчание объяснял себе такими утешениями — должно быть, он за что-нибудь сердится, вот и молчит. А сердиться-то мало ли за что можно, особенно после дороги зимой на колесах. Ради Бога, друг мой, давай скорей весть о своих ранах и скоро ли надеешься быть не одноруким. Из твоего письма о способ<е> перевязки «в каменную перчатку» более всего меня тревожит — думается об отвратительнейших куваках,[2] каких, бывало, видал, пеленали такими повязками. Если тяжело самому, милая моя Фетушка, то хотя попроси кого, но ради Бога, давай почаще весточки, пока совсем будешь молодцом. Вот за что я хотел и у нас в доме снесть верх и избавиться <от> проклятой лестницы.

Повторять нечего известного тебе о Толстом, в декабре его увидишь, он на некоторое время будет в Москве с женою — про которую только и могу пока сказать, что она им выбрана не то что умно, а премудро. Ну сколько не выдумывай, какую бы ты ему сочинил жену — не сочинишь — такой.[3] Перечислять нечего — все это прочтешь, глядя на них вместе. И он переменится. В Москву он привезет свой кавказск<ий> роман переработанным и, кажется, определил уже его в «Русск<ий> в<естник>».[4] — С неделю уже начал и я часто придерживать свою голову, правая сторона опять запевает, а вот сегодня и просто взвыла, но Симон-Симон[5] и на море на окияне стоит дуб[6] — помогли. Зима трещит морозами, утром –22°. Зуша заковалась, и потому только опасно ехать, что на льду нет ни снежинки. Как зеркало светлеет, и Звездочка[7] часто скользила острыми шипами.

Петруша[8] пробыл у нас дня три, съездили с ним вдвоем в *бля*городное собрание во Мценск — он плясал, а я дремал на лавочке. Уезжая от нас, он забыл все свои щетки и гребенки, не то что от вас, моих не захватил, а они только для этого бы и годились, и вот у меня на столе лежит порядочная связка его чесалок, пошлю с оказией, вот позарастет-то.

Да и вы растеряли. Сегодня почтмейстер вручил мне собольи хвосты, забытые Марьей Петровной, и какую-то бумагу на имя Цурика,[9] на которой я подписался, что получил хвосты для доставления тебе — что прика<жешь> с ними делать. Отправить немедля по почте потому не решился, что боялся получения почтового тобою в Москве. Подожду, что повелишь. Если б мог, то сам бы слетал тебя проведать и посидеть у твоего одра, но теперь уж я не тот, даже на день отъехать из дому мудрено как-то. Бог знает, как бы хотелось съездить к Казначеевым,[10] и на это не решусь, кажется. Снегу нет, земля только чуть прикрыта, и морозищи здоровые. С хлебом покончил, т. е. перемолотил весь, а продать некому. Пшеница в 6 сер<ебром>, рожь в 10 ас<сигнациями> стояли все время, теперь начали подниматься маленько. Здесь только и толков об водках да винокурнях.[11] Народ же ждет дешевки[12] — свеженькой, а пока не брезгает и падлом.[13]

Когда-то, наконец, у нас будет другой климат — человека не отыщешь мало-мальски порядочного в дом лакеем. Авось после 19 февраля они повыползут от помещиков,[14] а то ваш Петр и наш Борис останутся лучшими экземпля<рами> переходного времени. На днях я объехал большой круг — Тимирязева,[15] Кочеты[16] и Дьяковых, и повсюду одна песнь об людях, но вот что пишет Анюта,[17] так это уже событие. Взяли они мальчика лет 10-ти, которого отец отдал к ним на 4 года по контракту — служить, обучаться грамоте и заниматься в конторе. Этот юноша через несколько дней часу в 11-м веч<ера> поджег их дом — к счастию, скоро заметили и успели потушить начавшийся пожар. Мальчишка этот заранее *пророчил* о пожаре — и только поэтому добрались, что это его работа, и он уже сознался. Не знаю, чем кончится эта история и чем разъяснится. — Надя сама к тебе пишет. Здоровье ее все ни то, ни се, принимает пилюли, пьет травку, все, что назначил Матвеев — авось, Бог даст, и поправится. Глаза ее совсем не служат, и читать не может. Петька ничего, слава Богу.

Твой друг и брат И. Борисов.

Милая Марья Петровна, вообража<ю>, каково Вам было от беды, разразив<шейся> над Афонею. Ради Бога, напишите, как и что делается с его рукой. Не удалось Вас увидать перед Вашим отъездом — в это время в Новоселках происходил ералаш с людьми, меняли почти всех, и Толстые приезжали в наши края. Молодая графиня прелесть какая красавица. Тургеневых не видал уже месяца три и на днях, как только перестанет болеть голова, пущусь к ним. Прошу за нас поклониться всем Вашим добрейшим родным. Анне Петров<не>[18] скажите, что на днях

ожидаю, что выписанный от Вагнера рододендрон ее имени зацветет. Что прикажете учинить с Вашим боа. Я вчера только взял его с почты.[19]

Целую Ваши ручки и желаю, чтобы Вы поскорей успокоились и забыли Афонины беды и сами были бы здоровенькими, да на обратном пути уже не на Орел, а в Новоселки.

Дружески целую еще и еще Ваши ручки.

И. Борисов.

Петрушин роман,[20] слава Богу, выходит из воспалительн<ого> состояния, он гораздо спокойней.

Рукой Н. А. Борисовой:

Ты бы лучше подождал писать и рассказал обо всем, как выздоровеешь. Бедный Афоня, — зачем ты ночью зашел после каких-нибудь жарких прений один, без своей няни Marie, в глухое место, когда твои маленькие дамские ножки не знают за минуту вперед, куда и как они станут. Прошу Marie крайне, чтоб она писала, что и как теперь; слава Богу, что все это кончилось, что все мучения назади — авось ты к праздникам пустишься опять за масками и может еще приволокнешься за молодой графиней, женой Льва Николаевича, — говорят, она красавица. Кто тебя лечит. Когда доктор <объявит> совершенное выздоровление, немедля дай весточку об этом. Есть во всяком доме такие волчьи ямы — всякий, кто проходит, это чувствует, но это остается, и даже несчастия, причиненные ими, не истребляют их. Если б Москва была немножко ближе, мы б взглянуть приехали на тебя. Но что же делать — путы и не помазанные на царство цари — деньги не пускают à la lettre[a] ни на шаг из Новоселок. У нас был А<лександр> Н<икитич>, заезжал из Орла Петруша, он собирается в Москву. Здесь во Мценске опять танцы и музыка всякое воскресенье. Петруша попал на первый вечер и плясал до 2 пополуночи.

Выздоравливай скорей, слушай докторов, не мешай им капризками.

Обнимаю крепко.

Преданная тебе сестра
Н. Борисова.

19 ноябрь.

Marie, голубушка, напиши словечко об Афоне, что он поделал с рукою и головой. Опиши все подробно, Ив<ан> П<етрович> твои ручки

---

[a] буквально (*франц.*).

за это поцелует, и меня ты много обяжешь. Писать некогда, а лучше сказать, не могу — это время я совсем ослепла и боюсь, чтоб это не продолжилось. Напиши, сделай милость, много любящей тебя Н. Борисовой.

На конверте: *В Москву.* На Маросейку, в дом сыновей Петра *Боткина.*
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фет.

Почтовые штемпели: Мценск, 20 ноя<бря> 1862; Москва, 23 <ноября> 1862, утро.

Печатается по подлинникам: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 42–43 об., конверт — л. 68; № 20308. Л. 1–2 об.

[1] Это письмо неизвестно. В письме к Тургеневу, датированном 22 ноября (вероятно, это дата окончания письма, начатого 20-го числа), Борисов писал о Фете: «Вчера мы получили от него краткую записку о случайном несчастье, грозившем худшими последствиями. — Сходя с лестницы в д. Боткиных, он оступился и сильно расшиб и вывихнул руку. Пишет сам, что л<евая> рука в каменной перчатке» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 365). Сам Фет рассказал о случившемся в неотправленном письме к В. П. Боткину от 17 ноября: «…7-го мы прибыли, а 8 я, возвращаясь ночью со свечой в руке сверху к нам во флигель, сошедши с лестницы, повернул вдруг налево в коридор, о существовании которого и не предполагал, — и на всем ходу вылетел на мерзлый двор, сильно зашиб голову и свихнул левую руку, которая до сих пор у меня в гипсовой перчатке и мешает мне даже есть, не только что писать» (*Фет/Боткин*. С. 325). Фет был вынужден носить гипс в течение шести недель (см. письмо М. П. Фет к М. П. Боткину от 21 февраля 1863 г. (*ИРЛИ*)).

[2] *Кувака*, кувяка (обл. кур.) — младенец.

[3] Борисов познакомился с женой Толстого в Никольском-Вяземском, куда молодожены приезжали на несколько дней. В цитированном выше письме к Тургеневу (см. примеч. 1 к наст. письму) он писал о С. А. Толстой: «Она — прелесть хороша собой *вся*. Здраво-умна, проста и нехитроумна — в ней должно быть и много характера, т. е. воля ее у нее в команде» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 1. С. 365).

[4] Повесть Толстого «Казаки» была опубликована в 1863 г., в январской книжке «Русского вестника».

[5] Имеется в виду гомеопат *Александр Андреевич Симон* (ум. в 1863), провизор Мценской вольной аптеки, успешно лечивший Борисова.

[6] Сходные слова встречаются во многих народных заговорах. Ср.: «На Море-Окияне, на острове Буяне / Дуб-Стародуб стоит…» — из заговора от порчи.

[7] *Звездочка* — лошадь Борисова.

[8] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[9] Имеется в виду *Павел Николаевич Цуриков* (1816 — после 1894), помещик расположенного в 10 верстах от Мценска села Хальзева (Холезева), земский исправник (1850–1862), сосед и давний знакомый Борисова. Фет также знал Цурикова с детства, а после покупки Степановки восстановил отношения с ним. Сохрани-

лось стихотворное послание Фета от 11 сентября 1861 г. («Амур — начальник Гименея…»), обращенное к Цурикову (см.: *Кузьмина И. А.* П. Н. Цуриков — адресат стихотворного послания А. А. Фета // *РЛ.* 2007. № 4. С. 123–127).

[10] *Казначеевы* — сестра Борисова Анна Петровна (1829–1878) и ее муж Федор Федорович Казначеев (р. 1827), проживали в Рязанской губернии.

[11] В дореформенный период алкогольные напитки в центральной России продавали так называемые «откупщики» — частные предприниматели, заплатившие государству заранее оговоренную сумму и получившие право на откуп на публичных торгах. С 1863 г. вместо откупной системы вводилась акцизная, что означало свободную продажу вина при условии выплаты акцизного сбора. О последствиях отмены откупов Борисов писал Тургеневу 11 января 1863 г.: «Знаете ли, что это событие вызвало необыкновенную деятельность помещиков: *все* устраивают множество новых кабаков и этим надеются поправиться» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 369).

[12] «Отмена откупной системы осталась не без некоторого влияния и на русский язык: возникло новое слово „дешевка“. Так простой люд в Москве называет водку, которая внезапно подешевела и возвысилась в своем достоинстве» (Дешевка // Современная летопись. 1863. № 1. С. 16). В том же значении слово «дешевка» употреблялось и Фетом: «Кабаки растут не по дням, а по часам; суммы за *дешевку* сбираются громадные» (Из деревни <1863> // *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 217).

[13] Вероятно, имеется в виду откупное вино, цены на которое в конце 1862 г. значительно упали. См.: *Словутинский С. Т.* Генерал Измайлов и его дворня. Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1937. С. 453.

[14] Дворовые обрели личную свободу позже крестьян, с 19 февраля 1863 г.

[15] Речь идет об А. А. Тимирязеве, см. о нем примеч. 4 к п. 42.

[16] *Кочеты* — имение Сухотиных Тульской губернии Новосильского уезда.

[17] См. примеч. 10 к наст. письму.

[18] Речь идет о сестре М. П. Фет Анне Петровне Пикулиной (1833–1900). См. о ней примеч. 2 к п. 7: наст. публ. Ч. 1. С. 141.

[19] Судя по этому замечанию, Борисов писал М. П. Фет уже 20 ноября. Ср. с фразой из письма к Фету от 19 ноября: «Сегодня почтмейстер вручил мне собольи хвосты, забытые Марьей Петровной <…>».

[20] О каком романе П. Аф. Шеншина идет речь — неизвестно, в мемуарах Фета содержится рассказ о более поздних его увлечениях (*МВ.* Ч. 2. С. 244–245, 293).

42

Борисов — Фету

23 ноября 1862 г. Из Новоселок в Москву

Пятница.

Милый друг Афоня, нечего тебе говорить, как твое известие об руке нас поразило. С нетерпением и страхом ждем твоего словечка, и Петька

все расспрашивает, что дядина рука с кувакой. И вот, всякий день по вечерам устраивается поездка к тебе — ездит он с Наденькой — прощаются со мной. Потом я уже представляю тебя в Москве, и он подходит здороваться с некоторым страхом — прибаивается-таки тебя. Так вот всякий вечер. Они оба, слава Богу, ничего — лучше, но зато я в постоянных сношениях с европейской известностию.[1] Плохо она стала помогать, уже дней пять не проходит, но все не так, как прежде бывало.

Если бы не голова, то был бы блаженнейшим в эти дни — все здоровы *почти*.

Недели через три или четыре надо будет посылать на Гравронку, купил у Петруши матку[2] в верховые себе. Не нужно ли чего переслать к нему или от него взять. Например, проса для посева, хотя сеять его по навозным нет расчета, слишком вытягивается. Но вот если вздерешь где новь на низах, то ничего — они его сеют по болотам. — Зима исправляет дорожки. Ах вы — маленькие! Снежок подсыпает помаленьку. В В<в>еденье не ломало леденье,[3] и это не дурно — все прогресс. Высылай из Москвы за хлебом — никого еще нет и цен нет — всё жду.

Работники дороги и не идут в годовые, и это скверно, в Фатьяновой будем фермить, что-то выйдет. Быв у Тимирязева,[4] видел те палестины, в которых мог и ты господствовать — р<ека> Алешня в них зародилась и выбегает ручьем, но местность — прелесть, со всех сторон на горизонте леса, к северу — горы, и только на юг идут равнины по направлению к вам в Степанов<ку>. Показал бы Наденьке и всем аристокра<там> домик Тимирязева — 6 *комнат* и в них он, жена[5] и ее сестра,[6] и живут, как видно, без плача и рыдания. Но какие же это и женщины. Она в особенности милая женщина, все, что прежде слышал об ней, с первого взгляда обозначилось. Нет и тени водевильных приемов с гостями и пр<очих>, пр<очих> приличий надувательных.

Пиши, голубчик, ради Бога, что рука и что голова твои — с каждым днем неизвестности более и более живешь тревогой. Поцелуй ручки Марьи Петровной. Надя вас обоих целует. Всем наш поклон нижайший.

Твой брат и друг
И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 40–41 об.
Датируется по содержанию и по связи с п. 43.

[1] Имеется в виду гомеопат А. А. Симон.

[2] В воронежском имении П. Аф. Шеншина был конный завод.

[3] Введение во храм Пресвятой Богородицы — церковный праздник, отмечается 21 ноября ст. ст. На Введение часто приходилась оттепель, что нашло отражение в поговорке «Введенье ломает леденье».

[4] *Тимирязев Александр Аркадьевич* (1818 — после 1892) — мировой посредник второго участка Мценского уезда (1861–1868) и уездный предводитель дворянства (1868–1877); сводный брат знаменитого естествоиспытателя К. А. Тимирязева. Адресат стихотворения Фета «Все дождь и дождь, и солнце лик свой прячет…» (1880). Проживал в 35 верстах к северу от Степановки, в своем имении при сельце Алешня (Прилепы) (см.: *ОГ.* С. 161. № 3347). Борисов, чьи имения после 1862 г. отошли ко второму мировому участку, хорошо знал Тимирязева как посредника и одобрительно отзывался о его деятельности (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 3. С. 482; *МВ*. Ч. 2. С. 101–102). Фет сблизился с Тимирязевым после избрания мировым судьей и поддерживал с ним отношения до конца жизни; особенно тесным было их общение в 1870 г., когда, временно исполняя обязанности мирового судьи второго участка, поэт еженедельно вел прием в Алешне (*МВ*. Ч. 2. С. 160).

[5] *Тимирязева Елизавета Алексеевна* (урожд. кн. Вадбольская; 1825 — после 1888) — дочь участника Бородинского сражения кн. Алексея Петровича Вадбольского, женатого на Екатерине Васильевне Борисовой.

[6] У Е. А. Тимирязевой было несколько сестер; кто из них жил в Алешне, неизвестно.

43

Борисов — Фету

25 ноября 1862 г. Из Новоселок в Москву

25 ноября. Новоселки.

Поздравляю тебя, милый друг, с 23 н<оября>,[1] вспомнили это, как только отправили письмо[2] — и это воспоминанье только напомнило тебя страдальцем — и торжества не справляли. Которая-то весна предстоит на твоем веку и который десяток оставил ты за плечами своими. Утешайся хотя тем, что близишься к той старости, на которую Тургенев указывает как на силу могучую какую-то.[3] Я же для себя ничего не жду хорошего, с каждым годом всё злее и злее. Ах, все кости болят, все суставы говорят — вон она, куда кувыльдюгает. — На этот раз мои головные боли, расставаясь, оставили на память вспухлую щеку, и за то спасибо. — Наде Матвеева средствия до сих пор слава Богу, что будет дальше. Боюсь одного, что вздумает или в Ивановское[4] или в Спасское, и разом все погибло, а надо 3 месяца *беспрерывно* лечиться. Авось Бог помилуе<т> от всяких самоуязвлений, и распни, распни, писни-ка ей на

этот счет буллу хорошую, крупитчатую, по переносью, иногда и это полезно бывает.

Я тебе писал, что 10 или 11 Петруша[5] от нас умчался в Орел и далее на Гравронку — второпях забыв даже полголовы, т. е. щетки и гребенки. Сегодня вдруг с Ив<аном> Фед<оровым>[6] нежданно из Орла получаю от него писульку с вестью, что он застрял в Орле по делам мельницы и, Бог весть, когда выедет — две недели не собрался уведомить по почте об этом, а я-то к нему в Ливны пущаю слух. Вот, наконец, тебе и факт, что телеграфы для нас не созрели, и потому у нас и телеграфят, как какие картавцы — Шамши, Шелёпы, Шепелихи и труперды абракадабровны. Не в силах привыкнуть к подобным знакам препинания в жизни, тут нет ни точки, ни запятой по смыслу.

Из Орла привезли еще нового слугу. Каков-то этот будет — т. е. надолго ли. — Добродетельных много, но делодетельны<х> нима. И они как будто существуют-то только в виде того запаха, про которы<й> народ говорит загадку: вкруг носа мотается, а в руки не попадается.

Нетерпеливо жду, моя родная, одной только от тебя весточки, это, что, слава Богу, ты исцелился и вне всякой боли и болезни — ради Бога не теряй и минутки успокоить нас этой вестью. Попроси Марью Петровну хотя, пока сам поправишься, уведомлять о тебе. Хотя я и уверен, что все сделано, что возможно, и что Москва не Степановка или Новоселки, где в подобной беде будь хотя сам Гарибальди[7] и ори, как жуир Криднер:[8] «Ратуйте, кто в Бога верует!», — ни Неллатон,[9] ни Пирогов не услышат — а уж разве, разве подъедет де Sokoloff[10] и сокрушит окончательно всю физику — механикой. Читай почаще псалом «Помилуй мя, Боже!» О какая скверность быть больным, как часто приходитс<я> мне всматриваться в эту мудрую истину. Когда, заложив ладонь от уха к виску, хожу по углам, отыскивая в них исцеление и ожидая, скоро ли крупицы Симона подействуют.

Новостей особенно хороших нет, кроме что два дни порошил снежок и его таки подкинуло маленько — да цены шевельнулись, в Орле пшеница в 8 р<ублей>. — Рожь во Мценске 3 р<убля> 10. — Что-то скажет завтрашний базар. Я буду крепиться в продаже до немоготы в продаже своих крупиц. Мы ведь не то, что вы, капиталисты. Вам, Афанасий Афанасьевич, в некотором роде сам ломбард платит, а с нас он и рубаху на морозе снимет, и колокольчик Цурика никогда не звонит мне малиною — оборони Бог от звуков печальных песен погребальных. Не люблю кризиса никакого вообще, особенно финансового, а он-то, он длится надо мною, как туман над Великобританией — неужели же, в самом деле, вечно. — Прощай пока, моя милая, драгоценная Фетушка, будь долготерпелива (к своей руце) и многомилостива (к моей главе),

давай добрую весточку, обнимаю тебя за всех нас. Марьи Петровной целую ручки. Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 44–45 об.

[1] 23 ноября — день рождения Фета.

[2] Имеется в виду п. 42.

[3] В письме от 16 (28) июля 1860 г. Тургенев, в ответ на жалобы Фета, назвавшего себя отставным офицером, поэтом, человеком, писал: «Э! душа моя! всё не то… Молодость прошла — а старость еще не пришла — вот отчего приходится у́злом к гу́зну. Я сам переживаю эту трудную, сумеречную эпоху, эпоху порывов, тем более сильных, что они уже ничем не оправданы — эпоху покоя без отдыха, надежд, похожих на сожаления, и сожалений, похожих на надежды. Потерпим маленько, потерпим еще, милейший Афанасий Афанасьевич, и мы въедем наконец в тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой деятельности и даже старческих радостей, о которых так красноречиво говорит Марк Туллий Цицерон в своем трактате: „De senectute“. Еще несколько седин в бороду, еще зубочек или два изо рту вон, еще маленький ревматизмец в поясницу или в ноги — и всё пойдет как по маслу!» (*Тургенев. Письма.* Т. 4. С. 221).

[4] *Ивановское* — имение в пяти верстах от Степановки, где проживали Л. Аф. и А. Н. Шеншины.

[5] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[6] *Иван Федоров* — управляющий Фатьяновым.

[7] Имеется в виду следующий эпизод из жизни Джузеппе Гарибальди: в августе 1862 г. он был ранен в ногу, заживление раны затягивалось. Консультации зарубежных хирургов, в том числе А. Нелатона (см. примеч. 9 к наст. письму) не принесли успеха. В октябре из Гейдельберга приехал Н. И. Пирогов, который наметил план лечения и предсказал благополучный исход. Вскоре Гарибальди поправился.

[8] *Криденер Александр Александрович*, барон (р. 1820) — сослуживец Фета и Борисова по кирасирскому Военного ордена полку. Ему посвящен куплет из стихотворения Фета «В зверинец мой раскрыты двери…»: «Вот Криднер, капитан хохлатый…».

[9] *Нелатон Август* (1807–1873) — французский хирург, член медицинской академии.

[10] Имеется в виду мценский врач *Петр Александрович Соколов*.

44

Борисов — Фету

1 декабря 1862 г. Из Новоселок в Москву

1 дек. 62. *Новоселки*.

Ну слава ти Господи, твое письмо,[1] друг мой, успокоило меня насчет того, что мы еще поживем, а то я уже побаивался, что ты несешься горе!

в страну, где вечно зреет виноград, а следовательно, и Редерер не по 3 канальских рубля, а пьешь его и пить хочется. Поэтому-то я и вступаю с тобой в толки, стоит или не стоит выписывать мне с тобою, и выходит, что не стоит: поди его опять делить да развозить, и все это ради 5 рубл<ей>, которые тут же и уйдут на перекладных. И кому у нас его пить — ты далеко и заедешь 1, 2, 3, да и только. И Иван Сергеевич[2] начинает уже обороняться как на Малахове Кургане. Нет, не стоит, душа моя, а про вас всегда есть в подвале *2* да *Аристов с Богатыревым* в 7 верст<ах>.[3] — Уж я думал, думал, какие бы тебе дать комиссии в Москве, и, слава Богу, до сих пор не сочинил: нужного ничего не нужно. Няню надо бы, но *авось* Амалия прослужит лето, а там уж надо *дядьку* гувернера, но это еще далеко. А вот скверно , что Наденька сегодня целый день не вставала с постели и не пьет, и не ест — т. е. хуже всего на свете бабы — это какое-то неудачное создание из ребра Адамова. — Третьего дни в 23° пусти и пусти кататься — вчера то же, хорошо, что не пустил. Если бы Марья Петровна на 1/100 только по-наденькиному, то ты бы знаешь, что сделал, взял бы, полез опять наверх на лестницу, да с верхней бы ступеньки на всех парах давай отвинчивать обе руки, ноги и голову. Вы, батюшка государь Афанасий Афанасьевич, баловень, мы — другое дело. Мы, значит, «в поте лица» живем и жуем. Писал ли я тебе, что сбираюсь к Анюте,[4] но Бог весть, как это удастся — во-1-х, сам все болен, во-2-х, снегу на *сосе* нет, в-3-х, на кого покину Новоселки, а если уж покину, то заеду и в Ясную, только вряд ли их застану — в дек<абре> хотели в Москву, и, следовательно, ты узришь нового Толстого. Перемена в нем еще только происходит, он ее почувствовал, но не свершилась, и он прав был, что ты ему *нужен*. Ему нужен тормоз, каким был для него Николай Ник<олаевич>[5] — дело в том только, что летит-то он не с лестницы, а в гору, ну и тормози.

Вчера получил от И. П. Новосильц<ова>[6] весть о смерти Аграф<ены> Ник<олаевны>,[7] и веришь ли, вспоминая ее и все-все, до крови рад бы плакать — все в этом добрейшем существе с ее рождения до последней минуты было какою-то жертвою другим. Вот единст<венное> существо, какое в жизни я знал, жила только чистою любовью, не имея в своей крови ни капли эгоизма. Не говорю уже о семействе Петра П<етровича>,[8] я знаю много, много других, для которых она была другом в полном смысле. Вся жизнь ее — страдание для тех, кого любила, с тем и умерла. Говорю тебе буквальную правду. Кому какое счастье! скажешь — да, с этим согласен вполне.

Не удери в самом деле штуки, и если паровая сила помчит тебя в Париж,[9] то не только из Берлина, но ранее, как опять ступишь на порог

Маросейки, не пиши к нам. Разве ты не знаешь твою сестрицу, какими цепями тогда ее удерживать, и то она нет-нет да куда-нибудь сбирается, и я отделываюсь одним пока: на все ее путешествия мгновенно отпускаю ей десять тысяч серебром к<опеек> и только этою готовностию успокаиваю ее полеты, но Бог знает, надолго ли. Нет, брат, об загранике лучше не заговаривай. Пой что-нибудь веселенькое об агрономии. Нас уже проклятая Моск<овская> ведомость в состоя<нии> волновать всяким ном<ером>. Черт бы их подрал, в каждом № в конце печатают театры, ну и захватит дух, как у самой *Акимовой,*[10] когда ей приходится отличаться перед бублией… Удивительное, однако ж, дело, до сих пор наш р<усский> театр только и силен пока на *глупостях* в роде: «Вот так пилюли, что в рот, то и спасибо».[11] Впрочем, так и должно быть, когда наш Шекспир сам стоит и ходит царем Максимильяном.[12] Не присваивай таланту — талант свойствен музыканту — кобелем не вой. — Прощай, некогда с тобой рассудительствовать, надо, надо спать. Только вот о чем вспомнил: тебя слезно умолять, не забудь нас ЧАЕМ. Чаем воскресенье мертвых и жизнь будущег<о> века можно усладить — побольше, побольше… Мне одному… по крайней мере пуд. Прошу об этом хлопотать Марью Петровну и целую ее ручки, а стыдно ей, что долго, долго не подавала вести, пока ты был сухоруким. Поклон нижайший всем — Дмитр<ия> Петровича поздрав<ляю>, молодец.[13] Дай Бог им счастия во всем. Твой брат

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 46–47 об.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Имеется в виду И. С. Тургенев.

[3] Владельцы мценских торговых лавок. В «Списке городским избирателям» по Мценскому уезду значатся купцы Аристовы Василий и Иван Васильевичи, а также Алексей Иванович Богатырев (*Орл. губ. вед*. 1865. Прибавл. к № 26 от 26 июня).

[4] Анюта — сестра Борисова Анна Петровна Казначеева.

[5] *Толстой Николай Николаевич*, граф (1823–1860) — старший брат писателя. См. о нем примеч. 9 к п. 17: наст. публ. Ч. 1. С. 166.

[6] *Новосильцов* (Новосильцев) *Иван Петрович* (1827–1890) — единственный сын П. П. Новосильцова (см. примеч. 7 к наст. письму). По окончании Московского университета в 1848 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел (1849), где дослужился до чина действительного статского советника (1874), затем, оставаясь в ведомстве МИД, был исполняющим должность вице-президента Придворной конюшенной конторы (1876–1881) и шталмейстером высочайшего двора (1881–1890). В конце 1862 г. служил в Петербурге чиновником особых поручений при министре иностранных дел, имел придворное звание камер-юнкера (1856). Зная Борисова

с детства, считал его близким другом и поддерживал с ним переписку. Впоследствии столь же дружеские чувства Новосильцов стал питать и к Фету, который по крайней мере до 1860-х гг. был для него всего лишь старым знакомым. Именно благодаря хлопотам Новосильцова с его влиянием при дворе поэту удалось вернуть себе фамилию Шеншина.

[7] Речь идет об *Аграфене Николаевне Вяземской*, родственнице П. П. Новосильцова, воспитавшей его детей от первого брака с А. П. Мансуровой (ум. в 1830) и внуков (см. примеч. 7 и 8 к п. 23: наст. публ. Ч. 1. С. 186).

[8] *Новосильцов Петр Петрович* (1797–1869) — помещик села Воин Мценского уезда, в прошлом — московский вице-губернатор и рязанский губернатор; крестный отец сына Борисовых. После отставки в 1858 г. жил преимущественно за границей, оставаясь причисленным к Министерству внутренних дел; в ноябре 1861 г. был произведен в тайные советники (см. о нем также примеч. 4 к п. 5: наст. публ. Ч. 1. С. 138).

[9] Отправиться с ним в Париж Фету предлагал Н. П. Боткин (см. письмо В. П. Боткина от 15 (27) декабря 1862 г. — 11 (23) января 1863 г.: *Фет/Боткин*. С. 328). Вопрос об этой поездке возник не случайно. После несчастного случая Фет много болел, его мучили геморроидальные припадки, обмороки и слабость от большой потери крови, потом привязалась лихорадка. Все советовали ему лечение за границей, но П. Л. Пикулин «ничего не нашел», и поездка, отложенная на будущий год, так и не состоялась (см. письмо М. П. Фет к М. П. Боткину от 21 февраля 1863 г. (*ИРЛИ*)).

[10] *Акимова Софья Павловна* (урожд. Ребристова; 1824–1889) — талантливая жанровая актриса. В 1846 г. дебютировала в Малом театре, на сцене которого играла до конца жизни. Акимова была блестящей исполнительницей ролей комических старух, первой исполнила многие роли в пьесах А. Н. Островского.

[11] «Вот так пилюли! Что в рот, то спасибо!» — пьеса Д. Т. Ленского (наст. фамилия Воробьев; 1805–1860), волшебная опера-водевиль в 3 действиях и 12 картинах, представлявшая собой переделку французского водевиля Ф. Лалу, О. Анисе-Буржуа и Лорана «Les pilules du diable» («Пилюли дьявола»); музыка Штуцмана.

[12] «*Царь Максимилиан*» — известная народная драма, бытовавшая практически на всей территории России, первые упоминания относятся к середине XIX в. Фет проявлял интерес к этому сюжету, см.: *Фирсова Т. Г.* Отрывок А. Фета на тему народной драмы «Царь Максимилиан» (к вопросу о типологии фольклоризма поэта) // Фольклорные традиции в контексте современной культуры и образования: Юдинские чтения — 2010: Материалы всеросс. научно-практической конференции. Курск, 2010. С. 141–144.

[13] Борисов мог иметь в виду как прибавление в семье Д. П. и С. С. Боткиных (15 ноября у них родился второй ребенок, сын Сергей), так и другое событие: не позднее июля 1862 г. Д. П. Боткин купил усадьбу разорившегося банкира А. Ф. Марка. Новоселье состоялось в начале 1863 г. Новый дом Боткиных (современный адрес — Покровка, 27) представлял собой двухэтажный особняк в классическом стиле с пристроенными по бокам флигелями. Впоследствии (в 1867 г.) он был заново отделан внутри и снаружи по проекту А. С. Каминского. Часть интерьера дома Боткиных: парадная лестница, отделанная под мрамор, резные двери и фрагменты богатой декорации парадных помещений, — сохранилась до наших дней.

45

Борисов — Фету

8 декабря 1862 г. Из Новоселок в Москву

8 дек. 62. Новоселк<и>.

Спасибо, друг, тебе за твои строки, после сильного, скверного беспокойства за тебя теперь начинаю безбоязненно распечатывать твои послания, ну и слава Богу, что останешься целым, а не Милосской Венерой. Дай-то Бог, чтобы настолько же мог успокоиться за Надю. Плохо она справляется — плохо спит, плохо ест, т. е. почти ничего. Похудела ужасно. Матвеева лекарства принима<ет> исправно — и Симона тоже, но я нисколько на это не надеюсь и до сих пор. Решитель<но> в ее здоровье есть какой-то свой барометр, в котором никакие внешние воздухи и Симоны не имели влияния — тут и думать и гадать нечего — ничего не поделаешь. Хотелось бы или, вернее, *за*хотелось ей в Ивановское, и едва удержал. Ну, воззвали к Любовь Афанасьевне и ждем со дня на день ее к нам на праздники со всем двором ее — только из прежнег<о> нетерпеливого ожидания перешло уже в довольно терпеливое равнодушие.

Видно, твои гем<орроидальные> припадки подросли, что ты от них испытываешь такое расслабление — нехорошо. Перестань ты совсем редерить и хересовать, тебе это ядобина, должно быть. Если тебя напускают на баварское пойло, то уже знак верный — что ни виноградным, ни кокоревским[1] заниматься не след. Я для тебя в марте сварю пивной котел настоящего, т. е. баварского, и буду по носу твоему подмечать, на сколько градус<ов> оно полезно. Гадость истинная с каждым шагом вперед от юности — только и есть хорошего, что менее и менее «борют мя страсти».[2] Неужели МАНЯ[3] еще стала лучше и посвежела — экое счастье — не прожигает ее, значит, жизнь. Напиши новый твой Романс,[4] если не спою, то хоть почитаю его вместе с Петькой. Пора и ему подходит — часто по вечерам вместе уже поем «Ивушку» и читаем сказки про Замарашку и Жар-птицу и Офицера и Барыню. Имеешь ли вести от Ивана Сергеевича. Где он зябнет и скоро ли переедет мерзнуть в П<етер>бург. Воображаю его удивление об Л<ьве> Ник<олаевиче>.[5]

В Москву на днях уехала Елизав<ета> Дмитр<иевна> с дочерьми,[6] верно вас отыщет, мне не удалось и видеть ее перед отъездом, был все болен, а поехал к ним, кажется, 5-го — говорят, только что уехали в Москву. — Хотелось бы взглянуть на монаха, которого соблазнила

женщина. Картина хорошая должна быть — без мелодрамы, разумеется, а то зачем и писать монаха, просто уж ёрудьякона[7] пустить. — Где Григорьев Аполлон,[8] не знаешь ли чего об них — и дом полянский[9] существует ли? Кого ты видаешь из старых приятелей, без них как-то всякая жизнь пустынна. Старики нужны как басы в цыганском хоре, они хоть не виляют, а без них не загудит набатом по сердцу. Почвоуглубители в некотором роде. Не попадись ты на *Сосулькина* зерносушилку. Новое изобретение московское, работают на хуторе сельск<ого> хоз<яйства> у Корчагина, обещаний напечатали много и мошенничают.[10] Но что будет с озимыми. Двое суток такая дула подземка,[11] что буквально и зеленя и пашня опять черны как с осени.

Сегодня утром староста взволнованным голосом объявляет, что на нашей земле к стороне Подбелевца,[12] говорят, заметили тело… Послал его поскорей посмотреть, не жив ли еще, и пока говорил это, другие, бывшие тут, добавляли от себя наставления: «Смотри, только близко не подходи, а то след оставишь… самого сошлют — это нарочно его и выволокли на нашу землю». Вот в этих словах приговор верный, на какой точке мы живем еще. Осмотр сделан. Тело уже совсем мерзлое, неизвестн<ый> с проседью в суконной чуйке, а мороз 20°, да буря к тому была. Лежит в 3 саж<енях> от дороги и в 50 от нашей межи. Следу к нему нет, и видно, как он укладывал<ся> сам, чтоб согреться, а шапку, верно, унесло куда-нибудь в Чернский уезд,[13] если не оставил ее и сам где в кабаке. Вот если б я был каким Виттали[14] или другим, непременно бы из белого мрамор<а> вырезал этого старика на вечную память откупов и кабаков. Ужасная смерть. На снегу местами остались примерз<шие> его волосы там, где он укладывался и снова сдвигался, пока успокоился навеки. Нет, будут еще потрошить, но сегодня не то, что станового, и сотского[15] не отыскали. — На все свои законы есть… Поклонись от меня Григоровичу.[16] Он художник. Вот ему-то и подбрось с нашей земли тело, а то, что с ним делать — приедут становой, следователь, доктор — ну что мне с ними делать.

Крепко обнимаю тебя, душа моя, поцелуй ручки Марьи Петровной. Желаю вам хорошенько веселиться и за Надю, и за себя.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 48–49 об.

[1] *Кокоревское* (т. е. водка) — по фамилии предпринимателя Василия Александровича Кокорева (1817–1889), разбогатевшего на винных откупах.

[2] «От юности моея мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой» — слова из Всенощного бдения.

[3] Видимо, солистка цыганского хора.

[4] Речь идет о стихотворении Фета «Прежние звуки с былым обаяньем…», впервые опубликованном под заглавием «Романс» (*РВ*. 1863. № 1). См. об этом также п. 48.

[5] Имеется в виду свадьба Л. Н. Толстого и С. А. Берс, которая состоялась 23 сентября (5 октября) 1862 г. в Москве. В мае 1861 г. отношения Тургенева и Толстого приняли крайне враждебный характер и едва не окончились дуэлью. Ссора между писателями, надолго прекратившая личное общение, произошла у Фета в Степановке (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 370–375).

[6] Е. Д. Шеншина и ее дочь Мария (см. о них примеч. 8, 9 к п. 38). Вторая дочь — Екатерина.

[7] Вероятно, от *иеродиакон* — монах в чине диакона.

[8] *Григорьев Аполлон Александрович* (1822–1864) — поэт, литературный и театральный критик; друг молодости Фета, подготовивший к печати сборник его стихотворений 1850 г.

[9] Имеется в виду дом Григорьевых на Малой Полянке, где Фет жил в студенческие годы. Снесен в 1962 г.

[10] Мнение Борисова основывалось на «Письме в редакцию» тульского помещика В. Михаловского (*МВед*. 1862. 2 декабря. № 264. С. 2127–2128), где речь шла о зерносушилке, изобретенной И. О. Сосульниковым-Муромским. Поверив рекламе этой машины, появившейся в № 48 «Газеты для сельских хозяев», Михаловский обратился к Сосульникову, и тот известил его, что зерносушилки делаются на механическом заведении Корчагина, под собственным его, изобретателя, наблюдением. Михаловский выписал зерносушилку, однако в результате потерял время и деньги, получив поздней осенью негодную к употреблению машину.

[11] *Подзёмка* — то же, что поземка.

[12] См. примеч. 6 к п. 35.

[13] Чернский уезд был расположен в юго-западной части Тульской губернии, на западе граничил с Мценским уездом.

[14] Имеется в виду *Витали Иван Петрович* (1794–1855) — скульптор, монументалист и портретист; профессор петербургской Академии Художеств. Автор колесницы Славы и рельефа «Освобождение Москвы» для Триумфальных ворот (1829–1834), фонтанов на Лубянской (1835) и Театральной (1835–1836) площадях и др. С 1841 г. Витали работал над скульптурным оформлением Исаакиевского собора в Петербурге. Он выполнил ряд скульптурных портретов, в том числе К. П. Брюллова (1836) и А. С. Пушкина (1837).

[15] *Сотский* — выборный от крестьян низший чин сельской полиции, ближайший исполнитель распоряжений станового пристава.

[16] *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822–1899) — писатель. Знакомство Фета с Григоровичем, завязавшееся в период сближения поэта с литературным кружком «Современника», не прерывалось и в последующие годы, хотя их встречи были нечастыми. См. об этом: Переписка А. А. Фета с Д. В. Григоровичем (1888–1891) / Публ. А. Г. Гродецкой // *ФетСб(1)*. С. 231–350.

46

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

15 декабря 1862 г. Из Новоселок в Москву

Ив<ан> П<етрович> наконец-то выбрался к Казначеевым; во вторник 11-го он выехал и, верно, в будущий вторник явится домой. Я просила его заехать в Москву, что бы стоило 80 в<ерст> крюку сделать, но он стоик, и никакие убеждения его не заставят посмотреть в сторону. Слава Богу, мои мучения прекратились, я здорова, как только можно быть здоровым, глотаю десять раз в день лекарства, катаюсь, и авось кувырканья по постелям остановятся. Что ты поделываешь хорошенького, Афоня, как твои боли; крепнешь ли ты от баварского пива. Как мне бы хотелось повидаться с тобою. Хоть бы по телеграфу. Ты, я думаю, одним глазом смотришь благосклонно на весь Гаргогер окружающий — а другим сердишься. А право, сердиться не на что. Лучше не придумаешь, стало быть, и хорошо.

Любиньки все нет еще, что это значит, не понимаю. Писать более не могу, Ив<ан>. Фед<оров>[1] ждет, пора ехать в город, а хочется Marie словечко написать.

Прощай, друг мой Афоня, целую крепко.

Преданная тебе
Н. Борисова.

Бетховена сонаты, которые ты мне прислала, Marie, выше всякой похвалы. Сколько наслаждения ты мне доставила ими, ты и не представишь — чудо. Каждая нотка — идеал, совершенство. Скажи Афоне, что Бетховен пустил в свет аристократизм. Каждый день я от нот оторваться не могу. Напиши, что поделывают ты и твои, Афоню включительно. Будь здорова. Обнимаю и целую тебя крепко.

Сестра Н. Борисова.

15 декабря
1862.

На конверте: В г. Москву. На Маросейке, в дом сыновей Петра Боткина.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу *Фету*.

Почтовые штемпели: Мценск, 15 дек<абря> 1862; Москва, 18 дек<абря> 1862.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 21–21 об.; конверт — № 20272, между л. 49 и 50.

[1] Управляющий именьями Борисова.

47

Борисов — Фету

18 декабря 1862 г. Из Новоселок в Москву

Вторник.
18 дек. 62. Новоселки.

Вчера возвратился от сестры и нашел Надю, слава Богу, ничего. Любовь Афан<асьевна> с Володей[1] у нас. Они приехали только что передо мной. На станции во Мценске узнал, что Петруша[2] проехал в Москву и подосадовал, что не удалось с ним видеться. Хотел с ним переслать тебе деньги на чай, чтобы не бегал по почтам. Л<ев> Ник<олаевич> в пятницу хотел выехать в Москву[3] и сам тебя отыщет. Выборы у нас не кончены еще,[4] но Цурика не будет. Спешу отправлять на почту, и делов много и некогда теперь.

Что же ты, Петя, не уведомил об *колесах* и посылать ли за лошадью или оставить это до весны? Я писал к тебе насчет перенесения дела в Сенат.[5] Кто тебе об этом хлопочет. У Казначеева есть дядя сенатор, но *главное* тут, кто *адвокат*, чтобы он тебя *не продал*. Если нужно на сенаторов благовонием повеять, то можно и это, только узнай на кого и в чем именно и пиши скорей, чтобы вовремя дунуть.

Целую ручки Марьи Петровны, обнимаю вас обоих и поздравляю всех с праздниками.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 50–50 об.

[1] *Владимир Александрович Шеншин* (р. 1855) — сын Л. Аф. Шеншиной.

[2] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[3] Т. е. 21 декабря. Эти сведения Борисов получил от самого Толстого, о встрече с которым рассказал в письме к Тургеневу от 11 января 1863 г.: «В начале дек<абря> я ездил в Рязань к сестре моей и на несколько часов заезжал в Я<сную> Поляну. С первого шагу заметно стало теплей в этом холодном каменном доме, и я пророчу,

что молодая графиня переделает совершенно Л<ьва> Н<иколаевича>. Он весь теперь в ожидании себе потомка. Кротость и нежность пробиваются уже из его глаз» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 369).

[4] Подразумеваются дворянские выборы в Мценском уезде.

[5] Речь идет об очередном этапе многолетней тяжбы, которую П. Аф. Шеншин вел с купцом Бондаревым из-за мельницы на реке Тим.

48

Н. А. и И. П. Борисовы — А. А. Фету и П. А. Шеншину

18–22 декабря 1862 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

22 декабря.

Вчера, милая дружище, получили твое письмо, а третьего дни я уже пустил к тебе весть, что извернулся из Рязаней.[1] Что это такое с тобой творится, Афоня, что ты все хвораешь и так долго не справляешься, это не похоже на тебя — не сидячая ли жизнь московская — с лежки на лежку, после степановской драгунской службы. Что тебе колдуют доктура, ведь все-таки надо их послушать — Мордехаи. У нас всё слава Богу — все не больны и всё идет довольно ладно, может, благодаря тому, что у Рауля была синяя *борода*. Многое бы хотелось тебе рассказать, что я видел у Казначеевых. Там два сорта хозяев — старик отец[2] и молодой. — Старик — дока, и он-то самая и есть сила, движущая вольным хозяйством — Федор Федорович более пускается по коммерции, и это у него идет недурно, но старик его отец — о! держись земля, раздражу, и у него, несмотря на все неурядицы нашего времени, вольнонаемное дело идет. Мастер великий распределять дело по шерсти каждому и копеечку даром не пустит ребром. С 1815 года над этим упражняется и сам нажил себе над землей все состояние. Словом, старик произошел *всё*.

В 48 № «Совр<еменной> лет<описи>», верно, прочел о подвигах в Париже Ивана Сергеевича.[3] Он, верно, из французов больше выдоит, чем из Спасского и России, пожалуй, в самом деле *довольно*[4] и кончит. Пришли, пожалуйста, твою песню цыганам,[5] хочется познакомиться с нею, пока ты нам ее споешь. Удивляюсь, что Петруша[6] еще не был у тебя, теперь-то, верно, отыскал его. Непостижимый он есть струмент — ни звука не выжмешь.

Кроме губернского предв<одителя> выборы кончены, у нас, в Мценске, предводителем Вл<адимир> Ал<ександрович>.[7] Исправником — Меньшиков (брат посредника),[8] судьей — Каврайский (сын Павы) Володимир,[9] который в детстве так твердо отвечал на вопрос родителя своего: «У Ноя было три сына: С<им>, Х<ам> и А<фет>. Кто им был отец?» — «Василий-кузнец»… Бедный наш ловелас Цурик, плохо ему — да и тебе-то каково, у кого будешь брать градусную.[10] Не позовешь его и ты на свои дипломатические обеды, *не нужен*. Бережецкого[11] же зови, он удержался. У нас пока превесело — шум, беготня и плач попеременно. Володя славный мальчик, и жаль, что не займутся им серьезно — учить, учить, учить давно пора. Когда увидишь Льва Николаевича, напомни ему обещание прислать — его карточку.

Петрушу, Петрушу все поминаю — с ним мог бы послать деньги и две пары сапогов на обмен. Увы! Невозвратно продрал. Не знаю, поедет ли кто еще. Напиши хотя ты за него, надолго ли он в Москве. Придави его, чтобы подписался на «Ведомости» и «Вестник». Когда тебя поджидать на пути в Степановку? Теперь уже предчувству<ю>, как будешь торопиться, и у нас денька не пересидишь. — Господи, Господи, когда же это увижу я жизнь спокойную, с утра бегу — к самовару — не обсохнув от утреннего омовения, тут начинается доливание воды, потому что ¼ чашки не достанет на всю братию. Печи топят — скорей их завинчивать, а думаю: ну что наверху, не лопнул ли боров проклятый или труба не растаяла ли. Буря вырвала раму в слуховом окне — нет ли уже сугроба снегу — значит, течь, значит, штукатурка как гробыхнет по головам и смертию смерть живот надорвет. Кому лекарство пора принимать, №№ Симона, пилюли Матвеева. Картинки смотреть. Письма писать. Кататься, какие сани, лошадей, а ленточек-то забыли купить — кого в город посылать, — всё это вопросы. Собаки кого-то грызут, на дворе визги и мызги. Выхожу. Тепличка заледенела, и канат прямо на магнолию. Солнышко проглянуло, а ставни не открыты. Заика садовник что-то хочет объяснить, закатывает глаза под лоб, шипит и ухожу на конюшню. Что это у лошадей, сено — Боже! Берегите это сокровище — давайте овсяную солому и просяную, и ни-ни-ни клочка. Кучеру обидно. Хозяин же и Звездочка ничего не понимают и топчут сокровище ногами. Но вот идет *Квадрат*, староста Федор.[12] Молодец, все у него твердо, прочно, не то, что *Перпендику<ляр>*, Тихон-охотник, по синему носу узнаю, что мороз сильный — а вышел только из бани, волоса мокрые, и добродетельнейший он человек, но глуписимо. Ну, дядя, приезжайте поскорей — дни уже прибавились. Катимся теперь к весне, и ухабы

под Тулой уже страшные. Целую ручки Марьи Петровной. Кланяюсь всем, всем и вас, милые други, обнимаю крепко.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой (на отдельном листе):

Нас трое: Любинька, Ив<ан> П<етрович> и я, и все сидим за письмами к тебе,[13] любезный друг Афоня. — Как я страдала, изнывала, о том уже я тебе писала, теперь я тоже молодцом. Но за болезнь получила позволение ехать за границу и воспользуюсь им при первом удобном случае. Нового ничего. Так как я думала, так и было. Ив<ан> П<етрович> возвратился из Рязани вчера, в понедельник,[14] разбитый и замученный. Сестра его обещала с мужем к нам к 10 генваря. О выборах ничего еще неизвестно.

Журналы этот год мы выписываем только катковские[15] и один французский. Петруша[16] теперь в Москве. Вывози его получше в свет и, если можно, уязви его сердце красотой какой-нибудь девы. Его я не прошу писать, расскажи ты, что он там творить будет. Поцелуй его и Marie за меня и будь здоров, да вернись скорей к нам.

Преданная тебе Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова на полях письма Н. А. Борисовой:

Эта писулька не попала в прежнее письмо по рассеянности Нади, кладу ее сюда, видишь ли, всё заграницы!

На конверте: *В Москву.* На Маросейку в дом сыновей Петра Боткина.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.

Почтовые штемпели: Мценск, 23 дек<абря> 1862; Москва, 27 дек<абря> 1862.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 51–52 об., 53–53 об.; конверт — л. 54.

[1] Имеется в виду п. 47.

[2] *Федор Алексеевич Казначеев* (р. 1798) — отставной подпоручик, свекор сестры Борисова.

[3] «*Современная летопись*» — газета, издававшаяся еженедельно в Москве; в 1861–1862 гг. — в виде приложения к «Русскому вестнику», в 1863–1871 гг. — как воскресное прибавление к «Московским ведомостям». Борисов имеет в виду корреспонденцию Н. В. Щербаня «Из Парижа», посвященную преимущественно

Тургеневу и его популярности во Франции. Автор пишет как об успехе, который имел среди французской публики сделанный Тургеневым совместно с Л. Виардо прозаический перевод драматических произведений Пушкина, так и о расположении французов ко всему творчеству русского писателя: «Романы и повести Тургенева переводятся, едва подлинный текст успеет долететь сюда из России, берутся издателями нарасхват, помещаются в лучших „обозрениях“». Щербань перечисляет многочисленные издания произведений Тургенева, выпущенные во Франции, прибавляя в заключение, что уже готов перевод «Отцов и детей» (Современная летопись. 1862. № 48. С. 8–10).

[4] В своей заметке (см. примеч. 3 к наст. письму) Н. В. Щербань сообщает новость: «Замечу к слову, что Тургенев пишет теперь повесть „Довольно!“, с которою познакомятся в будущем году читатели „Русского вестника“».

[5] «Прежние звуки, с былым обаяньем…». См. примеч. 4 к п. 45.

[6] Речь идет о брате Фета — П. Аф. Шеншине.

[7] Имеется в виду В. А. Шеншин.

[8] Мировым посредником третьего участка (к которому принадлежала Степановка), в 1861–1867 гг. был отставной капитан артиллерии *Александр Николаевич Меньщиков* (Меньшиков), близкий сосед Фета, помещик села Долгий Колодезь (Никольское). Его брата *Ипполита Меньщикова* выбрали земским исправником вместо П. Н. Цурикова.

[9] *Каврайские* — Павел Васильевич Каврайский (ок. 1790 — не ранее 1858), служивший некогда мценским уездным судьей, и его жена Варвара Герасимовна Каврайская (урожд. Пушешникова), с детства знакомые Фету и Борисову соседи, помещики деревни Подполовецкое, что находилась в 15 верстах от Мценска (*ОГ.* С. 164. № 3352). Владимир Павлович Каврайский (р. 1822), избранный, подобно отцу, мценским уездным судьей, — их старший сын. В. Г. Каврайская упоминается в мемуарах Фета (*РГ.* С. 14).

[10] Фет покупал у земского исправника водку, см. его стихотворное послание «Амур — начальник Гименея…», обращенное к П. Н. Цурикову.

[11] *Гавриил Тихонович Бережецкий* оставался становым приставом 2-го стана до июля 1863 г., а затем был перемещен в 1-й стан. Степановка находилась на территории 2-го стана.

[12] *Федор* — новосельский староста Федор Павлович, «богатырь», упоминается в письме Борисова к Тургеневу от 25 июля 1865 г. (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 3. С. 490).

[13] Это письмо, случайно не отправленное вместе с предыдущим письмом И. П. Борисова (№ 47), было написано 18 декабря. Л. Аф. Шеншина писала Фету 17 декабря 1862 г. и, судя по почтовому штемпелю на конверте, отправила письмо в тот же день (*ИРЛИ.* № 20295. Л. 1–2, 4). Письмо ее от 18 декабря неизвестно.

[14] Т. е. 17 декабря.

[15] Видимо, Борисова имела в виду подписку на будущий год. С 1863 г. Катков издавал не только журнал «Русский вестник», но и газету «Московские ведомости», которую взял в аренду у Московского университета.

[16] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

49

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам и П. А. Шеншину

30 декабря 1862 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

30 дек. 62. Новоселки.

С Новым годом, милые друзья.

Афоня, напиши, пожалуйста, какие твои планы дальнейшие. Когда рассчитываешь возвратиться, и о *Петруше*,[1] отыскался ли он в Москве и долго ли думает пребывать в столице.

Был я у Тургеневых 23 д<екабря>, они сидят затворниками. Все очень *сострадали* твоим болестям. От Ив<ана> Сер<геевича> получают вести только с требованиями финансовых подкреплений и ничего уже на знают, когда он в Россию. Он только недавно перебрался в Париж.

У нас всё слава Богу, елка была — великолепие. Цены не подним<аются>: рожь 3-20. Горе! Обнимаю и целую

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Вот уже и Новый год подходит, поздравляю, Афоня и Marie, дай Бог вам здоровье и всё и вся. Как вы веселитесь, напишите строчку. Верно, не ранее поста домой — нельзя ли тогда к нам, а мы довезем вас до Степановки. Когда и где появится твоя статья;[2] я рада, что прочту ее в печати. Если портреты твои удадутся — сделай милость, один мне,[3] я хоть заплачу. Marie, попроси твоих для меня карточек. Когда будет готово издание Солдатенкова?[4] И. С. Тургеневу судьбой назначено переходить от одного триумфа к другому. Из чего ты заключаешь о неудовольствии на тебя,[5] мне не верится. Он просто вспомнил старину, с него спало отвращение к французам, и он увлекся Парижем. Что пишет В<асилий> П<етрович>, где он теперь.[6] Лина[7] в Риме, Матвеев пишет, что ей там хорошо, да я и не сомневалась в этом. Прощайте. Обнимаю вас. Преданная сестра

Н. Борисова.

Отдай записку мою Петруше.[8]

Стыдно, Петька, что ты проскакал, не заглянув к нам, а у меня комиссий миллион, и об деле своем поговорил бы с И<ваном> П<етровичем>, он бы что-нибудь тебе пользительного сказал. На возвратном пути хошь не хошь, а у нас побывай, бывай-бывай, как сказал бы[а] мой супруг.

Вот мои к тебе просьбы. Если ты найдешь женщину, за которую смелее можно сказать, что она годится, то бери и напиши, пожалуйста, сейчас же, а то не нужно, мы возьмем после Любиньки Ав<дотью> Ив<ановну>, а потом мы решились приставить дядьку.

Купи мне, пожалуйста, не из дорогих кисейное платье от 5 до 6 р<ублей> с<еребром>, Пете[б,9] соломенную шляпу, как мужики носят, а если нет, то все равно, на твой выбор.

Меня торопят. Прощай. Целую крепко.

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 55–56.

[1] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[2] Имеется в виду первые шесть глав статьи Фета «Из деревни», которые были опубликованы в январском номере «Русского вестника» за 1863 г.

[3] О каком именно фотопортрете Фета идет речь — неизвестно. Очевидно, тот же фотопортрет упоминается в письме М. П. Фет к М. П. Боткину от 21 февраля 1863 г.: «Посылаю тебе его (Фета. — *И. К.*) карточку, очень похожа, он снял ее нынешней зимой после своей болезни. Свою карточку я не делала <…>» (*ИРЛИ*. Ф. 365. Оп. 1. № 128. Л. 4).

[4] *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818–1901) — купец-миллионер, близкий знакомый Боткиных. С 1856 г. занимался издательской деятельностью (до 1862 г. совместно с Н. М. Щепкиным, затем под единоличной фирмой «К. Т. Солдатенков»). В 1863 г. выпустил итоговое собрание стихотворений Фета в двух частях (ценз. разрешение 1-й части — 19 января 1863 г., 2-й части — 21 февраля). Сохранился подлинник соглашения между Фетом и Солдатенковым, за подписью последнего, об издании этого сборника (см. *Приложение*). У двухтомника 1863 г. была предыстория, связанная с именем основателя журнала «Русское слово» гр. Г. А. Кушелева-Безбородко. Еще в ноябре 1858 г. Фет, по совету А. А. Григорьева, пытался продать ему итоговое собрание своих стихотворений, а в январе следующего года общая договоренность об этом была достигнута: Кушелев обещал приступить к печатанию всех стихотворений Фета уже осенью. Выполнения этого обещания Фет ждал несколько лет: так, в письме от 18 июля 1862 г. он жаловался В. П. Боткину: «От Кушелева нет ответу» (*Фет/Боткин*. С. 313). Ответ последовал 9 августа

[а] *Далее зачеркнуто*: Ив. П.

[б] *Далее зачеркнуто*: кучерскую

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. ФЕТА.

ЧАСТЬ I.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

Первая часть «Стихотворений А. А. Фета» 1863 г. Обложка

от нового владельца «Русского слова» Г. Е. Благосветлова, который извещал Фета, что граф отказывается от издания его стихотворений, так как находит это невыгодным, а все рукописи переданы П. П. Боткину (см.: *Трепалина М. И.* А. А. Фет и Я. П. Полонский в журнале «Русское слово» (на материале переписки Фета и Полонского 1850-х гг.) // *XV Фетовские чтения (2000).* С. 218). Видимо, эти рукописи и составили основу издания Солдатенкова.

[5] Тургенев развеял эти опасения в письме из Парижа от 26 января (7 февраля) 1863 г.: «Драгоценный Афанасий Афанасьевич, Вы в сердце поразили меня Вашим упреком: Вы полагаете, что я — сержусь на Вас!!! и оттого молчу… а я воображал, что *Вы* меня забыли. Дело в том, что я только сегодня получил Ваше письмо, находившееся в poste restante <…> — а Вы, вероятно, не получили ни одного из двух писем, *пущенных* мною к Вам» (*Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 147).

[6] Имеется в виду брат М. П. Фет — В. П. Боткин, путешествовавший по Западной Европе.

[7] *Лина* — Каролина Петровна Матвеева (урожд. Фёт; 1819–1875), старшая сестра Фета.

[8] Здесь и далее речь идет о П. Аф. Шеншине.

[9] Имеется в виду сын Борисовых Петр.

50

Борисов — Фету

25 января 1863 г. Из Новоселок в Москву

25 янв. 63. Новоселки.

Милый друг Афоня, рассчитываю, что вчера или сегодня ты получил 100 р<ублей>, которые Александр Михайлович Сухотин взялся тебе доставить. Я приготовил отправлять их по почте, но он обещал немедленно сам свезти, и за то ему спасибо. Теперь мы ждем уже твоих решений — заедешь ли в Новоселку, а я между тем опять было заболел, опять голова загудела, и в ухе начались канонады, но, слава Ти, Господи, угомоняется. Никуда, никуда не гожусь с каждым новым годом и быстро подаюсь в Поля Елисейкины.[1] Надя и Петя ничего, слава Богу. Молодец Матвеев, с тех пор как Надя начала по его указам — совсем становится другим человеком и сама сознает это. — Скоро ли отпечатают твои стихотворения. Я бы тебя просил распорядиться, чтобы на мою долю экземпляр выслали, хочется поскорей узреть новорожденное твое чадо. Только боюсь, что бабки-повитухи так оближут, охорашивая, что увижу его худеньким. За петуха петушусь.[2] Это на меня юностью веет, и ты уже подобного не пропоешь.

Если случится быть в типографии Каткова, то проси у них № 1-го «Совр<еменной> лет<описи>»[3] этого года. Я у них подписчик, и мне высылают уже исправно газеты под № 130. Но 1-го № «Летописи» и шести № № «Моск<овских> вед<омостей>» не выслали,[4] или на почте затеряли, Бог их ведает, а я «Летопись» собираю. Так если будешь там и не забудешь, то № 1-й проси. — Каковы поляки[5] — о *го то поляки злые пшишки лайдаки*. Ты какого мнения о них? Я, признаюсь, о них возвышенного, то есть лучше вешать, чем топить. Ксендзе[6] — в язык кольцо, писакам[7] — три перста: большой, и указательный, и средний тоже правой руки только в молотилку братьев Бутенопов.[8] Прежестокие зашевелились во мне чувствия при чтении политических известий. Если бы даже ты был республика, то не пощадил бы. Хорошо, что Иван С<ергеевич> в это время не ехал в П<етер>бург, они бы у него живот обголили на дороге, а может, и бронхит похитили. У нас в Мценске рекрутский набор подается быстро, и не слыхать о взятках и подкупах. Владимир Алекс<андрович>[9] похудел над зерцалом,[10] а цены на хлеб стали упадать. Пшеницу я в Орле запродал по 7-75 к<опеек>, а во Мценске не давали и 7-и. — Плохи наши дела помещичьи. Работники хотя несколько помягчали, находим уже годовых по 40 р<ублей>. Но пока не будут соблюдать *Юрьев* день, то толку мало — пойди судись с ними у становых, волостных и посредников.[11]

Мне тебя необходимо видеть, друг мой, и если уже невозможно будет заехать к нам, то, ради Бога, напиши, когда рассчитыва<ешь> проезжать Мценск, я хотя на ночь туда выеду, а то Бог весть, когда увидимся. Проклятая моя голова вместе с барометром летает вверх и вниз, сижу, не выходя из комнат, а как буря, то уж голова трещит. Двое суток была метель, и снегу подвалило — опять все забелелось.

Надя тебя и Марью Петровну целует, ждем вас. Поцелуй за меня ручки и зови хорошенько Марью Петровну. Что это Петруша,[12] хоть бы словечко. Сидит ли он еще в Москве или с вами возвращается. Скажи ему, какие цены на пшеницу в Орле. За его, верно, дадут и более, а то Кулаков его выжмет. — С Гравронки еще не возвращались, жду со страхом и трепетом.[13] Погода была отвратительная, то до –20°, то метель и капель.

К нам из города дорога превосходн<ая>: рекой от Мценска до Ядрины, там подъем справили и опять по летней дороге до лесу, а от леса проложили полем и ездим тройкой *в ряд*. Ни единого ухаба!

Поклонись за нас всем, всем и дай вам Бог скорей к нам. Как я тебя жду у! у! у!

Обнимаю крепко, твой

И. Борисов.

Проклятые кабаки. Зыбина[14] поставила на выгоне, и с тех пор хоть не посылай в город. Вчера прогнал караульщика — стал туда бегать по ночам греться.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 57–58 об.

[1] *Елисейские поля* в греческой мифологии — прекрасные поля блаженных в загробном мире на берегу реки Океан, куда по окончании бренной жизни попадают любимые богами герои.

[2] Имеется в виду стихотворение «Когда петух…», опубликованное в «Лирическом пантеоне» и в сборнике 1850 г., но из сборника 1856 г. исключенное Тургеневым. В издание Солдатенкова также не вошло.

[3] «Современная летопись» в 1863 г. — воскресное прибавление к «Московским ведомостям».

[4] Сбои в доставке первых номеров «Московские ведомостей» и еженедельного приложения к ним были вызваны сменой фактического владельца газеты. С 1 января 1863 г. это принадлежащее Московскому университету издание вместе с типографией перешло в руки частных арендаторов — М. Н. Каткова и П. М Леонтьева. В заметке, открывающей № 1 «Современной летописи» за 1863 г., редакция выражала надежду на снисходительность своих читателей и объясняла различные недоразумения хаосом, неизбежным при переходе от старого порядка к новому.

[5] Имеется в виду восстание в Царстве Польском, начавшееся в январе 1863 г. «Московские ведомости», которые читал Борисов, впервые сообщили о появлении в Польше шаек вооруженных мятежников в особом дополнении к № 10 от 13 января и с тех пор ежедневно и подробно освещали польские события. Сообщалось о жестоких убийствах русских солдат, о бегстве из провинции лояльных правительству помещиков, о разрушении мятежниками железных дорог и мостов, о грабежах и нападениях на путешественников. Так, в корреспонденции из Варшавы от 12 января говорилось: «Революционная партия решилась произвести варфоломеевскую резню в ночь с 10 (22) на 11 (23) января. В полночь, одновременно, были произведены во всех губерниях нападения на разные города и военные отряды, размещенные в деревнях и местечках. Нападая врасплох на спящих солдат, бунтовщики резали их в постели. В деревне, около Седлеца, где солдаты мужественно защищались в занимаемом ими доме, мятежники произвели в доме пожар и сожгли живыми храбрых защитников. Эти свирепства были повсюду тотчас же подавлены войсками, которые нанесли весьма значительный урон бунтовщикам, отраженным на всех пунктах. Во всем Царстве объявлено осадное положение» (*МВед*. 1863. 17 января. № 13. С. 2). 13 января, в своей речи перед офицерами л.-гв. Измайловского полка, Александр II объявил о потерях в войсках, которые, по первым сведениям, составили 30 человек убитыми.

[6] «Московские ведомости» много писали о поддержке, которую оказывали мятежникам католические священники.

[7] Как писали «Московские ведомости», некий Центральный революционный комитет «вознамерился воспользоваться рекрутским набором, объявленным в Польше, чтобы подать знак к общему восстанию. Для этой цели комитет издал зажигательную прокламацию, в которой всех поляков призывали к оружию, внушая им, что

тот, кто желает истинно служить „Богу и отечеству“, должен действовать огнем и мечом» (1863. № 16 от 20 января. С. 2).

[8] *Фабрика Бутенопов* — одно из старейших и крупнейших в Российской империи предприятий по производству земледельческих орудий и сельскохозяйственных машин. Открыта в 1830 г. в Москве первоначально как ремесленная мастерская, выпускавшая только ручные веялки. Находилась на Мясницкой улице. Ее основатели — поселившиеся в России датские подданные, братья Иоганн (р. 1803) и Николай (р. 1810) Бутенопы.

[9] В. А. Шеншин, мценский предводитель дворянства.

[10] *Зерцало* — эмблема законности в Российской империи. Увенчанная двуглавым орлом треугольная призма, с указами Петра I о строгом соблюдении правосудия. Ставилась на столы судебных и других государственных учреждений.

[11] Борисов имеет в виду хорошо знакомую Фету проблему: нередко наемные работники, получив задаток, уходили, не отработав положенного срока.

[12] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[13] Речь идете о верховой лошади, купленной Борисовым у П. Аф. Шеншина, которую должны были доставить с Грайворонки (см. п. 42 и 47).

[14] *Зыбины* — ближайшие соседи Борисова, помещики села Ядрино (Успенское), что находилось в трех верстах от Новоселок. И Фет, и Борисов знали Зыбиных с детства. Фет в своих мемуарах подробно описал семейство Зыбиных, их усадьбу, а также Ядринскую церковь, которую посещали Шеншины (*РГ.* С. 13, 23–24, 59–64). Кто из Зыбиных проживал в Ядрине в 1863 г. — неизвестно, но уже в следующем году там появился новый хозяин, некий Кулешов, который женился на владелице имения. Любопытные подробности этого события Борисов приводит в письме к Тургеневу от 1 октября 1864 г.: «Только в любовных романах прочтете, что произошло недели две, в двух верстах, именно в Зыбинской Ядрине. 16-летняя прелестная барышня и богатая невеста похищена из церкви или бежала сама с ним, еще дело нерешенное, — за ними погоня, всадники — крики „держи! держи!“, и беглецы благополучно умчались в карете, спаслись в церковь, заперлись и повенчались <…>, а потом бежали далее в Россию куда-то <…>. Похититель некто г. Кулешов» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 394–395). Рассказ Борисова подтверждают списки избирателей Мценского уезда, печатавшиеся в «Орловских губернских ведомостях», начиная с 1865 г.; помещиков Зыбиных там нет, зато числится Александра Николаевна Кулешова, жена поручика.

51

Борисов — Фету

8 февраля 1863 г. Из Новоселок в Степановку

Пятница, вечер.

Каково-то вы доехали,[1] а Наденька больна — простудилась, и зубы и голова — и плачет ручьями. Что будет завтра, не знаю. Любовь Афа-

насьевна тоже нездорова. Александр Никит<ич>[2] сегодня только возвратился во Мценск и завтра обещал к нам. Я знаю одно, что конца этим всем безумствам никогда не будет, один намек только на жизнь сколько-нибудь человеческую впереди меня приводит в ярость. — Ложь, ложь, ложь. — Рассчитываю так: чтобы в субботу хоть к вечеру к вам, чтоб поранее в понедельник в Орел.[3] Петруша,[4] наверное, прежде не явится. В Орле мне необходимо *два дни*. Может, он и подъедет. — У меня у самого голова окоченела. Пять суток почти не спал, и сна все нет, и какой-то страх ни на минуту не оставляет.

Если что помешает, то уведомлю, но авось.

Отдохни, голубчик, и справляйся сам скорей. Поцелуй ручки Марьи Петровной, будьте здоровы.

Твой И. Борисов.

Забытый пузырек лекарства перешлю с Л<юбовью> А<фанасьевной>, она в понед<ельник> сбира<ется> выехать.

На конверте: В *Орел*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
В Степановку.

Почтовые штемпели: Мценск, 9 фев<раля> 1863; Орел, 10 фев<раля> 1863.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 59–59 об.; конверт — л. 61.

[1] Феты выехали из Москвы около 4 февраля 1863 г. и по пути в Степановку на день остановились в Новоселках. Вспоминая встречу с Фетом, Борисов писал Тургеневу 19 февраля: «Но когда занес руки объять его, то испугался — передо мною стояла тень прежнего — восковое, прозрачное, бескровное тело — мутный взгляд. Тяжело и грустно мне стало, и целый день, что он пробыл на перепутье, мы провели в каком-то раздумье нерадостном» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 372).

[2] А. Н. Шеншин — муж Л. Аф. Шеншиной.

[3] Во вторник, 19 февраля, Борисов писал Тургеневу о Фете из орловской гостиницы: «Третьего дни я был у него в Степановке и слава богу нашел его почти молодцом, и ноги стали с подходцем, и голос ожил, и нос зарумянился <…>» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 372).

[4] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

52

Н. А. и И. П. Борисовы — Фету

22 или 23 февраля 1863 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

Суббота. 22 февр.[1] Новоселки.

Поздравляем тебя, друг Афоня, с днем твоего Ангела. Только когда стали считать, какое число для надписи, увидали, что уже 22-ое, о быстролетное время. — В Орле я оставил тебе на почте известие о Петруше.[2] Дома нашел, слава Богу, и Надю и Петьку лучшими, чем оставил. Но всё еще они хворы. В Орле набрал новую колонию трезвых. Человека (вылитый *Захар*[3] Тург<енева>), прачку и кучера. — Дома нашел прибывшего Феопента и предлагающ<его> свои услуги кому угодно. Одет порядочно. Говорит, что теперь совершен<но> исправился от всех дурачеств. Ты все желал *Беляка*,[4] если уже тебе нужен повар, то бери лучше Феопента — способности у него были замечательные, и при Михайле[5] он был бы отличным, но он год еще учился у хорошего повара Лепешкиных (и я 50 р<ублей> заплат<ил>), жаль, если чужие воспольз<уются>. — Не нужен тебе, то спроси Петрушу и Александра Никитича, а я его неделю продержу в Новоселках. Поцелуй ручки Марии Петровн<ы> за меня, поздравь ее за нас обоих с твоим тезоим<енитством>. Надя вас целует. Поклонитесь за нас Любовь Афанасьевне и Александру Никитичу — т. е. за меня, Надя сама пишет. Твой Иван Б.

Рукой Н. А. Борисовой:

Ты видишь, мы не забыли 22-е, поздравляю, Афоня, и тебя, и Marie, дай Бог вам обоим здоровья и всякого хорошего. Когда соберешься в Новоселки, поживи хоть денька три, а то, право, я разучусь, как тебя звать. Эти 60 верст сотворены, чтоб меня постоянно мучить. По возвращении от Любиньки я хворала, наконец, зубная боль меня[а] в постель сложила, и только 5 д<ней> или 4 дня, что я не болею. У нас опять перемена декорации, новые кучер etc.[б] Когда этому конец будет. Когда же души наши найдут себе таких, которые сотворены именно для того,

---

[а] *В автографе написано два раза.*

[б] и прочие (*лат.*).

чтоб служить нам прачкой, экономкой и так далее. Воображаю, как Любинька теперь хлопочет. Прощай, друг мой; целую вас крепко.

Преданная Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Надя все еще хворает, сегодня убедил ее снять с головы песцовые одеяла, а то так в них и млела. Петьке лучше. Дорога смерть, на шоссе скверно и с каждым часом хуже. По Зуше не езди — просовы,[6] но на Дрелинга[7] отличная дорога. Экипажи твои Шмаров получил и отправил, высылай за ними, а то будет плохо.[8] Дай ответ насчет повара. Нужен ли тебе, возьмет ли его Петруша или Любовь Афан<асьевна>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 62–63 об.

[1] 22 февраля 1863 г. была пятница, а не суббота.

[2] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[3] *Балашов Захар Федорович* — бывший крепостной и неизменный камердинер Тургенева.

[4] *Беляк Иван* — бывший крепостной из Новоселок, служил у Фетов поваром, когда они жили в Москве. См. примеч. 2 к п. 15: наст. публ. Ч. 1. С. 160. О Феопенте см. п. 72 и примеч. 3 к нему.

[5] *Михайла* — повар в Степановке, упоминается в мемуарах Фета (*МВ*. Ч. 1. С. 369).

[6] *Просов* — яма на проезжей дороге, образовавшаяся от таяния подснежного льда.

[7] *Дрейлинг Константин Иванович*, барон (1829–1900) — сосед Борисова, владелец расположенного в одной версте от Мценска на реке Зуше сельца Бородинка (*ОГ*. С. 164. № 3408). Был женат на Александре Владимировне Шеншиной (1824–1873).

[8] *Шмаров Иван Степанович* (ум. в 1865) — мценский купец. История с экипажами красочно описана Фетом в восьмой главе его статьи «Из деревни» (1863): «Два брата Ш<маро>вы, один в Москве, другой во Мценске, содержат постоялые дворы и подряжаются доставлять вещи через извозчиков туда и обратно. Нынешний год за неделю до отъезда из Москвы я отправил через московского Ш<маро>ва ко мценскому на свое имя два экипажа и вещи». Далее рассказывается, что прибыв во Мценск, Фет не нашел своих экипажей, зато узнал, что мценский Шмаров запил и оставлять у него экипажи опасно. Дождавшись конца масленицы, в чистый понедельник, т. е. 11 февраля, Фет послал в Мценск рабочих, которые вернулись через два дня ни с чем. «Там был извозчик из Москвы, так говорит: знать, не скоро ваши экипажи будут. Он видел у Ш<маро>ва на дворе: так зашитые в рогожах и стоят. Московский-то Ш<маро>в запил» (*Фет. ССиП*. Т. 4. С. 216).

53

Н. А. и И. П. Борисовы — Фету

7 апреля 1863 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

Воскресенье, 7-го.

У нас уже весна, друг Афоня, и у меня поясника болит от работ с лопатою.

Во Мценск проезду нет. На Ядринке мост разобран. Паром пойдет через неделю и будет на новом месте пониже Дрелинга. Вот еще кипа «Моск<овских> ведом<остей>». Когда же это они к тебе доходят. — Чрез вашего волостного[1] я отправил к тебе еще до Святой[2] «Вестн<ик>» № 1. Дошли ли? Об вас не было и слуху. Кроме журавлей никого не видал из вашей теплой сторонки, а журавли летели и кружились огромными стадами, и Федор по этому случаю говорит, что копны будут густые. С завтрашнего дня начинаем и мы пахать — у нас снегу давно нет, и обсохло совсем, так что плохо дело. — Ну хуже всего то, что весна открылась междоусобицей — новосельские вр<еменно>обязанные[3] успели вытоптать грязный луг наш и пустились по лесам — 32 лошади загнал и жду за них выкупа. Но посредника никак не дождусь,[4] обещал в четверг, а до четверга много неисправимых бед произойдет. Нанял копачей окапываться, смотрите, из Мценска правьте по *новой* дороге через лес, а то прямо в ров. Вчера к нам приехал Иван Александрович[5] — а то кроме отца Димитрия[6] с причтом никого и не видали. — Сегодня Наденька готовила сама обед — а потому я и не обедал, и голод воет, и чайку дожидаюсь. Здоровье ее ничего — только сбирается все к вам — а теперь нет ни дороги, ни лошадей. Отговариваю, как могу, а уж если очень, то Бог с ней, как хочет, так пусть и кувыркается. — Она сама хотела писать, но после стряпни что-то долго лежит — может, еще и напишет. — Петька, слава Богу, рисует и пляшет с своей аристократической немкой. Жеребят Бог дал уже трех, и Бонка дала жеребчика от Ашонка — прехорошень<кого>. Достали коровницу, отличную женщин<у>, и так Наденька полюбила это заведение, что по два, по три раза туда направляется. — Вальдшнепов не видать еще, а кроты много наделали бед, но всё не то, что единственный заяц, он ракалия, *все* до единого обгрыз прививки. Когда-то дождемся мы вас, верно, не прежде мая, о еще долго ждать остается, а время-то летит, и кубарем не поспеваешь за ним. Заготовил *флоры* неисчислимое множество, так что и

места не хватает на всех клумбах — последн<ий> раз забавляюсь этим, отцвету и баста. Марье Петровне нижайше и ручки ее целую. Поскорей бы отсевался ты, да на каникулы к нам. Обнимаю крепко. Твой И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезный друг Афоня. У меня 5 телят, и все красные, и все прекрасные — приезжай вз<г>лянуть на них. Я теперь сплю и ем на скотном дворе и гулять хожу на конный двор, и как я только показываюсь на вольный воздух, так уже кучер стоит в воротах и ждет. Жеребята выше *всякой* похвалы, их три и Бонкин не последний. Когда ты сядешь в свою коляску, обещаю тебе не давать никаких комиссий. Поцелуй Marie. Кланяюсь тебе низко.

Сестра твоя Н. Борисова.

Печатается по подлинникам: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 64–65 об.; № 20271. Л. 26.

[1] *Волостной,* волостной старшина — выборное старшее лицо волости, административной единицы крестьянского самоуправления.

[2] Т. е. до пасхального воскресенья, которое пришлось на 31 марта.

[3] *Временнообязанными* именовались бывшие крепостные крестьяне, не заключившие еще с помещиком договора о выкупе своих наделов. См. примеч. 6 к п. 30: наст. публ. Ч. 1. С. 202.

[4] Борисов, как и многие помещики, был недоволен деятельностью Н. Н. Шеншина, служившего тогда посредником первого мирового участка. См. примеч. 7 к п. 54.

[5] Возможно, подразумевается И. А. Розанов, см. о нем примеч. 10 к п. 38.

[6] *Отец Димитрий* — священник Успенской церкви села Ядрина Дмитрий Руденский, крестивший в свое время сына Борисовых. См. примеч. 9 к п. 33: наст. публ. Ч. 1. С. 207.

54

Н. А. и И. П. Борисовы — Фету

19–20 апреля 1863 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

19 апр. 63. Новоселки.

Посылаю вчера полученное от Ивана Сергеевича послание,[1] вот он и застрял, может война[2] скорей его доставит, чем тетереви.

У нас с овсами уже отсеялись и озими превосходные — вымочек[3] почти нет, про пшеницы еще ничего нельзя сказать — земля разделывалась превосходно, но уже сухо стало, просим дождичка, присылайте, все благости с юга.

Да, друг Афоня, подлецы поляцы, нет, не они, а западники, и война, кажется, неминуема.[4] Т. е. *все* будут ободрительный нейтралитет, а француз сядет на корабли, свои и наемные, заедет к шведу и оттуда выскочит на берег, где пожелает, и, увы, мы не в силах будем его спихнуть — *нет флота*, войска же бегать по берегу не успеют за флотом. Кроме того, он вылезет и в ту же минуту крепость готовую поставит и будет в ней сидеть и нас разорять — а чуть ему плохо — сел и на корабли, и Польшу будет поддерживать, и шведа воспламенит, и ничего, значит, не поделаешь — дело дрянь будет. А зимним делом чтоб чего не случилось с Кронштадтом, пока он будет во льдах, военные средствия очень изменились, за 7 верст все легко можно поджечь. Но уж я тебе не могу вскричать: это ты поджег! Нет, во всем виновато мнимое наше могущество, т. е. панславянство с удалью *Сени* ветеринара. Если ты пустишься за Дунай,[5] заезжай по дороге за мной, сяду на Кубанца, а Кавказского возьмем под вьюк, и прощайте, Марья Петровна и Надежда Афанасьевна. Только уж Петьку с нами — он ни за что не хочет оставаться и пустится на своем жеребенке. Но, оставя шутки, дело дрянь. Только по всем для всех трудностям все-таки война — дело невероятное.

А вот у нас сегодня произошла свадьба. Меня пригласили благосло<вить>, а образа нет, но в Фатьяновой, вспомнил, целый сундук, и действит<ельно> нашел. — Надо в Орел за девушкой, за калетовскими свечами[6] и макаронам<и> посылать. — Однако прощайте, ждем вас нетерпеливо. С 1-го мая Надя пьет воды. Влад<имира> Алекс<андровича> все еще нет. Ближняя Волкова вам кланяется. Трудно оставаться в порядочных отношениях с Николаем Никитичем, пока он посредник,[7] так вот и думаю, что прекращу все дипломатические сношения с его правительством.

Целую ручки Марьи Петровной, Надя авось сама нацарапает — я же смерть устал, только что вернул<ся> из Фатьяновой, ездил на Кубанце.

Будь здрав — пей воду и приезжай скорей к нам.

И. Борисов.

Твои газеты все еще получаю во Мценске.

Рукой Н. А. Борисовой на отдельном листе:

Любезный друг Афоня! Можно ли до такой степени предаваться Степановке, чтобы забыть весь остальной мир Божий, да еще убежда-

ешь, чтоб к тебе не ездили, так что же, нужно из-за щелки на твои хлопоты смотреть, эх. Какой ты нехороший, как же тебя не поцарапать за это. — Нельзя. Ты знаешь, что ты для меня магнит, Бог вложил в тебя чего-то, что меня тянет — невмочь мне преодолеть этого.

Мои занятия теперь какого рода. Поутру до кофея к телятам, потом с Петрушей, который танцует, рисует, пишет и читает. После окапываю деревья, чищу дорожки и уже уставшая берусь за чтение. Сейчас после обеда опять к телятам — погуляю и с сумерками в дом. Вечером газеты. Слава Богу, что твоим глазам лучше, а то большей беды быть не может, как лишение[a] зрения. Хуже этого редко что бывает. Дай Бог, чтоб тебя такое несчастие не постигало. Я отчасти испытала страх за свои глаза и не умею сказать, как безотрадны были те минуты, в которые я себя представляла в будущем без глаз. Это хуже крепостной зависимости.

Твоя статья нашла отголосок на Амуре;[8] и я встречаю как подарок всякое сочувствие к А. Фету. «Поликушка»[9] — толстовское детище и потому уже не дурно, он занимается анатомией и любимые его пороки — происходящие от одеревенелости. Он и смакует это, и приглашает всех на этот пир. Но не имеющие сильного воображения попадают под тягостное впечатление. В 12-й книге «Ясной Поляны» он решительно объявляет себя инноватором, отрицает прогресс.[10] Видит ли он ясно или нет — неизвестно, но неужели другие бредят. Это печально. Ясная Поляна представляется мне уже далеко не лучезарной, уже скорей идти в Иудею, чем ко Льву Николаевичу.

Не знаю, надолго ли, но телята меня теперь мучают, я б хотела, чтоб из них вышли чудеса. При мне поят молоком, а с теплыми днями начнется подножный корм на гумне, и все до одного живы до сих пор.

Завтра уезжают молодые, и я жду деву из Орла. С горестью провожаю Полиньку; хотя постоянно ей твердила, чтоб она скорей замуж шла.

Прощай, будь здоров, поцелуй за меня крепко Marie и скажи ей, что нетерпеливо жду с ней свидеться.

Сестра твоя
Н. Борисова.

20 апреля
1863.

На обороте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу *Фету.*

---

[a] *Далее зачеркнуто*: глаз

23

Любезный другъ Аоюня! Можно ли
до такой степени предаваться
Степановкѣ чтобы забыть весь остальной міръ Божій да еще утверждаешь
чтобъ къ тебѣ не ѣздили такъ
что-де нужно ихъ за щелчки на
твои кнопы ты смотрѣть ехъ
Какой ты нехорошій какъ-де
тебя не поцарапала да это.—
Несбудь. Ты знаешь что ты для
меня магнитъ Богъ вложилъ
въ тебя чего то что меня [illegible]
нѣтъ не въ мочь мнѣ преодолѣть
этого.
Мои занятія теперь какаго рода
поутру до кофея къ тятенькѣ
потомъ съ Петрушей который
танцуетъ — рисуетъ, пишетъ

Письмо Н. А. Борисовой к Фету от 20 апреля 1863 г. Первая страница (*ИРЛИ*)

Печатается по подлинникам: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 66–67 об.; № 20271. Л. 23–24 об.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Маричева Л. М.* Письма Н. А. Борисовой (Шеншиной) к А. А. Фету и его жене М. П. Фет // *Фетовские чтения (1990)*. С. 173–174.

[1] Письмо Тургенева от 7 (19) апреля 1863 г., обращенное к Борисову и Фету, было отправлено в Новоселки с просьбой переслать его в Степановку (*Тургенев. Письма*. Т. 5. С. 166–167).

[2] Борисов имеет в виду фразу из письма Тургенева: «Здесь все готовятся к войне» (*Тургенев. Письма*. Т. 5. С. 167). Французское общество и печать сочувствовали полякам и требовали военной интервенции в Россию.

[3] *Вымочка* посевов случается при изобилии снега и быстром его таянии, когда образующаяся в большом количестве вода, не находя стока на ровной местности, застаивается в углублениях почвы долгое время и находящиеся там озимые всходы погибают — «вымокают».

[4] События в Польше послужили поводом для давления на Россию со стороны западных держав. 26 февраля 1863 г. князь А. М. Горчаков получил депешу британского кабинета, требующую восстановить польскую конституцию 1815 г. Он ответил «дружественным» отказом. В свою очередь и Наполеон III добивался от России уступок, которые удовлетворили бы поляков, и грозил разрывом отношений. 5 апреля 1863 г. послы Англии, Франции и Австрии передали Горчакову депеши своих правительств с требованием прекратить войну в Польше. Ответные депеши Горчакова подтвердили желание России закрепить за Царством Польским автономию и водворить в крае мир, но не иначе, как путем полного подавления мятежа.

[5] Фет был готов вернуться на военную службу в связи с польскими событиями. Так, 6 мая 1863 г. он писал Толстому: «Но самый мерзкий червяк, гложущий меня *червяк*, есть поляк. Готов хоть сию минуту тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица. Это все противоестественные системы уступок» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 366).

[6] *Калетовскими* назывались стеариновые свечи, изготовленные фабрикой Колета в Туле.

[7] Сосед Борисова Н. Н. Шеншин служил посредником первого мирового участка в 1861–1864 гг., затем его сменил А. В. Шереметев, утвержденный в этой должности указом Правительствующего Сената от 11 декабря 1864 г. Однако, по видимому, еще раньше границы мировых участков Мценского уезда были изменены, и Чахинская волость, включавшая в себя Новоселки и Фатьяново, перешла из первого участка во второй, попав в зону ответственности посредника А. А. Тимирязева (см. о нем примеч. 4 к п. 42).

[8] Имеются в виду «Заметки о вольнонаемном труде на Амуре», с подписью «Амурский хлебопашец», опубликованные в «Русском вестнике» (1863. № 2. С. 889–922). Само это название отсылает к «Заметкам о вольнонаемном труде» Фета, и оттуда же взят эпиграф к статье «Амурского хлебопашца»: «„Если мой читатель еще менее меня опытен в земледелии, то я порадуюсь возможности быть ему хотя сколько-нибудь полезным, крикнув впотьмах: тут яма, держи правей, я уже в ней побы-

ПРОГРЕССЪ И ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ.

(Отвѣтъ Г-ну Маркову. Русскій Вѣстникъ 1862 г., № 5).

Главные пункты разногласія г. Маркова съ нашимъ взглядомъ на образованіе формулированы слѣдующимъ образомъ: «1. Мы признаемъ *право* одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другаго. 2. Мы признаемъ *право* высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. 3. Мы не согласны съ яснополянскихъ опредѣленіемъ образованія. 4. Думаемъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. 5. Думаемъ, что современныя школы гораздо ближе отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ, чѣмъ средневѣковыя. 6. Считаемъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ. 7. Думаемъ, что полная свобода воспитанія, какъ ее понимаетъ графъ Толстой, вредна и невозможна. 8. Думаемъ, наконецъ, что устройство яснополянской школы противорѣчитъ убѣжденіямъ редактора *Ясной Поляны*.»

(Рус. Вѣст. 1862 г. № 5 стр. 186).

Прежде, чѣмъ отвѣчать на каждый изъ этихъ пунктовъ, мы попытаемся отыскать основную причину разногласія нашего взгляда съ взглядомъ г. Маркова, возбудившимъ общее сочувствіе, какъ педагогической, такъ и непедагогической публики.

Статья Л. Н. Толстого в декабрьском номере «Ясной поляны» за 1862 г. Первая страница

вал; а если он сам дока, то ему и книги в руки. И я с особенною радостию и жадностию стану слушать его советы“. Фет».

[9] Опубликована в «Русском вестнике» (1863. № 2. С. 889).

[10] Ценз. разрешение декабрьского номера «Ясной Поляны» — 22 марта 1863 г. Большую часть журнала занимает статья Толстого «Прогресс и определение образования (Ответ г-ну Маркову. Русский вестник. 1862 г., № 5)».

55

Н. А. и И. П. Борисовы — Фету

30 мая 1863 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

30 мая. Новоселки.

Любезный друг Афоня.

Вчера отыскались рессоры Петрушины,[1] где они странствовали, еще не знаю, но только они вновь прибыли к Шмарову, и он доставил ко мне. Я же сам сбираюсь к Петруше на Гравронку с Ив<аном> Петр<овичем> Новосильцовым, и недельки через две запутешествуем, хотелось бы только дождаться тебя,[2] может и ты с нами покувыркался и свои дела подогнал бы.

У нас все обстоит исправно — нового ничего нет. Был град, но ни у вас, ни у нас не тронул. Погода исправилась.

За Надю тебя целую и за Петьку тоже — променялись мы с Любовь Афан<асьевной> немками, и я увидел наконец отдых.

Обнимаю тебя крепко.

Твой И. Борисов.

Сегодня встал в 3 часа 17-ть мин<ут>.

Рукой Н. А. Борисовой:

Не прошу тебя заезжать, если это может мешать тебе, но вот-вот так и кажется, что в лесу колокольчик именно твой звенит. Весело, я думаю, в Москве с подьячими возиться,[3] если будешь совершенно свободен, заезжай, голубчик Афоня. Теперь прощай, пью воды и должна бежать гулять.

30 мая.

Н. Борисова.

Привези мне, сделай милость, 2 п<ары> перчаток 6¾ серого и коричневого цвета и Петруше пояс <с> золотом на пряжке. Деньги, увы, при свидании отдам. Если можно, купи, что прошу, а нельзя — мы сердиться не будем.

На конверте: В *Москву*. На Маросейке,
в дом сыновей Петра Боткина.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьев<ичу> Фет.

Почтовый штемпель: Мценск, 30 мая 1863.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 69–70; конверт — № 20271. Л. 25.

[1] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[2] Фет выехал в Москву по делам (см. примеч. 3 к наст. письму) 16 мая и пробыл там около двух недель. Заезжал ли он на обратном пути к Борисовым, неизвестно.

[3] В 1863 г. П. Аф. Шеншин уступил Фету, в счет старого долга, свою мельницу на реке Тим. Однако вместе с тимским имением новому владельцу достался затяжной процесс, который вынудил его ехать в Москву. О пребывании Фета в Москве в мае 1863 г. см.: *МВ*. Ч. 1. С. 426–430.

56

Борисов — Фету

3 июня 1863 г. Из Новоселок в Степановку

3.

Не подумай, что пишу тебе, друг мой Афоня, сам безумным, но это невыносимо, уже третий день мучаюсь с Наденькой. Она с каждым днем теряет рассудок. Началось с того, что представ<ила> себе, что я влюблен в Авдотью Ивановну[1] — сначала только болтала и, как мне казалось, что она шутит. Заметив в ней уже что-то особенное, я наконец убедился, что это пункт. Она стала уходить и держится одиночества, когда же с нами, то мне прямо говорит, что *все* видит, и к Авдотье Ив<ановне> обращается пока только с разными шпильками, но та, кажется, еще и не догадывается, в чем суть. Но беда, что с этим же Наденька и к Пете. В настоящее время у нее должны быть регулы, а их нет,

но от этого не легче. Вчера к нам наехали Тургеневы и Шеншины, и она себя как будто переломила. Но зато сегодня с утра фурорит. Хочет ехать в Ивановское, одну пустить — невозможно, самому ее везти в настоящую минуту в холод и при ее состоянии не могу, да, наконец, и в таком состоянии везти к ним тоже черт знает что такое. Гвалт и гвалт.

На Гравронку нечего думать. Но если бы ты мог, Афоня, приехать сам, то я бы или отправил к тебе Петрушу или ее, словом, придумали бы, что делать.

12 часов.

Ради самого Бога, приезжай, Афоня, — хоть возьмешь Петрушу.[2] Она больна.

И. Борисов.

Лошадей высылаю на подставу[3] к Федоту[4] — тройку.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 71–72 об.

Датируется на основании письма Борисова к Тургеневу от 10 июля 1863 г., написанного через месяц после возвращения Борисова из Москвы (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 378).

[1] Речь идет о гувернантке Пети Борисова.

[2] Фет выполнил просьбу Борисова и увез Петю в Степановку. О последнем его свидании с сестрой в Новоселках см.: *МВ*. Ч. 1. С. 434–435. То, что происходило после отъезда Фета, Борисов описал Тургеневу в письме от 10 июля 1863 г.: «Снова несчастная болезнь одолела жену — надо было нам ехать в Москву к докторам. На этот раз болезненные припадки приходят так внезапно вслед за полнейшим здравым умом и сменяются так же быстро полным затмением, и снова одолевает разум, и память сохраняет всё с мельчайшими подробностями. <…> Страшно становилось, когда, выслушав ее убеждения, я впадал в сомнение, что везу такого же здорового человека, как я сам, и везу как больного. Даже доктора не вдруг сняли с меня этот страх, так трудно было им открыть болезнь в ней. А между тем, она сама умоляла везти ее лечиться и, отстаивая себя перед докторами, после сама же убеждала их, что больна. Но Саблер подает надежду на ее выздоровление — и выздоровление прочное, только для этого нужно продолжительное леченье на руках опытного медика, и поэтому ведет переписку с доктором Риле в Копштадте в Вюртемберге, куда и надеемся перевезти ее в сентябре» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 378).

[3] На подставу — на смену.

[4] *Федот* — вольный ямщик, содержатель постоялого двора, находившегося в середине пути из Степановки во Мценск. По дороге в Новоселки Феты обычно останавливались у Федота, чтобы покормить лошадей (*МВ*. Ч. 2. С. 72).

57

Борисов — Фету

2 сентября 1863 г. Из Новоселок в Степановку

Любезный друг Афоня.

Прочти прилагаемые письма Василия Федоровича.[1] У меня нет сил говорить, как они одно за другим прочитывались.

Первое из них я получил, только что вернувшись из Ивановского, а второе сегодня, в понедельник. На первое отвечал Вас<илию> Фед<оровичу>, что ты будешь у него 7-го[2] и, если есть какая возможность, все уладишь для поездки. — Теперь нечего об этом и думать.[3]

Завтра я посылаю письмо Василию Федоровичу и прошу его о помещении ее в больницу. Прошение перешлю к нему же. Но если оно будет *не по форме*, то прошу тебя, узнав от него, куда и кому, прошение написать и подписать за меня.

Ради Бога, какие возможно там для нее улучшения в содержании, о чем пишет Василий Федорович, ты уладь и утверди.[4]

Спасибо, голубчик, за твою готовность в переводе денег. Теперь эта поспешность не нужна, а для расходов на перемещение Нади от Ивана Федорова получи 150 р<ублей> — из них 10 получи моего долга за вино.

Сегодня я отправил вещи Нади к Вас<илию> Федор<овичу> — еще не получал его последн<его> письма — те же, которые у тебя, оставь у Марьи Петровной, что ж их развозить.

Поцелуй ручки Марьи Петро<вны>.

Обнимаю тебя, твой

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 73–74.

Датируется по содержанию.

[1] *Саблер Василий Федорович* (1797–1877) — доктор медицины, главный врач московской Преображенской психиатрической больницы (1832–1871). Лечил сестру Фета с 1857 г., когда в ней впервые проявилась душевная болезнь. Куда именно поместили Борисову в июне 1863 г., не совсем ясно. Известно, что первое время она находилась не в больнице, а «во флигеле» у Саблера (см. п. 58), который рекомендовал везти ее на лечение в Вюртемберг (см. примеч. 2 к п. 56).

[2] В Московском сенате должны были рассматривать дело о тимской мельнице, в связи с чем Фет собирался в начале сентября ехать в Москву.

[3] По прочтении письма Борисова, Фет писал В. П. Боткину 3 сентября 1863 г.: «Dr Саблер уведомил, что болезнь Надежды Аф<анасьевны> Борисовой усилилась до того, что ее за границу отправлять нельзя» (*Фет/Боткин*. С. 349).

[4] Настоящее письмо Фет получил 3 сентября в Орле, где готовил оформление купчей на тимское имение. Получив в то же время письмо адвоката Дмитриева, извещавшего, что рассмотрение дела в сенате отложено, Фет отменил поездку в Москву (см. его письмо к В. П. Боткину от 3 сентября 1863 г.: *Фет/Боткин*. С. 348).

58

Борисов — Фету

16 сентября 1863 г. Из Новоселок в Степановку

16 сент. 63. Новоселки.

И писать бы нечего, милый друг Афоня, так отвратительно идет жизнь. — Получил еще от Василия Федоровича[1] — хорошего ничего не предвидится. В больницу помещать он отдумал, советует к м<ада>м Беккер, которая и согласна. А может, еще оставит и у себя во флигеле, о чем я его просил, если это найдет полезным и возможным по денежным расчетам. Ради Бога, друг мой, напиши, когда сам все увидишь в Москве, как там кончат.

С Петрушей ты, верно, уже привел к окончанию.[2] Хоть бы это тебя успокоило, а то в самом деле конца не было чепухе.

Поцелуй ручки Марьи Петровной. — Петька теперь оправляется, а то было хворал, я же все в одном состоянии лихорадочном и в постоянном раздражении, и противном, и мучительном.

Неужели вы и из Москвы не заедете к нам, что прощались *до лета*.

Обнимаю тебя крепко-крепко.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 77–77 об.

[1] Имеется в виду В. Ф. Саблер (см. о нем примеч. 1 к п. 57).

[2] Речь идет о завершении процедуры по передаче Фету тимского имения П. Аф. Шеншина. Согласно газетной публикации, купчая крепость на водяную крупчатую мельницу и 120 десятин земли в деревне Слободке Ливенского уезда была совершена в Орловской палате гражданского суда 12 сентября 1863 г. (*Орл. губ. вед*. 1866. 17 сентября. № 38. С. 386), однако в письме к В. П. Боткину, датированном 14 сентября, Фет утверждает, что получил купчую «вчера» вечером (*Фет/Боткин*. С. 352). Возможно, в действительности письмо к Боткину было написано 13 сентября.

59

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

15 октября 1863 г. Из Новоселок в Москву

15 сент.[1] 63. *Новоселки.*

Милый, добрый друг Афоня — третьего дни, ночью почти, пробираясь полями прямо из Кром в Ивановское, я нарочно забрал вправо, чтобы поближе пройти Степановку и *авось* каким огоньком-чутьем угадать, что вы, дома или нет уже вас.[2] Но все было покрыто мраком — только расслышал голос Мужика, верно, он причуял чужих собак, и вся ваша псовая стража подняла там тревогу.[3]

Петьку нашел, слава Богу, здравым, и он говорить не мог от радости, а только прыгал на меня. Завтра отсюда отправляюсь за ним и зазимую, укупорившись, дома — а зима уже щипнула за нос, третий день мороз не отходит, и напорошило немножко снегу, но так только посорило слегка. В полях, на зеленях, местами густых как газон, а местами черных как пашня, везде-везде, даже по высохшим болотам, несметное сонмище мышей, вся земля источена норами, так что на выгонах лошадь всаживала копыты в их подкопы, примета скверная — а цены всё падают, и покупателей окончательно нет, что-то будет? Охота наша кончилась после разных дней отчаяния и счастья недурно. Зайцев было мало, лисиц — не помню верно, но всего более 20-и, а волков — 9 молодых и 1 старый, это недурно пока. Вальдшнепы все еще попадались, и если бы ты был с нами, то не ходил бы с пустым ягдташем.

Дома нашел я письмо от Ивана Сергеевича.[4] Он здравствует и благоденствует в Бадене. Охотится великолепно. В конце ноября является в С<анкт>-П<етер>бург и оттуда в Москву, на свидание с *милым Фетушкой*. Вот, стало быть, ты наверное его узришь. Написал он и отослал Анненкову[5] *фантастическую повесть*,[6] но в печать еще не решил отдавать до его прибытия.

Теперь, друг мой, буду ждать с нетерпением от тебя вести, как ты найдешь положение Нади, что скажет тебе Василий Федорович. Первые его письма сделали на меня *безнадежное* впечатление, но последнее как будто подает надежду на ее выздоровление. Говорить определитель<но> с верою в то, что будет, я уже несокрушимо убежден — нечего — этого они не могут сказать; но *погадай* с ним, и что можно будет сделать впереди для ее избавления хотя с малейшей надеждой на спасение. Может, и наши средства позволят, только нужно заранее к этому готовиться и испытать все возможное. Я до сих пор не могу

здраво обдумать все возможные исходы из этого землетрясения, в каком постоянно живем. А надо устроить хотя маленький покойный угол для Пети — скоро он более будет понимать и его страшное положение. Случайно я узнал об одном швейцарце, которого мне очень расхвалили, и теперь делаю об нем подробные справки. Если будет действительно то, чего желалось бы, то улажусь с ним, но если не удастся, то, голубчик Афоня, буду тебя умолять найти такого в Москве, но об этом подробно потолкуем, а теперь прошу твоего *слова* об Наде.

Целую ручки Ваши, милая Марья Петровна, и радуюсь за Вас, что Вы в Москве и в родном гнезде. Напишите, ради Бога, и Вы, что узнаете об Наде.[a] Не нужно ли чего выслать отсюда для нее. Баул же с ее вещами, отправленный в сент<ябре, пожалуйста, поместите в безопасное хранилище — может, что ей понадобится — лучше оставаться ему в Москве. — *Всем* добрым Вашим родным за меня прошу искренно поклониться. Петька и Вас и дядю Афоню целует, рассказывал мне, как ездил Вас провожать и спал на Вашей постели, хотел плакать, да дядя *близко прививки сажал* и под терраской у Вас старик сердится. Когда-то дождемся Вас — грешно Вам будет, если на возвратном пути минуете Новоселки. А я все буду ждать.

Обнимаю тебя, Афоня, крепко, пиши, голубчик — без вести от всех близких как-то еще грустней становится невеселая жизнь.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 75–76 об.
Датируется по содержанию.

[1] Описка Борисова.

[2] В 1863 г. Феты прибыли в Москву, по всей вероятности, 11 октября (см.: *Фет/Боткин*. С. 352. Примеч. 13).

[3] Ср. с письмом Борисова к Тургеневу от 28 октября 1863 г.: «Возвращаясь из отъезда, я не застал уже их (Фетов. — *И. К.*) в Степановке и ночью верхом проехал мимо их домика. Там и огонька не мелькнуло — только *Мужик*, его цепная собака, со своими потомками, верно причуяв чужих, неистово заливались и завывали разными голосами (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 383).

[4] Это письмо Тургенева неизвестно.

[5] *Анненков Павел Васильевич* (1812–1887) — литературный критик, первый научный биограф и издатель сочинений Пушкина; друг Тургенева.

[6] Речь идет о повести «Призраки», названной в подзаголовке «Фантазией». Эпиграфом к ней взяты две строки из стихотворения Фета «Мы одни; из сада в стекла окон…», которое в сборник 1856 г. вошло под заглавием «Фантазия».

---

[a] *Далее зачеркнуто*: И воз

60

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

30 декабря 1863 г. Из Новоселок в Москву

30 дек. 63. *Новоселки*.

С Новым годом поздравляю, милый друг Афоня и милая Марья Петровна. Слава Богу, последнее письмо ваше меня много поуспокоило — что вы хоть немножко посправились и вышли из лазарета.[1] Радуюсь, что гроза прошла благополучно и над Сергеем Петровичем,[2] вполне мне знакомо чувство страха за человека любимого. Как бы Курноска не появлялась, она всегда получает не одну жертву свою. — То же самое, что как будто видишь дымок, грохнул выстрел, провизжало ядро — слава Богу, никого, и эти мгновения иногда долго тянутся. — 24 наконец к нам приехали ивановские,[3] и 25 можно уже было зажигать елку и прочие сочинения праздника. Но, Боже мой, Боже мой, в каком отчаянном они положении. Ты знаешь, что в Опекунск<ий> совет[4] не платили 3 г<ода> и теперь в январе грозит мат, т. е. продажа с аукциона. Поэтому можешь себе представить, какие у нас происходят теперь снотолкования. Точно как будто мы вот на площади в Варшаве, и все готово для казни *Тараса Бульбы*, и, помнишь, как там один растолковывает девушке, как это будут его казнить.[5] Так вот и я слушаю все подробности, что будет, как будто об этом нужно *говорить*. Бесплодные толки вести и не вести процесс с Шпикарскими, т. е. голову свою отдать на плаху, только бы переменить разговоры — и взяться за дело. — Вчера Люб<овь> Афан<асьевна> ездила в Дальнюю Волкову,[6] там был и Алекс<андр> Ник<итич>. Ну а как в Дальн<ей> Волковой бед и несчастий еще более, чем в Иванов<ском>, то и произошло *сосредоточие*, и Бог не без милости, может спасутся, так, по крайней мере, я полагаю. *ИБО*: сегодня они поехали к богату человеку Андрею Массониусу,[7] который уже успел продать Добрую Воду[8] Шарапову, так вот на эти капиталы-то и повез Алекс<андр> Никитич Владимира Алекс<андровича>, чтобы порекомендовать. Я даже и не думаю, чтобы при сем он оставил себя без внимания — и на свою долю не занял, сколько нужно. Ну а как ты полагаешь — удастся или не удастся, подождем недолго, я тогда тебя уведомлю, чем кончится, теперь же я пишу только ради великого курьеза. Меня что мучает во всем этом: это упорное толкование. Слушаю, слушаю да и думаю: не я ли виноват во всем — и говорю себе: что за вздор, не я. Опять слушаю — денег нет, нужны же деньги, нам нужно и то, и то. Гувернер, садовник, кучер отходит, проценты в январе… Вот уж

какое-то сомнение: может, и я отчасти во всем этом как-нибудь повинен — опять слушаю, и в сотый раз спрашивают советов, чтобы тут же в сотый раз их прослушать, полуобидеться или сказать: да вам-то хорошо говорить и пр<очее>, пр<очее>. Помилуй мя Боже, помилуй — мя… и всю кротость — его! И-и-и это тоже жизнь хорошая. Пойте…

А между тем в Новоселках вот что происходит. Царь вызывает желающих переселяться на Кубань. После многих совещаний, кроме трех семей, новосельские все записались в переселенцы, и в мае, *говорят*, их двинут, и слава Богу за это, только не знаю, что сотворят с остальными и возвратят ли землю, или дадут за нее выкупную цену. Главное, во всем ничего верного нет, и я в полной неизвестности, что меня ожидает весной. Заводить заранее все средства для работ на *авось* — слишком нерасчетливо, не готовиться — тоже может быть очень плохо. Вот это для меня гораздо важней, чем для России, будет ли или не будет конгресс,[9] и кто же меня ставит в это положение — уж никак не я сам, не Польша, не Наполеон — должно быть, судьба такая. Как только узнаю положительно, что все это не пустое баламутство, то немедля напишу запросы в Губерн<ский> ком<итет>.

О Петруше[10] все нет слухов — авось и он подъедет. Снега стали перепадать, а то все была голь по полям, только бури бушуют и с полей сносит. От Красовского[11] получил письмо — всё то же, да чего и ждать лучшего — я этого и представить себе не могу. Теперь весь январь у меня пройдет в ожидании вас, и за это ожидание спасибо вам — в этом есть уже наслаждение, а там и увидимся, Бог даст — это будет мне праздник. Дай вам Бог здоровья да скорей улаживать дела, тогда будет и дышать-то легче, не то что все повеселеет. О перебирании из Новосел<ок> в Степановку не беспокойся, я вас в буде[12] предоставлю, теперь и рабочие кони ничего не делают, огурчиками смотрят. Напишешь — вышлю и во Мценск за вами. — Сам я все хвораю и сижу сурком дома, да и Петька что-то покашливает, беда без Симона,[13] плохо.

Будьте здравы и не забывайте любящего вас

И. Борисов<а>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 79–80 об.

[1] «Получил твое письмо, из которого неожиданно увидел, что ты совсем расхворался», — писал В. П. Боткин Фету 10 декабря 1863 г. (*Фет/Боткин*. С. 365).

[2] Речь идет о враче *Сергее Петровиче Боткине* (1832–1889). В ноябре — декабре 1862 г. он был опасно болен сыпным тифом, которым заразился в своей клинике. См. письма В. П. Боткина к Фетам от 30 ноября и 6–13 декабря 1863 г. (*Фет/Боткин*. С. 364–365).

[3] Имеются в виду Л. Аф. и А. Н. Шеншины, проживавшие в имении Ивановское.

[4] *Опекунский совет* — государственный орган, ведавший делами Воспитательного дома, а также состоящими при нем банковскими учреждениями.

[5] Имеется в виду глава XI повести Гоголя «Тарас Бульба», где описывается казнь не самого Тараса, а его сына Остапа.

[6] *Дальнее Волково* — имение Вл. А. Шеншина. См. примеч. 6 к п. 15: наст. публ. Ч. 1. С. 160–161.

[7] *Масониус Андрей Петрович* — отставной штабс-ротмистр, муж двоюродной сестры Фета Любови Ивановны (урожд. Шеншина; 1827 — до апреля 1863).

[8] *Добрая Вода* (Добрые Воды) — сельцо в 21 версте от Мценска (*ОГ.* С. 160. № 3335), имение дяди и крестного отца Фета, Ивана Неофитовича Шеншина, унаследованное его старшей дочерью Любовью.

[9] Англия и Франция требовали передать вопрос о будущем устройстве Царства Польского на рассмотрение международной конференции, что было прямым вмешательством в дела России.

[10] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[11] Очевидно, Борисова в конце концов была помещена в то же заведение *Василия Ивановича Красовского* на Басманной, в котором она уже лечилась раньше, в 1857 и в 1859–1860 гг.

[12] *Буда* — крытая повозка для путешествий.

[13] Лечивший Борисова гомеопат А. А. Симон умер в 1863 г.

61

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

19–20 января 1864 г. Из Новоселок в Москву

19 янв. 64.

Ну, милая, коленопреклоненно бью челом за дядьку Цымбалду, по телеграфу пустил бы тебе прошение: посылай его, чтобы не потерять как, но не знаю, можно ли будет и завтра отправить это письмо. Не можешь и вообразить, что над нами и кругом происходи<т>. С утра было –18 и маленький ветерок, и, как бы предчувствуя, что от тебя есть вести, я послал на почту — а третьего дни не было, посланный вернулся — уже начинал<ась> метель, к 3 часам она зашумела, а с 5 буквально гудит и ревет без умолку. Страшно подумать за тех, кто попался в поле, и, верно, не один окажется леденцом. Теперь час 11<минут>, и вдруг слышу дребезжанье по стеклу, подношу свечу и рассматриваю маленькую птичку, она просится на огонь и трепещется по стеклу… Только бы вам, поэтам, и нужны эти бури, а я люблю уж лучше тишину николаевского фронта: муха пролетит — слышно, и часы тик-так для меня шум лишний.

Жду тебя — съезжу на станцию, предварю смотрителя-либерала, чтобы везли тебя до *Зыбиной*[1] льдом, а там на гору — а 4-го[2] выеду сам, авось вас встречу и авось рекой проедем до дому. — Свои знают, а с чужим опасно. — Вот когда он является, может и ты застрянешь ради Ивана Сергеевича.[3] Глянет он на тебя раз — ты почувствуй! Глянет другой — ах! ты почувствуй! А как глянет умирающей газелью — ух, останешься. Дай Бог, только бы были здравы, это главное.

Скажи немцу, чтобы на станции во Мценске объявил смотрителю, что он едет к Борис<ову> в Новоселки, и он его отправит — я об этом уже потолкую.

Слава Богу, сегодня понедельн<ик>[4] — все утихло и –1° всего — вот так климат.

Милая Марья Петровна, целуем Ваши ручки с Петькой и ждем Вас.

Так спешу, чтоб пустить эту, что кубарем.

Обнимаю крепко-накрепко.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 81–82.

[1] Т. е. до имения Зыбиных при селе Ядрино, в трех верстах от Новоселок (см. примеч. 14 к п. 50).

[2] Феты собирались выехать из Москвы 2 февраля (см. ниже, примеч. 3).

[3] Тургенев находился в Петербурге с 4 января 1864 г. в связи с «делом 32-х». Видимо, Фет сообщил Борисову, что писатель будет в Москве не раньше, чем через месяц. Источником этих сведений было письмо В. П. Боткина от 12 января, в котором, среди прочего, сообщалось: «Узнавши, что вы остаетесь в Москве только <до> 2 февраля, Тургенев, кажется, хочет просить тебя приехать в Петербург» (*Фет/Боткин*. С. 368). После некоторого колебания Фет именно так и поступил.

[4] Борисов начал письмо 19 января, в воскресенье, и закончил 20-го, в понедельник.

62

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

26 января 1864 г. Из Новоселок в Москву

26 янв. 64.

Сегодня прочел в «Моск<овских> вед<омостях>» твое прощание с Дружининым.[1] В этом роде ничего лучшего не знаю. — Но, верно, в П<етер>бург попал ты не затем, а к живому Ивану Сергеевичу. Я уже и сам догадывался из твоего письма, что не уедешь из Москвы, не по-

Письмо И. П. Борисова к Фетам от 26 января 1864 г. Первая страница (*ИРЛИ*)

видавшись с спасским боярином и иных. О Боже! только бы эти поезды из Мекки в Медину не помешали тебе — <не> потерять изловленного Цымбалду! Я жду его нетерпеливо. Спеши! Спеши! Спе…ши!

Ездил уже навстречу во Мценск и оттуда в Ближнюю Волкову. Там нашел гурьбу Карповых.[2] Аркадия[3] опять везут за границу. Он очень болен.[4] Спрашивал у меня твой адрес в Москве, хотел непременно навестить. — На мой глаз, с ним сделалась перемена не в мясе, а в мозгу, как будто очищается. Боже! всех взгляд светлеет и светлей. Я же все мрачней и мрачней. Авось ты меня приободришь. И не знаю, друг мой, даже на что и надеяться хорошее впереди. Вот что-то от Красовского нет вести. От тебя я теперь не жду, разве застрянешь, а то перед выездами обыкнов<енно> начинается пляска св<ятого> Витта, и руки и ноги вывертываются, как у переплетчика Гранта, и в голову как будто всыпят пороху вместе с дробью, да два пыжа — и не стреляет, а черныши куропатки так и фыркают. Узелочки, посылочки, покупочки. Касса же в эти мгновения тает яко, како воск, и прогоны до Тулы по 4 к<опейки> с<еребром> да заставы, да водка, водка, водка до самых Новоселок. Спеши! Спеши!..

Милая Марья Петровна, напишите хоть Вы, пока Афоня разводит пары по Москве, когда Вас ждать[5] и чем Вас угощать. В Новоселках в настоящее время не Орловская, а какая-то Холмогорская губерния. Привозите уже не московские, а мценские новости. Мы с Петькой живем затворник<ами>.

Сегодня свадьба Мариян Влади<мировны>.[6] Mme Симон[7] тоже вот-вот и венчается с новым провизором в аптеке, а как оплакивала Алекс<андра> Андреевича. Но не хочу Вам всего рассказывать, поберегу до свидания, а теперь и за Петьку, и за себя целую Ваши ручки и поджидаем.

Афоня, милый, будь здрав и молодцом покажись. Обнимаю и целую крепко.

Твой Иван
Довгочхун.[8]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 83–84 об.

[1] Имеется в виду стихотворение Фета «На смерть Александра Васильевича Дружинина» (*МВед*. 1864. 23 января. № 18. С. 2); оно было публично прочитано автором 21 января во время поминок (*МВ*. Ч. 2. С. 6). С писателем, критиком и переводчиком А. В. Дружининым (1824–1864) Фет познакомился в декабре 1853 г. и с тех пор поддерживал добрые отношения (см. его письма к Дружинину 1856–1860 гг.,

опубликованные Н. Д. Покровской: Государственный литературный музей. Летописи. М., 1948. Кн. 9. С. 335–350). В Петербург Фет приехал ради встречи с Тургеневым и в тот же день узнал о смерти Дружинина, скончавшегося 19 января.

[2] *Карповы* — братья Николай (1818–1873), Аркадий (см. о нем примеч. 3 к наст. письму) и Сергей (р. 1830) Дмитриевичи. Замужние сестры Карповых: Елизавета Дмитриевна Шеншина, хозяйка Ближнего Волкова (см. о ней примеч. 8 к п. 38), и Наталья Дмитриевна Нилус (1826–1892), бывшая за помещиком сельца Золотарева Мценского уезда Александром Петровичем Нилусом. В конце 1861 г. все они участвовали в разделе наследственных имений: Болховского уезда — в сельце Вязовом, деревне Дичковой, селе Богородицком, сельце Каменке и селе Столбчем; Ливенского уезда — в сельце Медвежьем (*Орл. губ. вед*. 1862. 16 июня. № 24. С. 651). В мемуарах Фета упоминаются Аркадий Карпов и его брат Николай (под фамилией Каровых), а также сестра их Е. Д. Шеншина (*МВ*. Ч. 1. С. 3–4).

[3] *Аркадий Дмитриевич Карпов* (1824–1864) — отставной поручик, с 1861 г. член Губернского по крестьянским делам присутствия, по характеристике Фета, «губернский умница и передовой» (*МВ*. Ч. 1. С. 4).

[4] Осенью того же года Борисов сообщил о смерти Карпова в письме к Тургеневу от 1 октября: «А у нас в Орле Аркадий Карпов покончил жизнь — ужасно. Говорят, целый месяц *ежеминутно* провел в ожидании. Попы убеждали его умереть христианином, а барыня влекла в свой мир, а он все лежал неподвижно и куда переселился, один бог ведает» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 394).

[5] Феты вернулись из Москвы в начале февраля, заехав по пути в Новоселки. В письме к Тургеневу от 11 февраля 1864 г. Борисов писал: «Возвратился он, *враг*-то Ваш, молодцом, не таким, как в прошлом году. <…> Пробыли они недолго — не дал порядком отдохнуть и Марье Петровне, спешил в Степановку на новые подвиги фермера. Вы знаете, с какой любовью и как! враг Ваш умеет Вас представить. — Вот и я как будто побывал с Вами на погребении Дружинина» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 385).

[6] Дочь мценского предводителя дворянства В. А. Шеншина Марианна Владимировна (р. 1841) вышла замуж за Степана Степановича Соллогуба.

[7] Вдова А. А. Симона, умершего в 1863 г.

[8] *Иван Никифорович Довгочхун* — персонаж «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя.

63

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

24 февраля 1864 г. Из Новоселок в Степановку

24 фев. 64.

Спасибо, милый друг, за все, в особенности — <за> письмо, птиц и чаи — пробовал, и чувство хорошее, отлично. — За георгины, милая

Марья Петровна, нижайше кланяюсь, доехали благополучно и уже посадили. Часто досадую на Афоню, что он не уговорил Вас остаться с нами, пока у вас в Степановке кончилась бы стукотня,[1] и он бы являлся, урываясь между делами. А катанье ему полезно. В субботу начали масленицу, блины удивительные. Петька зарабатывает их большим мячом и выучился ловко играть, чтобы заслужить 1 блин, надо кряду 50 раз стукнуть, и он трудится на 4. — Вчера выводил его на воздух — был отличный день. Но сегодня опять мороз.

Отвечай, Афоня, поскорей, нужен ли тебе человек. Сегодня ко мне заходил. Молодой, небольшой рост. По-видимому, *порядочный*. — 4<ты>р<е> года прожил у Войта и, заболев сильно на ½ года, потерял место. Прежде был г. Караулова, зовут его Николай Филатов. *НЕПИЮЩИЙ* совсем. Жалованье просит 6. Я ему обещал дать твой ответ через две недели. А Александру Никитичу скажи, что я дал записку *одному* отправившемуся к нему наниматься в охотники, а вчера узнал об нем плохие дела, он жил у Сухотиных в Кочетах и оказался *художником*.

Ты пишешь, что Генерал[2] засунул какую-то запись и ее не оказалось. Спроси его, в чем суть — может, что нужное. Генералы любят уважение. Уважь его.

Немец наш, кажется, старик добрый, и, Бог даст, мы с ним уживемся — только не знаю, какие это он курит сигары, все мыши убежали сверху от него, вонь острая, едкая, а сосет он их с любовью до таких остатков . Спасибо тебе, голубчик, за Цымбалду. Авд<отью> Ив<ановну>[3] все еще не переместил, Свечин еще не возвратился.

Обнимаю тебя крепчайше и целую ручки Марьи Петровной.

Ваш И. Борисов.

На конверте: В Орел.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
В Степановку.

Почтовые штемпели: Мценск, 25 фев<раля> 1864; Орел, 26 фев<раля> 1864.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 85–86; конверт — л. 87.

[1] С февраля 1864 г. Фет был занят возведением двухэтажной пристройки к своему дому, которая предназначалась для В. П. Боткина. Последний впервые побывал в Степановке летом 1863 г. и собирался приезжать туда и впредь.

[2] Генерал — прозвище С. М. Сухотина (см. о нем примеч. 5 к п. 36).

[3] Авдотья Ивановна — гувернантка Пети Борисова.

64

Борисов — Фету

28 июня 1864 г. Из Новоселок в Степановку

28 июня 64. *Новоселки.*

Поздно, друг мой, дошло твое письмо,[1] я только 26 получил и узнал, что вы все кувыркнулись в такую даль из Степановки, да еще дальше, в край мало известный и непроходимый.[2] Ну где за вами угоняться, до изнеможения откувыркиваюсь дома, а все-таки выписываю тебе из «*Эпохи*», *№ 4* стихи Жака Полонского как лучшее, чем могу поделиться из Новоселок.

Все, что меня терзало — все давно
Великодушно прощено,
Иль равнодушно позабыто,
И если б сердце не было разбито,
Не ныло от усталости и ран, —
Я б думал: всё мечта, всё призрак, всё обман.
Надежды гибли, слезы высыхали —
Как бури страсти налетали
И разлетались как туман —
И ты, которая, даря меня мечтами,
Была отрадой для души больной,
Унесена — исчезла за горами,
Как облачко с поднявшейся росой…

О! друг Микобер!![3] и твое имя не устыдилось бы под сим.[4]

В этом же 4-м № есть его же «Разлад»,[5] вещь большая — недурная, но всё куда до этой маленькой. — А тоже хорошо.

Еще получил на днях от Ивана Сергеевича.[6] Он не только не будет, но еще любезнейше зовет к себе: с Петей приезжайте, да видно сам, чуя, что это премудрено, убеждает так: — сделайте, как Магомет с горой: она не пошла — он пошел. — В Карлсруэ он печатает полные свои сочинения, и идет очень хорошо. Значит, у него урожай зреет. Прислал свою карточку, настоящий он и есть.[7] Поклонитесь милейшему Фетищу и сообщите это письмецо. Я тоже в долгу перед ним.[8]

А я, мой милый, только и делаю, что нарушаю «отче наш… и остави нам долги наши…»:[9] излавливаю какие ни наиесть капиталы и страхую

их на почте — но все мало, еще бы найти. Невидимой силой ничего не далось. Сады изменили и здесь, и в Фатьяновой.

Петька, слова Богу, поправляется, но все к вечеру ослабевает и хочет спатки к 9-ти, ну точно ты, когда бываешь здоровяком.

Помилуй нас, Боже, всю эту неделю от дождей, сено косим, мало его хорошего, все заиленное, но все помилуй, а то будет гниловато-глиноватое. С каким бы удовольствием я к тебе на денек, но пока еще не могу. С Петей еще невозможно — и оставить его с стариком боюсь — к старику тоже нужно *бросить взор*, а то и он брыкни коль мог большаго пожелав,[10] стать им, понимаешь.

Марье Петровне нижайше и я и Попка,[11] авось к 22[12] взволдыримся в Степанов<ку> «на кожу», как говаривал твой друг капитан.[13] Ты же установ<ись> неподвижно и произноси: «Прȍшу», а потом не забудь отвавакать: «За честь!». Ты ведь любитель артикула и ученик и последователь старой новосельской школы приличия! Рука же поднимается с того света.

Довольно мне отдыхать с тобою — даю и тебе отдых.

Обнимаю и целую и подписуюсь:

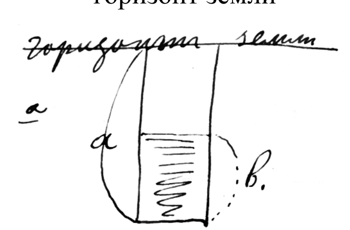
твой И. Борисов.

Какие в «Эпохе» Аполлон веет исповеди,[14] тебе будет очень-очень. Отца обрисовывает своего — любил, говорит, *АСАНДАН*.[15] — Ну, разумеется, и жизнь прожигается.

На отдельном полулисте (бумага и чернила сходны):

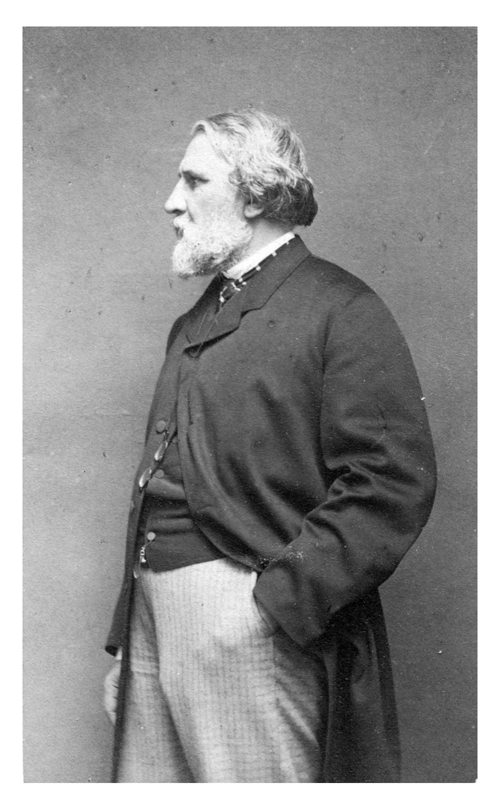
Александр Никитич просил меня заказать ему насос в колодезь — для этого нужно узнать глубину 1.) *от дна до поверхности земли* и 2.) *глубину воды в колодце*, т. е. на какой глубине она постоянно держится.

горизонт земли

нужны линии *a* и *b*.

Это нужно вымерить повернее. *Мастер* берется устроить насос из своих материалов (кроме обруба) при глубине не более 7 аршин, за 15 р<ублей> сер<ебром>, но только чтобы перевозка была за счет за-

И. С. Тургенев.
Фотография Э. Каржа. Париж, 1863 г. (*ИРЛИ*)

казчика. Если и ты намерен устраивать насос в своем, то уведомь меня и тоже поверней вымеряй колодезь.

Посылаю пиво, надо ему только день побыть во льду, а потом и разливай в бутылки, бочоночек же *возврати*, он чужой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 88–90 об.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Фет и гостивший в Степановке с 7 июня В. П. Боткин ездили в Ливенский уезд, в имение Фета на реке Тим, где пробыли две недели и вернулись 8 июля (см. письмо Боткина к Тургеневу от 9 июля 1864 г.: Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 389). «Фетов всё еще нет, — шутливо замечал по этому поводу Борисов в письме к И. С. Тургеневу от 4 июля 1864 г., — верно уха из налимов и земляника удерживают их на берегу Тима. И Боткин и он люди больные, слабые — подкрепиться не худо. А потом, с толстеньким брюшком как-то легче живется» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 391).

[3] *Мистер Микобер* — неунывающий персонаж из романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим»; осажденный кредиторами неудачник, живущий в вечной надежде на то, что когда-нибудь ему улыбнется счастье.

[4] Эти стихи Борисов послал также Тургеневу в письме от 4 июля 1864 г.: «Давно ничего подобного не читалось — это Полонский. Мог бы и Пушкин; и Фет, пожалуй, тоже не отказался бы» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 391).

[5] «Разлад. Сцены из последнего польского восстания» Я. П. Полонского в трех частях, который Борисов рекомендовал также Тургеневу (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 393).

[6] Речь идет о письме Тургенева от 5 (17) июня 1864 г. (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 29–31).

[7] «Со стыдом должен признаться, что не исполнил Вашей просьбы о портрете: — посылаю Вам карточку свою, — писал Тургенев в упомянутом выше письме, — не знаю, имеете ли Вы такую: примите ее как знак искренней привязанности человека, который забывчив и рассеян — но не изменчив» (*Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 30). О какой фотографии идет речь, неизвестно: это могла быть, в первую очередь, фотография работы Э. Каржа, выполненная в Париже в 1863 г. (воспроизведение см., например, на фронтисписе: *Тургенев. Письма.* Т. 5, где она ошибочно датирована 1864 г. Об уточненной датировке см.: Там же. С. 517, примеч. 1 к п. 1493; *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818–83). Pinehaven (New Zealand), 1999. P. 14–15). Эту же фотографию Тургенев послал М. Гартману из Баден-Бадена 28 июля (9 августа) 1863 г. (воспроизведена ксилографически в издававшемся им журнале «Freya» в 1864 г.), а также П. А. Плетневу 8 (20) апреля 1864 г. Судя по всему, писатель был доволен этой фотографией. Вместе с тем, возможно, речь идет о фотографии работы Wacquez et Radiguet (Ваккез и Радиге), выполненной в Баден-Бадене в 1864 г. Воспроизведение см.: *Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 82; *ЛН.* Т. 76. С. 153.

[8] Фрагмент из письма Тургенева:. «Поклонитесь милейшему Фетищу и сообщите ему это письмецо. Я тоже в долгу перед ним. У него теперь, должно быть, гостит В. П. Боткин, который провел здесь несколько дней. Бог знает, увижу ли я его и Вас в нынешнем году! Сомневаюсь. Но Вам надобно сделать, как Магомет сделал с горой: она не пошла — он пошел. Зову Вас в Баден погостить у меня. Что же тут необыкновенного? Оно только так кажется с первого взгляда. Приехать сюда и с Петей — вовсе не затруднительно — легче, чем съездить в Одессу. Подумайте-ка — если не в этом году, так в будущем» (*Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 30).

[9] Из молитвы «Отче наш»: «И остави нам долги наша, / якоже и мы оставляем должником нашим».

[10] «Брыкни коль мог, большаго пожелав, / Стать им, коль нет и в меньшем без препон» — шуточная пародия Тургенева на фетовский перевод «Юлия Цезаря» Шекспира. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 307. Была опубликована в «Современнике» (1859. № 6), в статье М. Лавренского, положившей конец сотрудничеству Фета с этим журналом.

[11] Петя Борисов.

[12] 22 июля отмечались именины М. П. Фет.

[13] Имеется в виду однополчанин Фета и Борисова Криденер, по прозвищу «капитан», имевший обыкновение сзывать многочисленных гостей к соседним помещикам. Это называлось ездить «на кожу» (*РГ.* С. 285–286).

[14] Речь идет о «Моих литературных и нравственных скитальчествах». А. А. Григорьева, начало которых печаталось в 1862 г. в журнале «Время» (№ 11, 12). В 1864 г. в журнале «Эпоха» последовало продолжение и окончание (№ 3, 5).

[15] От *ascendant* (*франц.*) — влияние, авторитет.

65

Борисов — Фету

16 августа 1864 г. Из Новоселок в Петербург

16-го августа.

Милый друг Афоня, о если б ты знал, что это за чепуха. Но прежде поздравляю тебя *сегодня семилеткой*.[1] Марья Петровна вчера еще приехала, ее проводили к нам спасские барыни[2] с детьми и так как ни за что не хотели оставаться ночевать, то вчера же учинили обед с поздравлениями и желания<ми> вам обоим многое, многое лето. И Александр Никитич подъехал. Вечер подкатил незаметно — а тут еще русака сажали молодым гончим — пошел дождь, и спасские гости остались, а Алекс<андр> Ник<итич> тоже. Поэтому кутерьма внезапная для спанья и т. п. житейские суеты, какие ты так любишь. Но, слава Богу, всему этому конец.

Утро и все разъехались. Тут-то только я мог вздохнуть, а то задыхался от нежданной *бомбы*. Третьего дни вечером получаю письмо Василия Иванови<ча> Лоренца[3] с подробным об Наде, напоминанием о деньгах и извещением, что им получено письмо от Любовь Афанасьев<ны>, которая, во-первых: очень любит свою сестру; 2.) желает, чтобы ее не помещать на казенный счет; и 3.) что сама она будет за нее уплачивать. — Не желая в ту же минуту поднимать гвалт при чужих, я прочел это ее мужу, который решительно отстранился от всяких объяснений за нее. Тогда я дал ей почитать, что пишет Василий Иванович. Она было попыталась уверить меня, что все это он написал так — не уразумев ее… Но я не мог сему поверить. И коротко попросил ее на будущее время оставить нас в покое. Если желает только бывать и видаться с нами, в противном случае может предпринимать, что только ей угодно. — На этот же раз обещал, что забуду об ее благодеянии.

И лья[4] потоки слез за мои неделикатности, поднялась наверх, а для чего обманывала себя, Лоренца и весь мир, так и не сказала. Платить, ей?

Чем, из какого кармана? Когда недавно еще *родственно* разочлась с Надей — но, слава Богу, я ей этого не напомнил — и до сих пор не могут отдать остальных паршивых должишек, а сколько уже прошло тяжких нужд для Нади же. — Марья Петр<овна> слышала мои объяснения из другой комнаты. *Авось*, Бог даст, больше не приведется мне в другой раз растолковывать. Василью Иванов<ичу> пишу сегодня же — и деньги высылаю, а *объяснения* об Люб<вь> Аф<анасьевны> предложении, т. е. что это галиматья, в письме не буду, а напишу, что ты ему объясни<шь>.[5] Скажи, что это так из любви проистекает, ну что-нибудь в этом роде. Господи, Господи! Когда же этому конец. Марья Петровна и все уехали. Бумаги тебе вышлет немедля. Обнимаю, целую крепко, а сам с Нарышкиным[6] выезжаю на волков. Василию Петровичу поклонись, будь здоров, голубчик, и приезжай победителем.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 93–94 об.

[1] 16 августа 1857 г. Фет обвенчался с М. П. Боткиной.

[2] Спасские барыни — жена и свояченица Н. Н. Тургенева, см. о них примеч. 3 к п. 37.

[3] Имеется в виду *Михаил Вильгельмович Лоренц* — доктор медицины и хирургии, действительный статский советник, старший врач больницы Всех Скорбящих, куда Борисов поместил жену в конце апреля 1864 г. «Получаю письма от докторов, — писал Борисов И. С. Тургеневу 22 июня 1864 г., — что состояние Нади безнадежное и необходимо ее не медля перевезти в Петербург<скую> больницу Всех Скорбящих. <…> Москва, и беготня, и хлопоты, и неизвестность — потом Петербург — тут то же, опять в Москву, и опять в Петербург с больною — ее я и не видал — отвез и похоронил в больницу Всех скорбящих на 11 версте по Петергофской дороге — и там пришлось сдать ее доктору Лоренцу, старому знакомцу. Он 15 лет лечил ее мать, которая все эти годы была в сильнейшей меланхолии, — вот где и разгадка несчастной болезни — а мы никто этого вначале и не подозревали» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 2. С. 386–387). Больница Всех Скорбящих, ставшая последним пристанищем Н. А. Борисовой, существовала с 1832 г. и размещалась в бывшем доме князя Щербатова, перестроенном для новых нужд в 1828–1832 гг. архитекторами Д. Квадри и П. С. Плавовым. По условиям содержания пациентов эта лечебница не имела себе равных в России. Так, редактор «Русского инвалида» П. С. Лебедев в очерке «Больница Всех скорбящих», напечатанном отдельной брошюрой в 1858 г., отмечает «веселый и как будто праздничный вид здания»; «бьющий перед ним фонтан»; «дортуары, коридоры, отдельные комнаты для трудно больных», устроенные «с самым полным вниманием к их нравственному и физическому состоянию»; исключительную чистоту («в каждом коридоре устроены ванные и души») и прочие достоинства: «Больные одеты прилично, в обыкновенных своих платьях»; «пища

Фасад главного здания больницы Всех Скорбящих. 1890 г.

превосходная и обильная»; «прислуга отличается предупредительностью и вниманием; «устройство садов для гулянья, купальни, бани, прачечной — не оставляют желать ничего лучшего». Вместе с тем период расцвета больницы пришелся на николаевское царствование. К середине 1860-х гг. сохранялась внешняя роскошь, но процент излечившихся по сравнению с Западной Европой был ничтожен (*Данько М. Г.* Страницы истории больницы Всех скорбящих // История Петербурга. 2007. № 1. С. 40–48).

[4] Возможно, Борисов намекает здесь на французскую речь Л. А. Шеншиной, к которой она любила прибегать в его присутствии. *il y a* (есть, имеется) — распространенный французский оборот. Сам Борисов по-французски не говорил (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 282).

[5] Узнав из письма кн. В. Ф. Одоевского, что дело о мельнице перешло из московского сената в Петербург, Фет решил ехать в столицу. 11 августа он вместе с женой прибыл в Спасское, а несколько дней спустя отправился в Москву, чтобы оттуда выехать в Петербург. Сопровождал его В. П. Боткин, прогостивший в Степановке два месяца. По дороге в Москву Фет и Боткин заехали в Ясную Поляну. Марья Петровна осталась в Спасском до 16 августа (см. наст. письмо). Сохранились два письма Фета из Петербурга, адресованные жене и датированные 28 и 31 августа. В первом из них он сообщает, что собирается ехать к сестре, где уже побывал однажды: «Лоренц чуть было не сбился с толку письмом Любиньки. Узнаю, действительно ли ей что нужно, и дам денег. Она скоро поступит на казенный счет. Перемены нет. Ясных минут не бывает. Любит горничную, что не мешает давать ей оплеухи» (*РГБ*).

[6] Речь идет о *Сергее Алексеевиче Нарышкине* (1836–1878) — помещике орловского и брянского уездов.

66

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

6 октября 1864 г. Из Новоселок в Степановку

6 окт. Новоселки.

Прибыли ли вы в дом свой, а я, слава Богу, дома. Не раз в холод и метель подумывал об вашем житье на Тиму, друг мой Афоня, и тебя, и особенно Марью Петровну жалел, с дрожью стоя где на лазу, поджидая лисичку. Удался ли, по крайней мере, ваш-то отъезд — что ты сделал с этим матерым волком Бондаревым?[1] Помнишь ли Бондаревку, когда мы бывало ее проезжали, и не думалось тогда о Бондареве. Петю я оставил дома и, слава Богу, нашел все хорошо. Дядьки ему Генерал[2] не привез и начнет эти поиски по возвращении в Москву, не спеша — зимой они более сползаются. Ну нам теперь к вам нечего и помышлять. Вон она, зима, как наскочила. Будем вас ждать. Только, Афоня, будь же ты хоть немножечко милостив и, когда потянешься в Москву, выгадай так: хотя на недельку к нам — отдохни от молотилок и всяких чертилок. Постараюсь твое пребывание сделать невозмутимейшим, о каком сам только и помышляю.

Не понимаю, что от Лоренца нет вестей — уж опять нет ли каких родительских приключений.[3] Я ему недавно писал и просил его дать весть, что и как? Не умею тебе высказать, что со мною делается, как подумаю, что судьба навязала каких то индеек, то индюхов, от которых ничем не отделаешься, хуже шишек на носу и тех, которыми ты страдаешь.

Марья Петровна, я Нарышкину напоминал об собаке обещанной. Но ему, я думаю, было не до того. Он и нас, и охоту бросил — дома жена была нездорова, и ожидал прибавления семьи.[4] — Подожду еще немножко — буду ему писать, напишу об Вашем поручении. — А тебя, Афоня, прошу не забыть моей просьбы: чаю — ожидаю — пришли при оказии. Расход его у меня страшный, все более как средство, отвращающее от сиволдая.[5]

Что-то ваше здоровье, как с зимой встретилось — что кости и суставы? У меня пока только коленко одно закричало от радости, а голова, слава Богу — ничего. Попке[6] я сделал лисью шубу, и он в восторге, теперь начинает более и более справлять<ся> с разными *хочу,* и дело обходится без слез от *не хочу.* Не видали ли вы Петруши большого.[7] Не будет ли он в нашу сторону. Что его дом, готов ли? Если уж не осо-

бая лень, Афоня, черкни хотя два словечка о вас, или Вы, Марья Петровна, умилостивитесь и, не пропуская оказии, напишите хоть, *живы ли*. Я вот, измученный до умре, пишу к вам, боюсь только, разберете ли. Хуже Афони каракуль. Читал «Мудреное дело» Ахшарумова в «Эпохе».[8] Не дурно-с. Выведены петербур<гские> журналисты и литераторы.

Целую тебя и Ваши ручки

и по гроб

весь

И.

Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 11–12 об.

[1] Феты целый месяц прожили в своем тимском имении, ведя переговоры с купцом Бондаревым (см. о нем примеч. 4 к п. 26: наст. публ. Ч. 1. С. 193); 17 сентября они выехали из Степановки и вернулись домой 17 октября. В результате была подписано мировое соглашение, которое полностью удовлетворило Фета. См. письма Фета и его жены В. П. Боткину от 8 октября и 18 октября 1864 г.: *Фет/Боткин*. С. 387–390.

[2] Имеется в виду С. М. Сухотин (см. о нем примеч. 5 к п. 36).

[3] *Родителями* (по отношению к своей жене) Борисов иронически называл Л. Аф. Шеншину и ее мужа. О возмутившей Борисова выходке Л. Аф. Шеншиной см. п. 65.

[4] По некоторым данным, С. А. Нарышкин был женат на Варваре Саввичне (урожд. Абаза; 1840–1900), от которой имел четырех дочерей.

[5] *Сиволдай* — плохо очищенная водка, сивуха.

[6] Имеется в виду Петя Борисов.

[7] Речь идет о брате Фета — П. Аф. Шеншине.

[8] *Ахшарумов Н.* Мудреное дело. Очерк из летописей русской словесности в трех частях // Эпоха. 1864. № 5–7.

67

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

22 января 1865 г. Из Новоселок в Москву

22 янв. 65. Новоселки.

Милый дядя, получил твой листок из П<етер>б<урга>[1] и от Ив<ана> П<етровича>[2] узнал о его свиданиях с тобой, и завтрак с Левошеенками, и что ты сеттера похитил.[3] С удоволь<ствием> вижу, что под старость

начал промышлять собакокрадием — вези скорей, пока не изловили тебя. К Лоренцу отправлено янв<аря> 10-го. Но, видно, ничего нет к лучшему — ты бы не молчал. Впрочем, и надеяться нечего, даже нет и надежды отдаленной, лучше и не пиши ничего об ней, что знаешь — скажи при свидании. Что это у нас за погода поднялась — неделю беспрерыв<ные> бури. Петруши[4] нет, и слуха об нем нет. На днях был у нас Нарышкин, заезжал к Алекс<андру> Ник<итичу>. Они ничего живут, по-старому. Был Дрейлинг,[5] *удивляется*, как это Василий Петрович не купит у них Бородинку, отдает ее за 150 т<ысяч>. Но вот если бы кто действите<льно> хотел в наших местах купить, то надо караулить *Глазуново*, Шереметева,[6] теперь еще не продается, но вот-вот. Сергей Михайлович Сухотин хлопочет и разыскал уже *Шардни*, не знаю, какие будут результаты. Не увидишь ли как Фельку[7] — бывают и у него знакомые немцы, излови, голубчик Афоня, земно челом ударю и *бычка красненького* черноглазого для тебя выпою и выкормлю, а Марье Петровне (всё за одного немца!) пару кохинхинок[8] 1-го сорта настоящих. Благодаря им мы всякий день вкушаем свежайшие яички всмятку.

Цены во Мценске всё одни — рожь продал по 2 р<убля> 7 к<опек>, овес 1-55 отличный и гречиха 2-40, тоже превосходная, теперь на своих 20 подводах таскаем, а дома работать нет возможности. Метели и вьюга — и навоза еще не вывезли. Дрова еще не кончили таскать, запасаюсь на будущий год. Шмаров кончает срок, и будем ездить к вам за дровами. Об чае не забудь на нашу долю 2 пуда, один для себя, другой на запас.

Я уже писал тебе, отправляй до Мценска, а я доставлю к тебе. Но *мячика* все нет, и, вероятно, смошенничали в лавке, не отправили его. — Попка ничего, слава Богу. Целует вас обоих и поджидает через *три недели*.[9] Милая Марья Петровна, к Вам у меня вот какая просьба, когда будете запасаться гомеопатией, то прошу на мою долю в крупинках взять: 1) aconit, 2) noux vomica, 3) belladona, 4) arnica, 5) bryonia, 6) pulsatilla, 7) ipecacuanha, 8) sulphur, 9) bromum, 10) coralia rubra, 11) chelidonium majus[10] — в моей аптечке все эти средства иссякли.

Масленица у нас начинается 14 февр<аля>,[11] напишите, когда вас поджидать. — Нетерпеливо вас жду и думаю вместе с этим, как бы это продлилось подолее, все лучше, чем лишиться и этих ожиданий. А как только вы попадаете в Степановку — баста, только и видели. Когда опять дождешься свиданий. К вам же теперь и опасно будет заехать, *боюсь* соседки вашей,[12] она хочет меня сокрушить — все продолжает ткать тармаламу.[13]

Не приедет ли на лето *баденский помещик* в Спасское — тогда, верно, хоть разик и вы сделаете экспедицию в наши горы, а мы пустимся в на-

бег на вашу степь — на *кожу*,[14] значит. Ну что же, Афоня, идут ли вперед крыловские рассказы,[15] не думаю, впрочем, чтобы Москва и П<етер>бург дали тебе время заняться нашим братом армейцем, и ты закувыркался в других животрепящих омутах, а теперь самая пора записать то, что было, пока *еще свежо предание*, а верится с трудом.[16]

Будьте здравы, целуем ручки Марьи Петровной — обнимаем тебя и кланяемся всем.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 95–96 об.

[1] В первой декаде января 1865 г. Феты по приглашению В. П. Боткина отправились в Петербург и пробыли там две недели. Письмо Фета неизвестно.

[2] Речь идет об И. П. Новосильцове. См. о нем примеч. 5 к п. 44.

[3] После отъезда Фетов из Петербурга, 20 января 1865 г., В. П. Боткин писал им в Москву по поводу собаки: «Я просил Дмитрия свезти Тора на железную дорогу — и он благополучно посадил его в собачий вагон — и, вероятно, <Тор> уже благополучно прибыл к вам. Я, главное, боялся, чтоб не было рекламаций со стороны прежнего хозяина. Теперь покоен» (*Фет/Боткин*. С. 398).

[4] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[5] См. примеч. 7 к п. 52.

[6] *Шереметев Александр Васильевич* (1830–1890) — крупнейший орловский землевладелец, мировой посредник первого участка Мценского узда (1864–1866), губернский предводитель дворянства (1866–1873). *Глазуново* — село в восьми верстах от Мценска (*ОГ*. С. 174. № 3620) с помещичьей усадьбой, где проживал Шереметев.

[7] Имеется в виду *Юлий Карлович Фёлькель* (1812–1882) — доктор философских наук, филолог, преподаватель Московского университета. В 1833–1844 гг. в качестве воспитателя сына П. П. Новосильцова жил в его доме, где и познакомился с Борисовым и Фетом (*РГ*. С. 78, 205–209).

[8] Порода кур.

[9] 8 февраля 1865 г. Борисов писал Тургеневу: «Жду Фетушку к 15 ф<евраля>» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 3. С. 484). В действительности Феты покинули Москву 16 февраля и 20 февраля к обеду были в Степановке, заехав по пути в Ясную Поляну и Новоселки. У Борисовых они провели день. Однако письмо Борисова к Тургеневу с сообщением о позавчерашнем отъезде Фетов датировано 26 февраля: «Третьего дни, при ясной, тихой погоде, –3° по Реомюру, в 9 часов утром — владетель Степановки и иных выехал от нас по тракту на Федота. Пробыли у нас одни сутки, и то уже нетерпение поскорей восвояси мучило и суетило ЕГО <…>» (Там же. С. 486). Ошибка в датировке письма Борисова отмечена Ю. П. Благоволиной (*Фет/Боткин*. С. 402). Можно предположить, что 26 февраля письмо было закончено, а начато 22 февраля.

[10] Аконит, нукс вомика, белладонна, арника, бриония, пульсатилла, ипекакуана, сульфур, бром, коралия рубра, хелидониум майюс — гомеопатические средства.

[11] Борисов ошибся, в 1865 г. масленица началась 7 февраля.

[12] Подразумевается Л. Аф. Шеншина.

[13] *Тармалама* — восточная шелковая или полушелковая ткань яркой расцветки, идущая обычно на пошив халатов или на обивку мебели.

[14] См. примеч. 13 к п. 64. *Баденский помещик* — И. С. Тургенев.

[15] *Крылов* (Новогеоргиевск) — город новороссийских военных поселений, где служили Фет и Борисов. Среди рукописей Фета сохранились прозаические фрагменты «Корнет Ольхов» и «Полковник Бергер», в основу которых легли воспоминанья поэта о службе в кирасирах; по всей вероятности, именно этот замысел Борисов называл «крыловскими рассказами». См.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 111–123.

[16] «Свежо предание, а верится с трудом» — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 2, явл. 2, монолог Чацкого).

68

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

2, 3 февраля 1865 г. Из Новоселок в Москву

2 февр. 65. Новоселки.

От радости в зобу дыханье сперло:[1] экой денек выпал счастливый.

1.) Мячик получили, пречудеснейший. За то стук, стук за твое здоровье.

2.) Клеппера привели (подарок Нарышкина), лошадка — прелесть-малютка,[2] и летом катанье.

3.) За вечерним чаем входит Бернадот, а я вчера только от Сергея М<ихайловича> Сухот<ина> узнал, что он в Москве, ну Бернадот пока едет благополучно. Завтра получу посылки свои и тургеневск<ие> и отправлю к ним.

4.) Во Мценске открылась кондитеро-колбасно-булочная *Жака*, и что только вам угодно — все есть. Не нужно и Москвы.

5.) Дай-то Бог изловить тебе Шардни. С<ергей> М<ихайлович> пишет, что он колеблется — колыхни и двинь. Если он не может вскоре и даст слово *весной*, ну делать нечего, лучше ждать — терпу. Но если он совсем откажется — о мой Создатель!!! Не убий. Право, отчаяние — одурь — глубокоглупие одолеют мя. Не буду ни есть, ни спать, а все в уме копать. Все это пишу на сон грядущий. Завтра доберусь с толком до всего. А на дворе буря опять гудит.

От Федота[3] получил:

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Въ пятницу 25-го сентября умеръ нашъ другъ и сотрудникъ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (*).

Потеря его для насъ велика и незамѣнима. Многое еще не досказано имъ; многое, высказанное мимоходомъ, не получило достодолжнаго развитія.

Чтобы понять и вѣрно оцѣнить жизнь и литературную дѣятельность Григорьева, надо уяснить себѣ его основныя воззрѣнія, или, вѣрнѣе и лучше, вѣрованія. Мнѣ кажется я не ошибусь, если скажу, что основой его личности была полная, безъ поворота, *вѣра въ жизнь* и *вѣра въ искусство*, какъ въ одно изъ главнѣйшихъ выраженій жизни. Вѣра въ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ жизнь безустанно развивающуюся, по своимъ основымъ извѣчнымъ законамъ; въ жизнь, которую нельзя затиснуть въ рамку никакой — какъ-бы

(*) Авторъ говоритъ здѣсь какъ-бы отъ лица редакціи. Дѣйствительно, по нашей просьбѣ написалъ онъ эту оцѣнку дѣятельности и литературныхъ заслугъ покойнаго и дорогого сотрудника нашего. Какъ ближайшій изъ друзей покойнаго онъ полнѣе и удобнѣе другихъ могъ исполнить эту обязанность.

Ред.

Некрологическая статья Д. В. Аверкиева об Ап. Григорьеве в «Эпохе». Первая страница

1. Сыр лимбургский живой
2. Патроны Гальнбека

} весом 24 фун<та>

Два длинных ящика Тургеневых — 30 фун<тов>, которые сего же дня и отправляю.

Федот рассказывает так про свою поездку, что только запиши, и «Эпоха» и «Русский вестник» никогда не выдумают интересней.

Сергей Михайлович боится, что после такого великолепия, в каком живешь ты на Покровке, не захочешь даже и в Степановку. Он в восторге от дома Дмитрия Петровича.[4] То ли б еще было, думаю я, когда бы у тебя невидимою силой в год натолпилось миллионишек 12-ть… У дверей кабинета постоянно бы Ив<ан> Серг<еевич>, только подумаешь — стоит с превеселым здоровым счастием. Но авось мы его и так узрим. — В «Эпохе» есть статья об Аполлоне Григор<ьеве>,[5] подержу ее до твоего приезда. Вот и февраль, а ни за дек<абрь>, ни за янв<арь> книжек «Р<усского> в<естника>» нет и читать нечего. Вообще в литер<атуре> *запор*. Туго читаешь все, что набирает «Эпоха». Но ты долже<н> радоваться. Однако пора.

Целую ручки Марьи Петров<ны>. Низко кланяюсь хозяевам вашим милейшим и тебя обнимаю сугубо за обоих.

Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 97–98 об.

[1] Цитата из басни И. А. Крылова «Ворона и лисица».

[2] *Клеппер* — помесь обычной лошади и шотландского пони; отличается небольшим ростом (менее 140 см.)

[3] *Федот* — вольный ямщик, см. о нем примеч. 4 к п. 56.

[4] Зимой 1864–1865 гг. Феты впервые остановились в новом доме Д. П. Боткина на Покровке (см. примеч. 12 к п. 44). Вспоминая свое проживание там, Фет писал В. П. Боткину 9 февраля 1865 г.: «Я таких милых людей и такого благоустроенного дома в России не видал. Тут деньги играют самую второстепенную роль. Присмотревшись к Соф<ье> Сер<геевне>, я уверен, ты унесешь такое же впечатление, как и я. Эта женщина в домашнем здравом быту — *капитан*» (*Фет/Боткин*. С. 404).

[5] Памяти умершего 25 сентября 1864 г. А. А. Григорьева «Эпоха» посвятила следующие публикации: 1) *Аверкиев Д.* Аполлон Александрович Григорьев (1864, № 8); 2) *Страхов Н.* Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве. С примечанием Ф. Достоевского (1864. № 9). В последние годы жизни Григорьева Борисов и Фет не поддерживали с ним отношений и о смерти его узнали лишь несколько месяцев спустя. «Знаете ли Вы, что Ап. Григорьев помре еще в сентябре, — писал Борисов Тургеневу 10 января 1865 г., — а мы и не ведали и я на днях случайно открыл это в „Эпохе“» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 3. С. 481).

69

Борисов — Фету

6 февраля 1865 г. Из Новоселок в Москву

6 февр. 65. Новоселки.

Афоня, милейший, я на целую неделю ошибся, писал тебе, что масленица 14-го,[1] а она вот завтра оказалась — но, слава Богу, успели уже запастись гречишной мукой. Календарь меня сбил с толку сыропустом. Уверен был, что это-то и есть сырная нед<еля>, т. е. она — масленица. Если ты в Москве приходишь в разные отчаяния от разных отчаяний, то утешься хоть тем, что и мы здесь живем хорошо дотоле, доколе без кислого молока не прохватит вдруг какая ни на есть причина. Вот я два дни провожу отъявленно отвратительных, и как тут не возопить печени. Слушай: желая скорей доставить посылку Тургенев<ым>, я на другой же день с кучером Алексеем (прожившим безукоризненно год с лишком), на Звездочке отправил в Спасское. Жду к вечеру — нет Алексея, спрашиваю на другой день утром, не приезжал ли — нет-с еще, к обеду — нет-с еще, к ночи — нет-с еще. С вечера нарядил гонца, чтобы утром разыскивать. Но утром — на 3-й день, говорят: приехал ночью. — Позвали его. Глаза плохи. «Ну что, как?» — «Да господа не отпущали, приказали кланяться, благодарить — в два часа только проснуться изволили…» — «Ну а пьянствовал когда и где, рассказывай». — «Виноват-с, уж это опосля. Ехали мы с Афанасием, значит, вместе до Зарощи, там тут и выпили, за ним хозяйка прибегла, вернула его, а я уехал один». — «Ну а посылку куда девал?» — «Самой барыне отдал, а письмо, сказали, пришлют по почте». — Ну что тут прикажешь делать. Вот я и командировал Герасима опять в Спасское, узнать, благополучно ли доставлено, жду его и в конце этого письма уведомлю тебя, что узнаю. Не может быть, чтобы они не написали, что *посылка получена*, два слова нужно. 3 часа. Ну, слава Богу, посылка доставлена благополучно — пишет Анна Семеновна.[2] От Мценска до Ядриной льдом превосходнейшая дорога — далее рекой к нам *не проедешь*. От меня только что уехал Нарышкин, говорил, что в Орле немножко рожь поднялась: 2-10 и 2-20 даже, у нас же и двух не дают. Снег все валит, и дороги порядочно засорило. Жеребца все еще *не проводили* от Тургенева, да Анна Семеновна пишет, что Ник<олай> Ник<олаевич>[3] в Туле и еще не возвращался. — О Петруше нет и слуха, да теперь, пожалуй, и не приедет — будет сидеть дома ради завода.[4]

Петьку начал понемногу опять приучать к воздуху. Рисует целый день или стучит мячиком — с Анной Семеновной заключен вечный мир. Тебя и тетю он целует и ждет, и я целую ручки Тети и ожидаю вас с великим ожиданием. Будьте здравы. И. Борисов.

Не заедешь ли к Толстому на обратном пути. Ты бы его возрадовал.[5] Сужу по себе. Вот мы и под городом, но ни-ни никого и редко кто к нам заглянет — зато какая радость, когда увидишь доброго человека. В вашей стороне еще держатся старины: *ездят в гости*, *принимают гостей*, мы же подбелевские,[6] да и в Голландии то же — смирно, тихо и уединенно.

Какой прекрасный слог одного рескрипта на имя Петра Александрови<ча> в 26 № «Моск<овских> вед<омостей>»,[7] с какою ясностию успокаиваются другие губернии, чтобы *не сочиняли* адресов.

С. М. Сухотин возвратится из П<етер>бурга не ближе 17-го, а потому его и не ищи в Москве, если что нужно будет поручать об немце. Но авось ты и без него подцепишь — неужели у нас в России стало трудней достать немца, чем сеттера и клеппера.

Завтра во Мценском клубе происходит *концерт* на гитаре, знаменитый П. А. Ладыженский.[8] Хотелось бы послушать, но радуюсь, что не могу поехать — далеко, холодно, темно, а главное — это будет вроде травли Ахана за рогожской заставой.[9] — Или все равно, если б Александр Иванов<ич> Григорьев[10] для поправления обстоятельств начал публичные чтения — или пения, все равно. Пришли кого из диккенсов, и он напишет великолепную главу «Концерт Микоубера».[11] По гроб жизни моей

остаюсь затем

твой И. Б.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 7–8 об.

[1] См. п. 67.

[2] Свояченица Н. Н. Тургенева — Анна Семеновна Белокопытова.

[3] Н. Н. Тургенев (см. о нем примеч. 9 к п. 34).

[4] У П. Аф. Шеншина в его воронежском имении Грайворонка был значительный конский завод.

[5] 17 февраля 1865 г. Феты заехали в Ясную Поляну по пути из Москвы, откликаясь на настойчивое приглашение Толстого, высказанное им в письме от 23 января: «Как вам не совестно, милый мой друг Фет, так жить со мной, как будто вы меня не любите или как будто все мы проживем Мафусаиловы года. Зачем вы никогда не заезжаете ко мне? <…> А глядишь, умрет кто-нибудь из нас <…> тогда и скажете: „Что это я, дурак, все об мельнице хлопотал, а к Толстому не заехал. Мы бы с ним

поговорили“. Право, это все не шутка» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 367–368). 9 марта М. П. Фет писала об этом брату В. П. Боткину: «Он (Толстой. — *И. К.*) такое прислал письмо в Москву Фету, в котором так упрашивал к нему заехать, что нельзя было устоять против такой просьбы. И действительно сделан нам был такой радушный прием, что я не раскаивалась, что заехала к ним на несколько часов, и, вообразите, обед был приготовлен очень, очень порядочный» (*РГБ*).

[6] *Подбелевские* — от названия села Подбелевец, находившегося в трех верстах от Новоселок.

[7] Высочайший рескрипт от 29 января 1865 г., данный на имя министра внутренних дел П. А. Валуева (*МВед*. 1865. 2 февраля. № 26. С. 1). Рескрипт пресекает стремление Московского губернского дворянского собрания обсуждать предметы, «правовому ведению его не подлежащие» и касающиеся вопросов, «относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений».

[8] *Ладыженский Павел Александрович* — гитарист-семиструнник и композитор, наибольшей известностью пользовался в середине 1820-х — конце 1830-х гг.

[9] «Не знаю, знаком ли Вам П. А. Ладыженский из нашей округи — артист на гитаре замечательный, — писал Борисов Тургеневу 8 февраля. — Когда-то богатый, но уже два-три состояния прожил и теперь бедняк, старик, жена и 9 детей. Вот он-то вчера давал концерт во Мценске. Что делать — хотелось мне его послушать, да вдруг вспомнился мне Ахан, знаменитый свирепый медведь, на которого лет тридцать сбирали публику за рогожскую заставу — был и я раз там. Слепой, беззубый, ощипанный, он трогательно исполнял свои обязанности — всё это мне вспомнилось, и я не поехал на Лыдыженского — говорят рублей 150 собрал и двинулся в Белев, чтоб и там дрожащими перстами ударить по струнам» (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 3. С. 485).

[10] Григорьев А. И. (1787–1863) — отец А. А. Григорьева.

[11] Микоубер (Микобер) — см. примеч. 3 к п. 64.

70

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

11 февраля 1865 г. Из Новоселок в Москву

11 февр. 65. *Новоселки.*

Еще последнее сказанье и до свиданья, милые, друзья.[1]

Вчера узнал случайно, что еще в понедельник жеребец уведен из Спасского в Степановку,[2] значит, он должен быть уже на месте. Но к нам не заходили. Дни стоят превосходные, но дороги начали портиться, ухабисты.

О большом Петруше[3] все нет духу, а маленький сбирается к вам писать, чтобы блинами выманить из Москвы. Цены еще и еще падают, рожь — 185. Продана — а то не выставишь.

Теперь остается поглядывать днем между амбаром и конюшней, не видать ли, а если ночью, не слыхать ли? Пузик первый зальется, потом забарабанит дверь — я буду спать одним глазом и, верно, прежде Осипа отворю вам дверь в наше чистилище.[4]

Дай Бог вам здраво и благополучно.

И. Борисов.

Так я тревожно жду о немце, что не следовало бы тут приписки.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 99–99 об.

[1] Борисов перефразирует стихи из «Бориса Годунова» Пушкина: «Еще одно последнее сказанье — / И летопись окончена моя…».

[2] Об этой лошади Фет писал В. П. Боткину на следующий день по приезде в Степановку, 21 февраля: «Тургеневский жеребец, к крайней радости моей, годен в дело и уже оплодотворил одну матку» (*Фет/Боткин*. С. 402).

[3] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[4] Феты прибыли в Новоселки, видимо, вечером 18 февраля, провели там один день и утром 20 февраля отправились в Степановку (см. примеч. 9 к п. 67).

71

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

6 марта 1865 г. Из Новоселок в Степановку

6 март<а> 65. Новоселки.

Что-то вы поделываете, Афанасий Афанасьевич и Марья Петровна. Я часто об вас вспоминаю и гадаю, да жду апреля.[1] У нас же эти дни происходит неизбежная перестановка по случаю нового лица, г. Кауфмана,[2] о чем я вас уже благовестил. Он ничего, так себе, и мало-помалу налаживаемся и свыкаемся — но я замечал, что у людей это дело гораздо трудней слаживается — не то что у собак — там понюхались и ладно. От Ивана Александр<овича> узнал об одном, что твоя поездка, Афоня, в Орел кончилась неудовлетворительно, в чем суть — не знаю. Плохо и у меня дела в Орле — раза четыре уже туда посылал — по федоровскому делу. Ив<ан> Фед<оров> подал Левашеву[3] прошение. Сочинил ему какой-то там писака почти *ругательское*, но и оно пошло было, да, сделав маленькой круг, возвратили уже мне с требованием 80 коп<еек> за пе-

реписку, да рубля два еще к этому пошло сочинителю — вот и опять брошу на 30 лет. Тьфу!

Старик Николай Ник<олаевич> Тургенев что-то захворал и слег. Его перетревожил бывший у них пожар хлеба в сушильне, и при этом как-то обгорели там два человека, припертые на этот случай нечаянно. — Вот это горе у них, и у меня тоже катавасия. Бешеная собака покусала наших дворных и одну борзую — давали травы и приняли *осторожности*, но одна борзая взбесилась уже — убили. Послал и привез *колдуна* — ну он что-то поколдовал и говорит, будь спокоен, ничего. Данила же старый чуть не взбесился сам — наелся травы, которую давали собакам — но, слава Богу, прошло. — Об чае еще нет вести. Если же какими судьбами его к тебе уже выслали прямо через Орел, то долю мою не отправля<й>, а жди, когда пришлю с пивом. Дело стало за бочонками — во Мценске не нашли, заказывал в Орле, и они уже у нас парются. — У Ивана Александровича купил жеребца не видавши, для фатьяновских маток, а то водят, водят и так проводят. Можешь себе представить, тут вот в Новоселках развелось 28 голов лошад<ей>, да еще нынешний год что-нибудь прибавится, вот и у нас Завод и есть изрядные рабочие лошади. Это меня уже радует, но за то приходится городить еще прибавки, и придумал великолепие. Двор будет — простор хоть на 40 лошад<ей>.

Жаль, что ты не взглянул на бычков годовых, может, который тебе понравился <бы>, а то их скоро евнушить надо — пока холодно.

Милая тетя, Попка поручает благодарить Вас еще за рубашечку — ее сшили уже и такая прелесть, настоящая георгина. Он в восторге прыгал и кувыркался, теперь понемногу свыкается с новым немцем, встретился с ним очень хорошо, но на другой день — был рёв, Авд<отья> Ивановна разжалобила, и потому ее скорей в Фатьянову и в Орел. Уезжать ей от нас не хотелось — но и оставлять было невозможно, ежедневный плач о том, что ей некуда деваться, а на место опять никуда не хочет — словом, чтобы жить, ничего не делая. Теперь поехала к сестре и намерена *давать уроки в институте*!!! Благодетельная сплетница оказала ей громадную услугу, у нас ей жить было нелегко, я это видел, но помочь, вразумить не мог.

Что поделывает ваше садоводство, цветоводство и огородничество. — Погода нас задержала с парниками. Только что высадили огурцы и дыни, поэтому будут разве к Петрову дню. О своих цветных клубах я еще и не помышляю, кажется, они останутся без цветов. Зато в тепличке начинается процветание, и стало гораздо повеселей.

Вчера у меня был Ивашкевич,[4] и с ним условился варить вместе пиво — если это успеем, то пиво будет гораздо лучше того, что из Мценска, тогда и на вашу долю, главное, чтобы не опоздать для пересылки.

Целую Ваши ручки, милая Марья Петровна, и крепко тебя обнимаю, друг Афоня — будет минутка, писни. Верно, уже поджидаешь жаворонков, а тут кобылицы мои заиграют, и пошла работа. Дай-то Бог, чтобы все шло хорошо да ладно. Попка вас целует и ведет себя хорошо и с нетерпением ждет вас обоих. Еще получил новую чудесную книжку (нем<ецкое> жив<описное> обозрение).

Ваш И. Б.

Александру Никитичу прошу поклониться.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 101–102 об.

[1] В письме к Тургеневу, датированном 26 февраля 1865 г., Борисов писал: «С Фетом простился ненадолго, в половине апреля они обещали к нам <…>» (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 3. С. 486).

[2] *Кауфман Федор Федорович* (р. 1837) — новый дядька Пети Борисова, в 1872–1874 гг. — гувернер старших сыновей Толстого. Служил у Борисова до его смерти в 1871 г.

[3] О В. В. Левашове см. примеч. 3 к п. 34.

[4] Лицо неустановленное, упоминается также в п. 30.

72

И. П. и П. И. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

14–16 марта 1865 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

14 мар. Новоселки.

Ничего отраднейшего себе не найду, как вот с тобой порассудительствовать, друг Афоня. Недавно послал к тебе по почте, а теперь готовлю *оказию*, не дожидаясь чаев, опасаясь за пиво, чтобы оно не застряло. О ужасы, сколько бури подрали крыш с конюшни, скотного двора и старой избы — но слава Богу, что хоть на доме пока крепко держится, а гремела так, что скажи ты только в это время хоть нечаянно: аминь, аминь — и рассыпалась бы. Ну у вас-то как всё, тоже, я думаю, вихры надерет. Благодаря твоей милости с самого вашего приезда имею невозмутимое наслаждение по вечерам, когда уложу Попку. Читаю «Божественную к<о>м<едию>»[1] с таким наслаждением, что забываю и забываюсь до спокойствия и, положив книжку, мирно иду опочить на жесткое

свое ложе. Только утром начинается тяжелая действительнос<ть>. Ну что бы могучему Зевсу стоило приносить тебя к нам хоть на время кофе! А потом ступай себе и терзайся — ты это любишь. А я бы на целый день запасался мудростию и терпением. Что твои хозяйства — не спрашиваю — об этом говори сам, когда захочешь. Но что твои листки, прибавляются ли из деревни[2] — это меня занимает. Я тебе сберегу и дам почитать твои письма к нам, когда мы разъехались — вы в деревне, мы в Москве, и тебе будет наслаждение вновь их пробежать. Я же не мог их опять укладывать, не оплакав до рыданий. Так в них воскресла вся прошлая наша жизнь с Надюлькой.

16-го м<арта>. — Над царапаньем этого письма застало твое стихийное посланье. Кто его нам занес и до сих пор не добьюсь толку, а разыскивал без умолку. Пока над ним углублялся, Герасим в Ядрине купался и вез твое другое, прозаически сухое. Нет, просто даже не до шуток, душа моя. Зачем, зачем ты, проезжая, отказался от деньгов, а теперь вот тебе нужно, а я хоть егози, хоть што ты хошь, ничего не поделаю — отрезан водами от отовсюду и не могу <исполнить> не только твоего, но собственного своего пламенного желания послать тебе деньгов. Ты как будто нарочно караулил, когда у меня опустошение дотла. Буквально, душа моя, ни единой бумажки, и звоню в колокольные копейцы. — К несчастию, и банкир мой Шмаров заикал уже так, что едва ли скорей Зуши остепенится, так что я не смею тебе наверное и обещать скорой высылкой. Но если только добуду, то всеми средствами поспешу выслать к тебе. — Вчера я в ужас пришел от рассматривания годовых счетов фатьяновских и новосельских. Только жалованья по Фатьяновой рабочим и на уборку и всего, всего жалованья в отчистку вышло 892 р. с. не считая харчей. А когда сказал Ивану Фед<орову>, что это невозможно — то он возрыдал, ну тут и говорить и толковать нечего — а у нас в Фатьянов<ой> 40 дес<ятин> в запашке! Как проживем следующий год — не знаю, а за нынешний в передержке *245*!

О Боже! что это сегодня за дни пошли, не успею кончить с одним — еще, еще. Вдруг является Феопемт[3] и письмо от Петруши.[4] Он здоров, слава Богу, и гравроничает[a] благополучно, т. е. бедствует, как и мы. Феопемт прибыл приписываться к своим родным и мгновенно едет обратно.

Чаю уже и не чаю — нет и нет, ни письма даже, а ждать и минуты нельзя. Хоть пиво перевезть успеть. Прошу Федота быстро доставить к тебе — по благополучной доставке немедля повели закопать его в лед и оставить, по крайней мере, недельки на *две* отстояться, тогда уже и разливать — всего 7 ведер.

---

[a] *В рукописи*: граврончиает

Милая Марья Петровна, за Ваши строчки целуем Ваши ручки. Попка сам к Вам написал, но к дяде не успел. Мыши поедают все, что ни вырастет в парниках, увы! Симона нет.

Когда взгляну на начало письма и конец — то вижу, как человеческая душа что море. Тишина и вдруг буря вечерня-я-я-я. О Боже!

Будьте здравы и, если не дойдет к вам еще другое, позднейшее, то теперь христосуюсь и поздравляем.

И. Борисов.

Приписка на левом поле последней страницы письма:

Семян кочанного салату прилагаю, извините, что мало.

На двойном листе малого формата:

Милая Марья Петровна, Попка изъявил сильное желание сам к вам обоим и хотел много писать. Но пока проводил ему линии, он все говорил мне, о чем он напишет — тут было и о жаворонках, показавшихся у нас 9-го на блюде,[5] и о снегире, выпущенном на волю из клетки, и много других событий. Но видите сами, как сократилось его послание: вдруг заспешил, точно дядя, и в минуту кончил. Немец[6] его не очень мне нравится — вижу, что он *не бывал* с детьми, но мало-помалу привыкает, авось!

Вот другой день у нас такая буря, что страшно — всю ночь ожидал, что или крышу сорвет, или рамы повыбьет — стены дрожат даже. Третьего дни был я в городе на миров<ом> съезде и видел весну только на шоссе — черно до камня.

Мы почти сидели безвыходно дома — всё бури, и боюсь Попку вывести, а сам, умотавшись разными тряпицами, пробегаю к парникам взглянуть, не видать ли чего хорошего. И увы! всё в одном положении, ни цветочка, ни листочка не прибавляется. Через месяц мы Вас уже ждем в Новоселки, и как прислушаюсь к гулу, да погляжу в окна, то уже сомнение шевелится, что не проберетесь. Будьте здравы, это главное желание, и потом и нас не забывайте.

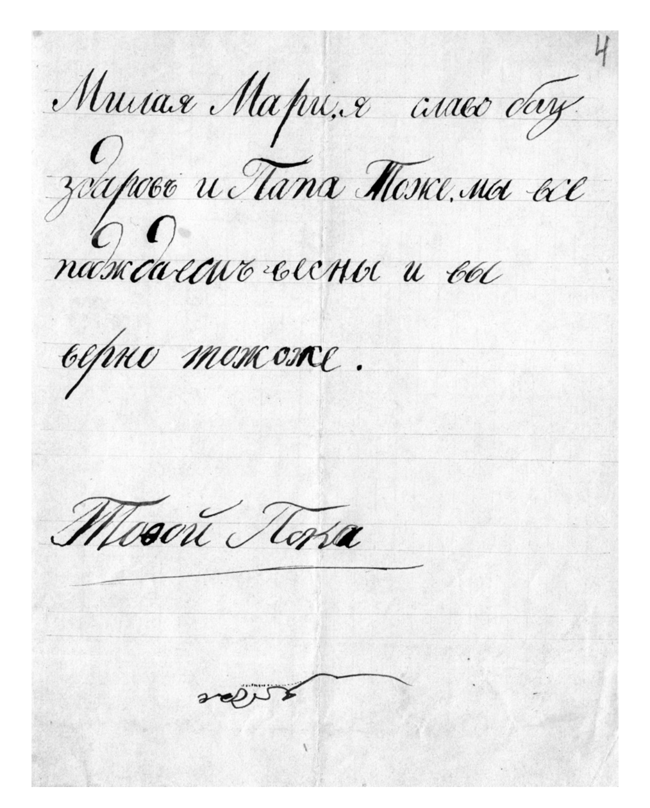
Искренно Вас любящий И. Борисов.

Рукой Пети Борисова:

Милая Мари, я, слава Богу, здоров и папа тоже. Мы всё подждаем весны и вы верно тожоже.

Товой По<п>ка.

Печатается по подлинникам: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 103–104 об.; № 20308. Л. 3–4.

4

Милая Марія, я славо богу
здоровъ и Папа тоже. мы все
ожидаемъ весны и вы
верно тожже.

Твой Петя

Письмо Пети Борисова к М. П. Фет (*ИРЛИ*)

[1] В то время существовали русские переводы только первой части «Божественной комедии», представленные следующими изданиями: 1) Божественная комедия Данте Алигиери. Ад. С очерками Флаксмана и итал. текстом. Пер. с итал. <прозой> Ф. Фан-Дима <псевдоним Е. В. Кологривовой>. Введ. и биография Данте Д. Струкова. СПб., [1842–1843]. 2) Ад Данта Алигиери. С прил. комментария, материалов пояснительных, портрета и 2-х рис. Перевел с итал. размером подлинника Дмитрий Мин. М., 1855. Скорее всего, Фет привез Борисову последнее издание. Д. Е. Мин (1818–1885) впоследствии перевел также «Чистилище» и «Рай»; вплоть до начала XX в. он считался лучшим переводчиком «Божественной комедии».

[2] 17 марта 1865 г. Фет писал В. П. Боткину о своем намерении отправить в ближайшее время в «Русский вестник» первую половину очередной статьи «Из деревни». В том же письме упоминается и другая законченная статья, которую Фет собирался публиковать в журнале «Библиотека для чтения» (*Фет/Боткин*. С. 406). Обе эти работы в 1865 г. в печати не появились, и судьба их неизвестна. О несостоявшемся сотрудничестве Фета с «Библиотекой для чтения» см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 97–110.

[3] *Феопемт* — бывший новосельский крепостной, служил у П. Аф. Шеншина поваром. Упоминается в п. 52.

[4] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[5] «*Жаворонками*» назывались булочки в виде птичек, их пекли 9 марта, в день 40 мучеников Севастийских, что символизировало приход весны.

[6] Ф. Ф. Кауфман (см. о нем п. 71 и примеч. 2 к нему).

73

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

30, 31 марта 1865 г. Из Новоселок в Степановку

30 марта 65. Новоселки.

Еще раз поздравляю вас и Христос воскресе,[1] друг Афоня и милая Марья Петровна. Часто убегаю мысленно к вам и не совсем-то спокойно поглядываю на вас, зная, что у вас революция с гаргагером.[2]

Делаю поиски во все концы и надеюсь, что будет из кого выбирать — ку́льтура, агронома и плотника. Но так быстро, как бы нужно было, по теперешнему времени невозможно — проездов нет, и к Святой даже не будет парома — ничего не поделаешь. Пришли было чудные дни, теплые, светлые, я вздумал было говеть — съездил верхом два раза в церковь и теперь не знаю, что делать. Кровавый насморк, и голова пухнет, и глаза лезут из лба, словом, хоть за коновалом посылай — злокачественнейший сап.

А тут узнаю новость, которая, верно, и тебя шевельнет. Кулешев[3] — переехав в Ядринку зыбинскую, предпринимает искоренить все следы зыбинского духа и для сего — продает вместе с рухавками[4] и землю, и леса, и воды. Цена не страшная: по 30 за дес<ятину>. — На всю, разумеется, нет средств. Но что поближе к нам, попытаюсь. Посылал к нему, и на это он согласен, и вот мой проект. Представлю Фатьянову на выкуп и что получу — всё на эту операцию. А если возможно, то и Новоселки на выкуп же, и тогда уже порядочную полосу примежуем земли, удобнейшей, чем наши горы. Но прежде всего надо увидаться с Кулешевым, а я вот не могу и дерзнуть. А переговоры через других и писания тут только гадят. Сеять до Святой не удастся. Только клочки кое-где, кормовой горошек. Сад вздираем — так кое-где. Не вовремя пришли праздники.

Середа.[5] Вдруг в ночь метель, и снег все покрыл на четверть. Слава Богу — это хорошо, только не для странствований. Говенье мое недоговелось — остаюсь великим грешником до Петрова дни. Прочли ли вы «1805» вторую.[6] О как же это хорошо, 100 т<ысяч> раз Толстой прав,

что этот его роман — лучшая вещь. А «Казаки» сами по себе — не сравнивай, что лучше, хорошие сапоги или ловкая шапка. Одно, одно ему в укор — зачем много французских писем и толков — но у него своя цель — это для comptes[a] Апраксин нужно.

Попка вас целует — написал было письмо, но сам остался так недоволен, что со слезами просил не посылать: «Напишу отлично, без ошибок, чисто — а то не удалось». — Теперь мы с ним остаемся вдвоем — немец едет в Орел до середы.[7] Но плох он, и как дядька даже плох — но делать нечего. Теперь можно будет искать уже гувернера-ментора — Телемак[8] шибко растет.

Будьте здравы и дай Бог, чтобы все было хорошо.

Поклонись Александру Никитич<у>. Поздравь его и поцелуй Володю за нас обоих.

Некогда, едут за сандалом, говядиной, телятиной и муки 2-й, прочее все есть. Ну и слава Богу.

У Дрейлинга высокая труба рухнула от земли на поля,[9] боюсь за свои все трубы, беда!

Не могу умолкнуть, пока вижу белую бумагу, и некогда, но не могу. У Шереметева завод штрафуют на 80 т<ысяч>.[10] На Фоминой ожидаю Алекс<ея> Мих<айловича> Сухотина, а там вот и Иван Сергеевич уже покажется — верно, уже укладывается теперь в Бадене.[11] — Рассчитывал получить оброк Фатьяновской до 300 р<ублей> и увы! Не могим! — Поэтому <в> праздник можно хохотать только для веселья. Не понимаю, как это изворачиваюсь. Вы, крезы здешних мест, не понимаете нашей бедности — у вас деньги только тысячи считаются, а у нас если скличешь рублей *восемь*, то торжество из торжеств. Ликуй!

Крепко обнимаю тебя, Афоня, и крепко целую Ваши ручки, милая Марья Петровна. Приезжайте поскорей.

Ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 105–106 об.

[1] Пасхальное воскресенье в 1865 г. пришлось на 4 апреля.

[2] По возвращении из Москвы Фет обнаружил, что лошади его из-за недосмотра приказчика Федора больны сапом. Спасти лошадей не удалось, и Фет уволил Федора, несмотря на то, что он был братом его повара Михайлы. Победить лошадиный сап в Степановке удалось только к началу зимы (*МВ*. Ч. 2. С. 61; *Фет/Боткин*. С. 401–405).

---

[a] Правильно comtes — графов (*франц.*). Апраксин — зд. надо понимать во множ. числе, на французский манер.

[3] О Кулешеве (Кулешове) см. примеч. 14 к п. 50.

[4] *Рухавки* — движимое имущество.

[5] 30 марта 1865 г. пришлось на вторник, а 31 — на среду.

[6] Имеются в виду главы XXIX–XXXVIII романа Толстого «Тысяча восемьсот пятый год» (Так первоначально назывался роман «Война и мир»), напечатанные в февральской книжке «Русского вестника». Начальные главы были опубликованы в номере за январь. Книжки журнала выходили с опозданием: январская вышла в свет 6 февраля, февральская — только 18 марта. Фет долгое время не мог прочесть продолжение романа, так как вследствие какого-то недоразумения перестал получать «Русский вестник» со второго номера (см. примеч. 7 к п. 77).

[7] Имеется в виду новый дядька Пети — Ф. Ф. Кауфман (см. п. 71 и примеч. 2 к нему).

[8] *Телемак*, или Телемах — в греческой мифологии сын легендарного царя Итаки Одиссея и Пенелопы. Упомянут в «Илиаде», один из главных персонажей «Одиссеи». Борисов имел в виду сына Петю.

[9] В письме Борисова к Тургеневу от 14 сентября 1863 г. упоминается необычайно высокая труба винокуренного завода Дрейлинга (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 2. С. 381).

[10] У А. В. Шереметева (см. о нем примеч. 6 к п. 67) в Глазуново был свой конный завод, а также винокуренный.

[11] И. С. Тургенев приехал из Баден-Бадена в Петербург только 23 или 24 мая ст. ст. 1865 г., в Спасском он пробыл с 3 по 29 июня ст. ст. (*Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 330).

74

Борисов — Фету

5 апреля 1865 г. Из Новоселок в Степановку

5 апр. 65. Новоселки.

Друг Афоня, гоню гонца с *чаем*, привезли в субботу под праздников праздник, т. е. в самую размазню и вовремя, оставалась щепотка. Теперь все удовлетворены — но ты, а не вы. — Вчера не послал — некого и проливной дождь, да боялся что и у Бернадота раздается Святись, Святися и Скандинавия.[1] Вскрытый мною один ящик — точь-в-точь такой же по наружности, как и посылаемый, благополучен. — Оказалось в нем 80 фунтов (котор<ых> не перевешивал, разумеется), несколько кулечков и мочал, вероятно, для наполнения. Посылаю квитанцию, полученную от Боткиных, которых уже извести сам в *получении*. Шмарову уплачено за доставку 4-50. — По 70 к<опек> с пуда и за две циновки 1-40. — Это, разумеется, мы пополам, т. е. по 2-25.

Федоту не плати, у меня с ним счеты за капусту — так я с ним уже и говорил. Но с меня, друг мой, ради Боже потерпи. Не знаю, сколько копеек остается в мешке, но рубля ни единого. Ни оброков, ни долгов никто не отдал, а мой постоянный выручатель в подобных случаях, Шмаров, в пятницу помер — это был *единственный* и, вероятно, последний из честных людей Мценска. Лет двадцать не изменял слову делом.

Прила<га>ю письмо Лоренца — увидишь, что об Наде — т. е., собственно, не об ней, но о *деньгах*. Тебе он и на словах не определил, *сколько* именно полагает он в год, мне на многие спросы письменные не ответил, а продолжает по мере его надобности. Но делать нечего. Пока буду в возможности, буду высылать. Само собой, он, зная, что у нее такие богатые и нежно любящие родственницы,[2] т. е. родители, будет доить досуха. Так и следует. Если ты сам или всякий посторонний человек иначе это приняли бы к сердцу, как я, с должным почтением и благодарностию к родителям, то я бы только громче взывал: о Боже! пощади! — Это ведь тоже сибирка. Божье наказание.

Вчера получил от Ивана Сергеевича,[3] он ждет *ясного дня*,[4] чтобы выезжать из Бадена в Новоселки и Степановки — «и скажите ему что я жажду увидать его иссизо-бурый нос, услыхать его очаровательно-мычащую речь».[5] Пишет о своем *восторге* от «Воеводы» Островского,[6] кроме последнего акта. Но не такие заключения о «*1805* годе» — т. е. первой части, что он прочел.[7] *Полное отчаяние, по всем пунктам.*

Что же это такое? и что же это такое?! Не могу постигнуть. — Меня удивляло уже, что ты как будто не совсем был доволен. Но Ив<ан> Сергеев<ич> поражает своими заключения<ми>. Но об этом надо после. Если у тебя есть «Воевода» и прочел уже его, пришли, голубчик — теперь вот, пока еще не отошла совсем земля, то и читать хорошо. Я же все сижу безвыходно, как-то не справлюсь совсем. Насморк, и голова трещит, и совершенное отсутствие аппетита. В самую заутреню от Мышатой к<обылы> (и Надежного) родился жеребчик — такой же необыкнов<енной> масти, как и в прошл<ом> году от Серой матки — вероятно, это в породе Булата. Это меня радует. Что-то у вас, прекратилась ли болезнь[8] — будешь писать, напиши об этом. Задумываю разные *экономические* реформы, но не знаю, как удастся осуществить, вперед *фастать* не хочу. — Прочел ли в 10 или 11 № «Современно<й> летописи» о *приготовлении удобрения из костей* Энгельгардта?[9] Стоит внимания и пробы. В малом размере испытаю летом, а с осени в большем уже. — Тебе, верно, известно, почем идут *выкупные свидетельства*, если знаешь, напиши. Мне нужно это к сведению для расчета будущей кувыркации.[10] — Стоит ли? в газетах об них — — — —

Поцелуй за нас ручки тети. Попка взялся сам писать, но неудачно. Столько ошибок, что надо было вновь, на новом же листке пошло еще сильней — «Милая, Милая, Милая» — четвертого раза не пришлось, я отобрал снаряды. Это значит ленивка, а сам просил, но зато вот картины хорошие.[11] Тете хижина — тебе Ахиллес и Гектор — да боги какие-то. — Не это ли значит *громами повелевать*?![12] Хоть бы Овсянников Борис Антонов[13] не повелевал — вот и юпитерство. С величайшим нетерпением жду вас — отчего ты отложил до 7-го мая, верно, Ив<ан> Серг<еевич> приедет скорей, и едва ли он пробудет долго, т. е. лето.

Твой И. Борисов.

Вот и письмо. Она, ленивка, написала.[14]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 107–108 об.

[1] Имеется в виду пасхальная служба.

[2] Подразумевается Л. Аф. Шеншина, см. п. 65.

[3] Письмо Тургенева от 16 (28) марта 1865 г. (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 123–124).

[4] Подразумевается строка из стихотворения Фета: «Жди ясного на завтра дня…».

[5] Цитата из письма Тургенева от 16 марта 1865 г. (см.: Там же. С. 124).

[6] Имеется в виду «Воевода (сон на Волге). Комедия в пяти действиях с прологом. В стихах» А. Н. Островского (Современник. 1865. № 1). «А „Воевода“ Островского меня привел в умиление, — писал Тургенев в упомянутом выше письме. — Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! Последний акт (особенно где воевода бегает за своей невестой, чтобы *защекотать ее насмерть*) плох; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия!» (*Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 124).

[7] См. примеч. 6 к п. 73. Речь идет о главах, напечатанных в январской книжке «Русского вестника». «К истинному своему огорчению, — замечал Тургенев по поводу первой части нового произведения Толстого, — я должен признаться, что роман этот мне кажется положительно плох, скучен и неудачен. Толстой зашел не в свой монастырь — и все его недостатки так и выпятились наружу. Все эти маленькие штучки, хитро подмеченные и вычурно высказанные, мелкие психологические замечания, которые он, под предлогом „правды“, выковыривает из-под мышек и других темных мест своих героев — как это всё мизерно на широком полотне исторического романа! И он ставит этот несчастный продукт выше „Казаков“! Тем хуже для него, если это он говорит искренно. И как это всё холодно, сухо — как чувствуется недостаток воображения и наивность в авторе, — как утомительно работает перед читателем одна память, память мелкого, случайного, ненужного. <…> Нет, эдак нельзя; эдак пропадешь, даже с его талантом. Мне это очень больно — и я желал бы обмануться» (Там же. С. 123–124). Впоследствии Тургенев изменил мнение о романе Толстого.

[8] Борисов имеет в виду лошадиный сап, появившийся в Степановке. См. примеч. 2 к п. 73.

[9] *Энгельгардт Александр Николаевич* (1832–1893) — агрохимик, публицист. В «Современной летописи» (1865. Март. № 10. С. 1–7) приводится подробный отчет о заседании Петербургского собрания сельских хозяев, состоявшемся 12 января. На этом заседании Энгельгардт делился своими соображениями по поводу найденного им удобного способа приготовления костяного удобрения.

[10] Борисов собирался заключить с крестьянами Новоселок и Фатьянова соглашение о выкупе ими своих земельных наделов, в результате чего он должен был единовременно получить значительную сумму. Деньги нужны были ему для покупки земли у соседа Кулешова (см. п. 73).

[11] Петя Борисов был одаренным ребенком, с раннего детства проявлял талант к рисованию. Б. А. Садовской в своей статье «Фет в портретах» упоминает «большой альбом в простой холщевой обложке», некогда принадлежавший Пете: «На его страницах даровитый и больной мальчик заносил наряду с наклейками и сводными картинками собственные наброски красками и карандашом. Здесь есть совсем неумелые детские опыты с посвящением „Марии Петровне Фет“, пробы с натуры и копии чужих рисунков. С годами работы Пети приобрели характер настоящего художества. Между прочим можно различить и голову Фета (карандаш), живо напоминающую Боткинский портрет. Любопытен также набросок, изображающий супругов Фет с племянницей О. В. Шеншиной на садовой скамейке под деревом. Хотя лица умышленно затенены, в очертаниях фигур есть несомненное сходство» (Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому. 1921–1922 / Вступит. ст., публ. и примеч. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2008. № 85. С. 113–114).

[12] Намек на строки из оды Г. Р. Державина «Бог»: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь — я раб — я червь — я бог!».

[13] Борисов вспоминает давнюю историю, случившуюся в те времена, когда Аф. Н. Шеншин был мценским предводителем. Доверенную ему опеку над имением малолетних Телегиных Шеншин перепоручил своему секретарю *Борису Антоновичу Овсянникову*, который доходы с имения (Семендяевской дачи) растратил. В результате Овсяников угодил под суд, а на имение Шеншина было наложено запрещение (*РГ.* С. 53, 63).

[14] Это письмо Пети Борисова неизвестно.

75

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

18 апреля 1865 г. Из Новоселок в Степановку

18-го апр. 65. *Новоселки.*

Небывалое бывает.[1] Пущенное твое письмо из Степановки, помеченное 14[2] — получено с почты в Новоселки — 15-го. Ну чего же хотеть! Просто телеграфчик. Верно и к вам в степу дошла весть о кончине в<еликого> кн<язя>,[3] бедный юноша — невольно и моя слеза скатилась

ему. Какая шекспир<овская> драм<а> окружила его последние минуты. Но — «Знать — так предназначено было».[4] Как говорит один поэт, он же и фанатик. На твое предложение о китайском чае, т. е. о сощитаемся, придуманном тобою — я могу только сказать тебе: милость, милость и жертвохваление!.. и что слыхал я, будто есть битки одним камнем двух воробьев — ты же превзошел всех и разом трех, да, кажется, так, что все много довольны. По крайней мере, я, что в настоящую минуту снял с меня мавзолей. — Теперь сосредоточь свое внимание. Ты, бывало, искал повара — подповара — не возьмешь ли *Григория*, четыре года почти он у нас отжил в<есьма?> порядочно — идет молиться в Киев — обет такой дан — я же взял уже другого — подешевле, за 6 рубл<ей>, одинокого немолодого старичка, но и тоже искусника: ученик *Власа*,[5] московского чудокормца. Одна беда — запоем мы все, о Господи, помилуй… Клятвы страшные и зар<о>ки дал пред иконою — что этого не будет — а будет, так уж делать нечего, останусь с куфаркой — и куфарку нашел. Григорий с женой и девочка — жена прачка. Жалованье — сокращается до 7 рубл<ей> — к тебе только. — Но есть и еще повар молодой в 5 рубл<ей>, одинокий. Приходил еще один, от Никол<ая> Никитича, в картузе и шинели, получше Петрушиной[6] заграничной, с этим я уже не разговаривал. Вон их сколько, а мы всё боимся глодать кости, и я Осипа послал в Орел набор поваров произвесть. — Так если тебе имеется нужда, то напиши — до 1-го мая Григорий у меня еще, или другого, 5-рублевого, или никакого.

Откуда ж ты нашел приказчика, в нем нужно более сути, чем в поваре. Что ты на морозы-то смотришь — мы по снегу, где только была двоеная[7] с осени, уже рассеяли. Ломать будем, как пустит, а пока корешки распустит, ростка же ни боже мой, не будет холодно. Озимая пшеница *вся* черна и, кажется, увы! пропадала — а может, еще и отрыгнет, когда припарит хорошен<ько>. — Что же это Ивана Сергеевича еще не видать[8] и как же быть — ехать к тебе — помеха, и сам вон ты запутался в хлебородии. О! Ваше Высокохлебородие! Что мы будем делать, коли пропадут 12 десят<ин> озимой пшенички! Я было хотел отказаться от яровой, но со страху и на этот год набрали на 12 десятин. Мценские и орловские барки *все* стоят и уже перегружаются, за все за это копейки не найдешь отныне и до века во Мценске. — Неужели старая пуганая ворона не убоялась размышлять о Юдашке[9] — ну возможно ли!!! И неужели Марья Петровна в сем случае не помогла нерешительному, слабому Реквесенсу…[10] (смотри Кайданова,[11] Нидерланды). Напиши когда-нибудь об Александре Никитиче, жив ли он? К тебе же я боюсь заглядывать — с учителями и Попками опасно, — одному невозможно —

да и боюсь одноглазков и сапов. Когда же эта зараза-то кончится. Даже англичане было струхнули наших эпидемий,[12] и Ив<ан> Серг<еевчич> в Бадене устрашился сибирки. Марья Петровна, пора георгины подготовлять к высадке. Для этого их надо просто в мох и в каком-либо сыром углу сложить — они дадут ростки, с которыми и высадите в мае по местам. Цветником в нынешнем году приходится заниматься мне без помощи садовника — он весь поглотился огородом и едва ли успеем. Денег нет на работника, а то бы нанял. Тяжелые времена пришли. *Казначеевы* вам обоим кланяются. Он желал бы в соседи к Афоне, потому что рыбак — рыбака… Деятельность неисповедим<ая>, и этого-то ему и нужно. Попка вас целует, он действительно стал попорядочней прежнего, капризов никаких и не слыхать. Картину Вам, тетя, писать некогда. Душой ваш И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 9–10 об.

[1] *Небывалое бывает* — надпись на медали, отчеканенной в память одного из эпизодов Северной войны. Медаль эту вручили всем участникам боя, состоявшегося весной 1703 г. в устье Невы, когда отряд русских лодок взял на абордаж два шведских корабля, вооруженных пушками.

[2] Это письмо Фета неизвестно.

[3] О смерти великого князя наследника цесаревича *Николая Александровича* (1843–1865), последовавшей в Ницце 12 апреля, Борисов узнал из «Московских ведомостей» (№ 78 от 13 апреля). В том же номере сообщается о свидании наследника с прибывшими в Ниццу отцом, братьями и невестой принцессой Дагмарой.

[4] «Знать, уж так должно, знать, предназначено было» — из стихотворения Фета «Ночью как-то вольнее дышать мне…» (редакция *Сб1850).*

[5] В повести Фета «Дядюшка и двоюродный братец» упоминается «известный в то время (повар. — *И. К.*) Влас» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 50). Возможно, и Фет и Борисов имели в виду Власа Осипова, вольноотпущенного повара В. Л. Пушкина, который долгие годы был кухмистром московского английского клуба.

[6] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[7] *Двоёная земля* — пахотная земля, разделенная на озимые и яровые поля.

[8] Борисов и Фет ждали приезда Тургенева в Спасское, куда писатель прибыл 3 июня (*Тургенев. Письма*. Т. 6. С. 330).

[9] *Юдашка* (от Иуда) — крепостной Аф. Н. Шеншина, сын кормилицы брата Фета Василия (*РГ*. С. 262); был слугой Фета-кирасира, а по некоторым данным — и Фета-улана, в 1858 г. получил вольную.

[10] *Реквезенс Луис* (1526–1576) — испанский наместник в Нидерландах (1573–1576), преемник прославившегося своей жесткостью герцога Альбы.

[11] *Кайданов Иван Кузьмич* (1782–1843) — педагог, преподавал историю в Царскосельском лицее и в Императорском училище правоведенья; приобрел известность как автор учебников по истории, которые долгое время господствовали в учебных заведениях России.

[12] По сообщению «Московских ведомостей» (1865. 2 апреля. № 72. С. 2), вопрос об эпидемии, свирепствующей в России и других странах, прибрежных к Балтийскому морю, поднимался 6 и 7 апреля в Палате общин английского парламента. Отвечая на запрос депутатов, представитель правительства пояснил, что в Петербург уже послан коронный медик, который должен исследовать болезнь на месте, а таможенным чиновникам предписано подвергать самому тщательному осмотру приходящие из Балтийского моря суда. В том же номере, со ссылкой на публикацию «Journal de St-Pétersbourg», приводятся данные о размере эпидемии, предоставленные Министерством внутренних дел английскому послу. Оказалось, что эпидемическая лихорадка, кроме Петербурга, охватила ряд уездов Петербургской и Новгородской губерний, особенно вдоль линии Николаевской железной дороги. Кроме того, ею были заражены Пензенская, Таврическая и Харьковская губернии, а в ряде других губерний: Астраханской, Киевской, Волынской, Минской, Витебской, Калужской, Тульской, Владимирской и Курской она хоть и проявилась, но слабо. Наибольшее напряжение эпидемии было в Петербурге в начале февраля, в это время заболевших насчитывалось до 250 и даже до 300 человек в день. Всего же со времени появления болезни до 1 марта в петербургские госпитали и больницы поступило около 15 тысяч человек, пораженных тифом и возвращающеюся лихорадкой, и более двух тысяч умерло.

76

Борисов — Фету

14 мая 1865 г. Из Новоселок в Степановку

14 мая 65. *Новоселки.*

Милый друг Афоня, не жди нас вскоре — Попка мой заболел. Жалуется на горло, и посылаю за доктором. Хотя нет чего очевидно опасного, но пусть лучше посмотрит — вчера продержал его в постели, все спал. Авось, Бог даст, и ничего. Поцелуй ручки Марьи Петровной за нас и вот ей *послание,*[1] написанное почти вслед за вами, и как ему хотелось все к вам — «На месяц меня оставь у тети».

Что у вас, верно, проливной дождь был, а у нас только *буря* и сердитый шум.[2] Поклонись Василью Петрови<чу>,[3] верно, он достиг вашей пристани.

Обнимаю тебя крепко.
Твой И. Борисов.

Если можешь, уведомь Алексея Ивановича Кологривова,[4] что есть другой *повар, молодой и хороший, с женою прачкою за 8 рубл<ей>.* Если он пожелает его, то пусть напишет скорей на мое имя, а я его к нему направлю.

На конверте: *В Орел*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
В Степановку.

Почтовые штемпели: Мценск, 15 <мая> 1865; Орел, 17 май, <1865>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 109–110 об.; конверт — л. 111.

[1] Письмо Пети Борисова не сохранилось.

[2] Намек на стихотворение Фета «Буря на небе вечернем, / Моря сердитого шум…».

[3] В. П. Боткин прибыл в Степановку не раньше 9 мая 1865 г. Судя по его письму к Фетам от 2 мая, он предполагал, выехав 7 мая из Москвы, вечером 8-го достигнуть Спасского и остаться там на именины Н. Н. Тургенева, которые отмечались 9 мая. Однако в том же письме он допускал, что ему придется покинуть Москву позже 7-го; в таком случае он собирался ехать прямо к Фетам (*Фет/Боткин*. С. 414). Так и случилось: «…приехал я на другой день (после выезда. — *И. К.*) в 10-м часу вечера в Степановку, и Феты еще не возвращались от Н. Н. Тургенева с именин» (письмо к брату Дмитрию от 13 мая 1865 г. (*ИРЛИ*)). Фет в своих мемуарах иначе описывает прибытие Боткина в 1865 г.: «По давно заведенному порядку, мы и на этот раз приехали на своих лошадях сперва к Борисову, а затем на другой день вместе с последним на именины Николая Николаевича. Обычный круг гостей был отчасти изумлен неожиданным приездом Боткина, умевшего в добрый час быть чрезвычайно любезным. Будучи на своих лошадях, мы пригласили на другой день Василия Петровича обедать и ночевать в Новоселки <...>» (*МВ*. Ч. 2. С. 67). Очевидно, Фет здесь ошибается: ни в 1865 г., ни в другие годы Боткин не был на именинах у Н. Н. Тургенева.

[4] *Кологривов Алексей Иванович* (р. 1828) — близкий сосед Фета, владелец имения при селе Богородицком (Хряпино Болото) и деревнях Лепешевка и Новопоселенная Николаевка, находившихся в нескольких верстах к северу от Степановки. Какое-то из этих имений, а может быть, и все сразу в 1864–1865 гг. хотел купить В. П. Боткин (*МВ*. Ч. 2. С. 65–66).

77

Борисов — Фету

22 мая 1865 г. Из Новоселок в Степановку

22 мая 65. Новоселки.

Вероятно, прежде этого письма ты уже знаешь, что мы никак не можем никуда. Попка все еще не оправится совсем — да и я гнусно — насморк. От Ивана Серг<еевича> и об нем нет ни слуха ни духа,[1] а вот

от Льва Ник<олаевича> вчера получаю записку из Никольского[2] — может, сегодня его увижу, а может, и не заедет — в июне же он с семейством в Никольское. Спрашивает о тебе. Вчера же послал ему и ответ, а я привинчен к дому. Кауфмана отпускаю в Орел до середы — все говеет. Ищу человека взамен Осипа, который болен серьезно. Не знаешь ли где такого, служителя не слишком дорогого.[3] Только не за три щелчка. Я тебе говорил, кажется, что нанятой наш повар держится только на силе клятвенной зарока, а ведь это цепь тонее всякой паутинки. Вот и это у меня постоянно на уме, да надо решить об озимой пшенице, еще десять десятин не казнены — может, что отрыгнут. Хоть бы семян не покупать — да и негде. Ну как мне на тебя не сердиться, когда ты нарочно меня сглазиваешь… Поэтому-то я, как бы ни казалось все благополучно обстановлено по дому, хозяйству и пр., постоянно жду столпотворения. — Половину залива сегодня досадим, авось не погибнет, огурцы ранние плохи. А если эта статья огородная не будет блистатель<но> хороша, то ты меня со святыми упокой!

Попка мешает мне вполне оплакать свои горести. Поручает тебя, тетю целовать за него хорошенько и когда узнал, что Василий Петрович с вами,[4] то еще усиленней запрыгали желания в Степановку. И только обещанием Степановки укрощаю порыв его из комнат на воздух. Не знаю сам, душа моя, когда же нам удастся к вам, и уж, верно, в первую минуту возможную — будем у вас. Нет, жить в деревне, когда в этой жизни по необходимости добываешь и все средства для жизни — не наслаждение, а труд тяжелый. А я ведь лентяй. Не то что ты, и поэтому мне должно бы это в сто раз быть тяжелее. Неужели по всем этим соображениям не оросит нас дождь и <не> освежит мои засыхающие надежды на капусту! и не поможет опять наладить нашу муравьиную кучу. Но слава Богу и за то, что млеко, масло и даже простокваша стали появляться в майском виде и аромате.

Земляника же зацвела невидимою силою. Только ты и этого не сглазь, пожалуйста. Взял было землемера резать десятины вновь, но как вышел, поглядел да проверил чушь, то, дав три р<убля> за бесчестье, прогнал его. Они и понятия не имеют, как мерить по нашим горам. И сам мудрый Федор[5] понял суть — пытался растолковать ученому дураку, но тот так с тем и уехал. В Новоселках эта статья стоит впереди даже Остзейского вопроса.[6] Я тебе донесу при свидании, а ты — в книжку.

Поцелуй ручки Марьи Петровной за нас обоих. Василию Петровичу поклонись, и будьте здравы не по-нашему.

Твой И. Борисов.

«Русск<ий> вестн<ик>» привезу.[7]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 112–113 об.

[1] См. примеч. 8 к п. 75.

[2] Речь идет о письме Толстого к Борисову от 21 мая 1865 г. См.: *Толстой* . Т. 61. С. 85–86.

[3] Борисов перифразирует слова из «Сказки о попе и работнике его Балде» Пушкина: «А где найти мне такого / Служителя не слишком дорогого?». До 1882 г. это произведение публиковалось в редакции В. А Жуковского под названием «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде».

[4] См. примеч. 3 к п. 76.

[5] Новосельский староста.

[6] Под влиянием событий в Польше ситуация в Прибалтийских губерниях Российской империи, т. е. в Остзейском крае, стала рассматриваться в качестве одной из важнейших внутриполитических проблем. В ходе полемики по «остзейскому вопросу», в прессе обсуждался весь комплекс общественно-политических и экономических проблем Прибалтики — аграрный и крестьянский вопросы, недостатки системы народного образования, устаревшего городского и судебного устройства. Вместе с тем были подняты вопросы об остзейском сепаратизме, эстонском и латышском национальном движении, положении русского языка и православия в Прибалтийских губерниях.

[7] Речь идет о втором номере «Русского вестника», который Фет до сих пор не получил. В конце апреля приехавший в Москву В. П. Боткин говорил об этом с М. Н. Катковым (*Фет/Боткин*. С. 413), но ситуация не изменилась. «Представьте себе, они еще не читали „1805 год“ и просят, чтобы привез им „Р<усский> вестн<ик>“. Катков за что-то не высылает дяденьке (т. е. Фету. — *И. К.*), и дяденька злится, злится, злится…», — писал Борисов Л. Н. Толстому в мае 1865 г. (цит. по: *Фет/Боткин*. С. 414. Примеч. 1 к п. 119).

78

Борисов — А. А. и М. П. Фетам

25 июня 1865 г. Из Новоселок в Степановку

25 июня 65. Новоселки.

Сегодня рано выезжаем.[1] Только Петька все еще не просыпается и спит богатырем, а будить не следует. — От вас мы доехали прелественно.[2] В Фатьяновой питались вашими степановскими дарами — пирог холодным оказался вкусным до подчмокивания. — У вас забыли

книгу гомеоп<ата> *Теста*[3] и «*Эпоху*», это в твоем кабинете, милая, добрая моя Фетушка. Захвати их, когда поедешь в Спасское.[4]

Если увидишь Петра Афанась<евича>, поздравь его мычание[5] и скажи ему, что решились в Рязань,[6] а не к нему по крайней необходим<ости>. 6 лет или 600 лет не видался я с ним — все-таки скорей могу, а с ними кажется ни-ни.

Если будет возможно, к 5-му и<юля> возвратимся. Крепко целуем Ваши ручки, милая Марья Петровна, будьте все здравы. Усерднейше кланяюсь Василию Петровичу.[7] И затем ваш неизменный

по гроб
Микоубер.[8]

Дорогой до Федота[9] Иван Сереев<ич> при помощи Петра Борисова сочинил басню — про Сову и Зайца — суть в том: Заяц — Китаец, а Сова — ну кто?! Не отгадаешь? — Бонапарт!!!

На конверте: *В Орел*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
В с. Степановку.

Почтовые штемпели: Мценск, 25 <июня> 1865; Орел, 27 июн<я> <1865>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 115–115 об.; конверт — л. 114.

[1] См. примеч. 6 к наст. письму.

[2] Борисовы ездили в Степановку вместе с Тургеневым, который вернулся домой 25 июня (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 6. С. 150).

[3] Гомеопатический учебник острых и хронических детских болезней. Соч. д-ра доктора Альфонса Теста, члена многих учен. обществ. о-в. Пер. с франц., с прил., В. Дерикера. СПб., 1854.

[4] Фет побывал в Спасском в первой половине июня и, видимо, собирался повторить свой визит, но Тургенев неожиданно для Фета и Борисова покинул свое имение гораздо раньше намеченного срока — 29 июня.

[5] Борисов имеет в виду приближающийся день Петра и Павла (29 июня) — именины П. А. Шеншина.

[6] В Рязани, куда направился Борисов с сыном, проживала его сестра А. П. Казначеева.

[7] Речь идет о В. П. Боткине.

[8] О Микобере см. примеч. 3 к п. 64.

[9] См. примеч. 4 к п. 56.

79

Борисов — А. А. и М. П. Фетам

1 августа 1865 г. Из Новоселок в Степановку

1-го авгус. 65. Новоселки.

Милые друзья Афоня и Марья Петровна, так давно не было уже слухов, что пущаюсь к вам почтой — на *авось* зашлется в Орел. Надеюсь, что все у вас благополучно и уборка кипит. Копны пшеничные и овсяные, кувыркаясь, уклались в скирды, ну, словом, все хорошо. А у нас и свозить-то нечего. — Все это время я странствовал по Кочетам,[1] Головинкам[2] и отыскивал семян пшеницы озимой — и кое-как покупкой, меной и займом — набрал. Познакомился с *Шатиловым,*[3] что в Мохове,[4] о! о! о! Что это за человек! Он то же, что хорошая погода на меня подейство<вал>, и я уверен, что если ты, Афоня, заглянешь к нему, то многое разъяснишь, о чем шумят народные витии.[5] Видно, что Шатилову хозяйство наше знакомо, как Кавказскому возить бочку, и он уже много навозил воды.

С Толстым не видался. Л<ев> Н<иколаевич> пишет, что уезжает до 10-го,[6] но куда?[7] Не знаю. А семейство всё у Марьи Николаевной и возвратятся в Никольское. К тебе он писал.[8] А я прождал его до 25[9] — предполаг<ал> и к вам пробраться — хорошо, что так не вышло — дома пропасть возни — спасаем огурец и капусту. Черви проклятые прежде нас поедают, но авось.

О если бы вы действительно жили в степи Аравии щастливой, то спаслись бы к вам, но после последнего нашего свидания призадумаешься, боюсь одноглазков и в особенности за Попку. Буду ждать, милые, авось вам будет возможно в нашу сторону в Новоселку. Около 16-го сбираюсь в Спасское на несколько деньков поохотиться, а потом на Воин.[10] А потом и всё — дома, дома. Но если вы к нам, может, ранее, то все переменю — только уведомьте. Охотничьи планы, когда *один*, можно как угодно.

Милый друг Афоня, если соберешься с деньгой и сами вскоре не надеетесь попасть к нам, то найми нарочного и уплати ему из моего капитала.[11] В августе мне просто разорение.

Был ли ты у Петруши?[12] Что он о верховом коне для И. П. Новосильц<ова>?

Попка вас целует и часто просится в Степановку. Нигилистов еще никак не выгоним, но видимого беспокойства еще незаметно.

Обнимаем крепко. Будьте здравы, не забывайте нас.

И. Борисов.

Об Ив<ане> Серг<еевиче>[13] ни гу-гу.

На конверте: *В Орел*. Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету. В с. Степановку.

Почтовые штемпели: Мценск, 1 августа 1865; Орел, 3 августа 1865.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 116–117 об.; конверт — л. 118.

[1] *Кочеты* — сельцо Новосильского уезда Тульской губернии, имение Сухотиных.

[2] *Головинка* — поместье Сухотиных Новосильского уезда Тульской губернии, рядом с Кочетами.

[3] *Шатилов Иосиф Николаевич* (1824–1889) — знаменитый агроном и лесовод, бессменный президент Московского общества сельского хозяйства (1865–1889). В 1870 г. за труды по сельскому хозяйству Высочайшим повелением пожалован из губернских секретарей в статские советники, с 1881 г. — действительный статский советник. Автор многочисленных публикаций и докладов, посвященных проблемам сельского хозяйства и лесоразведения.

[4] В 1864 г. к Шатилову перешло родовое имение Новосильского уезда Тульской губернии при селе Моховом (5800 десятин), в котором он завел образцовое хозяйство. Особенно широкую известность в русской сельскохозяйственной среде получили превосходный шатиловский овес, прекрасная обработка почвы и рациональная организация всего производства. Л. Н. Толстой, посетивший Моховое летом 1865 г., так отозвался об увиденном: «Это наверное самое замечательное хозяйство в России, и он сам (Шатилов. — *И. К.*) один из самых милых по простоте, уму и знанию людей» (письмо к А. Е. Берсу от 24 июля. Цит. по: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 372).

[5] Перифраз стихотворения Пушкина «Клеветникам России» («О чем шумите, вы, народные витии?»).

[6] См. письмо Толстого к Борисову от 25 июля 1865 г. (*Толстой*. Т. 61. С. 96–97).

[7] Толстой собирал материал для «Войны и мира» и с этой целью искал встреч с представителями старшего поколения; сначала он отправился на Воин, в имение П. П. Новосильцова, а оттуда в село Шаблыкино Караченского уезда к Н. В. Киреевскому.

[8] См. письмо Толстого к Фету от 25 июля 1865 г. (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 371–372).

[9] Из письма Борисова к И. С. Тургеневу от 25 июля видно, что Толстой побывал у него в Новоселках «на днях», «остался в восторженном удовольствии» от общения с Н. Н. Тургеневым и слушал воспоминания П. П. Новосильцова о своих родителях (*Письма Борисова Тургеневу.* Ч. 3. С. 490).

[10] Имение П. П. Новосильцова Мценского уезда с усадьбой XVIII в. и большим парком.

[11] Фет прислал Борисову деньги, см. п. 80.

[12] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[13] Тургенев неожиданно для всех уехал из Спасского 29 июня. Первое его письмо к Борисову, написанное после отъезда, — от 5 (17) августа.

80

Борисов — М. П. и А. А. Фетам

7–9 октября 1865 г. Из Кочетов и Новоселок в Степановку

7 окт. 65. С. Кочеты.

О! Афанасий Афанасьевич!

Милый друг мой — почтовые люди… и т. д. Ну спасибо тебе, душа моя, за тормошню по случаю 364 миллионов серебр<ом>. Они получены. А я все не дома. Вот уже другую неделю живу в Кочетах, и кочетоваемся недурно, на днях затравили 5 волков, все Генералу счастье, Сергею Михайлов<ичу>,[1] все он травил. Но погода — мерзость, такая мокрая.

Мы с Попкой давно не дома — 8-го я его свезу в Новоселки — а сам 10-го опять в Кочеты и пробуду здесь до 16-го, возвратившись, вероятно, буду все более дома и авось дождусь вас, милые друзья.

Льва Никол<аевича>, кажется, уже нет в Никольск<ом>, и сеялки 28-го еще не привозили к нам[2] — теперь не знаю. Когда возвращусь, то перешлю.

О 300 <рублях> Петруше[3] немедля распоряжусь и вышлю ему.

Далее поздняя вставка:

Уже письмо и деньги отправил Ив<ану> Фед<орову>. 9 окт<ября>.

Милая Марья Петровна, целую Ваши ручки за Попку и за себя. Когда же к нам-то!

Я устал сегодня, как Бог по сотворении человека — и в 7 часов готов опочить. Крепко вас обнимаю.

8-го окт. *Новоселки*.

Из Кочетов не пришлось отправить, и кстати. Только что домой, как приехала сеялка и записка Л<ьва> Н<иколаевича> Т<олстого>.[4] Они сегодня выехали. Он был болен, Сережа[5] тоже, ну ничего. Татьяна Андр<еевна>[6] осталась у Дьяковых пока. Экой ты чудище — зная, что Петруше нужны деньги и получив мне же такую сумму, не отправил ему прямо, вот это китаизм значит по-нашему, а по-вашему как? Объясняю это одним: что ошалел, получив такой куш великобританский. Сухотины оба вам кланяются — сегодня все уехали в Новосиль выбирать гласных, у них тоже кувырдода такая, как и у нас, мценских. Вы бы хоть к городу-то поближе подъехали поголосить.[7] — Погода была мерзость — слякоть, ветер или туманы непроходимые — только волками и позабавились. 10-го я опять туда и до 16 без умолку. А потом около дома. Вот если бы вы подъехали, можно бы и к Тургеневым, хотя ничего в тех местах на травлю. Успел ли картофель вырыть — повсюду он в земле и померз — беда тому, кто скоро после мраза копнул, надо ждать, чтобы отошло совсем.

Своего посылать теперь с сеялкой не могу — велел нанять. Нашел было *Идеального Человека* в дом наш, но что-то не является. *Стоя на лазу*[8] около острова Слободы, нанял проезжего на серой кобыле *садовника* за 6. Не знаю, каков будет — говорит, что совсем не пьет ЕЕ. Если кого встретишь, кого-либо из запойных и обыкновенных, то гони в Ломцы к кн<язю> Ник<олаю> Борис<овичу> Голицыну,[9] *даром вылечивает*, и больница, и все в две недели. Вот оно, какие чудеса пошли.

Ну, пора, пора, авось увидимся.

И. Борисов.

Приписки на полях:

При осмотре сеялки заметили только, что нет скобки у крыши, а то, кажется, в исправности.

Не едут новосельские менее 2-50 да 2 м<еры> овса, велел обождать немного, Федор[10] отправит без меня.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
В *Степановку.*
От И. Борисова.

На обороте: Посланный нанят за 2 р<убля> и 1 мера овса.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 119–120 об.; конверт — л. 121.

[1] 11 ноября 1865 г. С. М. Сухотин записал в своем дневнике: «Мое пребывание в Кочетах оставило мне, как всегда, приятное впечатление; дружба брата Александра, Борисова, добрых Дьяковых, привязанность к тем местам и охота, все содействует к моему утешению» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // Русский архив. 1894. Кн. 1. С. 260).

[2] Толстой менял свою сеялку на жеребца Фета. Обмен должен был состояться 25 сентября, но управляющий именьями Толстого забыл выполнить его поручение и не отправил сеялку вовремя (см. письмо Толстого к Фету от 7 октября 1865 г.: *Толстой*. *Переписка*. Т. 1. С. 373–374).

[3] Имеется в виду брат Фета — П. Аф. Шеншин.

[4] См. письмо Толстого к Борисову от 7 октября 1865 г.: *Толстой*. Т. 61. С. 108.

[5] *Толстой Сергей Львович* (1863–1947) — старший сын Толстого.

[6] *Татьяна Андреевна Берс* (в замуж. Кузминская; 1846–1925) — сестра С. А. Толстой.

[7] Речь идет о выборах гласных в Мценское уездное земское собрание. Для этой цели на 27 октября 1865 г. был назначен съезд уездных землевладельцев. Борисов и Фет присутствовали на съезде и были избраны гласными, что описано в письме Борисова к Тургеневу от 29 октября 1865 г. В публикации этого письма (*Письма Борисова Тургеневу*. Ч. 3. С. 496) допущена существенная неточность. Следует: «Мы с Фетом нечаянно, но попали в гласные <…>».

[8] *Лаз* — место, где охотник рассчитывает встретить зверя.

[9] Кн. *Голицын Николай Борисович* (1802–1876) — отставной гвардии поручик, помещик села Ломцы Новосильского уезда Тульской губернии, близкий сосед Сухотиных.

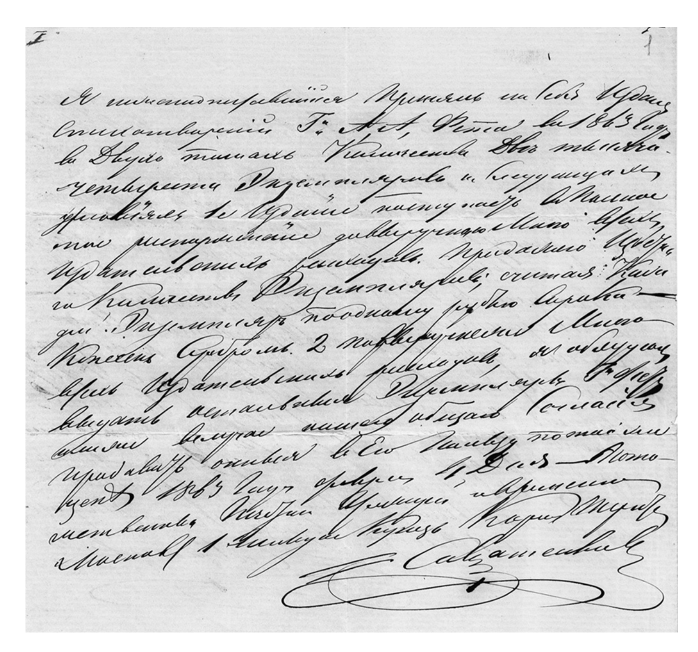
[10] Новосельский староста.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Соглашение между Фетом и К. Т. Солдатенковым об издании сборника «Стихотворений» 1863 г.

Я, нижеподписавшийся, принял на себя издание стихотворений г-на А. А. Фета в 1863 году в двух томах количества две тысячи четыреста экземпляров на следующих условиях: 1-е. Издание поступает в полное мое распоряжение до выручения мною всех издательских расходов продажею известного количества экземпляров; считая каждый экземпляр по одному рублю сорока копеек серебром; 2. По выручке же мною всех издательских расходов, я обязуюсь выдать остальные экземпляры г-ну Фету или же, в случае нашего общего согласия, продавать оные в его пользу по той же цене. 1863 год. Февраля 4-го дня. — Потомственный почетный гражданин и временно Московс<кой> 1 гильдии купец Козьма Терент<ьев> Солдатенков.

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20303. Л. 1.

Соглашение Фета с К. Т. Солдатенковым об издании «Стихотворений» 1863 г. (*ИРЛИ*)

ПОСЛЕДНИЕ (ПРЕДСМЕРТНЫЕ) ПИСЬМА Н. Н. ТОЛСТОГО к ФЕТУ и И. П. БОРИСОВУ

Публикация А. Г. Гродецкой

Воскрешая в «Моих воспоминаниях» зиму 1857/1858 года, проведенную в Москве, Фет писал: «Днем я прилежно был занят переводами из Шекспира, стараясь в этой работе найти поддержку нашему скромному бюджету, а вечера мы почти безотлучно проводили в нашей чайной. Тут граф Ник<олай> Ник<олаевич> Толстой, бывавший у нас чуть не каждый вечер, приносил с собою нравственный интерес и оживление, которые трудно передать в немногих словах. В то время он ходил еще в своем артиллерийском сюртуке, и стоило взглянуть на его худые руки, большие, умные глаза и ввалившиеся щеки, чтобы убедиться, что неумолимая чахотка беспощадно вцепилась в грудь этого добродушно-насмешливого человека. К сожалению, этот замечательный человек, про которого мало сказать, что все знакомые его любили, а следует сказать — обожали, приобрел на Кавказе столь обычную в то время между тамошними военными привычку к горячим напиткам. Хотя я впоследствии коротко знал Николая Толстого и бывал с ним в отъезжем поле на охоте, где, конечно, ему сподручнее было выпить, чем на каком-либо вечере, тем не менее, в течение трехлетнего знакомства я ни разу не замечал в Ник<олае> Толстом даже тени опьянения. Сядет он, бывало, на кресло, придвинутое к столу, и понемножку прихлебывает чай, приправленный коньяком. Будучи от природы крайне скромен, он нуждался в расспросах со стороны слушателя. Но наведенный на какую-либо тему, он вносил в нее всю тонкость и забавность своего добродушного юмора. Он видимо обожал младшего своего брата Льва. Но надо было слышать, с какой иронией он отзывался о его великосветских похождениях. Он так ясно умел отличать действительную сущность жизни от ее эфемерной оболочки, что с одинаковою иронией смотрел и на высший,

и на низший слой кавказской жизни. И знаменитый охотник, старовер, дядюшка Епишка (в „Казаках“ гр. Л. Толстого — Ерошка) очевидно подмечен и выщупан до окончательной художественности Николаем Толстым».[1]

С января 1846 года Николай Толстой служил в артиллерийской бригаде на Кавказе, и именно к месту службы старшего брата, в станицу гребенских казаков Старогладковскую приехал, как хорошо известно, в мае 1851 года Лев Толстой.[2] В отставку Н. Н. Толстой официально вышел в 1858 году, фактически оставив службу в 1857-м,[3] отсюда и упоминание Фетом его «артиллерийского сюртука».

Параллель к мемуарной записи Фета составляют относящиеся к тому же времени воспоминания Т. А. Кузминской: «Мария Николаевна (Толстая. — *А. Г.*) проводила зиму 1857–1858 гг. в Москве, и у нее я впервые встретила брата ее Николая Николаевича. Он был небольшого роста, плечистый, с выразительными глубокими глазами. В эту зиму он только что приехал с Кавказа и носил военную форму.

Этот замечательный по своему уму и скромности человек оставил во мне лучшие впечатления моего детства. Сколько поэзии вынесла я из его импровизированных сказочек. Бывало, усядется он с ногами в угол дивана, а мы, дети, вокруг него, и начнет длинную сказку или же сочинит что-либо для представления, раздаст нам роли и сам играет с нами. <…> Николай Николаевич с добродушной иронией относился к великосветским выездам брата. Войдет Мария Николаевна, и он ей, улыбаясь, скажет:

— А Левочка опять надел фрак и белый галстук и пустился в свет. И как это не надоест ему?

Сам Николай Николаевич нигде не бывал; он жил на окраине Москвы, где, впрочем, всегда его отыскивали его почитатели и друзья. Между ними были Тургенев и Фет».[4]

Рассказ Тургенева о московском быте Николая Толстого, которого отличал, помимо таланта, «чисто философский склад ума», воспроизвел

[1] *МВ*. Ч. 1. С. 217–218.

[2] См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. М., 1958. С. 27, 43–45.

[3] Н. Н. Толстой вышел в отставку и уехал с Кавказа в 1853 г., однако вторично поступил на военную службу в ноябре 1855 г., получив формально отставку в 1858 г. (см. данные его формулярного списка: *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и Н. Н. Толстой // Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. 2-е изд. Тула, 1988. С. 77; впервые та же статья: Тургеневский сборник. Л., 1969. Вып. 5. С. 419–428).

[4] *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1973. С. 59.

Л. Н. и Н. Н. Толстые. Дагерротип К. П. Мазера. Москва, 1851 г.
Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

в своих мемуарах Е. М. Гаршин: «То смирение перед жизнью, — говорил нам Иван Сергеевич, — которое Лев Толстой развивает теоретически, брат его применил непосредственно к своему существованию. Он жил всегда в самой невозможной квартире, чуть не в лачуге, где-нибудь в отдаленном квартале Москвы, и охотно делился всем с последним бедняком. Это был восхитительный собеседник и рассказчик <…>».[5]

Старшему брату Лев Толстой в «Воспоминаниях» (1903–1906) посвятил о многом говорящие страницы: «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что <он> не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка:

[5] *Гаршин Е. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *ИВ*. 1883. № 11. С. 388.

у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают люди. Качества же писателя, которые у него были, было прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный, веселый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства».[6] Созданные Николенькой детские истории о «муравейных братьях» и «зеленой палочке» Толстому были неизменно дороги: «Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня. <…> Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, <…> остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».[7]

В кругу знакомых и друзей Николай Толстой остался автором единственного литературного произведения — очерков «Охота на Кавказе», опубликованных в февральском номере «Современника» за 1857 год.[8]

---

[6] *Толстой*. Т. 34. С. 386. Тургенев, как вспоминал Е. М. Гаршин, говорил, что для Николая Толстого «писать было <…> почти физически невозможно. Его затруднял самый процесс письма, как затрудняет простого человека, у которого всегда натружены руки и перо плохо держится в пальцах. / По всему этому только очень немногие его „Охотничьи рассказы" попали в печать» (*Гаршин Е. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе. С. 388).

[7] *Толстой*. Т. 34. С. 386–387.

[8] А. Е. Грузинский позднее опубликовал найденные им в архиве Н. Н. Толстого неоконченную повесть «Пластун (Из воспоминаний пленного)», созданную в приключенческом жанре на материале кавказской жизни (см.: Красная новь. 1926. № 5. С. 127–140; № 7. С. 125–163; датирована публикатором: не позднее 1858 г.), и «Заметки об охоте» («Весенние поля», «Заяц»), написанные предположительно «в последний год жизни» автора (см.: Охотничье сердце: Лит.-худож. альманах / Под ред. Ник. Смирнова. М., 1927. С. 70–90). В бумагах Николая Толстого остались, кроме того, отрывочные записи к повести «Последний Нуртузали», основанной на кавказских преданиях (см.: *Грузинский А. Е.* Писатель Н. Н. Толстой // Красная новь. 1926. № 5. С. 122–127). Републикацию текстов см.: *Толстой Н. Н.* Сочинения. Тула, 1987. См. также: *Смирнов Ник.* Н. Н. Толстой и его творчество: Лит. заметки // Охотничьи просторы. М., 1955. Кн. 5. С. 372–379 (здесь же опубликована главка

СОВРЕМЕННИКЪ

1857

№ II ФЕВРАЛЬ

Съ 1857 года будутъ принимать въ «Современникѣ»
исключительное и постоянное участіе:

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ. Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ. И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

Февральская книжка «Современника» за 1857 г. Обложка

ОХОТА НА КАВКАЗѢ.

РАЗСКАЗЫ Н. Н. Т.

I.

ВЪ РОДѢ ВВЕДЕНІЯ.

Разнообразіе мѣстности, окружающей Кавказъ. — Стрѣльба туземцевъ. — Охота за дудаками. — Охота за кабанами. — Ищейки. — Звѣровыя собаки.

Кавказъ, по множеству дичи, по разнообразію мѣстности и климата, одна изъ интереснѣйшихъ странъ въ свѣтѣ для охотника. Начиная отъ степнаго дудака и сайгака до горнаго барана (тура), отъ барса, медвѣдя и до зайца, отъ лебедя до бѣлки и перепелки, здѣсь водятся различныя породы звѣрей и птицъ; поэтому-то здѣсь и возможна охота почти круглый годъ, не за однимъ, такъ за другимъ родомъ дичи.

Самая глухая пора для охоты на Кавказѣ — лѣто. Съ половины апрѣля почти вся птица сидитъ на яйцахъ; жара наступаетъ сильная; лѣсъ одѣвается; поляны зростаютъ камышомъ и бурьяномъ; вьющіяся растенія покрываютъ лѣсъ; хмѣльникъ и плющъ переплетаются около корней деревьевъ; дикій виноградникъ покрываетъ стволы ихъ. Добравшись до самой вершины огромнаго дуба, онъ спускается оттуда длинными побѣгами. Развѣваясь по вѣтру, побѣги эти какъ будто стараются захватить въ свои зеленыя сѣти вершины фруктовыхъ деревьевъ:

Февральская книжка «Современника» за 1857 г. Первая страница

Этой публикацией, подписанной «Н. Н. Т.», открывался первый раздел журнала, имя автора было обозначено только в оглавлении. Нельзя не отметить, говоря об отношениях Николая Толстого и Фета, что во втором, четвертом и седьмом разделах этого же номера «Современника» увидели свет стихотворения Фета «Даки», «У камина» и его очерки «Из-за границы».[9] Предваряя публикацию прозы Николая Толстого, И. И. Панаев сообщал Тургеневу 24 января 1857 года, что Лев Толстой доставил в редакцию «драгоценную, капитальную вещь своего брата „Охота на Кавказе". Мы упивались, читая ее с Боткиным. Какая простота, грандиозность картин, какое величие природы — чудо! Это сокровище будет во 2 №».[10]

Некрасову о «Записках» старшего брата Лев Толстой сообщил 29 июня 1856 года: «Получил я от брата Николая Записки охотничьи его — листа 3 печатных. На днях покажу Тургеневу, но по-моему прелестно».[11] Тургенев этого чтения ждал, он писал Толстому 18 (30) июня: «Чрезвычайно заинтересовали Вы меня тем, что Вы мне говорите о „Записках" Вашего брата — и я почти уверен, зная его, что Вы не преувеличиваете — очень мне хотелось бы их послушать — и если не теперь, то надеюсь, что в июле я их узнаю непременно». Когда именно состоялось «узнавание», не установлено. В письме к Панаеву от 3 (15) октября 1856 года Тургенев уведомлял адресата, что напомнил Льву Толстому «о „Записках" его брата о Кавказе, которые *прелестны* и должны появиться в „Современнике"». П. В. Анненкову 9 (21) марта 1857 года он сообщал: «„Охота на Кавказе" Н. Н. Толстого очень мне понравилась». О «пленительном Николае Николаевиче» Тургенев просил написать ему М. Н. Толстую в письме от 4 (16) июля, добавляя: «Скажите ему, что я его люблю от души и что его „рассказы" прелестны». И напоминал Льву Толстому 25 ноября (7 декабря), передавая поклон Николаю, что «в его записках были восхитительно поэтические страницы».[12]

Некрасов свою оценку мастерства кавказских очерков Н. Н. Толстого высказал в письме к Тургеневу от 10 (22) апреля 1857 года: «Автор не

«Кизлярские сады» из «Охоты на Кавказе»: С. 355–362); *Зайцев Ник*. «Талант наблюдателя — огромный…»: Кавказ в творчестве Н. Н. Толстого // Ставрополье. 1990. № 2. С. 114–120.

[9] См.: Современник. 1857. № 2. С. 233–234, 237–271.

[10] Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 77.

[11] *Толстой*. Т. 60. С. 70.

[12] *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 110, 129, 210, 235, 275. См. также: *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и Н. Н. Толстой. С. 63–66.

виноват, что это не повесть, но задачу, которую он себе задал, он выполнил мастерски и, кроме того, обнаружил себя поэтом. Некогда писать, а то я бы указал в этой статье на несколько черт, до того поэтических и свежих, что ай-ай! Поэзия тут на месте и мимоходом выскакивает сама собою; неизвестно, есть ли у автора творческий талант, но талант наблюдения и описания, по-моему, огромный — фигура старого казака вначале чуть тронута, но, что важно, не обмельчена, любовь видна к самой природе и птице, а не к описанию той и другой. Это вещь хорошая. Не знаю, насколько Лев <Николаевич> поправил слог, но мне показалось, что эта рука тверже владеет языком, чем сам Л<ев> Н<иколаевич>. Далекость от литературных кружков имеет также свои достоинства. Я уверен, что автор не сознал, когда писал, многих черт, которыми я любовался как читатель, — а это не часто встречаешь».[13]

Фетовское замечание о прообразе дяди Ерошки в толстовских «Казаках» (1863), который именно Николаем Толстым был «подмечен и выщупан до окончательной художественности», неоднократно цитировалось. Епишка — хозяин избы, в которой квартировали в станице Старогладковской братья Толстые. «Это чрезвычайно интересный, вероятно, уже последний тип старых гребенских казаков, — повествует автор «Охоты на Кавказе», — <…> теперь он почти девяностолетний одинокий старик. Чего не видал человек этот в своей жизни! Он и в казематах сидел не однажды, и в Чечне был несколько раз. Вся жизнь его составляет ряд самых странных приключений». Старик Епишка «от природы очень умен и имеет большой дар слова»; две его страсти — «охота и бражничанье», «они были и теперь остаются его единственным занятием».[14] Ярко выразителен и вместе с тем человечен, в чем-то комичен портрет Епишки: «Вот идет он по площади, с непокрытой головой (шапку он потерял или заложил), седой, блестящей на солнце. Белые, как лунь, волосы его развеваются по ветру. В руках у него балалайка, на ногах — черевики с серебром и кармазинные чинбары тоже с галунами. На нем надет засаленный, но непременно шелковый бешмет, с короткими, по локоть, рукавами, из-за которых торчат длинные рукава клетчатой рубашки. За ним тянутся его неизменные псы: Гуляй — чистый гончий кобель, Рябка — какой-то пестрый ублюдок, и, наконец, Лям — собака, не подходящая ни к какой породе, — собака невозможная, худая, старая, почти совершенно голая, с какими-то красными пятнами, вроде очков, кругом

---

[13] *Некрасов*. Т. 14. Кн. 2. С. 68–69.

[14] *Толстой Н. Н., гр*. Охота на Кавказе / С предисл. М. О. Гершензона. М., 1922. С. 27–28.

глаз, с странными пролежнями, в виде двух камней, около хвоста. Чем питаются эти собаки, — неведомо; достоверно известно только то, что Епишка не кормит их. Несмотря на то, эти собаки очень привязаны к нему и сопровождают его повсюду, особенно, когда он пьян. Он идет, то разговаривая с собаками, то распевая во все горло и играя на балалайке, то обращаясь с разными воззваниями к проходящим. Весьма замечательны его возгласы при встрече с женщиной: „эй! ведьма! милочка! душенька! полюби меня — будешь счастливая!“. Этим возгласам обыкновенно предшествует какой-то особенный, одному Епишке свойственный, гортанный звук, — что-то среднее между криком и ржанием, — и в этом крике, кажется, выливается вся душа его: так он полон жизни, страсти, и надежды, и отчаяния, — в нем и призыв, и угроза, и просьба».[15]

В своих мемуарах Фет вспоминал зимой 1857/1858 года рядом с братьями Николаем и Львом и Марию Николаевну Толстую: «Таким образом у нас иногда по вечерам составлялись дуэты, на которые приезжала пианистка и любительница музыки графиня М. Н. Толстая, иногда в сопровождении братьев — Николая и Льва — или же одного Николая <…>».[16] И здесь же возникала фигура Ивана Петровича Борисова: «И. П. Борисов, бывший сам человеком недюжинным и видавший Льва Толстого еще на Кавказе, не мог, конечно, с первой встречи с ним в нашем доме не подпасть под влияние этого богатыря».[17]

С Борисовым Николай Толстой познакомился не зимой в Москве, а весной того же года, приехав из своего имения Никольское-Вяземское в Новоселки, где у И. П. и Н. А. Борисовых гостил в это время Фет с женой. «Завязались, — вспоминал Фет, — многосложные воспоминания кавказцев об этом воинственном и живописном крае».[18] «Оказалось, — продолжал он, — что Новоселки в недальнем расстоянии от Никольского <…> милейший Николай Николаевич видимо привык к нашему близкому соседству, и его желтая коляска, запряженная тройкою серых, нередко останавливалась перед нашим крыльцом».[19] Экипаж Николая Толстого также увековечен Фетом в мемуарах: «Не могу пройти молчанием этого экипажа, которого никак не могу в воспоминании отделить

---

[15] Там же. С. 29–30.

[16] *МВ*. Ч. 1. С. 216–217.

[17] Там же. С. 218.

[18] И. П. Борисов служил на Кавказе с 1850 г., участвовал в военных действиях против горцев, в 1856 г. вышел в отставку. Подробнее о нем см.: *Письма к Борисову*. С. 64–75.

[19] *МВ*. Ч. 1. С. 237–238.

от прелестной личности его владельца. Хотя мы и называли этот экипаж коляской, но это была скорее большая двуместная пролетка без верха, но с дверцами, повешенная на четырех полукруглых рессорах. Коляска эта явилась на свет в те времена, когда желто-лимонный цвет был для экипажей самый модный и когда экипажи делали так прочно, что у одного даже многолетнего поколения не хватало сил их изъездить. Блестящим примером тому могла служить наследственная никольская коляска <…>. Раза с два приходилось мне впоследствии проехать с Н. Н. Толстым в этой коляске на почтовых под самую Тулу и обратно, и не было примера утраты малейшего винта или гайки. Я как-то заметил Н. Н., что его коляска — *эмблема бессмертия души*. С тех пор братья Толстые иначе ее не называли».[20]

Лето 1858 года стало временем постоянного дружеского общения братьев Толстых, Фета, Борисова и жившего в Спасском Тургенева. Помимо близости усадеб, их сблизили литературные интересы, общее увлечение охотой, шахматами. Фет об этом времени вспоминал: «…не в состоянии сказать, сколько раз Тургеневы и Толстые сходились с нами в Новоселках или в Спасском. Помню только, что свидания эти были задушевны и веселы».[21] Приехав в Спасское в начале июня, Тургенев 22–25 июня «провел три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры», как он писал Полине Виардо, имея в виду М. Н. Толстую и ее имение Пирогово, где виделся с Н. Н. и С. Н. Толстыми. Далее в письме представлены все три брата Толстые, и Николай в описании Тургенева — «прелестный малый, ленивый, флегматичный, неразговорчивый и в то же время очень добрый, с очень изысканным и тонким вкусом и чувствами, человек действительно своеобразный».[22]

Лето 1859 года Фет с женой вновь проводят в Новоселках у Борисовых, и «так как Тургенева не было в Спасском, то граф Ник<олай> Ник<олаевич> Толстой еще чаще стал посещать нас на своем „бессмертии души“».[23] Вместе с ним Фет в июне навещает в Пирогово Сергея Толстого и затем в Ясной Поляне — Льва, вместе с Николаем Толстым он этим летом не раз выезжает на охоту.[24]

К весне 1860 года относится еще один фрагмент «Моих воспоминаний», связанный с Николаем Толстым. «Конечно, — пишет Фет, — мы

---

[20] *МВ*. Ч. 1. С. 238.

[21] Там же. С. 251–252.

[22] *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 396. Подлинник по-франц.

[23] *МВ*. Ч. 1. С. 295.

[24] См.: Там же. С. 295–297, 298–299.

не отказали себе в удовольствии заехать на два дня в Ясную Поляну, где к довершению радости застали дорогого Н. Н. Толстого, заслужившего самобытною восточною мудростью — прозвание *Фирдуси*. Сколько самых отрадных планов нашего пребывания в яснополянском флигеле со всеми подробностями возникали между нами в эти два дня. Никому из нас не приходила в голову полная несостоятельность этих планов.

Так как в карете у нас было четвертое место, а граф Ник<олай> Ник<олаевич> сбирался в наше ближайшее соседство, свое Никольское, то мы весело решили доехать вместе до Новоселок. При видимом упадке сил и удушливом кашле, милый Никол<ай> Никол<аевич> сохранил свой добродушный юмор, и его общество помогало нам забывать скуку переезда».[25] «Однажды, — продолжает Фет, — приехавший в нам в половине мая Ник<олай> Ник<олаевич> Толстой объявил, что сестра его графиня М. Н. Толстая вместе с братьями убедили его ехать за границу от несносных приливов кашля. Исхудал он, бедный, к этому времени очень, невзирая на обычную свою худобу; и по временам сквозь добродушный смех прерывалась свойственная чахоточным раздражительность».[26]

Озабоченные здоровьем Николая, Сергей, Лев и Мария Толстые принимают весной 1860 года решение о поездке на воды. Избрав по рекомендации врачей прусский курорт Соден, Сергей и Николай отправляются пароходом из Петербурга в Штеттин 28 мая, Лев Николаевич и Мария Николаевна с детьми Варварой, Елизаветой и Николаем отплывают из Петербурга в Штеттин 2 июля.[27]

Накануне, 20 июня Толстой пишет Фету: «По причине беспомощности сестры и желания видеть Ник<оленьку>, я завтра на всякий случай беру паспорт за границу и, может быть, поеду с ними; особенно ежели не получу, или получу дурные вести от Ник<оленьки>. — Как бы я дорого дал, чтобы видеть вас перед отъездом <…>».[28]

Состояние Николая Толстого беспокоило всех, кто знал его близко. Живший в это время в Содене Тургенев писал Фету 1 (13) июня 1860 года: «…то, что Вы сообщили мне о болезни Николая Толстого, глубоко меня огорчило. Неужели этот драгоценный, милый человек должен погибнуть! И как можно было запустить так болезнь! Неужели он не решится

[25] Там же. С. 325.

[26] Там же. С. 326.

[27] См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. С. 213, 214.

[28] *Толстой*. Т. 60. С. 343.

победить свою лень и поехать за границу полечиться! Ездил же он на Кавказ в тарантасах и черт знает в чем! Что бы ему приехать в Соден? Здесь на каждом шагу встречаешь больных грудью: соденские воды едва ли не лучшие для таких болезней. Я Вам всё это говорю — за 2000 верст, как будто слова мои могут что-нибудь помочь...». И добавлял в конце письма: «Если Николай Толстой не уехал, бросьтесь ему в ноги — а потом гоните его в шею — за границу. Здесь, например, такой мягкий воздух, какого в России *никогда* и *нигде* не бывает».[29] В письме от 9 (21) июля Тургенев сообщал Фету: «Толстому (Николаю) не слишком помог Соден; к сожаленью, он поздно спохватился, и болезнь его сделала такие шаги, что уже едва ли возможно поправить дело. Я от души полюбил его — и очень мне его жалко».[30]

Николай Толстой пробыл в Содене до 17 (29) августа, затем Лев перевез его в Гиер на юге Франции, близ Ниццы, где он скончался 20 сентября (2 октября). Последние дни и смерть брата Толстой описал в письмах к Т. А. Ергольской от 20 сентября (2 октября) и С. Н. Толстому от 24 и 25 сентября (6 и 7 октября), в его Дневнике короткая запись о смерти брата появилась почти месяц спустя — 13 (25) октября.[31] В письме к А. А. Толстой от 17 (29) октября он признавался: «Два месяца я час за часом следил за его погасанием, и он умер буквально на моих руках. Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, — это был лучший мой друг. <…> не то что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена».[32]

Фету о смерти брата Толстой сообщил только 17 (29) октября в подробном и крайне тяжелом письме из Гиера: «Правду он говаривал, что хуже смерти ничего нет. А как хорошенько подумать, что она все-таки конец всего, так и хуже жизни ничего нет. Для чего хлопотать, стараться, коли от того, что было Н. Н. Толстой, для него ничего не осталось. <…> К чему всё, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманыванья, и кончатся ничтожеством, нулем для

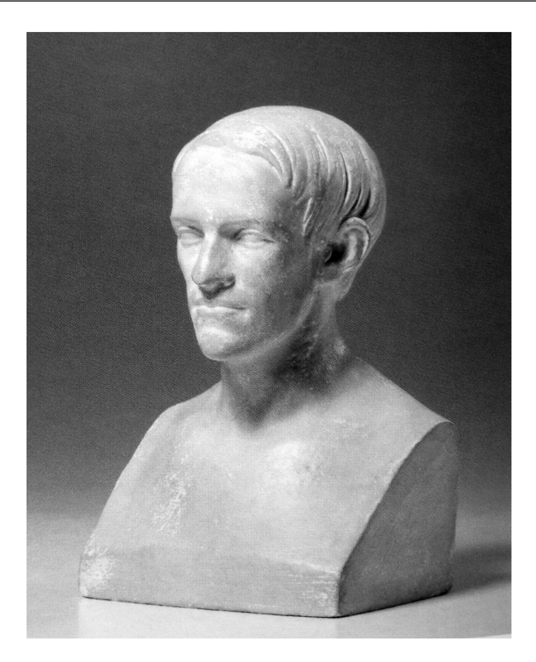
---

[29] *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 201, 202.

[30] Там же. С. 218–219.

[31] *Толстой*. Т. 60. С. 352–355; Т. 48. С. 29–30.

[32] Там же. Т. 60. С. 356. Николай Толстой в известной степени явился прообразом скончавшегося от чахотки Николая Левина в «Анне Карениной»; соденские главы романа также связаны с впечатлениями Толстого от пребывания в Киссингене, Содене и Гиере (см.: *Архангельская Т. Н.* Толстые в Гиере и «Щербацкие на водах» // Яснополянский сборник. 2002: Статьи, материалы, публикации. Тула, 2003. С. 54–62).

Н. Н. Толстой.
Бюст работы В. Гифса. Брюссель, 1861 г.
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

себя. — Забавная штучка». Заключил Толстой письмо словами: «Я Вас люблю так же, как брат Вас любил и помнил до последней минуты».[33] В сознании Толстого брат Николай и Фет в продолжение многих лет будут объединены. Сообщая Фету в октябре 1862 года о своей женитьбе, Толстой напишет: «Когда я вас увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишком много близкого, незабываемого — Николенька, да и кроме того». В ситуации исключительной близости вновь предстанут Фет и Николай Толстой в известном письме Толстого от 28–29 апреля 1876 года с размышлениями об уходе *туда* и адресованным Фету признанием: «…мне в эту минуту никого так не нужно было бы, как вас и моего брата. Перед смертью дорого и радостно общение с людьми, которые в этой жизни смотрят за пределы ее, а вы и те редкие *настоящие* люди, с которыми я сходился в жизни, несмотря на здравое отношение к жизни, всегда стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану, в беспредельность,

[33] *Толстой*. Т. 60. С. 357–358.

неизвестность, то в сансару, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение».[34]

О кончине Николая Толстого Фет мог узнать из письма В. П. Боткина от 28 сентября (10 октября), писавшего: «Бедный и прекрасный Н<иколай> Толстой умер — вы уже, вероятно, это знаете».[35] Сообщил ему о смерти Толстого и Тургенев в письме от 3 (15) октября: «Да, вот мы еще с Вами собираемся жить; а для Николая Толстого уже не существует ни весны, ни соловьиных песен — ничего! Он умер, бедный, на Гиерских островах, куда он только что приехал. Я получил это известие от его сестры. Вы можете себе представить, как оно меня огорчило — хотя я уже давно потерял надежду на его выздоровление — и хотя жизнь его была хуже смерти — если только есть что-нибудь хуже смерти. <…> Я знаю — и Вы и Борисов не раз его помянете: золотой был человек — и умен, и прост, и мил. Я бы желал поговорить об его последних днях с Львом Николаичем — да бог знает, когда и где я его увижу».[36]

О скорбной утрате Фет писал из Степановки 19 (31) октября С. В. Энгельгардт: «Слышали ли Вы, что мой дорогой и милейший Николай Толстой умер на Гиерских островах от чахотки. Это потеря для меня очень и очень тяжела. Никогда я не перестану жалеть об этом горячем, благородном сердце и светлом ясном уме».[37]

С запозданием известие о смерти Николая Толстого дошло до И. П. Борисова, который 1 (13) октября 1860 года писал М. П. и А. А. Фетам: «…бедный, бедный Николай Толстой. Как грустно подумать, что мы похоронили уже его в нашей жизни. Жив ли он или перестал страдать и кашлять».[38] Когда из жизни ушел Борисов, Тургенев в письме Фету от 4 (16) июня 1871 года вспомнил Николая Толстого: «Побежал наш бедный Иван Петрович по следу Николая Толстого, как он мне писал в одном из своих последних писем! Вспоминаю я, как часто мы, стоя с ним в новосельском саду и глядя на березовую аллею, по которой Николай Толстой приезжал из-за Зуши в своих развалистых дрожках, беседовали о нем; а теперь вот и сам хозяин ушел туда же, в ту темную бездну, откуда нет возврата».[39]

Первое из публикуемых писем Николая Толстого Фету и Борисову датировано 27 мая 1860 года. В тот же день, 27 мая, Сергей Толстой

[34] *Толстой*. Т. 60. С. 454; Т. 62. С. 272.
[35] *Фет/Боткин*. С. 293.
[36] *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 246.
[37] *Фет А*. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 375.
[38] *Письма Борисова*. Ч. 1. С. 168.
[39] *Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 105; также: *МВ*. Ч. 2. С. 231.

отправил письмо брату Льву. Его стоит привести почти полностью, так как ряд подробностей в нем или повторяют, или уточняют то, о чем идет речь в публикуемом письме Николая Толстого. Сергей пишет брату: «Левочка! Писать тебе много нечего, ибо Николенька уже тебе пишет; <…> мы выезжаем завтра, т. е. 28 мая в Штетин. Все уже окончено, советовались мы не с Шипулинским, который в деревне, а с Здекауэром (тоже знаменитость и специалист грудных болезней), он же и лечил Тургенева;[40] он нас тоже посылает туда же, куда и его, т. е. в *Соден* около *Вис-Бадена*, адрес наш в *Франкфурт-на-Майне*, *poste restante*. <…>

Так как я Здекауэра видел вместе с Николенькой, то я нарочно заезжал к нему после, вот его слова: Il n'est pas bien, les poumons sont attaqués, surtout le côté droit, mais sa position n'est pas tout-à-fait désespérée (Он плохо себя чувствует, затронуты легкие, особенно правая сторона, но его состояние не совсем безнадежное — *франц*.). Впрочем, в то время, когда я у него был, у него было по крайней мере человек 30 больных, и он торопился, и вообще видно было, что он хотел скорей от меня отделаться, у меня же, он говорит, застарелый катар, а впрочем, Бог его знает.

Здоровье Николеньки так же, как и было прежде, разве только что он еще стал слабее.

Григорович уверяет, что Соден (а ему сказал Ковалевский) есть место, куда посылают самых безнадежных, и что туда ездить не следует, ибо уныние, скука невообразимые, с утра до вечера будто носят гроба. *Пасмурно*».[41]

И еще одно письмо С. Н. Толстого — от 21 июня н. ст. 1860 года из Содена — заслуживает цитирования, поскольку также отчасти дублирует информацию в письме Николая Толстого: «Мы приехали в Соден уже четыре дни, и четыре дни пьем воды. Морской переезд был наисквернейший, боковая качка, меня почти все время рвало, Николенька же морской болезни не имел, но все время нашего житья в Петербурге и дорогой, которая продолжалась всего три дня морем и два дня от Штетина до Франкфурта, он был нехорош. Теперь же, в Содене, ему сдела-

---

[40] Шипулинский Павел Дмитриевич (1808–1872) — петербургский врач-терапевт, у которого лечились Тургенев и Некрасов (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 57, 295, 445); о Здекауэре см. ниже, примеч. к письму 1.

[41] Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 220–222. Речь идет о близко знавших Льва Толстого Д. В. Григоровиче и Ег. П. Ковалевском. «Григорович здесь, чрезвычайно как мил, стал еще лучше прежнего», — сообщал С. Н. Толстой в том же письме (Там же. С. 222).

лось гораздо лучше, рвота и лихорадка прекратились, он много ходит и ест, меньше плюет и приписывает свою болезнь желудку, но доктора здешние, Вейзенталь и Гросман, находят его очень нехорошим. Здесь, в Содене, Тургенев Иван Сергеевич лечится уже Бог знает от какой болезни. Он живет два шага от нас и с Николенькой сражается в шахматы. Кроме больных, здесь нет никого, разве только Тургенев да одни какие-то русские, претолстые (русских здесь много), и больные все одного характера, чахоточные. Только и слышно что кашель, и плеванье, и хрипенье. Николеньке в Содене придется прожить все лето и зиму *непременно* остаться здесь, т. е. за границей. Мне же 4 недели в *Содене* и 2 в *Шлангель-Баде*, тоже близко отсюда.

Соден Николеньке нравится своим спокойствием. Это крошечный городок или деревня, опрятная, видов никаких. От Висбадена это полчаса езды. Я уже выучился играть в рулетку и проиграл несколько золотых. В Содене жизнь чрезвычайно дешева, мы живем на квартире у прекрасных стариков немцев, платим очень дешево и имеем все удобства — вот все, что есть писать, разве только то, что Тургенев старается уверить себя, что он в восторге и почти влюблен в одну немочку, дочь франкфуртского портного, которая живет с ним с своею больною матерью на одной квартире. Она действительно очень мила, но, может быть, это кажется оттого, что она здесь одна здорова и молода, а остальные все больны. Несмотря, что она дочь портного, она отличная музыкантша. Бетховен, Мендельсон, Моцарт — все это ей нипочем, вся немецкая литература тоже; это не то что у нас, у Сюсюка такой дочери не будет. Это письмо опять к тебе, Машеньке и тетеньке, у которой я целую ручки. Машеньке, верно, доктора тоже, как и мне, посоветуют ехать в Соден для грудных болезней и нервных — это, говорят, единственное место в свете, жизнь очень дешева и покойна, есть прекрасный сад и музыка, квартир много. <…>

Я для себя в Содене пользы не нахожу никакой до сих пор. Погода и здесь нехороша. Говорят, никогда такой не бывало. Дожди и свежо что-то у нас. Адрес наш теперь прямее будет вам писать — прямо в Германию, в *Соден*, дом Шнейдера Ландлуст, хотя и от Франкфурта мы в получасе езды.

Переписываю адрес появственнее. A Soden près de Francfort-sur-le-Moin. Landlust. Herr Schneider. Landlust — это не улица, а имя дома, Schneider же — имя нашего хозяина».[42]

---

[42] Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 225–226.

Возвращаясь к оценкам *прелестных* очерков Николая Толстого «Охота на Кавказе», стоит вспомнить то, что писал о них их публикатор М. О. Гершензон: «Статья и теперь читается с большим удовольствием; она подкупает обилием тончайших наблюдений и точных знаний, которое сделало бы честь самому С. Т. Аксакову <…> и которое, однако, не загромождает изложения, текущего легко и непринужденно. Со второй страницы видно, что этот человек, с таким зорким взглядом и прекрасной памятью, очаровательно свободен и ясен душевно, и чем дальше читаешь, тем большую симпатию и доверие внушает его спокойный и умный рассказ. Он ничего не подчеркивает, ничего не навязывает, он благородно-сдержан без всякой сухости. В этом свободном господстве над материалом и в этом ясном спокойствии повествования — прелесть его описаний. Притом, они сделаны мастерски; многие из них истинно художественны, как, например, картина ночи в начале осени („Гуси попрежнему ночью летают кормиться в степь“, и т. д.), — без сомнения, одно из лучших описаний живой природы в русской литературе.

Эта мягкая и, однако, весьма отчетливая живопись характеризует самого художника, и если вспомнить, что автор этих описаний брат Л. Н. Толстого, то различие между обоими братьями сразу бросается в глаза. Л. Н. Толстой в эти годы был очень далек от свободы и ясности; в его тогдашних писаниях совсем нет спокойствия, и меньше всего он был способен так всецело погружаться в созерцание. Его мысль поминутно возвращается от зрелища — на него самого и на человека вообще, т. е. на нравственное, и так как в нравственном нет покоя, но все — движение и оценка, то он беспрестанно выпадает из эпического тона и подчеркивает, и навязывает читателю отдельные черты. Словом, рассказ Н. Н. Толстого точно ровным светом освещает мирный пейзаж, тогда как в картинах Л. Н. — богатая игра света и тени, в них чувствуются темные страсти и мятежная мысль их творца. Можно догадываться о том, как импонировала эта спокойная уверенность старшего брата неуверенному тогда, тревожному Льву Николаевичу».[43]

Выразительна оценка А. Е. Грузинского, писавшего: «В творчестве Н. Толстого сквозит его чистая, мягкая душа, чуждая всего эффектного, показного, способная к сдержанному лиризму, к углубленному созерцанию действительности <…>».[44] Слова эти вполне могут быть отнесены к опубликованному Грузинским охотничьему рассказу Н. Толстого «Заяц», начинающемуся так: «Всем известно, что заяц самое несчастное созда-

---

[43] *Гершензон М. О.* Предисловие // Толстой Н. Н., гр. Охота на Кавказе. С. 6–7.

[44] *Грузинский А. Е.* Писатель Н. Н. Толстой. С. 126.

ние, что кроме человека, который с каким-то ожесточением, всеми средствами преследует его, его уничтожают и хищные звери и даже птицы. Действительно, ни один человек не может видеть, как вскочит заяц, чтобы не закричать и не захлопать ему вслед, одним словом, не сделать чего-нибудь в этом роде; действительно, человек изобрел против него разнообразнейшие способы охот и ловушек <…>. Но есть и для него блаженное время, когда лес и поле, одетые свежей зеленью, представляют ему надежный приют, защиту против врагов и обильную пищу, когда он вполне наслаждается жизнью и прелестью любви. Это — когда овес начинает куститься, а рожь идет в трубку. Целый день лежит он в лесу, в овраге, в самой чаще, где густой и широколиственный орешник образовал такой свод, что лучи солнца не проникают туда; там пахнет сыростью, черноземом, там прохладно даже тогда, когда стадо сошло вниз к реке, к мельничному пруду и стоит по колено в воде, когда в поле тихо и пусто, хохлатые жаворонки и подорожнички попрятались, ласточки без крика, и как-то не так проворно, шныряют по воздуху, некоторые даже садятся на землю и сидят неподвижно с раскрытыми ртами, копчики, которые все время с пискливым криком кружились в воздухе, тоже сидят на кочках, просиживая свои зобы, — один только лунь ленивыми размахами летает над полем, точно он купается в воздухе. В лесу тоже все смолкло, разве вдруг защелкает черный дрозд, да зяблик сделает короткое коленце. И так лежит заяц до вечера».[45]

И особенно ценно свидетельство И. А. Бунина (в записи А. Бахраха), признававшегося, что, перечитывая «Казаков», он жалел о том, что одновременно не мог еще раз прочесть «Охоту на Кавказе». «А ведь это подлинно прекрасная вещь, — точно стараясь меня в чем-то убедить, — почти с волнением в голосе воскликнул Бунин. — Да могло ли быть иначе, коли ее автором был такой удивительный человек, как Николай Толстой. Если вам представится возможность, непременно прочтите эту повесть, даже если вы ничего в охоте не смыслите. Когда я писал мою книгу о Толстом, мне хотелось уделить в ней хотя бы несколько страниц его брату Николаю, но у меня не было достаточно материалов под рукой. Ведь Николай Толстой умер задолго до моего рождения. Мой отец его раз-другой встречал, и говоря о нем, едва удерживал слезы, а ведь сентиментальностью отец не отличался. А кто теперь Николая Толстого вспоминает? Вы только прочтите, что о нем думали Тургенев и Фет, который в своих весьма непритязательных воспоминаниях писал, что „Николай Толстой был замечательным человеком, про которого

[45] Охотничье сердце: Лит.-худож. альманах. С. 81.

мало сказать, что все знакомые его любили — они его обожали“. Николай, собственно, бесшумно проводил на практике многие из тех идей, которые развивал его брат в своих теоретических построениях. А Тургенев утверждал, что Николай потому не сделался писателем, что был лишен тех недостатков, которые нужны, чтобы им стать. Вы, конечно, понятия не имеете о том, что эти тургеневские слова Толстой приводит где-то в своих дневниках, и вы даже не догадываетесь, как часто я о них думаю». Прерванный собеседником, Бунин продолжал: «Не отвлекайте меня от того, что я хочу еще досказать об „Охоте“. <…> Повторяю, постарайтесь прочесть ее, и вы увидите, как она удивительно прозрачно написана, с таким легким юмором, что, ей-же-ей, стоит „Записок охотника“. У этого дилетанта полезно поучиться любому профессионалу. Он не мудрствуя лукаво пишет о том, что видел, но как поэтично все это передано, а его Епишка, конечно, прообраз более колоритного дяди Ерошки, которому Лев Николаевич как-никак придал известную тенденциозность, пожелав изобразить его как представителя природного начала. Ведь недаром оба брата прожили некоторое время вместе в той же гребенской станице, встречали тех же людей — так что совпадения неминуемы.

Молодцы были редакторы „Современника“, — успокаивался Бунин, — что охотничий очерк никому не известного Николая Толстого поместили на первом месте в одном из номеров своего журнала. Некрасов не вполне зря признавал, что „рука Николая Толстого тверже владеет языком, чем рука его брата“ и что „далекость от литературных кругов имеет свои преимущества“. Какая умница — Некрасов, которого вы, конечно, не любите. Где вам? Вам бы только запускать в небеса ананасом! (Это был любимый бунинский припев при разговорах со мной)».[46]

Три публикуемых письма Н. Н. Толстого включены (с незначительными разночтениями) в текст «Моих воспоминаний».[47] Здесь публикуются по подлинникам — *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 54. В текстах писем имеются немногочисленные карандашные поправки (вероятно, сделанные Фетом при подготовке их к публикации). В начале каждого письма помета красным карандашом: «Переписано».[48]

---

[46] *Бахрах А*. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 15–17 (гл. «Охота на Кавказе»).

[47] См.: *МВ*. Ч. 1. С. 331–333.

[48] Известны еще два письма Н. Н. Толстого (незначительного содержания), адресованные И. П. Борисову (<1859>; *ИРЛИ*. № 20327) и Фету (б/д; *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 32). За сведения о них приношу благодарность В. А. Лукиной, за копию из *РГАЛИ* — С. А. Ипатовой.

1

27 мая (8 июня) 1860 г. Петербург

Любезные Друзья Афанасий Афа<насьевич> и Иван Петрович, исполняю обещание мое даже раньше, чем обещал; я хотел писать из-за границы, а пишу из С. П.

Мы уезжаем в субботу, то есть завтра.[1] Я советовался с Здекауером,[2] он петербургский доктор, а вовсе не берлинский, как мне показалось, читая письмо Тургенева.[3] Воды, на кот<орых> Тургенев теперь находится, *Соден*,[4] нас туда же посылают. Следовательно, мой адрес тоже: *В Франкфурте на Майне* poste restante.

Когда Вы были у меня, я Вас, Афанасий Афанасьевич, забыл просить об одном очень важном одолжении. Я приказал моему старику приказчику,[5] если будет очень нужно меня о чем-нибудь уведомить, посылать свои письма к Вам, а Вы будете так добры, будете их пересылать мне, и для этого, когда будете[а] уезжать из Новоселок, дайте ему Ваш адрес. Что здоровие Марии Петровны, которой я от души свидетельствую мое истинное почтение?

Неужели у вас тоже такие холода, здесь в Петерб<урге> это страх, холод, ветер, по утрам мороз, просто черт знает что. Прощайте, милые Друзья, будьте здоровы.

Весь Ваш
Гр. Н. Толстой.

27 мая[б]
1860 г.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 54. Л. 1–2.

[1] Об отплытии С. Н. и Н. Н. Толстых из Петербурга в Штеттин см. во вступит. статье.

[2] *Николай Федорович Здекауэр* (1815–1897) — профессор медицины и общественный деятель; в 1840–1864 гг. занимал кафедру в Медико-хирургической академии в Петербурге, где читал лекции по патологической анатомии; автор ряда научных трудов. Тургенев лечил у него в феврале 1860 г. «болезнь в горле», о чем сообщал нескольким своим адресатам, в том числе и Фету в письме от 15 (27) февраля: «...час спустя после того, как я приехал в СПБ, — у меня открылось кровохар-

[а] *Слова*: для этого *и* будете — *вписаны над строкой.*

[б] мая — *вписано вместо зачеркнутого*: марта

кание — которое меня несколько сконфузило: доктор Здекауер объявил мне, что у меня какая-то хроническая гадость в горле, что мне нужно сидеть дома и пить рыбий жир <…>» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 159–160).

[3] Сохранилась единственная короткая записка Тургенева к Н. Н. Толстому — от 9 (21) июля 1858 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 327).

[4] В Содене Тургенев пробыл с 25 мая (6 июня) по 6 (18) июля 1860 г. (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 683).

[5] Речь идет о П. Е. Воробьеве, служившем бурмистром в Ясной Поляне, позднее, в течение 26-ти лет, вплоть до смерти, — управляющим в имении Н. Н. Толстого Никольское-Вяземское (см.: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 225).

2

Начало июня ст. ст. 1860 г. Соден

Не дождавшись от Вас послания, пишу к Вам, чтобы Вас уведомить, что я благополучно приехал в Соден, впрочем, при моем приезде из пушек не стреляли. В Содене мы застали Тургенева, кот<орый> жив-здоров, и здоров так, что сам признается, что он *совершенно* здоров. Нашел какую-то немочку и восхищается ей.[1] Мы (это относится к милейшему Ив<ану> Петровичу) поигрываем в шахматы,[2] но как-то нейдет: он думает о своей немочке, а я о своем выздоровлении. Если я нынешнею осенью пожертвовал, то к будущей осени я должен быть молодцом. Соден прекрасное место, нет еще недели, как я приехал, а чувствую себя уже очень и очень лучше.

Живем мы с братом на квартире, 3 комнаты 20 гулденов в неделю, table d'hôte гулден, вино запрещено — по этому вы можете видеть, какое скромное место Соден, — а мне он нравится. Против окон моих стоит очень неказистое дерево, но в нем живет птичка и поет себе каждый вечер, она мне напоминает флигель в Новоселках.

Засвидетельствуйте мое почтение Марии Петровне и будьте здоровы, Друзья мои, да пишите почаще, я в Содене, кажется,[a] надолго, недель на шесть по крайней мере. Вот мой подробный адрес. В Германию: такому-то в *Соден* близ *Франкфурта-на-Майне, Lusthaus, chez Mr. Schneider.* Путешествие не описывал, потому что всё время был болен. Еще раз прощайте.

Весь Ваш
Граф Н. Толстой.

---

[a] кажется — *вписано*.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 54. Л. 3–4.

[1] О немочке см. подробнее в письме С. Н. Толстого от 21 июня из Содена, процитированном во вступит. статье.

[2] В «Моих воспоминаниях» Фет оставил свидетельство о страсти к шахматам всех троих — Николая Толстого, Тургенева и Борисова. Он писал: «…Ник<олай> Толстой и Борисов оба были шахматными игроками; и бывало, как сцепятся, то их и водой не разольешь. Что касается до меня, то я никогда не мог себя принудить обдумывать весь ход этой игры, которой правила мне известны». И далее в рассказе о приезде Тургенева в Новоселки летом 1858 г. отметил: «После обеда, едва только Тургенев узнал в Борисове шахматного игрока, как они уже сцепились до самого вечернего чая <…>» (*МВ*. Ч. 1. С. 244–245, 251). Тургенев писал Фету из Содена 1 (13) июня 1860 г.: «Это хорошо, что Вы поступили в благородный цех шахматистов; лучшего учителя, чем Иван Петрович, Вам не нажить» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 201–202). См.: *Линдер И. М.* И. С. Тургенев и шахматы // Тургеневские чтения. М., 2009. Вып. 4. С. 272–284.

3

7 (19) июля 1860 г. Соден

Я бы давно написал вам, любезные Друзья мои, но мне хотелось написать вам об всех составляющих нашу Толстовскую колонию, но тут произошла ужасная путаница, которая наконец распуталась следующим образом: сестра с детьми приехала в Соден и будет в нем жить и лечиться, дядя Леушка остался в Киссингене в 5 часах от Содена и не едет в Соден,[1] так что я его не видал. Письмо ваше я отправил к Левочке с братом Сергеем, который будет в Киссингене проездом в Россию, он скоро у вас будет и всё вам подробно расскажет. Извините, добрейший Афанасий Афанасьич, что я прочитал Ваше письмо к брату,[а,2] много в нем правды, но только где вы говорите об общем, а где говорите о самом себе,[б] там вы не правы, всё тот же недостаток практичности: себя и кругом себя ничего не знаешь. Но[в] ведь не боги горшки обжигали, бросьтесь прямо в практичность, окунитесь в нее с головой, и я уверен, она вытеснит из вас байбака, да еще выжмет из вас какую-нибудь лирическую штучку, которую мы с Тургеневым да еще несколько человек прочтем с удовольствием. А на остальной мир — плевать!

[а] к брату — *вписано*.

[б] о самом себе — *вписано*.

[в] *Далее было начато*: знаете.

За что я вас люблю, любезнейший Афанасий Афанасьевич, за то,[г] что всё в Вас правда — всё, что из Вас, то[д] в Вас, — нету фразы, как, например, в милейшем и пр<очее> Иван Сергеевиче.[3] А очень стало мне[е] без него пусто в Содене, не говоря уж о том, что шахматный клуб расстроился, даже аппетит у меня стал не тот, с тех пор как не сидит подле меня его толстая и здоровая фигура и не требует придачи то моркови к говядине, то говядины к моркови. Мы часто об Вас говорили с ним, особенно последнее время: вот Фет собирается, вот Фет едет, наконец Фет стреляет. Иван Серг<еевич> купил собаку — черный полукровный понтер <так!>.[4]

Я воды кончил, намерен делать разные экскурсии, но все-таки моя штаб-квартира в Содене и адрес тот же. Сестра кланяется как Вам, так и Иван Петровичу и просит уверить Марию Петровну в искренней ее к ней дружбе и уважении, я с своей стороны прошу Марию Петровну не забывать меня, который никогда не забудет ее милое гостеприимство в Козюлкине <так!> и Сердобинке,[5] как бы поскорее туда под ваше крылышко.

Погода здесь отвратительная.

Целую Вас от души.

Весь Ваш
Гр. Н. Толстой.

19 июля.
Нов<ый> штиль.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 54. Л. 5–6 об.

[1] М. Н. Толстая с детьми выехала из Берлина в Соден 8 (20) июля, Толстой же до 21 июля (2 августа) оставался в Берлине, затем до середины августа жил в Киссингене, где, увлеченный педагогикой, посещал местные школы. В Киссингене у брата с 28 июля (9 августа) по 1 (13) августа гостил Н. Н. Толстой; в Соден Лев приехал 14 (26) августа (см.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. С. 214–218).

[2] О каком письме идет речь, неизвестно.

[3] Фрагмент письма «За что я Вас люблю ~ нету фразы» неоднократно цитировался; см., например: *Летопись (1985)*. С. 163; *Фет/Боткин*. С. 180 и др. Врагом «фразы» выступал во второй половине 1850-х гг. молодой Лев Толстой, заявлявший свои позиции среди петербургских литераторов. А. В. Дружинин, свидетель войны

[г] за то — *вписано*.

[д] *Далее вписано и зачеркнуто*: и

[е] очень стало мне — *вписано*.

Толстого с «фразой», записал в дневнике 7 декабря 1855 г.: «Мы проехали к больному Тургеневу, и там сей лаз объявил, что удивляться Шекспиру и Гомеру может лишь человек, пропитанный фразою» (*Дружинин А. В.* Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 360. Лаз — дикарь, как и использованные в той же записи по отношению к Толстому «троглодит», «баши-бузук», «редиф»). О том же Дружинин делает запись 11 января 1856 г.: «Мне становятся понятны вечные споры Толстого с Тургеневым. Сам Тург<енев> сознается, что в нем живет фраза. И кажется мне, — он не знает сам, до какой степени порабощен он гнилою, состаревшеюся фразою! Нет в нем серьезной строгости, практичности духа, и спокойной широты в убеждениях. И все-таки я люблю его ужасно, за то и сержусь» (Там же. С. 370). В письме к И. А. Гончарову от 7 (19) апреля 1859 г., накануне ссоры как с адресатом письма, так и с Толстым, Тургенев с горечью признавался: «…думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 36). Отражением толстовского неприятия «фразы» явилась салонная французская речь в тексте «Войны и мира», представленная автором «языком красивой фразы и искусственной позы» (*Виноградов В. В.* О языке Толстого // *ЛН*. Т. 35–36. С. 150).

[4] О покупке собаки Тургенев рассказывал Фету в письме от 29 июня, 9 июля (11, 21 июля) 1860 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 218).

[5] *Казюлькино* (Козюлькино) — деревня на берегу р. Зуши, рядом с которой располагалась родовая усадьба Шеншиных Новоселки. Сердобинкой назывался московский дом, в котором Фет с женой жил с 1857 по 1861 г., дом Сердобинской на Малой Полянке.

ПЕРЕПИСКА ФЕТА с Вл. С. СОЛОВЬЕВЫМ (1881–1892)

Публикация Г. В. Петровой

Переписка А. А. Фета и Вл. С. Соловьева охватывает один из самых малоизученных периодов в развитии русской литературы — 1880-е годы. Хронологические рамки эпистолярного диалога Фета и Соловьева: 1881–1892 годы.

Впервые подборка из семнадцати писем Соловьева к Фету была опуб ликована в символистском альманахе «Северные цветы на 1901 год»[1] и приурочена к двум значимым для русских символистов событиям: в 1900 году ушел из жизни Вл. Соловьев, а в 1902 году исполнялось первое десятилетие со дня смерти Фета. В том же, 1901-м, году в журнале «Русское обозрение» было опубликовано еще одно письмо Соловьева к Фету.[2]

Особую роль в деле распространения и популяризации соловьевского наследия сыграл Э. Л. Радлов, который издал четыре тома писем Соловьева, где были опубликованы и его письма к Фету. В 3 том этого издания вошли уже известные по «Северным цветам» семнадцать писем Соловьева, а в 4 том — одно письмо из «Русского обозрения» и четыре приписки Соловьева к Фету, сделанные на письмах Н. Н. Страхова.[3] В 1989 году пять писем Соловьева к Фету вошли в подготовленное Г. Д. Аслановой и А. Е. Тарховым издание: *Фет А. А.* Стихотворения, поэмы. Современники о Фете / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и при-

---

[1] Письма Владимира Соловьева к А. А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901. С. 146–159.

[2] Русское обозрение. 1901. № 1. С. 104–106.

[3] *Соловьев Вл.* Письма / Под ред. Э. Л. Радлова. Пб., 1923. Т. 4. С. 228–231. Далее ссылки на это издание — *Соловьев. Письма,* с указанием тома и страницы.

меч. Г. Д. Аслановой и А. Е. Тархова. М., 1989, а в 2009 году еще раз переизданы (*Фет А. А*. Поэзия. Проза. Письма. Современники о Фете. М., 2009. С. 554–560). Четыре «приписки» Соловьева к Фету опубликованы Н. П. Генераловой в составе переписки Фета с Н. Н. Страховым во второй книге тома 103 «Литературного наследства».[4] Основной же корпус писем Соловьева к Фету не переиздавался, а, следовательно, был достоянием лишь узкого круга исследователей.

Между тем в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Российской государственной библиотеке обнаружился еще ряд письменных обращений Соловьева к Фету, которые ранее нигде не публиковались, видимо, из-за подчеркнуто частного характера их содержания и сложности датировки. Одно письмо хранится в ИРЛИ, восемь (в том числе две телеграммы) — в РГБ.

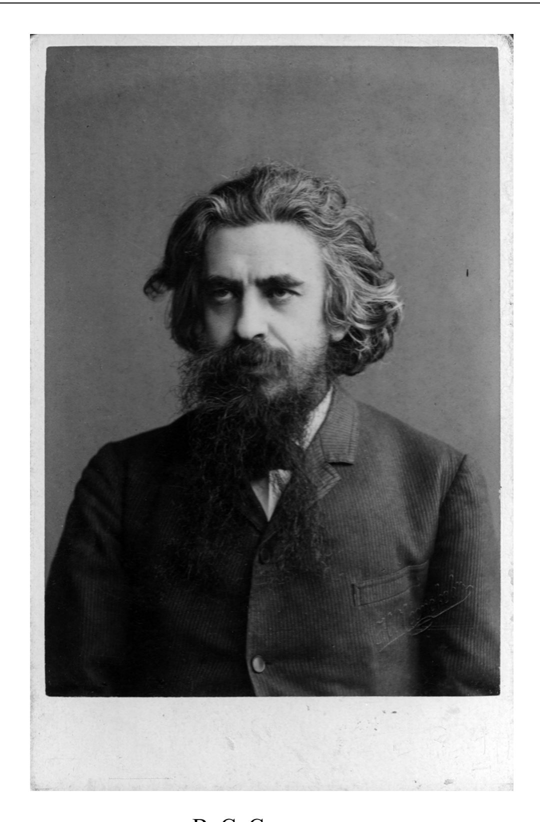
Иначе обстояло дело с письмами Фета. Автографы писем Фета к Соловьеву до сих пор не обнаружены. Сохранившиеся в личном фонде поэта в РГБ их машинописные копии, сделанные в свое время Н. Н. Черногубовым, впервые были опубликованы лишь в 1982 году А. Е. Тарховым в составе подготовленного им двухтомника сочинений поэта.[5] Из семи копий писем Фета к Соловьеву, хранящихся в РГБ, были опубликованы лишь пять и в ряде случаев с некоторыми купюрами.

Таким образом, письма Фета и Соловьева, опубликованные раздельно с более чем полувековым промежутком, заставляли звучать голоса их авторов абсолютно отрешенно друг от друга, как будто с разных полюсов литературного мира. Это в свою очередь влияло на формирование порой искаженных представлений о «странной» дружбе представителей двух разных литературных поколений. Так, в одной из самых авторитетных монографий о творческом пути Вл. Соловьева, принадлежащей К. В. Мочульскому, читаем: «К 80-м годам относится также начало многолетней дружбы Соловьева с А. А. Фетом. Дружба эта была особенная. Фет был прямым антиподом Соловьева по характеру и убеждениям. Его сознательная и упорная враждебность христианству, свирепое и мрачное реакционерство, его ненависть ко всему „разумному и полезному“ и отвращение к общественной деятельности приводили Соловьева в уныние. Но он предпочитал не возмущаться, а смеяться

---

[4] Переписка с Н. Н. Страховым (1877–1892) / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. П. Генераловой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 233–247.

[5] *Фет А. А*. Сочинения: В 2 т. / Подг. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 2. С. 321–327. Переизданы: *Фет А. А*. Поэзия. Проза. Письма. Современники о Фете. М., 2009. С. 460–467.

В. С. Соловьев.
Фотография Н. А. Чеснокова. Петербург, 1891 г.
Экземпляр из кабинета М. М. Стасюлевича (*ИРЛИ*)

над дикими выходками своего приятеля: считал его безответственным, не принимал всерьез его „идеологии“ и умилялся его детской непосредственностью. <…> Он все прощал Фету за его поэтический талант, добродушие и остроумие. Певец природы сам казался ему „явлением природы“: его полнокровная чувственность, наивное эпикурейство, ребяческий эгоизм пленяли раздвоенного и отрешенного мыслителя».[6]

В настоящее время соотнесение имен Фета и Соловьева, особенно в связи с углубленным изучением истоков формирования религиозно-эстетической концепции русского символизма, стало уже привычным и мысль об устойчивой творческой связи Соловьева с Фетом никого не

[6] *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. М., 1995. С. 150–151.

удивляет. Так, З. Г. Минц в свое время однозначно заявляла, что в поэзии Соловьев, бесспорно, ученик Фета.[7] Этого мнения придерживаются и другие ученые.[8] Важный материал о взаимоотношениях Фета и Соловьева содержится в подготовленной Н. П. Генераловой переписке Фета и Н. Н. Страхова. В своей вступительной статье автор фактически пишет о тройственном союзе — Фета, Страхова и Соловьева.

Между тем глубина, характер, сущность человеческих отношений и творческого диалога Фета и Соловьева продолжает оставаться неясной. Способствовать формированию более полного представления о взаимоотношениях Фета и Соловьева и должна публикуемая здесь переписка. Эпистолярный диалог Фета и Соловьева, хотя и сохранился лишь частично (большая часть писем Фета к Соловьеву неизвестна), — важнейшая страница в истории русской литературы конца XIX века, способная приоткрыть процессы преемственности и эволюции русской литературы.

Долгое время дату знакомства Фета с Соловьевым относили к началу 1881 года.[9] По наблюдениям Т. Г. Никифоровой, публикатора неизданных писем Фета к Л. Н. Толстому, встреча Фета с Соловьевым приходится на последние числа декабря 1880 года.[10] Однако существует свидетельство, что Фет и Соловьев достаточно близко общались еще в середине 1870-х годов. Так, биограф Соловьева С. М. Лукьянов пишет: «Н. И. Кареев передавал нам, что 16-го января 1875 г. Соловьев пригласил его к себе по случаю дня рождения. <…> В гостях <…> были также А. А. Соколов, Л. М. Лопатин и А. А. Шеншин-Фет».[11] С уверенностью можно утверждать только то, что история собственно творческих взаимоотношений Фета и Соловьева, отмеченных не только общими интересами, но и человеческой близостью, начинается в 1881 году, с первых писем.

---

[7] *Минц З. Г.* Владимир Соловьев — поэт // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 285, 311.

[8] См.: *Гинзбург Л. Я.* О лирике. 3-е изд. М., 1997. С. 250; *Глушкова М. А.* Символ в поэзии Аф. Фета и Вл. Соловьева // Грехневские чтения. Нижний Новгород, 2006. Вып. 3. С. 184–188; *Лагунов А. И.* Адаптация поэзии А. Фета в софийной лирике Вл. Соловьева // *Фетовские чтения (XXI).* Курск; Орел, 2007. С. 272–280 и др.

[9] *Летопись (1985).* С. 177.

[10] Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. 1859–1881 / Публ. и коммент. Т. Г. Никифоровой // *ЛН.* Т. 103. Кн. 2. С. 94, коммент. 4.

[11] *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Пг., 1921. Кн. 3. Вып. 1. С. 77 [репринт: М., 1990]. В первой половине января 1875 г. Фет находился в Степановке (см. его письмо к жене от 11 января 1875 г.). В письме к П. И. Борисову от 21 февраля 1877 г. читаем: «С горем услышал об оставлении кафедры Соловьевым» (*РГБ*). За эти сведения благодарю И. А. Кузьмину.

Молодому Вл. Соловьеву вообще было свойственно оглядываться «назад» — на Достоевского, Толстого, Аксакова, в том числе и на Фета. Н. В. Котрелев точно замечает: «Одна из важных характеристик личности Соловьева состоит в его выходе из своего поколения назад, в связь с самыми яркими, значительными представителями старших поколений <…>».[12] Видя свою задачу в том, чтобы создать фундамент для построения нового культурного здания и определить основы нарождающегося нового типа сознания, он обращался к предшественникам, дабы подвергнуть ревизии, разборке «старый» материал, который может участвовать в новом духовном строительстве. При этом Соловьев, легко увлекаясь идеями предшественников, глубоко переосмысливал их и быстро шел вперед, полемизируя и развенчивая ценности своих старших друзей-единомышленников. Так было со славянофильством и Аксаковым, так было с Л. Н. Толстым и «толстовством», так было и с Н. Н. Страховым. В этом смысле отношения с Фетом представляют своего рода исключение, так как за десятилетие они не только не распались, но с каждым годом углублялись и становились все более устойчивыми. Судя по всему, Фет осознавался Соловьевым как одна из важных фигур, непосредственно предвосхищающих новую культурную и духовную эпоху, наступление которой он сам предчувствовал и предуготавливал. Художественное сознание Фета «открылось» Вл. Соловьеву как почва для произрастания новых философско-эстетических и религиозных побегов мысли.

С другой стороны и для Фета в 1880-е годы близость Соловьева оказалась очень важна и сыграла исключительную роль. Известно, что в последние годы жизни Фет остро переживал свое духовное одиночество, чувствовал и осознавал непонятость эпохой, о чем с горечью признавался своим корреспондентам. В предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней» (1884), он отмечал, что его поэзия подвергнута «гонению за чистоту своего служения», однако прибавлял: «…чем единогласнее с одной стороны становился хор порицателей, тем с большим участием и одушевлением подходили на помощь нашей музе свежие силы несомненных знатоков дела <…>».[13] Вл. Соловьев и выступил одним из таких знатоков.

Связь с Соловьевым для Фета 1880-х годов весьма симптоматична. В этот период стареющий поэт вообще ориентирован на молодое поко-

---

[12] *Соловьев В.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / Составление и коммент. Н. В. Котрелева. М., 1990. С. 484 (Из лит. наследства).

[13] *ВО 1979*. С. 241.

ление, в среде которого возникает целый круг почитателей его таланта, страдавших, по их собственным признаниям, своеобразной фетоманией.[14] Фет испытывал особенный интерес к молодым литературным силам, выразившийся в подчеркнуто бережном отношении не только с Соловьевым, но и с К. Р., сыном Я. П. Полонского — Александром, А. А. Голенищевым-Кутузовым, Ю. Н. Говорухой-Отроком, в ведении переписки с П. П. Перцовым, Д. П. Шестаковым, В. А. Шуфом и др.

Фет не просто принимал поклонение молодых литераторов, он всячески старался поддержать с ними творческие и человеческие отношения. Вероятно, для самого Фета это было связано с поиском литературного наследника, поэтического преемника. М. Волошин в рабочем плане статьи «Цветение русской поэзии в первые десятилетия XX в.» точно обозначил тезис, характеризующий эпоху 1880-х — начала 1890-х годов: «Фет ждал поэта».[15] Он же писал: «Конец восьмидесятых и начало девяностых годов было самым тяжелым временем для русской поэзии. Все потускнело, приникло и окостенело. Публика жила воспоминанием о Надсоне, а поэты перепевали из него. / Из стариков был жив только Фет, который после девяти лет молчания тогда написал „Вечерние огни“. Он был могиканином, пришедшим с другого конца столетия. На его памяти поэты отходили один за другим, и русский стих, который он нашел во всей его пушкинской весенности, угасал. Новые поэты не приходили. Говорят, что он в последние годы своей жизни с напряженным, болезненным вниманием прочитывал каждый вновь появившийся сборник стихов: ждал идущих на смену».[16]

Известно, что для бездетного Фета идея наследственности, преемства стояла очень остро и в реальной жизни решалась через активное участие в судьбе племянников — П. Борисова, О. Галаховой. Молодые почитатели поэтического таланта Фета выступали в своеобразной роли его «литературных племянников», продолжателей его творческих начинаний. Скорее всего, так их воспринимал и сам Фет. Не случайно, в одном из писем к Соловьеву, напоминая своему корреспонденту об обещании приехать в Воробьевку, Фет пишет об «исторических правах» на его «любезность» (см. письмо 3).

Однако Вл. Соловьев занимает особое место и в кругу молодых поклонников таланта Фета. Место Соловьева в завершающий творческий

---

[14] См.: *Перцов П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 91.
[15] *Волошин М.* Собр. соч. М., 2008. Т. 6. Кн. 2. С. 709.
[16] Там же. М., 2007. Т. 6. Кн. 1. С. 113.

период жизни поэта — исключительное. Письма Фета и Соловьева отмечены не только «пристрастием»[17] более молодого творца к своему старшему коллеге, но и несут мощное полемическое начало. В этой полемике созревали многие идеи Соловьева, но также происходило становление и осмысление Фетом своего поэтического и духовного опыта.

Осмелимся предположить, что общение с Фетом сыграло немаловажную роль в формировании содержания работы Соловьева «Духов ные основы жизни» (1882–1884). Самые разнообразные мемуарные и эпистолярные материалы свидетельствуют также о том, что Соловьев высоко ценил ум Фета, «вольнодумца и еретика», как его именовал Н. Н. Страхов. Он обнаружил в Фете не только блестящий лирический талант, но и мыслителя-парадоксалиста, что не могло не привлечь его еще более.

Интерес Фета и Соловьева друг к другу был взаимный и обоюдоострый. Не только Соловьев тянется к Фету, но и сам Фет заинтригован поисками Соловьева, о чем свидетельствует письмо от 14 марта 1881 года, в котором поэт признается, что испытывает «высокий умственный интерес» к личности адресата (см. письмо 3). Не случайно, именно Соловьева Фет назовет «дорогим зодчим» первого выпуска сборника «Вечер ние огни».[18]

В самом начале в сближении Фета и Соловьева важную роль сыграл психологический фактор. Оба творца в это время чувствуют себя в творческом мире одиноко и неприкаянно. Так, в письме от 10 февраля 1881 года Фет признается С. А. Толстой (супруге А. К. Толстого), что не знает «на Руси человека пера, чтобы не сказать — мысли, который бы находился в подобных мне условиях почти абсолютного одиночества».[19] В отношении Соловьева К. В. Мочульский замечал: «1881 год — поворотный пункт в жизни Соловьева. Он бросает философию и отдается

---

[17] Ср. с письмом Н. Н. Страхова к Фету от 31 января 1885 г.: «Часто вспоминаем и об Вас, и читаем друг другу Ваши письма. Об романсе

Угадал — и я взволнован

мы поспорили; я говорил, что это шутка, а он (Соловьев. — *Г. П.*) не соглашался, видя тут только веселое волнение. Вообще он к Вам *пристрастен* более моего и возражает на самые легкие мои замечания» (*Фет/Страхов*. С. 390. Курсив наш. — *Г. П.*).

[18] См. воспроизведение дарственной надписи Фета Соловьеву на первом выпуске «Вечерних огней» в кн.: *ВО 1979*. С. 27.

[19] Письма к графине С. А. Толстой Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ф. Достоевского, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я. П. Полонского и др. // *ВЕ*. 1908. № 1. С. 219.

общественной деятельности, публицистике и полемике; наступает период борьбы, пропаганды и проповеди. Соловьев отходит от славянофильства и даже от православия <…> Его бывшие друзья становятся его злейшими врагами. После разрыва с Аксаковым он переходит в лагерь позитивистов-западников, идеология которых в основе своей ему совершенно чужда. Так, „двух станов не боец, а только гость случайный“, он живет в полном духовном одиночестве; одним он кажется безобидным чудаком, другим — опасным смутьяном; его боятся, им восхищаются, но всем он чужой».[20]

Первоначально Фета и Соловьева объединили общие культурные при страстия, философские интересы и критическое отношение к современной российской действительности. Не будем забывать, что в 1870-е годы Соловьев выступал в роли церковного и государственного публициста, что не могло не привлечь Фета, критически настроенного по отношению к общественно-государственному устройству России второй половины XIX века. Не случайно, в письме от 27 июля 1885 года Соловьев признавался Фету: «Часто *соединившись с Вами в духе*, *ругал иссушителей нашей земли*, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение среднеазиатских пустынь» (Курсив наш. — *Г. П.*; см. письмо 17).

Пересекаются Фет и Соловьев и на внимании к переводческой прак тике и римской культуре. По крайней мере, первое поэтическое обращение Соловьева к Фету отмечено почитанием его переводческого таланта и написано в качестве поздравительного приветствия на при суждение Фету Пушкинской премии за полный перевод од Горация (см. письмо 13). Если, как утверждал Н. Н. Страхов, Соловьев в Риме и его догматах искал внутренних точек опоры, то для Фета римская литература также была не просто предметом переводческой деятельности, а одним из источников формирования собственной творческой пози ции. 1880-е годы проходят под знаком не просто дружбы, но активного творческого сотрудничества Фета и Соловьева, который помогает поэту в 1885 году в переводах Катулла, в 1886-м — Овидия. Кульминационный этап этого «римского» сотрудничества Фета и Соловьева связан с периодом пребывания последнего в Воробьевке весной — летом 1887 года, когда Фет привлек его к переводу «Энеиды» Вергилия.[21]

Как следует из писем, Соловьев был предельно заинтересован фетовским переводом Шопенгауэра и даже принял участие в подготовке

---

[20] *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 154.

[21] Об этом см. письма Вл. Соловьева к М. С. Соловьеву за 1887 г.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 106, 107, а также: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1).* С. 365–449.

его издания. Но первоначальный толчок к активным взаимоотношениям Фета и Соловьева дала подготовка к изданию фетовского перевода «Фауста» Гёте. Так, в письме от 30 января 1881 года Н. Н. Страхов сообщал Фету: «И „Фауст“ Ваш имеет успех. Соловьев взял у меня рукопись и читал ее у гр. Толстой и у Бестужева-Рюмина: все очень восхищались <...>. Соловьев обнаруживает большой жар и усердие, и, я думаю, сделает много хорошего».[22] Соловьев действительно становится поклонником и пропагандистом-популяризатором фетовского перевода. В письме Фета от 5 февраля 1881 года к С. В. Энгельгардт находим признания: «А она (папка с готовым переводом. — *Г. П.*) в это время гуляет, благодаря Владимиру Соловьеву, который его в два раза выучил наизусть, по Питеру и, как мне пишут, с большим успехом. Там между прочим гр. Толстая <…> взялась делать заметки. Заметки сделал мне и сам Соловьев. Понемногу я тоже исправил, признав их дельными. Одно замечание философское — капитальное, и я не мог с ним согласиться. <…> Соловьев, знающий оригинал наизусть, — говорит, что перевод производит действие оригинала».[23] Даже выступив с инициативой задержать печатанье перевода до полной отделки, Соловьев писал Фету: «Я совершенно понимаю вашу неохоту возиться с отделкою частностей вашего перевода и думаю, что он в целом настолько хорош, что можно и должно его печатать во всяком случае» (см. письмо 2).

На основе общих культурных интересов отношения Фета и Соловь ева становятся глубоко личными. Достаточно большой корпус дошедших до нас писем Фета и Соловьева носит по преимуществу бытовой характер. Особенно это характерно для так называемых московских периодов жизни Соловьева, когда он находился в непосредственной близости к Фету и его московскому пристанищу, дому на Плющихе. Эти небольшие записки убедительно доказывают, что Фет и Соловьев состояли в более чем доверительных отношениях, отчасти даже «родственных». Именно в этом контексте необходимо рассматривать и ту иронию, которая пронизывает отдельные упоминания о Фете в письмах Соловьева к другим корреспондентам. В одном из них Соловьев непосредственно именует Фета «дедушкой», указывая не только на его старческий возраст, но и подчеркивая какую-то родственную связь с ним.[24]

Несколько иной характер носит переписка Фета и Соловьева второй половины 1880-х годов, когда оба они по разным причинам находятся

[22] *Фет/Страхов*. С. 329.
[23] *Письма к Энгельгардт*. С. 388.
[24] См.: *Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 110, 112, 152, 156.

на некотором отдалении друг от друга. В письма врывается мощное интеллектуальное начало, хотя и не раскрытое широко. Таким образом, постепенно отношения Фета и Соловьева обрели статус духовной близости.

При всех мировоззренческих и эстетических разногласиях с Соловьевым, о которых он неоднократно писал своим корреспондентам — Л. Н. Толстому, Н. Н. Страхову и др., Фету был близок пафос утверждения и примирения, который определял творческую позицию Соловьева, о чем свидетельствует и одно из признаний Страхова: «Соловьев интересен тем, что отзывается на все и все хочет примирить».[25] Из этого пафоса и складывалось представление о мире как «*положительном* всеединстве», рождающемся «из *совмещения* всего лучшего в „духовном“ мире и в опыте человечества, как „синтез Истины, Добра и Красоты“».[26] З. Г. Минц писала: «„Положительное“ всеединство — мир высокой сложности (в этом основное отличие идеалов Вл. Соловьева от Л. Н. Толстого). Но сложность эта — не бессмысленный конгломерат, а гармоническая и стройная система. Гармоничность прекрасного „богочеловеческого“ мира проявляется прежде всего в том, что все, причастное к нему, *имеет значение*, а его сложность — во *множественности этих значений* <…>».[27] Отметим, что соловьевская идея «прекрасного богочеловеческого мира» выстраивалась, в том числе, и под влиянием лирического опыта Фета, чья поэзия основывалась на изображении множественности и сложности «душевной жизни», в которой все, вплоть до минутного порыва, имело значение. По поводу лиризма Фет писал в «Предварительном замечании» к переводу од Горация: «Если Гораций в одах эпикуреец, то, как лирик, он прав. Лиризм — выражение минутного порыва; не указывай он на минуту, кто же стал бы его читать?»[28] Фет высоко ценил стремление Соловьева к «единству», примирению, соединению, так как путь любого отрицания, по его мнению, ложен и способен довести до «всемирного самоубийства», до «разложения личной и государственной инициативы».[29]

---

[25] Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894 / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Толстовский музей. СПб., 1914. Т. 2. С. 262.

[26] *Минц З. Г.* К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок) // Труды по русской и славянской филологии (Ученые записки. Вып. 266). Тарту, 1971. Т. 18: Литературоведение С. 132.

[27] Там же.

[28] К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. А. Фета. М., 1883. С. 194.

[29] Там же. С. XXIII.

По Соловьеву, великая заслуга Фета заключается в том, что он осуществил в своем творчестве плодотворную работу по углублению в себя и устранению от «власти внешней мирской неправды».[30] Повторимся, Фету был глубоко чужд «поиск личного Бога», предпринимаемый Соловьевым. В противовес соловьевской идее «богочеловеческой личности», рождения «духовно нового человека»[31] он заявлял: «…то, что вечно — человечно» и «…убедитесь, что люди все те же <...>».[32] И все же он оценил глубину проникновения Соловьева в основы своей эстетической и жизненной позиции.

«Пристрастие» Соловьева к Фету-поэту и, наоборот, глубокий интерес последнего к духовным поискам своего молодого друга, нашедшие рельефное отражение в их переписке, позволили осуществиться переносу ценностей одной литературной эпохи в пространство новой, еще только нарождающейся.

Из переписки Фета и Соловьева, которая имеет особое значение в связи с продолжающейся работой над 20-титомными собраниями их сочинений, проясняются творческие истории как отдельных поэтических выступлений и творческих начинаний Фета, так и философских и литературно-критических статей Соловьева, в том числе статьи «Красота в природе», которая была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1889. Кн. 1) под заглавием «О красоте в природе», статьи «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского»[33] и др.

Письма Соловьева публикуются по подлинникам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ: Ф. 315. К. 11. № 15, 16, а также в Рукописном отделе ИРЛИ: Р. II. Оп. 1. № 1951; № 20290; Фета — по машинописным копиям Н. Н. Черногубова: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 24. Письма Фета печатаются с сохранением вставок в текст машинописных копий, сделанных, вероятно, А. Е. Тарховым при их первой публикации.

Тексты писем Фета и Соловьева приближены к нормам современной орфографии и пунктуации, за исключением случаев, характеризующих особенности авторского написания.

---

[30] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., [1901]. Т. 2. С. 382.

[31] Там же.

[32] К. Гораций Флакк. С. XXI.

[33] Русское обозрение. 1890. № 12. С. 626–654.

1

Соловьев — Фету

Январь 1881 г. (?) Москва

Очень рад, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что Вы приехали. Приезжал в день Вашего отъезда проститься, но уже не застал.[1] До свидания. Сердечный поклон Марье Петровне.

Преданный Вам Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется предположительно, по содержанию: возможно, речь идет о поездке Фета в конце декабря 1880 — начале января 1881 г. по приглашению Н. Н. Страхова в Петербург (см.: *Фет/Страхов*. С. 328, 335).

[1] Фет выехал в Петербург 25 декабря 1880 г. (см.: Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 92). По возвращении из Петербурга в Москву он встречался с Соловьевым, о чем сообщал Л. Н. Толстому в письме от 29 января 1881 г. (см.: Там же. С. 93).

2

Соловьев — Фету

10 марта 1881 г. Петербург

10 марта 81. Пбг.

По-видимому, Вы не получили моего письма из Москвы,[1] высокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Я и тогда думал, а теперь тем более полагаю, что раньше осени издавать «Фауста»[2] было бы и трудно, и невыгодно. Это мнение разделяют и Николай Николаевич Страхов[3] и графиня.[4] Сам я на святой[5] буду в Москве, а потом в разных местах, Николай же Николаевич не возьмет *теперь* на себя труд издания. Вообще издавать, мне кажется, было бы удобнее в Москве, где я думаю с осени поселиться окончательно, оставив чухонский Содом.[6] Я совершенно понимаю Вашу неохоту возиться с отделкою частностей Вашего перевода и думаю, что он в целом настолько хорош, что можно и должно его печатать во всяком случае. Разумеется, все, что можно мне будет сде-

лать, по указаниям графини и Толстого[7] и других, я сделаю, но и для этого опять-таки нужно и некоторое время, тем более что помощь графини сколько ценна, столько же и трудно добываема. Во всяком случае, я надеюсь привезти Вам в конце весны или в начале лета Ваш перевод готовым к печати. В ожидании свидания остаюсь с совершенным почтением преданный Вам

Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.
Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 146.

[1] Письмо, о котором идет речь, не обнаружено.

[2] Имеется в виду осуществленный Фетом перевод трагедии И.-В. Гёте «Фауст», первая часть которого вышла в конце 1881 г. (Фауст. Трагедия Гете. Часть первая. Перевод А. Фета. М.: Тип. А. Гатцука, 1882). В «Моих воспоминаниях» Фет указывал, что начал переводить «Фауста» осенью 1879 г. (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 367). Между тем, по мнению Н. П. Генераловой, Фет начал работу по переводу первой части трагедии осенью 1880 г., а завершил к концу января 1881 г. 29 января 1881 г. Фет сообщал М. П. Шеншиной, что высылает в этот день окончание «Фауста» Н. Н. Страхову (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 26). Об участии Соловьева в распространении перевода Фета см. в письмах Н. Н. Страхова к Фету от 30 января 1881 г. (*Фет/Страхов*. С. 329) и Фета к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г. (*Письма к Энгельгардт*. С. 388).

[3] *Николай Николаевич Страхов* (1828–1896) — философ, критик, общественный деятель. После личного знакомства с Фетом в 1876 г. стал одним из постоянных корреспондентов поэта, ценителем его таланта. Более подробно об отношениях Фета со Страховым см. во вступит. ст. Н. П. Генераловой к публикации их переписки (*Фет/Страхов*. С. 233–244). По мнению Н. П. Генераловой, именно Страхову Фет и Соловьев были обязаны своим знакомством. Страхов высоко ценил труд Фета-переводчика, в том числе и перевод «Фауста» Гёте, но советовал придержать его, дать ему отлежатся, что вызвало раздраженное замечание Фета, выразившееся в письме от 5 февраля 1881 г. к С. В. Энгельградт: «„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда. Это вершина всего Гёте, и Вы убедились бы, вчитавшись в него — как я, благодаря только труду перевода, в него вчитался, — что там йоты нет лишней <…> я бы при жизни (мне 60 лет и мы все смертны) хотел видеть „Фауста“ в печати общим достоянием. — А между тем Страхов советует продержать в портфеле год, два. Трогать его в портфеле — я, как уже сказал, не стану. — А он есть пропаганда правды, света, разума» (*Письма к Энгельгардт*. С. 388–389).

[4] Имеется в виду *Софья Андреевна Толстая* (урожд. Бахметева; в перв. браке Миллер; 1827–1895). По мнению С. М. Лукьянова, знакомство Соловьева с гр. С. А. Толстой состоялось в 1876 г. (*Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 53). С этого момента Соловьев постоянно и близко общался с Толстой, с ее племянницей С. П. Хитрово и их кругом. В письме к Л. Н. Толстому

от 4–5 апреля 1877 г. Страхов писал: «Вчера, т. е. 4-го приходил ко мне Вл. Соловьев и, кажется, мы заведем с ним дружбу. Беда была в том, что тут до последнего времени жила графиня Толстая, вдова Алексея Толстого. Она, да еще другая дама, ее приятельница, — большие охотницы до философии, много читают и даже ходили для этого в Публичную Библиотеку. И вот Соловьев безвыходно сидел у этой Толстой, а с ним еще и другой молодой философ, князь Цертелев, приятель Соловьева, москвич, красивый юноша. Графиня, с которой я познакомился еще во Флоренции, встретившись со мной в Библиотеке, звала меня к себе, но посещение как-то не устроилось, и теперь она уехала в Черниговскую губернию. Графиня очень учена, даже знает по-санскритски несколько; <…> она очень проста и мила; ум ей приписывают необыкновенный» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 111–112). В свою очередь, Фет был также знаком с Толстой еще с 1870-х гг. В январе — феврале 1881 г. Фет и Толстая обсуждали возможность ее участия в редактировании перевода «Фауста». 22 января 1881 г. Фет писал ей: «Я перевел первую часть „Фауста“, и Влад<имир> Сергеевич Соловьев пояснил мне, — уже в Москве, — что превосходной формой и оконченностью отделки, напр., в „Бог и Баядера“ покойный граф Алексей (Толстой. — *Г. П.*) главным образом обязан вашей критике. <…> Если бы дело шло обо мне и я смотрел бы на свой перевод как на личный товар, то, конечно, не решился бы прибегнуть к вашей помощи. Но дело идет о русском переводе „Фауста“, которого до сих пор удовлетворительного нет. Я бы хотел добиться такого, и вопрос в том, угодно ли вам будет помочь этому делу некоторыми замечаниями, которых, — надо правду говорить, — ни от кого ожидать нельзя. Только привычная и тонкая рука может найти грань между положительно неверным духу или смыслу оригинала и законными требованиями от стихотворного перевода, в котором почти на каждом шагу непреоборимые препятствия. Многие настойчиво требуют безотлагательного, отдельного издания моего „Фауста“. / Конечно, в мои лета, далеко заглядывать неблагоразумно. Но еще неблагоразумнее явиться с изъянами. Что касается до механической стороны дела, т. е. представления вам рукописи, то В. С. Соловьев любезно взял его на себя. / Весь вопрос сосредоточивается единственно на том, соблаговолите ли вы посмотреть рукопись и дозволите ли мне выслать сделанные по вашему указанию поправки на ваше благоусмотрение? / В случае вашего согласия не откажите почтить меня уведомлением <…>» (*ВЕ*. 1908. № 1. С. 223–224). С. А. Толстая ответила Фету 5 февраля 1881 г.: «Спасибо вам за ваше желание, чтобы я прочла вашего „Фауста“, я исполню это с самым великим удовольствием, вниманием и даже педантизмом, скажу вам со всеми подробностями, что мне нравится и что не удовлетворит меня. Но <мне> до сих пор еще не передал рукописи В. С. Соловьев, он отдал ее переписать. <…> Мне этот труд очень близок. Несколько раз Толстой думал о нем и даже начинал его. Много мы о нем говорили — я рада, что вы, именно вы взялись за него» (*Кузьмина И. А.* С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: К истории отношений // *РЛ*. 2005. № 1. С. 141). В ответном письме от 10 февраля 1881 г. Фет признавался: «…вы любезно обещали протянуть мне руку помощи по отношению к „Фаусту“. Но вы не знаете того, кому приходится помогать. Хоть вы будете отмечать „Фауста“, а помогать придется мне. Кто же я? Несмотря на исключительно интуитивный характер моих поэтических

приемов, школа жизни, державшая меня все время в ежовых рукавицах, развила во мне до крайности рефлекцию. В жизни я не позволяю себе ступить шагу необдуманно <…>. / Свою умственную и матерьяльную жизнь я созидал по одному кирпичику. В матерьяльном отношении я не желаю ничего, кроме сохранения status quo. / <…> Что касается до моей умственной жизни, то, постоянно стараясь расширять свой кругозор, я дошел до сознательного чувства, что всякие вздохи о минувшей юности не только бесполезны, но и неосновательны. По законам духовной механики, что теряется в интуитивности, приобретается в рефлекции, и человек вместо того, чтобы походить на летящую ракету, которую кто-то поджег, напоминает наэлектризованный снаряд, заряда которого никто не видит и не подозревает, пока к нему не прикоснется. Я пришел к убеждению, что без общего миросозерцания, каково бы оно ни было, — все слова и действия человека, сошедшего с бессознательной quasi-инстинктивной стези, только сумбур и ряд противоречий. Говоря об электрическом снаряде, я говорю о себе. В исключительно интуитивной юности моей не могло быть и тени тех многоразличных гражданских, экономических, философских интересов, которые меня теперь тайно волнуют и наполняют» (*ВЕ*. 1908. № 1. С. 219–220). Графине Толстой Фет посвятил перевод второй части «Фауста». В посвящении он писал: «Нескольким тонким указаниям Вашим на красоты 2-й части „Фауста“ и совету испытать над ним мои силы, — перевод обязан своим появлением» (*РЛ*. 2005. № 1. С. 142).

[5] Святая (или Фомина) неделя, когда Соловьев собирался быть в Москве, приходилась в 1881 г. на период со 2 по 7 мая.

[6] Имеется в виду Петербург. Весной 1881 г. Соловьев планировал покинуть Петербург. Известны два его прошения на имя министра народного просвещения: 1) «Его высокопревосходительству г. министру народного просвещения. — Честь имею просить ваше превосходительство о разрешении мне двухнедельного отпуска в Москву на пасхальные праздники. — Причисленный к министерству, член ученого комитета, коллежский советник Владимир Соловьев. — 27 марта 1881 г.»; 2) от 20 апреля: «Его высокопревосходительству г. министру народного просвещения. — По случаю болезни честь имею просить ваше высокопревосходительство о разрешении мне трехмесячного отпуска в пределах Российской империи. При сем прилагаю врачебное свидетельство. — Причисленный к министерству н<ародного> пр<освещения>, член ученого комитета, коллежский советник Влад. Соловьев». (*Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 84–85).

[7] Имеются в виду С. А. Толстая (см. примеч. 4 к наст. письму) и Л. Н. Толстой. Фет был знаком с семьей Л. Н. Толстого с 1855 г. Более подробно об их отношениях см.: *Розанова С. А.* Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // *РЛ*. 1963. № 2. С. 86–107. 21 ноября 1880 г., посылая Толстому перевод монолога Фауста («Но ах, я чувствую, в противность доброй воле…»), поэт сообщал: «…выписываю отрывок из труда, который всего меня в настоящую минуту поглощает и который мне теперь ужасно дорог, это такое богатство и разнообразие, что борьба трудна. Но надеюсь совладеть хоть удовлетворительно» (*Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 114). Возможно Фет рекомендовал Соловьеву показать перевод «Фауста» и посоветоваться относительно редактуры с Л. Н. Толстым.

3

Фет — Соловьеву

14 марта 1881 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. дор. Марта 14.
Станция Будановка

Душевно уважаемый Владимир Сергеевич.

Приношу Вам мою живейшую благодарность за оба письма, хотя первое было мною, как это часто у нас бывает, получено с нарочным, отвезшим мое второе.[1] — Благодарю Вас за дорогой подарок «Крит<ики> отвлеч<енных> начал».[2] В настоящее время наслаждаюсь этим прекрасным плодом Ваших многоразличных трудов и на досуге читаю его очень, по моим духовным силам, медленно, но не без толку. — И вообразите, все время браню Вас умственно, приговаривая, неужели такой умница может быть до того слеп, что воображает, что наша непочатая университетская молодежь или заурядная публика поймут тут хоть две строки рядом. Ведь это для них арабская азбука. Повторяю: я в восхищении от Вашей книги и, главное, от ее критической стороны. — Видали Вы, как торговцы хлебом печеным, икрой, говядиной — самым острым ножом отрезают кусок. Как аппетитно выходит. Таков Ваш Diserimen rerum.[а] Просто загляденье.

Спешу захватить Вас этим письмом на месте. Мне уже представляется, что Вы уезжаете и Вас не отыщешь. А между тем после Святой Вы собираетесь быть всюду.[3] — Не удивляйтесь же, что я напоминаю Вашему, свойственному, как Вы говорите, летам Вашим легкомыслию, данное мне обещание заехать ко мне на Будановку.[4]

Оставив в стороне высокий умственный интерес, связанный для меня с Вашей личностью, я имею некоторые исторические права на Вашу любезность. Я не только был однокашником по слов<есному> фак<ультету> с Вашим отцом,[5] но он не один раз ссужал меня деньгами взаймы — будучи юношей толковым и нравственным, тогда как я был его антиподом. Что касается до Романовых, то я исконный приятель всего их дома, начиная с Вашего деда Владимира Павловича[6] и кончая теткой Александрой Львовной Бржеской,[7] с которой по сей день в переписке. Итак, ein Mann, ein Wort.[б] При свидании сделаем общими силами,

[а] Анализ вещей (*лат.*).

[б] дал слово — держи (*нем.*).

что можно над «Фаустом», которого издавать в настоящее время ни к селу ни к городу. — Но не забывайте разницы между 30-летним и 60-лет<ним> человеком. Вот объяснение моей торопливости.[8] Жажду услыхать Ваше суждение о труде Толстого.[9] Через посредство Вашей категорической головы — я бы хоть услыхал, что это такое. А то я ума не приложу. Если это просто критика известного текста и учения, — я ничего не говорю. Но если это этика — дидактика ad usum delphini,[в] практическое руководство ничего не делать, то, право, мы, русские, менее всего нуждаемся в такой рекомендации. Вообще все наши страдания имеют один источник, мы не хотим ничего знать, а только приказывать в видах благодеяния. И вот и благодетельствуем всех цареубийством,[10] общинным владением,[11] насильственным улучшением быта, не замечая, что только те благодетельствуют, которые, стоя на острове среди потока наших благодеяний, с ним не соприкасаются (купцы, мещане, дворовые). Но ведь если дать свободу силе вещей (которая в конце концов одолеет), то что же станут делать благодетели? Ведь им надо жить и веселиться на счет облагодетельствованных.

Коли правда, что универ<ситетская> молодежь очнулась и выкинула из своей среды коммунаров, слава ей. Но зато проклятие со стороны содомной литературы. «Аще кто соблазнит единого от малых сих».[12] Я не говорю про наше земство — это просто Панургово стадо,[13] или Мольеровск <…>.[14]

Главное и главнейшее: напишите хоть, около какого времени Вас поджидать. Кроме 12 мая[15] — я все время буду дома.

Искренний Ваш почитатель А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано (не полностью): *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 321–322.

[1] См. п. 2.

[2] Речь идет о докторской диссертации Соловьева «Критика отвлеченных начал», впервые опубликованной в «Русском вестнике» (1877. Т. 132. № 11. С. 5–55; № 12. С. 463–511). Вероятно, Фет получил отдельное издание этого труда: *Соловьев Владимир*. Критика отвлеченных начал. М., 1880.

[3] Отклик Фета на сообщенные ему Соловьевым планы на 1881 г. См. п. 2, а также примеч. 5, 6 к нему.

[в] *Зд.*: бесцельная, никчемная (*лат.*).

[4] *Будановка* — ближайшая к имению Фета Воробьевка железнодорожная станция, расположенная в 9 км от него. Речь идет об обещании Соловьева посетить Фета в Воробьевке. См. п. 2.

[5] *Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879) — отец Соловьева, учился с Фетом в Московском университете, посещал студенческий кружок, собиравшийся в доме А. А. Григорьева. Фет вспоминал: «Как это сделалось, трудно рассказать по порядку; но дело в том, что со временем, по крайней мере через воскресенье, на наших мирных антресолях собирались наилучшие представители тогдашнего студенчества. Появлялся товарищ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвастова, Ал. Вл. Новосильцев, всегда милый, остроумный и оригинальный. Своим голосом, переходящим в высокий фальцет, он утверждал, что московский университет построен по трем идеям: тюрьмы, казармы и скотного двора, и его шурин приставлен к нему в качестве скотника. Приходил постоянно записывавший лекции и находивший еще время давать уроки будущий историограф С. М. Соловьев. Он, по тогдашнему времени, был чрезвычайно начитан и, располагая карманными деньгами, неоднократно выручал меня из беды, давая десять рублей взаймы» (*РГ.* С. 153–154).

[6] Мать Соловьева — *Соловьева Поликсена Владимировна* (урожд. Романова) — из украинско-польской дворянской семьи Романовых, среди предков которой был известный украинский философ-писатель XVIII в. Григорий Сковорода (1722–1794). Ее отец, дед Соловьева, *Романов Владимир Павлович* (1796–1864), лейтенант 2-го флотского экипажа, из дворян Херсонской губ., воспитывался в Морском корпусе; в связи с делом декабристов приговорен к трехмесячному содержанию в крепости и отправке на службу лейтенантом Черноморского флота (1826). Вышел в отставку в 1861 г. в чине контр-адмирала; военный писатель.

[7] *Бржеская Александра Львовна* (урожд. Добровольская; 1821–1901) — дочь Л. Л. Добровольского, владельца имения Сасовка в Херсонской губ. Фет познакомился с супругами Бржескими в период военной службы на юге Российской империи. В воспоминаниях он много писал о своих отношениях с Бржескими (см., например: *РГ.* С. 301–306). С А. Л. Бржеской Фет состоял в переписке, посвящал ей стихи «Далекий друг, пойми мои рыданья…», «А. Л. Б—ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным…») и др. Об отношениях Фета и Бржесской см.: *Блок Г. П.* Фет и Бржеская (Посвящается Б. А. Садовскому) // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. 1922. № 2. С. 106–123; *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (по неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ.* 2008. № 2. С. 131–142. *Алексей Федорович Бржеский* был братом бабушки Соловьева, Екатерины Федоровны (урожд. Бржеской), которую также знал Фет.

[8] Фет не был склонен задерживать печатанье перевода, считая, как он писал в письме к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г., что главное — «это тон целого и Фет в него попал <…> А что есть недорисовки — это я сам знаю, но знаю, что едва ли Фет найдет их в своей кладовой, т. е. найдет полное соответствующее, ибо и то, что он уже нашел, граничит с чудом <…>» (*Письма к Энгельгардт.* С. 388). В письме от 27 марта 1881 г. Фет, имея в виду Соловьева и Страхова, жаловался той же корреспондентке: «Связался я с петербуржцами и никакого толку не добьюсь» (см.: Письмо А. А. Фета к С. В. Энгельгардт из коллекции М. С. Лесмана / Подгот. к публ., всту-

пит. ст. и примеч. Н. П. Генераловой // *Фетовские чтения (XIII)*. Курск, 1998. С. 144). См. также п. 2. примеч. 3.

[9] Приблизительно с 1879 г. Л. Н. Толстой встал на путь религиозных исканий и начал работу по переводу и истолкованию Евангелий. Фет критически отнесся к новой работе Толстого.

[10] 1 марта 1881 г. в Зимнем дворце вследствие смертельного ранения, полученного на набережной Екатерининского канала в Петербурге от взрыва бомбы, брошенной народовольцем Игнатием Гриневицким, скончался Александр II. Фет откликнулся на это событие стихотворением «1 марта 1881 года» («День искупительного чуда…»), впервые напечатанным в «Русском вестнике» (1881. № 4. С. 726).

[11] Проблема перспектив общинного землевладения была одной из самых острых публицистических тем последних десятилетий XIX в. Как практик и публицист Фет в своих очерках «Из деревни» неоднократно выступал с резкой критикой идеи общинного землевладения и писал: «...идеал всякого живого организма в будущем, а не в прошедшем. Потому-то нам и не нужно ни общинного владения, ни крепостного права <…>» (*Фет. ССиП*. Т. 4. С. 139. См. также: *Фет А*. Общинное владенье / Публ. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова // *Фетовские чтения (XV)*. Курск, 2000. С. 13–18).

[12] Цитата из Евангелия: «Иже аще соблазнит единого малых сих, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей» (Мф. 18, 6).

[13] Устойчивое выражение, восходящее к книге Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», один из героев которого Панург извел баранье стадо купца Индюшонка, бросив самого лучшего из баранов в море, а за ним последовали все остальные.

[14] Окончание фразы в копии — неразборчиво. Возможно, Фет сравнивает представителей земства с героем комедии Ж.-Б. Мольера «Тартюф» Оргоном, слепо доверяющим ловкому обманщику и лицемеру.

[15] Отлучка Фета из Воробьевки планировалась в связи с проведением съезда мировых судей, который традиционно проводился в мае. В письме к Л. Н. Толстому от 29 января 1881 г. он писал о своих майских планах: «Если будет хорошая погода, около 12 мая буду у Вас, ибо в кач<естве> поч<етного> мир<ового> судьи должен быть 12-го в Мценске на съезде» (Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. С. 93).

4

Соловьев — Фету

18 августа 1881 г. Красный Рог

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Не оправдываюсь в том, что до сих пор не доставил Вам «Фауста»,[1] но хочу только изложить смягчающие обстоятельства. Я несколько раз

в это лето собирался ехать к Вам с Вашею рукописью, чтобы вместе над нею поработать, и каждый раз принужден был откладывать свое намерение, не теряя надежды исполнить его после, а потому и держал у себя рукопись.

С другой стороны и графиня Толстая (краснорожская)[2] не по одному отсутствию энергии не исполнила своего обещания, но главным образом потому, что все лето должна была ухаживать за своею племянницей, опасно заболевшей.[3]

Через неделю, я думаю, к Вам все-таки приехать, но на всякий случай посылаю Вам заказным письмом один из двух имеющихся у меня экземпляров «Фауста», другой же привезу сам.[4] Если опять не удастся приехать, то увидимся в Москве — это уж наверно.

Прошу Вас передать мое почтение Вашей супруге.

Страхов, вероятно, уж уехал в Константинополь.[5]

До свидания. Истинно Вас уважающий Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 147.

Датируется по почтовому штемпелю отправления: «Черниговск. Краснорож. 18 авг. 1881».

[1] Рукописи перевода «Фауста» находились у Соловьева. Об этом еще весной сообщал Фету Н. Н. Страхов. 6 апреля 1881 г. он писал ему: «Соловьев до сих пор не возвратил мне рукописи <…>», а 26 мая уточнял: «О Соловьеве ни слуху ни духу; увез Вашу рукопись и пропал. Его адрес: *Брянск*, Красный Рог, у гр. С. А. Толстой. Попробую ему написать» (*Фет/Страхов*. С. 333, 337).

[2] *Красный Рог* — имение в Мглинском уезде Черниговской губернии, доставшееся по наследству поэту А. К. Толстому, жившему здесь с 1861 г. до самой смерти; расположено в 45 км от Брянска в сторону Гомеля. После смерти Толстого имением владела его жена С. А. Толстая.

[3] Речь идет о племяннице С. А. Толстой — *Софье Петровне Хитрово*, которая после разлада в семейных отношениях проживала с Толстой.

[4] В августе 1881 г. Соловьев в Воробьевку не приехал. 6 августа 1881 г. Н. Н. Страхов писал Л. Н. Толстому из Воробьевки: «Сегодня, 6-го августа, я надеялся, что приедет Соловьев; но он обманул по своему обыкновению» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 293).

[5] Н. Н. Страхов планировал летом 1881 г. заграничную поездку и в конце лета уехал на Афон. Позже им были напечатаны «Воспоминания о поездке на Афон» (*РВ*. 1889. № 10. С. 120–144). См. также его сборник «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892. С. 1–48).

5

Соловьев — Фету

20 мая 1882 г. Курск

Буду с вечерним поездом из Киева до свидания.[1]

Владимир Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 15.
Датируется по дате на бланке телеграммы.

[1] О пребывании в конце мая — начале июня Соловьева в Воробьевке свидетельствует также письмо Фета к С. А. Толстой от 10 июня 1882 г.: «Узнав на пороге дома о вашем приезде, я хотел обрушиться всей силой упреков на Соловьева, утаившего от нас при отъезде самую телеграмму. Но с своей неумолимой логикой он тотчас же обезоружил меня, доказав, что ни письмом, ни телеграммой он известить вас о нашем ожидании, за краткостью оставшегося времени, не мог» (*ВЕ*. 1908. № 1. С. 221–222).

6

Соловьев — Фету

Осень 1882 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Я заболел. Вчера даже думал, что совсем слягу. Сегодня лучше, но все-таки не выхожу. В прошлую среду вечером у Баратынских[1] одна дама, кн. Вяземская,[2] предсказала мне болезнь, но кратковременную. Так как первая часть предсказания сбылась, то, надеюсь, сбудется и вторая. Итак, до скорого свиданья.

Душевно преданный В. Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.
Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158.
Датируется по содержанию.

[1] *Екатерина Ивановна Боратынская* (урожд. Тимирязева; род. 1859) — племянница К. А. Тимирязева, жена московского вице-губернатора Льва Андреевича

Боратынского, переводчица, сотрудница издательства «Посредник». Достаточно подробный рассказ Е. И. Боратынской о себе и знакомых литераторах конца XIX в. зафиксирован С. М. Лукьяновым (*Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 19–29). Соловьев упоминает о ней в своих письма под инициалами «Катерина Ивановна». В ОР РГБ хранятся 14 писем Е. И. Боратынской к Фету (*РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 74). Супруги Боратынские проживали в Москве с 1882 г. на Малой Никитской, где устраивали небольшие светские приемы.

[2] Подробных сведений о кн. Е. К. Вяземской обнаружить не удалось. По утверждению Е. И. Баратынской, княгиней Вяземской одно время был увлечен Соловьев (*Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 25).

7

Соловьев — Фету

8 апреля 1883 г. Москва

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Нередко вспоминаю и скучаю о Вас, и хотелось бы мне пораньше попасть в Воробьевку.[1] Но раньше июня, пожалуй, не придется. Так как Вы упрекаете меня за молчание (как мне передавали), то вот я и собрался Вам написать. К тому же мне хочется Вам сказать, как мне горько и обидно и стыдно за русское общество, что до сих пор ни о «Фаусте»,[2] ни о «Вечерних огнях»[3] ничего не было сказано в печати. Я пишу Страхову и Кутузову[4] укорительные письма, если же они не подвигнуться, то я решусь взяться не за свое дело и напишу хоть небольшую рецен зию для собственного облегчения.

Здоровы ли Вы и что поделываете?

Напишите два слова.

Сердечно кланяюсь Марье Петровне и всем Вашим.

Искренно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

На конверте: Ст. Будановка (Коренная Пустынь).
Шеншину (с. Воробьевка).

Почтовый штемпель отправления: 8 апр. 1883, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 147–148.

[1] *Воробьевка* — имение Фета, приобретенное им в 1877 г. В последние годы жизни Фет ежегодно проводил в Воробьевке весну и лето, захватывая порой и часть осени.

[2] Речь идет о выходе в свет второй части перевода Фета: Фауст. Трагедия Гете. Часть вторая / Пер., предисл. и примеч. А. Фета. М., 1883.

[3] Имеется в виду выход в свет первого выпуска собрания неизданных стихотворений Фета «Вечерние огни» (М., 1883. Ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.), в подготовке которого Соловьев принял деятельное участие.

[4] В недатированном письме к Н. Н. Страхову Соловьев писал: «А Вы так и не написали ничего о Фете — очень жаль, неужели его оценит один Буренин? Если увидите Кутузова, скажите, чтобы хоть он написал, а то, право, стыдно» (*Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 15). Письма Соловьева к А. А. Голенищеву-Кутузову о «Вечерних огнях» Фета неизвестны. Свое мнение о «Вечерних огнях» Голенищев-Кутузов выскажет только в 1888 г., уже после выхода в свет третьего выпуска. 31 января в газете «Гражданин» была опубликована без подписи его статья «Мысли русских читателей» (Гражданин. 1888. 31 января. № 31. С. 4), в которой лирика «Вечерних огней» называлась совершившемся чудом. Здесь же автор отмечал: «…отрезвленная критика вновь обратила и взоры, и внимание на некогда поруганную и осмеянную „фетовщину“, поняла ее высокую, непреходящую красоту <…>». 21 марта 1888 г. Голенищев-Кутузов прочитал в собрании Русского литературного общества (бывшего Литературно-драматического общества) реферат «О поэзии Фета» с подробным анализом лирического творчества поэта, который был опубликован под заглавием: «Вечерние огни. Стихотворения. А. А. Фета. 2 части, издание К. Солдатенкова. Москва 1863 г.; „Вечерние огни“. Собрание неизданных стихотворений А. А. Фета. 3 выпуска 1883, 1885, 1888 г.» (*РВ*. 1888. № 4. С. 368–383). Голенищев-Кутузов писал: «…творчество г. Фета не только не ослабело, не поблекло с годами, но, если возможно, приобрело еще более яркости и своеобразия, а красота стиха и мастерство владения языком достигли той степени совершенства, далее которой, — по крайней мере в настоящее время — идти, кажется, уже некуда» (С. 381). В фонде Фета в РГБ хранятся 4 письма Голенищева-Кутузова к Фету (Ф. 315. К. 7. № 33). Известно также одно письмо Фета к Голенищеву-Кутузову от 5 февраля 1889 г. (*РГАЛИ*. Ф. 143. Оп. 1. № 215).

8

Фет — Соловьеву

14 апреля 1883 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
Станция Коренная Пустынь 14 апреля.

Давненько получил я, дорогой Владимир Сергеевич, Ваш милый фонтанчик[1] и, окруженный со всех сторон полой водой, не собрался отвечать Вам, а сказать хочется много, и не знаю, с чего начать.

1-е Среди долины ровныя.[2] Нет:
Среди разлива страшного
Внезапно получил
Я телеграмму краткую.
«У вас ли Соловьев,
Скажите, что он нужен нам,
Что ждем его сейчас».[3]

Конечно, я отвечал, что Соловьева нет, и поэтому даже теперь сомневаюсь, попадет ли своевременно это письмо в Ваши руки. Утешаюсь мыслью, что добрые души Ваших домашних сжалятся и перешлют эту хартию[4] к Вам.

2-е. Я считаю себя до того Вам близким, что могу говорить вещи, о которых следует молчать. Вы мне дороги не только по уму и образованию, но гораздо более сверх того, — что Бог сотворил Вас настоящим джентльменом до мозга костей. В Вас нет того вахлачества и тени, которой мы, русские, odorem.[а] Когда я вижу эти тихие и ясные черты, мне становится легко, как ласточке под окном. Sapieni sat.[б]

3-е. Я на всех парах работаю над Горацием,[5] и дело весьма спорится. Я так боялся эпод[6] — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной.

Ночь была, и в небесах блистала луна озаренных,
Между мельчайших огней,
Как великих богов оскорбить ты готовая силу,
Вторила клятве моей и т. д.[7]

Теперь я зарылся по уши в прекраснейших сатирах поэта.

Это образец языка, практического ума, тонкости, словом, прелесть.

Конечно, перевожу буквально. Но работы много. Надо готовиться. Так много на каждом шагу подробностей, без которых ничего понять невозможно. Бью на то, чтобы иметь радость зимой отлично издать всего Горация с примечаниями, вновь пересмотренного. Он ужасно криво пишет, а это я только и ценю в поэте и терпеть не могу прямолинейных. Написал целых три новых стихотворения, которые оставлю до Вашего приезда.[8] Читал Вашу прекрасную статью о церковных толкованиях среди граждан.[9]

Извините, не хочу справляться о заглавии.

4-е. Попадался ли Вам в № 25 мартовского «Нов<ого> врем<ени>» разбор моих виршей, — кого бы Вы думали? — Буренина.[10]

[а] пахнем (*лат.*).

[б] Знающему — довольно и этого (*лат.*).

И разбор мастерской, по-моему. В такой тесной рамке он растузил дураков на славу и указал на главнейшие черты моей музы. Видно, что человек тонко понимает дело, хотя не могу понять, как тут же он восхищается прямолинейным Некрасовым? Бог с ними и со всей нашей интеллигенцией мужицкой, но удивительно, что Катков,[11] у которого я так много печатал, хоть бы пикнул.

5-е[в] и главное. 10-го июня я выезжаю и возвращаюсь домой 14-го или 15 с Баратынской,[12] если она сдержит слово. — Итак, соображайтесь с этим; но, главное, не обманите наших с женой горячих ожиданий. — Попросите брата или милую сестричку[13] черкнуть мне 2 слова, коли Бог почтовый наложил запрет на Вашу чернильницу. И адрес, адрес, адрес. Это одна из, нет — не из, а просто одна Ваша пята Ахилла. У меня всегда адрес печатный, а при перемене места все-таки адрес. А то: Гумбольту в Европе. — Буду ждать хоть звука с Вашей стороны.

Наши праздничные и будничные приветствия всем дорогим Вам.

Преданный Вам А. Шеншин.

Не прослышите ли у Вольфа, как идут мои книги.[14]

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано (не полностью): *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 322–324.

[1] Возможно, речь идет о стихотворении Соловьева «О как в тебе лазури чистой много…» (1881), опубликованном: Русь. 1882. № 42. С. 15. Список этого стихотворения сохранился в архиве Фета (*РГБ*. Ф. 316. К. 14. № 64).

[2] Фет цитирует первую строку популярной песни А. Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя» (1810) (см.: Русские народные песни / Сост. и ввод. тексты В. В. Вargановой. М., 1988, под заглавием «Песня»).

[3] Текст телеграммы, о которой идет речь у Фета, не обнаружен.

[4] *Хартия* (*лат.* charta) — у римлян бумага из папируса, книга, документ.

[5] Фет работал над завершением «труда жизни», начатого еще на студенческой скамье, — полного стихотворного перевода всех сочинений Горация (см.: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. А. Фета. М., 1883. См. также: *Вулих Н. В.* А. А. Фет — переводчик од Горация // *РЛ*. 2001. № 2. С. 117–122).

[6] *Эпод* (*греч.* припев) — в данном случае особый род лирического стихотворения, изобретенный Архилохом и воспринятый Горацием. В эподах длинный стих сменяется коротким.

[в] *Так в подлиннике.*

[7] Цитируется строфа из эподы XV «К Неаре». См.: К. Гораций Флакк / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1883. С. 181.

[8] Возможно, речь идет о стихотворениях «Только в мире и есть, что тенистый…» (с датой в автографе: «3 апреля 1883»); «Говорили в древнем Риме…» (также датированном 3 апреля 1883 г.) и «Теперь» («Мой прах уснет забытый и холодный…»), см. ниже примеч. 13.

[9] Вероятно, речь идет о статье Соловьева «Несколько слов о наших светских ересях и о сущности церкви» (Русь. 1883. 1 апреля. № 7. С. 13–19).

[10] Речь идет о рецензии В. П. Буренина на первый выпуск «Вечерних огней»: *Буренин В*. Новые стихотворения А. А. Фета // *НВр*. 1883. 25 марта. № 2540. С. 2. В ней критик дал характеристику стихотворений Фета «Окна в решетках, и сумрачны лица...», «Томительно-призывно и напрасно...», «Смерть» («Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный…»), «Измучен жизнью, коварством надежды...», «В тиши и мраке таинственной ночи…», «После бури» («Пронеслась гроза седая …»), «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», «Горячий ключ» («Помнишь тот горячий ключ…») и не скрыл своего восхищения этими лирическими шедеврами. Он писал: «К числу наиболее пародированных нашими юмористами поэтов, конечно, должен быть причтен А. Фет. Его всем известные пьесы <...> пародировались бессчетно. Над его поэзией глумились и в стихах и прозе различные призванные и непризванные критики и рецензенты, либеральные „граждане“ и „обличители“. И, однако же, результат всех этих бесчисленных стихотворных и прозаических глумлений сводится, если говорить правду, на решительный нуль. Стихи Фета не только для людей, понимающих истинное искусство, не только для жрецов и поклонников изящного, но даже и для большинства читателей вообще <…> всегда были и всегда останутся превосходными в своем роде стихами». По мнению Буренина, Фет сумел, несмотря на проклятия и ожесточение односторонней критики остаться «лирическим певцом, которого вдохновляют лишь вечные и глубокие впечатления правды и человеческой души». Суть оценки рецензента «Вечерних огней» выражена в следующем утверждении: «Да это истинная поэзия, чудная по форме и полная содержания <…>». Более подробно о взаимоотношениях Фета и Буренина см.: *Петрова Г. В*. А. А. Фет и В. П. Буренин: К истории критического восприятия «Вечерних огней» // *РЛ*. 2010. № 4. С. 210–217.

[11] *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник», с которым Фет сотрудничал долгое время, публикуя не только стихи, но и публицистические статьи.

[12] См. примеч. 1 к п. 6.

[13] Вероятно речь идет о М. С. Соловьеве, младшем брате Соловьева, и П. В. Соловьевой, его сестре, проживавшей вместе с матерью в Москве. 18 мая 1883 г. М. С. Соловьев писал Фету: «Вы удивляетесь, вероятно, молчанием брата, а между тем вот что с ним случилось: в начале месяца он уехал в деревню к Соллогубам и там заболел, вернулся он оттуда очень плохим и совсем нас перепугал; это было 7-го, вечером у него начался сильный бред и приехавший доктор сказал, что его положение очень опасно; болезнь тогда еще не определилась, предполагали, что тиф <…>. Теперь, слава Богу, все идет, как следует, пароксизмы прекратились, вообще ход болезни обещает, что он скоро совсем поправится, но сил еще совсем нет, и он очень

жалеет, что не может написать Вам. Письмо Ваше он прочел уже в постели, и я видел, что оно доставило ему большое удовлетворение. Стихи… одобряет. Позвольте присоединиться к этому и мне, особенно по отношению к „Теперь“. Можно надеяться, что теперь ему недолго придется сидеть дома, а когда начнет выезжать, непременно приедет к Вам» (*РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 18).

[14] *Вольф Маврикий Осипович* (1825–1883) — издатель и владелец книгопродавческой фирмы. После смерти Вольфа издательство продолжало существовать под названием «Товарищество М. О. Вольф», один из магазинов его размещался в Москве на Кузнецком мосту, в бывшем доме ресторана «Яр». Перед самой смертью Вольфа возник проект издания двухтомного собрания Фета, о чем поэту сообщил 16 января 1883 г. Н. Н. Страхов: «Сегодня я заходил к христопродавцу, то бишь — к книгопродавцу Вольфу и вот что узнал, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Он желал бы издать Вас (и с „Вечерними огнями“) в двух томах в 12 долю, как Charpentier, и продавать по рублю, или по 1½ р. том, никак не дороже. 2000 экземпляров. Он хочет этими дешевыми и удобными изданиями *подновить* интерес к авторам и справедливо говорит, что читатели забывают тех, кого им редко предлагают. Мысль хорошая, и он великий мастер продавать книги. Но цены не сказал и срока не назначал. Если он начнет эти выпуски, то может быть дело состоится через год или два. Он предлагал Майкову, но Майков только что продал свое новое издание (5 томов) за 3000 руб. Марксу. Вот Вам и некоторая мерка; Вольф просит Вас самих назначить цену. Ваше имя ему хорошо известно, хоть он и не вникает сам в литературу» (*Фет/Страхов*. С. 353). Этот проект так и не был реализован. По предположению Н. П. Генераловой, через книгоиздательскую и книгопродавческую фирму М. О. Вольфа Фет продавал свои книги, через эту же фирму он переправлял свои издания в Петербург.

9

Соловьев — Фету

Около 14 октября 1883 г. Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я простудился и не выезжаю.

Моя мать просит Марью Петровну и Вас к нам обедать завтра в пятом часу.

Известите, пожалуйста, с посланным, можно ли Вас завтра ждать.

Передайте Марье Петровне мой сердечный поклон и поздравление с праздником.

Преданный Вам Влад<имир> Соловьев.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину
от Влад. С. Соловьева.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 1951. Л. 1–2; конверт — л. 3.

Датируется по содержанию. Возможно праздник, с которым Соловьев поздравляет М. П. Шеншину — Покров Святой Богородицы и Приснодевы Марии, который приходится на 14 октября.

10

Соловьев — Фету

23 ноября 1883 г. Москва

Сердечно поздравляю Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич. Хотя я выезжаю и неделю прожил в Славянском Базаре,[1] «очистился и показался священникам»,[2] а сверх того постоянно употребляю в большом количестве дезинфекционные средства, например, вино, — тем не менее опасаюсь к Вам сегодня приехать, ибо хотя Вы сами и Марья Петровна, насколько помню, свободны от микробофобических суеверий, но быть может сегодняшние Ваши гости им весьма подвержены.

Во всяком случае, до свиданья. Мать и все мои усердно Вас поздравляют.

Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Искренне Вам преданный В. Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158.

Датируется по содержанию. Вероятно, Соловьев поздравляет Фета с днем рождения, который праздновался 23 ноября.

[1] *Славянский базар* — так именовалась гостиница и ресторан в Москве, расположенные на Никольской улице.

[2] Перефразированная цитата из Евангелия, отсылающая к сюжету излечения Христом прокаженного. Ср.: «Он простер руку, прикоснулся к нему и сказал: хочу, очистись. И он повелел ему никому не сказывать, а пойти показаться священнику и принести жертву за очищение свое, как повелел Моисей, во свидетельство им» (Лк. 5, 13–14).

11

Фет — Соловьеву

17 января 1884 г. Москва

Москва
Плющиха соб. дом
№ 481 — 17 января.

Дорогой Владимир Сергеевич.

Вчера в карете доехал до юбиляров[1] и слон сугубо наступил мне на грудь.[2]

Просьба напечатать прилагаемый стих.[3] По своему безобразию я забыл имя и отчество Леонтьева,[4] а между тем нужно избежать цензурных и Понтия, и Пилата. Нельзя ли Вам попросить Леонтьева мгновенно процензурировать эту штуку, за которой я по его указанию пошлю в субботу.

Когда слон отступится, не знаю.

Будьте здоровы.

Если моя просьба мечта, пусть такой и пребудет.

Ваш А. Шеншин.

2 градуса тепла. Не забежите ли хоть на минутку.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 24.

[1] 16 января 1884 г. в Москве праздновался двадцатипятилетний юбилей свадьбы Д. П. и С. С. Боткиных, родственников жены Фета.

[2] Имеется в виду приступ астмы, которой страдал Фет.

[3] Речь идет о стихотворении Фета «Д. П. и С. С. Боткиным в день двадцатипятилетия их свадьбы 16 января 1884 года» («Сегодня пир отрадный мы венчаем…»), впервые напечатанном отдельным листком в Москве с датой ценз. разрешения: 17 января 1884 г.

[4] *Леонтьев Константин Николаевич* (1831–1891) — дипломат, религиозный философ, писатель, литературный критик, публицист. С ноября 1880 по 1886 г. служил в должности цензора в Московском цензурном комитете.

12

Соловьев — Фету

Сентябрь 1884 г. (?) Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Ваше стихотворение в Руси[1] начинается так: «Ныне первый мы слышали гром…». Я эти дни не свободен. Раньше вторника к Вам не соберусь.

Д<ушевно> п<реданный> Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 157.

Датируется предположительно по содержанию. Интерес Фета к упоминаемой в письме публикации стихотворения «Ныне первый мы слышали гром…» в «Руси» (1883. № 6. С. 21) мог быть связан с окончательным формированием второго выпуска «Вечерних огней», в состав которого оно вошло. Второй выпуск вышел в свет в конце октября — начале ноября 1884 г. Ценз. разрешение: 25 октября 1884 г.

[1] Газета «Русь» издавалась в Москве в 1880–1886 гг., основателем ее был И. С. Аксаков. Соловьев в начале 1880-х гг. был одним из активных сотрудников газеты.

13

Соловьев — Фету

22 октября 1884 г. Владимир

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

В дополнение к вчерашней телеграмме[1] посылаю Вам еще нижеследующее поздравление.

А. А. Фету
19 октября 1884 г.

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.

И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли Сарматские снега.

И пышный лавр средь степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел.[2]

Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 15.

Впервые опубликовано (без текста стихотворения): Северные цветы на 1901 год. С. 148.

Датируется по почтовым штемпелям: 1) 22 окт. 1884, Владимир; 2) 23 окт. 1884, Москва.

[1] Возможно, речь идет о поздравительной телеграмме, посланной Вл. С. Соловьевым, М. С. Соловьевым и О. М. Соловьевой Фету из Владимира 21 октября 1884 г.: «Сердечно радуемся поздравляем Ольга Михаил Владимир Соловьевы» (*РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 19).

[2] Стихотворным поздравлением Соловьев откликнулся на присуждение Фету 12 октября 1884 г. первой Пушкинской премии за полный перевод Горация. По поводу этого стихотворения он писал Н. Н. Страхову: «Может быть, мой Манзи и Афанасий Великий соскучились по мне, а потому я прошу Вас сказать им, что я собираюсь в Петербург и чтоб они лежали спокойно. Я с своей стороны соскучился и по них, и по Вас. В конце этой или начале будущей недели, Бог даст, увидимся. <…> Печатное привезу, а из писанного сообщу Вам здесь нечто, а именно стихи, внушенные Афанасием — не Александрийским, а Воробьевским и Плющихинским. Это стихотворение мне самому, а также и другим показалось удачным, и если Вы, столь строгий (ко мне) критик, также одобрите сии стихи, то я должен буду согласиться с мнением Фета, что их „хоть сейчас в хрестоматию“» (*Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 19). Мнение Фета о посылаемом стихотворении Соловьев передавал также в письме к М. С. Соловьеву (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 88). При публикации этого стихотворения в сборнике своих стихотворений (Стихотворения Владимира Соловьева. 2-е изд., доп. СПб., 1895) Соловьев сопроводил его следующим комментарием: «А. А. Фет, которого исключительное дарование, как лирика, было по справедливости оценено в начале его литературного поприща, подвергся затем продолжительному гонению и глумлению по причинам, не имеющим никакого отношения к поэзии. Лишь в последнее десятилетие своей жизни этот несравненный поэт, которым должна гордиться наша литература, снова приобрел благосклонность читателей и критиков. Первым публичным выражением этой перемены в отношении к нему было суждение Академии Наук, удостоившей полной Пушкинской премии его переводы из Горация и Гёте. Это признание его заслуг имело для Фета особенное значение потому, что было связано с именем боготворимого им Пушкина (сюда относятся слова „сам орел поэзии родимой“)».

14

Соловьев — Фету

Конец декабря 1884 г. Саблино

Поздравляю новым годом Ювеналом здесь детей корь графиня уехала Ревель.[2]

Владимир Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 15.
Датируется по содержанию, см. примеч. 1 к наст. письму.

[1] «Сатиры» Юния Д. Ювенала в переводе и с объяснениями Фета вышли в свет в Москве в конце 1884 г. (на титуле: 1885); ценз. разрешение 9 ноября 1884 г. В ноябре 1884 г. Соловьев выехал в Петербург (см. примеч. 2 к п. 13), а потом сразу в Пустынку. Об этом Фету писал Н. Н. Страхов 4 декабря 1884 г.: «Он (Соловьев. — *Г. П.*), как только приехал, в тот же день, через час после приезда, пришел в Библиотеку и сел за „Акты соборов“. И так было каждый день, а потом, несмотря на опасность заражения оспою, уехал в Пустынку. Не сегодня-завтра жду его назад — будет говеть. Мне он очень понравился, поздоровел, окреп» (*Фет/Страхов*. С. 387).

[2] Имеется в виду С. А. Толстая (супруга А. К. Толстого).

15

Соловьев — Фету

22 января 1885 г. Петербург

Я уже давно не в Пустынке,[1] а в Петербурге, дорогой Афанасий Афанасьевич, и потому и письмо Ваше[2] получил только сегодня с оказией. Спасибо Вам очень. Ношу я себя плоховато, зато работаю исправно и боюсь, что мой Левиафан не вместится и в двух томах.[3] А по некоторому инстинкту мозговой гигиены предаюсь по временам сочинению мельхиседекообразных[4] стихотворений. Так на днях, рассматривая книжку Некрасова,[5] я отступил от правила de mortuis aut bene aut nihil[a] — намельхиседечил следующее:

---

[a] о мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

ПОЭТУ-ОТСТУПНИКУ
(по прочтении «последних песен» Некрасова)

Восторг души — расчетливым обманом,
И речью рабскою — живой язык богов,
Святыню мирную — крикливым балаганом
Он заменил и обманул глупцов.

Когда же сам, разбит, разочарован,
Он вспомнить захотел былую красоту, —
Язык кощунственный, к земной пыли прикован,
Напрасно призывал нетленную мечту.

Тоскующей любви пленительные[б] звуки
Животной злобы крик позорно заглушал,
Не поднималися коснеющие руки,
И бледный призрак тихо ускользал.

Кстати о Мельхиседеке: заезжал к больному Полонскому,[6] разговор — сплошной Мельхиседек, и я уже начинал приходить в отчаянье. Но под конец отыскал детский журнал «Родник»[7] и прочел мне оттуда свое стихотворение «Убежавшая больная»[8] без всякого Мельхиседека очень хорошо, хотя несколько протяженно-сложенно. В Пустынке еще больны.[9] В Москву хочу непременно приехать так, чтобы Вас застать.

Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Искренне Вам преданный Влад<имир> Солов<ьев>.

P. S. А чем Вы докажете скептическому потомству, что ботинки действительно сшиты Толстым,[11] а не сделаны на заказ в магазине? Кстати о заказе: не удивляйтесь, что я посылаю это письмо заказным. Это только оттого, что отправление письма для меня есть событие чрезвычайно редкое, граничащее с областью чудесного.

На конверте: Grand Hôtel d'Europe St. Pétersbourg.
Заказное. В Москву
(Его Высокопревосходительству
А. А. Шеншину).
Плющиха, свой дом.

Почтовые штемпели: 1) 22 янв. 1885, Петербург; 2) 23 янв. 1885, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.
Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 148–149.

[б] *Над* пленительные *сверху вписано и зачеркнуто*: ласкающие

[1] *Пустынка* — имение гр. А. К. Толстого под Петербургом на берегу реки Тосны; после смерти Толстого перешло к С. А. Толстой и С. П. Хитрово. Имение Пустынка пользовалось популярностью в среде литераторов и людей искусства. В 1880-х гг. Соловьев часто гостил в Пустынке. По его признанию, здесь в «милой сердцу стране» он написал немало стихотворений: мистерию-шутку «Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова», поэму «Три свидания», философские труды, знаменитые «Белые колокольчики». См. также примеч. 1 к п. 14.

[2] Упомянутое письмо Фета не обнаружено.

[3] *Левиафан* — чудовищный морской змей, упоминаемый в Ветхом Завете. Так Соловьев именует свою работу по написанию книги «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни» (Загреб, 1887. Т. 1), в которой сформулирует задачу примирения Востока и Запада через объединение церквей.

[4] *Мельхиседек* (Мелхиседек) — царь справедливости, в Библии — царь Салимский, священник Всевышнего. В Ветхом Завете Мелхиседек упоминается в Быт. 14, 18, Пс. 109, 4. По возвращении Авраама с отбитыми у четырех побежденных восточных царей людьми и имуществом, Мелхиседек вышел к нему навстречу с хлебом и вином, благословил его и принял от него десятую часть всей отнятой у врага добычи. Местопребыванием его был город Иерусалим. Согласно Новому Завету, Мелхиседек пользовался большой известностью (Евр. 7, 1).

[5] Речь идет о книге Н. А. Некрасова «Последние песни» (СПб., 1877).

[6] *Полонский Яков Петрович* (1819–1898) — русский поэт и прозаик; друг и поэтический единомышленник Фета, состоявший с ним в переписке, однако в 1885 г. Фет и Полонский находились еще в ссоре, примирение произойдет в 1887 г. Более подробно о взаимоотношениях Фета и Полонского см. вступит. статью Т. Г. Динесман к публикации: *Фет/Полонский*. С. 555–588.

[7] Имеется в виду детский журнал Е. А. Сысоевой (Альмединген) «Родник». См. о нем: *Юдина И. М.*, *Иванова Л. Н.* Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики) // *Ежегодник РО ПД (1979)*. Л., 1981. С. 6–19.

[8] Речь идет о стихотворении Я. П. Полонского «Сбежавшая больная» (Родник. 1884. № 1. С. 461). Ср. с отзывом, данным этому стихотворению И. Ф. Анненским: «„Сбежавшая больная“ — из новых стихотворений Полонского. Утомившаяся мать в слезах задремала, а больная девочка мечется и стонет. В предсмертной грезе ей чудится, что она убежала в сад, что

Звезды с ясными очами,
И мигают ей, и машут
Золотыми веерами…
И лучисто-золотая
К ней дорожка протянулась.

Изображение смерти в виде сна, в виде золотой грезы характерно для нашего поэта. В его идеализме нет мрачного ужаса Биргеровской баллады, нет и плаксивой нотки ранних произведений Жуковского: он берет у реализма и истому, и бред, стынущие ножки малютки, и плачущую мать, которая кричит и зовет дочь, но не берет у него той страшной обстановки смерти, которою мы находим в описаниях графа Льва Толстого или Флобера; в грезе умирающего ребенка все красиво: и роза,

и звезды, и дорожка из золотых лучей. Нельзя не отметить при этом отрицательной стороны подобных стихотворений: у Полонского они гораздо более красивы, чем теплы, в них нет той лирической жилки, которая бьется в стихотворениях на ту же тему у Майкова (у него есть целая серия) — это свободно и грациозно написанные картинки» (*Анненский И*. Стихотворения Я. П. Полонского как педагогический материал // Воспитание и обучение. 1887. № 5. С. 111).

[9] См. п. 14 и примеч. к нему.

[10] Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет делился с Соловьевым историей с сапогами, сшитыми собственноручно Л. Н. Толстым (хранятся в музее Л. Н. Толстого в Москве). По получении Фетом сапог было составлено следующее свидетельство: «Сие дано 1885-го года января 15-го дня в том, что настоящая пара ботинок на толстых подошвах, невысоких каблуках и с округлыми носками сшита по заказу моему для меня же автором „Войны и мира“ графом Львом Николаевичем Толстым, каковую он и принес ко мне вечером 8-го января сего года и получил за нее с меня 6 рублей. В доказательство полной целесообразности работы я начал носить эти ботинки со следующего дня. Действительность всего сказанного удостоверяю подписью моей с приложением герба моей печати» (*Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. С. 303).

16

Фет — Соловьеву

3 февраля 1885 г. Москва

Москва
Плющиха соб. дом — 3 февраля.

Отче Мельхиседече.[1]

Согрешах пред Фебом[2] и пред тобою. Читал Коршу[3] прелестное стихотворение к Некрасову,[4] и он убедил меня в моей ереси. Последний стих нисколько не хром, а это насчет цензуры показалось мне по молодости. Надо бы непременно напечатать это стихотворение. И стихотворение, и мастерство, и сам Мельхиседек полезен. Нужно разнавожить головы, хотя сам Геракл у них откажется от дела.[5] Неужели нельзя говорить правды и тем, кого любишь.

Из всех людей пристрастных к….

Нет не то, из всех стихов, которые мне в новейшее время попадались, я не встречал настоящей грации, оттенка и правдивости, как в двух 1 янв<арских> к «Русс<кому> вестн<ику>» Ф. Л. Соллогуба.[6] Очень мило. Исполать. Ну, побойтесь Бога. Какое мне дело, кто написал? Хорошо, ну и отлично. Страхов или болен, что было бы горько, или

завертелся — не пишет. Мой Катулл подвигается.[7] Остаются большие гекзаметры ergo более скучные, но менее трудные.

Горе, что новых ни переводов, ни комментариев на Проперция нет.[8] Работы на все лето хватит. Буду себя обманывать надеждой обнять Вас в начале апреля. Поклонами усердствуем. Глаза плохи.

Будьте здоровы милый человек.

Преданный Вам А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

[1] См. п. 15, примеч. 4.

[2] *Феб* — второе имя бога Аполлона (в переводе с греч. «сияющий»), покровитель искусств.

[3] *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915) — филолог-классик, востоковед, славист, языковед и поэт, корреспондент Фета.

[4] См. п. 15 и примеч. 5 к нему.

[5] Обыгрывается миф об одном из подвигов Геракла, очистившего Авгиевы конюшни.

[6] *Соллогуб Федор Львович*, граф (1848–1890) — русский художник, работавший в основном в театре. Выступал также как актер и поэт-любитель. Речь идет о его стихотворениях «Я не сказал тебе, что я тебя люблю…» и «Нас с тобой связали грезы…» (*РВ*. 1885. № 1. С. 410).

[7] В 1886 г. вышло в свет издание: Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1886.

[8] Позже Фет перевел и издал: Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1888.

17

Соловьев — Фету

27 июля 1885 г. Петербург

Тысячу раз собирался писать Вам, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и вот в тысячу первый приписываю. Часто, соединившись с Вами в духе, ругал иссушителей нашей земли, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение среднеазиатских пустынь.[1] Надеюсь, однако, что Воробьевка останется в числе немногих оазисов. А я все сижу над пустыней византийского богословия или многословия, которое наглядно доказывает, что и сухое может быть водянистым.[2] — В «Русском вестнике», не предупредивши меня, напеча-

тали Гафиза,[3] так что я не успел послать Вам на просмотр в рукописи. Не просмотрите ли в печати? Грехи стихосложения я, кажется, все исправил. — Напишите мне, пожалуйста (по адресу Ник<олая> Ник<олаевича>[4]). Сердечно кланяюсь Марье Петровне, которой хотел телеграфировать 22,[5] но побоялся Вас рассердить.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 83–83 об.

Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 229.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 26–27 июля 1885 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 400.

[1] По предположению Н. П. Генераловой, в данном случае Соловьев откликается на брошюру Фета «На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя», посвященную вопросам земледелия. Брошюра Фета была напечатана в Москве в типографии А. И. Мамонтова в 1884 г. (см.: *Фет/Страхов*. С. 400–401, примеч. 1 к п. 123).

[2] См. примеч. 1 к п. 14.

[3] 24 стихотворения Гафиза в переводе Соловьева появились в № 6 «Русского вестника» за 1885 г. (С. 890–895): I. «Небо звездное, ты блещешь…», II. «Что деревья вихорь бурный…», III. «Всех, кто здесь в любовь не верит…», IV. «В мрачной келье замкнул я все думы свои…», V. «У меня затем лишь очи…», VI. «Мимо кельи моей…», VII. «Если б ведал ум как сладко…», VIII. «Пусть целый свет мне запрещает…», IX. «Для меня вопрос мудреный…», X. «Да свершится твоя воля…», XI. «Языков так много, много!..», XII. «Что живет на этом свете?..», XIII. «Не мани меня ты, шейх…», XIV. «Об улыбке твоей благодатной…», XV. «Трезвую воду Гафиз презирает…», XVI. «Горькой мудростью людскою…», XVII. «Бедный монах! Не поможет…», XVIII. «Ты неси меня камень мудрых…», XIX. «За стаканом стакан наливать…», XX. «С клобуком, сказать по правде…», XXI. «Воды, шумящие волны, — потоп угрожает…», XXII. «Зачем ты пьешь? я знать желаю…», XXIII. «Тише, тише! злобный свет…», XXIV. «Зданье жизни твоей ныне…». Вместе с этой подборкой были опубликованы также стихотворения Соловьева «На мотив из Мицкевича» («Пускай нам разлуку судьба присудила…»), «L'ONDA DAL MAR'DIVISA» («Волна в разлуке с морем…») (Там же. С. 896). Перед публикацией Соловьев, видимо, планировал познакомить Фета, в молодости также переводившего Гафиза (см.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 254–257), со своим переводом.

[4] Имеется ввиду Н. Н. Страхов.

[5] 22 июля традиционно отмечались в Воробьевке именины хозяйки дома. Подобные извинения были высказаны Фету и Н. Н. Страховым: «Вчера, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, приехал сюда Соловьев. Вечером он сидел у меня, и я, между прочим, угостил его чтением Вашего последнего письма, при чем часто раздавался знакомый Вам заливающийся хохот, и я вторил. Пришли мы к заключению, что стыдно и грешно не писать Вам, что мы оба виноваты перед Марьей Петровной, пропустивши ее именины без поздравления» (*Фет/Страхов*. С. 399).

18

Соловьев — Фету

21 августа 1885 г. Петербург

Относительно Шопенгауэровского комитета,[1] дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, оба коринфянина[2] согласны с Вами, что сие неосуществимо. Если же Вы устроите неофициальный сбор в Москве, то я по приезде туда приму в оном участие своим дырявым карманом, а также карманом двух-трех друзей. Я лично отдам «цену беззакония», а именно гонорар за два старые и никуда не годные стихотворения, которые у меня взял Берг в свою «Ниву».[3] Через месяц с небольшим надеюсь обнять Вас. На юг не еду. Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Что же Вы меня не поблагодарите за «бесов», которых Вы и знать не хотели?[4]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 85–85 об.

Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 230.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 21 августа 1885 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 401–402.

[1] Учение немецкого философа А. Шопенгауэра было очень распространено в России в конце XIX в. Фет, осуществивший перевод главного труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1881), был одним из его популяризаторов. 10 декабря 1885 г. был дозволен цензурой трактат Шопенгауэра «О четверном корне закона достаточного основания» в переводе Фета (М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1886). В 1888 г. исполнялось 100-летие со дня рождения Шопенгауэра и, возможно, в среде русских философов и литераторов в связи с подготовкой к этому событию возникла идея создания упоминаемого Соловьевым Шопенгауэровского комитета.

[2] По предположению Н. П. Генераловой, Соловьев имел в виду Страхова и себя (*Фет/Страхов*. С. 403).

[3] Речь идет о стихотворениях Соловьева «Вся в лазури сегодня явилась…» и «У царицы моей есть высокий дворец…» (Нива. 1885. № 39. 28 сентября).

[4] Имеется в виду роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871). Фет по прочтении романа писал о своем впечатлении Н. Н. Страхову (этот отзыв был, возможно, известен Соловьеву), однако письмо не сохранилось. Известен лишь ответ Страхова: «Очень восхищался я, дорогой Афанасий Афанасьевич, Вашими замечаниями, о Достоевском и Тургеневе. Так как художники творят людей по своему образу и

подобию, то Тургенев не мог создать крепких и умных лиц, а Достоевский непременно должен был создавать умных, но искалеченных нравственно» (*Фет/Страхов*. С. 401). Отчасти реконструировать оценку Фетом романа «Бесы» можно по письму С. В. Энгельгардт, которая признавалась: «Мне очень понравилось ваше оригинальное и меткое выражение: „*я пролез через терновый куст* романа Достоевского «Бесы»“. Его мог написать только человек, одержимый падучей болезнью, а какое было бы замечательное произведение, если бы оно вышло из-под пера здорового человека. Ивану Сергеевичу жутко было, когда он читал „Бесы“ и волей-неволей узнавал себя. И как эти люди не понимают, что популярность не дается заискиванием, и может ли человек добиться популярности унижением и отречением от своей собственной личности» (*Письма Энгельгардт*. Ч. 3. С. 119).

19

Соловьев — Фету

17 сентября 1885 г. Петербург

Не удивляйтесь и не порицайте меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за упорный коллективизм сих посланий. Это есть хороший способ ускорения движения для таких медлителей, как мы с Н. Н.[1] — Я говорю ему: Когда же Вы напишете Афанасию Афанасьевичу? Я бы приписал. — А он, написавши, дает мне листок, говоря: припишите поскорей: я сегодня и в ящик опущу.

Стихи Ваши читал и восхвалял, особенно второе.[2] Сам я упражняюсь в греко-латино-русской прозе:

Зову властительные тени
И их читаю письмена.[3] —

Это Ваши стихи, в эпиграфе к моей прозе. — Сегодня или, точнее, сею ночью здесь свирепствовала буря, способная, по выражению одного писателя, вырвать рога у несчастнейшего из супругов. По поводу рогов, хотя я и не могу их иметь, тем не менее пытаюсь бодать Каткова в «Руси»[4] за его отрицание философии и унижение религии, а главное, за непрактичность его консервативного доктринерства. Видите, я поверил Вашему убеждению в моей практичности.

Сегодня собираюсь в Пустыньку на неделю,[5] обработать кое-что касательно моей idée fixe,[a] именно обзор полемики по вопросу о соедине-

---

[a] навязчивой идеи (*франц.*).

нии церквей.[6] — А там по малом времени — и в Москву, под родной и дружественный кров на Пречистенке и Плющихе.[7]

Очень кланяюсь Марии Петровне и обнимаю Вас. — До скорого свидания.

В<аш> Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 89–89 об.

Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 230–231.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 17 сентября 1885 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 403–404.

[1] Имеется в виду Н. Н. Страхов.

[2] По предположению Н. П. Генераловой, первым стихотворением могло быть «Светоч» («Ловец, все дни отдавший лесу…») или (что более правдоподобно) «Я потрясен, когда кругом…» (оба опубликованы: *ВЕ*. 1886. № 1, а затем вошли в третий выпуск «Вечерних огней»). Вторым стихотворением, по всей видимости, было стихотворение «Я тебе ничего не скажу…» (2 сентября 1885 г.). См.: *Фет/Страхов*. С. 404, примеч. 3 и 4 к п. 125.

[3] Цитата из стихотворения Фета «Когда от хмелю преступлений…», опубликованного впервые: *РВ*. 1866. № 1. Впоследствии это стихотворение было включено в первый выпуск «Вечерних огней» под заглавием «Сонет».

[4] Речь идет о статье Соловьева «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения» (Русь. 1885. 14 сентября. № 11. С. 5–8).

[5] См. примеч. 1 к п. 15.

[6] Под «idée fixe» Соловьев имеет в виду свою идею соединения церквей, которую он воплотил в обобщающем труде «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни». См. также примеч. 3 к п. 15. В декабре 1885 г. в «Православном обозрении» была опубликована статья Соловьева «Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении церквей» (С. 727–798). Возможно, над ней и планировал работать Соловьев в Пустынке.

[7] На Плющихе осенью 1881 г. Фет приобрел дом, в котором проводил зимние месяцы. На Пречистенке в доходном доме Лихутина, жили мать и сестры Соловьева — Надежда и Поликсена, здесь же он останавливался, приезжая в Москву. Сам Соловьев писал в письме к сестре, Н. С. Соловьевой: «Из всех мест на земном шаре я, конечно, предпочитаю два: Пустыньку (когда не слишком холодно) и дом Лихутина (когда не слишком музыкально), но, увы, окончательно фиксироваться не могу ни там, ни здесь, ибо je suis né sous astre des voyages (я рожден под звездой странствий — *франц.*) или, говоря высоким библейским слогом, должен ходить перед Господом, что, конечно, лучше, чем ходить перед людьми на задних лапах. Малая способность к делу последнему не позволяет мне в наши дни (довольно подлые времена) найти себе постоянную житейскую раму» (*РГАЛИ*. Ф. 446. Оп. 1. № 55. Л. 13).

20

Соловьев — Фету

10 (22) июля 1886 г. Загреб.

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Из бесписьменности моей не заключайте, что я о Вас не думаю. Напротив, часто и часто о Вас вспоминаю. А вот, наконец, подвигся и написать. Я доселе не приспособился к двум календарным стилям[1] и живу как бы вне времени или в фальшивом времени, ибо руковожусь «Московскими ведомостями»,[2] которые получаются здесь почти через неделю, на каковой срок и я отстаю от действительности в своих хронологических представлениях. Однако я вычислил с достоверностью, что сегодня 22 июля старого стиля и, следовательно, именины Марьи Петровны, которой и приношу свое сердечное, хотя и имеющее опоздать поздравление, в надежде, что соединенные усилия австрийской и русской почты пощадят это невинное послание. Заказным не пишу, зная, что это доставит Вам лишние хлопоты.

О себе сообщу кратко, что я здоров, работаю, печатаю книгу[3] и живу у загребского каноника[4] самым каноническим образом. Встаю в 8 часов, хожу каждый день к обедне в прекрасный готический собор XI века,[5] знакомство вожу только с ученым и духовным сословием. Чувствую себя не совсем за границей, ибо говорю большей частью по-русски, да и народ здесь (простой) совсем наши хохлы, только еще гораздо религиозней (чего, к сожалению, нельзя сказать о православных славянах). Церкви здесь и в будни полны народом, а в воскресенье не протолкаешься. Вместе с тем здесь есть Академия наук и университет, картинная галерея и музей древностей[6] — все это основано главным образом епископом Шросмайером[7] и каноником Рачким. У этого последнего я теперь живу, а к первому еду через две недели. Хотя, как видите, я здешним пребыванием доволен, но все-таки вздыхаю по далеким друзьям, и очень бы хотелось попасть в Воробьевку, но к большому моему прискорбию это невозможно. Я попал за границу только в июне (потому что старый и преданный наш слуга обокрал меня дочиста накануне назначенного отъезда),[8] и хотя печатание книги наладилось, но придется еще возиться с переводом, который здесь хотят делать на немецкий или франц<узский> яз<ык>, так что в Россию попаду не раньше сентября. Итак, до свидания в Москве. А если захотите обрадовать меня письмом (вернее заказным), то вот мой адрес: Autriche-Hongrie, Agram, à M. le

Président de l'Académie des sciences, Dr. F. Rački (Kaptol, 13). Pour le Dr. Vlad. Solowjev.

Будьте здоровы, дорогой Афанасий Афанасьевич, и не забывайте душевно преданного Вам Влад<имира> Сол<овьева>.

На конверте: Ст. Кор. Пустынь (Будановка).
Шеншин.
Воробьевка.

Почтовый штемпель: 27 июля 1886, Курск.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 149–150.

Датируется по упоминанию дня именин М. П. Шеншиной. См. примеч. 7 к п. 17.

[1] Россия в отличие от европейских государств, которые с 1582 г. перешли на Григорианский календарь, продолжала жить по Юлианскому календарю.

[2] Речь идет о книге Соловьева «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни». См. также примеч. 3 к п. 15, примеч. 6 к п. 19. Первоначально Соловьев хотел издавать свою книгу в России и сообщал в недатированном письме 1884 г. А. А. Кирееву: «Я надеюсь, что Вы окажете мне дружеское содействие к изданию книги здесь в России, ибо обращаться за границу мне *очень не хотелось бы*. Во всяком случае, я бы очень просил Вас недели через три, расспросив, кого следует, сообщить мне, могу ли я без большого риска приступить к печатанию книги. Ибо устраивать фейерверки мне не по карману» (*Соловьев. Письма*. Т. 2. С. 116–117). Духовная цензура книгу к печати не допустила. Тогда Соловьев принял решение о печатании книги за границей. Подробную предысторию появления книги см.: *Мочульский К*. Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 156–160.

[3] *Франц Рачки* (Racki; 1828–1894) — славянский ученый и хорватский общественный деятель, горячий панславист, каноник хорватского капитула блаженного Иеронима, президент Загребской Академии наук с 1866 по 1886 гг. В журнале «Vienac» за разные годы печатались статьи Рачки о русских писателях: Ф. М. Достоевском, Г. П. Данилевском, И. С. Аксакове. Письма Соловьева к Рачкому см.: *Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 164–179.

[4] Имеется в виду Загребский собор Вознесения Девы Марии и святых Степана и Владислава.

[5] Речь идет о Загребском университете, где с 1874 г. было три факультета: теологический, философский и юридический, а также о художественной Галерее старых мастеров (галереи Штросмайера).

[6] *Йосип Штросмайер* (Strossmayer; 1815–1905) — хорватский католический епископ. Об отношениях Соловьева и Штросмайера см.: *Погодин А*. Владимир Соловьев и епископ Штросмайер // Русская мысль. Прага; Берлин, 1923–1924. Кн. IX–XII. Письма Соловьева к Штросмайеру см.: *Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 180–193.

[7] Перед самым отъездом в Загреб слуга Алексей, много лет живший в доме Соловьевых, украл у него приготовленные для путешествия пятьсот рублей. Об этом Соловьев сообщал в письме к матери: «Вера (В. С. Соловьева, в замуж Попова, сестра Соловьева. — *Г. П.*), конечно, уже сообщила Вам о печальном исчезновении из моего бумажника 500 р., которые или унесены духами, или украдены домашним человеком — третьего быть не может. Не хочу писать Вам подробностей. Это скучно и бесполезно. Но я еще не совсем оставил надежду, что похитивший раскается и возвратит» (*Соловьев. Письма*. Т. 2. С. 42). Об этой истории и отношении к ней Соловьева см.: *Безобразова М. С.* Воспоминания о брате Владимире Соловьеве // Минушие годы. 1908. №5/6. С. 145–147.

21

Соловьев — А. А. и М. П. Шеншиным

9 апреля 1887 г. Москва

Христос Воскресе, дорогая Мария Петровна. Здравствуйте, дорогой Афанасий Афанасьевич!

Я на отъезде, и не позже воскресенья буду у Вас.[1] Задержало до сих пор окончательное устройство кой-каких дел.

Лекцией своею я столько же доволен, сколько недовольна ею славянофильствующая московская публика.[2] На щи и кашу бедным студентам (простите, Афанасий Афанасьевич) я собрал около двух тысяч р<ублей> и сказал то, что хотел сказать.

Получил перед праздниками чрезвычайно обиженное письмо от Стра хова по поводу его спиритизма.[3] Отлагаю обстоятельный ответ до Воробьевки.

Был без Вас два раза на Покровке.[4] До скорого свидания.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

На конверте: Ее Высокородию М. П. Шеншиной
(с. Воробьевка).

Почтовый штемпель: 9 апр. 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 151.

Датируется по почтовому штемпелю отправления.

[1] Речь идет о планируемой Соловьевым поездке в Воробьевку. В 1887 г. он провел в имении Фета 5 месяцев: с 16 апреля до 22 сентября. Здесь Соловьев занимался вместе с Фетом переводом «Энеиды» Вергилия.

[2] В марте 1887 г. Соловьеву было разрешено прочесть две публичные лекции в пользу студентов. Об этом он писал о. Мартынову 14 апреля 1887 г.: «Две недели тому назад я прочел публичную лекцию на тему: „Славянофильство и русская идея“. Главная моя мысль была та, что русская идея требует соединения церквей, т. е. признания нами Вселенского Первосвященника, чтобы перестать быть *пустою претензией*» (*Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 23).

[3] Речь идет о книге Н. Н. Страхова «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1887). 9 марта 1887 г. Соловьев написал Страхову письмо с шутливой критикой его книги о спиритизме, где утверждал, что полемика с Бутлеровым против спиритических чудес «имеет силу (если имеет) также и против *всяких* чудес и против самого существования невидимых духовных деятелей, — т. е. против всякой религии: ибо хотя, говорят, есть религия без Бога (буддизм), но религии без ангелов и чертей не бывало и быть не может» (*Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 31). Почти одновременно Фет писал Страхову 7–8 марта 1887 г. о том, что Соловьев и Н. Я. Грот «вскипели негодованием» от его книги: «Соловьев прямо говорит, что это лживая, лукавая книга, прикрывающаяся девизом — philosophari — Deum amare (заниматься философией — любить Бога — *лат.*) — и проповедующая чистейший материализм» (*Фет/Страхов*. С. 432). Видимо это и вызвало обиду Страхова, о которой пишет Соловьев. Не дожидаясь отъезда в Воробьевку и встречи со Страховым, 12 апреля 1887 г. Соловьев написал ему: «Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю» (*Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 33). Страхов очень болезненно отреагировал на критику Соловьева, в чем признавался в письме к Фету от 18–20 апреля 1887 г., отчасти пересказывая содержание своего письма к Соловьеву: «Когда я кончил свои „Вечные истины“ и сдал их в магазин, я испытывал очень благодушное настроение. Беспрестанно мне приходила мысль о *возвышении к Богу,* и я раздумывал о том, какие есть для этого пути и как их себе уяснить и определить. Но, верно, было в моей душе что-нибудь дурное, и вот послано мне было искушение. Два приятеля прислали мне отзывы о моей книге, от которых я стал жестоко волноваться. Я знал заранее, что книга моя ни тому, ни другому вполне не понравится; один будет недоволен, что я слишком часто говорю о Боге, а другой, что слишком усердно держусь за физику. Для обоих в моей книге должно представляться некоторое внутреннее противоречие. И вот я думал: что они на это скажут? Верно, они никак не согласятся со мною, что в действительности тут нет никакого противоречия. / Но того, что случилось, я никак не ожидал. Оба приятеля решили просто: все, что я говорю о духе и Боге, все это лукавство, притворство, ничего этого я сам не думаю. Один готов меня за это хвалить, а другой протестует против употребления имени Божия всуе и кричит: караул! / Я написал Владимиру Сергеевичу горячие уверения в своей искренности; но он и слышать не хочет. Он пишет, будто я сам признаюсь (не признаю, а призна*юсь*), что *„употребляю без оговорок обычные религиозные выражения для мыслей иного рода*“. Подлинные его слова. Я ему писал, что все мои слова я употребляю в точном смысле, что если не могу употребить религиозных выражений в их точном смысле, то я молчу, никаких слов не употребляю. А он говорит, что я говорю одно, а у меня мысли *иного*

рода! И хоть бы он привел единое слово, единую фразу, где бы видно было, что слово есть маска для мысли! Нет, меня обвиняют голословно. / И вот, я принялся обижаться. Как! Они не хотят признать меня добросовестным, правдивым, искренним писателем? Почему они так обо мне думают? Эти самолюбивые мысли так разыгрались, что я забыл все знаки расположения, которыми осыпают меня приятели, и стал думать, что они, верно, ничуть меня не любят. Вот в какой грех я впал! / Конечно, дорогой Афанасий Афанасьевич, я должен бы подумать, что вся вина ни в чем ином, как в моей книге. Если кто находит разлад между ее выражениями и ее мыслями, если кому не ясна связь между ее положениями, то значит книга дурно написана, неубедительна, не затягивает туда, куда хочет затянуть. / Ну, будет об этом. Из долгого опыта я знаю, что спор в письмах есть дело почти невозможное. Уж нужно будет приехать самому в Воробьевку, если задаться мыслью спорить о „Вечных истинах“. Без сомнения, я и не миную Вашего сада, хотя заеду не за спором» (*Фет/Страхов*. С. 432–434). Отзыв о критике Страховым спиритизма содержится и в обширной статье Соловьева «Россия и Европа», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1888 г. (№ 2. С. 742–761; № 4. С. 725–767), где автор отмечает: «…„вечные истины“ г. Страхова суть не что иное, как основные положения физико-математических наук в том безусловном и безопределенном значении, какое они получают от так называемого *механического мировоззрения*. <…> Однако научная мысль Запада далеко не исчерпывается этим мировоззрением <…> почтенный автор „Борьбы с Западом“ <…> является не только *западником*, но еще западником *крайним и односторонним*» (*ВЕ*. 1888. № 4. С. 762–763). Позднее эта работа Соловьева вошла в его книгу «Национальный вопрос в России» (СПб., 1888).

[4] *Покровка* — улица старой Москвы. Возможно, в данном случае речь идет о посещении Соловьевым знаменитого дома-усадьбы Боткиных, точнее Д. П. Боткина, брата супруги Фета М. П. Шеншиной, страстного коллекционера, организовавшего в своем доме известную «боткинскую галерею».

22

Соловьев — Фету

26 октября 1887 г. (?) Москва

Хотя я забыл, дорогой Афанасий Афанасьевич, что завтра рождение моего крестника Сережи, но может быть брат Миша[1] уволит меня от обеденного празднования сего события.

Заеду к Вам сегодня вечером, и если не застану, то сообщу прислуге, буду ли завтра или нет.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по упоминанию в письме даты рождения Сергея Михайловича Соловьева, племянника Соловьева, — 27 октября 1885 г.

[1] Имеется в виду М. С. Соловьев (1862–1903), младший брат Вл. Соловьева.

23

Соловьев — Фету

15 (27) июля 1888 г. Париж

3 Rue St Rock, 3 15/27 июля 88.
(Hôtel de la Couronne)
Paris

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Надеюсь, что этот листок своевременно дойдет до Воробьевки и принесет Марье Петровне мое сердечное поздравление с днем ангела.[1]

Я жив и здоров и устраиваю понемногу свои дела в Париже.[2] К несчастию, придется, пожалуй, все лето провести за границей.

Из России мне пишут про разные вздорные сплетни в газетах на мой счет.[3] Если дошло и до Вас, то, конечно, Вы приняли, как должно. Боюсь, однако, что хоть *брань* на вороту не виснет, но про вранье этого сказать нельзя, и как бы не вышло какого-нибудь затруднения с возвращением моим из-за границы. Надеюсь, впрочем, что все устроится к лучшему.

Вообще из России имею известий не много, на что, конечно, жаловаться не имею права: и остави нам долги наши яко же и мы оставляем должником нашим.[4]

Совершенно не знаю, каким путем вернусь в Россию, но едва ли увидимся раньше октября в Москве.

Будьте здоровы и не поминайте лихом.

Целую ручки Марье Петровне и кланяюсь Екатерине Владимировне[5] и всем общим друзьям, если кого увидите.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 151–152.

[1] См. примеч. 7 к п. 17.

[2] В 1887 г. «религиозной системой» Соловьева заинтересовался французский публицист и историк А. Леруа-Болье, автор трехтомного исследования о современном государственном и общественном строе России: «L'Empire des Tsars et les Russes» (Paris, 1881–1889). Об этом епископ Штросмайер написал о. П. Пирлингу, который, в свою очередь, сообщил Соловьеву. Соловьев переписывался с о. Пирлингом о возможностях издания за границей его книги в 1887–1888 гг. (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 138–166). В январе 1888 г. Соловьев сообщил ему, что для напечатания французской книги, а также второго тома «Теократии» собирается приехать в Париж (Там же. С. 162), а в письме от 7–19 апреля 1888 г. оговаривал с о. Пирлингом детали своей поездки: «Я уже запасся паспортом и ввиду грозящего дальнейшего падения курса — французскими банковскими билетами. Через неделю думаю выехать и, заехав дня на два в Карлсруэ, — явиться к Вам. Если бы Вы написали мне в Карлсруэ poste restante адрес той парижской гостиницы, которую Вы мне рекомендуете, то я был бы Вам очень благодарен. Мне нужно гостиницу дешевую и главное *тихую*. Но вот еще затруднение: я *давнишний* (хотя и не педантичный) *вегетарианец*, и потому пансион с обязательным табль д'отом для меня не годится. Но надеюсь, что можно будет как-нибудь устроить» (Там же. С. 166). В апреле 1888 г. Соловьев покидает Россию и через Баден-Баден направляется в Париж, где по предположению К. В. Мочульского, на деньги кн. Е. Волконской планирует издать свои работы. Во Франции Соловьев жил в католической среде, познакомился с французскими религиозными деятелями, с сотрудниками журнала «L'Univers» (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 183–184, 205–206), где напечатал статью «Saint Vladimir et l'Etat chrétien», работал над книгой «Россия и вселенская Церковь», предисловие к этой книге издал отдельной брошюрой под заглавием «L'Idée russe». В конце 1888 г. в Париже была издана книга Соловьева «La Russie et l'Eglise universelle» («Россия и вселенская церковь»). В Россию Соловьев вернулся только в январе 1889 г.

[3] «Травля» Соловьева началась еще в конце 1886 г. по возвращении его из второго заграничного путешествия. В декабре 1886 г. он писал Ф. Рачкому: «...против меня начался здесь настоящий штурм, причем цензура, запрещающая все мною написанное, предоставляет моим противникам полный простор выдумывать на меня всякие небылицы» (*Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 172). В № 49 за 1886 г. в «Церковном вестнике» было опубликовано открытое письмо Соловьева, в котором он опровергал «систематическую клевету, очевидно рассчитанную на причинение мне практических затруднений» (Там же. Т. 3. С. 192–194). Подробнее об этом периоде жизни Соловьева см.: *Мочульский К*. Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 163–164. В 1887–1888 гг. травля Соловьева продолжилась. См., например: *Абрамов Я*. Вл. Соловьев и Россия // Неделя. 1888. 17 апреля. № 16. С. 513–517; *Скабичевский А. Г.* 1) Вл. Соловьев, произносящий роковой приговор над всеми нами и в том числе над самим собою в статье своей «Россия и Европа» («В<естник> Евр<опы>» № 2) // Новости и биржевая газета. 1888. 11 февраля. № 42. С. 2; 2) Нечто по поводу второй статьи г. Вл. Соловьева // Там же. 14 апреля. № 104. С. 2; *Шостьин А*. 1) Авторитеты и факты в вопросе о развитии церковных догматов // Вера и разум. 1888. № 6. Кн. 1. Отдел церковный. С. 32–67; 2) Москва, 13 февраля [Передовая статья] // Русское дело. 1888. 13 февраля. № 7. С. 5–6 и др.

[4] Цитата из молитвы Господней («Отче наш») (Мф. 6, 9–3; Лк. 11, 2–4).

[5] *Федорова Екатерина Владимировна* (в замуж. Кудрявцева) — секретарь Фета в 1886–1892 гг.

24

Соловьев — Фету

25 августа (6 сентября) 1888 г. Вирофле

25 авг./6 сент. 88. Viroflay.

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Истинно был обрадован вестью от Вас. И хотя Вы недовольны жизнью, но я доволен, что Вы живете, если не лучше, то и не хуже прежнего. Очень часто вспоминал и вспоминаю про Вас с Марьей Петровной, как в парижской суете, так и в теперешнем уединении. С конца здешнего, т. е. с половины русского августа я живу в местечке Viroflay, близ Версаля,[1] на даче Bonrepos, принадлежащей моему приятелю Леруа-Больё,[2] который уехал с своим семейством в деревню к теще и предоставил в мое распоряжение павильон с садом. Этот сад, весьма красивый, и смежность большого леса Сен-Клу[3] делают мое пребывание раем земным — до сотворения Еввы,[а] так как я нахожусь в полном одиночестве. Впрочем, о рае можно здесь говорить только сравнительно с парижской гостиницей, наполненной шумливыми и бесцеремонными американцами. А для настоящего рая в моем Bonrepos помимо Еввы недостает многого, например, рек: Фишона, Гихона, Хиддэкэля и Фрата.[4] Не шутя, без воды природа теряет половину своей прелести. Но особенно недостает мне сравнительно с прошлым летом милого Воробьевского общества. Полное одиночество прекрасная вещь, и я им наслаждаюсь после парижской суеты, — но только ненадолго, и, наверное, я не мог бы прожить так с удовольствием полгода, как прожил в Воробьевке.[5]

Дела мои в Париже я, насколько мог, устроил.

Книга готова к печати и выйдет, надеюсь, до начала зимы. О брошюре моей «Idée Russe» было в разных французских и бельгийских журналах и revues[б] (большей частью религиозных) много хвалебных статей.[6] Хвалят между прочим за чистоту французского языка, в котором я за последнее время действительно усовершенствовался.

[а] *Так в подлиннике.*

[б] журналах (*франц.*).

Здесь в Viroflay проживу я до 22, т. е. по русскому до *10 сентября*, и если это мое письмо дойдет до Вас своевременно, а Вы с обычной Вам аккуратной любезностью захотите тотчас ответить мне, то можете адресовать сюда: *Viroflay*, (Seine et Oise), *à Bonrepos* (cher M. Leroy-Beaulieu). Отсюда, остановившись на три или четыре дня в Париже, еду через Лион, Лозанну, Вену, Загреб и Краков — в Москву. Полученные мною недавно из России известия заставляют меня предполагать, что в Москве меня оставят ненадолго,[7] а препроводят *гораздо дальше*, так что едва ли Вы будете видеть меня этот год у себя по середам и воскре сеньям. Чем менее разумны такие опасения, тем более они правдоподобны. Как справедливо во всех языках отличается мудрость от разума. Настоящая мудрость состоит в том, чтобы, признавая права разума в теории, как можно менее доверять ему на практике. А из этого противоречия следует, что *безусловное* значение принадлежит не умственной, а нравственной области, в которой никакого противоречия нет; ибо правила: *не любодействуй*, или: *не воруй сверх должного* — одинаково хороши и в теории, и на практике.

Кстати по поводу мудрости: кто-то написал мне из Петербурга, что Н. Н. Страхов изъявлял против меня большое негодование и раздражение, но, тем не менее, справлялся о моем адресе.[8] Напишите, пожалуйста, ему, что его негодование меня удивляет и что я со своей стороны продолжаю неизменно питать к нему одни добрые чувства и считать его мудрейшим из всех творений земных.

А что поделывает его идол?[9]

Чрез француза Вогюэ[10] слышал я, что он пишет роман *о вреде любви*.[11] Очевидно, это навеяно браком по любви его сына Илюши.[12] Как жаль, что я не имею литературного таланта. Недавно меня обсчитала содержательница отеля. Вот бы прекрасный случай написать поэму *о вреде гостиниц*. Будем, однако, надеяться, что впечатление от брака Илюши скоро сменится каким-нибудь другим неудовольствием и т. д. и что эти субъективно-утилитарные романы буду пожирать друг друга до появления на свет.

Однако, как я заболтался по старой Воробьевской привычке!

Будьте здоровы, мой истинный анти-утилитарный поэт!

Мой сердечный поклон многоуважаемой Марье Петровне.

Приветствую Екатерину Владимировну и всю Воробьевку.

Душевно преданный Вам Владимир Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 152–154.

[1] *Вирофле* расположен на территории одноименного кантона, округа Версаль департамента Ивелин в регионе Иль-де-Франс и в 14 км от центра Парижа, восточнее Версаля. Вирофле с севера и с юга окружают лесные массивы. *Версаль* — знаменитый французский дворцово-парковый ансамбль, резиденция французских королей.

[2] О Леруа-Болье см. примеч. 2 к п. 23.

[3] *Сен-Клу* (Saint-Cloud) — город-замок во Франции, на берегу Сены, в 3 км от Парижа. В 1870 г. замок был разрушен и остались великолепные лесо-парковые комплексы.

[4] Реки, протекающие в Эдеме. Согласно книге Бытия, «из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон (Пишон. — *Г. П.*): она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат» (Быт. 2, 10–14).

[5] Видимо, Соловьев вспоминает свое пребывание в Воробьевке в апреле — сентябре 1887 г. См. примеч. 1 к п. 21.

[6] Речь идет о брошюре Соловьева «L'Idée russe» (Paris, 1888; в русском переводе Г. А. Рачинского вышла в Москве в 1911 г.). Об этой работе Соловьева см.: *Мочульский К*. Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 165–166.

[7] Возможно, подобные мысли были вызваны «травлей» Соловьева, которая развернулась в России. Об этом см. п. 23, примеч. 3.

[8] Речь идет о продолжении полемики между Соловьевым и Н. Н. Страховым, которая началась еще в 1887 г. Об этом см. п. 21, примеч. 3.

[9] Имеется в виду Л. Н. Толстой. В середине 1880-х гг. Соловьев разошелся с Толстым по вопросам религиозно-нравственного порядка и выступил его оппонентом. См.: *Потехин С*. Критика толстовства Владимиром Соловьевым // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 34–43; № 2. С. 162–176. В свою очередь, Н. Н. Страхов сохранил с Толстым самые теплые и глубокие отношения. В отличие от Фета и Соловьева он высоко оценил работу Толстого по истолкованию религиозно-нравственных основ жизни.

[10] *Мельхиор Эжен де Вогюэ* (Vogüé; 1848–1910), маркиз — французский дипломат, писатель-путешественник, литературный критик и историк литературы. Был секретарем французского посольства около семи лет, основное его произведение «Le Roman russe» («Русский роман», 1886), в котором высоко оценивается русская литература, в частности творчество И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

[11] Вероятно, речь идет о работе Л. Н. Толстого над повестью «Крейцерова соната», которая завершится только в 1889 г. 21 июня 1889 г. Н. Н. Страхов сообщал Фету из Ясной Поляны: «Теперь он (Толстой. — *Г. П.*) весь в писании, именно отделывает свою „Сонату", от которой я жду больших художественных чудес» (*Фет/Страхов*. С. 481).

[12] Сын Л. Н. Толстого *Илья* (1866–1933) в 1888 г. женился на Софье Николаевне Философовой (1867–1934).

25

Соловьев — Фету

27 января 1889 г. Петербург

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Приветствуют Вас звезд золотые ресницы и месяц, плывущий по лазурной пустыне, и плачущие степные травы, и розы весенние и осенние; приветствует Вас густолистый развесистый лес, и блеском вечерним обвеянные горы, и милое окно над снежным каштаном. Приветствуют Вас голубые и черные ангелы, глядящие из-за шелковых ресниц, и грот Сивиллы с своею черною дверью. Приветствует Вас лев св. Марка, и жар-птица, сидящая на суку, извилистом и чудном. Приветствуют Вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется Вам также и меньшая братия: слепой жук, и вечерние мошки, и кричащий коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А, наконец, приветствую Вас и я, в виде того серого камня, которого Вы помянули добрым словом. Плачет серый камень, в пруд роняя слезы. И хоть не над прудом, а над целым океаном человеческой бессмыслицы приходится плакать, но есть и утешение, пока над этим мутным потоком недвижимо стоит светлая радуга чистой поэзии и заранее празднует будущий мир неба с землею.

Бесценный мой отрезок настоящей неподдельной радуги, обнимаю Вас мысленно в надежде на скорое свидание.[1]

Душевно преданный и неизменно Вас любящий
Владимир Соловьев.

27 янв<аря> 89.
Петербург В. О. 7 л. д. 2 кв. В. П. Безобразова.[2]

На конверте: Заказное.
Москва.
Плющиха, дом Шеншиной.

Почтовые штемпели: 1) 27 янв. 1889, Петербург; 2) 28 янв. 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 11. № 16.
Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 154–155.

[1] В январе 1889 г. Соловьев вернулся в Россию. Настоящее письмо представляет собой поздравление Соловьева к юбилею Фета, который праздновался 29 января 1889 г. в Москве. Все письмо построено на обыгрывании поэтической образности Фета, его лирики из «Вечерних огней»: стихотворений «Измучен жизнью, коварством надежды…» (1864?), «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне…» (1863), «Осенняя роза» («Осыпал лес свои вершины…») (1885), «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил» (1847), «Италия, ты сердцу солгала!..» (1856–1858?), «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон…») (1847), «Жду я, тревогой объят…» (1886), «Как мошки зарею…» (1844), «Степь вечером» («Клубятся тучи, млея в блеске алом…») (1854), «В дымке-невидимке…» (1873) и др.

[2] *Безобразов Владимир Павлович* (1828–1889) — академик, отец мужа сестры Соловьева, Марии Сергеевны Безобразовой (1863–1919), историка Павла Владимировича Безобразова (1859–1918).

26

Соловьев — Фету

Около 20 июля 1889 г. Москва

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

искренно сожалею, что по причинам, которые объясняю в письме Марье Петровне,[1] не придется мне это лето быть в Воробьевке. Впрочем, недалеко уж и до осени, и скоро надеюсь обнять Вас в Москве.

Что-то Вы поделываете? Не забывайте, что осенью мы с Вами должны собрать новый выпуск «Вечерних огней».[2]

Что касается до меня, то, несмотря на нездоровье, я работаю в одиночестве усерднее обыкновенного. С тех пор как мы виделись, вышел здесь мой перевод Канта,[3] который вручу при свидании, а в Париже французская книга, которой, как слышу, появилось уже и второе издание.[4] Но я не получал еще ни одного экземпляра и никаких известий, кроме того что мои приятели иезуиты[5] сильно меня ругают за вольнодумство, мечтательность и мистицизм. Вот и угоди на людей! Я, впрочем, не только об угождении, но даже и об убеждении людей давно оставил попечение. Довольно с меня свидетельствовать, как умею, об истине, в которую верю, и о лжи, которую вижу. А там, что Бог даст.

В настоящее время я, так сказать, еду на тройке: в корню у меня семилетний труд, который только что теперь окончил вчерне и начал набело,[6] а на пристяжке, с одной стороны, разрушение славянофильства для осенних №№ «Вестника Европы»,[7] а с другой стороны, рассуждение «О Красоте» для первого № гротовского журнала.[8] Определяю кра-

соту с отрицательного конца как *чистую бесполезность*, а с положительного — как *духовную телесность*. Сие последнее будет ясно только из самой статьи, которая, надеюсь, заслужит Ваше одобрение. Будьте здоровы, дорогой мой Афанасий Афанасьевич, и не поминайте лихом неизменно Вас любящего Влад<имира> С<оловьева>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 155–156.

Датируется по содержанию: письмо было послано ко дню именин М. П. Веншиной, см. примеч. 7 к п. 17.

[1] Одновременно с письмом к Фету Соловьев писал М. П. Шеншиной: «Дорогая и глубокоуважаемая Марья Петровна, сердечно поздравляю Вас с днем Ваших именин и очень сожалею, что должен сделать это по почте, а не лично. Но благоразумие удерживает меня в Москве и ее окрестностях, во-первых, потому что я уже третий месяц не здоров, так что, будучи в Петербурге, ездил даже к Сергею Петровичу (Боткину. — *Г. П.*), который нашел у меня болезненное состояние симпатических нервов и предписал спокойную жизнь, а также и благодетельные пилюли из ляписа, белладонны и еще чего-то, которые весьма мне помогли, но все-таки я еще не совсем пришел в нормальное состояние. А во-вторых, в августе месяце мне может предстоять крайняя необходимость по одному очень важному для меня обстоятельству съездить еще в Петербург, а это сделать удобнее из Москвы, нежели из Воробьевки. Вот я и сижу в родительской квартире вдвоем со старухой кухаркой и лишь время от времени навещаю родных и знакомых, обитающих в пределах Московской губернии. Будьте здоровы, глубокоуважаемая Марья Петровна. Кланяюсь Екатерине Владимировне (Федоровой. — *Г. П.*). Афанасию Афанасьевичу прилагаю особый лист» (*Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 120).

[2] Речь идет о планах создания четвертого выпуска «Вечерних огней»; предшествующий выпуск был издан в 1888 г. Четвертый выпуск вышел в свет в конце 1890 г.

[3] Речь идет об издании: «Пролегомены — ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. Перевод Владимира Соловьева, действительного члена Психологического общества» (М.: тип. А. Гатцука, 1889).

[4] Известно только одно прижизненное издание книги Соловьева «La Russie et l'Eglise universelle» (Paris, 1889, в русском переводе Г. А. Рачинского — М., 1911). См. также п. 2 к п. 23.

[5] Подготовив к печати книгу «Россия и вселенская Церковь» (см. примеч. 2 к п. 23) и сдав ее издателю Альберту Савин в Париже, Соловьев отправился в Загреб, рождественские праздники он провел у еп. Штросмайера, откуда писал М. С. Соловьеву: «…был я эти дни в Дьякове <…> у Штросмайера. Встречал с ними ихний Божич. Все дьяковские ребята, разделившись на несколько компаний, приходили представлять „Бэтлеэм“ и пели очень милые и наивные хорватские песни. Сам Штросмайер нездоров, огорчен и постарел. Со мной был, как всегда, непомерно любезен. Посылал папе „L'Idée russe“. Папа сказал: „Bella idea, ma fuor d'un miracolo ecosa impossibile“ («Прекрасная идея, но это вещь невозможная, если только не

случится чудо» — *итал.*). Я очень рад, что съездил к Штросмайеру, — пожалуй, больше не придется свидеться» (*Соловьев*. Письма. Т. 4. С. 118–119). По утверждению К. В. Мочульского, слова папы стали смертным приговором идее Соловьева (*Мочульский К*. Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 168).

[6] Речь идет о работе Соловьева над книгой «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни. Т. 1» (Загреб, 1887).

[7] «*Вестник Европы*» — российский литературно-политический ежемесячный журнал, выпускавшийся с 1866 по 1918 гг. в Петербурге; с 1866 г. редактором-издателем его был М. М. Стасюлевич. По возвращении в Россию Соловьев окончательно порывает со славянофильством и становится постоянным сотрудником «Вестника Европы», где были опубликованы его «Очерки из истории русского самосознания» (*ВЕ*. 1889. № 5, 6, 11, 12), вызвавшие в адрес журнала «первое предупреждение» министра внутренних дел (подробнее см.: *Фет/Страхов*. С. 495, примеч. 7 к п. 190).

[8] «*Вопросы философии и психологии*» — журнал, издававшийся в Москве с ноября 1889 до 1918 гг. при Московском Психологическом обществе, первым редактором журнала был Н. Я. Грот. В № 1 журнала за 1889 г. была опубликована статья Соловьева «Красота в природе» (С. 1–50).

27

Фет — Соловьеву

26 июля 1889 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
ст. Коренная Пустынь

26 июля 1889 г.

Милейший наш и дорогой Владимир Сергеевич.

Так как по случаю именин лошадей приходилось посылать, рассчитывая на гостей, а не на письма, то выпущенная Вами чистая и прелестная голубица, в виде письма, задерживаемая уходом в два часа дня почтмейстера Коренной станции, по причине ее заказа, только вчера принесла нам свою миртовую ветку.[1]

Так как Мария Петровна действительно тронута Вашим добрым приветом и с достаточной поспешностью не находит слов благодарить Вас, то я, чувствуя и себя в этом отношении не богаче ее, только надеюсь на Вашу замечательную чуткость и уверен, что Вы прочтете эти слова между строками.

Я запрашивал о Вас у Михаила Сергеевича,[2] но ответа не получил и душевно радуюсь, что, по крайней мере, знаю теперь, где Вы.

Марциал рассказывает про кривого пьяницу, которому доктор запрещает пить, щадя последний больной глаз.[3] Но этот пьяница требует вина и пьет, чтобы проститься с глазом. Не таково ли с Вашей стороны отдохновение, предоставляемое симпатическим нервам? Конечно, Вы принадлежите к тем редким исключениям, которые ничего незначительного написать не могут. Как я рад, что вы перевели Канта.[4] Это была Ваша священная обязанность, и я первый покупатель Вашего несомненно превосходного перевода. Хотя значение *духовной телесности* должно раскрыться в конце статьи, но и в том смысле, в каком я понимаю это счастливое выражение, оно мне чрезвычайно нравится. Я понимаю слово духовный в смысле не умопостигаемого, а насущного опытного характера, и, конечно, видимым его выражением, телесностью будет красота, меняющая лик свой с переменой характера. Красавец пьяный Силен[5] не похож на Дориду[6] у Геркулеса.[7] Отнимите это тело у духовности, и Вы ее ничем не очертите.

Об упреках со стороны иезуитов в мистицизме судить не могу, так как этого не понимаю со стороны христианина, как не понимаю жреца Озириса,[8] обвиняющего в мистицизме служителя Цереры или Цибелы.[9] Конечно, будучи русским с головы до ног, я тем не менее радуюсь смертельному удару славянофильству. Как будто бы нельзя быть русским, не нарядившись пляшущей козой.

Не знаю, прочли ли Вы прекрасную брошюру К. Н. Леонтьева «Народная политика как орудие революции».[10] Чрезвычайно тонко и умно.

Зная Ваше отвращение к письмам, прошу Вас продолжать коснеть в граммафобии, что в случае крайности не удержит меня от письма к Вам.

Работаю над Марциалом и над своими записками[11] понемногу, и будем ждать все, в том числе и Екатерина Владимировна, возможности приветствовать Вас на Плющихе.

Позвольте до личного свидания заочно от души обнять Вас преданному А. Шеншину.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано: *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 324–325.

[1] Фет неоднократно использовал образ голубицы и миртовой ветви, ею принесенной, для характеристики писем своих корреспондентов. Ср., например, со стихотворением «Его Императорскому Высочеству В. К. Константину Константиновичу» («Когда, колеблем треволненьем…»), вошедшим в состав четвертого выпуска «Вечерних огней», а также с письмом к К. Р. от 27 марта 1887 г.: «Десять дней раз-

ливом небольшой речки нашей мы были отрезаны от всего света, и милостивое письмо Ваше, прибывшее в лодке, во всех отношениях может быть сравнено с голубицей, принесшей заключенным в ковчег миртовую ветку» (*Фет/К. Р.* С. 616).

[2] Упоминаемое письмо Фета к М. С. Соловьеву не обнаружено.

[3] Имеется в виду 78 эпиграмма из VI-й книги эпиграмм Марциала «Авлу о кривом Фриксе»:

Фрикс знаменитый питух был, Авл, на один-то
Глаз кривой и с другим воспаленный.
Этому медик Герат: «ты пить берегися;
Если вино будешь пить, ты видеть не будешь».
Фрикс, улыбаясь, сказал глазу: «прощай же».
Тотчас смешать он себе чарок поглубже,
Да почаще велел. Чем кончилось? спросишь.
Фрикс-то точно вино, а глаз его яд пил.

(М. В. Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1. С. 389).

[4] См. п. 26, примеч. 3.

[5] *Силен* — в др.-греч. мифологии воспитатель и спутник Диониса; веселый, добродушный, постоянно пьяный лысый старик с мехом вина.

[6] *Дорида* — океанида, дочь Океана и Тефиды, внучка Урана и Геи, сестра трех тысяч океанид и трех тысяч речных богов, жена Нерея, мать пятидесяти нереид.

[7] *Геркулес* — др.-рим. имя Геракла.

[8] *Озирис* (Осирис) — царь загробного мира в др.-егип. мифологии.

[9] *Церера* — древнейшая италийская и римская хтоническая богиня производительных сил земли, произрастания и созревания злаков, а также подземного мира, насылавшая на людей безумие. *Кибела* (Цибела) — в др.-греч. мифологии богиня, имеющая фригийские корни.

[10] Имеется в виду брошюра Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к о. И. Фуделю» (М., 1889).

[11] Фетовский перевод выйдет в свет в апреле 1891 г.: М. В. Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1891. Ч. 1–2. Речь также идет о работе Фета над книгой «Мои воспоминания», вышедшей в 1890 г. Творческую историю мемуаров Фета см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 283–350.

28

Соловьев — Фету

Январь 1890 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Ввиду продолжающейся простуды я отложил до завтра свой отъезд и сижу дома за статьей о лирической поэзии.[1]

Если у Вас есть одна книжка Страхова о наших поэтах,[2] изданная года два так назад, то, пожалуйста, пришлите мне ее завтра часов в 12. Хотя у нас со Страховым совершенно различный образ мыслей, но именно по части поэзии есть общие вкусы, а потом может произойти совпадение и в суждениях, чего я желал бы избежать.

До скорого, надеюсь, свидания.

Душевно Вам преданный Влад<имир> Соловьев.

Постараюсь, если успею, завтра перед отъездом заехать, чтобы проститься с Вами и Марьей Петровной.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158–159.

Датируется по содержанию: речь идет о поездке Соловьева в Петербург, о чем он также писал А. А. Голенищеву-Кутузову в недатированном письме, которое приводим полностью:

Многоуважаемый граф, я в субботу слег в постель и теперь еще не совсем оправился, но надеюсь в понедельник выехать и быть в вашем Обществе. Посыльный Ваш сказал, что и Вы нездоровы, — неужели все еще с четверга и не поправлялись?

Надеюсь, в понедельник встретимся.

Спасибо за память.

Душевно преданный В. Соловьев.

P. S. Представьте себе, какое я по слабости характерной дал обещание: написать к 15 февраля для «Литературного ежегодника» г. Венгерова статью о русской лирической поэзии от Жуковского до гр. Кутузова включительно.

По моему известному Вам мнению, она тут и кончается.

О Фофанове же я могу писать только стихами:

I

Смертный, изливший свои любовные чувства в болото,
Музе о том возвещать в стихах отнюдь не обязан.

II

В тряской трясине трясти прилично юным поэтам
Жаль, что невинных девиц сия забава пугает.

III

Ах! Про стихи, что печешь ты блинами
Мненье потомков едва ль будет лестно
Скажут они, пожимая плечами:
«Да! Пропищал он, а что — неизвестно».

Все это, как видно, вдохновлено последними болотными стихотворениями Фофанова» (*РГАЛИ*. Ф. 143. Оп. 1. № 206). В письме Соловьева к Голенищеву-

Кутузову речь идет, вероятно, о Русском литературном обществе (бывшем Литературно-драматическом обществе), действительными членами которого были Голенищев-Кутузов (выполнявший также обязанности товарища Председателя) и Соловьев. См.: Русское литературное общество: Очерк деятельности Общества за 1886–1894 гг. СПб., 1894. См. также примеч. 4 к п. 7.

[1] Статья Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» выйдет в свет в декабре 1890 г. в «Русском обозрении» (№ 12. С. 626–654).

[2] Речь идет о книге: *Страхов Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888.

29

Соловьев — Фету

16 апреля 1890 г. Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я буду на Малой Дмитровке[1] не сегодня, а завтра, во вторник. Сегодня день рождение брата Миши,[2] и большую часть вечера я проведу у него.

Как здоровье Марьи Петровны?

Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по содержанию: день рождения М. С. Соловьева — 16 апреля, на понедельник этот день выпадал в 1890 г.

[1] Возможно, речь идет о посещении Соловьевым редакции журнала «Русская мысль», которая располагалась на Малой Дмитровке, 25.

30

Соловьев — Фету

16 апреля 1890 г. Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

У брата я сегодня быть не могу, а к Вам во вторник приду непременно.

Будьте здоровы.

Ваш Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.
Датируется по связи с п. 29.

31

Соловьев — Фету

13 августа 1890 г. Москва

Сейчас был обрадован Вашим письмом,[1] дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. А я все-таки еду в Воробьевку.[2] В среду 15-го отправляюсь в Красный Рог на несколько дней,[3] а оттуда к Вам также на несколько дней. Итак, до скорого свидания. Целую руки Марье Петровне. Кланяюсь Екатерине Владимировне.

В<есь> В<аш> Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 17.
Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 231.
Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 13 августа 1890 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 502–503.

[1] Письмо, о котором идет речь, не обнаружено.

[2] О своих планах приехать в Воробьевку летом 1890 г. Соловьев писал 20 июля 1890 г. М. П. Шеншиной: «Спешу написать несколько слов, чтобы вовремя поздравить Вас с 22-ым июля. Я на дороге в Петербург, по возвращении откуда думаю (и почти уверен), что приеду в Воробьевку. Об вас с Афанасьем Афанасьевичем узнаю только из „Русского обозрения“. Но скоро надеюсь увидеться. Это лето, впрочем, вы не были одиноки, а я частью проводил время в Москве совершенно одиноко на пустой квартире с дворником и ласточками над моим окном (это мое единственное утешение в Москве, на днях вывелась целая стая молодых), частью же гостил в окрестностях Москвы у Трубецких, Лопатиных, у брата Миши и у сестры Поповой. Чувствую себя довольно хорошо и очень много работаю: становлюсь вроде литературного поденщика» (*Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 122). Соловьев пробыл в Воробьевке до начала сентября 1890 г. См.: *Летопись. Дополнения*. С. 343.

[3] См. примеч. 2 к п. 4.

32

Соловьев — Фету

Около 19 октября 1891 г. Москва

Спасибо, дорогой Афанасий Афанасьевич за любезное приглашение. Непременно буду, но рано не могу, ибо встречаю гостей из Петербурга.[1]

Мама поручает сказать, что она и с работой, и без работы всегда рада быть у Вас, но сегодня ее мучает ужасный кашель.[2]

До свидания.

Весь Ваш Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по содержанию, см. примеч. 1 к наст. письму.

[1] Вероятно, встреча «гостей из Петербурга», о которой идет речь в письме, была связана с заседанием Психологического общества 19 октября 1891 г., на котором Соловьев выступил с докладом «Об упадке средневекового миросозерцания», вызвавшем скандальную реакцию (см.: *Соловьев Вл*. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 344–362, 689–693; *Закутняя О. В*. Журнал «Вопросы философии и психологии»: Первые годы издания (1889–1895): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2008; *Соловьев А. П*. Вл. Соловьев о средневековом миросозерцании (К вопросу о персонализме и универсализме у Вл. Соловьева) // СОФИЯ: Альманах. Уфа, 2007. Вып. 2: П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев: род, миф, история. С. 344–358).

[2] О болезни матери — П. В. Соловьевой, и сестры — П. С. Соловьевой, см. также п. 33.

33

Соловьев — Фету

Вторая половина октября 1891 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич, мать и сестра все еще больны, и весь дом наполнен непрестанным кашлем. Я удручен спешными работами, но в среду, если буду жив, приду непременно.[1] Очень обрадован и польщен Вашим вниманием к моим виршам[2] и с величайшим ин-

тересом буду следить в среду за движеньем Вашего указательного перста. До свидания.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158.

Датируется по связи с п. 32.

[1] Возможно, речь идет о работах, связанных с событиями, последовавшими после прочтения Соловьевым доклада в Московском Психологическом обществе. См. примеч. 1 к п. 32.

[2] Вероятно, речь идет о выходе в свет первого сборника стихотворений Соловьева: Стихотворения Владимира Соловьева. М., 1891. Видимо, в не дошедшем до нас письме, Фет высказывал свое мнение о стихах Соловьева и приглашал его на традиционный обед, который устраивался в доме на Плющихе по средам.

34

Соловьев — Фету

Весна 1892 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич, сегодня, к сожалению, не могу быть у Вас, зайду на днях вечерком.

Не найдете ли Вы возможным передать мне шуфовского «Баклана»[1] для прочтения находящемуся теперь в Москве редактору «Вестника Европы»?[2] Поэма действительно хороша, особенно по нынешнему времени, а если она появится только отдельным изданием, минуя журналы, то ее никто не прочтет.

Если Вы не затруднитесь доверить мне рукопись на несколько дней, то передайте посланному, в противном случае нельзя ли Вам будет осведомиться у автора и сообщить мне при первом свидании, в ожидании которого остаюсь Вам неизменно преданный Влад<имир> Соловьев.

Прилагаемую книжку[3] прошу Вас передать Е. М. Семенкович,[4] которая желала иметь мой автограф.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 157.

Датируется по содержанию. Согласно сохранившимся в архиве Фета письмам В. А. Шуфа (*РГБ.* Ф. 315. К. 13. № 15), он уехал из Москвы в первой по-

ловине мая 1892 г., и к этому моменту поэма «Баклан» уже была передана М. М. Стасюлевичу.

[1] *Шуф Владимир Александрович* (1865–1913) — поэт, критик, публицист, автор сборника «Крымские стихотворения» (1890). Шуф писал Фету 1 июня 1892 г.: «Большим утешением было бы для меня теперь увидеть моего „Баклана“ в „Вестнике Европы“; но Стасюлевич все что-то не печатает. Иногда, „в минуты черного цвета“, мне кажется, что Стасюлевич раздумает и под каким-нибудь предлогом откажется напечатать мою поэму… <…> Перед отъездом из Москвы я познакомился с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. У меня осталось о нем чудное впечатление. Это, должно быть, добрый, хороший, искренний человек. А все оттого, что он поэт. И философия его с поэтической окраской. Религия и поэзия (искусство) вышли из одной школы. <…> Владимир Сергеевич обещал мне поместить в „Ниве“ или „Русских ведомостях“ рассказ мой „Хаплу-Хая“, забракованный Стасюлевичем. Пока не знаю об его участи. Не думаю, чтобы „Русские ведомости“ его напечатали». (*РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 15. Л. 1). Сохранилось и письмо Шуфа к Соловьеву от 16 июня 1892 г. из Симферополя, в котором он сетовал: «„Баклан“ мой все что-то не появляется в „Вестнике Европы“. Я за него очень беспокоюсь. Меня тревожит, что Стасюлевич так и не ответил на мое письмо, о котором я говорил Вам (с просьбой о деньгах). Что если Стасюлевич раскается и под каким-нибудь предлогом откажет мне в напечатании поэмы?» (*ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2518). В августе 1892 г. поэма все же появилась в «Вестнике Европы», автор по этому поводу писал Фету 13 августа: «Сейчас хочу Вам жаловаться, Афанасий Афанасьевич, на самоуправство, которое совершила надо мной редакция „Вестника Европы“. В августовской книжке, наконец, появился мой „Баклан“. Но появление его помимо большой радости принесло мне и большое огорчение: в заголовке поэмы не оказалось посвящения. Его нет. Рука редактора вычеркнула строки „посвящается А. А. Фету“, в которых заключалась вся моя горячая благодарность за участие и помощь, которые Вы мне оказали. Этот поступок редакции я не мог назвать иначе, как самоуправством. Не спросили даже моего мнения на этот счет, не узнали моего желания! Не знаю, можно ли такой поступок подвести под рубрику редакционных прав сокращения и исправления поступающих в редакцию статей…. И что это такое? Партийные счеты? Личное недоброжелательство к Вам? Как все это лживо, пошло, мелко! Нетактично даже, неловко! Но, может быть, мое негодование на редакцию „Вестника Европы“ совершенно напрасно и уничтожение посвящения было сделано по Вашему желанию, переданному через Соловьева? Я этого не думаю. Какие могли бы быть причины, которые в такое короткое время изменили бы Ваше первоначальное разрешение? Все это меня очень огорчает и беспокоит» (*РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 15). О публикации поэмы в «Вестнике Европы» идет речь и в письме Шуфа к Фету от 8 сентября 1892 г.: «Возвращаясь к моей поэме. Она не имела успеха ни внешнего, ни даже материального. Стасюлевич мне ничего не заплатил. Ни добрых слов, ни денег „Баклан“, очевидно, не стоит. В надежде на гонорар из „Вестника Европы“ перед отъездом в Крым я занял на дорогу денег, и теперь авторские затруднения увеличились. Правда, мой кредитор — мамаша, но я не хотел бы быть и перед нею неисправным должником. Литературный заработок для меня очень су-

ществен. Соловьеву я ничего не писал об этом, так как Вы говорите, что переписываться с ним нельзя» (Там же).

[2] Имеется в виду М. М. Стасюлевич.

[3] Возможно, речь идет о первом сборнике стихотворений Вл. Соловьева. См. п. 33, примеч. 2.

[4] *Семенкович Евгения Михайловна* — жена двоюродного племянника Фета, Владимира Петровича Семенковича (1861–1939).

35

Фет — Соловьеву

8 июля 1892 г. Воробьевка

Моск.-Курской жел. дор. 1892. 8 июля.
ст. Коренная Пустынь

Дорогой Владимир Сергеевич.

Юрий Николаевич[1] смутил нас вестью, что, собравшись в Воробьевку, Вы изменили свое намерение. С Вашей легкой руки в нынешнем году Воробьевка представляет, по отношению к гостям, довольно разноцветный калейдоскоп, в котором, точно по взаимному условию, лица сменяются другими. Как ни досадно это в известном отношении, так как не дозволяет приглядеться к приезжему, тем не менее такое мелькание на нашем горизонте является хотя бы и нежелательным фактом. Так, например, день Святой Ольги[2] уносит завтрашний день от нас Страхова к его имениннице в Киев.[3] Зато две Ольги, т. е. Иост и Галахова,[4] обещают прибыть к 22-му,[5] чтобы вместе с нами поклониться Вам. Марья Петровна просит прибавить, что помещение Ваше будет Вас ожидать. Уступаю перо более опытной руке и дружески жму Вам руку.

Ваш старый А. Шеншин.

Рукой Ю. Н. Говорухи-Отрока:

Два слова к нашему разговору о церкви идеальной и реальной: мне всю дорогу хотелось их Вам сказать. Для всякого верующего в церковь идеальную тем самым она становится реальной, хотя и не заключенной в ведомую форму, т<аким> об<разом>, есть только одна действительно существующая церковь — идеальная. Благодать, сообщаемая помазанием Царя действительна, потому что, будь Царь верующий или нет, добрый или злой, он не отрекается от Христа. Если он в душе верующий, то благодать только будет иметь отрицательное действие.

«Неверующий же деятель» прямо отрекается от Христа и жизнью, и делом, и словом. Вот почему Ваш пример неудачен.

Ваш Юрий.

Рукой Фета:

Как я рад, что Екатерина Владимировна исправила мой недосмотр и указала, что к 15 следует поздравить Вас с днем Ангела.[6] Исполняю это с тем большим удовольствием, что знаю, что ангел Ваш — чистый, вдохновенный и добрый гений.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано (не полностью): *Фет А. А*. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 326.

[1] *Юрий Николаевич Говоруха-Отрок* (1852–1896) — литературный и театральный критик, публицист.

[2] 22 июля в XIX в. отмечался день равноапостольной кн. Ольги.

[3] Н. Н. Страхов писал Фету 4 июля 1892 г. из Ясной Поляны: «Завтра, то есть 5-го, я вечером сяду в вагон на Козловке, а 6-го к завтраку буду у Вас в Воробьевке. Так я думаю, а наверное сказать не могу при том коловращении, которое здесь происходит. Стремлюсь я в Киев, на именины своей племянницы и потому недолго погощу у Вас. Но очень приятно будет повидать Вас и приняться за продление споров. Здесь все благополучно и столько новостей, что не хочу и приниматься Вам рассказывать» (*Фет/Страхов*. С. 539). Племянница Страхова — Ольга Даниловна Матченко (урожд. Самусь).

[4] *Ольга Ивановна Иост* (урожд. Щукина) — племянница М. П. Шеншиной, *Ольга Васильевна Галахова* (урожд. Шеншина) — племянница Фета.

[5] См. примеч. 7 к п. 17.

[6] 15 июля по Юлианскому календарю — день памяти равноапостольного святого Владимира.

36

Фет — Соловьеву

10 июля 1892 г. Воробьевка

Моск.-Курской жел. дор. 1892. 10/VII.
ст. Коренная Пустынь

Дорогой Владимир Сергеевич.

Юрий Николаевич[1] нудит меня к плеоназму ввиду моего напоминания Вам о 22-м,[2] тогда как Вы сами хорошо знаете, что такое напомина-

ние есть только крайний наскок на Вашу нерешительность. А что мы все ждем Вас ежедневно с распростертыми объятиями к Юрию Николаевичу во флигель, — об <этом> говорить считаю излишним.

Преданный и признательный Вам, А. Шеншин.[3]

Рукой Ю. Н. Говорухи-Отрока:

Новое классическое изречение Аф<анасия> Аф<анасиевича>, произнесенное им с большою горячностью и даже перекрестившись: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что я язычник».

Ю. Г.

Сейчас мы читали с А<фанасием> А<фанасиевичем> поэму Фофанова. Герой кончает самоубийством, вот слова: Он умер, он без чувств упал... т. е. сперва умер, а потом упал без чувств. Это уже мера всему.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано: *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 326–327.

[1] См. п. 35, примеч. 1.

[2] См. примеч. 7 к п. 17.

[3] Известен также комментарий М. С. Соловьева от 13 ноября 1900 г. к этому письму Фета: «В дополнение к приведенному Ю. Г. (Говорухой-Отроком. — *Г. П.*) классическому изречению Аф<анасия> Аф<анасьевича>: Во время спора с М. И. Хитровым и Говорухою-Отроком и защиты ими христианства Фет вскочил, стал перед иконою и, крестясь, произнес с чувством горячей благодарности: „Господи Иисусе Христе, Мать Пресвятая Богородица, благодарю Вас, что я не христианин“» (*Фет А. А.* Соч. Т. 2. С. 449).

37

Соловьев — Фету

15 июля 1892 г. Москва

Дорогой и до бесконечности любезный Афанасий Афанасьевич!

На крыльях души ежедневно летаю в Воробьевку; надеюсь, почти уверен, что приеду и на паре (не своих, а локомотивном), но боюсь, что к 22 не поспею. Дух бодр, плоть немощна. Строго говоря, я уже умер, на что имею даже доказательство. Вот эпитафия, высеченная (вопреки

закону, избавляющему женский род от телесных наказаний) на моем могильном камне:

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был философ,
А ныне стал шкелетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг,
Но без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял —
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.[1]

Убедившись в моей духовной смерти, Вы, может быть, пожелаете узнать о моей телесной жизни. На это я также имею стихотворный документ:

Душный город стал несносен.
Взявши сак-вояж,
Скрылся я под сенью сосен,
В сельский пейзаж.[2]
У крестьянина Сысоя
Нанял я избу.
Здесь мечтал, вкусив покоя,
Позабыть борьбу.
Ах! потерянного рая
Не вернет судьба,
Ждет меня беда другая,
Новая борьба.
Поднялись на бой открытый
Целые толпы:
Льва Толстого фавориты,
Красные клопы.*
Но со мною не напрасно
Неба лучший дар:
Ты, очищенный, прекрасный,
Галльский скипидар.
Ты римлянкам для иного

* Смотри ст<атью> «*Первая ступень*» в пользу домашних насекомых. В. С.

Дела мог служить,
Мне ж союзников Толстого
Помоги сразить.*
Я надеялся недаром:
В миг решился бой,
Спасовал пред скипидаром
Весь Толстовский строй.
О, любимец всемогущий
Знатных римских дам!
Я роман Толстого лучший
За тебя отдам.
От романов сны плохие,
Аромат же твой
Прогоняет силы злые
И дарит покой.
Но покой, увы, не долог:
Вижу — новый враг —
Изо всех щелей и щелок
Повалил прусак.
Ах! и мне воинским жаром
Довелось гореть
И *французским* скипидаром
Пруссаков огреть.
Все погибли смертью жалкой
Кончилась борьба.
Терпентином и фиалкой
Пахнет вся изба.[3]

Я одержим, как видите, стихоблудием; за последнее время я сочинил 36 стихотворений. В следующем первая строфа поскольку хороша, поскольку пахнет Фетом. Вторая — от собственных усталых мозгов — слаба:

Нет вопросов давно, и не нужно речей:
Я стремлюся к тебе, словно к морю ручей, —
Без сомнений и дум милый образ ловлю,
Знаю только одно, — как безумно люблю.

В тихом свете небес я тебя узнаю,
Вижу в блеске зари я улыбку твою,
Жить любовью одной, с ней одной умереть,
Чтобы яркой звездой над тобою гореть![4]

* По свидетельству древних писателей, римские щеголихи весьма любили терпентинное масло, придающее запах фиалки таким выделениям, которые натурально этого запаха не имеют. В. С.

А вот еще:

Тесно сердце твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски,
И навек замолчат в эту ночь
Все волшебные песни и сказки.[5]

Но не песням и сказкам, а мне, очевидно, пора замолчать.

Если не 22, то в августе очень хочу и надеюсь быть у Вас. Целую ручки Марьи Петровны. Кланяюсь сердечно Катерине Владимировне и Юрию Николаевичу, если он еще у Вас.

Истинно Вас уважающий и душевно преданный
Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1901. № 1. С. 104–106.

Датируется по почтовому штемпелю отправления: 15 июля 1892, Москва.

[1] Стихотворная эпитафия Соловьева датируется 15 июня 1892 г. Ее он включил и в письмо к С. А. Венгерову от 12 июля 1892 г.: «На вопрос Ваш, как я поживаю, прямого ответа дать не могу, ибо я вовсе не поживаю. Я умер, о чем бесспорно свидетельствует следующая эпитафия, высеченная (вопреки закону, избавляющему женский род от телесного наказания) на моем могильном камне:

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом, и т. д.

Но, пожалуй, узнавши о моей смерти, Вы не пришлете мне ордера на 22 р. Итак, спешу оставить шутки и сообщить Вам, что я живу хотя в большой тесноте, но не в обиде, по крайней мере не обижаю своих свиноватых, пьяных, но тем не менее нищих деревенских соседей, среди которых приобрел немало популярности» (*Соловьев. Письма*. Т. 2. С. 321).

[2] Летом 1892 г. Соловьев нанимал дачу в селе Морщиха, около станции Сходня Николаевской железной дороги, неподалеку от имения С. М. Мартыновой Знаменское. 2 июня 1892 г. он писал М. М. Стасюлевичу: «Дача моя (4 комнаты) за все лето стоит 80 руб., чем я весьма горжусь. Буду жить там совершенно один. Стол свой я упростил весьма: ем раз в день гречневую кашу с подсолнечным маслом и зеленые бобы без всякого масла, запивая это рижским пивом по 12 коп. бутылка» (*Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 57).

[3] Стихотворение датируется 3 июня 1892 г.

[4] Стихотворение датируется 17 июня 1892 г.

[5] Стихотворение датируется 17 июня 1892 г., позже было переработано и опубликовано в «Вестнике Европы» (1892. № 8. С. 753) в другой редакции. Ср.:

Тесно сердце — я вижу — твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя и забыть мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски
И замолкнут навек в эту черную ночь
Все безумные песни и сказки.

38

Соловьев — А. А. Фету и М. П. Шеншиной

1880-е — 1890-е гг. (?) Москва

Здравствуйте, глубокоуважаемые
Афанасий Афанасьевич и Марья Петровна,

сегодня никак не могу быть у Вас — очень нужные дела мешают, а завтра днем или вечером буду непременно.

Душевно преданный Влад<имир> С<оловьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Публикуется в конце всего комплекса, поскольку нет достаточно убедительных оснований для более точной датировки.

ПИСЬМА Ю. А. КУЛАКОВСКОГО к ФЕТУ (1887–1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Среди неслучайных для А. А. Фета знакомых и корреспондентов, с которыми на склоне лет его связывало дружеское личное и эпистолярное общение, следует назвать имя киевского филолога-классика, византиниста, ученика Теодора Моммзена, археолога, переводчика, профессора, члена-корреспондента Петербургской Академии наук Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919), чьи имеющиеся письма к поэту, датированные 1887–1892 годами, существенно дополняют житейскую биографию Фета этих лет и воссоздают атмосферу его напряженного труда над переводом «Энеиды» Вергилия, элегий Проперция, эпиграмм Марциала, комедии Плавта «Горшок».

В своей титанической работе над античными переводами Фет, по собственному признанию, пользовался советами, консультациями и помощью целого ряда лиц, вклад каждого из них он усердно отмечал в предисловиях, посвящениях, письмах и впоследствии с благодарностью перечислил их имена в своих мемуарах — М. Г. Киндлера, А. А. Григорьева, Ф. Е. Корша, Н. Н. Страхова, Вл. С. Соловьева, Д. И. Нагуевского, А. В. Олсуфьева: «Разве возможно без глубокой признательности помянуть все эти имена?»[1] К этому перечню имен следует, вероятно, добавить и имя Кулаковского, одного из рецензентов античных переводов поэта. Можно предположить, что при встречах Кулаковский изустными советами помогал Фету в его переводах, однако сам Фет в перечне своих помощников ученого не упоминает, и это справедливо, так как едва ли можно говорить о значительном сотрудничестве Кулаковского на основании его писем к Фету, публикуемых ниже.

[1] *МВ*. Ч. 2. С. 393.

Тем не менее, по предположению Н. М. Мендельсона, публикатора писем Ф. Е. Корша к Фету, мысль перевести комедию Плавта «Горшок» была подсказана Фету Кулаковским: «Можно думать, что именно под влиянием бесед с Кулаковским явилась у Фета, еще в 1887 г., мысль перевести „Aulularia“ Плавта. В сентябре этого года Фет получает от Кулаковского какое-то французское издание комедии. Из письма от 3 мая 1888 г. видно, что киевский профессор помогал Фету в переводе, что работа в этом же году была закончена, хотя перевод вышел в свет лишь в 1891 г.».[2] На основании этого высказывания публикатора мысль об участии Кулаковского в переводе Плавта утвердилась в исследовательской литературе, создав очередную мифологему в биографии поэта.[3] Действительно, в письме Кулаковского от 13 сентября 1887 года говорится о посланном поэту издании комедии Плавта, но и только. Ни из этого письма, ни из письма от 3 мая 1888 года, упоминаемого исследователем, никак не следует, что Кулаковский «подсказал» Фету перевести эту комедию, а тем более «помогал» ему: «Препровождаю Вам, — говорится в письме от 13 сентября 1887 года, — вместе с этим письмом текст комедии Плавта „Aulularia“ во французском школьном издании. Я бы мог послать лучшее — что до исправности текста — критическое издание Ричля, но оно, конечно, найдется в Москве» (см. письмо 1). Позже, 3 мая 1888 года, Кулаковский пишет: «Радуюсь очень, что „Aulularia“ уже существует в русском переводе. Надеюсь услышать ее в Вашем чтении, так как я непременно хочу побывать в Воробьевке» (см. письмо 7). К этому следует добавить, что на фетовский перевод комедии Плавта Кулаковский откликнулся восторженной рецензией, в которой никак не упомянул о своем участии в нем.[4] Более того, если бы это сотрудничество имело место, вряд ли Кулаковский взялся бы писать рецензию, в том числе и на собственный труд. Так, в ситуации, когда не состоялось его участие в подготовке второй части «Энеиды», Кулаковский писал

---

[2] См.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 36. Далее: *Письма Корша к Фету.* См. также: Тита Макция Плавта Горшок. Aulularia. Перевод А. Фета. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1891. Далее: *Плавт,* с указанием страницы.

[3] См., например: *Фет/Полонский.* С. 651, 691 — коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной; *ФетСб(1).* С. 333, 367–368.

[4] См.: *Кулаковский Ю.* Тита Макция Плавта. *Горшок (Aulularia),* перевод А. А. Фета. Москва, 1891 // Русское обозрение. 1891. Т. 1. № 2. С. 917–928 (отд. «Критика и библиография). Далее: *Кулаковский. Aulularia,* с указанием страницы.

Фету 7 декабря 1887 года о своем намерении дать отзыв: «Мне тем удобнее будет писать о Вашей „Энеиде“, что я стороннее здесь лицо» (см. письмо 4).

Таким образом, следует окончательно утвердиться в мысли, что Кулаковский лишь прислал Фету, возможно по его просьбе,[5] не самый авторитетный латинский текст «остроумной» комедии Плавта, а по завершении Фетом работы над ним «обрадовался», что русский перевод уже существует, и намеревался услышать его в авторском чтении по приезде в Воробьевку в июне 1888 года. В начале июня 1888 года в Воробьевке Фет читает Кулаковскому начало своего перевода. Перевод «Горшка», — пишет Фет А. В. Олсуфьеву 7 июня 1888 года, видимо, сразу же после отъезда ученого, — «я прочел гостившему у меня киевскому профессору Кулаковскому».[6] Это чтение ученый позже припомнит в письме к Фету от 17 декабря 1890 года: «Ваш перевод знаком и памятен мне. Начало его читали Вы мне в Воробьевке, где мне было так хорошо приятно летом 88» (письмо 15). 2 октября 1888 года Кулаковский пишет Фету, что получил от него «всего Плавта», имея в виду, вероятно, литографированную рукопись перевода «Горшка», предназначенного для сцены (издание состоялось позже — в 1891 году). О получении, скорее всего, такой же рукописи перевода для Театрально-литературного комитета писал Фету 22 ноября 1888 года Д. В. Григорович.[7] Других упоминаний о переводе комедии Плавта, а тем более свидетельствующих о профессиональных консультациях, в письмах Кулаковского не содержится, как отсутствуют в них и следы совместного творчества. Зная щепетильный характер Фета, неукоснительно отмечавшего в письмах, предисловиях, а позже в своих воспоминаниях всякую помощь, оказанную ему в работе над переводами, трудно представить, что именно вклад Кулаковского и в замысел перевести комедию Плавта, и в его осуществление упорно замалчивался поэтом. Говоря о подобном «соавторстве», Фет писал

---

[5] Вероятное обращение Фета (письмо неизв.) именно к Кулаковскому — указать надежное издание комедии на латинском языке — было связано с тем, что ученый занимался Плавтом (см.: *Кулаковский Ю.* Краткий обзор архаизмов у Плавта в связи с влиянием их на критику текста. Вторая пробная лекция, читанная 19 октября 1881 года // Киевские университетские известия. 1882. Январь. С. 1–17; отд. отт.: Киев, 1882).

[6] *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 404. Попутно отметим, что приведенная здесь датировка «7 июля» ошибочна.

[7] См.: Переписка А. А. Фета с Д. В. Григоровичем (1888–1891) / Публ. А. Г. Гродецкой // *ФетСб(1)*. С. 335; см. также: С. 332–334.

Ю. А. Кулаковский.
Фотография И. Левитского. Киев, 1880-е гг.

Олсуфьеву 2 сентября 1890 года: «…за поданную мне руку помощи я не ограничиваюсь благодарить келейно, но не желаю и рядиться в чужие павлиньи перья».[8]

Если бы на основании имеющихся писем ученого и можно было бы говорить об авторе, возможно «присоветованном» Кулаковским Фету для перевода, то это Проперций. Так, в письме от 7 декабря 1887 года Кулаковский спрашивает: «Скажите: Вы не пробовали переводить что-нибудь из Проперция, или же я этого только не знаю? У Проперция есть очень хорошие вещицы, хоть он весь целиком мало заслуживает признания» (см. письмо 4). Однако к декабрю 1887 года Фет уже почти год переводил Проперция (см. его письмо к Ф. Е. Коршу от 1 января 1887 года,

[8] *Письма к Олсуфьеву (51).* С. 276.

где он просит указать источники с текстами),[9] и, как позже написал сам Кулаковский, рассуждая о сомнительной «помощи» Фету филолога-классика Д. И. Нагуевского в работе над «Энеидой», «в своем Проперции г. Фет обошелся уже своими силами, без помощи этого призрачного авторитета, и хотя язык Проперция представляет весьма немало трудностей для понимания, но перевод этого автора вышел у г. Фета вообще довольно точен и удачен».[10] Таким образом, вряд ли и в этом случае можно говорить об участии Кулаковского.[11] К тому же известно, что первым, кто посоветовал поэту перевести этого автора, был И. С. Тургенев. В ноябре 1860 года из Парижа он писал ему: «Попробуйте перечесть Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю <…>».[12]

Исходя из содержания имеющихся писем ученого, с уверенностью можно говорить лишь о том, что в конце октября — начале ноября 1887 года Фет, в связи с конфликтной ситуацией, возникшей между ним и его титульным соавтором Д. И. Нагуевским, повлекшей его самоустранение от продолжения работы над второй частью «Энеиды», предложил Кулаковскому (письмо неизв.) продолжить работу Нагуевского, однако, и об этом речь пойдет ниже, эта совместная работа не состоялась. На основании писем ученого бесспорен и тот факт, что в начале февраля 1889 года Фет предлагал Кулаковскому (письмо неизв.) сотрудничество в переводе эпиграмм Марциала, которое должно было заключаться, скорее всего, не только в профессиональных консультациях, но и в составлении примечаний. 15 февраля 1889 года ученый ответил: «…я с большой охотой и полной моей готовностью откликаюсь на Ваше предложенье, касательно Марциала. <…> Если бы у Вас было что готово раньше, то лучше бы тогда же прислать это мне. <…> я к Вашим услугам, хоть и немедленно. По отношению к примечаниям мой взгляд тот, что их нужно как можно меньше при переводе, который ведь читается не для поучения. <…> Разногласия о том, что нужно, у нас, вероятно, не будет» (см. письмо 11). «Что поделывает Ваш Марциал? —

---

[9] См.: *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета (Исследования и материалы). М., 1993. С. 217. Далее: *Письма к Коршу.*

[10] *Кулаковский Ю.* К юбилею А. А. Фета. Киев, 1889. С. 9. Эта статья воспроизводится нами в *Приложении II.* В действительности в работе над переводами элегий Проперция Фет пользовался консультациями А. В. Олсуфьева и Ф. Е. Корша.

[11] См.: Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888 (впервые: *ЖМНП*. 1888. № 5, 7–9).

[12] *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 259; см. также коммент. на с. 594.

интересовался Кулаковский 25 сентября 1889 года. — Я с величайшей готовностью готов служить Вам, если только Вам угодно указать мне, чем и как могу я быть полезен. Обещаю заранее, что скоро буду отсылать, если Вы пришлете мне что-либо с указанием, что я должен сделать» (см. письмо 14). Кроме данного свидетельства нет никаких других сведений о том, что совместная работа с ученым над переводом Марциала имела место. Неизвестно, по какой причине, но и это сотрудничество не состоялось (возможно, Фета смущала отдаленность проживания Кулаковского от Москвы, его занятость преподавательской и научной деятельностью, нерегулярность ответов на письма поэта); хорошо известно только то, что «ученую помощь» Фету в «критической проверке» перевода «из стиха в стих» и при составлении комментариев к Марциалу оказывал гр. Олсуфьев, о чем Фет образно упомянул в своем предисловии к изданию: «Без этой твердой руки на руле легкая лодка переводчика могла бы появиться с многочисленными пробоинами, выйдя из опасных шхер Марциала».[13]

Знакомство Фета с Кулаковским состоялось зимой 1884 года в доме Вл. С. Соловьева.[14] Позже ученый дважды — в конце августа 1887 года (три дня; вероятно, с 23 по 26 августа) и в самом начале июня 1888 года (неделю) — гостил в Воробьевке, к теплым воспоминаниям о пребывании в которой — радушный прием хозяев, творческая атмосфера — неоднократно возвращался в своих письмах. 27 августа 1887 года Фет писал С. А. Толстой (супруге Л. Н. Толстого) о том, что накануне «в ночь Соловьев проводил на железную дорогу весьма милого профессора Киевского университета — Кулаковского».[15] Упоминает об этом пребывании ученого и Соловьев, писавший Н. Н. Страхову 6 сентября 1887 года из Воробьевки: «…после отъезда Вашего, кроме незнакомого Вам киевского профессора Кулаковского, никаких новых лиц не видал, и у нас все по-старому».[16] А из его письма к брату Дмитрию становится известно

[13] М. В. Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. С. VIII. См. также: *МВ*. Ч. 2. С. 393.

[14] По предположению научного биографа Кулаковского — и оно ошибочно, — с Фетом ученый «познакомился, вероятно, по случаю написания восторженной рецензии на фетовский перевод Плавтова „Горшка“» (*Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византинистики в России. 2-е изд., перераб., испр. и доп. СПб., 2004. С. 76 (Сер.: «Византийская библиотека. Исследования»; 1-е изд. Киев, 2000). Далее: *Пучков*, с указанием страницы. Рецензия Кулаковского была опубликована в январе 1891 г., когда их знакомству было уже семь лет.

[15] *Фет*/*Толстая*. С. 155.

[16] Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. Т. 1. С. 38. Далее: *Соловьев. Письма*, с указанием номера тома и страницы.

об участии Кулаковского в редактировании соловьевской части перевода Вергилия; высылая Цертелеву на прочтение три переведенные им книги «Энеиды» (песни VII, IX, X) для дальнейшей публикации их в «Русском вестнике», Соловьев писал 4 сентября 1887 года из Воробьевки: «Хотя при окончательной редакции мы работали сообща с Афанасием Афанасиевичем и, разумеется, я ему обязан более, чем он мне, тем не менее эти три книги я могу считать своей долей перевода <…>. За верность перевода может поручиться специалист, профессор латинской словесности (Киевского университета), которому я читал эти книги и который остался чрезвычайно доволен переводом».[17]

О втором пребывании Кулаковского в Воробьевке в самом начале июня 1888 года сохранилось несколько воспоминаний. Так, сам ученый писал 13 июня 1888 года И. В. Помяловскому из Железноводска: «Добрался я сюда 11 числа, погостив по дороге несколько дней у Фета (Шеншина) близ Коренной Пустыни, куда заехал и Полонский, так что образовался даже collegium poetarum (союз поэтов — *лат.*), если я смею приложить к себе средневековый термин, каким в иных местах именовали себя филологи».[18] А в его письме к Т. Д. Флоринскому от 16 июня 1888 года говорится: «К Фету заехал во время моего пребывания в Воробьевке Полонский, который возвращался в Петербург из Киева <…>. Так я был в обществе сразу двух поэтов».[19] «…Я рад, что побывал у тебя <…>, — писал Полонский Фету 14 июня 1888 года. — Рад я, что узнал <…> и твоего гостя г. Кулаковского…»[20] Ученый намеревался побывать в Воробьевке и летом 1889 года, что, однако, не осуществилось (см. письма 12, 13). Известно, что, помимо двух пребываний в Воробьевке, Кулаковский посещал поэта и в доме на Плющихе. 8 января 1888 года Фет пишет: «…вчера обедал у нас <Н. Я.> Грот, занимавшийся все время корректурой тринадцатого тома Толстовских сочинений. <…> Речь об издании зашла по инициативе Кулаковского, искавшего в свою очередь добиться экземпляра».[21] Не исключено, что и позже ученый бывал в доме на Плющихе. Так, Полонский спрашивает Фета 11 января 1890 года:

---

[17] *Соловьев. Письма*. Т. 2. С. 253–254.

[18] *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 55 об.

[19] Цит. по: *Пучков*. С. 76.

[20] *Фет/Полонский*. С. 649, а также примеч. 2 к этому письму.

[21] *Письма к Коршу*. С. 219. Речь идет о запрещенной цензурой книге «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. О жизни» (М., 1888), тираж которой был уничтожен (см.: Там же. С. 219, 220). На смерть Толстого Кулаковский откликнулся речью «Памяти Л. Н. Толстого», опубликованной в газете «Киевлянин» (1910. 17 ноября. № 318. С. 4; никаких сведений о Фете в статье не содержится).

«Был у тебя Кулаковский?»[22] Однако активное общение Фета и Кулаковского было все-таки эпистолярным (местонахождение ответных писем Фета неизвестно)[23] и также пришлось на этот период (хронологические рамки: 13 сентября 1887 — 15 октября 1892).

Кулаковский как филолог-классик высоко оценивал античные переводы Фета, отдавая предпочтение особенно одам Горация, а также «Метаморфозам» Овидия, «Энеиде» Вергилия, «Aulularia» («Горшок») Плавта. В 1889 году в восторженной статье, посвященной юбилею литературной деятельности поэта, ученый высказал и ряд конкретных критических замечаний о его переводах. «…Быстро переходя от одного поэта к другому, — писал он, — переводя их произведения целиком, словно по какой-то необходимости, наш почтенный юбиляр лишил сам себя возможности удержать свои переводы латинских поэтов на той высоте, на какую он бы мог их поставить, как свидетельствуют о том оды Горация». И хотя не все переводы Фета Кулаковский находил адекватно отвечающими подлинникам, тем не менее «длинный список переводов римских поэтов, вышедших в свет, благодаря г. Фету, в уборе русского стиха в такой сравнительно краткий период времени, свидетельствует, что почтенный Афанасий Афанасиевич превратил свое отношение любителя античной поэзии в другое, что он сделал перевод римских поэтов своей специальностью» (см. *Приложение II*).

Следует привести основные факты биографии корреспондента. Родился Кулаковский в семье настоятеля церкви в городе Поневеж (ныне — Паневежис, Литва). Окончив курс в Лицее цесаревича Николая (Кат-

---

[22] *Фет/Полонский*. С. 787. Полагая, что юбилей литературной деятельности Фета состоится в декабре 1888 г., Кулаковский намеревался присутствовать, но по какой-то причине не получил приглашения. См. письмо 10.

[23] Не исключено, что письма Фета к Кулаковскому могут находиться в личном фонде ученого (Ф. 264), хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Украины (Киев; далее — *ЦГИАУ*), который, как пишет А. А. Пучков, работавший с этим фондом, включает «даже в рамках описи фонда не поддающийся атрибуции массив писем разных лиц Кулаковскому», т. е. письма «неустановленных корреспондентов»; «почти в каждом описании единицы хранения присутствуют очевидные ошибки <…> как в инициалах корреспондентов Кулаковского, так и в их фамилиях» (*Пучков*. С. 8, 288, 292). При поиске следует иметь в виду, что в этот период Фет подписывал свои письма как Шеншин. В настоящее время киевский архив ученого нам недоступен. Библиотека Кулаковского, в которой, безусловно, должны быть книги с автографами Фета, подаренные им ученому, находится в Национальной библиотеке им. В. И. Вернадского. В фонде Кулаковского в ЦГИАУ могут находиться и письма Я. П. Полонского, с которым ученый состоял в переписке; в них также должно быть немало сведений о Фете.

ковский Лицей) с золотой медалью (1871–1873), поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В сентябре 1876 года был утвержден в степени кандидата по отделению классической филологии. Преподавал латинский язык в Лицее (1876–1878). В 1878 году был командирован за границу с ученой целью на два года (посещал семинары Теодора Моммзена[24] и Альфреда фон Гутшмида). По окончании командировки (ноябрь 1880 г.) был утвержден в звании приват-доцента Киевского университета св. Владимира по кафедре римской словесности. В начале 1883 года защитил в Москве диссертацию «Коллегии в древнем Риме», став магистром римской словесности, а с 1884 был утвержден экстраординарным профессором Киевского университета. В сентябре 1888 года в Петербурге защитил докторскую диссертацию «К вопросу о начале Рима» (Киев, 1888). Участвовал почти во всех археологических съездах, проходивших в 1884–1908 годах. Много занимался римской историей и эпиграфикой.[25] Долголетняя активная педагогическая деятельность снискала ему славу одного из лучших профессоров университета. Еще при жизни Кулаковский был удостоен сборника в свою честь, в котором приняли участие А. И. Соболевский, Б. В. Варнеке, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Зелинский и др.[26]

В. А. Романовский, один из его студентов, обучавшийся в Киевском университете в 1909–1914 годах, вспоминал: «Довольно сильно представлена была греческая и римская литература. В особенности большим влиянием пользовался проф. римской словесности Юлиан Андреевич Кулаковский. Он был учеником петербургского профессора В. Г. Васильевского и в особенности берлинского профессора Т. Моммзена. Для филологов Ю. А. Кулаковский читал Лукреция Кара „О природе вещей“, для историков — Тацита, Тита Ливия и др. <…> Ю. А. Кулаковский отличался оригинальностью мыслей и, в частности, вызвал недовольство церковников тем, что стал отрицать преследование христиан римскими императорами. Реакционеры даже стали называть его Юлианом Отступником, сравнивая с римским императором Юлианом Апостатом».[27]

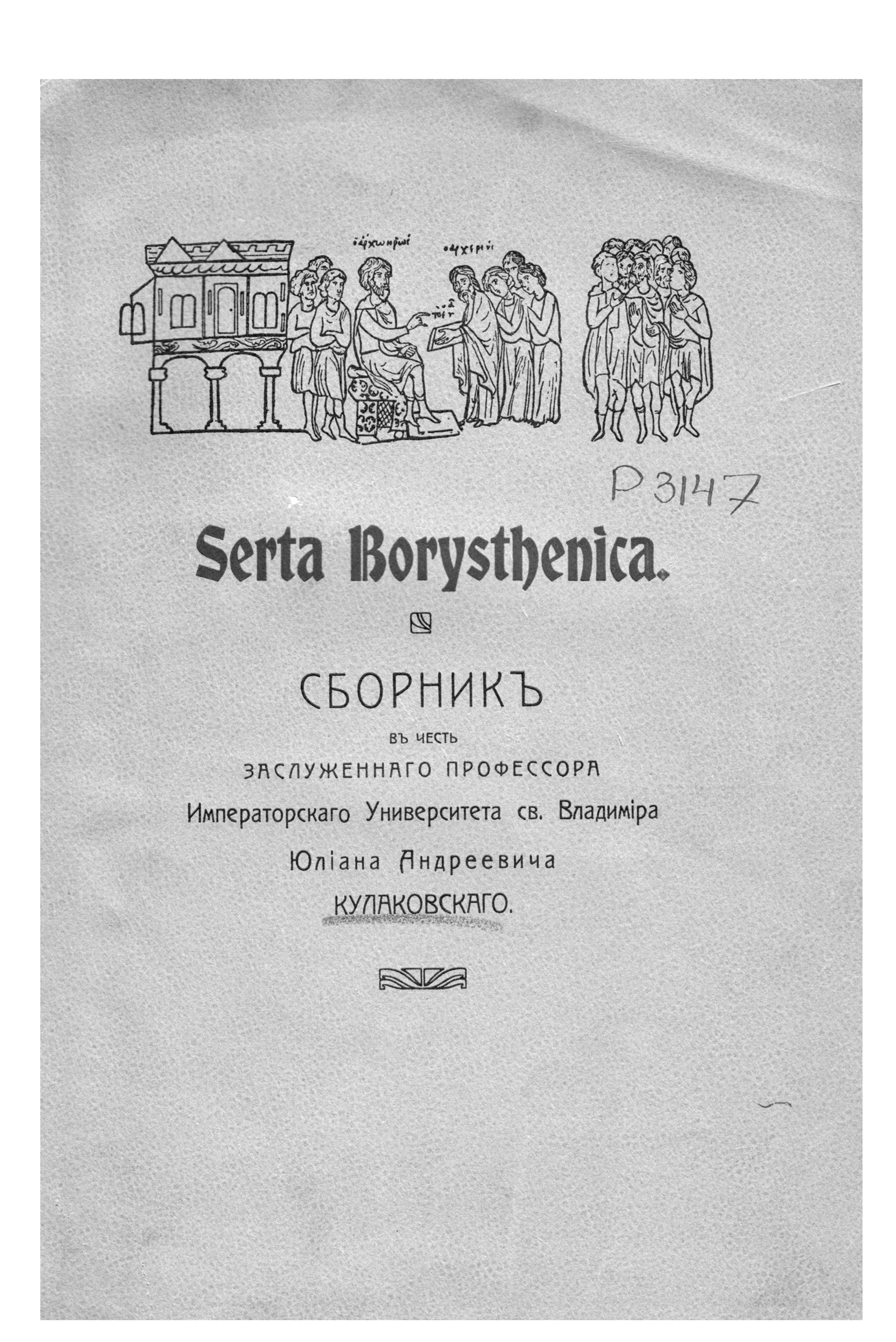
---

[24] На смерть Моммзена Кулаковский откликнулся прочувствованным некрологом «Памяти Моммзена» (см.: *ЖМНП.* 1904. Ч. 351. № 1. Отд. 4. С. 39–61).

[25] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834–1884) / Сост. и изд. под ред. орд. проф. В. С. Иконникова. Киев, 1884. С. 347–350.

[26] См.: Serta Borysthenica: Сборник в честь заслуженного профессора имп. Университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911.

[27] *Романовский В. А.* К истории подготовки профессорских кадров в дореволюционное время // Alma Mater: Університет св. Володимира наперододні та в добу

Сборник в честь Ю. А. Кулаковского (Киев, 1911). Обложка

В. Ф. Асмус, вспоминая о своих студенческих годах (1914–1920), писал: «Кулаковский был уже старик, но чрезвычайно бодрый, живой и энергичный. <…> Читал он энергично, стремительно, и каждая фраза говорила о большой учености, о безупречном владении предметом, о педагогическом мастерстве. Никакими записками, конспектами он не пользовался. Он предупредил нас, чтобы, готовясь к экзамену, мы не вздумали пользоваться Модестовым, и крайне нелестно отозвался о его курсе. <…> лекции были содержательны и интересны, а темперамент Кулаковского делал их живыми, порой драматичными. Мы в полной мере оценили эти качества Кулаковского, когда он дошел до Плавта и начал анализ содержания его комедий. В аудитории часто раздавался дружный хохот. Особенно запомнились пересказы комедий Aulularia (Горшок), Menaechmi (Два Менехма), Miles gloriosus (Хвастливый воин). Свои мастерские пересказы Кулаковский вел крайне серьезно, без тени улыбки — в то время как, слушая его, мы часто смеялись безудержно. <…> Кулаковский покорял ученостью, блеском эрудиции, громадной памятью. <…> Темперамент Кулаковского был темперамент политический. Это был профессор, не скрывавший своих „правых“ политических убеждений, его чтения были насыщены политической тенденцией. И герои самого историко-литературного процесса, и ученые корифеи — западные и отечественные — истории римской литературы изображались в его курсе как носители доблестных или вредных политических начал, ими олицетворявшихся. Такими были в изображении Кулаковского и Энний и Лукреций, и Цезарь и Цицерон, и Курциус и Моммзен».[28] По воспоминаниям известного впоследствии советского педагога П. П. Блонского, учившегося в 1902–1907 годах, Кулаковский «был еще более крайний черносотенец (в сравнении с деканом факультета профессором Т. Д. Флоринским), исступленно поющий „Боже, Царя храни“ во всяких „патриотических“ манифестациях».[29] Действительно, в начале века Кулаковский принимал активное участие в монархическом движении.

Української революції (1917–1920): Матеріали, документи, спогади / Авт.-упоряд. В. А. Короткий, В. І. Ульяновський. Київ, 2000. Кн. 1. С. 287.

[28] *Асмус В. Ф.* Воспоминания // Вспоминая В. Ф. Асмуса / Сост. М. А. Абрамова, В. А. Жучков, Л. Н. Любинская. М., 2001. С. 212–213, 230. Речь идет об издании: *Модестов В. И.* Лекции по истории римской литературы. Читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание (Три курса в одном томе). СПб., 1888 (Киев, 1873. Курс 1; Киев, 1875. Курс 2).

[29] *Блонский П. П.* Мои воспоминания / Подг. Н. И. Блонской. М., 1971. С. 55.

О качестве научной, культурной и литературной среды, окружавшей ученого, говорят и его семейные связи. Кулаковский был младшим братом известного ученого-слависта и общественного деятеля Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), отцом Сергея Юлиановича Кулаковского (1892–1949), известного критика и литературоведа, приятеля Андрея Белого; сестра Кулаковского Екатерина Андреевна состояла в переписке с Вяч. Ивановым; в 1916 году на даче ученого в Красной поляне, доставшейся ему от старшего брата, гостили Вяч. Иванов[30] с женой и В. Ф. Эрн. Кулаковский тесно общался и состоял в переписке с Ф. Е. Коршем, Т. Д. Флоринским, И. В. Помяловским, А. И. Соболевским, Г. Э. Зенгером, В. В. Латышевым, Ф. Ф. Зелинским, Б. В. Варнеке, Э. Л. Радловым. Умер ученый через три дня после захвата Киева большевиками. Место его захоронения неизвестно, предположительно Байково кладбище в Киеве.[31] Обширная библиография Кулаковского насчитывает сотни единиц, среди которых не только фундаментальные труды по классической филологии, византологии, эпиграфике, снискавшие ему

---

[30] Рецензию на некролог Т. Моммзена, написанный Кулаковским, см.: *Иванов Вяч.* О Моммзене. Ю. Кулаковский. Памяти Моммзена. Киев. 1904 // Весы. 1904. № 11. С. 46–48.

[31] Подробнее о Кулаковском см. также: *Варнеке Б. В.* Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора имп. Киевского университета св. Владимира (1876–1906) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете (Протоколы за 1906 г.). Казань, 1907. Т. 23. С. 1–16; *Соболевский А. И.* Ю. А. Кулаковский (1855–1919). <Некролог>. Пг., 1919 // Известия Российской Академии наук. Сер. 6. Т. 13. № 12–18. Сентябрь — декабрь. С. 567–568; *Латышев В. В.* Ю. А. Кулаковский (1855–1919). <Некролог> // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 10–11; *Грушевой А. Г.* Ю. А. Кулаковский и его «История Византии» // Кулаковский Ю. А. История Византии: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1996. Т. 1. С. 435–445; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 248, 299–306, 310, 354, 355, 366; *Перевалов С. М.* Ю. А. Кулаковский и его труды по истории аланов // Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступит. ст., коммент. С. М. Перевалова. СПб., 2000. С. 5–42; *Пучков А. А.* 1) Юлиан Кулаковский и его исследование тектоники античного мировоззрения // Кулаковский Ю. А. Эсхатология и эпикуреизм в античном мире: Избранные работы / Изд. подг. А. А. Пучков. СПб., 2002. С. 5–44; 2) Юлиан Кулаковский: профессор и лекции // Кулаковский Ю. А. История римской литературы от начала Республики до начала Империи в конспективном изложении / Изд. подг. А. А. Пучков. Киев, 2005. С. V–LXVI; *Матвеева Л. В.* Юлиан Кулаковский. Киев, 2002; *Смолин М. Б.* Кулаковский Ю. А. // Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005. С. 249–252; *Непомнящий А. А.* Доктор римской словесности: Юлиан Кулаковский // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006. С. 205–236.

мировую известность, но и его пробные лекции, заметки по разным специальным вопросам, рецензии, некрологи, критические статьи, к примеру о М. Н. Каткове (рукопись), Л. Н. Толстом, А. Н. Майкове, М. Н. Муравьеве и др.[32]

Чтобы понять, что могло привлечь Фета в Кулаковском как в собеседнике и корреспонденте, помимо его профессиональных знаний, эрудиции, желания помочь консультациями по римским авторам, следует иметь в виду и то, что ученый поддерживал дружеские и научные отношения с людьми, так или иначе знакомыми Фету (Ф. Е. Корш, А. В. Олсуфьев, Н. Я. Грот, Я. П. Полонский, М. И. Хитров, Д. П. Боткин, Д. Н. Цертелев, Ф. Н. Берг, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Д. И. Нагуевский, И. В. Помяловский). С лицейской и университетской скамьи Кулаковский был хорошо знаком с племянником поэта Петей Борисовым, с Вл. Соловьевым, с М. Н. Катковым, в изданиях которого активно сотрудничал. Для Фета, вероятно, было существенно и то, что ученый был убежденным сторонником классического образования, патриотом и монархистом. В письмах к Фету Кулаковский, не вдаваясь в детальное обсуждение, несколько раз высказывает свое несогласие с прокатолической философско-догматической позицией Вл. Соловьева, занятой им с середины 1880-х годов, и с его взглядами на православие и предназначение русского народа, высказанными им в ходе затяжной полемики с Н. Н. Страховым (1889–1890) по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Известна нейтральная позиция Фета в этом противостоянии, условно говоря, славянофилов (к которым, безусловно, относил себя ученый) и западников. Проясняет взгляды Кулаковского одно из характерных его высказываний в Предисловии к самому авторитетному своему труду «История Византии». Тема, поднятая здесь, отчасти была близка Фету и, возможно, обсуждалась при личных встре-

[32] Наиболее известные сочинения Кулаковского (помимо упоминавшихся): Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Киев, 1899; Аммиан Марцеллин. История. Перевод с лат. Киев, 1908. Вып. 3; Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. 2-е изд. Киев, 1914 (1-е изд. Киев, 1906) и др. Фундаментальное трехтомное сочинение «История Византии», оставшееся незавершенным (Киев, 1910–1915; переизд.: СПб., 1996), снискало ему особую славу выдающегося византолога, а само сочинение не утратило научной ценности по сей день. Мелкие разыскания и рецензии публиковалась в киевских «Университетских известиях» (с 1881 г.) и в «Журнале Министерства народного просвещения». Исчерпывающую библиографию см. в работах А. А. Пучкова: 1) Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919): Библиографический указатель (К 80-летию со дня смерти). Киев, 1999; 2) Юлиан Кулаковский и его время. С. 384–403.

чах в Воробьевке не только с ним, но и с гостившим здесь же Вл. Соловьевым: «Наше русское прошлое, — говорится в Предисловии (1910), — связало нас нерасторжимыми узами с Византией, и на этой основе определилось наше русское национальное самосознание. Теперь, когда, ввиду совершившегося перелома в нашем политическом строе, наше народное самосознание особенно нуждается в просветлении своих основ, принесена неведомо зачем тяжелая жертва в ущерб народного дела. <…> Устранение греческого языка из программы среднеобразовательной школы является добровольным принижением нашего просве щения <…>. Ущерб, причиненный делу просвещения, ставит печальную перспективу для нашего будущего. Хотелось бы надеяться, что рост русского самосознания и просвещения <…> вызовут в русском обществе сознание потребности восстановить на нашей родине <…> первенство греческого гения в системе высшего образования <…> а не нивелировку и опрощение». И далее Кулаковский подчеркивает, что русское государство «сплотилось» на «основе православия, воспринятого из Византии, и тот крутой поворот в нашей истории, который осуществил Петр Великий, подчинив Русь непосредственному воздействию западной культуры, не коснулся основы нашего национального самоопределения и русского самосознания».[33]

В процессе работы над переводом «Энеиды» Вергилия, в которой, как известно, Фету помогали казанский филолог-классик Д. И. Нагуевский и Вл. Соловьев казалось бы безоблачное и продуктивное сотрудничество с Нагуевским омрачилось неприятным инцидентом, в который оказались вовлечены, помимо участников готовящегося издания, также А. В. Олсуфьев, Ф. Е. Корш и, наконец, Кулаковский. Причина конфликта, в результате которого Нагуевский отказался от сотрудничества во второй части готовящейся книги, заключалась в том, что Нагуевский предложил Фету обозначить себя на титуле как редактора фетовского перевода, выставив это в качестве условия продолжения работы над второй частью «Энеиды». Это вызвало, по выражению Нагуевского, «ярость» Соловьева, считавшего только себя причастным к редактированию перевода. Соловьева поддержал и гр. Олсуфьев. Недоразумение удалось уладить благодаря содействию гр. Олсуфьева, и Нагуевский вернулся к работе над второй частью.[34] Однако во время

---

[33] *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. Киев, 1910. Т. 1. С. VII, 15.

[34] См.: Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. М., 1888. Часть первая. I–VI. Часть вторая. VII–XII. Далее: *Энеида*, с указанием

самоотстранения Нагуевского (конец октября — начало ноября 1887 года) Фет написал Кулаковскому письмо (неизв.), предлагая ему заменить казанского ученого. В ответном письме от 11 ноября 1887 года Кулаковский дал согласие на сотрудничество (см. письмо 2). Несмотря на то, что сотрудничество Фета с Кулаковским не состоялось, вне всяких сомнений, именно он опубликовал анонимную положительную рецензию в «Русском вестнике» по выходе первой части перевода из печати, так как эпизодически сотрудничал в журнале, помещая здесь статьи на античные темы.[35] Прямое подтверждение принадлежности статьи Кулаковскому содержится в его письме к Фету от 11 февраля 1888 года: «Вы, вероятно, уже получили теперь „Рус<ский> вест<ник>“ за январь и видели мою заметку» (письмо 5). В краткой рецензии Кулаковский «с удовольствием» приветствовал «этот новый труд нашего заслужен ного перед классическим миром поэта», перевод которого «отличается вообще большой точностью». «Нам попадались на глаза целые десятки стихов кряду, — отмечал он, — где не только каждый стих перевода точно соответствует стиху подлинника, но где перевод воспроизводит даже и самый порядок слов оригинала».[36] По мнению рецензента, «г. Фет такой мастер стиха и так владеет русским словом, слогом и стилем, в его переводе видно столько продуманного труда, <…> что наши филологи могут теперь надеяться, что Вергилий и у нас на Руси перестанет быть только *школьным* автором <…>».[37] О Нагуевском в статье говорилось: «…нас удивило несколько то, что, сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду же мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. Преобладают в этом переводе примечания немецкого издания *Kappes'a* <…>. Иногда на помощь приходило <…> издание Ладевига. Примечания в этих изданиях хорошие и пользоваться ими, конечно, непредосудительно; но к чему же тогда давать такой тон своему званию специалиста, какой считал нужным принять г. Нагуевский <…> Свое пристрастие к *переводам* г. Нагуевский доводит так далеко, что даже содержания отде-

---

части и страницы. Подробнее о конфликте см.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 373–378, 413–415.

[35] См., к примеру: *Кулаковский Ю. А.*: 1) Монте-Кассино // *РВ*. 1887. Т. 191. № 9. С. 152–170; 2) Из Рима // *РВ*. 1887. Т. 193. № 12. С. 161–196; 3) Археология в Риме // *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 181–216 и др.

[36] <*Кулаковский Ю. А.*> Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета… Часть первая. I–VI. — Москва. 1888… // *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 289–290 (отд. «Новости литературы»). Далее: *Кулаковский. Энеида*, с указанием страницы.

[37] Там же. С. 291–292.

льных книг „Энеиды“, которыми он снабдил перевод г. Фета, заимствованы дословно из примечаний Каппеса. <…> Не беремся угадывать, насколько „Энеида“ в русском переводе г. Фета обязана своей исправностью и точностью „проверке текста“, произведенной г. Нагуевским, о которой г. Фет счел нужным заявить на заглавном листе. <…> Но каково бы там ни было участие г. Нагуевского в переводе, важно то, что теперь мы на русском языке имеем бессмертное творение Вергилия <…>».[38] Здесь же Кулаковский сообщил, что в его планы входит написать статью о переводе по выходе второй заключительной части: «Мы надеемся вернуться на страницах „Русского вестника“ и к Вергилию, и к переводу А. А. Фета <…>».[39] Однако более обстоятельной статьи об «Энеиде» ученый так и не написал.

Полемический характер рецензии Кулаковского в отношении Нагуевского, по всей видимости, был вызван, отчасти тем, что он рассчитывал на роль помощника Фета, когда Нагуевский устранился от участия во второй книге «Энеиды», что, впрочем, не снимает с Нагуевского высказанных рецензентом профессиональных обвинений. Позже, в другой своей статье, приуроченной к литературному юбилею Фета, Кулаковский вновь возвращается к не вполне уместной случаю теме — эпизоду неудачного соавторства Фета с Нагуевским, аттестуя его «наивным компилятором чужой учености, который не останавливается и пред плагиатом» (см. *Приложение II*). Нелестно о научном качестве трудов Нагуевского Кулаковский отзывался не только публично, но и в частной переписке. Так, в письме к И. В. Помяловскому от 16 января 1889 года ученый писал: «Кстати, какие *ужасы* есть в комментарии Нагуевского на Ювенала, и какая не знающая пределов наглость невежества там засвидетельствована».[40] Необходимо добавить, что сам Фет, в отличие

[38] Там же. С. 292–293.

[39] Там же. С. 292. Отдельные языковые обороты в подписанной статье Кулаковского «К юбилею А. А. Фета» текстуально совпадают с анонимной рецензией в «Русском вестнике», что дает дополнительные и веские основания к несомненной атрибуции ее Кулаковскому. См. также: *Фет/Нагуевский*. С. 377.

[40] *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 79 об. Речь идет, вероятно, об одном из недавних изданий Нагуевского, среди которых были: 1) Третья сатира Ювенала. 2-е изд., значительно дополненное и исправленное. Казань, 1887; 2) О Жизнеописании Ювенала. 2-е изд., доп. Казань, 1887; 3) О рукописях, схолиях и изданиях Ювенала. СПб., 1888; 4) Juvenalis saturae. Cum lectionum varietate commentarius promoœmius et indice uberrimo edidit *Darius Naguiewski*. Kasani, 1888. Vol. 1. 229 с. Скорее всего, речь идет о последнем издании, получившем отрицательную рецензию (б. п.; Кулаковский?) в: *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. 3. С. 62–66 (с перечислением многочисленных ошибок).

от Соловьева или Кулаковского, отнесся к тщеславным претензиям Нагуевского весьма терпимо. «…Я навсегда останусь Вам чистосердечно признательным, — писал он казанскому ученому 1 февраля 1889 года в ответ на поздравление с литературным юбилеем, — за любезное сотрудничество Ваше <…> и скажу прямо, что единственно Вам я обязан той сравнительной безупречностью издания, с какою появился этот мой перевод. Это я всегда скажу не во гнев разным хулителям, вносящим в дело какие-то личные оттенки».[41]

В октябре 1888 года Кулаковский вновь намеревается написать статью о переводах Фета и опубликовать ее в «Русском вестнике», о чем сообщал не только Фету (см. письмо 5), но и Помяловскому в не публиковавшемся ранее письме от 4 декабря 1888 года из Киева: «Хотел я еще в октябре написать для „Рус<ского> вест<ника>“ статью о переводах Фета. В декабре он предполагал праздновать свой 50-летний юбилей (т. е. 50-летний юбилей литературной деятельности. — *С. И.*). Это и было побуждением для меня отозваться <…> теперь я уже опоздал к юбилею, да и ничего не слышал о том, будет ли это празднование. Считаю все-таки нужным отозваться, хотя бы и не раньше февральской книжки. Так как старик все жалуется на то, что его-де замалчивают. Фет так искренно любит свое дело и много работал. Жаль, что результаты не вполне удачны. Его Катулла ведь нельзя вовсе признавать даже существующим, для его же славы. Он, сам поэт-лирик, так исказил прелестного Катулла — и придумал себе (в предисловии) такое смешное оправдание. То, что я менее доволен его переводами, чем бы того хотелось, мешает мне и писать о них».[42] «Статьи о Фете я так-таки и не на-

---

[41] *Фет/Нагуевский*. С. 445.

[42] *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 77–77 об. В Предисловии к Катуллу Фет писал: «…мы поставим этого римско-русского поэта, как двуликую герму в преддверие нашей словесности». И далее: «…нас нимало не смущают упреки в шероховатости, например, нашего перевода Ювенала. <…> не смущает нас и уныние знатоков при виде точно воспроизведенного русского лица нашей гермы, не имеющего бархатного налета <…>. Вообще чем самобытнее и народнее поэт, тем менее поддается он художественному переводу» (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. С. VII, VIII–IX). Позже в статье, посвященной юбилею Фета, Кулаковский повторит эту мысль: «Его утверждение в „Предисловии“ к Катуллу, что он хлопотал, прежде всего, о точности и не желал делать переложения, не допускал „вольного перевода“, его шутки насчет „двуликой Гермы“, которую представляют Катулл латинский и Катулл русский, нисколько не улучшают дела» (см. *Приложение II*).

Попутно отметим, что Нагуевский составил обширную рецензию на это издание, которая по каким-то причинам не была опубликована. Подробнее об этом

шел энергии дописать, — продолжил он в письме к Помяловскому от 16 января 1889 года. — Взятые в целом его переводы не такая вещь, чтобы его хвалить. Он спешит со старческим упрямством и, давая себе слишком много все нового труда, принизил уровень своей требовательности к этой задаче.

Я совершенно согласен с Вами, что Гораций лучшее в этой серии. Так я это, было, и изложил, но тогда выходит, что оценка его деятельности есть поучение старику, с которым к тому же я знаком, что и делает для меня труднее писать о нем. Так я и приостановился».[43]

Вскоре статья «К юбилею А. А. Фета» была написана Кулаковским и опубликована, но не в «Русском вестнике», как предполагалось, а в провинциальной киевской литературной и политической газете «Киевлянин»: «К юбилею Фета, — писал автор Помяловскому 31 января 1889 года — я отозвался статьей в „Киевлянине"; когда получу оттиски, вышлю Вам экземпляр. Вышло несколько сухо для юбилейного дня, но иначе не писалось».[44] В настоящее время статья эта, не утратившая своего научного значения, мало известна специалистам,[45] поэтому представляется уместным републиковать это сочинение Кулаковского, которое по своему жанру и содержанию далеко выходит за рамки юбилейных славословий и является беспристрастным, тонким и глубоким исследованием римской части переводческого творчества Фета, написанным дотошным специалистом, другом и критическим почитателем.

Позже, через два года, Кулаковский откорректирует многие положения своей юбилейной статьи в восторженной рецензии на «прекрасный» фетовский перевод Плавта, признав, что подчас «неправильные» с научной точки зрения переводы поэта гораздо талантливее переводов профессиональных классиков, и процитирует в заключение строчки из «De arte poetica» Горация, «обращая эти слова» к «нашему маститому поэту»: «Graiis ingenium, Graiis dedit ore rotundo / Musa loqui…»[46] («Грекам

см.: *Фет/Нагуевский.* С. 380. Высказанное здесь предположение о предпочтении редакцией «Журнала Министерства народного просвещения» рецензии на фетовского Катулла К. С—ского вместо рецензии Нагуевского следует дополнить и раскрыть псевдоним рецензента — Пл. Н. Краснов (см.: *ЖМНП.* 1886. Ч. 245. № 6. Отд. 2. С. 430–438).

[43] *РНБ.* Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 79–79 об.

[44] Там же. Л. 82 об.

[45] О статье см.: *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 217.

[46] *Кулаковский. Aulularia.* С. 928. Попутно отметим, что обширная восторженная рецензия на «Aulularia» и «Эпиграммы» Марциала, принадлежащая перу В. А. Грингмута, была опубликована в «Московских ведомостях» (см.: *МВед.* 1891. 24 июля. № 202. С. 2–4; подпись: «В. Г.»).

Муза дала гений и полнозвучное слово…» — *лат.*; *Epist.* II, 2, 323–324). Придя к этому выводу, ученый, вероятно не осознавая того, приблизился к базовой установке Фета-переводчика о том, что переводами древних авторов должны заниматься поэты. Неполнота же «академических» комментариев — одна из самых частотных претензий к поэту со стороны специалистов — безусловно, осознавалась Фетом; цель пополнить своими переводами обширные списки научных академических комментированных изданий никогда не ставилась поэтом, объяснявшим это тем, что рядовому читателю «нужны не филологические тонкости, а самые простые пароли и лозунги для пропуска в укрепленный лагерь незнакомого поэта».[47]

Ответы Помяловского на письма Кулаковского неизвестны, однако хорошо известен его отзыв 1884 года на переводы Фета из Горация, заказанный ученому в связи с присуждением поэту императорской Академией наук полной Пушкинской премии. В своем отчете Помяловский, по выражению Страхова, «глава и царь всех наших латинистов»,[48] отметил, что не усматривает «резких промахов в понимании подлинника» у переводчика, что «перевод его, в общем, может быть признан переводом верным», что у Фета, в соответствии с подлинником, присутствует такое же разнообразие метров и такое же «оригинальное сочетание стоп», придающих «особую прелесть переводу»; к несомненным достоинствам фетовских переводов Горация Помяловский отнес «редкую полноту и благозвучность» рифм, гладкость, естественность и удобопонятность речи; лишь «весьма немногие места» вызвали у рецензента «замечания». Сравнивая переводы двадцати двух од Горация, выполненных И. П. Крешевым (1862), Помяловский писал, что Фет «в огромном большинстве случаев сумел подойти к подлиннику еще ближе, чем Крешев, вернее передать образы и эпитеты оригинала». Перечислив в доказательство несколько примеров, рецензент пришел к выводу, что переводы Крешева «уступают переводам г. Фета в близости к подлиннику и в выдержанности его картин и образов». Касаясь качества примечаний, Помяловский отмечал, что «г. Фет везде умел уловить связь мыслей Горация с верным чутьем понял его взгляды на литературу».[49]

---

[47] *Энеида.* Ч. 1. С. VIII.

[48] *Фет/Страхов.* С. 516. Письмо к Фету от 20 апреля 1891 г.

[49] См.: *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 <Критический разбор на соискание Пушкинской премии> // Сборник ОРЯС имп. Академии наук. 1884. Т. 36. № 4. С. 22, 54; вся рецензия: С. 1–62 (отд. паг.) (Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 году). Следует добавить, что за обширный профессиональный отзыв Помяловского Академия наук присудила рецензенту золотую медаль (см.: Там же. С. 62). Извлечение из рецензии было опубликовано:

По мнению Я. К. Грота, «главным основанием» премии Фету «послужила» рецензия Помяловского.[50] Сохранилось единственное письмо Фета, адресованное Помяловскому, от 18 апреля 1891 года:

Глубокоуважаемый Иван Васильевич,

Только совершенным неведением моим в области научной иерархии возможно объяснить, что по получении в 1883 году от Я. К. Грота в деревне критического и подробного разбора Вашего моего Горация я за все лето не сумел сообразить надлежащего адреса Вашего и потому не собрался благодарить Вас за Ваш почтенный труд. Впоследствии мне было совестно являться с запоздалою признательностью, и я выжидал подходящего случая. Случай этот наконец представился мне при появлении в свет эпиграмм Марциала, над которыми я провел три года усидчивого, ежедневного труда; но в данную минуту мой Марциал радует меня появившейся возможностью выразить Вам то искреннее и глубочайшее уважение, *с которыми прошу считать меня Вашего Превосходительства сердечно признательным*.

А. Шеншин.[51]

Заслуживает внимания сохранившийся ответ ученого от 24 апреля 1891 года, не воспроизводившийся ранее:

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич,

Спешу принести Вам глубокую благодарность за любезное сообщение мне Ва шего перевода Марциала. Переводом этим Вы оказали ощутимую услугу нашей не владеющей латинским языком, но интересующейся древней литературой публике и вплели новую ветвь в венок, украшающий Вас как переводчика латинских поэтов.

На летних каникулах займусь внимательным штудированием труда Вашего.

С отличным уважением и неизменной преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

И. Помяловский.

24 апреля 91.[52]

Правительственный вестник. 1884. 21 октября (2 ноября). № 233. С. 2; 25 октября (6 ноября). №235. С. 1–2; см. также: *ЖМНП*. 1884. Ч. 236. № 12. Отд. 4. С. 68–82 — Присуждение Пушкинской премии в 1884 году (Отчет, читанный в публичном заседании имп. Академии наук, 19-го октября текущего года, председательствующим <…> Я. К. Гротом). Разбор Помяловского предварила рецензия латиниста В. И. Модестова на фетовский перевод Горация, который, отметив отдельные неточности перевода, назвал его «капитальным приобретением русской литературы» и приравнял труд Фета к труду Н. И. Гнедича, переводчика «Илиады» (см.: Новости и Биржевая газета. 1884. 24 января. № 24. Цит. по: *Фет/Страхов*. С. 374, примеч. 4 к п. 101).

[50] *Грот Я. К.* Отчет о деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1884 год // Сборник ОРЯС имп. Академии наук. 1885. Т. 36. № 2. С. 24.

[51] *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 1366. Л. 1–1 об. Письмо написано секретарем; курсивом отмечена приписка, сделанная рукой Фета.

[52] *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 46. Л. 1. Черновик письма Фета и фрагмент ответа Помяловского, опубликованные ранее (с некоторыми разночтениями) Г. Л. Медынцевой,

Сохранились 16 писем и 1 телеграмма Кулаковского к Фету, а также одно его сочувственное письмо, адресованное Марии Петровне, в связи с кончиной поэта (см. *Приложение I*); местонахождение ответных писем Фета неизвестно. Следует повторить, адресуясь к украинским коллегам: поиски этих писем следует начать с архива Кулаковского в Украине, который в настоящее время нам недоступен.[53] Публикация писем ученого дополняет перечень имеющихся как отдельных писем к Фету, так и его переписки с лицами, в той или иной степени причастными к гигантской работе поэта над античными переводами,[54] что дает богатейший материал не только для житейской и творческой биографии Фета, но и для осмысления и анализа его новаторской техники перевода, до сих пор вызывающей разноречивые споры. Статья Кулаковского, воспроизводимая ниже, вошла в обширный список литературы, состоящий из отзывов на античные переводы Фета филологов-классиков, а также переводчиков римских поэтов. Собранные воедино отзывы таких академических ученых и специалистов, как С. П. Шестаков, И. В. Помяловский, А. И. Кирпичников, Я. К. Грот, А. В. Олсуфьев, Ю. А. Кулаковский, В. А. Алексеев, В. А. Грингмут, О. А. Шебор, А. Адольф, Д. И. Нагуевский, В. И. Модестов, М. Ф. Петропавловский, Н. Ф. Фокков, Пл. Н. Краснов и мн. др., могли бы составить отдельный том, из чтения которого стало бы очевидно, что далеко не все профессиональные претензии, в том или ином случае предъявленные Фету, разделялись коллегами, более того, в отдельных случаях переводы тех же римских авторов, сделанные самими учеными-специалистами, зачастую признавались коллегами-классиками менее точными и удачными, нежели переводы Фета.

Так, Кулаковский полагал, что критика Олсуфьева на фетовского Ювенала — «строгая и даже придирчивая» и что не все «нападки» графа были достаточно «основательны» (см. *Приложение II*).[55] Тот же Кула-

---

воспроизведены: *Фет/Страхов*. С. 517 (см. также: *Медынцева Г. Л., Гротская З. В.* Переписка А. А. Фета с А. Я. Полонским // Новые материалы по истории русской литературы: Сборник научных трудов (Гос. Лит. музей). М., 1994. С. 69–70).

[53] *ЦГИАУ.* Ф. 264 (л. ф.). Выборочный обзор эпистолярной части этого фонда, в котором имя Фета отсутствует, см.: *Пучков*. С. 289–291.

[54] См.: *Письма Корша к Фету.* С. 35–52; *Письма к Коршу.* С. 204–228; *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 214–246; *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 401–417 (здесь опубликованы письма к Олсуфьеву, не включенные в *Письма к Олсуфьеву*); *Фет/Нагуевский*. С. 365–449.

[55] Речь идет о рец.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета. СПб., 1886 (отд. отт.); впервые: *ЖМНП*. 1886. № 2, 3, 5, 8.

Граф А. В. Олсуфьев.
С фотографии И. Дьяговченко. Москва, нач. 1880-х гг.

ковский был убежден, что классик А. Адольф, переводивший «правильными гекзаметрами» и «великолепно» издавший Ювенала, снабдив его «обширным и ученым комментарием», «много поработал над текстом» римского сатирика и, «конечно, лучше, правильнее и точнее понимал его», нежели Фет, «и все-таки вышло так, что поэт сумел передать в своих подчас неправильных и негладких гекзаметрах силу, злобу, порыв и увлечение римского сатирика; а тот же Ювенал у г. Адольфа — слаб, бледен и без желчи, хотя, конечно, он несравненно меньше уязвим с точки зрения правильности понимания текста, чем перевод г. Фета».[56]

[56] *Кулаковский*. *Aulularia*. С. 928. См. также: Сатиры Д. Юния Ювенала. Стихотворный перевод и объяснения Андрея Адольфа, учителя Московской третьей гимназии. С прибавлением латинского текста. М., 1888. В Предисловии Адольф, говоря о переводе Ювенала, выполненном Фетом, пишет: «Но при всех своих достоинствах, полноте и близости к подлиннику, этот перевод, основанный на недостаточном знакомстве с текстом и обширной литературой по толкованию <…> не вполне, а во многих местах ошибочно, как то доказала критика в лице гр. А. В. Олсуфьева, передает смысл и колорит оригинала <…>. Во всяком случае, честь первого перевода Ювенала на русский язык принадлежит г. Фету» (С. V). Откликнулся на фетовский

А «тщательный» перевод комедии Плавта «Aulularia», выполненный М. П. Петровским, Кулаковский находил «вялым и безжизненным», отзывающимся «какою-то рассудочностью», в сравнении «с живым непосредственным и веселым переводом» Фета.[57] Схожую мысль высказал и ученый-латинист О. А. Шебор в хвалебной рецензии на фетовский перевод плавтовой комедии, отметив, что в отдельных случаях перевод Петровского не так точен, как перевод Фета, «русского собрата» Плавта. Нашел погрешности Шебор и у Фета, скрупулезно отметив которые, пришел к заключению: «Филолог, тем более специалист по Плавту, отдавая полную справедливость талантливости перевода г. Фета в общей сложности, заметит в нем, без сомнения, не мало недочетов и погрешностей в частностях, но и он, наверно, найдет в нем много такого, что с удовольствием занесет на поля своего экз<емпляра> Авлюлярии», — и добавлял, что все «перечисленные погрешности перевода г. Фета в избытке искупаются как общею его талантливостью, так и массою прекрасных частностей».[58]

Следует отметить, что Шебор обнаружил и высказал здесь не банальную мысль, ускользавшую из обширных рецензий специалистов на переводы Фета, даже хвалебных, а именно: в истолковании темных мест античных авторов, затруднявших при комментировании ученых-классиков, поэтическое прозрение Фета оказывалось способным проникать и научно адекватно истолковывать подобные места настолько, что филологи должны были «с удовольствием» занести их на поля своих экземпляров. Справедливость этой мысли подтверждает и высказывание историка литературы А. И. Кирпичникова, который, сравнивая фетовский перевод Ювенала с переводом «присяжного классика» Н. М. Бла-

---

перевод Ювенала и Нагуевский, который отметил, что «сравнительно с переводом г. Фета» перевод «г. Адольфа представляет, несомненно, заметный шаг вперед». Вместе с тем ученый согласился с мнением Олсуфьева, что труд Фета «есть драгоценный вклад в нашу столь небогатую литературу по классической филологии» (см.: Сатиры Ювенала. Объяснил и издал… Д. И. Нагуевский. Казань, 1888. Т. 1. С. IV, LXXXV; ценз. разрешение: 26 октября 1887 г. — разгар его конфликта с Фетом и Соловьевым за право быть титульным редактором фетовского перевода «Энеиды» (см.: *Фет/Нагуевский*. С. 413–417)).

[57] *Кулаковский. Aulularia*. С. 923. См. также: Кубышка (Aulularia). Комедия Т. М. Плавта / Пер. <М. П. Петровского> // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. классич. филологии. С. 91–151 (отд. паг.). Подп.: М. П—ский.

[58] См.: *Шебор О.* Тита Макция Плавта «Горшок» (Aulularia), перевод А. Фета. Москва, 1891 г. С. 1, 3, 14 (отд. отт.); впервые: Филологическое обозрение. 1891. Т. 1. Отд. 2: Критика и библиография. С. 57–71.

говещенского, писал: «…два русские переводчика расходятся; всегда прав г. Фет. <…> Короче сказать, если можно 2–3 страницы исписать местами, неудачно переведенными у г. Фета, то понадобится не один десяток их, чтобы перечислить все стихи труднейшего из знаменитых римских поэтов, переданные с замечательной верностью и силой. Честь и слава дилетанту классицизма!»[59] И наконец, одним из самых красноречивых доказательств того, какое место занимали латинские переводы Фета в научной иерархии, является тот факт, что ученый-классик В. А. Алексеев, имея достаточный выбор при составлении для учебных целей хрестоматии из римских поэтов в русских переводах, предпочел переводам «записных классиков» переводы Фета. Так, стихотворения Катулла представлены в сборнике исключительно Фетом; на равных приведены здесь фрагменты переводов комедии Плавта «Горшок» как Фета, так и ученого-античника М. П. Петровского.[60] Добавим, что Алексееву принадлежит одна из лучших рецензий на первую часть фетовского перевода «Энеиды», в которой дается сравнительный анализ переводов Фета и И. Г. Шершеневича (Варшава, 1868) и более удачным признается перевод Фета.[61] Пл. Н. Краснов, поэт и переводчик древних поэтов, в частности Горация и Тибулла, большую часть своей восторженной рецензии на полный перевод од Горация, выполненный П. Ф. Порфировым, отводит сравнению последнего с переводами именно Фета, а не с переводами, скажем, В. И. Орлова, Вл. Мазюкевича, Н. И. Кроля, Ф. Н. Берга, В. Крестовского, И. П. Крешева, А. Н. Майкова, Н. Ф. Фоккова и др., полагая их «случайными». Критик отмечает, в частности, что Порфиров «передал Горация очень простым, бесхитростным языком. У Фета Гораций кажется высокопарным». Размеры Порфирова, по его мнению, «гораздо менее разнообразны и гораздо менее соответствуют музыке латинского стиха, чем у Фета»; его перевод «может вполне конкурировать с переводом од Фета», так как он «проще, понятнее, доступ-

---

[59] *А. К. <Кирпичников А. И.>* Юния Ювенала сатиры, в переводе и с объяснениями А. Фета. Москва. 1885 // *ИВ*. 1886. Т. 23. № 3. С. 709.

[60] См.: Римские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1897. Т. 1. Следует добавить, что на основании рецензии ученого-классика Н. Ф. Фоккова на фетовский перевод Горация (М., 1883), заслушанной на заседании Ученого комитета Министерства народного просвещения 21 мая 1884 г., комиссия рекомендовала «означенную книгу как учебное пособие для гимназий, а также для фундаментальных и ученических библиотек мужских средних заведений и для награды учеников» (см.: *Фет/Страхов*. С. 374–375 — коммент. Н. П. Генераловой).

[61] См.: *Алексеев В.* Новые книги // Пантеон литературы. 1888. Т. 1. Январь — апрель. С. 28–31 (отд. «Современная летопись»).

нее», но он «не унесет на облака читателя, как уносит порою перевод Фета».[62]

И если не все отзывы классиков на римские переводы Фета носили восторженный и беспристрастный характер, то само внимание авторитетных специалистов к античным переводам поэта говорит гораздо красноречивее о достоинствах, нежели о недостатках этой деятельности Фета. Как справедливо отметила Н. П. Генералова, имея в виду рецензию С. П. Шестакова на фетовский перевод Горация (1856), «сам факт, что филолог-классик взялся рецензировать поэтический труд, означал признание».[63] Следует добавить, что в большинстве этих рецензий и критических разборов, которые опубликованы, как правило, в специальных филологических изданиях («Журнал Министерства народного просвещения», «Филологическое обозрение», «Сборник ОРЯС»), рассчитанных на чтение специалистов, зачастую уже сам уровень высказываемых претензий предполагал в своем объекте не столько переводчика, не претендующего на звание присяжного классика, сколько профессионального филолога-античника, вносящего свою лепту в развитие классической филологии. Так, Помяловский писал о филологическом изучении оригинала Горация Фетом: «Хотя в общем изучение это может быть признано достаточным, тем не менее строгим требованиям филолога-классика г. Фет удовлетворяет не везде».[64] Не стала исключением из этого ряда и статья Кулаковского, приуроченная к литературному юбилею Фета, большая часть которой отведена теме происхождения гекзаметра, схеме его деления, форме, метрике, его связи с элементами народного словесного творчества эллинов и т. д.

Так, по настоянию Олсуфьева, фетовские переводы «Метаморфоз» Овидия (М., 1887) и «Эпиграмм» Марциала (М., 1891) были снабжены параллельными текстами латинских оригиналов — тип издания, едва ли привычный для читателей литературных переводов, и, как пишет в Предисловии к Овидию Фет, Олсуфьев же, «найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших», тем самым текст «приобретал самостоятельную цену в глазах знатоков».[65] Если бы качество переводов Фета не было

---

[62] *Краснов Пл.* Гораций на русском языке // Новое дело. 1902. № 5. С. 140–141, 142, 144.

[63] *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 534.

[64] *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. С. 17.

[65] См.: Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV. = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°. 1887. С. XIX.

достаточно высоким для «знатоков», едва ли механическим введением параллельного текста была бы возможна радикальная замена целевой читательской аудитории с любителей на знатоков классической филологии. Так, предваряя свои профессиональные замечания и уточнения к фетовскому переводу Ювенала в обширном фундаментальном критическом разборе, насчитывающем более двухсот замечаний к переводчику, Олсуфьев, вместе с тем, дает ему высочайшую оценку «драгоценного вклада» в классическую филологию, основным достоинством которого является верность подлиннику.[66] Проницательно почувствовал это образовавшееся притяжение замкнутого в самом себе мира классической филологии и мира литературного перевода с многочисленной читательской аудиторией Страхов, который, увидев фетовского Марциала, написал ему: «С большим любопытством слежу я за насаждением у нас классицизма <…>. Происходит то, что и всегда: размножение учебников и учебных изданий классиков (появились теперь превосходные), диссертаций и переводов, делаемых не литераторами, а доцентами, магистрантами, разными учеными людьми, лишенными писательского таланта. Все это совершается и вращается в *учебном* мире и не переходит в мир писателей и читателей. Вы, Олсуфьев и немногие другие <…> составляете яркое исключение».[67] Любопытно, что Страхов видел в Фете представителя учебного мира классицизма.

Неизвестна реакция Фета на статью Кулаковского, далекую от юбилейных славословий. Можно лишь предполагать, что статья эта — ученый разговор на равных — стала лучшим «подношением даров» от ученого-классика поэту-переводчику.

Письма (16) и телеграмма (1) Кулаковского публикуются по автографам — *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 1–16 об.; № 54. Л. 1–16; К. 13. № 34. Л. 19–19 об. В *Приложении I* приводится письмо ученого к М. П. Шеншиной (*РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 52. Л. 1–3); в *Приложении II* — его статья «К юбилею А. А. Фета», которая воспроизводится по газетной публикации: Киевлянин. 1889. 29 января. № 24. С. 2–3; 31 января. № 25. С. 1–2; в газетном варианте статья датирована 28 января 1889 г. Отдельный оттиск, переверстанный в книжном формате: Киев, 1889 (ценз. разрешение: 11 февраля 1889 г.). Отдельные фрагменты статьи цитировались в публикациях: *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 217; *Пучков*. С. 76;

---

[66] См.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета. С. 3. О своем отношении к этому разбору Фет писал Нагуевскому 22 января 1888 г.: «Так, между прочим, из всех ошибок, замеченных гр. Олсуфьевым в моем Ювенале, я признаю только *ebur* (*слоновую кость* — *лат.*), почему-то вдруг переведенный мною черным деревом» (*Фет/Нагуевский*. С. 432).

[67] *Фет/Страхов*. С. 516. Письмо от 20 апреля 1891 г.

Фет/Нагуевский. С. 378. Сведения о предшествующих цитированиях из публикуемых писем, если таковые были, приводятся при каждом письме.

Письма и статья воспроизводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных грамматических и синтаксических особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации (к примеру, Виргилий). Гораций, цитируемый Кулаковским в статье, выверен по изданию: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883, с указанием в примечаниях на неточности в цитировании.

1

13 сентября 1887 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Быть может, Вы уже давно получили ответ от Нагуевского насчет изречения: habent sua fata libelli[а] и моя справка не нужна более;[1] но мне так хочется отозваться в Вашу милую Воробьевку, где я провел три таких приятных дня,[2] что я пользуюсь этим поводом, чтобы напомнить о себе. — Изреченье это есть вторая половина стиха pro captu lectoris habent s<ua> f<ata> l<ibelli>,[б] и стих принадлежит не какому-нибудь поэту, а находится в сочинении грамматика III в. (п<о> Р. Х.) Теренциана Мавра в его сочинении «Carmen heroicum» в отделе: «De litteris, syllabis et metris».[3] Не имея под руками самого текста и не желая откладывать письма еще на несколько дней, я не привожу контекста; но с удовольствием сделаю это, если бы это понадобилось.

Препровождаю Вам вместе с этим письмом текст комедии Плавта «Aulularia» во французском школьном издании.[4] Я бы мог послать лучшее — что до исправности текста — критическое издание Ричля, но оно, конечно, найдется в Москве.[5]

А этот маленький libellum[в] хоть и не arido pumice expolitum,[г] признаете Вы, наверное, заслуживающим эпитета lepidum,[д,6] когда просмотрите одну-две сцены этой остроумной комедии.

[а] книжки имеют свою судьбу (*лат.*).

[б] книжки имеют свою судьбу по тому, как их принимает читатель (*лат.*).

[в] книжку (*лат.*).

[г] отшлифованную сухой пемзой (*лат.*).

[д] милая, изящная (*лат.*).

Я порассказал тут в Киеве многим о готовящемся в Воробьевке переводе «Энеиды», и многие ждут его видеть с нетерпеньем, равным тому, с каким некогда ждали римляне ее оригинала.

Хочу надеяться, что неприятные осенние дни, которые начались, вероятно, и в Воробьевке, как тут у нас, не мешают тому веселому настроенью, которое царило в Вашем доме, когда и я удостоился быть Вашем гостем.[7] В надежде, что это когда-нибудь повторится, шлю свой сердечный привет Марии Петровне и остаюсь преданный Вам

Юлиан Кулаковский.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение много потрудившейся над «Энеидой» Екатерине Владимировне.[8]

13 сентября 87.
Киев.

На конверте: по Московско-Курской жел<езной> дор<оге>.
станция *Коренная Пустынь.*
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В Воробьевке.

Почтовые штемпели: 1) 14 сен<тября> 1887, Киев; 2) 16 сен<тября> 1887, Коренная Пустынь Курск <ой> г<уб>.

На обороте: Ю. Кулаковский (*карандашная запись рукой Е. В. Федоровой?*).

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 1–2 об; конверт — л. I.

[1] Ранее с тем же вопросом Фет обратился к Д. И. Нагуевскому в письме от 25 августа 1887 г.: «В подтверждение дилетантизма моей филологии вынужден прибегнуть к Вашей помощи в следующем деле. Для издания сборника моих стихотворений мне необходимо привести стих: „Habent sua fata libelli“. Так как мною переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мною переведен; тем не менее, несмотря на все мое старание, я не мог его нигде разыскать и прошу Вас великодушно указать мне его надлежащее место, указав, конечно, и автора». Нагуевский затруднился с ответом: «О пословице Habent etc. справлялся на днях — писал он Фету 13 сентября 1887 г. — Думаю, что в библиотеке у нас есть так наз<ываемый> Florilegium, напр., Frommelt’a, тогда легко будет посм<отреть>» (*Фет/Нагуевский*. С. 403, 406).

Фет обратился с той же просьбой к Кулаковскому, от которого и получил нужные сведения. «Если Вы не справлялись о libelli, — пишет Фет Нагуевскому 17 сен-

тября 1887 г., — то и не беспокойтесь при многочисленных трудах Ваших. Я узнал, что весь стих принадлежит грамматику III века по Р. Х. Теренциану Мавру и гласит: „pro captu lectoris habent sua fata libelli…“» (Там же. С. 409–410). В это время Фет готовил к печати третий выпуск «Вечерних огней» и использовал стих в качестве эпиграфа к Предисловию (М., 1888), где дал свой перевод: «По разуменью чтеца свои судьбы есть у книжек» (*ВО 3*. С. III).

[2] Кулаковский гостил в Воробьевке три дня, вероятно, с 23 по 26 августа 1887 г. Подробнее см. во вступит. статье.

[3] *Теренциан Мавр* (Terentiānus Maurus; ок. 200 или перв. пол. IV в.) — грамматик из Мавритании, автор дидактической поэмы, посвященной метрике и состоящей из трех частей («De litteris», «De syllabis», «De metris» — «О буквах», «О стопах», «О метрах»), в которой излагается современная ему теория стихосложения (см.: Словарь античности / Пер. с нем.; Сост. Й. Ирмшер и Р. Йоне. М., 1989. С. 572).

[4] Вероятно, речь идет об издании, указанном Фетом в Предисловии к переводу комедии: «Хотя в наше время, с легкой руки Золя, вошло в моду не стесняться в литературных произведениях выражениями, не употребительными в обществе и тем более женском, тем не менее мы держались в нашем переводе классического издания Ноэля, в котором стихи с наиболее крупною площадною солью выпущены. Комедия, нам кажется, от этого не пострадала» (*Плавт.* С. V–VI). В письме к Ф. Е. Коршу от 28 ноября 1888 г. Фет писал о том, что название «Aulularia» во французском переводе дается как «La marmite» (см.: *Письма к Коршу.* С. 221); скорее всего, речь идет о французском издании: T. Macci Plauti Aulularia (La marmite). Edition classique accompagnée de notes et de remarques grammaticales, philologiques et historiques, précédée d’une introduction littéraire et suivie des imitation de Molière par A. Noël. Paris, 1874 (3-e edition. Paris, 1877).

Снабдив Фета текстом комедии во «французском школьном издании» (вероятно, Ноэля), в рецензии на его перевод «Aulularia» Кулаковский указал на этот выбор как на оплошность переводчика: «Переводит г. Фет по тексту французского школьного издания *Noël de Vergès* и к другим, по-видимому, не обращался. Со своей стороны, мы признаем его совершенно правым. Переводчик сам замечает в предисловии, что, благодаря такому выбору текста, в его переводе исчезли „стихи с наиболее крупною площадною солью“, и полагает, что „комедия от этого не пострадала“. <…> Но игнорировать новейшие критические издания неудобно потому, что установление плавтова текста есть дело новое и живое в настоящее время. Если бы переводчик обращался к изданию *Götz’a* (Leipzig, 1881), то, быть может, он кое-где иначе понял текст, а также иначе бы разделил в некоторых местах и диалог между действующими лицами» (*Кулаковский. Aulularia*. С. 919). Имеется в виду комментированное издание «Aulularia», подготовленное Г. Гётцем, учеником Ф. Ричля (см. ниже): T. Macci Plauti Comoediae recensuit instrumento critico et prolegomenis auxit Fridericus Ritschelius sociis operae adsumptis Gustavo Loewe, Georgio Goetz, Friderico Schoell. 20 Faszikel in 4 Bänden. Lipsiae, 1881. Bd. 2,1: Aulularia recensuit Georgius Goetz. Именно это издание считалось наиболее авторитетным среди филологов-классиков.

На подаренном Фетом гр. Олсуфьеву экземпляре «Aulularia» («Наставнику и сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву на память переводчик») среди заметок и поправок, сделанных на полях книги уже после смерти поэта (1 августа

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эвклiонъ и Стафила.

Эвклiонъ бьетъ свою старую служанку Стафилу, которую подозрѣваетъ въ томъ, что она узнала тайну его клада.

Эвклiонъ.

Вонъ, говорю, скорѣй! Сокройся за дверями,
Клянусь, чѣмъ рыскать тутъ пытливыми глазами!

Стафила.

Но бьешь меня за что ты, жалкую?

Эвклiонъ.

Чтобы
Жалка была. Другой не стоишь ты судьбы.

Стафила.

За что же гнать меня изъ дому такъ ретиво?

Эвклiонъ.

Тебѣ-ль я дамъ отчетъ, всѣхъ лозановъ ты нива? [6]
Отъ двери отойди туда вонъ! Какъ ползетъ!

[6]) *Лозановъ ты нива.* Тѣло твое достойно представляться почвою, на которой безпрестанно сажаютъ новые прутья или розги.

совершенно игнорирует сильных комических сцен. На пример акт IV сцена 10 — утрачивает весь свой комизм, основанный на недоразумении — Ликонид говорит о похищенной им девственности Федры, а Эвклион полагает что он винится в краже сосуда с золотом. Понимаю, что если бы при переводе Aulularia A. A. имел меня — как он ві

Пометы А. В. Олсуфьева на подаренном ему экземпляре комедии Плавта «Горшок» в переводе Фета (М., 1891) (*ГЛМ*)

1901 г.), имеется следующая запись гр. Олсуфьева: «Полагаю, что если бы при переводе Aulularia А. А. имел меня — как он в эпиграфе столь лестно для меня называет сотрудником, то я успел <бы> уговорить его следовать Плавту, а не Ноэлю. — Не такие места смело и удачно преодолевал покойный мой друг в переводах Ювенала и Марциала» (см.: *Плавт.* С. 5. Экземпляр хранится: Книжные фонды ГЛМ. Шифр: Рав 4611). Филолог-классик О. А. Шебор, также укоряя Фета в том, что он следовал «изданию Ноэля-де-Верже», пишет: «Вообще нельзя не пожалеть о том, что почтенный переводчик не пользовался текстом Гётца (G. Goetz, Ричлевское изд., 1881) <…>. Имея под руками более исправный текст и дельный комментарий, г. Фет избег бы доброй половины допущенных им промахов. В издании Ноэля прельстило г. Фета главным образом то, что в нем „стихи с наиболее крупною площадною солью выпущены“» (*Шебор О. А.* Тита Макция Плавта «Горшок» (Aulularia), перевод А. Фета. С. 3). «Лучшими изданиями Aulularia Плавта в настоящее время, — писал переводчик этой комедии М. П. Петровский, —должны считаться издания Гётца и Лео» (Кубышка (Aulularia). Комедия Т. М. Плавта // *ЖМНП.* 1888. Ч. 260. № 12. Отд. классич. филологии. С. 76).

[5] Речь идет о критическом издании комедии Плавта знаменитого немецкого филолога-классика, лейпцигского профессора *Фридриха Вильгельма Ричля* (Ritschl; 1806–1876): Friderici Ritschelli Opuscula Philologica. Lipsiae. 1868. Vol. II: Ad Plautum et grammaticam Latinam spectantia (2-е изд.: 1871). Позже в своей рецензии на перевод комедии, выполненный Фетом, Кулаковский укажет более позднее и авторитетное издание Г. Гётца, ученика Ф. Ричля, подготовленное уже после смерти Ричля (см. примеч. 4 к наст. письму).

Несомненной заслугой Ричля является восстановление текста древнейшей рукописи комедий Плавта (миланский палимпсест), на основании которой он установил хронологию комедий, историю текстов, восстановил истинное имя Плавта — Titus Maccius (вместо прежнего M. Accius). О научной и преподавательской деятельности Ричля высоко отзывались отечественные классики — см.: *Помяловский И. В.* Филологическая семинария и занятия латинскою эпиграфикой проф. Ричля // *ЖМНП.* 1872. Ч. 152. № 11. Отд. 3. С. 33–60. См. также: *Модестов В. И.* 1) Плавт и его значение в университетском преподавании. СПб., 1879. С. 11–13; 2) Лекции по истории римской литературы. Читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание (Три курса в одном томе). СПб., 1888; Фридрих Ричль (1806–1876). Некролог <из венской «Presse»> // *МВед.* 1876. 11 ноября. № 289. С. 5 (б. п.).

Весьма вероятно, что Фет, помимо французского школьного издания Ноэля, скорее всего полученного от Кулаковского и указанного им в предисловии, использовал в работе над переводом «Aulularia» также и одно из критических немецких изданий; свидетельством тому является указание самого Фета, что под рукой у него было и какое-то немецкое издание, в котором «Горшок» Плавта имел название «Der Topf» (см.: *Письма к Коршу.* С. 221; здесь ошибочно: «Der Torf»).

[6] Скрытая цитата из Катулла: «Cui dono lepidum novum libellum / arido modo pumice expolitum?» (Ad Cornelium Nepotem) — «Кому я подарю изящную новую книжку, / отшлифованную сухой пемзой?» (К Корнелию Непоту). У Фета: «Кому лощеную под пемзу суждено / Мне книжку новую в красивой дать отделке?» (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. С. 1). В примечании

Фет пишет, что книжка называется «новой по случаю красивой отделки и сглаживания концов свертка пемзою у книгопродавца» (Там же).

[7] См. примеч. 2 к наст. письму.

[8] Имеется в виду секретарь Фета с конца 1886 г. и до конца жизни поэта Е. В. Федорова (в замуж. Кудрявцева), писавшая письма, стихи и переводы Фета под его диктовку; автор воспоминаний о последних днях поэта (см.: Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 242–243; см. также: *Фет/Полонский*. С. 615).

2

11 ноября 1887 г. Киев

11 ноября 87.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

В ответ на Ваше милое письмо[1] спешу сказать, что принять участие в Вашей «Энеиде» я буду считать для себя великой честью. Обещаю с своей стороны приложить все старание, чтобы не замедлить появления в свет Вашей работы.[2] Могу подписать теперь dixi[а] — готов прибавить и et levavi animam meum,[б] но это будет относиться уже к другому, а именно: моей радости по поводу Вашего разрыва с Нагуевским. Человек подобного сорта не достоин был той чести, которую Вы ему оказали, обратившись к нему,[3] о чем я и высказывал сожаление в Воробьевке.

Буду ждать присылки текста перевода с нетерпением. Прошу Вас сообщить мне яснее, что я должен сделать: проверить ли только его точность, или же отметить также места, к которым следовало бы сделать примечания, или даже и написать их? Вы поминаете, что пишете примечания к первой половине сами;[4] быть может, Вы намерены, в видах единства и цельности работы, сделать то же и по отношению ко второй половине труда. Прошу Вас располагать мною по усмотрению.

Свидетельствуя свое глубокое почтение Марии Петровне, остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

[а] сказал (*лат.*).

[б] и облегчил свою душу (*лат.*).

На конверте: *Москва*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) <11?> <ноя> 1887, Киев; 2) 13 ноя<бря> 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 3–4, конверт — л. II.
Фрагмент письма опубликован: *Письма Корша к Фету*. С. 36.

[1] По содержанию этого и следующего письма Кулаковского можно предположить, что письмо Фета, о котором идет речь, датируется 7 или 8 ноября.

[2] Сотрудничество Фета с Кулаковским не состоялось, так как Нагуевский вернулся к работе над второй частью «Энеиды», о чем сообщил Фету в письме от 18 ноября (см.: *Фет/Нагуевский*. С. 418; см. также вступит. статью).

[3] В библиографической заметке по поводу перевода первой части «Энеиды» Кулаковский высказал в отношении Нагуевского ряд серьезных профессиональных замечаний (см.: *Кулаковский. Энеида*. С. 289–293. Подробнее об этом см. во вступит. статье). В рецензии ученого-классика В. А. Алексеева также был высказан целый ряд серьезных замечаний, адресованных Нагуевскому, и высказано сожаление, что примечания, составленные им, «могли бы быть и обстоятельнее» (Пантеон литературы. 1888. Т. 1. Январь — апрель. С. 31).

[4] В письме Фета (неизв.) речь шла, вероятно, о примечаниях ко второй части «Энеиды» (кн. VII–XII), составленных им самим после конфликта с Нагуевским, имя которого было заявлено на титулах обеих частей «Энеиды» как составителя «объяснений». 21 ноября 1887 г. Фет сообщал Нагуевскому: «Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й <…>». И добавлял далее: «…ученое их достоинство есть уже роскошь, которою под гнетом отмеренного времени можно и не воспользоваться <…>» (*Фет/Нагуевский*. С. 420, 421). Нагуевский ответил 26 ноября 1887 г.: «К примечаниям прибавлю, если что-то понадобится <…>» (Там же. С. 422). Таким образом, примечания ко второй части «Энеиды» были составлены Фетом и только отредактированы Нагуевским, что не было отмечено на титуле второй части (см.: *Фет/Нагуевский*. С. 373–374).

3

27 ноября 1887 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Третья неделя идет с тех пор, как я получил Ваше письмо[1] с предложением лестного для меня участия в Вашей «Энеиде» и как послал я

свой ответ.[2] С тех пор я пребываю в неизвестности. Так как я не имею привычки прибегать к заказу своих писем, то иной раз, как вот и теперь, начинаю опасаться за их судьбу.

Ввиду возможности, что письмо мое не дошло до Вас (чего бы я, однако, не хотел предполагать), повторяю теперь о своей полной готовности с радостью принять в Вашем труде то участие, какое Вы найдете нужным. Если же бы случилось так, что Ваша размолвка с Нагуевским не повела к полному разрыву и предположенное Вами мое участие (которым я бы, конечно, очень дорожил) осталось в проекте, — то в таком случае прошу Вас верить, что нимало не буду в претензии и только желал бы скорее это знать. А то я теперь с каждым приходом почтальона все думаю об «Энеиде» и тягощусь неизвестностью. Я бы тогда спокойно ждал появления первой части в свет, чтобы приветствовать ее в каком-нибудь журнале.[3]

Свидетельствуя свое глубокое почтение Марии Петровне и Вам, остаюсь искренно преданный Юлиан Кулаковский.

27 ноября 87.
Киев.

На конверте: *Москва.*
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха. Собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 27 ноя<бря> 1887, Киев; 2) 29 ноя<бря> 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 5–6, конверт — л. III.

[1] См. п. 2, примеч. 1.
[2] См. п. 2.
[3] Кулаковский откликнулся анонимной рецензией в «Русском вестнике». См. п. 2, примеч. 3. Подробнее о ней см. во вступит. статье.

4

7 декабря 1887 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я получил Ваше письмо,[1] вероятно, как раз в то время, когда должно было попасть в Ваши руки мое письмо, в котором я предугадал содер-

жание Вашего ответа.[2] Так что мне теперь нечего прибавлять к изложенному. Мне тем удобнее будет писать о Вашей «Энеиде», что я стороннее здесь лицо, а написать несколько слов о Виргилии мне даже хочется,[3] так как, читая в этом году историю римской поэзии, гораздо больше вдумывался в предмет, чем как то бывало раньше, и восчувствовал уважение к Виргилию, которого прежде не имел. Спасибо за обещание новых «Вечерних огней»,[4] буду ждать их и «Энеиды» — и, судя по Вашему письму, полагаю, что ожидание это будет непродолжительно.[5] Этим я бы мог и закончить, но хочу прибавить несколько слов о нашем настоящем. Тяжелые слухи об университетских историях во всех университетах,[6] кроме нашего, тяготели над нами все последнее время, а с прошлой субботы явились какие-то ведомые начальству симптомы и[a] у нас. Чувствуется тревога и броженье, которые пока ничем не разразились, но очень беспокоят наши власти и вызывают разные профилактические меры. Одна из них — присутствие попечителя в Университете, каковое у нас бывает редко. В таких случаях ходит он и на лекции — вероятно, больше для того, чтобы пройти по коридорам и показаться студентам, как устрашающий фантом. Сегодня у меня была лекция от 10 до 11, и он был у меня, выслушав заключение изложения о Проперции и кое-что об Овидии. Скажите: Вы не пробовали переводить что-нибудь из Проперция, или же я этого только не знаю?[7] У Проперция есть очень хорошие вещицы, хоть он весь целиком мало заслуживает признания (если смотреть на него с общей точки зрения, ценить в нем поэта вообще, а не римского и притом данного времени).

Мы пока не теряем надежды, что наш Университет останется не задетым той волной, которая уже прошла по другим. Дай-то Бог! Университетское дело и так находится в тяжелом положении, и эти волнения могут сделать его еще печальнее. Вообще год заканчивается очень мрачно — но ведь и это будет тем запасом, из которого слагается «доброе старое время». — Это последнее замечание — невольная литературная реминисценция из первой части «Семейства Бухгольц». Помните прелестное место, как автор искал, куда деваются старые годы?[8]

С искренним уважением к Марии Петровне и Вам остаюсь предан ный Вам

Ю. Кулаковский.

7 декабря 87.
Киев.

---

[a] и — *вписано сверху.*

На конверте: *Москва.*
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 7 дек<абря> 1887, Киев; 2) 10 дек<абря> 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 7–8 об., конверт — л. IV.

[1] По всей видимости, письмо Фета следует датировать 30 ноября или 1 декабря 1887 г.

[2] См. п. 3.

[3] Рецензию Кулаковского см.: *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 289–293. См. п. 2, примеч. 3.

[4] Сборник, в который вошло 62 стихотворения Фета, вышел 16 января 1888 г. (ценз. разрешение: 18 ноября 1887 г.). См.: Вечерние огни. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. М., 1888.

[5] Первая часть «Энеиды» вышла в конце декабря 1887 г. (ценз. разрешение: 9 декабря 1887 г.). 26 декабря 1887 г. Фет писал Я. П. Полонскому: «Прилагаю при сем только что вышедшую из печати первую часть „Энеиды", а на днях вышлю и третий выпуск „Вечерних огней", еще не вышедших из типографии» (*Фет/Полонский*. С. 614; см. также: С. 623–624). Скорее всего, Кулаковский получил от Фета экземпляр первой части «Энеиды» также в конце декабря 1887 г., так как уже в январе 1888 г. откликнулся рецензией (см. примеч. 3 к наст. письму). Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. Вторая часть вышла 27 февраля 1888 г. См. п. 5, примеч. 11.

[6] В ноябре 1887 г. в Московском, Петербургском, Казанском и некоторых других университетах происходили студенческие волнения, вскоре подавленные; следствием этих беспорядков стала временная отмена занятий в ряде университетов (см.: *МВед*. 1888. 17 января. № 17. С. 5; Русское дело. 1888. 16 января. № 3. С. 10–11 — обзор мнений, высказанных в печати, по поводу причин возникновения студенческих беспорядков). Фет писал Нагуевскому 31 января 1888 г.: «…самые беспорядки вызваны были во всех высших учебных заведениях единовременно внешнею агитацией» (*Фет/Нагуевский*. С. 435).

[7] В это время Фет уже занимался переводом «Элегий» Проперция (см.: *ЖМНП*. 1888. № 5, 7–9; отд. изд. вышло в этом же году — Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888).

[8] Речь идет об известном романе немецкого писателя *Юлиуса Штинде* (Stinde; 1841–1905) «Семейство Бухгольц», опубликованном в приложении к «Русскому вестнику» (М., 1886). Вероятно, имеются в виду следующие рассуждения: «Но, что же в самом деле делается со старыми годами? куда-нибудь да должны же они деваться. Разумеется, справедливо, что с последним ударом двенадцати <…> они погружаются в волны забвения <…>. Но что делается со старыми годами, он (ученый) все же

объяснить мне не сумел. Вследствие этого я решился обратиться к поэтам, так как ведь это они заставляют старые года погружаться в волны забвения. <…> Но и поэты не знали, куда деваются старые годы <…>. Наконец я обратился с интересующим меня вопросом к одной милой, доброй старушке <…>. — Милый мой, отвечала она мне, — из старых годов составляется доброе старое время. Все они снова восстают в нашей памяти и делаются нашему сердцу гораздо милее прежнего. <…> Должно быть, это и в самом деле так, иначе откуда же возьмется доброе старое время, если не из старых, давно протекших годов?» (С. 91–93). Роман имел продолжение «Бухгольцы в Италии», вышедшее также в приложении к «Русскому вестнику» (М., 1887).

5

11 февраля 1888 г. Киев

11 февраля 88.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я еще не поблагодарил Вас за Ваш подарок. Ваши «Вечерние огни»[1] и теперь у меня пред глазами на моем письменном столе, где слева у меня «Faust»,[2] «Buch der Lieder»,[3] Хомяков[4] а с ними и дидотовский Виргилий.[5] Хоть они и называются «вечерние», но от них веет утром, прекрасным светлым утром, таким, как было недавно у нас пред глазами на последней передвижной выставке в картине Брюлова,[a,6] которая напомнила мне и один прекрасный уголок Вашего сада, который надеюсь еще повидать нынешней весною.[7] Вспомнил про эту картину и потому, чтобы, к слову, придраться к Вам за Ваше отрицание нашего редкого умения достигать высокого в живописи, хоть мы и не прошли через «Мадонну» Рафаэля.[8] (Помню я, как Вы об этом говорили, когда я Вас видал в первый раз у Соловьева зимою 84 года[9]).

Письмо Ваше от 5 февраля я получил. Приму к сведенью, обдумаю и постараюсь выразить то, на что Вы меня наводите.[10] Намерения своего написать маленький этюд о Виргилии по поводу Вашего перевода я не оставил, но отложил его выполнение до окончания Вашего труда, чтобы можно было повсюду цитовать Ваши стихи. Радуюсь извещению, что скоро буду находиться в обладании второй половины русской «Энеиды»,[11] но и смущаюсь этой близостью в то же время, ибо хотел бы, не откладывая до дальнейшего, исполнить то намерение, а в настоящее время я

---

[a] *Так в подлиннике.*

Письмо Ю. А. Кулаковского к Фету от 11 февраля 1888 г. Первая страница (*РГБ*)

подавлен текущей работой, и мысль поэтому далеко не настолько свежа, чтобы хорошо написать. А, конечно, хотелось бы, и даже признаю обязательным для себя о таком сюжете отзываться только в хорошей форме.[12]

Вы, вероятно, уже получили теперь «Рус<ский> вест<ник>» за январь и видели мою заметку.[13] Прибавлю, что на днях Модестов прислал мне номер «Новостей» от 25 января, где он уличает Нагуевского в том, что введение списано с его (Модестова) лекций.[14] Удивительный же он нахал этот г. Нагуевский и бесстыдный!

А в заключение просьба: нельзя ли мне узнать адрес Вашего племянника, который живет в Неаполе?[15] У меня есть там одно дело. Я пробовал писать, но ничего из этого не вышло; надо через кого-нибудь лично обратиться. Я бы его как бывшего лицеиста и попросил. Да и как его имя-отчество?

С глубоким почтением к Марии Петровне и Вам остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

На конверте: *Москва*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 12 фев<раля>, Киев; 2) 14 фев<раля> 1888, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 9–10 об., конверт — л. V.

[1] Кулаковский благодарит Фета за дарственный экземпляр вышедшего 16 января 1888 г. третьего выпуска сборника «Вечерние огни», который был приложен, по всей видимости, к письму поэта от 5 февраля 1888 г. (неизв.). Местонахождение этого экземпляра неизвестно. См. п. 4, примеч. 4.

[2] Трудно сказать, о каком, вероятно немецком, издании «Фауста» И.-В. Гёте идет речь. Одним из последних изданий было, например: Faust. Eine Tragödie von Goethe. Herausgegeben von Moritz Ehrlich. Mit Holz Schnitten nach Zeichnungen von Alexander Zick. Berlin, 1888. «Фауст» Гёте в переводе Фета, изданный А. Ф. Марксом в роскошном оформлении, вышел позже, в декабре 1888 г.

[3] Вероятно, имеется в виду немецкое издание «Книги песен» (Buch der Lieder) Г. Гейне, составившее первые два тома Сочинений поэта, изданных Эрнстом Эльсте-

ром: Heines Buch der Lieder nach den ersten Drucken oder Handschriften. Leipzig, 1887. Bd 1–2.

[4] Возможно, Кулаковский говорит о только что вышедшем издании: *Хомяков А. С.* Стихотворения. 4-е изд. М., 1888 (ценз. разрешение: 8 февраля 1888 г.). Первое изд. — М., 1861.

[5] Скорее всего, речь идет о каком-то издании Вергилия, возможно «Энеиды», выпущенном типографской фирмой «Didot», вероятно с «дидотовским шрифтом», названном так по имени Фирмена Дидо (Didot; 1764–1836), гравера, представителя династии типографов и бумажных фабрикантов, усовершенствовавшего форму шрифта для будущих изданий in-folio Вергилия, Горация и др. Для этого шрифта характерна сильная контрастность линий по толщине между основными и соединительными штрихами. Переводил «Буколики» Вергилия (Paris, 1806). Едва ли Кулаковский говорит об этом антикварном издании (об издательской фирме Didot см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893. Т. X[a]. С. 580).

[6] Очевидно, имеется в виду картина «Утро» *Павла Александровича Брюллова* (1840–1914), живописца, в основном, пейзажиста. Кулаковский мог ее видеть на XV Передвижной выставке картин Товарищества передвижных художественных выставок, проходившей в феврале — апреле 1887 г. в Петербурге и Москве и в августе 1887 г. в Киеве (см.: Каталог XV Передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. СПб., 1887. С. 3. № 16; см. также: М., 1887; Киев, 1887). Сведениями о нахождении ученого в Петербурге и Москве в феврале — апреле 1887 г. не располагаем. Скорее всего, Кулаковский был на выставке, проходившей в Киеве, так как с конца января по начало июля 1887 г. находился в Италии в научной командировке (см.: *Пучков*. С. 70, 72). Не исключено, однако, что речь идет о картине П. А. Брюллова «Заря», демонстрировавшейся на XIV выставке передвижников, проходившей, помимо Петербурга и Москвы (март — май 1886 г.), также и в Киеве (август 1886 г.) — см.: Каталог XIV-й Передвижной выставки картин Товарищества передвижных художествен<ных> выставок. СПб., 1886. С. 2; о посещении киевской выставки 1886 г. и о выставленном на ней портрете Вл. Соловьева работы И. Н. Крамского (1885) говорится в письме Кулаковского к Т. Д. Флоринскому от января 1887 г. (см.: *Пучков*. С. 29), что, впрочем, не исключает и того, что ученый посетил и «недавнюю» XV выставку передвижников в Киеве, на которой мог видеть картину П. А. Брюллова «Утро».

[7] Кулаковский был гостем Фета в Воробьевке неделю в самом начале июня 1888 г.

[8] Фет на протяжении всей жизни благоговейно относился к творчеству Рафаэля и особенно к его «Сикстинской Мадонне», восторженные впечатления от которой после посещения Дрезденской галереи (1856) он описал в очерках «Из-за границы»: «Когда я смотрел на эти небесные, воздушные черты, мне ни на мгновение не приходила мысль о живописи или искусстве; с сердечным трепетом, с невозмутимым блаженством я веровал, что Бог сподобил меня быть соучастником видения Рафаэля. Я лицом к лицу видел тайну, которой не постигал, не постигаю и, к величайшему счастию, никогда не постигну. <…> Разве это картина? разве это сочинено? <…> Из галереи я вынес неподдельный восторг и счастье, которого уже не утрачу в жизни. После этого, разумеется, мне не хотелось смотреть на другие картины <…>» (*Фет.*

ССиП. Т. 4. С. 33–34). Позже, посетив Лувр и увидев другие картины Рафаэля, Фет вернется к этой теме: «Но перед всеми этими картинами вы наслаждаетесь еще сознательно, а перед дрезденской Мадонной ум переходит в зрение и отказывается служить» (Там же. С. 76). Далее Фет развивает свою теорию о существовании в художественном мире двух идеалов — явлений будничных, возможных, т. е. типов, и невозможных, в которых «все — совершенство». Такой идеал «достижим для немногих избранников. Того не подсмотрит, не изучит никакой гениальный взор, чего нет в природе и чего, между тем, так безумно жаждет душа. <…> Вот торжество искусства над дагерротипом. Дагерротип — зеркало природы, картина — зеркало той же природы, отраженной в магической, осмысленной призме человеческого духа» (Там же. С. 76–77). Вероятно, полемика с Кулаковским, возникшая в доме Соловьева, развивалась Фетом в русле этих рассуждений. Дрезденской «Мадонне» Рафаэля Фет посвятил стихотворение «Вот сын ее! — он тайна Иеговы…» («К Сикстинской Мадонне»).

[9] *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) — философ, публицист, поэт, переводчик, познакомился с Фетом в 1881 г., был дружен с поэтом до конца его жизни и состоял с ним в переписке.

[10] Вероятно, в письме от 5 февраля Фет, ознакомившись с вышедшей в январской книжке краткой библиографической заметкой Кулаковского о первой части «Энеиды» (см. примеч. 14 к наст. письму), просил ученого откликнуться более обстоятельной рецензией на весь перевод «Энеиды» и напомнил, что Кулаковский собирался написать на издание «маленький этюд». Намерение это не осуществилось. Подробнее см. во вступит. статье.

[11] Вторая часть вышла 27 февраля 1888 г.: Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть вторая. VII–XII. М., 1888 (ценз. разрешение: 15 февраля 1888 г.). Ф. Е. Корш в письме к Фету от 27 февраля 1888 г. пишет: «…Вам искренняя благодарность за „Энеиду“: с большим удовольствием прочел, что Эней отправил Турна, куда следует (а Вы расстались с Нагуевским)» (*Письма к Коршу*. С. 220).

[12] Подробнее об этом во вступит. статье.

[13] См.: <*Кулаковский Ю. А.*> Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета… Часть первая. I–VI. М., 1888 // *РВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 289–293 (отд. «Новости литературы»).

[14] По выходе первой книги «Энеиды» в переводе Фета в издании «Новости и Биржевая газета» была опубликована обширная статья профессора-классика В. И. Модестова, озаглавленная «Г-н Фет и г. Нагуевский», основное содержание которой свелось к обвинению Нагуевского как автора «Введения» и примечаний в плагиате из «Лекций» Модестова, в якобы неправильном написании «Вергилий» вместо «Виргилий» и др. Аттестуя Фета как «очень пожилого и болезненного» человека, Модестов, кроме того, намекнул на якобы нерусское его происхождение. См.: Новости и Биржевая газета. 1888. 25 января. № 25. С. 2. На «безобразную статью» Модестова Фет откликнулся полемической заметкой: *Фет А.* Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости». № 25) // *МВед*. 1888. 5 февраля. № 36. С. 6. Подробнее об этом см.: *Фет/Нагуевский*. С. 374–376.

[15] Речь идет, возможно, о племяннике Фета *Петре Ивановиче Борисове* (1858 — 25 марта 1888), с которым Кулаковский встречался, вероятно, в Лицее цесаревича

Николая при Московском университете (Катковский лицей), работая там по окончании Лицея и университета в качестве преподавателя латыни (1876/77 уч. год) и тутора (1875–1878). Борисов учился в Лицее с 13 августа 1868 по июнь 1876 г., окончив курс с золотой медалью, был студентом историко-филологического факультета Московского университета (1876–1879) (см.: Историческая записка имп. Лицея в память цесаревича Николая за XXX лет (1868–1898). М., 1899. С. 187, 195, 416, 418, 575; Календарь имп. Лицея в память цесаревича Николая на 1894/1895 учебный год. М., 1894 (Сер. II. Год I). С. 341, 377). В заграничной командировке, установленной для лиц, готовящихся к профессорскому званию, Кулаковский находился с января 1878 по осень 1880 г. (университеты Бонна, Берлина и Тюбингена). Борисов, командированный «с ученой целью» за границу, учился в Йенском (с апреля 1880 по август 1881 г.) и Берлинском (с сентября 1881 по февраль 1882 г.) университетах. В письме к Фету от 23 мая 1880 г. Борисов писал из Йены: «…из наших теперь за границей еще двое — Судейкин (политикоэконом и финансист) <…> и Кулаковский (римский историк) в Тюбингене. <…> Кроме желания увидеться с товарищами после многих дней (относ<ительно> Кулаковского) и годовой (относ<ительно> Судейкина) разлуки — меня тянуло и стремление ознакомиться и с молодой русской интеллигенцией (в лице их) — которой до сих пор я был совершенно чуждым. И мои ожидания оправдались. Кроме самого сердечного и дружеского приема я нашел живых, много начитанных и много думавших людей <…>. Кроме того увидал через них, что как ни бедно наше просвещение, однако умственные движения и интересы все-таки в студенческой среде существуют — а это уже много. (Между прочим к слову: Кулаковский хорошо знает Владимира Соловьева). <…> есть любовь к делу и живые интересы — а это, по верным словам Кулаковского, главное. <…>

Внешняя история моя за это время следующая: в воскресенье я проехал в Баден-Баден, в понедельник подъехал Кулаковский из Тюбингена, и мы с ранцем, попеременно носимым за плечами, отправились в Шварцвальд <…>. Кулаковский, много ездивший по Европе и теперь только что вернувшийся из Италии (а у него всего только средств, что стипендия — 1500 р., и с этим он все-то умеет делать — конечно роскоши себе не позволяет и не щеголяет галстуками!) <…> от рассказов о московских профессорах или выдающихся студентах и магистратах мои товарищи переходили к разбору той или другой новой книги, рассказывали ту или другую черту жизни Павла Михайловича или Михаила Никифоровича (Леонтьева и Каткова. — *С. И.*) — потом приходили на очередь наши лицейские воспоминания, потом опять обсуждалось то или другое новое сочинение <…> и наконец Кулаковский, по поводу того или другого слова или вида, вспоминал Италию, откуда только что вернулся <…> (он привез много прелестных и очень дешевых римских фотографий) — и музеи, в которых

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядаемой красой.

(Ты это писал, если не ошибаюсь, о не-италь<янской> Венере — но Кулаковский говорит, что многие итальянские напоминают эти слова. <…>» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6.

№ 13. Л. 27–30 об.). За предоставление копии этого письма искренне признательна И. А. Кузьминой.

Судейкин Власий Тимофеевич (1857–1918) — экономист, публицист, педагог, сенатор. Окончил Лицей в память цесаревича Николая (1876 — см.: Историческая записка имп. Лицея. С. 470, 613; Календарь имп. Лицея. С. 377) и юридический факультет Московского университета (1879). Слушал лекции в Берлине, Фрейбурге и Лондоне. Учился с Петей Борисовым в одном классе Лицея, на одном курсе университета, встречался с ним за границей, состоял в переписке (1880–1886; см.: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 32). Позже Судейкин читал в Петербургском университете лекции по истории финансов в России и по финансовому праву. Занимал различные должности в министерстве финансов; был одним из авторов словаря Брокгауза и Эфрона. Расстрелян большевиками в 1918 г.

Не исключено, что Борисов мог общаться с Кулаковским не только в Лицее и Московском университете, но и в Берлине в апреле 1880 г., куда заезжал по дороге в Йену, поэтому писал Фету, что встретился с Кулаковским «после многих дней» разлуки.

Борисов цитирует стихотворение Фета «Венера Милосская» (1856), написанное во Франции непосредственно после посещения Лувра: «Перед нами *Венера Милосская*. Статуя отыскана на острове Милосе в 1820 году <…>. Ни на чем глаз не отыщет тени преднамеренности; все, что вам невольно поет мрамор, говорит богиня, а не художник» (*Фет. ССиП*. Т. 4. С. 72–73; 451–452 — коммент. И. С. Абрамовской и Н. П. Генераловой при участии Е. П. Дерябиной и В. А. Лукиной).

Очевидно, речь идет о племяннике Фета художнике Федоре Вл. Боткине (1861–1905), также лицеисте (1871–1872), находившемся в Италии в 1887–1889 гг. (указано И. А. Кузьминой).

6

11 марта 1888 г. Киев

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Получил я вторую часть «Энеиды», прочел ее, а все не собрался поблагодарить Вас за подарок.[1] Отчасти замедлил потому, что как-то не верится, что Вы так рано перекочевали из Москвы, а Вы написали, чтобы туда направлять к Вам письма после 1 марта.[2]

Если Вы, в самом деле, уже ждете весны в Вашей Воробьевке, то шлю Вам привет с приездом и искреннее пожелание скорейшего наступления весны, которая у нас тут было появилась, да и опять уступила место зиме. Наскучили уже эти снега и холода, да и время им проходит.

Спасибо за адресы Ваших племянников,[3] но я ими не пользовался, так как мое дело — для которого я хотел к ним прибегнуть — в Неаполе; да впрочем, за текущими занятиями я оставил тот план, который я так давно держал и к неосуществлению которого повела неисполнитель-

ность неаполитанского фотографа. Дело шло о клише помпейских видов для электрического света.[4]

Пока не сочиню чего-нибудь о Виргилии, буду считать себя должником перед собственною совестью,[5] но, к сожалению, такое состояние должно продлиться, ибо пока совсем нет свободы голове для того, чтобы сочинять другое, помимо необходимого. Нехорошо, когда свободы такой нет, но подчас оно много лучше, чем если ее много. Разумею Владимира Сергеевича. Как жаль, что он написал свою статью в «Вестнике Европы».[6]

А пока — до свидания — остаюсь с чувством глубокого уважения к Марии Петровне и Вам остаюсь <так!> преданный Вам

Ю. Кулаковский.

11 марта 88.
Киев.

На конверте: по Московско-Курской жел<езной> дор<оге>,
станция *Коренная Пустынь*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В селе Воробьевке.

Почтовые штемпели: 1) 12 мар<та> 1888, Киев; 2) 13 мар<та> 1888, Коренная Пустынь Курск<ой> г<уб>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 11–12 об., конверт — л. VI.

[1] Вторая часть «Энеиды» вышла 27 февраля 1888 г. (ценз. разрешение: 15 февраля). См. п. 5, примеч. 11. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

[2] В 1878–1892 г. Феты, как правило, с 1 марта по 1 октября проводили в Воробьевке.

[3] См. п. 5, примеч. 15.

[4] Имеются в виду, вероятно, слайды. Ранее Кулаковский в рецензии на монографию немецкого исследователя Августа Мау (Mau), посвященную помпейским фрескам, одним из первых дал русскому читателю представление об этом виде античной живописи как художественном явлении (см.: *Кулаковский Ю. А.* Помпейская стенная живопись // Университетские известия. Киев, 1883. № 12. С. 391–398; см. также: *Пучков*. С. 96–97).

[5] В краткой рецензии на первую часть «Энеиды» Кулаковский пообещал «вернуться» к разговору о Вергилии и переводе Фета (*Кулаковский. Энеида*. С. 292); однако отдельной статьи об «Энеиде» ученый так и не написал, замысел этот час-

тично реализовался в статье Кулаковского, приуроченной к юбилею Фета. См. об этом во вступит. статье.

[6] Речь идет о статье Вл. Соловьева «Россия и Европа» (*ВЕ*. 1888. № 2, 4), которая была посвящена разбору книги Н. Я. Данилевского, переизданной Страховым (3-е изд. СПб., 1888) и направленной против его теории о «замкнутых культурно-исторических типах» и особом «русско-славянском типе», обладающем «своей особенной наукой, философией, литературой и искусством». Страхов ответил Соловьеву статьей «Наша культура и всемирное единство» (*РВ*. 1888. № 6). Между Соловьевым и Страховым завязалась длительная полемика, включившаяся в давний спор западников и славянофилов (подробнее см.: *Фет/Страхов*. С. 452).

7

11 мая 1888 г. Киев

3 мая 88.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Вернувшись только что из Варшавы (где я провел десять дней в семье брата[1]), нашел я Ваше письмо от 29 апреля. Спасибо Вам за доброе внимание к моей книге.[2] Направил я ее к Вам без письма, хоть и следовало отозваться на Ваше письмо от 27 марта, потому что я тогда предполагал возможность близкого свидания. Дело в том, что я надеялся, что в Москве устроят мне в мае месяце диспут. Я подал ее в качестве диссертации. Но в Москве факультетские дела в таком странном положении, что я до сих пор не знаю и того, доложено ли мое прошение. В Варшаве получил я письмо от Иванова,[3] из которого я узнал, что о диспуте в мае нечего и думать: он сам слишком занят, а у Герье[4] приключилась болезнь (брюшной тиф), другие филологи — кроме Иванова — все в отпуску или командировке. Это — частное сообщение, а об официальной постановке дела я так-таки ничего не знаю, не знаю и того, принимают ли они мою книгу в качестве диссертации. — Если бы я мог[a] предвидеть, как странно стоят дела в факультете московском, то и не обращался бы туда, обращаться теперь в другие университеты уже поздно, и приходится отложить дело до осени, когда и для меня самого все[a] вопросы, задетые в моей книге, потеряют свежесть.

Радуюсь очень, что «Aulularia» уже существует в русском переводе.[5] Надеюсь услышать ее в Вашем чтении, так как я непременно хочу побы-

---

[a] *Далее зачеркнуто:* это

вать в Воробьевке.[6] Пока еще не могу ничего сказать о времени своего посещения: у меня еще нет определенного плана на лето.

Я Вам сердечно благодарен за сообщение касательно Соловьева. Жаль мне его. Ведь он человек с гениальностью и проходит так бесплодно.[7] — Что до моих суждений о его книге в разговоре с Хитровым[8] (это было на балу у Боткиных[9]), то я на заявления Хитрова о его восторге по поводу «Теократии»,[10] говорил только, что мне «*жаль*, что *Соловьев* ее написал», и подивился, что Хитров — сам историк — допускает возможность такой некритической трактовки исторических вопросов. Если встречусь с Соловьевым, то постараюсь рассеять недоразумение — впрочем, если замечу, что это возможно. Но вряд ли скоро встретимся, а письменных сношений у меня с ним нет: он не отвечал мне на письмо мое, которым я отозвался на его книжку и у меня нет повода писать ему.[11]

Низко кланяюсь Марии Петровне и Вам.

Искренно преданный Ю. Кулаковский.

На конверте: по *Московско-Курской ж<елезной> д<ороге>*,
станция *Коренная Пустынь*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В имении Воробьевке.

Почтовые штемпели: 1) 4 мая 1888, Киев; 2) 5 мая 1888, Коренная Пустынь Курск<ой> г<уб>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 13–14 об., конверт — л. VII.

[1] Старший брат Кулаковского *Платон Андреевич Кулаковский* (1848–1913) — лектор русского языка в Варшавском университете (с 1884 г.), позже получил степень доктора славянской филологии и стал профессором того же университета (1892), известный историк и филолог-славист, общественный деятель, активный участник славянского движения, редактор газеты «Варшавский дневник» (1886–1892), главный редактор «Правительственного вестника» (1898–1905); редактировал петербургскую газету «Окраины России». Многочисленные статьи по славяноведению публиковались в «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Журнале Министерства народного просвещения», «Новом времени», «Руси» (Аксакова) и др. См.: *Грот К. Я.* 1) П. А. Кулаковский. СПб., 1914; 2) П. А. Кулаковский // *ЖМНП*. 1914. № 3. С. 8–53 (Отд. совр. летописи); Б. п. Кулаковский П. А. <Некролог> // *ИВ*. 1914. Т. 135. № 2. С. 760–762.

[2] Речь идет о докторской диссертации Кулаковского, изданной в марте отдельной книгой «К вопросу о начале Рима» (Киев, 1888), подаренной Фету и получившей его одобрение (см.: *Пучков.* С. 73; *Фет/Полонский.* С. 676). Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

[3] Речь идет о *Гаврииле Афанасьевиче Иванове* (1826–1901), профессоре римской словесности в Московском университете, учителе Кулаковского.

[4] *Герье Владимир Иванович* (1837–1919) — историк, общественный деятель, профессор всеобщей истории Московского университета (с 1868 г.).

[5] Комедия Плавта была издана позже, в 1891 г. (ценз. разрешение: 1 декабря 1890 г.).

[6] Вероятно, Фет пригласил Кулаковского в Воробьевку, так как в самом начале июня 1888 г. ученый неделю гостил у Фета в поместье. См. п. 8 и примеч. 7 к нему.

[7] Э. Л. Радлов вспоминал о другом конфликте между ними, «когда дело касалось людей, заподозренных в недоброжелательстве к катковскому направлению, осуждаемый Соловьевым прием, т. е. неподавание руки, пускался им в ход. Таково было, напр., его отношение к Ю. А. Кулаковскому, который чем-то досадил М. Н. Каткову» (*Лукьянов С. М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии: В 3 кн. М., 1990. Кн. 3. Вып. 2. С. 65. Прил. к репринт. изд.). В университете Кулаковский слушал лекции Соловьева. В январе 1887 г. после прочтения публичной актовой речи «Поэма Люкреция „О природе“» Кулаковский писал Т. Д. Флоринскому: «Речь моя в том виде, как я ее произносил, появится в „Киевлянине“, а в „<Университетских> известиях“ отпечатаю <ее> целиком, как написано, и прибавлю <…> посвящение Соловьеву Владимиру, портрет которого на передвижной выставке, гостившей у нас, вдохновлял меня, заставляя переживать в воспоминании обаяние его первой лекции в Москве в январе 1875 года. Содержание лекции имеет отношение к философии, оно и кстати украсить его именем брошюру листа в два» (цит. по: *Пучков.* С. 29); однако посвящения ни в публикации речи в «Университетских известиях», ни в отдельном издании не последовало (см.: Университетские известия. 1887. № 1. С. 1–38; отд. изд. — Киев, 1887). Катков умер 20 июля 1887 г., и Кулаковский произнес или намеревался произнести на его похоронах надгробную речь «Великий подвижник за русскую землю» (рукопись; *ЦГИАУ.* Ф. 264. Оп. 1. № 21. Л. 3–3 об.; см. также: *Пучков.* С. 30), а в конце августа 1887 г. дружески общался с Соловьевым в Воробьевке (см. вступит. статью). Скорее всего, разлад в их отношениях наступил весной 1888 г. и был вызван идеями Соловьева, изложенными в его статье «Россия и Европа» (*ВЕ.* 1888. № 2, 4), посвященной разбору книги Н. Я. Данилевского, а также книге «Теократия» (см. примеч. 13 к наст. письму). Не исключено, что речь о Лукреции Кулаковский подарил не только Полонскому, о чем упоминает в письме к нему от 3 октября 1888 г. (*ИРЛИ.* № 12180. Л. 1), но и Фету; местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

[8] Имеется в виду *Хитров Михаил Иванович* (1851–1899) — духовный писатель, по окончании историко-филологического факультета Московского университета (1876) защитил магистерскую диссертацию в Московской духовной академии, сотрудничал в журнале «Странник» и других духовных изданиях, помещая в них очерки из истории христианской церкви; руководил печатанием некоторых творений святителя Феофана Затворника; преподавал в гимназиях русский язык и историю. Блестяще владел древними и новыми языками. В 1895 г. был рукоположен

Протоиерей М. И. Хитров

в сан диакона и следом в сан иерея. Основные труды: Ориген: Биографический очерк. СПб., 1878; Святой Алексей, человек Божий: Повесть из истории христианской церкви конца IV века. М., 1890; Святой Благоверный великий князь Александр Ярославич Невский: Подробное жизнеописание. М., 1893. Подробнее о нем см.: *Никон, архимандрит*. На добрую память о незабвенном сотруднике // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 2. № 6. С. 336–355; отд. отт. — М., 1899.

С Хитровым Фет познакомился в доме Д. П. Боткина, вероятно, 18–21 августа 1880 г.: «Обедал у Боткина с их учителем гимназии (Хитров), — писал Фет Л. Н. Толстому 23 августа 1880 г., — и, жаль, не знал, что он автор лежавшей в кабинете монографии *Ориген*, которую я отчасти прочел и кот<орая> написана горячо и толково» (Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому / Публ. и коммент. Т. Г. Никифоровой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 89). А в одном из следующих писем от 29 января 1881 г., описывая свой догматический спор с Хитровым, Фет замечает, что он «магистр богословия и приятель Соловьева, а дает уроки Боткиным мальчикам. Это действительно хорошо образованный человек, но ортодокс до мозга костей. Как странно, что эти господа опираются на такие гнилые палки, как дурацкое учение о прогрессе человечества и тому подобной гегельятине <…>. Тем не менее, все эти

господа, т. е. Соловьев, и Хитров, и Страхов собираются погостить в Воробьевке летом» (Там же. С. 93; см. также коммент. на с. 94). Хитров был домашним учителем не только детей Д. П. Боткина, но и М. С. Соловьева, брата Вл. С. Соловьева, и до конца сохранил дружеские отношения с домом Соловьевых (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 86); следует отметить, что в издании: *Фет. ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 94 Хитров ошибочно указан как учитель детей С. М. Соловьева.

25 января 1881 г. Фет пишет Пете Борисову: «Познакомился я с одним учителем гимназии *Хитровым*, магистром богословия, замечательной эрудиции». И далее, имея в виду теологические споры с ним, добавляет: «Хитров хочет при помощи Соловьева припереть меня к стене» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 41. Л. 1 об.). Споры, вероятно, были жаркие. На письме Фета к Вл. Соловьеву от 10 июля 1892 г. брат философа Михаил сделал приписку: «Во время спора с М. И. Хитровым и Говорухою-Отроком и защиты ими христианства Фет вскочил, стал перед иконою и, крестясь, произнес с чувством горячей благодарности: „Господи Иисусе Христе, Мать Пресвятая Богородица, благодарю Вас, что я не христианин“» (см.: *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 449). Хитров был корреспондентом Фета (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 25).

[9] Имеются в виду балы у Дмитрия Петровича Боткина (1829–1889) и его жены Софьи Сергеевны (урожд. Мазурина; 1840–1889) в их доме на Покровке (ныне Покровка, 27).

[10] Речь идет о сочинении «История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни» (Загреб, 1887. Т. 1), задуманном Соловьевым как обширное историческое, богословское и философское исследование в трех томах, однако написан был только первый том «Теократии», в котором содержалась философия библейской истории. Второй и третий тома («Философия церковной истории» и «Задачи теократии») так и не были изданы. Часть второго тома, для которого Соловьев собрал большой материал, вошла вскоре в его книгу «Россия и вселенская Церковь», по цензурным условиям изданную во Франции на французском языке (La Russie et l'Eglise universelle. Paris, 1889). Ранее также во Франции была издана брошюра «Русская идея» (L'idée russe. Paris, 1888). В этих сочинениях Соловьев последовательно развивает идею о вселенской Церкви, соединении Востока и Запада, православия и католичества в «священную империю», в которой церковная сторона должна быть представлена римским первосвященником, руководству которого вверяет себя русский православный царь — мирская власть; и эта двуединая власть должна сообразовываться с духом свободы, выразителем и защитником которой становится пророк — третье лицо «земной троицы» (см.: *Гальцева Р., Роднянская И.* Просветитель: личная участь и жизненное дело Владимира Соловьева // Лукьянов С. М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 2. С. 330–331). Об отношении Фета к этой книге см. его письмо к К. Р. от 10 января 1892 г.: *Фет/К. Р.* С. 940.

[11] Местонахождение письма Кулаковского к Соловьеву неизвестно. «Книга моя (первый том „Истории теократии“), — писал 20 июня 1887 г. из Воробьевки Соловьев о. Мартынову, — подверглась полнейшему секвестру. <…> Даст Бог, не пропаду вконец от греко-российского тупого кулака» (*Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 24). 15 (27) июля 1888 г. Соловьев, опасаясь официальных гонений, писал Фету из Па-

рижа: «Из России мне пишут про разные вздорные сплетни в газетах на мой счет. <…> как бы не вышло какого-нибудь затруднения с возвращением моим из-за границы» (см. переписку с Соловьевым в наст. томе. С. 404).

8

2 октября 1888 г. Киев

2 октября 88.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Не далее как вчера утром проезжал я неподалеку от Вашей Воробьевки и различал не без Sehnsucht[a] горб Вашего прекрасного парка, что склоняется к тихому Тускеру.[1] В руках у меня был номер «Московских ведомостей» с статьей о Соловьеве, где провозглашена отходная нашему столь богато одаренному и так бесплодно гибнущему русскому человеку.[2] В прошлом году, когда мы с ним гуляли по Вашему саду и Вашим полям,[3] он был уже на дороге к погибели, но можно было еще надеяться, а теперь, увы — он уже оттолкнулся от нашего берега и никто и ничто его не вернет. — Ужасно мне за него больно и обидно. Одолел его грех самомнения и гордыня мышления.

На станции Коренная Пустынь узнал я, что Вы с неделю, как уехали в Москву,[4] а приехав сюда, нашел я всего Плавта[5] и номер «Киевской старины».[6] И стало мне совестно, что я так долго молчал и до сих пор не поблагодарил Вас за так приятно проведенную неделю в начале июня в Вашей Воробьевке.[7] Причиной моего молчания было сначала полное недоумение на Кавказе. Я ожидал найти Кавказ на водах, куда проехал прямо от Вас, и не нашел там ничего. В заботах о ваннах в Железноводске потянулось время ровно и как-то очень тихо и просто. Потом я переехал в Кисловодск, затем пытался проехать на юг, но по случайным обстоятельствам остался на северном склоне Кавказа и через Новороссийск пробрался в Крым. Старался вообще ничего не делать и ни о чем не думать, так как я за прошлое полугодие сильно устал и вообще очень скверно себя чувствовал. По возвращении сюда в конце августа получил, наконец, весть о том, что диссертация моя принята в Петербурге,[8] воротился мыслями к ней, а тут начало семестра и всегда

---

[a] тоски (*нем.*).

Уголок парка в Воробьевке.
Фотография С. Д. Боткина из альбома «Воробьевка» (*ИРЛИ*)

трудно дающиеся вначале лекции. Уезжая из Киева 17 сентября, я еще мечтал на обратном пути явиться к Вам и напомнить о себе лично, но и это не удалось. Отпуск был у меня самый краткий, да и надо было спешить домой, так как с 28 сентября у нас гостит министр.[9]

В Петербурге я очень много мыкался из конца в конец, вспоминал я часто «Кузнечика»,[10] но не решался разыскать его, так как от него же слышал жалобы на обилие знакомых и посещений. Оказалось, однако, что тот сам меня вспомнил и разыскивал мой адрес. Тогда я явился к нему — и повидался уже в день отъезда;[11] нашел я его бодрее и сильнее, чем каким он был в Воробьевке. — В Москве я остановился только два часа между поездами, случайно виделся с Гротом,[12] который не знал еще, что Вы уже вернулись. Что поделывают Персий[13] и Плавт, а быть может, и еще кто-нибудь? Воспоминания Ваши в «Р<усском> в<естнике>» я читал по возвращении сюда и жду их продолжения.[14]

Простите мое долгое молчание и не наказывайте его отплатой.[15]

Шлю свой сердечный привет Марии Петровне и Вам и остаюсь

всегда преданный Ю. Кулаковский.

На конверте: *Москва.*
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха.
Собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 3 окт<ября>, Киев; 2) 5 окт<ября> 1888, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 15–16 об., конверт — л. VIII.

Фрагмент письма опубликован: *Фет/Полонский*. С. 679.

[1] *Тускарь* — река в Курской губ., протекающая через Воробьевку, правый приток Сейма.

[2] Речь идет о редакционной статье без подписи и заглавия, посвященной разбору двух брошюр, которые были изданы Вл. С. Соловьевым в Париже на французском языке — «Русская идея» и «Россия и Вселенская церковь». Излагая взгляды Соловьева, автор статьи писал: «Трудно себе представить, сколько слепой, фанатической ненависти выражено, сколько голословных обвинений против Православной России нагромождено» здесь. И далее, цитируя Соловьева: «*Дух истины*, *покинул русскую православную церковь*, а потому она уже *не может быть истинною церковью* Господней». «…Мы, русские <…> не хотящие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине, *не можем быть и не должны называться христианами*». В статье последовательно подверглась критике сущность «русской идеи» Соловьева, согласно которой (в изложении автора статьи) Россия «должна осуществить на земле царство Св. Троицы: роль *Отца* должен принять на себя Папа Римский <…> роль *Сына* — русский царь <…> роль *Духа Святого* выпадет на долю „Пророков“, то есть на долю г. Соловьева и ему подобных», который в настоящее время «принялся усердно сотрудничать в иезуитском органе „Univers“, направляя все свои статьи к тому же возвеличиванию папизма и уничтожению Православной Русской Церкви» (*МВед*. 1888. 29 сентября. № 271. С. 2; в оглавлении статья называется «Москва, 29 сентября: Новоявленный пророк». См также статью «Ответ Dr. Владимира Геттэ В. С. Соловьеву» о несостоятельности догматических построений философа: Там же. 5 октября. № 276. С. 3–4).

[3] Кулаковский гостил в Воробьевке три дня, вероятно с 23 по 26 августа 1887 г. Вл. Соловьев — с середины апреля по конец сентября 1887 г.

[4] В 1878–1892 гг., как правило, с 1 марта по 1 октября Феты жили в Воробьевке.

[5] Скорее всего, речь идет о посланной Кулаковскому для прочтения рукописи фетовского перевода комедии Плавта «для сцены», так как издание состоялось позже, в 1891 г. 28 ноября 1888 г. Фет писал Ф. Е. Коршу «Мне предлагают поставить „Aulularia“ в моем рифмованном переводе на сцену <…>» (см.: *Письма к Коршу*. С. 221). О получении рукописи перевода для Театрально-литературного комитета писал Фету 22 ноября 1888 г. Д. В. Григорович (см. об этом во вступит. статье).

Позже Кулаковский напишет хвалебную рецензию на фетовское издание Плавта (см.: *Кулаковский. Aulularia*. С. 917–928).

[6] Имеется в виду киевское издание: Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Никаких материалов ни самого Кулаковского, ни имеющих отношение к Фету, в ближайших по времени номерах журнала за сентябрь и октябрь 1888 г. (Т. 22, 23) не публиковалось.

[7] 13 июня 1888 г. Кулаковский писал И. В. Помяловскому из Железноводска: «Добрался я сюда 11 числа, погостив по дороге несколько дней у Фета (Шеншина) близ Коренной Пустыни» (*РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 55 об.).

[8] 25 сентября 1888 г. Кулаковский защитил докторскую диссертацию «К вопросу о начале Рима» в Петербургском университете. В качестве диссертации была представлена книга (Киев, 1888). 28 сентября 1888 г. Полонский писал Фету: «В прошлое воскресенье в Университете Кулаковский защищал свою диссертацию. — Я не знал и не попал на диспут, где он здесь остановился, не знаю, иначе бы поздравил его с званием Доктора. Если найду вчерашнюю газету, то вырежу для тебя отчет об этом диспуте» (*Фет/Полонский*. С. 675–676). В опубликованном отчете говорилось: «Сегодня, в воскресенье, 25 сентября, в 1 час дня <…> профессор Университета св. Владимира Юлиан Андреевич Кулаковский <…> защищал диссертацию под заглавием „К вопросу о начале Рима“, представленную им для получения степени доктора римской словесности». Официальными оппонентами выступили профессора Ф. Ф. Соколов и Ф. Ф. Зелинский. В заключение диспута декан историко-филологического факультета ординарный профессор И. В. Помяловский «объявил диссертанту, что факультет признал его достойным получения искомой степени доктора римской словесности» (Диспуты в С.-Петербургском университете // *НВр*. 1888. 26 сентября. № 4518. С. 2–3). См. также примеч. 2 к п. 7.

[9] Имеется в виду *Иван Давыдович Делянов* (1818–1897/98) — министр народного просвещения с 1882 г. Отчет о его пребывании в университете св. Владимира в Киеве см.: *МВед*. 1888. 3 октября. № 274. С. 3–4.

[10] Речь идет о Я. П. Полонском, за которым после его знаменитой поэмы «Кузнечик-музыкант» (1859; отд. изд.: Кузнечик-музыкант. Шутка в виде поэмы. С добавлением некоторых стихотворений за последние годы. СПб.,1863) среди друзей закрепилось это прозвище, что, однако, его обижало (см.: *Фет/Полонский*. С. 788, 790). 18 февраля 1889 г. Фет называет Полонского этим прозвищем: «…я сердечно порадовался, что помимо всяких связей ты представляешься Наследнику Цесаревичу и сидишь на домашнем придворном спектакле в качестве „Кузнечика-музыканта“» (Там же. С. 717).

В начале июня 1888 г. Полонский и Кулаковский одновременно гостили у Фета в Воробьевке. Полонский в письме к Фету от 14 июня 1888 г. писал: «…рад, что побывал у тебя, узнал <…> твоего гостя г. Кулаковского» (*Фет/Полонский*. С. 649, 651).

[11] 8 октября 1888 г. Полонский сообщал Фету: «В конце сентября был у меня Кулаковский. Адрес мой он узнал от Якова Карловича Грота… он был так мил и любезен, что посетил меня за несколько часов до своего отъезда в Киев, куда он спешил в надежде застать там Делянова <…>» (*Фет/Полонский*. С. 678). Кулаковский посетил Полонского в Петербурге 30 сентября (см.: Там же. С. 679).

[12] Имеется в виду *Яков Карлович Грот* (1812–1893) — языковед, историк литературы, переводчик; академик Петербургской Академии наук, знакомый Фета.

[13] 3 декабря 1888 г. Л. Н. Майков, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», сообщал Фету, что рукопись перевода «Сатир» Персия им получена (см. публикацию переписки Фета с Л. Н. Майковым в наст. томе. С. 550). Впервые: *ЖМНП*. 1889. Ч. 262. № 3. Отд. 4. С. 101–143; отд. изд. в виде оттиска из *ЖМНП*: СПб., 1889.

[14] Впервые «Из моих воспоминаний» Фета было опубликовано: *РВ*. 1888. № 8. С. 3–56; продолжение последовало в: *РВ*. 1889. № 1. С. 125–154. Отд. изд.: Мои воспоминания (1848–1889): В 2 ч. М., 1890.

[15] Предыдущее письмо было послано 3 мая 1888 г. (см. п. 7). Полонский писал Фету 8 октября 1888 г.: «Он (Кулаковский. — *С. И.*) говорил мне, что он виноват перед тобой, что с весны не писал тебе <…>» (*Фет/Полонский*. С. 678).

9

29 января 1889 г. Киев

Poetae clarissimo, cui per decem lustra molliter atque facete Camenae adnuebant, viro egregio, de litteris Rossicis optime merito pio atque amico animo gratulatur.

Кулаковский.

С латинского:

Поэту славнейшему, коего уже десять пятилетий Камены[1] приветствуют благосклонно и радостно, мужу исключительному, Российской словесности оказавшему высшее благодеяние, с благочестием и любовью, — поздравление.

На об. бланка: Моск<ва>. Гост<иница> Ермитаж.[2]
Афанасию Афанасиевичу
Фету.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 34. Л. 19–19 об.
Впервые опубликовано: *Фет/Полонский*. С. 745; см. также: С. 743, 758.
Датируется по записи телеграфиста: «29 янв. 1889 г.»

[1] *Камены* — здесь в значении «Музы». См. п. 12, примеч. 3.

[2] Фет получил телеграмму Кулаковского 29 января на обеде в ресторане при гостинице «Эрмитаж». См. п. 10, примеч. 2.

10

29 января 1889 г. Киев

29 января 1889.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,
дорогой наш юбиляр!

Poetae clarissimo, cui per decem lustra molliter atque facete Camenae adnuebant, viro egregio, de litteris Rossicis optime merito pio atque amico animo gratulatur —

Эти слова я только что послал Вам по телеграфу[1] на Ваш юбилейный обед в московском «Эрмитаже» и повторяю их здесь как свое сердечное и искреннее поздравление, которому надлежало облечься в латинские слова, когда оно обращено к такому верному другу римских поэтов. Я никак не думал, что я опоздаю со своим поздравлением. Петербургские и московские газеты за последние дни говорили о 29 числе января, т. е. сегодняшнем дне, поминая обед в «Эрмитаже» с именами распорядителей.[2] Я и думал, что обед будет продолжением приема поздравлений на дому, и предполагал, что из далекого места удобнее обратиться прямо туда. Вчера же снес я в редакцию нашего «Киевлянина» свой отклик о Ваших трудах над античными поэтами, чтобы он появился сегодня, в день юбилея.[3]

Возвратившись с телеграфа, читаю телеграмму в том же «Киевлянине», что день юбилея и прием поздравлений был вчера, что Вы раздавали поздравлявшим свое стихотворение, написанное к этому дню.[4] Мне обидно, что я опоздал, тем более что я все поджидал вестей о Вашем юбилее,[5] надеялся встретиться еще в декабре, а первое, что прочел по этому поводу — было известие о юбилейном обеде, назначенном на 29 число. Хочу надеяться, что моя телеграмма дойдет в исправном виде до юбиляра и он простит мне мое опоздание и пришлет свои стихи, которые раздавал вчера поздравлявшим.[6]

До сих пор я еще не поблагодарил Вас за Вашего Проперция и не откликнулся на письмо, полученное мною в ответ на мое в октябре месяце прошлого года.[7] Я предполагал тогда, что юбилей Ваш будет в декабре[8] и что мне приведется поздравить вас лично. Но вестей о юбилее не было, в Москву у меня не было повода попадать, так я и промолчал. Простите.

Шлю свой сердечный привет Марии Петровне, низко кланяюсь Вам и остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

29 января 89. Киев.

Многоуважаемый
Афанасій Афанасьевичъ,
Дорогой нашъ юбиляръ!

Poetae clarissimo, cui per decem lustra molliter atque facete Camenae adnuebant, viro egregio, de litteris Russicis optime merito pio atque amico animo gratulatur —

Эти слова я хотѣлъ было послать вчера по телеграфу на Вашъ юбилейный обѣдъ въ московскомъ Эрмитажѣ и повторить ихъ здѣсь какъ мое сердечное и искреннее поздравленіе, которому надлежало облечься въ латинскія слова, когда оно обращено

Письмо Ю. А. Кулаковского к Фету от 29 января 1889 г. Первая страница (*РГБ*)

На конверте: *Москва.*
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха. Собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 29 янв<аря> 1889, <Киев>; 2) 31 янв<аря> 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 1–2 об., конверт — л. I.

[1] См. п. 9 и примеч. 2 к нему.

[2] Подробное описание юбилейных торжеств, состоявшихся 28 и 29 января, публиковалось в ряде московских и петербургских газет. См., например: *МВед*. 1889. 28 января. № 28. С. 3–4; 29 января. № 29. С. 4–5; 30 января. № 30. С. 2–3; 31 января. № 31. С. 5; 1 февраля. № 32. С. 6. В первый день Фет принимал поздравления у себя на Плющихе, во второй день состоялся подписной обед, устроенный московским Психологическим обществом в ресторане гостиницы «Эрмитаж» (см.: *Садовской Б.* Юбилей А. А. Фета // Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187–192).

[3] Киевлянин. 1889. 29 января. № 24. С. 2–3; 31 января. № 25. С. 1–2. См. *Приложение II*.

[4] Имеется в виду стихотворение, написанное Фетом ко дню своего юбилея, «На пятидесятилетие моей Музы» («На утре дней все ярче и чудесней…»), печатный экземпляр которого юбиляр раздавал всем присутствовавшим 28 января, принимая поздравления у себя на Плющихе. Первоначально Фет написал к юбилею стихотворение «На пятидесятилетие Музы» («Нас отпевают. В этот день…»), которое, ввиду похоронных коннотаций, было отвергнуто Н. Н. Страховым. Накануне юбилея в письме к Полонскому от 16 января 1889 г. Фет писал: «Во избежание однообразных выражений благодарности за приветствия я хотел напечатать на отдельных листках стихотворение по поводу юбилея, чтобы раздавать его на память желающим. При этом старая Муза моя взглянула на юбилей как на свое отпевание. Но Страхов разбранил это стихотворение, считая его даже невежливым по отношению к поздравляющим <…>. Вчера случайным образом написалось другое <…>» (*Фет/Полонский*. С. 705).

[5] Решение праздновать юбилей своей литературной деятельности 28 января 1889 г. Фет принял 14 декабря 1888 г.: «Пять минут тому назад я бесповоротно назначил двадцать восьмое января 1889 года своим юбилейным днем» (*Фет/Полонский*. С. 694). Однако никаких газетных объявлений об этом не последовало. 11 января 1889 г. Полонский писал Фету: «Почему юбилейный комитет в Москве до сих пор не печатает, куда и на чье имя адресовать письма и телеграммы <…>» (Там же. С. 704).

Началом своей литературной деятельности Фет считал 1839 г., когда он через М. П. Погодина передал Гоголю «желтую тетрадку» со своими стихотворениями.

Гоголь посоветовал молодому поэту продолжать писать: «Это несомненное дарование». Вскоре Фет издал сборник своих стихов «Лирический пантеон» (М., 1840).

[6] Позже Фет, вероятно, подарил Кулаковскому печатный экземпляр своего юбилейного стихотворения. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

[7] Местонахождение дарственного экземпляра книги: Элегии Секста Проперция. В переводе и с объяснениями А. Фета. СПб., 1888, присланной Фетом Кулаковскому, неизвестно.

[8] В письме к И. В. Помяловскому от 4 декабря 1888 г. Кулаковский также пишет о том, что Фет «предполагал праздновать» свой юбилей в декабре 1888 г. (см.: *РНБ*. Ф. 608. Оп. 1. № 906. Л. 77).

11

15 февраля 1889 г. Киев

15 февраля 89.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Само собою разумеется, что я с большой охотой и полной моей готовностью откликаюсь на Ваше предложение касательно Марциала.[1] Поэтом этим я мало занимался, тем приятнее мне будет иметь такой хороший случай. Вы отлагаете дело на лето (т. е. его отношению ко мне). Если бы у Вас было что готово раньше, то лучше бы тогда же прислать это мне. Где и как придется мне проводить лето, я заранее, конечно, не знаю, но я к Вашим услугам, хоть и немедленно. — По отношению к примечаниям мой взгляд тот, что их нужно как можно меньше при переводе, который ведь читается не для поучения. Адольф в своем Ювенале опроверг своими примечаниями, их страшным размером и обилием надобность самого текста своего перевода.[2] Разногласия о том, что нужно, у нас, вероятно, не будет.

Описание Вашего юбилея в «Моск<овских> вед<омостях>» я читал.[3] Признаюсь, что немного пожалел, что там не нашли уместным привести моей телеграммы, как сделали с другими, так как мне думалось, что немного латыни было бы кстати.[4]

Листка с Вашим стихотворением не было в конверте, заключавшем Ваше письмо,[5] как не пришел он и после. Моя статья вышла в «Киевлянине» 29 и 30 числа января. Оттиски я получил только на днях. Препровождаю Вам один из них, прося Вашего снисхождения к моему, быть может, излишне объективному тону.[6]

С большим смущением прочел я в Вашем письме о бедствии, постигшем Марию Петровну.[7] Радуюсь, что оно отошло уже в давнее прошлое и теперь все хорошо.

Свидетельствуя свое глубокое почтение Марии Петровне и Вам, остаюсь искренно преданный

Ю. Кулаковский.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 3–4 об.

[1] Помимо этого письма нет никаких других сведений ни о предложении Фета, ни об участии Кулаковского в фетовском переводе эпиграмм Марциала.

[2] См.: Сатиры Д. Юния Ювенала. Стихотворный перевод и объяснения Андрея Адольфа, учителя Московской третьей гимназии. С прибавлением латинского текста. М., 1888. Позже в своей рецензии на фетовский перевод «Aulularia» ученый напишет, что классик А. Адольф, переводивший «правильными гекзаметрами» и «великолепно» издавший Ювенала, снабдив его «обширным и ученым комментарием», «много поработал над текстом» римского сатирика и, «конечно, лучше, правильнее и точнее понимал его», нежели Фет, «и все-таки вышло так, что поэт сумел передать в своих подчас неправильных и негладких гекзаметрах силу, злобу, порыв и увлечение римского сатирика; а тот же Ювенал у г. Адольфа — слаб, бледен и без желчи, хотя, конечно, он несравненно меньше уязвим с точки зрения правильности понимания текста, чем перевод г. Фета» (*Кулаковский. Aulularia*. С. 928). Подробнее см. во вступит. статье.

[3] См. п. 10, примеч. 2.

[4] В хронике юбилейных торжеств, опубликованной в «Московских ведомостях», был приведен только перечень полученных поздравительных телеграмм, оглашенный на обеде в ресторане «Эрмитаж», в котором было отмечено, что среди прочих получена телеграмма «от г. Кулаковского из Киева» (*МВед*. 1889. 30 января. № 30. С. 3). Литературно-драматическое общество к осени — зиме 1889 г. предполагало издать книгу о трех юбилеях — Полонского, А. Н. Майкова и Фета, в которую должны были войти все поздравления, адресованные юбилярам. 29 марта Фет писал председателю общества П. Н. Исакову, что выслал ему материалы, имеющие отношение к его юбилею (см.: *Фет/Полонский*. С. 744), а в письме к Полонскому от 11 августа 1889 г. сообщал: «Я уже переслал Исакову пропущенное в печати прелестное стихотворение графини Сологуб и латинскую телеграмму Кулаковского» (Там же. С. 743); «Я писал Исакову, — говорится в письме Фета к Полонскому от 9 октября 1889 г., — приложивши ему латинское поздравление к моему юбилею от киевского профессора Кулаковского, премилое юбилейное поздравление Владимира Соловьева и чудесное стихотворение графини Соллогуб. Но до сих пор никакого известия о получении этих документов для издания <…> я не получал» (Там же. С. 758). Замысел издать сборник о трех юбилеях остался неосуществленным.

[5] О стихотворении см. п. 10, примеч. 4, 6.

[6] Местонахождение дарственного экземпляра статьи «К юбилею А. А. Фета» неизвестно. В Библиотеке Пушкинского Дома хранится оттиск, подаренный Кула-

ковским своему учителю, византологу В. Г. Васильевскому: «Василию Григорьевичу Васильевскому с сердечным приветом шлет автор» (шифр: Бр. 222/3; см. ил. на с. 505). В РНБ хранится оттиск статьи с дарственной надписью: «Его Высокопревосходительству Афанасию Федоровичу Бычкову с чувством глубокого почтения автор» (шифр: 8.253.1.409а). См. *Приложение II.*

[7] 7 января 1889 г. Фет писал Полонскому «Накануне Нового года я жестоко простудился и по сей день никуда не выхожу из дома; а вечером жена моя вернулась с семейного обеда у брата Дмитрия с левой рукою, переломленной наехавшим на ее сани извозчиком. Теперь рука у нее в гипсовой повязке, и по крайней мере прекратились страшные страдания, нераздельные с костоправством и воспалением» (*Фет/Полонский*. С. 702; см. также: С. 705); об этом происшествии сообщалось в «Новом времени»: «А. А. Фет (Шеншин), как нам сообщают из Москвы, сильно простудился и не мог в первый день нового года, выехать на семейный обед, с которого его жена, вечером того же дня, возвратилась с левою рукою, переломанною наехавшим на ее сани извозчиком» (*НВр*. 1889. 9 января. № 4621. С. 3).

12

6 марта 1889 г. Киев

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Позвольте прежде всего поздравить Вас с Монаршей милостью, с возведением в придворное звание.[1] Хотя про нашу современность и нельзя, к счастью, сказать с Ювеналом Et spes et ratio studiorum in Caesare tantum.[а,2] Но нельзя, однако, не радоваться, когда про него можно сказать, что он respexit Camœnas[б,3] — Вам, быть может, придется или уж пришлось совершить пу<те>шествие на Север, чтобы явиться Ему в Вашем новом к нему отношении.[4] Вы не поминаете о намерении перебраться в деревню в тот срок, как Вы сделали это в прошлом году, чтобы там пережить начало новой весны, которая уже чувствуется на нашем юге.[5]

Ваше письмо меня очень и очень обрадовало. Вы так мило отнеслись к моему отзыву, и то маленькое granum salis,[в] с которого начинается Ваш отклик на мою брошюрку, мало назвать — attici,[г] а надо сказать atticissimi.[д,6] Все дальнейшее с «квартальным» и «дельфинами», с «бу-

---

[а] И надежда, и план занятий в Цезаре только (*лат.*).

[б] оглянулся на Камены (*лат.*).

[в] *букв.*: щепотка соли, т. е. оттенок шутливости (*лат.*).

[г] аттической <щепотой соли> (*лат.*). Аттическая соль — тонкая остроумная шутка. — *С. И.*

[д] *Зд.*: шутливые в высшей степени (*лат.*).

лыжниками» и «черным негром»[7] оживило во мне воспоминание о тех беседах в Воробьевке, когда оказывалось, что нас <?> «землю выдумали», и Гераклит оказывался в паре с ехавшими куда-то Андронами.[8]

Искренно мечтаю о том, что удастся опять повидаться в милой Воробьевке.[9]

Шлю свой сердечный привет Марии Петровне и остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

6 марта 89. Киев.

P. S. Сам я настоящее время нахожусь в садах Эпикура. Вам, быть может, известно, что открыты новые подлинные изречения Эпикура. Я хочу по их поводу прочесть здесь публичную лекцию.[10]

На конверте: *Москва.*
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) <7> мар<та> 1889, Киев; 2) 10 мар<та> 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 5–6 об., конверт — л. II.

[1] 26 февраля 1889 г. высочайшим указом в связи с празднованием 50-летия литературной деятельности Фету было пожаловано придворное звание камергера (см.: Правительственный вестник. 1889. 26 февраля. № 46. С. 2), в связи с чем он обязан был представиться императору. См. примеч. 4 к наст. письму. О хлопотах, предпринятых К. Р. по этому поводу, см.: *Фет/К. Р.* С. 742.

[2] Кулаковский цитирует начало сатиры VII из книги третьей. У Фета: «И надежда и повод к занятиям в Цезаре только; / Он один в эти дни на печальных Камен оглянулся» (Д. Юния Ювенала. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. С. 121). В комментариях к первому стиху Фет пишет: «…высокообразованные богачи, могущие поддержать недостаточного, но истинного художника, необходимы в деле искусства. <…> Когда <…> на престоле воссиял образованный Траян, в душе Ювенала засветилась заря лучших надежд по отношению к поэзии. Все это составляет содержание настоящей Сатиры» (Там же).

[3] У Ювенала: «Camœnas respexit» — «<Цезарь> оглянулся на Камены» (*лат.*). *Камены* — древнеиталийские божества; в III в. до н. э. были отождествлены с греческими музами (см.: Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. С. 244).

[4] Речь идет о представлении Фета Александру III в новом звании камергера, которое состоялось 15 марта 1889 г. (см.: Правительственный вестник. 1889. 17 марта. № 60. С. 1).

[5] С 1878 по 1892 г., Фет и Мария Петровна, как правило, с 1 марта по 1 октября жили в Воробьевке.

[6] Известно, что Цицерон сравнивал шутливость и веселость комедий Плавта с аттическими (см.: *Котелов Н. П.* Предисловие // «Казина» комедия Т. Макция Плавта. <Пер.> с латинского Н. П. Котелова. СПб., 1896. С. 60). Возможно, Кулаковский обыгрывает это, имея в виду неизвестный нам шутливый отзыв Фета, переводившего в это время комедию Плавта «Горшок», на статью Кулаковского «К юбилею А. А. Фета» (см. *Приложение II*).

[7] Понять, о чем шла речь в не дошедшем до нас отзыве Фета, затруднительно.

[8] «Андроны едут» — «когда кто некстати важничает и дуется» (*Даль*. Т. 1. С. 17). Выражение употреблено Фетом в письме к И. П. Борисову (*Письма к Борисову*. С. 129). Здесь скоре отсылка к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя (гл. IX): «…Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!..» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 190). Указано И. А. Кузьминой.

[9] В ответном письме (неизв.) Фет приглашал Кулаковского посетить Воробьевку летом 1889 г. (см. п. 13). Полонский писал Фету 29 июня 1889 г.: «Не у тебя ли в гостях милейший и интереснейший Кулаковский?» (*Фет/Полонский*. С. 736). Однако намерение ученого не было осуществлено.

[10] Речь идет о фрагментах высказываний Эпикура, незадолго до этого найденных в одном из греческих кодексов ватиканской библиотеки и опубликованных Г. Узенером. Этому открытию Кулаковский посвятил состоявшуюся в конце марта 1889 г. публичную лекцию, вскоре изданную (см.: *Кулаковский Ю. А.* Философ Эпикур и вновь открытые его изречения: Публичная лекция, читанная в Университете св. Владимира 25 марта 1889 года // Университетские известия. 1889. № 4. С. 1–21; отд. изд.: Киев, 1889). Оттиск или отдельное издание этой речи ученый подарил Фету. См. п. 13, примеч. 1.

13

3 июня 1889 г. Киев

3 июня 89.
Киев.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Ваша изящная похвала моему Эпикуру исполнила меня радостью и гордостью.[1] В обуздание этой второй я подумал о возможности и того, что Ваше дружеское ко мне расположение повлияло в смысле смягчения строгости тех требований, которые надлежит и должно предъявлять ко всякому произведению человеческого слова, а Вы, как признанный мастер в этой сфере на нашем языке, имеете тем большее право на эту строгость. Гордость моя от этого умалилась, но радость осталась, и я от всего сердца благодарю Вас за Вашу похвалу.

Письмо Ваше получил я в самом конце мая,[2] когда я вернулся сюда из Чернигова. Два раза ездил я туда и провел там большую половину

прошлого месяца. Попечитель наш, Вам земляк, которым мы все здесь очень и очень довольны, возобновил обычай посылать депутатов в гимназии на время экзаменов.[3] Так я и познакомился с этим городом, современным Илье Муромцу, но и напоминающим своим видом и характером в большей, чем бы то желательно, степени старое время. Завтра поеду туда еще раз на два дня, чтобы покончить свои в нем обязанности. Весть о смерти Дмитрия Петровича прочел я в «Московских ведомостях».[4] Мир его праху! Прекрасный он соорудил себе памятник своей картинной галереей. Какая судьба ожидает ее? и будут ли дети продолжать благородное дело своего отца?[5]

Благодарю Вас за приглашение посетить Воробьевку.[6] Если бы не Чернигов, я побывал бы теперь, хоть на неделю, так как я с 10 сговорился с братом поселиться в его семье в Друзгениках (Гродненской губернии), где он нанял дачу.[7] Мечтаю проехать и за границу, но все-таки не теряю надежды, что, быть может, удастся хоть в конце лета повидаться с Вами, чтобы воспользоваться радушным гостеприимством Марии Петровны.

Свидетельствуя Марии Петровне и Вам свое глубокое почтенье, остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

На конверте: по *Московско-Курской* жел<езной> дор<ороге>.
Станция *Коренная Пустынь*.
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В *селе Воробьевке*.

Почтовые штемпели: 1) 5 июн<я> 1889, <Киев>; 2) 6 июн<я> 1889, Коренная Пустынь.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 7–8 об., конверт — л. III.

[1] Местонахождение оттиска или, скорее всего, отдельного издания лекции Кулаковского, подаренного ученым Фету, неизвестно, но сохранилась та же брошюра, подаренная Я. П. Полонскому: *Кулаковский Ю. А*. Философ Эпикур и вновь открытые его изречения. Киев, 1889, с дарственной надписью: «Якову Петровичу Полонскому в знак глубокого уважения от автора» (Библиотека ИРЛИ РАН. Шифр: Бр. 69/18). Содержание благожелательного отзыва Фета неизвестно.

[2] Письмо Фета от конца мая 1889 г. неизвестно.

[3] Черниговская губерния входила в Киевский учебный округ, на должности попечителя которого в 1882–1902 гг. был востоковед *Владимир Владимирович Зернов-Вельяминов* (1830–1904), уроженец Петербурга; нет никаких сведений о знакомстве Фета с ним. Возможно, речь идет о ком-то другом.

[4] *Боткин Дмитрий Петрович* (1829–1889) — предприниматель, коллекционер, брат жены Фета. Умер 26 мая 1889 г. в имении Тихий Хутор Харьковской губ. Фет и Мария Петровна, отдыхавшие здесь в это время, сопровождали покойного из Тихого Хутора до Белгорода, откуда тело было отправлено в Москву и 1 июня погребено в московском Покровском монастыре. Фет откликнулся на смерть шурина статьей о необычных проводах тела умершего, устроенных крестьянами (см.: *Фет А*. Дмитрий Петрович Боткин. Некролог // *МВед.* 1889. 3 июня. № 151). «Новое время» отметило эту статью Фета (*НВр*. 1889. 6 (18) июня. № 4765. С. 2). См. также письмо Фета к Полонскому от 7 июня 1889 г. (*Фет/Полонский*. С. 732–733). Объявление о смерти Боткина см. также: *НВр*. 1889. 28 мая (9 июня). № 4757. С. 1.

[5] С молодости Д. П. Боткин, как и его братья — художник М. П. Боткин и врач С. П. Боткин, увлекся коллекционированием картин, акварелей, рисунков, гобеленов, скульптуры, редкой мебели. В составлении коллекции ему помогал его друг художник А. П. Боголюбов. К 1882 г. собрание Д. П. Боткина, основу которого составляли полотна европейской живописи, насчитывало свыше ста единиц; из русских художников в коллекции Боткина имелись картины А. А. Иванова, И. Н. Крамского, В. Г. Перова, В. В. Верещагина, В. Д. Поленова, А. А. Харламова и др. До 1867 г. собрание размещалось в отцовском доме (Петроверигский пер., 4), а затем в усадьбе (Покровка, 27). Имел должность председателя московского Общества любителей художеств (1877–1889), был избран почетным членом Петербургской Академии художеств (1884). Во второй половине XIX в. галерея Боткина считалась одной из московских достопримечательностей. После его смерти коллекция была унаследована его сыновьями.

[6] Летом 1889 г. Кулаковский в Воробьевке не был. См. п. 12, примеч. 9.

[7] *Друскеники* (Гродненская губ.) — ныне Друскининкай, курортный город на юге Литвы, на правом берегу реки Неман. Речь идет о семье брата — П. А. Кулаковского, женатого на Е. Ф. Миллер, сестре академика В. Ф. Миллера.

14

25 сентября 1889 г. Киев

25 сентября 89.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Прошло лето, настала осень, а с нею и старое дело, к которому на этот раз прибавилось и нечто новое — первый опыт университетских экзаменов в назначенных министерством комиссиях. Неуспех этой дур-

ной затеи был предсказан всеми нами заранее, но видеть подтверждение этого дурного пророчества ни для кого из нас, конечно, не может доставить удовольствия. Изданием смешных, не слаженных между собою, не продуманных <ни> в одной компетентной инстанции — или хотя бы голове — программ, с характером обязательных для всех университетов, обличило еще осенью прошлого года полную несостоятельность министерства пред взятой на себя задачей. Разъезды министра в прошлом году имели совсем смешной и обидный для серьезности дела характер.[1] Производство экзамена *сразу по всем* предметам, да еще по программам, которые изданы были поздно, вызвали порицания от всякого и со всякой точки зрения, урезывались и изменялись в разных переговорах с министерством и председателями комиссий — все это та кая печальная насмешка над серьезным и важным университетским делом, что хуже и выдумать нельзя. Само собою разумеется, что результаты повсюду и по всем факультетам самые плачевные. Участвую и я в комиссии, придется вот и завтра сидеть целый день на экзамене. У нас, т. е. на филол<огическом> фак<ультете>, хоть идут одновременно лекции, а у юристов их или нет, или почти что нет, так как два из наших юристов Цитович и Буданов[2] назначены председателями (Харьков и Одесса), а другие все заседают в комиссии. Хорош экзамен, который отнимает от учебного времени весь сентябрь и большую половину октября (если не весь) — одним словом, происходит Бог знает что. Обидно и думать об этом.

Лето провел я отчасти в Друсгениках,[3] отчасти за границей и вернулся сюда к самому началу учебного времени. Так и не удалось мне побывать в Воробьевке.[4] Что поделывает Ваш Марциал? Я с величайшей готовностью готов служить Вам, если только Вам угодно указать мне, чем и как могу я быть полезен. Обещаю заранее, что скоро буду отсылать, если Вы пришлете мне что-либо с указанием, что я должен сделать.[5] Виноватым чувствую себя в том, что немедленно по приезде в Киев не известил Вас о том, что я на месте и к Вашим услугам. Простите, но первые три недели я запутался среди лекций, заседаний, экзаменов и всякого рода дел обязательных.

Низко кланяюсь Марии Петровне и остаюсь преданный Вам

Юлиан Кулаковский.

Мой адрес остается прежний: Афанасьевская. 4.[a]

---

[a] *Вписано в верхней части последней страницы письма.*

На конверте: [по *Московско-Курской жел<езной> дор<оге>*,
станция *Коренная Пустынь*.][б]
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
[В *именьи Воробьевке*.][в]

Почтовые штемпели: 1) 27 сен<ября> 1889, Киев; 2) 28 сен<ября> 1889, Коренная Пустынь; 3) 5 октября 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 9–10 об., конверт — л. IV.

Фрагмент письма опубликован: *Фет/Полонский*. С. 736.

[1] Деятельность И. Д. Делянова на посту министра народного просвещения (1882–1897) не была однозначной. Во время его управления был составлен новый Устав российских университетов (1884), ограничивавший их автономию; пересмотрены учебные планы классических гимназий, причем за счет древних языков расширено преподавание русского языка (1890); ограничен прием в средние учебные заведения так называемых «кухаркиных детей», т. е. детей из недостаточных классов населения (1887), и др. В числе мало популярных реформ Делянова было и экзаменационное нововведение в университетах, вступившее в силу 22 августа 1889 г., в виде полукурсовых испытаний. Проверка знаний студентов должна была производиться в особых экзаменационных комиссиях, председатели и члены которых назначались самим министром. Первоначально экзаменационные требования были утверждены Деляновым летом 1885 г., а «правила о производстве испытаний» в 1887 г. (см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 622). В письме от 2 октября 1888 г. Кулаковский писал Фету о приезде министра в Киев 28 сентября 1888 г. — см. п. 8, примеч. 9.

[2] *Петр Павлович Цитович* (1843–1913) — ординарный профессор, доктор права; *Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов* (1838–1916) — доктор русской истории, ординарный профессор истории русского права, автор «Истории императорского Университета св. Владимира» (Киев, 1884. Т. 1).

[3] См. п. 13, примеч. 6, 7.

[4] См. п. 12, примеч. 9.

[5] Нет никаких сведений об участии Кулаковского в фетовском переводе эпиграмм Марциала. Подробнее см. во вступит. статье.

[б] *Зачеркнуто неизвестной рукой и сверху вписано*: Г. Москва.

[в] *Зачеркнуто неизвестной рукой и снизу вписано*: Плющиха. Собственный дом № 481.

15

17 декабря 1890 г. Киев

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Только что получил я Ваше письмо от 14 декабря. Берусь сейчас же за перо, чтобы возгласить: я здесь, но 20 числа передвигаюсь отсюда, и так как мне бы очень хотелось поскорее иметь в руках Ваши дорогие подарки, то прибавлю, что адрес мой на Святках будет Вильна, Учительский институт. Надеюсь проехать оттуда и в Петербург, но это будет, вероятно, уже в начале января,[1] а потому, если Вы будете благосклонны, то я могу еще до того порадоваться Вашим «Вечерним огням»[2] и переводу «Горшка». О последнем хотелось бы мне сейчас же сделать заметку в каком-нибудь журнале.[3] Ваш перевод знаком и памятен мне. Начало его читали Вы мне в Воробьевке, где мне было так хорошо приятно летом 78.[a,4] Так и не привелось мне потом туда заглянуть. В это лето был я также на юге, но путь мой лежал через Одессу. Делал я раскопки в Керчи и нашел немало интересного. Одна из находок — христианская погребальная пещера 491 года нашей эры с надписями по стенам — все больше псалмы (написанные по-гречески). Теперь я был усиленно занят собранием всякого матерьяла, необходимого для издания этой находки.[5] Само собою разумеется, что при новой обстановке моей жизни работа не может идти так сосредоточенно, как бы то хотелось, и дело затягивается. К тому же здесь в наших библиотеках нет многого, что мне нужно. Это последнее обстоятельство и вызывает мое решение съездить в Петербург в начале января, тем более что издание это должно выйти там в «Матерьялах» Археологической комиссии, от имени которой я вел раскопки летом.[6] Надеюсь повидать в Петербурге Якова Петровича и поблагодарить его там за полученный недавно экземпляр «Вечернего звона».[7] А пред Вами я виноват, и теперь, когда пришло ко мне милое Ваше письмо, чувствую это вдвойне.

Вы были так добры, что откликнулись ко мне 1 октября. Я же до сих пор не поблагодарил Марию Петровну и Вас за это внимание.[8] Примите хоть теперь эту запоздалую благодарность вместе с низким поклоном от меня и жены. Надеюсь, что когда-нибудь придется появиться вместе с нею в Москве, и я буду иметь случай <представить> Вам и Марии Петровне мою спутницу жизни[9] — искренно преданный Вам

Ю. Кулаковский.

17 декабря 90. Киев.

---

[a] *Так в подлиннике. Должно быть*: <18>88

На конверте: *Москва.*
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) <18 дек> 1890, Киев; 2) 21 декабря 1890, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 11–12 об., конверт — л. V.

[1] 11 января 1890 г. Полонский спрашивает Фета: «Был у тебя Кулаковский?» (*Фет/Полонский*. С. 787).

[2] См.: Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1891 (ценз. разрешение: 31 октября 1890 г.). Книга вышла в декабре 1890 г.

[3] Это намерение ученого было реализовано. См.: *Кулаковский. Aulularia*. С. 917–928.

[4] Кулаковский неделю гостил в Воробьевке в самом начале июня 1888 г.

[5] Весной 1890 г. в окрестностях Керчи, на северном склоне горы Митридат, рабочие, добывавшие камень, случайно обнаружили катакомбу, стены которой были украшены фресками. Археологическая комиссия поручила Кулаковскому произвести разыскания в прилегающей местности на предмет новых открытий. В результате раскопок экспедиции Кулаковского, состоявшейся в конце июля — начале августа 1890 г., была открыта христианская погребальная пещера, впервые с датой. Подробному анализу надписей (тексты псалмов) Кулаковский посвятил специальное исследование.

[6] См.: *Кулаковский Ю. А.* 1) Древности Южной России: Керченская христианская катакомба 491 года. СПб., 1891 (Материалы по археологии России, издаваемые императорской Археологической комиссией. Вып. 6); 2) Археологические раскопки близ Керчи летом 1890 года // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. С. 20–23. Подробнее см.: *Латышев В. В.* Керченская христианская катакомба 491 года: Исследование *Юлиана Кулаковского* // *ЖМНП*. 1891. Ч. 278. № 12. Отд. 2. С. 393–405).

[7] См.: *Полонский Я. П.* Вечерний звон. СПб., 1890. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. В письме к Фету от 13 ноября 1890 г. Полонский писал, имея в виду сборник своих стихов: «Послал я одну книжку к Кулаковскому, в Киевский университет; но — от него ни ответа ни привета. — Уж не бросил ли он Киев, женившись в Вильне?» (*Фет/Полонский*. С. 849). Кулаковский посетил Полонского 11 января 1891 г., о чем последний упомянул в письме к Фету от 16 января 1891 г.: «Между гостями совершенно неожиданно появился и Кулаковский. (Он поехал в Вильну за женой — и вернется в Киев другой дорогой. — *Примеч. Полонского*)» (Там же. С. 875). Кулаковский неоднократно был гостем Полонского на Знаменской. Так, 27 декабря 1889 г. Полонский писал Фету о гостях на своих именинах: «Было у меня народу около 130-ти человек и между ними наш общий знакомый Ку-

лаковский. Ты себе представить не можешь, как я искренно обрадовался такому неожиданному дорогому гостю!» (Там же. С. 780). 22 апреля 1890 г. Кулаковский писал Полонскому: «…часто вспоминаю я Ваш милый Петербург, чувствуя к нему Sehnsucht (страстное желание, тоску — *нем.*). <…> Мне было ужасно жаль, что не удалось побывать еще раз на Ваших пятницах» (*ИРЛИ*. № 12180. Л. 5 об.).

[8] Скорее всего, речь идет о поздравлении с бракосочетанием, посланном Фетом и Марией Петровной Кулаковскому в письме от 14 декабря 1890 г. (неизв.) или в другом письме, посланном, возможно, в конце сентября (неизв.), сразу по получении ими разосланного однотипного приглашения: «Николай Иванович и Анна Семеновна Рубцовы покорнейше просят сделать им честь пожаловать на бракосочетание дочери их Любови Николаевны с профессором Университета св. Владимира Юлианом Андреевичем Кулаковским 1 октября сего года в 2 часа дня в церковь Первой Виленской мужской гимназии, а оттуда к ним в дом. Вильна, 1890 г.» (цит. по: *Пучков*. С. 454). Такое же приглашение было получено и Полонским, который писал 13 ноября 1890 г. Фету: «Из Вильны, от 1-го октября, я получил от его будущей тещи почетный пригласительный билет на свадьбу. — Из этого приглашения я заключаю, что он женился на русской, так как фамилия его невесты „*Рубуева*“» (*Фет/Полонский*. С. 849; попутно отметим неверное прочтение публикаторами здесь девичьей фамилии жены Кулаковского).

[9] *Кулаковская Любовь Николаевна* (урожд. Рубцова; ум. 1914; похоронена в Вильно, ныне Вильнюс) — дочь управляющего канцелярией Варшавского генерал-губернатора, тайного советника Николая Ивановича Рубцова.

16

26 января 1891 г. Киев

26 января 91.
Киев.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Извините, что так поздно, но позвольте хоть теперь поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо от 21 декабря и сопровождавший его подарок в виде нового выпуска Ваших «Вечерних огней» и Плавтова «Горшка».[1] Получил я то и другое на второй день праздника в Вильне. Не отвечал я тотчас же, потому что хотел и надеялся немедленно раздобыть перевод «Горшка», помещенный в «Журнале министерства <народного> просвещения», о котором необходимо было помянуть, разбирая Ваш превосходный перевод.[2] Латинский текст «Aulularia» захватил я нарочно с собою отсюда и немедленно сличил перевод с оригиналом. В Вильне, где я пробыл до 2 января, не удалось мне достать нужного номера «Журнала <министерства народного> просвещения», пришлось

отложить сличение переводов до Петербурга, где я и убедился, что только поэтам дала Муза — ingenium[а] и ore rotundo loqui[б] (как сказал Гораций о греках).[3] Но в Петербурге мне не удалось присесть за написание моей рецензии.

По возвращении сюда я первым делом принялся за этот свой долг и сегодня отослал ее заказной бандеролью на имя Цертелева в «Русское обозрение».[4] Мне не хочется иметь дело с Бергом, жидом, который твердит на всех углах одно, что он «единственный консервативный орган».[5] Я не получал от Цертелева приглашения участвовать в его журнале, но хочу надеяться, что в нем найдется место для этой заметки. Она может занять страниц десять или около того, и писал я ее с большим удовольствием, любуясь и Плавтом, и его переводчиком. Смею думать, что Вы будете довольны моим отзывом,[6] и пишу это письмо немедленно по возвращении с почты, где я сдал свою статью. От всей души желаю, чтобы удача «Aulularі'и» привлекла Вас к Плавту и Вы бы нам подарили «Menaechmi», «Trinummus», «Miles Gloriosus», «Mostellaria»[7] или любую другую из его пьес.

Низко кланяюсь Вам и Марии Петровне от себя и жены,[8] которая искренно благодарит Вас за Ваши ласковые слова к ней в Вашем письме, и остаюсь преданный Вам

Ю. Кулаковский.

На конверте: *Москва.*
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) 26 янв<аря> 1891, Киев; 2) <28> января 1891, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 13–14 об., конверт — л. VI.

[1] Речь идет о книгах, вышедших в декабре 1890 г.: Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М., 1891; Тита Макция Плавта Горшок. Aulularia. Перевод А. Фета. М., 1891.

[а] гений (*лат.*).

[б] полнозвучное слово дала (*лат.*).

[2] См.: Кубышка (Aulularia). Комедия Т. М. Плавта / Пер. <М. П. Петровского> // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 12. Отд. классич. филологии. С. 75–151 (отд. паг.); подп.: М. П—ский. Отд. отт.: СПб., 1888; подп.: М. Петровский. Подробнее см. во вступит. статье.

[3] См.: «De arte poetica» Горация: «Graiis ingenium, Graiis dedit ore rotundo / Musa loqui…» («Грекам Муза дала гений и полнозвучное слово…» — *лат.*; *Epist.* II, 2, 323–324). Кулаковский цитирует здесь заключительные строчки из своей рецензии на фетовский перевод «Aulularia» (см.: *Кулаковский. Aulularia*. С. 928).

[4] «*Русское обозрение*» — литературно-политический и научный журнал, издававшийся в Москве (1890–1898). Князь *Цертелев Дмитрий Николаевич* (1852–1911) — знакомый и корреспондент Фета; поэт, издатель «Русского обозрения» (1890–1892), в котором публиковались «Мои воспоминания» Фета и ряд его стихотворений; автор статьи «Фет как человек и как художник» (*РВ*. 1899. № 3).

[5] *Берг Федор Николаевич* (1839–1909) — журналист, прозаик, поэт, переводчик. В конце 1887 г. (после смерти М. Н. Каткова) арендовал у наследников «Русский вестник» и перевел издание в Петербург (1888–1896). В письме к Ф. Е. Коршу от 21 ноября 1890 г. Фет писал: «…за исключением „Русского обозрения“, у меня нет насущной точки соприкосновения с нашей литературой, и, признаюсь, я об этом не очень жалею. Все анархические журналы ненавидят меня за оппозицию их направлению, а с Бергом „Русского вестника“ я разошелся за его неотесанность. Остается Цертелев <…>» (*Письма к Коршу*. С. 224). Конфликт с Бергом возник в ноябре 1889 г., когда тот опубликовал очередную главу «Моих воспоминаний», выпустив без ведома Фета значительную часть текста (см.: *Фет/Полонский*. С. 792).

[6] Отзыв Фета на рецензию Кулаковского неизвестен.

[7] Комедии Плавта «Menaechmi» (в разных переводах: «Два Менехма», «Близнецы», «Путаница»), «Trinummus» («Три гроша», «Трехгрошовый день»), «Miles Gloriosus» («Хвастливый воин», «Хвастливый солдат», «Пустозвон»), «Mostellaria» («Домовой»). В 1880-х — 1890-х гг. комедии Плавта интенсивно переводились такими переводчиками, как И. И. Холодняк, М. П. Петровский, С. И. Эйгес, В. А. Алексеев, Н. П. Котелов, А. И. Кронеберг и др. Неизвестно, планировал ли Фет переводить другие комедии Плавта.

[8] См. п. 15, примеч. 8.

17

15 октября 1892 г. Киев

15 окт. 92. Киев.

Многоуважаемый и дорогой
Афанасий Афанасьевич!

Ваше письмо от 9 октября и обрадовало, и пристыдило меня. Сам я ведь так давно не откликался к Вам. Но могу сказать, что часто вспоминал про Вас и расспрашивал, если случалось встречаться с знакомыми

Вам людьми. Последним таким был Говоруха-Отрок,[1] которого я встретил у Прахова, моего коллеги,[2] в июле месяце. От него я слышал, что Вы благоденствуете в Вашей милой Воробьевке, где гостил у Вас и Говоруха, как он рассказывал. Слышал от него, что у Вас побывали летом Страхов и Влад<имир> Серг<еевич>.[3] Сам я провел это лето в большой тревоге, заботах и хлопотах, лишь отчасти предвиденных, а также и под анафемой со стороны здешней Духовной академии, которая признала во мне «врага христианства» за мою речь, экземпляр которой я посылал Вам зимой.[4] Нападение было грубо выше меры, страшно протяженно и сделано с непонятным мне озлоблением.

Теперь, напечатав свой ответ,[5] стараюсь забыть об этом крайне все-таки неприятном инциденте. Предвиденная часть забот и хлопот относилась к ожидавшемуся прибавлению моего семейства, первому притом. Событие произошло благополучно в начале июля в Вильне, и теперь часто покрикивает через две комнаты от этого кабинета мой трехмесячный младенец, Сергей,[6] и делает это часто весьма не ко времени и с большой настойчивостью, чем и заставляет свою мать предполагать в нем разные болезни или подозревать проступки со стороны кормилицы. С окончательным водворением дома 20 сентября и немедленно последовавшим затем началом учебного времени жизнь моя вошла в свое обычное русло и мирно течет в нем, заставляя забывать, или правильнее сказать, приводя к забвению о разных тревогах лета и неудачах, меня постигавших за это время.

От души желаю Вам поскорее оправиться от Вашей болезни и с нетерпением буду ждать овидиевых «Скорбей».[7] Низко кланяюсь Марье Петровне и остаюсь сердечно Вам преданный

Юлиан Кулаковский.

На конверте: *Москва.*
Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха,
собств<енный> дом.

Почтовые штемпели: 1) 16 окт<ября> 1892, Киев; 2) 18.X.1892, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 54. Л. 15–16 об., конверт — л. VII.

[1] *Говоруха* (Говорухо)-*Отрок Юрий Николаевич* (псевд.: Ю. Николаев; 1850–1896) — критик, публицист, сотрудник «Московских ведомостей», знакомый Фета,

автор статей о нем. См., например: *Николаев Ю.* 1) Несколько замечаний о Тургеневе и Толстом: По поводу книги А. А. Фета *Мои воспоминания*. Два тома. М., 1890 // *МВед*. 1890. 13 октября. № 283. С. 3–4; 2) Литературные заметки: Поэзия Фета // Там же. 1892. 26 ноября. № 328. С. 3–4 (здесь Говоруха пишет: «Нынешний год летом я прожил несколько дней в Воробьевке» — С. 3). Фет познакомился с ним зимой 1889/1890 г.: «В настоящее время, — писал Фет К. Р. 10 января 1892 г., — это самый убежденный приверженец самодержавия и православия и, прибавлю, еще самый чуткий и глубокомысленный критик» (*Фет/К. Р.* С. 941).

[2] *Прахов Адриан Викторович* (1846–1916) — профессор, историк искусств, археолог, реставратор; преподавал греческую пластику в Московском университете в студенческие годы Кулаковского (см.: *Пучков*. С. 29); знакомый Страхова. В 1880-е гг. жил в Киеве. Страхов в письме к Фету от 26 июля 1892 г. писал из Киева: «А Прахов, здешний профессор искусства и главный реставратор, уговорил меня не ограничиваться Киевом. Мы вместе с ним поехали в Чернигов <…>. С удивительною энергиею Прахов принялся за работу и открыл в пяти местах фрески, да сверх того место гробницы неизвестного Великого Князя. <…> Когда мы вернулись, оказалось, что уже заезжал ко мне Говоруха» (см.: *Фет/Страхов*. С. 540; см. также: С. 439–440).

[3] 6 июля 1892 г. Страхов несколько дней находился в Воробьевке (см.: *Фет/Страхов*. С. 539); видимо, также в июле гостил в Воробьевке и Говоруха-Отрок. Вл. Соловьев был в Воробьевке с 20 по 26 мая 1892 г. (см.: *Фет/Толстая*. С. 228, 229); что касается лета, то в письме к Фету, вероятно, от середины июля 1892 г. Соловьев пишет: «На крыльях души ежедневно летаю в Воробьевку; надеюсь, почти уверен, что приеду <…> но боюсь, что к 22 <июля> не поспею. <…> Если не 22, то в августе очень хочу и надеюсь быть у Вас. Целую ручки Марии Петровне. Кланяюсь сердечно Катерине Владимировне и Юрию Николаевичу, если он еще у Вас» (*Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 228–229). 25 июля 1892 г. Фет писал Полонскому: «…у нас был Соловьев. Но после него у нас перебывали Страхов и Говоруха <…>» (*Фет/Полонский*. С. 977).

[4] 8 декабря 1891 г. в пользу пострадавших от неурожая Кулаковский прочитал в университете публичную лекцию, за которую сразу же получил прозвище «новый Юлиан Отступник», под названием «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков» (Университетские известия. 1891. № 12. С. 1–31; отд. оттиск: Киев, 1892). Ученый, используя многочисленные примеры, доказывал, что принцип религиозной нетерпимости был чужд римскому законодательству и установился лишь при христианских императорах Рима. Выступление вызвало бурную реакцию киевского духовенства. С обличительной анонимной статьей выступил профессор Духовной академии М. Г. Ковальницкий, обвинявший Кулаковского в предвзятости, незнании, отсутствии «верного курса» и пр. (см.: Труды Киевской Духовной академии. 1892. Т. 2. № 5, 6). Местонахождение экземпляра опубликованной лекции (скорее всего, оттиск), подаренного Фету, неизвестно.

[5] В своем ответе «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков: Ответ на „Несколько замечаний“, помещенных в „Трудах Киевской Духовной академии“» (Университетские известия. 1892. № 7. С. 1–58; отд. отт.: Киев, 1892) Кулаковский, по мнению исследователя, «выказал себя не только специалистом, исчерпывающе владеющим предметом, но и блестящим, остроумным полемистом» (*Пучков*. С. 124; подробнее см.: С. 122–123).

[6] Речь идет о старшем сыне Кулаковского Сергее Юлиановиче (1892, Киев — 1949, Лодзь), впоследствии известном критике и литературоведе, приятеле Андрея Белого; вскоре у ученого родился второй сын Арсений Юлианович (1893, Киев — 1930-е, Киев). Подробнее о трагической судьбе сыновей ученого после 1917 г. см.: *Пучков*. С. 89–91.

[7] В это время Фет работал над переводом «Печальных элегий» Овидия, которые будут опубликованы уже после его смерти. «Теперь по 5 строчек тащу Tristia (Скорби)», — писал Фет Ф. Е. Коршу 21 ноября 1890 г. (см.: *Письма к Коршу*. С. 225); см. также: Скорби Овидия (Tristia). Перевод А. Фета. М., 1893 (ценз. разрешение: 14 апреля 1893 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Ю. А. Кулаковский — М. П. Шеншиной

25 ноября 1892 г. Киев

Многоуважаемая Мария Петровна!

С глубокой сердечной болью прочел я в газетах весть о кончине дорогого Афанасия Афанасьевича[1]. Не стало славного русского поэта и неутомимого друга классического мира! До конца своих дней остался он верен своему призванию и этой дружбе, и в том письме ко мне,[2] которому суждено было остаться последним для меня его откликом, говорил он о своей работе над «Скорбями» Овидия.[3] Хотелось бы надеяться, что почивший имел утешение довести до конца этот свой последний труд, которому он отдавался среди одолевавших его, как он мне писал, болезней. Не чаял я тогда, что болезни эти были уже предварением конца его деятельной, непрерывно напряженной жизни. А теперь — всем его знавшим и любившим остается лишь склониться с благоговением пред свежей могилой доброго человека, оставившего нас навсегда. Мир его праху!

В сердечном сочувствии Вашему горю позволяю я себе издали присоединиться к тому множеству почитателей и друзей покойного, которые там, в Москве, могут лично выразить Вам свое сочувствие и сострадание.[4]

Крепко целую Ваши руки и остаюсь сердечно преданный Вам Юлиан Кулаковский.

25 ноября 92. Киев.

На конверте: *Москва.*
Ее Превосходительству
Марии Петровне
Шеншиной.
Плющиха,
собств<енный> дом.

Почтовые штемпели: 1) 27 нояб<ря> 1892, Киев; 2) 29.XI.1892, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 8. № 52. Л. 1–2, конверт — л. 3.

[1] См.: *МВед*. 1892. 22 ноября. № 324. С. 1; 23 ноября. № 325. С. 1 (траурные объявления); см. также: *Языков Дим*. А. А. Шеншин-Фет (Некролог); *В. С*. Памяти А. А. Шеншина // *МВед*. 1892. 22 ноября. № 324. С. 2.

[2] Местонахождение последнего письма Фета к Кулаковскому от 9 октября 1892 г. неизвестно.

[3] См. п. 17, примеч. 7.

[4] 23 ноября на панихиде присутствовали: гр. П. А. Капнист, гр. А. В. Олсуфьев, проф. Н. Я. Грот, сотрудники «Московских ведомостей»; 24 ноября на отпевании в Университетской церкви присутствовали: гр. Олсуфьев, Н. Я. Грот (с депутацией от Психологического общества), генерал-лейтенант А. А. Козлов, управляющий канцелярией Московского генерал-губернатора В. К. Истомин, проф. Н. С. Тихонравов (с депутацией от Общества любителей российской словесности), профессора Московского университета Г. А. Иванов, Н. И. Стороженко, В. Ф. Миллер, датский королевский вице-консул Ф. Эдстрем, «масса студентов и почитателей таланта покойного, многие из дам высшего общества». Гроб из храма вынесли на руках гр. Олсуфьев, П. П. Боткин, В. Н. Семенкович и др. (см.: *МВед*. 1892. 24 ноября. № 326. С. 3; 25 ноября. № 327. С. 3–4). См. также: *Садовской Б. А*. Кончина А. А. Фета (21 ноября 1892 г.) (По неизданным источникам) // *ИВ*. 1915. Т. 140. № 4. С. 147–156.

«Московские ведомости» поместили письмо М. П. Шеншиной: «Мы получили следующее письмо: „Мария Петровна Шеншина, не будучи в состоянии лично выразить своей глубокой благодарности всем друзьям и почитателям таланта покойного мужа своего, Афанасия Афанасьевича, принявшим такое сердечное участие в ее горе, просит редакции газет напечатать настоящее заявление, присовокупляя, что все сделанное для нее и памяти дорогого покойника глубоко залегло на ее сердце“» (*МВед*. 1892. 25 ноября. № 327. С. 4).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

К ЮБИЛЕЮ А. А. ФЕТА

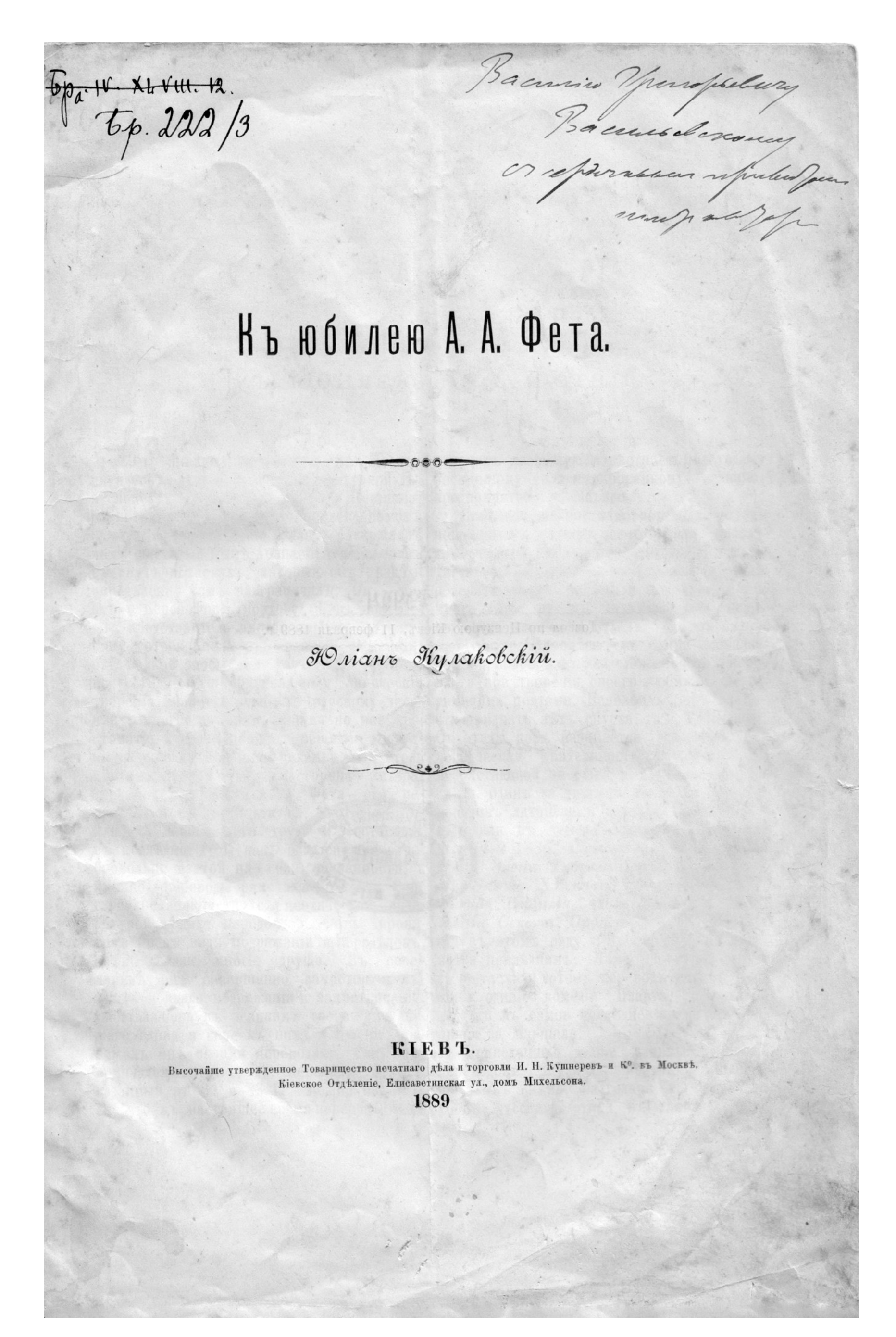
29-го января празднуется в Москве пятидесятилетний юбилей литературной деятельности Афанасия Афанасиевича Шеншина,[1] известного всей России под псевдонимом Фета. Свой поэтический талант раскрывал нам маститый ныне Афанасий Афанасьевич в двух областях, которые он резко и определенно сам разграничил. Он — поэт и переводчик поэтов. Как поэт — он представитель чистой лирики, по принципу отрекшийся от всякой тенденции, от всякой злобы дня, служитель чистого искусства. Его оригинальные лирические творения знакомы всякому русскому человеку, многие из них вошли во все хрестоматии и стали нашим общим достоянием еще со школьной скамьи. Не столь многим знакома другая сторона литературной деятельности А. А. Фета — его переводы, и в частности те, которые стоили ему наибольшего труда и составляли в последние годы как бы исполнение добровольно взятой на себя обязанности, а именно — переводы римских поэтов. Свое глубокое знакомство с поэтической литературой чужих народов г. Фет проявлял не в виде подражаний и переделок, как делали многие другие. В своей лирике он совершенно самостоятелен, чужд всякого подражания и заимствований. Свою любовь к великим творениям чужого слова и свое к ним уважение выражал он своими переводами. Так, ему принадлежит полный перевод «Фауста», изданный в 82 и 83 гг. Можно надеяться, что в настоящее время перевод этот получит всеобщую известность, благодаря роскошному иллюстрированному изданию, предпринятому г. Марксом.[2]

Свою деятельность переводчика по отношению к римской словесности начал г. Фет еще на университетской скамье. Тогда еще полюбил он Горация и стал облекать в русские стихи его оды. Лишь много лет спустя закончил он перевод од Горация и издал его в свет в 1856 г.[3] Вероятно, уже тогда сознал он за собой как бы обязанность перевести все творения своего любимца между римскими поэтами. Исполнил он ее почти тридцать лет спустя, в 1883 году.[4] С этих пор начинается усиленная переводческая деятельность г. Фета; с возрастающей энергией выпускал он в свет один за другим томы своих переводов латинских поэтов. Издания эти выходили в таком порядке: *Сатиры Ювенала* 1885,

Стихотворения Катулла 1886, *Элегии Тибулла* 1886, *Публия Овидия Назона XV книг Превращений* 1887, *Энеида Вергилия*, части 1-я и 2-я 1888, *Элегии Секста Проперция* 1888.[5] Последний в этом ряду, Проперций, не останется последним. Нам известно, что у г. Фета уже готов перевод сатир Персия и одной комедии Плавта, а также и то, что в самое последнее время он принялся за Марциала.[6]

Приведенный выше длинный список переводов римских поэтов, вышедших в свет, благодаря г. Фету, в уборе русского стиха в такой сравнительно краткий период времени, свидетельствует, что почтенный Афанасий Афанасиевич превратил свое отношение любителя античной поэзии в другое, что он сделал перевод римских поэтов своей специальностью. Русские филологи должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он им в их задаче — сближать русское просвещение и русскую образованность с античным миром. В день, когда представители русского слова и многочисленные личные друзья его и почитатели приносят юбиляру свои поздравления, считаем и мы уместным отозваться из нашего лагеря филологов о той стороне его литературной деятельности, которая близка нам, чтобы тем почтить много потрудившегося и неустанно трудящегося переводчика римских поэтов. Мы далеки от желания представлять здесь критику переводов г. Фета или подробный их разбор; мы бы желали только отметить здесь ту общую точку зрения, с какой следует ценить его заслуги в этой части его трудов на пользу нашей отечественной словесности.

Начнем с указания на те трудности, какие предстают перед переводчиком творений изящной литературы чужого языка. Кроме общего знания языка, которое сводится к пониманию слов и грамматической конструкции данной фразы, необходимо понять и почувствовать стиль данного писателя, его литературную индивидуальность. В переводе поэтов дело усложняется тем, что лексикон поэтического языка у каждого народа есть нечто условное. Необходимые элементы этого языка, как эпитеты, метафоры, сравнения и т. д. — *свои* в каждом языке. Поэзия древних имеет, кроме того, еще и свои отличные от наших весьма разнообразные размеры. Адекватный перевод древнего поэта, т. е. такой, который бы передавал подлинник *целиком* и производил бы то же самое впечатление, есть только идеал, к которому нужно стремиться. Адекватно перевести можно, пожалуй, афоризмы, изречения, но не цельное произведение. По отношению к прозаику задача эта несколько легче. При большом внимании к делу, после продолжительного изучения и приобретения привычки чувствовать стиль данного писателя, при условии мастерского владения родным языком, переводчик может достигнуть искусства

Василию Григорьевичу
Васильевскому
с сердечным приветом

Къ юбилею А. А. Фета.

Юліанъ Кулаковскій.

КІЕВЪ.
Высочайше утвержденное Товарищество печатнаго дѣла и торговли И. Н. Кушнеревъ и К°. въ Москвѣ.
Кіевское Отдѣленіе, Елисаветинская ул., домъ Михельсона.
1889

Отдельный оттиск статьи Ю. А. Кулаковского «К юбилею А. А. Фета» (Киев, 1889).
Титульный лист с дарственной надписью В. Г. Васильевскому (*ИРЛИ*)

сохранять в передаче на свой язык стиль и колорит даже таких своеобразных писателей, каковы, например, Фукидид или Тацит.[7] По отношению к поэтам и особенно лирикам дело это гораздо труднее. Трудность обусловливается, прежде всего, тем признаком, который составляет внешнее отличие прозы от поэзии, разумеем — метр.

По своей природе все метры основаны на одном принципе: внесении в речь начала музыки, присутствии в ней ритма. Ритмическое течение речи достигалось у древних при помощи весьма многочисленных и различных размеров. Каждый размер имел свой колорит, и на этот счет существовали и действовали определенные теории. Отдельные формы метров были приурочены к отдельным видам поэзии. Так, гекзаметр был размером эпоса и притом так, что эпос был немыслим в иной форме. Самое слово ἔπος употреблялось у греков в смысле — гекзаметр. Для элегии существовал так называемый элегический дистих, или пентаметр, как мы теперь его зовем обыкновенно. Злая насмешка и издевательство облекались у греков в форму ямба. Лирика имела со времени Алкея и Сапфо свои различные размеры, в основе которых лежали мелодии.[8] Мелодии эти замерли в форме размеров, живая и непосредственная связь последних с музыкой прекратилась; но колорит и характер размеров были живой действительностью для древнего слуха. Тот или иной размер, даже не будучи уже определенной мелодией, имел для них свою определенную музыкальность. Не имея в нашем языке даже того элемента, на котором зиждется метр древних, т. е. долготы и краткости отдельных слогов, мы способны понимать лишь в очень отдаленной степени музыкальный характер отдельных размеров.

В немецкой литературе установилось понятие, что полный перевод поэта должен передавать и метр подлинника. Такие переводы по отношению ко многим греческим и римским поэтам или отдельным их произведениям появляются издавна в литературе Германии, а под ее влиянием стали появляться и у нас. Наиболее простой из греческих размеров, метр эпоса, гекзаметр, получил с давних пор у немцев, как и у нас, право гражданства, хотя мы, как и немцы, передаем только ритм гекзаметра, а не всю его природу, не ту смену долгих и кратких слогов, с какой он является у древних.[9] После долгих опытов гекзаметр привился у нас вполне, и наши поэты нередко пробуют сочинять в этом размере и оригинальные стихи.* Если возможен русский гекзаметр, то возможным ка-

---

* Наш уважаемый поэт г. Полонский[10] читал нам недавно свое небольшое стихотворение в гекзаметре, который вышел у него очень звучен. — *Примеч. Кулаковского*.

жется и элегический дистих, в котором вслед за полным гекзаметром идет гекзаметр дважды усеченный: в середине и конце, т. е. такая схема —

— ◡◡ — ◡◡ —   — ◡◡ — ◡◡ —,

причем, конечно, как и в гекзаметре, трехсложная стопа дактиля может заменяться двухсложной, спондеем у древних, трохеем (или хореем) у нас. Но у немцев постоянно делаются попытки передавать не только эти, но и все вообще древние размеры в переводах поэтов. Часто попытки бывают весьма удачны. Они-то и поддерживают представление о возможности и целесообразности такого способа перевода произведений древней словесности на новые языки, и по примеру немцев часто и у нас появляются на страницах разных журналов переводы отдельных од Горация (других произведений мы не встречали) с соблюдением размера подлинника.[11] Мы думаем, что тут есть преувеличение в стремлении достигнуть полноты передачи латинского текста на родной язык, преувеличение, которое обращением на внешнее приводит к забвению о сущности перевода и его идеале. Чтобы подкрепить свое утверждение ссылкой на суждение авторитета в вопросах метрики, приведем здесь замечание профессора Корша. Он имел случай высказаться об этом в своей рецензии на перевод стихотворений Катулла, сделанный Вестфалем, которая помещена в одном немецком критическом журнале. «Передача этих метров (т. е. различных лирических размеров) на немецком или другом каком языке в лучшем случае позволяет приметить только число и размещение ритмических акцентов, но не их относительную силу (что, впрочем, могло бы до известной степени быть достигнуто соответствующей расстановкой дважды ударяемых слов), и оставляет, как то понятно, по большей части совершенно не отмеченной продолжительность стоп. Таким образом, пред нами выступает в немецком или ином каком тоническом подражании стихам сапфическим, алкейским, гликонейским и т. под., только *схема* каждого ритма, а не самый *ритм*, т. е. нечто, что отпугивает своим ἄρρυθμον[a] того, кому неизвестен этот ритм… К гекзаметру, пентаметру и тому подобным стихам из однородных стоп относится это менее, так как в них ясно и определенно выступает ритм, хоть и то сказать — не всегда тот, какой имеется в виду, и все же ямбические триметры производят на непривычное ухо странное впечатление». Г-н Корш указывает в дальнейшем, между прочим, на переводы греческих поэтов Брандеса. Отметив их не всегда полное соответствие подлиннику, он дает, однако, такую характеристику

[a] несогласованностью, отсутствием ритмичности (*греч.*).

этих переводов: «Зародыш, который для простого наблюдателя был закрыт и безжизнен, развертывается в них в цветок, который позволяет новому читателю наслаждаться тем же благоуханием, какое он дарил древнему».[*,12]

Мы вполне разделяем мысли нашего уважаемого знатока в области метрики. Мы также думаем, что не тот переводчик достигнет полной точности в передаче поэта, который уложит слова, соответствующие словам подлинника, в метрическую схему этого последнего; ее достигнет тот, кто поэтически и целиком поняв свой оригинал и отчетливо чувствуя самый ἦθος[б] данного размера, передает оригинал на своем языке, пользуясь всеми соответствующими средствами своего поэтического языка. Таков идеал переводчика поэтов.

Наш маститый поэт, не уясняя теоретически этих понятий, дал нам в своем переводе од Горация не одну мастерскую передачу полета поэтической мысли древнего поэта. Но мы с грустью должны заметить, что на этой высоте понимания своей задачи он не остается в своих позднейших переводах. Для перевода в смысле указанного выше идеала нужно вдохновение. Но раз г. Фет ставил себе задачей перевести того или другого поэта целиком и делал это с такой поражающей быстротой, раз он превратил свое отношение любителя в другое — переводчика-специалиста; то тем самым он лишил возможности себя — давать, а нас ждать от него переводов, подобных тем, какие зачастую встречаются среди его од Горация.[13] Все более и более укреплявшаяся опытность в передаче латинских стихов делала, конечно, для него взятую им на себя задачу легче и удобоисполнимее; но одной опытности мало: тут нужен *otium*[в] и соответствующее настроение, а наш переводчик сам себя лишал первого и не ожидал, по-видимому, второго.

Перевод од Горация остается, по нашему мнению, лучшим, что подарил нам г. Фет в своей деятельности переводчика. Он понял, что для передачи Горация ему вовсе не нужны древние размеры. Он их удерживал там, где они просты и — mutatis mutandis[г] — наши собственные.

Такова, например, мастерски им переведенная вторая эпода, написанная в ямбах.

Beatus ille qui procul negotiis…

---

[*] Göttingische gelehrte Anzeigen. 1886. № 16, p. 648. — *Примеч. Кулаковского*.

[б] склад, характер (*греч.*).

[в] *отдых, покой* (*лат.*).

[г] изменив то, что надо изменить; с соответствующими изменениями (*лат.*).

Размер подлинника переводчик здесь обогатил тем условием ритмической речи, без которого у нас немыслимо лирическое стихотворение, а именно: рифмой. При ее помощи прекрасно текут его ямбы в этой эподе.

Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол,
Как род людей первоначальный,
На собственных волах отцовский пашет дол,
Не зная алчности печальной.
Ни море злобное, ни труб воинских звон
Не возбуждают в нем тревоги…[14]

Ямб с рифмой великолепно служили г. Фету для передачи весьма разнообразных размеров подлинника. Укажем для примера на перевод последней в сборнике од пьесы (IV, 15), которая у Горация написана в алкейских строфах.

Уже я воспевать хотел коварный бой
И гибель городов, но лирный глас раздался,
И Феб вещал, чтоб я с Тирренскою волной
Под утлым парусом бороться не пускался.
Твой век, о Цезарь! вновь обилием плодов
Благословил труды оратаев счастливых;
Зевесу нашему вернул его орлов,
Сорвавши их со стен парфян самолюбивых,
И двери Януса Квирина затворил,
И обуздал и ввел в границы дух бесчинный,
Рукою мощною пороки устрашил
И доблестию нас обрадовал старинной.
Она-то имени латинскому дала
Почет, взлелеяла великий дух народа,
И славу римскую она-то разнесла
От ложа Геспера до солнечного всхода.
Коль будет Цезарь нас от бедствий охранять,
Ни граждан мятежи[*,15] не повредят покою,
Ни гнев, который рад всегда мечи ковать
И бедным городам опять грозить войною.
Ни тот, кто пьет Дунай в высоких берегах,
Не смеет нашего ослушаться закона,
Ни гет, ни сер, ни перс, наш вероломный враг,
Ни тот, кто родился у вод далеких Дона.
А мы в рабочие и праздничные дни,

[*] Позволяем себе переставить эти два слова. — *Примеч. Кулаковского*.

Лиея скромного присевши за дарами,
Средь наших жен, детей и нашей всей родни;
Как должно, помолясь сперва перед богами,
Всех наших праотцов, героев воспоем
Лидийской флейтою и в этой песне громко
Анхиза старого и Трою помянем,
Венеру и ее достойного потомка.[16]

Там, где г. Фет желал сохранить размер подлинника, как переведена, например, 8-я ода II книги, написанная в сапфических стихах, и где он в силу этого отказывается от рифмы, его перевод выходил гораздо слабее.

Если б[17] хоть раз наказанье злое,
За измену клятве, Барина, знала;
Если б зуб один почернел иль только
Ноготь стал дурен —
Я бы верил. Но не успеешь клятвой
Отягчить главы ты своей преступной,
Как для всех красой ты блистаешь новой,
Юношей мука![18]

В 10-й оде той же книги, написанной автором в том же размере, что и 8-я, переводчик сохранил только продолжительность стихов, как они определены этой строфой, и вместо хореического ритма, какой имеет эта строфа, дал словам ямбическое течение. Приведем первую строфу для примера:

Лициний, проживешь верней, когда спесиво
Не станешь в даль пучин прокладывать следов,
Иль устрашася бурь, держаться боязливо
Неверных берегов.[19]

Всякий, кто сравнит эту строфу с приведенной выше, где дано quasi-точное воспроизведение сапфического размера, отдаст предпочтение созданному г. Фетом приспособлению его к русскому языку.

С алкейской строфой переводчик поступал еще свободнее. Так, например, 4-ю оду III книги он перевел стихом в две ямбические диподии, устранив совершенно форму строф.[20] Следующую оду той же книги, написанную в том же размере, г. Фет перевел в ямбических двустишиях, по шести с половиною стоп в первом и по шести — во втором стихе:

Мы верили досель, что в небесах громами
Юпитер властвует; но богом может слыть
И Август, овладев британскими брегами,
Коль грозных персов он успеет покорить.[21]

Мы, с своей стороны, признаем совершенно правильным это свободное отношение переводчика к размерам древней лирики и полагаем, что самый тон стиха, зависящий от подбора слов и образов, при условии рифмы, восполняет для нас тонкие и разнообразные оттенки древних размеров с их различными, в значительной степени искусственными (даже для римлян) ритмами. Эти последние чужды нам, и русский слух не в состоянии уловить их красоты в применении к словам своего родного языка.

В своем переводе Горация г. Фет выступал как любитель античной поэзии. Он долго и с любовью работал над Горацием, и в частности — над его одами. Воспринимая в них прекрасное — как в полете поэтической мысли, образах и выражений, так и в форме, он как поэт способен был воспроизвести в своем переводе то *настроение*, которое дано в них. Он старался о точности понимания текста; но как любитель, а не специалист-филолог, часто погрешал против нее. Поэтические достоинства перевода, хотя, конечно, и не могут вполне покрыть этих погрешностей, искупают их, однако, в значительной мере. Много сделал после того г. Фет; но, оглядывая все позднейшие его переводы, мы должны сознаться, что считаем его первый перевод — самым лучшим. Наша Академия наук удостоила этот труд г. Фета Пушкинской премии в 1884 г.[*,22]

Начав как любитель, г. Фет не уяснил себе при переводе Горация, всех обязанностей переводчика и не воспользовался способами, которые позволяют с удобством выйти из затруднений, связанных с этими обязанностями. Работая над переводами Горация, он не позаботился о том, чтобы латинский текст, с которого он переводил, был наиболее исправным или был признан за таковой в настоящее время, и в предисловии не считал нужным указать на издания, бывшие у него под руками.[23] В своих позднейших переводах г. Фет стал в этом отношении менее уязвим, чем как то было с его переводами Горация.

Опасаясь повторить здесь общее место, позволим себе, однако, указать на трудности в понимании и даже восстановлении текстов древних писателей. По отношению ко всем им идет непрерывно со времени Возрождения непрестанная ученая работа филологов. В последовательном ряде изданий выражается наше постепенное усовершенствование не только в понимании произведений древней словесности, но и в самом

---

[*] Подробный разбор труда г. Фета был исполнен проф. Помяловским, который стих за стихом проверил перевод и указал в нем весьма много неточностей и погрешностей. — *Примеч. Кулаковского*.

установлении их текстов. Достоинство работ предшественников не страдает оттого, что их преемники подвергают не только пересмотру, но и сомнению установленное ими, ставят вновь и вновь решают старые вопросы и не только там, где счастливый случай дает новый материал, но и там, где возможно это сделать лишь усовершенствованием критических приемов. Ученый, изучающий данного писателя, находится не в том к нему отношении, в каком стоит переводчик. Тогда как первый остается в сфере критики и экзегетики, второй должен представить текст в готовом, цельном, ясном виде. Если переводчик станет слишком много задумываться над текстом и хлопотать о том, чтобы совместить в себе филолога, то ему может грозить опасность не довести до конца своей задачи. Переводчик имеет полное право признать какой-либо данный текст за вполне исправный и соглашаться в понимании с каким-нибудь определенным ученым авторитетом. Обилие в настоящее время хороших комментированных изданий древних писателей облегчает дело. С их помощью, или даже и одного какого-либо из них, может переводчик уклоняться от обязанности филолога всесторонне оценивать и уразумевать текст древнего писателя.

В своих переводах, изданных в свет после Горация, г. Фет избирал обыкновенно лучшие из имеющихся в современной немецкой ученой литературе издания поэтов и тем самым слагал с себя ответственность касательно как формы текста, так и понимания отдельных спорных мест. После нападок, не во всем, впрочем, основательных, которым подвергся его перевод Ювенала,[24] г. Фет пришел к мысли пригласить сотрудника для своей работы. Но тут постигла его неудача в выборе. Г-н Нагуевский, хоть он и носит, увы, звание профессора, давно уже оценен по достоинству нашей ученой критикой. Перевод «Энеиды» Вергилия, на заглавном листе которого стоят слова: «со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского», — не выиграл от участия в деле его издания этого наивного компилятора чужой учености, который не останавливается и пред плагиатом.[25] Различные более или менее тонкие оттенки в языке Вергилия, оставшиеся незамеченными г. Фетом, ускользнули и от г. Нагуевского. Этот последний имел над г. Фетом одно лишь преимущество: тогда как г. Фет пользовался при своем переводе одним немецким комментированным изданием (Ladewig), у г. Нагуевского было их под руками два (Ladewig и Kappes).[26] Но это преимущество далеко не уравновешивалось другим, которое было всецело на стороне г. Фета. Разумеем то, что г. Фет владеет русским языком, как его мастер, тогда как г. Нагуевский в нем вовсе не хозяин. Образчики его собственного стиля в предисловии и примечаниях дают красноречивое свидетель-

ство о том, как мало мог он быть компетентен в суждении о правильности передачи г. Фетом вергилиева текста на русский язык. В своем Проперции г. Фет обошелся уже своими силами, без помощи этого призрачного авторитета, и хотя язык Проперция представляет весьма немало трудностей для понимания, но перевод этого автора вышел у г. Фета вообще довольно точен и удачен.

Были у г. Фета в его деятельности переводчика сотрудники и другого рода: он привлекал своих друзей к непосредственному участию в самом переводе. Такими соучастниками были у Афанасия Афанасьевича В. С. Соловьев и граф А. В. Олсуфьев, автор строгой и даже придирчивой критики на его «Ювенала».[27] В сотрудничестве с первым Афанасий Афанасьевич издал «Энеиду», в которой г. Соловьеву принадлежат книги VII, IX и X, а со вторым — перевод «Метаморфоз» Овидия.[28] Привлечение к участию в своем труде В. С. Соловьева переводчик объяснил в «Предисловии» к «Энеиде» указанием на угрозу своей старости и физической немощи, его одолевавшей: он боялся, что ему не удастся довести до конца начатого труда.[29] Благодарение Богу, силы еще служат почтенному Афанасию Афанасьевичу, и после «Энеиды» он успел издать Проперция, а также приготовить к изданию сатиры Персия и одну комедию Плавта, о чем мы упоминали выше.

Не можем не сознаться, что мы не сочувствуем той поспешности в переводах, которую проявляет г. Фет. Мы вполне его понимаем и сочувствуем ему, когда он объясняет моральную причину, вызывающую его переводы, в таких словах: «С летами собственное вдохновение все реже и реже оказывает свои ласки, а потребность этих ласк не скудеет и вынуждает искать их у других. Более всего мы их находим у древних, этих величайших мастеров слова» (Предисловие к «Метаморфозам» Овидия, стр. XIX).[30] Но мы не можем признать и того, что, быстро переходя от одного поэта к другому, переводя их произведения целиком, словно по какой-то необходимости, наш почтенный юбиляр лишил сам себя возможности удержать свои переводы латинских поэтов на той высоте, на какую он бы мог их поставить, как свидетельствуют о том оды Горация, его первый труд в этом роде.[31]

Переводов г. Фета так много, что уже этим одним они составят эпоху в истории переводов на наш язык произведений классической словесности. Он перевел всех дошедших до нас поэтов так называемого золотого века (хоть и не все их произведения); им же переведен и наиболее оригинальный представитель серебряного века — Ювенал, а также и предшественник полного расцвета римской поэзии, лирик Катулл. Г-н Фет сам, по-видимому, думает, что он во всех своих переводах

стоял на одной и той же точке зрения относительно обязанностей переводчика и по мере своего умения повсюду выдержал свое представление касательно того, что такое точность в переводе поэта. Но мы должны сказать, что его переводы далеко не все равного достоинства. Хотя г. Фет сам лирик, но перевод наиболее искреннего римского лирика, Катулла, ему совершенно не удался. Его утверждение в «Предисловии» к Катуллу, что он хлопотал прежде всего о точности и не желал делать переложения, не допускал «вольного перевода», его шутки насчет «двуликой Гермы», которую представляют Катулл латинский и Катулл русский, нисколько не улучшают дела.[32] Переводчик слишком просто понимает здесь точность перевода, которая ведь не в том только состоит, чтобы на месте стихов и слов одного языка стояли стихи из соответствующих слов другого. В своем Катулле он совершенно позабыл о том творческом процессе, которого должны были ему стоить его переводы од Горация. Это упрощенное понятие о точности выдерживает г. Фет и во всех дальнейших переводах. Но так как материал «Метаморфоз» Овидия и вергилиевой «Энеиды» далеко не так нежен, как творения прекрасного лирика Катулла, то эти переводы и вышли у него много лучше, нежели Катулл. Прибавить следует и то, что по мере увеличения числа переводов г. Фет все свободнее и свободнее овладевал латинским языком, так что ему давалось и более глубокое понимание текста, что содействовало достижению большей точности. — Но что касается до самой формы, до гекзаметра, то никак нельзя сказать, чтобы русский стих в этом размере достиг под пером г. Фета той красоты, свободы и изящества, какую он может иметь и какую имеет, например, у Жуковского. Конечно, слишком много тысяч их в переводах г. Фета, чтобы каждый мог пройти через внимательную оценку своего творца. Десятками, а быть может и сотнями можно считать у него кряду прекрасные и звучные стихи, слово в слово притом соответствующие стихам подлинника, чем особенно дорожит сам автор; но тем удивительнее, что между гекзаметрами г. Фета попадаются слишком часто стихи неправильные. В своем последнем переводе, элегиях Проперция, г. Фет, чтобы начать стих с ударения, как того требует дактиль, слишком часто начинает стих с односложного слова или слабой по значению частицы. Для примера укажем хотя бы на 5-ю элегию первой книги, где на 34 стиха этой пьесы 24 начинаются с односложных слов и частиц, причем четыре кряду стиха (15–18) начинаются с союза *и*.[33] Внешний, по-видимому, признак этот свидетельствует, однако, о необработанности этих гекзаметров.

Конечно, при той поспешности в издании переводов одного за другим латинского поэта, как то делает г. Фет, иначе и быть не могло. Но

эта поспешность есть личная воля переводчика, а не его обязанность. Если г. Фет желал создать себе такой огромный литературный памятник, и мы все искренно дивимся его обширным размерам, то нельзя при его созерцании не заметить и того, что хорошо отделаны в нем далеко не все части, и далеко не все они из лучшего мрамора. Но в то же время мы отдаем дань полного уважения изумительной энергии маститого юбиляра, и если его переводы открыли для многих, только по слуху знавших имена латинских поэтов, их образ, хотя бы подчас и в «двуликой герме», и познакомили с содержанием их творчества, то это великая его заслуга. Многих и многих приблизил и приблизит он к пониманию классической древности и античного мира, пред которым он сам так искренно благоговеет. А мы, филологи, признавая в почтенном Афанасии Афанасьевиче добровольца в нашем лагере, дивясь той неустанной энергии и рвению, с которыми он ратует за наше дело, должны принести ему дань нашей сердечной признательности и самого глубокого уважения. День его праздника пусть будет для нас votorum nuncupatio[д] за его благополучие.

[1] 28 и 29 января 1889 г. в Москве праздновался 50-летний юбилей творческой деятельности Фета (начальной датой поэт считал одобрение Н. В. Гоголем «тетрадки» его стихотворений в 1839 г.). О юбилее см. примеч. 2 к п. 10. Фет писал Полонскому 23 мая 1888 г.: «…основание к пятидесятилетнему поминанию моей музы с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей, и несколько стихотворений из нее перешли в „Лирический пантеон“, напечатанный в сороковом году» (*Фет/Полонский*. С. 647; см. также: С. 648 — коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной).

[2] Речь идет об издании А. Ф. Маркса: Фауст. Трагедия Гёте. Перевод А. Фета. С рисунками Энгельберта Зейбертца. Ч. I, II. <2-е изд.>. СПб., 1889. Книга вышла осенью 1888 г. и сразу же вызвала восторженные отзывы в печати: «Книга отпечатана на 100 листах великолепной веленевой бумаги in folio; гравюры оттиснуты на листах с соблюдением в тонах средневекового характера; множество виньеток, мелких рисунков, заставок украшают текст. Вся эта художественная часть издания отличается строжайшим единством стиля, выдержанностью и благородством вкуса. Такою же обдуманною роскошью отличается и переплет книги. Он сделан из цельной кожи (шагрень), вытисненной рельефно медным штампом по оригинальному рисунку в старинном немецком стиле» (*СПбВед*. 1888. 28 ноября. № 329; цит. по: *Фет/К. Р.* С. 697; см. также илл.: *Фет/Страхов*. С. 470, 471). Первая часть фетов-

---

[д] торжественное обещание, принесение обетов (*лат.*). Существовал римский обряд, когда жрецы молились богам, чтобы те даровали императору здоровье, армия приносила торжественный обет подчинения императору. — *С. И.*

ского перевода «Фауста» была издана ранее в типографии А. Гатцука (М., 1882), вторая часть — также в типографии А. Гатцука в 1883 г.; 2-е изд., исправленное — в типографии А. И. Мамонтова (М., 1889).

[3] См.: Оды К. Горация Флакка. В четырех книгах. Перевод с латинского А. Фета. СПб., 1856.

[4] См.: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883.

[5] Д. Юния Ювенала. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885; Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV. = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887; Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888; Часть вторая. VII–XII. М., 1888; Элегии Секста Проперция. В переводе и с объяснениями А. Фета. СПб., 1888 (впервые: *ЖМНП*. 1888. № 5, 7–9).

[6] Сатиры Персия. Перевод А. А. Фета. СПб., 1889; впервые: *ЖМНП*. 1889. Ч. 262. № 3. Отд. 4 С. 101–143; Тита Макция Плавта Горшок. Aulularia. Перевод А. Фета. М., 1891; М. В. Марциала Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891.

[7] *Фукидид* (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — афинянин, выдающийся историк античности, писавший на аттическом диалекте; участник Пелопоннесской войны (431–404), описавший ее ход в своей «Истории». *Тацит Публий Корнелий* (ок. 55 — ок. 120) — римский историк, оратор, общественный деятель; автор сочинений: «Жизнеописание Юлия Агриколы», «Германия», «Диалог об ораторах», «История», «Анналы».

[8] *Алкей* (VII в. до н. э — после 585 г. до н. э.) — древнегреческий лирический поэт из Митилены на Лесбосе, друг и младший современник поэтессы *Сапфо* (ок. 612/630 г. до н. э. — 572/570 г. до н. э.), которой он посвящал любовные стихи. Вместе с Сапфо Алкей принадлежал к эолийской мелической школе — новому этапу развития древнегреческой поэзии; ими было положено начало новой системе стихосложения, имеющей народное происхождение — силлабо-метрической, основанной на силлабическом и метрическом принципах, среди которых — размеры, названные их именами: алкеева строфа и сапфическая строфа. В противоположность дорической хоровой лирике, монодическая (сольная) лирика эолийцев допускала либо однородные системы, либо строфы, состоящие из дистихов и тетрастихов. Римские поэты переняли и ввели в стихосложение и алкееву строфу (Гораций), и сапфическую (Гораций и Катулл). Характер легенды носит история любви Алкея к Сапфо, ставшая популярной темой в искусстве (см.: Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. С. 24, 508).

[9] Теме происхождения гекзаметра, схеме его деления, форме, метрике, его связи с элементами народного словесного творчества эллинов посвящена специальная статья-рецензия Кулаковского, написанная незадолго до публикуемой статьи: *Кулаковский Ю*. Новые мысли в области греческой метрики // *ЖМНП*. 1888. Ч. 260. № 11. Отд. 2: Критика и библиография. С. 150–162.

[10] С Я. П. Полонским Кулаковский познакомился в Воробьевке в июне 1888 г., был с ним в дружеских отношениях, часто бывал на его «пятницах» в Петербурге,

состоял в переписке (письма Кулаковского см.: *ИРЛИ*. № 12180; местонахождение писем Полонского неизвестно), дарил свои книги, среди которых, к примеру: *Кулаковский Ю.* 1) Поэма Люкреция «О природе» (актовая речь). Киев, 1887; 2) Философ Эпикур и вновь открытые его изречения. Киев, 1889; с дарственной надписью: «Якову Петровичу Полонскому в знак глубокого уважения от автора» (Библиотека ИРЛИ. Шифр: Бр. $\frac{69}{18}$). Возможно, речь идет о стихотворении Полонского, посвященном юбилею Фета «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета (1889 г. 28-го января)», которое не случайно было написано гекзаметром, размером фетовской «Энеиды», и отослано ему в Москву, вероятно, 11 января 1889 г. (см.: *Фет/Полонский*. С. 707). Не исключено, что список стихотворения был послан тогда же и Кулаковскому в Киев:

Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли…
Капали слезы, — рыдала любовь и алел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила — и бурей шумел <…>

(*Полонский Я.* Стихотворения / Вступит. ст., подг. текста и примеч. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1954. С. 391 (Б-ка поэта. Большая сер.)).

В своих стихотворениях Полонский часто использовал размер русского гекзаметра. См., к примеру, знаменитое стихотворение «Саят-Нова» (1851): «Много песков поглощают моря, унося их волнами, / Но берега их сыпучими вечно покрыты песками…». Другое стихотворение Полонского «Кассандра» («То не ветер — вздох Авроры…», 1890), построенное преимущественно на основе четырехстопного хорея, вызвало восторженный отзыв Кулаковского — см. его письмо к поэту от 22 апреля 1890 г.: «…прекрасное произведение русской поэзии» (*ИРЛИ*. № 12180. Л. 4 об.).

[11] Из переводчиков Горация, предшественников Фета, следует назвать: М. А. Дмитриева, В. Е. Вердеревского, В. С. Филимонова, В. И. Водовозова, В. И. Орлова, И. П. Крешева, Вл. Мазюкевича, Н. И. Кроля, Н. Кельша, Ф. Н. Берга, П. И. Вейнберга, А. Н. Майкова, Н. Ф. Фоккова, Пл. Н. Краснова и др. Обзор главнейших переводов Горация до Фета приводит Помяловский в своем критическом разборе горацианских переводов поэта и приходит к заключению, что «труды его предшественников мало облегчили Фету задачу» (см.: *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 // Сборник ОРЯС имп. Академии наук. 1884. Т. 36. № 4. С. 6–15). Многочисленные переводы од Горация активно публиковались на страницах отечественной периодики во второй половине XIX в. См., к примеру: *БдЧ*. 1854. Т. 124. № 3. Отд. 1. С. 209–210; *ОЗ*. 1858. № 3. Т. 118. С. 70–87 (М. А. Дмитриев); Сын Отечества. 1857. № 9. С. 201–202 (И. П. Крешев); 1858. № 12. С. 337 (И. П. Крешев); *ЖМНП*. 1859. Ч. 102. Отд. 2. С. 1–20 (В. И. Водовозов); 1873. № 12. Отд. 5 (Н. Ф. Фокков); 1886. Ч. 246. № 7. С. 44–45 (К. С—ский <Пл. Краснов>) и др.

[12] *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915) — филолог-античник, переводчик, профессор Московского университета, где читал историю античной словесности (с 1869 г.). Фет неоднократно пользовался его консультациями в своей работе над римскими переводами. Речь идет о рецензии Корша на перевод стихотворений Катулла, сделанный немецким филологом-классиком, теоретиком музыки, переводчиком *Рудольфом Вестфалем* (Westphal; 1826–1892), преподававшим в Катковском

лицее греческий язык и сравнительное языкознание (1875–1881). Вестфаль перевел (с научными комментариями) трактаты александрийского грамматика II в. Гефестиона, Аристоксена, Псевдо-Плутарха, Аристофана и Катулла (см.: Catulls Buch der Lieder. Liepzig, 1884). Вестфалю принадлежит также исследование о Катулле (см.: Catulls Gedichte im historicshen Zusammenhang übersetzt. Breslau, 1867), на которое Корш ссылается в своей книге «Римская элегия и романтизм» (М., 1899. С. 9, 11). В письме к Л. Н. Толстому от 28 сентября 1876 г. Фет отмечал, что в Университете «кроме филолога Вестфаля», который «предложил давать специальные уроки Пете (Борисову. — *С. И.*), на филологическом факультете царствует тор<р>ичеллиева пустота. Заметьте, что Вестфаль профессор Лицея, а не Университета» (Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. 1859–1881 // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 47).

Брандес Георг (Brandes; 1842–1927) — датский литературный и театральный критик, автор работ о творчестве Пушкина, Толстого, Горького, Ибсена, Бьёрнсона, Шекспира. О каких переводах греческих поэтов, сделанных Брандесом, идет речь, установить не удалось.

[13] Ср. с высказываниями Кулаковского в письмах к И. В. Помяловскому этого периода, приведенными во вступит. статье.

[14] Эпод I-й книги, песнь 2: «Сельский Альфий» (К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883. С. 162–163. Далее: *Гораций*).

[15] У Фета: «Ни мятежи граждан» (*Гораций*. С. 150).

[16] IV-я книга, ода 15: «Похвала Августу» (Там же. С. 149–150).

[17] Кулаковский, возможно, намеренно выпускает местоимение, полагая, вероятно, что без него стих становится благозвучнее. У Фета: «Если б ты хоть раз наказанье злое» (II-я книга, ода 8: «К Барине»).

[18] *Гораций*. С. 59.

[19] II-я книга, ода 10: «К Лицинию Мурене» (Там же. С. 61–62).

[20] Ср., например, ст. 1–4 из оды «К Каллиопе» (III, 4) (Там же. С. 84):

Сойди со флейтой неземной,
Царица Каллиопа, с неба,
И песню звонкую пропой,
Или сыграй на цитре Феба.

[21] III-я книга, ода 5: «К Цезарю Августу» (Там же. С. 88–90).

[22] В 1884 г. Академией наук Фету за полный перевод Горация была присуждена Пушкинская премия. Говоря о «весьма многих неточностях и погрешностях», указанных И. В. Помяловским, Кулаковский несколько преувеличивает их количество. Напомним, в своем отчете Помяловский отметил, что не усматривает «резких промахов в понимании подлинника» у переводчика, что «перевод его, в общем, может быть признан переводом верным», что у Фета, в соответствии с подлинником, присутствует такое же разнообразие метров и такое же «оригинальное сочетание стоп», придающих «особую прелесть» переводу; к несомненным достоинствам фетовских переводов Горация Помяловский отнес «редкую полноту и благозвучность» рифм, гладкость, естественность и удобопонятность речи; лишь весьма немногие места вызвали у рецензента замечания (см.: *Помяловский И. В.* К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. С. 22, 54). См. также во вступит. статье.

[23] В своем критическом разборе фетовского Горация Помяловский, «из отрывочных ссылок и указаний» самого Фета восстановив издания, которыми тот пользовался, заключил: «Но если мы поставили переводчику в укор недостаточное знакомство с новейшими работами по критике Горациева текста, то, с другой стороны, должны заявить, что в доступных г. Фету изданиях он изучил его с большим вниманием и добросовестностью. Свидетельствует об этом отсутствие в его переводе значительных ошибок, которые происходили бы от неверного понимания подлинника» (см.: Там же. С. 17–19; см. также: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 562–563).

[24] Предваряя свои профессиональные замечания и уточнения к переводу Фета, А. В. Олсуфьев, вместе с тем, дал ему высочайшую оценку «драгоценного вклада» в классическую филологию, основным достоинством которого является верность подлиннику: «Г-ну Фету менее других можно опасаться внимательного сличения и сравнения с подлинником, строка за строкою; его перевод поразительно верен, и каждое почти слово подлинника передано с необычайною добросовестностью и точностью. Как ни трудно передавать латинский метр русскими стихами, у г. Фета стихи выходят столь же гармонически стройными и благозвучными, как и те произведения, в которых его дарование, свободно вращаясь в сфере собственной фантазии, не было оковано необходимостью применяться к выражению чужих мыслей и образов» (см.: *Олсуфьев Ал. В*. Ювенал в переводе г. Фета. СПб., 1886. С. 3–4).

[25] Здесь Кулаковский повторяет суждение, высказанное им в анонимной рецензии на первую часть «Энеиды» (см. об этом во вступит. статье, а также п. 5, примеч. 14; *Фет/Нагуевский*. С. 374–376).

[26] Речь идет об изданиях: Vergil's Aeneide für den Schulgebrauch erklärt von Karl Kappes (Leipzig: Teubner, 1887); 10-м изд.: Vergil's Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1886. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper (1-е изд.: Vergil's Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII).

[27] См.: *Олсуфьев Ал. В.* Ювенал в переводе г. Фета // *ЖМНП*. 1886. № 2. Отд. классич. филол. С. 87–112; № 3. С. 113–160; № 5. С. 82–112; № 8. С. 80–98. Отд. изд.: СПб., 1886.

[28] См.: Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV. = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. Работа над «Метаморфозами» стала первым сотрудничеством Фета с гр. Олсуфьевым. В Предисловии к книге Фет пишет, что «с радостью» принял «любезное предложение» Олсуфьева «проверить настоящий перевод „Превращений“, совершенно готовый к печати», а также замечает, что граф «настоял на печатании книги с латинским оригиналом рядом». И далее добавляет, что Олсуфьев, «найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших», тем самым текст «приобретал самостоятельную цену в глазах знатоков»; из-за спешности работы «граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию», примечания же, «касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева» (С. XIX). Позже Олсуфьев просматривал «Элегии» Проперция, переведенные Фетом, и «Эпиграммы» Марциала.

Кроме Олсуфьева в проверке «Метаморфоз» (книги 12–14) принимал участие Вл. Соловьев (см.: *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 228). В воспоминаниях Фет назы-

вает своим помощником также Ф. Е. Корша, «с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы „Превращения“, Катулла и половину Проперция» (*МВ*. Ч. 2. С. 393).

[29] В Предисловии к переводу «Энеиды» Фет писал: «…усиливающиеся хронические недуги и мучительное ослабление зрения привели нас к убеждению, что работа наша или затянется на неопределенное время, или остановится на половине пути <…>. В такую, можно сказать, плачевную минуту бессилия, говоря выражениями древних, — музы нежданно послали нам незаменимого помощника в лице Вл. Серг. Соловьева, превосходно владеющего русским стихом, при тонком эстетическом чутье и основательном знании латинского языка. Шестую книгу мы переводили с ним общими силами, а затем, в видах выигрыша времени, разделили труд, и седьмая, девятая и десятая книги вполне переведены им» (*Энеида*. Ч. 1. С. VIII–IX). Летом 1887 г., проживая в Воробьевке с 16 апреля по 1 октября, Соловьев переводит с Фетом «Энеиду». В письме к брату Михаилу Соловьев писал летом 1887 г.: «Перевожу с Фетом Энеиду. Валяем по 80 стихов в день» (*Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 106). А уже 4 сентября он посылает Цертелеву для публикации в «Русском вестнике» свою часть — три песни «Энеиды» (VII, IX и X) и, сообщая брату Дмитрию, что Кулаковский читал его перевод и «остался чрезвычайно доволен», с гордостью добавляет: «Впрочем, entre nous soit dit (между нами будет сказано — *франц*.), — мои гекзаметры вообще благозвучнее и яснее Фетовых» (Там же. Т. 2. С. 253–254.). В «Русском вестнике» этот перевод Соловьева опубликован не был. Подробнее о сотрудничестве Соловьева и Фета в переводе «Энеиды» см.: *Фет/Нагуевский*. С. 370.

[30] Кулаковский дословно цитирует Фета (см.: Публия Овидия Назона XV книг Превращений. С. XVIII–XIX).

[31] Свои замечания Фету в поспешности его переводов Кулаковский (и не только он) высказывал, вероятно, и в личных беседах; в ответ на эти обвинения Фет писал в предисловии к «Энеиде», ссылаясь на свои «хронические недуги»: «„Да куда вы торопитесь?“ сколько раз приходилось нам слышать. — „Воспользоваться минутами до окончательной невозможности продолжить свой труд“ — было постоянным ответом нашим» (*Энеида*. Ч. 1. С. VIII).

[32] См. вступит. статью, примеч. 42.

[33] Кулаковский ошибся: в 5-й элегии I-й книги Проперция («К Галлу, желавшему пригласить Цинтию») не 34, а 32 стиха, из них действительно 24 стиха начинаются с односложных слов. У Фета:

И холодная дрожь подымется с плачем печальным,
И черту проведет гнусную страх по лицу,
И для жалоб тебе ни единого слова не хватит,
И не будешь ты знать, где ты, несчастный, и что.

(ст. 15–18; см: Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888. С. 17).

ПЕРЕПИСКА ФЕТА
с Л. Н. МАЙКОВЫМ (1887–1888)

Публикация А. Г. Гродецкой

Небольшая по объему, непродолжительная по времени и по характеру сугубо деловая, даже, пожалуй, подчеркнуто сдержанная и почтительно-церемонная переписка Фета с историком литературы, фольклористом, библиографом Леонидом Николаевичем Майковым (1839–1900) позволяет, тем не менее, в подробностях воссоздать историю публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1888 году фетовского перевода «Элегий» Секста Проперция (ок. 50 до н. э. — ок. 15 до н. э.).[1] С 1868 года Майков был помощником редактора журнала, позднее, в 1883–1890 годах, его редактором, совмещая эту должность со службой в Центральном статистическом комитете (1864–1885), преподаванием в Археологическом институте, должностью помощника директора Публичной библиотеки (1882–1893), деятельным членством в Российском Географическом обществе, в Археографической комиссии, и это далеко не все сферы его исключительно многообразной и продуктивной научной деятельности.[2] Список его историко-литератур-

---

[1] Несомненного внимания среди работ последних лет о переводческой деятельности Фета (Г. Д. Аслановой, А. В. Успенской, Н. П. Генераловой, Н. В. Вулих, А. В. Ачкасова и других) заслуживает защищенная в 2010 г. и непосредственно посвященная фетовскому переводу Проперция диссертация Н. С. Пятковой. Решая ряд общеэстетических, стихо- и переводоведческих проблем, ее автор опирается как на многочисленные библиографические, так и на архивные источники. Переписка Фета с Л. Н. Майковым осталась, впрочем, в диссертации не учтенной. См.: *Пяткова Н. С.* А. А. Фет — переводчик Секста Проперция: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Томск, 2010.

[2] См.: *Эльзон М. Д.* Майков Л. Н. // *Русские писатели*. Т. 3. С. 462–463; *Полякова Г. Г.* Майков Л. Н. Фонд 166 // *Ежегодник РО ПД (2000)*. СПб., 2004. С. 461–469 и др.

ных трудов насчитывает более двухсот наименований.[3] Звание академика Петербургской Академии наук Л. Н. Майкову было присвоено в 1891 году, два года спустя он стал ее вице-президентом. Среди его трудов, к слову, есть и небольшая некрологическая статья о Фете, написанная в 1892 году (см. *Приложение*).

Публикуемая переписка Фета с Л. Н. Майковым позволяет прежде всего уточнить хронологию работы над переводом четырех книг «Элегий» Проперция. Впервые обращаясь к Майкову с предложением публикации своего перевода в *ЖМНП* 4 и затем 28 октября 1887 года, Фет считает «Элегии» готовыми к печати: рукопись, по его словам, «окончательно просмотрена и исправлена» и публикацию он полагает возможным начать в январе 1888 года (см. письма 1, 3).[4] По просьбе Майкова, ссылавшегося на «уже принятые некоторые статьи для классического отдела», публикация перевода откладывается сначала до апрельского (см. письмо 2), а затем до майского номера журнала, в «Отделе классической филологии» которого и появляется книга I «Элегий».[5] Рукопись, отправленную Фетом в журнал 21 февраля, Майков получил 27 февраля (см. письма 6, 7). Книга II выходит в июльском номере журнала.[6] В письме Майкову от 15 мая Фет сообщает о просмотренных «вскользь» ее корректурах и об отсылке их в Петербург (письмо 9). Книги III и IV увидели свет в августовском и сентябрьском номерах *ЖМНП*,[7] рукопись была отослана в журнал 1 июня 1888 года (см. письмо 10).

Заказанные и оплаченные Фетом 300 отдельных оттисков из *ЖМНП* (см. письма 3, 9–11) были отпечатаны в типографии В. С. Балашова (в той же, где набирался журнал) в начале октября 1888 года: Элегии

---

[3] См.: *Рудаков В. Е.* Хронологический указатель литературных трудов Л. Н. Майкова // *ЖМНП*. 1900. № 10. Совр. летопись. С. 75–96; *Симони П. К.* Хронологический список учено-литературных трудов и изданий Л. Н. Майкова // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. IX–XLII.

[4] «Я писал уже Вам, — сообщал Фет Д. И. Нагуевскому 10 августа 1887 г., — что издание „Энеиды“, Проперция и Персия в начале нынешней зимы будет Геркулесовыми столпами моей переводческой деятельности» (Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 400).

[5] *Фет А. А.* Элегии Секста Проперция, кн. I // *ЖМНП*. 1888. № 5. Отд. классич. филологии. С. 10–48 (отд. паг.).

[6] Там же. № 7. С. 85–123.

[7] Там же. № 8. С. 139–162; № 9. С. 163–220. В № 8 опубликованы тексты элегий I–XX книги III, причем последняя элегия обрывается на стихе 11 и продолжается в № 9, следом за ней помещены элегии XXI–XXV («остатки» книги III), затем — целиком книга IV; в № 9 опубликованы примечания к обеим книгам.

Секста Проперция. Перевод А. А. Фета. СПб., 1888.[8] На обороте титульного листа значится: «Извлечено из Журнала Министерства Народного Просвещения 1888 г.».

Лично знаком с Л. Н. Майковым Фет не был — сведения об этом находим в одном из публикуемых писем (см. письмо 4), хотя с Аполлоном Майковым, бывшим 18-ю годами старше брата Леонида, его связывала многолетняя дружеская и творческая близость. Предварительные переговоры о печатании перевода Проперция с редактором *ЖМНП* вел Н. Н. Страхов (см. письмо 1), и он же, как сообщает Фет в «Моих воспоминаниях», «перечитывал <…> Проперция»,[9] готовя текст к изданию. Редакторскую роль Страхов в эти годы исполняет постоянно, без его «проверки», как признается Фет, он ничего не печатает.[10] Неизменными помощниками поэта в работе над переводом Проперция и комментарием к нему, как и в предшествующих его трудах, были Ф. Е. Корш[11] и А. В. Олсуфьев.[12] С Коршем, вспоминал Фет, «мы проследили <…> половину Проперция», с Олсуфьевым «мы просматривали 2-ю часть Проперция».[13] Не упомянутым в «Моих воспоминаниях» в числе постоянных помощников по понятным причинам остался И. М. Ивакин, домашний учитель (с 1880 г.) сыновей Льва Толстого, который, по сло-

---

[8] В дальнейшем ссылки на это издание: *Проперций. Отд. изд.*, с указанием страницы.

В примечаниях к п. 19 и п. 48 переписки Фета с Я. П. Полонским, опубликованной в «Литературном наследстве», на основании дат писем Фета к Полонскому и вел. кн. Константину Константиновичу (от 26 и 28 октября 1888 г. соответственно) ошибочно указано, что отдельное издание «Элегий» Проперция вышло в Петербурге в конце октября — см.: *Фет/Полонский*. С. 622, 682.

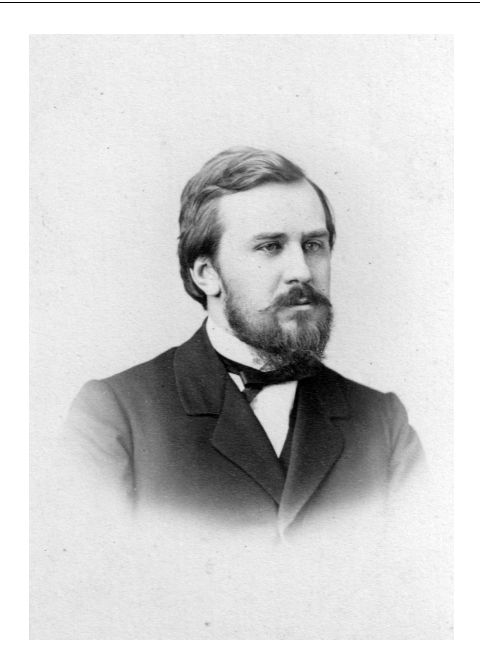
[9] См.: *МВ*. Ч. 2. С. 392.

[10] *Фет/Полонский*. С. 626, п. от 23 января 1888 г.

[11] О филологе, переводчике *Федоре Евгеньевиче Корше* (1843–1915) см. подробнее: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 35–52; *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 204–228; *Постоуменко К. Ю.* Корш Ф. Е. // *Русские писатели.* Т. 3. С. 96–97.

[12] О генерал-лейтенанте графе *Алексее Васильевиче Олсуфьеве* (1831–1915), филологе-дилетанте, блестящем знатоке истории и культуры Древнего Рима, см.: *Асланова Г. Д.* 1) Примечания // *Фет А. А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 444–447; 2) Письма А. А. Фета А. В. Олсуфьеву // *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 214–245. См. также ниже, примеч. 15.

[13] *МВ*. Ч. 2. С. 392.

Л. Н. Майков.
Фотография М. Конарского.
Москва, между 1875 и 1879 гг. (*ИРЛИ*)

вам Фета в письме к С. А. Толстой от 23 января 1888 года, экземпляр Проперция «весь испещрил карандашом».[14] Участие Ивакина в работе Фета-переводчика было, по-видимому, лишь единичным эпизодом.

Публикуемая переписка проясняет степень участия в переводе «Элегий» как Ф. Е. Корша, так и А. В. Олсуфьева, уточняя, в частности,

---

[14] *Фет/Толстая*. С. 159. Знание Ивакиным латинского языка (вероятно, не без преувеличения, но стремясь порадовать адресата) Фет в этом письме ставит не только выше собственного, но и выше познаний А. В. Олсуфьева (Там же). *Ивакин Иван Михайлович* (1855–1910) — историк, педагог, выпускник Московского университета. После учительства в семье Толстых служил библиотекарем в Румянцевском музее, преподавал в одной из московских гимназий. Перевел с латинского языка «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году» Б.-Л. Таннера (Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. 1891. Кн. 3); автор записок «Толстой в 1880-е годы» (*ЛН*. Т. 69: Лев Толстой. Кн. 2. С. 21–124). Толстой называл его «живой грамотой» и ценил в нем «прекрасного и очень умного человека» (*Толстой*. Т. 63. С. 40). См. о нем также: *Бибикова М. С.* В семье Толстых // Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 53, 313.

то, что Фет в одном случае назвал «половиной Проперция», в другом — его «2-ой частью». В переписке имя Корша не упомянуто, тогда как имя Олсуфьева в ней присутствует, судя по всему, не случайно (см. письма 8 и 9). Редактору *ЖМНП* это имя было хорошо известно, как был ему лично знаком и сам генерал от кавалерии, филолог-классик, опубликовавший в 1886 году — еще до знакомства и сближения с Фетом — в четырех номерах министерского журнала большую критическую статью с подробным разбором фетовского перевода «Сатир» Ювенала.[15]

Трудно сказать, когда именно возник у Фета замысел перевода Проперция.[16] Не обнаружив документальных свидетельств для датировки начала работы, Н. С. Пяткова следующим образом решила эту проблему: «Датировать перевод „Элегий“ Проперция правильнее всего будет периодом 1883–1887 гг. В 1883 году Фет выпустил труд жизни — стихотворный перевод всех сочинений Горация. Затем Фет стал переводить других римских поэтов. Работа эта была необычайно интенсивной и дала исключительные результаты. В последние семь лет жизни Фет выпустил в свет „Сатиры“ Ювенала, „Стихотворения“ Катулла, „Элегии“ Тибулла, „Превращения“ Овидия, „Элегии“ Проперция, „Энеиду“ Вергилия, „Сатиры“ Персия, „Горшок“ Плавта, „Эпиграммы“ Марциала, „Скорби“ Овидия. В письме Д. И. Нагуевскому от 30 мая 1887 Фет сообщает об „Элегиях“ Проперция, „готовых к печати“».[17]

Действительно, «готовыми к печати» «Элегии» казались Фету ранее его первых письменных обращений к Л. Н. Майкову в октябре 1887 года. Об этом 30 мая 1887 года он пишет Д. И. Нагуевскому, с которым на протяжении весны работает над переводом «Энеиды».[18]

---

[15] См. об этом: Письма А. В. Олсуфьева к Л. Н. Майкову / Публ. М. Д. Эльзона // *Ежегодник РО ПД (2000)*. СПб., 2004. С. 123–132. Девять из десяти опубликованных писем относятся к первой половине 1886 г. и связаны со статьей Олсуфьева «Ювенал в переводе г. Фета» (*ЖМНП*. 1886. № 2, 3, 5, 8); десятое письмо не имеет отношения к статье и датируется 31 августа 1891 г.

[16] Еще в ноябре 1860 г. Тургенев писал Фету: «Попробуйте перечесть Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю — „ничего, можно“. <…> Вам еще грешно класть перо на полку» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 259).

[17] *Пяткова Н. С.* А. А. Фет — переводчик Секста Проперция: [текст дисс.] http://www.dissercat.com/content/aa-fet-perevodchik-seksta-propertsiya

[18] См.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским. С. 391. О филологе-классике *Дарии Ильиче Нагуевском* (1845–1919) и его участии в работе Фета над переводом «Энеиды» Вергилия см. во вступит. статье С. А. Ипатовой (Там же. С. 365–381).

Когда была начата работа над переводом? В «Предисловии» к публикации «Элегий» Фет признался: «В выборе последовательности переводов мы не руководились ничем, кроме минутной склонности и влечения».[19] Еще в 1884 году в одном из шутливых стихотворных посланий (от 29 ноября) Ф. Е. Корш призывал его:

Так принимайся же скорее за Тибулла
И за Проперция, потом и за Катулла.[20]

О том, что переводит Проперция, Фет извещал С. А. Толстую 24 апреля 1886 года, приведя в письме со словами: «Надеюсь, недурно!» — десять переведенных им стихов 2-й элегии книги III,[21] а 26 июня писал С. В. Энгельгардт: «В настоящее время кончаю знаменитого и причудливого римского поэта времен Августа Проперция».[22] Жалуясь в письме к Н. П. Семенову 5 июля на «усиливающуюся слабость глаз», Фет добавлял: «…урывками все-таки я успел перевести почти всего Проперция».[23] Однако найти время, чтобы основательно «приняться за Проперция», ему удалось, вероятно, лишь в начале 1887 года. Во всяком случае, отсылая 25 января 1887 года А. В. Олсуфьеву, при ближайшем участии которого только что завершилось редактирование «Превращений» Овидия, «выхваченные у переплетчика» экземпляры отдельного издания, Фет пишет: «Сейчас же сажусь на весь день за Проперция».[24] Но от Проперция его отвлекает Вергилий, и спустя полтора месяца, размышляя 11 марта 1887 года в письме к Д. И. Нагуевскому о работе над переводом «Энеиды», он признается: «Я полагал, что „Энеида“ представит для меня шуточную работу, и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция».[25] Постоянно занятый весной 1887 года переводом «Энеиды», Фет, судя по всему, не оставляет Проперция и, как уже отмечалось выше, к началу лета считает перевод «Элегий» готовым, о чем пишет Д. И. Нагуевскому. К концу лета, делясь с Олсуфьевым в письме от 4 августа известием, что ему «остается перевести в „Энеиде“ двести стихов», Фет добавляет: «Разделяя Проперция, я держался Квинеля, Paily и Baehrens, т. е. на четыре книги и,

---

[19] *Проперций. Отд. изд*. С. 3.
[20] *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 42.
[21] *Фет/Толстая*. С. 112.
[22] *Фет А. А.* Стихотворения. Проза. Письма. С. 392.
[23] См. публикацию переписки Фета с Семеновым в наст. томе. С. 656.
[24] *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 231.
[25] Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским. С. 383.

потративши много труда на расположение текста по новейшим комментаторам, я уверен, что Вы мой текст найдете удовлетворительным».[26]

Подробности совместной работы Фета и Олсуфьева над переводом Проперция, точнее начального этапа этой работы, остаются не вполне проясненными. Так, 3 сентября 1887 года Фет сообщал Нагуевскому: «В Москве свиделся с гр. Олсуфьевым; он весь поглощен Проперцием и боялся, не помешаю ли ему, задумав то же издание».[27] По-видимому, Олсуфьев, в известной мере «опередив» Фета в переводе «знаменитого и причудливого» поэта, предполагал издать собственный перевод «Элегий». Впрочем, дальнейшая работа шла согласованно, найдя отражение в переписке обоих почитателей римского лирика. В письме от 2 октября, уже на следующий день по возвращении в Москву из Воробьевки и за два дня до первого обращения к Л. Н. Майкову с предложением публикации перевода Проперция, Фет напоминает о нем Олсуфьеву: «Совершенно расклеенный осеннею погодой, прибыл я вчера на зиму в Москву, но сегодня боюсь выйти на воздух. Тем не менее желая уяснить дело печатания Проперция, я просил бы Вас указать на завтрешнее <так!> третье октября час, в который мог бы явиться к Вам».[28]

---

[26] *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 236. Речь идет не только о делении «Элегий» на четыре книги, но и о разделении текстов отдельных элегий внутри книг, а также о «порядке стихов» внутри текстов, что всякий раз, сталкиваясь с текстологическими разночтениями и ссылаясь на то или иное из указанных латинских изданий, Фет оговаривает в примечаниях. Не три, а четыре основных источника упомянуты в «Предисловии» к переводам «Элегий»: «Настоящий перевод по отношению к тексту составлен главным образом по четырем изданиям: ныне устаревшему Квинелю, в большинстве случаев исправлен по Лукиану Мюллеру, и затем в некоторых местах предпочтение отдано изданиям Палея и Беренса» (*Проперций. Отд. изд*. С. 10). Упомянуты: *Христиан Теофил Куинел* (Kuinoel; 1768–1841) и издание: Sexti Aurelii Propertii Carmina / Recensuit illustravit Christianus Theophilius Kuinoel. Lipsiae, 1805. T. 1–2; кембриджский ученый-классик *Фредерик Апторп Пейли* (Paley; 1815–1888) и его издания: Propertius Opera. Lat. English Notes by Paley. London; Cambridge, 1853; Sex. Aurellii Propertii Carmina. The elegies of Propertius, with English notes by F. A. Paley. London, 1872; *Лукиан Мюллер* (Müller; 1836–1898) — историк, филолог-латинист, издатель и переводчик Горация, Катулла, Тибулла и др. Фет пользовался изданием: Sex. Propertii Elegiae / Recensuit Lucianus Mueller. Lipsiae, 1870. О Беренсе см. примеч. 2 к п. 3. Об изданиях Проперция, с которыми работал Фет, см. также: *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 217; *Пяткова Н. С.* А. А. Фет — переводчик Секста Проперция. С. 3.

[27] Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским. С. 406.

[28] *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 236.

К середине осени 1887 года «Элегии» вновь кажутся Фету вполне готовыми к печати: 28 октября он сообщает об этом Майкову (см. письмо 3). Однако из письма Олсуфьева к Фету от 8 ноября следует, что до «окончательности» было еще далеко. Он пишет: «Ваш перевод Проперция лучший из всех Ваших до сей поры появившихся. <…> критический разбор его меня тем более увлекает, что служит проверкой моей собственной работы над этим симпатичным классиком. Так как она доведена только до половины II элегии последней книги, а мне желательно представить Вам нечто законченное, то прошу Вас прислать мне тетрадь, содержащую последнюю часть III книги. / По возврате Вам оной с моими пометками, Вы будете в состоянии обсудить, стоит или нет обождать с печатанием, дабы дать мне возможность пересмотреть таким образом весь Ваш перевод».[29] К письму Олсуфьеву от 24 ноября Фет прилагает рукопись, «посильно исправленную, согласно замечаниям» адресата.[30] Но в письме Полонскому спустя месяц, 1 января 1888 года, признается: «В настоящую минуту никак не могу справиться с печатанием „Энеиды“, исправлением перевода Проперция и т<ак> далее».[31] И в тот же день обращается с просьбой к Ф. Е. Коршу: «…если бы Вы были так любезны, что черкнули бы мне заглавие книги или книжек (хотя бы и на английском языке), где бы я мог найти текст Проперция в современном его виде, то бесконечно бы меня одолжили».[32] А накануне, 30 декабря 1887 года, Олсуфьев отправляет Фету новые замечания к его переводам Проперция. Извещая Фета, что едет «на три дня в деревню к брату», взыскательный редактор пишет: «…в предположении, что Вы найдете свободное время в продолжение моего отсутствия, посылаю Вам мои замечания на конец II элегии, начиная с 43 ст<иха> и на всю V и на VI с 69 ст<иха>. Я мыслю, что Вы и без личного со мной совещания усмотрите, что следует отбросить как чересчур требовательное и педантичное. / 2 января я снова примусь за эту работу…».[33] 7 января Фет напоминает Коршу о его обещании «справиться насчет значения» одного из латинских выражений «в 84-м стихе IV-й книги первой элегии Проперция».[34] Получив в тот же день незамедлительный ответ с подробным толкованием стиха, он отвечает ему благодарностью 8 января.[35]

---

[29] *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 237, примеч. 1 к п. 27.

[30] Там же.

[31] *Фет/Полонский*. С. 620.

[32] *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 217. Ответное письмо Корша от 2 января см.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 46–47.

[33] *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 237, примеч. 3 к п. 28.

[34] *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 218.

[35] Там же. С. 218, 219; *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 48–49.

ЭЛЕГІИ

СЕКСТА ПРОПЕРЦІЯ

Переводъ

А. А. ФЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 78.
1888.

Отдельное издание «Элегий» Проперция в переводе Фета (СПб., 1888) с дарственной надписью: «Истинно и глубокоуважаемому Федору Евгениевичу Коршу душевнопризнательный переводчик». Обложка (*ГЛМ*)

На этом, судя по эпистолярным свидетельствам, участие Корша в переводе и толковании текстов Проперция как будто завершается. «Половина Проперция» — та доля его участия, о которой Фет писал в «Моих воспоминаниях», подразумевала, как видим, не только работу над двумя первыми книгами «Элегий».

Сообщив Майкову 21 февраля об отсылке в журнал «двух первых книг элегий с предисловием и примечаниями» (см. письмо 5), Фет в течение февраля — мая совместно с Олсуфьевым продолжает работу над второй частью публикации (книги III и IV), на неопределенное время отложенной. «Замечания Ваши всегда так определенны и ясны, что я никогда не затрудняюсь их уразумением», — пишет он Олсуфьеву 29 февраля и 6 марта продолжает: «Получив от Вас в Москве одеяние Проперция (видимо, комментарий. — *А. Г.*), испещренное Вами мелом на местах, требующих переделки, я, за отъездом, не успел заняться этим делом, а равно и принести Вам мою сердечную благодарность. / Конечно, самое пребывание мое в деревне мало влияет на успех исправления Проперция, так как весь почин дела зависит от Вас, а не от меня; а получу ли я Ваши отметки в тот же день или на другой — совершенно безразлично. Итак, в настоящее время <из> четвертой книги остается одна одиннадцатая элегия». «Приношу Вам мою сердечную признательность, — пишет Фет ему же 25 марта, — за одиннадцатую элегию, поправки которой я имел честь получить при любезных строках Ваших. Это была последняя рискованная посылка на станцию при наступившем половодье, а настоящее письмо является первою голубицей, которой я желаю благополучно доставить свой миртовый листок на Ваш письменный стол. Самым добросовестным образом я воспользовался Вашими указаниями и, кажется, ничего не испортил излишним рвением». В конце письма он добавляет: «До июня остается всего два месяца. Приятно мне или неприятно, судьба меня не спрашивает, а между тем необходимо установить modus vivendi (образ жизни — *лат.*), и я вынужден просить Вас о продолжении благодетельной работы и высылке мне элегий третьей книги по мере их проверки. Минута, когда редакция „Журнала Министерства народного просвещения“ насядет на меня с окончательным требованием второй половины Проперция, мне неизвестна. Но тогда уже я буду просить Вас о высылке мне в Воробьевку и остального».[36]

15-м апреля 1888 года датированы два письма — к Майкову и к Олсуфьеву. К Майкову Фет обращается с «покорнейшей просьбой отложить до сентября и октября печатание третьей и четвертой книг»

[36] *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 237, 238.

(см. письмо 8), Олсуфьеву же сообщает: «Сию только минуту отводил душу над любезным и многозначительным по содержанию письмом Вашим от 3 апреля. Ввиду незаменимых замечаний Ваших, которыми не дорожить было бы с моей стороны непростительной бессмыслицей, я вместе с сим уже написал Л. Н. Майкову, что я прошу его отложить печатание третьей и четвертой книг Проперция до сентября и октября <…>».[37] И наконец, письмо к Олсуфьеву от 22 мая содержит высочайшую оценку его работы. Фет пишет: «В настоящую минуту я занят исправлением третьей книги Проперция согласно драгоценным указаниям Вашим, приводящим меня в неописанный восторг своим вниманием к труду и мастерскими оттенками подробностей. Увы! Такого мастерства мы в нашем отечестве не привыкли встречать ни в какой отрасли». И далее: «…каким образом я могу печатно высказать мою признательность вашему сиятельству за благодетельное участие в издании Проперция? Ведь промолчать об этом, тогда как только вследствие серьезных трудов Ваших Проперций явится в надлежащем виде, в сущности то же, что украсть».[38]

Рукопись книг III и IV, с учетом всех «драгоценных указаний» А. В. Олсуфьева,[39] была отправлена в *ЖМНП* 1 июня 1888 года (см. письмо 10).

По выходе в свет отдельного издания «Элегий», отсылая 26 октября 1888 года экземпляр книги Полонскому, Фет писал: «Посылаю тебе свой перевод Проперция. Не прочитавши комментария каждой вещи отдельно, ничего не читай. Прочти хоть самую последнюю элегию четвертой книги: „Корнелия к Павлу“ — и скажи, принесла ли наша так называемая цивилизация что-либо выше этого? Всякий, не верующий слепо в рутину, должен будет признаться, что мы не выработали для женщины никакого нравственно высшего идеала, а напротив только все спутали и размазали до неузнаваемости».[40] Замечательно составленное переводчиком-поэтом примечание к элегии «Корнелия к Павлу»: «Не-

---

[37] Там же. С. 239–240.

[38] Там же. С. 240, 241. В письме от 23 мая Фет сообщал Полонскому: «Работаю в настоящее время над окончательною отделкою моего перевода Проперция <…>» (*Фет/Полонский*. С. 647).

[39] К 1890 г., ко времени редактирования перевода Марциала, относится признание Фета, что Олсуфьев его «истерзал неумолимой отсталостью pede claudo (букв.: хромаю на одну ногу, т. е. медлительностью. — *лат.*) своей работы» (*Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 225–226).

[40] *Фет/Полонский*. С. 681; см. также ниже, примеч. 42. О комментариях, помещенных в *ЖМНП* не постранично, а в конце публикации, см. примеч. 1 к п. 9.

сравненное стихотворение это <…> по справедливости называется „царицею элегий“, ибо ни одно изо всех дошедших до нас древних стихотворений этого рода не выставляет женской добродетели и душевного благородства с такою возвышенностью и так трогательно, как эта элегия, которую нельзя читать без душевного волнения».[41]

Признания в особенной «симпатии» к Проперцию — среди всех римских поэтов — постоянно звучат в письмах Фета времени работы над переводом и по его завершении. О «великолепном» Проперции он пишет С. А. Толстой,[42] «капризным», «причудливым» называет его в цитированных выше письмах к Д. И. Нагуевскому и С. В. Энгельгардт, поэтом, который «проймет» читателя «необычайной выпуклостью своих изображений», — в письме Полонскому,[43] «одним из самых даровитых», «самым образным из римских лириков» — в письмах вел. кн. Константину Константиновичу.[44] Наконец, «одним из оригинальнейших и художественно-правдивых» римских поэтов Проперций назван в «Преди-

---

[41] *Проперций. Отд. изд.* С. 176. На присылку перевода Проперция Полонский 4 ноября отвечал шуточным стихотворением («балагурный вздор»), стилизованным в духе римских элегий, а в письме от 9 ноября критически отозвался о «буквальной точности» фетовского перевода, из-за которой теряются «поэтические красоты» оригинала. «В поэзии, как и во всяком искусстве, форма — всё. — Нет красоты — нет поэзии, — писал он. — А ты точность и буквальность ставишь на первое место, и тяжело читать, и надо черт знает как напрягать мозги, чтоб провидеть или угадывать прелесть подлинника» (*ИРЛИ*. № 11843а. Л. 37 об.). Спор о достоинствах и недостатках перевода Проперция продолжался и в следующих письмах (см.: *Фет/Полонский*. С. 683–684, п. 49; С. 685, п. 50; С. 687–688, п. 51, 52).

[42] *Фет/Толстая*. С. 125, п. от 18 сентября 1886 г.

[43] *Фет/Полонский*. С. 647, п. от 23 мая 1888 г.

[44] *Фет/К. Р.* С. 710, п. от 1 августа 1888 г.; С. 732, п. от 28 октября 1888 г. В письме к нему от 1 августа 1888 г. Фет писал: «Мне пришлось настойчиво потрудиться над этим переводом, и я уверен, что если Ваше Высочество, прочитав предварительно объяснения к каждой отдельной элегии, прочтете затем дословный ее перевод стихами, то, независимо от наглядного знакомства с характерной элегической смесью гекзаметра с пентаметром, — в чуткой душе поэта будете поражены выпуклостью каждого стиха одного из самых даровитых римских поэтов. Если Проперций Вам понравится, то несомненно принесет громадную пользу Вашему таланту» (Там же. С. 710). «Сколько игривости, силы воображения, разносторонности и тонкой чуткости у Проперция!» — отвечал, «не успев прочесть и половины» присланного ему Фетом отдельного издания «Элегий» вел. кн. Константин Константинович, в следующем письме добавляя: «Я <…> все короче и ближе знакомлюсь с причудливым, бойким, остроумным и многосторонним Проперцием; невозможно не преклониться с искренним почтением перед потраченным вами трудом. Но <…> лично мне несравненно привлекательнее пахучие плоды вашего собственного творчества» (Там же. С. 734, 739).

словии» к «Элегиям».[45] И со всей полнотой высказалась эта «симпатия» в письмах к Л. Н. Майкову. Уже в первом из них читаем: «Перевод этот наиболее симпатичного мне римского поэта я вместе со сторонними знатоками дела считаю наиболее удачным из моих классических переводов». В другом письме Фет добавляет: «Смею Вас уверить, что ни на одного из переведенных мною римских поэтов я не потратил столько любви, симпатии и старания, как на Проперция» (письмо 6).

Своеобразной исповедью не только переводчика, но исследователя и истолкователя творчества Проперция предстает фетовское «Предисловие» к публикации «Элегий». «В последние десять лет, — пишет он, — мы неоднократно появлялись перед читателями с переводами латинских поэтов <…>. Конечно, по пословице: „человек предполагает, а Бог располагает“, мы, с одной стороны, не отрицаем человеческой преднамеренности, но с другой — ежеминутным опытом убеждены, что окончательный исход зависит от тысячи обстоятельств, ускользающих от человеческой предусмотрительности. Эта вечная истина повторилась и в нашей частной деятельности и поразила нас, только когда при конце мы оглянулись на пройденный нами путь. <…> Не странно ли, что, когда усиливающаяся слабость зрения лишает нас надежды послужить делу новым серьезным трудом, мы появляемся с переводом самого беззаветно правдивого представителя римской жизни в момент ее высшего эстетического развития со всеми особенностями духовных и плотских отношений между полами? Поэтому Проперций для ясного своего уразумения требует наиболее зрелого и сосредоточенного внимания читателя. Если при переводах других поэтов мы насчитываем своих читателей немногими сотнями, то при издании Проперция — вправе рассчитывать только на единицы. Но тем сильнее в нас потребность высказаться перед такими читателями». «Даже при поверхностном знакомстве с произведениями нашего поэта, — пишет Фет в конце Предисловия, — мгновенно чувствуется, что перед нами не простое отражение современных картин и обстоятельств, а самобытная творческая сила, придающая всему свой духовный отпечаток. Это не ассигнации, указывающие на известную ценность, а чистое золото, само представляющее эту цену. <…> признаком творческой жизненности произведений Проперция служит неисчерпаемое богатство мотивов, которыми он наполнил столь тесный по видимому (т. е. с виду, на внешний взгляд. — *А. Г.*) круг любовных стихотворений, так что постоянно изумляет нас неиссякаемым ключом поэтического богатства. Не умом придуманы эти мотивы, а возникли из живого созерцания, как это видно из того, что все

[45] *Проперций. Отд. изд.* С. 3.

они местны, личны, непосредственны и до того пластичны, что кажется, будто мы ощупываем руками выпуклые предметы. Наконец, все это изумительное богатство образов вырезано таким острым резцом на твердом граните римской речи и в то же самое время выглажено в такие мягкие очертания, что вся его индивидуальность с полною ясностью сохранилась в течение тысячелетий».[46]

Признание в особого рода «чувствительности» к лирике Проперция — и ее объяснение — находим и в «Моих воспоминаниях»: «Того тайного смятения, того неопределенного подъема и стремления к неведомому, которым полны корифеи христианского мира, начиная с Шекспира и Байрона и самого Гёте и кончая Гейне и Лермонтовым, — у древних не существовало, и надо быть на этот счет весьма чувствительным, чтобы почувствовать зародыш этого веяния (романтизма) у Проперция».[47]

Едва завершив публикацию «Элегий», Фет обращается к Майкову с предложением напечатать в *ЖМНП* уже подготовленный им к печати перевод «Сатир» Персия. «Есть в римской литературе, — пишет он, — по-моему, весьма талантливый поэт, которому по причудливости его фантазии во все времена не везло под предлогом его непонятности. Я говорю о Персии, и если большинство публики так мало сочувствует римским классикам, не сходящим со стола европейских образованных людей, то возможно ли рассчитывать на успех крошечного Персия даже с достаточными объяснениями? Во всех его шести сатирах не может быть более двух листов. Печатать отдельным изданием перевод Персия значило бы обречь издание прямо на макулатуру, и поэтому я решаюсь просить Ваше Превосходительство, не найдете ли Вы возможным напечатать стихотворный перевод Персия на основаниях, на которых напечатан Проперций?» (письмо 11).

На предложение Фета редактор журнала ответил согласием (см. письма 12, 14) — «Сатиры» Персия были опубликованы в мартовском номере *ЖМНП* за 1889 год.[48]

Из переписки, сохранившейся не полностью, ниже публикуются 9 дошедших до нас писем Фета Л. Н. Майкову и 5 ответных писем Майкова. Письма Фета публикуются по подлинникам — *ИРЛИ*. Ф. 166 (Л. Н. Майков). Оп. 3. № 1042. Все они написаны рукой Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцева), только заключительные фразы и подписи — рукой Фета. Письма Л. Н. Майкова публикуются по подлинникам — *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2.

---

[46] *Проперций. Отд. изд*. С. 3–4, 9–10.

[47] *МВ*. Ч. 2. С. 388.

[48] См. примеч. 1 к п. 12.

ЭЛЕГІИ СЕКСТА ПРОПЕРЦІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появляясь съ посильнымъ русскимъ переводомъ одного изъ оригинальнѣйшихъ и художественно-правдивыхъ римскихъ поэтовъ, чувствуемъ потребность, если не вполнѣ высказаться, то по крайней мѣрѣ указать читателю на многое, безъ чего, по нашему мнѣнію, элегіи Проперція не могутъ быть правильно оцѣнены въ ихъ историческомъ значеніи.

Въ послѣднія десять лѣтъ мы неоднократно появлялись передъ читателями съ переводами латинскихъ поэтовъ и считаемъ отраднымъ долгомъ принести сердечную благодарность тѣмъ немногимъ, которые отнеслись къ нашему труду съ благосклоннымъ вниманіемъ и серьезностью. Конечно, по пословицѣ „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ", мы, съ одной стороны, не отрицаемъ человѣческой преднамѣренности, но съ другой—ежеминутнымъ опытомъ убѣждены, что окончательный исходъ зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ, ускользающихъ отъ человѣческой предусмотрительности. Эта вѣчная истина повторилась и въ нашей частной дѣятельности и поразила насъ, только когда при концѣ мы оглянулись на пройденный нами путь. Въ выборѣ послѣдовательности переводовъ мы не руководились ничѣмъ, кромѣ минутной склонности и влеченія. Не странно ли, что когда усиливающаяся слабость зрѣнія лишаетъ насъ надежды послужить дѣлу новымъ серьезнымъ трудомъ, мы появляемся съ переводомъ самаго беззавѣтно правдиваго представителя римской жизни въ моментъ ея высшаго эстетическаго развитія со всѣми особенностями духовныхъ и плотскихъ отношеній между полами? Поэтому Проперцій для яснаго своего уразумѣнія требуетъ наиболѣе зрѣлаго и сосредоточеннаго вниманія читателя. Если при переводахъ другихъ поэтовъ мы насчитываемъ своихъ читателей немногими сотнями, то при изданіи Проперція—въ правѣ разчитывать только

Предисловие Фета к переводу «Элегий» Проперция (*ЖМНП*. 1888. № 5).
Первая страница

1

Фет — Майкову

4 октября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом
№ 481 — Октября 4, 1887.

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Я только что вчера добрался на зиму в Москву и спешу воспользоваться любезным обещанием Вашим поместить, как уведомил меня Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов,[1] мой полный перевод Проперция в «Журнале Министерства народного просвещения». Перевод этот наиболее симпатичного мне римского поэта я вместе со сторонними знатоками дела считаю наиболее удачным из моих классических переводов. Печатный объем его со всеми примечаниями может, по мнению моему, представлять листов двадцать. Николай Николаевич передал мне следующие подробности дела: гонорар журнала три рубля за страницу, печатание начнется с 1 января 1888 года, отдельных оттисков журнал не дает. Принимая с благодарностью все эти условия, прошу почтить меня ответом на следующие вопросы. Так как корректуру придется вести не мне самому, то я желал бы привести черновую рукопись в такое состояние, чтобы на случай утраты чистой, подлежащей высылке к Вам, по ней было возможно восстановление всего труда, полная утрата которого была бы для меня слишком жестока. А так как с одной стороны мне нужна твердая уверенность в окончательной судьбе моей рукописи, а с другой рукопись моя по обстоятельствам должна без дела пролежать у Вас до января, то не откажите, во-первых, в прямом извещении насчет окончательного приема моего труда в журнал, а во-вторых, о последнем сроке, к которому я должен буду выслать рукопись по указанному Вами адресу.[a]

С совершенным уважением имею честь быть

Вашим
покорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 1–2 об.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

[1] В письме к Фету от 16 сентября 1887 г. Страхов сообщал: «Сегодня только окончательно переговорил с Л. Н. Майковым: насчет печатания Персия и Проперция», — и далее излагал предложенные Майковым условия публикации и оплаты (*Фет/Страхов*. С. 442).

2

Майков — Фету

12 октября 1887 г. Петербург

12 октября 1887.
СПб.

Милостивый государь
Афанасий Александрович.[a]

Я уже говорил Н. Н. Страхову о моей полной готовности поместить Ваш перевод Проперция на страницах «Журнала Мин<истерства> нар<одного> просв<ещения>» и теперь с особенным удовольствием повторяю это Вам лично. Как я уже сообщал Николаю Николаевичу, гонорар наш не более 3 руб<лей> за страницу. Оттиски могу предложить Вам в количестве 25 бесплатно; если же Вы пожелаете иметь оттиски в большем количестве и с переверсткою в особую книжку, то за это придется заплатить, впрочем, не слишком много. Соображая подлинник латинский со шрифтом нашего журнала, я склонен думать, что перевод Ваш займет менее 20 листов печатных, как Вы полагаете, особенно если примечания будут не слишком велики. О соблюдении этого последнего условия я в особенности просил бы Вас. Притом редакция предоставляет себе право сокращать примечания. Труд этот будет сделан моим помощником по классическому отделу Э. А. Вертом,[1] очень хорошим знатоком древней литературы. Затем еще одно условие. При первоначальных переговорах с Н. Н. Страховым я полагал, что труд Ваш будет гораздо менее 20 печ<атных> листов; допускаю это и теперь. Но во всяком случае, ввиду значительного объема Вашего Проперция, я просил бы Вас покорнейше: 1) не требовать, чтобы печатание Вашего перевода было начато с январской книжки, и 2) разрешить мне печатание

[a] *Так в подлиннике.*

Вашего Проперция с перерывами, то есть перемежая его изредка[б] помещением, в классическом отделе журнала, других статей. Прошу Вас об этом с издательской точки зрения, «для-ради пестроты на обертке», как выражался один, ныне покойный уже, редактор.[2] Вместо января мне было бы несравненно удобнее начать печатание Вашего Проперция с апрельского нумера. Это, право, не слишком далеко, так как наш журнал не запаздывает и выходит аккуратно 1-го числа.[3] В таком случае мне нужно получить Вашу рукопись к 15 февраля, никак не позже. Я позволяю себе говорить об этой отсрочке потому, что до сих пор мы с Вами еще не окончательно условились о сроках и, ввиду этой неизвестности, я уже принял некоторые статьи для классического отдела, которым мне необходимо дать место в скором времени. Смею думать, что Вы будете снисходительны к моим просьбам, я же, со своей стороны, позабочусь о том, чтобы отчетливо издать Ваш перевод.

Покорнейше прошу верить моему искреннему уважению и преданности

Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Александровичу
Шеншину
в Москву.
На Плющихе собственный дом № 481.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 15 октября 1887; 2) Москва, 16 октября 1887.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 1–2 об.

[1] *Эдмунд Альбертович Верт* (1839–1907) — специалист по древним языкам и истории античности; преподавал латинский язык в Санкт-Петербургском имп. историко-филологическом институте, Училище правоведения, Первой гимназии и Реформатском училище (Училище при реформатских церквах); автор ряда статей в *ЖМНП*, участник издания «Словарь классических древностей по Любкеру» (СПб., 1885).

[2] Автор высказывания не установлен.

[3] Оповещение «(Вышла 1-го <название месяца>)» — печаталось в конце оглавления каждой книжки журнала.

[б] *Слово вписано.*

3

Фет — Майкову

18 октября 1887 г. Москва

МОСКВА Октября 18, 1887.
Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Не зная до сих пор верного адреса, по которому я мог бы писать Вам и пересылать рукопись, которою очень дорожу, решаюсь и на этот раз прибегнуть к посредничеству Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова.[1]

Отвечаю по пунктам на Ваши замечания.

1. Рассчитывая по латинскому изданию Беренса,[2] я вполне согласен, что перевод мой с примечаниями немного превзойдет 10 или 12 печатных листов.

2. Я не против сокращения примечаний, уверенный, что ученый не обрежет их до невозможности понимания текста со стороны обыкновенного читателя.

3. Ввиду многих поступивших уже в печать моих в настоящем году изданий,[3] я на отсрочку печатания Проперция до апреля согласен, и рукопись моя, в случае окончательного приема редакциею перевода, будет выслана к Вам 15 февраля, хотя могла бы быть выслана и в настоящее время, так как окончательно просмотрена и исправлена.

4. Кроме обещанных Вами двадцати пяти экземпляров, попрошу Николая Николаевича устроить мне за мой счет тиснение трехсот отдельных экземпляров.

Итак, принимая с благодарностью Ваши условия, прошу Вас почтить меня парою слов насчет окончательной судьбы этого дела, снабдив меня и надлежащим адресом Вашим.[a]

С совершенным почтением имею честь быть

Вашим
покорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 3–4.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

[1] Адрес Майкова Страхов сообщил Фету в письме от 16 ноября 1887 г. (см.: *Фет/Страхов*. С. 445–446).

[2] Фет ссылается на издание: Sex. Propertii Elegiarum libri IV / Recensuit Aemilius Baehrens. Lipsiae, 1880. *Эмиль Беренс* (Baehrens; 1848–1888) — немецкий ученый-классик, автор исследований о латинской литературе («De Sulpiciae Quae Uocatur Satira Commentatio Philologica», 1873; «Unedirte Lateinische Gedichte», 1877; «Poetae Latini minores», 1886; и др.); подготовил также комментированное латинское издание Катулла («Catulli Veronensis Liber», 1876) и немецкое — Тибулла («Tibullische Blätter», 1876). Об изданиях Проперция, которыми пользовался Фет, см. в примеч. 26 к вступит. статье.

[3] В 1887–1888 гг. были изданы следующие переводы: «Превращения» Овидия, «Энеида» Вергилия, вторым изданием вышли трактат Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и вторая часть «Фауста» Гёте (см.: *Летопись*. С. 330). Из оригинальных произведений — третий выпуск «Вечерних огней» (М., 1888) и первые главы «Моих воспоминаний» (*Фет А*. Из моих воспоминаний // *РВ*. 1888. Т. 197. № 8. С. 3–56), работа над которыми была начата летом 1887 г. Публикация «Моих воспоминаний» продолжилась в 1889 г. в «Русском вестнике» и «Русском обозрении»; отдельным изданием мемуары вышли в 1890 г.

4

Майков — Фету

14 ноября 1887 г. Петербург

14 ноября 1887.
СПб.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я не отвечал на Ваше письмо от 18 октября по той причине, что на основании этого письма считал и считаю, что соглашение между нами относительно печатания Вашего перевода Проперция совершенно конченным. Но перечитав сейчас Ваше письмо, прихожу к заключению, что лучше еще раз повторить Вам о моем согласии напечатать Ваш перевод. Покорнейше прошу Вас выслать Вашу рукопись к 15 февраля по следующему адресу:

в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» —
Троицкий переулок, дом № 13.

Позвольте мне, не имеющему удовольствия знать Вас лично, отрекомендовать себя Вам посылкою прилагаемой книги, которая, быть может, представит для Вас некоторый интерес.[1]

Прошу верить моему глубокому уважению и преданности.

Л. Майков.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 3–4 об.

[1] См. примеч. 1 к след. письму.

5

Фет — Майкову

21 ноября 1887 г. Москва

МОСКВА Ноября 21, 1887.
Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Позвольте принести Вам двойную признательность. Во-первых, за прекрасный подарок изящно изданного труда Вашего, произведшего на меня самое отрадное впечатление. В последнее время стали появляться подобные Вашему издания, носящие на себе явные признаки бескорыстной любви к самому делу и свидетельствующие о несомненном развитии вкуса в нашей руководящей среде.[1] Во-вторых, за последнее слово Ваше, успокоившее меня насчет судьбы моего Проперция, перевод которого знатоки считают самым моим удачным.

К 15-му февраля надеюсь представить его в Ваше распоряжение.[а]

Прошу верить глубокому уважению и признательности

Вашего покорнейшего слуги
А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 5–5 об.

[1] Трудно сказать, о каком «изящно изданном труде» Майкова идет речь. Его главным опубликованным в 1887 г. трудом была монография о К. Н. Батюшкове (см. примеч. 1 к п. 11). Однако, судя по реакции Фета, едва ли ему была прислана эта книга. Библиографические сведения о трудах Майкова см. в примеч. 3 к вступит. статье.

[а] *Далее рукой А. А. Фета.*

6

Фет — Майкову

21 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА Февраля 21, 1888.
Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич,

хотя из писем Ваших мне известно, что перевод Проперция не поступит в печать ранее апреля, тем не менее во исполнение обещания прилагаю при сем две первых книги элегий с предисловием и примечаниями.

Смею Вас уверить, что ни на одного из переведенных мною римских поэтов я не потратил столько любви, симпатии и старания, как на Проперция. В моем переводе нет ни одного слова, не основанного на достаточном авторитете. Тем не менее предоставляю Вашим ученым прилагаемые примечания в полное их распоряжение. Не откажите в свое время, когда приступите к печатанию перевода, почтить меня о том уведомлением, хотя одной строкою.

При высылке второй половины перевода буду иметь честь сообщить Вам адрес деревни, куда я оправляюсь первого марта.[a]

С совершенным почтением имею честь быть

Вашим
всепокорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 6–6 об.

7

Майков — Фету

27 февраля 1888 г. Петербург

27 февраля 1888.
СПб.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич.

Спешу уведомить Вас, что я сейчас получил с почты Вашу рукопись двух первых книг Проперция с предисловием и примечаниями. Усерд-

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

6

Москва
Плющиха соб. домъ

Февраля 21, 1888.

Многоуважаемый Леонидъ Николаевичъ,

хотя изъ писемъ Вашихъ мнѣ извѣстно, что переводъ Проперція не поступитъ въ печать раньше Апрѣля, тѣмъ не менѣе во исполненіе обѣщанія прилагаю при семъ двѣ первыхъ книги элегій съ предисловіемъ и примѣчаніями. Смѣю Васъ увѣрить, что ни на одного изъ переведенныхъ мною римскихъ поэтовъ я не потратилъ столько любви, симпатіи и старанія, какъ на Проперція. Въ моемъ переводѣ нѣтъ ни одного слова, не основаннаго на достаточномъ авторитетѣ. Тѣмъ не менѣе предоставляю Вашимъ ученымъ прилагаемыя примѣчанія въ полное ихъ распоряженіе. Не откажите въ свое время, когда приступите къ печатанію перевода, почтить меня о томъ

Письмо Фета к Л. Н. Майкову от 21 февраля 1888 г. Первая страница (*ИРЛИ*)

нейше благодарю Вас за их присылку. О печатании их не замедлю Вас уведомить, как только приступлю к нему.

С совершенным почтением имею честь быть

покорнейшим слугою Вашим
Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину
в *Москву.*
На Плющихе в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 27 февраля 1888; 2) Москва, 28 февраля 1888.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 5.

8

Фет — Майкову

15 апреля 1888 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д. 15 апреля 1888.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Глубоко уважаемый Леонид Николаевич!

Примите мою сердечную признательность за моего Проперция. Сию минуту я получил письмо от графа Олсуфьева насчет его переговоров с Вами о напечатании перевода. Ввиду весьма медленной, но зато чрезвычайно добросовестной его проверки, присоединяю к его желанию и мою покорнейшую просьбу отложить до сентября и октября печатание третьей и четвертой книг. При этом Олсуфьев указывает, что по новейшим исследованиям заголовок книги должен быть просто: «Элегии Секста Проперция», с пропуском имени Аврелия, о каковом исправлении я имею честь покорнейше Вас просить.[a,1]

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

С глубоким почтением и признательностью имею честь быть

Вашим
покорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 7–7 об.

[1] Об А. В. Олсуфьеве и его упоминаемом письме см. во вступит. статье. При публикации всех четырех книг «Элегий» напечатано, согласно просьбе Фета: «Элегии Секста Проперция». Второе имя Проперция (Аврелий) в XIX в. было признано недостоверным.

9

Фет — Майкову

15 мая 1888 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д. Мая 15. 1888.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Душевно уважаемый Леонид Николаевич!

Прошу Ваше Превосходительство принять сердечную мою признательность за присылку корректуры, которую, не желая задерживать по обстоятельствам лишнего часа, при сем возвратить честь имею, просмотревши ее только вскользь.

По-моему, жаль, что примечания напечатаны в конце книги отдельно, а не под каждой страницей, соответственно номеру стихов,[1] как это у меня во всех остальных переводах классиков. Прекрасно, что Вы вычеркнули имя *Аврелия*.

Насчет оттисков я бы просил Ваше Превосходительство ограничиться тремястами экземпляров на бумаге подобной, как Вы пишете, той, на которой издана моя «Энеида»,[2] и никаких веленевых экземпляров не нужно. А затем я могу только радоваться, что дело это находится в Ваших руках.

Сегодня уезжаю по делам в Воронежскую губернию,[3] а вернувшись оттуда, тотчас же дошлю и остальные две книги, неожиданно полученные мною от графа Олсуфьева, и следовательно, с этой стороны не будет

препятствия к последовательному их напечатанию, не пропуская месяцев.[a]

С глубоким уважение и признательностью имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 8–9.

[1] Примечания, пронумерованные в соответствии с нумерацией элегий в книге I, помещены в майском номере *ЖМНП*, как и в последующих номерах, после текстов стихов (см: *ЖМНП*. 1888. № 5. С. 40–48), единым списком, с указанием автора: «А. Фет» (Там же. С. 48). Олсуфьеву Фет писал 22 мая: «Майков выслал мне корректуру первой книги Проперция, которой я второпях прочесть не успел. Но так как издатели ученые люди, то я не боюсь каких-либо необычайных сюрпризов. Сердечно жалею, о чем писал и Майкову, что они поместили примечания в конце книги, а не внизу каждой страницы, как это делают все древнейшие толкователи классиков и по сей день ведется. Кому охота чуть не на каждой строке вертеть все листы?» (*Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 241).

[2] Имеется в виду издание: Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. М., 1888.

[3] В Землянском уезде Воронежской губернии у Фета было имение Граворонка и конный завод, купленный им в 1874 г. С 15 по 20 мая вместе с Марьей Петровной и Е. В. Федоровой (секретарем) он совершал поездку «в Щигры, Воронежский конный завод и другое наше щигровское имение», о чем сообщал в письме к Олсуфьеву от 22 мая 1888 г. — см.: *Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 240, 241, п. 33 и примеч.; также: *Летопись. Дополнения*. С. 341.

10

Фет — Майкову

1 июня 1888 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д. СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ — 1 июня. 1888.

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Неожиданно успешным окончанием проверки третьей книги Проперция граф Олсуфьев дал мне возможность ускорить и мою работу.

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Вследствие этого, препровождая при сем Вашему Превосходительству третью и четвертую книги Проперция с надлежащими объяснениями, имею честь покорнейше просить назначить время для их напечатания по Вашему усмотрению. Что же касается до трехсот испрашиваемых мною экземпляров, то я бы просил о высылке оных, буде это возможно, через комиссионерство, прямо по моему московскому адресу (Плющиха, д<ом> Шеншиной), а буде этого типография исполнить не может — не оставить меня без уведомления, — в какое время могу я прислать нарочного за получением оттисков.

Близ станции Коренная Пустынь я постоянно остаюсь по первое октября.[a,1]

Прошу Ваше Превосходительство верить неизменному уважению

Вашего
покорнейшего слуги
А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 10–10 об.

[1] С 1878 по 1892 гг. Фет с марта до октября неизменно жил в имении Воробьевка, находившемся неподалеку от станции Коренная Пустынь Московско-Курской железной дороги. Станция получила название от расположенного невдалеке монастыря.

11

Фет — Майкову

14 октября 1888 г. Москва

Москва — 14 октября 1888.
Плющиха, соб. дом

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Принося Вашему Превосходительству мое искреннее поздравление с получением первой Академической премии,[1] пользуюсь случаем благодарить за окончание печатания моего перевода «Элегий» Проперция,[2] на отправку трехсот экземпляров коих сегодня я получил квитанцию Николаевской дороги.

Как и по другим отраслям, так и по делу классического образования государство стоит у нас впереди частной деятельности.

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Есть в римской литературе, по-моему, весьма талантливый поэт, которому по причудливости его фантазии во все времена не везло под предлогом его непонятности. Я говорю о Персии, и если большинство публики так мало сочувствует римским классикам, не сходящим со стола европейских образованных людей, то возможно ли рассчитывать на успех крошечного Персия даже с достаточными объяснениями? Во всех его шести сатирах не может быть более двух листов. Печатать отдельным изданием перевод Персия значило бы обречь издание прямо на макулатуру, и поэтому я решаюсь просить Ваше Превосходительство, не найдете ли Вы возможным напечатать стихотворный перевод Персия на основаниях, на которых напечатан Проперций?[a,3]

Прошу принять выражения глубокой признательности, с какими имею честь быть

Вашего Превосходительства
всепокорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 12–13.

[1] В 1888 г. Л. Н. Майкову была присуждена Пушкинская премия Академии наук за издание трехтомного Собрания сочинений К. Н. Батюшкова (СПб., 1885–1887). Первый том издания содержал монографическое исследование о жизни и творчестве Батюшкова (с примечаниями, составленными при участии В. И. Саитова); отдельным изданием монография вышла в 1887 г.: *Майков Л. Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1887 (2-е изд.: СПб., 1896).

[2] Публикация была начата в майском, продолжена в июльском и августовском и завершена в сентябрьском номере *ЖМНП*; см. подробнее во вступит. статье.

[3] О публикации перевода «Сатир» Персия в *ЖМНП* см. примеч. 1 к п. 12.

12

Майков — Фету

26 октября 1888 г. Петербург

26 октября 1888.
СПб.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Покорнейше благодарю Вас за Ваше любезное приветствие по случаю назначения мне академической премии.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Весьма был рад узнать, что Вы продолжаете Ваши труды по переводу римских классиков. Перевод Персия я готов принять для помещения в «Ж<урнале> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения>» на тех же условиях, как был напечатан перевод Проперция; но пока не могу сказать, в какой именно книжке он будет помещен.[1]

Прошу покорнейше верить моему глубокому уважению и искренней преданности.

Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Москва.
На Плющихе собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 27 октября 1888; 2) Москва, 28 октября, 1888.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 7.

[1] Перевод с предисловием и комментариями был помещен в мартовском номере журнала: *Фет А. А.* Сатиры Персия // *ЖМНП*. 1889. № 3. Отд. классич. филологии. С. 101–143.

13

Фет — Майкову

28 ноября 1888 г. Москва

Москва 28 ноября 1888.[a]
Плющиха, соб. дом

Глубоко уважаемый Леонид Николаевич!

Принося Вам еще раз сердечную признательность за напечатание Проперция, высылаю вместе с сим, согласно благосклонному разреше-

[a] *Под датой вписано чернилами рукой Л. Н. Майкова и дважды подчеркнуто*: март. *Надпись определяла номер журнала, в котором состоялась публикация фетовского перевода; см. примеч. 1 к п. 12.*

нию Вашему, в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» тщательно переписанный и проверенный экземпляр перевода Персия,[1] как Вы пишете, совершенно на тех же условиях, на каких печатался Проперций.

В моих изданиях поэтов я постоянно печатаю примечания постранично под текстом, что гораздо удобнее для читателя частых справок в конце книги. О времени напечатания Персия в журнале вполне полагаюсь на Вас, хотя думаю, что полтора или два печатных листа, которые он займет, не представят для журнала особенного затруднения. Буду и на этот раз просить о напечатании трехсот экземпляров на прежних основаниях.[б]

Прошу принять уверения в глубоком почтении, с каким имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 166. Оп. 3. № 1042. Л. 14–14 об.

[1] В письме к Полонскому от 29 ноября Фет сообщал о переводе Персия, «отосланном в министерский журнал» (*Фет/Полонский*. С. 690).

14

Майков — Фету

3 декабря 1888 г. Петербург

3 декабря 1888.
СПб.

Милостивый государь Афанасий Афанасьевич.

Спешу Вас уведомить, что рукопись перевода Персия мною получена. Повторяю, что согласен напечатать перевод на тех же условиях, на каких напечатал Проперция. Помещен он будет, вероятно, в мартовской книжке будущего года с примечаниями под строкой.[1]

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

Покорнейше прошу верить моему глубокому уважению и искренней преданности.

Л. Майков.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину
в Москву.
На Плющихе в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 4 декабря 1888; 2) Москва, 5 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 2. Л. 8.

[1] О публикации см. примеч. 1 к п. 12; о сожалении Фета по поводу примечаний к Проперцию, помещенных не под строкой, а в конце текста, см. п. 9 и примеч. 1 к нему.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. Н. МАЙКОВ

А. А. ФЕТ[1]

21-го ноября 1892 года скончался в Москве, после долгих и тяжких страданий, Афанасий Афанасьевич Шеншин, столь известный в нашей литературе под именем Фета.

Это был один из самых своеобразных поэтических талантов в литературном поколении, следовавшем непосредственно за Пушкиным. В чрезвычайной оригинальности его дарования заключается причина, почему о нем судили так различно. Действительно, у него были и горячие поклонники, и жесткие порицатели. Осуждали его за тот круг поэтического содержания, который он наметил себе в удел и в котором неизменно вращалось его дарование; его упрекали за равнодушие к интересам минуты, к современным общественным вопросам, к злобе дня; его осмеивали и писали на него пародии. Но, как справедливо заметил один из лучших литературных ценителей Фета, граф А. А. Голенищев-

Кутузов, из всех наших поэтов послепушкинского периода он был самым полным воплощением той свободы творчества, той независимости от преходящих условий места и времени, о которой неоднократно говорил Пушкин как об одном из самых коренных свойств художника и в то же время как о драгоценном праве каждого носителя истинной поэзии:

Ты — царь. Живи один, дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...[2]

Фет страстно дорожил этою поэтическою свободой, горячо и твердо отстаивал свое право на нее. В одном многочисленном собрании в Москве, в январе 1858 года, где много и с жаром говорилось о способах разрешенья только что возбужденного тогда крестьянского вопроса, к Фету подошел М. Н. Катков и с одушевлением сказал ему: «Вот бы вам вашим пером иллюстрировать это событие». «Я, — вспоминал впоследствии Фет, — не отвечал ни слова, не чувствуя в себе никаких сил иллюстрировать какие бы то ни было события. Я никогда не мог понять, чтоб искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты».[3] Фет не раз высказывал свои мысли об отношении поэзии к обстоятельствам времени. Он полагал, что «художник, избирая предметом своего творчества вековечные явления мира внутреннего или внешнего, не рискует, что их не узнают в его произведении; напротив того, с неустановившимися историческими образами, тем более с предметами современными, беда самому первоклассному поэту».[4] Известное стихотворение Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа...[5]

восхищало Фета своим поэтическим достоинством независимо от мысли, которая может быть в нем угадана. Оценивая эти двенадцать строк со своей точки зрения, Фет находил, что они «были бы современными и за две тысячи лет пред сим, как, вероятно, останутся таковыми же еще на неопределенное время».[6] Уже на склоне лет, приветствуя посетившую его музу, Фет говорил:

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.[7]

Как шиллеров певец при разделе мира, наш поэт взял на свою долю частицу неба[8] — идеальное созерцание жизни, лирическое к ней отношение.

Лиризм — естественная, и надобно прибавить, исключительная сфера творчества Фета, ибо, по его собственному признанию, лиризм есть «цвет и вершина жизни». И как бы ни казался порою тесен поэтический кругозор Фета, — по силе лирического воодушевления не много найдется поэтов, ему равных. Корень тому — в его глубокой и в то же время детски-наивной впечатлительности, в неподдельной искренности и скрытой горячности его чувства. «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимою верой в то, что он воспарит по воздуху, тот — не лирик».[9] Как ни поразителен сам по себе этот парадокс, он не совсем странен под пером Фета. Слепая, безумная отвага и дерзость, по его понятию, присущи лирику, но в художественном создании они обуздываются тончайшим чувством меры.[10] Сочетание этих противоположностей характеризует яркую изобразительность в поэзии самого Фета и в то же время объясняет причудливость его фантазии.

Фет любил называть свои стихотворения песнями; поэзию он считал не только родственною с музыкой, но и нераздельною от нее: в момент творчества душа поэта приходит в музыкальное настроение, он поет, и самый строй его рифм не зависит от его произвола, а является в силу необходимости. Я чувствую, говорит он в одной из своих песен о весне, —

что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, но песня зреет![11]

Трудно лучше, чем этими словами, выразить непосредственность фетовского лиризма, в котором мелодия почти опережает вольное, крылатое слово.

О, если б без слова
Сказаться душой было можно![12]

жалуется он в другом стихотворении, подавленный прозою будничной жизни. Но сила поэтического дарования в том и состоит, чтобы душа

высказывалась в слове. Фет в высокой степени обладал этим даром выражения чувства.

Как настоящий лирик, он — по преимуществу созерцатель и мечтатель. Мысль и чувство, образ и музыка стиха живут у него безраздельно. «Нет в мире предмета, — говорит он, — без соответственной ему идеи в душе человека, нет перспективы без озаряющего ее света, нет поэтического созерцания без поэтической мысли».[13] Эту таинственную связь видимого мира с внутреннею жизнью души Фет угадывает поразительно чутко. Отсюда — его глубокое сочувствие природе, почти подчинение ее властной силе, напоминающее суеверное чувство древнего человека. Фет любит природу, как дитя свою мать; но ее растительную жизнь он умеет наблюдать с зоркостью проницательного художника; и наблюдает он природу не столько в ее грозных знамениях, сколько в обыденных явлениях — в мирной тишине зимы, в шумном весеннем расцвете, в замираниях вечернего света, в переливах ночного мрака. Если исключить Тютчева, ни у кого из наших поэтов нет такого обилия картин природы, и никто, быть может, не потратил столько роскоши и пестроты красок на ее изображение. Фет был уроженцем южной Великороссии, и именно природу этой великорусской украйны, черноземной земледельческой полосы, видим мы в его стихах. Правда, иные из его картин слишком причудливы или туманны, но никогда не являются они только описаниями. Набрасывая черты реального мира, Фет в то же время уловляет те мимолетные впечатления, которые оставляют эти явления в душе человека. Живописец не в состоянии будет передать поэтические образы Фета на полотне, но в душе читателя они вызовут то же настроение, из которого они возникли в фантазии самого поэта. В одной из повестей Тургенева очень тонко передано впечатление, производимое поэтическими картинами Фета. «Помните ли вы, — пишет герой повести к знакомой ему молодой девушке, — помните вы, как однажды мы, стоя на дороге, увидели облачко розовой пыли, поднятой легким ветром против заходящего солнца? „Облаком волнистым“, — начали вы, и мы все тотчас притихли и стали слушать:

Облаком волнистым
Пыль встает в дали…
Конный или пеший —
Не видать в пыли.
Вижу, кто-то скачет
На лихом коне…
Друг мой, друг далекий —
Вспомни обо мне!

Вы замолкли.... Мы так и вздрогнули все, как будто дуновение любви промчалось по нашим сердцам, и каждого из нас — я в том уверен — неотразимо потянуло в даль, в ту неизвестную даль, где призрак блаженства встает и манит среди тумана».[14]

Конечно, Тургенев применил фетовский мотив к своей теме; пусть даже воображение романиста несколько дополнило легкий набросок поэта; но сущность впечатления схвачена все-таки верно. Песни Фета, с их теплотою чувства, с их томною мечтательностью, облеченною в пестрые, не всегда отчетливые образы, действительно способны возбуждать в читателе это мирное, светлое, несколько грустное чувство; можно забыть и стихи пиесы, и подробности ее содержания, впрочем обыкновенно несложного, но вынесенное впечатление надолго остается в душе, как в слухе — впечатление внезапно раздавшегося и постепенно замершего звука. В искусстве производить этот особый род поэтического впечатления Фет имел у нас только одного предшественника, тоже поэта-мечтателя, автора «Эоловой арфы».[15]

Как во взгляде на природу есть у Фета оттенок античного воззрения, так и в изображении человеческих чувств. Древний ваятель представил могучего Геркулеса отдыхающим после тяжелого подвига, который требовал чрезвычайного напряжения физической силы;[16] так и поэзия Фета избегает изображать страсти в момент сильной нравственной борьбы. Она знает сердечное влечение лишь в его робком, первичном виде или, напротив того, в пору пережитого страдания, как светлое воспоминание о невозвратно минувшем счастии. В этом выборе для изображения моментов любви наш поэт резко отличается от Пушкина и Лермонтова, поэтов страсти кипучей, трагической, и опять сближается с Жуковским, при той, однако, разнице, что у Жуковского больше сосредоточенности в самом чувстве, тогда как у Фета ярче краски и образы.

Вообще говоря, русская поэзия мало повлияла на Фета: гораздо больше он обязан своим развитием Гёте как лирику и римским поэтам, которых он любил переводить. От них Фет унаследовал воззрения на искусство и отчасти приемы творчества. Быть может, следует пожалеть, что он не научился у них большей строгости в своем художественном труде и потому нередко оставался только импровизатором. Но не от своих учителей взял он силу лиризма: это — его неотъемлемая собственность.

Обыкновенно называют поэзию нашего лирика проникнутою чувством светлой радости. Такое определение едва ли справедливо; по крайней мере, следует признать его односторонним. Правда, в поэзии Фета не слышно звуков негодования и озлобления, — зато ей далеко не чужды

звуки глубокой скорби, душевного страдания от житейских невзгод. Как для всякого чуткого сердцем человека нет радости без печали, так и в поэзии Фета светлое чувство соединяется с горьким в свободном гармоническом сочетании; эта-то примирительная гармония, вызывающая, по выражение поэта, «пленительные сны наяву»,[17] и дает поэзии Фета нравственный, гуманный смысл:

На землю сносят эти звуки
Не бурю страшную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки![18]

[1] Публикуется по: *Майков Л. Н.* Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 304–309. Впервые: Отчет о деятельности Второго отделения имп. Академии наук за 1892 год. СПб., 1892. С. 14–20.

[2] Майков почти дословно цитирует рецензию на три выпуска «Вечерних огней» *Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова* (1848–1913), поэта, последователя теории «чистого искусства», опубликованную в «Русском вестнике» (1888. Т. 195. № 4. С. 368–383). В рецензии, озаглавленной «Вечерние огни» (с подзаголовком: Стихотворения А. А. Фета. 2 части, издание К. Солдатенкова. Москва, 1863 г.; «Вечерние огни». Собрание неизданных стихотворений А. А. Фета. 3 выпуска 1883, 1885, 1888 г.), Голенищев-Кутузов писал: «Начать с того, что из всех русских поэтов послепушкинского периода литературы г. Фет является самым полным воплощением той свободы, той независимости от преходящих условий места и времени, о которой неоднократно упоминал Пушкин как об одном из самых коренных свойств и в то же время как о драгоценном праве каждого носителя истинной поэзии». Далее рецензент цитировал четыре строки стихотворения Пушкина «Поэту» (1830), выделяя в первой строке: «Ты царь. *Живи один*; дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды высоких дум, / Не требуя наград за подвиг благородный», — и продолжал: «Вот завет Пушкина русским поэтам, и во все продолжение многолетней своей литературной деятельности г. Фет безусловно оставался верен этому завету. Широка или узка была его „дорога“, следовал ли он по ней торжественным поездом могучего властителя в гремящей и блестящей колеснице или шел смиренным, задумчивым, быть может и одиноким странником — это вопрос иной, к разрешению которого мы вернемся впоследствии. Теперь мы хотим удостоверить только ту несомненную истину, что творчество г. Фета было действительно *свободно* от всяких посторонних, чуждых искусству влияний и что никакие соблазны „наград“, в виде восторгов толпы и громкого одобрения модной критики, не могли отвлечь его от исполнения „благородного подвига“, не могли совратить его с однажды избранного им пути служения чистому искусству» (Там же. С. 368–369). В переработанном виде под заглавием «О вышедшем на днях третьем выпуске сборника стихотворений г. Фета „Вечерние огни“» рецензия вошла в издание: Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова: [В 4 т.]. СПб., 1914. Т. 4. С. 394–401. В поэтическом наследии Голенищева-Кутузова есть послание «А. А. Фету» («Словно голос листвы, словно лепет ручья…», 1887) (см.: Поэты 1880–1890-х годов. 2-е изд.

Л., 1972. С. 252 (Б-ка поэта. Большая сер.)). В первой цитируемой строке Пушкина правильно: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной…».

[3] Эпизод из «Моих воспоминаний» (1890) Фета; см.: *МВ*. Ч. 1. С. 225. *Михаил Никифорович Катков* (1818–1887) — публицист, литературный критик, издатель.

[4] Неточная цитата из статьи Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859); ср.: «Избирая предметом песни вековечные явления мира внутреннего или внешнего <…>, художник не рискует тем, что их не узнают в его произведении. <…> С неустановившимися историческими образами беда самому первоклассному поэту» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 192).

[5] Начальные строки стихотворения «Эти бедные селенья…» (1855).

[6] Из той же статьи Фета; ср.: «Оно точно так же было бы современным за две тысячи лет, как, вероятно, и будет еще на неопределенное время» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 192).

[7] Стихотворение «Музе» (1882).

[8] Отсылка к стихотворению Ф. Шиллера «Раздел земли» (1795).

[9] Эта (не вполне точная) цитата, как и предшествующая, — из статьи Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева»; ср.: «Все живое состоит из противоположностей; момент их гармонического соединения неуловим, и лиризм, этот цвет и вершина жизни, по своей сущности, навсегда останется тайной. Лирическая деятельность тоже требует крайне противуположных качеств, как, напр., безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзостию в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры. Как ни громадна лирическая смелость, — скажу более, — дерзновенная отвага г. Тютчева, — не менее сильно в нем и чувство меры» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 186–187).

[10] Парафраз из той же статьи; см. предыдущую сноску.

[11] Из стихотворения «Я пришел к тебе с приветом…» (1843).

[12] Из стихотворения «Как мошки зарею…» (1844).

[13] Из статьи Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 180).

[14] Не вполне точная цитата из повести И. С. Тургенева «Переписка» (1856). Цитируется стихотворение Фета «Облаком волнистым…» (1843). См.: *Тургенев. Соч*. Т. 5. С. 28, 399.

[15] «Эолова арфа» (1814) — баллада В. А. Жуковского.

[16] Изображение Геркулеса (Геракла) отдыхающим после своих подвигов — один из типичных сюжетов как у античных авторов, так и в более поздних копиях.

[17] Из второй строфы стихотворения Фета «Муза» («Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня…», 1887); ср.: «Пленительные сны лелея наяву, / Своей божественною властью / Я к наслаждению высокому зову / И к человеческому счастью».

[18] Финальные строки того же стихотворения.

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. П. СЕМЕНОВА

ПЕРЕПИСКА ФЕТА с Н. П. СЕМЕНОВЫМ (1884–1892)

Публикация Н. П. Генераловой

Переписка А. А. Фета с известным деятелем крестьянской реформы сенатором Николаем Петровичем Семеновым (1823–1904) не велика по объему — всего 35 писем (часть переписки, как видно из сохранившихся писем, утрачена), но значение ее для истории русской общественной мысли трудно переоценить. Ведь оба корреспондента принадлежали к людям, имевшим самое непосредственное отношение к едва ли не главному событию XIX столетия — отмене крепостного права в России. Однако если по отношению к Н. П. Семенову, занимавшему не только заметное место в государственной иерархии, но и в публицистике 1860-х — 1880-х годов, сказанное относится со всей очевидностью, то в отношении Фета подобное утверждение требует дополнительных аргументов, поскольку большинство его публицистических статей публиковалось под псевдонимом.

Принявший непосредственное участие в осуществлении реформы 1861 года в качестве хозяина-фермера, Фет сумел не только поднять свое хозяйство и превратить купленную им землю в Степановке (Орловской губернии) в благоустроенные поля и леса, но и зафиксировать свой опыт в ряде ярких публицистических статей, печатавшихся в современной периодике.[1] Давая краткий обзор деревенских очерков Фета, Е. А. Тархов верно заметил, что значение их выходит далеко за пределы биографического интереса: «…упорная борьба Фета за осуществление „земледельческого идеала“ отнюдь не сводилась к „фермерской программе“ нового, прогрессивного хозяйствования; деятельность Фета вдох-

[1] См. публикацию этих статей: *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 121–388.

новляла иная идея: среди катастрофического кризиса всей помещичьей жизни, оскудения и разорения дворянских усадеб, всеобщего убеждения в исчерпанности исторической роли дворянства как сословия — наперекор всему этому стремиться к осуществлению нового *человеческого идеала земледельца*: а таковым был для Фета среднепоместный дворянин».[2] Продолжая мысль исследователя, можно сказать, что значение деревенских очерков Фета выходит далеко за рамки не только биографического интереса, но и более общего интереса к судьбам среднепоместного дворянства. Судьба дворянства была неразрывно связана с судьбой крестьянства, а значит и всего народа. Именно в таком качестве — размышлений о судьбе русского народа и судьбы России очерки Фета входят в более поздний пласт публицистики, составляя с нею органическое целое.

Вынужденный уход из литературы вследствие ожесточенной критики, которой подверглось творчество Фета в конце 1850-х — начале 1860-х годов со стороны революционных демократов, в определенной степени способствовал расцвету его публицистического дара. Опыт Фета был тем более важен, что он провел его в виде «чистого эксперимента», не будучи обременен, подобно многим собратьям по перу, необходимостью урегулировать свои отношения с бывшими крепостными, поскольку таковыми никогда не владел. Сумев преодолеть возникающие на каждом шагу новых экономических отношений трудности, Фет осмыслял происходящее широко и смело, ставил и решал вопросы в острой, подчас лишь ему свойственной парадоксальной форме. При этом, несмотря на «утопичность» того земледельческого идеала, к осуществлению которого он стремился, логика его мысли и действия по сей день не кажутся лишенными практического значения, ведь неосуществимость идеала вовсе не означает его неистинность.

Говоря об идеологическом облике Фета, следует, однако, иметь в виду существенную особенность его позиции. Как верно писал А. Е. Тархов, «если уж искать название для его далеко не прогрессивной идеологии, то скорее всего ее следует назвать почвенническим консерватизмом».[3] Но позиция Фета по ряду существенных вопросов заметно отличалась от позиции тех, с кем он как публицист оказался в одном ряду. Так, например, он принципиально расходился в вопросе об отношении к со-

---

[2] *Тархов А. Е.* Проза Фета-Шеншина // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 373–374.

[3] Там же. С. 375.

словиям с таким видным представителем консервативного лагеря, как К. Н. Леонтьев. Анализируя статью Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», напечатанную в № 14 «Московских ведомостей» от 14 января 1888 года, и отклик на нее Леонтьева, современный исследователь пишет: «Позиция Фета синтетична. Сторонник „известной иерархии", он пришел к проповеди хозяйственной и правовой свободы для крестьянина через вопрос о его ответственности».[4]

Вера в будущее земледельческой России, убежденность в неотделимости вопроса о земле от исторически обусловленного пути российской государственности представляют историософию Фета глубоко укорененной в реалиях русской жизни, построенной не на вымышленных теориях, а вырастающей из самой действительности. Недаром, рассуждая, к примеру, о земельных вопросах, Фет писал: «В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий».[5] Более всего его возмущали попытки бездумного заимствования чужих форм жизни и насильственного внедрения их в чуждую среду.

Понятие экономии, существования по средствам было одним из заветных убеждений Фета. Оно же нередко становилось источником обвинения его в скупости и даже «скаредности». Между тем расточительству дворян он ставил в пример крестьян, когда писал: «Крестьянин почерпнул свой быт не из академий, трактатов и теорий, а из тысячелетней практики, и потому быт его является таким органическим целым, стройности и целесообразности которого может позавидовать любое учреждение».[6]

Важнейшим вопросом для Фета, как и для всех публицистов, кто касался положения дел в сельском хозяйстве, был вопрос о сохранении или упразднении крестьянской общины. Например, К. Леонтьев, сторонник укрепления сословных привилегий дворянства,[7] выступал в то же

---

[4] *Добряков С. В.* Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: К истории взаимоотношений) // *Фетовские чтения (XVII)*. Курск, 2003. С. 248.

[5] <*Фет А. А.*> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М., 1884. С. 46.

[6] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 337.

[7] «Если для Фета было важно равенство обязанностей и прав дворянина и крестьянина, то Леонтьев попробовал развить принцип сословной иерархии», — пишет С. В. Добряков (*Добряков С. В.* Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: К истории взаимоотношений). С. 252).

время за сохранение крестьянской общины, убежденным противником которой был Фет. По вопросу о сохранении или упразднении общины Фет расходился со многими консерваторами, как западнической, так и славянофильской ориентации. Столкнулся он в этом вопросе, как показывает публикуемая переписка, и с Н. П. Семеновым.

Важнейшими компонентами историософии Фета становятся понятия «земли» и «труда». Земледелие, по Фету, «не какая-либо потребность жизни, оно сама жизнь».[8] «Землевладение» же есть не просто «владение землей», в том числе и ее купля-продажа, — это прежде всего «делание на земле». «Не указывайте прямо на землю как на источник богатства, — писал он в 1871 году. — Земля без рук — мертвец».[9] Рассматривая государство как органическую форму существования народа, основанную на семейном начале, в основании этого исторического образования Фет полагал землю и тех, кто ее возделывает. Земледельческая деревня для него — это «корень всего государственного дерева».[10]

Столь же основополагающим было понятие земли и для Н. П. Семенова. «Заслуга Н<иколая> П<етровича> перед русским народом, — писал в статье о Семенове И. И. Попов, — что он был один из убежденных сторонников освобождения крестьян с землею, ратовал, не покладая рук, против обезземеления крестьян, и что особенно важно, с самого начала последовательно стоял за выкуп. Н<иколая> П<етровича> не остановило и то обстоятельство, что большинство Главного комитета перед тем склонялось, и даже охотно, на безземельное освобождение крестьян, надеясь в них впоследствии иметь дешевых батраков».[11]

Завершив цикл своих деревенских записок в 1871 году, Фет продолжал напряженно размышлять о настоящем и будущем государственного устройства России. По существу, он до последних дней оставался деятельным участником дискуссий по самым насущным вопросам экономической и общественной жизни. Собранные вместе в будущем томе выходящего ныне собрания его сочинений,[12] публицистические статьи

---

[8] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 370.

[9] Там же. С. 341–342.

[10] Там же. С. 354.

[11] *Попов И. И.* Николай Петрович Семенов // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание / Историческая комиссия учебного отдела О.Р.Т.З.; Редакция А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: издание т-ва И. Д. Сытина, [1911]. Т. 5. С. 88.

[12] *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. / Гл. ред. В. А. Кошелев. СПб., 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1839–1863; СПб., 2004. Т. 2: Переводы. 1839–1963; СПб., 2006. Т. 3: Повести и рассказы. Критические статьи; СПб., 2007. Т. 4: Очерки:

1870-х — начала 1890-х годов дадут возможность определить место и значение Фета-публициста в общественном процессе последней трети XIX столетия.

Новым этапом деятельности Фета-публициста стали его статьи начала 1880-х годов, где резкой критике были подвергнуты важнейшие сферы хозяйственных, политических, идеологических устоев пореформенной России. Непосредственным толчком к этому этапу следует считать убийство 1 марта 1881 года террористами-народовольцами императора Александра II.

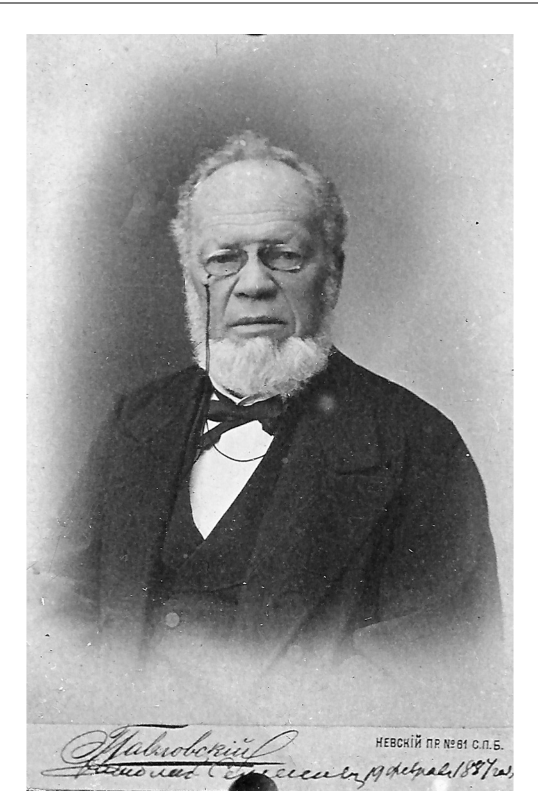
Начало переписки Фета с Н. П. Семеновым относится к 1884 году, когда он познакомился с тезисами статьи Семенова «Наши реформы», перекликавшейся в основных своих положениях с ранее опубликованной статьей Фета «Наши корни». Увидев несомненную общность позиций в оценке реформ, Фет живо откликнулся на статью Семенова, возобновив давнее мимолетное знакомство. Не менее живо реагировал на письмо Фета и сам автор статьи.

В статье «Наши корни», опубликованной в февральском номере «Русского вестника» за 1882 год за подписью «Деревенский житель» и в том же году напечатанной отдельной брошюрой, Фет впервые после долгого перерыва основательно высказался по целому ряду вопросов дореформенного и пореформенного государственного и общественного устройства России. Затронуты были в этой статье и вопросы российского законодательства и судопроизводства, к чему Фет имел прямое отношение, исполняя должность мирового судьи Мценского уезда Орловской губернии около десяти лет.

Так, например, о мировых посредниках в статье «Наши корни» говорилось: «Мы удивляемся успехам первых посредников. Только стоя на исторической, народной почве, они могли разрешить свою трудную задачу».[13] Неслучайно в упоминавшемся выше письме Семенов признавался: «Мне шлется одобрение, с выражением сочувствия к моему труду от того, кто сам был мировым судьею, стоял и стоит близко к народу, во имя которого будто бы все предпринимается <…>» (см. письмо 2).

Из-за границы. Из деревни. Когда настоящая публикация была готова, в свет вышел том публицистики Фета, подготовленный известным исследователем и публикатором творческого наследия поэта Г. Д. Аслановой. Знаменательно, что составительница дала этому тому название по статье Фета «Наши корни»: *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой; коммент. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова. СПб.; М., 2013. Приветствуя появление этой книги, выражаем надежду, что она привлечет внимание читателей и исследователей к важнейшей части литературного наследия Фета.

[13] *РВ*. 1882. № 2. С. 497.

Н. П. Семенов.
Фотография. Петербург, 19 февраля 1887 г.

Не вызывает сомнений, что деревенские очерки Фета были ему хорошо знакомы.

Статья «Наши корни» была написана в переломный для России момент и положила начало череде публицистических выступлений Фета 1880-х годов. Начатая задолго до 1 марта 1881 года и завершенная уже после убийства народовольцами Александра II, эта статья дает ключ к пониманию всей публицистики Фета этого периода.

Как верно замечено исследователями, под «корнями народной жизни» понималось, с одной стороны, «религиозно-нравственное воспитание народа — „духовный“ корень, с другой — „материальный, наше сельское хозяйство“».[14] Именно на этих основаниях зиждется, по Фету, ду-

[14] *Черемисинова Л. И.* А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность // *РЛ.* 1989. № 4. С. 145.

ховное и материальное благополучие государства и трона, ибо «истинная особенность» российской государственности коренится «в двух мотивах: *главенстве Христа и Царя*».[15]

Объективно статья «Наши корни» оказалась своеобразным ответом Фета-публициста на долгое противостояние общественных сил, кульминацией которого стало убийство Александра II. Накал борьбы побудил Фета занять твердую позицию и открыто встать на сторону охранителей трона, заслужив в среде либеральной интеллигенции звание реакционера и консерватора, которые, судя по всему, не сильно смущали поэта. Недаром он сам позаботился о том, чтобы «Наши корни», как и другие его статьи, доходили прямо до Александра III.[16]

Вскоре после «Наших корней» была написана еще одна статья: «Где первоначальный источник нашего нигилизма?», оставшаяся не напечатанной, но не оставшаяся незамеченной.[17] Так, 3 апреля 1882 года И. П. Новосильцев писал Фету: «Сомнения не может быть в том, что я *совершенно* разделяю начала, которых ты держишься, тут не может быть между нами разногласия, статья написана бойко <…>».[18] Высказывая некоторые критические замечания, Новосильцев даже предлагал себя в качестве соавтора: «Если успею, переделаю статью и <…> пущу в ход».[19] Очевидно, он либо не успел, либо не сумел опубликовать статью, но «в ход» ее, по-видимому, пустил, давая читать людям своего круга.

Чувствуя себя одиноким в своей среде, Фет, фактически оторванный от привычного круга общения в Степановке, где он поселился с начала 1860-х годов, а затем и в Воробьевке, приобретенной в 1877 году, не переставал пристально следить за процессами, происходящими в общественной жизни России. Особенно остро он переживал оторванность от реальных нужд народа и государства русской интеллигенции и дворянства.

«Да, мы открыто не желаем смут и натравливаний одного сословия на другое, — писал Фет в статье о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», написанной для «Русского вестника» совместно с В. П. Боткиным, — где бы оно ни проявлялось: в печати ли, на театре ли, посред-

---

[15] *Деревенский житель <Фет А. А.>* Наши корни. М., 1882. С. 53.

[16] См.: *Щербаков В. И.* «К сожалению, много правды»: Александр III и его окружение о статье А. А. Фета «Наши корни» // Курск; Орел, 2000. С. 127–136.

[17] *Фет А.* Где первоначальный источник нашего нигилизма? / Публ. Г. Д. Аслановой, В. И. Щербакова // Там же. С. 5–13.

[18] *РГБ.* Ф. 315. Оп. 2. К. 9. № 45. Л. 1. Цит. по: Там же. С. 12.

[19] Там же.

ством изустных преподаваний и нашептываний. Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов, способной только сбить человека с врожденного здравомыслия. Нам больно видеть недоверие сознательных элементов общества к публичному воспитанию. Наравне с другими мы чувствуем необходимость незыблемых гарантий свободному и честному труду. Для нас очевидна возрастающая потребность в серьезном содействии женского труда на поприще нашего преуспеяния. Чем скорее и яснее поймут они всю гнусность валяться целый день в постели и пить сливки, заставляя мужа, кроме тяжелых забот о насущных нуждах семейства, заваривать им чай, — тем лучше. Пусть они серьезно и полезно трудятся, но только не в фаланстере».[20] Так завершалась статья о романе Чернышевского, не увидевшая света при жизни автора. Вот почему поэт столь живо откликнулся на родственные ему мысли, прозвучавшие в статье Н. П. Семенова «Наши реформы».

В ответ на одобрение Фета Семенов приоткрывает некоторые обстоятельства своего непосредственного участия в выработке закона о мировых посредниках. «Когда я был членом от юстиции в комиссиях по крестьянскому делу, прислали к нам на обсуждение по высочайшему повелению из особой комиссии составленный там проект о мировых судьях (переименованных тогда же в посредников) „для разбора спора и недоумений, имеющих возникать между помещиками и крестьянами, выходящими из крепостной зависимости“ (подлинные слова Высочайшего указа). Административное отделение наших крестьянских комиссий поручило мне работу. Данный мне проект особой комиссии оказался такой бюрократической белибердой <…>, <что> мне пришлось сочинить свой, удалось, с неимоверными усилиями и обидными неприятностями, провести его <…>. Наконец, я видел осуществление своего проекта мировых посредников, которое Вам известно лучше меня. Казалось бы, чего еще? — создалось живое в лице первых посредников учреждение, но бюрократия этого не снесла — она смела посредников через два года с лица земли, с учреждением новых мировых судей. Если так делается, то каких ожидать успехов?» (см. письмо 2).

Переписка Фета с Семеновым, помимо интереснейшего диалога по многим проблемам, не потерявшим своей актуальности по сей день, дает обильный материал для атрибуции нескольких анонимных статей Фета по различным вопросам. Так, несомненное доказательство того, что опубликованная в № 3 от 1 февраля 1884 года газеты «Русь» статья, под-

[20] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 259.

писанная псевдонимом «Деревенский житель», принадлежит А. А. Фету, содержится в письме Семенова от 5 марта 1884 года. Вот что писал Семенов Фету: «Я прочел Вашу статью в „Руси“, она только третьего дня была мне прислана из Москвы, потому что по неизвестной причине №№ „Руси“ 2 и 3 мне всё не доставлялись, что Вы там говорите, всё верно и прекрасно. Если Вы прочитаете мою статью в „Русском вестнике“ в подлинном ее виде, то заметите, что я как бы предвосхитил Вашу мысль об „испытанном режиме посредников первого выбора“ и что вообще взгляды и идеи наши с Вами очень близки» (см. письмо 2). Именно теме мировых посредников «первого призыва», института, который, по мнению Фета, «блестяще» оправдал себя на практике в первые пореформенные годы, была посвящена статья «О нашем сельском самоуправлении», напечатанная в газете И. С. Аксакова «Русь».

«Затруднений и препятствий много, — писал Фет еще в своих «Заметках о вольнонаемном труде», — но где средства устранить их и сровнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостояния?».[21] Конечно, труд как основополагающая категория не ограничивается для Фета только земледельческой сферой. Поясняя свою позицию наблюдателя и автора деревенских заметок, основным инструментом которого является непредвзятое отношение к увиденному, поэт пишет: «Только из такого простого и свободного отношения к предметам возникает для меня наслаждение трудом».[22]

Суть самой реформы Фет понимал гораздо глубже тех, кто в первую очередь был озабочен отменой крепостного состояния огромной части населения России. «Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, — писал он в своих очерках, — она должна разрешить два вопроса: эманципацию личности и эманципацию труда, что почти одно и то же. <…> Итак, вольнонаемный труд является логическим последствием и конечною целью реформы, о которой, во избежание недоразумений, скажем раз навсегда, что мы ей и в принципе, и во всех проявлениях по сей день — глубоко сочувствуем».[23]

Таким образом, понятия «землевладения» и «земледелия» становятся синонимами. Здесь, собственно, лежат корни фетовских разногласий со многими современными ему публицистами. Вот почему псевдоним,

---

[21] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 178.
[22] Там же. С. 253.
[23] Там же. С. 238.

избранный Фетом — «Деревенский житель» — несет на себе серьезную идеологическую нагрузку.

Именно этот псевдоним в скрытом виде присутствовал в подзаголовке статьи «На распутье», которая вышла отдельной брошюрой в Москве в конце 1884 года: «Нашим гласным от негласного деревенского жителя». Позиция автора относительно государственного устройства России заявлена сразу и недвусмысленно: «Мы все, русские (за ничтожными исключениями) любим нашего монарха, мы верим в его преемственно законное самодержавие, мы надеемся на его защиту от обуревающих нас страстей».[24] Таким образом, православие и самодержавие принимаются за основу. Любопытно, что третья составляющая уваровской триады — «народность» — оспаривается Фетом.

«Слова: *народность* или *животность* обозначают лишь совокупность особенных свойств народа или животного, а в этом смысле, хотя в приведенной фразе *народность* и неуместна с двумя первыми понятиями, но постановленная таким образом: *народность*: *православие* и *самодержавие* может иметь самый твердый и ясный смысл в данном народе».[25] Схожим образом высказывался Фет и в статье «Наши корни»: «Мы до сих пор не вполне ясно сознали нашу истинную особенность, коренящуюся в двух мотивах: главенстве *Христа и Царя.* Все доблестное и великое совершается на Руси Христовым и Царским именем. Этого не хочет понять современная интеллигенция со своею ребяческою конституцией. У ней действительно нет царя в голове».[26]

«Историю нельзя сочинять, — пишет Фет. — Ее можно только тенденциозно передавать или же беспристрастно к ней присматриваться».[27] Пытаясь определить геополитическое место России, Фет вступает в спор с западниками и со славянофилами, обнаруживая при этом знакомство с известным трудом Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». «Нам кажется, что и славянофильская критика впала в однородные с нигилистической ошибки, из коих главнейшею считаем *повальность*. Отыскав для присущего всем народам инстинктного чувства самобытности и партикуляризма отвлеченное выражение *народность*, даже с несвойственным этому выражению оттенком народовластия, славянофильство предвзято отнеслось ко всему западному и *повально* стало хвалить все

---

[24] <*Фет А. А.*> На распутье: Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М., 1884. С. 4. Далее: *Фет. На распутье*, с указанием страницы.

[25] Там же. С. 5.

[26] *Деревенский житель*. Наши корни. С. 53.

[27] *Фет. На распутье*. С. 28.

свое. Но так как на пути не к отвлеченному мышлению, а к вопросам самой будничной жизни, — к куску насущного хлеба, — мы не можем спрашивать, откуда пришла вещь, а должны только испытать, хороша ли она, целесообразна ли? — то во избежание ежеминутных недоразумений вынуждены уяснить себе слово народность».[28]

К понятию «народности» — одному из ключевых в идеологических спорах эпохи — Фету приходилось возвращаться неоднократно. В статье «На распутье» он в очередной раз пытается снять с этого понятия идеологические нагрузки, которые прочно срослись с ним в статьях критиков различных лагерей. «Народность не может быть выражением качеств, свойственных известному народу наряду с другими народами, — пишет Фет, — и, тем более, общих всему человечеству. В этом случае *народность* была бы ненужным синонимом человечества. Желая говорить о характеристических свойствах медведя, быка, лошади, мы вправе указать на то, что при нападении медведь, употребляя передние когти, невольно становится на задние лапы; бык, приводя в горизонтальное положение рога, склоняет лоб, а лошадь, освобождая для ударов задние ноги, переваливает всю тяжесть тела на передние, или же, что „сколько волка ни корми, он все в лес глядит“. Мы вполне согласны, что искусственно исправлять врожденные приемы упомянутых животных совершенно напрасный труд, так как по такому прогрессивному пути можно дойти до мысли рядом с кошками и собаками держать на сухом пути комнатных осетров. Высказанное нами о смысле слова *народность* нисколько не мешает наблюдателю признавать те же черты не во всем, конечно, человечестве, чему мешает самое понятие, а в целом культурно-историческом типе».[29]

«Славянофилы правы, — пишет Фет, — мы не только одною ногою твердо стоим на Востоке, но волею судеб еще все далее отодвигаем эту ногу к Востоку. <…> Переставши быть Востоком, мы перестанем быть русскими».[30] История, по мнению Фета, так близко придвинула нас к Западу, что «для удержания нашего громадного тела в равновесии мы вынуждены нравственно опереться другою ногою на общую европейскую цивилизацию».[31]

При этом критика европейской цивилизации ведется Фетом не предвзято, а с учетом исторических реалий русской жизни. Его интересует

---

[28] *Фет. На распутье*. С. 6.

[29] Там же. С. 6–7.

[30] Там же. С. 8.

[31] Там же.

не оценочное отношение к иному образу жизни и мыслей, а определение в каждом случае национальной специфики того или иного явления. «Исторические судьбы всего лучше оправдывают наши слова, — констатирует Фет. — Как истина состоит в соответствии понятия о вещи ее сущности, так справедливость состоит в соответственном удовлетворении потребностей каждого. Как по бесконечному количеству вещей является бесконечное число истин, так, по бесчисленности человеческих личностей, справедливость, чтобы оставаться справедливостью, вынуждена принимать бесконечные виды. Основывая свои действия на внешнем, прямолинейном равенстве, оно становится законом, составляющим прямую ее противоположность, ибо закон по своей незыблемости представляет Прокрустово ложе. Ясно, что справедливость между людьми возможна только при семейном начале».[32]

Этот основополагающий принцип вызовет позднее желание у Фета написать специальную статью, посвященную такому важному, но ныне вполне забытому слову, как «тягло». Благодаря Н. П. Семенова за указание на это первостепенное для понимания специфики русской жизни понятие, Фет писал: «…слово „тягло“ не есть какое-либо модное и небывалое; оно звучало еще над нашей купелью и только литераторы писали „тысячу душ“, а хозяева между собою говорили 250 тягол» (см. письмо 14). Несмотря на то, что сам он не один раз писал о семейном начале как основополагающем в понимании отношений крестьянина с землей и даже употреблял слово «тягло», Фет счастлив, что найдено ключевое слово и пытается как можно точнее определить его содержание: «Как для физиолога важно знакомство с отдельною клеточкой для уразумения всех органических тел, как одна ячейка объясняет все устройство улья, так точно тягло, вследствие указания Вашего, должно послужить основой всей моей статьи <…> По-моему, тягло *есть неделимая экономически-самобытная единица обязательного земледельческого труда*» (см. письмо 14).[33]

Российская государственность зиждется, по Фету, на отношении к земле. Еще в 1871 году он заявлял: «Самый заклятый крепостник из развитого общества, на словах, а быть может, и на деле, заявляющий себя исключительно эксплуататором поземельной собственности, носит в душе глубокое убеждение, что помимо коммерческих отношений

---

[32] Там же. С. 28.

[33] О не дошедшей до нас статье Фета «Наше тягло» см.: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // *Фетовские чтения (XIX)*. Курск, 2005. С. 81–88.

к окружающей среде на нем лежат нравственные обязанности иного свойства. Сила этого сознания возвела и продолжает возводить Россию на ту степень цивилизации, которой она достигла в течение каких-либо 150 лет».[34] Вот почему центральное место в статье «На распутье» занимает глава «Земля как орудие производства».

«Недаром люди, — начинает эту главу Фет, — издревле обращаясь к земле, говорили: земля-кормилица, „arida nutrix“, мать-земля, что совершенно справедливо, если подумать, что так или сяк мы сами представляем ее видоизменение и во весь период нашей жизни, непосредственно или при посредстве многих передаточных рук и разнородных химических превращений, питаемся ее соком. Чтобы земля вполне соответствовала понятию кормилицы, человеку необходимо непосредственно припадать устами к добровольно предлагаемой пище. Такое припадение возможно только в немногих местностях, где климатические условия и изобилие дикорастущих плодов в течение круглого года это дозволяют. <…> возделывать землю под посев культурных растений уже представляет труд в поте лица. При этом высшем, одному человеку свойственном приеме питания никакое измышление, никакие уловки не спасут от трудового пота. Напрасно люди, незнакомые с делом, мечтают, что со временем земледельческий труд выпадет на долю машин, а управляющие, или люди, будут только прогуливаться и наблюдать за ходом дела. Мы поставили бы таких фантазеров к любой земледельческой машине, чтобы убедить их, что машина сокращает время, а не труд человека».[35]

Таким образом, земля в понимании Фета превращается скорее в исходный материал для искусства, в данном случае — искусства земледелия, и оказывается неразрывно связанной с работающим на ней хозяином. Из этого органического единства возникает необходимость прямого и надежного прикрепления человека к земле, но человека не всякого, а способного управляться с предметом владения. Отсюда и предлагаемое Фетом решение, казалось бы, частного вопроса о неразделении поземельной собственности, приводящей к дроблению и оскудению хозяйств.

Все, что происходит в государстве, любые предпринятые реформы так или иначе должны быть направлены на основную задачу — сохранение и преумножение главного капитала — земли. Вот, например, какова логика рассуждений Фета, когда он обращается к современному

---

[34] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 366.

[35] *Фет. На распутье.* С. 34.

судоустройству и предлагает отказаться от суда присяжных и вернуться к институту мировых посредников, которые справились со сложнейшей ролью регулятора в деле размежевания дворянства и крепостного крестьянства в первые пореформенные годы, имея полномочия принимать скорые и очевидные решения. Значительная часть тяжб может решаться столь же скоро при сохранении этого института. При этом виновные не будут отрываться от своих непосредственных занятий, то есть от земли.

Главный критерий культурного народа, по Фету, — его отношение к земле. «Долговечностью отличаются только народы, у которых, как у египтян, Нил ежегодно возмещает истощение почвы, или те, которые, подобно немцам, французам, англичанам и китайцам, религиозно наблюдают землю искусственным удобрением, хотя бы приходилось его выписывать из-за моря. В этом заключается главный критерий культурного народа. Тут выбора нет: или при сгущенном населении всеми силами подымать производительность почвы или беззаветно обдирать ее и бежать на целину, оставляя за собою бесплодную пустыню».[36]

Продуманность и осмотрительность действий, упор на экономически выгодные меры, основанные на предварительном опыте, — вот что беспокоит Фета при обсуждении возможных изменений в законодательстве, в образовании, в здравоохранении. Каждый закон, каждое вновь принимаемое решение необходимо взвесить и обсудить публично до того, как оно будет принято. «Пора нам перестать перелаживать жизнь огромного государства по кабинетным и к тому же совершенно ненаучным соображениям, — пишет он Семенову в январе 1885 года, вскоре после публикации статьи «На распутье», — а присматриваться к обстоятельствам, тормозящим ход дела, стараться в действительности устранять эти препятствия» (см. письмо 6). Рассуждая, к примеру, о медицинской помощи, которой практически лишены сельские жители, Фет пишет: «…в бездорожной стороне можно только играть в культуру, что мы и делаем <…>».[37]

Кто же был Николай Петрович Семенов и почему Фет так заинтересованно вступил с ним в переписку?

Старший брат известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, видный государственный деятель, сенатор, в конце жизни действительный тайный советник Н. П. Семенов был не только активным участником редакционных комиссий по проведению крестьян-

[36] Там же. С. 45–46.
[37] Там же. С. 49.

ской реформы 1861 года, но и ее историком и летописцем. Еще при жизни Александра II ему было поручено составить хронику деятельности комиссий по крестьянскому делу, для чего он вел подробные записи всех заседаний, однако к осуществлению своего труда Николай Петрович смог приступить только спустя много лет. Публикуемые письма Семенова к Фету проливают дополнительный свет на историю создания фундаментального трехтомного труда, который вышел в свет лишь в конце 1880-х — начале 1890-х годов под названием «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889–1893). Из писем Семенова видно, что, несмотря на высокое положение в чиновничьей иерархии, этот человек, сделавший на первый взгляд блестящую карьеру, многим был неудовлетворен и испытывал немалые трудности в обнародовании своих трудов. Испытывая, как и Фет, потребность в понимающем и заинтересованном собеседнике, он с радостью возобновил давнее мимолетное знакомство и откровенно делился с поэтом самыми заветными мыслями.

Помимо службы, Н. П. Семенов был человеком разносторонних интересов, увлекался литературой и был большим поклонником поэзии Фета. Так, получив от Фета третий выпуск «Вечерних огней», он писал ему 25 января 1888 года: «На днях получил Вашу драгоценную для меня поэтическую книжку, приятно видеть свежесть чувства в ней и родник поэзии, которая поднимает нас в иной мир и возвращает к невозвратимому свежему и молодому. Спешу принести Вам мою сердечную благодарность. Неужели Вы могли меня отчислить хоть на минуту в ряды формализующихся искусственными светскими условиями приличий. Отношения симпатии, так сказать, союза сердец, дружбы и всех истинно человеческих отношений стояли для меня всегда неизмеримо выше всяких условных отношений. С этой стороны будьте без всяких сомнений, а глубокое уважение, которое я к Вам питаю, и сочувствие к Божью помазанию, как я называю талант вообще, даруемый уже от рождения, делает мои чувства неизменными и независимыми от тлена сего мира» (см. письмо 25).

Семеновым было переведено немало стихотворений А. Мицкевича, вышедших отдельным сборником в 1885 году.[38] Эти переводы были высоко оценены Фетом. Дружеские отношения с юности связывали Семе-

---

[38] См.: *Николаев С. И.* К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету) // *РЛ*. 1998. № 2. С. 47–49. На обложке сборника указан 1885 г., на титульном листе — 1883 г.

нова с Н. Я. Данилевским, автором знаменитой книги «Россия и Европа», и Н. Н. Страховым, с которым Фет сблизился в конце 1870-х годов, а родственные — с Я. К. Гротом, который был женат на родной сестре Семенова Наталье Петровне.

В статье «Наши реформы», «обратившей, — по мнению современного исследователя, — на себя внимание „в верхах“, тотальной критике подверглись все преобразования 60-х годов, но автор подчеркивает особую значимость перестройки местного самоуправления».[39] Очевидно, история публикации этой статьи была непростой. В приведенном выше письме к Фету Семенов сообщал: «…иные высокопоставленные в судебных учреждениях лица признают, что печатание мной статьи „Наши реформы“ в „Русском вестнике“ (благодаря доблестному и власть имеющему Михаилу Никифоровичу Каткову, потому что, конечно, никакой другой журнал у нас ее бы и не принял) *есть поступок*, недостойный сенатора, что сенатору совсем неприлично говорить против судебных учреждений. Трудно у нас делать дело, когда есть люди — а они еще и в силе и считаются либеральными — думающие, что высшие в служебной иерархии должности достаются ценою лишения прав выражать свободно свои глубокие убеждения, что ныне предоставлено, слава Богу, всякому гражданину» (см. письмо 2).

Результаты судебных реформ предыдущего царствования, в частности, отмена к середине 1860-х годов института мировых посредников, замененных мировыми судьями, а также введение института суда присяжных активно обсуждались в печати и в правительственных сферах, что было связано с общим кризисом российского законодательства. «Общим результатом кризиса, — пишет современный исследователь, имея в виду, прежде всего, кризис суда присяжных, — стало рождение оригинального российского варианта суда присяжных, серьезно отличающегося от того, что было несколько умозрительно создано составителями Судебных уставов 1864 г., и более отвечающего требованиям русской жизни».[40] Публицистические статьи и дошедшие до нас письма Фета свидетельствуют, что он пристрастно относился к публикациям, касавшимся судебного законодательства, и был деятельным участником их обсуждения.

---

[39] *Твардовская В. А.* Глава V: Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 324.

[40] *Демичев А. А.* Российский суд присяжных: История и современность. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2000. С. 20.

Показательна, например, история с брошюрой Ф. Н. Берга «Заметки присяжного заседателя», попавшей в руки Фета в начале марта 1884 года. Разделяя ее направление, поэт спешит поделиться своими впечатлениями с близкими по духу людьми, одновременно пытаясь разыскать автора (брошюра была напечатана анонимно). Он пишет письма Н. П. Семенову и И. П. Новосильцеву (не сохранились), предполагая в первом возможного автора брошюры, а второму рекомендуя ее приобрести и прочесть. Вопрос об авторстве работы, заинтересовавшей Фета, получил окончательное подтверждение, благодаря подготовке к печати писем Н. П. Семенова, а также писем И. П. Новосильцева, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ.[41]

Судя по письму Новосильцева от 26 марта 1884 г., Фет немедленно откликнулся на просьбу приятеля и выслал ему свой экземпляр брошюры. В этом письме Новосильцев сообщает первые впечатления от прочитанной брошюры и снова жалуется на трудности с ее распространением. «Прочел я „Заметки присяжного“, — *согласен во всем*, поручил книгопродавцу достать мне пять экземпляров, но не тут-то было, ничего не могли достать, твой экземпляр я послал на чтение двум единомыслящим людям, более пока не мог сделать, посылал и в типографию „Общественная польза“, где твой экземпляр отпечатан, и там получил отказ. — Отчего это? Неужели трудно распространить в чтение книжечку полезную и на которую, весьма вероятно, подымутся громы нигилятины. Я здесь успел ее порекомендовать, но в продаже, само собою разумеется, ее нет».[42]

В начале апреля 1884 года, благодаря хлопотам Фета, несколько экземпляров брошюры были переданы в Петербург Новосильцеву. Таким образом Фет становится распространителем брошюры Ф. Берга. И это было не случайно. Мысли, в ней изложенные, полностью соответствовали взглядам Фета, и не только его, о чем свидетельствует письмо И. П. Новосильцева от 24 апреля 1884 года. Задержавшись с ответом

---

[41] *ИРЛИ*. № 20288. Иван Петрович Новосильцев (Новосильцов) (1827–1890) — знакомый Фета и И. П. Борисова, крупный помещик Орловской губернии, почетный мировой судья Мценского уезда, занимал высокие государственные должности. В это время действительный статский советник, шталмейстер императорского двора.

[42] *ИРЛИ*. № 20288. Л. 23 об.–24. Письма Новосильцева, хранящиеся в ИРЛИ, опубликованы Е. В. Виноградовой: 1) Ч. 1 (1883–1884) // *Ежегодник РО ПД (2001)*. СПб., 2006. С. 179–217; 2) Ч. 2 (1885–1887) // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. СПб., 2009. С. 443–512; 3) Ч. 3 (1888–1890) // *Ежегодник РО ПД (2007–2008)*. СПб., 2010. С. 252–294. Далее сокращенно: *Письма Новосильцова (1,2,3)*.

по делам службы, Новосильцев уже не только отчитывается об успехах распространения брошюры, но и сообщает нечто гораздо более важное.

«„Заметки присяжного“ я *расплодил*, — пишет Новосильцев, — в большом количестве и могу тебе сказать откровенно и без хвастовства, что *ты* этой книжечкой принес пользу родине, в чем, Бог даст, скоро убедишься. — Я получил от Н. Берга (так! — *Н. Г.*) 4 экземпляра — пошли тотчас в ход — потом достал через одного ходока книжного 20 экземпляров, которые не все поместил, потому что помещаю *с толком* и только таким, которых нужно подбить на доброе дело. У меня единомышленник есть, который тоже, с своей стороны, старается. По мнению моему, нечего *спешить*, если дело хочется поправить, и то, что наделано в эти последние годы, разом не вырвешь, а *лишь бы*, убедившись (что необходимо прежде всего знать) в том, чего именно желать следует — дать себе ясно в этом отчет и исподволь — без ломания и коверкания, поставить на подлежащее место и дать надлежащий камертон!»[43] Как видим, речь в письме идет уже не только о вопросах современного судопроизводства, которым посвящены «Заметки присяжного заседателя», но вообще о реформах предыдущего царствования, которые следует «поправить». С таким же усердием Новосильцев распространяет и статьи Фета.

Получив статью «На распутье», он сообщает Фету, что начал ее раздавать для прочтения и собирается вручить Александру III: «Государю, читавшему текст и раз в рукописи цензурировавшему „Наши корни“, любопытно будет прочесть еще твое творение».[44]

Сложность положения, в котором оказался Фет-публицист в 1870-е — 1880-е годы, состояла в том, что ему почти не с кем было обсуждать темы, глубоко его волновавшие. Если его ранние деревенские очерки еще вызывали интерес в близкой ему среде, то к концу 1870-х годов он оказался почти в полной изоляции. Л. Н. Толстой, близкий друг и постоянный корреспондент, все более отходил от обсуждения общественно значимых тем в область религиозных исканий; Н. Н. Страхов, с которым Фет сблизился в это время, был по преимуществу критиком и философом, мало обращавшим внимания на практические нужды сельского хозяйства и вопросы современного судопроизводства; И. П. Новосильцев, много помогавший Фету в распространении его публицистических сочинений, все же в первую очередь был придворным чиновником, не всегда даже хорошо понимавшим суть высказываемых Фетом идей, а та-

---

[43] *ИРЛИ*. № 20288. Л. 25–25 об. См. также: *Письма Новосильцова (1)*. С. 193.

[44] *Письма Новосильцова (2)*. С. 444.

кие постоянные корреспондентки, как А. Л. Бржеская или С. В. Энгельгардт, и подавно были далеки от проблем, которые жгуче волновали Фета. Вот почему «встреча» с Н. П. Семеновым оказалась столь значимой для него. В свою очередь и Семенов, по достоинству оценив яркое публицистическое дарование Фета, хорошо понимал, какую реальную пользу может принести его деятельность в этом направлении именно как человека независимого, самостоятельно мыслящего и заинтересованного в укреплении «основ». Предшествующие публицистические выступления Фета были тому примером.

Общение с Н. П. Семеновым было обусловлено не только стремлением Фета выйти на людей с высоким общественным положением и тем самым довести свои мысли до власть имущих. В лице историка крестьянской реформы, талантливого переводчика и публициста Фет встретил родственную душу, общение с которой в эпоху смуты и общественного неспокойствия стало отрадой как для него самого, так и для его корреспондента.

23 письма Фета к Семенову публикуются по машинописным копиям, хранящимся в РГБ (Ф. 315. К. 4. № 23), 10 писем Семенова к Фету — по подлинникам, хранящимся в ИРЛИ (№ 20289). Два письма Семенова к Фету (1890 и 1892 гг.) печатаются по подлинникам, сохранившимся в РГБ (Ф. 315. К. 11. № 7). Приношу глубокую благодарность И. А. Кузьминой и А. А. Богданову за помощь в подготовке данной публикации.

1

Фет — Семенову

29 февраля 1884 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.
№ 481.

29 февраля.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

С именем Вашим всегда соединяется в моей памяти молодой темнорусый человек, с которым в вагоне знакомит меня покойный В. П. Боткин[1] и который затем у себя на дому читает мне истинно художественные переводы из Мицкевича.[2] — Я стар и в настоящее время, кроме работы в кабинете, ничего не хочу. Следовательно, Вы мои слова можете

смело читать без всякой подкладки. Если бы я Вас увидал, то прямо обнял бы Вас и расцеловал вместо всяких объяснений, которые хоть и не полные, и не ясные следуют ниже.

Уже одно то, что я прямо так обращаюсь к Вам, может ручиться за мою веру в Вас как человека. Шопенгауэр еще закрепил во мне веру в пословицу: «каков в колыбельку, таков и в могилку».[3] Нет, я не ошибаюсь, Вы не рассердитесь за мое письмо.

Сегодня я прочел в «Московских ведомостях» краткий экстракт Вашей работы о нашей судебной реформе,[4] и на меня повеяло отличным по душе человеком — поэтом, умницей с ясной всесторонне-логической головой и знатоком дела, о котором он говорит. Да ведь сочетание таких качеств всюду восторг, тем более у нас, где никаких людей нет, а есть какие-то казенные шаблоны. Если Ваш проект пройдет, то правосудие у нас будет спасено из того вертепа разврата, которым искусственно обучают восторгаться баранов-публику.[5] Одно сознание, что на государственном посту есть люди подобные Вам,[6] исполняет патриота восторгом и гордостью. Но ведь это все-таки одна часть нашей гражданской жизни. Не все же люди судятся, а между тем все пашут или ткут. В наше время особенно пахать нельзя и я, любитель природы, среди великолепного парка над рекой,[7] с ужасом думаю о весенней поездке в деревню, где шагу нет без грубейших обид, насилий и поджогов, и чем более снисхождений, тем бессовестней и хуже.

В 1 февральской книжке «Руси» в статье *о нашем самоуправлении* я предлагаю без ломки — испытанный режим посредников первого выбора, без всяких ограничений, но с передачей им и дел мировых судей, которые теперь, парализованные всякими отговорками и бумажностью — потеряли всякое значение, и от них всем сословиям только хуже, а не лучше.[8]

Во всяком случае примите мой сердечный поклон и признательность за высокую духовную отраду, доставленную мне влиянием Вашей мысли.

Искренно почитающий Вас
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 1–2 об. В верхней части л. 1 запись рукой Семенова: «Ответ послан 6 марта 1884 г. и экз. номенкл. растений послано 5 марта».

[1] Об обстоятельствах знакомства с Семеновым в середине августа 1864 г. (после 12, поскольку по дороге из Степановки в Москву Фет и В. П. Боткин заехали в Ясную

Поляну к Л. Н. Толстому. См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 299) Фет писал в своих мемуарах: «Из Москвы мы поехали в Петербург вместе с Василием Петровичем, и в вагоне при виде своего знакомого он воскликнул: „Господа! позвольте вас познакомить. Я вижу в этой случайности хорошее предзнаменование. Это как раз юрист-консульт Н. П. С—в, и ты можешь попросить его совета насчет своего дела. А он, я уверен, будет тем внимательнее, что сам превосходными стихами переводит Мицкевича“» (*МВ*. Ч. 2. С. 23–24). В. П. Боткин (1812–1869) — критик, близкий к кругу «Современника», друг и родственник Фета (Фет был женат на родной сестре Боткина Марии Петровне), автор одной из лучших статей о творчестве поэта (1857). Характерно, что с обсуждения сборника стихотворений Фета 1856 г. в русской эстетике окончательно оформляется теория «чистого искусства», или, если воспользоваться более точным определением Боткина, «теории свободного творчества, в противуположность другой утилитарной теории, которая хочет подчинить искусство служению практическим целям» (*Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 202). «Со времени Пушкина и Лермонтова, — считал Боткин, — мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета» (Там же. С. 212). Сохранившаяся переписка Фета и Боткина свидетельствует об идейной и эстетической близости поэта и критика (см.: *Фет/Боткин*. С. 156–542).

[2] Семенов просил Фета и Боткина прослушать свои переводы, очевидно оценив переводы Фета из Мицкевича, печатавшиеся в периодике 1840-х — 1850-х гг.: «Дозор» («Из беседки садовой воевода багровой…») (*ОЗ*. 1846. № 3; см.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 101 и примеч. на с. 441–442), «О милая дева! к чему нам, к чему говорить?..» (Москвитянин. 1853. Ч. IV. № 15), «Всплываю на простор сухого океана…» (*ОЗ*. 1854. № 4), «Свитезянка» («Кто этот юноша скромный, прекрасный?..») (Современник. 1854. № 9) и «Свидание в лесу» («„Ты ль это? Так поздно?“ — „Я сбился в потемках с дороги…“») (*ОЗ*. 1854. № 8). См.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 231–232, 257, 261 и примеч. на с. 629–630, 648–649.

[3] В конце 1879 г. Фет занялся переводом главного сочинения А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», который вышел в свет в 1881 г. Философия Шопенгауэра была близка поэту, в чем он неоднократно признавался своим корреспондентам.

[4] В «Московских ведомостях» без подписи появилось краткое изложение статьи Семенова под заглавием «Статья сенатора Н. П. Семенова „Наши реформы“» (1884. 29 февраля. № 59), на которое откликается Фет. Она, несомненно, принадлежала перу М. Н. Каткова. «Давно собирались мы обратить внимание читателей на статью <…> появившуюся в первой за нынешний год книжке „Русского вестника»“. <…> Статья эта заслуживает особенного внимания. Почтенный автор обозревает в ней почти все стороны нашего государственного быта, суды, администрацию, земство и касается аномалий, причиненных быстрым ходом реформ, не всегда сообраafженных с действительными условиями нашей народной жизни и нередко увлекавшихся шаблоном чуждых учреждений» (цит. по: *Катков М. Н.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2011. Т. 2: Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России. С. 553). Полностью статья Семенова была на-

печатана в январском номере «Русского вестника» за 1884 г. См. также п. 5, где Фет подробно анализирует статью.

[5] Фет имеет в виду учрежденные в эпоху судебной реформы институты суда присяжных заседателей, мировых судей, адвокатуру и земства, в отношении которых он, как и автор статьи «Наши реформы», неоднократно высказывался резко критически, вплоть до предложения полной их отмены.

[6] В это время Семенов исполнял должность первоприсутствующего в соединенном присутствии 3, 4 и Межевого департаментов Правительствующего сената (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 317 об.–318). С сентября 1866 г. указом Сената он был утвержден почетным мировым судьею Рязанской губернии по Раненбургскому уезду (Там же. Л. 314 об.–315).

[7] Имеется в виду имение Фета Воробьевка в Курской губ., приобретенное им в 1877 г. Усадьба (сохранилась) расположена в живописном парке над рекой Тускарь. Подробное описание см. в письме А. Я. Полонского (публ. Г. Л. Медынцевой) в наст. томе.

[8] Речь идет о статье Фета «О нашем сельском самоуправлении» (Русь. 1884. 1 февраля. № 3. С. 50–56), опубликованной под псевдонимом «Деревенский житель». Перепечатана в сб.: *Фетовские чтения (XVI)*. Курск, 2002. С. 12–26; публ. Е. М. Аксененко и Е. В. Виноградовой. В ней Фет откликается на противоречия, возникшие при учреждении в 1864 г. института мировых судей, который частично дублировал деятельность мировых посредников. «Как ходовой механизм, составляющий именно часы, не может предоставить самостоятельных функций всегда готовому действовать бою или будильнику, не перестав быть часами, так и государство, не отказавшись от самого себя, не может передать *своей исполнительной власти* отдельным, независимым самоуправлениям, — писал Фет в этой статье. — Самое слово *самоуправление* указывает на его сущность: можно только самоуправляться — не вторгаясь в чуждые области, а нельзя самоуправлять, — это значить самоуправствовать. Поэтому государство, очертив раз навсегда известную область самоуправления, не должно врываться в нее с новыми императивами, а только помогать неукоснительному охранению законов» (С. 15–16). Значение института мировых посредников первого призыва потому, на взгляд Фета, отвечало насущным потребностям момента, что в нем действовала четкая иерархия, позволявшая вершить суд быстро, справедливо и напрямую: «Вся нисходящая лестница старшин, старост, десятских, до последнего сельского караульного, находилась в прямой от посредника зависимости, а в сомнительных случаях он прямо, без тормозящих формальностей, обращался за советом и помощью к губернатору, который в свою очередь не мог сказать: „Сами выбирали!“ или: „Как хотят! не мое дело!“» (С. 16). В отличие от прежних мировых посредников, отвечавших за результаты своих действий перед предводителем и губернатором, мировой судья прежде всего отвечает за формальную законность своих решений и более ни за что. Ратуя за возвращение института мировых посредников, Фет предлагал вносить преобразования без ломки: «Насколько первый порядок соответствовал указанию Освободителя на суд скорый, правый и милостивый, настолько введение бесчисленных формальностей отдалило самое дело от этого идеала. / Никакой ломки для этого не нужно. Дело не в названии — судья или посредник, а в возможности приносить пользу. Волостные суды и теперь существуют рядом с мировыми учреждениями. Соедините их на

прежнем основании в одних руках без всяких обособлений, и тогда можно надеяться и на благодетельное влияние и предводителей, и до последнего полевого или лесного стража. Проиграют разве одни бумажные фабрики, но Россию вы через два года не узнаете. Конокрадство, потравы, поджоги, самоуправства станут такими же исключениями, какими были при посредниках первого призыва. Не надо только пессимистически учить благонамеренных людей умывать руки и сваливать непосильную ношу с плеч долой» (С. 19–20). Размышления Фета во многом перекликались с тезисами статьи Семенова «Наши реформы», в заключении которой читаем: «При <…> порядке и единстве действия всех государственных органов верховная власть, одна совмещающая в себе и законодательную и исполнительную власть, облегчит безо всякой ломки себе и всему правительству бремя правления и осуществит в местных учреждениях и земстве единение свое с народом» (*РВ*. 1884. № 2. С. 332).

2

Семенов — Фету

5 марта 1884 г. Петербург

С. Петербург. 5 марта 1884 года.

Дорогой, душевноуважаемый
Афанасий Афанасьевич,

До глубины души растрогало меня Ваше душевное слово от 29 февраля.[1] Когда у нас есть такие душевные люди, отечество не погибло.

Благодарю Вас сердечно: Вы мне доставили минуты истинного счастья. 1). От кого привет? — От поэта, которого мелодический стих одною музыкой своей навевает на читателя рой поэтических мыслей. Правда, что, пока жива поэзия, в ней содержание не отделимо от формы, как не отделима душа от тела, пока жив человек; но всего доказательнее это проявляется у Вас.

Живо помню наше свидание, о котором Вы поминаете, когда я возился с больной ногой, что препятствовало мне тогда выходить из дому и попасть на освящение Исакиевского собора.[2] Приехали Вы с покойным ныне В. П. Боткиным[3] — два поэта. Не без робости я читал Вам, у кого надо учиться неподражаемой прелести стиха, — да так и не выучишься — мои переводы «Крымских сонетов» Мицкевича,[4] а Вы читали мне тогда же выдержки из печатной записки Сенатского определения о мельнице,[5] и я смеялся потом близким, что свет перевернулся: член юстиции[6] читает поэту, пользующемуся заслуженной славой, свои произведения в стихах, а поэт ему прозу сенатского дела.

С. Петербургъ 1.

5 Марта 1884 го

Дорогой, душевноуважаемый

Аѳанасій Аѳанасьевичъ,

До глубины души растрогало меня Ваше душевное слово отъ 29 Февраля. Когда у насъ есть такіе душевные люди отечество не погибло.

Благодарю Васъ сердечно: Вы мнѣ доставили минуты истиннаго счастья. И отъ кого привѣтъ? — отъ поэта, котораго мелодическій стихъ одною музыкой своей навѣваетъ на читателя рой поэтическихъ мыслей. Правда, что пока жива поэзія въ ней содержаніе не отдѣлимо отъ формы, какъ не отдѣлима душа отъ тѣла, пока живъ человѣкъ; но всего доказательнѣе это проявляется у Васъ.

Живо помню наше свиданіе, о которомъ Вы поминаете, когда я возился съ больной ногой, что препятствовало мнѣ тогда выходить изъ дому и попасть на освященіе Исакіевскаго собора. Пріѣхали Вы съ покойнымъ нынѣ В. П. Боткинымъ — два поэта. Не безъ робости я читалъ Вамъ, у кого надо учиться неподражаемой прелести стиха, — да такъ и не выучишься — мои переводы Крымскихъ Сонетовъ Мицкевича, а Вы читали мнѣ тогда же выдержки изъ печатной записки Сенатскаго опредѣленія о мельницѣ, и я

Письмо Н. П. Семенова к Фету от 5 марта 1884 г. Первая страница (*ИРЛИ*)

Кстати, в эту минуту оканчивается печатанием собрание всех моих переводов из Мицкевича в изящнейшем издании,[7] предпринятом другом покойного К. А. Коссовича,[8] чудесным человеком Людвигом Андреевичем Кнаапом. (Этот последний занимается с компанией снабжением печатными машинами и шрифтами все наши типографии.) Он выручал Коссовича в трудную пору известной его истории с типографщиком Головиным, издателем ученого труда К. А. Коссовича: «Inscriptiones paleo-persicae».[9] Кнаап исторг у Головина его издание и окончил его. Меня связывали с Каэтаном Андреевичем узы тесной дружбы, и по его желанию и настоянию предпринято было издание моих переводов; ему они и посвящены. Корректуру двух первых листов он продержал сам и до последнего дня жизни все спрашивал о последующих листах. Он видел мое посвящение и потому я не могу переменить на заглавном листе года (1883-го), хотя книжка выйдет только в текущем году. Издание ее затянулось по разным причинам. Книжка будет Вам своевременно доставлена.[10]

2). Мне шлется одобрение, с выражением сочувствия к моему труду от того, кто сам был мировым судьею,[11] стоял и стоит близко к народу, во имя которого будто бы все предпринимается, и в то самое время, когда я слышу, что иные высокопоставленные в судебных учреждениях лица признают, что печатание мной статьи «Наши реформы» в «Русском вестнике» (благодаря доблестному и власть имеющему Михаилу Никифоровичу Каткову,[12] потому что, конечно, никакой другой журнал у нас ее бы и не принял) *есть поступок*, недостойный сенатора, что сенатору совсем неприлично говорить против судебных учреждений. Трудно у нас делать дело, когда есть люди — а они еще и в силе и считаются либеральными — думающие, что высшие в служебной иерархии должности достаются ценою лишения прав выражать свободно свои глубокие убеждения, что ныне предоставлено, слава Богу, всякому гражданину.

Вы пишете: «Если Ваш проэкт пройдет, то правосудие у нас будет спасено». Ах, если бы сбывались все надежды!!! Пример достижения успеха среди нашей мертвящей бюрократии у меня свой в глазах: не могу Вам умолчать о нем. Когда я был членом от юстиции в комиссиях по крестьянскому делу,[13] прислали к нам на обсуждение по высочайшему повелению из особой комиссии составленный там проэкт о мировых судьях (переименованных тогда же в посредников) «для разбора спора и недоумений, имеющих возникать между помещиками и крестьянами, выходящими из крепостной зависимости» (подлинные слова Высочайшего указа). Административное отделение наших крестьянских комис-

сий поручило мне работу. Данный мне проэкт особой комиссии оказался такой бюрократической белибердой (он напечатан в наших «Материалах редакц<ионных> комиссий по крестьянскому делу», это для любопытства), <что> мне пришлось сочинить свой, удалось, с неимоверными усилиями и обидными неприятностями, провести его, при помощи бывшего члена-эксперта комиссий Александра Николаевича Татаринова,[14] умницы, никому неизвестного, один я бы изнемог тогда. Наконец я видел осуществление своего проекта мировых посредников, которое Вам известно лучше меня.[15] Казалось бы, чего еще? — создалось живое в лице первых посредников учреждение; но бюрократия этого не снесла — она смела посредников через два года с лица земли, с учреждением новых мировых судей.[16] Если так делается, то каких ожидать[а] успехов? Мой искреннейший друг и товарищ детства Ник<олай> Яковл<евич> Данилевский, известный автор книги «Россия и Европа», пишет мне: «я не верю в успех каких бы то ни было реформ, пока сами умы не реформируются».[17] Я прочел Вашу статью в «Руси», она только третьего дня была мне прислана из Москвы, потому что по неизвестной причине №№ «Руси» 2 и 3 мне всё[б] не доставлялись, что Вы там[в] говорите — всё верно и прекрасно.[18] Если Вы прочитаете мою статью в «Рус<ском> вест<нике>» в подлинном ее виде,[19] то заметите, что я как бы предвосхитил Вашу мысль об «испытанном режиме посредников первого выбора» и что вообще взгляды и идеи наши с Вами очень близки.

Вы пишете, что «любитель природы, среди великолепного парка, (Вы) с ужасом думаете о весенней поездке в деревню». Я тоже, как Вы,[г] любитель природы, если не среди парка, то среди очаровательного сада, имеющего вид парка и над рекой,[20] о чем может свидетельствовать Вам наш общий друг Николай Николаевич Страхов[21] — он нас там посетил. Я уезжаю каждый год с семейством в деревню обыкновенно в конце мая или начале июня,[д] она не особенно далеко от Вас, именно в Рязанской губернии в Раненбургском уезде, на реке Ранове, но всегда думаю о поездке своей, к счастью, без ужаса, может быть потому лишь, что уезжаю от горшего ужаса, с которым смотрю на всё происходящее в Петербурге, потому что творимое здесь разливается далеко и широко, по всей России. Велик Бог земли русской и разве он единый простит на-

---

[а] ожидать *вписано над зачеркнутым*: ждать

[б] *Далее зачеркнуто*: почему-то

[в] там — *вписано над строкой.*

[г] Вы — *вписано над строкой.*

[д] *Далее зачеркнуто*: но всегда

шим правоведам, то что их[е] кагал делает и готовит России. Он один неисповедимыми судьбами может отвратить зло, а они (т. е. правоведы) составили (как это доходит до меня) заговор молчания против моей статьи «Наши реформы».

Приемлю дерзновение вместе с сим выслать Вам[ж] на память, как любителю природы, мою книжку: «Русская номенклатура растений».[22] Если не поскучаете прочесть предисловие, что необходимо для того, чтобы уметь пользоваться книгой, то увидите, что перед моим трудом не было у нас русской номенклатуры, хотя и есть русские ботанические словари (напр., Анненкова[23] и т. п.). Вы знаете пословицу, что первый блин всегда комом; поэтому не будьте строги, а книга должна служить настольной для всякого землевладельца и любителя сада при разборке и выписке растений от торговцев.

Вы ссылаетесь на старость. — Для поэтов и людей мыслящих нет старости — это нам привилегия, что доказывают, доставляя всякий раз новое наслаждение, ваши «вечерние огни».[24]

Письмо мое вышло длинновато, простите вину мою, но больше виноваты в том Вы сами. Обнимаю Вас от души

искренно почитающий Вас
Николай Семенов.

Мой адрес в Петербурге. Васильевский остр<ов>, 6 линия, между Средним и Малым проспектами, дом № 39 Гинтера, а с 1 июня по 25 сентября в деревне: *Рязанской* губ., в город Ряжск, в село Урусово Николаю Петровичу Семенову.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
В Москву. Плющиха, собственный дом № 481.

Почтовые штемпели: 1) 6 марта 1884, Петербург; 2) 7 марта 1884, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 1–3 об.; конверт — л. 4.

[1] Это ответ на первое письмо Фета (№ 1).

[2] Освящение и открытие Исаакиевского собора состоялось в Петербурге 30 мая 1858 г., однако окончательно собор был достроен лишь в 1864 г. О том, что речь

[е] их — *вписано над строкой.*

[ж] *Далее зачеркнуто*: как

РУССКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

НАИБОЛѢЕ ИЗВѢСТНЫХЪ ВЪ НАШЕЙ ФЛОРѢ И КУЛЬТУРѢ
И НѢКОТОРЫХЪ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ

РАСТЕНІЙ.

Н. П. СЕМЕНОВА,

Дѣйствительнаго Члена Императорскихъ русскихъ обществъ
географическаго и садоводства.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА САДОВОДСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева. Невск. просп. д. № 8.
1878.

Книга Н. П. Семенова
«Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре
и некоторых общеупотребительных растений» (СПб., 1878). Титульный лист

идет о 1864-м, а не 1858 г., свидетельствуют не только «Мои воспоминания», где говорится о знакомстве с Семеновым (см. примеч. 1 к п. 1), но и упоминание о мельнице, которая оказалась в распоряжении Фета лишь в 1863 г. См. примеч. 5 к наст. письму.

[3] О В. П. Боткине см. примеч. 1 к п. 1.

[4] Семенов увлекся поэзией А. Мицкевича в 1850-е гг. в Вильне, куда был назначен в январе 1850 г. губернским прокурором (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 117–117 об.) и где выучил польский язык (см.: *Николаев С. И.* Семенов Н. П. // *Русские писатели*. Т. 5. С. 557). Впервые «Крымские сонеты» Мицкевича были напечатаны в журнале «Заря» (1869. № 7, 12; 1870. № 3, 11), затем вошли в сборник «Из Мицкевича» (СПб., 1883; в действительности вышел в 1885 г.).

[5] «Записка сенатского определения о мельнице», которую упоминает Семенов, была, вероятно, получена Фетом в августе 1864 г. в Петербурге, куда он отправился из Степановки в сопровождении В. П. Боткина (*Летопись (1985)*. С. 165–166), поскольку дело из московского сената было передано в петербургский при содействии кн. В. Ф. Одоевского. Речь идет о мельнице на реке Тим, построенной А. Н. Шеншиным. По наследству она досталась Петру Афанасьевичу Шеншину, который уступил ее брату, желая таким образом вернуть ему долг в 22 тысячи рублей. Приобретя мельницу, Фет построил там удобный усадебный дом. Однако это приобретение оказалось для него весьма обременительным, поскольку он был вынужден вести судебный процесс с ливенским купцом Алексеем Кузьмичем Бондаревым, построившим плотину ниже по течению и затопившим мельницу Шеншиных. Впоследствии удалось заключить с ним мировую. Подробно обстоятельства покупки тимской мельницы и связанных с нею дальнейших злоключений Фет изложил в своих воспоминаниях (*МВ*. Ч. 1. С. 419–422, 426–430, 439–447). В частности, описывая события второй половины 1863 г., он упомянул, что ему пришлось несколько раз ездить в Петербург по делу о мельнице (Там же. С. 440). Кроме того, ему пришлось размежеваться с соседними крестьянами и т. д. В конце концов было решено продать мельницу ее арендатору Николаю Ивановичу Аксенову, что и было сделано Фетом в начале 1869 г. (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 188–190).

[6] По окончании курса в императорском Царскосельском лицее и по выпуске с чином 9 класса, «согласно желанию его и на основании Высочайшего повеления, сообщенного г. военным министром 5 марта 1843 г.», Н. П. Семенов был определен на службу в Департамент Министерства юстиции и прикомандирован для занятия по II отделению 25 марта 1843 г. (*РГИА*. Ф. 1349. Оп. 3. № 2016. Л. 115). Ко времени знакомства с Фетом Семенов уже занимал заметное место в чиновничьей иерархии, будучи награжден орденом св. Станислава II степени, золотой медалью на Александровской ленте, орденом св. Анны II степени и др. знаками отличия и дослужившись до действительного статского советника в должности обер-прокурора 4 департамента Правительствующего сената (Там же. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 298–313 об.). За его спиной уже была работа в Редакционных комиссиях по отмене крепостного права.

[7] Имеется в виду сборник: Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб., 1883. Подлинная дата выхода в свет сборника: 1885 г. (см.: *Николаев С. И.* К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету) // *РЛ*. 1998. № 2. С. 46, а также ниже примеч. 10). В 1886 г. сборник был удостоен

Пушкинской премии (*Грот Я. К.* Отчет о третьем присуждении Пушкинских премий в 1886 году // Сборник ОРЯС. 1887. Т. 41. С. 11–20, 53–77).

[8] *Коссович Каэтан Андреевич* (1813–1883) — известный востоковед, санскритолог.

[9] Речь идет об издании клинообразных персидских надписей, подготовленных К. А. Коссовичем с латинской транскрипцией и глоссарием: Inscribciones Palaeo-Persicae Achaemenidarum (Санкт-Петербургская библиотека, 1878). Об «известной» истории Коссовича с типографщиком Головиным сведений обнаружить не удалось.

[10] Книга переводов из Мицкевича была доставлена Фету. См. его письмо от 24 марта 1885 г. (№ 9). Вышла со следующим посвящением: «Каэтану Андреевичу КОССОВИЧУ с чувствами высокого уважения и сердечной дружбы» (С. V). На обложке книги значится 1885 г., однако на титульном листе — 1883-й. В Послесловии Семенов писал: «Издание этой книги было предпринято по желанию и мысли Каэтана Андреевича Коссовича. Теперь это как бы листок, возлагаемый на его свежую еще могилу. / Печатание книги началось с октября 1882 года и сам он продержал корректуру первых двух листов ее, следовательно видел отпечатанною и страницу с посвящением ему. Это издание занимало его до последних минут жизни, и за день до своей смерти, которая последовала 26 января 1883 года, он, в нетерпеливом ожидании, спрашивал у меня, когда будут доставлены ему следующие листы? После его кончины печатание книги перешло, по не зависевшим от издателя обстоятельствам, на следующий 1884 год, но, так как первые листы и посвящение были уже отпечатаны при жизни покойного, на заглавном листе остается 1883 год» (Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. С. 165). Далее Семенов объяснял задержку с печатанием желанием Коссовича поместить в книге рисунок, о котором мечтал сам Мицкевич. Речь шла о виньетке к «Конраду Валленроду», на которой должен был быть изображен великий магистр крестоносцев со своим духовником. Уже после смерти Коссовича такая гравюра была заказана в Париже, однако художник выполнил картину на другой сюжет и так и не прислал ее.

[11] Фет был избран на должность участкового мирового судьи Мценского уезда Орловской губ. 25 июня 1867 г. (подробное описание выборов см. в письме к В. П. Боткину от 1 (13) июля 1867 г. (*Фет/Боткин*. С. 492–492) и в «Моих воспоминаниях» (Ч. 2. С. 122–125). В этой должности он состоял около 10 лет и называл это время «эпохой, отделяющей предыдущий период жизни и в нравственном, и в материальном отношении от последующего» (Там же. С. 122). Оценивая свою деятельность, Фет писал, что за это время он, «руководимый наглядным опытом, мало-помалу <…> спускался с идеальных высот» своих упований «до самого низменного и безотрадного уровня действительности»: «Как ни тяжко было иное разочарование человека, до той поры совершенно незнакомого с народными массами и их мировоззрением, я все-таки с благодарностью озираюсь на время моего постепенного отрезвления, так как правда в жизни дороже всякой высокопарной лжи» (Там же. С. 124). В Отделе рукописей РГБ сохранилось 57 папок архивных материалов, связанных с ведением Фетом судебных разбирательств (Ф. 315. Оп. 1. См. об этом: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 166–173).

[12] *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) — редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Фет неоднократно печатался в «Русском вестнике»,

однако его отношения с Катковым были сложными, хотя он всегда признавал его заслуги как главы консервативных сил в русской журналистике (см. п. 3).

[13] По ордеру министра юстиции от 25 февраля 1859 г. за № 1111 Семенов был «командирован для занятий в Редакционные комиссии по составлению положений о крестьянах». По закрытии Редакционных комиссий 10 октября 1860 г. он был командирован «состоять при заведовавшем делами Главного комитета по крестьянскому делу тайном советнике В. П. Буткове, для необходимых объяснений и содействия по наблюдению за исполнением последних работ в Канцелярии Редакционных комиссий» (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 308 об.–309 об.).

[14] *Татаринов Александр Николаевич* (1810–1861) — член Редакционных комиссий по крестьянскому делу. В списке членов Редакционных комиссий, составленном Семеновым, Татаринов назван вторым из ушедших деятелей крестьянской реформы после Я. И. Ростовцева, умершего 6 февраля 1860 г. (*Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. XIV).

[15] Речь идет о проекте института мировых посредников так называемого первого призыва, введенного правительственным указом 25 марта 1859 г. в целях подготовки и проведения крестьянской реформы. На долю этих назначенных из числа наиболее достойных дворян выпала трудная задача урегулирования отношений освобождаемых крестьян с помещиками, то есть составления уставных грамот, определявших границы земельных наделов, размеров общинных повинностей и т. д. Кроме того, мировые посредники исполняли частично роль судей, когда ущерб не превышал 30 руб., и имели право приговаривать к аресту и штрафам немедленно по совершении проступка, минуя долговременные судебные разбирательства. Фет неоднократно высказывался в своих публицистических статьях в пользу этого института, считая, что мировые посредники блестяще справились с возложенными на них обязанностями. «Только стоя на исторической, народной почве, они могли разрешить свою трудную задачу, — писал Фет в статье «Наши корни». — Справьтесь, часто ли им приходилось применять телесное наказание, да еще в какое время? Дорого было не самое наказание, а страх пред ним. Все полевые работы отбывались лучше, чем в эпоху крепостного права» (*РВ*. 1882. № 2. С. 497). Того же мнения придерживался и Н. П. Семенов.

[16] Семенов не совсем точен. Официально институт мировых посредников был учрежден на три года, однако его деятельность продлевалась, лишь в 1874 г. он был окончательно упразднен, когда его функции были переданы мировым судьям.

[17] *Данилевский Николай Яковлевич* (1822–1885) — философ и естествоиспытатель, автор книги «Россия и Европа» (первоначально публиковалась в журнале «Заря», отд. изд. 1871), был, как и Семенов, выпускником Царскосельского лицея (оба выпуска 1843 г.), в молодости отдал дань фурьеризму, посещал собрания М. В. Буташевича-Петрашевского, был арестован и сослан. В ссылке успешно занимался проблемами рыбного хозяйства, климатологии, статистики. В Крыму, где он жил в имении Мшатка, заложил ботанический сад, был одним из первых директоров Никитского ботанического сада. Последний труд Данилевского, изданный посмертно Н. Н. Страховым, был посвящен опровержению дарвинизма (*Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование: В 2 т. СПб., 1886–1889). Фет

одобрительно отзывался о теории «культурно-исторических типов» Данилевского и его опровержении дарвинизма. Фету принадлежит стихотворение «Памяти Н. Я. Данилевского» («Если жить суждено и на свет не родиться нельзя…», 1886), вошедшее в третий выпуск «Вечерних огней» (М., 1888). «Знаком я с Данилевским лишь из рук Страхова, — писал Фет Н. Я. Гроту 26 июня 1888 г., — и совершенно согласен, утверждая это с первого знакомства, что вся теория Дарвина — за волосы притянутая чепуха, а собственно у Данилевского мне понравились культурные типы отдельных народностей с общей сокровищницей печатной грамотности, сохраняющей предания отдельных культур, но нимало не представляющей того органического поступательного прироста, который мы видим в деревьях до известного возраста» (*ИРЛИ*). Приведенное Семеновым письмо Данилевского неизвестно.

[18] Речь идет о статье Фета «О нашем сельском самоуправлении» (Русь. 1884. 1 февраля. № 3), опубликованной под псевдонимом «Деревенский житель». См. примеч. 8 к п. 1.

[19] Имеется в виду статья Н. П. Семенова «Наши реформы». См. примеч. 4 к п. 1.

[20] В родовом поместье в дер. Рязанка близ с. Урусово Раненбургского уезда Рязанской губ., в котором родился Н. П. Семенов, был обширный сад, где были высажены редкие породы деревьев и кустарников. Именно здесь проявился впервые интерес будущего автора «Русской номенклатуры наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений» (СПб., 1878), как и его младшего брата Петра (известного впоследствии ученого П. П. Семенова-Тян-Шанского), к флоре родных мест. В настоящее время приусадебный парк частично сохранился.

[21] *Страхов Николай Николаевич* (1822–1996) — критик, публицист и философ. Знакомство с Фетом в конце 1870-х гг. переросло в многолетнее сотрудничество и дружбу, которая длилась до конца жизни поэта. Страхов много помогал в редактировании стихотворений и переводов Фета, а после его смерти стал редактором первого посмертного собрания его стихотворений в двух томах (1894). Сохранившаяся переписка опубликована (*Фет/Страхов*. С. 233–550).

[22] Имеется в виду книга: Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений Н. П. Семенова, действительного члена императорских русских обществ географического и садоводства. Издание императорского российского общества садоводства. СПб., 1878. Отзыв о ней Фета см. в п. 3.

[23] Первое издание «Ботанического словаря» было выпущено Н. И. Анненковым в 1859 г., но Семенов, очевидно, имеет в виду расширенное издание 1878 г.: Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / Сост. Н. Анненков. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1878. 645 с.

[24] Семенов имеет в виду первый выпуск поэтического сборника «Вечерние огни», вышедший в Москве в типографии А. Гатцука в начале 1883 г. (ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.).

3

Фет — Семенову

8 марта 1884 г. Москва

Москва, 8 марта.
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Чувствую, что не скажу ничего толкового и прошу извинить меня. Сами Вы вчерашним письмом и *заметками* присяжного,[1] которые я только что с радостью прочитал, возбудили в голове моей кутерьму, которую производит кислота, когда в нее попадает ложка соды. Впрочем, с Вами я даже при всем моем бессилии не боюсь быть непонятным. — Тургенев говаривал: охотник в сущности хороший человек.[2] Я еще более это применяю к человеку, способному для звуков и вообще для безотносительно и бесполезно прекрасного — жизни не щадить.[3] Кто так сложит стих, как Вы в своем Мицкевиче[4] — тонкий и хороший человек. Не удивляйтесь же, что я вторично, при чтении Вашего письма, независимо от симпатий к Вашему образованию и знанию, захлебнулся от радости обнять истинно хорошего человека. Не конфузьтесь, мы не жених и невеста. Почему не сказать что есть? Говорить, что детей не надо кормить из нелуженой меди или не очищать от паразитов, не значит не любить детей. И сколько бы мы ни говорили о гадости современного русского человека, это не значит, что мы с Вами не любим России. Это неправда! А если мы говорим, что клеветать, убить невинных, выпуская на них убийц, гнусно, то это так следует, ибо соответствует вечному идеалу правды. Ваши заметки достойны на камне быть вырезаны золотом, и они не умрут, хотя бы не имели современного успеха. Для меня достаточно, что в 1884 году жил такой человек, который ясно видел все разветвления того рака, который нам выдают за прыщик Deniu. — Драгоценно то, что Вы сумели в такой краткой форме с такой энергией и ясностью, таким мастерским языком высказать все до малейших оттенков, которых другому хватило бы на 18 томов. — Вы говорите об интеллигенции, но ведь это слово растяжимо до бесконечности. Интеллигенция без образования немыслима.[5] Во Франции кривая интеллигенция среднего сословия газетничала и руссовствовала[6] пляшущей и любезничающей интеллигенции до того, что та отдала через ее руки свое дворянство, заслуги и достояние на грабеж.[7] У нас не было и нет состоятель-

ного дворянства, а есть придворные, занятые своей игрой в повышение и понижение, для которых всё остальное средство. Что же теперь наше земское дворянство, как не обезьяна газет и журналов? Все заложено и все жертвует: чем и для чего? Об этом они не знают. Строят дороги и потом вопиют о разорении. Накачивают из подонков людей науки, которые, плюя на науку, утверждают, что наука велит бить по шее всякую заслугу, всякое серьезное дело. — Но довольно. — Разрешите мне вопрос, который меня мучает. Неужели такие люди, как Толстой,[8] Победоносцев[9] никогда не прочтут Ваших *заметок*, если уж сами не видят того, что там говорится, когда это видит всякий извозчик? как я не раз в этом убеждался на опыте? А если прочтут, то как же они могут не видеть того, что им до очевидности указывают фактически.

Скажу Вам про себя одно. Мое спасение: умственный труд. В настоящее время перевожу Ювенала, который говорит то же, что и Ваши *заметки*, и блаженствую.[10] Задача очень трудная, но приятная, и, Бог даст, осенью я Вам перешлю всего Ювенала в стихах в подстрочном, чтобы не сказать дословном переводе.[11]

Понимаю, что Вам приходится томиться на Вашем посту, с делом, которое составляет священную, духовную обязанность этого поста.[12] С точки зрения спасения страны, Вам бы следовало сейчас стать министром юстиции, а приходится стушевываться перед интеллигенцией! Ну не свет ли это наизнанку!? — Что касается до Каткова, то я не могу не воздавать чести его уму, знанию, мастерству, гражданскому мужеству, пользе, принесенной и приносимой им стране, но иметь с ним лично дела, хотя бы и литературные, считаю трудным, если не невозможным. Это человек, который будет перед Вами танцевать, насколько Вы ему нужны, и не задумается обтереть калош об Вашу бороду, когда миновала в Вас надобность.[13] — Слава Богу, что я почти не нуждаюсь ни в каких журналистах, о чем, впрочем, говорю в предисловии к Ювеналу.[14] Разве меня не ругали систематически в течение 20 лет и разве еще до сих пор не замалчивают преднамеренно, хотя бы тот же Катков. О «Вечерних огнях» и Горации говорили несколько слов одобрения в чужих лагерях. Но у классика Каткова мертвое молчание.[15] Всё это я говорю к тому, что всякое разрушение находит всюду у нас ворота настежь, а не только консервативное, напросто миролюбивое встречается неприязнью.

Как тут служить честному делу?

Простите великодушно, если в интересах дела я скажу Вам следующее:

Свои гражданские воздыхания я проводил иногда высоко через приятеля — Дворцовая набережная, № 24–26. Его Превосходит<ельству> Ивану Петровичу Новосильцову.[16]

Единовременно с сим, не называя автора, укажу ему *на заметки*, которые он по указанию моему купит, если они продаются, но если нет, то отчего бы не послать их по его адресу?[17] — Кто знает, где потеряешь, где найдешь? — При болезненности своей ничего себе не обещаю, но хотелось бы прибежать к Вам летом в Ряжск.[18]

Простите за долгое письмо. Нужно было высказаться.

Преданный Вам
А. Шеншин.

При свидании передайте Гротам мое глубокое уважение.[19]

Не взыщите за Превосходительство, если Вы Высоко — лучше напишите. Ошибка лучше ниже, чем выше.[20]

Сию минуту получил номенклатуру[21] и только удивляюсь Вашему разнообразию и трудолюбию. Прочту со вниманием.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 3–6. В верхней части л. 1 запись рукой Семенова: «Ответ послан 21 марта 1884 г.».

[1] Имеется в виду анонимная брошюра «Заметки присяжного заседателя», изданная в 1884 г. в Москве, которая, возможно, была послана Семеновым в не дошедшем до нас письме к Фету, ошибочно принявшим его за автора. На самом деле автором брошюры был будущий редактор «Русского вестника», занявший этот пост после смерти М. Н. Каткова в 1887 г., Федор Николаевич Берг. Недоразумение разъяснил сам Семенов в следующем письме от 21 марта 1884 г. (№ 4). См. также: *Фет А. А.* О нашем сельском самоуправлении / Публ. Е. М. Аксененко и Е. В. Виноградовой // *Фетовские чтения (XVI)*. С. 22–23. «Заметки присяжного заседателя», содержавшие резкую критику современного судопроизводства, в том числе судов присяжных и адвокатуры, во многом перекликались как со статьей Семенова «Наши реформы», так и со статьями Фета, в которых затрагивался вопрос о суде. Не удивительно, что статья Берга была приписана Фетом Семенову.

[2] Это высказывание Тургенева, хотя и в ироническом смысле, содержится в рассказе «Хорь и Калиныч» (1846). Фет цитирует неточно: «В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком» (*Тургенев. Соч.* Т. 3. С. 8).

[3] Фет перефразирует строки из «Евгения Онегина» Пушкина:

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

[4] Об отношении Фета к переводам Семенова из Мицкевича см. п. 1 и примеч. 2 к нему, а также примеч. 7 к п. 2.

Семья Семеновых и Гротов. Фотография. Красная Слободка, 1888 г.

Сидят слева направо: Елизавета Андреевна Семенова, Мария Ивановна Семенова, Н. П. Семенов, Я. К. Грот, Ольга Васильевна Жон, Наталья Петровна Грот, П. П. Семенов.

Стоят: Андрей Петрович Семенов, Петр Николаевич Семенов, ?, Михаил Николаевич Семенов, Константин Яковлевич Грот, Каролина Ивановна Грот, Нил Алексеевич Гоголинский, Павел Михайлович Семенов, Наталья Яковлевна Грот, Дмитрий Петрович Семенов, Ольга Петровна Семенова, Евгения Михайловна Семенова

[5] Фета должны были особенно привлечь рассуждения автора брошюры «Заметки присяжного заседателя» об интеллигенции. В гл. VII («Травля интеллигенции») Берг поднял вопрос о том, кого следует называть этим словом: «О какой в самом деле интеллигенции говорится? Многие люди интеллигентные вполне справедливо могут претендовать, что они не виноваты ни в чем, что взваливается спорящими на интеллигенцию. Всякий ли, читающий болтливые печатные листы и, как попугай, повторяющий фразы передовых статей и фельетонов, должен быть назван интеллигентом? Или как-нибудь иначе? Кончившие курс с грехом пополам в том или другом заведении что ли? Или это кружок либеральных писателей, медиков, акушерок, учителей — или еще как-нибудь иначе?» (С. 50–51). Разделив интеллигенцию на два порядка, автор брошюры показал, что травле подвергается первая и лучшая ее часть,

включая духовенство, в то время как вторая сама принимает участие в травле. Заслуживает внимания следующее рассуждение: «Человек может одеваться и вести себя как человек светский, не носить, например, грязных рубах и смазных сапогов, может иметь большие недостатки; но если он сердцем привержен к религии страны, к своему Царю, если он человек, любящий весь исторический уклад своей родины, знающий и любящий ее старину, ее историю — он тогда принадлежит этой стране, он интеллигент этой страны (раз нужно употреблять это слово), он душою и сердцем такой же законный сын своей страны, как и каждый простой пахарь, поселянин, верующий и чувствующий так же, как он. Но можно носить грязнейшую рубаху и высочайшие и пахучие смазные сапоги, толковать вечно о *народе*, — но раз человек не уважает веру, обычаи, историческую власть, основы, историю своей страны, — он не интеллигент этой страны; он может быть интеллигентом луны, интернационалки — чего угодно — но стране он принадлежит только по печальной случайности своего рождения» (С. 51–52). Размышления автора брошюры об интеллигенции тем более должны были заинтересовать Фета, что в его бумагах лежала неопубликованная рукопись с названием «Наша интеллигенции», которая, по совету Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова, осталась «в столе» (впервые напечатана: Вопросы философии. 2000. № 11. С. 126–174; подготовка текста и вступит. ст. Г. Д. Аслановой, коммент. Г. Д. Аслановой и Н. Н. Трубниковой). Статью Фет писал в 1878 г., обрушив на либеральную интеллигенцию целый ряд упреков и обвинений, начиная с увлечения естественными науками и дарвинизмом и кончая идеями французской революции 1789 г. Однако в отличие от Берга Фет считал образование непременным условием интеллигенции, а потому говорит об интеллигенции «среднего сословия» и дворянской интеллигенции во Франции.

[6] Имеется в виду повсеместное увлечение идеями французского просветителя Ж.-Ж. Руссо, утверждавшего природное равенство всех людей и ратовавшего за общественный договор в качестве регулятора государственного устройства.

[7] Фет говорит о Французской буржуазной революции 1789–1794 гг., ликвидировавшей монархию и аристократическое сословие, во время которой было национализировано имущество богачей и казнено десятки тысяч человек.

[8] Речь идет о *Дмитрии Андреевиче Толстом* (1823–1889), сенаторе, члене Государственного совета, с 1865 г. обер-прокуроре Святейшего синода, министре народного просвещения (1866–1880), министре внутренних дел (1882–1889), авторе концепции обновления России, в которой главная роль отводилась поместному дворянству. Проводил консервативные идеи, в том числе в сфере образования. Фету, стороннику классического образования, идеи и политика Толстого были близки.

[9] К. П. Победоносцев (1827–1907) был в это время близок к новому императору Александру III, воспитателем которого был много лет и на которого имел большое влияние.

[10] Речь идет об издании: *Ювенал Д. Юний*. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1885. При прохождении этой книги через цензуру возникли сложности, вынудившие Фета обращаться к возглавлявшему Главное управление по делам печати Е. М. Феоктистову (его письмо от 20 ноября 1884 г., написанное после получения цензурного разрешения 9 ноября, хранится в РНБ). На цензурные строгости Фет откликнулся в шутливом стихотворном послании Ф. Е. Коршу от 29 ноября 1884 г:

О, что бы провещал ученейший Хирон,
Когда б на наших муз взглянул хоть мельком он,
У коих цензоры, благочестивы люди,
Обгрызли ногти все и вырезали груди,
Как режут эвнухов, что вывел Ювенал,
Хотя Гелиодор давно их окорнал.
И так и следует: зачем писать антично?
У наших цензоров узнал бы, что прилично <…>

«Если Ювенал с таким ожесточением нападает на известные античные пороки, утратившие в новом мире, с изменившимся положением женщины, свою силу, — писал Фет в Предисловии к Ювеналу, — то все остальное о мошенничествах, адвокатских уловках, попрошайстве, утрате высшим обществом художественных инстинктов, обоготворении денег, приводящем к несказанным зверствам, словно списано — с нашей современности» (*Ювенал Д. Юний*. Сатиры. С. 10).

[11] «Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением; — писал Фет в Предисловии к Ювеналу, излагая свои принципы перевода, — это высшее счастье и для него и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гоняющемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора» (Там же. С. 6). 11 января 1885 г. Фет писал, что отослал по почте перевод Ювенала (см. п. 6). Семенов сообщал о получении книги 24 февраля того же года (см. п. 7).

[12] В это время Семенов исполнял должность первоприсутствующего в соединенном присутствии 3, 4 и Межевого Департамента Правительствующего сената (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 317 об.–318).

[13] Отношение Фета к М. Н. Каткову определялось высокой оценкой его как журналиста, основавшего один из лучших русских журналов и газету «Московские ведомости», а также последовательно отстаивавшего консервативные начала, которым был привержен поэт. Важнейшим поступком Каткова для Фета была открытая поддержка политики правительства в связи с польским восстанием 1863 г. В то же время необязательность договоренностей, произвольное вмешательство в тексты вызывали у Фета протест. Так, в 1863 г. Фет совместно с В. П. Боткиным написал, по просьбе самого Каткова, статью о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», которую в конце концов редактор «Русского вестника» к печати не принял. См. об этом: *МВ*. Ч. 1. С. 429–431, 435–436, а также: *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 458–464; коммент. А. Ю. Сорочана и М. В. Строганова. После смерти Каткова Фет писал А. В. Олсуфьеву: «Что бы ни говорили, смерть Каткова есть капитальнейшая утрата для консервативной России, на которую, того и гляди, вновь набросятся голодные нигилисты <…>» **(***Письма к Олсуфьеву (50).* С. 235**)**.

[14] В Предисловии к переводу сатир Ювенала Фет, намекая на то, что он печатает книгу за свой счет (так ему приходилось делать в последние десятилетия почти всегда), писал: «…придется поблагодарить судьбу, пославшую нам досуг не только наслаждаться изучением образцовых произведений чуждых веков и народов, стараясь по мере сил переносить их на родную почву, но и самостоятельно печатать

наши переводы для желающих с ними ознакомиться. В этом случае мы чувствуем себя на необитаемом острове, омываемом лишь общими для всех волнами цензуры. / Не нужно, забегая с нашими матерьялами в пристань того или другого журнала, тщательно справляться со вкусами и образом мыслей начальника порта, в угоду которому мы должны были бы придавать ту или другую архитектуру или окраску матерьялам, из которых приходится слагать здание. Мы совершенно свободны, и если в возводимом нами русском здании найдутся ничтожные отступления от букв подлинника, то они являются добровольными уступками или нашему языку или нашим нравам» (*Ювенал Д. Юний*. Сатиры. С. 3–4).

[15] Фет имеет в виду первый выпуск сборника своих новых стихотворений: Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета (М., 1883) и полный перевод Горация: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета (М., 1883), за который ему в 1884 г. была присуждена полная Пушкинская премия. Фет был прав: действительно отклик в «Русском вестнике» появился лишь в 1888 г. (№ 3) в виде рецензии А. А. Голенищева-Кутузова на три выпуска «Вечерних огней». В то же время неожиданно для Фета высоко оценил первый выпуск «Вечерних огне» В. П. Буренин в газете «Новое время» (1883. 25 марта. № 2340. С. 2). См. реакцию Фета на эту рецензию в письме к Вл. Соловьеву от 14 апреля 1883 г. в наст. томе (публ. Г. В. Петровой). Обошел «Русский вестник» молчанием и издание Горация в переводе Фета. «Классиком» называет Каткова Фет, поскольку в известном споре о классическом и реальном образовании Катков занимал сторону «классиков», добившись через министра народного просвещения Д. А. Толстого проведения учебной реформы в пользу классического образования. В 1867 г. он основал в Москве Лицей (так называемый Катковский), где на практике осуществлял идеи «классицизма». Этот лицей, в частности, закончил племянник Фета Петя Борисов.

[16] *Ивана Петровича Новосильцева* (Новосильцов; 1827–1890), чьи родители были соседями Шеншиных по имению (имение Новосильцевых Воин сохранилось до наших дней), Фет впервые увидел в Москве в феврале 1835 г.: «В Москве <…> отец повез нас с сестрою (Любовью. — *Н. Г.*) в дом нашего деревенского соседа, генерал-губернаторского адъютанта П. П. Новосильцова, в его собственный дом у Харитония в Огородниках. Там я в первый раз познакомился с 6-тилетним сыном Новосильцова Ваничкой, бегавшим в красной шелоновой рубашке с золотым позументом на вороте» (*РГ.* С. 78). 6 марта н. ст. 1857 г. Новосильцев писал своему другу И. П. Борисову: «…если судьба его (Фета. — *Н. Г.*) занесет в Вену, то я буду для него тем, чем и прежде был — старым знакомым и притом будучи твоим другом, постараюсь принять на себя наилюбезнейшую форму <...>» (*РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 38. Л. 2 об. Сообщено И. А. Кузьминой). Спустя некоторое время, когда Фет стал соседом Новосильцева после приобретения в 1860 г. Степановки, между ними возникли дружеские отношения. В РГБ хранится 57 писем Новосильцева к Фету за 1865–1889 гг. Письма Новосильцева к Фету, хранящиеся в ИРЛИ, опубликованы Е. В. Виноградовой (см. об этом примеч. 42 к вступит. статье). Происходя из семьи, выслужившейся еще при Елизавете Петровне, Новосильцев дослужился до шталмейстера двора е. и. в. Разделяя политические взгляды Фета, он не раз помогал ему связями при дворе, в частности способствовал распространению его публицистических сочинений и старался довести их до сведения высокопоставленных чиновников, вплоть до государя.

[17] Судя по ответному письму Новосильцева от 14 марта 1884 г., Фет действительно сообщил ему о «Заметках присяжного заседателя» и попросил найти в книжных лавках и ознакомиться (*Письма Новосильцова (1).* С. 191–192). Когда Новосильцеву удалось прочитать брошюру, он рекомендовал ее своим единомышленникам в высших кругах. «О судебных *порядках* идет давно речь, — писал он 26 марта 1884 г., — и *надо надеяться*, что произойдет поворот в хорошем направлении» (*ИРЛИ.* № 20288_1. Л. 24). При этом Новосильцев указывал Фету на статью Семенова «Наши реформы», говоря: «…все, что там говорится о „ Комиссиях “, замечательно, трезво и толково» (Там же. Л. 24–24 об.). 24 апреля 1884 г. он уже сообщал: «„Заметки присяжного“ я *расплодил* в большом количестве и могу тебе сказать откровенно и без хвастовства, что *ты* этой книжечкой принес пользу родине, в чем, Бог даст, скоро убедишься» **(***Письма Новосильцова (1).* С. 194**)**.

[18] Сведений о посещении Фетом Семенова в Урусово обнаружить не удалось.

[19] Сестра Семенова *Наталья Петровна* (1825–1899) была замужем за известным филологом, вице-президентом Академии наук *Яковом Карловичем Гротом* (1812–1893), с которым Фет был хорошо знаком. Имение Гротов находилось неподалеку от Урусова, на левом берегу реки Рановы в сельце Красная Слободка (или Нарышкино). Семеновы и Гроты часто навещали друг друга, проводя лето в Раненбургском уезде. Здесь же, в нескольких верстах, находилось еще одно имение Семеновых — Рязанка, доставшаяся Н. П. Семенову как старшему в роду. Будущий знаменитый географ Петр Петрович Семенов (с 1906 г. Тян-Шанский) купил имение в дер. Гремячка (Кареевка), в семи верстах от Рязанки и в трех от Красной Слободки.

[20] Будучи на тот момент в чине тайного советника, что соответствовало 3 классу по Табели о рангах, Семенов имел право именоваться *Превосходительством,* а не *Высокопревосходительством.*

[21] Речь идет о книге Н. П. Семенова «Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений» (СПб., 1878).

4

Семенов — Фету

21 марта 1884 г. Петербург

С.-Петербург. 21 марта 1884 г.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

На письмо Ваше от 8 сего марта до сего дня не имел досуга отвечать. «Заметки присяжного», которые Вы, по-видимому, приписывали мне, принадлежат Федору Николаевичу Бергу; это его впечатления, когда он был сам призван присяжным заседателем.[1] Когда он у меня был, вскоре

после получения Вашего письма, я показал ему место, относящееся до этих записок, он был очень утешен, что Вам они понравились, и вызвался прислать Вам 2 экземпл<яра> и написать.[2] Я поддержал эту мысль ввиду того, чтобы Вы могли один экземпляр передать Ив. Петр. Новосильцеву, о котором упоминаете. Эти записки заслуживают полного внимания по действительности, их правдивости и тем качествам, о которых Вы пишете, а в продаже их не найти; потому, что и здесь, пока мне не сообщил их автор, я купить их не мог. Что касается до моей статьи «Наши реформы», то я всё исполнил, что составляет гражданскую обязанность сенатора: я представил (приватнейшим образом) один оттиск Е<го> И<мператорскому> В<еличеству>, и статья у него на столе, ибо представившему он сказал: пожалуйста, оставьте это у меня. Если Вас интересует ход дела, насколько я сам могу за ним следить, то среди высокопоставленных и близких к престолу большинство сочувствует, только замечают, что для исполнения мной предлагаемого слишком много ломки потребуется. Удивительно, я думал, что представляю программу наименьшей ломки. Нельзя же вылезти из трущобы, не прикасаясь совсем к предметам, которые заслоняют Вам выход. Правду говорит мой приятель Тёрнер:[3] у нас такое расположение: сломать — давай сей час, а если нужно что порасставить на свое место и только вынуть ненужное, кричат: это ломка. Это указывает на какую-то врожденную инерцию, на отсутствие настоящей[а] деятельности, разметать всё легко, а расставить на свое место, конечно,[б] труднее; да еще надо пошевелить мозгами. Памятуя золотые слова Ник<олая> Як<овлевича> Данилевского, что он не верит в успех каких бы то ни было реформ, пока сами умы не реформируются,[4] я, разумеется, интересуюсь, как в провинции думают, и получаю утешительные свидетельства. Третьего дня была у нас Софья Серг. Кашпирева (издательница «Семейных вечеров»),[5] она только что приехала из своего имения Симбирской губернии. Это имение, заложенное в Сызранском поземельном[в] банке (1000 десят<ин> с усадьбой) сюрпризом от нее, продал этот расстраивающийся банк жиду. В этот[г] банк послана Мин<истерством> финанс<ов> ревизия. Он[д] продал имение с публичных торгов, без публики, однако, и мошенническим образом. Она вносила деньги аккуратно и требовала расчета в десятках

[а] на *и* настоящей — *вписано над строкой.*

[б] конечно — *вписано над строкой.*

[в] поземельном — *вписано над строкой.*

[г] этот — *вписано над строкой.*

[д] Он *вписано над зачеркнутым*: и

рублей, имеет квитанции платежей; но расчетов никогда не получала из банка. Она все-таки женщина, вдова, евреи и позволили (банк этот сделался совсем еврейским). Вот до чего мы дошли. Она и говорила мне, что во всех губерниях, где она была, подолее останавливалась в Ярославской, только и разговору, что о моей программе, сочувствие общее, и январская книжка «Русского вестника» переходит со стола на стол. Екатеринославский губ<ернский> предводитель дворянства Григорьев[6] пожелал со мною познакомиться, и вчера случайно я встретился с ним в одном доме, и он сказал, что за полное сочувствие южных губерний он мне ручается, а сам он изучает проэкт неоднократным чтением, и когда я подумаю, что еще в 1859 году я говорил почти то же самое, а об адвокатуре печатно в Русском же вестнике и в нем же в подстрочных замечаниях нашел отпор[7] и был встречен ругательствами газет, а что теперь — какая разница! Что же успех? Никакая истина, никакой труд его не обеспечивают, а все делает удача и время. Дай Бог только нам так или иначе выбраться на путь истинный, тогда труд пропадет недаром; но в этом уверенности мне еще недостает. Надо, чтобы снизу настаивали на осуществлении того, что верно высказано. Чаша, кажется, переполнилась. В печати я не видел еще критики, только выписки и замечания вскользь. Юстиция метется. Горячий поклонник Суд<ебного> уст<ава> 1864 года *Неклюдов*[8] в красноречивом[е] заключении Пр<авитествующе>му Сенату, кажется по делу Мельницких,[9] делает козлом отпущения всех грехов этих уставов — *адвокатуру.* Известный Спасович тоже в какой-то речи где-то обрушивается на *суд присяжных*.[10] Из Харькова по делу об убитой крестьянами Обернихиной,[11] слепой крестьянке выписан сюда, говорят, товарищ прокурора для объяснений и поправления дела. От кассационных департ<аменто>в выговоры Московск<ому> окружн<ому> суду по делу Мельницких и Киевскому делу Свиридова,[12] видно, что хотят поддержать судебн<ые> учреждения нового пошиба исправлением поведения; но вряд ли это возможно, когда фальшь во всех основаниях учреждений. Поживем, увидим.

Титулам я не придаю никакого значения,[13] особенно в отношении тех, коим Бог придает свой титул печатью, так сказать, помазания в дарах таланта, но на[ж] вопрос ответствовать должен; в моем Вы не ошиблись нисколько; но меня наводит на сомнение, не ошибся ли я в Вашем,[14] если согрешил и согрешаю, то всю вину возложите на Ник<олая>

[е] красноречивом — *вписано над строкой.*

[ж] на — *вписано над строкой.*

Ник<олаевича> Страхова; я его вопрошал, состоящего с Вами в переписке,[15] искал в книжке; но там только служебные или служащие генералы. Если ошибаюсь, надоумьте. Буду ожидать ответа, ибо неисправным быть в том, чем жалует Царь, во всех случаях неприятно, особенно тому, кто на службе. Искренно почитающий Вас

Николай Семенов.

Хотел написать немного, а написалось и много. Да не будет Вам в утруждение!

<*Далее вписано на полях л. 6 об.*:>

Адрес мой Вас<ильевский> остр<ов>, 6 линия, дом № 39. С. Петербург. Никол. Петров. Семенову.

<*Далее вписано на полях л. 5–5 об.*:>

Перечитывая Ваше письмо, я стал в тупик, не попал ли я в кипроко.[16] Если Вы под заметками разумеете мысли, изложенные в моей статье, нарицательно употребляя слово, то я ошибся, потому что под рукой у меня были «Заметки присяжного», без подписи, и мне подвернулся в это время Берг; но я не жалею и об ошибке, потому, что хорошая вещь, вы получите их и можете посодействовать к их распространению,[17] а Берг очень доволен, в таком случае поддержите мое кипроко, а во всяком случае не откажите мне в ответе на это[3] мое письмо, который должен рассеять мои сомнения, а в случае моей ошибки Вы убедитесь, что все, у кого поэтическая жилка только есть, рассеян<н>ы. Любопытен будет мне Ваш ответ.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу *Шеншину.*
В *Москву.* Плющиха, собственный дом № 481.

Почтовые штемпели: 1) 22 марта 1884, Петербург; 2) 23 марта 1884, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 5–6 об.; конверт — л. 7.

[1] См. примеч. 1 к п. 3.

[2] Это письмо неизвестно или не было написано. Экземпляр упомянутой брошюры с владельческой надписью «А. Фет» сохранился в архиве Г. П. Блока (*ИРЛИ*), однако это, возможно, не тот экземпляр, что был подарен Бергом.

---

[3] это — *вписано над строкой*.

[3] *Тёрнер Федор Густавович* (1833–1906) — государственный деятель, член Государственного совета, сенатор, действительный тайный советник (с 1898 г.). Служил в Министерстве финансов, член статистического совета при Министерстве внутренних дел, с 1880 г. директор Департамента государственного казначейства; выступал как публицист по вопросам землевладения, общинного владения, законодательства. Автор мемуаров, в которых с теплотой вспоминал о Семенове (*Тернер Ф. Г.* Воспоминания жизни: В 2 ч. СПб., 1910. Ч. 1. С. 254–255).

[4] См. п. 2 и примеч. 17 к нему.

[5] Имеется в виду жена издателя журнала «Заря» и публициста В. В. Кашпирева (1835–1875) *Софья Сергеевна Кашпирева* (урожд. Урусова; ?–1917), издательница и редактор с 1870 по 1891 г. детского иллюстрированного журнала «Семейные вечера».

[6] Лицо неустановленное.

[7] Статья Семенова «Об адвокатуре в гражданском процессе» в «Русском вестнике» **(**1859. Т. 20. № 3 (Март). Кн. 2. Отд.: Современная летопись. С. 144–154; подпись: Н. С—в**)** действительно сопровождалась пространными редакторскими подстрочными примечаниями, в которых была развернута полемика с тезисами статьи. Так, уже к названию статьи была сделана следующая сноска: «Печатаем эту статью, с главными мыслями которой мы решительно не согласны, для того, чтобы опровержением их содействовать разъяснению важного вопроса о необходимости адвокатуры для правильного суда, не только уголовного, но и гражданского. <…> Мы уверены, что возражения посыплются на эту статью со всех сторон. Покамест сопровождаем ее лишь немногими подстрочными замечаниями» (Там же. С. 144). Некоторые редакторские возражения на положения статьи дают представление об их характере и направленности. Подвергая сомнению пользу от введения института адвокатуры в гражданское судопроизводство, Семенов писал: «Неужели учреждение адвокатов в гражданских делах и частных спорах может споспешествовать распространению юридических знаний в массе народа, когда эти знания составят некоторым образом монополию одного сословия стряпчих, которого выгода связана с исключительным обладанием юридическими сведениями и которого существование вообще уничтожит у многих побуждение приобретать сведения этого рода?» (Там же. С. 145). Под строкой читаем: «Уже с этим первым возражением невозможно согласиться; с точки зрения автора, следовало бы, для распространения полезных знаний в народе, уничтожить все специяльные профессии: не нужны ни механики, ни инженеры, ни архитекторы, потому что, занимаясь исключительно предметами своих занятий, они препятствуют распространению в народе сведений по их искусству или науке. Некоторые особы, неблагоприятно расположенные к адвокатуре, находили вред ее в том, что она открывает народу слишком легкий путь к изучению законов» (Там же). «Если сверх того, — продолжал далее автор статьи, — принять в расчет, что одному из адвокатов в гражданской тяжбе приходится защищать неправую сторону, нельзя не убедиться, что понятия о законе и справедливости не только не будут уясняться при производстве дел с помощью стряпчих, но напротив будут запутываться ловкою и часто софистическою их диалектикой» (Там же). Редакторское примечание к этому рассуждению гласит: «Этого опасения не будут разделять с автором люди, которые довольно упражнялись в чтении бумаг и документов, составляемых безграмотными тяжущимися или не менее их безграмотными и

словообильными поверенными. Неужели грамотный не выражается яснее, чем безграмотный, сведущий не объясняется понятнее, чем несведущий, и адвокат, представляющий ручательство в знании и честности, будет так же запутывать дела, как отставной чиновник, предлагающий в газетах свои услуги для сочинения всякого рода бумаг?» (Там же). Из приведенных примеров видно, что редакторские возражения нередко превышали по объему тезисы автора статьи.

[8] Имеется в виду известный юрист *Николай Адрианович Неклюдов* (1840–1896), профессор уголовного права Военно-юридической академии, обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, автор многих работ по уголовному праву. В 1867–1868 гг. выпустил в двух томах «Руководство для мировых судей». Начав с безусловного принятия судебной реформы 1864 г., постепенно перешел к ее критике, в частности, по вопросу о решении суда присяжных по делу Мельницких, предложив отменить решение и внести поправки в само судопроизводство, за что подвергся критике в либеральных органах печати (см., например: *ВЕ.* 1884. № 4. С. 790–795. Отд.: Хроника. Внутреннее обозрение). Речь Неклюдова, произнесенная в кассационном департаменте Сената 13 марта 1884 г., произвела огромное впечатление, несмотря на то, что одним из защитников Мельницких был В. Д. Спасович. Откликнулся на это выступление Неклюдова М. Е. Салтыков (*ОЗ.* 1884. № 4. Отд. II): «Март месяц ознаменовался тем, что адвокатское сословие получило неожиданный реприманд. Печальную эту обязанность принял на себя известный юрист и в то же время член прокурорской семьи, Н. А. Неклюдов. Частые оправдательные вердикты, благодаря которым преступления, несомненно содеянные, остаются не наказанными, обратили на себя его просвещенное внимание. Но в особенности, по-видимому, повлияли на его решимость вопли охранительной печати, направленные против судебной реформы. По рассмотрении оказалось, что во всем виноваты адвокаты. Они вводят в заблуждение присяжных заседателей, они сознательно извращают факты, они — *распинают* закон… <…> Жаль, что он не упомянул при этом, не распинали ли, при случае, закона и прокуроры» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 15. Кн. 2. С. 279). Против Неклюдова был заявлен протест адвокатов, подписанный Д. Стасовым, К. Арсеньевым, В. Спасовичем и др. (*НВр.* 1884. 24 марта. № 2899).

[9] Речь идет о нашумевшем деле казначея Воспитательного дома Ф. И. Мельницкого, обвиненного в укрывательстве и расходовании 307 500 руб., и его родственников, принявших участие в растрате и укрывательстве похищенных денег, которое рассматривалось Московским окружным судом 16–22 декабря 1883 г. с участием присяжных заседателей под председательством Е. Р. Ринка. Суд присяжных вынес оправдательный вердикт, признав факт присвоения денег.

[10] *Спасович Владимир Данилович* (1829–1906) — известный юрист и адвокат, специалист по уголовному праву. В своей речи по делу Мельницких он, желая возразить Неклюдову, невольно поддержал его, объявив, что суд присяжных «болен» и что «лечить его надобно энергически и немедленно», дабы не довести до «необходимости ампутации» **(**см.: *Спасович В. Д.* Соч. СПб., 1894. Т. 7: Судебные речи (1888–1892). С. 63–64**)**.

[11] Сведений об этом деле обнаружить не удалось.

[12] Выговоры последовали после выступления Н. А. Неклюдова по делу Мельницких (см. выше, примеч. 8) и М. Д. Свиридова. Последний, будучи кассиром,

а затем помощником председателя киевского Общества взаимного кредита, совершил растрату в размере более 300 тысяч рублей. В декабре 1883 г. судом присяжных он был оправдан, защитником на суде выступал Л. А. Куперник. Лишь через год, в октябре 1884 г., состоялся повторный суд и Свиридов был осужден.

[13] Это ответ на вопрос о титуле Семенова, прозвучавший в письме Фета от 8 марта 1884 г. (см. п. 3 и примеч. 20 к нему).

[14] Семенов на конверте писал перед именем Фета «Высокородие», что соответствовало табели о рангах. Фет в этот период в письмах жене всегда писал «ее Высокородию». На такое титулование он имел право как почетный мировой судья, так писал на конвертах и И. П. Борисов с конца 1867 г. Ответ Фета в следующем письме (№ 5).

[15] См. примеч. 21 к п. 2.

[16] *Кипроко,* или квипрокво — от лат. qui pro quo (*букв.* кто вместо кого) — путаница. Семенов имеет в виду, что мог неправильно понять Фета, однако он понял все правильно: Фет говорил о статье Ф. Н. Берга, а не Семенова.

[17] См. примеч. 17 к п. 3.

5

Фет — Семенову

24 марта 1884 г. Москва

Москва, 24 марта 1884 г.
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Читал и перечитывал Вашу статью «Наши реформы», с которой предварительно был знаком по выпискам «Моск<овских> вед<омостей>»,[1] которые, конечно, не могли передать той органической связи, которая превращает статью в нераздельное целое, а не в отдельные, хотя бы и прекрасные мысли. Я уже высказал свой старческий восторг по случаю обретения Вас в Питере и на таком посту.[2] Тогда мой план был Вам известен, а потому утешен, теперь, когда Вы уже знаете, насколько Вы дороги моей русской душе и уму, способному ну хоть отличать голову от редьки, буду обращаться не к Вам лично, а к носимым нами сообща мыслям. Простите, если мои заметки будут отрывочны — это не критическая статья, а короткое письмо. В Вашей статье царит логика, а это первый патент на бытие. Что, напр<имер>, можно возразить на положение: земство частное учрежд<ение> ergo ни до кого не обяза-

тельное,[3] и я первый не только бы туда не пошел *рассуждать* или, что еще хуже, платить, я бы собаку свою высек, если бы она случайно забрела в этот дом непотребства. Я повторяю афоризм гр. Соллогуба (молодого моего знакомого):[4] «Не обзывай никого дураком, сам можешь быть назначен в губернаторы». Сколько бы я мог представить живых иллюстраций к этому гениальному афоризму. Но с другой стороны, при теперешнем положении вещей — что может сделать даже не дурак? — Читали ли Вы вчерашний № 23 марта «Моск<овских> ведом<остей>», статью «Со станции Кологривовки»?[5] Вот суть и сущность нашей жизни. Я вполне, как уже повторял, понимаю значение суда в высоком значении. Где нет суда — нет правды, — нет нормы, нет порядка. Но не всякий имеет несчастие судиться, тягаться или быть судимым, а в земледельческой стране все пашут и сеют, а у нас этого положительно делать нельзя, за отсутствием администрации. Вздоров нельзя говорить перед подобным Вам человеком. Тут софизм сейчас будет уловлен. Как у Вас, так и у Берга просвечивает между строками мысль, которую надо формулировать следующим образом. Господа кормили крестьян и воздерживали их от пороков, совершенно на том основании естественном, на котором (по рассказу Тургенева) Александр Дюма-отец, предаваясь оргии с какой-то актрисой на тюфяке на полу, туго застегивал прислуживавшей им обезьяне лосинцы, иначе бы она издрачилась, чего хозяин не хотел. Теперь обезьяну отпустили, и следовало поставить дилемму: Свободные ходят без лосинцев — и хотя при переходе на волю часть обезьян изведется, но все остальные привыкнут к свободе и сами станут себя жалеть не для Дюма, а для себя. Или обезьяны вообще не способны удержаться от худого и не могут оставаться без лосинцев, хотя бы их надевал на них и не Дюма. Заменою Дюма явились посредники, и обезьяны стали и строить новые избы, и сажать ракиты и т. д. Только при таком надзоре и направлении крестьянской деятельности и проверке всей нижестоящей земской полиции имеет смысл помощь в известных непредвиденных случаях. — Но возложение забот и попечений на одно ни для кого ни в каком смысле не обязательное учреждение (земство), обращенных почему-то на одно только сословие, у которого за употреблением помощи никто смотреть не имеет права, есть верх гуманитарного сумбура. Если бы Вы по благосклонности ко мне взялись заботиться из Питера о расходе у меня в дому стеариновых свеч, то снесу такую готовность, но услугу довольно трудно было бы понять и объяснить, а еще менее удобно было бы эту заботу завещать у Вас из рода в род. — Но допустим, чтобы, невзирая на это, Вы взвалили бы на себя этот крест. Что бы Вы при этом сказали, если бы слыша, что у меня все та-

щут из дому свечи по всем направлениям, Вы бы услыхали мои вопли к Вам: свечей нет, и на вопрос: куда девались только что доставленные? ответ: «это не Ваше дело». — Вы пишете о всеобщем сочувствии на юге к Вашей статье.[6] Давай Бог! Но я плохо этому верю. Не таково наше общее образование. Мы учимся всему, кроме мышления, но два-три человека ничего не значат. — Если бы земство или дворянство способны были понимать значение и логику Вашей статьи, они бы не чирикали по закоулкам, как воробьи, а припали бы дружно к ступеням Престола, моля об искуплении от греха, проклятия и смерти, а то им ровнехонько все равно, им нужно сказать псевдолиберальную чепуху, справиться с курсом (это еще гении!), взять деньги под вторую закладную или соло-вексель и уехать в Париж или Ниццу. — Прошу Вас ни на минуту не сомневаться в глубоком проникновении моем Вашей основной мыслью единства государственной власти; но мне кажется, что единство власти не исключает употребления естественных, опытом и разумом оправдываемых приемов. Каждый торговый дом, каждое отдельное хозяйство есть непременно такое единовластие. — Как же оно себя осуществляет на деле. — Я как раз в настоящую минуту могу служить примером. Воронеж<ский> мой управляющий разбогател от женитьбы и не мог продолжать дела,[7] я взял *по рекомендации* управляющего, и мне донесли о его мелких, но характерных поступках, по которым я распорядился немедля его удалить, как неблагонадежного, но при этом он успел выхлестать из экономической кассы 1000 рублей. Теперь там новый человек и на которого я надеюсь. На днях прибыл ко мне в Москву арендатор, предлагавший взять в аренду хутор отдельный, входящий в состав того (воронеж<ского>) имения, и я сказал ему, что, не зная местных соображений управляющего, не могу сам ничего решить, а прошу обратиться к непосредственному источнику. Итак, я вполне доверяю своему доверенному, но в предположении, что он строго держится того общего принципа, которым я руководствуюсь и в Орлов<ской> и в Кур<ской> губерниях. Но когда я только зачуял противное с уволенным управляющим, — то не пошел его предавать судам; что почти никогда не исполнимо, а просто уволил его. То же до малейшей подробности по лестнице вверх и вниз. Один парильщик трет Вас и скоро и приятно, один кучер подает и скоро, и лошадей сбережет, другие наоборот, как их судить судом. Как судить повара. Яиц и лаврового листу столько же, а в рот взять нельзя. Противопоставлять же судьбу одного служащего общему механизму дела, по-моему, не совсем справедливо к делу и на опыте так не бывает. У купцов: мальчишка носит в банк тысячи, но рохля или небла-

гонадежный не удержится у хозяина, которому нужно скоро, толково и верно.

На основании вышесказанного я, сочувствуя превосходной статье Берга «Присяжный заседатель», не могу признать мысль о страховании посевов плодотворной, без посредников.[8] Посредник возьмет страховые деньги и отправит их в страховое общество, а когда нужно, дает семян и муки. Но платить из этих денег за наем земли и т. д. значит остаться без хлеба, но с водкой. Простите великодушно за длину письма и невозможность его слога. Писал, что в минуту думал, и искал только быть понятым.

Вполне разделяю Ваше воззрение на царские награды и знаю, что в республиках ими дорожат еще более, чем у нас. Это все жеманная ложь, хотя я лично не делаю различия для себя между Высокоблагор<одием> и Высокородием; но получить Благородие мне как штаб-офицеру и столбовому дворянину было бы странно.[9]

На Фоминой напишу Вам из деревни единственно для проторения дорожки. Мои глубочайшие поклоны Гротам.[10]

Будьте здоровы и не забудьте преданного Вам

А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 7–10 об.

[1] См. примеч. 4 к п. 1.

[2] См. примеч. 6 к п. 1.

[3] В статье «Наши реформы» (в главе IV «Земство») Семенов писал о том, что реформой 1864 г. земским собраниям была присвоена «как бы верховная власть, вопреки разуму наших основных законов», что привело к замене задуманного самоуправления «самоуправством». «Такой порядок вызывает постоянно враждебные отношения земства к правительству, тем более что за губернскими и уездными земскими управлениями, исполняющими ныне постановления земских собраний, как поставленными вне органов правительства не признается собственно никакой государственной власти и Правительствующий сенат, по поводу разных административных дел, руководствуясь новейшими законами, неоднократно высказывал в своих указах, что земские управы суть частные общественные учреждения» (*РВ*. 1884. № 2. С. 327–328). Вот почему автор статьи утверждал далее, что по этой причине «всякий местный житель должен пользоваться правом свободы принадлежать или не принадлежать» к земству и «правом не иметь с ним никакого дела» (Там же. С. 329).

[4] Очевидно, речь идет о графе *Федоре Львовиче Соллогубе* (1848–1890), театральном художнике, племяннике писателя В. А. Соллогуба, друге Вл. С. Соловьева. С ним и его женой Натальей Михайловной (урожд. Боде-Колычева) Фет сблизился в 1880-е гг., посвятил несколько стихотворений Н. М. Соллогуб.

[5] Имеется в виду сообщение за подписью: «Б.»: «Со станции Кологривовки Тамбовско-Саратовской жел. дороги. 14 марта» (*МВед*. 1884. 23 марта. № 82. С. 4), где говорилось о незащищенности землевладельцев от покраж и порубок и выражалась надежда, что в будущем власти обратят на это внимание.

[6] Об этом писал Фету Семенов в п. 4.

[7] Имеется в виду А. И. Иост, который служил управляющим у Фета с 1871 г. Согласно оформленной на имя «швейцарского подданного Александра Ивановича Иост» нотариальной доверенности от 10 сентября 1880 г., Фет поручал ему управлять своим воронежским имением Грайворонка (*ИРЛИ*. № 20301. Цит. по: *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» // *РЛ*. 2008. № 2. С. 136). В 1882 г. Иост женился на племяннице М. П. Шеншиной Ольге Ивановне Щукиной (дочери богатого купца И. В. Щукина) и стал управляющим сахарным заводом Д. П. Боткина в Белгородской губ., а с 1883 г. он стал владельцем собственного имения на юге Белгородской губ. (Об А. И. Иосте см. указ. статью И. А. Кузьминой). Имя управляющего, который ненадолго сменил Иоста, неизвестно, следующего звали И. Розанов (в РГБ хранится его письмо от 3 января 1886 г. из Васильевского (т. е. с Грайворонки): Ф. 315. К. 10. № 62).

[8] См. п. 3, примеч. 1.

[9] Обращение «Ваше Высокородие» употреблялось по отношению к лицам в чинах 5 класса, «Ваше Высокоблагородие» — в чинах 6–8 классов; чин гвардии штабс-ротмистра, с которым Фет вышел в отставку, соответствовал армейскому майору и относился к 8 классу по Табели о рангах, следовательно, строго говоря, к нему следовало обращаться: «Ваше Высокоблагородие». Как мировой судья, а потом почетный мировой судья Фет имел право на «Ваше Высокородие».

[10] См. примеч. 19 к п. 3.

6

Фет — Семенову

11 января 1885 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

11 января.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вынужденный по болезни отказаться от мысли побывать в Петербурге и лично поблагодарить Вас за любезное посещение в Москве, я решился переслать Вам по почте мой перевод Ювенала[1] и соображения деревенского жителя.[2] Пора нам перестать перелаживать жизнь огром-

ного государства по кабинетным и к тому же совершенно ненаучным соображениям, а присматриваться к обстоятельствам, тормозящим ход дела, стараться в действительности устранять эти препятствия.

Нетерпеливо ожидаю появления в печати Ваших изящных переводов Мицкевича[3] и прошу принять уверения в неизменном почтении и преданности

Вашего покорнейшего слуги
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 11–11 об.

[1] См. примеч. 10 и 11 к п. 3.

[2] Речь идет большой статье Фета, опубликованной в виде отдельной брошюры в Москве в конце 1884 г. (ценз. разрешение: 9 декабря 1884 г.): «На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя». Очевидно, не желая вступать в пререкания с редакторами и подвергать статью переделкам, Фет опубликовал ее отдельным изданием, подписав своим обычным псевдонимом «Деревенский житель», хотя и в скрытой форме. Несомненно, статья носила итоговый характер и была предназначена, как и «Наши корни», способствовать выработке ясного представления о современном политическом и экономическом положении России. Само название означало, что после двадцати с лишним лет реформ страна по-прежнему находилась «на распутье». Прежде всего Фета волновал вопрос о земледелии: он возвращается к излюбленным мыслям о значении труда как основополагающего фактора цивилизации, хотя это не означает, что при этом отрицается роль и значение внедрения прогрессивных методов хозяйствования. «…В земледелии, наравне с другими высшими человеческими деятельностями, — утверждает Фет, — труд является основным, главнейшим фактором всего дела» (С. 34). Именно в этом смысле земля ничем не отличается от всякого другого орудия производства. «По отношению к земледелию она, в случае природной плодородности, играет ту же роль, какую сырая шкура животного занимает по отношению к письменности. Если шкура требует обработки, чтобы стать пергаментом, то земля требует обработки, чтобы стать нивой» (С. 35). Фет категорически отказывается применять к земледелию, к земле понятие «стихийности», природного дара, пользоваться которым ничего не стоит. Сравнивая землю и другие стихии — воду, огонь и воздух, автор статьи утверждает: «Форма, искусственно придаваемая человеком помянутым стихиям, нисколько не изменяет их сущности, тогда как в земледельческой почве искусственная форма есть самая сущность дела, точно так же, как в лепном произведении скульптуры» (Там же). По-прежнему особое внимание уделяется вопросу об общинном владении (С. 9–26), органах самоуправления (С. 26–28), государственном устройстве, образовании, судопроизводстве. Подробнее об этой статье см. во вступит. статье к наст. публикации.

[3] См. примеч. 7 к п. 2.

7

Семенов — Фету

24 февраля 1885 г. Петербург

С.-Петербург, Вас. Остр. 24 февраля 1885 года.
6 линия, дом № 39 между
Средн<им> и Малым проспектами.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Наступили дни покаяния и три недели таких дней прошло, а я сего дня только успеваю принести Вам мое искреннее. На Ваше дорогое мне письмо не мог собраться ответить. Прежде всего примите мою душевную признательность за книжки, которые от Вас получил: 1) Сатиры Ювенала[1] и 2) «На распутье»,[2] очень меня интересующую. Теперь только примусь за ее прочтение, невзирая на то, что более месяца рвусь к тому. Причиной этого то, что я на все это[а] время весь погрузился в один труд — обработки для печати[б] моих, почти стенографических, записок, именно[в] всего того, что говорилось в общих наших собраниях в комиссиях по крестьянскому делу.[3] Это ценный материал для истории освобождения крестьян в России и может многим открыть глаза для прямого воззрения на это дело. 19 февр<аля> будущего года наступает ведь юбилей — 25 лет с обнародования положения, а со дня открытия комиссии и приступа к работам свершилось уже 25 лет еще в прошлом 1884 году.[4] Вот как летит время. Вчера я дописал последнюю строку, ровно 860 листовых страниц (я пишу в полстраницы листа на половинке[г]) убористого письма.[д] Это приблизительно до 400 страниц печатных. Остается написать небольшое предисловие для объяснения и все перечитать, чтобы вручить, когда поеду в деревню, мою рукопись Мих<аилу> Ник<ифировичу> Каткову для «Русского вестника» к будущему юбилею.[5] Это только первый период занятий, а там предстоит еще два[е] томика — второй и третий периоды занятий.[6] Когда Бог пошлет кончить все, тогда можно будет отойти с миром и прочесть (про себя) с чувством стихи

[а] это — *вписано над строкой.*

[б] для печати — *вписано над строкой.*

[в] именно — *вписано над строкой.*

[г] на половинке — *вписано над строкой.*

[д] <уборист>ого письма — *вписано вместо зачеркнутого*: <уборист>ой печати

[е] два *вписано над зачеркнутым*: 2

Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», а пока хочется мне эпиграфом над своим трудом поставить:

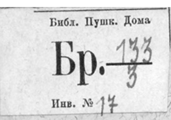
«Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец, прекрасная заря?

и 1819 года

Мне истина всего дороже».
Пушкин.[7]

Заметьте мимоходом это совпадение. Эти строфы 19-го года и освобождение — 19 числа месяца последовавшее.[8] С 1 января этого года у меня все как-то не клеится. Я присутствовал в 1-м общем собрании (одна служебная рабочая неделя и одно заседание в месяц). Неожиданно, без причины для меня понятной, мне объявлено присутствовать опять[ж] в 3 судебном гражд<анском> департ<аменте>[9] и еще упраздняющемся, где масса дел: 3 присутствия в неделю и каждые две 2-е общее собрание, следоват<ельно> 4 присутствия. Мой труд крестьянский (я считаю его даже служебным, потому что вел записки по поручению Ростовцева,[10] как он выражался: «чтобы у нас остались следы для истории», и покойный Государь[11] знал это и поощрял меня неофициальными приветами через графиню Ростовцеву,[12] когда разрешал печатать отрывки[13]), мой труд, говорю, приходилось бы бросить. Можете представить, как я был взволнован. До сих пор хлопочу и все не устроивается мое перемещение по-прежнему в общее собрание.[14] До сего времени выручала меня приключившаяся случайно болезнь глаза. Недели две я и вовсе заниматься не мог (Это тоже причина неписания моего к Вам и друзьям другим). Потом гнал свою работу, не развлекаясь, по неизвестности, что будет. Сверх того что еще тяжеле: с 24 декабря 1884, с похорон и панихид в кругу родных и близких мы не сходили. Началось с кончины двоюродного брата жены Пл<атона> Ив<ановича> Баранова,[15] который заведовал здешним сенатским архивом, славно трудился и написал 4 тома исторических материалов — указов сенатских, на поприще, на котором действуют Петр Ив<анович> Бартенев,[16] его племянники — братья Барсуковы[17] и проч<ие> известные библиографы наши. В числе жертв лишился я племянницы двоюродной, по муже Гурьевой,[18] которая пела как артистка дивным голосом, раздававшимся

[ж] опять — *вписано над зачеркнутым*: обратно

Душевноуважаемой
Анне Григорьевне
Достоевской
от автора
18 Апреля
1893

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Н. П. Семенова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ
1893

Последний том книги Н. П. Семенова
«Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» (СПб., 1893).
Титульный лист с дарственной надписью: «Душевноуважаемой Анне Григорьевне
Достоевской от автора. 18 апреля 1893 г.» (*ИРЛИ*)

у нас в наши сборные понедельники. Ей было 29 лет всего, красота, грация, вся поэзия тут была. Многие ее знали и слышали в концертах благотворительных и[з] восхищались. Она сошла в могилу после благополучных родов, по милости эскулапов, применявших новые модные средства. Кажется, медицина, со времен Иппократа,[19] приобрела одно только[и] положительно новое[к] — это нигилизм. Научных успехов никаких, я, собственно, разумею терапию, исключить можно только хирургию, разумеется, и вспомогательные, естественные науки; но я увлекаюсь грустными воспоминаниями. Газеты свидетельствуют о многочисленности покойников у нас в этом году, будто эпидемия прошла.

Обращусь к внутренней нашей политике. Она, кажется, все та же. Кохановская комиссия[20] разделилась на подкомиссии; но на ложных основаниях прочного здания ожидать нельзя. Гр. Толстой[21] серьезно болен, говорят, у него грудная жаба. После одного из докладов, когда он возвратился домой, с ним сделалось дурно, и его привели в чувства через 7 часов. Теперь он здоров, но припадок, который был, есть угрожающий. 3 марта он уезжает с супругой в Ливадию. Там отводится ему флигель, где жил бывший мин<истр> двора гр. Адлерберг.[22] Так<им> обр<азом>, он будет в соседстве Дм<итрия> Ал<ексеевича> Милютина. По мыслям и направлению это два антипода.[23] Вот судьба сближения. В мае Толстой переедет к себе в рязанскую деревню. Хотя руководство оставлено за ним (отпуск его, кажется, полугодичный), но в настоящее время он незаменим, хотя на его место, как всегда, охотников много. Ему же вернуться к делам совсем вряд ли здоровье позволит. Конечно, Вы прочли статью Пазухина в январской книжке «Русс<кого> вестн<ика>».[24] Она очень хороша. Жаль только, что он не дает даже программы; но как состоящий в кахановской комиссии он должен был внести туда свое категорическое мнение о сословном представительстве в земстве, вероятно, там он развил свои предположения. Одним словом, в наших сферах трудно пробиться живой и свежей мысли. Броня очень твердая. Вы спрашиваете, когда явятся мои переводы Мицкевича,[25] и это тоже относится к моим неудачам. Отпечатано все; но не могу выручить из типографии книжки. После счета в 1000 рублей, представленного мне за 12 печатных листов, которого я, разумеется,[л] не принял (всю историю рассказывать долго), я заключил окончательно усло-

[з] и — *вписано над строкой.*

[и] *Далее зачеркнуто*: новое

[к] новое — вписано над строкой.

[л] разумеется — *вписано над строкой.*

вие, на котором сошлись обе стороны, все-таки дело тянется день за день. Типография маленькая и, по-видимому, с своими делами трудно справляется. Обещана мне добавка еще на этой неделе 30 экземпляров. Как только получу, отправлю к Вам экземпляр. Одно из главных препятствий проникновения в высшие сферы здравых мыслей, по-моему, канцелярщина и бюрократия. Пока министры будут подписывать тысячи бумаг в[м] год, им концентрироваться и думать, что для них существенное, будет некогда, а у нас с нижних должностных лиц до высших возлагается на человека столько обязанностей и таких, что выполнить их человек не может. Отсюда уже начинается всякая деморализация, и мы так этим заражены, что программы даже для учебных заведений составляются невозможные. Это старый грех. Припомните, что еще в 1827 году, когда Государь Николай I показывал военные[н] учебные заведения Гумбольдту[26] и ему были поданы программы учения, то Гумбольдт воскликнул: «Если бы только[о] я все это знал». Простите длинноту послания, переходящего границы бумаги. Желаю Вам всего лучшего. Мое сердечное приветствие потрудитесь передать Вашей супруге, а я остаюсь глубоко Вас уважающий и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В Москву. На Плющихе, в собственном доме, № 481.

Почтовые штемпели: 1) 24 февраля 1885, Петербург; 2) 25 февраля 1885, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 8–9 об.; конверт — л. 10.

[1] См. примеч. 10 и 11 к п. 3.

[2] См. примеч. 2 к п. 6.

[3] Речь идет о фундаментальном труде Н. П. Семенова «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу», вышедшего в трех томах (3-й том в двух книгах) (СПб., 1889–1893), с посвящением: «Посвящается Государю Александру Александровичу». Отдельным томиком вышел Указатель (СПб., 1893; ценз. разрешение: 25 октября 1893 г.).

[м] *Далее зачеркнуто*: новый

[н] военные — *вписано над строкой.*

[о] *Далее вписано на полях.*

[4] Семенов имеет в виду учреждение в марте 1859 г. Редакционных комиссий при Главном комитете по крестьянскому делу под председательством Я. И. Ростовцева, хотя новый Секретный комитет по крестьянскому делу (позже преобразованный в Главный) был создан еще 3 сентября 1857 г., а рескрипт Александра II виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову, положенный в основу реформы, был помечен 20 ноября того же года.

[5] В 1885 г. в «Русском вестнике» был опубликован ряд статей, вошедших в первый том «Освобождение крестьян…» под заглавием «Деятельность Комиссий по крестьянскому делу в Общих присутствиях» (№ 5–8). О судьбе этой публикации в «Русском вестнике» см. далее.

[6] Второй том труда Н. П. Семенова вышел в Петербурге в 1890 г. с подзаголовком «Второй период занятий». В нем было 1020 страниц. Том 3, часть I — в 1891 г. (848 с.), часть II — в 1892 г. (847 с.), обе части с подзаголовком «Третий период занятий».

[7] Эпиграфом ко всем трем томам труда Семенова стало первое приведенное им четверостишие — из стихотворения Пушкина «Деревня» (1819); вторая часть эпиграфа — строка из четверостишия «К А. Б***» («Что можем наскоро стихами молвить ей?..», 1819) была оставлена, возможно потому, что носила иронический оттенок. В Предисловии к первому тому Семенов писал: «На заглавном листе книги я позволил себе выставить эпиграфом пророческие стихи Пушкина, написанные им в 1819 году и как бы предуказывавшие, каким образом, сообразно строю нашей государственной жизни, могло совершиться освобождение народа <…> Рабство пало *по манию* Царя, и не занимается ли для нас заря *просвещенной свободы* под водительством Богом хранимого, ныне благополучно царствующего Государя Императора?» (*Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. X).

[8] 19 февраля 1861 г. Александром II был подписан манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Под статьей Семенова «Наши реформы» стояла «говорящая» дата: «19 февраля 1883 года» (*РВ*. 1884. № 2. С. 332).

[9] «Высочайшим соизволением» в 26 день декабря 1884 г. Семенов был перемещен из 1-го общего собрания в январе 1885 г. в 3-й департамент Правительствующего сената (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 318 об.–319).

[10] *Ростовцев Яков Иванович* (1803–1860) — генерал-адъютант, начальник военно-учебных заведений, видный деятель крестьянской реформы 1861 г., председатель Редакционных комиссий. Как видно из писем и публикаций Семенова, он очень высоко оценивал деятельность Ростовцева на посту председателя Редакционных комиссий. Ростовцеву Семенов посвятил несколько статей: «Деятельность Я. И. Ростовцева в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу» (*РВ*. 1866. № 2), «Болезнь и кончина генерала Ростовцева» (Там же. 1868. № 11) и др.

[11] Имеется в виду Александр II.

[12] *Ростовцева Вера Николаевна* **(**урожд. Эмина (Эммина); 1807–1888**)** — жена Я. И. Ростовцева, возведена в графское достоинство в 1861 г. после смерти мужа. В Предисловии к первому тому своего труда «Освобождение крестьян…» Семенов более подробно рассказал о том, что Александр II, навестив гр. Ростовцеву в 1866 г., сообщил ей, с каким удовольствием «даровал разрешение» на напечатание статьи

Семенова о Я. И. Ростовцеве и «поручил ей изъявить мне Его признательность и благоволение „за счастливую мысль записывать подробно, что у нас делалось в Комиссиях“, прибавив к тому: „пора знать публике, как мы потрудились над этим делом. Я желаю, чтоб оно предстало потомству, как происходило, без прикрас“» (*Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. VII–VIII).

[13] В 1860-е — 1870-е гг. Семенов напечатал в периодике несколько статей, касающихся работы Редакционных комиссий: «Освобождение крестьян в России и Пруссии» (*РВ*. 1862. № 8), «Еще о крестьянском деле» (Там же. 1863. № 4) и др.

[14] По-видимому, хлопоты Семенова увенчались успехом: 6 марта 1885 г. он был вновь назначен «к присутствованию в 1 общем Собрании» (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 318 об.–319).

[15] *Баранов Платон Иванович* (1827–1884) — директор сенатского архива (с 1865 г.), в 1872 г. начал работать над составлением описи высочайших повелений, хранящихся в архиве Сената (к 1878 г. вышло 3 тома).

[16] *Бартенев Петр Иванович* (1829–1912) — известный историк, библиограф, издатель «Русского архива». Сохранились письма Семенова к Бартеневу (*РГАЛИ*. Ф. 487. Оп. 1. № 587. См.: *Русские писатели*. Т. 5. С. 558).

[17] Имеются в виду *Николай Платонович Барсуков* (1838–1906), историк литературы, библиограф, издатель, и его брат *Александр Платонович* (1839–1914), племянники П. И. Бартенева. Несмотря на ответственные посты (с 1883 г. начальник архива Министерства народного просвещения), Н. П. Барсуков предпринял ряд проектов, составивших гордость отечественной науки, в том числе указатели к собранию русских летописей, описание рукописей археографической комиссии, обзор житийных рукописей, разбор архива и подготовка собрания сочинений П. А. Вяземского. На протяжении многих лет издавал многотомный труд «Жизнь и труды М. П. Погодина», ставший ценным источником исторических сведений. Сохранились письма Семенова к Н. П. Барсукову (*РГАЛИ*. Ф. 87. Оп. 1. № 81–83. См.: *Русские писатели*. Т. 5. С. 558).

[18] Дополнительных сведений о Гурьевой найти не удалось.

[19] *Иппократ* (Гиппократ) (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — др.-греч. врач.

[20] Кахановской (по имени ее председателя Михаила Семеновича Каханова; 1833–1900) называли Особую комиссию для составления проектов местного управления, учрежденную 20 октября 1881 г. на основе доклада министра внутренних дел Н. П. Игнатьева. Сменивший Игнатьева на этом посту Д. А. Толстой оказался противником комиссии. С самого начала работы ее деятельность подвергалась критике со стороны консервативных кругов. Фет откликнулся на кахановские преобразования статьей «Из деревни» (*МВед*. 1885. 29 марта. № 85. С. 3), о чем сообщил Н. П. Семенову в письме от 24 марта 1885 г. (см. п. 9). В состав комиссии входили сенаторы М. Е. Ковалевский, С. А. Мордвинов, А. А. Половцов и другие деятели реформ 1860-х — 1870-х гг. Хотя целью комиссии была выработка соответствующих мер по укреплению связей между правительством и органами местного самоуправления, ей мало что удалось сделать на этом поприще, и 1 мая 1885 г. она была закрыта. Взявшее дело в свои руки Министерство внутренних дел, по сути, вернулось к тому, с чего начинались реформы, только вместо мировых посредников первого призыва был разработан и введен в действие закон о земских начальниках.

См. также примеч. 24 к наст. письму. О том, насколько остро обсуждался вопрос о Кахановской комиссии, свидетельствует письмо И. П. Новосильцева к Фету от 30 ноября 1884 г.: «Кахановской комиссии приходится солоно, а дельцы-писаки, здешний от действительности оторванный люд, которые привыкли строчить проэкты преобразований и проч. — оказались на мели, когда им прямо заявлено было, что им не поручено как нигилистам — сперва все уничтожить, а потом построить, а приказано кое-что *исправить* и согласовать, восстановив живую власть в деревне!» **(***ИРЛИ*. № 20288_1. Л. 53–53 об. См. также: *Письма Новосильцова (1)*. С. 213**)**.

[21] О Д. А. Толстом см. примеч. 8 к п. 3.

[22] Граф А. В. Адлерберг (1818–1888) был при Александре II министром императорского двора и уделов.

[23] *Милютин Дмитрий Алексеевич* (1816–1912) — государственный и военный деятель, граф, генерал-фельдмаршал, почетный член Петербургской Академии наук, брат видных деятелей реформы 1861 г. Н. А. и В. А. Милютиных. С 1861 по 1881 г. военный министр, автор многих трудов по военному делу, мемуарист. За время пребывания его на посту военного министра в армии был проведен ряд либеральных реформ, направленных на отмену телесных наказаний, сокращение срока службы, распространение грамотности среди солдат и офицеров и т. п., причем нередко его предложения противоречили направлению министра народного просвещения Д. А. Толстого. Подал в отставку в 1881 г. после ухода из министерства М. Т. Лорис-Меликова.

[24] *Пазухин Алексей Дмитриевич* (1845–1891) — государственный деятель, с 1885 г. правитель канцелярии Министерства внутренних дел, сыграл значительную роль в формировании политики контрреформ при Александре III. В 1885 г. приглашен в качестве эксперта в Кахановскую комиссию (см. о ней примеч. 20 к наст. письму). Речь идет о его программной статье «Современное состояние России и сословный вопрос» (*РВ*. 1885. № 1. С. 5–58), которая обратила на себя внимание министра внутренних дел Д. А. Толстого, пригласившего Пазухина в свое министерство, и которая во многом перекликалась со статьями Семенова и Фета. Рассматривая результаты реформы, Пазухин отмечал, что со второй половины 1860-х гг., именно с введения земской и судебной реформ, началась неразбериха и недовольство существующим положением: «…совершился знаменательный в нашей истории поворот от порядка к безурядице <…> Страна, которая пять лет назад поставила на службу государству многочисленный институт мировых посредников, вдруг обезлюдела. <…> все классы общества охватываются страстию к наживе; наступает царство фразы и лжи <…>» (С. 7–8). Обвиняя либеральную печать в незаслуженных оскорблениях по отношению к народу, Пазухин писал: «Вместо оценки реформ, внесших дезорганизацию в страну, стали обвинять самую страну за неуменье приладиться к новым условиям жизни» (С. 8). Силу института мировых посредников автор статьи видел в том, что он осуществлял вековую связь крестьянства и дворянства, призванного защитить сословие, получившее свободу. В то же время в статье прозвучала критика Положения о земских учреждениях 1864 г. и самого земства, отличительной чертой которого Пазухин считал «случайность его состава и направления» (С. 14), а главной ошибкой в вопросе о реформе местного управления — навязывание новым органам бессословного характера. В статье отчетливо прозвучала позитивная оценка роли поместного дворянства в проведении реформ, которое и с точки зрения Семенова и

Фета нуждалось в защите. Рассматривая дворянство как «служилое землевладельческое сословие», Пазухин считал его «связующим звеном между верховной властью и народом» (С. 28–29). Называя всю внутреннюю пореформенную политику «антидворянскою» (С. 30), автор утверждал, что вопреки ей крестьянство по-прежнему относится к дворянам с доверием, а предводитель дворянства — самый уважаемый человек в провинции (С. 30–32). Критика земства, мировых судов, народных школ и других учреждений, порожденных эпохой реформ, рисовала безотрадную картину современной России, нуждавшейся в обновлении. Особое внимание Пазухин уделил недавно народившему в результате разрушительной для сословий политики бессословному обществу, получившему название «интеллигенции» (С. 37), которую автор обвинял в беспочвенности и оторванности от народа и вместе с тем в утрате национальных черт. Проводя параллель между современным состоянием России и эпохой смутного времени, единственный выход из положения Пазухин видел в возрождении сословного общества, утвержденного в новую эпоху Петром Великим с введением Табели о рангах. В 1886 г. Пазухин предложил проект института земских начальников, которые должны были заменить упраздненных мировых посредников. 12 июля 1889 г. указ о земских начальниках был подписан Александром III.

[25] В письме от 24 марта 1885 г. (№ 9) Фет сообщил о получении сборника переводов из Мицкевича. О судьбе сборника см. п. 2, примеч. 4, 7 и 10.

[26] Немецкий ученый *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) посетил Россию не в 1827-м, а в 1829 г., основной целью его путешествия были Урал и Алтай. Он виделся в Петербурге с Николаем I и был награжден им орденом св. Анны 1-й степени. Гумбольдт был избран почетным членом Петербургской Академии наук и в своих исследованиях описал результаты своих наблюдений.

8

Фет — Семенову

27 февраля 1885 г. Москва

Москва, 27 февраля 1885 г.
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Пишу эти строки из потребности поблагодарить Вас за многосодержательное и любезное письмо от 24 февраля, а не из желания втягивать Вас в переписку, отнимая драгоценные минуты Ваши. Да! воссоздавши единственной, вполне компетентной рукой внутреннюю, тайную историю освобождения,[1] Вы действительно можете сказать: exegi monumentum.[2] Ваше имя на вечные времена останется связанным с этим памятником.

Если бы слезы чему-либо помогали, то надо бы наплакать новое Ладожское озеро по случаю полной неприготовленности нашей бюрократии, способной с заносчивостью ребенка считать всякий оторванный от жизни вздор гениальным открытием. — Слова: «Людей нет» — жалкая отговорка бессилия. Есть Катков, министр Толстой, Вы, Пазухин и т. д. Почему же все это обойдено, а над всем плавают *именины сердца* или *диктатура сердца,*[3] еще бессмысленнейшая, чем гоголевские именины,[4] которым и в голову не приходит зачерпнуть поглубже и спросить, много ли у нищего в кармане и возможно ли поправить хозяйство, стоящее на ложных, антиэкономических основаниях, умножением новых, безвластных надзирателей над старыми, все на счет того же парализованного хозяйства? Весь этот вздор возможен только в Кахановской комиссии,[5] этим чисто аристофановским Νεφελοκοκκυγία *заоблачно кукушески.*[6] Повторю с Горацием:

«Но лучше снесть в терпеньи,
Чему нельзя помочь».[7]

К сожалению, знаю по опыту дела с нашими типографиями и с величайшим нетерпением буду ожидать Вашего Мицкевича.[8]

В деревню мы собираемся около половины апреля, где и буду поджидать словечка из с. Урусова, в надежде на Ваш досуг.

Мария Петровна просит присовокупить ее приветствия к выражениям глубоко уважения, с каким имею честь быть

Вашим усердным поклонником
А. Шеншин<ым>.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 13–14 об.

[1] Речь идет о книге «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889–1893), над которой в это время трудился Н. П. Семенов.

[2] Фет цитирует первую строку оды 30 Горация из III-й книги «Од», получившей название «К Мельпомене», которая в его переводе звучит следующим образом:

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной.

[3] Намек на выражение министра внутренних дел при Александре II графа М. Т. Лорис-Меликова (1825–1888), который возглавил в феврале 1880 г. так называемую Верховную распорядительную комиссию, созданную после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Очевидно, примерно этим временем следует датировать написанный незадолго до убийства Александра II черновик письма Фета к Лорис-Меликову, сохранившийся в РГБ. В нем Фет писал: «Вместе со всею верноподданной Россией, вздохнувшей отрадно при вести о Вашем высоком назначении, к Вам

обращается старый студент, старый солдат и старый писатель. / Пишу эти строки в горячем уповании, что они, заключая в себе истины, давно [постигнутые] ясные высокому уму Вашему, окажутся излишними; и не желая отнимать драгоценные минуты Ваши, буду краток. <…> / От нас требуют разом всенародного образования, школ, женских курсов, больниц, богаделен, библиотек, желез<ных> и водяных путей, словом, всей вершины цивилизации, а у нас нет ни одной грунтовой дороги, ни одного моста, ни одного не пьяного попа и процветает один кабак. / Мы кричим о просвещенье, не подозревая, что рубим сук, на котором стоим, так как крыльев не выросло. <…> в течение 20 лет наша печать систематически проповедовала всяческий нигилизм, всякое осмеяние порядка, всякое извращение закона, до цареубийства включительно, и нечему удивляться, что безграмотные помещики читали и похваливали государственных и личных врагов, но что цензура, получающая жалованье, не понимала или не хотела понимать, что читает, возмутительно. Неужели народное просвещение не догадывается, что оно главное орудие в руках врагов? / Как позволило оно бурсакам (сравнительно самым образованным и по положению завистливым) окончательно отравить все бурсы и затем всех учителей и училища, вербуя посредством ничем не заслуженных <1 нрзб.> стипендий ежегодные полчища новых бунтовщиков — и стараясь всеми силами разослать их в виде народных наставников всюду. — А между тем стреляют в Царя или эти наставники, или люди с ними солидарные. <…> Возможно ли здравое правосудие, где председатель не облечен обязательной властью остановить защитника, очевидно направляющего дело на софистический путь: невиновен, потому что, по отцу, воспитан в обстановке негодной, вместо: он случайный преступник или к выводам: Засулич безупречна. <…> Какая земледельческая Академия мыслима в стране, где еще нет понятия о собственности, этом корне всякой деятельности, а все еще носятся с крепостной общиной, круговой порукой и [юридической] имущественной безответственностью, против которой выдаются неисполнимые исполнительные листы? <…> Спасите нас от недоделок и искажений великих преобразований великодушного Царя!» (*РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 2).

[4] Слова Манилова из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

[5] О Кахановской комиссии см. примеч. 20 к п. 7. Говоря об «умножении новых, безвластных надзирателей над старыми», Фет имеет в виду предложение комиссии о создании новой государственной ячейки в виде «сельского общества», в которое допускались бы и лица некрестьянского происхождения. Таким образом должно было продолжаться уничтожение сословий и одновременно создаваться еще одна бюрократическая структура со своими начальниками, судьями и т. д. Фет выступил в числе критиков действий Кахановской комиссии со статьей «Из деревни» (см. п. 9 и примеч. 5 к нему).

[6] Герой комедии Аристофана «Птицы» (ок. 414 г. до н. э.) Писфетер убеждает птиц, что они должны отнять власть у олимпийских богов и править миром. Для этого между небом и землей строится птичий город Νεφελοκοκκυγία, название которого можно перевести как Тучекукуевск. Писфетер становится правителем нового города и тираном, уничтожая всех несогласных. В статье «Из деревни», которую вскоре Фет послал в «Московские ведомости» (см. п. 9), он использовал этот аристофановский образ: «В уповании на всеобщее отрезвление и оздоровление, всем от мала до велика дышится свободнее, и можно надеяться, что из аристофановских

облаков мы окончательно станем на простую, но твердую мать сыру-землю» (*МВед*. 1885. 29 марта. № 85. С. 3; подпись: Деревенский житель).

[7] Фет цитирует оду Горация «К Виргилию» (I, 24) в собственном переводе (см.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 34).

[8] О получении сборника переводов Семенова из Мицкевича и отклик на него см. в п. 9.

9

Фет — Семенову

24 марта 1885 г. Москва

Москва, 24 марта.
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

Христос Воскресе!
Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вчера вечером, как раз перед праздником, получил я в виде красного яичка Вашего Мицкевича[1] и уже успел с ним познакомиться. Начиная со внешнего вида, который как нельзя более изящен, и кончая самим переводом, вся книга — прелесть! К сожалению, мы так добросовестно, так мощно работать не умеем.

Кончив тексты Катулла и Тибулла,[2] я от скуки принялся за перевод Овидиевых «Превращений»,[3] и около меня русский, стихотворный перевод Матвеева.[4] Боже! что это за безграмотный сумбур. Как отрадно после этого взять в руки Вашу книгу, в которой каждый стих говорит сам за себя.

Вчера я послал в редакцию «Моск<овских> вед<омостей>» заметку на статью *«Из Петербурга»* в № 81, сообщающую краткий обзор тезисов в Кахановской комиссии. В заметке я прошу о простой передаче Суд<ебного> устав<а> в руки посредников первого избрания, без малейших перемен, с предоставлением им прав разбора по уставам того, что следует и по обычному праву главное. — Только тогда все вздохнут свободнее.[5] Нам нужно сеять да молотить сию минуту, а не адвокатствовать. Довольно бы, кажется, развивать правовыми порядками непокорство, бунты, грабежи всякого рода до цареубийства включительно. Куда же идти по этому пути? Неужели еще может быть хуже? — Пока есть во мне капля крови, буду возмущаться против такой язвы — и, что гораздо хуже, такой непроходимой глупости.

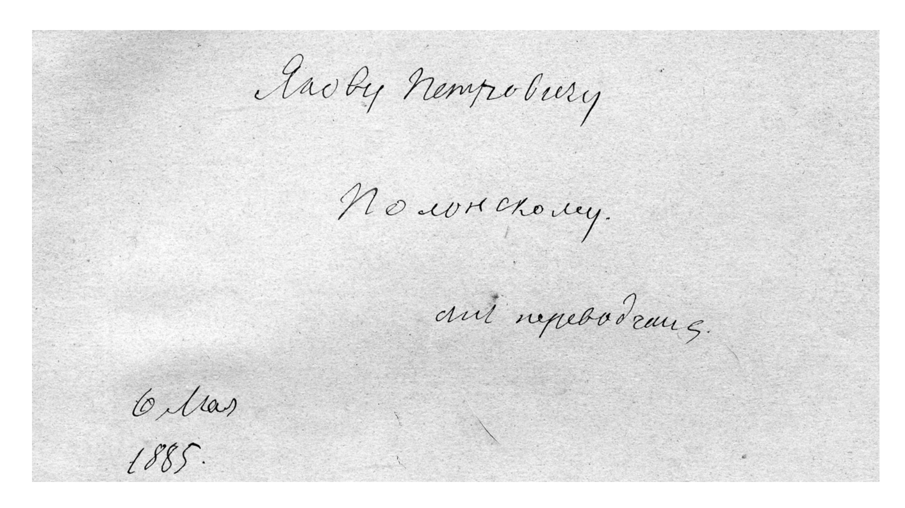
ИЗЪ МИЦКЕВИЧА

ПЕРЕВОДЫ

Н. П. Семенова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Г. Шахтъ и Ко., В. О., Больш. просп., № 2.
1885

Переводы Н. П. Семенова из Мицкевича (СПб., 1885). Обложка книги.

Оборот обложки переводов Н. П. Семенова «Из Мицкевича»
с дарственной надписью:
«Якову Петровичу Полонскому от переводчика. 6 мая 1885» (*ИРЛИ*)

Жена просит передать Вам ее усердные приветствия.

Примите выражения искренной признательности и неизменного уважения, с каким имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою.
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 15–16. На первой странице письма надпись: «27 марта ответ послан 1885 г.».

[1] Имеется в виду издание: Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб., 1885. См. примеч. 7 и 10 к п. 2. Пасха в 1885 г. приходилась на 22 марта.

[2] «Элегии» Тибулла в переводе Фета были дозволены цензурой 22 ноября 1885 г., вышли в свет в 1886 г. (Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886), переводы из Катулла вышли из печати в том же году (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886).

[3] Перевод Овидия был напечатан: Публия Овидия Назона XV книг Превращений. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887.

[4] Фет имеет в виду книгу: Публия Овидия Назона Превращения. Кн. 1–15: В 2 т. / Пер. с лат. Ф. Матвеева. М.: тип. «Современных известий», 1874–1876.

[5] Откликаясь на сообщения о работе Кахановской комиссии, в которую были включены ряд губернаторов и предводителей дворянства, обладавших практическим опытом и критиковавших предлагаемые меры, Фет послал в «Московские ведомости» очерк «Из деревни» (1885. 29 марта. № 85. С. 3), где писал: «…отрадно было прочесть в № 81 „Московских ведомостей“ 23 марта в статье „Из Петербурга“

краткий отчет хода работ по вопросам, которыми занималась Кахановская комиссия, так долго и опасно висевшая над нашею сельскою жизнью в виде Дамоклова меча». Анализируя протесты земства по поводу предложения ввести посредников второго призыва, Фет предлагал пересмотреть полномочия мировых судей, лишив их полномочий, находившихся ранее в ведении мировых посредников. Таким образом, он как бы призывал вернуться к ситуации начала реформ. «Поэтому мы убеждены, что в видах практической пользы, а не доктринерства, люди, близко знакомые с сельским бытом, прямо передадут посредникам формы первого призыва Судебные уставы с таким же дозволением руководствоваться ими в известных случаях, какое дано было судьям руководствоваться обычным правом. Сохранят ли избранные порядком первоначальных посредников лица название судей или посредников, для благоустройства страны безразлично». Вскоре Кахановская комиссия была окончательно упразднена, а к 1 мая ее дела должны были быть переданы в Министерство внутренних дел. В статье «Из Петербурга» (*МВед*. 1885. 28 марта. № 84. С. 3; подпись: Х.) уже сообщалось, что Петербург «празднует» закрытие Кахановской комиссии. Подробнее о работе комиссии см. следующее письмо Семенова (№ 10).

10

Семенов — Фету

26 марта 1885 г. Петербург

С. Петербург. 26 марта 1885 года.
Вас. остр. 6 линия,
д. № 39.

Воистину воскресе!
Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Сию минуту получил Ваше драгоценное для меня послание и спешу отвечать, потому что если отложить, то и не удосужишься, и по порядку: прежде всего, будьте добры, уведомьте меня, куда и как (адрес) к Вам писать в деревню Вашу? без чего летом из моей деревни, где точно посвободнее уже оттого, что в беличьем колесе не находишься, не буду знать, куда воззвать к Вам? Мой же деревенский адрес, на всякий случай, т. е. если у Вас его нет:[a] *Рязанской* губерн<ии>, в город *Ряжск*, в село Урусово.

[a] т. е. если у Вас его нет: — *вписано над строкой.*

Теперь о моем так сказать детище; т. е. книжке моих переводов:[б,1] Ваша оценка ее как истинного знатока дела, который сам обогатил нашу литературу столькими переводами поэтических произведений,[2] как нашего притом несравненного поэта для меня несомненно всего дороже, но в газете «Новое время», № 3254 за 20 марта 1885 г., в отделе библиографии я прочел объявление о выходе моей книжки. Если это не рецензия, то по крайней мере отзыв, как он ни краток и *не без уязвления,* так что я спрашивал у Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова, как принять его, за хулу или хвалу. Наприм<ер>, такая фраза: «переводы сделаны вообще плавными и красивыми стихами (хвала), течение которых, однако, нарушается иногда *довольно грубыми* шероховатостями и *темнотами* (без указания где, хула[в]). Это[г] *уже грех дилетантизма* автора».[3] Могу на исповеди сказать, что, за какой бы труд я ни принимался, когда влекли меня к нему расположение и охота, *дилетантом* в отношении его я не был, всегда изучал свой предмет, подходил к нему со всех сторон, не щадя ни времени, ни сил, и думаю, что это всегда должно же отражаться на труде. Правда, что я по обстоятельствам, слагавшим мою жизнь, не был присяжным литератором и патентованным[д] ученым; но разве это значит, что человек *дилетант*? Дилетантизм есть свойство известной природы — относиться ко всему легко, каковым свойством, нередко служащим к облегчению тяготы жизни, я не обладаю. Добро бы это уж была рецензия; но это все-таки объявление, которое может повредить распространению книги и сведению счетов с типографией и пр.,[е] при отношении, Вам известном, нашей публики к литературе и литераторам вообще. Скажу еще, что рецензент «Нов<ого> времени» выдернул еще одно место из «Фариса». Вот оно (полностью):

И кто же испуган был? — коршун, и взнесся высоко!..
Для казни его я свой лук напрягал,
В него я нацелился, глаз свой прищуря:
Пятном он казался в волнах серебра,
Уж в рост воробья… мотылька… комара,
Потом совершенно растаял в лазури.

Рецензент заметил, что «в подлиннике нет — *волн серебра* и прибавку этих слов потому следует поставить в грех Семенову, что ими затемня-

---

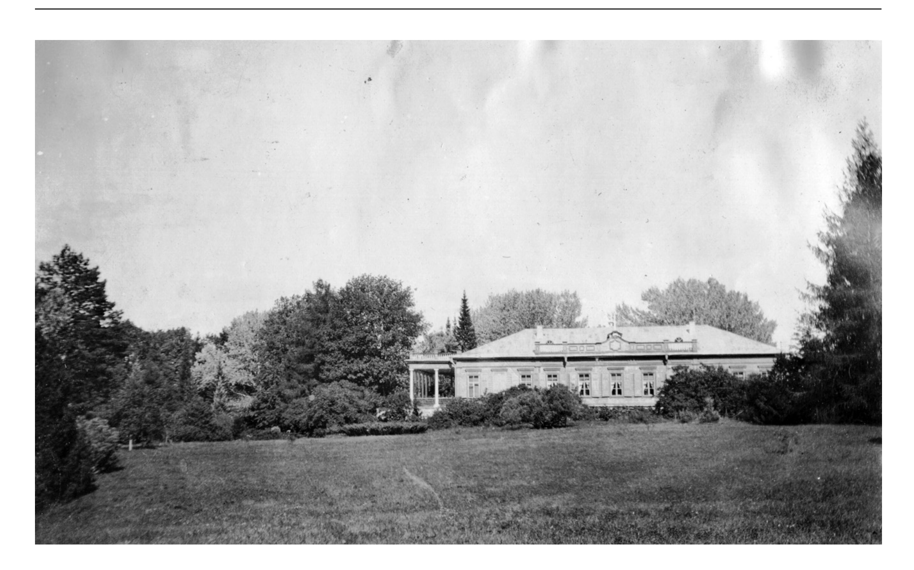
[б] т. е. книжке моих переводов: — *вписано над строкой.*

[в] хула — *вписано над строкой.*

[г] *Далее зачеркнуто*: где

[д] и патентованным — *вписано над строкой.*

[е] с типографией и пр. — *вписано над строкой.*

Усадьба Н. П. Семенова в дер. Рязанке. С фотографии конца XIX в.

ется и *искажается* смысл места». Искажения я не признаю, но что в этом стихе[ж] перевод не совсем верен, это правда, потому я тотчас стал обдумывать поправку для будущего возможного издания, если поживу и переведу кой-что еще; а Вам сообщить ее уже теперь считаю обязанностью. Подчеркнутый стих у Мицкевича на польском так поставлен:

Įuž on wisiał w powietrzu, jako plamka szara,

Поэтому, вместо подчеркнутого стиха, надо читать в моем переводе

Висел он на воздухе в виде шарà

или

Висел в атмосфере он в виде шарà

и далее, как в печатном.[з] Это будет уже[и] точнейший перевод и ради сообщения Вам этой поправки я коснулся критики или отзыва, который подает повод признать скорей самого[к] написавшего его дилетантом, по отношению к русской литературе.

[ж] в этом стихе — *вписано над строкой вместо зачеркнутого*: тут

[з] и далее, как в печатном — *вписано над строкой.*

[и] уже — *вписано над строкой.*

[к] самого — *вписано над строкой.*

Вчера я кончил краткое предисловие к моим запискам по крестьянскому делу,[4] но мне остается теперь перечитать еще все написанное и[л] сделать кой-где неизбежные вставки. Боюсь, чтобы это не задержало моей поездки в деревню, которую, по-видимому, я мог бы предпринять уже в самых первых числах мая.

Кахановская комиссия закрыта.[5] Замечательно, что комиссии по крестьянскому делу были тоже особым Выс<очайшим> повелением закрыты в таких выражениях: «закрыть редакционные комиссии 10 числа октября и передать все *неоконченные работы в ведение и распоряжение* госуд<арственного> секретаря» (тогда Буткова[6]), но тогда никаких неоконченных работ не оставалось, кроме того что некоторые материалы труд<овой> комисс<ии>,[7] рассылавшиеся по особому распоряжению по всей России и печатавшиеся в 3000 экземпл<ярах>, не были сброшюрованы, а потому все труды, как и прежде предназначено было, поступили на рассмотрение[м] и обсуждение главы комитета по крестьянскому делу.[8] Теперь же в Выс<очайшем> повелении о Ках<ановской> комиссии ни единым словом не упомянуто ни о закрытии, ни о неоконченных делах, а только[н] повелевается окончить все труды к 1 мая. Дан именно двухмесячный срок с объявления Положения; но в самом деле к обработке самого положения еще и приступлено не было, возились почти[о] четыре года только с программой,[п] над которой работала подкомиссия, а с прошлой осени все было передано на обсуждение 60 человек (это plenum[р] комиссии) умных, т. е. сведущих людей, а по-прежнему экспертов. Они не сошлись в главных основаниях. Каханов и помощники заварили дело на конституционных началах и представительстве на выборном основании и на демократизме, всесословии или бессословии (демократизм).[с] Это все едино. Некоторые из приезжих поумнее потянули к самодержавию и сословности, следов<ательно>, не вышло соглашения в принципах и так<им> образом комиссия сама себя сокрушила, и дело не может поступить на рассмотрение Госуд<арственного> совета, как предполагалось, и повелено передать его на распоряжение министра внутр<енних> дел.[9] «Новое время» до сего дня (27 марта) поддерживает высказанную им идею, чтобы для преобразования Рос-

---

[л] и — *вписано над строкой.*

[м] рассмотрение и — *вписано над строкой.*

[н] *Далее зачеркнуто*: наз

[о] почти — *вписано над строкой.*

[п] *Далее начато и зачеркнуто*: дл<я>

[р] *Зд.*: полный состав (*лат.*).

[с] (демократизм) — *вписано над строкой.*

сии созвать губернские комитеты, подобно тому, как было поступлено в крестьянской реформе, прибавляя, что если это будет результатом неудачи[т] Кахановской комиссии, «то ее можно бы от души поздравить, несмотря на неуспех». Вот до чего могут договариваться наши публицисты: с чем же поздравить? Выходит, с тем, что за осуществление идеи г. Суворина сомнительнополезной[у] казна истратила невозвратно около 300 тыс. рублей,[ф] которые стоила ей[х] Кахановская комиссия. По-моему, отбросили бы мысль заниматься бюрократическими сочинениями. Неужели 25 лет непрерываемых реформ не надоели. Следовало бы правителям, каждому, вникнуть поглубже в свое дело, прислушиваться к нуждам и потребностям страны, удовлетворять им, упраздняя ненужное и вводя порядок, и главное, оставить всякое сочинительство и избегать комиссий и болтовни. Рецепт простой. Для отправления дел у нас есть правители и госуд<арственные> учреждения. О здоровье гр. Толстого[10] из Крыма еще нет удовлетворительных сведений, хотя я слышал, что он чувствует себя лучше. Говорят, что на место кн. Орлова (скончавшегося)[11] послом в Берлин предполагается кн. Лобанов,[12] на место его Сталь из Лондона,[13] а в Лондон гр. Алекс<андр> Влади<ирович> Адлерберг,[14] и будто бы еще будет назначен второй товарищ м<инист>ру иностр<анных> дел. Засим все тихо. Примите мое благодарение и за предыдущее письмо от 27 февраля. Марье Петровне потрудитесь передать мое сердечное приветствие, поздравление с светлым праздником и благодарение за память. Душевно Вас уважающий и любящий и в чувствах неизменный

Николай Семенов.[ц]

Вашу брошюру «На распутье»[15] я прочел: вот ясный и трезвый взгляд видевшего жизнь, как она есть, только насчет общины, с точки отношения к ней правительства, надо когда-нибудь поговорить. Тут больше всего может встретиться недоразумений вообще.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В *Москву.* Плющиха, в собственном доме № 481.

[т] неудачи — *вписано вместо зачеркнутого*: закрытия

[у] сомнительнополезной — *вписано над строкой.*

[ф] *Далее зачеркнуто*: невозвратно, *затем слово вписано над строкой после* истратила

[х] ей — *вписано над строкой.*

[ц] *Далее записано на полях.*

Почтовые штемпели: 1) 27 марта 1885, Петербург; 2) 28 марта 1885, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 11–12 об.; конверт — л. 13.

[1] Речь идет об издании: Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб., 1885. См. примеч. 7 и 10 к п. 2.

[2] Фет занимался переводами со студенческой скамьи и оставил очень большое наследие в виде переводов разных авторов: из Шекспира, Гёте (в том числе обе части «Фауста»), Шиллера, Гейне, Овидия, Горация, Катулла, Тибулла и других римских поэтов. Он перевел главный труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и многое другое. См.: *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 519–550.

[3] В газете «Новое время» появился анонимный отклик на выход в свет книги переводов Семенова из Мицкевича. Оценивая в целом появление книги положительно, автор действительно сделал ряд замечаний: «По внешности это очень изящная книжка. В ней собрано довольно много переводов из Мицкевича, именно: весь „Конрад Валленрод“, отрывок из „Пана Тадеуша“, совершенно напрасно переименованного переводчиком в „Пана Фаддея“, „Фарис“, все „Сонеты крымские“ и около пятнадцати разных мелких стихотворений. <…> если перевод „Валленрода“ довольно точен и свойствами стиха вполне передает живой и драматический рассказ польского подлинника, то в „Фарисе“, напр., многое вставлено г. Семеновым от себя <…>» (1885. 20 марта. № 3254. С. 3). Помимо приведенного Семеновым замечания, читаем: «…мы уж не говорим о таких вставках, как эпитеты коня „послушен и смел“ и т. п.». По мнению анонимного рецензента, «Крымские сонеты» удались Семенову «меньше всего другого», при этом особенно резкая оценка прозвучала в отношении первого сонета «Аккерманские степи», переведенного «и слишком прозаически, и во второй своей половине грамматически неверно сравнительно с подлинником», а также сонета «На гроб Потоцкой», который показался «совершенно обесцвечен, переделан в начале и лишен почти всех образов польского подлинника». Несомненной удачей был признан перевод «Аюдага» и «Валленрода», который «надолго останется у нас лучшим переводом этой поэмы». Подчеркивания в цитатах, которые приводит Семенов, сделаны им.

[4] Дата под Предисловием к первому тому книги: 19 октября 1888 г. Здесь, высоко оценивая работу Редакционных комиссий за период с 1859 по 1861 г., Семенов высказывался и по поводу последовавших реформ: «В наступивший затем период внутренних преобразований давние увлечения чужими идеалами и пристрастие к западноевропейским порядкам, при новости условий и отношений, в которые были поставлены все классы русского общества, произвели смуту в умах верхних слоев его. К этому присоединились известные неблагоприятные для нас события внешней политики, доходившей до вмешательства западных держав в наши внутренние дела, а также финансовое порабощение нас иностранными рынками и биржевыми спекулянтами. Под такими угнетающими общественную жизнь влияниями поникало у нас народное самосознание, при котором только и возможно развитие сил и благоденствие государства, и те благие цели, к которым было направлено освобождение крестьян, не могли быть вполне достигнуты» (*Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. XI). См. также примеч. 3 к п. 7.

[5] О Кахановской комиссии см. примеч. 20 к п. 7. В высочайшем распоряжении по поводу закрытия комиссии было определено окончательно сдать дела к 1 мая 1885 г.

[6] *Бутков Владимир Петрович* (1813–1881) — с 1853 по 1865 г. государственный секретарь, принимал участие в разработке судебной реформы, в частности введения суда присяжных.

[7] Трудовой комиссией Семенов называет комиссию по трудовым спорам, которая входила в состав Редакционных комиссий.

[8] Председателем Главного комитета по крестьянскому делу был председатель Государственного совета А. Ф. Орлов (1787–1862).

[9] Т. е. гр. Д. А. Толстого.

[10] О болезни Д. А. Толстого и его отъезде в Ливадию Семенов сообщал Фету в письме от 24 февраля 1885 г. (№ 7).

[11] Речь идет об известном дипломате князе *Николае Алексеевиче Орлове* (р. 1827), скончавшемся 17 марта 1885 г. в своем поместье Бельфонтен под Парижем. Участник Крымской войны (при взятии крепости Силистрия был тяжело ранен и потерял глаз), Орлов сделал блестящую дипломатическую карьеру: был чрезвычайным посланником в Бельгии, Австрии, Англии, Франции. С 1884 г. назначен полномочным послом в Берлин. В 1861 г. подал Александру II записку об отмене телесных наказаний в России, выступал в защиту евреев, призывая к большей веротерпимости. Был в добрых отношениях с И. С. Тургеневым. О неоднозначном отношении к нему в высших кругах свидетельствует А. А. Половцов в своем «Дневнике»: «Человек он был более чем посредственный, в нем самые мелкие слабости прикрывались личиною какой-то возвышенности чувств или великодушия, легко обманывая людей простоватых <…>. Орлов казался вельможею, типом государственного человека, в действительности же он был пустым, болтливым, суетливым, бездарным деятелем, не раз наделавшим много напрасной галиматьи» (*Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 328).

[12] Имеется в виду князь *Алексей Борисович Лобанов-Ростовский* (1824–1896), который был чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе, Лондоне, Вене. Назначение его в Берлин не состоялось, поскольку, как записал в своем «Дневнике» А. А. Половцов, «государь выразил желание оставить Лобанова в Вене, где он составил себе отличное положение и где важно иметь православного с русским именем» (Там же. С. 329).

[13] Барон *Егор Егорович Сталь* (Стааль; 1822–1907) исполнял с 1884 по 1902 г. обязанности чрезвычайного и полномочного посла в Англии, о его возможном назначении послом в Вену сведений найти не удалось.

[14] Граф *Александр Владимирович Адлерберг* (1818–1888) — крупный государственный чиновник, особо приближенный к императору Александру II, занимал ряд высоких должностей. В 1881 г. по состоянию здоровья был уволен с занимаемых постов.

[15] О брошюре «На распутье» см. примеч. 2 к п. 6. С точки зрения Фета, выбор, перед которым стоит Россия спустя более четверти века после отмены крепостного права, все тот же: пойдет ли страна по пути рационального земледелия, основанного на вольнонаемном труде, или будет сохранять такие остатки крепостничества, как общинное владение, обретет ли земля рачительного и экономного хозяина или ста-

нет объектом хищнической эксплуатации. «Беспощадно истощая почву общинным владением, — писал Фет, — мы бежим с истощенных полей, куда глаза глядят; а как культурному густонаселенному Западу бежать некуда, мы, против исторического течения, бежим на Восток, еще не зная, как примут нас безводные степи <…> несомненно, что мы стоим на распутье, и странно видеть, что, искусственно наклоняя весы с одной стороны, мы усиленно тянем их с противоположной» (С. 46). Выступать против общины, «этого вредного для земледелия орудия самоуправства», Фету приходилось неоднократно. «Если мы действительно признаем государственное значение земледелия, что видно из учреждения дорогостоящих земледельческих школ, приготовляющих деятелей, конечно, не для общинного владения, несовместного с рациональной культурой, а для самостоятельных отдельных хозяйств, то значит, мы за последними признаем жизненную силу и возлагаем на них надежды. В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий» (Там же). Общинное владение землей Фет называет «ложной колеей», могущей привести российское земледелие лишь в тупик. «…Вот она та ложная колея, о которой мы заговорили в начале, — пишет он позднее в статье «Нет ничего труднее, чем возвратить общественное мнение с ложного пути на настоящий». — Мы сначала в фискальных видах придумали такое устройство, в котором община волей-неволей отвечала за человека, скрывающегося за ее плечами, но, убедившись в высшей несправедливости ответственности честных людей за негодяев, мы оставили созданный нами основной закон лишь на словах, давая тем не менее всякой злонамеренности возможность скрываться за общественными плечами» (*МВед.* 1889. 26 февраля. № 56. С. 5). По этому вопросу Семенов занимал противоположную позицию: «Общественное согласие он тесно связывал с крестьянской поземельной общиной и, настаивая на освобождении крестьян с землею, он доказывал необходимость, чтобы „земля была крепка за крестьянским сословием“. Н<иколай> П<етрович> был в числе тех, кто настаивал на том, чтобы земли, отошедшие к крестьянам, оставались в постоянном, бесповоротном пользовании освобожденных крестьян» (*Попов И. И.* Николай Петрович Семенов. С. 89).

11

Семенов — Фету

<2–3>[a] декабря 1885 г. Петербург

С. Петербург. Декабря 1885 года.

Дорогой, душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич, Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов сказал мне, что писал Вам о моей внезапной и

[a] *Числа, взятые нами в угловые скобки, вписаны позднее карандашом неизвестной рукой.*

тяжкой[б] болезни, постигшей меня[в] вместе с получением 7-го ноября[г] горького известия о кончине моего искреннейшего друга и товарища детства Ник<олая> Яков<левича> Данилевского.[1] Это утрата чувствительная и для России и для всего ученого и образованного мира. Знаменитый труд его «Дарвинизм, критическое исследование» остается неконченным и в том именно,[д] что он должен был представить самого интереснейшего.[2] У меня был брюшной тиф с особым нервным характером, по определению доктора, меня пользовавшего. Теперь уже несколько дней, как я[е] встал с постели и перешел в состояние выздоравливающего; но до выхода на воздух, кажется, еще долго, и приходится отложить мою предполагавшуюся поездку в Москву на праздники.

Пользуюсь первым позволением доктора писать какое-нибудь письмо, что-нибудь легкое вообще, чтобы поблагодарить Вас от всего сердца за присылку Вашего драгоценного труда, знакомящего нас с седой древностью — перевода стихотворений Катулла.[3] Это и было первым моим интересным чтением тотчас по выходе из первого периода моей тяжкой болезни, когда мне позволено было читать понемногу и без утомления. С Як<овом> Карл<овичем> Гротом, потому что он тоже[ж] вскоре после меня занемог и сильно острою болезнью, которая могла сделаться очень опасною, хотя продержала его меньше меня в постели, дня три; но получила весьма благоприятный оборот при скорой медицинской помощи. Он уже на прошлой неделе раз сам навестил меня, потому что затем, по случаю насморка и кашля, вот опять неделю сидит безвыходно дома. Он мне сказал, что тоже тотчас по выходе из болезни, прежде приступа к своим обычным занятиям, принялся с удовольствием за чтение Вашей книжки;[4] Вы трудитесь неутомимо, а меня болезнь оторвала надолго от труда по крестьянскому делу, которого успех меня более всего тревожит относительно его окончания, ибо труд так обширен, что ему как-то конца еще не предвидится.[5] Мне велено, по причине еще слабости и медленного, при всем благоприятном исходе болезни, восстановления сил, удаляться от всяких волнений, поэтому за политикой и совершающимся не могу следить пристально; хотя мне сообщаются сведения интересные друзьями и родными, посещающими меня при-

---

[б] и тяжкой — *вписано над строкой.*

[в] меня — *вписано над строкой.*

[г] 7-го ноября — *вписано над строкой.*

[д] именно — *вписано над строкой.*

[е] я — *вписано над строкой.*

[ж] *Далее зачеркнуто*: почти

лежно, истинно по-христиански, с тех пор как я стал на ноги и мне позволены беседы. Это не волнует, ибо тут глубоко вдумываться не приходится, т. е. так, как когда что разрабатываешь мыслию в тиши кабинета. Теперь нам дан новый министр юстиции: сенатор Манасеин, на которого как-то все возлагают большие надежды и ожидают существенного изменения уставов и отметения настоящ<их>[з] плевел с поля нашего судебного законодательства.[6] Сам Государь, говорят, дал определительные указания, хотя отказался, на просьбу нового министра, дать определенную инструкцию или программу, не желая стеснять и предрешать. Дай-то Бог, пора; но реакция и направление, по крайней мере, к настоящему заметны во всех ведомствах. Конечно, вдруг усовершенствования ожидать нельзя. Сего дня жду в 7-мь часов вечера посещения архиепископа Саввы Тверского,[7] уезжающего в свою эпархию и с которым сам поехать проститься не могу. Под его руководством печатаются деяния митрополита Московского Филарета (Дроздова). Он интересный пастырь, а завтра во вторник обещал заехать наш Никол<ай> Никол<аевич> Страхов. Простите, если послание мое нескладно. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. При желании Вам всего лучшего остаюсь всей душою преданный, глубоко уважающий Вас и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Н. Н. Страхов передал мне Ваше дорогое для меня приветствие, и что касается говоренного мною Вам относительно выхода из крестьянского положения, то мне сообщили, что м<инистр> в<нутренних> д<ел> гр. Толстой входил два раза в Госуд<арственный> сов<ет> с проэктами о прекращении крестьянских разделов; и[и] последний раз, д<олжно> быть, недавно; но они провалились и не без основания, потому что меры предлагавшиеся не могли бы быть действительными к устранению грозящего и тяжкого зла. Из чего можно заключить, что зло пришло к сознанию, но пути к устранению не ясны в головах, желающих пособить делу и всё ходят только около да кругом.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В Москву. Плющиха, собственный дом № 481.

[з] *В подлиннике*: настоящего

[и] и — *вписано над зачеркнутым*: но

Почтовые штемпели: 1) 3 декабря 1885, Петербург; 2) 4 декабря 1885, Москва. *На обороте конверта карандашом рукой Фета:* «От Семенова декабря 1885 года». Дата написания письма уточняется по почтовым штемпелям.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 14–15 об.; конверт — л. 16.

[1] Н. Я. Данилевский (см. о нем примеч. 17 к п. 2) умер в Тифлисе 7 ноября 1885 г. В предисловии к переизданию книги «Россия и Европа» Страхов привел некролог, который был разослан им в газеты при известии о смерти Данилевского (*ЖМНП*. 1885. Ч. 242. № 12. Отд.: Современная летопись. С. 206–209): «В Тифлисе 7 ноября в 10 часов утра скончался один из замечательнейших людей в России, Николай Яковлевич Данилевский. По служебному своему положению, он был тайным советником, членом совета министра государственных имуществ. Труды его на поприще службы чрезвычайно велики и важны. Он исследовал рыболовные промыслы во всей европейской России и составил для них ныне действующие постановления. <…> последний труд этого рода была поездка на озеро Гохчу, в минувшем октябре месяце. Вернувшись из этой поездки в Тифлис, Николай Яковлевич неожиданно подвергся смертельному припадку болезни сердца <…>» (цит. по: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. СПб., 1889. С. XX). В некрологической статье Страхов высоко оценивал «Россию и Европу», а также сообщал о подготовленных к печати двух томах исследования Данилевского «Дарвинизм», «которому суждено остаться неконченным». «Но как ни прекрасны его труды, — писал Страхов, — в нем самом было еще больше добра и света, чем в его трудах. Никто, знавший покойного, не мог не почувствовать чистоты его души, прямоты и твердости его характера, поразительной силы и ясности его ума. Не имея никаких притязаний, никакого желания выставиться, он всюду являлся, однако, как *власть имущий*, как скоро речь заходила о том, что он знал и любил. Патриотизм его был безграничный, но зоркий и неподкупный. Не было пятна не только на его душе, но и на самих помыслах. Ум его соединял чрезвычайную теоретическую силу с легкостью и точностью практических планов» (Там же. С. XX–XXI). «…3 апреля 1885 г. Н.Я. Данилевский был командирован в Тифлис, — писал Страхов в биографическом очерке «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского, предпосланном 3-му изданию книги «Россия и Европа», — на филлоксерный съезд, назначенный на 20 апреля. Еще по дороге в Тифлис, он ушиб себе ногу и до конца лета страдал от этого ушиба» (Там же. С. XVIII–XIX). Письмо Страхова к Фету с упоминанием о болезни Семенова неизвестно или не было написано.

[2] Этот труд Н. Я. Данилевского под названием «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб., 1885. Т. 1. Ч. 1–2; СПб. 1889, Т. 2. Ч. 1–2) был издан Страховым. Он вышел с посвящением Н. П. Семенову. 18 мая 1889 г. Страхов писал Л. Н. Толстому, что в следующих томах Данилевский «хотел говорить о своем взгляде на организмы, доказывать бытие и свойства Божии; вообще он смотрел на свое сочинение как на средство уничтожить материализм и нигилизм, и в одном письме к Н. П. Семенову говорит, что это средство будет получше греческого и латинского

языков, в которых Катков видел наше спасение от вредных учений» (Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. / Ред. А. А. Донсков, составители Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Оттава; Москва, 2003. Т. 2. С. 789–790). Страхов сам написал и рецензию на вышедший труд Данилевского (*Страхов Н.* Полное опровержение дарвинизма // *РВ*. 1887. № 1). Этот труд ему пришлось защищать от нападок в печати, в частности Вл. С. Соловьева.

[3] Речь идет о книге: Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1886 (дата на обложке не соответствует реальной дате выхода в свет — ноябрь 1885 г.; дата ценз. разрешения: 2 ноября 1885 г.). В библиотеке Л. Н. Толстого сохранился экземпляр с дарственной надписью: «Графу Льву Николаевичу Толстому языческий переводчик». См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М., 1972. Т. 1. Ч. 1. С. 346.

[4] О Я. К. Гроте см. примеч. 19 к п. 3. Очевидно, Фет послал и ему свои переводы из Катулла.

[5] Речь идет о труде «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу», вышедшего в трех томах (3-й том в двух книгах) (СПб., 1889–1893). См. также примеч. 3, 6 к п. 7.

[6] *Николай Авксентьевич Манасеин* (1835–1895) до своего назначения в 1885 г. министром юстиции (сменил Д. Н. Набокова) был директором департамента Министерства юстиции и стал известен благодаря нововведениям в Прибалтийском крае, призванным укрепить там позиции России. Одновременно был генерал-прокурором Правительствующего сената. Отчасти Манасеин оправдал ожидания идеологов контрреформ (исполнял свои обязанности до 1894 г.), проведя ряд законов, ограничивших гласность судов (1887), прием в сословие присяжных лиц нехристианских исповеданий (1889), он ввел также институт земских начальников, упразднивший выборных мировых судей (1889), и др. Назначение Манасеина А. А. Половцов находил «вполне удовлетворительным»: «Прежде всего Манасеин специалист своего дела, воспитанник Училища правоведения, постоянно служивший по судебному ведомству и, в частности, в прокурорском надзоре. Он человек очень умный, способный. Один существенный недостаток — раздражительность, желчность» (*Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 377).

[7] *Савва* (в миру Иван Михайлович Тихомиров; 1819–1896), архиепископ (с 1880 г.). В 1855 г. возведен в сан архимандрита митрополитом Филаретом (Дроздовым), считавшим его лучшим своим помощником, с 1859 г. ректор Московской духовной семинарии, с 1861 г. ректор Московской духовной академии. С 1866 г. епископ Витебский и Полоцкий, с 1874 г. — Харьковский и Ахтырский, с 1879 г. епископ Тверской и Кашинский. Помимо других духовных сочинений, подготовил письма митрополита Филарета к архиепископу Алексию (1883), к высочайшим особам (1888). Семенов имеет в виду упоминаемое далее «Собрание мнений и писем московского митрополита Филарета» (М., 1884–1888). В статье «На распутье» Фет говорил о «ясном уме и многостороннем знании», а также о «практичности» суждений Филарета, поставив выдержку из его сочинений эпиграфом к главе «Наказания» (*Фет. На распутье*. С. 55).

12

Фет — Семенову

11 февраля 1886 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

11 февраля 1886 г.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

С неделю прогостивший у нас в Москве Николай Николаевич Страхов может засвидетельствовать перед Вами ту глубокую признательность, которою я преисполнен за озарение моего разума Вами по отношению к самому жизненному и основному вопросу нашего государственного быта. Конечно, кратко прочтенная Вами лекция не могла уяснить мне всего Вашего мировоззрения в этом направлении, но основная мысль Ваша до того была для меня плодотворна, что я смело могу сказать, что Вы были для меня младшим Товитом, снявшим мои бельма.[1] Подобно тому, как слово «воля» служит ключом ко всему миросозерцанию Шопенгауэра[2] и, не встречая преткновений ни в каком направлении, только служит наилучшей логической связью всего дела, и Ваше слово «тягло» в смысле хозяйственно рабочего главенства на арендуемом участке есть разъяснение всей русской истории в самом широком значении слова. Тесные рамки письма не дозволяют мне указать на очевидную связь Вашей коренной мысли со всеми особенностями наших народных течений, начиная с православия и самодержавия с их иерархическими лестницами до национального характера последней русской семьи с коренными ее отличиями от западной. Но эта связь выяснилась в моей голове до последней ясности и, если я и не надеюсь, чтобы система моя, являющаяся только плодом приложения Вашей основной мысли ко всем нашим жизненным течениям, послужила как бы компасом и пробирным камнем для всех будущих государственных мероприятий, то все-таки считаю своим нравственным долгом высказаться, до последней ясности. Конечно, в видах непривычки нашей публики к систематическим изложениям, я постараюсь сократить это изложение насколько возможно, но при всем этом сам собою возникает вопрос, который разрешить, помимо Вас, никто не может. Как бы логически и ясно я ни изложил характеристически восточно-народного течения русской жизни в противоположность к западному, я бы ни на минуту тем не менее не мог забыть, что все это освещение я получил от Вашего гениального

взгляда на тягло и, пройдя это обстоятельство молчанием, очевидно совершал бы плагиат и являлся бы вороной в павлиньих перьях. Вот весь смысл моего настоящего письма. Убежденный, что в случае проникновения законодательных сфер этою коренною русской мыслью, вся наша жизнь сразу возвратилась бы домой из нелепых заграничных блужданий, на которых ей приходится спотыкаться на каждом шагу в своих практических мероприятиях, я, тем не менее, рассчитываю на деревенский досуг, чтобы строго обсудить мою статью,[3] размеры и форма которой еще носятся передо мною в неясных очертаниях. Дело не в том, когда и как я исполню свой план, а в том, как мне быть, если Вы не разрешите мне прямо указать на Вас как на первоначальный источник всего моего мировоззрения? Дело иное, если бы мысль Ваша, хотя бы исключительно об одном только тягле была Вами лично уже высказана печатно и таким образом стала бы общим достоянием, на основании которого всякий имел бы право делать как правильные, так и неправильные выводы. Но воспользоваться чужою мыслью из частного разговора, умолча о ее источнике, значит прямо красть. Находя, что деликатный вопрос исчерпан мною до последней ясности, становлюсь перед Вами с полным ее разветвлением, т. е. разрешаете ли Вы мне вообще писать об этом деле, или дождаться печатного обнародования Вашей мысли? Если разрешаете, то ограничиваете ли меня простым указанием, что мысль эта не моя, а принадлежит государственному человеку без названия имени, что, конечно, имеет вид шарады, или же разрешаете мне сказать, что мысль эта позаимствована мною у Н. П. Семенова. — Вот и все. При выражении глубочайшего почтения, буду ожидать ответа на мой капитальный вопрос.

Прошу верить неизменной признательности

искренно преданного Вам
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 17–20. На первой странице письма рукой Н. П. Семенова: «14 февраля 1886 г. послан ответ, заказной».

[1] Имеется в виду ветхозаветная притча об ослепшем Товите и сыне его Товии, которого ангел господень научил снять бельма с глаз отца его (Тов. 11: 6–15).

[2] Фет имеет в виду ключевое понятие философии Шопенгауэра, изложенное в книге «Мир как воля и представление».

[3] Эта статья («Наше тягло») была написана Фетом, но до нас не дошла. См. о ней: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым. С. 81–88.

13

Семенов — Фету

12 февраля 1886 г. Петербург

С. Петербург. Вас. остр. 12 февраля 1886 года.
6 линия, дом № 39.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич, интересное и многознаменательное письмо Ваше от 11 сего февраля получил вчера и не откладываю ответом, тем более что был у Вас в долгу: не успел и поблагодарить Вас за присылку почтенных трудов Ваших — Тибулла и Шопенгауера.[1] Причиной тому были как последствия моей тяжкой болезни, хотя на поправление здоровья вообще я жаловаться не могу; но силы как-то не те. Возвращения их ожидаю летом от воздуха и травы, а потом и погружение в мой труд по крестьянскому делу, которому и конца не вижу, а я сознаю[а] его столь важным, что отречение от всего мира я считал бы не чрезмерным, чтобы только довести этот труд до благополучного окончания.[2] Это интереснейший, назидательнейший и замечательнейший эпизод нашей истории. Пока я работаю только над хроникой, а хотелось бы потом и высказать свой взгляд на[б] все это,[в] по окончании. Упоминаю о сем для того только, чтобы сказать Вам, что пока не[г] кончу, отрываться не должен и никакого другого труда предпринимать не могу.

Обращаюсь к Вашему письму. Оно меня очень обрадовало. Бога ради, пишите и не оставляйте Вашего благого намерения, я счастлив, если мои мысли могут[д] Вам к чему-нибудь послужить. Я такого нрава, что готов отдать все мои мысли на пользу отечества, лишь бы они пошли в ход и осуществились, хотя бы и не от меня,[е] если только в них есть истина. Ничто не ново под луною, а важно развить истину и чем скорее, тем лучше, а чтобы Ваша честная совесть ничем не могла стесняться, спешу уведомить, что я ничего не имею против ссылки на меня и выс-

---

[а] сознаю *вписано над зачеркнутым*: считаю

[б] на *вписано над зачеркнутым*: обо

[в] *Было*: <обо> всем этом

[г] не — *вписано над строкой.*

[д] могут — *вписано над строкой.*

[е] хотя бы и не от меня, — *вписано над строкой.*

тавления моего имени, где и как Вы рассудите. Эта основная[ж] мысль о тягле представлялась мне всегда столь простою и как бы естественною в нашей русской истории, что было время, когда, пока ломки быта и нравов в нашей жизни не было, я и не видал нужды в ее развитии. Я понимал, что единица русской рабочей силы есть тягло, точно так, как единица общественного[з] разума есть мир (в наше время крестьянский только), который мог бы всегда устыдить английских присяжных, добивающихся с таким трудом единогласия в своих[и] решениях, так что европейские государства (как, например, Франция), которые заимствовали оттуда суд присяжных и не покусились даже перевести к себе единогласия решений, а мы собезьянничали, как известно, с французского. Недаром же Россия крепла и возвеличивалась до наших дней. Русскому народу противно большинство голосов, для этого загляните в «Русь» Аксакова 1883 года №№ 3, 4 и 5, 1-го и 15 февраля и 1-го марта ст<атья>: «Письма К. С. Аксакова к А. С. Хомякову и кн. Черкасскому и замечания его по поводу освобождения крестьян и их администр<ативного> устр<ойства>» стр. 34–46, 20–34 и 20–32.[3] Так точно единица правления государством — Царь и единица миротворения Бог. Вот наш культурный тип и весь секрет нашего русского самодержавия. Не позабудьте при этом книги нашего незабвенного Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» о культурных типах и истории вообще.[4] Теперь другие времена, и я в разные времена, где мог и как мог, развивал устно и[к] на все лады мысль о тягле. Это никак и ни в чем стеснять Вас не должно.

Так, в последний свой приезд сюда в Петербург[л] еще в январе этого года Мих<аил> Никиф<орович> Катков посетил меня, и когда я развил ему мое воззрение на тягло, то он очень просил написать ему статью с изложением моих мыслей, которым он очень сочувствует; но я на неопределенное время не могу этого исполнить по причинам, изложенным выше в начале сего послания.

Что касается до печати, то мысль моя о тягле в общем[м] была заявлена, а для того загляните в «Русский вестник» 1862 г., август № 8. Ст<атья> «Освобождение крестьян в России и Пруссии» упоминовение о тягле стр. 826[5] и предыдущие, и «Русс<кий> же вестн<ик>» 1885 года, июль

[ж] <эт>а <основн>ая — *вписано вместо*: эт[у] основн[ую]

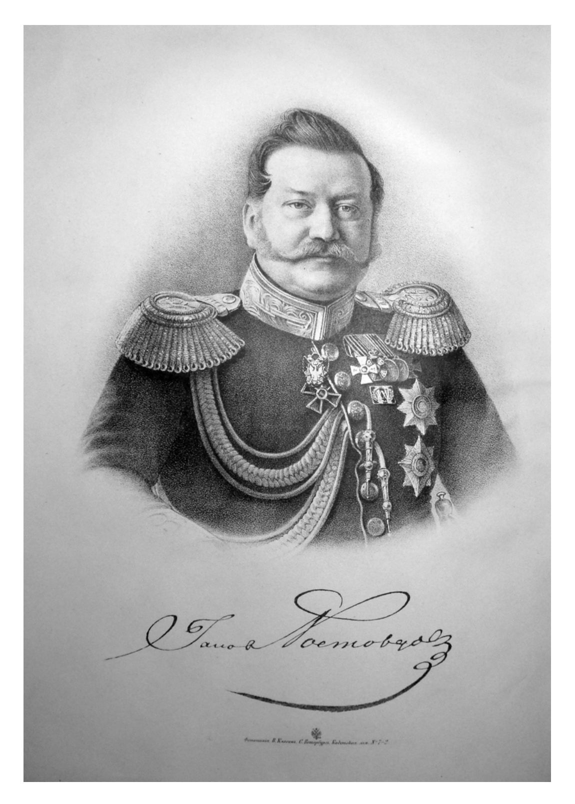
[з] общественного — *вписано над строкой.*

[и] своих — *вписано над строкой.*

[к] устно и — *вписано над строкой.*

[л] в Петербург — *вписано над строкой.*

[м] о тягле в общем — *вписано над строкой.*

Я. И. Ростовцев

№ 7, ст<атья> «Деятельность комиссий по крестьянск<ому> делу в общ<их> присутствиях» стр. 146 последняя строка и начало 147 стр.[6] «Общ<ие> присут<ствия> комиссий» 18 июня 1859 года, журнал № 22, 23 и 24 (17, 18 и 20 июня вместе).[7]

Это требует некоторого, мож<ет> быть, интересного даже пояснения. Председатель комиссии Я. И. Ростовцов[н] был человек от головы до пят русский, все обычаи его и нрав,[о] несмотря на придворное всетаки его положение, были совершенно русские. Мать его была Кусова, известной в свое время купеческой фирмы.[8] Сестра его родная была за Сапожниковым,[9] купеческого рода. Всё русское легко лезло к нему в душу. Русскому легко было с ним говорить. Во время наших заседаний

[н] Я. И. Ростовцов — *вписано над строкой.*

[о] и нрав — *вписано над строкой.*

летом 1859 года на Каменном острову, которые были довольно часты; я всякий раз после общего присутствия заходил к ему обедать. Это было единственное свободное для него время дня. Тогда я свободно сообщал ему мои воззрения и между прочим развивал устно мои мысли[п] *о тягле*. Насколько они послужили к настроению его к русскому пониманию вещей, судить не мне, только он, имея Высочайше дарованное ему право не только распределять занятия в комиссиях, но и давать им направление, т. е. принимать или отвергать их предположения, держался все-таки русских начал. Дело о тягле[р] происходило так: славянофилы проглядели (не исключая и Ив. Сер. Аксакова), сколько мне известно, настоящее значение тягла для общины, а прочие закоснелые и неизлечимые западники и преимущественный из них Н. А. Милютин,[10] который, когда мои записки придут совсем к окончанию, не может быть признан иначе, как за кухмистера, так сказать (а поделикатнее по-французски grand faiseur), крестьянского дела, и более крупный в нем деятель князь Черкасский,[11] ложно считавшийся славянофилом близорукими последователями сего учения, и, напротив, тоже чистокровный западник, смотрели с высокомерным[с] презрением на русскую крестьянскую общину, считая ее признаком младенчества неразвитого, хотя и не совсем тупоумного народа. Большинство самое значительное членов комиссий стояло более или менее на точке европейских воззрений. Конечно, до различия в духе русского народа и русского госуд<арстве>нного организма от европейских народов и государств они додумываться не могли. В их головах составилось[т] общее понятие, что община есть достояние или положение всех народов, слагающихся в государственный организм, что это признак младенчества и неразвития, из которого скорее надо вывести русский народ, хотя бы и толчком. Себя же наши деятели, в большинстве влекомые честолюбием или самолюбием, дурными в сущности качествами,[у] считали просветителями и преобразователями, призванными к великим делам, и потому предлагали меры к разрушению общины — их желание было создать многочисленных собственников, потому они стремились[ф] ввести (тогда до выкупа,[х] который еще и не выработался)

[п] развивал устно мои мысли — *вписано над строкой.*

[р] о тягле — *вписано над строкой.*

[с] высокомерным — *вписано над строкой.*

[т] составилось *вписано над зачеркнутым*: сложилось

[у] влекомые ~ качествами, — *вписано над строкой.*

[ф] стремились — *вписано над зачеркнутым*: хотели

[х] *Далее зачеркнуто*: еще

участковое пользование в управление крестьян[ц] решение дел[ч] в некоторых случаях даже простым большинством голосов (что и удалось им сделать), несмотря на то,[ш] что, по-видимому, охранителем от того должен был бы, кажется, быть сам славянофил[щ] Самарин,[12] имевший тогда и особый[ъ] авторитет как человек литературный; но и он спасовал, по моему личному убеждению, оттого, что настоящим русским он не был. — Развивался он на Гегеле и был поклонник страстный немецкой культуры во всем ее целом и в душе, в конце концов, был все-таки западный человек. Я тогда, должен сказать, не имел достаточного авторитета. Я начинал еще, можно сказать, тогда мою литературную деятельность, уже тогда[ы] противную притом всем западным веяниям, следовательно, начинал только прать против рожна, а один человек в поле не воин. Таким образом, Ростовцов почти один стоял за сохранение общины. Он выражался, как я отметил в одном месте, уже напечатанном в «Русск<ом> вестнике», моих записок, рельефно. Вот что он говорил и повторял[ь] разрушителям быта в частных беседах:[э] «Я не позволю ломать истории. У нас исторически сложилась община, мы должны ее сохранить. Я вам делаю уступку, — отворите как хотите широко каждому крестьянину выход из общины, если он выйти желает; но не разрушайте общину. Она нам нужна». Это я сохранил дословно в моей памяти. Поэтому и в Положении 19 февраля, до которого Ростовцов не дожил, все-таки сохранилось за крестьянами право[ю] делить между собой отошедшую к ним в душевых участках от помещиков землю, как они хотят, т. е. по тяглам, дворам, или душам. Две последние категории в сущности одно и то же, т. е. дворы суть сложные души, а не единицы рабочей силы, как тягло, и не паи тяглых крестьян в общем землевладении. Вот Вам эпизод из истории освобождения крестьян, правдиво изложенный. Он, конечно, не для печати; но, может быть,[я] что-нибудь из него извлечь можно для соображения. После объявления 19 февраля 1861 г. Положения об освобождении дело, т. е. его исполнение и осуществление, пе-

---

[ц] крестьян — *вписано над строкой.*

[ч] дел — *вписано над строкой.*

[ш] на то — *вписано над зачеркнутым*: даже

[щ] сам славянофил — *вписано над строкой.*

[ъ] особый — *вписано над строкой.*

[ы] тогда — *вписано над строкой.*

[ь] и повторял — *вписано над строкой.*

[э] в частных беседах — *вписано над строкой.*

[ю] *Было*: право крестьян

[я] может быть — *вписано над строкой.*

решло в руки правительства к Валуеву,[13] а во главе[а-1] рабочей силы стал человек узкий, самолюбивый до раздражения Яков Александр<ович> Соловьев,[14] который где мог старался восстановить то, что предлагал в комиссиях, когда он был их членом, и что провалилось. Пошли циркуляры и разъяснения — Вы знаете, а никто из главных правителей[б-1] не заботился проникнуться теми идеями, которые были положены в основу крестьянского Положения, отличавшегося именно относительным отсутствием регламентации. Я в иных местах знаю давления на крестьян, чтобы они делились участками между собой, хотя и у нас в Раненбургском уезде Рязанской губернии[в-1] есть примеры тягловых наделов до сих пор, и эти селения относительно процветают; по крайней мере, кулакам и кабатчикам нет в них места, а вопрос этот важный и грозит бедами в будущем. Кстати, для сведения посмотрите в «Русском вестнике» прошлого 1886 статью Головина «Наша сельская община»,[15] хотя я не сочувствую направлению автора и выводы его не считаю верными, но в ней много сведений о строении наших общин, впрочем, я не дочитал еще ее до конца за недосугом. Это я на всякий случай, если Вы уже не прочли статью сами.

Мне остается приятно мечтать о Вашем, для наших высших сфер и русских людей, полезном преднамерении развить до последней ясности жилку биения[г-1] нашей русской[д-1] народной жизни. Вам это доступнее, чем многим другим, потому что поэтический гений приводит к откровениям, а настоящая философия ведет к правильному[е-1] сочетанию мыслей и верным выводам из наблюдения исторических фактов, а вопрос, который Вы затрогиваете, очень важен для нашего дальнейшего преуспеяния. Не могу я разделять мнения, которое неоднократно, во время разрешения крестьянского дела, выражал в частных разговорах Ю. Ф. Самарин, будто постановления правительства не могут повернуть[ж-1] народной жизни и что она будет течь[з-1] своим руслом, независимо от мероприятий правительства. Нет, правительство может отвести это течение и в неблагоприятную для народной[и-1] жизни сторону. Конечно, лучшие

[а-1] во главе — *вписано над строкой.*

[б-1] из главных правителей — *вписано над строкой.*

[в-1] Рязанской губернии — *вписано над строкой.*

[г-1] биения — *вписано над зачеркнутым*: <1 нрзб> течения

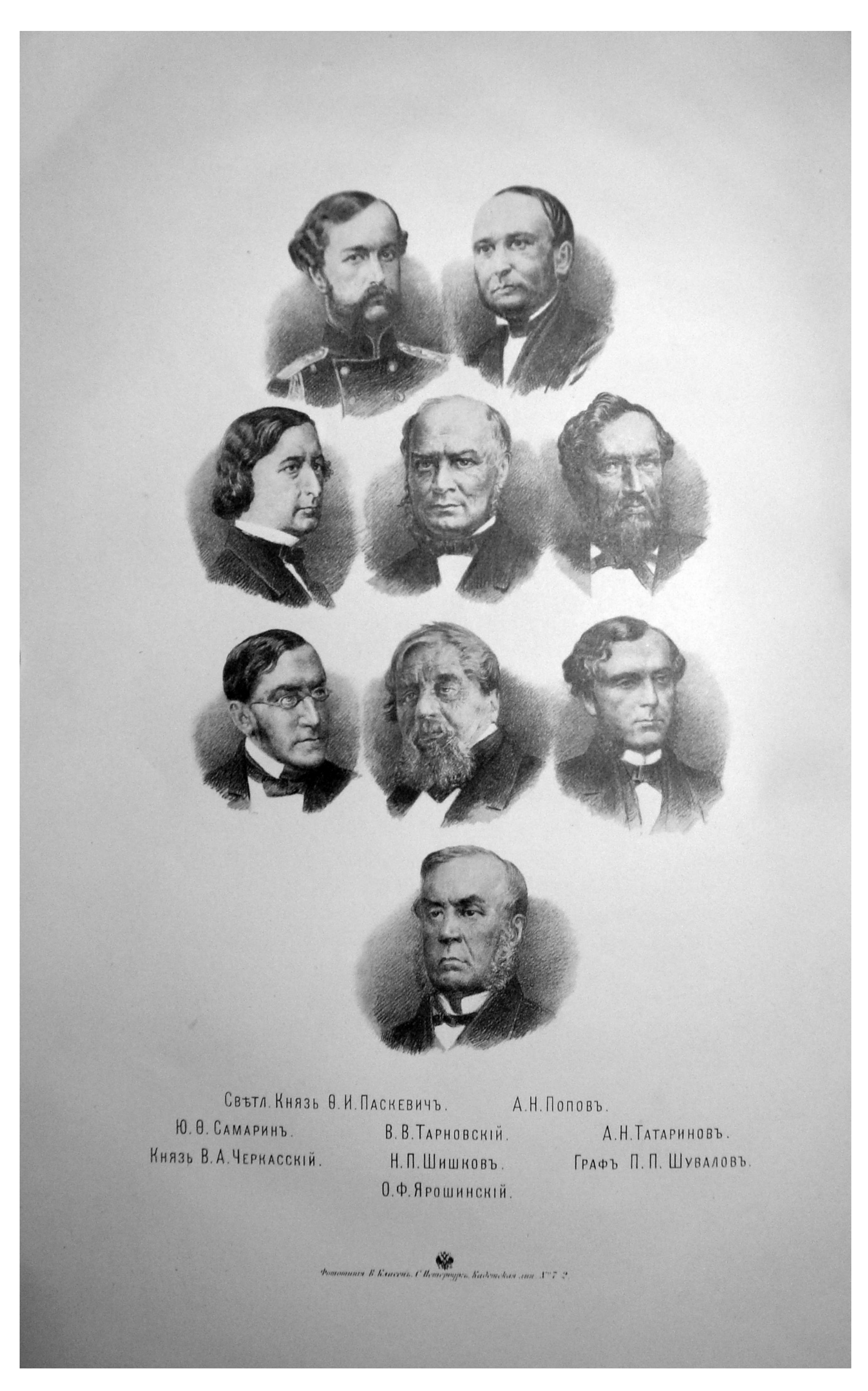
[д-1] русской — *вписано над строкой.*

[е-1] *Далее зачеркнуто*: соединению

[ж-1] *Далее вписано и зачеркнуто*: русла

[з-1] *Далее зачеркнуто*: нез<ависимо?>

[и-1] народной — *вписано над строкой.*

Деятели крестьянской реформы 1861 г.

законы и твердые, на потребностях и народном быте основанные учреждения могут остаться мертвыми, если нет достойных и живых людей; но с другой стороны, значительная масса полезных людей требует правильных и твердых учреждений и на справедливости[к-1] основанных законов, в них нуждается всякое благоустроенное государство, а что ж такое ломка народного быта и прочно укоренившихся госуд<арственных> учреждений, как не революция. Если ее производят народные массы сами по себе,[л-1] то это свидетельство дурного устроения и неудовлетворяемых народных[м-1] потребностей. Если же ее производят считающие себя умниками и стоящие[н-1] во главе так называемой[о-1] интеллигенции, то это только безумие. И то еще вопрос, если ломку производят признанные гении, как, например,[п-1] Петр Великий, то в их деятельности чего нарождается больше, добра или зла, верно только то,[р-1] что жить во времена их появления не совсем сладко, и в частной жизни что может быть тяжелее, как переход из хорошей, привычной[с-1] обстановки быта в худшую обстановку. Пошли только нам Господь из тягостного положения какой-то ерунды перейти в лучшее. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. Всей душой преданный, искренно Вас уважающий и в чувствах неизменный

Николай Семенов.[т-1]

Очень был бы утешен получить Ваши строки о ходе и успехе будущей статьи Вашей и для удостоверения, что это мое послание дошло до Вас верно. Ныне что-то утрачиваются письма нередко. На всякий случай: приведенные мною слова Ростовцова можете привести подлинником в Вашей статье, если понадобится, и сослаться для того на меня.

На конверте: *Заказное.*

Его Высокородию

Афанасию Афанасьевичу

Шеншину.

Москва. Плющиха, собственный дом, № 481.

[к-1] справедливости *вписано над зачеркнутым*: правде

[л-1] сами по себе — *вписано над строкой.*

[м-1] народных — *вписано над строкой.*

[н-1] и стоящие — *вписано над строкой.*

[о-1] так называемой — *вписано над строкой.*

[п-1] например — *вписано над строкой.*

[р-1] то — *вписано над строкой.*

[с-1] привычной — *вписано над строкой.*

[т-1] *Далее записано на полях стр. 8 и 1.*

Внизу рукой Фета: От Н. П. *Семенова*
12-го февраля 1886 года.

На обороте конверта рукой Фета: 1862 г. Авг. № 8.
Почтовые штемпели: 1) 14 февраля 1886, Петербург; 2) 15 февраля 1886, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 17–20 об.; конверт — л. 21.

[1] Семенов имеет в виду присланные ему издания: Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета (М., 1886) и два новых перевода Фета из Шопенгауэра, вышедших одной книгой в Москве в 1886 г. в типографии А. И. Мамонтова: *Шопенгауэр А*. О четверном корне закона достаточного основания. Философское рассуждение. О воле в природе. Исследование подтверждений со стороны эмпирических наук, полученных философией автора со времен своего появления (ценз. разрешение: 10 декабря 1885 г.). Перевод был посвящен Н. Н. Страхову.

[2] Речь идет о труде «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу», вышедшего в трех томах (3-й том в двух книгах) (СПб., 1889–1893). См. также примеч. 3, 6 к п. 7.

[3] Накануне пересмотра действующих законов, установленных после реформы 1861 г., редактор газеты «Русь» И. С. Аксаков счел необходимым опубликовать замечания своего старшего брата Константина на доклады Административного отделения Редакционных комиссий по поводу грядущих реформ, составленные Ю. Ф. Самариным, Н. А. Милютиным и В. А. Черкасским в 1859 г. Свои замечания Аксаков оформил также в виде писем к А. С. Хомякову и В. А. Черкасскому, последнее было написано особенно резко. Говоря, о том, что в докладе № 5 обнаружилось посягательство на самую сущность «міра», Аксаков писал, что авторы доклада осмелились «наступить на то начало, которое составляет самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласие. Вы вводите *большинство*, ту дикую, материальную силу, которая, большею частию из чувства рабского подобострастия перед Европою, не признается нами за такую, — большинство, столь противное духу русской земли» (Два письма и замечания К. С. Аксакова по поводу освобождения крестьян и их административного устройства // Русь. 1883. № 3. 1 февраля. С. 38). Признавая, что будущая «эманципация» будет полезна для дворян, которые «избавятся от унижающего их права помещичьей власти над другим человеком», Аксаков сомневался в том, принесет ли освобождение пользу крестьянам (не попадет ли крестьянин «из одной тюрьмы <…> в другую») (Там же. С. 34). Публикация в № 4 называлась: «Замечания К. С. Аксакова по поводу освобождения крестьян и их административного устройства» (Русь. 1886. № 4. 15 февраля. С. 20–34). Здесь, обсуждая вопрос о способе определения сельских обществ, Аксаков предлагал вести счет не по душам, а по дворам, на том основании, что это «народный счет», а счет по душам был введен «сперва татарскими ханами, а потом петербургскими властями, и именно первым императором Петром Великим» (С. 21), называть административные единицы не округами, а приходами (С. 22) и т. д. В подстрочных примечаниях от редакции уточнялось, какие предложения К. Аксакова были приняты, а какие отвергнуты. В № 5 «Руси» Аксаков обсуждал сроки службы должностных лиц, раз-

меры жалованья, отмену телесных наказаний, работу крестьянских судов и другие вопросы (Русь. 1883. № 5. 1 марта. С. 20–33). К. С. Аксаков успел рассмотреть полностью лишь семь докладов, смерть застала его над работой по восьмому докладу.

[4] О Н. Я. Данилевском см. примеч. 17 к п. 2 и примеч. 1 к п. 11.

[5] На указанной странице читаем: «…поселяне, соединяя дружно свои силы, часто устраивались и на свободных землях общинами, и хотя из общины они получали участки или выти, но большой определенности во владении и способе пользования землями тогда быть не могло. В отношениях к правительству, к общине, в которой все ее члены тянули во все общинные разметы и разруды, и к землевладельцу на первом плане стояла *рабочая сила*, представлявшая свою единицу — *тягло*» (*Семенов Н.* Освобождение крестьян в России и в Пруссии // *РВ*. 1862. № 8. С. 826).

[6] Семенов ссылается на фрагмент своих записок из деятельности Редакционных комиссий, которые печатались в «Русском вестнике». На замечание председателя о том, что при переводе расчета десятин с тягл на души будет ломка, «Николай Семенов добавил, что в продолжение исторической жизни русского крестьянства выработалась единица рабочей силы — тягло, которое и определяло размер земельного надела для помещика, по крайней мере в черноземной полосе России; что если уж предположено, чтобы помещики рассчитались с крестьянами землей по душам, то все-таки следовало бы, хотя бы в этих местностях, предоставить самим крестьянам отошедшую во владение всего общества от помещика землю делить между собой по тяглам, а не по душам, во избежание слишком мелкого дробления участков в будущем, дабы не ослабить нарушением векового обычая существования общин» (*Семенов Н.* Деятельность комиссий по крестьянском делу в общих присутствиях // *РВ*. 1885. № 7. С. 146–147).

[7] Речь идет о специальных бюллетенях работы Редакционных комиссий — «Журналы общественных присутствий», которые выходили в период подготовки реформы 1861 г.

[8] *Кусовы* — русский дворянский и баронский род, ведущий начало от петербургского первостатейного купца Василия Григорьевича Кусова (1729–1788). Матерью Я. И. Ростовцева была Александра Ивановна Кусова (1778–1843). О Ростовцеве см. примеч. 10 к п. 7.

[9] Сестра Я. И. Ростовцева Пелагея Ивановна (1799–1868) была замужем за купцом 1-й гильдии, директором коммерческого банка Александром Петровичем Сапожниковым (1786–1827), принадлежавшем к известному купеческому роду.

[10] *Милютин Николай Алексеевич* (1818–1872) — в 1859–1861 гг. товарищ министра внутренних дел, фактический руководитель работ по подготовке крестьянской реформы, пользовался большим авторитетом в либеральной среде.

[11] Князь *Черкасский Владимир Александрович* (1824–1878) — видный государственный деятель, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г в России и 1864 г. в Царстве Польском. Дружба с Ю. Ф. Самариным и другими славянофилами определяла его близость к этому лагерю.

[12] *Самарин Юрий Федорович* (1819–1876) — философ, публицист, историк, общественный деятель, автор трудов о прибалтийских землях, входивших в состав Российской империи. Один из активных участников реформы 1861 г., член Редакционных комиссий.

[13] *Валуев Петр Александрович* (1815–1890) — в 1861–1868 гг. был министром внутренних и дел и руководил земской и цензурной реформами.

[14] *Соловьев Яков Александрович* (1820–1876) — активный член Редакционных комиссий, ближайший сотрудник Н. А. Милютина, по чьей рекомендации в 1864 г. назначен членом Учредительного комитета по крестьянским делам в Царстве Польском.

[15] Статья К. Ф. Головина (1843–1913) публиковалась с октябрьского номера 1885 г. по февральский 1886 г. в «Русском вестнике». Позднее в расширенном виде вышла отдельным изданием: «Сельская община в литературе и действительности» (СПб., 1887). В ней Головин не без основания замечал, что «община сделалась у нас вопросом партии, <…> из научной области она всецело перешла в политическую», указывая при этом, что подобный политизированный подход, в частности попытки увидеть в общине зародыш социалистической ячейки, лишь уводит от истинного смысла (*РВ*. 1885. № 10. С. 602–603). Семенову могло не понравиться, что Головин, сравнивая эффективность общины с западноевропейским опытом, отдает предпочтение последнему. В то же время его не могла не привлечь мысль Головина о том, что попытка Кахановской комиссии ввести в сельское общество элемент бессословности не имела смысла (Там же. С. 619).

14

Фет — Семенову

16 февраля 1886 г. Москва

Москва, Плющиха, собств. дом. № 481. — 16 февраля 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович,

Ваши дорогие строки застали меня вчера вечером совершенно развинченного и почти слепого, но, невзирая на увещания жены, которая усердно благодарит Вас за любезное приветствие, я надел очки и прочел все мелкое письмо от начала до конца с величайшим вниманием. Конечно, я воспользуюсь Вашими дорогими указаниями, а равно и любезным разрешением напрямик указать на Вас как на первоначальный источник мысли, озаряющей, по моему мнению, весь наш исторический быт. Вы совершенно правы, говоря, что слово «тягло» не есть какое-либо модное и небывалое; оно звучало еще над нашей купелью и только литераторы писали «тысячу душ»,[1] а хозяева между собою говорили 250 тягол. Ведь и яйца были, вероятно, уже на райских деревьях и сотрапезники Колумба, вероятно, воскликнули: «Э! так-то мудреного нет!» Но без Колумба все-таки по сей день никто не поставил бы яйца на носок. Как для физиолога важно знакомство с отдельною клеточкой

для уразумения всех органических тел, как одна ячейка объясняет все устройство улья, так точно тягло, вследствие указания Вашего, должно послужить основой всей моей статьи, к написанию которой не могу приступить раньше деревни, ибо в настоящее время кончаю перевод 15-й и последней книги Овидиевых «Превращений».[2] Поэтому, прежде всего я нуждаюсь в точном определении слова «тягло». По-моему, тягло *есть неделимая экономически-самобытная единица обязательного земледельческого труда.* Кажется, что под это определение нельзя подвести никакого другого деятеля, начиная с простого работника, так как он экономически не самобытен. Я бы был очень счастлив, если бы услыхал более точное определение.

Душевно радуюсь восстановлению Ваших сил и следовательно возможности продолжать Ваш капитальный труд.[3]

Всего обиднее, когда глаза отказываются служить.

С глубочайшим уважением и признательностью прошу верить искренной преданности

Вашего покорнейшего слуги
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 21–22 об.

[1] Имеется в виду роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ», впервые опубликованный в журнале «Отечественные записки» в 1858 г.

[2] 15 книг превращений Овидия в переводе Фета вышли в свет в 1887 г.

[3] См. примеч. 3 к п. 7.

15

Фет — Семенову

Апрель 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д. Апрель 1886 г.
станция
Коренная Пустынь.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вот уже я с недугами моими перебрался, как видите, в деревню, хотя ежедневно в духе моем пребываю с Вами. Все это время я занят был обдумыванием как содержания, так и самого построения моего неболь-

шого храма русской Весты, огонь которой я непосредственно получил из Вашей благонадежной руки.[1] Я никогда и не думал писать обширной статьи по этому предмету, во-первых потому, что не обладаю для такого труда достаточным материальным знанием, а во-вторых потому, что у нас читатели вообще, а власть имеющие в особенности, для которых статья и предназначается, обширной статьи читать не станут. Мне кажется, что статья моя, в сущности, есть развитие Вашей мысли, выраженной в письме ко мне, что «единица рабочей силы есть тягло, единица правления — Царь, а единица миротворения — Бог». Сегодня, как мне кажется, я окончил мою статью, не превышающую размера двух печатных листов «Русского вестника». Так как рукою моею, в данном случае, водит не писательство, а лишь желание общей пользы, то я и решился не печатать ее без предварительной Вашей цензуры. Зная, как Вы заняты в Петербурге, буду выжидать Вашего разрешения переслать Вам статью ко времени переезда Вашего в Ряжск, с. Урусово. Конечно, я был бы счастлив, если бы мое воззрение на дело математически совпадало с Вашим, но я прошу Вас, на всякий случай, высказать мне откровенно Ваше мнение о достоинстве статьи, даже и в том случае, если бы она какою-либо стороной выбегала из круга Вашего идеала. Если Вы найдете ее или совершенно, в литературном отношении, слабой, или в каком-либо отношении вредной, то я без сомнения откажусь от ее печатания, ибо уверен, что, по Вашему указанию, снова приобрету верное воззрение на дело. За свою грешную прозу я никогда не требую никакого гонорара, но помещение статей у Каткова, при многочисленных его занятиях, затруднительно. Он читает все лично, а времени нет, поэтому, в случае одобрения Вашего, я прошу Вас, если это только Вас не затруднит, черкнуть Каткову два слова, что Вы читали статью; это значительно облегчит мне ее напечатание.

Жена моя просит присоединить ее приветствие к выражениям глубочайшего уважения, с которым имею честь быть Вашим

покорнейшим слугой
А. Шеншин<ым>.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 23–24. В верхней части первой страницы письма рукой Н. П. Семенова: «2 мая 1886 г. послан ответ».

[1] Речь идет об утраченной статье Фета «Наше тягло». См. о ней во вступит. статье к наст. публикации.

16

Семенов — Фету

1 мая 1886 г. Петербург

С.-Петербург. 1 мая 1886 года.
Вас. остр. 6-я линия,
дом № 39.

Дорогой и душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Христос воскрес! Примите мое запоздавшее поздравление с Светлым[а] праздником[1] и желание благ земных и успехов во всем, а паче всего здоровья, в наш возраст столь нужного и драгоценного, и притом простите великодушно, что не собрался до сего дня ответить Вам на Ваше последнее письмо. Меня душила моя работа, особенно последние недели, перед сборами к отъезду в деревню. Хотелось доделать урок; но все-таки не удалось довести 2-й период или 2-ю книгу до окончания, осталось из этого[б] периода 13 заседаний[2] еще — работа почти на всю осень до праздников Рождества. Уезжая в деревню, я вынужден прерывать ее, потому что трудно перетаскивать на 4 месяца порядочную библиотеку по крестьянскому делу; а главное, боюсь как-нибудь потерять в перевозке драгоценные источники, которые отчасти в единственном экземпляре. 5 мая надеюсь тронуться в деревню. Адрес мой туда *Рязанской губернии* в город *Ряжск, в село Урусово*. 4-ре дня придется пробыть в Москве и день или 2 в Рязани по делам, так что 14-го —15 мая думаю быть[в] на месте. Но мы люди не свободные. Отпуск, о котором просил, может меня задержать. Тогда выеду 10 мая, и все-таки около 15-го надеюсь быть в деревне.

Доселе я и не мог определить времени моего[г] отъезда; это тоже было причиной, почему я отлагал мой ответ. Теперь Вы можете ближе сообразиться, как выслать мне Вашу статью, которая меня очень интересует. Размер ее, по Вашему письму, самый удовлетворительный, ибо если писать пространно, то многие не прочтут. Чем строже и доказательнее

[а] Светлым — *вписано над строкой.*

[б] этого — *вписано над строкой.*

[в] *Далее зачеркнуто*: там

[г] *Было*: своего

в развитии идей такие статьи, тем сильнее они действуют на большинство, а это, конечно, их главная цель, а что касается литературной формы, то можно ли сомневаться в достоинстве этой статьи, когда она вышла из-под Вашего пера.

В зимний свой приезд Мих<аил> Никиф<орович> Катков навестил меня, а теперь на Святой, когда он приезжал сюда и захватил Фоминой, я видел его два раза. Раз был у него, а другой виделись на свадьбе[д] дочери Ив<ана> Алексеев<ича> Вышнеградского,[3] нового члена Госуд<арственного> Совета. Приездом сюда Мих<аил> Никиф<орович>[е] был доволен. В день приезда уж занемог от простуды и два дня пролежал в постели, поэтому все приезжали к нему, и ему не пришлось разъезжать целые дни, другими словами, гранить мостовую. Пробыл он около недели; но политикой внутренней не был доволен, а внешней еще менее. Он приостановился печатанием моих статей по крестьянскому делу с августа прошлого года,[4] и я толком не мог все-таки добиться, отчего это,[ж] хотя он и сказал, что статьи эти не журнальные, т. е. имеют всегдашний интерес, и что их нужно печатать с паузами и торопиться с статьями, имеющими временный интерес; но пауза была довольно длинная и статьи печатались не более 2-х листов в нумере «Рус<ского> вестн<ика>».[з] Притом мне говорил некто Сикевич, председ<атель> от короны мирового съезда в Сувалках,[5] что эти мои статьи приобрели там трех подписчиков «Русскому вестнику», и притом от провинциалов слышу, что они интересуются очень и спрашивают, отчего печатание их прекратилось. Мной сдано в редакцию приблизительно в 2 или 1½ раза более того, что было напечатано, т. е. вся первая часть, или 1-й период занятий до конца, а между тем я бы желал приступить с осени к печатанию этого 1-го тома, собрав все то, что было мной печатано в «Русск<ом> же вестнике» и[и] в 1864 и 1866 году,[6] что относится также к 1-му периоду занятий Комиссий. Теперь я связан. М. Н. Катков окончательно просил меня переговорить с ним[к] в Москве, где всё под рукой. В апрельскую книжку моя статья была назначена от редакции; но он отменил. Увидим, что будет. Когда он был у меня зимой, то настоятельно просил на-

[д] *Далее зачеркнуто*: у

[е] Мих<аил> Никиф<орович> — *вписано над строкой.*

[ж] это — *вписано над строкой.*

[з] *Вместо зачеркнутого*: № *над строкой вписано*: нумере «Рус<ского> вестн<ика>»

[и] и — *вписано над строкой.*

[к] *Далее зачеркнуто*: окончательно

писать статью о тягле и судьбах крестьянства при теперешнем развитии дела. Я сказал, что не могу зимой отрываться от своего дела, а летом, если будет[л] возможно, ибо я там свои статьи исправляю, дополняю[м] и проч., то постараюсь. Моя статья, если удастся написать, будет дополнением и развитием Вашей; так, как Ваша моей, так я себе это представляю, ибо буду писать по источникам, также желательно написать коротко в соответствии и в духе моей статьи «Наши реформы». У нас здесь приятного немного — по городу ходят: скарлатин, корь и дифтерит. С братом и сестрой[7] у нас карантин. У сестры дочь,[8] моя крестница, девица 22 лет, только оправляется после скарлатины (6 недель сегодня минуло), у брата один из меньших сынов в кори несколько дней.[н,9] Госуд<арственный> Совет протянет еще до 1 июня свои заседания, а больше все смотрят в леса и поля, а за границу, излюбившие чужие страны, уж и отъехали. В Москве, говорят, тиф, и пятнистый. Государя ждут в Москву 12 мая, говорят, в Ильинское к В<еликому> К<нязю> Сергию[о] Александровичу,[10] а сюда, говорят, Государь прибудет 17 мая и прямо в Петергоф.[11] Потрудитесь передать супруге Вашей мое сердечное приветствие и поздравление с минувшими праздниками. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
По *Московско-Курской* железной дороге на
станцию Коренную Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) 2 мая 1886, Петербург; 2) 3 мая 1886, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 21–23 об.; конверт — л. 24. На обороте конверта надпись карандашом неизвестной рукой: «Семенова».

[1] Праздник Пасхи приходился в 1886 г. на 13 апреля.

[2] Имеются в виду заседания Редакционных комиссий по подготовке реформы 1861 г.

[л] будет — *вписано над строкой.*

[м] дополняю — *исправлено вместо*: добавляю

[н] несколько дней — *вписано над строкой.*

[о] В. К. Сергию — *вписано над зачеркнутым*: Алексею

[3] *Вышнеградский Иван Алексеевич* (1831/1832–1895) — почетный член Петербургской Академии наук, основатель научной школы конструирования машин. В 1886 г. был назначен членом Государственного совета по департаменту государственной экономии, в 1887 г. — управляющим министерством финансов, сменив на этом посту Н. Х. Бунге, а в 1888 г. стал министром финансов. Несмотря на его усилия, финансовое положение России при нем не улучшилось, а государственный долг возрос. В письме к Н. Я. Данилевскому от 29 ноября 1883 г. Страхов называл Вышнеградского «моим школьным товарищем и одним из умнейших людей России» (*РВ*. 1901. № 3. С. 126), а В. В. Розанову он писал 30 января 1891 г.: «…я отлично знаю не только его способности, но и то, что сердце у него чистое и высокое» (цит. по: *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. М., 2000. С. 174).

[4] В 1885 г. в «Русском вестнике» было напечатано четыре статьи Семенова под заглавием «Деятельность Комиссии по крестьянскому делу в Общих присутствиях» (№ 5–8), вошедшие впоследствии в первый том книги «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» (СПб., 1889).

[5] *Сикевич Владимир Мелентьевич* (1834–1918) — писатель и общественный деятель. Окончил Киевский университет св. Владимира (1861), служил в канцелярии генерал-губернатора в Петербурге, сотрудничал в «Петербургском листке». Затем — мировой посредник в Киевской губ., председатель съезда мировых судей в Сувалках (Северо-западный край, с 1867 г. губернский город, ныне на территории Польши).

[6] Семенов имеет в виду статьи «Деятельность Я. И. Ростовцева в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу» (*РВ*. 1864. № 10–12) и «Болезнь и кончина генерала Ростовцева» (Там же. 1866. № 2).

[7] Брат — Петр Петрович Семенов (впоследствии Тян-Шанский; 1827–1914) и сестра Наталья Петровна (в замуж. Грот; 1825–1899), писательница, критик, переводчица, мемуаристка.

[8] Имеется в виду *Елизавета Яковлевна Грот* (в перв. браке Вюрст, во втор. — Кулакова; 1863–1932).

[9] «Один из меньших сынов» П. П. Семенова — возможно, сын от второго брака Вениамин (1870–1942), упомянувший в своих воспоминаниях о внезапной болезни, приключившейся с ним в 1886 г. (*Семенов-Тян-Шанский В. П.* То, что прошло: В 2 т. М., 2009. Т. 1: 1870–1917. С. 214), или болезненный младший сын Ростислав (1878–1893).

[10] *Ильинское* — подмосковное имение близ Архангельского, с 1864 г. царская резиденция супруги Александра II Марии Александровны; ранее принадлежала нескольким владельцам, в том числе В. И. Стрешневу, брату царицы Евдокии, жены Михаила Федоровича, с 1811 г. — графу А. И. Остерману-Толстому. После смерти Марии Александровны имение перешло к в. кн. Сергею Александровичу. Александр III, с детства полюбивший Ильинское, нередко гостил у брата.

[11] *Петергоф* — город в окрестностях Петербурга, императорская резиденция, основан в 1710 г. Петром I.

17

Фет — Семенову

17 мая 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д. 17 мая 1886 г.
станция
Коренная Пустынь.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

С самыми разнообразными чувствами высылаю по любезному указанию Вашему мою статью,[1] четко переписанную, так что она затруднить Вас чтением не должна. Постепенное ослабление зрения и общий упадок сил, вероятно, вскорости сделает для меня всякую серьезную работу невозможной; между тем, пока человек жив, в нем жива и потребность высказать то, что он считает истинным и полезным. Конечно, обобщение фактов для приискания нормы преднамеренных действий составляет потребность мыслящего ума и требует от искателя самого обширного знания всех явлений, внутренний смысл коих он старается объяснить. С этой стороны мои скудные сведения не могут идти ни в какое сравнение с Вашим юридическим и вообще социологическим богатством и, при известии, что Вам предстоит писать на ту же тему, я бы должен просто сжечь свою статью, по той же дилемме, на основании которой Омар сжег Александрийскую библиотеку.[2] Но если бы мы ограничивали в жизни наши действия только предметами, хорошо известными науке, то у нас не было бы ничего, начиная с обеда и кончая электрическим телеграфом. Тут ежедневный опыт служит нам руководителем, и вот этот-то горестный долговременный опыт наглядно убеждает меня, что без бывших посредников и одноцентренности власти мы с каждым шагом все далее будем приближаться к анархии и окончательному банкротству.

С моей точки зрения, приговор Ваш над моею статьею решит участь не только дальнейшего моего стремления по этому пути (что нисколько не важно), а судьбу самого этого направления, судьбу того «домой», на которое так смутно указывал Аксаков.[3] Если и на самых вершинах интеллигенции мысль эта не может пробить себе пути, то надо придти к заключению, что она в историческом смысле пройти и не должна, так как она прямо противоположна тому направлению, по которому слепо, не спросясь броду, насильственно направлено было освобождение крес-

тьян. Если же, сверх чаяния, мое развитие Вашего драгоценного указания заслужит Ваше одобрение, то не откажите переслать мою рукопись в редакцию «Московских ведомостей», в сопровождении пары слов с Вашей стороны, в неблагоприятном же для статьи моей случае, я решаюсь просить Вас о высылке ее под бандеролью на станцию «Коренная Пустынь».

Излишне прибавлять, что никакой суд Ваш о моих писаниях никогда не изменит того глубокого уважения, с каким навсегда пребуду

Ваш покорнейший слуга
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 25–26. На первой странице письма рукой Н. П. Семенова: «Ответ послан 14 июня 1886 г.».

[1] Имеется в виду статья «Наше тягло». См. о ней п. 12 и примеч. 3 к нему, а также во вступит. статье к наст. публикации.

[2] *Александрийская библиотека* — крупнейшее собрание папирусных свитков, основана египетским царем Птолемеем II, сгорела частично в 47 г. до н. э. во время похода Юлия Цезаря, частью была разрушена в 391 г. По одной из легенд, приказ об уничтожении библиотеки был отдан Омаром — Умаром ибн аль-Хаттабом (585–644), вторым халифом арабского халифата, его называли также Омаром I.

[3] Передовая статья И. С. Аксакова, призывавшая нового царя Александра III перенести столицу из Петербурга в Москву, которая начиналась следующими словами: «Да, в Москву, в Москву призывает теперь своего Царя вся Россия!.. Пора домой!» (Русь. 1881. 10 марта. С. 1–2. Особое прибавление к № 17).

18

Фет — Семенову

5 июля 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д. 5 июля 1886 г.
станция
Коренная Пустынь.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

Еще 18-го мая в страховом пакете я переслал по имеющемуся у меня Вашему деревенскому адресу свою статью «Наше тягло» и отдельное

письмо с покорнейшей просьбою улучить минутку для прочтения статьи и, в случае одобрения, переслать ее Каткову, в противном же случае, возвратить мне.[1]

Не получая по сей день никакого по этому предмету известия, я теряюсь в догадках и, при совещании моем с Николаем Николаевичем Страховым, радующем в настоящее время нас своим посещением,[2] мы пришли к убеждению, что если и произошла на почте пропажа письма, то гораздо вероятнее одного Вашего, чем двух моих раздельных пакетов. В таком соображении решаюсь беспокоить Вас моею покорнейшей просьбою почтить меня двумя строками насчет судьбы моей рукописи, чем бесконечно меня обяжете.

Почерпая лишь из газет отрывочные сведения о других местностях, я не в состоянии судить о экономическом положении Вашего хозяйства в нынешнем году, с своей же стороны, как здешними, так и воронежскими делами[3] хвалиться не могу; главная опора — пшеница, можно сказать, совершено пропала и от гололедицы, и от гессенской мухи. К тому же усиливающаяся слабость глаз все более дает себя чувствовать, но урывками все-таки я успел перевести почти всего Проперция.[4]

Мы оба с женою просим Вас принять наши усердные поклоны, а я, зная, что Яков Карлович[5] Ваш сосед, прошу Вас засвидетельствовать ему мое неизменное внимание.

Примите уверение в глубочайшем почтении, с каким остаюсь

Вашим покорнейшим слугой
А. Шеншин<ым>.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 27–28. На первой странице письма надпись: «14 июля 1886 г. послан ответ».

[1] См. п. 17.

[2] Н. Н. Страхов (см. о нем примеч. 21 к п. 2) гостил в Воробьевке с 26 или 27 июня 1886 г., затем он отправился к Толстым в Ясную Поляну.

[3] В Воронежской губ. Землянского уезда Фет владел имением Грайворонка (Васильевка), с конным заводом, которые были приобретены у брата Петра Афанасьевича Шеншина.

[4] Элегии Секста Проперция в переводе Фета начали печататься в «Журнале Министерства народного просвещения в 1888 г. (№ 5. Отд. классич. филологии. С. 10–48). Подробнее об истории этой публикации см. переписку Фета с Л. Н. Майковым в наст. томе.

[5] О Я. К. Гроте см. примеч. 19 к п. 3.

19

Семенов — Фету

14 июля 1886 г. Урусово

С. Урусово. 14 июля 1886 г.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Третьего дня я получил письмо Ваше от 5-го сего июля и спешу отвечать. 14-го июня я сам собственноручно сдал в *Лебедяни* мое письмо к Вам, порядочно длинное, на почту.[а] Можете представить, какая досада берет, когда такие письма не доставляются. Я полагаю, что тут происходит мошенничество, как-нибудь склеивают марки. С письмом к Вам мною сданы были еще 3 письма, и, вероятно, они[б] тоже пропали. Каково это. Я между прочим писал Вам (всего не припомню), что письмо Ваше и рукопись получил, но рукопись не тотчас, потому что по повестке из Ряжска, от которого до нас 40 верст. Теперь у нас в селе Урусове[в] открыта настоящая казенная почта и пока приходит и отходит аккуратно по вторникам и субботам, так что на почту собственно нам посылать в Ряжск уже не нужно. Развернув посылку, я тотчас принялся за чтение и, не вставая со стула, прочел залпом все. Статья очень симпатична, но я остановился на одном месте, где критикуется община, и это возбуждает у меня недоразумение, которое я положил себе разъяснить еще вторичным более внимательным прочтением статьи, чего, однако, не успел еще сделать до сего дня, потому что ездил гостить на две недели к моему лицейскому товарищу Никол<аю> Вас<ильевичу> Пальчикову в его имение в 10 верстах от Лебедяни,[1] почему и письмо мое к Вам было сдано мной, когда ехал туда, по дороге, в Лебедяни; но судьба не допустила его доехать до Вас. По возвращении я так запустил свои работы, что пришлось подогнать себя, и я едва часа на полтора в сутки выходил в сад, поджидая от Вас ответа, вместо того получаю уведомление, что Вы в естественном недоумении. Вот наши порядки. Тут меня замучили еще невозможные по своему исходу дела с мировым и окружным судами. Некогда описывать вам всего,[г] потому что было бы слиш-

---

[а] на почту — *вписано над строкой.*

[б] *Далее зачеркнуто*: были

[в] Урусове — *вписано над строкой.*

[г] всего — *вписано над строкой.*

ком[д] длинно; но стоило бы напечатать такие казусы. Дело кратко состоит в том, что негодяй и мошенник, которого я имел несчастие иметь у себя несколько лет управляющим и вынужден был удалить в 1883-м году весной,[е] подал жалобу сначала в окружной суд, потом мировому, что я, сын мой,[ж] брат и сестра Грот,[2] соседи князь Кропоткин,[3] генерал-майор и член тульского[з] окружного суда Бабин[4] в бумаге, писанной нами (в качестве членов попечительства нашей Урусовской церкви) к архиерею, будто бы оклеветали его, и требует без обиняков, чтобы на основании 152-3 статьи уложения всех[и] нас заключили в тюрьму на 8 месяцев, т. е. в высшей мере. В этой бумаге он между прочим пишет, что мы присвоили себе не подлежащие звания, что попечителями церкви он нас не признает,[к] а будет именовать нас частными лицами, и поэтому требует как частных лиц привлечь нас за клевету, вырывает две фразы из нашей официальной бумаги, в которой, впрочем, об нем и не упоминается, и сам утверждает только,[л] что под этими фразами *подразумевается он*, следоват<ельно>, это даже и не подходит под квалификацию клеветы, по уложению, далее в своей[м] жалобе этот негодяй и пьяница возводит на нас в самых дерзких выражениях клевету и[н] пишет между прочим, что меня с сыном (старшим) он привлечет к суду еще за *ложный донос*. Окружной суд рязанский принимает эту невозможную кляузу и только находит, что жалоба подана *преждевременно*, так как[о] в окружном суде дела уголовные прямо и непосредственно не начинаются, и указывает ему путь, вследствие того жалоба подается мировому судье. Наш мировой требует нас всех из[п] Петербурга, открытыми повестками каждому: *Угол<овное> дело* (это печатно), далее крупным шрифтом: *Обвиняемому тайному советнику* такому-то[р] *в клевете* к судебному разбирательству в Раненбург, наконец, этот плут, который составляет шайку с некоим

[д] слишком — *вписано над строкой*.

[е] и вынужден ~ весной — *вписано над строкой.*

[ж] сын мой, — *вписано над строкой.*

[з] тульского — *вписано над строкой.*

[и] всех — *вписано над строкой.*

[к] *Далее зачеркнуто*: что

[л] и сам утверждает только — *вписано над зачеркнутым*: почему сам он пишет только

[м] *далее зачеркнуто*: бу<маге?>

[н] и — *вписано над строкой.*

[о] как — *вписано над строкой.*

[п] из — *вписано над строкой.*

[р] такому-то — *вписано над строкой.*

колл<ежским> регистр<атором> Дмитриевым, который за обманы и шантаж был исключен из списка частных поверенных Раненбургским мировым съездом и тем не менее пишет кляузы, ябеды, обирает мужиков, объявляя себя перед ними аблакатом, и, несмотря на все это, дела наши с этими разбойниками всё продолжаются вот уже года три; *надо отписываться*. До чего ж мы дожили, вот я Вас и вспоминаю, когда Вы в первом Вашем письме ко мне писали, что развитие бумажного производства и формальности сделало с мировыми учреждениями то, что от них нам стало хуже, а не лучше.[5] Возвращаюсь к Вашей статье,[6] отсылкой которой в редакцию[с] Мих<аила> Ник<ифоровича> Каткова я, как видите, не торопился; думаю, что для того и[т] нет особой причины, потому что лучше, чтобы она печаталась не в летних книжках. Сверх того, должен Вам объяснить, что, выехав из Петербурга 7-го мая, 8-го того же мая я обедал у Мих<аила> <Ни>кифор<овича>, и он сильно просил меня написать мою статью по крестьянскому вопросу в pendant к моей статье «Наши реформы»; я не мог обещать; потому что не могу прерывать на месяц или более моего тяжкого труда, которому конца и без перерывов не вижу, и чем далее, тем он серьезнее становится, и кончить его необходимо. Подумайте, ведь три тома, приблизительно в 40 печатных листов каждый, а болезнь моя конца минувшего года отняла у меня совсем[у] 2½ месяца от занятий, а мало ли какие житейские препятствия могут еще помешать, время же идет стрелою и к не развитию, а упадку сил, — я и предупредил Мих<аила> Никиф<оровича> о Вашей статье и предложил ему ее, он очень был рад, выразив мне свое удовольствие. Теперь вопрос, что лучше, послать ли ему Вашу статью от меня по почте или вручить мне ее самому при возвращении моем в Петербург, когда буду в Москве; на это-то я и ожидал Вашего ответа на посланное мною к Вам[ф] письмо. Напишите, что об этом думаете и как желаете. Должен мимоходом Вам сказать, что Катков меня мучает. Дело в том, что осенью я желал бы приступить к печатанию моего труда отдельно, т. е. к изданию 1-го тома, которого рукопись сдана в редакцию «Русск<ого> вестника». Напечатано ее там всего 10 листов, и сначала были разговоры о том, чтобы к 19 февраля[х] сего года кончить печатание всего; между тем в прошлом году, 1885-м, статья шла с мая по

[с] в редакцию — *вписано над строкой вместо зачеркнутого*: я до сих по<р>

[т] и — *вписано над строкой.*

[у] совсем — *вписано над строкой.*

[ф] к Вам — *вписано над строкой.*

[х] февраля — *вписано над зачеркнутым*: октября

август, в 4-х книжках и затем печатание было прервано.[7] Теперь же мне Мих<аил> Ник<ифорович> объявил, что просит меня не стеснять его никак временем, что он обязал себя перед публикой давать ей статьи дня, имеющие преходящий интерес и касающиеся насущных интересов дня, а исторические статьи, или хроники, весьма драгоценные для будущего и хотя бы очень интересные, он может печатать изредка, я ему представил свое положение и то, что о развитии крестьянского вопроса очень мало известно, что то, что я ему предложил, хотя это и есть историческая хроника, но она имеет современный[ц] интерес и характер и должна осветить многие стороны дела, далеко еще не завершенного в отношении внутренней политики, просил его, чтобы он держал меня хоть приблизительно в известности, когда он будет продолжать печатание, в скольких книжках в год он может дать место моим статьям. Он отвечал, что для этого надо знать, сколько моей рукописи и т. п. Я вошел, по его распоряжению, в сношение с Клюшниковым,[8] редактором «Русского вестника». Сочли, оказалось моей рукописи (того, что не напечатано еще) от 15 до 17-ти печатных листов, уговорились, что в июльской книжке мои статьи пойдут опять, а вот вышла и июльская книжка и нет ничего. Опять объясняться при возвращении в Петербург, это меня совсем подрезывает. Время уходит. Я нашел себе издателя — Комарова М. Е., который издал «Дарвинизм» Ник<олая> Яковл<евича> Данилевского.[9] Притом 1-й том необходимо мне напечатать при моей жизни, ибо надо привести его в несколько иной порядок, чем он печатался в «Русском вестнике», а теперь приходится или взять назад у Мих<аила> Ник<ифоровича> остальную часть моей рукописи или ждать неопределенное время и Бог знает когда приступить к изданию, тогда как эти вещи откладывать не должно и ковать железо, пока есть случай. Пишешь, не щадишь себя для общественной пользы, а там еще хлопочи, как издавать, расходуйся и т. д.[ч] Нехороша для нас[ш] литература, как и прочие у нас порядки,[щ] и крайне невыгодна, если она[ъ] не обратится в счастливое, т. е. удачное,[ы] ремесло, особенно когда нет лишних средств, а когда обратится в выгодное ремесло, прощай свобода мысли.

[ц] *Далее зачеркнуто*: еще

[ч] и т. д. — *вписано над строкой.*

[ш] для нас — *вписано над строкой.*

[щ] как и прочие у нас порядки, — *вписано над строкой.*

[ъ] она — *вписано над строкой.*

[ы] т. е. удачное — *вписано над строкой.*

На днях получил задушевное и драгоценное для меня обстоятельное письмо Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова из Мшатки от 11 июля об оставшихся от покойного моего друга Ник<олая> Яковл<евича> Данилевского отрывков его трудов;[10] но не знаю, куда к нему писать, сколько он у Вас пробудет и[ь] сколько у Льва Никол<аевича> Толстого.[11] Будьте добры меня уведомить, куда и как направляет он свой путь, а если паче чаяния это письмо застанет его еще у Вас, то передайте ему, что я его крепко обнимаю и, когда буду знать, что он уж в Петербурге, напишу ему, а сын мой старший еще не приехал сюда, арестованный, так сказать, службой, и не надеется быть ранее конца июля — это потрудитесь передать Николаю Николаевичу Страхову.

Теперь[э] случайно удалось мне приобрести интересную книгу (2 томика) Drumont «La France Juive».[ю] Он обещает издать еще «L'Europe Juive».[я,12] Книга «La France Juive» есть история того, как евреи завладели Францией. Она сильно разошлась в Европе. У автора была за нее дуэль с евреем, конечно, Вы об этом уже знаете из газет;[а-1] это исследование, несомненно, многим раскроет глаза на жидовскую язву и обратит на нее внимание правительств, если это еще не поздно. Теперь перейду к нашему сельскому хозяйству. Пшеница озимая, как и у Вас, у нас неважная, впрочем средняя, а местами начисто пропала. Так у меня на 26 десятин сороковых совсем пропала на 6-ти десятинах, которые, по счастью, были подсеяны с весны просом, оно у нас так удалось этот год, что превосходит другие хлеба. Рожь очень хороша, овсы хороши, гречихи, которые последнее время, т. е. лет 15, перестали родиться, так что в счастливый год отдают только семена, нынешний год даже очень хороши; но у меня, к сожалению (при запашке 120 десятин сороковых в поле), была посеяна только 1 десятина и очень зато хороша. Только вот наша беда нынешнего года: глаз видит, а зуб неймет. Рожь решительно поспела; между тем вот недели две, как непрерывно идет дождь каждый день и по ночам, то, как осенью, несколько часов сряду, то с грозой, ливнем. Земля не просыхает. В промежутки, чуть разгуляется, косят рожь. Разумеется, работа идет медленно, и, если не разгуляется скоро, мы не знаем, что соберем, а если не косить рожь уж теперь, то, как лишь совсем обсохнет, она начнет сыпаться, тогда не[б-1] упра-

---

[ь] и — *вписано над строкой.*

[э] *Далее зачеркнуто*: мне

[ю] Дрюмона «Еврейская Франция» (*франц.*).

[я] «Еврейская Европа» (*франц.*).

[а-1] из газет — *вписано над строкой.*

[б-1] тогда не — *вписано над зачеркнутым*: а между тем

виться с работой. Якову Карл<ови>чу Гроту передал Ваш поклон; он просил благодарить Вас за память и просил передать Вам свое сердечное приветствие. Он приехал сюда больной; но теперь поправляется — ему гораздо лучше. Здешний воздух несравним все-таки с столичным. Мое садоводство хотя и удовлетворительно; но задерживается от недосуга. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Пропавшее письмо мое было адресовано По *Московско-Курской* железной дороге, на станцию *Коренная Пустынь*. Это письмо, проученный почтой, посылаю заказным. Сестру мою очень интересуют все вопросы внутренней политики, поэтому, пользуясь моим 2-хнедельным отсутствием в Лебедянь, я дал ей прочитать Вашу статью,[6] пока прочтет ее и Яков Карлович. Я не считал это нескромностью, так как[в-1] она предназначена для публики.

На конверте: *З<аказно>е.*

Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
По *Московско-Курской* железной дороге, на станцию
Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) 15 июля 1886, Урусово Рязанск; 2) 15 июля 1886, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20289. Л. 25–28 об.; конверт — л. 29.

[1] *Владимир Николаевич Пальчиков* был соучеником Семенова по Царскосельскому лицею (выпуск 1842 г.). Этого же года выпуска был и друг Семенова Н. Я. Данилевский, и гр. Д. А. Толстой. Поселившись в своем родовом имении Тютчево Лебедянского уезда, Пальчиков, как и другие представители его фамилии, избирался почетным мировым судьей Лебедянского уезда.

[2] Подробности уголовного дела по жалобе бывшего управляющего Н. П. Семенова выявить не удалось. Старший сын Семенова — Петр Николаевич (1858–1912), брат — П. П. Семенов, сестра — Н. П. Грот.

[3] Имением в с. Урусово (в двух верстах от Рязанки) владел двоюродный брат известного географа и анархиста П. А. Кропоткина — князь *Петр Николаевич Кропоткин* (1831–1903), генерал-лейтенант, командир полка (1867–1874), командир 2-й бригады 3-й кавалерийской дивизии (1874), с 1889 г. в отставке (см.: *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Детство и юность. Пг., 1917. Т. 1. С. 44).

[в-1] как — *вписано над строкой.*

[4] *Иван Иванович Бабин* был сыном Ивана Александровича Бабина, владельца имения Бабино Данковского уезда Рязанской губ., известного скотовода, сделавшего много для улучшения пород крупного рогатого скота. Самого Ивана Ивановича, соседа Семеновых, в семье в шутку прозвали Ноздревым, по имени героя гоголевских «Мертвых душ», «за его постоянное вранье» (см.: *Семенов-Тян-Шанский В. П.* То, что прошло. Т. 1. С. 150).

[5] См. п. 1.

[6] Имеется в виду статья Фета «Наше тягло», о которой идет речь в предыдущих письмах.

[7] См. примеч. 4 к п. 16.

[8] Автор нашумевшего антинигилистического романа «Марево» (1864) *Виктор Петрович Клюшников* с 1883 по 1886 г. заведовал редакцией журнала «Русский вестник».

[9] Речь идет об исследовании Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб.: изд. Меркурия Елеазаровича Комарова, 1885. Т. 1. Ч. 1–2), вышедшем посмертно. В подготовке этого труда к печати принял деятельное участие Н. Н. Страхов. См. примеч. 2 к п. 11.

[10] В имении Мшатка в Крыму многие годы жил и там же скончался Н. Я. Данилевский, с которым Н. Н. Страхов состоял в дружеских отношениях. После смерти Данилевского Страхов фактически стал его душеприказчиком и до конца своих дней неустанно пропагандировал его труды и идеи.

[11] Около 18 мая Страхов приехал в Крым, в имение Н. Я. Данилевского в Мшатке, где приступил к разбору его бумаг, по просьбе жены Данилевского Ольги Александровны. Впечатление от этой поездки Страхов изложил в письмах к Л. Н. Толстому от 13 июня 1886 г. (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. С. 331–333) и к Фету — от 18 июня 1886 г. Затем, на обратном пути, в последних числах июня он заехал на несколько дней к Фету в Воробьевку, после чего около 7 июля приехал в Ясную Поляну. В Петербург Страхов возвратился 16 июля.

[12] Книга Эдуарда Дрюмона «La France Juive» вышла в Париже в 1886 г. в двух томах и выдержала за год 114 изданий. Обещанная им книга «L'Europe Juive» не была написана. После выхода в свет книги «Еврейская Франция» Дрюмон несколько раз был вызван на дуэль, в частности Артюром Майером.

20

Фет — Семенову

26 июля 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

26 июля 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Приношу живейшую благодарность Вам и многоуважаемому Якову Карловичу[1] за неизменное внимание. При мысли о полноте и стройности

Вашего последнего, хотя и не заказного, но исправно полученного мною письма от 14-го июля теряюсь, как молодой кандидат, начинающий свою вступительную лекцию, не зная с чего начать. Ясно, что предыдущее письмо Ваше ко мне пропало безвозвратно. Хотя это для меня и очень горько, но при всяких подобного рода не зависящих от нас невзгодах я держусь мудрых слов Горация:

«Но лучше снесть в терпеньи
Чему нельзя помочь».[2]

Дело другое те возмутительные посягательства на спокойствие и даже личную безопасность заведомо заслуженных и почтенных личностей, как Ваша и Якова Карловича, ставшие у нас будничным явлением со времени учреждений так называемого легального порядка. Эти порядки, возникшие из водевильных глумлений над судебным крючкотворством, придали этому презренному крючкотворству только охраняемую законом наглость и ради формальной законности убили самую сущность правосудия.

Хотя я и не имел дел с журналистами по поводу помещения больших систематических трудов и мое суждение в этом случае может быть только личным мнением, решаюсь сказать несколько слов по поводу судьбы Вашей статьи в «Русском вестнике».

1). Люди, специально занимающиеся издательством, всегда находят пути сделать неубыточным и такое издание, которое автору ничего, кроме убытка, дать не может.

2). Большой труд в руках специального издателя является цельным, тогда как разбросанный по журналам, он выходит какими-то несвязными отрывками.

3). Когда-то, при появлении скандальной памяти романа Чернышевского «Что делать», Катков заказал мне и Василию Петровичу Боткину критический разбор этого романа;[3] а в те времена я еще вынужден был трудиться ради гонорара, а когда статья была готова, Катков, под разными предлогами протянувши время, совершенно от нее отказался. В настоящее время я от него добиваюсь только ответа «да» или «нет», но стихов уже никогда в его журнал не даю.

Письмо Ваше уже не застало Страхова у нас, но все до него касающееся я ему тотчас же передал в Петербург, так как последнее письмо его было из нашего московского дома, в день его отъезда в Петербург. По своей любезности, он, проездом через Москву, говорил о моей статье Клюшникову,[4] которому я вместе с сим отправляю другой экземпляр; а так как я все-таки не уверен, что их редакция не потеряет моей статьи,

то решаюсь просить Вас захватить ее с собою при проезде через Москву, и если Вам невозможно будет хоть на минуту обрадовать нас своим посещением (так как 1-го октября мы уже будем в Москве[5]), то соблаговолите черкнуть хоть два слова, где ее можно будет получить. В начале ноября рассчитываю быть в Петербурге и отвести душу беседою с Вами. Общее расстройство здоровья, не говоря уже о глазах, решительно отбивает меня от работы.

С неизменным почтением

Ваш покорный слуга
А. Шеншин.

Жена просит передать Вам ее усердный поклон.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 29–30 об.

[1] Я. К. Грот.

[2] Фет цитирует оду Горация «К Виргилию» (I, 24) в собственном переводе (см.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 34).

[3] Статья Фета и Боткина о романе Чернышевского при жизни не была напечатана. См.: *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 195–259. Об обстоятельствах ее написания Фет рассказал в своих воспоминаниях (*МВ*. С. 429–436). См. также примеч. 13 к п. 3.

[4] См. примеч. 12 к п. 19. Письмо Страхова, которое упоминает Фет, было написано на Плющихе в доме Фета, где Страхов обычно останавливался в Москве, и датировано 13–15 июля 1886 г. В нем он подробно рассказал о поездке в Ясную Поляну и, в частности, о посещении им В. П. Клюшникова, с которым, по поручению Фета, говорил о статье «Наше тягло» (см.: *Фет/Страхов*. С. 418–419).

[5] Обычно в это время Фет с женой переезжали из деревни в Москву.

21

Фет — Семенову

6 августа 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

6 августа 1886.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

На подробное и интереснейшее письмо Ваше я так же подробно отвечал 23-го июля, покорнейше прося Вас захватить с собою мою руко-

пись,[1] предварительно известив меня, где я могу получить ее в октябре, если Вам невозможно будет почтить меня Вашим посещением. В тот же день я писал и Страхову большое письмо,[2] но вчера в полученном мною письме его от 2-го августа[3] он, жалуясь на мое молчание, сообщает мне и о Вашем недоумении по тому же поводу. Ведь это наконец руки отваливаются, при подобном состоянии нашей почты, если припомнить, что предварительно интереснейшее письмо Ваше ко мне пропало безвозвратно. Положим, наша интеллигенция, подобно птицам небесным, не сеет и не жнет, но усердно собирает в житницы и потому даже не поймет наших сельских нужд; а настоящие сеятели не интеллигенты, но зато интеллигенция усердно рассеивает письма, и тут следовало бы ей прежде всего воочию убедиться в гибельных следствиях тридцатилетнего размыкания нашей тягольной цепи. Почтмейстер только прочел, но отправил письмо Хлестакова,[4] а у нас с тех пор, как почтовое ведомство, отстегнувши от плеч казенный чемодан, выкинуло письма на подоконники станций железных дорог, и письма, подобно всему остальному, стали игралищем самоуправления (самоуправства).

У нас третий месяц постоянные ливни не дают убирать скудного урожая, и в настоящую минуту от вчерашнего дождя, длившегося не более часу, наша речка выступила из берегов. Здоровье мое во всех отношениях плохо. При затрудненном дыхании чувствую упадок и нравственных сил. Надо кончать комментарии последней книги «Метаморфоз»,[5] и руки отваливаются. Примите наши общие с женой усердные приветствия и передайте многоуважаемому Якову Карловичу и супруге его[6] мои глубокие поклоны.

Что-то они сказали о моем (Вашем) тягле?[7]

Неизменно преданный Вам
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 31–32 об.

[1] Имеется в виллу рукопись статьи Фета «Наше тягло».

[2] Это письмо к Страхову не сохранилось.

[3] Страхов писал: «И вот сижу безвыходно дома один-одинешенек и вдруг получаю письмо от Н. П. Семенова, наполненное сокрушениями. 1). Пропало его длинное письмо к Вам от 14 июня. 2). Он отвечал на Ваш запрос Вам 14 июля и не получает никакого отзыва, и беспокоится. Что же все это означает? Неужели нелепое отсутствие твердой связи между почтою и железными дорогами? Вы меня корили, что посылаю заказными. Теперь видите, что у меня был резон. / Н<иколай> П<етрович> спрашивает, не ошибся ли он в адресе? Но прежде чем ему отвечать, пишу Вам» (*Фет/Страхов*. С. 420).

[4] Эпизод из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (действ. 1, явл. II).

[5] Имеется в виду последняя XV книга «Меморфоз» Овидия, над переводом которой трудился в это время Фет.

[6] Я. К. и Н. П. Грот.

[7] Фет называет статью «Наше тягло» принадлежащей и Н. П. Семенову, поскольку именно мысли последнего о тягле послужили толчком к ее написанию.

22

Семенов — Фету

20 марта 1887 г. Петербург

С. Петербург. 20 марта 1887 года.
Вас. остр. 6 линия, д. № 39,
между Средним и Малым
проспектами.

Дорогой, душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Сажусь писать к Вам и краснею, что до сего дня не принес моей сердечной признательности за присылку «Публия Овидия Назона».[1] Вот так уж нельзя не удивляться Вашей деятельности и высокому искусству. Это значит поистине обогащать родную литературу. Дай Вам Бог долгие дни, здоровья и бодрых сил. Я все более и более погружаюсь в свой труд освобождения крестьян, но Вам завидую, у меня только проза и, так сказать, «чем больше в лес, тем больше дров». Кончаю теперь 2-й том, остается доделать два заседания, кроме того, которое еще пишется. За третий том совсем еще не принимался и потому конца работы еще не вижу. Осенью думал бы приступить к печатанию первого тома, что мне будет, конечно, немалой помехой идти дальше;[а] печатания не хочется откладывать и отлагать продолжения труда, при неизвестности будущего, тоже невозможно.[2] Вот драматическое положение. Все это, с прибавлением петербургской суеты, от которой служащему совершенно отделаться[б] невозможно, лишает времени переписываться с теми, кого любишь и уважаешь, вот почему откладываешь со дня на день переписку, а время летит так, что и опомниться не успеваешь, так прошла для меня и эта зима. Надо подумывать уж и о переселении на свежий

[а] *Далее зачеркнуто*: а

[б] совершенно отделаться — *вписано над зачеркнутым*: совершенно

воздух в деревню. Вижусь с Никол<аем> Никол<аевичем> Страховым, но не так все-таки часто, как бы желал. Он мне поведал, что Вы уж в деревне, куда я и адресую сие мое послание. Статью Никол<ая> Никол<аевича> Страхова Вы, конечно, прочли в январской книге сего года «Русского вестника». Она первая там «полное опровержение дарвинизма».[3] Написать ему удалось превосходно, и для того, кому удалось прочитать труд Н. Я. Данилевского, и для того, кто еще не принимался за чтение, она одинаково полезна как самое толковое введение или как средство, в первом случае, сосредоточить ясно все прочтенное в обширном труде, требующем некоторых специальных познаний. Еще превосходная статья напечатана в первых 3-х нумерах «Русского архива» за нынешний год: «Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 года» Вас<илия> Александр<овича> Кокорева.[4] Это умный простой русский человек, сам проваливался с нашими финансами и другие с ним проваливались. Если не читали этой статьи, прочтите, не сомневаюсь, что она доставит Вам большое удовольствие. Поминаю все это потому, что хочу сказать, что начало текущего года ознаменовалось хотя как будто не так еще видными,[в] но крупными, к исправлению наших бед, событиями. Между ними одно из крупнейших назначение Ив<ана> Алексеевича Вышнеградского министром финансов.[5] До меня дошел рассказ, будто Государь сказал, что теперь только в финансах открылся Ему свет, с тех пор как вступил в мини<стерст>во Вышнеградский, что все просто и Он понимает и видит ясно там, где прежде была для него только тьма. Было ли это сказано, я не знаю; но тот, кто имел случай говорить о финансах с Вышнеградским, хотя бы и чужд был их специальности, не может сказать другого. С 1884 года заметно было в нашей интеллигенции некоторое изменение идей против того, что проповедовалось в 60-х и 70-х годах; но теперь нельзя не заметить этой перемены и в высших сферах. Еще лет 16 тому назад в своей книге «Россия и Европа» Данилевский проповедовал, что главное наше зло состоит в европейничаньи.[6] Эта справедливая мысль начинает, по-видимому, входить в общее сознание в разных сферах, и русский дух пробуждается понемногу; дай-то Бог. Третьего дня приехал сюда Мих<аил> Ник<ифоровича> Катков, не знаю, надолго ли и когда удастся его увидеть. Дошел до меня тоже рассказ, что будто бы Государь остался недоволен передовою[г] статьею Каткова 12 марта в «Моск<овских> ведом<остя>х»[д]

[в] видными — *вписано над зачеркнутым*: крупными

[г] передовою — *вписано над строкой.*

[д] в «Моск<овских> ведом<остя>х» — *вписано над строкой.*

по поводу правит<ельственного> сообщения о том, что[е] нельзя нападать на[ж] германского консула в Болгарии, который взялся защищать там наши интересы и не защитил их,[7] и что будто бы рассказывавшему об этом Михаил Никифорович сказал: «я надеюсь, что Государь меня примет»; что Катков приехал сам по себе, а не вызван сюда. Что тут правда, не знаю, передаю только сплетни, к чему прибавляется то,[з] что мин<истр> иностр<анных> дел будто бы написал письмо, в котором просит увольнения, потому что не может оставаться, когда печать нападает на него.[8] Я мало вижусь с находящимися во власти, да не успеваю теперь читать и газет, сосредоточиваясь на своей работе по крестьянскому делу. Если и узнаю что-нибудь, то случайно.[и] Чтобы кончить мой труд,[к] потребно еще два года — время отдаленное. Вот и конец листа. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
По *Московско-Курской* железной дороге,
на станцию *Коренная Пустынь*.

Почтовые штемпели: 1) 21 марта 1887, Петербург; 2) 22 марта 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 29–31 об.; конверт — л. 32. На лицевой стороне конверта надпись карандашом неизвестной рукой: «Семенова».

[1] Имеется в виду издание: Публия Овидия Назона XV книг Превращений. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова. 1887, где были помещены параллельные тексты на русском и латинском языках.

[2] О 1-м и 2-м томах труда Семенова см. примеч. 3, 6 к п. 7.

[3] Речь идет о развернутой рецензии на последний труд Н. Я. Данилевского (Дарвинизм. Критическое исследование Н. Я. Данилевского. СПб., 1885. Т. 1. Ч. 1–2), опубликованной в «Русском вестнике» (1887. № 1. С. 1–62) под названием «Полное опровержение дарвинизма» и имеющей вполне самостоятельное значение. Впос-

[е] *Далее зачеркнуто*: герм<анский?>

[ж] на — *вписано над строкой.*

[з] то — *вписано над строкой.*

[и] *Фраза вписана над строкой.*

[к] мой труд — *вписано вместо зачеркнутого*: ее

ледствии эта статья вошла во второй том сочинений Н. Н. Страхова (в 3 т.) «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890. С. 342–417). Дата завершения статьи: 9 декабря 1886 г. В 1889 г. в Петербурге Страховым был подготовлен заключительный том исследований Н. Я. Данилевского по этому вопросу: *Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Т. 2 (одна посмертная глава, портрет и указатели ко всему сочинению). Статья Страхова вызвала оживленную полемику. В частности, с лекцией на тему «Опровергнут ли дарвинизм?» выступил в Политехническом музее К. А. Тимирязев (опубл.: Русская мысль. 1887. № 5–6), на что Страхов отвечал статьей «Всегдашняя ошибка дарвинистов» (*РВ*. 1887. № 11–12). Полемика продолжилась в 1889 г. с А. С. Фаминцыным (см.: *Фет/Страхов*. С. 478–479).

[4] Статья крупного предпринимателя и миллионера-откупщика В. А. Кокорева (1817–1889) «Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 года» печаталась со 2-го по 7-й номер журнала «Русский архив» за 1887 г., затем, вплоть до конца года там же были помещены несколько писем по поводу этого труда и ответы Кокорева. Сделавший состояние на винных откупах, Кокорев успешно занимался солеварением, нефтедобычей и переработкой нефти (привлек к этому делу Д. И. Менделеева, называвшего его «умницей Кокоревым»), банковским делом. В Москве его стараниями был выстроен гостиничный комплекс (знаменитое Кокоревское подворье), проведена конка, проложены бульвары и скверы, открыта первая публичная картинная галерея. Свою книгу Кокорев начал с известного лозунга И. С. Аксакова «Пора домой!» (см. примеч. 3 к п. 17): «Мы начинаем настоящую повесть про „Экономические провалы“ теми же словами „Пора домой“, разумея под этим совсем другой смысл, именно: пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли; пора прекратить поиски экономических основ за пределами отечества и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать *в своих людях свою силу.* Все ниже излагаемые провалы произошли единственно от неверования в эту спасительную силу, без поворота к которой никогда нельзя достигнуть согласования экономических мероприятий с нуждами и потребностями народной жизни» (Русский архив. 1887. № 2. С. 245). Плачевное положение русских финансов является, по мнению Кокорева, результатом длительной финансовой войны, которую вела против России Европа. Свое повествование Кокорев вел только на основе собственных «запасов памяти». Одним из «провалов» он считал введение в России в 1839 г. серебряного рубля, другим — прокладку железной дороги не от Москвы до Севастополя, а до Петербурга. Третьим «провалом» Кокорев считал замену производства льна ситцем, для которого требовался привозной хлопок и т. д. Всего автор насчитал 15 «провалов», в том числе организацию земельных банков с высокими процентами за кредиты, введение акцизной системы на вина и др.

[5] О Вышнеградском см. примеч. 3 к п. 16.

[6] Глава XI книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского так и называлась: «Европейничанье — болезнь русской жизни». Публикуя книгу уже после смерти Данилевского, Страхов снабдил ее некоторыми позднейшими примечаниями автора. Так, в печатном варианте книги Данилевский, рассматривая новое судебное устройство, первоначально утверждал, что «специально западное играет в нем весьма второстепенную роль». В позднейшей сноске к этому месту сделана приписка: «Все написанное мною здесь — вздор. Реформа только что начиналась и хотелось верить, а потому и верилось, что она примет разумный характер — на деле она

обратилась в иностранную карикатуру. При большей трезвости мысли это можно и должно было предвидеть» (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. (Издание Н. Страхова). СПб., 1889. С. 300).

[7] Конфликт Каткова с Александром III назревал давно. «Статьи Каткова по вопросам международной политики, — писал в своих воспоминаниях Е. М. Феоктистов, — были проникнуты безграничным презрением к нашему Министерству иностранных дел <…>. Неудивительно поэтому, что наиболее запальчивые статьи „Московских ведомостей“ раздражали государя, иногда он высказывал по их поводу свое неудовольствие графу Дмитрию Андреевичу, и раза два или три мне приходилось частным образом сообщать Каткову, чтобы он был осторожнее, но предостережения эти нисколько не действовали на него. / Наконец разразилась буря» (*Феоктистов Е.* За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 244). В связи с публикацией передовой статьи, напечатанной в № 66 за 1887 г. (от 8 марта) и направленной против Тройственного союза России, Германии и Франции, Александр III написал на первой странице представленного ему обозрения: «В высшей степени неприличная статья. Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия <…> *приказываю* дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы угомонить его безумие и что всему есть мера» (Там же. С. 244–245). Понимая, что предупреждение «Московским ведомостям» может привести к прекращению деятельности Каткова, Феоктистов обратился за помощью к К. П. Победоносцеву, и вскоре вопрос был решен: государь передумал давать предупреждение, а поручил Феоктистову ехать в Москву и лично переговорить с Катковым. Подробности этих переговоров Феоктистов подробно изложил в своих воспоминаниях, упомянув, что Катков «с величайшею радостью» услышал, что государь намеревается лично переговорить с ним (Там же. С. 245–253).

[8] Министром иностранных дел в это время был *Николай Карлович Гирс* (1820–1895). При дворе ходили слухи, что Катков хвалился тем, что намеревается сместить Гирса (*Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 28. Запись от 18 февраля 1887 г.). Сведений о письме Гирса с просьбой об отставке обнаружить не удалось.

23

Фет — Семенову

31 марта 1887 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

31 марта 1887.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Горжусь, а следовательно и радуюсь, что по обстоятельствам мне приходится отвечать Вашими же темами на почтенное письмо Ваше

от 20-го марта, полученное, однако, мною, по случаю половодья, только 26-го.

Посмотрите на этого влюбленного. Он человек не глупый и за словом в карман не лезет. Бежал он к предмету своей страсти с целым роем мыслей в голове; но вот он сидит теперь дурак-дураком и вместо всяких слов только жмет или целует ее руку. Я только что вчера написал профессору Казанского университета Нагуевскому, вызвавшемуся написать примечания и предисловие к моему переводу «Энеиды», что я (лично мы не знакомы с ним) вместо всяческих благодарностей дружески жму ему руку как бескорыстному и труженику по убеждению.[1] Но много ли Вы встречали их в жизни? — Увы! весьма немного, и между ними, по самому предмету и объему труда, Вам, бесспорно, принадлежит первое место; ибо как ни тяжел подчас бывает мой труд, особливо при моей слепоте и болезненности, он все-таки сахар в сравнении с Вашим. Какие бы мы ни были патриоты, мы необходимо должны признаться, что живем в стране дикой. Не должны ли бы иначе все люди, готовящие себя в устроители народной жизни, дорожить Вашим трудом как откровением, в котором, как на хорошем плане города, видны все беспроездные тупики и обводные улицы, приводящие или на прежнее место, или к обрыву с берега? Равным образом, было ли бы возможно, чтобы буквальные переводы классиков, на которых зиждется все европейское образование, не только не раскупались публикой, но даже не упоминались журналами, ратующими на словах за народное образование.

Конечно, и Вы и я твердо уверены, что труды наши со временем принесут свои плоды, но скоро ли, — это другой вопрос. Вы пишете про свой недосуг. В Москве я на него не жаловался, так как диктовал вечером при лампе; теперь, сойдя в бельэтаж, в 5 час. к обеду, я уже не подымаюсь снова в свой кабинет и должен все покончить утром; а к осени необходимо кончить все двенадцать книг «Энеиды»,[2] из коих переведены только три. А тут еще распоряжения по трем имениям, продажа крестьянам земли при помощи банка и улаживание всяческих безобразий и неурядиц.

В Москве, по случаю близкого соседства, мы познакомились с семейством милого и интересного Н. Я. Грота.[3] Со дня на день поджидаем на лето Соловьева.[4] Я писал Страхову о восторге, с которым читал его антиспиритическую книжку.[5]

Если это бестолковое письмо напомнит Вам, как высоко мы оба с женою ценим всегдашнее к нам благорасположение, то цель моя будет вполне достигнута.

Прошу многоуважаемой супруге Вашей и семейству Якова Карловича Грота передать усердные поклоны, при каких остаюсь искренне преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 33–35.

[1] «Дозвольте болезненному старику, — писал Фет Д. И. Нагуевскому 31 марта 1887 г., — вместо всяческих излияний мысленно дружески пожать Вашу руку не потому только, что она для меня рука помощи, а потому что это, слава Богу, рука русского ученого, горячо сочувствующего своей специальности. Мы до этого, увы! так далеко недоросли. Нечего Вам объяснять, что мои классические переводы даже не окупают своих изданий. Но я работаю не для прибыли, не для известности, для крыльев которой у меня еще надолго не будет надлежащей атмосферы. Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет напечатано: «текст проверен и примечания написаны ординарным профессором Д. И. Нагуевским» — этот заглавный листок заменит для книги всякую похвалу критики» (*Фет/Нагуевский.* С. 386).

[2] Первая часть перевода «Энеиды» Вергилия (VI книг) вышла в Москве в 1888 г.

[3] *Грот Николай Яковлевич* (1850–1899) — русский философ, сын Я. К. Грота. Преподававший в Нежине и Одессе, Н. Я. Грот в 1886 г. был назначен на кафедру философии Московского университета. Н. Я. Грот — один из основателей Психологического общества, с 1888 г. его председатель, основатель журнала «Вопросы философии и психологии». Друг Вл. С. Соловьева, знакомый Фета и Страхова, с которыми состоял в переписке.

[4] Вл. С. Соловьев действительно провел большую часть лета в Воробьевке, помогая Фету в переводе «Энеиды» Вергилия и редактировании стихотворений для нового (третьего) выпуска «Вечерних огней». «Вчера в половине двенадцатого дня, когда я по обычаю сидел за письменным столом, в комнату вбежала Акулина со словами: „Владимир Сергеевич приехал“, и пока я снимал очки и убирал бумаги, он был уже на лестнице» (п. Фета к Д. П. и С. С. Боткиным от 17 апреля 1886 г. *РГБ.* Ф. 315. К. 3. № 5. Л. 19). Уехал, вероятно, 22 сентября. Этим летом у Фета гостили также Н. Я. Грот и Н. Н. Страхов.

[5] Речь идет о книге «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1887), в которой Страхов собрал свои полемические статьи против А. М. Бутлерова и других сторонников спиритизма. «Бутлеров умер; — писал Страхов Толстому 22 августа 1886 г., — он только тремя днями был моложе Вас. Значит, спор наш кончен; а для меня он имеет огромное значение, которое я и объясню в большом введении. Эта книга — уже выход на новую дорогу, на путь мистицизма, как я его понимаю» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. С. 336). 12 марта 1887 г. он сообщал Толстому отзыв Фета об этой книге: «Вчера пришло письмо от Фета, в котором восторги и восхищения от „Вечных истин“ и ни единого слова о том, почему и что ему нравится» (Там же. С. 346). 9 марта 1887 г. Вл. Соловьев написал Страхову письмо с шутливой критикой его книги о спиритизме, где утверждал, что полемика с Бутлеровым против спиритических чудес «имеет силу

(если имеет) также и против *всяких* чудес и против самого существования невидимых духовных деятелей, — т. е. против всякой религии: ибо хотя, говорят, есть религия без Бога (буддизм), но религии без ангелов и чертей не бывало и быть не может» (Письма Владимира Соловьева. СПб., 1908. Т. 1. С. 31). В следующем письме, от 12 апреля 1887 г., Соловьев прямо заявлял: «Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю» (Там же. С. 33). Отзыв о критике Страховым спиритизма содержится в обширной статье Соловьева «Россия и Европа», опубликованной в февральской и апрельской книжках журнала «Вестник Европы за 1888 г. (позднее вошла в книгу «Национальный вопрос в России» (СПб., 1888)). Цитируем по третьему изданию (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1891): «…„вечные истины“ г. Страхова суть не что иное, как основные положения физико-математических наук в том безусловном и безопределенном значении, какое они получают от так называемого *механического мировоззрения*. <…> Однако научная мысль Запада далеко не исчерпывается этим мировоззрением <…> почтенный автор „Борьбы с Западом“ <…> является не только *западником*, но еще западником *крайним и односторонним*» (С. 199–200).

24

Фет — Семенову

17 января 1888 г. Москва

Москва, 17 января 1888.
Плющиха, собств. дом.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

Только вчера я получил возможность поднести Вам экземпляр вышедших из печати «Вечерних огней»,[1] и пользуюсь случаем пожелать Вам и всему глубокоуважаемому семейству Вашему всех желательных благ в наступившем новом году. Конечно, Вы твердо убеждены в глубочайшем уважении, которое я питаю как к человеку сердца, слова и подвига. Я уверен, что ничто не в состоянии поколебать в Вас этого убеждения, и вследствие этого Вы, без сомнения, поймете, почему я, во время горестного моего пребывания в Петербурге,[2] не был у Вас, в числе многих других, к которым все время стремился душою. Достаточно сказать, что на возвратном пути в тверском буфете я едва не упал, к общему соблазну пассажиров, и теперь, при собственном экипаже, не покидаю комнат. Если я не был у Вас, то вся тяжесть лишения падает на меня; если же это нарушение этикета, то требовать исполнения его от меня малым отличается от такого же требования, обращенного к четырех-

дневному Лазарю. Когда не хватает воздуха дышать, все жизненные обязанности упраздняются.

В надежде на великодушие Ваше, прошу принять наши общие с женою сердечные приветствия и верить неизменным чувствам давнишней симпатии

Вашего
искренно преданного
А. Шеншина.

При случае прочтите статейку *о предстоящих реформах* в 14 № «Моск<овских> ведомостей». Там фигурирует Ваше *тягло*.[3]

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 37–38. На первой странице письма надпись рукой Н. П. Семенова: «Ответ послан 25 января 1888 г. и Беклемишеву отправлено 26 января».

[1] В начале 1888 г. в Петербурге вышел третий выпуск неизданных стихотворений Фета «Вечерние огни». Задержка с выходом в свет этого сборника произошла из-за непредвиденной поездки Фета в Петербург (см. ниже).

[2] Приезд Фета в Петербург 14 декабря 1887 г. был вызван тяжбой с крестьянами, о чем он писал А. И. и О. И. Иостам 27 декабря: «Если я Вам скажу, что Курское крестьянское присутствие за то, что я выхлопотал и передал нотариальным порядком, как стороннее лицо, две тысячи четыреста рублей воробьевским крестьянам, выдумало отрезать ни с того ни с сего у меня двадцать десятин земли, то Вы найдете, почему я целую неделю пропадал в Петербурге в самый разгар моих изданий и теперь сижу больной и дрожу над каждой минутой времени. Юность должна хлопотать и работать, для того чтобы старость сидела покойно, — но наоборот и неестественно и несносно. / Третий выпуск „Вечерних огней“ еще не вышел по случаю моих разъездов, а „Энеиды“ появилась только половина» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 16. Л. 48 об.–49). Фет прибыл в Петербург 14 декабря (см. п. к К. Р. от этого дня: *Фет/К. Р.* С. 656), вернулся в Москву 23 декабря (см. п. к Д. И. Нагуевскому от 24 декабря 1887 г.: *Фет/Нагуевский*. С. 425). Вл. Соловьев писал Н. Н. Страхову по этому поводу: «Сей неугомонный поборник помещичьей правды против крестьянских злодеяний, наверное, очень удивил Вас своим появлением. Дай только Бог, чтобы эта поездка не очень отразилась на его здоровье. Бедная Марья Петровна ездит по морозу каждый день к Иверской молиться, чтобы Афанасия Афанасьевича не занесло снегом и чтобы петербургские чиновники не свели его с ума» (Письма В. С. Соловьева. Т. 1. С. 48. Письмо б. д.). В этот свой приезд в Петербург Фет впервые встретился с вел. кн. Константином Константиновичем.

[3] Имеется в виду статья Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», помеченная 5 января 1888 г. и подписанная псевдонимом «Деревенский житель» (*МВед*. 1888. 14 января. № 14. С. 3–4). Здесь Фет, выступая против раздела земельных участков, писал: «Кабинетные измышления впали в двой-

ную ошибку. Во-первых, неправильно сочтя землевладение исключительною основой благосостояния, они поставили себе задачей наделить каждого этим благом на вечные времена, причем немалая часть населения (дворовые), не получив этого блага, несравненно превосходят благосостоянием облагодетельствованных. Большинство крупных землевладельцев, даже из бывших миллионеров, ищет возможности променять это благо на деньги, а безземельные сословия с каждым годом выставляют миллионеров. Следовательно, благосостояние и землевладение не одно и то же. / Во-вторых, в дополнение к этому громадному заблуждению, оставаясь верными основной мысли, кабинетные измышления, просмотревшие у нас патриархальное *тягло*, внесли неслыханное право раздела имущества при жизни главы семейства. При этом они забыли, что земельная собственность менее всякой другой выносит разделы, а тем более переделы» (С. 4).

25

Семенов — Фету

25 января 1888 г. Петербург

С. Петербург. 25 января 1888 года.
Вас. остр. 6 линия,
д. № 39.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

На днях получил Вашу драгоценную для меня поэтическую книжку,[1] приятно видеть свежесть чувства в ней и родник поэзии, которая поднимает нас в иной мир и возвращает к невозвратимому свежему и молодому. Спешу принести Вам мою сердечную благодарность. Неужели Вы могли меня отчислить хоть на минуту в ряды формализующихся искусственными светскими условиями приличий. Отношения симпатии, так сказать союза сердец, дружбы и всех истинно человеческих отношений стояли для меня всегда неизмеримо выше всяких условных отношений. С этой стороны будьте без всяких сомнений, а глубокое уважение, которое я к Вам питаю, и сочувствие к Божью помазанию, как я называю талант вообще, даруемый уже[a] от рождения, делает мои чувства неизменными и независимыми от тлена сего мира.

Указанный Вами фельетон «Московских ведомостей»[2] я прочел и могу только сказать, что приближение к путям истинным совершается

[a] уже — *вписано над строкой.*

с черепашьею медленностью и в общественном сознании, а в высших сферах вбиты какие-то гвозди, которые мешают усесться на чем-нибудь твердом, и от пресловутых проектов Мин<истерства> внутр<енних> дел я не ожидаю, чтоб вышло удовлетворительное вполне для нас, на потребу. Я мучаюсь теперь с моим приступом к печатанию 1-го тома моего труда,[3] именно приходится вставлять и дополнять в печатных оттисках, а места на полях нет, прескучная работа, впрочем, в манипуляции этой помогает мне племянник жены,[4] у нас живущий и только что получивший степень кандидата в здешнем университете, только что открытом 21 сего января, и то дело[6] идет медленно, а переговоры с типографией (бывшею II отделения собств<енной> Е. В. канцелярии) еще не могут окончиться, потому что это устроивается моим сыном,[5] а он до 7 февраля так поглощен своей службой, что я его целые дни не вижу, и до того времени на него ничего возлагать нельзя; дай Бог, чтоб в феврале мне удалось продержать корректуры хотя первых двух, трех листов моей первой книги «Освобождение крестьян в России». Раз что дело начнется настоящим образом, то уж пойдет. Ожидаю сего дня Никол<ая> Никол<аевича> Страхова, у которого был в прошлый четверг, 22 января, в его сборный вечер. Когда мы немногие съехались, то Ник<олай> Никол<аевич> еще не возвратился к себе и на столе его заметили только что полученное и еще не распечатанное Ваше письмо.[6] В январской книжке «Русск<ого> вестн<ика>» печатается между прочим интересная статья Любимова: «М. Н. Катков, по личным воспоминаниям»,[7] рекомендую Вам прочесть. У нас стояли крепкие морозы, теперь отдают заметно, сего дня только 5° холода. Снегу довольно. В политике внешней и внутренней затишье у нас. Я, впрочем, так погружен в свою работу, что мало вижу властных лиц. Будьте добры передать мое сердечное приветствие Марии Петровне. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте: Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В *Москву*, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) 27 января 1888, Петербург; 2) 28 января 1888, Москва.

[6] дело — *вписано над строкой*.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 33–34 об.; конверт — л. 35. На лицевой стороне конверта запись рукой Фета: «Семенов».

[1] Имеется в виду третий выпуск «Вечерних огней» Фета (М., 1888).

[2] См. примеч. 3 к п. 24.

[3] Имеется в виду первый том труда Семенова «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889).

[4] О ком идет речь, установить не удалось.

[5] Имеется в виду старший сын Семенова Петр.

[6] Это письмо Фета к Страхову до нас не дошло.

[7] Статья ближайшего сотрудника Каткова по «Московским ведомостям» и «Русскому вестнику» *Николая Алексеевича Любимова* (1830–1897) «М. Н. Катков (По личным воспоминаниям)» печаталась в «Русском вестнике» в течение двух лет (1888. № 1–3, 7–8; 1889. № 2–3), затем вышла отдельным изданием под заглавием «М. Н. Катков и его историческая заслуга» (СПб., 1889).

26

Фет — Семенову

23 февраля 1889 г. Москва

Москва, 23 февраля 1889.
Плющиха, соб. дом.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Глядя на полновесный и изящный первый том: «Освобождение крестьян»,[1] переданный мне от имени Вашего Николаем Яковлевичем Гротом, я проникаюсь не одним чувством живейшей признательности за выраженные ко мне в надписи чувства, но и останавливаюсь единовременно перед громадным историческим памятником, сооруженным Вашей искусной и трудолюбивой рукой.

Зная по собственному опыту, что значит избранный умственный труд, и давно знакомый с рядом всевозможных препятствий, лежавших на пути к обнародованию Вашего памятника, я живо представляю себе ту радость и вполне заслуженную гордость, с которою Вы наконец взираете на свое роскошное издание. Конечно, окончание такого капитального труда, будучи праздником серьезной литературы, является прежде всего Вашим задушевным торжеством, и я считаю себя вполне счастли-

вым, что могу по этому случаю выразить Вам ту давнишнюю и сердечную симпатию, с которой имею честь быть

Вашего Превосходительства
неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 39–40.

[1] Имеется в виду первый том книги «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889).

27

Фет — Семенову

1 февраля 1890 г. Москва

Москва, 1 февраля 1890.
Плющиха, соб. дом.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вчерашнего числа обрадовавшая нас появлением к обеду, милейшая племянница Ваша Наталья Яковлевна[1] вручила мне второй том сооруженного Вами исторического памятника, — «Освобождения крестьян».[2] Излишне говорить, насколько я, отчасти сам знакомый с кабинетным трудом, не менее всякого способен оценить громадную заслугу Вашу и дорожу неизменным вниманием ко мне человека, столь блистательно заявившего себя на стихотворном поприще.[3]

Жена моя просит передать Вам ее сердечное приветствие, а я прошу засвидетельствовать многоуважаемой супруге Вашей то искреннее почтение, с каким имею честь быть

Вашего Превосходительства
искренно признательный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 41–41 об.

[1] Имеется в виду *Наталья Яковлевна Грот* (в замуж. Погожева; 1860–1918), дочь Я. К. и Н. П. Гротов. Расстреляна в марте 1918 г. (*Семенов-Тян-Шанский В. П.* То, что прошло. Т. 2. С. 432).

[2] См. примеч. 1 к п. 26.

[3] Фет имеет в виду прежде всего переводы Семенова из Мицкевича. См. примеч. 4 к п. 2.

28

Фет — Семенову

9 октября 1890 г. Москва

Москва, 9 октября 1890.
Плющиха, соб. дом.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Зашедший вчера к нам Николай Яковлевич Грот передал нам, к крайнему нашему удивлению, что Вы уже проехали в Петербург, а потому вместе с сим спешу переслать Вам мои «Воспоминания»,[1] которые надеялся иметь радость передать Вам лично. Судя по обычной подвижности Вашей, не хочу верить, что передвижение составляет и для Вас, как для меня, по немецкому выражению, твердый для разгрызения орех.[2] Жена просит меня присоединить ее глубокий поклон, а я прошу напомнить многоуважаемой супруге Вашей задыхающегося старика, обеспокоившего ее в последний приезд в Петербург.

С чувством неизменного почтения и признательности

Вашего Превосходительства
сердечно преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 43–43 об. На первой странице письма надпись: «Ответ послан 23 октября 1890 г.».

[1] В марте 1890 г. в типографии А. И. Мамонтова в свет вышли отдельным изданием два тома «Моих воспоминаний» Фета, сначала печатавшиеся в журналах «Русский вестник» и «Русское обозрение». Об истории публикации мемуаров Фета см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 322–336.

[2] Имеется в виду немецкая идиома «eine harte Nuß» («крепкий орешек»).

29

Семенов — Фету

22 октября 1890 г. Петербург

С. Петербург. 22 октября 1890.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Спешу, хотя и не без невольной задержки, принести Вам большую мою благодарность за присылку Ваших интересных «воспоминаний»,[1] а вместе с тем и за обязательное письмо Ваше от 9 сего октября, которые я получил в один и тот же день. Я прибыл в Петербург 5 сего октября. В Москве я был вынужден перебраться только с дебаркадера на дебаркадер, ибо мне не было дозволено доктором покидать железной дороги и велено было ехать из деревни прямо в Петербург, из опасения, после тяжкой моей болезни, продолжавшейся несколько месяцев, подвергнуться простуде, ибо, начав с инфлуэнцы еще 5 декабря минувшего 1888 года, я должен был одно за другим вынести бронхит, плеврит, воспаление в легких и наконец два в них нарыва, т. е. в обоих легких вместе. Бог воздвиг меня, однако. Я поправился значительно; но все еще недомогаю. К тому же с нами не было и теплого платья, так как я не рассчитывал пробыть в этот раз долее второй половины сентября; но до 28 числа была такая дивная и теплая погода, что не хотелось выехать из деревни, а к 3 октябрю, — дню нашего выезда в Петербург, нас неожиданно захватил даже снег и холод. Вот причина того, что даже к племянникам не мог я[а] заехать, и мне не удалось их видеть. Вот причина, почему не мог доставить себе одного из больших для меня удовольствий побывать у Вас и видеться с Вами. Николай Николаевич Страхов свидетель моего по этому поводу огорчения, так как я увиделся с ним чуть ли не на другой день, или даже в самый день моего приезда сюда. У меня теперь много хлопот с печатанием 3-го тома моего труда. Болезнь мне немало сделала помех. Пришлось разделить 3-й том на две части уж по тому одному, что он был бы неприлично толст — листов до 80 печатных. Слава Богу, что[б] это разделение, по смыслу изложения, сделалось возможным; к этому разделению меня побудило и то, что если б я все это печатал в одной книге, то все равно в нынешнем, т. е. будущем

[а] я — *вписано над строкой.*

[б] *Далее зачеркнуто*: хоть

1891-м[в] году, я не успел бы ее выпустить, а теперь 1-я часть третьего тома будет готова к декабрю, и может быть выпущена в самом начале января 1891 года,[2] вся эта книга, кроме приложений, набрана уже,[г] а 2-я часть выйдет, надеюсь, в самом начале 1892 года.[3] Меня задерживает несколько все-таки еще мое недомоганье. 7 октября немедленно по приезде мы отпраздновали и торжественно и сердечно юбилей Афанасия Федор<овича> Бычкова,[4] и после того меня посадили на несколько дней, чтоб не покидать жилища, какая-то простуда засела[д] в голове, и шею повернуть больно. У нас все тихо и мирно. Прошу передать мое сердечное приветствие Марье Петровне; благодарю ее за добрую память. Мне привез известия от Вас сын,[5] который был у Вас. Жена просит передать Вам тоже ее искренний поклон, и сын свидетельствует Вам и Марье Петровне глубокое почтение. Пожелав Вам всего лучшего, остаюсь душевно преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 7. Л. 1–2 об.

[1] См. примеч. 1 к п. 28.

[2] Третий том книги «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» вышел в свет в 1891 г. в двух частях. Часть 1 имела подзаголовок «Третий период занятий». В предисловии к тому Семенов писал: «Третий том, соответствующий третьему периоду занятий Комиссий, по содержанию своему распадается на две части. Ныне издаваемая первая часть этого тома представляет, на тридцати двух печатных листах, окончание *разработки положений*, а вторая часть, имеющая выйти в свет в следующем году, будет содержать в себе *заключительные работы*. / Такое разделение третьего тома на две книги дает возможность автору, не откладывая выпуска в свет всего обширного третьего тома, выполнить первоначальное его предположение — выпускать последовательно каждый год по одной книге своего труда, и представляет следующее практическое удобство: последняя часть третьего тома, где излагаются *заключительные работы*, которые сосредоточили обсуждение заключений всех докладов Отделений и свели в одно целое окончательные положения Редакционных комиссий, является отдельной книгой, которою можно пользоваться независимо от других частей или книг этого труда» (С. V–VI).

[3] Вторая книга третьего тома «Освобождения крестьян в царствование императора Александра II» вышла в 1892 г.

[в] т. е. будущем 1891-м — *вписано над строкой.*

[г] *Со слов*: вся эта книга ~ набрана уже — *вписано над строкой.*

[д] засела — *вписано над строкой.*

[4] О праздновании 50-летнего пребывания на государственной службе А. Ф. Бычкова его сослуживец по Публичной библиотеке Н. Н. Страхов писал Фету 25 октября 1890 г.: «Афанасия Федоровича Бычкова Вы знаете; все его так любят, что его юбилей вышел блистательным, какого не бывало, и награда от Государя необыкновенная — Бычков сделан членом Государственного совета. Он сам был лучше всех — так радостен и неутомим в ответах. Я у него завтракал и вместе с другими давал ему обед у Контана» (*Фет/Страхов*. С. 506). А. Ф. Бычков (1818–1899) — академик, известный библиограф, историк, служил в императорской Публичной библиотеке с 1844 г., с 1882 г. и до самой смерти был директором библиотеки (см.: *Голубева О. Д.* Бычков А. Ф. // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека: 1795–1917. С. 115–123). Возможно, Фет познакомился с А. Ф. Бычковым через Страхова в один из своих приездов в Петербург.

[5] Очевидно, старший сын Семенова Петр.

30

Фет — Семенову

30 марта 1891 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.
№ 481.

1891 г. 30 марта.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Если слово дилетант разуметь в смысле наслаждающегося своим делом, в противоположность Brotstudium'а работе из-за хлеба, то мы с Вами, слава Богу, дилетанты, и только этим объясняется та добросовестность в отделке, которым[a] отличается Ваша книжка, из которой каждый стих бьет в глаза этими качествами.[1]

Конечно, я вполне признаю свое малодушие и наивность, хотя по крайней мере рад, что вижу их. Наивность эта состоит в надежде, что наши соотечественники и люди вообще могут когда-либо руководиться законами преданности в своих суждениях, тогда как вся история указывает, что люди руководствуются не разумом, а хотением — волей. — Но эта самая воля служит и источником симпатий и антипатий. — Так не удивляйтесь, что я морально жмусь к Вам, чуя в Вас одного из немногих и очень немногих требующих вопроса: почему?

---

[a] *Так в копии.*

Почему, например, люди полагают, что крестьянин недоимщик на 40-рублевой земле станет исправным плательщиком на 160-рублевой, с которой бегут те, которые ее получили даром? — Тут и логика и математика в ущербе.

Ваш деревенский, как и городской адресы у меня в памятной книжке давным-давно, а мой постоянный деревенский адрес:

Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь, А. А. Шеншину.

Послезавтра отсылаем людей и лошадей, а в среду 3 апреля сами садимся в вагон. Жена просит передать Вам ее усердные приветствия.

Прошу принять уверения в неизменном уважении

Вашего
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 45–46.

[1] Имеется в виду книга: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1891. Т. 3. Ч. 1: Третий период занятий. См. также примеч. 2 к п. 29.

31

Фет — Семенову

9 апреля 1891 г. Москва

Москва, 9 апреля 1891.
Плющиха, соб. дом.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Прошлой осенью Н. Я. Грот сообщил мне, что по случаю спешного проезда Вашего через Москву Вы не могли обрадовать нас обычным любезным посещением. В полученном третьего дня третьем томе обширного исторического труда Вашего[1] я вижу отрадный признак, что Вы не забыли меня. Если бы я не торопился выразить Вам мою сердечную признательность, то ответил бы присылкою двухтомного Марциала, поступившего вчера в Цензурный комитет. Все равно, по выходе книги из цензуры, я буду иметь честь представить ее на Ваш суд.[2]

Прошу принять и передать многоуважаемой супруге Вашей выражения совершенной преданности

Вашего
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 47–47 об. На первой странице письма запись: «1891 г. 22 апреля послан ответ и за „вечерние отблагодарение“».

[1] См. примеч. 1 к п. 30.

[2] Эпиграммы Марка Валерия Марциала в переводе и с объяснениями Фета вышли в Москве, в типографии А. И. Мамонтова в двух частях в первых числах апреля 1891 г. Переводы были даны параллельно с латинскими текстами. В предисловии к Марциалу гр. А. В. Олсуфьев охарактеризовал поэта как «бесстыдного льстеца кровожадного Домициана, друга и наперсника презренного доносчика Регула», «неблагодарного сына, развратного циника, гнусного паразита», который «не должен надеяться в конце XIX столетия на снисходительный приговор». Фет в письме к Олсуфьеву от 23 июля 1888 г. назвал такой взгляд «самобытным, хотя и накладным для нашего поэта воззрением», в письме от 1 августа того же года — «судом над Марциалом» (*Письма к Олсуфьеву (51)*. С. 245). Первоначально планировалось, что предисловие к переводам Марциала будет написано Олсуфьевым, но в конце концов его биографический очерк был опубликован отдельно, сначала в «Журнале Министерства народного просвещения», затем отдельной книжкой (М., 1891).

32

Семенов — Фету

22 апреля 1891 г. Петербург

22 апреля 1891 года.

Христос воскрес!
Дорогой, душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Примите мое сердечное поздравление с новым годом (он наступает ведь ежедневно, а 1-го января мне не удалось Вас поздравить) и с наступившим Светлым праздником, и будьте добры передать тоже мое поздравление достойнейшей Марии Петровне, с искренними пожеланиями Вам всего лучшего в мире.

Я несказанно виноват перед Вами. Получив еще прошлою осенью драгоценный для меня Ваш подарок «Вечерние огни», выпуск 1891 года;[1]

я, можно сказать, собирался ежедневно принести Вам мою душевную благодарность, а на днях получил еще с Вашим письмом от 9-го сего апреля новый дар — двухтомного Марциала;[2] но при моих все еще слабых, после тяжкой болезни, силах и тяжелой работе — окончания моего труда, не дававшего мне до сего дня[а] ни отдыха, ни срока и поглощающего меня всецело, мне не удалось исполнить моего душевного желания — написать к Вам. Однако я все-таки успел прочитать весь[б] присланный Вами последний выпуск «Вечерних огней», урывками конечно, при моих недосугах, и иное не один раз. Что за прелесть — вот настоящий родник поэзии, и как живо. Итак, приношу мое запоздалое благодарение за предшедшую посылку вместе с настоящей последней посылкой. Содержимое в прочитанной уже[в] мною Вашей книжке доставило и будет еще доставлять мне много минут высокого наслаждения.

Боюсь, как бы[г] это письмо мое, долженствующее облегчить для меня,[д] хотя несколько, вину моего долгого молчания, не пришло к Вам в Москву после Вашего отъезда в деревню. Сам я чаю выехать отсюда 5-го или 7 мая. Сомнительно, чтоб я тогда застал Вас в Москве. Если ж почему-либо Ваш отъезд состоится позже, тогда проездом через Москву я, конечно, буду у Вас. В противном случае, я думаю, что наверно застану Вас осенью, в проезд обратный сюда из деревни, что будет во второй половине октября, по моим предположениям.

У нас, несмотря на дни Светлого праздника, все строится к трауру. В среду 24 апреля ожидается привезение сюда останков почившего Великого Князя Н<иколая> Н<иколаевича>, а в пятницу погребение.[3] Я был с старшим сыном у заутрени на светлый праздник в Зимнем дворце, обычные в эту ночь радость и сияние как будто были[е] подернуты флером. В городе тишина, хотя установленный благовест церквей и раздается.

Всей душой преданный Вам и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Жена моя поручает передать Вам благодарение за память о ней и искреннее поздравление с Светлым праздником, а также и дети, свидетельствуя их глубокое к Вам уважение.

[а] до сего дня — *вписано над строкой.*

[б] весь — *вписано над строкой.*

[в] уже — *вписано над строкой.*

[г] как бы — *вписано над зачеркнутым*: чтоб

[д] для меня — *вписано над строкой.*

[е] были — *вписано над строкой.*

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В *Москву.* На Плющихе, в *собственном* доме.

Почтовый штемпель: 23 апреля 1891, Петербург.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 11. № 7. Л. 3–4; конверт — л. 5.

[1] Речь идет о четвертом выпуске «Вечерних огней», который оказался последним, вышедшим при жизни поэта. Он вышел в Москве в начале ноября 1890 г.

[2] См. примеч. 2 к п. 31.

[3] Вел. кн. Николай Николаевич (р. в 1831) скончался 13 апреля 1891 г. в Алупке, последние годы тяжело болел, похоронен в Петропавловском соборе в Петербурге.

33

Фет — Семенову

24 июля 1892 г. Воробьевка

Мос.-Кур. ж. д. $18\frac{24}{7}91$.
ст. Коренная Пустынь.

Многоуважаемый Николай Петрович.

Только третьего дня Страхов в письме своем разъяснил мне, в чем именно состоит глубокая скорбь, поразившая Ваше семейство.[1] Простите великодушно, если строки мои некстати пробудят сердечную боль Вашу, но, даже осуждая меня, Вы поймете, что я не мог оставаться безучастным к тяжелой скорби, Вас поразившей. Жизнь так устроена, что поражающие нас удары болезненно отзываются и на людях духовно нам близких. Если найдете возможным, поцелуйте за меня руку глубокоуважаемой Надежды Павловны.

Неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 49–49 об.

[1] В письме от 17 июля 1891 г. Н. Н. Страхов сообщал Фету о смерти младшей дочери Семеновых Маргариты (р. 1879): «Николай Петрович потерял свою малень-

кую дочь Маргариту; ей шел 12-й год. Она была сокровищем и утешением всей семьи, была необыкновенно красивое, умное и кроткое существо. Уже за два года до смерти она совершенно правильно писала по-русски и по-французски. Мать, Надежда Павловна, очень набожна, и Маргарита стала очень набожна, читала Евангелие, знала все церковные службы и т. п. Ее покосил тиф, — язвы в кишках, она изошла кровью» (*Фет/Страхов.* С. 521). В следующем письме от 28 августа 1891 г. он писал: «Что Вам сказать о нем (Н. П. Семенове. — *Н. Г.*)? Он видимо постарел после смерти дочери. Все у них потускнело с тех пор, как гроб Маргариты стоит в родовом их склепе у церкви села Урусово. На нем много венков и цветочных и металлических, и к нему каждое воскресенье прикладываются, как к мощам» (Там же. С. 522).

34

Фет — Семенову

23 октября 1891 г. Москва

Москва, $18\frac{23}{X}91$.
Плющиха, соб. дом.

Многоуважаемый Николай Петрович.

В нынешнем году различные, но нестерпимо болезненные припадки прогнали нас с женою ранее обычного из деревни в Москву. Здесь хотя и посещают нас приятели: на днях обедали Н. Я. и Н. Н. Гроты, тем не менее мы оба с женою позволяем изредка вывозить себя скорее в виде мумий, чем людей.

Понятно, как горько было нам именно в такой день застать у себя вместо Вас Вашу карточку. Будем надеяться, что с обычной добротой Вы извините этот для нас прискорбный случай, принимая наши усердные приветствия.

Уверенный, что Вы поцелуете за меня руку глубокоуважаемой Надежде Павловне, имею честь быть Вашего Превосходительства

неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ.* Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 51–51 об.

35

Фет — Семенову

7 января 1892 г. Москва

Москва, $18\frac{7}{I}92$.
Плющиха, соб. дом.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вчера обрадовавшая нас своим посещением Наталья Яковлевна[1] передала мне дорогой Ваш подарок[2] вместе с любезными приветствиями. Прося принять искренние выражения глубочайшей признательности за память, желаю Вам и многоуважаемой Надежде Павловне всего лучшего к новому году.

Милая племянница Ваша передала мне о Вашем перемещении на новую великолепную квартиру.

Если бы Вы знали, в какой мере настоящая голодовка привела в брожение и без того сильные дрожжи моих социальных интересов,[3] то без труда поверили бы, до какой степени я ценю многолетний труд Ваш, которым Вы создали себе нерукотворенный памятник в исторической нашей литературе. Конечно, не Ваша вина, что это нетленный памятник самых горестных и почти непоправимых ошибок. Самый первостатейный фотограф не ручается за личную красоту своих клиентов. Мне даже довелось слышать мнения, что современные революционеры, отчаиваясь в успешности опираться на народ, стараются опереться на правительство и, проникая все более во влиятельные сферы, вести народ волею и неволею к окончательной коммуне. Утешаюсь мыслию, что в конце концов история творит сама себя, т. е. из сил не подвластных воле человека.

С пожеланием главнейшего блага — здоровья — прошу верить душевной признательности, с какой имею честь быть

Вашего Превосходительства
преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 53–54.

[1] См. примеч. 1. к п. 27.

[2] Фет откликается на присылку второй части третьего тома труда Н. П. Семенова «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1892).

[3] Лето 1891 г. оказалось неурожайным, вследствие чего в семнадцати губерниях Черноземья и Среднего Поволжья разразился голод. Экономические неурядицы привели к тому, что к этому времени крестьяне оказались лишенными запасов зерна, начались эпидемии тифа и холеры. Правительство ввело ряд чрезвычайных мер для помощи голодающим, в том числе выделило ссуды на закупки зерна, открывались благотворительные столовые и т. д. Уже с 15 августа 1891 г. был запрещен экспорт ржи и отрубей. Фет близко к сердцу принял народное бедствие и выступил с рядом статей, связанных с голодом. Уже в статье «Гром не грянет, мужик не перекрестится», написанной в августе 1891 г., Фет говорил о «тяжкой године жестокого неурожая, к которой распущенность и бесконтрольность привели нас, можно сказать, без копейки продовольственных сумм и без зерна запасного хлеба» (*МВед*. 1891. 21 августа. № 230. С. 4). При этом Фет выступал против даровой раздачи хлеба, считая, что подобные меры не спасают, а усложняют ситуацию: для того, чтобы в неурожайные годы крестьяне не голодали, необходимо обеспечить население дополнительными заработками. По поводу печатных выступлений Фета даже возникла полемика его с «Новым времени», анонимный автор которого советовал поэту писать стихи и не вмешиваться в дела неурожая (Вечерние страхи А. А. Фета // *НВр*. 1891. 22 октября. № 5621. С. 3). Вынужденный отвечать, Фет напомнил, что его опыт землевладельца, к тому же исполнявшего 11 лет обязанности мирового судьи, дает ему право высказываться относительно «деморализующего зла, порождаемого бесконтрольною раздачей помощи нуждающимся» (*Фет А*. Ответ «Новому времени» // *МВед*. 1891. 1 ноября. № 302. С. 6).

ОБЗОРЫ

П. Е. Вайдман, Н. П. Генералова

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА
(Тетрадь стихотворений Фета в Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину)

Дом Чайковского в Клину —
Старая открытка.
Подержи меня в плену,
Старая калитка…

Вероника Долина

Все началось с обычного недоразумения. Редколлегия выходящего в настоящее время Собрания сочинений и писем А. А. Фета в 20 томах довольно долгое время не могла найти автограф стихотворения, озаглавленного «Петру Ильичу Чайковскому» («Тому не лестны наши оды…») и опубликованного впервые в посмертном издании Фета «Лирические стихотворения», которое было подготовлено Н. Н. Страховым и великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) в двух томах в 1894 году.[1] Рабочая тетрадь, по которой в этом издании печатался текст, была впоследствии безвозвратно утрачена, а потому шансов найти автограф было очень мало. И вдруг, совершенно неожиданно, в одном из последних томов подготовленного в Институте мировой литературы РАН «Литературного наследства» воспроизвели искомый автограф. Надпись под ним гласила: «Стихотворение Фета „Петру Ильичу Чайковскому“ („Тому не лестны наши оды…“). Автограф. 18 августа 1891 г. Институт русской литературы РАН, С.-Петербург».[2] Взявшись за подготовку к печати

---

[1] *ЛСт1894*. Ч. 2. С. 319.
[2] *Фет/К. Р.* С. 911.

5-го тома Собрания сочинений, куда должны были войти четыре выпуска поэтических сборников Фета «Вечерние огни», редколлегия, как и в предыдущих томах, поставила перед собой задачу выявить все сохранившиеся автографы стихотворений и произвести фронтальную сверку их с опубликованными текстами. Разумеется, в первую очередь участниками издания были взяты на учет все сохранившиеся автографы в Рукописном отделе ИРЛИ, однако среди них стихотворения Чайковскому точно не было. После того, как мы связались с сотрудниками ИМЛИ, готовившими публикацию переписки Фета для «Литературного наследства» и иллюстративный материал к ней, выяснилось, что фотокопию автографа предоставила одна из участниц проекта, в чьем личном архиве она хранилась долгие годы. Однако за давностью лет точно сказать, откуда появился этот автограф, она сказать не могла, подсказав только шифры на автографе, которые не были воспроизведены на иллюстрации и которые могли бы помочь найти источник. Однако внешний вид автографа, даже без шифров, свидетельствовал о многом.

Во-первых, стихотворение было записано Фетом лично, в то время как хорошо известно, что в последние годы жизни (начиная с 1886-го) вследствие резкого ухудшения зрения поэт чрезвычайно редко делал подобного рода записи. Все, что он писал в эти годы — стихотворения, письма, переводы и т. д., — было надиктовано им секретарю Екатерине Владимировне Федоровой (в замуж. Кудрявцева), ставшей близким человеком в доме Шеншиных. Зная ее почитание таланта Фета и неустанные труды, корреспонденты поэта нередко передавали ей сердечные приветы, ценя ее самоотверженную работу.

Во-вторых, стихотворение, записанное очень аккуратно, находится на листке почтовой бумаги, имеет подпись Фета и дату «18 августа» в левом нижнем углу. Характерно, что год в автографе не проставлен. Все это означает, что он мог быть присоединен к письму, а письмо могло быть адресовано самому Петру Ильичу Чайковскому. В противном случае вместо собственноручного автографа мы бы имели авторизованный текст, записанный рукой Е. В. Федоровой. Именно такой авторизованный текст содержится в письме Фета к К. Р. из Воробьевки от 25 августа 1891 года, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ.[3] Оно-то и раскрывает подлинную историю автографа. В нем Фет сообщает о том, что «три дня тому назад» у него обедал П. И. Чайковский, ему он «прочел и передал» стихотворение, которым композитор «остался, кажется, очень

[3] *ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 174 об.

его братъ Петръ Ильичъ. Онъ понравился мнѣ, какъ вполнѣ артистическая натура. Я посадилъ его за обѣдомъ рядомъ съ собою и увѣренъ, что у Вашего Высочества сильно звенѣло въ ушахъ отъ нашихъ усердныхъ о Васъ разговоровъ. Узнавъ, что онъ страстный любитель цвѣтовъ, Марья Петровна поставила передъ нимъ два букета изъ отцвѣтающаго сада, а я прочелъ и передалъ ему стихотвореніе, которымъ онъ остался, кажется, очень доволенъ. Вотъ оно:

Тому не лестны наши оды,
Нашъ стихъ родной,
Кому гремѣли антиподы
Такой хвалой.

Но потрясенный весь струнами
Его цѣвницъ,
Восторгъ не можетъ и межъ нами
Терпѣть границъ.

Такъ пусть надолго музы наши
Хранятъ пѣвца,
И онъ кипитъ, какъ пѣна въ чаши,
И въ насъ сердца.

Зимой въ Москвѣ Чайковскій будетъ ставить „Пиковую даму", и мы надѣемся увидать его не только у себя на Плющихѣ, но и въ театрѣ.

Вчера вечеромъ, при полученіи Московскихъ Вѣдомостей я былъ крайне обрадованъ появленіемъ въ № 230 моей статьи

Авторизованный текст стихотворения «Тому не лестны наши оды…»
в письме Фета к К. Р. от 25 августа 1891 г.
Вторая страница письма (*ИРЛИ*)

доволен. Вот оно: <…>».[4] Далее идет текст стихотворения, правда, без даты и без заглавия.

Итак, автограф стихотворения был прочитан и вручен П. И. Чайковскому лично. Значит, его надо искать в архиве композитора. Обращение к Директору Государственного дома-музея П. И. Чайковского Г. И. Белонович увенчалось успехом. С ее любезного разрешения автограф был предоставлен в распоряжение редколлегии Собрания сочинений Фета и занял свое почетное место в комментариях к 5-му тому.[5] Известно, что поэт намеревался поместить это стихотворение в готовящийся пятый выпуск «Вечерних огней», но сборник так и не увидел свет при жизни поэта. В выходящем ныне собрании сочинений он включен в раздел «Стихотворения и поэмы 1864–1892 годов, не вошедшие в сборники». Однако на этом открытия в архиве Чайковского не прекратились. Оказалось, что в Клину хранится еще немало сокровищ, связанных с именем Фета.

Среди собрания присланных Чайковскому разными лицами стихотворений, оперных сценариев, музыкальных сочинений нашлось еще одно стихотворение Фета, записанное на таком же почтовом бланке, что и автограф, о котором шла речь выше. На этот раз, правда, им оказался авторизованный текст без даты стихотворения «Мы встретились вновь после долгой разлуки…», записанный рукой секретаря. Появление его, очевидно, объясняется обстоятельствами личной встречи композитора и поэта. Сообщая К. Р. о своем визите к Фету, Чайковский писал о том, что поэт прочел ему «много новых своих стихотворений». «…Причем я удивлялся, — продолжал он далее, — как еще молода и свежа его муза».[6] Речь шла, несомненно, о стихотворениях, написанных уже после выхода в свет четвертого выпуска «Вечерних огней», который появился в продаже в конце ноября — начале декабря 1890 года, хотя на обложке и титуле сборника значится 1891 год.[7]

Можно предположить, что после чтения стихов самим поэтом Петр Ильич попросил записать для него особо понравившееся, возможно с целью положить его когда-нибудь на музыку. Екатерина Владимировна

---

[4] *ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 174–174 об. См. также: *Фет/К. Р.* С. 910.

[5] Текст стихотворения и автограф, хранящийся в ГДМЧ, воспроизведен в наст. сборнике в статье А. Г. Айнбиндер (С. 41–42).

[6] *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений. М., 1978. Т. 16-а. С. 257–258. Далее: *Чайковский*, с указанием номера тома и страницы.

[7] Во всяком случае, уже 14 декабря 1890 г. Н. Н. Страхов благодарил Фета за присланную книжку «Вечерних огней» (*Фет/Страхов.* С. 507).

без труда могла исполнить эту просьбу, и листок со стихотворением «Мы встретились вновь после долгой разлуки…» был увезен Чайковским с собой.

Однако самой неожиданной находкой оказалась целая тетрадка со стихотворениями Фета, которая тоже находилась в архиве композитора среди других некогда присланных ему текстов. Здесь были записаны двадцать стихотворений Фета, аккуратно пронумерованных римскими цифрами:

I. «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза…»),
II. «Еще люблю, еще томлюсь…»,
III. «Я не знаю, не скажу я…»,
IV. «На кресле отвалясь гляжу на потолок…»,
V. «Опавший лист дрожит от нашего движенья…»,
VI. «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал…»,
VII. «Весь вешний день среди стремленья…»,
VIII. «Безобидней всех и проще…»,
IX. «Завтра — я не различаю…»,
X. «Не упрекай, что я смущаюсь…»,
XI. «Только месяц взошел…»,
XII. «Качаяся, звезды мигали лучами…»,
XIII. «Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной…»,
XIV. «Я слышу и судьбе я покоряюсь грозной…»,
XV. «Кляните нас! нам дорога свобода…»,
XVI. «Люби меня. Как только твой покорный…»,
XVII. «За горами, песками, морями…»,
XVIII. «Я говорю, что я люблю с тобою встречи…»,
XIX. «Фонтан» («Ночь и я, мы оба дышим…»),
XX. «Нет мне не верится, чтоб ты была послушна…».

Возникает вопрос: почему же до сих пор эта тетрадь не попала в поле зрения исследователей творчества Фета? Ответ прост и одновременно сложен. Как справедливо указано в статье А. Г. Айнбиндер, публикуемой в настоящем сборнике, на первом листе тетрадки записана рукой Николая Ильича Чайковского басня «Щенок и молоко». На обороте листа проставлена дата: «с. Уколово / 25/$_{\text{VIII}}$ 91» и стоит подпись: «Николай и Георгий Чайковские», причем имя «Георгий» написано детской рукой.

Как определила А. Г. Айнбиндер, на присылку этой басни откликнулся П. И. Чайковский в письме к племяннику Георгию (Жоржу) от 5 сентября 1891 года. Композитор прямо говорит, что басня была сочинена (по-видимому, он узнал это из не дошедшего до нас письма Николая) братом и племянником, которому в то время было 9 лет. Именно эта басня и ввела в заблуждение исследователей.

Дело в том, что почерк Николая Ильича Чайковского оказался похожим на почерк Екатерины Владимировны Федоровой. Было решено, что после басни Николай Ильич переписал несколько стихотворений Фета в ту же тетрадку, отметив после последнего стихотворения место, где они были написаны Фетом, и проставив дату. В действительности же, скорее всего, все было по-другому. Если внимательно присмотреться к последней странице тетрадки, то увидим, что там, после стихотворения «Нет мне не верится, чтоб ты была послушна…», рукой Н. И. Чайковского проставлена более ранняя дата, чем дата под текстом басни: «с. Воробьевка / А. Фет. / 22/$_{\text{VIII}}$ 91».[8] Значит, басня была вписана после того, как в тетрадке оказались перечисленные двадцать стихотворений Фета. Что же нам дают эти даты и как они соотносятся с 18 августа 1891 года — датой написания стихотворения «Петру Ильичу Чайковскому»?

Выше мы говорили о том, что в день визита Чайковского в Воробьевку Фет прочитал и вручил композитору посвященное ему стихотворение, а также читал ему свои новые стихотворения. Очевидно, одно из них («Мы встретились вновь после долгой разлуки…») Чайковский попросил переписать. Поскольку стихотворения записаны в хронологическом порядке (хотя под ними не проставлены даты, они известны нам из других источников), легко определить, что именно этого стихотворения не хватает в тетрадке. Остается предположить, что и эти двадцать стихотворений были переписаны для композитора по его просьбе: вряд ли Фет решился бы на такой поступок (совершенно исключительный, насколько нам известно) по собственному желанию. Конечно, за то время, пока Чайковский находился в гостях у Фета, Е. В. Федорова не могла переписать все стихотворения, она сделала это спустя некоторое время. Дата в конце тетрадки свидетельствует, что переписанные стихотворения были готовы уже 22 августа и, несомненно, переданы в Уколово Николаю Ильичу для последующей передачи брату.

Однако именно в этот день, как пишет А. Г. Айнбиндер, Петр Ильич был уже в Каменке Киевской губернии у своей сестры Александры Ильиничны Давыдовой, куда приехал не позднее 21 августа, а 19 августа он, по убедительному предположению той же исследовательницы, находился еще в Уколово у брата Николая Ильича и сделал нотную запись на память, помеченную этим числом.[9] Значит, он приезжал в Воробьевку

---

[8] См. статью А. Г. Айнбиндер в наст. томе (С. 46), а также ил. на с. 734.

[9] См.: Там же. С. 43–44. О том, что 22 августа Петр Ильич был в Каменке, свидетельствуют два его письма: к П. Л. Петерсену и к П. И. Юргенсону (*Чайковский*. Т. 16-а. С. 195–196).

(скорее всего, с братом Николаем) между 18 и 21 августа 1891 года. Можно попытаться гипотетически уточнить эту дату. Если 21-го Чайковский был уже в Каменке, то вряд ли он ездил к Фету 20-го, какое-то время должно было уйти на сборы, а поездка в Воробьевку должна была занять целый день. Получается, что остается два дня: 18 и 19 августа. Дата под стихотворением — 18 августа. Она может означать как дату написания, так и дату встречи. Не очень надежный, но все же аргумент в пользу второго предположения — отсутствие в дате года. Обычно в подобных случаях поэт проставлял и число, и месяц, и год, а иногда и место написания стихотворения. В данном случае «18 августа» как будто начинает играть роль знаменательной даты — даты встречи двух больших художников. Но, повторяем, этот аргумент не выдерживает строгой критики.

Вернемся к письму Фета к К. Р. от 25 августа 1891 года, о котором мы говорили вначале. В нем поэт указывал, правда приблизительно, несколько более поздний отрезок времени: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому родной его брат Петр Ильич».[10] Если отсчитать от 25 числа три дня, получится либо 21, либо 22 августа. Но, как говорилось выше, в это время композитор был уже в Каменке. Остается предположить, что наиболее близкими по времени к упомянутым «трем дням» оказываются 19 или 20 августа 1891 года. 20-е число, по-видимому день отъезда или сборов к нему, приходится отбросить как маловероятное, поскольку после поездки в Воробьевку и, очевидно, в тот же день посещения лежащей по дороге к Фету Коренной пустыни необходим был какой-то отдых. В таком случае дату 19 августа 1891 года следует, по-видимому, считать наиболее вероятной датой единственной встречи композитора и поэта. Двухдневное пребывание в Уколово, о котором упоминает Фет, на самом деле вылилось в трех, четырех или даже пятидневное[11] и пришлось, скорее всего, на 18–19 августа. При этом

---

[10] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 174. См. также: *Фет/К. Р.* С. 910.

[11] О том, что он провел в Уколово четыре дня и оттуда ездил в Коренную пустынь и Воробьевку, расположенную в 30 верстах, Чайковский сообщил брату Анатолию (*Чайковский*. Т. 16-а. С. 199–200). В другом письме, к брату И. И. Чайковскому, он говорит, что провел у Николая «трое суток» (Там же. С. 202). Впрочем, с точностью установить даты пребывания композитора в Уколово и в Каменке довольно затруднительно, поскольку разные исследователи называют разные даты: например, в Полном собрании сочинений Чайковского и в Летописи его жизни и творчества (Дни и годы П. И. Чайковского: Летопись жизни и творчества / Составление Э. Зайденшнур и др.; под ред. В. Яковлева. М.; Л., 1940. С. 535) указано, что

остается возможность, что Чайковский заехал в Воробьевку по пути в Киевскую губернию.

О визите Чайковского в Воробьевку почти в тех же словах, что в письме к К. Р., поэт писал своему другу графу А. В. Олсуфьеву 26 августа 1891 года: «На днях обедал у нас композитор Чайковский; это очень милый и развитой человек. Зимой он будет ставить в Москве свою „Пиковую даму“».[12] Еще одно свидетельство содержится в письме Фета к художнику И. С. Остроухову и его жене Надежде Петровне от 14 сентября 1891 года, которое хранится в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи. К письму было приложено и стихотворение, посвященное Чайковскому: «Обедал у нас знаменитый композитор Чайковский, и мы почтили его двумя осенними, но великолепными букетами, как любителя цветов, и за шампанским я прочел стихотворение, которым он видимо остался очень доволен и увез с собою. / Прилагаю его в копии, а равно самое последнее мое стихотворение, зная, как благосклонно Вы всегда относитесь к моей старушке музе».[13]

Почему же под стихотворением, посвященным П. И. Чайковскому, стоит дата «18 августа»? Ответ можно дать вполне правдоподобный: Фет мог узнать о предстоящем приезде П. И. Чайковского в Уколово от его брата Николая, своего соседа по имению, с которым виделся неоднократно, и договориться о визите композитора в Воробьевку. Ведь Чайковский, как свидетельствуют письма, обедал у Фета. Мы не знаем точно, кто был инициатором встречи, но можно с уверенностью утверждать, что и Фет и Чайковский знали друг друга задолго до личного знакомства, а взаимная симпатия его предопределила. Несомненно, этому способствовал Николай Ильич Чайковский. Как указано в статье А. Г. Айнбиндер, еще 3 августа 1891 года он писал брату, что Фет с женой «не дождутся» приезда композитора в Воробьевку.[14]

в Каменке он пробыл с 20 по 27 августа. В таком случае следовало бы перенести дату его визита в Воробьевку на 19 августа. Если точно известно, что с 14 августа П. И. Чайковский находился у брата Николая, то прибавка к этой цифре четырех дней, не считая дня приезда, дает 18-е число. В этот день композитор мог поехать в Коренную пустынь, а оттуда в Воробьевку. Оставшегося времени ему хватило бы на то, чтобы вернуться в Уколово и добраться до Каменки.

[12] *Письма к Олсуфьеву (52).* С. 118.

[13] *ГТГ.* Ф. 10. № 7082. Л. 1. Этот фрагмент опубликован: *Асланова Г.* «Под гостеприимным кровом Вашим…» // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М., 1995. С. 38. Здесь цитируем по копии подлинника, любезно предоставленной И. А. Кузьминой.

[14] См. указ. статью А. Г. Айнбиндер в наст. томе (С. 40).

Зная заранее о приезде Чайковского, Фет мог еще до визита написать посвященное ему стихотворение и поставить под ним дату. Эта дата фигурировала и в утраченной рабочей тетради Фета, откуда ее воспроизвели вместе со стихотворением первые публикаторы Н. Н. Страхов и К. Р., о чем шла речь выше. Конечно, можно было бы возразить, что стихотворение было послано К. Р. в письме от 25 августа и оттуда могло быть перенесено в готовящийся том. Однако в письме, как уже говорилось, оно не имеет ни заглавия, ни даты, в то время как в первой публикации они воспроизведены совершенно точно. Надо сказать, что Фет, хотя и утверждал неоднократно, что не может писать стихи «на заказ», в действительности много раз нарушал этот принцип. Сказанное относится ко множеству стихотворений «на случай», посвященных памятным датам родственников и знакомых — именинам, свадебным торжествам, юбилеям, наконец, датам смерти. Как правило, подобные стихотворения поэт писал накануне. Это касается даже тех стихов, где в заголовке фигурировала определенная дата. Например, в подзаголовке стихотворения «На погребение Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Георгиевны 18 сентября 1891» («Там, где на красные ступени…») дата означает не время написания, а время погребения. Само же стихотворение следует датировать 23–26 сентября 1891 года, по письму Фета к К. Р., к которому был приложен собственноручный автограф. Составивший первый хронологический указатель стихотворений Фета Б. В. Никольский по ошибке внес стихотворение под датой «18 сентября 1891». Эта ошибка была исправлена Б. Я. Бухштабом в издании Полного собрания стихотворений Фета (Большая серия «Библиотеки поэта») 1959 года, где ученый попытался датировать все публикуемые стихотворения, на «Сентябрь 1891». Подобная ошибка была допущена при публикации стихотворения, имеющего в заглавии только дату: «1881 года, 11 июля» («Желаю Оле…») и посвященного племяннице Фета Ольге Ивановне Щукиной (в замуж. Иост). Этим числом датировал стихотворение, не напечатанное при жизни поэта, не только первый публикатор Б. В. Никольский,[15] но и Б. Я. Бухштаб,[16] хотя совершенно очевидно, что стихотворение написано накануне именин, которые Ольги отмечают 11 июля. Подобных примеров можно привести десятки, но сказанного достаточно, чтобы утверждать, что стихотворение «Петру Ильичу Чайковскому» хотя и было написано 18 августа 1891 года, вручено адресату было не в тот же день, как ошибочно считают новей-

[15] *ПССт1901*. Т. 3. С. 395.
[16] *ПССт1959*. С. 528.

шие комментаторы в целом превосходно подготовленной переписки Фета с К. Р. в «Литературном наследстве».[17]

Завершая разговор об истории появления в архиве П. И. Чайковского более двух десятков текстов Фета, среди которых один написан его рукой, следует подчеркнуть, что встреча двух гениев не прошла бесследно для обоих. В письмах к разным корреспондентам и Фет, и Чайковский тепло вспоминали об этой единственной встрече. В упомянутом письме к К. Р. от 25 августа Фет выражал надежду увидеться с композитором зимою в Москве: «Зимой в Москве Чайковский будет ставить „Пиковую даму“, и мы надеемся увидать его не только у себя на Плющихе, но и в театре».[18] Из этих слов видно, что во время визита Чайковский получил от Фета и его жены приглашение побывать в их московском доме, однако, судя по письму к К. Р. от 4 ноября 1891 года, это посещение не состоялось.[19] Отметим, что упомянутое письмо было написано в день премьеры «Пиковой дамы» в Москве в Большом театре, на которой, судя по контексту, поэт не присутствовал. До нас не дошло сведений и о том, слушал ли Фет в театре оперу Чайковского и виделся ли там с композитором, но, как убедительно показала в своей статье А. Г. Айнбиндер, насыщенная философскими мотивами лирика позднего Фета не могла не оказать определенного влияния на формирование творческого замысла великой оперы Чайковского.

В связи с этим можно высказать еще одно предположение. Как показали разыскания А. Г. Айнбиндер, в библиотеке Чайковского хранились почти все издания Фета, начиная с солдатенковского двухтомника 1863 года. Можно с уверенностью предположить, что и сборник 1856 года также не прошел мимо внимания Чайковского, тогда еще учившегося в Училище правоведения, поскольку в 1857 году им был создан первый из пяти романсов на стихи Фета — «Мой гений, мой ангел, мой друг…», написанный на стихотворение «Не здесь ли ты легкою тенью…» (цикл «К Офелии»).[20] Впервые это стихотворение было опубликовано в сборнике 1850 года и перепечатано в следующем сборнике 1856 года. В числе перечисленных книг из библиотеки Чайковского упоминается конволют, состоящий из трех первых выпусков «Вечерних огней».[21] Однако

---

[17] *Фет/К. Р.* С. 912, примеч. 3.

[18] Там же. С. 911.

[19] «Чайковский в настоящую минуту ставит в Москве свою „Пиковую даму“, — писал Фет, — но у нас он не был, и не знаю, попадет ли по своей рассеянности» (Там же. С. 922).

[20] См. указ. статью А. Г. Айнбиндер в наст. томе (С. 38).

[21] Там же. С. 50.

вновь найденная тетрадка стихотворений Фета, где помещены стихотворения, написанные после выхода в свет четвертого выпуска «Вечерних огней» (1890), свидетельствует в пользу гипотезы, что у композитора ко времени встречи с Фетом уже был приобретенный им недостающий в конволюте выпуск, или же Фет подарил ему этот выпуск в Воробьевке, разумеется, с дарственной надписью. К сожалению, следов этого экземпляра обнаружить пока не удалось.

Следует сказать, что найденная в Государственном доме-музее П. И. Чайковского тетрадка стихов Фета (далее — *ТетрГДМЧ*), помимо историко-литературного значения, имеет дополнительное значение как еще один источник текста для целых двадцати стихотворений. И вот почему.

Как уже говорилось, рабочая тетрадь Фета, в которой содержались стихотворения, написанные с ноября 1890 года, была утрачена, как большая часть рабочих тетрадей, кроме двух, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и одной в Российской государственной библиотеке. По правилам, принятым в текстологии, значение основного источника для последующего воспроизведения стихотворений, автографы которых отсутствовали, должны были приобрести первые (они же и последние) печатные публикации, поскольку стихотворения этого периода уже не вошли ни в один из прижизненных сборников. В ряде случаев в роли источника должно было выступить первое посмертное издание 1894 года, подготовленное Страховым и К. Р., или издание 1901 года, подготовленное Б. В. Никольским. Все трое издателей располагали утраченными рабочими тетрадями Фета, а также сборниками стихов с собственноручными пометами поэта (эти сборники тоже оказались утраченными). Но мы теперь хорошо знаем, какие вольности допускали все издатели Фета в отношении его текстов, особенно в отношении пунктуации.[22]

К счастью, помимо печатных источников, осталось немало писем Фета, в которые были включены его поздние стихотворения. Для исследователей настоящей удачей оказался тот факт, что в последние семь лет жизни поэт вел интенсивную переписку с великим князем Константином Константиновичем, который настолько дорожил письмами Фета, что переплел их вместе со своими письмами (возвращенными ему вдовой поэта Марией Петровной) в два тома. Эти тома в красном сафьяновом переплете находятся ныне в Пушкинском Доме. Почти в каждом

---

[22] См. об этом: *Генералова Н. П.* Текстологические проблемы издания стихотворений Фета (Собрание сочинений и писем в 20 томах) // *ФетСб(1)*. С. 5–29.

письме оба корреспондента посылали друг другу новые стихотворения и высказывали свое мнение о присланных. Еще большей удачей для текстологов и исследователей творчества Фета оказалась сохранившаяся переписка с Я. П. Полонским, другом юности, отношения с которым прервались более чем на десять лет и возобновились лишь в 1883 году, когда Полонский откликнулся на выход в свет первого выпуска «Вечерних огней». С конца 1887 года переписка стала регулярной. Старые приятели не только обменивались вновь написанными стихотворениями, но и давали подчас нелицеприятную оценку произведениям друг друга.[23]

К сожалению, все письма Фета и почти все поэтические тексты, в них содержащиеся, написаны не им лично, а, как уже говорилось, рукой его секретаря Е. В. Федоровой. Но учитывая, что и письма, и тексты стихотворений диктовались самим Фетом, М. А. Соколовой, подготовившей все выпуски «Вечерних огней» в серии «Литературные памятники», было принято решение называть эти тексты не «списками», как требовали правила текстологии, а «авторизованными текстами».[24] Составители 5-го тома Собрания сочинений Фета, куда вошли все выпуски «Вечерних огней» и «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в прижизненные сборники», пошли еще дальше и отнесли описание этих авторизованных списков в раздел «Автографы», с указанием, что они записаны не рукой Фета. Значение этих документов трудно переоценить. Нередко в них содержится правка рукой поэта, но главное, они все не только им диктовались, но и перечитывались. Иногда поэт вносил небольшую правку: расставлял знаки препинания и т. д. Таким образом, несмотря на пропажу рабочих тетрадей, эти авторизованные тексты в большинстве случаев компенсируют потерю, хотя, разумеется, не в полной мере.

Вот почему находка в архиве П. И. Чайковского двадцати двух автографов Фета, среди которых один собственноручный, стала настоящей сенсацией для тех, кто готовил 5-й том Собрания сочинений поэта. В уже готовый и сверстанный том пришлось внести срочную правку: не только описать вновь обретенные автографы, но и в ряде случаев изменить текст, принятый в корпусе как основной. Это касалось только раздела «Не вошедшее», поскольку все четыре выпуска «Вечерних огней» печатаются в 5-м томе по прижизненным сборникам.

---

[23] Эта замечательная переписка опубликована в одном из последних томов «Литературного наследства» Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной (*Фет/Полонский.* С. 554–986).

[24] *Соколова М. А.* Принципы издания // *ВО 1979.* С. 647–648.

Чрезвычайно интересно уже первое стихотворение «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза…»), имеющее номер «I». Не вызывает сомнений, что с этого текста начиналась утраченная рабочая тетрадь Фета, содержавшая стихотворения, которые были предназначены позже для пятого выпуска «Вечерних огней», так и не вышедшего в свет. В 5-м томе Собрания сочинений в качестве основного, или канонического текста был выбран напечатанный в еженедельном журнале «Царь-колокол» (1891. № 4. С. 57), поскольку в нем была учтена правка, внесенная Фетом после критических замечаний Я. П. Полонского в письме от 19–20 декабря 1890 года (первоначально у Фета была не сентябрьская, а октябрьская роза, но, соглашаясь с Полонским, он даже дал заглавие, сначала отсутствовавшее).[25] Конечно, в рабочей тетради содержалась правка, о которой Фет сообщил Полонскому 30 декабря 1890 года,[26] и дата «22 ноября 1890», с которой стихотворение было опубликовано в посмертном издании.[27] По сравнению с первой публикацией в «Царь-колоколе», в *ТетрГДМЧ* есть лишь одно разночтение в стихе 6, где отсутствует проставленная в тексте из письма к Полонскому и в первой публикации запятая (*В давно безлиственных кустах* вместо: *В давно безлиственных кустах,*). Эта, казалось бы, незначительная деталь все же существенна при выявлении последней воли поэта, а именно она зафиксирована в *ТетрГДМЧ.* Любопытно, что и наиболее авторитетный издатель Фета в XX веке — Б. Я. Бухштаб принял в изданиях 1959 и 1986 годов именно такую пунктуацию.

Но еще интереснее другое. В Российской государственной библиотеке сохранился отдельный сдвоенный лист, возможно вырванный из предыдущей рабочей тетради, которая содержала стихотворения, вошедшие в четвертый выпуск «Вечерних огней». Здесь записано несколько стихотворений: четыре рукой Федоровой и одно рукой Фета. После первых двух — «Запретили тебе выходить…» и «Я. П. Полонскому» («В минувшем жизнь твоя богата…») — рукой Фета написано: «Конец 4-го выпуска „Веч<ерних> огней“».[28] Оба стихотворения действительно вошли в четвертый выпуск «Вечерних огней». После этого на следующем листе (Л. 2) рукой Федоровой записано стихотворение «Е. Д. Д.» («Все изменяется как тень…»), посвященное Елизавете Дмитриевне Дункер, под которым стоит дата: «14 окт. 1890 / Москва». В пра-

[25] См.: *Фет/Полонский.* С. 861.

[26] Там же. С. 872.

[27] *ЛСт1894.* Ч. 1. С. 321.

[28] *РГБ.* Ф. 315. К. 1. № 22. Л. 1 об.

вом верхнем углу есть карандашная помета: «Нет», означающая, что поэт принял решение не печатать это стихотворение, хотя собственноручная правка говорит о том, что он его дорабатывал. А вот на обороте второго листа (снова рукой Федоровой) находится стихотворение «Из тонких линий идеала…» с правкой, которая внесена секретарем, очевидно, под диктовку Фета. Под текстом дата: «11 ноября 1890». В правом верхнем углу помета чернилами: «Р<усское> обозр<ение>», карандашом: «Переписано и послано». Но что особенно важно, над текстом позже карандашом проставлена цифра: «I», а в левом верхнем углу чернилами сделана помета: «*NB*». Эта помета может означать только одно — возможность поместить стихотворение в качестве открывающего сборник. И действительно, стихотворением «Из тонких линий идеала…» Фет намеревался открыть пятый выпуск «Вечерних огней», однако решение это было принято не сразу.

Ниже собственноручный автограф стихотворения Фета — «Что молчишь. Иль не видишь, горю…», тоже не напечатанного при жизни поэта.

Выскажем гипотезу. Листок, на котором записаны все перечисленные стихотворения, был вырван из рабочей тетради потому, что на нем оказались два стихотворения, не предназначенные Фетом к печати — «Е. Д. Д.» и «Что молчишь. Иль не видишь, горю…». Вместе с ними осталось вне этой тетради и стихотворение «Из тонких линий идеала…». Таким образом, рабочая тетрадь Фета, по которой формировался пятый выпуск «Вечерних огней», начиналась со стихотворения «Сентябрьская роза». Но именно с него и начиналась тетрадка стихотворений, обнаруженная в архиве П. И. Чайковского, если не считать басни, вписанной на «титульный лист» этой небольшой тетрадки после того, как она была получена из Воробьевки.

Получается, что Фет попросил Екатерину Владимировну переписать из рабочей тетради все стихотворения, написанные им после выхода в свет четвертого выпуска «Вечерних огней», вплоть до последнего стихотворения «Петру Ильичу Чайковскому», созданного за день или два до визита к нему композитора. По понятным причинам секретарь не включила в тетрадку стихотворение «Мы встретились вновь после долгой разлуки…», уже переписанное ею, очевидно, 21 августа. Если бы этого не произошло, то оно оказалось бы в тетрадке под номером XVI, после стихотворения «Кляните нас! нам дорога свобода…» (принимая во внимание дату его написания — «2 марта 1891»). Подаренное же композитору накануне стихотворение «Мы встретились вновь после дол-

гой разлуки…» помечено 30 марта того же года. В таком порядке перечисленные стихотворения были зафиксированы и в Списке 1892 года.[29]

Возникает правомерный вопрос: а соответствует ли вообще нумерация стихотворений в *ТетрГДМЧ* и в будущем пятом выпуске «Вечерних огней»? Очевидно, нет. Сбой начинается с номера «IX», под которым в *ТетрГДМЧ* записано стихотворение «Завтра — я не различаю…». В планировавшемся пятом выпуске оно должно было идти под номером «XI». Очевидно, переписчица по прямому указанию Фета пропустила стихотворение, посвященное Наталье Михайловне Соллогуб («Тобой привычный восхищаться…»), помеченное в Списке 1892 года номером «X». Легко догадаться, что и далее Фет опускал стихотворения, имеющие характер личных посвящений, как неуместные для того, кто мог взяться за сочинение романсов на предложенные тексты. Таким образом, из *ТетрГДМЧ* «исчезли» стихотворения «Марианне Федоровне Ванлярской при получении визитной карточки с летящими ласточками» («Мечтам покорствуя отважным…»), помеченное в несостоявшемся выпуске «Вечерних огней» номером «XXI», «Роящимся мечтам лететь дав волю…» (№ XXII), «На смерть Бражникова» («Взвод, вперед, справа по три, не плачь!..») (№ XXV), «Давно в любви отрады мало…» (№ XXVI), «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891» («Когда-то Ольга душу живу…») (№ XXVII). В остальном Е. В. Федорова строго следовала хронологическому порядку, в котором переписанные стихотворения шли в рабочей тетради, а затем должны были войти в пятый выпуск «Вечерних огней». Но если «пропуск» большей части перечисленных стихотворений вполне мотивирован (это определенно «стихотворения на случай»), то исчезновение в *ТетрГДМЧ* двух чисто лирических текстов мало понятно («Роящимся мечтам лететь дав волю…» и «Давно в любви отрады мало…»), поскольку они несомненно находились в утраченной тетради. Иначе первым публикаторам Страхову и К. Р. просто неоткуда было взять даты их создания (14 мая и 24 июня 1891). Можно было бы предположить, что Фет намеревался воздер-

[29] В этом сохранившемся Списке они имеют номера XVII и XVIII, проставленные К. Р., который переписал их из утраченной рабочей тетради Фета (в таком порядке они напечатаны в издании «Литературные памятники», где М. А. Соколовой была предложена оригинальная реконструкция пятого выпуска «Вечерних огней». См.: *ВО 1979*. С. 389–390). Прибавление еще одного номера должно быть отнесено на счет недостающего в *ТетрГДМЧ* стихотворения «Из тонких линий идеала…», добавленного Фетом в планируемый пятый выпуск «Вечерних огней» в качестве открывающего. Возможно, именно тогда он нашел отвергнутое поначалу стихотворение и поставил над ним номер: «I».

жаться от обнародования этих двух стихотворений, однако оба они были напечатаны при его жизни — в журнале «Нива» за 1892 год (№ 41. С. 890) и в «Русском обозрении» за 1891 год (№ 12. С. 516).

Почти все тексты из *ТетрГДМЧ* вошли в основной корпус раздела 5-го тома Собрания сочинений Фета в 20 томах — «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в прижизненные сборники», заменив в некоторых случаях ранее принятые тексты первых прижизненных публикаций или авторизованные тексты более раннего происхождения. Примечательно, что в большинстве случаев тексты *ТетрГДМЧ* подтверждают «правоту» предыдущего авторизованного текста. В отдельных случаях, когда автограф или авторизованный текст был неизвестен, благодаря *ТетрГДМЧ* возникла необходимость ввести в текстологический комментарий раздел «Автографы» («Еще люблю, еще томлюсь…», «Я не знаю, не скажу я…» и др.). В виде исключения в двух случаях (в отношении стихотворений «Опавший лист дрожит от нашего движенья…» и «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал…») предпочтение отдано собственноручным автографам из альбома Жиркевича, хотя сопоставление их с другими авторизованными текстами показывает, что в альбом Фет записывал стихотворения по памяти и, строго говоря, изменил собственную пунктуацию, к которой позднее вернулся в *ТетрГДМЧ*.

Обнаружение новых автографов Фета, причем более позднего происхождения, чем все предыдущие и даже в ряде случаев чем первые публикации в периодике, помогло уточнить тексты и к тому же снять ряд разночтений, присутствующих в позднейших публикациях.

Приведем в качестве примера любопытное недоразумение, возникшее со стихотворением «Завтра — я не различаю…», где, за отсутствием автографа (или в данном случае авторизованного текста) из письма Фета к Я. П. Полонскому от 25 января 1891 года, один из первых издателей прочитал стих 10 неверно. Приведем стихотворение целиком по *ТетрГДМЧ*:

Завтра — я не различаю,
Жизнь — запутанность и сложность;
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность.

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный.

Размышлять не время, видно,
Коль в ушах и в сердце шумно,
Рассуждать сегодня стыдно,
А безумствовать разумно.

В первом посмертном издании стих 10 читался следующим образом:

Как в ушах и в сердце шумно;[30]

А уже в издании Б. В. Никольского в конце стиха появился столь любимый редактором восклицательный знак, в корне изменивший смысл поэтического высказывания. Но сначала следует ответить на вопрос, откуда в стихе появилось «как» вместо «коль» именно в этом последнем значении. Для этого обратимся к названному письму Фета к Полонскому, где содержится ранний вариант стихотворения. Здесь последняя строфа выглядит следующим образом:

Размышлять не время видно,
Как в ушах и в сердце шумно.
Рассуждать сегодня стыдно,
А безумствовать — разумно.

Стоящая в конце стиха 10 точка не допускает двух толкований: «как» здесь употреблено в значении «когда», то есть в значении причинного союза, соответствующего «так как» и уже во времена Фета звучавшего с оттенком устарелости, а не в значении определительного наречия, означающего в восклицательном предложении высшую степень какого-либо действия или состояния. К слову сказать, в письме к Полонскому в стихе 5 употреблен тот же союз в том же значении:

Где владеть собой, как глазки
Влагой светятся туманной,

Правда, в конце стиха 6 стоит запятая, а не точка. Однако в первой публикации стихотворения именно здесь стоит точка, образуя высказывание, синонимичное стихам 9–10.[31] Зато в этой публикации вместо «как» стоит «коль»: оно, очевидно, было в рабочей тетради, по которой Страхов и К. Р. воспроизводили текст. Казалось бы, это исправление в стихе 5 должно было повлечь за собой аналогичное исправление в стихе 10, однако этого не произошло, и в окончательном виде так и осталось: «коль» в стихе 5 и «как» в стихе 10, пока не появился дополнительный источник в виде авторизованного текста в *ТетрГДМЧ*. Таким образом, последний по времени известный нам автограф дал основание выдвинуть его в качестве основного текста, предоставив оставшимся значе-

---

[30] *ЛСт1894*. Ч. 2. С. 207.

[31] Артист, театральный, музыкальный и художественный журнал. 1891. № 13 (Февраль). С. 101.

ние вариантов. Правильно ли это? В строгом смысле слова нет, поскольку, как уже говорилось, редакторы первого посмертного издания и Никольский располагали рабочими тетрадями Фета. С другой стороны, можно допустить, что автограф из *ТетрГДМЧ* явился в самом деле окончательным по времени вариантом (или, если говорить строго, редакцией), а в рабочей тетради он оказался не зафиксированным. Так или иначе, но он имеет полное право считаться полноценным автографом, которому может быть отдано предпочтение.

Найденная тетрадь, однако, не только разрешила некоторые сомнения, но и добавила новые. Так, в стихотворении «Не упрекай, что я смущаюсь…», имеющем в *ТетрГДМЧ* порядковый номер «X», в стихе 11 появился вариант, ставящий исследователей в тупик. Не имея возможности решить эту проблему, составители 5-го тома Собрания сочинений Фета отдали предпочтение первой публикации, хотя в *ТетрГДМЧ* зафиксирована последняя воля автора. Вот как выглядит стихотворение в первой публикации журнала «Русское обозрение»:

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес,
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы — жизнь их осудила —
То прах давнишних алтарей,
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.[32]

В *ТетрГДМЧ* два заключительных стиха читаются следующим образом:

И содрогаясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.[33]

Вызывает, однако, сомнение прочтение стиха 11, где вместо понятного «И, согреваясь жизнью новой» стоит «И содрогаясь жизнью новой». Если бы этот вариант остался в рабочей тетради, то он, скорее

[32] Русское обозрение. 1891. Т. 3. № 5. С. 142.
[33] *ТетрГДМЧ.* Л. 6 об.

всего, был бы учтен при подготовке *ЛСт1894* или *ПССт1901*. Следовательно, наиболее вероятным приходится признать предположение, что ошибся либо Фет, диктуя стихотворение, либо Е. В. Федорова при переписывании его из рабочей тетради. Нельзя, однако, исключать возможность, что сохранившийся в *ТетрГДМЧ* вариант является неучтенной авторской редакцией. Фет мог лишь впоследствии заметить, что глагол «содрогаться» употреблен им уже в стихе 3, и заменить его в стихе 11.

В ряде случаев авторизованный текст из *ТетрГДМЧ* является наиболее авторитетным и единственным письменным источником («Еще люблю, еще томлюсь…», «Я не знаю, не скажу я…», «Люби меня. Как только твой покорный…», «Весь вешний день среди стремленья…», «Безобидней всех и проще…», «Завтра — я не различаю…», «Только месяц взошел…», «Я слышу и судьбе я покоряюсь грозной…») даже в сравнении с первой публикацией, если она была осуществлена после 22 августа 1891 года. Например, стихотворение «Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной…» печатается по *ТетрГДМЧ*, несмотря на то что последняя воля автора зафиксирована в первой публикации («Русское обозрение»). Во-первых, это единственный автограф стихотворения, подтверждающий правильность прочтения стиха 4 в первой публикации. Последующие исправления редакторами точки на запятую существенно меняли интонационный строй стихотворения. Во-вторых, даже в первой публикации в стих 2 внесен знак препинания (запятая), не свойственный Фету в подобных случаях.

В отдельных случаях тексты из *ТетрГДМЧ* помогают окончательно установить текст, когда известные ранее источники допускали двойную трактовку. Так, в стихотворении «За горами, песками, морями…» в авторизованном тексте из письма к Полонскому стихи 15–16 читались следующим образом:

В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь, и любить.

То же прочтение было зафиксировано в первой публикации.[34] Однако в письме к К. Р. стих 15 читается иначе: «В холодок Вашей северной ночи», что допускает трактовку стихотворения как послания к великому князю. Вновь найденный автограф в *ТетрГДМЧ* позволяет решительно отклонить это предположение.

Наконец, настоящей загадкой для текстологов представляется последнее переписанное в *ТетрГДМЧ* стихотворение «Нет, мне не верится,

---

[34] *РВ*. 1891. Т. 217. № 11. С. 68.

чтоб ты была послушна…». Дело в том, что в 1916 году в Петрограде вышла интереснейшая книжка известного в свое время поэта и критика Серебряного века Бориса Александровича Садовского «Ледоход: Статьи и заметки». Страстный поклонник поэзии Фета, Садовской в этом сборнике посвятил любимому поэту несколько статей и публикаций. Помимо биографических заметок, ряда писем и других документов, здесь было напечатано ценнейшее «Описание рукописей А. А. Фета», сделанное Садовским на основе личного ознакомления с хранившимися в то время у Б. В. Никольского рабочими тетрадями поэта, большая часть которых, как уже говорилось, оказалась впоследствии утраченной. Внимательный текстолог, Садовской привел в этой публикации немало вариантов и ранних редакций известных стихотворений, приобретших, вследствие сложившейся ситуации, для будущих исследователей творчества Фета значение источника. Сверка опубликованных материалов с сохранившимися двумя рабочими тетрадями показала, что он чрезвычайно тщательно воспроизвел утраченные тексты. Недаром сохранившийся в Библиотеке Пушкинского Дома экземпляр «Ледохода» имеет дарственную надпись Борису Львовичу Модзалевскому. Всего Садовским описано девять тетрадей, которые он обозначил литерами русского алфавита. Тетрадь, о которой шла речь выше, откуда, по нашему убеждению, Е. В. Федорова выписывала стихотворения для П. И. Чайковского, имеет у Садовского литеру «И».[35] К сожалению, в описании этой тетради упомянуты только два стихотворения: «На смерть Бражникова», где отмечено, что оно датировано дважды, и «Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна…». По поводу последнего стихотворения сказано: «Здесь же находится следующий вариант стихотворения „О как волнуюся я мыслию больною“». Далее воспроизводится этот вариант:

Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна
Безумствам, что везде преследуют меня,
Когда с балкона ты способна равнодушно
Смотреть на отблески минующего дня.

В затишьи замер сад. Внизу лишь тополь дальний
Все грезит в вышине и ставит лист ребром
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный
И чистым золотом, и мелким серебром.

---

[35] Отметим, что Садовской, возможно по забывчивости, пропустил в своей нумерации букву «Ж», таким образом, последняя из упомянутых им тетрадей имеет литеру «І», то есть «і» десятеричное, а значит, тетрадей должно было быть десять. Возможно, пропущенная тетрадь под литерой «Ж» была посвящена переводам и потому не вошла в описание Садовского.

О, эта тишина приходит не напрасно,
Одеяна кругом прощальной красотой,
Она все чистое в нас будит самовластно,
Она молитвенно беседует с душой.[36]

К сожалению, ни даты, ни номера стихотворения в тетради Садовской не воспроизвел. Не была указана дата написания и в первой публикации в «Ниве». Правда, в посмертное издание 1894 года Страхова и К. Р. стихотворение вошло с датой «12 авг. 1891».[37] Ту же дату повторил Никольский в Хронологическом указателе в своем издании.[38] У нас нет никаких оснований не доверять этой датировке. Смущает другое. Начиная с первой публикации и до последних изданий «Библиотеки поэта», было принято за аксиому, что две редакции одного стихотворения, значительно разнящиеся между собой, были созданы в следующей последовательности: ранняя — «Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна», поздняя — «О, как волнуюся я мыслию больною…». Если это так, то почему 22 августа 1891 года, то есть 10 дней спустя после даты поздней редакции стихотворения, Е. В. Федорова переписала в *ТетрГДМЧ* не позднюю, а раннюю редакцию, с незначительными пунктуационными изменениями в стихах 1 и 5 и очень существенным разночтением в третьей строфе. Воспроизведем эту редакцию еще раз:

Нет мне не верится, чтоб ты была послушна
Безумствам, что везде преследуют меня,
Когда с балкона ты способна равнодушно
Смотреть на отблески минующего дня.

В затишьи замер сад, внизу лишь тополь дальний
Все грезит в вышине и ставит лист ребром
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,
И чистым золотом, и мелким серебром.

И верить хочется, что все, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.

Если говорить точно, третья строфа взята из так называемой поздней редакции. При условии, что редакция, воспроизведенная Садовским, ранняя, почему Фет к ней вернулся, переписывая стихотворение для

[36] *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 94.
[37] *ЛСт1894.* Ч. 1. С. 99.
[38] *ПССт1901.* Т. 3. С. 406.

Чайковского? Не означает ли это, что стихотворение в своем окончательном виде должно печататься не по «Ниве», куда оно могло попасть раньше (то есть быть отосланным сразу после 12 августа 1891 года), а по авторизованному тексту из *ТетрГДМЧ*, который в данном случае означал бы последнюю волю поэта? Однако нет, в Списке 1892 года стихотворение записано в первый раздел будущего Полного собрания стихотворений «Элегии и думы» по первой строке: «О как волнуюся я», рядом карандашом проставлен рукой К. Р. номер «XXVIII», означающий место в пятом выпуске «Вечерних огней».[39] Значит, это действительно была окончательная редакция стихотворения. Но ценность содержащейся записи в *ТетрГДМЧ* от этого не меняется. Она означает, что Фет колебался в выборе окончательного текста: в ранней редакции ему нравились больше две первые строфы, а в поздней — заключительная. На этом этапе и была создана промежуточная редакция стихотворения, которая будет учтена в выходящем 5-м томе Собрания сочинений Фета.

Уже одного этого примера было бы достаточно, чтобы высоко оценить новый источник для изучения творчества Фета. На самом деле каждый текст в *ТетрГДМЧ* имеет свои особенности, которые полностью будут учтены в Собрании сочинений поэта, и хотя ни одно из содержащихся в тетради стихотворений не было положено на музыку Чайковским (спустя год скончался Фет, а еще через год безвременно ушел из жизни и композитор), встреча двух гениев XIX столетия состоялась в прямом и переносном смысле слова. И одним из живых свидетельств этой встречи оказалась чудом сохранившаяся тетрадка стихотворений Фета в Доме-музее Чайковского в Клину.

Ниже воспроизводится целиком тетрадь стихотворений Фета, хранящаяся в архиве Дома-музея П. И. Чайковского, за исключением первого листа, на котором рукой Н. И. Чайковского позднее вписана басня, не имеющая отношения к нашей теме. Этот лист (1 и 1 об.) приводится в статье А. Г. Айндиндер (см. с. 48–49 наст. сборника).

---

[39] *РГБ.* Ф. 315. К. 14. № 45. Л. 3 об.

I.

Сентябрьская роза.

За вздохомъ утреннимъ мороза,
Румянецъ устъ пріотворя,
Какъ странно улыбнулась роза
Въ день быстролѣтный сентября.

—

Передъ порхающей синицей
Въ давно безлиственныхъ кустахъ
Какъ дерзко выступать царицей
Съ привѣтомъ вешнимъ на устахъ.

—

Расцвѣсть въ надеждѣ неуклонной,
Съ холодной разлучась грядой,
Прильнуть послѣдней опьяненной
Къ груди хозяйки молодой.

II.

Еще люблю, еще томлюсь
Передъ всемiрной красотою
И ни за что не отрекусь
Отъ ласкъ, ниспосланныхъ тобою.

—

Покуда на груди земной
Хотя съ трудомъ дышать я буду,
Весь трепетъ жизни молодой
Мнѣ будетъ внятенъ отовсюду.

—

Покорны солнечнымъ лучамъ
Такъ сходятъ корни вглубь могилы
И тамъ у смерти ищутъ силы
Бѣжать навстрѣчу вешнимъ днямъ.

—

III.

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты какъ легкое похмелье
Проливаешь въ пѣснь мою.

—

Иль еще того чудесней
За моей дрожащей пѣсней
Таетъ думъ невольныхъ мгла,
И за то ли, оттого ли,
До томленія, до боли,
Ты привѣтливо свѣтла.

IV.

На креслѣ отвалясь гляжу на потолокъ,
Гдѣ на задоръ воображенью
Надъ лампой тихою подвышенный кружокъ
Вертится призрачною тѣнью:

—

Зари осенней слѣдъ въ мерцаньи этомъ есть,
Надъ кровлей, кажется, и садомъ,
Не въ силахъ улетѣть и не рѣшаясь сѣсть,
Грачи кружатся темнымъ стадомъ.

—

Нѣтъ, то не крыльевъ шумъ, то кони у
крыльца,
Я слышу трепетныя руки....
Какъ блѣдность холодна прекраснаго лица,
Какъ шепотъ горестенъ разлуки!...

—

Молчу потерянный, на дальній путь глядя
Изъ-за темнѣющаго сада, —
И кружится еще, пріюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

V.

Опавшій листъ дрожитъ отъ нашего движенья,
Но зелени еще свѣжа надъ нами тѣнь;
А что-то говоритъ средь радости сближенья,
Что этотъ желтый листъ — нашъ слѣду=
ющій день.

—

Какъ ненасытны мы и какъ несправедливы!
Всю радость явную невѣрный гонитъ страхъ.
Еще такъ ласковы волосъ твоихъ извивы,
Какой живетъ восторгъ на блекнущихъ
устахъ!

—

Идемъ. Надолго ли еще не разлучаться?
Надолго ли дышать отрадою, — какъ знать?
Пора за будущность заранѣ не пугаться,
Пора о счастіи учиться вспоминать.

VI.

Если бъ въ сердцѣ тебя я не грѣлъ, не ласкалъ,
Ни за что бъ я тебѣ этихъ словъ не сказалъ;
Я боялся бъ тебя возмутить, оскорбить
И послѣднюю искру въ тебѣ погасить.

—

Или воли не хватитъ смотрѣть и
страдать?
Я бы могъ еще долго и долго молчать,
Но начавъ говорить о другомъ, — я солгу,
А глядѣть на тебя я и лгать — не могу.

VII.

Весь вешний день среди стремленья
Ты безотрадно провела
И слѣдъ улыбки утомленья
Въ затишье ночи принесла.

—

Но вѣрить и любить готова
Душа къ стопамъ твоимъ летитъ,
И все мнѣ кажется, что снова
Живѣе цвѣтъ твоихъ ланитъ.

—

Кто сердцевѣдецъ разгадаетъ,
Что въ этомъ кроется огнѣ? —
Былая скорбь, что угасаетъ,
Или заря навстрѣчу мнѣ?

VIII.

Безобиднѣй всѣхъ и проще
Въ общемъ хорѣ голосистомъ
Вольной птицей въ вешней рощѣ
Раздражалъ я воздухъ свистомъ.

—

Все замолкло предъ зимою,
Нѣтъ и птицъ на голой вѣткѣ,
Но счастливецъ я тобою
Въ золотой задержанъ клѣткѣ.

—

Дай мнѣ ручку, дорогая,
Къ ней прильнутъ, трепещутъ крылья;
Пусть умру я распѣвая
Отъ восторга и усилья.

IX.

Завтра — я не различаю,
Жизнь — запутанность и сложность;
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность.

Гдѣ владѣть собой, коль глазки
Влагой свѣтятся туманной,
Въ часъ, когда уводятъ ласки
Въ этотъ кругъ благоуханный.

Размышлять не время, видно,
Коль въ ушахъ и въ сердцѣ шумно,
Разсуждать сегодня стыдно,
А безумствовать разумно.

X.

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принесъ
И предъ тобою содрогаюсь
Подъ дуновеньемъ прежнихъ грезъ.

—

Тѣ грезы — жизнь ихъ осудила —
То прахъ давнишнихъ алтарей,
Но ихъ побѣднымъ возмутила
Движеньемъ ты стопы своей.

—

Уже мерцаетъ свѣтъ, готовый
Все озарить, всему помочь, —
И содрогаясь жизнью новой,
Росою счастья плачетъ ночь.

XI.

Только мѣсяцъ взошелъ
Послѣ жаркаго дня,
Распустился, расцвѣлъ
Цвѣтъ въ груди у меня.

—

Что за счастье, любя,
Этотъ цвѣтъ охранять!
Какъ я радъ, что тебя
Никому не видать.

—

Погляди, какъ спѣшу
Я въ померкнувшій садъ
И повсюду ношу
Я цвѣтка ароматъ.

XII.

Качаяся, звѣзды мигали лучами
На темныхъ зыбяхъ Средиземнаго моря,
А мы любовались съ тобою огнями,
Что мчались подъ нами, съ небесными споря.

—

Въ какомъ то забвеньи, нѣмомъ и цѣлебномъ,
Смотрѣлъ я въ тотъ блескъ, отдаваяся нѣгѣ;
Казалось, рулемъ управляя волшебнымъ,
Глубоко ты грудь мнѣ взрѣзаешь въ побѣгѣ.

—

И тамъ въ глубинѣ, молодая царица,
Бѣгутъ предъ тобой свѣтоносныя пятна,
И этихъ несмѣтныхъ огней вереница
Одной лишь тебѣ и видна, и понятна.

XIII.

Нѣтъ, даже не тогда, когда стопой воздушной
Спѣша навстрѣчу мнѣ, улыбкой ты даришь
И заглянувъ въ глаза, мечтѣ моей послушной
О беззавѣтности надежды говоришь.

—

Нѣтъ, чтобы счастію нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть въ немъ, спускаяся до дна,
Мнѣ нужно одному съ душой своей остаться,
Молчанье нужно мнѣ кругомъ и тишина.

—

Тутъ сердце говоритъ мнѣ каждое біенье,

За все, чѣмъ радостной обязанъ я судьбѣ,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнитъ о тебѣ.

XIV.

Я слышу и судьбѣ я покоряюсь гроз-
ной,
Давно я самъ себѣ сказалъ: не пре-
кословь.
Но передъ жертвою покорною и
слезной
Зачѣмъ же замолчать совсѣмъ
должна любовь?

—

Пусть радость хоть на мигъ не
слышитъ порицанья,
Пусть завтра строгiй чинъ все
тотъ же, какъ вчера,
Но нынѣ страсть въ глазахъ и
долгiя лобзанья
И пламенныхъ надеждъ отважная
игра.

XV.

Кляните насъ! намъ дорога свобода,
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь,
Въ насъ вопіетъ всесильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь.

—

Въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ ставимъ:
Какой восторгъ такъ говоритъ умѣ[?]
Какъ мы усивемъ, такъ мы поемъ и славимъ
И такъ усивемъ, что намъ нельзя не пѣть.

XVI.

Люби меня. Какъ только твой покорный
Я встрѣчу взоръ,
У ногъ твоихъ раскину я узорный
Живой коверъ.

—

Окрылены невѣдомымъ стремленьемъ
Надъ всѣмъ земнымъ,
Въ какомъ огнѣ, съ какимъ самозабвеньемъ
Мы полетимъ.

—

И просіявъ въ лазури сновидѣнья,
Предстанешь ты
Царить навѣкъ въ дыханьи пѣснопѣнья
И красоты.

XVII.

За горами, песками, морями
Вѣчный край благовонныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ овѣяны яркими снами
Дремлютъ розы, не зная снѣговъ.

Но красы истомленной молчанье
Тамъ на все налагаетъ печать,
И палящаго солнца лобзанье
Призываетъ не пѣть, а дышать.

Воспріявъ опьяненія долю
Задремавшихъ лѣсовъ и полей,
Гдѣ уже вырваться птичкѣ на волю
Съ затаенною пѣснью своей?

И сюда я, гдѣ сумракъ короче,
Гдѣ заря любитъ зорю будить,
Въ холодокъ вашей сѣверной ночи
Прилетаю и пѣть, и любить.

XVIII.

Я говорю, что я люблю съ тобою встрѣчи
За голосъ ласковый, за пышный цвѣтъ ланитъ,
За блескъ твоихъ кудрей, спадающихъ на плечи,
За свѣтъ, что въ глубинѣ очей твоихъ горитъ

—

О, это все цвѣты, букашки и каменья,
Какихъ ребенокъ радъ набрать со всѣхъ сторонъ
Любимой матери въ тѣ сладкія мгновенья,
Когда ей заглянуть въ глаза такъ счастливъ онъ.

XIX.

Фонтанъ.

Ночь и я, мы оба дышимъ,
Цвѣтомъ липы воздухъ пьянъ,
И безмолвные мы слышимъ,
Что, струей своей колышемъ,
Напѣваетъ намъ фонтанъ:

—

Я и кровь и мысль и тѣло, —
Мы послушные рабы:
До извѣстнаго предѣла
Всѣ возносимся мы смѣло
Подъ давленіемъ судьбы.

—

Мысль несется, сердце бьется,
Правдѣ мраку не помочь,
Къ сердцу кровь опять вернется,
Въ водоемъ мой лучъ прольется,
И заря потушитъ ночь.

XX.

Нѣтъ мнѣ не вѣрится, чтобъ ты была
послушна
Безумствамъ, что вездѣ преслѣдуютъ
меня,
Когда съ балкона ты способна
равнодушно
Смотрѣть на отблески минующаго
дня.

—

Въ затишьи замеръ садъ, вн[и]зу лишь
тополь дальній
Все грезитъ въ вышинѣ и ставитъ
листъ ребромъ
И зыблетъ, уловя денницы блескъ
прощальный,
И чистымъ золотомъ, и мелкимъ
серебромъ.

—

И вѣрить хочется, что все, что такъ
прекрасно,

Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный
этотъ мигъ,
По небу и души проходитъ не на-
прасно,
Какъ оправданіе стремленій
роковыхъ.

с. Воробьевка

А. Фетъ

22/VIII 91.

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ПЕРВОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ФЕТА

(Списки 1892 и 1893 гг.)

Публикация В. А. Лукиной

Публикуемые три списка или оглавления, сохранившиеся в составе архива А. А. Фета в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и условно обозначенные нами римскими номерами I, II и III, тесно связаны между собой и имеют отношение к подготовке первого итогового собрания поэтического наследия поэта, которое было задумано им при жизни, но осуществилось лишь в 1894 году с выходом в свет двухтомного издания «Лирических стихотворений», подготовленного великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) и Н. Н. Страховым.

Первые два списка — один записан рукой Вл. С. Соловьева, второй рукой секретаря Фета, Е. В. Федоровой, — являются прижизненными и были составлены самим поэтом в 1892 году, незадолго до смерти. Хронологически наиболее ранним из них является список, записанный рукой Соловьева, который мы обозначили как *Список I* (список, записанный секретарем, соответственно как *Список II*). Впервые на это указал Б. Я. Бухштаб, отметив в обзоре «Судьба литературного наследства А. А. Фета», что «оба списка составлены в 1892 г., но по вошедшим стихам видно, что соловьевский более ранний».[1] Следует добавить, что оба списка неразрывно связаны между собой: фактически *Список II*, вошедший в литературу о Фете как «список Фета»,[2] или «список 1892 года»,

[1] *Бухштаб. Обзор.* С. 583. Здесь впервые дано общее описание сохранившихся списков: С. 582–583.

[2] *ВО 1979.* С. 643.

представляет собой переписанный набело и несколько доработанный вариант окончательного текста первой части *Списка I*.

По всей видимости, работа над *Списком I* велась Фетом и Соловьевым в мае 1892 года, во время пребывания последнего в Воробьевке, где он гостил с 20 по 26.[3] Судя по составу вошедших в него стихотворений, он не мог быть завершен (в первой редакции) ранее 3 апреля, именно этим числом датируется самое позднее из включенных в *Список I* стихотворений — «Она ему — образ мгновенный…». С другой стороны, в него не вошло написанное 12 июня 1892 года стихотворение «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг…», которое было зафиксировано в списке, записанном рукой Е. В. Федоровой, что подтверждает наше предположение и позволяет условно датировать время работы над *Списком II* второй половиной июня — августом (до 26)[4] 1892 года. Тот факт, что в это время Фет был занят подготовкой нового собрания своих стихотворений, косвенно подтверждается и его перепиской. Так, 15 июля 1892 года Фет писал, например, К. Р.: «В последнее время побывал у нас Н. Н. Страхов и Ю. Н. Говоруха-Отрок, критик „Московских ведомостей". Последний порывается написать к моему новому изданию стихотворений предисловие, в котором хочет выставить меня реалистом».[5] Об этом же Фет сообщал и Полонскому 9 августа 1892 года: «Если Говоруха обещал написать о тебе, то обещал написать статейку

---

[3] Даты пребывания Соловьева в Воробьевке в мае 1892 г. устанавливаются по письмам Соловьева и Фета (см.: *Фет/Полонский*. С. 970; *Фет/Толстая*. С. 229). Кроме того, Соловьев побывал в Воробьевке также в августе 1892 г., однако состав стихотворений в *Списке I* показывает, что к этому времени он был уже завершен. Нашу датировку подтверждает также свидетельство Страхова, указавшего в Предисловии к *ЛСт1894*, что «план этого издания составлен был самим поэтом в мае 1892 в Воробьевке, то есть им уже был изготовлен список всех стихотворений, которые он намерен был напечатать в виде отдельной книги» (Ч. 1. С. XV). Не вызывает сомнения, что слова Страхова относятся в первую очередь к соловьевскому списку.

[4] Нижняя граница устанавливается нами условно, на том основании, что в оба списка не попало стихотворение «Барашков буря шлет своих…», датированное 26 августа 1892 г.

[5] *Фет/К. Р.* С. 962. Сомнительно, что здесь идет речь о пятом выпуске «Вечерних огней», как указано в комментарии к письму Ю. П. Благоволиной и М. И. Трепалиной (Там же). Не случайно, Фет говорит о «новом *издании* стихотворений» (Выделено мною. — *В. Л.*), помещение в котором статьи Говорухи-Отрока было бы более уместно, нежели в очередном выпуске неизданных стихотворений. Напомним, что предыдущее издание стихотворений Фета вышло почти за 30 лет до этого, в 1863 г.

<и> о моих стихотворениях, которые я собираюсь напечатать в одной книжке».[6]

Как отмечал Б. Я. Бухштаб, в основу *Списка I* была положена композиция издания 1863 года,[7] причем, что почему-то не было упомянуто ученым, соловьевский список, в отличие от всех последующих, состоял из двух частей: в первую вошли оригинальные стихотворения Фета, во вторую — переводы, что также повторяло структуру *Сб1863*, и две поэмы. В первой части *Списка I* изначально стихотворения были распределены по тем же разделам, что и в издании 1863 года, сохранен и порядок следования разделов. На этом этапе, по сравнению со *Сб1863*, общая композиция будущего собрания претерпела лишь два изменения, которые восходят, по всей видимости, к совместной работе Фета и Соловьева над *ВО 1*: раздел «Элегии» был переименован в «Элегии и думы» (как в *ВО 1*), а также добавился дополнительный раздел перед разделом «Разные стихотворения» — «Послания, посвящения и стихотворения на случай» (впервые этот раздел был введен в *ВО 1* под заглавием «Послания»). В результате стихотворения первой части будущего собрания распределились по 13 разделам следующим образом (для сравнения приводим перечень разделов первой части *Сб1863*):

Сб1863	***Список I***
«Элегии»	«Элегии и думы»
«Подражание восточному»	«Подражание восточному»
«К Офелии»	«К Офелии»
«Снега»	«Снега»
«Гадания»	«Гадания»
«Мелодии»	«Мелодии»
«Вечера и ночи»	«Вечера и ночи»
«Баллады»	«Баллады»
«Антологические стихотворения»	«Антологические стихотворения»
«Море»	«Море»
«Весна»	«Весна»
«Разные стихотворения»	«Послания, посвящения и стихотворения на случай»
	«Разные стихотворения»

Внутри разделов порядок следования стихотворений, как правило, определялся, в первую очередь, хронологией выхода предшествующих сборников, в которых было напечатано то или иное стихотворение: сна-

[6] *Фет/Полонский*. С. 980.
[7] *Бухштаб. Обзор*. С. 583.

чала шли стихотворения из *Сб1863* (в том же порядке, в котором они помещены в сборнике), затем последовательно стихотворения, отобранные из четырех выпусков «Вечерних огней» (*ВО 1*, *ВО 2*, *ВО 3* и *ВО 4*), и, наконец, за ними следовали последние (не бывшие в печати или не публиковавшиеся в сборниках) стихотворения. Кроме того, как справедливо отметил Бухштаб, в ряд разделов были добавлены стихотворения из *Сб1850*, не перепечатывавшиеся со времени выхода сборника. Согласно пометам Соловьева, четыре раздела: «Гадания» (1[8]), «Мелодии» (5), «Вечера и ночи» (2) и «Баллады» (4) начинались со стихотворений из *Сб1850*, еще два стихотворения были добавлены в конце раздела «Антологические стихотворения», что составляет в общей сложности 14 стихотворений.[9] Однако при сопоставлении со *Списком II* выясняется, что Соловьев отметил не все стихотворения, отобранные из *Сб1850*: так, отсутствуют надлежащие пометки рядом со стихотворениями «Офелия гибла и пела…» и «Ветер злой, ветр крутой в поле…», помещенными соответственно в конце разделов «К Офелии» и «Снега», а также рядом с двумя стихотворениями из раздела «Разные стихотворения» («Ave Maria» и «Я знал ее малюткою кудрявой…»). Вместе с тем «Геро и Леандр», впервые напечатанное в *Сб1850*, впоследствии вошло с изменениями в *ВО 3*, что было учтено в *Списке II*. Таким образом, общее число стихотворений, отобранных из *Сб1850*, составляет 17 произведений (без учета «Геро и Леандра»).

Анализ помет Соловьева на *Списке I*, сделанных позже, показывает, что на каком-то этапе было принято решение ввести в состав собрания стихотворений два новых раздела — «Лето» и «Осень», в которые вошли стихотворения, выделенные из самого крупного раздела «Разные стихотворения». Появление новых разделов неизбежно повлекло за собой изменения в структуре тома, выразившиеся в перегруппировке разделов: в результате четыре раздела, имевшие отношения к временам года, были сгруппированы вместе и помещены после раздела «К Офелии». Как можно предположить по характеру правки в *Списке II*, решение о порядке следования разделов могло приниматься непосредственно в ходе переписывания (так, первоначально после раздела «Подражание восточному» Е. В. Федоровой было вписано заглавие «Весна», затем оно было зачеркнуто и снизу записано заглавие раздела «К Офелии»).

Внутри 10 из 13 разделов, выделенных в первой редакции *Списка I*, состав и порядок следования стихотворений фактически не претерпели

---

[8] В скобках после названия раздела указываем количество стихотворений, вошедших в него из *Сб1850*.

[9] Эта же цифра указана в обзоре Б. Я. Бухштаба: *Бухштаб. Обзор*. С. 583.

никаких изменений. Изменения коснулись разделов «Вечера и ночи», «Послания, посвящения и стихотворения на случай» и «Разные стихотворения». Так, в раздел «Вечера и ночи» в *Списке II* в ходе редактирования были перенесены два стихотворения из раздела «Разные стихотворения»: «Степь вечером» («Клубятся тучи, млея в блеске алом…») и «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою…»), о чем свидетельствует соответствующая правка Е. В. Федоровой (оба заглавия вычеркнуты из состава раздела «Разные стихотворения» и вписаны в конце раздела «Вечера и ночи»).

Более существенные расхождения в *Списках I* и *II* обнаруживаются при сличении составов раздела «Послания…». Прежде всего, в соловьевском списке отсутствуют три стихотворения, зафиксированные в *Списке II*: «На смерть Бражникова», «Е. Д. Д—ъ» («Если захочешь ты душу мою разгадать…») и «В альбом Н. Я. П—ой» (очевидно, они были добавлены при доработке *Списка I*). В свою очередь, в *Список II* из *Списка I* по какой-то причине не попало стихотворение «М. П. Ш—ной»,[10] ранее не публиковавшееся. Кроме того, из раздела «Послания…» в *Списке II* исчезло таинственное стихотворение «На смерть Б…..на». Можно с уверенностью предположить, что под этим заглавием скрылось стихотворение «На смерть Бражникова».

При сличении порядка следования стихотворений в разделе «Послания…» также наблюдаются незначительные перестановки, вызванные, по всей видимости, тем, что произведения в этом разделе были сгруппированы по адресатам и заглавия второго и всех последующих стихотворений, обращенных к одному адресату, приводились в сокращенном виде, иногда только с указанием «Ему же» или «Ей же». Переписывая *Список I*, Е. В. Федорова в большинстве случаев еще больше укорачивала заглавие, в результате чего в дальнейшем, при внесении ею сведений об источнике того или иного стихотворения, могли возникнуть непроизвольные перестановки.

Наибольшим изменениям подвергся раздел «Разные стихотворения», из которого было изъято 15 произведений. Отметим, что последний слой правки в *Списке I* не вполне соответствует тому, как распределились изъятые из раздела стихотворения в *Списке II*. Очевидно, часть изменений вносилась непосредственно в ходе переписывания.

Говоря о перестановках, зафиксированных в *Списке I*, следует, прежде всего, указать на упоминавшееся выше выделение двух новых раз-

[10] Сложно сказать, какое именно стихотворение, посвященное М. П. Шеншиной, имелось здесь в виду. Скорее всего, речь шла о стихотворении «Ты все стихи переплела…».

делов: «Лето» и «Осень». Согласно пометам на *Списке I*, в раздел «Лето» должны были войти 4 стихотворения («Дождливое лето», «Зреет рожь над жаркой нивой…», «Нежданный дождь», «Ты видишь за спиной косцов…»), однако в *Списке II* к ним прибавилось еще одно — «Как здесь свежо под липою густою!..». Вместе с тем из 9 стихотворений, предназначенных для раздела «Осень» («Непогода — осень — куришь…», «Осень» («Ласточки пропали…»), «Псовая охота», «Георгины», «Осенняя роза», «Вот и летние дни убавляются…», «Задрожали листы облетая…», «Сентябрьская роза», «Опять осенний блеск денницы…»), в *Список II* вошли только 8 (стихотворение «Георгины» осталось на прежнем месте).[11] Внутри вновь образованных разделов практически все стихотворения расположились в той последовательности, в которой они изначально были записаны в разделе «Разные стихотворения». Лишь дополнительно включенное в раздел «Лето» стихотворение «Как здесь свежо под липою густою!..» было помещено в конце раздела. Скорее всего, это связано с тем, что решение о его переносе было принято не сразу (характер записи также говорит о том, что это заглавие было вписано Е. В. Федоровой позднее).

С другой стороны, вопреки пометке на *Списке I* о переносе стихотворения «Ныне первый мы слышали гром…» в раздел «Весна», в *Списке II* оно по какой-то причине осталось на прежнем месте.[12] Кроме того, в раздел «Разные стихотворения» в *Списке II* было добавлено одно стихотворение — «Quasi una fantasia», которое в соловьевском списке отсутствовало. Сложно сказать, по какой причине оно не было изначально включено Фетом в собрание; возможно, оно было просто пропущено при составлении *Списка I*. Заглавие еще одного стихотворения из раздела «Разные стихотворения» — «Я с лучшей стороны смотреть на все готов…» (ранее не публиковалось) — было сначала переписано Е. В. Федоровой вместе с остальными стихотворениями, но затем вычеркнуто, не вошло оно и в *ЛСт1894*. Впервые стихотворение с таким заглавием было напечатано лишь Б. В. Никольским в 1901 году, в разделе переводов.[13]

Переписывая *Список I*, Е. В. Федорова исправила ряд вкравшихся в него неточностей. Так, например, в соловьевском списке значилось

[11] Отметим, что в *ЛСт1894* оно было напечатано в разделе «Осень».

[12] Примечательно, что в *ЛСт1894* оно было напечатано в разделе «Весна».

[13] *ПССт1901*. Т. 3. С. 301. Возможно, переводной характер этого стихотворения и объясняет, почему оно было исключено из *Списка II*, в который вошли только оригинальные произведения.

стихотворение с неизвестным заглавием «Как тень свежа под липою густою…», которое в *Списке II* трансформировалось в известное «Как здесь свежо под липою густою…», со ссылкой на *Сб1863*.[14] Для ряда стихотворений, указанных в *Списке I* по первой строке, были восстановлены заглавия, под которыми они были напечатаны в сборниках (например, в случае стихотворения «Ракета»). С другой стороны, часть ошибок перекочевала в *Список II* в неизменном виде. В частности, в раздел «Разные стихотворения» было дважды внесено стихотворение «В душе измученной годами…», что объясняется ошибкой в наборе *ВО 1*, в результате которой оно было напечатано там два раза (на с. 69 и 93). Та же ошибка была повторена впоследствии великим князем Константином Константиновичем при составлении *Списка III*.

Таким образом, в окончательном виде (до правки К. Р.) в *Список II* вошли 495 стихотворений, которые распределились по 15 разделам следующим образом (для сравнения приводим данные по *Списку I* и *III*):

Название раздела (по *Списку III*)	**Количество стихотворений**			
	Список I		*Список II*	*Список III*
	до правки	*после правки*	*до правки*	
«Элегии и думы»	74	74	74	68
«Подражание восточному»	5	5	5	5
«К Офелии»	4	4	4	4
«Весна»	23	24	23	41
«Лето»	—	4	5	9
«Осень»	—	9	8	17
«Снега»	14	14	14	16
«Гадания»	6	6	6	5/6[15]
«Мелодии»	66	66	66	50
«Вечера и ночи»	23	23	25	57
«Баллады»	8	8	8	8
«Антологические стихотворения»	23	23	23	24
«Море»	13	13	13	16
«Послания, посвящения и стихотворения на случай»	63	63	64	72

[14] Не исключено, что Соловьев руководствовался сборником, в который Фетом были внесены исправления, затронувшие, в частности, первую строку названного стихотворения, однако это предположение все же кажется нам маловероятным, поскольку во все последующие издания (*ЛСт1894* и *ПССт1901*) оно вошло без изменений.

[15] Колебание обусловлено тем, что неизвестно, планировал ли К. Р. на данном этапе оставить в разделе стихотворение «Бедный мальчик» или нет. Вместе с ним количество стихотворений в разделе составляет 6.

Название раздела (по *Списку III*)	**Количество стихотворений**			
	Список I		*Список II*	*Список III*
	до правки	*после правки*	*до правки*	
«Разные стихотворения»	170	156	157	35
«Вечерние огни»	—	—	—	75[16]
Общее количество:	492	492	495	502/503

Однако самым значительным отличием *Списка II* от *Списка I* стало «исчезновение» второй части, в которую планировалось включить переводы. На каком этапе и по какой причине Фет решил отказаться от этого намерения, неизвестно. Можно предположить, что решение было принято ввиду большого объема будущей книги, которую поэт, судя по всему, хотел видеть в одном томе. Согласно соловьевскому списку, вторая часть должна была состоять из 18 разделов: С китайского, Из Саади, Из Гафиза, Из Анакреона, Из Гёте, Из Шиллера, Из Кернера, Из Уланда, Из Рюккерта, Из Мёрике, Из Гейне, Из Мура, Из Байрона, Из Шенье, Из Беранже, Из Мюссе, Из Мицкевича, Песни кавказских горцев, за которыми планировалось поместить перевод французского стихотворения Тютчева и две поэмы («Сабина» и «Студент»). В общей сложности, в нее должно было войти 106 произведений, тогда состав всего собрания достиг бы 598.

Как видно из *Списка I*, в основной своей части эти разделы повторяли состав второго тома *Сб1863* (за исключением опущенной «древнеримской» составляющей: Горация, Овидия и Катулла)[17] и раздела «Переводов» в *ВО 1*. Кроме того, из *Сб1850* были выделены два новых раздела: «Из Анакреона» и «Из Мура», каждый из которых был представлен одним стихотворением. Единичные переводы, разбросанные по другим сборникам, влились в соответствующие разделы: из *Сб1850* одно стихотворение было добавлено в раздел «Из Саади» («Обремененный славой мира…»), а другое в раздел «Из Мицкевича» («Дозор»), из *ВО 1* взят один перевод из Шиллера («Боги Греции»), из *ВО 3* — два перевода из Гёте («Рыбак» и «Зимняя поездка на Гарц»), из *ВО 4* — один перевод из Мёрике («Как красив на утренней заре…» под заглавием «Песня

[16] Общее число стихотворений, зафиксированных в *Списке III* в разделе «Вечерние огни», составляет 77, однако заглавия двух из них повторены (одно в разделе «Весна», другое в этом же разделе).

[17] Исчезновение данных разделов было обусловлено тем, что на протяжении 1880-х гг. вышли отдельные издания переводов Фета этих римских поэтов. Известно, что Фет также готовил перевод «Скорбей» Овидия, который вышел в свет уже после его смерти.

охотника»). Планировалось включить в собрание и несколько стихотворений, не бывших в печати, а именно: один перевод из Мёрике («Покинутая девушка») и пять из Гейне.

К сожалению, Фету не суждено было осуществить при жизни издание нового собрания своих стихотворений. После его смерти 29 декабря 1892 года вдова поэта обратилась к К. Р. с просьбой «принять участие в издании лирических стихотворений мужа моего»,[18] на которое великий князь откликнулся 2 января 1893 года: «Если вам будет угодно обращаться ко мне с вопросами по поводу издания лирических стихотворений, я всегда с величайшею готовностью отзовусь, стараясь помочь вам по мере сил».[19] Благодаря К. Р. в ответном письме от 10 января, М. П. Шеншина, в частности, сообщала: «Покойный муж мой, думая издать полное собрание своих стихотворений, нынешним летом занимался разбором старых своих изданий, делал поправки, кое-что зачеркивал, и таким образом весь материал к этому изданию готов. Если Вашему Высочеству угодно будет, то я передала бы все это по указанию Вашего Высочества и была бы совершенно покойна и счастлива уверенностью, что лучше не почтила бы дорогой мне памяти покойного».[20] Свою просьбу она повторила и в следующем послании к К. Р. от 18 января, написанном по приезде в Петербург.[21] В этот же день она получила приглашение от великого князя и его супруги приехать в Мраморный дворец «в 4½ на чашку чая», чтобы «свободно» поговорить об издании.

По письму К. Р. можно отчасти предположить, о чем шла речь во время этой встречи. «Мне пришло в голову, — писал К. Р., — что кроме меня в этом деле может быть весьма полезен Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов, коего мнения всегда были дороги покойному Афанасию Афанасьевичу. Он наверно не откажет ни вам, ни мне в содействии. Если литературную ответственность за издание вы возложите на нас двоих, то оно будет достойно дорогого нам усопшего».[22] Очевидно, что К. Р. согласился взять на себя (вместе с Н. Н. Страховым) бремя подготовки собрания стихотворений Фета, с этой целью Мария Петровна

[18] *ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 303 об. См. также: *Генералова Н. П.* Текстологические проблемы издания стихотворений Фета (Собрание сочинений и писем в 20 томах) // *ФетСб(1).* С. 7–8.

[19] *ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 307.

[20] Там же. Л. 309 об.–310 об.

[21] Там же. Л. 312–313.

[22] Там же. Л. 314–314 об. Еще одна встреча Марии Петровны с К. Р. состоялась 22 января 1893 г. (см.: Там же. Л. 316).

передала ему (скорее всего, при встрече в Москве, куда К. Р. выехал вечером 22 января и где оставался до 26 января включительно) все подготовительные материалы к будущему изданию, прежде всего *Список II* (и, возможно, *Список I*) и две рабочие тетради поэта с последними стихотворениями.

Получив в свое распоряжение вышеназванные подготовительные материалы, К. Р., по собственному признанию, не сразу приступил к работе. «С постом наступило для нас более спокойное время, — писал он 21 февраля 1893 года Марии Петровне, — и я мог наконец приняться за работу по подготовлению к печати полного собрания стихотворений нашего дорогого усопшего. Занимаюсь этим делом с увлечением и любовью, но весьма медленно, так как свободного времени у меня совсем немного».[23] Из дальнейшего содержания письма становится очевидным, что К. Р. начал работу с просмотра «оглавления», «писанного рукою Екатерины Владимировны», т. е. *Списка II*, который действительно испещрен его различными пометами (более подробно о них см. в предварительном замечании к *Списку II*). Таким образом, мы можем датировать пометы К. Р. на *Списке II* промежутком между 8 (временем наступления Великого поста) и 21 февраля 1893 года.

Столкнувшись с тем, что пять стихотворений из этого списка, «помеченных неизданными и ненапечатанными», отсутствовали в двух переданных ему тетрадях, великий князь обратился к Марии Петровне за помощью в их разыскании. Речь идет о стихотворениях «Бедный мальчик», «Как вешний день твой лик приснился снова…», «Сердце желанием встречи томимо…», «Алмаз» и «Теснее и ближе сюда!..». Отсутствие этих стихотворений в двух переданных великому князю Марией Петровной тетрадях вполне объяснимо: все они были написаны гораздо раньше и потому были внесены в предшествующие рабочие тетради, что подтверждается и следующим письмом вдовы поэта, сообщавшей 24 февраля 1893 года: «Пять стихотворений мы отыскали в старых тетрадках, и я их при сем прилагаю».[24] Данное обстоятельство объясняет отсутствие рядом с заглавиями перечисленных пяти стихотворений римских номеров, которыми помечены все остальные неизданные стихотворения в *Списках II* и *III*: номера, по всей видимости, были проставлены самим К. Р. в двух переданных ему тетрадях для того, чтобы лучше ориентироваться. В свою очередь, это же объясняет и пропуск

---

[23] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 318.

[24] Там же. Л. 321. К сожалению, эти тексты утрачены.

нескольких номеров в списках: вероятно, значившиеся под «пропущенными» номерами стихотворения не были включены в собрание.

Необходимо добавить, что стихотворение «Как вешний день твой лик приснился снова…» было причислено к неизданным по ошибочному указанию Е. В. Федоровой в *Списке II*.[25] На самом деле оно было напечатано в *ВО 4* под заглавием «Во сне», что было установлено впоследствии К. Р. Сложнее обстоит дело со стихотворением, которое значится в *Списках I* и *II* в разделе «Гадания» как «Бедный мальчик». В оба списка это заглавие было вписано рукой Е. В. Федоровой позднее, причем в *Списке II* оно сопровождалось ее пометой «ненапечат<анное>», рядом с которой появилась характерная помета К. Р.: «у меня нет», впоследствии им зачеркнутая (вероятно, после получения текста стихотворения от М. П. Шеншиной). Примечательно, что в *Списке III*, составленном К. Р. на основе *Списка II*, стихотворение под заглавием «Бедный мальчик» не значится ни в разделе «Гадания» (количество стихотворений в этом разделе в *Списке III* уменьшилось на одно), ни в каком-либо другом разделе. В *ЛСт1894* под этим заглавием было напечатано стихотворение «На дворе не слышно вьюги…», впервые опубликованное без заглавия в сборнике «Подземные ключи» в 1842 году и включавшееся затем Фетом в раздел «Баллады» последовательно в *Сб1850*, *Сб1856* и *Сб1863* в неизменном виде. При этом заглавие «На дворе не слышно вьюги…» параллельно значится в разделе «Баллады» во всех трех публикуемых списках (оговоримся, что в *Списке III* вместо перечня заглавий К. Р. ограничился лаконичным указанием: «Как в оглавлении у Фета», т. е. как в *Списке II*). Однако в *ЛСт1894* оно было опубликовано в разделе «Баллады» не только с заглавием «Бедный мальчик», но и с новой последней строфой.[26] Вероятно, в таком виде стихотворение было переписано для К. Р. Е. В. Федоровой или М. П. Шеншиной из более ранней рабочей тетради. Отчасти это подтверждает свидетельство Б. В. Никольского, располагавшего всеми рабочими тетрадями Фета при подготовке *ПССт1901*, куда он включил стихотворение «Бедный мальчик» в двух редакциях: «в первоначальном виде» и «в сокращенной переработке», сделанной, по его словам, «автором за несколько дней до смерти».[27] Вторая редакция начиналась со стиха «Дай-ка няне ручки-крошки…» и

[25] В свою очередь, ошибка была допущена Е. В. Федоровой из-за того, то в *Список I* данное стихотворение вошло без заглавия, по первой строке.

[26] *ЛСт1894*. Ч. 2. С. 59–60, при этом дата под стихотворением указана ошибочно: «1850».

[27] *ПССт1901*. Т. 3. С. VIII.

состояла из двух строф, причем последняя в значительной степени совпадала с новой последней строфой из *ЛСт1894*.[28]

Б. Я. Бухштаб не включил вторую редакцию стихотворения в основное собрание поэтических произведений поэта, посчитав, что зафиксированное в *Списке II* заглавие «Бедный мальчик», «очевидно, не относится ни к „На дворе не слышно вьюги…“, ни к переработке», поскольку «На дворе не слышно вьюги…» помещено в списке особо, в отделе «Баллады», а переработка «не могла войти в составленный летом 1892 г. список, в котором отсутствуют все стихотворения, написанные после 18 (вернее, 12. — *В. Л.*) июня. Восьмистишие это, как видно по пометкам К. Р. на списке, не имело в рукописи никакого заглавия. Да и невозможно себе представить, чтобы Фет включил в качестве двух самостоятельных стихотворений и полную, и сокращенную редакции».[29]

Рискнем предположить, что дело могло обстоять иначе. Тот факт, что М. П. Шеншина выслала К. Р. стихотворение «На дворе не слышно вьюги…» под заглавием «Бедный мальчик» и в несколько иной редакции, предварительно переписав его из более ранней тетради, говорит о том, что поэт дорабатывал стихотворение сначала в этой тетради и лишь впоследствии (уже после составления *Списка II*) переписал начисто новую редакцию в тетрадь, которая попала затем в руки К. Р. Сложно сказать, действительно ли Фет планировал поместить обе редакции стихотворения в новом собрании. Вопреки категоричному заявлению Бухштаба на этот счет, в итоге он привел обе редакции, напечатав вторую в примечаниях. Нельзя не согласиться с Б. В. Никольским, оправдывавшим помещение двух редакций (единичный случай во всем издании *ПССт1901*) тем, что «стихотворение слишком общеизвестно в первоначальном виде, чтобы заменить его неизданною переработкой, а переработка слишком характерна своею строгостью и предсмертным значением, чтобы оставлять ее в рукописи».[30] С другой стороны, не исклю-

[28] В хронологическом указателе, составленном Никольским, вторая редакция стихотворения «Бедный мальчик» значится между «Тяжело в ночной тиши…» (15 сентября 1892 г.) и «Когда дыханье множит муки…» (23 октября 1892 г.) (*ПССт1901*. Т. 3. С. 407). Вероятно, между этими стихотворениями, обозначенными К. Р. римскими номерами LI и LIII, стихотворение «Дай-ка няне ручки-крошки…» было записано в имевшейся у него тетради, что подтверждается номером LII, присвоенным ему в *Списке II*, а также тем, что оно исчезло из *Списка III*: к этому времени К. Р. располагал присланным М. П. Шеншиной вариантом стихотворения и мог соотнести его со стихотворением «На дворе не слышно вьюги…».

[29] *ПССт1959*. С. 750. См. также: *ПССт1937*. С. 706–707.

[30] *ПССт1901*. Т. 3. С. VIII.

чено, что, вписав на более позднем этапе заглавие «Бедный мальчик» в раздел «Гадания», Е. В. Федорова забыла исключить из раздела «Баллады» первую редакцию. В любом случае, вопрос этот остается открытым.

Возвращаясь к пяти стихотворениям, высланным М. П. Шеншиной вместе с письмом от 24 февраля 1893 года, следует добавить, что вскоре после их получения великим князем, очевидно, был составлен *Список III*, который представляет переписанный набело окончательный вариант *Списка II* с некоторыми изменениями.[31] Самым главным из них в композиционном отношении было выделение из состава «Разных стихотворений» нового раздела «Вечерние огни», в который, согласно *Списку III*, должно было войти 77 стихотворений, однако заглавия некоторых из них одновременно значились в других разделах. Обосновывая введение этого раздела в Предисловии к *ЛСт1894*, в котором раздел «Разных стихотворений» был упразднен окончательно (вместо него был введен раздел «Дополнение»), Н. Н. Страхов замечал: «Изданием настоящих двух частей <…> как бы исполняется завещание покойного. Его план сохранен в главных чертах, и только разработан. Удержано разделение стихотворений на отделы, столь любимое всеми поэтами; но уничтожен отдел *Разные стихотворения* и прибавлен новый, — *Вечерние огни*, — заглавие столь памятное и дорогое всем почитателям <…>».[32]

Характер нашего обзора не позволяет остановиться на анализе публикуемых списков более подробно. Существенно, однако, что все они, а также два тома *ЛСт1894* впоследствии легли в основу «первого полного собрания стихотворений Фета с критически проверенным текстом и примечаниями», подготовленного в 1937 году Б. Я. Бухштабом в Большой серии «Библиотеки поэта», а также последующего издания, вышедшего в 1959 году.[33]

---

[31] В скором времени после этого основная работа по подготовке издания была передана К. Р. в руки Н. Н. Страхова, к нему же, по всей видимости, попали и все списки. Так, 22 июля 1893 г. К. Р. писал М. П. Шеншиной: «Издание стихотворений попало в самые хорошие руки, Н. Н. Страхов занимается им горячо, усердно — и что главное — с любовью» (*ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 322 об.).

[32] *ЛСт1894*. Ч. 1. С. XV.

[33] *ПССт1937*. С. 679–680; *ПССт1959*. С. 710–712. Отметим, что Бухштаб воспроизвел не только композицию собственно лирических стихотворений Фета, разработанную поэтом в *Списке II*, но и раздел переводов выстроил, базируясь практически полностью на оглавлении второй части *Списка I*, однако это уже тема для специального исследования.

Все три списка публикуются по подлинникам: *РГБ*. Ф. 315. К. 14. № 45. *Список I* записан рукой Вл. С. Соловьева, *Список II* — рукой Е. В. Федоровой, *Список III* — рукой великого князя Константина Константиновича. Поскольку каждый из них имеет свои особенности и содержит пометы (в том числе других лиц), публикации текстов списков снабжены предварительными замечаниями, в которых раскрываются принятые нами принципы публикации.

СПИСОК I

Внося стихотворения в список, Вл. С. Соловьев обозначал их либо по заглавию (например, «Одинокий дуб», «Узник», «К ней» и т. д.), либо по первой строке (например, «Одним толчком согнать ладью живую…» и т. д.). В редких случаях (при совпадении заглавий) могли приводиться одновременно и заглавие, и первая строка (например, для стихотворений «Музе» («Пришла и села. Счастлив и тревожен…») и «Муза» («Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня…») из раздела «Разные стихотворения»). При наличии в списке нескольких стихотворений с одним и тем же заглавием и отсутствия указания Соловьева на первую строку полное заглавие раскрывается нами под строкой.

Список I записан Соловьевым чернилами и содержит два слоя правки (не считая правки, которая вносилась непосредственно в ходе его записи). Первый слой внесен чернилами и касается преимущественно изменений, которые претерпел первоначальный состав разделов — прежде всего, речь идет о расширении ряда разделов за счет добавления новых стихотворений. Анализ автографа (цвет чернил, бóльшая плотность отдельных записей, несовпадение фактического и указанного Соловьевым количества стихотворений в конце ряда разделов и т. д.) показывает, что некоторые стихотворения были добавлены в них позднее. Расширению подвергся, например, раздел «Мелодии», в начале которого было добавлено сразу пять стихотворений. На два произведения увеличился также раздел «Снега», первоначально состоявший из 12 стихотворений, на одно — раздел «Гадания».

Второй слой правки, внесенный карандашом, является более обширным и разнообразным по характеру. Прежде всего, для части стихотворений слева от заглавия был указан источник, по которому оно должно было воспроизводиться. В случае ранее опубликованных стихотворений подобным источником, без исключения, выступал соответствующий предшествующий сборник стихотворений Фета, в который оно было включено (как известно, в экземпляры этих сборников Фет также вносил пометы, в том числе если стихотворение подвергалось редакти-

рованию). Отсылка на тот или иной сборник оформлялась сжато, как «из изд. 50 г.» для *Сб1850*, «из I в<ыпуска> „Веч<ерних> огн<ей>“» для *ВО 1*, «II в<ыпуск> „В<ечерних> о<гней>“» для *ВО 2* и т. д., и легко поддается расшифровке. Примечательно, что ни для одного стихотворения из *Сб1863*, составляющих количественное большинство по сравнению со стихотворениями из других сборников, подобные отсылки в *Списке I* не приводились, что подтверждает ранее высказанное нами предположение, что за основу последнего собрания был взят именно *Сб1863*. Кроме того, работа по внесению сведений на источник публикации не была проведена последовательно. Так, в разделе «Послания, посвящения и стихотворения на случай» источник не указан ни для одного произведения. По всей видимости, в дальнейшем эта работа была проведена Е. В. Федоровой и нашла отражение в *Списке II*. Если в состав собрания включалось ранее не публиковавшееся в сборниках стихотворение, то оно сопровождалось пометой «из последн<их> ст<ихотворений>». Встречается также единичная помета «V в<ыпуск> „В<ечерних> о<гней>“» («За горами, песками, морями…»).

Другой вид карандашной правки — не столь значительный по объему — отражает работу над композицией сборника. Здесь, как уже говорилось, обращают на себя внимание примеры переноса стихотворений из одного раздела в другой: в таких случаях слева от заглавия стихотворения сокращенно (по первой букве) указывалось заглавие нового раздела. Так, рядом со стихотворением «Георгины» проставлена литера «О», означавшая его перенос в раздел «Осень», а литера «Л» рядом со стихотворением «Зреет рожь над жаркой нивой…», соответственно, означала перемещение его в раздел «Лето» (рядом с первыми двумя стихотворениями, предназначенными к переносу, проставлены галочки, а не литеры).

Наконец, карандашом произведен подсчет стихотворений в конце каждого раздела. Указанная Соловьевым цифра далеко не всегда соответствует фактическому количеству в окончательном варианте *Списка I*, что свидетельствует о том, что добавление отдельных стихотворений было осуществлено после подсчета (в отдельным случаях не Соловьевым, а Е. В. Федоровой).

Для удобства карандашная правка воспроизводится нами курсивом, за исключением нескольких случаев, которые невозможно воспроизвести подобным образом в силу технических причин (знаки «галочки» и «крестика»).

Все записи Соловьева (заглавия стихотворений, библиографические ссылки и др.) воспроизводятся нами без изменений и конъектур; зачерк-

нутые слова воспроизводятся в квадратных скобках; в случаях, когда исправления вносились поверх другого текста, первоначальный вариант приводится под строкой. В отдельных случаях, в частности при совпадении заглавий нескольких стихотворений, под строкой раскрывается, о каком именно произведении идет речь. В первую очередь, это относится к разделу «Послания, посвящения и стихотворения на случай», в котором стихотворения сгруппированы по адресатам: так, в него включено три стихотворения, посвященных А. Л. Бржеской, четыре — С. А. Толстой (Берс), два — Л. Н. Толстому, три — Н. М. Соллогуб и т. д., причем в каждом случае только для первого стихотворения указано (полностью или сокращенно) имя адресата, все остальные обозначены — «Ей же» или «Ему же». Полное заглавие устанавливается по сопроводительной библиографической ссылке или по сопоставлению со *Списком II*, где подобные ссылки приведены практически для всех стихотворений, и указывается под строкой. Принадлежность помет другому лицу также оговаривается в подстрочном примечании.

Оглавление

Часть первая

Элегии и думы

---

[1] Возможно, имеется в виду: «В разн<ые стихотворения?>».

[2] Имеется в виду ст-ние «Смерти» («Когда измучен жаждой счастья…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 16–17).

Италия
На развалинах цезарских палат
Пойду навстречу к ним знакомою тропою
Старые письма
О нет не стану звать утраченную радость

Из I в. Веч. Огн.

Окна в решетках (посвящение к «Вечерним огням»)
Не первый год у этих мест
Томительно-призывно и напрасно
Ты отстрадала, я еще страдаю
Alter ego
Смерть
Среди звезд
Измучен жизнью, коварством надежды
В тиши и мраке таинственной ночи
Когда Божественный бежал людских речей
Ничтожество

Из II в. Веч. Огн.

Добро и зло
[Смерть]
[К] Смерти[3]

Из I в. Веч. Огн.

Не тем Господь могуч, непостижим
Никогда
Жизнь пронеслась без явного следа

Из II в. Веч. Огн.

О этот сельский день и блеск его красивый
Ласточки[4]
Осень[5]

Из II в. Веч. Огней

Учись у них, у дуба, у березы
Солнце садится, и ветер утихнул летучий
Страницы милые опять персты раскрыли
Еще одно забывчивое слово
Теперь
Кровию сердца пишу я к тебе эти строки *?*

Из III в. Веч. Огн.

Севастопольское кладбище
В степной глуши над влагой молчаливой
Дул север. Плакала трава
Я потрясен, когда кругом
Прости — и все забудь в безоблачный ты час
Светоч
Нет, я не изменил. До старости глубокой

---

[3] По всей видимости, первоначально было записано: «К смерти». Имеется в виду ст-ние «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю…») (*ВО 2.* С. 21).

[4] Имеется в виду ст-ние «Ласточки» («Природы праздный соглядатай…») (*ВО 2.* С. 13).

[5] Имеется в виду ст-ние «Осень» («Как грустны сумрачные дни…») (*ВО 2.* С. 14).

Из III в. Веч. Огн.
Светил нам день, будя огонь в крови…
Когда читала ты мучительные строки
Все, все мое, что есть и прежде было
С солнцем склоняясь за темную землю
Тебе в молчании я простираю руку

Из IV в. Веч. Огн.
Одним толчком согнать ладью живую
В полуночной тиши бессонницы моей
Прости. Во мгле воспоминанья
Руку бы снова твою мне хотелось пожать
Устало все кругом, устал и цвет небес
Угасшим звездам
Поэтам
Хоть счастие судьбой даровано не мне

Из последн. ст.
Еще люблю, еще томлюсь
На кресле отваляясь, гляжу на потолок
Опавший лист дрожит от нашего движенья
Не упрекай, что я смущаюсь
Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной
Кляните нас: нам дорога свобода
Фонтан
О, как волнуюсь я мыслию больною
Все, что волшебно так манило

72[6]

Подражание восточному

Я люблю его жарко; он тигром в бою
Не дивись, что я черна
Восточный мотив
Аваддон
Соловей и роза *?*

5

К Офелии

Не здесь ли ты легкою тенью
Я болен, Офелия, милый мой друг
Как ангел неба безмятежный
Офелия пела

4[7]

---

[6] Указанное Соловьевым количество ст-ний не соответствует фактическому: 74.

[7] Исправлено, было: «5».

Снега

На пажитях немых люблю в мороз трескучий
Знаю я, что ты, малютка
Вот утро севера — сонливое, скучное
Печальная береза
Кот поет, глаза прищуря
Чудная картина!
Ночь светла, мороз сияет
На двойном стекле узоры
Скрип шагов вдоль улиц белых
Из I вып. Веч. Огн. { Еще вчера, на солнце млея
Какая грусть! Конец аллеи
К окну приникнув головой
IV в. 12 Мама, глянь-ка из окошка
13[8] Ветер злой, ветр крутой в поле

Гадания

Из изд. 50 г. Ночь крещенская морозна
Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом
Бедный мальчик[9]
Полно смеяться! что это с вами?
Помню я: старушка няня
Перекресток, где ракитка
5[10]

Мелодии

Из изд. 50 г. { Когда я блестящий твой локон
Тихо ночью на степи
Весеннее небо глядится
Я полон дум
Младенческой ласки доступен мне лепет[11]
Не отходи от меня
Тихая, звездная ночь
Буря на небе вечернем

---

[8] Судя по цвету чернил, первоначально раздел состоял из 12 ст-ний, последние два заглавия были вписаны позднее. Об этом свидетельствуют также пометы: «12» и «13», зафиксировавшие изменение количества ст-ний. Соловьев ошибся при подсчете или забыл указать окончательное количество: 14.

[9] Это ст-ние вписано позднее рукой Е. В. Федоровой.

[10] Указанное Соловьевым количество ст-ний не соответствует фактическому: 6, поскольку ст-ние «Бедный мальчик» было вписано позднее.

[11] Первые пять ст-ний в разделе «Мелодии» вписаны позднее справа на полях.

Nocturno
Теплым ветром потянуло
Если зимнее небо звездами горит
Полуночные образы реют
Я долго стоял неподвижно
[Сне][12] Шумела полночная вьюга
Улыбка томительной скуки
Серенада
За кормою струйки вьются
Фантазия
Недвижные очи, безумные очи
Как мошки зарею
Спи — еще зарею
Свеж и душист твой роскошный венок
Давно ль под волшебные звуки
Снился берег мне скалистый
Туманное утро
Римский праздник
Цветы
Вчера я шел по зале освещенной
Все вокруг и пестро так и шумно
Певице
Бал
Anruf an die Geliebte (Бетховена)
Ярким солнцем в лесу пламенеет костер
Свеча нагорела. Портреты в тени
Нет не жди ты песни страстной

Из I вып. Веч. Огн. {
Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали
Что ты голубчик задумчив сидишь
В дымке невидимке
Одна звезда меж всеми дышит
Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури
Солнце нижет лучами в отвес
Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне
Забудь меня, безумец исступленный
}

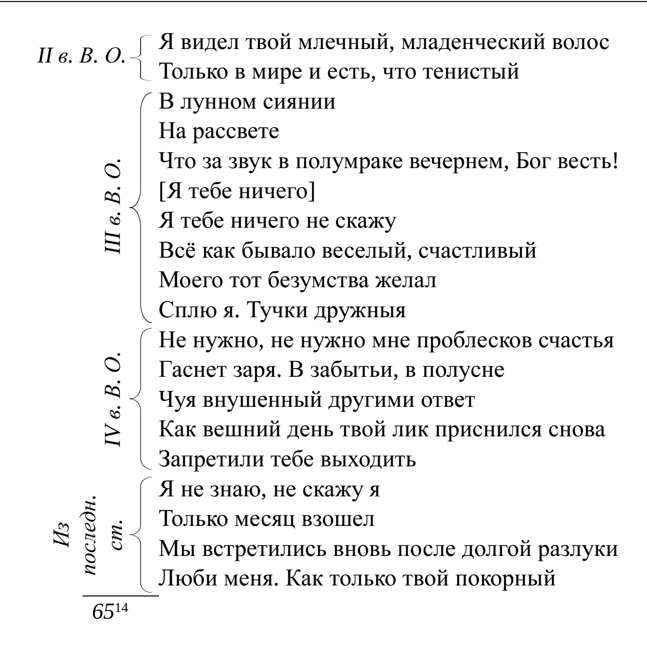
I вып. Веч. О. {
Прежние звуки с былым обаяньем
Как ясность безоблачной ночи
Сны и тени
Шопену
Романс
}

48[13]

---

[12] «[Сне<га?>]» вписано поверх «З<има?>».

[13] Исправлено, было: «40», затем «45». Исправления внесены, по-видимому, после добавления пяти новых ст-ний из *Сб1850* в начале раздела, а также последних трех (перед подсчетом в конце).

II в. В. О.
Я видел твой млечный, младенческий волос
Только в мире и есть, что тенистый

III в. В. О.
В лунном сиянии
На рассвете
Что за звук в полумраке вечернем, Бог весть!
[Я тебе ничего]
Я тебе ничего не скажу
Всё как бывало веселый, счастливый
Моего тот безумства желал
Сплю я. Тучки дружныя

IV в. В. О.
Не нужно, не нужно мне проблесков счастья
Гаснет заря. В забытьи, в полусне
Чуя внушенный другими ответ
Как вешний день твой лик приснился снова
Запретили тебе выходить

Из последн. ст.
Я не знаю, не скажу я
Только месяц взошел
Мы встретились вновь после долгой разлуки
Люби меня. Как только твой покорный

65[14]

Вечера и ночи

Из изд. 50 г.
Долго еще прогорит
Что за вечер, а ручей

Право, от полной души я благодарен соседу
Вдали огонек за рекою
Я люблю многое близкое сердцу
Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно
Я жду… Соловьиное эхо
Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь
Друг мой, бессильны слова, одни поцелуи всесильны
Ночью как-то вольнее дышать мне
Рад я дождю. От него тучнеет мягкое поле
Слышишь ли ты как шумит углом налетевшее стадо
Каждое чувство бывает понятней мне ночью и каждый
Летний вечер тих и ясен
Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках
Шепот, робкое дыханье
На стоге сена, ночью южной
Заря прощается с землею

[14] Указанное Соловьевым количество ст-ний не соответствует фактическому: 66. Возможно, при подсчете не было учтено ст-ние «Шумела полночная вьюга…», выделенное в раздел «Снега».

Колокольчик

II в. В. О. Молятся звезды, мерцают и рдеют

III в. Благовонная ночь, благодатная ночь

IV в. { Сегодня все звезды так пышно
От огней, от толпы беспощадной

23

Баллады

Из изд. 50 г. { Змей
Лихорадка
Видение
Геро и Леандр

Тайна

Ворот

На дворе не слышно вьюги

Легенда

8

Антологические стихотворения

Греция

Вакханка

Диана

Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил

Кусок мрамора

К юноше

С корзиной полною цветов на голове

В златом сиянии лампады полусонной

Подражание XVI идиллии Биона

Питомец радости, покорный наслажденью

Уснуло озеро; безмолвен черный лес

К красавцу

Сон и Пазифая

Амимона

Диана, Эндимион и Сатир

Золотой век

Даки

Телемак у Калипсы

Венера Милосская

Нимфа и молодой Сатир

Сон и смерть

Из изд. 50 г. { Когда петух
Нептуну Леверрье

23

Море

	Ночь весенней негой дышит
	Жди ясного на завтра дня
	Морской залив
	Вечер у взморья
	Как хорош чуть мерцающим утром
	Морская даль во мгле туманной
	Прибой
	На корабле
Из I в. В. О.	Буря
	После бури
	Вчера расстались мы с тобой
	Море и звезды
Из. посл. стих.	Качаяся, звезды мигали лучами
13	

Весна

	Уж верба вся пушистая
	Еще весна, — как будто неземной
	На заре ты ее не буди
	Еще весны душистой нега
	Пчелы
	Весенние мысли
	Весна на дворе
	Первый ландыш
	Какая ночь!
	Опять незримые усилья
	Весенний дождь
Из I в. В. О.	Глубь небес опять ясна
	Еще, еще! Ах сердце слышит
	Когда вослед весенних бурь
	Всю ночь гремел овраг соседний
	Пришла — и тает все вокруг
	Я рад, когда с земного лона
	Майская ночь
	Я ждал. Невестою-царицей
II в. В. О.	С гнезд замахали крикливые цапли
	Сад весь в цвету
III в. В. О.	Кукушка
V в. В. О.	За горами, песками, морями
23	

12

Море

Ночь весенней негой дышит
Жди ясного на завтра дня
Морской залив
Вечер у взморья
Как хорошо чуть мерцающим утром.
Морская даль во мгле туманной
Прибой.
На корабле.
Буря.
После бури.
Вчера расстались мы с тобою
Море и звезды.
Качаяся, звезды мигали лучами

13

Весна

Уж верба вся пушистая
Еще весна, — как будто неземной
На заре ты ее не буди
Еще весны душистой нега
Пчелы.
Весенние мысли.
Весна на дворе.

Страница *Списка I*. Авторизованный текст рукой Вл. Соловьева (*РГБ*)

Послания, посвящения и стихотворения на случай

Ее Величеству Королеве эллинов
Ей же при получении Ее портрета
Ей же 11 июля 1891 г.
Е. И. Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу[15]
Их И. В. Великой Княгине Елизавете Маврикиевне и В. К. Константину Константиновичу[16]
Е. И. В. В. К. Константину Константиновичу на книжке моих воспоминаний
Ему же[17]
Ему же[18]
Сердце желанием встречи томимо[19]
На бракосочетание Их И. В. Великого Князя Павла Александровича и Королевны греческой Александры Георгиевны
На погребение Ее И. Высочества В. Княгини Александры Георгиевны
Памяти Д. Л. Крюкова
На смерть А. В. Дружинина
Памяти В. П. Боткина
Памяти Н. Я. Данилевского
На смерть Мити Боткина
На смерть С. С. Боткиной
На смерть Б…..на[20]
Ответ Тургеневу
Е. П. К—у
Тургеневу[21]

---

[15] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Его Императорскому Высочеству В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Сплывают ледяные своды…») (*ВО 4.* С. 6).

[16] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Их Императорским Высочествам В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу и В<еликой> К<нягине> Елизавете Маврикиевне» («Давно познав, как ранят больно…») (*ВО 4.* С. 12).

[17] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Его Императорскому Высочеству В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Когда, колеблем треволненьем…») (*ВО 4.* С. 26).

[18] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Не сетуй, будто бы увяла…») из утраченной тетради (№ XXX).

[19] Судя по цвету чернил, это ст-ние вписано позднее.

[20] О каком ст-нии идет речь, не понятно. Возможно, имелось в виду ст-ние «На смерть Б<ражнико>ва» (ср. со *Списком II*).

[21] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга…») (*Сб1863.* Ч. 1. С. 236).

Б—м[22]
А. Ф. Бржескому
А. Л. Б—ой[23]
Ей же[24]
Ей же[25]
С. П. Х—о
Гр. С. А. Толстой (Алексея)[26]
Гр. С. А. Толстой (Льва)[27]
[Ей же]
Ей же к портрету[28]
[В альбом К—у]
Ей же[29]
Ей же[30]
В альбом К—у
Гр. А. В. Олсуфьеву[31]
Гр-не А. А. Олсуфьевой
Е. С. Х—ой[32]

---

[22] Судя по цвету чернил, это ст-ние вписано позднее. По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Б……м (при получении цветов и нот)» («Откуда вдруг в смиренный угол мой…») (*Сб1863.* Ч. 1. С. 170).

[23] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «А. Л. Б—ой» («Далекий друг, пойми мои рыданья…») (*ВО 1.* С. 98).

[24] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Ей же» («Опять весна! Опять дрожат листы…») (*ВО 1.* С. 99).

[25] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «А. Л. Б—ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным…») (*ВО 3.* С. 24).

[26] Имеется в виду ст-ние «Графине С. А. Толстой (Алексей)» («Где средь иного поколенья…») (*ВО 4.* С. 55).

[27] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Гр. С. А. Т—ой» («Когда так нежно расточала…») (*ВО 1.* С. 105).

[28] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «К портрету графини С. А. Т—ой» («И вот портрет! и схоже и несхоже…») (*ВО 3.* С. 21).

[29] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Ей же» («Я не у Вас, я обделен…») (*ВО 3.* С. 22).

[30] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Графине С. А. Т—ой (во время моего 50-летнего юбилея)» («Пора! по влаге кругосветной…») (*ВО 4.* С. 34).

[31] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву» («Второй бригады из-за фронта…») (*ВО 3.* С. 18).

[32] Первоначально было: «Е. С. Х—ой», затем карандашом сверху вписаны недостающие буквы: «омуто» (без *в*). По сопоставлению со *Списком II,* по всей видимости, имеется в виду ст-ние «Е. С. Х—й (при получении от нее пышного букета цветной капусты)» («Соизмеряя дар с приветом…») (*ВО 4.* С. 69). Однако не исключено, что речь идет о другом ст-нии, посвященном Е. С. Хомутовой.

Ей же[33]
Гр-не Н. М. С—б[34]
Ей же[35]
Ей же[36]
М. П. Ш—ной[37]
Л. И. Офросимовой[38]
И. Ф. Офросимову *Ко* <?>
Е. Д. и К. Г. Д—р
На серебряную свадьбу И. В. и Е. П. Щукиных
М. Н. Коншиной
М. Ф. Ванлярской
П. И. Чайковскому
Гр. А. К. Толстому
Гр. Л. Н. Толстому[39]
Ему же (при появлении «Война и мир»)[40]
А. Н. Майкову
Ему же на юбилей[41]
[Я. П.] Полонскому[42]
Ему же[43]

---

[33] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Ек. Серг. Х—ой (приславшей мне цветы)» («Цветы и песни с давних лет…») (*ВО 3.* С. 31).

[34] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Графине Н. М. С—ъ» («Вам песнь моя. В степи мирской…») (*ВО 4.* С. 64).

[35] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («Тобой привычный восхищаться…») из утраченной тетради (№ X).

[36] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («О, Береника! Сердцем чую…») из утраченной тетради (№ XLI).

[37] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Марье Петровне Шеншиной» («Ты все стихи переплела…») из утраченной тетради (№ LV).

[38] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Л. И. О—й (при посылке портрета)» («Гляжу с обычным умиленьем…») (*ВО 4.* С. 53).

[39] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Гр. Л. Н. Т—у» («Как ястребу, который просидел…») (*ВО 1.* С. 100).

[40] Так в подлиннике. Имеется в виду ст-ние «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа: „Война и мир“)» («Была пора, своей игрою…») (*ВО 2.* С. 18).

[41] Имеется в виду ст-ние «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли…») (*ВО 4.* С. 43).

[42] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Полонскому» («Спасибо! Лирой вдохновенной…») (*ВО 2.* С. 17).

[43] Судя по цвету чернил, это ст-ние вписано позднее. По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Я. П. Полонскому» («В минувшем жизнь твоя богата…») (*ВО 4.* С. 62).

Ф. И. Тютчеву[44]
Ему же[45]
Надпись на книжке стихотворений Тютчева[46]
К памятнику Пушкина[47]
1 марта 1881
15 мая 1883
На пятидесятилетие Музы[48]
На утре дней все ярче и чудесней

Разные стихотворения

Владычица Сиона, пред тобою
Мадонна
Ave Maria
Я знал ее малюткой
∨ Непогода — осень — куришь
Не ворчи, мой кот-мурлыка
Венеция ночью
Полно спать, тебе две розы
Колыбельная песнь сердцу
О не зови! страстей твоих так звонок
Облаком волнистым
Я пришел к тебе с приветом
Деревня
Ах, дитя, к тебе привязан
Узник
Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад
Растут, растут причудливые тени
На Днепре в половодье
Как тень свежа под липою густою[49]

---

[44] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Федору Ивановичу Тютчеву» («Мой обожаемый поэт…») (*ВО 1.* С. 102).

[45] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Ему же» («Прощай весна, — темнеет лес…») (*ВО 1.* С. 103).

[46] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «На книжке стихотворений Тютчева» («Вот наш патент на благородство…») (*ВО 2.* С. 16).

[47] Имеется в виду ст-ние «26 мая 1880 года. К памятнику Пушкина» («Исполнилось твое пророческое слово…») (*ВО 1.* С. 16).

[48] Имеется в виду ст-ние «На пятидесятилетие музы» («Нас отпевают. В этот день…») (*ВО 4.* С. 19).

[49] Имеется в виду ст-ние «Как здесь свежо под липою густою!..» (*Сб1863.* Ч. 1. С. 183).

Над озером лебедь в тростник протянул
∨ Осень[50]
Сосны
Больной
В саду
В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты
Не спрашивай, над чем задумываюсь я
Первая борозда
Ты расточительна на милые слова
Лес
Какое счастие: и ночь, и мы одни
Степь вечером
Что за ночь! Прозрачный воздух скован
Старый парк
Вечер[51]
Муза[52]
Теплый ветер тихо веет
Последний звук умолк в лесу глухом
В пору любви, мечты, свободы
Ива
О друг, не мучь меня жестоким приговором
Приметы
Какие-то носятся звуки
Ревель
Пароход
Знакомке с юга
Вчера, увенчана душистыми цветами
В темноте на треножнике ярком
Ивы и березы
У камина
Сестры
Горное ущелье
Музе[53]
Рыбка
Был чудный майский день в Москве
В леса безлюдной стороны

---

[50] Имеется в виду ст-ние «Осень» («Ласточки пропали…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 185).

[51] Имеется в виду ст-ние «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 202).

[52] Имеется в виду ст-ние «Муза» («Не в сумрачный чертог наяды говорливой…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 203).

[53] Имеется в виду ст-ние «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 223).

На лодке
Только станет смеркаться немножко
Расстались мы, ты странствуешь далече
Я был опять в саду твоем
Л × Дождливое лето
О Псовая охота
Грезы
Мотылек мальчику
Молчали листья, звезды рдели
На железной дороге
Л Зреет рожь над жаркой нивой
Кричат перепела
О Георгины
Если ты любишь, как я, бесконечно
Еще акация одна
Тихонько движется мой конь
Чем тоске, и не знаю, помочь
Прежние звуки
Из I вып. В. О.
Знаю, зачем ты, ребенок больной
Встречу ль яркую в небе зарю
В страданьи блаженства стою пред тобою
Вчерашний вечер помню живо
Горячий ключ
Отчего со всеми я любезна
Осенью
В душе измученной годами
Л Нежданный дождь
Ключ
Чем безнадежнее и строже
Сонет
Толпа теснилася. Рука твоя дрожала
Встает мой день как труженик убогий
Как нежишь ты, серебряная ночь
Блеском вечерним овеяны горы
Кому венец: богине ль красоты
Напрасно
Купальщица
Напрасно ты восходишь надо мною
Роза
Тополь
Только встречу улыбку твою
Л Ты видишь за спиной косцов
Псевдо-поэту
С какой я негою желанья
Я уезжаю. Замирает

I в. В. О.:
Не избегай, я не молю
В благословенный день, когда стремлюсь душою
В душе измученной годами[54]
Зевс
К Сикстинской мадонне
Музе (Пришла и села. Счастлив и тревожен)

Из II в. В. О.:
Не смейся, не дивися мне
День проснется, — и речи людския
Ты был для нас всегда вон той скалою
Бабочка
С бородою седою верховный я жрец
Ты так любишь гулять
Говорили в древнем Риме
Вольный сокол
Не вижу ни красы души твоей нетленной
В Ныне первый мы слышали гром

III в. В. О.:
Муза (Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня)
Жду я тревогой объят
Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок
Как беден наш язык. Хочу и не могу
Ты помнишь, что было тогда
Если радует утро тебя

О Осенняя роза
Ребенку
Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник
Горная высь
Как богат я в безумных стихах!
Долго снились мне вопли рыданий твоих
Из дебрей туманы несмело
Есть ночи зимней блеск и сила
О Вот и летние дни убавляются
Через тесную улицу здесь в высоте
В вечер такой золотистый и ясный
Ты вся в огнях. Твоих зарниц
Вечный хмель мне не отрада
Сегодня день твой просветленья
О Задрожали листы облетая

IV в. В. О.:
Полуразрушенный, полужилец могилы
Только что спрячется солнце
Горел напрасно я душой
Упреком, жалостью внушенным

---

[54] Тот факт, что ст-ние «В душе измученной годами…» дважды внесено в раздел «Разные стихотворения», объясняется ошибкой в наборе *ВО 1*, в результате которой оно было напечатано там два раза (на с. 69 и 93). Та же ошибка допущена в *Списках II* и *III*.

IV в. В. О.
Я с лучшей стороны смотреть на все готов
Алмаз
Как трудно повторять живую красоту
Зной
Теснее и ближе сюда
Роями поднялись крылатые мечты
Она
На качелях
Была пора, и лед потока
К ней
Давно ль на шутки вызывала
Из тонких линий идеала
О Сентябрьская роза
Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал
Весь вешний день среди стремленья
Безобидней всех и проще
Завтра — я не различаю
Я слышу и судьбе я покоряюсь грозной
Роящимся мечтам лететь дав волю
Я говорю, что я люблю с тобою встречи
Давно в любви отрады мало
О Опять осенний блеск денницы
Месяц и роза
Ель рукавом мне тропинку завесила
Почему
Не отнеси к холодному бесстрастью
Не могу я слышать этой птички
Рассыпаяся смехом ребенка
Когда смущенный умолкаю
Она ему — образ мгновенный

171[55]

488[56]

Часть вторая

Переводы и две поэмы

С китайского

Тень

[55] Указанное Соловьевым количество ст-ний не соответствует фактическому: 170. Ошибка объясняется тем, что в раздел дважды внесено ст-ние «В душе измученной годами…».

[56] Указанное Соловьевым количество ст-ний не соответствует фактическому: 492 (с учетом ст-ния «Бедный мальчик»).

Из Саади

Обремененный славой мира
Вселенной целой потеряв владенье

Из Гафиза

Звезда полуно́чи дугой золотою скатилась
О! если бы озером был я ночным
Мы Шемзеддин со чадами своими
Если вдруг без видимых причин
Я был пустынною страной
О! как подобен я — смотри
Дано тебе и мне
Десять языков лилеи
Ветер нежный окрыленный
Падет ли взор твой гордый
Книгу мудрую берешь ты
Ты в мозгу моем убогом
Пусть насколько хватит сил
В царство розы и вина приди
Веселись, о сердце-птичка
Предав себя судьбам на произвол
Грозные тени ночей
Ах, как сладко, сладко дышит
В доброй вести, нежный друг, не откажи
Ежели осень наносит
Гиацинт своих кудрей
Твой вечно, неизменно
О помыслах Гафиза
Сошло дыханье свыше
Уж если все от века решено
Не будь, о богослов, так строг
Гафиз убит! А что его убило?

Из Анакреона

Сядь, Вафилл, в тени отрадной

Из Гёте

Самообольщение
На озере
Новая любовь — новая жизнь
Герман и Доротея (поэма)
Прекрасная ночь
Ночная песня путника

Границы человечества
Рыбак
Зимняя поездка на Гарц

Из Шиллера

Вечер[57]
Дифирамб
К цветам
Семела
Боги Греции

Из Кернера

Москва

Из Уланда

Бертран де Борн

Из Рюккерта

Если ты меня разлюбишь
Пусть бы люди про меня забыли
Как мне решить, о друг прелестный
У моей возлюбленной есть украшенье
И улыбки и угрозы
Не хочу морозной я

Из Мёрике

Будь, Феокрит о прелестнейший, мной упомянут с хвалою
Песня охотника
Покинутая девушка

Из Гейне

Из слез моих много родится
Лилеею, розой, голубкой, денницей
Ланитой к ланите моей прикоснись
Дитя! мои песни далеко
Как из пены вод рожденная
Я не ропщу, пусть сердце и в огне
Да, ты несчастна, — и мой гнев угас

[57] Имеется в виду ст-ние «Вечер» («Бог лучезарный, спустись! Жаждут долины…»).

Не севере кедр одинокий
Слышу ли песенки звуки
Мой друг, мы с тобою сидели
Твои пылают щечки
Я плакал во сне
Когда на дороге, случайно
С порога рыбачьей избушки
Красавица-рыбачка
Нисходят во гроб поколенья
Они любили друг друга
Когда я про горе свое говорил
Как луна, светя во мраке
Во сне я милую видел
Как цвет ты чиста и прекрасна
Хотел я с тобою остаться
Ах! опять всё те же глазки
По бульварам Саламанки
Горная идиллия
Желтеет древесная зелень
Посейдон
Эпилог
Ты вся в жемчугах и алмазах
Дитя, мы детьми еще были
Не глумись над чертом смертный
Трубят голубые гусары
Уж вечер надвинуться хочет
В молодые тоже годы
[Два] Гренадеры

Из Мура

Прощай, Тереза. Печальные тучи

Из Байрона

О солнце, глаз бессонных

Из Шенье

Ланиты у меня на солнце загорели
Супруг надменный коз

Из Беранже

Последняя песня

Из Мюссе

Дюпон и Дюран

Из Мицкевича

Дозор
Всплываю на простор сухого океана
О милая дева! К чему нам, к чему говорить

Песни кавказских горцев

Станет насыпь могилы моей просыхать[58]
Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой
Выйди, мать, наружу, посмотри на диво

Перевод французского стихотворения Тютчева

Поэмы

Сабина
Студент

СПИСОК II

Переписывая *Список I*, Е. В. Федорова, вслед за Соловьевым, обозначала стихотворения либо по заглавию, либо по первой строке, которая, однако, воспроизводилась ею не полностью, а, как правило, в усеченном виде (например, «О не зови…» для стихотворения «О не зови! Страстей твоих так звонок…» и т. д.). В отличие от *Списка I*, для подавляющего большинства стихотворений рядом с заглавием Федоровой приводился источник, по которому оно должно было воспроизводиться, с указанием номера страницы. Как и в *Списке I*, отсылка на тот или иной сборник оформлялась в краткой форме, которая могла варьироваться. Например, «изд. Солдатенкова» («изд. Солдат.», «изд. С.» и т. д.) для первой части *Сб1863*, «1-я ч. Веч. Огн.» («1-я ч. В. О.» и т. д.) для *ВО 1*, «изд. 50 года», «изд. 50 г.» для *Сб1850* и т. д., и так же, как и в *Списке I*, легко поддается расшифровке. Если в состав собрания включалось ранее не публиковавшееся в сборниках стихотворение, то оно сопровождалось пометой: «из последних ненапечатанных», «не издано», «из послед<них> стихотв<орений>» и т. п., означавшей, что стихотворение должно было воспроизводиться по рабочей тетради, в которую Фет записывал все новые стихотворения (ныне тетради, которые заполнялись поэтом после выхода *ВО 4*, утрачены).

[58] Исправлено, было: «[за]сыхать».

В тексте *Списка II* имеется более поздняя правка, внесенная синим и простым карандашом рукой великого князя Константина Константиновича (К. Р.) в ходе подготовки *ЛСт1894*. Значительная часть правки касается переноса отдельных стихотворений в другие разделы: в таких случаях стихотворение, как правило, помечалось крестиком слева от названия, а справа записывалось название раздела, в который оно переносилось. Так, например, стихотворения «Опавший лист дрожит от нашего движенья…» и «Дул север. Плакала трава…» по замыслу Фета должны были публиковаться в разделе «Элегии и думы», однако были перенесены К. Р. соответственно в разделы «Осень» и «Лето». Как правило, в подобных случаях параллельно изменения фиксировались и в описании раздела, в который добавлялось стихотворение — чаще всего в виде краткой библиографической ссылки. Например, внесенная К. Р. в состав раздела «Лето» запись «III ч., 25» обозначала включение в него вышеназванного стихотворения «Дул север. Плакала трава…», которое было опубликовано в третьем выпуске «Вечерних огней» на с. 25. В другом случае справа от заглавия стихотворения «Фантазия» («Мы одни. Из сада в стекла окон…»), которое по замыслу Фета должно было войти в раздел «Мелодии», К. Р. приписал синим карандашом название нового раздела «Вечера и ночи»; одновременно в перечне стихотворений, предназначенных Фетом в раздел «Вечера и ночи», появилась запись К. Р. простым карандашом: «54, 57–61, 65, 81» — обозначавшая номера страниц со стихотворениями из первой части *Сб1863*, которые К. Р. планировал добавить в данный раздел, последний номер (с. 81) соответствовал стихотворению «Фантазия».

Изъятие стихотворения из того или иного раздела могло оформляться К. Р. и простым вычеркиванием, без обозначения названия нового раздела. Так, в разделе «Осень» рукой К. Р. вычеркнуты названия стихотворений «Вот и летние дни убавляются…» и «Задрожали листы, облетая…». Оба они были опубликованы впоследствии в *ЛСт1894* (Ч. 1) в составе раздела «Лето», однако это решение, вероятно, было принято позднее, поскольку в *Списке I* никаких заметок о переносе сделано не было.

Другой вид правки касается расширения ряда разделов за счет включения в них дополнительных стихотворений. Добавляя стихотворение в тот или иной раздел, К. Р. мог просто вписать его заглавие (как добавлено стихотворение «Не молчи, мой кот-мурлыка…» в раздел «Осень»), однако так он поступал не всегда. Зачастую вместо заглавия указан номер страницы, на которой данное стихотворение опубликовано в соответствующем сборнике, или же порядковый номер стихотворения, под

которым стихотворение в нем фигурирует. В подобных случаях названия дополнительно включенных в раздел стихотворений раскрываются нами под строкой.

Не все стихотворения, добавленные или перенесенные К. Р. в тексте *Списка II* в тот или иной раздел, в конечном итоге в них вошли, при этом особо оговариваются только случаи, когда, вопреки первоначальному намерению, стихотворение было помещено в другом разделе или вовсе не было включено в *ЛСт1894*. Например, вопреки намерению К. Р. перенести упоминавшееся выше стихотворение «Фантазия» в раздел «Вечера и ночи», в действительности оно было опубликовано в разделе «Мелодии», в соответствии с первоначальным замыслом Фета. А стихотворение «Владычица Сиона, пред тобою…», перенесенное К. Р. в *Списке II* из раздела «Разные стихотворения» в раздел «Вечера и ночи», в *ЛСт1894* было опубликовано в «Элегиях и думах». Правка К. Р. на *Списке II* представляет собой промежуточный этап его работы над формированием состава будущего издания «Лирических стихотворений», к тому же впоследствии к этому процессу подключился Н. Н. Страхов, взяв на себя основную работу по подготовке собрания, поэтому нередки случаи, когда, несмотря на отсутствие каких бы то ни было помет, то или иное стихотворение в результате было опубликовано совершенно в ином разделе. Например, стихотворение «Лес» («Куда ни обращаю взор…»), предназначенное Фетом в раздел «Разные стихотворения», было напечатано в *ЛСт1894* в разделе «Мелодии», но никаких помет об этом переносе в *Списке II* не зафиксировано. Подобные случаи нами особо не оговариваются.

Необходимо отметить, что для ряда стихотворений источник, по которому они должны были воспроизводиться, не был указан Е. В. Федоровой или был приведен не полностью (например, приведено только название сборника, но опущен номер страницы). В подобных случаях К. Р. вписывал рядом номера страниц, на которых находится то или иное стихотворение в соответствующем сборнике (например, это касается стихотворений из *ВО 3*, вошедших в раздел «Элегии и думы»), или указывал название сборника и страницу (реже — порядковый номер) стихотворения (см., например, характерное указание для стихотворения «Соловей и роза» в разделе «Подражание восточному» — «Вечерние огни. III, стр. 63»).

Рядом со стихотворениями, которые ранее не печатались в сборниках и Е. В. Федоровой были обозначены как «из последних» или «из ненапечатанных стихотворений» (см. выше), К. Р. проставлял римские цифры, соответствовавшие номерам, под которым они значились в утраченных

рабочих тетрадях Фета или в одной тетради, поскольку в отдельных случаях К. Р. обозначает ее как «тетрадь 1».[1] Судя по письму К. Р. к М. П. Шеншиной от 21 февраля 1893 года, это была одна из «двух тетрадок неизданных стихотворений», переданных ею великому князю для подготовки полного собрания стихотворений Фета. Не имея в руках этих рабочих тетрадей, сложно сказать, каково подлинное значение римских номеров, указанных К. Р. Ранее считалось, что они обозначают порядковый номер расположения стихотворений для пятого (неосуществленного) выпуска «Вечерних огней». Основываясь на этом предположении, М. А. Соколова предложила реконструкцию пятого выпуска в издании «Вечерних огней», осуществленном в серии «Литературные памятники».[2] Однако ряд обстоятельств заставляет усомниться в данной трактовке. Характер нашего обзора не позволяет подробно остановиться на этом вопросе. Отметим лишь следующее: маловероятно, что переданные М. П. Шеншиной великому князю тетради, в частности «тетрадь 1», содержали стихотворения, предназначенные исключительно для пятого выпуска. Очевидно, что они заполнялись схожим образом, как и две хорошо известные исследователям тетради, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ, — по большей части хронологически, по мере написания новых или записи «старых» стихотворений. В этой связи настораживает отсутствие римских номеров или специального указания «из 5-го выпуска» в *Списке II* на момент его составления Е. В. Федоровой. Допустимо предположить, что эти номера имели другое значение, например обозначали последовательность, в которой стихотворения были записаны в утраченной тетради (вполне вероятно, что они могли быть вписаны не Фетом, а позднее — к примеру, самим К. Р.). В пользу этого предположения говорит уже то обстоятельство, что, выстроенные по номерам, все стихотворения, написанные Фетом в промежуток с 11 ноября 1890 года («Из тонких линий идеала…») до 12 июня 1892 года («Ночь лазурная смотрит на скошенный луг…» — по времени создания это последнее из ненапечатанных стихотворений, внесенное в список Е. В. Федоровой), располагаются в строгой хронологической последовательности. Внешне «выпадающие» из этой последовательности два стихотворения «На смерть Бражникова» (датируемое 2 июня 1845 года) и «На сереб-

---

[1] Как и другие последние тетради Фета, эта тетрадь не сохранилась. Возможно, именно она значится в описании Б. Садовского под литерой «И» (*Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 94). Об этой тетради см. в статье П. Е. Вайдман и Н. П. Генераловой «Неожиданная находка» в наст. томе (С. 710).

[2] См. обоснование в ее статье «Принципы издания»: *ВО 1979.* С. 642–646, а также реконструкцию выпуска в разделе «Дополнения» (Там же. С. 373–426).

ряную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной 4 февраля 1874 года» могли быть записаны в рабочую тетрадь Фетом по случаю, поскольку ранее они не появлялись в печати (подобные примеры встречаются и в двух тетрадях, хранящихся в Пушкинском Доме). О том, что Фет практически случайно «вспомнил» о первом из вышеназванных стихотворений, сам он написал К. Р. 21 июня 1891 года, приложив к письму новый вариант стихотворения «Я говорю, что я люблю с тобою встречи…» (первая редакция датируется 29 мая 1891 года), обозначенного К. Р. впоследствии цифрой «XXIII», а также стихотворение «На смерть Бражникова», которое фигурирует в *Списке II* под цифрой «XXV». Следующее стихотворение в *Списке II* (под цифрой «XXVI» — «Давно в любви отрады мало…») было написано уже 24 июня 1891 года.

Пытаясь воспроизвести обильную правку К. Р. на *Списке II*, мы столкнулись с определенными техническими сложностями, поскольку привести ее под строкой не представляется возможным в силу объема. Вместе с тем значимость ее для истории издания *ЛСт1894* несомненна, поэтому было принято решение воспроизводить ее в основном тексте списка, при этом правка, внесенная К. Р. простым карандашом, воспроизводится нами курсивом, синим — полужирным курсивом. Зачеркнутые слова помещаются в квадратные скобки, при этом принадлежность их Е. В. Федоровой или К. Р. специально оговаривается только в тех случаях, когда может возникнуть сомнение.

В остальном принципы совпадают с теми, по которым подготовлен *Список I*. В случае совпадения заглавий отдельных стихотворений полное заглавие приводится нами под строкой. Так, в раздел «Осень» Федоровой вторым сначала было внесено стихотворение, которое она обозначила как «Осень (Какая холодная осень)».[3] Однако далее эта запись была ею вычеркнута и ниже вписано название «Осень» с указанием: «185 — Солд.», что подразумевало включение в раздел стихотворения «Осень» («Ласточки пропали…»), опубликованного в *Сб1863* (Ч. 1. С. 185).[4] Вместе с тем, помимо вышеназванного, у Фета есть еще одно стихотворение с названием «Осень» — «Как грустны сумрачные дни…».

---

[3] Отметим, что это стихотворение было впервые опубликовано в *Сб1850* (С. 145) без заглавия.

[4] Впоследствии на основе *Списка I* Б. Я. Бухштабом было принято решение о снятии заглавия при публикации этого стихотворения в серии «Библиотека поэта», поскольку оно повторяло заглавие раздела, а «во всех сборниках Фета проводится постоянный принцип снимания заглавий, совпадающих с заглавием отдела». См.: *ПССт1937*. С. 695; *ПССт1959*. С. 732; *СиП 1986*. С. 646.

Оглавление

Элегии и думы

[1] Имеется в виду ст-ние «Смерти» («Когда измучен жаждой счастья…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 16–17).

[2] Имеется в виду ст-ние «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю…») (*ВО 2*. С. 21).

	О этот сельский день	11 стр.		Из 2-й части Вечерних Огней
	Ласточки[3]	13 —		
×	Осень[4]	14	***Осень***	
×	Учись у них	20	***Зима***[5]	
×	Солнце садится	29	***Вечера и ночи***	
	Страницы милые	33		
	Еще одно забывчивое	34		
	Теперь	35		
	Кровию сердца	36		
	Севастопольское кладбище	*стр. 4*		Из 3-ей части Вечерн. Огней
	В степной глуши	*стр. 9*		
×	Дул север	*25*	***Лето***	
	Я потрясен	*26*		
	Прости и все забудь	*27*		
	Светоч	*35*		
	Нет, я не изменил	*36*		
	Светил нам день	*37*		
	Когда читала ты	*42*		
	Все, все мое	*48*		
	С солнцем склоняясь	*51*		
	Тебе в молчании	*61*		
	Одним толчком	10 стр.	IV ч. В. О.	
	В полуночной тиши	39 —	IV ч. Веч. О.	
	Прости. Во мгле воспоминанья	60		Из IV ч. Веч. Огней
	Руку бы снова твою	37		
×	Устало все кругом	11	***Осень***	
	Угасшим звездам	23		
	Поэтам	8		
	Хоть счастие судьбой	33		
	Еще люблю, еще томлюсь	*III*		из последних непечатанных
	На кресле отваляясь	*V*		
×	Опавший лист дрожит	*VI*	***Осень***	
	Не упрекай, что я смущаюсь	*XII*		
	Нет, даже [не] не тогда	*XV*		
	Кляните нас	*XVII*		
	Фонтан	*XXIV*		
	О как волнуюся я	*XXVIII*		
	Все что волшебно так манило	*XLIV*		

---

[3] Имеется в виду ст-ние «Ласточки» («Природы праздный соглядатай…») (*ВО 2*. С. 13).

[4] Имеется в виду ст-ние «Осень» («Как грустны сумрачные дни…») (*ВО 2*. С. 14).

[5] В *ЛСт1894* ст-ние вошло в раздел «Вечера и ночи».

Подражание восточному

	Я люблю его жарко		31 стр.	изд. Солд.
	Не дивись, что я черна		32 стр.	изд. Солд.
	Восточный мотив		220 стр.	1 ч. Веч. Огн.
?	Аваддон	***Апокалипсис?***[6]	стр. 40,	2-я ч. Веч. Огн.
	Соловей и роза			*Вечерние огни. III, стр. 63*

[Весна]
К Офелии

Не здесь ли ты легкою тенью	35	Из Солдатенков. изд.
Я болен, Офелия	″	
Как ангел неба	36	
Офелия [пела] гибла и пела	97 стр.	изд. 50 года

Весна

Уж верба вся	стр. 151	Из Солдатенковск. издания
Еще весна, как будто	152	
На заре ты ее не буди	153	
Еще весны душистой	154	
Пчелы	155	
Весенние мысли	156	
Весна на дворе	157	
Первый ландыш	158	
Какая ночь!	159	
Опять незримые усилья	160	
Весенний дождь	162	
Полно спать	*стр. 170, 175, 186, 187, 194, 204, 237, 246,*[7] *248, 249*[8]	
Глубь небес	39	1-я часть Веч. Огней
Еще, еще!	40	
Когда вослед весенних	41	
Всю ночь гремел	42	

---

[6] В *ЛСт1894* ст-ние вошло в раздел «Подражания восточному».

[7] «246» — вписано сверху.

[8] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что из *Сб1863* (Ч. 1) в раздел «Весна» добавлены ст-ния: «Полно спать: тебе две розы…» (С. 170); «Я пришел к тебе с приветом…» (С. 175); «Сосны» («Средь кленов девственных и чистых…») (С. 186); «Больной» («Его томил недуг. Тяжелый зной печей…») (С. 187); «Первая борозда» («Со степи зелено-серой…») (С. 194 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение»); «Теплый ветер тихо веет…» (С. 204); «Мотылек мальчику» («Цветы кивают мне, головки наклоня…») (С. 237); «Еще акация одна…» (С. 246); «Тихонько движется мой конь…» (С. 248); «Чем тоске, и не знаю, помочь…» (С. 249 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение»).

Пришла и тает все	43	1-я часть Веч. Огней
Я рад, когда	44	
Майская ночь	45	
Я ждал. Невестою	46 *[71, 83]*[9]	
С гнезд замахали	10	2-я часть Веч. Огн.
[17 На рассвете]		
Сад весь в цвету	31 стр. *37*[10] *[50]*	2-я ч. Веч. О.
[17 На рассвете] Жду я — 2, 17, 32[11]		
Кукушка	*33 и 50*[12]	3-я ч. В. О.
[50 Сплю я, тучки] Зной — IV в. 32, 45,[13] *48*[14]		
За горами, песками	*1 тетр. XX*	из последн. стих.
Мы встретились	*XVIII [XX]*	

Лето

Как здесь свежо	*183, 188, 231*[15]	
Дождливое лето	232	изд. Солд.
Зреет рожь над жаркой	241 стр.	и. Солд.
Нежданный дождь	*54,*[16] 70 —	1-я ч. В. Огн.
Ты видишь за спиной	87 —	1-я ч. В. О.
Как здесь свежо[17]	183	изд. Солд.
III ч., 25		

---

[9] Вписанные и зачеркнутые К. Р. номера страниц, по всей видимости, означают, что в раздел «Весна» планировалось добавить из *ВО 1* ст-ния «Ключ» («Меж селеньем и рощей нагорной…») (С. 71) и «Роза» («У пурпурной колыбели…») (С. 83), от которого К. Р. впоследствии отказался.

[10] Вписанный К. Р. номер страницы означает, что из *ВО 2* в раздел «Весна» добавлено ст-ние «Ныне первый мы слышали гром…» (С. 37).

[11] Вписанные К. Р. номера означают, что из *ВО 3* в раздел «Весна» добавлены ст-ния (номера соответствуют порядковым номерам ст-ний в *ВО 3*): 2 — «Жду я — тревогой объят…»; 17 — «На рассвете» («Плавно у ночи с чела…»); 32 — «Из дебрей туманы несмело…».

[12] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что из *ВО 3* в раздел «Весна» добавлены ст-ния: «Кукушка» («Пышные гнутся макушки…») (С. 33); «Сплю я. Тучки дружные…» (С. 50).

[13] «39, 45» — вписано над строкой.

[14] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что из *ВО 4* в раздел «Весна», добавлены ст-ния: «Была пора, и лед потока…» (С. 32); «Роями поднялись крылатые мечты…» (С. 45); «Зной» («Что за зной! Даже тут под ветвями…») (С. 48).

[15] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что из *Сб1863* (Ч. 1) в раздел «Весна» добавлены ст-ния: «Как здесь свежо под липою густою!..» (С. 183); «В саду» («Приветствую тебя, мой добрый, старый сад…») (С. 188); «Я был опять в саду твоем…» (С. 231).

[16] Вписанный К. Р. номер страницы означает, что из *ВО 1* в раздел «Лето» добавлено ст-ние «Солнце нижет лучами в отвес…» (С. 54).

[17] Это ст-ние вычеркнуто К. Р. и перенесено выше. Вместо него вставлено ст-ние из *ВО 3* «Дул север. Плакала трава…» (С. 25), перенесенное из раздела «Элегии и думы».

Осень

	Хандра:[18]		
1)	Непогода, осень	167 —	Солд. изд.
2)	*Не ворчи, мой кот мурлыка*	*[116]*	*[Изд. 50 года]*
	[Осень (Какая холодная осень)][19]		
	Осень[20]	185 —	Солд.
		200[21]	
	Псовая охота	233 —	Солд. изд.
	I В. О. 68, 85 II ч. В. О. 14[22]	*244*[23]	
	Вот и летние дни[24]	*38 —*	*3 ч. Веч. Огн.*
	III ч. В. О. 10, 13, 38, 49[25]		
	Осенняя роза[26]	*13 —*	*3 ч. Веч. Огн.*
	Задрожали листы[27]	*49 —*	*3 ч. Веч. Огн.*
	IV В. О. 11[28]		
	Сентябрьская роза	*II*	*Неизданные*
			[Не ошибка ли? Должно быть уже упомянутая «Осенняя роза» стр. 13 3 ч. Веч. Огн.]
	VI[29]		
	Опять осенний блеск		*Из последних стихотв. Тетрадь 1-я. XXXI*

[18] Под общим заглавием «Хандра» и с проставленными номерами «1» и «2» ст-ния «Непогода, осень… Куришь…» и «Не ворчи, мой кот мурлыка…» опубликованы в *ЛСт1894* (Ч. 1. С. 305–306). Правка К. Р. проведена на основе *Сб1863* (Ч. 1).

[19] Вычеркнуто рукой Е. В. Федоровой:

[20] Имеется в виду ст-ние «Осень» («Ласточки пропали…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 185).

[21] Вписанный К. Р. номер страницы означает, что из *Сб1863* (Ч. 1) в раздел «Осень» добавлено ст-ние «Старый парк» («Сбирались умирать последние цветы…») (С. 200).

[22] Вписанные К. Р. ссылки означают, что в раздел «Осень» добавлены два ст-ния из *ВО 1*: «Осенью» («Когда сквозная паутина…») (С. 68) и «Тополь» («Сады молчат. Унылыми глазами…») (С. 85), а также одно из *ВО 2* «Осень» («Как грустны сумрачные дни…») (С. 14).

[23] Вписанный К. Р. номер страницы означает, что из *Сб1863* (Ч. 1) в раздел «Осень» добавлено ст-ние «Георгины» («Вчера, уж солнце рдело низко…») (С. 244).

[24] Ст-ние вычеркнуто карандашом К. Р.; в *ЛСт1894* включено в раздел «Лето» (Ч. 1. С. 300).

[25] Вписанные К. Р. номера страниц соответствуют следующим ст-ниям из *ВО 3*: «Ты помнишь, что было тогда…» (С. 10); «Осенняя роза» («Осыпал лес свои вершины…») (С. 13); «Вот и летние дни убавляются…» (С. 38); «Задрожали листы облетая…» (С. 49); последние два в *ЛСт1894* включены в раздел «Лето» (Ч. 1. С. 300–301).

[26] Ст-ние вычеркнуто карандашом К. Р.; см. также примеч. 25.

[27] Ст-ние вычеркнуто карандашом К. Р.; см. также примеч. 25.

[28] Вписанная К. Р. ссылка означает, что в раздел «Осень» добавлено ст-ние из *ВО 4:* «Устало все кругом, устал и цвет небес…» (С. 11).

[29] Вписанная К. Р. римская цифра «VI» означает, что в раздел «Осень» включено ст-ние «Опавший лист дрожит от нашего движенья…», значившееся в утраченной тетради под номером VI и изъятое К. Р. из раздела «Элегии и думы».

Снега

	На пажитях немых	39	Из Солдатенкова издания
	Знаю я, что ты	—	
	Вот утро севера	40	
	Ветер злой (X)[30]		
	Печальная береза	41	
	Кот поет	—	
	Чудная картина	42	
	Ночь светла	—	
	На двойном стекле	43	
	Скрип шагов	44	*[239 На жел. дороге]*[31]
	Еще вчера	33	1 ч. Веч. О.
	Какая грусть	34	1 ч. Веч. О.
	К окну приникнув	35	1 ч. Веч. О.
		34	*III ч.*[32]
	Мама, глянь-ка	67 стр.	IV ч. Веч. Огн.
(X)	Ветер злой	5 ст.	изд. 50 года.

Гадания

Ночь крещенская морозна	10 стр.	изд. 50 г.	
Зеркало в зеркало	47		Из Солдатенкова
Бедный мальчик	(ненапечат.)[33]	— ***у меня нет***	
Полно смеяться	48		
Помню я	49		
Перекресток, где ракитка	50		

[Снега]
Мелодии

Как ум к ней идет	*13*	*Изд. 50 года*
[Я полон дум]	*[15]*	
Когда я блестящий твой локон	17	Из изд. 50 года
Тихо ночью на степи	24	
Весеннее небо глядится	28	
Я полон дум	15	
Младенческой ласки	32	

---

[30] Знак «(Х)» означает, что К. Р. переставил это ст-ние — с последнего на четвертое место в разделе «Снега». На этом месте оно и было опубликовано в *ЛСт1894*.

[31] Вписанная К. Р. ссылка означает намерение включить в раздел «Снега» ст-ние из *Сб1863* (Ч. 1) «На железной дороге» («Мороз и ночь над далью снежной…») (С. 239). В *ЛСт1894* ст-ние напечатано в разделе «Снега».

[32] Вписанная К. Р. ссылка означает, что в раздел «Снега» добавлено ст-ние из *ВО 3*: «Есть ночи зимней блеск и сила…» (С. 34).

[33] Вписано Е. В. Федоровой позднее.

~~Снѣга~~ 3 6

Мелодіи

~~Какъ ужъ ты ней идешь~~ 13 } Изд. 50 года
~~Я полонъ думъ~~ 15

Когда я блестящій твой локонъ 17
Тихо ночью на степи 24
Весеннее небо глядится 28
Я полонъ думъ 15
Младенческой ласки 32

Изъ изд. 50 года

Не отходи отъ меня – 53
X Тихая звѣздная ночь – 54
Буря на небѣ вечернемъ – 55
X Nocturno – 56
X Теплымъ вѣтромъ потянуло 57
X Если зимнее небо – 58
X Полуночные образы – 59
X Я долго стоялъ – 60
X Шумѣла полночная – 61
Улыбка томительной – 62
X Серенада – 63

Соллогубова изд.

Страница *Списка I*. Авторизованный текст рукой Е. В. Федоровой (*РГБ*)

	Не отходи от меня	53		
×	Тихая звездная ночь	54	***Вечера и ночи***[34]	
	Буря на небе вечернем	55		
[×]	Nocturno	56	***[Вечера и ночи]***	
×	Теплым ветром потянуло	57		
×	Если зимнее небо	58		
×	Полуночные образы	59	***Вечера и ночи***[35] (57–61)	
×	Я долго стоял	60		
×	Шумела полночная	61		
	Улыбка томительной	62		
[×]	Серенада	63	***[Вечера и ночи]***[36]	
	За кормою струйки	64		
×	Фантазия	65	***Вечера и ночи***[37]	
	Недвижные очи	67		
	Как мошки зарею	68		
	Спи еще зарею	69		Солдатенкова изд. (53–*210, 211, 250*)
	Свеж и душист	70		
	Давно ль под волшебные	71		
×	Снился берег	72	***Море***	
	Туманное утро	72		
	Римский праздник	73		
	Цветы	74		
	Вчера я шел	75		
	Всё вокруг	76		
	Певице	77		
	Бал	78		
	Anruf an die	79		
	Ярким солнцем	80		
×	Свеча нагорела	81	***Вечера и ночи***[38]	
	Нет не жди	82		
		210, 211, 250[39]		
[×]	Сияла ночь	49	***[Вечера и ночи]*** (49–50)	1 ч. Веч. Огн.
	Что ты голубчик	50		

[34] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение».

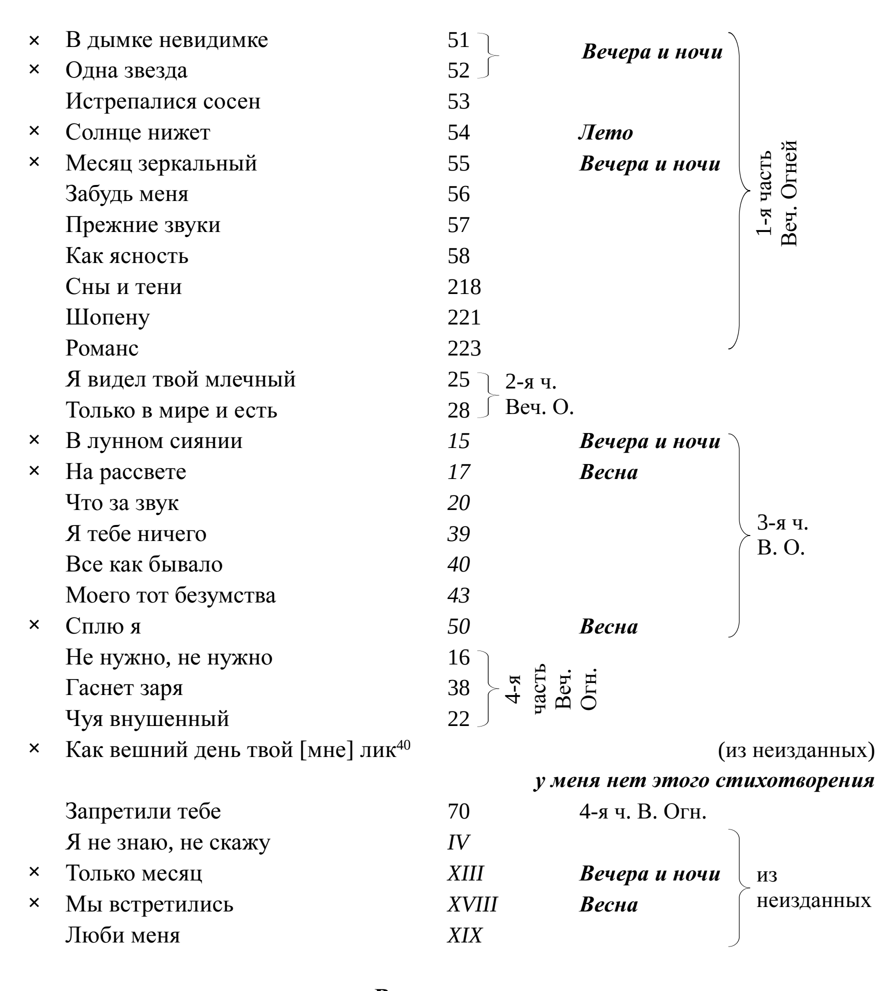
[35] Из отмеченных К. Р. пяти ст-ний два — «Полуночные образы реют…», «Я долго стоял неподвижно» — в *ЛСт1894* вошли в раздел «Мелодии», одно — «Шумела полночная вьюга…» — в раздел «Дополнение».

[36] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии».

[37] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии».

[38] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение».

[39] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что в раздел «Мелодии» добавлены ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Какие-то носятся звуки…» (С. 210); «Ревель» («Театр во мгле затих…») (С. 211) и «Прежние звуки, с былым обаяньем…» (С. 250).

×	В дымке невидимке	51	**_Вечера и ночи_**	1-я часть Веч. Огней
×	Одна звезда	52		
	Истрепалися сосен	53		
×	Солнце нижет	54	**_Лето_**	
×	Месяц зеркальный	55	**_Вечера и ночи_**	
	Забудь меня	56		
	Прежние звуки	57		
	Как ясность	58		
	Сны и тени	218		
	Шопену	221		
	Романс	223		
	Я видел твой млечный	25	2-я ч. Веч. О.	
	Только в мире и есть	28		
×	В лунном сиянии	*15*	**_Вечера и ночи_**	3-я ч. В. О.
×	На рассвете	*17*	**_Весна_**	
	Что за звук	*20*		
	Я тебе ничего	*39*		
	Все как бывало	*40*		
	Моего тот безумства	*43*		
×	Сплю я	*50*	**_Весна_**	
	Не нужно, не нужно	16	4-я часть Веч. Огн.	
	Гаснет заря	38		
	Чуя внушенный	22		
×	Как вешний день твой [мне] лик[40]			(из неизданных)
				у меня нет этого стихотворения
	Запретили тебе	70	4-я ч. В. Огн.	
	Я не знаю, не скажу	*IV*		из неизданных
×	Только месяц	*XIII*	**_Вечера и ночи_**	
×	Мы встретились	*XVIII*	**_Весна_**	
	Люби меня	*XIX*		

Вечера и ночи

Долго еще прогорит	36	из 50 года
Что за вечер	41	
[33, 29, <?>] 54, 57–61, 65, 81[41]		

[40] Имеется в виду ст-ние «Во сне» («Как вешний день, твой лик приснился снова…») (*ВО 4*. С. 28).

[41] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что в раздел «Вечера и ночи» добавлены ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Тихая, звездная ночь…» (С. 54 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение»); «Теплым ветром потянуло…» (С. 57); «Если зимнее небо звездами горит…» (С. 58); «Полуночные образы реют…» (С. 59 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии»); «Я долго стоял неподвижно…» (С. 60 — в *ЛСт1894*

Право от полной души	85	Из Солдатенкова
Вдали огонек	86	
Я люблю многое	87	
Скучно мне вечно болтать	89	
Я жду… Соловьиное	90	Солдатенкова изд.
Здравствуй! тысячу раз	91	
Друг мой, бессильны	92	
Ночью как-то вольнее	93	
Рад я дождю	94	
Слышишь ли ты как	95	
Каждое чувство бывает	96	
Летний вечер тих	97	
Любо мне в комнате	98	
Шепот, робкое дыханье	99	
На стоге сена	100	
Заря прощается	101	
Колокольчик	102	
	165, 179, 180, 184, 191, 197, 199, 205, 215, 229, 238[42]	
51, 52, 55, 76, 77, 89[43]		*I ч. Веч. О.*
Молятся звезды	*23, 29*[44]	2 ч. Веч. О. стр. 39.

вошло в раздел «Мелодии»); «Шумела полночная вьюга…» (С. 61— в *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение»); «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон…» (С. 65— в *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии»); «Свеча нагорела. Портреты в тени…» (С. 81— в *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение»).

[42] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что в раздел «Вечера и ночи» добавлены ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Владычица Сиона, пред тобою…» (С. 165 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Элегии и думы»); «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад…» (С. 179 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии»); «Растут, растут причудливые тени…» (С. 180); «Над озером лебедь в тростник протянул…» (С. 184); «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты…» (С. 191); «Какое счастие: и ночь и мы одни!..» (С. 197); «Что за ночь! Прозрачный воздух скован…» (С. 199 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии»); «Последний звук умолк в лесу глухом…» (С. 205); «В темноте, на треножнике ярком…» (С. 215); «Только станет смеркаться немножко…» (С. 229 — в *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии»); «Молчали листья, звезды рдели…» (С. 238).

[43] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что в раздел «Вечера и ночи» добавлены ст-ния из *ВО 1*: «В дымке невидимке…» (С. 51); «Одна звезда меж всеми дышит…» (С. 52); «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне…» (С. 55); «Как нежишь ты, серебряная ночь…» (С. 76); «Блеском вечерним овеяны горы…» (С. 77); «С какой я негою желанья…» (С. 89).

[44] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что в раздел «Вечера и ночи» добавлены ст-ния из *ВО 2*: «Ты так любишь гулять…» (С. 23); «Солнце садится и ветер утихнул летучий…» (С. 29).

Благовонная ночь		3-я ч. Веч. О. *11* *15, 44*[45]
Сегодня все звезды	35 стр.	4-я ч. В. О.
От огней, от толпы	51	4-я ч. В. О.
Степь вечером	198	Солдатен.
Вечер[46]	202	

[Змей]
Баллады

Змей	из 50 г.	стр. 52.
Лихорадка	из 50 г.	стр. 132.
Видение	из 50 г.	стр. 149.
Геро и Леандр	3-я ч. Веч. О.	
Тайна	105 стр.	из Солдатенкова.
Ворот	107—	
На дворе не слышно	109	
Легенда	111	

Антологические стихотворения

Греция	115 стр.	Из Солдатенк.
Вакханка	116 —	
Диана	117	
Влажное ложе покинувши	118	
Кусок мрамора	119	
К юноше	120	Из Солдатенкова.
С корзиной полною	121	
В златом сиянии[47]	—	
Подражание XVI идил<лии>	122	
Питомец радости	123	
Уснуло озеро	124	
К красавцу	125	
Сон и Пазифая	126	
Амимона	127	
Диана, Эндимион	129	
Золотой век	130	
Даки	132	
Телемак	134	
Венера Мил<осская>	136	
Нимфа и молодой Сатир	137	
Сон и смерть	138	

---

[45] Вписанные К. Р. номера страниц означают, что в раздел «Вечера и ночи» добавлены ст-ния из *ВО 3*: «В лунном сиянии» («Выйдем с тобой побродить…») (С. 15); «В вечер такой золотистый и ясный…» (С. 44).

[46] Имеется в виду ст-ние «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 202).

[47] *Далее было*: Подараж

Когда петух	из 50 г.	стр. 98.
Нептуну Леверрье	из 50 г.	стр. 104.

Море

	72[48]	
Ночь весенней негой	141 стр.	Солдатенкова изд.
Жди ясного	142 стр.	
Морской залив	143	
Вечер у взморья	144	
Как хорош	145	
Морская даль	146	
Прибой	147	
На корабле	148, *212*[49]	
Буря	27	1-я часть Веч. Огней
После бури	28	
Вчера расстались	29	
Море и звезды	30	
Качаяся звезды	*XIV*	(из неиздан.)
Барашков буря шлет	*L*	*(из неиздан.)*

Послания, посвящения и стихотворения на случай

	Королеве эллинов	*Вечерн. огни III*	*стр. 5*[50]
	Ей же		*6*[51]
?	Ей же	*Неизданные*	*XXVII*[52]
	Четверостишие[53]		
	В. К. Конст. Конст.[54]	стр. 6,	IV часть В. О.
	Вел. Кн. Ел. Мавр. и В. К. Константину Конст.[55]	IV ч. Веч. О.	стр. 12.

---

[48] Вписанный К. Р. номер страницы означает, что в раздел «Море» добавлено ст-ние «Снился берег мне скалистый…» из *Сб1863* (Ч. 1. С. 72).

[49] Вписанный К. Р. номер страницы означает, что в раздел «Море» добавлено ст-ние «Пароход» («Злой дельфин, ты просишь ходу…») из *Сб1863* (Ч. 1. С. 212).

[50] Имеется в виду ст-ние «Ее Величеству Королеве эллинов» («Всю жизнь душа моя алкала…») (*ВО 3.* С. 5).

[51] Имеется в виду ст-ние «Ей же при получении Ее портрета» («Звезда сияла на востоке…») (*ВО 3.* С. 6).

[52] Имеется в виду ст-ние «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891» («Когда-то Ольга душу живу…») из утраченной тетради (№ XXVII).

[53] По всей видимости, имеется в виду ст-ние «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1887» («Когда б дерзал, когда б я славил…») (включено в *ЛСт1894*: Ч. 2. С. 284).

[54] Имеется в виду ст-ние «Его Императорскому Высочеству В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Сплывают ледяные своды…») (*ВО 4.* С. 6).

[55] Имеется в виду ст-ние «Их Императорским Высочествам В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу и В<еликой> К<нягине> Елизавете Маврикиевне» («Давно познав, как ранят больно…») (*ВО 4.* С. 12).

В. К. Конс. Конст.[56]	IV ч. В. О.	стр. 26.
Ему же[57]	(из неиздан.)	
Ему же[58]	IV ч. В. О.	стр. 41.
Не сетуй будто бы увяло		*XXX*
Ему же (Сердце желанием)	из неизд.[59] ***у меня нет***	
На бракосочетание Павла Ал. и Ал. Георг.	24 стр.	IV ч. Веч. О.
На погребение В. К. Ал. Георг.	(из неиздан.)	*XXXIII*
Памяти Д. Л. Крюкова	190 стр. Солд.	
На смерть А. В. Дружинина	3 ч. Веч. О.	
Памяти В. П. Боткина	3 ч. Веч. О.	
Памяти Н. Я. Данилевского	3 ч. В. О.	
На смерть Бражникова	(из неизд.)	*XXV*
На смерть Мити Боткина	стр. 29	IV ч. В. О.
Памяти С. С. Боткиной	31	
Ответ Тургеневу	217	Из Солдатенкова
Е. П. К—у	219	
Тургеневу[60]	236	
Б—м[61]	170	
А. Ф. Бржесскому	97	1-я часть Веч. О.
А. Л. Бржесской[62]	98	
Ей же[63]	[100] 99	
Ей же[64]	III часть В. О.	*24*

[56] Имеется в виду ст-ние «Его Императорскому Высочеству В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Когда, колеблем треволненьем…») (*ВО 4.* С. 26).

[57] Вписано рукой Е. В. Федоровой. По всей видимости, имеется в виду ст-ние «В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Не сетуй, будто бы увяла…»).

[58] Имеется в виду ст-ние «Его Императорскому Высочеству В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу при книге „Мои воспоминания“» («Пред вами правда несомненно…») (*ВО 4.* С. 41).

[59] Имеется в виду ст-ние «Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгине Елисавете Маврикиевне при взгляде на их портреты» («Сердце желанием встречи томимо…»). Заключенное в скобках заглавие «(Сердце желанием)» подчеркнуто К. Р. синим карандашом. По всей видимости, пометы К. Р. означают замену этого ст-ния на другое — «Не сетуй, будто бы увяла…» из утраченной тетради (№ XXX).

[60] Имеется в виду ст-ние «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга…») (*Сб1863.* Ч. 1. С. 236).

[61] Имеется в виду ст-ние «Б……м при получении цветов и нот» («Откуда вдруг в смиренный угол мой…») (*Сб1863.* Ч. 1. С. 170).

[62] Имеется в виду ст-ние «А. Л. Б—ой» («Далекий друг, пойми мои рыданья…») (*ВО 1.* С. 98). Воспроизводим написание Е. В. Федоровой (с двумя «с»).

[63] Имеется в виду ст-ние «Ей же» («Опять весна! Опять дрожат листы…») (*ВО 1.* С. 99).

[64] Имеется в виду ст-ние «А. Л. Б—ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным…») (*ВО 3.* С. 24).

С. П. Х—о	104 стр.	1 ч. Веч. О.
Гр. С. А. Толстой (Алексея)[65]	стр. 55	IV часть Веч. О.
Гр. С. А. Толстой (Льва)[66]	105 стр.	1 ч. В. О.
Ей же к портрету[67]	*21 стр.*	*3-й ч. В. О.*
Ей же[68]	*22*	— — —
Ей же[69]	34 стр.	IV ч. В. О.
В альбом К—у	стр. 106	1 ч. В. О.
Гр. Олсуфьеву[70]	*стр. 18*	*III-я ч. В. О.*
Гр. Олсуфьевой	*19*	
Е. С. Хомутовой[71]	69 стр.	4-я ч. В. О.
Ей же *[не знаю где]*	*31 стр.*[72]	*3-я ч. В. Огней*
Гр. Н. М. С—ъ[73]	64 стр.	IV ч. Веч. О.
Ей же	*X*[74]	(из неиздан.)
Ей же	*XLI*[75]	
Л. И. О—й[76]	53 стр.	IV ч. В. О.
И. Ф. Офросимову	[(из неизд.] IV ч. В. О., стр. 65	
Е. Д. и К. Г. Д—ъ	46	IV ч. В. О.
Е. Д. Д—ъ[77]	36 стр.	
На серебряную свадьбу Щукиных	*XL*	(не издано)

[65] Имеется в виду ст-ние «Графине С. А. Толстой (Алексей)» («Где средь иного поколенья…») (*ВО 4.* С. 55).

[66] Имеется в виду ст-ние «Гр. С. А. Т—ой» («Когда так нежно расточала…») (*ВО 1.* С. 105).

[67] Имеется в виду ст-ние «К портрету графини С. А. Т—ой» («И вот портрет! и схоже и несхоже…») (*ВО 3.* С. 21).

[68] Имеется в виду ст-ние «Ей же» («Я не у Вас, я обделен…») (*ВО 3.* С. 22).

[69] Имеется в виду ст-ние «Графине С. А. Т—ой (во время моего 50-летнего юбилея)» («Пора! по влаге кругосветной…») (*ВО 4.* С. 34).

[70] Имеется в виду ст-ние «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву» («Второй бригады из-за фронта…») (*ВО 3.* С. 18).

[71] Имеется в виду ст-ние «Е. С. Х—й (при получении от нее пышного букета цветной капусты)» («Соизмеряя дар с приветом…») (*ВО 4.* С. 69).

[72] Имеется в виду ст-ние «Ек. Серг. Х—ой (приславшей мне цветы)» («Цветы и песни с давних лет…») (*ВО 3.* С. 31).

[73] Имеется в виду ст-ние «Графине Н. М. С—ъ» («Вам песнь моя. В степи мирской…») (*ВО 4.* С. 64).

[74] Имеется в виду ст-ние «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («Тобой привычный восхищаться…») из утраченной тетради (№ X).

[75] Имеется в виду ст-ние «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («О, Береника! Сердцем чую…») из утраченной тетради (№ XLI).

[76] Имеется в виду ст-ние «Л. И. О—й (при посылке портрета)» («Гляжу с обычным умиленьем…») (*ВО 4.* С. 53).

[77] Имеется в виду ст-ние «Е. Д. Д—ъ» («Если захочешь ты душу мою разгадать…») (*ВО 4.* С. 36).

М. Н. К—й	49 стр.	IV ч. В. О.
М. Ф. Ванлярской	*XXI*	не изданы
П. И. Чайковскому	*XXIX*	
Гр. А. К. Толстому	101	1-я ч. В. О.
Гр. Л. Н. Толстому[78]	100	1-я ч. В. О.
Ему же[79]	стр. 18	2-я ч. В. О.
А. Н. Майкову	19 стр.	II-я ч. В. О.
Ему же на юбилей[80]	43 стр.	IV ч. В. О.
Я. П. Полонскому[81]	17 стр.	II-я ч. В. О.
Ему же[82]	62	IV-я ч. В. О.
В альбом Н. Я. П—й	63	IV ч. В. О.
Ф. И. Тютчеву[83]	102	I-я ч. В. Огн.
Ему же[84]	103	
Надпись на книжке ст. Тютчева[85]	16 с.	II-я ч. Веч. О.
К памятнику Пушкина[86]	16	1-я ч. Веч. О.
1 марта 1881 г.	17	
15 мая 1883 г.	42 стр.	2-я ч. В. О.
На 50-летие Музы[87]	19	IV ч. В. О.
На 50-летие Музы[88]	20	

---

[78] Имеется в виду ст-ние «Гр. Л. Н. Т—у» («Как ястребу, который просидел…») (*ВО 1.* С. 100).

[79] Имеется в виду ст-ние «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа: „Война и мир“)» («Была пора, своей игрою…») (*ВО 2.* С. 18).

[80] Имеется в виду ст-ние «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли…») (*ВО 4.* С. 43).

[81] Имеется в виду ст-ние «Полонскому» («Спасибо! Лирой вдохновенной…») (*ВО 2.* С. 17).

[82] Имеется в виду ст-ние «Я. П. Полонскому» («В минувшем жизнь твоя богата…») (*ВО 4.* С. 62).

[83] Имеется в виду ст-ние «Федору Ивановичу Тютчеву» («Мой обожаемый поэт…») (*ВО 1.* С. 102).

[84] Имеется в виду ст-ние «Ему же» («Прощай весна, — темнеет лес…») (*ВО 1.* С. 103).

[85] Имеется в виду ст-ние «На книжке стихотворений Тютчева» («Вот наш патент на благородство…») (*ВО 2.* С. 16).

[86] Имеется в виду ст-ние «26 мая 1880 года. К памятнику Пушкина» («Исполнилось твое пророческое слово…») (*ВО 1.* С. 16).

[87] Имеется в виду ст-ние «На пятидесятилетие музы» («Нас отпевают. В этот день…») (*ВО 4.* С. 19).

[88] Имеется в виду ст-ние «На пятидесятилетие музы. 29 января 1889 года» («На утре дней всё ярче и чудесней…») (*ВО 4.* С. 20).

Разные стихотворения

×	Владычица Сиона	165	***Вечера и ночи***[89]	Солдат.
	Мадонна	166		
	Ave Maria		150 стр.	из 50 г.
	Я знал ее малюткой		131	изд. 50 г.
×	Не ворчи мой кот	168	***Осень***	Солдатенкова
	Венеция ночью	169		
×	Полно спать	170	***Весна***	
	Колыбельная песнь	171		
	О не зови	173		
	Облаком волнистым	174		
×	Я пришел к тебе	175	***Весна***	
[×]	Деревня	176		
[×]	Ах, дитя	177		
	Узник	178		
×	Люди спят	179	***Веч. и ночи***[90]	
×	Растут, растут	180	***Веч. и ночи***	
	На Днепре в половодье	181		
×	Над озером лебедь	184	***Вечера и ночи***	
×	Сосны	186	***Весна***	
×	Больной	187	***Весна***	
×	В саду	188	***Лето***	
×	В долгие ночи	191	***Вечера и ночи***	
	Не спрашивай над чем	192		
×	Первая борозда	194	***Весна***[91]	
	Ты расточительна	195		
	Лес	196		
×	[Какое счастие] Какое счастие	197	***Вечера и ночи***	
	[Степь вечером][92]			
×	Что за ночь	199	***Вечера и ночи***[93]	
×	Старый парк	200	***Осень***	
	[Вечер][94]			
	Муза[95]	203		

[89] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Элегии и думы».

[90] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии».

[91] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение».

[92] Ст-ние вычеркнуто Е. В. Федоровой, поскольку оно было перенесено в раздел «Вечера и ночи» (см. выше, а также *Список I*).

[93] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии».

[94] Ст-ние вычеркнуто Е. В. Федоровой, поскольку оно было перенесено в раздел «Вечера и ночи» (см. выше, а также *Список I*).

[95] Имеется в виду ст-ние «Муза» («Не в сумрачный чертог наяды говорливой…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 203).

×	Теплый ветер тихо	204	***Весна***	Из Солдатенкова
×	Последний звук умолк	205	***Веч. и ночи***	
	В пору любви	206	*Эл. и думы*[96]	
	Ива	207	*Мелод.*[97]	
	О друг не мучь	208	*Мелод.*[98]	
	Приметы	209	*Веч. и ночи*[99]	
×	Какие-то носятся	210	***Мелодии***	
×	Ревель	211	***то же***	
×	Пароход	212	***Море***	
	Знакомке с юга	213		
×	Вчера увенчана[100]	214	***Вечера и ночи*** (214–215)	
×	В темноте на треножнике	215		
	Ивы и березы	216		
	У камина	220		
	Сестра	221		
	Горное ущелье	222		
	Музе[101]	223		
	Рыбка	224		
	Был чудный майский день	225		
	В леса безлюдной	227		
	На лодке	228		
×	Только станет	229	***Вечера и ночи***[102]	
[×]	Расстались мы	230	***[Ве<чера и ночи?>]***	
×	Я был опять в саду	231	***[Весна] или Лето***	
	Грезы	235		Солдатенкова
×	Мотылек мальчику	237	***Весна***	
×	Молчали листья	238	***Вечера и ночи***	
×	На железной дороге	239	***Снега***[103]	
	Кричат перепела	242		
×	Георгины	244	***Осень***	
	Если ты любишь	245		
×	Еще акация	246	***Весна***	
×	Тихонько движется	248	***Весна***	
×	Чем тоске и не знаю	249	***Весна***[104]	
×	Прежние звуки	250	***Мелодии***	

---

[96] Помета рукой Н. Н. Страхова.

[97] Помета рукой Н. Н. Страхова.

[98] Помета рукой Н. Н. Страхова.

[99] Помета рукой Н. Н. Страхова. В *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение».

[100] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии».

[101] Имеется в виду ст-ние «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 223).

[102] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Мелодии».

[103] Зачеркнуто простым карандашом; в *ЛСт1894* вошло в раздел «Снега».

[104] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Дополнение».

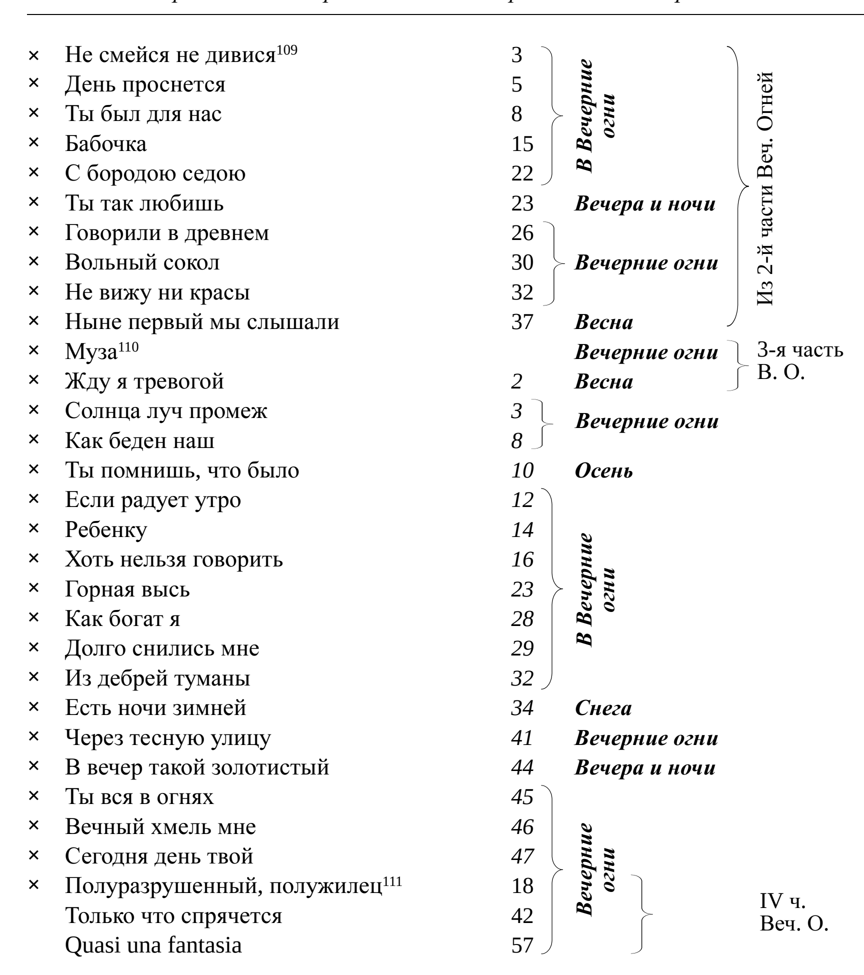
×	Знаю зачем ты	59	***Вечерн. огни***[105]	Из 1-й части Веч. О.
×	Встречу ль яркую	60	***В Вечерние огни***	
×	В страданьи блаженства	61		
×	Вчерашний вечер	62		
×	Горячий ключ	65		
×	Отчего со всеми	67		
×	Осенью	68	***Осень***	
×	В душе измученной	69	***В Вечерние огни***	Из [Солдат.] 1-й части Веч. Огн.
×	Ключ	71	***Вечерн. огни [Вечера]***	
×	Чем безнадежнее	72	***Вечерн. огни***	
×	Сонет[106]	73		
×	Толпа теснилася	74		
×	Встает мой день	75		
×	Как нежишь ты	76	***Вечера и ночи***	
×	Блеском вечерним	77	***Вечера и ночи***	
×	Кому венец	78	***Вечерние огни***	
×	Напрасно	79		
×	Купальщица	81		
×	Напрасно ты	82		
×	Роза	83	***[Весна] Вечерн. огни***	
×	Тополь	85	***Осень***	
×	Только встречу улыбку	86	***Вечерние огни***	
×	Псевдо-поэту	88		
×	С какой я негою	89	***Вечера и ночи***	
×	Я уезжаю	90	***Вечерние огни***	
	Не избегай, я не молю	91	***Вечерние огни***	1-я ч. Веч. Огней
	В благословенный день	92		
	В душе измученной[107]	93		
×	Зевс	217	***Антологические стихотв.***	
×	К Сикстинской мадонне	219	***В Вечерние огни***	
×	Музе[108]	224		

[105] В *ЛСт1894* вошло в раздел «Из первого выпуска „Вечерних огней“ (1883)».

[106] Имеется в виду ст-ние «Сонет» («Когда от хмелю преступлений…») (*ВО 1*. С. 73).

[107] Тот факт, что ст-ние «В душе измученной годами…» дважды внесено в раздел «Разные стихотворения», объясняется ошибкой в наборе *ВО 1*, в результате которой оно было напечатано там два раза (на с. 69 и 93). Ср. также со *Списками I* и *III*.

[108] Имеется в виду ст-ние «Музе» («Пришла и села. Счастлив и тревожен…») (*ВО 1*. С. 224). Ср. также со *Списком I*.

×	Не смейся не дивися[109]	3		
×	День проснется	5		
×	Ты был для нас	8	***В Вечерние огни***	
×	Бабочка	15		
×	С бородою седою	22		
×	Ты так любишь	23	***Вечера и ночи***	Из 2-й части Веч. Огней
×	Говорили в древнем	26		
×	Вольный сокол	30	***Вечерние огни***	
×	Не вижу ни красы	32		
×	Ныне первый мы слышали	37	***Весна***	
×	Муза[110]		***Вечерние огни***	3-я часть В. О.
×	Жду я тревогой	*2*	***Весна***	
×	Солнца луч промеж	*3*	***Вечерние огни***	
×	Как беден наш	*8*		
×	Ты помнишь, что было	*10*	***Осень***	
×	Если радует утро	*12*		
×	Ребенку	*14*		
×	Хоть нельзя говорить	*16*		
×	Горная высь	*23*	***В Вечерние огни***	
×	Как богат я	*28*		
×	Долго снились мне	*29*		
×	Из дебрей туманы	*32*		
×	Есть ночи зимней	*34*	***Снега***	
×	Через тесную улицу	*41*	***Вечерние огни***	
×	В вечер такой золотистый	*44*	***Вечера и ночи***	
×	Ты вся в огнях	*45*		
×	Вечный хмель мне	*46*		
×	Сегодня день твой	*47*	***Вечерние огни***	
×	Полуразрушенный, полужилец[111]	18		
	Только что спрячется	42		IV ч. Веч. О.
	Quasi una fantasia	57		

[109] Начиная с данного ст-ния и до «Не вижу ни красы души твоей нетленной…», все ст-ния (всего восемь) с пометой К. Р. «Вечерние огни» в *ЛСт1894* вошли в раздел «Из второго выпуска „Вечерних огней“ (1885)».

[110] Имеется в виду ст-ние «Муза» («Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня…») (*ВО 3.* С. 1). Начиная с данного ст-ния и до «Сегодня день твой просветленья…», все ст-ния (всего тринадцать) с пометой К. Р. «Вечерние огни» в *ЛСт1894* вошли в раздел «Из третьего выпуска „Вечерних огней“ (1888)», кроме ст-ния «Из дебрей туманы несмело…», которое напечатано в разделе «Весна».

[111] Начиная с данного ст-ния и до «На качелях» («И опять в полусвете ночном…»), все ст-ния (всего шесть) с пометой К. Р. «Вечерние огни» в *ЛСт1894* вошли в раздел «Из четвертого выпуска „Вечерних огней“ (1891)»; кроме отмеченных, в этот раздел вошли также «Как трудно повторять живую красоту…» и «Давно ль на шутки вызывала…».

×	Ракета			
	[Горел напрасно я][112]	52		
×	Упреком, жалостью	59	***Вечерние огни***	
	[Я с лучшей стороны]			
×	[Во сне][113]	[28]		
×	Алмаз	(ненапечат.)	***у меня нет***	
×	Как трудно повторять	50		
×	Зной	48	***Весна***	
	Теснее и ближе	(ненапечат.)	***у меня нет***	IV-я часть Вечерн. Огней
×	Роями поднялись	45	***Весна***	
×	Она[114]	<13>[115]	***Послания***[116]	
×	На качелях	15	***Вечерние огни***	
×	К ней	27	***? Е<лизавете> М<аврикиевне>***	
×	Была пора и лед	32	***Весна***	
×	Давно ль на шутки	61		
	Людские так грубы	14	***? Е<лизавете> М<аврикиевне>***	
	Из тонких линий	*I*		
	Если б в сердце тебя	*VII*		
	Весь вешний день	*VIII*	***Вечерние огни***	Не напечатан.
	Безобидней всех	*IX*		
	Завтра я не различаю	*XI*		
	Я слышу и судьбе	*XVI*		
	Роящимся мечтам	*XXII*		
	Я говорю, что я люблю	*XXIII*		
	Давно в любви	*XXVI*		
	Месяц и роза	*XXXII*		
	Ель рукавом мне	*XXXIV*		
	Почему	*XXXV*	***В Вечерние огни***	Не напечатаны
	Не отнеси к холодному	*XLII*		
	Не могу я слышать	*XLIII*		
	Рассыпаяся смехом	*XLV*		
	Когда смущенный	*XLVI*		
	Она ему образ	*XLVIII*		
	Ночь лазурная смотрит	*XLIX*	***Вечера и ночи***	

[112] Сначала ст-ние было вписано по первой строке, как в *Списке I*; затем она была зачеркнута и сверху вписано заглавие.

[113] Ст-ние вычеркнуто, поскольку ранее по первой строке («Как вешний день, твой лик приснился снова…») оно включено в раздел «Мелодии». В *ЛСт1894* также напечатано в разделе «Мелодии».

[114] Имеется в виду ст-ние «Она» («Две незабудки, два сапфира…») (*ВО 4*. С. 13).

[115] В этом месте утрачен фрагмент бумаги; номер страницы восстанавливается нами по *ВО 4*.

[116] Далее часть записи К. Р. утрачена.

[Барашков буря]		
Тяжело в ночной тиши	*LI*	*Из неизд.*
Дай-ка няне[117]	*LII*	*— —*

СПИСОК III

Список III, как уже говорилось, был составлен и записан К. Р. на основе *Списка II* и содержавшихся в нем помет великого князя. По принципам подачи материала и оформлению он практически не отличается от предыдущих двух списков, единственное нововведение, которое бросается в глаза, — это то, что не все стихотворения вносились в него под своими заглавиями или по первой строке. Для групп стихотворений, которые включались в тот или иной раздел из предшествующих сборников, где они были напечатаны друг за другом (*Сб1863, ВО 1* и т. д.), К. Р. указывал только название сборника, общее количество отобранных произведений и соответствовавший им в сборнике диапазон или номера страниц. Например, раздел «Элегии и думы» начинался с записи К. Р.: «20 пьес, стр. 3–27 изд. Солдатенкова», что означало включение 20 стихотворений, напечатанных в первой части *Сб1863* на указанных страницах. В подобных случаях заглавия всех включенных К. Р. стихотворений приводятся нами под строкой, причем в том варианте, в котором они значатся в указанных сборниках. В то же время записи под разделами «Гадания» и «Баллады» прямо отсылали к *Списку II*. Так, в первом случае, сразу после заглавия раздела, К. Р. записал: «Как в оглавлении Фета, лист 2». Во избежание путаницы, в подобных случаях полные заглавия подразумевавшихся стихотворений также приводятся нами под строкой.

В остальном все записи К. Р. воспроизводятся нами без изменений, сохранено также вариативное написание, наблюдающееся в заглавии сборника «Вечерние огни», где второе слово могло писаться великим князем двояко: как с заглавной, так и со строчной буквы. Не оговариваются особо, как в *Списках I* и *II*, случаи, когда заглавия указываются с незначительными расхождениями от общепринятых. Например, «Надпись на книжк*у* стих. Тютчева» (вместо: «На книжк*е*…») или «Я знал ее малютк*ой*…» (вместо: «Я знал ее малютк*ою* кудрявой…») и т. п.

[117] Об этом ст-нии см. во вступит. статье.

Оглавление

Элегии и думы

[1] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной…» (С. 3), «Когда мои мечты за гранью прошлых дней…» (С. 4), «Когда мечтательно я предан тишине…» (С. 5), «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой…» (С. 6), «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело…» (С. 7–8), «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье…» (С. 9), «Ее не знает свет — она еще ребенок…» (С. 10), «Эх, шутка-молодость! как новый ранний снег…» (С. 11), «Лозы мои за окном разрослись живописно…» (С. 12), «Не говори, мой друг: „Она меня забудет…“» (С. 13), «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» (С. 14), «Под небом Франции среди столицы света…» (С. 15), «Смерти» («Когда измучен жаждой счастья…») (С. 16–17), «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня…» (С. 18), «Одинокий дуб» («Смотри! синея, друг за другом…») (С. 19–20), «Италия» («Италия, ты сердцу солгала…») (С. 21–22), «На развалинах цезарских палат» («Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется…») (С. 23–24), «Пойду навстречу к ним знакомою тропою…» (С. 25), «Старые письма» («Давно забытые, под легким слоем пыли…») (С. 26), «О нет, не стану звать утраченную радость…» (С. 27–28).

[2] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Окна в решетках и сумрачны лица…» (С. 3), «Не первый год у этих мест…» (С. 7), «Томительно-призывно и напрасно…» (С. 8), «Ты отстрадала, я еще страдаю…» (С. 9), «Alter ego» («Как лилея глядится в нагорный ручей…») (С. 10), «Смерть» («„Я жить хочу!“ Кричит он дерзновенный…») (С. 11), «Среди звезд» («Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу…») (С. 12), «Измучен жизнью, коварством надежды…» (С. 13–14), «В тиши и мраке таинственной ночи…» (С. 15).

[3] Исправлено в тексте; по всей видимости, было: «14».

[4] Имеется в виду ст-ние «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю…») (*ВО 2*. С. 21).

[5] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Никогда» («Проснулся я. Да, крыша гроба, — руки…») (С. 22–23), «Жизнь пронеслась без явного следа…» (С. 24).

[6] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 2*: «Еще одно забывчивое слово…» (С. 34), «Теперь» («Мой прах уснет забытый и холодный…») (С. 35), «Кровию сердца пишу я к тебе эти строки…» (С. 36).

Севастопольское братск. кладб.	стр. 4	
В степной глуши	9	
Я потрясен	26	
Прости — и все забудь	27	Веч. Огни, III.
Светоч	35	
Нет, я не изменил	36	
Светил нам день	37	
Когда читала ты	стр. 42	
Все, все мое	48	Вечерние огни. вып. III.
С солнцем склоняясь	51	
Тебе в молчании	61	
Одним толчком	10	
В полуночной тиши	39	
Прости! во мгле воспом.	60	
Руку бы снова твою	37	Вечерние огни. вып. IV.
Угасшим звездам	23	
Поэтам	8	
Хоть счастие судьбой	33	
Еще люблю, еще томлюсь	III	
На кресле отваляясь	V	
Не упрекай, что я смущаюсь	XII	
Нет, даже не тогда	XV	Из неизданных.
Кляните нас	XVII	
Фонтан	XXIV	
О как волнуюся я	XXVIII	
Все, что волшебно так	XLIV	

Подражание восточному

Я люблю его жарко	31	Издание Солдатенкова.	
Не дивись, что я черна	32		
Восточный мотив	220,	вып. I	
Аваддон	40	″ II	Вечерние огни.
Соловей и роза	63	″ III	

К Офелии

Не здесь ли ты	35	
Я болен, Офелия	″	Изд. Солдатенкова.
Как ангел неба	36	
Офелия гибла и пела	97 стр.	издания 50 года.

Весна

11 пьес[7]	стр. 151–162	изд. Солдатенкова.	
Полно спать	стр. 170	″ ″	
Я пришел к тебе с приветом	стр. 175	″	
Сосны	186	″	
Больной	187	″	
Первая борозда	194	″	
Теплый ветер тихо веет	204	″	
Мотылек мальчику	стр. 237	Издание Солдатенк.	
Еще акация одна	246		
Тихонько движется мой конь	248		
Чем тоске, и не знаю, помочь	249		
8 пьес,[8]	стр. 39–46,	вып. I	Вечерние огни.
С гнезд замахали	стр. 10	вып. II	
Сад весь в цвету	31		
Ныне первый мы слышали	37		
Жду я — тревогой объят	стр. 2	вып. III	
На рассвете	17		
Из дебрей туманы[9]	32		
Кукушка	33		
Сплю я. Тучки дружныя	50		
Была пора, и лед потока	стр. 32	вып. IV	
Роями поднялись крылатые	45		
Зной	48		
Мы встретились вновь	XVIII	Из неиздан.	

[7] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Уж верба вся пушистая…» (С. 151), «Еще весна, — как будто неземной…» (С. 152), «На заре ты ее не буди…» (С. 153), «Еще весны душистой нега…» (С. 154), «Пчелы» («Пропаду от тоски я и лени…») (С. 155), «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека…») (С. 156), «Весна на дворе» («Как дышит грудь свежо и емко…») (С. 157), «Первый ландыш» («О первый ландыш! из-под снега…») (С. 158), «Какая ночь! на всем какая нега!..» (С. 159), «Опять незримые усилья…» (С. 160–161), «Весенний дождь» («Еще светло, — перед окном…») (С. 162).

[8] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Глубь небес опять ясна…» (С. 39), «Еще, еще! Ах сердце слышит…» (С. 40), «Когда вослед весенних бурь…» (С. 41), «Всю ночь гремел овраг соседний…» (С. 42), «Пришла, — и тает все вокруг…» (С. 43), «Я рад, когда с земного лона…» (С. 44), «Майская ночь» («Отсталых туч над нами проплывает…») (С. 45), «Я ждал. Невестою царицей…» (С. 46).

[9] Это ст-ние повторно занесено К. Р. также в раздел «Вечерние огни».

Лето

Как здесь свежо под липою	стр. 183		
В саду	188		
Я был опять в саду	231	Изд. Солдат.	
Дождливое лето	232		
Зреет рожь	241		
Солнце нижет лучами	стр. 54		
Нежданный дождь	70	вып. I	Вечерние огни.
Ты видишь, за спиной	87		
Дул север. Плакала трава	стр. 25	вып. III	

Осень

Хандра: 1) — — — —[10]	стр. 167		
2) — — — —[11]	168		
Осень[12]	185	Изд. Солдатенкова.	
Старый парк	200		
Псовая охота	233		
Георгины	244		
Осенью	стр. 68	вып. I, Вечерние огни.	
Тополь	85		
Осень[13]	стр. 14	вып. II	
Ты помнишь, что было	10		
Осенняя роза	13		
Вот и летние дни	38	вып. III	Вечерние огни.
Задрожали листы	49		
Устало все кругом	11	вып. IV	
Сентябрьская роза	II		
Опавший лист	VI	Неизданные.	
Опять осенний блеск	XXXI		

Снега

3 пьесы[14]	стр. 39–40	издания Солдатенкова.
Ветер злой	стр. 5	изд. 50 года.

[10] Имеется в виду ст-ние «Непогода — осень — куришь…» (*Сб1863.* Ч. 1. С. 167).

[11] Имеется в виду ст-ние «Не ворчи, мой кот мурлыка…» (*Сб1863.* Ч. 1. С. 168).

[12] Имеется в виду ст-ние «Осень» («Ласточки пропали…») (*Сб1863.* Ч. 1. С. 185).

[13] Имеется в виду ст-ние «Осень» («Как грустны сумрачные дни…») (*ВО 2.* С. 14).

[14] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «На пажитях немых люблю в мороз трескучий…», «Знаю я, что ты, малютка…» (С. 39), «Вот утро севера — сонливое, скупое…» (С. 40).

2. 37

Лѣто.

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою — стр. 183.
Въ саду — 188.
Я былъ опять въ саду — 231.
Дождливое лѣто — 232.
Зрѣетъ рожь — 241.
} Изд. Солдат.

Солнце нижетъ лучами, стр. 54.
Нежданный дождь — 70.
Ты видишь, за спиной — 87.
} вып. I.
} Вечерніе огни.
Дулъ сѣверъ. Плакала трава, стр. 25, вып. III

Осень.

Хандра: 1) — стр. 167.
2) — 168.
Осень — 185.
Старый паркъ — 200.
Псовая охота — 233.
Георгины — 244.
} Изд. Солдатенкова.

Осенью — стр. 68
Тополь — 85.
} вып. I, Вечерніе огни.

Страница *Списка III*, записанного рукой К. Р. (*РГБ*)

6 пьес,[15]	стр. 41–44	изд. Солдатенкова.
3 пьесы,[16]	стр. 33–35	выпуск I Вечерние огни.
Учись у них	стр. 20	вып. II Вечерние огни.
Есть ночи зимней	стр. 34	вып. III 〃 〃
Мама, глянь-ка	〃 67	〃 IV 〃 〃

Гадания

Как в оглавлении Фета, лист 2.[17]

Мелодии

[Как] Я полон дум	стр. 15	Из издания 1850 года.
Когда я блестящий твой	17	
Тихо ночью на степи	24	
Весеннее небо глядится	28	
Младенческой ласки	32	
Не отходи от меня	53	Издание Солдатенкова.
Буря на небе вечернем	55	
Nocturno	56	
Улыбка томительной	62	
Серенада	63	
За кормою струйки	64	
Невидимые очи (67) и след. 4 пьесы,[18]	стр. 68–71	
Туманное утро (72) и след. 8 пьес,[19]	стр. 73–80	

---

[15] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Печальная береза…», «Кот поет, глаза прищуря…» (С. 41), «Чудная картина…», «Ночь светла, мороз сияет…» (С. 42), «На двойном стекле узоры…» (С. 43), «Скрип шагов вдоль улиц белых…» (С. 44).

[16] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Еще вчера, на солнце млея…» (С. 33), «Какая грусть! Конец аллеи…» (С. 34), «У окна» («К окну приникнув головой…») (С. 35).

[17] В *ЛСт1894* в раздел «Гадания» ст-ния вошли в следующем порядке: «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом…», «Полно смеяться! что это с вами?..», «Помню я: — старушка няня…», «Перекресток, где ракитка…», «Ночь крещенская морозна…». Ст-ние «Бедный мальчик» не было в него включено (см. о нем во вступит. статье).

[18] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Как мошки зарею…» (С. 68), «Спи — еще зарею…» (С. 69), «Свеж и душист твой роскошный венок…» (С. 70), «Давно ль под волшебные звуки…» (С. 71).

[19] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Римский праздник» («Не напевай тоскливой муки…») (С. 73), «Цветы» («С полей несется голос стада…») (С. 74), «Вчера я шел по зале освещенной…» (С. 75), «Все вокруг и пестро так и шумно…» (С. 76), «Певице» («Уноси мое сердце в звенящую даль…») (С. 77), «Бал» («Когда трепещут эти звуки…») (С. 78), «Anruf an die Geliebte (Бетховена)»

Нет, не жди	стр. 82		
Какие-то носятся звуки	210	Издание Солдатенкова.	
Ревель	211		
Прежние звуки[20]	250		
[Что ты голубчик]	[стр. 50	вып. I Веч. огни.]	
Сияла ночь	стр. 49		
Что ты голубчик	50		
Истрепалися сосен	53		
Забудь меня (56) и след. 2 пьесы[21]	57, 58	вып. I	
Сны и тени	218		
Шопену	221		
Романс[22]	223		
Я видел твой млечный	25	вып. II	
Только в мире	28		
Что за звук	20		Вечерние огни.
Я тебе ничего не скажу	39	вып. III	
Всё как бывало	40		
Моего тот безумства	43		
Не нужно, не нужно	16		
Чуя внушенный[23]	22		
[Гаснет заря]	[38]		
Как вешний день твой лик[24]	28	вып. IV	
[Чуя внушенный]	[22]		
Гаснет заря[25]	38		
Запретили тебе	70		
[Как вешний день твой лик]			
Я не знаю, не скажу	IV	Неизданные.	
Люби меня	XIX		

(«Пойми хоть раз тоскливое признанье…») (С. 79), «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер…» (С. 80).

[20] Данное ст-ние внесено К. Р. в раздел «Мелодии» дважды, см. ниже в составе ст-ний из *ВО 1*

[21] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Прежние звуки, с былым обаяньем…» (С. 57), помещенное повторно (см. выше: *Сб1863*. Ч. 1. С. 250); «Как ясность безоблачной ночи…» (С. 58).

[22] Имеется в виду ст-ние «Романс» («Злая песнь! как больно возмутила…») (*ВО 1*. С. 223–224).

[23] Вписано К. Р. позднее.

[24] Вписано К. Р. позднее; в *ЛСт1894* опубликовано под заглавием «Во сне».

[25] Вписано К. Р. позднее.

Вечера и ночи

Долго еще прогорит	стр. 36	Издание 50 года.	
Что за вечер	41		
Тихая, звездная ночь	стр. 54	Изд. Солдатенкова.	
Теплым ветром (57) и следующие четыре пьесы[26]	Издание Солдатенкова	стр. 58–61.	
Фантазия	стр. 65		
Свеча нагорела	81		
17 пьес[27]	85–102		
Владычица Сиона	165		
Люди спят	179		
Растут, растут	180		
Над озером лебедь	184		
В долгие ночи	191	Издание Солдатенкова.	
Какое счастие	197		
Степь вечером	198		
Что за ночь	199		
Вечер[28]	202		
Последний звук	205		
В темноте, на треножнике	215		
Только станет смеркаться	229		
Молчали листья	238		
В дымке невидимке	стр. 51		
Одна звезда	52		
Месяц зеркальный	55		
Как нежишь ты	76	вып. I	Вечерние огни.
Блеском вечерним	77		
С какой я негою	89		

[26] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Если зимнее небо звездами горит…» (С. 58), «Полуночные образы реют…» (С. 59), «Я долго стоял неподвижно…» (С. 60), «Шумела полночная вьюга…» (С. 61).

[27] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Право от полной души я благодарен соседу…» (С. 85), «Вдали огонек за рекою…» (С. 86), «Я люблю многое, близкое сердцу…» (С. 87–88), «Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно…» (С. 89), «Я жду… Соловьиное эхо…» (С. 90), «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..» (С. 91), «Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны…» (С. 92), «Ночью как-то вольнее дышать мне…» (С. 93), «Рад я дождю… От него тучнеет мягкое поле…» (С. 94), «Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?..» (С. 95), «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый…» (С. 96), «Летний вечер тих и ясен…» (С. 97), «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках…» (С. 98), «Шепот, робкое дыханье…» (С. 99), «На стоге сена, ночью южной…» (С. 100), «Заря прощается с землею…» (С. 101), «Колокольчик» («Ночь нема, как дух бесплотный…») (С. 102).

[28] Имеется в виду ст-ние «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою…») (*Сб1863.* Ч. 1. С. 202).

Ты так любишь	стр. 23	вып. II	Вечерние огни.
Солнце садится	29		
Молятся звезды	39		
Благовонная ночь	11	вып. III	
В лунном сиянии	15		
В вечер такой	44		
Сегодня все звезды	35	вып. IV	
От огней, от толпы	51		
Только месяц взошел	XIII		
Ночь лазурная смотрит	XLIX		

Баллады

Как в оглавлении у Фета.[29]

Антологические стихотворения

Когда петух	стр. 98	Изд. 50 года.
Нептуну Леверрье	50	
21 пьеса[30]	стр. 115–138	Изд. Солдатенкова.
Зевс	217	вып. II <так!> Веч. огни.

---

[29] В *ЛСт1894* в раздел «Баллады» ст-ния вошли в следующем порядке: «Тайна» («Почти ребенком я была…»), «Видение» («Не ночью, не лживо…»), «Ворот» («Спать пора! Свеча сгорела…»), «Змей» («Чуть вечернею росою…»), «Лихорадка» («Няня, что-то все не сладко!..»), «На дворе не слышно вьюги…» (под заглавием «Бедный мальчик»), «Легенда» («Вдоль по берегу полями…»), «Геро и Леандр» («Бледен лик твой, бледен, дева!..»).

[30] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Греция» («Там, под оливами, близ шумного каскада…») (С. 115), «Вакханка» («Под тенью сладостной полуденного сада…») (С. 116), «Диана» («Богини девственной округлый черты…») (С. 117), «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил…» (С. 118), «Кусок мрамора» («Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор начатый…») (С. 119), «К юноше» («Друзья, как он хорош за чашею вина…») (С. 120), «С корзиной, полною цветов, на голове…», «В златом сиянии лампады полусонной…» (С. 121), «Подражание XVI идиллии Биона» («Прекрасная звезда Венеры светлоокой…») (С. 122), «Питомец радости, покорный наслажденью…» (С. 123), «Уснуло озеро, безмолвен черный лес…» (С. 124), «К красавцу» («Природы баловень, как счастлив ты судьбой!..») (С. 125), «Сон и Пазифая» («Ярко блестящая пряжка над белою, полною грудью…») (С. 126), «Амимона» («Это у вас на севере все нипочем. Посмотри-ка…») (С. 127–128), «Диана, Эндимион и Сатир» («У звучного ключа как сладок первый сон!..») (С. 129), «Золотой век» («Я посещал тот край обетованный…») (С. 130–131), «Даки» («Вблизи семи холмов, где так невыразимо…») (С. 132–133), «Телемак у Калипсы» («Солнце низко. Легкой мглою…») (С. 134–135), «Венера Милосская» («И целомудренно и смело…») (С. 136), «Нимфа и молодой Сатир» («Постой хотя на миг! о камень или пень…») (С. 137), «Сон и смерть» («Богом света покинута дочь Громовержца немая…») (С. 138).

Море

Снился берег мне	стр. 72	Изд. Солдатенкова.
8 пьес[31]	стр. 141–148	
Пароход	212	
4 пьесы[32]	27–30	вып. I Вечерн. огни.
Качаяся звезды	XIV	Неизданные.
Барашков буря шлет	L	

Послания, посвящения и стихотворения на случай

В альбом М. П. Боткиной, впоследствии супруги поэта[33]	LIV	Неизданные.
Ответ Тургеневу	стр. 217	
Ему же[34]	236	
Е. П. К—у	219	
Б—м[35]	170	
А. Ф. Бржескому	стр. 97	вып. I Веч. огни.
А. Л. Бржеской[36]	98	
Ей же[37]	99	
Ей же[38]	24	вып. III Веч. огни.
Гр. Л. Н. Толстому[39]	100	вып. I Веч. огни.

---

[31] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Ночь весенней негой дышит…» (С. 141), «Жди ясного на завтра дня…» (С. 142), «Морской залив» («Третью уж ночь, вот на этом холме за оврагом…») (С. 143), «Вечер у взморья» («Засверкал огонь зарницы…») (С. 144), «Как хорош чуть мерцающим утром…» (С. 145), «Морская даль во мгле туманной…» (С. 146), «Прибой» («Утесы, зной и сон в пустыне…») (С. 147), «На корабле» («Летим! туманною чертою…») (С. 148).

[32] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Буря» («Свежеет ветер. Меркнет ночь…») (С. 27), «После бури» («Пронеслась гроза седая…») (С. 28), «Вчера расстались мы с тобой…» (С. 29), «Море и звезды» («На море ночное мы оба глядели…») (С. 30).

[33] Имеется в виду ст-ние «В альбом в первый день Пасхи» («Победа! Безоружна злоба!..»), адресованное М. П. Боткиной.

[34] Имеется в виду ст-ние из *Сб1863* (Ч. 1): «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга…») (С. 236).

[35] Имеется в виду ст-ние из *Сб1863* (Ч. 1): «Б……м (при получении цветов и нот)» («Откуда вдруг в смиренный угол мой…») (С. 170).

[36] Имеется в виду ст-ние «А. Л. Б—ой» («Далекий друг, пойми мои рыданья…») (*ВО 1*. С. 98).

[37] Имеется в виду ст-ние «Ей же» («Опять весна! Опять дрожат листы…») (*ВО 1*. С. 99).

[38] Имеется в виду ст-ние «А. Л. Б—ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным…») (*ВО 3*. С. 24).

[39] Имеется в виду ст-ние «Гр. Л. Н. Т—у» («Как ястербу, который просидел…») (*ВО 1*. С. 100).

Ему же[40]	18	вып. II Веч. огни.
Гр. Софье Андр. Толстой (супруге Льва Толстого)[41]	стр. 105	вып. I Веч. О.
Ей же к портрету[42]	стр. 21	вып. III Веч. огни.
Ей же[43]	22	
Ей же[44]	34	вып. IV Веч. огни.
Гр. Алексею Констант. Толстому	101	вып. I Веч. огни.
Гр. Софье Андр. Толстой (супруге А. К. Толстого)[45]	стр. 55	вып. IV В. огни.
[С. П. Х—о]	[стр. 104	вып. I Вечерние огни.]
[В аль] Ф. И. Тютчеву[46]	стр. 102	вып. I Веч. огни.
Ему же[47]	103	
Надпись на книжку стих. Тютчева[48]	16	вып. II Веч. огни.
С. П. Х—о[49]	104	вып. I Веч. огни.
В альбом К—у	106	вып. I Веч. огни.
А. Н. Майкову[50]	19	вып. II Веч. огни.
Ему же[51]	62	вып. IV Веч. огни
Я. П. Полонскому[52]	стр. 17	вып. II.

[40] Имеется в виду ст-ние «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа: „Война и мир“» («Была пора, своей игрою…») (*ВО 2.* С. 18).

[41] Имеется в виду ст-ние «Гр. С. А. Т—ой» («Когда так нежно расточала…») (*ВО 1.* С. 105).

[42] Имеется в виду ст-ние «К портрету графини С. А. Т—ой» («И вот портрет! и схоже и несхоже…») (*ВО 3.* С. 21).

[43] Имеется в виду ст-ние «Ей же» («Я не у Вас, я обделен…») (*ВО 3.* С. 22).

[44] Имеется в виду ст-ние «Графине С. А. Т—ой (во время моего 50-летнего юбилея)» («Пора! по влаге кругосветной…») (*ВО 4.* С. 34).

[45] Имеется в виду ст-ние «Графине С. А. Толстой (Алексей)» («Где средь иного поколенья…») (*ВО 4.* С. 55).

[46] Имеется в виду ст-ние «Федору Ивановичу Тютчеву» («Мой обожаемый поэт…») (*ВО 1.* С. 102).

[47] Имеется в виду ст-ние «Ему же» («Прошла весна, — темнеет лес…») (*ВО 1.* С. 103).

[48] Вписано позднее. Имеется в виду ст-ние «На книжке стихотворений Тютчева» («Вот наш патент на благородство…») (*ВО 2.* С. 16).

[49] Имеется в виду ст-ние «С. П. Х—о» («Я опоздал — и как жалею…») (*ВО 1.* С. 104).

[50] Имеется в виду ст-ние «А. Н. Майкову (На сочувственный отзыв о переводе Горация)» («Кто сам так пышно в тогу эту…») (*ВО 2.* С. 19).

[51] Имеется в виду ст-ние «На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли…») (*ВО 4.* С. 43–44). Номер страницы, указанный К. Р., ошибочен. На с. 62 напечатано ст-ние «Я. П. Полонскому» («В минувшем жизнь твоя богата…»); см. ниже.

[52] Имеется в виду ст-ние «Полонскому» («Спасибо! Лирой вдохновенной…») (*ВО 2.* С. 17).

Ему же[53]	62	″ IV.	
В альбом Н. Я. П—й	63	″ IV.	
На смерть А. В. Дружинина	68	вып. III.	
Памяти Вас. Петр. Боткина	69	″ III.	
[Памяти Н. Я. Данилевского]	[30	″ III]	
Ек. Серг. Хомутовой[54]	стр. 31	вып. III Веч. Огни.	
Ей же[55]	69	″ IV В. о.	
Памяти Н. Я. Данилевского	30	} III вып. Веч. огни.	
Гр. Алексею Вас. Олсуфьеву[56]	18		
Гр. Александре Андр. Олсуфьевой	19		
В. К. К. К. — Певцам, высокое	7		
″ — Сплывают ледяные	6	вып. IV.	
″ — Трепетный факел			
К. К. и Е. М.[57]	12	IV.	
Е. М.[58]	13	IV.	
Е. М.[59]	14	IV.	
К. К. Пред вами правда	41	IV.	
″ Когда колеблем	26	IV.	
Е. М.[60]	27	IV.	
К. К.[61]	XXX	} Неизданные.	
К. К. и Е. М.[62]	LIII		
Королеве эллинов[63]	стр. 5	вып. III	} Вечерние огни.
Ей же[64]	6	″ III	

[53] Имеется в виду ст-ние «Я. П. Полонскому» («В минувшем жизнь твоя богата…») (*ВО 4.* С. 62).

[54] Имеется в виду ст-ние «Ек. Серг. Х—ой (приславшей мне цветы)» («Цветы и песни с давних лет…») (*ВО 3.* С. 31).

[55] Имеется в виду ст-ние «Е. С. Х—й (при получении от нее пышного букета цветной капусты)» («Соизмеряя дар с приветом…») (*ВО 4.* С. 69).

[56] Имеется в виду ст-ние «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву» («Второй бригады из-за фронта…») (*ВО 3.* С. 18).

[57] Имеется в виду ст-ние «Их Императорским Высочествам В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу и В<еликой> К<нягине> Елизавете Маврикиевне» («Давно познав, как ранят больно…») (*ВО 4.* С. 12).

[58] Имеется в виду ст-ние «Она» («Две незабудки, два сапфира…») (*ВО 4.* С. 13).

[59] Имеется в виду ст-ние «Людские так грубы слова…» (*ВО 4.* С. 14).

[60] Имеется в виду ст-ние «К ней» («Кто постигнет улыбку твою…») (*ВО 4.* С. 27).

[61] Имеется в виду ст-ние «В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу» («Не сетуй, будто бы увяла…») из утраченной тетради (№ XXX).

[62] Имеется в виду ст-ние «В<еликой> К<нягине> Елисавете Маврикиевне и В<еликому> К<нязю> Константину Константиновичу на милостивые строки от 21 октября» («Когда дыханье множит муки…») из утраченной тетради (№ LIII).

[63] Имеется в виду ст-ние «Ее Величеству Королеве эллинов» («Всю жизнь душа моя алкала…») (*ВО 3.* С. 5).

[64] Имеется в виду ст-ние «Ей же при получении Ее портрета» («Звезда сияла на востоке…») (*ВО 3.* С. 6).

Ей же: Когда б дерзал		
Ей же[65]	XXVII	Неизданные.
На смерть Мити Боткина	стр. 29	вып. IV.
[На бракосочетание Е. и К. Д—ъ]	[46	″ IV]
Е. Д. Д—ъ[66]	36	вып. IV Веч. огни.
На бракосочетание Е. и К. Д—ъ	46	″ ″
Надпись на книжке М. П. Шеншиной[67]	LV	Неизданные.
Л. И. О—й[68]	стр. 53	вып. IV Веч. огни.
И. Ф. Офросимову	65	″ ″ ″ ″
Памяти С. С. Боткиной[69]	31	″ ″ ″ ″
[М. Н. К—ной]	[49]	″ ″ ″ ″
На бракосочетание В. К. Павла Александровича и В. К. Александры Георгиевны	стр. 24	вып. IV В. о.
На погребение В. К. А. Г.	XXX	Неизданные.
[М. Н. К—ной]	[49	вып. IV В. о.]
Графине Н. М. Соллогуб[70]	64	вып. IV В. огни.
Ей же[71]	X	Неизданные.
Ей же[72]	XLI	
М. Н. К—ной	49	вып. IV В. огни.
М. Ф. Ванлярской	XXI	
На смерть Бражникова	XXV	
Петру Ильичу Чайковскому	XXIX	
В день серебряной свадьбы Е. П. Щукиной	XL	
Du sagst ein schöner Tag		
К памятнику Пушкина[73]	16	вып. I — В. огни.
1 марта 1881	17	
15 мая 1883	42	вып. II — В. огни.

[65] Имеется в виду ст-ние «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891» («Когда-то Ольга душу живу…») из утраченной тетради (№ XXVII).

[66] Имеется в виду ст-ние «Е. Д. Д—ъ» («Если захочешь ты душу мою разгадать…») (*ВО 4.* С. 36).

[67] Имеется в виду ст-ние «Марье Петровне Шеншиной» («Ты все стихи переплела…») из утраченной тетради (№ LV).

[68] Имеется в виду ст-ние «Л. И. О—й (при посылке портрета)» («Гляжу с обычным умиленьем…») (*ВО 4.* С. 53).

[69] Вписано К. Р. позднее.

[70] Имеется в виду ст-ние «Графине Н. М. С—ъ» («Вам песнь моя. В степи мирской…») (*ВО 4.* С. 64).

[71] Имеется в виду ст-ние «Графине Наталья Михайловне Соллогуб» («Тобой привычный восхищаться…») из утраченной тетради (№ X).

[72] Имеется в виду ст-ние «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («О, Береника! Сердцем чую…») из утраченной тетради (№ XLI).

[73] Имеется в виду ст-ние «К памятнику Пушкина» («Исполнилось твое пророческое слово…») (*ВО 1.* С. 16).

На 50-летие Музы[74]	19	вып. IV	В. огни.
На 50-летие Музы[75]	20		

Разные стихотворения

Мадонна	стр. 166	издание Солдатенк.
Ave Maria	150	издание 50 года.
Я знал ее малюткой	131	〃 〃 〃
Венеция ночью	169	Изд. Солдатенк.
Колыбельная песнь	171	
О не зови	173	
Облаком волнистым	174	
Деревня	176	
Ах дитя	177	
Узник	стр. 178	Издание Солдатенкова.
На Днепре в половодье	181	
Не спрашивай над чем	192	
Ты расточительна	195	
Лес	196	
Муза[76]	203	
В пору любви	206	
Ива	207	
О друг, не мучь	208	
Приметы	209	
Знакомке с юга	213	
Вчера увенчана	214	
Ивы и березы	216	
У камина	220	
7 пьес[77]	стр. 221–228	
Расстались мы	230	
Грезы	235	
На железной дороге	239	
Кричат перепела	242	
Если ты любишь	245	

---

[74] Имеется в виду ст-ние «На пятидесятилетие Музы» («Нас отпевают. В этот день…») (*ВО 4*. С. 19).

[75] Имеется в виду ст-ние «На пятидесятилетие Музы 29 января 1889 года» («На утре дней всё ярче и чудесней…») (*ВО 4*. С. 20–21).

[76] Имеется в виду ст-ние «Муза» («Не в сумрачный чертог наяды говорливой…») (*Сб1863*. Ч. 1. С. 203).

[77] Имеются в виду следующие ст-ния из *Сб1863* (Ч. 1): «Сестра» («Милой меня называл он вчера…») (С. 221), «Горное ущелье» («За лесом лес и за горами горы…») (С. 222), «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила…») (С. 223), «Рыбка» («Тепло на солнышке. Весна…») (С. 224), «Был чудный майский день в Москве…» (С. 225–226), «В леса безлюдной стороны…» (С. 227), «На лодке» («Ты скажешь, бросая взор по голубой равнине…») (С. 228).

Вечерние огни

6 пьес[78]	стр. 59–67		
В душе измученной	69		
Ключ	71		
4 пьесы[79]	72–75		
5 пьес[80]	78–83		
Только встречу улыбку	86	вып. I	
Псевдо-поэту	88		
Я уезжаю	90		
3 пьесы[81]	91–93		
К Сикстинской Мадонне	219		
Музе[82]	224		Вечерние огни.
Не смейся, не дивися	3		
День проснется	5		
Ты был для нас	8		
Бабочка	15	вып. II	
С бородою седою	22		
Говорили в древнем	26		
Вольный сокол	30		
Не вижу ни красы	32		
Муза[83]	стр. 1	вып. III	
Солнца луч	3		

[78] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Знаю зачем ты, ребенок больной…» (С. 59), «Встречу ль яркую в небе зарю…» (С. 60), «В страданьи блаженства стою пред тобою…» (С. 61), «Вчерашний вечер помню живо…» (С. 62), опубликованные под общим заглавием «Romanzero»; «Горячий ключ» («Помнишь тот горячий ключ…») (С. 65–66), «Отчего со всеми я любезна…» (С. 67).

[79] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Чем безнадежнее и строже…» (С. 72), «Сонет» («Когда от хмелю преступлений…») (С. 73), «Толпа теснилася, рука твоя дрожала…» (С. 74), «Встает мой день как труженик убогой…» (С. 75).

[80] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Кому венец: богине ль красоты…» (С. 78), «Напрасно…» (С. 79–80), «Купальщица» («Игривый плеск в реке меня остановил…») (С. 81), «Напрасно ты восходишь надо мной…» (С. 82), «Роза» («У пурпурной колыбели…») (С. 83).

[81] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 1*: «Не избегай; я не молю…» (С. 91), «В благословенный день, когда стремлюсь душою…» (С. 92), «В душе измученной годами…» (С. 93). Последнее ст-ние включено в список дважды, что объясняется ошибкой в наборе *ВО 1*, в результате которой оно было напечатано там два раза (на с. 69 и 93). Та же ошибка допущена в *Списках I* и *II*.

[82] Имеется в виду ст-ние «Музе» («Пришла и села. Счастлив и тревожен…») (*ВО 1*. С. 224).

[83] Имеется в виду ст-ние «Муза» («Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня…») (*ВО 3*. С. 1).

Как беден наш	8	вып. III	Вечерние огни.
Если радует утро	12		
Ребенку	14		
Хоть нельзя говорить	16		
Горная высь	23		
Как богат я	28		
Долго снились мне	29		
Из дебрей туманы[84]	32		
Через тесную улицу	41		
3 пьесы[85]	45–47		
Полуразрушенный	18	вып. IV	
Только что спрячется	42		
Quasi una fantasia	57		
Ракета	52		
Упреком жалостью	59		
Алмаз	неизданные.		
Как трудно повторять	50	вып. IV Веч. огни.	
Теснее и ближе	неизданные		
На качелях	стр. 15	вып. IV Веч. огни.	
Давно ль на шутки	61		
Из тонких линий	I		
Если б в сердце тебя	VII		
Весь вешний день	VIII		
Безобидней всех	IX		
Завтра я не различаю	XI		
Я слышу и судьбе	XVI		
Роящимся мечтам	XXII		
Я говорю, что я люблю	XXIII		
Давно в любви	XXVI		
Месяц и роза	XXXII		
Ель рукавом мне	XXXIV		
Почему	XXXV		
Не отнеси к холодному	XLII		
Не могу я слышать	XLIII		
Рассыпаяся смехом	XLV		
Когда смущенный	XLVI		
Она ему образ	XLVIII		
Тяжело в ночной тиши	LI		

[84] Это ст-ние повторно занесено также в раздел «Весна», в составе которого оно напечатано в *ЛСт1894*.

[85] Имеются в виду следующие ст-ния из *ВО 3*: «Ты вся в огнях. Твоих зарниц…» (С. 45), «Вечный хмель мне не отрада…» (С. 46), «Сегодня день твой просветленья…» (С. 47).

ХРОНИКА ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ИЗ ВРЕМЕНИ В ВЕЧНОСТЬ…»
Фетовские дни в Пушкинском Доме:
К 190-летию со дня рождения поэта
(17–18, 23 ноября 2010 г.)

Так получилось, что празднование 190-летней годовщины со дня рождения великого русского поэта Афанасия Фета прошло в Пушкинском Доме в два приема. Сначала (17–18 ноября) имела место научная конференция, собравшая большое количество слушателей, затем (23 ноября) состоялся большой концерт и ряд мероприятий, «не уместившихся» в рамках научной конференции.

Настоящий сборник, частично вобравший в себя материалы докладов, прозвучавших 17–18 ноября, избавляет нас от необходимости подробного изложения их содержания. Попытаемся вкратце осветить ход конференции и передать атмосферу, на ней царившую.

Открывая конференцию, заведующая группой по изданию Собрания сочинений и писем Фета в Пушкинском Доме **Н. П. Генералова** приветствовала гостей конференции, приехавших из разных городов нашей страны — Саратова, Курска, Орла. «Все мы здесь собрались не только для того, чтобы сделать свои доклады и прослушать другие, — сказала Н. П. Генералова, — и не только любовь к Фету нас объединяет. Всех нас связывает сейчас и надолго одно большое общее дело — подготовка первого в нашей истории 20-томного собрания сочинений писателя, чье творчество оказалось гораздо многообразнее и обширнее, чем представлялось ранее. Мы знали Фета-поэта, чьи сладкозвучные струны отзывались в сердцах не одного поколения русских людей, но теперь, когда мы приступили к публикации всего его литературного наследия, масштаб этой уникальной личности представляется совсем иначе. Перед нами не только лирический поэт, но и яркий публицист, отразивший в своих статьях все перипетии экономического развития пореформенной России, и литературный критик, и выдающийся переводчик, оставивший

целую библиотеку переводов с разных языков, и мемуарист, запечатлевший в трех томах воспоминаний массу фактов, и, наконец, большой мастер эпистолярной прозы, еще ждущей своего исследователя. Усилия всех фетоведов направлены сейчас на подготовку этого издания, требующего чрезвычайного напряжения от всех его участников».

Профессор Курского университета **Наталья Захаровна Коковина** в своем сообщении «Фетовские проекты в Курском государственном университете» напомнила, что именно Курск, то есть Курский университет стоял у истоков современного всплеска интереса к Фету. Начиная с середины 1980-х годов, трудами кафедры русской литературы стали организовываться первые Фетовские чтения, сопровождавшиеся специальными сборниками. «Достаточно посмотреть на первые выпуски, — сказала Н. З. Коковина, — и на последние (а вышло более двух десятков сборников), чтобы стало понятно, как успешно продвигалась идея Фетовских чтений. И достаточно посмотреть на состав редколлегии Собрания сочинений и писем Фета, чтобы понять, на какой основе родилась сама идея этого издания. Не случайно Курский университет стал и основным спонсором Собрания сочинений Фета. Конечно, университет не может полностью обеспечить подготовку многотомного издания, но финансировать издательские расходы он в состоянии. Мы радуемся, что Пушкинский Дом собрал вокруг себя специалистов, радуемся каждому новому тому и принимаем в его подготовке посильное участие. По-прежнему собираем исследователей творчества Фета под наш гостеприимный кров и ждем новых докладчиков и новых открытий».

Доклад **Галины Валентиновны Петровой** «Первые посмертные издания лирики Фета» осветил малоизвестные страницы истории появления такого издания, как «Лирические стихотворения А. А. Фета» (в двух томах), подготовленного ближайшим другом поэта Н. Н. Страховым и великим князем Константином Константиновичем (К. Р.). «В первом посмертном собрании, — отметила докладчица, — Фет был представлен как мастер стихотворной формы, виртуозный импрессионист, эстет-созерцатель, а потому признать „Лирические стихотворения“ воплощающими творческую волю Фета оказалось категорически невозможным. Это издание вызвало и резкую критику, в которой К. Р. и Н. Н. Страхов обвинялись в формальном подходе к структуре собрания Фета и в неоправданном произволе распределения стихотворений по разделам». И все же именно это издание легло в основу восприятия поэзии Фета поколением старших символистов. Более последовательным в формировании представления о лирике Фета как философской поэзии оказался, по мнению Г. В. Петровой, Б. В. Никольский, который

выделялся в ряду «учеников» и подражателей еще при жизни Фета и который на рубеже XIX–XX веков выступил в роли чуть ли не главного популяризатора и распространителя «мысли» о Фете. Биографический миф о Фете как идеальном, универсальном поэте, созданный «фетышистами», сравнение его с жрецом, евангелистом, чародеем, мысль о том, что Фет воплотил в лирике принцип «вечного человека», «полного человека», «дочувствывающегося» до истины, по-своему откликнулись на символистском поиске идеала поэта и решении проблемы поэтического предназначения русскими поэтами конца XIX — начала XX века.

О том, как проходили Фетовские дни в Орле, рассказала заведующая кафедрой русской литературы Орловского государственного университета **Мария Владимировна Антонова**. Помимо традиционных чтений и выставок, были организованы экскурсии «в страну поэта», включившие и новые маршруты. Благодаря усилиям орловских краеведов стали известны новые факты о мценской и орловской жизни Фета, о круге его друзей и почитателей.

Сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН **Любовь Владимировна Герашко** рассказала собравшимся о материалах Юбилейной выставки, подготовленной к знаменательной дате, и провела увлекательнейшую экскурсию по ней. Многие документы были впервые выставлены на всеобщее обозрение и вызвали горячий интерес участников конференции. Особенно большой и яркий пласт фетовских материалов содержится в архиве поэта Якова Петровича Полонского, которого связывали с Фетом долгие годы дружбы.

Как обычно, удивительными находками изобиловал доклад орловского краеведа **Елены Николаевны Ашихминой**, прекрасного знатока орловских и мценских реалий, неутомимого архивиста и борца за сохранение памятных мест Орловщины (см. ее статью в наст. сборнике).

Ярким, незабываемым выступлением порадовала слушателей **Лидия Григорьевна Девянина**, директор курского городского Дворца пионеров и школьников и по совместительству один из самых деятельных пропагандистов творчества Фета. Все, кому довелось побывать в Курске и Воробьевке, никогда не забудут организованных ею встреч в бывшей усадьбе Фета со школьниками, которых она сумела заинтересовать творчеством великого земляка. Думается, что для многих ученых эти встречи были небесполезны. Углубляясь в те или иные проблемы, ученые нередко забывают, что их открытия должны быть доступны младшему поколению. Усилия таких энтузиастов, как Л. Г. Девянина, помогают сохранить «связь времен» и поколений.

Заведующая кафедрой русской литературы Саратовского государственного университета **Лариса Ивановна Черемисинова** поделилась своим очередным открытием — обнаруженной не известной ранее статьей Фета «Смоленский Скапен (Из Мценска)», позволившей пополнить не только список вновь найденных публицистических произведений поэта, но и список его псевдонимов.

«Об одном из возможных источников рассказа Фета „Кактус“» сообщил в своем докладе профессор Петербургского университета **Андрей Валентинович Ачкасов**, один из активных участников выходящего ныне Собрания сочинений и писем поэта.

На изучение переводческих принципов Фета был обращен доклад сотрудника Фетовской группы ИРЛИ **Светланы Алексеевны Ипатовой** «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят…» (см. наст. сборник).

Неподдельный интерес вызвал доклад научного сотрудника Рукописного отдела ИРЛИ **Елены Михайловны Аксененко** «Заметки на полях прижизненных изданий Фета в Библиотеке Пушкинского Дома». Известно, что эта уникальная библиотека обогащалась за счет многих личных библиотек, например, С. П. Боброва, П. Я. Дашкова, В. Д. Комаровой («Вл. Каренин»), А. Ф. Кони, Н. А. Котляревского, М. К. Лемке, В. А. Майкова, Б. Л. Модзалевского, А. Н. Пыпина, П. Е. Щеголева и многих других выдающихся деятелей отечественной культуры. Особой полнотой, по мнению докладчицы, отличается раздел А. А. Фета, в котором содержатся все без исключения прижизненные издания произведений поэта, поступившие из личных фондов А. Ф. Онегина, М. Н. Лонгинова, Н. П. Лихачева, С. А. Венгерова, А. А. Блока, Н. С. Гумилева, Ф. Сологуба и др. Каждая из этих книг имеет свою судьбу и многое может рассказать исследователю. Так, например, пометы в солдатенковском двухтомнике 1863 года из собрания П. А. Ефремова свидетельствуют о том, что известный издатель собирался сам издать стихотворения Фета. Пять книг с дарственными надписями академику живописи Михаилу Петровичу Боткину говорят о дружеских отношениях, возникших у Фета со своим знаменитым шурином, которого в одной из надписей он называет «братом». С книгами известного библиофила и коллекционера М. Н. Лонгинова в Пушкинском Доме оказался редкий экземпляр первого поэтического сборника Фета «Лирический пантеон» (1840). Большой интерес представляют пометы А. Ф. Онегина в личном экземпляре сборника Фета 1863 года, в котором к тому же оказались две записки к Онегину Марианны Федоровны Ратьковой-Рожновой, урожденной Ванлярской, знакомой Фета, который посвятил ей стихотворе-

ние с причудливым подзаголовком: «при получении визитной карточки с летящими ласточками» («Мечтам покорствуя отважным…»).

Особое внимание уделила Е. М. Аксененко пометам А. А. Блока на книгах Фета, сохранившихся в составе личной библиотеки поэта-символиста. И это не случайно: Блок столь высоко оценивал место Фета в русской литературе, что собрал и внимательно прочитал много его трудов. Отдельные пометы до сих пор остаются не расшифрованными. Названный «заметками на полях», доклад Е. М. Аксененко вызвал заинтересованное обсуждение, причем многие выступавшие выражали надежду, что чрезвычайно полезный для фетоведения труд будет продолжен.

Доклад участника Фетовской группы ИРЛИ **Валентины Александровны Лукиной** о Фете — сотруднике «Отечественных записок» А. А. Краевского был посвящен одной из малоизученных страниц биографии поэта. Подготовленная докладчицей публикация четырех писем Фета к Краевскому (см.: *ФетСб(1).* С. 450–471) показала, что эпизод сотрудничества Фета в одном из ведущих журналов эпохи достоин серьезного внимания.

На фактическом материале, как и доклад В. А. Лукиной, был основан доклад **Анны Глебовны Гродецкой** «Корреспондент Фета — Д. В. Григорович». Кратковременные, но яркие отношения Фета с автором «Антона-Горемыки» и «Деревни» были воссозданы А. Г. Гродецкой на сопоставлении не только писем, но и мемуаров (см.: *ФетСб(1).* С. 331–350).

Важной теме — отношению Фета к классическому образованию в эпоху реформ был посвящен доклад профессора Гуманитарного университета **Анны Викторовны Успенской** «Убить в себе Пифона». Обратившись к известной статье Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», А. В. Успенская пришла к выводу, что если прочесть статью Фета беспристрастно, то в первую очередь бросаются в глаза широта его взгляда и немалый публицистический накал. Вдохновленный попытками властей провести одну из величайших в истории России реформ, Фет пишет программное публицистическое эссе, движимый именно реформаторскими идеями. Он ставит вопрос не только об изучении древних языков, но и о роли античной культуры в деле воспитания нового поколения, и еще шире — о роли античного наследия в современном мире, и прежде всего — в России.

Доклад сотрудника Литературного музея ИРЛИ **Елены Николаевны Монаховой** явился по сути комментарием к подготовленной ею части выставки, представляющей поэзию Фета на страницах альбома для рисования Я. П. Полонского. Сама попытка «иллюстрировать» чисто лирические стихотворения могла бы показаться слишком смелой, если бы

она не была сделана поэтом и близким другом Фета. Вот почему как доклад, так и иллюстративный к нему материал вызвали немалый интерес слушателей.

С интересными воспоминаниями об основоположнике советского фетоведения Б. Я. Бухштабе (воспоминания эти печатаются в наст. сборнике) выступила старейший сотрудник Пушкинского Дома **Дина Михайловна Климова**.

Доклад **Натальи Петровны Генераловой** был посвящен текстологическим проблемам нового издания Фета и наглядно продемонстрировал, насколько полезно возвращаться к тому, что, казалось бы, уже было изучено. Проведя фронтальную сверку готовящихся к печати стихотворений, включенных Фетом в поэтические сборники «Вечерние огни», со всеми сохранившимися автографами, докладчица убедительно показала, как много еще неизведанного таится в рукописях поэта. Начиная с заглавий стихотворений и кончая пунктуацией, многие решения текстологов-предшественников представляются ныне не только неполными, но и не вполне корректными. Подготовка 5-го тома Собрания сочинений, куда войдут «Вечерние огни» и обширный раздел «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники», дает ученым уникальный материал для дальнейших исследований.

Приятно сознавать, что каждый из докладов вызывал если не дискуссию, то горячий отклик, и научная конференция естественным образом переросла в дружеское собеседование по самым разным вопросам биографии и творчества Фета. Многие доклады сопровождались показом слайдов, не говоря уже о том, что подготовленная Л. В. Герашко и В. А. Лукиной выставка, представленная в 14-ти витринах, была сориентирована на некоторые выступления, например, к докладу Е. М. Аксененко можно было увидеть живые экземпляры книг из Библиотеки Пушкинского Дома с дарственными надписями и пометами.

В заключение был зачитан текст обращения к тогдашнему губернатору Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, единогласно одобренный всеми участниками конференции:

22 февраля этого года в газете «Вечерний Петербург» была напечатана, а 23 марта по городскому радио прозвучала информация о новых правилах содержания и эксплуатации захоронений, разработанных Комитетом экономического развития, промышленной политики и торговли. Как Вам, должно быть, известно, эти правила предусматривают рекультивацию заброшенных могил, которая даст городу «тысячи новых мест для захоронения, в том числе таких, которые относятся к категории элитных». Со ссылкой на слова Вероники Лутковской — вице-президента Ассоциации предприятий похоронной отрасли Северо-Западного региона, сообщалось, что «лицам, ответственным за бесхозные захоронения, будут рассылаться письменные

уведомления, а заброшенные могилы отметят предупреждающими трафаретами. И если через два-три года никто из близких не объявится, то **останки могут быть эксгумированы, кремированы, и прах после этого будет перезахоронен на так называемых полях памяти**».

Разрешите выразить самый решительный, самый негодующий протест против этого кощунственного решения! Допустимым считается подхоронить в старую безымянную могилу, но не выкинуть вон находящиеся в ней останки!

У каждого народа есть свои традиции, уходящие корнями в глубокое прошлое. Одной из важных составляющих нашего народного мировоззрения было и есть уважение к смерти, к человеческим останкам, к кладбищу — месту вечного покоя. Может быть, лучше всех выразил это отношение А. С. Пушкин:

«Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва…»

Нам известно, что городские кладбища **приватизированы.** Не считают ли самозваные «владельцы», что они приобрели права и на тела наших родных, близких, единоплеменников?

Как постановление, касающееся всех без исключения жителей Петербурга, могло быть принято без публичного обсуждения?! Не лучше ли решить проблемы старых городских кладбищ за счет выделения средств на уход за могилами людей, у которых не осталось близких, а не за счет продажи и перепродажи «элитных участков»? Никакая материальная выгода, никакие другие соображения не могут уравновесить и покрыть того непоправимого морального ущерба, который наносится душам живых людей этой варварской мерой. Особый вред будет причинен молодежи, которая, вступая в жизнь, будет воспринимать это уродство как норму.

Убедительно просим Вас, Валентина Ивановна, вернуться к обсуждению этого вопроса, сделать опрос общественного мнения, и, если окажется, что жители Санкт-Петербурга возражают против постановления Комитета промышленного развития, то постараться изыскать средства на поддержание «бесхозных захоронений» в достойном виде.

Как уже говорилось, конференция продолжилась через несколько дней, когда 23 ноября Большой конференц-зал Института русской литературы собрал любителей поэзии и музыки. Организатор и ведущая концерта Л. В. Герашко представила собравшимся народную артистку России Ольгу Кондину (сопрано) и ее класс: лауреатов и дипломантов международных конкурсов — Евгению Подымалкину (меццо-сопрано), Петра Захарова (баритон), а также Анну Самокиш (виолончель) и Владислава Мотина (скрипка). В 1-м отделении концерта прозвучал романс П. Виардо «Звезды» на стихи Фета в исполнении О. Кондиной.

Этот номер был приурочен к 100-летию со дня рождения великой певицы, с которой Фет был знаком и пением которой неизменно восхищался. К этой же дате была приурочена и специальная витрина выставки, где были представлены автографы П. Виардо из собрания Пушкинского Дома, редкие фотографии и документы.

Настоящим подарком всем любителям поэзии Фета стал прозвучавший впервые цикл романсов на слова поэта, созданный известным композитором Алексеем Захаровым. Романсы на стихи Фета «Шепот сердца, уст дыханье…» (исп. О. Кондина), «Старинный монастырь» (исп. Е. Подымалкина), «Тяжело в ночной тиши…» (исп. П. Захаров), «Здравствуй, ночь!..» (исп. О. Кондина, Е. Подымалкина, П. Захаров, Н. Леонтьева, А. Самокиш, В. Мотин) вызвали подлинный восторг слушателей и долго не стихавшие аплодисменты. Подобного рода концерты не впервые проводятся в Пушкинском Доме, но этот был особенным. Современное прочтение самого музыкального, по признанию П. И. Чайковского, из русских поэтов не могло не тронуть как маститых ученых, так и молодых участников конференции. В приложении мы печатаем один из романсов А. Захарова, а в следующих выпусках сборника «А. А. Фет: Материалы и исследования» намерены опубликовать оставшиеся нотные тексты, подаренные автором Фетовской группе Пушкинского Дома.

Во втором отделении состоялась презентация первого выпуска сборника «А. А. Фет: Материалы и исследования» (СПб., 2010), которую провела Н. П. Генералова, а также презентация документального фильма «Афанасий Фет» (режиссеры Н. Кузин и Ю. Шестаков). К сожалению, накануне конференции один из авторов фильма, большой русский поэт Юрий Шестаков преждевременно скончался, а его соавтор Н. Кузин не смог посетить премьерный показ. Тем не менее присутствующие с большим интересом посмотрели фильм, тронувший всех глубиной проникновения и свежестью восприятия.

Н. Спиридонова

Фетовской группе Пушкинского Дома в дар и на память о вечере памяти А.А. Фета от автора. 23.12.2010

А.Н.Захаров

«Сияющая ночь»

Поэма для певцов-солистов,
скрипки, виолончели и фортепиано

на слова А.А.Фета

Вступление (для скрипки, виолончели и фортепиано).

1. **«Шёпот сердца...» (для сопрано и фортепиано).**
2. **«Старинный монастырь.»(для меццо-сопрано и фортепиано).**
3. **«Тяжело в ночной тиши...» (для баритона и фортепиано).**
4. **«Здравствуй, ночь!...» (для сопрано, меццо-сопрано, баритона, скрипки, виолончели и фортепиано).**

Санкт-Петербург, 2010 г.

1. Шёпот сердца
муз. А.Н.Захарова
сл. А.Фета
Умеренно, но несколько порывисто
Soprano
Piano
legato
p
rit.
a tempo
S
Pno.
Шё - пот серд - ца, уст ды-хань - е, шё - пот серд - ца,
уст ды-хань - е, тре - - - ли со - - ловь -
я, се - реб-ро и
А.Н.Захароа
А.Фет

1. Шёпот сердца
2
S
Pno.
ко - лы-хань - е, се - реб-ро и ко - лы-хань - е
сон - но-го ручь - я.
Более подвижно и порывисто
mf
Свет но - чной, но - - - -
чны - - - - - е те - - - - - ни,

1. Шёпот сердца
3
S
Pno.
те - - - ни без кон - - -
ца,
ряд вол - шеб - ных
из - - - - ме - не - - - - ний
8va
(8va)

1. Шёпот сердца
4
S
Pno.
ми - - ло - - го ли - - -
ца
8va
(8va)
pp
Темп I
p
Блед - ный блеск и пур - - - пур ро - - зы,

1. Шёпот сердца
5
S
Pno.
блед - ный блеск и пур - - пур ро - - - зы,
речь не го - - - - - во -
ря,
И лоб-за - - - ни - я, и слё - - - зы,

1. Шёпот сердца
6
S
и лоб - за - - ни - я, и слё - - зы,
Pno.
и за - ря, за - ря... За -
rit.
pp
ря!...
attaca
pp Замедленно

PRO MEMORIA

Д. М. Климова

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ БУХШТАБ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Борис Яковлевич Бухштаб скончался в сентябре 1985 года на восемьдесят первом году жизни. В некрологе «Литературной газеты» от 9 октября 1985 года справедливо отмечены его высокие научные заслуги:

«Его талантливой руке истинного просветителя принадлежат не только капитальные труды о творчестве, жизни и деятельности великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Салтыкова-Щедрина, Лескова, но и фундаментальные учебники по библиографии, по которым училось и продолжает учиться не одно поколение… Его кропотливый труд нашел воплощение в прекрасно подготовленных, великолепно оснащенных собраниях сочинений русских классиков в серии „Библиотеки поэта“ <…>. Где бы он ни работал, за что бы ни брался, — каждое дело доводил до конца, одухотворяя его, вкладывая в него весь жар своей души и сердца настоящего ученого, педагога, литератора».

Под этой характеристикой могла бы подписаться и я, так как мне посчастливилось знать Бориса Яковлевича и лично, и по его трудам, и по нашей совместной работе.

Впервые мы встретились в конце 1950-х годов, когда Бухштаб продолжал свои изыскания о творчестве авторов Козьмы Пруткова, начатые еще в 1945 году. Было ему немного за пятьдесят, возраст творческого расцвета, но мне, только что покинувшей студенческую скамью, показался он человеком весьма пожилым, да и к тому же немного нудным. Регулярно ранним утром он появлялся в дверях Рукописного отдела Пушкинского Дома и корректно, но настойчиво напоминал о необходи-

мости немедленно разыскать затерявшуюся папку с нужными ему материалами. Злополучная папка в конце концов обнаружилась (в Рукописном отделе Пушкинского Дома ничего не пропадает), а спустя некоторое время мы с Борисом Яковлевичем познакомились ближе через его жену Галину Григорьевну Шаповалову, многолетнюю заслуженную сотрудницу фольклорного сектора. Время от времени встречались на концертах в Филармонии, потом стали общаться домами. Тогда же я стала заинтересованной и взволнованной свидетельницей битвы на филфаке ЛГУ, где Бухштаб отважно и успешно отражал атаки сплоченной группы неофициальных оппонентов, пытавшихся дискредитировать положения его докторской диссертации.

На первой из подаренных мне книг — о сказках Салтыкова-Щедрина — Бухштаб так отметил мое участие в научном издании этого писателя:

«Милому кадру щедриноведческой смены Дине Михайловне Климовой с большой симпатией. Автор. Янв. 1966 г.».

Особенно сблизились мы семьями, когда Бухштабы поселились неподалеку от нас в «академической слободке» на Выборгской стороне близ Поклонной горы, оставив старую родительскую квартиру (отец и мать его были врачами) на Петроградской стороне в пятиэтажном доме на углу Большого проспекта и Гатчинской улицы. Надписи на подаренных книгах продолжались: «Русские поэты» (1970) — «Дорогой Диночке с лучшими пожеланиями к Новому году. Б. Бухштаб. 22. XII. 70»; «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества» (1974) — «Дорогой Диночке с сердечным приветом. Автор. 4. XII. 74»; «Литературоведческие расследования» (1982), раскрывающие перед читателем пути увлекательного научного поиска, адресованы уже не только мне, но и моему мужу, доценту филологического факультета ЛГУ А. И. Корневу, прекрасно вписавшемуся в умные и веселые шаповаловско-бухштабовские званые вечера: «Дорогим Дине и Саше дружески. Автор. 25. IX. 82».

Приемы в их хорошо обустроенной и уютной, типично петербургско-ленинградской квартире были поистине незабываемы. Первыми гостей встречали породистый высокомерный кот и две дружелюбные невзрачные дворняжки, подобранные на улице, но носившие пышные имена Джульетта и Леди. Как принято у собак, они платили своим спасителям беззаветной преданностью и, в свою очередь, помогали Борису Яковлевичу справляться с сердечным недугом: врачи прописали ему регулярные прогулки с собаками на свежем воздухе. А за круглым столом под большим абажуром рассаживались друзья, однокашники, коллеги хозяев. Моложавый элегантный В. Н. Орлов, знаток творчества

Б. Я. Бухштаб
Ленинград, 1950-е гг. (?)

Блока и автор многих работ по истории русской литературы XIX века; фольклорист К. В. Чистов; специалист по творчеству поэтов-шестидесятников XIX века И. Г. Ямпольский, едкий критик малейших оплошностей в печатной продукции равно своих друзей и недругов; Г. А. Бялый, знаменитый, помимо научных трудов, как блестящий лектор и рассказчик. Иногда на высокий пятый этаж дома «сталинской» постройки с трудом доставляли грузную фигуру Л. Я. Гинзбург, известной не только блестящими научными трудами, но и кладезем памяти, так как всю жизнь она бесстрашно вела небезопасные в советское время дневники, теперь частично опубликованные. Это были люди, которые когда-то вели увлекательные беседы с Маяковским, Кавериным, Тыняновым, Ахматовой, Мандельштамом, и равновеликие этим и другим выдающимся именам. Рядом с ветеранами сиживали и наши сверстники, и более молодые люди. Здесь бывали начинающий тогда поэт и переводчик М. Д. Яснов; уже прочно занявший высокое место в поэтической иерархии А. С. Кушнер; К. М. Азадовский, недавно освободившийся из мест, весьма отдаленных и уже ошеломивший литературную среду блестящей работой об отношениях Цветаевой, Рильке и Пастернака. И целая череда учеников, секретарей и помощников.

За столом с накрахмаленной скатертью царило непринужденное общение без различия возрастов и рангов. Усилиями Галины Григорьевны в те не слишком изобильные времена стол был уставлен яствами и винами, среди которых особенно конкурировали между собой две фирменные настойки с названиями «Бяловка» и «Шаповаловка», по фамилиям их изготовителей. Под Бяловку и Шаповаловку произносились изысканные тосты, звучали воспоминания, анекдоты, юмористические стихи «на случай», которыми, как водится, баловались все присутствующие от мала до велика. Старики, вспоминая минувшие дни, наперебой подсказывали друг другу гимн формалистов ОПОЯЗа (Общества изучения поэтического языка), в котором каждый куплет содержал имя их сверстника в сочетании с реминисценцией из классической литературы. Мы тут же записали один куплет (к сожалению, только один!), в котором упомянут любимый учитель моего мужа Б. А. Ларин, выдающийся лингвист-лексиколог, декан филологического факультета в годы нашего студенчества:

Среди студентов популярен,
Дев лингвистических кумир,
Смиренный грешник Боря Ларин
Под словарем вкушает мир.

Там наконец-то я разобралась в смене поколений. Оказалось, что Тынянов, Эйхенбаум, Жирмунский, Шкловский, Томашевский были учителями Бухштаба, а вовсе не его сверстниками, как я тогда думала. Борис Яковлевич учился одновременно в университете и в знаменитом в 20-х годах ГИИИ (Государственном институте истории искусств), где они читали лекции, и в свое время подвергся гонениям вместе со всеми учениками и последователями формальной школы ОПОЯЗа. Погрузившись затем в историю литературы, текстологию и библиографию, он говаривал, что никогда не разделял вполне взгляды своих наставников, но размышлений о форме русского стиха не оставил и в конце жизни написал несколько работ на эту тему.

По окончании учебы Бухштаб некоторое время преподавал в ГИИИ, затем работал в детском отделе ОГИЗа, размещавшегося в Доме книги (Зингеровском доме на Невском), и в то время написал несколько повестей для детей, занимался литературной критикой. Двадцать лет проработал библиографом в Публичной библиотеке (теперь Российская национальная библиотека) и сорок лет отдал преподаванию в Библиотечном институте (ныне Институт культуры и искусств). Многолетние занятия источниковедением, библиографией, текстологией послужили

надежным фундаментом его теоретическим исследованиям, в которых предпочтение отдано эпохе 40-х — 80-х годов XIX века. К преподаванию он снова обратился в Омском пединституте во время войны, а после прочел внештатно в Ленинградском университете несколько спецкурсов. Карьерному росту, по его словам, всегда мешала давняя причастность к кругу формалистов и пресловутый «пятый пункт».

Среди работ Бухштаба выделяется его особый интерес к творчеству Фета. Помимо нескольких монографических трудов, это — фундаментально подготовленные для «Библиотеки поэта» три издания в Малой серии (1936, 1953 и 1963) и три в Большой (1937 — первое научно подготовленное издание этого писателя, 1959 и 1986).

Последнее издание не вполне удовлетворило чаяния Бориса Яковлевича подвести итог его научным публикациям из-за жестких (чтобы не сказать жестоких) формальных ограничений объема: на примечания издательство отводило не более 20% публикуемого текста, на вступительную статью — до 2,5 авторских листов, а общий объем зависел от ширины корешка, раз и навсегда установленной типографией.

Борис Яковлевич попросил меня редактировать книгу. Это было большой честью для меня, так как к совместной работе он относился очень разборчиво и в оценках был справедлив, но строг. Своего любимого ученика Мишу Эльзона высоко оценивал как библиографа, но часто подтрунивал над его фантастическими теориями. Я подключилась к работе еще до представления рукописи в редакцию. Сроки, как водится, поджимали, и мы работали в шесть рук, вместе с Эльзоном. Рукопись была представлена частями в течение июня — июля 1985 года. В сентябре я уехала в командировку в Москву. Борис Яковлевич хворал, но собирался прийти на мой день рождения 19 сентября и тщательно выбирал подарок. Я вернулась накануне, 18-го, и узнала, что 17 сентября Бориса Яковлевича не стало. Довести книгу до выхода в свет пришлось нам с Эльзоном.

Среди неосуществленных замыслов Бухштаба осталось полное научное издание Козьмы Пруткова с использованием неопубликованных архивных материалов, мы предполагали подготовить его в соавторстве. Я предвкушала совместную работу с радостью и некоторым трепетом, так как не во всем согласна с позициями Бухштаба, в частности по поводу участия П. П. Ершова в пьесе «Черепослов, сиречь Френолог». К сожалению, мои попытки осуществить это издание после его ухода не увенчались успехом у издателей.

Б. Я. Бухштаб был человеком незаурядным, но очень скромным. Свои заслуги в литературоведении оценивал несправедливо низко и со-

жалел, что не написал своей главной книги. Нам же остается сожалеть, что о нем самом знают и помнят так мало.

В заключение приведу два стихотворения, оставляя без комментариев эту поразительную встречу двух поэтов и ученого на неисповедимых путях литературы.

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полунощной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

А. Фет. 1857

СТОГ

Б. Я. Бухштабу

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал

А. Фет

Я к стогу сена подошел.
Он с виду ласковым казался.
Я боком встал, плечом повел,
Так он кололся и кусался.

Он горько пахнул и дышал,
Он колыхался и дымился.
Не знаю, как на нем лежал
Тяжелый Фет? Не шевелился?

Ползли какие-то жучки
По рукавам и отворотам,
И запотевшие очки
Покрылись шелковым налетом.

Я гладил пыль, ласкал труху,
Я порывался в жизнь иную,
Но Бога не было вверху,
Чтоб оправдать тщету земную.

И голый ужас, без одежд,
Сдавив, лишил меня движений.
Я падал в пропасть без надежд,
Без звезд и тайных утешений.

Ополоумев, облака
Летели, серые от страха,
Чесалась потная рука,
Блестела мокрая рубаха.

И в целом стоге, под рукой,
Хоть всей спиной к нему прижаться,
Соломки не было такой,
Чтоб, ухватившись, удержаться!

А. Кушнер. 1981.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

Бухштаб. Обзор — *Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // *ЛН*. Т. 22–24. С. 561–602.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВО 1, 2, 3, 4 — Вечерние огни. М., 1883, 1885, 1888, 1891. Вып. [1]–4.

ВО 1979 — *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подготовили Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979 (Лит. памятники).

ГАОО — Государственный архив Орловской области (Орел).

ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М.; СПб., 1880–1882.

Ежегодник РО ПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома… (на 1969–2011 годы). Л., 1971–1984; СПб., 1993–2012 (Изд. продолжается).

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

ИВ — журнал «Исторический вестник».

ИМЛИ — Институт мировой литературы РАН (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Летопись — *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 273–333.

Летопись (1985) — *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 129–182.

Летопись. Дополнения — *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 334–346.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931–2011. Т. 1–103 (Изд. продолжается).

ЛСт1894 — *Фет А.* Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894.

МВ — *Фет А.* Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.

МВед — газета «Московские ведомости».

НВр — газета «Новое время».

Некрасов — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л./СПб., 1981–2000.

ОГ — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1871.

Т. 29: Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года / Обработано Н. Штиглицем.

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Орл. губ. вед. — газета «Орловские губернские ведомости».

Письма Борисова Тургеневу — <Письма к И. С. Тургеневу> И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 335–367.

Письма к Борисову — Письма к И. П. Борисову. 1846–1871 / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; Вступит. ст. и коммент. Г. Д. Аслановой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 64–155.

Письма к Олсуфьеву (50–52) — Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 214–246; М., 2000. Вып. 51. С. 251–279; М., 2004. Вып. 52. С. 106–134.

Письма к Энгельгардт — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988.

Письма Энгельгардт — Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету / Публ. Н. П. Генераловой: 1) Часть I (1858–1873) // *Ежегодник РО ПД (1994)*. СПб., 1998. С. 43–146; 2) Часть II (1874–1884) // *Ежегодник РО ПД (1995)*. СПб., 1999. С. 70–120; 3) Часть III (1884–1891) // *Ежегодник РО ПД (1997)*. СПб., 2002. С. 115–152.

ПССт1901 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений: В 3 т. / Под ред. Б. В. Никольского. СПб., 1901.

ПССт1937 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., редакция и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937 (Б-ка поэта).

ПССт1959 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., подготовка текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959 (Б-ка поэта).

ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

РВ — журнал «Русский вестник».

РГ — *Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РЛ — журнал «Русская литература».

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

Русские писатели — Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5 (Изд. продолжается).

СиП 1986 — *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986 (Б-ка поэта).

Т 1 — Автографы в рукописной тетради (1854–1859). Рукописный отдел ИРЛИ (№ 14166).

Т 2 — Автографы в рукописной тетради (1859–1885). Рукописный отдел ИРЛИ (№ 14167).

Толстой — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л., 1928–1958.

Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. ст. и примеч. С. А. Розановой. М., 1978.

Тургенев. НИиМ (1–3) — И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2009–2012. Вып. 1–3 (Изд. продолжается).

Тургенев. Письма — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982–2012 (Изд. продолжается).

Тургенев. Соч. — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1978–1986.

Фет. ССиП — Фет А. А. Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002–2007. Т. 1–4 (Изд. продолжается).

Фет/Боткин — Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступит. ст., публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 156–542.

Фет/К. Р. — Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.). 1886–1892 / Вступит. ст. М. И. Трепалиной; Публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной и М. И. Трепалиной // Там же. Кн. 2. С. 551–978.

Фет/Нагуевский — Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. И. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 365–449.

Фет/Полонский — Переписка с Я. П. Полонским. 1846–1892 / Вступит. ст. Т. Г. Динесман; Публ. и коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 555–986.

Фет/Страхов — Переписка с Н. Н. Страховым (1877–1892) / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. П. Генераловой // Там же. Кн. 2. С. 233–547.

Фет/Толстая — Переписка Фета с С. А. Толстой. 1863–1892 / Публ. и коммент. О. А. Голиненко // Там же. С. 95–232.

ФетСб(1) — А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010. Вып. 1.

Фетовские чтения — Периодические сборники статей и материалов, выпускаемые под разными заглавиями Курским государственным университетом с 1985 г. на основе материалов ежегодных научных конференций, посвященных изучению жизни и творчества А. А. Фета, в скобках указывается порядковый номер Чтений (если он указан) или год выхода сборника в свет. Например: *Фетовские чтения (1985)* — А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1985; *Фетовские чтения (1989)* — А. А. Фет: Проблемы творческого метода, традиции. Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1989; *Фетовские чтения (1990)* — Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета: Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1990; *Фетовские чтения (1993)* — Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета: Сборник научных трудов. Курск, 1993; *Фетовские чтения (1994)* — А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Сборник научных трудов. Курск, 1994 и т. д. Ряд сборников выходил под заглавием «А. А. Фет и русская литература»: *Фетовские чтения (XVI)* — А. А. Фет и русская литература: XVI Фетовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 2002; *Фетовские чтения (XXII)* — Афанасий Фет и русская литература: Материалы международной научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 2008 и т. д.

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

---

* В указатель не включены названия стихотворений и разделов, содержащиеся в публикации В. А. Лукиной «К истории издания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.)», ввиду их отдельного значения в контексте настоящего сборника. — *Ред.*

ПЕРЕВОДЫ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ

Публицистика Фета

Переписка Фета

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. П. СЕМЕНОВА

ОБЗОРЫ

ХРОНИКА ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

PRO MEMORIA

А. А. ФЕТ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 2

Ответственные редакторы *Н. П. Генералова, В. А. Лукина*

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Редактор *Л. А. Павловская*
Корректор *И. А. Груздева*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 30.09.2013. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 38. Усл. печ. л. 55.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст».
192007, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А